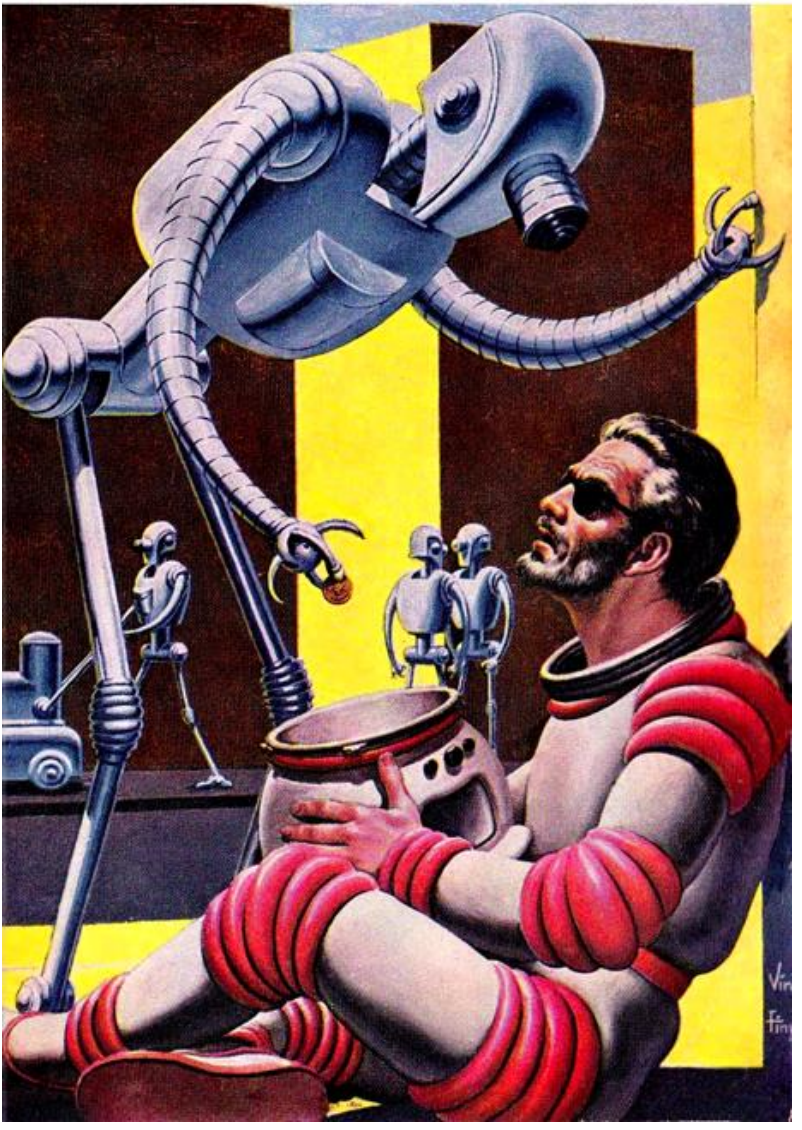
РОБЕРТ ШЕКЛИ

2

В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ



Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для любого коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

Данная электронная сборка, не является копией какого-либо полиграфического издания. Это компьютерная компиляция текста и различный элементов оформления книги

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

РОБЕРТ ШЕКЛИ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

Выпуск 2

Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями
из прижизненных журнальных публикаций

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

2018

Рейс молочного фургона

— Такой случай больше не представится, — сказал Арнольд. — Миллионные прибыли, небольшие начальные вложения, быстрая окупаемость. Ты меня слышишь?

Ричард Грегор устало кивнул. В конторе Межпланетной очистительной службы «Асс» медленно и томительно тянулся день, неотличимый от вереницы остальных дней. Грегор раскладывал пасьянс. Его компаньон Арнольд сидел за письменным столом, закинув ноги на пачку неоплаченных счетов.

За стеклянными дверями скользили тени: это шли мимо люди, направляясь в «Марс-Сталь», «Неоримские новшества», «Альфа-Дьюара продукция» и другие конторы, расположенные на том же этаже.

В пыльном помещении службы «Асс» по-прежнему царили тишина и запустение.

— Чего мы ждем? — громко спросил Арнольд. — Беремся мы за это дело или нет?

— Это не по нашей части, — ответил Грегор. — Ведь мы специалисты по безопасности планет. Ты что, забыл?

— Никому не нужна твоя безопасность, — парировал Арнольд.

К несчастью, он говорил правду.

После успешного очищения Призрака V от воображаемых чудовищ служба «Асс» пережила период кратковременного подъема. Однако вскоре космическая экспансия приостановилась. Люди занялись увеличением прибылей, возведением городов, распахиванием полей, прокладкой дорог.

Когда-нибудь движение возобновится. Пока есть что осваивать, человечество будет осваивать новые миры. Но сейчас дела шли из рук вон плохо.

— Надо учитывать перспективы, — сказал Арнольд. — Живут все эти люди на светлых, солнечных новых планетах. Им нужны домашние животные, которых привезем им с родины... — он выдержал драматическую паузу, — мы с тобой.

— У нас нет оборудования для перевозки скота, — возразил Грегор.

— У нас есть звездолет. Что тебе еще нужно?

— Все. Главным образом знания и опыт. Перевозка живых тварей в космосе — работа в высшей степени деликатная. Это работа для специалистов. Что ты сделаешь, если между Землей и Омегой IV корова свалится от ящура?

Арнольд авторитетно заявил:

— Мы будем перевозить лишь выносливые, устойчивые породы. Проведем медицинский осмотр. И прежде, чем животные взойдут на борт, я собственноручно продезинфицирую корабль.

— Ну вот что, мечтатель, — озлился Грегор, — приготовься к удару. В нашем секторе космоса всеми перевозками животных ведает концерн «Тригейл». Конкурентов он не терпит, и потому конкурентов у него нет. Как ты собираешься его обойти?

— Будем брать дешевле.

— И сдохнем с голоду.

— Мы и так подыхаем с голоду.

— Лучше голодать, чем «случайно» на месте назначения получить пробоину от одного из буксиров «Тригейла». Или обнаружить в пути, что кто-то заполнил водяные баки керосином. И вовсе не заполнил кислородные баллоны.

— Ну и воображение у тебя! — нервно проговорил Арнольд.

— То, что ты считаешь плодом моего воображения, уже не раз случалось в действительности. В этой сфере «Тригейл» хочет быть единственным, и он им остается. «По несчастной случайности», если хочешь, зловещий каламбур.

В этот момент отворилась дверь. Арнольд одним махом убрал со стола ноги, а Грегор сбросил карты в ящик стола.

Посетитель, судя по коренастой фигуре, непропорционально маленькой голове и бледно-зеленой коже, не был жителем Земли. Он уверенно подошел прямо к Арнольду.

— Прибудут в центральный пакгауз «Тригейл» через три дня, — сказал посетитель.

— Так быстро, мистер Венс? — отозвался Арнольд.

— Да. Смагов надо транспортировать с особой осторожностью, а квилов доставили еще несколько дней назад.

— Отлично. Это, мой компаньон, — сказал Арнольд, оборачиваясь к Грегору, который хлопал глазами от изумления.

— Счастлив познакомиться. — Венс крепко стиснул руку Грегора. — Восхищаюсь вами, ребята. Свободная инициатива, конкуренция — я в это верю. Вам известен маршрут?

— Все записано, — ответил Арнольд. — Мой компаньон готов стартовать в любую минуту.

— Я сразу же отправлюсь на Вермойн II и буду там вас ожидать. Всего хорошего.

Он повернулся и вышел.

Грегор медленно спросил:

— Арнольд, что ты там вытворяешь?

— Наживаю состояние нам обоим, вот что я вытворяю, — ядовито ответил Арнольд.

— Перевозкой скота?

— Да.

— На территории «Тригейла»?

— Да.

— Покажи-ка контракт.

Арнольд извлек документы. Там значилось, что Межпланетная очистительная (и транспортная) служба «Асс» обязуется доставить пять смагов, пять фиргелей и десять квилов в систему звезды Вермойн. Товар надлежит погрузить в центральном пакгаузе «Тригейла» и сдать в главном пакгаузе Вермойна II. Службе «Асс» предоставляется также право по своему усмотрению соорудить собственный пакгауз.

Вышеуказанных животных следует доставить живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми, способными к размножению и так далее. Были пункты, предусматривающие огромные неустойки в случае утери животных, доставки их не живыми, не здоровыми, не способными к размножению и так далее.

Документ звучал как соглашение о временном перемирии между двумя враждующими державами.

— Ты вправду подписал этот смертный приговор? — недоверчиво спросил Грегор.

— Ясное дело. Тебе всего и работы-то — погрузить этих тварей, забросить на Вермойн и там скинуть.

— Мне? А что же будешь делать ты?

— Я останусь здесь и обеспечу тебе поддержку, — ответил

Арнольд.

— Поддерживай меня на борту корабля.

— Нет-нет, это невозможно. При виде квила меня выворачивает наизнанку.

— Точно такое же ощущение вызывает у меня вид этого договора. Давай-ка для разнообразия поручим дело тебе.

— Но ведь я веду научно-исследовательскую работу, — возразил Арнольд, с лица которого градом катился пот. — Мы с тобой так условились. Разве ты забыл?

Грегор не забыл. Он вздохнул и беспомощно пожал плечами.

Компаньоны принялись немедля приводить в порядок корабль. Трюм состоял из трех отсеков — по количеству пород. Все животные дышали кислородом и были жизнеспособны при семидесяти по Фаренгейту, так что здесь никаких проблем не возникало. На корабль погрузили нужные корма.

Через три дня, когда все как будто было готово, Арнольд решил проводить Грегора до центрального пакгауза фирмы «Тригейл».

На пути до «Тригейла» ничего не произошло, но Грегор не без трепета приземлился на посадочной платформе. Слишком много рассказов ходило про этот концерн, чтобы можно было чувствовать себя в его цитадели как дома. Грегор принял всяческие меры предосторожности. Топливом и всеми необходимыми припасами он обзавелся на Луна-станции и не собирался впускать служащих «Тригейла» на борт корабля.

Однако если сотрудников станции и тревожил вид старого, потрепанного звездолета, они это удачно скрывали. Два трактора втащили корабль на погрузочную платформу и втиснули его между двумя лощеными тригейловскими экспресс-фрахтовиками.

Оставив Арнольда следить за погрузкой, Грегор ушел подписывать декларации. Вкрадчивый чиновник «Тригейла» подал ему документы и с интересом смотрел на Грегора, пока тот изучал их.

— Смагов грузите, а? — вежливо спросил чиновник.

— Да, — ответил Грегор, ломая голову, как же выглядят эти смаги.

— И квилов, и фиргелей в придачу, — задумчиво продолжал чиновник. — Всех вместе. Вы очень храбрый человек, мистер Грегор.

— Кто, я? Почему?

— Знаете старую поговорку: «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

— Нет, я такой поговорки не слыхал.

Чиновник дружелюбно усмехнулся и пожал руку Грегору.

— После такого рейса вы сами будете складывать пословицы. Желаю большой удачи, мистер Грегор. Разумеется, неофициально.

Грегор слабо улыбнулся в ответ. Он вернулся на погрузочную платформу. Смаги, фиргели и квилы были уже на борту, размещенные по своим отсекам. Арнольд включил подачу воздуха, проверил температуру и задал всем суточный рацион.

— Ну, тебе пора, — весело сказал Арнольд.

— Действительно, пора, — согласился Грегор без особого энтузиазма. Он вскарабкался на борт, не обращая внимания на толпу хихикающих зевак.

Корабль отбуксировали на взлетную полосу. Вскоре Грегор был уже в космосе и держал курс на пакгауз, обращающийся на орбите вокруг Вермойна II.

В первый день космического рейса работы всегда хватает. Грегор проверил приборы, потом осмотрел баки, резервуары, трубопровод и электропроводку. Он хотел убедиться, что старт не вызвал никаких повреждений. Затем он решил взглянуть на груз. Пора было выяснить, на что похожи эти звери.

В правом переднем отсеке находились квилы. Они напоминали гигантские снежные шары. Грегор знал, что квилы дают драгоценную шерсть, за которую повсюду платят бешеные деньги.

Животные, очевидно, не привыкли к невесомости, потому что их пища осталась нетронутой. Они неуклюже плавали вдоль стен и потолка, и жалобно блеяли, и просились на твердую почву.

С фиргелями все обстояло благополучно. То были большие гладкокожие ящерицы, назначения которых в сельском хозяйстве Грегор не мог себе представить. Они пребывали в спячке и должны были спать до конца рейса.

Пять смагов радостно залаяли при его появлении. Эти ласковые травоядные млекопитающие явно наслаждались состоянием невесомости.

Удовлетворенный, Грегор вернулся в кабину управления. Рейс

начался хорошо. «Тригейл» к нему не придирался, а животные в пути чувствовали себя превосходно.

В конце концов, может быть, это занятие и впрямь не более опасно, чем рейс молочного фургона, подумал Грегор.

Проверив работу рации и переключателей управления, он завел будильник и улегся спать.

Восемь часов спустя он проснулся. Сон не освежил его, голова раскалывалась от боли. У кофе был отвратительный привкус слизи. Грегор с трудом сосредоточил внимание на пульте с приборами.

Эффект консервированного воздуха, решил он и радировал Арнольду, что все в порядке. Однако посреди разговора оказалось, что он с трудом поднимает веки.

— Кончаю, — сказал он, сладко зевнув. — Душно здесь. Пойду вздремну.

— Душно? — переспросил Арнольд; по радио его голос казался далеким-далеким. — Не должно быть. Циркуляторы воздуха...

Грегор обнаружил, что приборы пьяно покачиваются перед ним и расплываются, теряя очертания. Он облокотился на пульт и закрыл глаза.

— Грегор!

— Ммм...

— ГРЕГОР! Проверь содержание кислорода!

Грегор пальцем приоткрыл один глаз ровно на столько времени, чтобы бросить взгляд на шкалу. Он несказанно развеселился, увидев, что концентрация углекислого газа достигла небывалого уровня.

— Кислорода нет, — сообщил он Арнольду. — Вот проснусь и все улажу.

— Это вредительство! — взревел Арнольд. — Проснись, Грегор!

Неимоверным усилием Грегор подался вперед и открыл аварийный кран воздухоснабжения. Поток чистого кислорода отрезвил его. Он встал, неуверенно покачиваясь, и плеснул водой себе в лицо.

— А животные! — вопил Арнольд. — Посмотри, как там животные!

Грегор включил вспомогательную систему проветривания во всех трех отсеках и помчался по коридору.

Фиргели были живы и не вышли из спячки.

Смаги, очевидно, не заметили никакой разницы в составе атмосферы.

Два квила потеряли было сознание, но теперь быстро приходили в себя. В отсеке квилов Грегор понял наконец, что случилось.

Никакого вредительства не было. В стенах и потолке вентиляторы, по которым циркулировал воздух на корабле, оказались забитыми квильей шерстью. Клочья шерсти реяли в неподвижном воздухе, напоминая снегопад при замедленной съемке.

— Конечно, конечно, — сказал Арнольд, когда Грегор сообщил о случившемся. — Разве я не предупреждал тебя, что квилов необходимо стричь дважды в неделю? Ты, наверное, забыл. Вот что сказано в книге: «Квилы — Queelis Tropicalis — мелкие тонкорунные млекопитающие, находятся в отдаленном родстве с овцами Земли. Родина квилов — Тенсис V, однако их успешно разводят и на других планетах с высоким тяготением. Одежда, сотканная из шерсти квилов, огнеупорна, непроницаема для укуса насекомых, не поддается гниению и практически вечна благодаря значительному содержанию металла в шерсти. Квилов необходимо стричь дважды в неделю. Размножаются фемишем.»

— Никакого вредительства, — прокомментировал Грегор.

— Никакого вредительства, но тебе бы лучше постричь квилов, — ответил Арнольд.

Грегор дал отбой, нашел в сумке с инструментами ножницы для жести и пошел обрабатывать квилов. Однако режущие кромки тотчас же притупились от металлической шерсти. Квилов, скорее всего, надо было стричь специальными ножницами из какого-нибудь твердого сплава.

Он кое-как собрал летающую шерсть и снова прочистил вентиляторы.

Осмотрев все в последний раз, он пошел ужинать.

В рагу плавала маслянистая металлическая шерсть квилов.

Он лег спать с чувством отвращения.

Проснувшись, он удостоверился, что старый, кряхтящий корабль все еще держит правильный курс. Главный привод работал хорошо, и будущее представилось Грегору в розовом свете, особенно после того, как оказалось, что фиргели все еще спят, а смаги ведут себя

прилично.

Однако, осматривая квилов, Грегор увидел, что с момента погрузки они не съели ни крошки. Дело становилось серьезным. Он связался с Арнольдом, чтобы посоветоваться.

— Очень просто, — сказал Арнольд, перелистав несколько справочников. — У квилов отсутствуют горловые мускулы. Чтобы пища проходила вниз по пищеводу, им необходима сила тяготения. Но при невесомости нет и тяготения, так что пища не поступает в желудок.

Действительно просто. Одна из тех мелочей, что на Земле не предусмотришь. В космосе же, при искусственных условиях, даже самый простой вопрос превращается в сложнейшую проблему.

— Тебе придется придать кораблю вращение, чтобы создать для них хоть какую-то силу тяжести, — сказал Арнольд.

Грегор быстро произвел в уме некоторые вычисления.

— На это уйдет уйма энергии.

— Тогда, как сказано в книге, ты можешь заталкивать в них пищу рукой. Скатываешь пищу во влажный комок, погружаешь руку по локоть им в глотку и...

Грегор прервал связь и включил боковые сопла. Он широко расставил ноги и с тревогой стал ждать, что же будет.

Квилы накинулись на корм с непринужденностью, которая привела бы в восторг любого квиловода.

Придется теперь заправиться горючим в космическом пакгаузе у Вермойна II. Издержки сильно взлетят, потому что во вновь освоенных планетных системах горючее очень дорого. Но все же прибыль будет достаточно велика.

Он вернулся к своим обязанностям по кораблю. Звездолет медленно преодолевал неизмеримое пространство.

Снова наступило время кормежки. Грегор задал корм квилам и перешел к отсеку смагов. Он открыл дверь и позвал: «Подходи!»

Никто не подошел.

Отсек был пуст.

Грегор почувствовал какое-то странное ощущение под ложечкой. Это невозможно. Смагам уйти некуда. Они решили подшутить над ним и где-нибудь спрятались. Но в отсеке негде было спрятаться пяти большим смагам.

Ощущение дрожи перешло в форменную тряску. Грегор вспомнил о неустойке в случае утери, повреждения, и так далее и тому подобное.

— Эй, смаг! Выходи, смаг! — прокричал он.

Ответа не было.

Он внимательно осмотрел стены, потолок, дверь и вентиляторы — быть может, смаги ухитрились пролезть сквозь них.

Но смаги бесследно исчезли.

Вдруг он услышал какой-то шорох у себя под ногами. Посмотрев вниз, он заметил, как что-то прошмыгнуло мимо.

То был один из смагов, съежившийся до пяти сантиметров в длину. Грегор нашел и остальных — они сбились в угол, все такие же крохотные.

Что говорил чиновник «Тригейла»? «Если едешь со смагами, не забудь увеличительное стекло».

У Грегора не было времени для того, чтобы впасть в полноценное, добротное шоковое состояние. Он тщательно закрыл за собой дверь и метнулся к рации.

— Очень странно, — сказал Арнольд, когда связь была установлена. — Съежились, говоришь? Сейчас посмотрю. Угу... Ты не создавал искусственного тяготения, а?

— Конечно, создавал. Чтобы накормить квилов.

— Напрасно, — упрекнул Арнольд. — Смаги привыкли к слабому тяготению.

— Откуда мне было знать?

— Испытывая необычное для них тяготение, они ссыхаются до микроскопических размеров, теряют сознание и гибнут.

— Но ты же сам велел мне создать искусственное тяготение.

— Да нет же! Я лишь мельком упомянул, что есть такой метод кормления квилов. Тебе же я рекомендовал кормить их из рук.

Грегор поборол почти непреодолимое желание сорвать рацию со стены. Он сказал:

— Арнольд, смаги привыкли к слабому тяготению. Так?

— Так.

— А квилы — к сильному. Ты знал это, когда подписывал контракт?

Арнольд судорожно глотнул, затем откашлялся.

— Видишь ли, мне действительно казалось, что это несколько затрудняет дело. Но это великолепно окупится.

— Конечно, если только сойдет с рук. Что мне теперь прикажешь делать?

— Снижай температуру, — самоуверенно ответил Арнольд. — Смаги стабилизируются при нуле градусов.

— А люди при нуле градусов замерзают, — заметил Грегор. — Ладно, передача окончена.

Грегор натянул на себя всю одежду, какую нашел, и включил систему охлаждения. Через час смаги вновь выросли до нормальных размеров.

Пока все шло неплохо. Он заглянул к квилам. Холод, казалось, подбодрил их. Они были живее, чем когда-либо, и блеяли, выпрашивая еду. Он скормил им очередной рацион. Съев сэндвич с ветчиной и шерстью, Грегор лег спать.

На другой день оказалось, что на корабле стало пятнадцать квилов. Десять взрослых народили пятерых детенышей. Все пятнадцать были голодны.

Грегор накормил их. Он решил, что происшествие естественно, поскольку в одном помещении транспортируются и самцы, и самки. Это следовало предвидеть: надо было разделить животных не только по видам, но и по признакам пола.

Когда он вновь заглянул к квилам, их число увеличилось до тридцати восьми.

— Ты говоришь, размножились? — с неподдельным интересом спросил Арнольд по радио.

— Да. И не похоже, чтоб они собирались остановиться.

— Этого следовало ожидать.

— Почему? — озадаченно спросил Грегор.

— Я тебе говорил. Квилы размножаются фемишем.

— Мне так и послышалось. А что это такое?

— То, что ты и слышишь, — раздраженно ответил Арнольд. — И как тебе только удалось окончить школу? Это партеногенез при температуре замерзания воды.

— Так оно и есть, — мрачно произнес Грегор. — Я поворачиваю корабль.

— Нельзя! Мы разоримся!

— При нынешних темпах размножения квилов мне скоро не останется места на корабле. Его придется вести квилу.

— Грегор, не поддавайся панике. Есть идеально простой выход.

— Я весь внимание.

— Увеличь давление и влажность воздуха. Тогда они остановятся.

— Может быть. А ты уверен, что смаги не превратятся в бабочек?

— Побочных явлений не будет.

Как бы то ни было, возвращаться на Землю не стоило. Корабль прошел уже половину пути. С тем же успехом можно избавиться от мерзких тварей и в пункте назначения.

Разве только спустить их всех за борт. Идея хоть и невыполнимая, но соблазнительная.

Грегор увеличил давление и влажность воздуха, и квилы перестали размножаться. Теперь их насчитывалось сорок семь, и большую часть времени Грегор тратил на то, чтобы очищать вентиляторы от шерсти. Замедленная сюрреалистическая метель бушевала в коридоре, в машинном зале, в баках с водой и у Грегора под рубашкой.

Он ел безвкусные продукты с шерстью, а на десерт — неизменный пирог с шерстью.

Ему мерещилось, будто он сам превращается в квила.

Но вот на горизонте появилось яркое пятнышко. На переднем экране засияла звезда Вермойн. Через день он прибудет на место, сдаст груз и тогда вернется в запыленную контору, к неоплаченным счетам и пасьянсу.

В тот вечер он откупорил бутылку вина, чтобы отпраздновать конец рейса. Вино смыло вкус шерсти во рту, и он улегся в постель с чувством легкого, приятного опьянения.

Однако заснуть он не мог. Температура неуклонно падала. Капли воды на стенах застывали в льдинки.

Придется включить отопление.

Дайте-ка сообразить. Если включить отопление, смаги съежатся. Разве только устранить тяготение. Но тогда сорок семь квилов объявят голодовку.

К черту квилов. В таком холоде невозможно управлять звездолетом.

Он вывел корабль из вращения и включил обогреватели. Целый час он ожидал, дрожа и постукивая ногами. Обогреватели бойко тянули энергию от двигателей, но тепла не давали.

Это было смехотворно. Он перевел их на предельную мощность.

Через час температура упала ниже нуля. Хотя Вермойн был уже виден, Грегор сомневался, доведется ли ему посадить корабль.

Не успел он развести на полу кабины костер, взяв для растопки самые легко воспламеняющиеся предметы на корабле, как вдруг ожила рация.

— Я вот что думаю, — сказал Арнольд. — Надеюсь, ты не слишком резко менял тяготение и давление?

— Какая разница? — рассеянно спросил Грегор.

— Это может дестабилизировать фиргелей. Резкие перепады температуры и давления выводят их из спячки. Ты бы лучше посмотрел.

Грегор засуетился. Он открыл дверь, ведущую в отсек фиргелей, заглянул внутрь и содрогнулся.

Фиргели, разумеется, бодрствовали. Они каркали. Огромные ящерицы порхали по отсеку, покрытые изморозью. Из отсека вырвался поток ледяного воздуха. Грегор захлопнул дверь и поспешил к рации.

— Понятно, покрыты изморозью, — сказал Арнольд. — Фиргели едут на Вермойн I. Жаркое местечко Вермойн I — очень близко к солнцу. Фиргели консервируют холод. Это самые лучшие во Вселенной портативные установки для кондиционирования воздуха.

— А почему ты не сказал мне этого раньше? — ехидно спросил Грегор.

— Тебя бы это расстроило. Кроме того, они бы продолжали спать, если бы ты не валял дурака с тяготением и давлением.

— Фиргели едут на Вермойн I. А как насчет смагов?

— На Вермойн II. Маленькая планетка, тяготение невелико.

— А квилы?

— Ясное дело, на Вермойн III.

— Идиот! — заорал Грегор. — Ты поручаешь мне такой груз и ждешь, что я стану им жонглировать? — Если бы в этот миг Арнольд находился на корабле, Грегор придушил бы его. — Арнольд, —

проговорил он очень медленно, — довольно идей, довольно планов. Ты обещаешь?

— Да ладно, — примирительным тоном сказал Арнольд. — Не из-за чего так брюзжать.

Грегор дал отбой и принялся за работу, пытаясь согреть корабль. Ему удалось поднять температуру до двадцати семи градусов по Фаренгейту, а потом перегруженные обогреватели окончательно вышли из строя.

К этому времени планета Вермойн II была совсем рядом.

Грегор отшвырнул кусок дерева, который собирался сжечь, и взялся за пленку. Он перфорировал на пленке курс к Главному пакгаузу, обращающемуся по орбите вокруг Вермойна II, как вдруг услышал зловещий скрежет. В то же время стрелки десятка дисков и циферблатов остановились на нуле.

Он устало поплыл в машинный зал. Главный привод не работал, и не требовалось специального технического образования, чтобы понять почему.

В застойном воздухе машинного зала парила квилья шерсть. Она набилась в подшипники, в систему смазки, заклинила охлаждающие вентиляторы.

Для отполированных деталей двигателя металлическая шерсть оказалась сильнодействующим истирающим материалом. Удивительно, как еще привод продержался столько времени.

Грегор вернулся в кабину управления. Невозможно посадить корабль без главного привода. Придется чинить его в космосе, проедать прибыли. К счастью, звездолет приводится в движение соплами боковых реактивных двигателей. Ими еще можно маневрировать.

Вероятность успеха — один к одному, но еще не поздно установить контакт с искусственным спутником, который служит пакгаузом Вермойна.

— Говорит «Асс», — объявил Грегор, выведя корабль на орбиту вокруг спутника. — Прошу разрешения на посадку.

Послышался треск статического разряда.

— Говорит спутник, — ответил ему чей-то голос. — Сообщите о себе подробнее.

— Это корабль службы «Асс», направляется на Вермойн II с

Центрального пакгауза «Тригейл», — уточнил Грегор. — Бумаги в порядке.

Он повторил традиционный формальный запрос о разрешении на посадку и откинулся на спинку кресла.

Борьба была нелегкой, но все животные прибыли живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми и так далее и тому подобное. Служба «Асс» заработала кругленькую сумму. Но сейчас Грегор мечтал лишь об одном: выбраться из корабля и влезть в горячую ванну. И всю оставшуюся жизнь держаться подальше от квилов, смагов и фиргелей. Он хотел...

— В разрешении на посадку отказано.

— Что-о?

— Очень жаль, но в настоящее время свободных мест нет. Если хотите, оставайтесь на орбите, мы постараемся принять вас месяца через три.

— Погодите! — взвыл Грегор. — Нельзя же так! У меня на исходе продукты, главный привод сгорел, и я не могу больше терпеть этих животных!

— Очень жаль.

— Вы не имеете права прогнать меня, — хрипло сказал Грегор. — Это общественный пакгауз. Вам придется...

— Общественный? Извините, сэр. Этот пакгауз принадлежит концерну «Тригейл».

Рация умолкла. Несколько минут Грегор не сводил с нее глаз.

«Тригейл»!

Вот почему они не придирались к нему на своем Центральном пакгаузе. Гораздо остроумнее отказать ему в посадке на пакгаузе Вермойна.

Самое обидное то, что они, вероятно, вправе так поступить.

Он не может приземлиться на планете.

Посадка звездолета без главного двигателя равносильна самоубийству.

А в солнечной системе Вермойна нет другого космического пакгауза.

Что ж, он доставил животных почти к самому пакгаузу. Мистер Венс, без сомнения, все поймет и оценит его добрые намерения.

Он связался с Венсом, находящимся на Вермойне II, и объяснил

ему обстановку.

— Не в пакгаузе? — переспросил Венс.

— Всего лишь в пятидесяти милях от пакгауза.

— Нет, так не пойдет. Разумеется, я приму животных. Они мои. Но есть пункты, предусматривающие неустойку в случае неполноценной доставки.

— Но ведь вы не примените их, правда? — взмолился Грегор. — Мои намерения...

— Они меня не интересуют, — прервал его Венс. — Меня интересует предел прибыли и все такое. Нам, колонистам, всякая кроха годится.

И он дал отбой.

Обливаясь потом, хотя в помещении было холодно, Грегор вызвал Арнольда и сообщил ему новости.

— Это неэтично! — объявил Арнольд в неистовстве.

— Но законно.

— Я знаю, черт побери. Мне надо подумать.

— Придумай что-нибудь толковое, — сказал Грегор.

— Я свяжусь с тобой позднее.

После разговора Грегор несколько часов подряд кормил животных, вычесывал квилью шерсть из своих волос и жег мебель на палубе корабля. Когда зажужжала рация, он суеверно скрестил пальцы, прежде чем ответить.

— Арнольд?

— Нет, это Венс.

— Послушайте, мистер Венс, — сказал Грегор. — Если бы нам дали хоть маленькую отсрочку, мы могли бы покончить дело полюбовно. Я уверен...

— Э, вам удалось-таки меня объегорить, — огрызнулся Венс. — К тому же на совершенно законном основании. Я навел справки. Хитро сработано, сэр, весьма хитро. Я высылаю буксир за животными.

— Но пункт о неустойке...

— Естественно, не могу его применить.

Грегор уставился на рацию. Хитро сработано? Что придумал Арнольд?

Он радировал Арнольду в контору.

— Говорит секретарь мистера Арнольда, — ответил ему юный

девичий голосок. — Мистера Арнольда сегодня уже не будет.

— Не будет? Секретарь? Мне нужен Арнольд из «Асса». Я попал к другому Арнольду, не правда ли?

— Нет, сэр, это контора мистера Арнольда, из Международной очистительной службы «Асс». Вы хотите сделать заказ? У нас первоклассный пакгауз в системе Вермойна, на орбите вблизи Вермойна II. Мы транспортируем животных с планет малого, среднего и высокого тяготения. Мистер Грегор лично руководит работами. Я полагаю, что вы найдете наши цены умеренными.

Так вот до чего додумался Арнольд — превратить корабль в пакгауз! По крайней мере на бумаге. А ведь контракт действительно предоставил им право соорудить пакгауз по своему усмотрению. Умно!

Но этот паршивец Арнольд не соображает, что от добра добра не ищут. Теперь он хочет заняться пакгаузным делом!

— Что вы сказали, сэр?

— Я сказал, что это говорит пакгауз. Примите радиограмму для мистера Арнольда.

— Слушаю, сэр.

— Передайте мистеру Арнольду, чтобы он аннулировал все заказы, — угрюмо произнес Грегор. — Его пакгауз возвращается домой что есть духу.

Призрак — 5

Грегор припал к дверному глазку.

— Читает вывеску, — оповестил он.

— Дай-ка гляну, — не выдержал Арнольд. Грегор оттолкнул своего компаньона.

— Сейчас постучит... Нет, передумал. Уходит. Арнольд вернулся к письменному столу и очередному пасьянсу. Вытянутая сухощавая физиономия Грегора стойко маячила у дверного глазка. Глазок компаньоны врезали сами, со скуки, месяца три спустя после того, как на паях основали фирму и сняли помещение под контору. С тех пор «ААА-ПОПС» — Астронавтическому антиэнтропийному агентству по оздоровлению природной среды — не перепало ни единого заказа, даром что в телефонном справочнике фирма значилась первой по счету. Глобальное оздоровление природной среды — давний, почтенный промысел успели полностью монополизировать две крупные корпорации. Это обстоятельство сковывало руки маленькой новой фирме, возглавляемой двумя молодыми людьми — обладателями искрометных идей и (в избытке) неоплаченного лабораторного оборудования.

— Возвращается, — зашипел Грегор. — Ну же, прикинься, будто ты важная птица и дел у тебя невпроворот!

Арнольд смел карты в ящик стола и только успел застегнуть последнюю пуговицу белого лабораторного халата, как в дверь постучали.

Посетителем оказался лысый коротышка, не примечательный ничем, кроме изнуренного вида. Он с сомнением разглядывал компаньонов.

— Природную среду на планетах оздоровляете?

— Оздоровляем, сэр. — Грегор отложил в сторону кипу бумаг и пожал влажную руку посетителя. — Я Ричард Грегор. А вот мой компаньон, доктор Фрэнк Арнольд.

Впечатляюще выряженный в белый халат и темные очки в роговой оправе, Арнольд рассеянно кивнул и тут же принялся вновь разглядывать на просвет старые пробирки, где давным-давно выпал осадок.

— Прошу, садитесь, мистер... э-э...

— Фернгром.

— Мистер Фернгром. Надеюсь, мы в силах справиться с любым вашим поручением, — радушно сказал Грегор. — Мы осуществляем контроль флоры и фауны, очищаем атмосферу, доводим питьевую воду до кондиции, стерилизуем почву, проводим испытания на стабильность, регулируем вулканическую деятельность и землетрясения — словом, принимаем все меры, чтобы планета стала пригодна для житья.

Фернгром по-прежнему пребывал в сомнении.

— Буду говорить начистоту. У меня на руках застряла сложная планета.

— К сложностям нам не привыкать, — самоуверенно кивнул Грегор.

— Я агент по продаже недвижимости, — пояснил Фернгром. — Знаете, там купишь планету, тут ее перепродашь — глядишь, все довольны и каждому что-нибудь да перепало. Вообще-то я занимаюсь бросовыми планетами, тамошнюю среду пускай оздоровляют сами покупатели. Но несколько месяцев назад мне по случаю подвернулась планетка высшего сорта — прямо-таки выхватил из-под носа у крупных воротил.

Фернгром горестно отер пот со лба.

— Прекрасное местечко, — продолжал он уже без всякого энтузиазма. — Среднегодовая температура плюс двадцать пять градусов. Планета гористая, но с плодородной почвой. Водопады, радуги, все честь честью. Причем никакого тебе животного мира. — Идеально, — одобрил Грегор. — А микроорганизмы есть?

— Не опасные.

— Так чем же вам не угодила планета? Фернгром замялся.

— Да вы о ней, наверное, слышали. В официальном каталоге она значится под индексом ПКХ-5. Но все называют се просто Призрак-5.

Грегор приподнял бровь. «Призрак» — странное прозвище для планеты, но доводилось слышать и похлестче. В конце концов, надо же как-то именовать новые миры. Ведь в пределах досягаемости звездолетов кишмя кишат светила в сопровождении бессчетных планет, причем многие заселены или пригодны к заселению. И

масса людей из цивилизованного сектора космоса стремится колонизировать такие миры. Религиозные секты, политические меньшинства, философские общины и, наконец, просто пионеры космоса рвутся начать новую жизнь.

— Не припомню, — признался Грегор. Фернгром конфузливо заерзал на стуле.

— Мне бы послушаться жены. Так нет же — полез в большой бизнес. Уплатил за Призрак вдесятеро против обычных своих цен, а он возьми, да и застрянь мертвым капиталом.

— Да что же с ним неладно? — не выдержал Грегор.

— Похоже, там водится нечистая сила! набравшись духу, выпалил Фернгром.

Оказывается, наспех произведя радиолокационное обследование планеты, Фернгром незамедлительно сдал ее в аренду фермерскому объединению с Дижона-6. На Призраке-5 высадился передовой отряд квартирьеров в составе восьмерых мужчин; суток не прошло, как оттуда начали поступать бредовые радиодепеши о демонах, вампирах, вурдалаках и прочей враждебной людям нечисти.

К тому времени, как за злополучной восьмеркой прибыл звездолет, в живых не осталось ни одного квартирьера. Протокол судебно-медицинского вскрытия констатировал, что рваные раны, порезы и кровоподтеки на трупах могли быть причинены кем угодно, даже демонами, вампирами, вурдалаками и динозаврами, буде таковые существуют в природе.

За недобросовестное оздоровление природной среды Фернгрома арестовали. Фермеры расторгли с ним договор на аренду. Но Фернгром изловчился сдать планету солнцепоклонникам с Опала-2. Солнцепоклонники проявили осмотрительность. Отправили необходимое снаряжение, но сопровождать его поручили лишь троим, которые заодно должны были разведать обстановку. Эти трое разбили лагерь, распаковали вещички и провозгласили Призрак-5 сущим раем. Они радировали на родную планету: «Вылетайте скорее», — как вдруг раздался истошный вопль, и рация умолкла.

На Призрак-5 вылетел патрульный корабль; его экипаж захоронил три изувеченных трупа и ровно через пять минут покинул планету.

— Это меня доконало, — сознался Фернгром. — Теперь с Призраком никто ни за какие деньги не хочет вязаться. Сажать там корабли звездолетчики наотрез отказываются. А я до сих пор не знаю, в чем беда.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на Грегора:

— Вам и карты в руки, если возьметесь. Извинившись, Грегор и Арнольд вышли в переднюю. Арнольд торжествующе гикнул:

— Есть работенка!

— М-да, — процедил Грегор, — зато какая!

— Мы ведь и хотели поопаснее, — сказал Арнольд. —Расщелкаем этот орешек — и все: считай, закрепились на исходных рубежах, не говоря уж о том, что нам положен процент от прибыли.

— Ты, видно, забываешь, — возразил Грегор, — что на планету-то отправлюсь я. А у тебя всего и забот — сидеть дома да осмысливать готовенькую информацию.

— Мы ведь так и договорились, — напомнил Арнольд. — Я ведаю научно-исследовательской стороной предприятия, а ты расхлебываешь неприятности. Забыл?

Грегор ничего не забыл. Так повелось с самого детства: он лезет в пекло, а Арнольд сидит дома да объясняет, почему и впредь надо лезть в пекло.

— Не нравится мне это, — сказал он.

— Ты что, веришь в привидения?

— Конечно, нет.

— А со всем остальным мы справимся. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Грегор пожал плечами. Компаньоны вернулись к Фернгрому.

В полчаса сформулировали условия: добрая доля в прибылях от эксплуатации планеты — на случаи успеха; пункт о неустойке — на случай неудачи.

Грегор проводил Фернгрома до двери.

— А кстати, сэр, как вы догадались обратиться именно к нам? — спросил он.

— Больше никто не брался, — ответил Фернгром, чрезвычайно довольный собой. — Всего наилучшего.

Спустя три дня Грегор на грузовом звездолете-развалюхе уже направлялся к Призраку-5. В пути он коротал время за чтением

докладов о двух попытках колонизации странной планеты и изучением самых разных свидетельств о сверхъестественных явлениях.

Легче от этого не становилось. На Призраке-5 не было обнаружено никаких следов животной жизни. А доказательств существования сверхъестественных тварей вообще не найдено во всей Галактике.

Все это Грегор хорошенько обдумал, а затем, покуда корабль совершал витки вокруг Призрака-5, проверил свое оружие. Он захватил с собой целый арсенал, достаточный, чтобы развязать форменную войну и победить в ней.

Если только будет в кого палить…

Грузовое судно зависло в нескольких тысячах футов над манящей зеленой поверхностью планеты, причем сократить расстояние хоть на йоту капитан отказался наотрез. На парашютах Грегор сбросил свой багаж туда, где были разбиты два предыдущих лагеря, после чего пожал руку капитану и спрыгнул с парашютом сам.

Совершив «приземление», он поглядел вверх. Грузовое судно улепетывало в космос с такой быстротой, словно за ним по пятам гнались все фурии ада.

Грегор остался на Призраке-5 один-одинешенек.

Проверив, как перенесло спуск оборудование, он дал Арнольду радиограмму о благополучном прибытии. Потом, с бластером наизготовку, обошел лагерь солнцепоклонников.

Те собирались обосноваться у подножия горы, возле кристально чистого озерца. Лучших сборных домиков нельзя было и желать. Их не коснулась непогода — Призрак-5 отличался благословенно ровным климатом. Однако выглядели домики на редкость сиротливо.

Один из них Грегор обследовал с особой тщательностью. По ящикам комодов было аккуратно разложено белье, на стенах висели картины, одно окно было даже задернуто шторой. В углу комнаты приткнулся раскрытый сундук с игрушками, припасенными для детишек: те должны были прибыть с основной партией переселенцев.

На полу валялись водяной пистолет, волчок и пакет со

стеклянными шариками.

Близился вечер, Грегор перетащил в облюбованный домик все свое снаряжение и занялся подготовкой к ночлегу. Задействовал систему охраны — даже таракан не мог проскочить сквозь экран, не вызвав сигнала тревоги. Включил радарную установку для охраны подступов к домику. Распаковав свой арсенал, уложил под рукой крупнокалиберные пистолеты, а бластер прицепил к поясу.

Только тогда, успокоенный, Грегор не торопясь поужинал.

Между тем вечер сменился ночью. Теплую сонную местность окутала тьма. Легкий ветерок взъерошил поверхность озерца и зашелестел в высокой траве. Как нельзя более мирное зрелище. Грегор пришел к выводу, что переселенцы были истериками.

Скорее всего они сами, впав в беспричинную панику, перебили друг друга.

Последний раз проверив систему охраны, Грегор швырнул одежду на стул, погасил свет и забрался в постель. В комнату заглядывали звезды, здесь они светили ярче, чем над Землей Луна. Под подушкой лежал бластер. Все в мире было прекрасно. Только Грегор задремал, как почувствовал, что в комнате не один.

Немыслимо. Ведь сигнализация охранной системы не срабатывала, Да и радиолокатор, гудит, по-прежнему мирно.

И все же каждый нерв в теле до предела натянут... Грегор выхватил бластер и огляделся по сторонам. В углу комнаты кто-то чужой.

Ломать голову над тем, как он сюда попал, было некогда. Грегор направил бластер в незнакомца и тихим решительным голосом произнес:

— Так, а теперь — руки вверх. Незнакомец не шелохнулся. Палец Грегора напрягся на спуске, но тут же расслабился.

Грегор узнал незнакомца: это же его собственная одежда, брошенная на стул, искаженная звездным светом и его, Грегора, воображением.

Он оскалил зубы в усмешке и опустил бластер. Груда одежды чуть приметно зашевелилась. Ощущая легкое дуновение ветерка от окна, Грегор не переставал ухмыляться.

Но вот груда одежды поднялась со стула, потянулась и целеустремленно зашагала к Грегору.

Оцепенев, он смотрел, как надвигается на него бестелесная одежда. Когда она достигла середины комнаты и к Грегору потянулись пустые рукава, он принялся палить.

И все палил и палил, ибо лоскуты и лохмотья тоже норовили вцепиться в него, будто обрели самостоятельную жизнь. Тлеющие клочки ткани пытались облепить лицо, ремень норовил обвиться вокруг ног. Пришлось все испепелить; только тогда атака прекратилась.

Когда сражение окончилось, Грегор зажег все до единого светильники. Он сварил кофе и вылил в кофейник чуть ли не целую бутылку бренди. Каким-то образом он устоял против искушения, не разнес вдребезги бесполезную систему охраны. Зато связался по рации со своим компаньоном.

— Весьма занятно, — сказал Арнольд, после того как Грегор ввел его в курс событий. — Одушевление! Право же, в высшей степени занятно.

— Я вот и надеялся, вдруг это тебя позабавит, — с горечью откликнулся Грегор. После изрядной дозы бренди он чувствовал себя покинутым и ущемленным.

— Больше ничего не случилось?

— Пока нет.

— Ну, береги себя. Появилась тут у меня одна идейка. Надо только сделать кое-какие расчеты. Между прочим, тут один сумасшедший букмекер принимает ставки против тебя — пять к одному.

— Быть того не может!

— Честное слово. Я поставил.

— За меня играл или против? — встрепенулся Грегор.

— Конечно, за тебя, — возмутился Арнольд. — Ведь мы же, кажется, компаньоны?

Они дали отбой, и Грегор вскипятил второй кофейник. Спать ночью он все равно не собирался. Одно утешение — Арнольд все же поставил на него. Правда, Арнольд вечно ставит не на ту лошадку.

Уже при свете дня Грегор с грехом пополам на несколько часов забылся в беспокойном сне. Проснулся он вскоре после полудня, оделся с головы до ног во все новенькое и пошел обыскивать лагерь солнцепоклонников.

К вечеру он кое-что обнаружил. На стене одного из сборных домиков было наспех нацарапано слово «Тгасклит». Т-г-а-с-кл-и-т. Для Грегора слово это было всего лишь пустым сочетанием нелепых звуков, но он тотчас же сообщил о нем Арнольду.

Затем внимательнейшим образом обшарил свой домик, включил все освещение, задействовал систему охраны и перезарядил бластер.

Казалось бы, все в порядке. Грегор с сожалением проводил глазами заходящее солнце, уповая на то, что доживет до восхода. Потом устроился в уютном кресле и решил поразмыслить.

Итак, животной жизни на планете нет, так же как нет ни ходячих растений, ни разумных минералов, ни исполинских мозгов, обитающих где-нибудь в тверди Призрака-5. Нет даже луны, где могло бы притаиться подобное существо. А в привидения Грегор не верил. Он знал, что при кропотливом исследовании все сверхъестественные явления сводятся к событиям сугубо естественным. А уж если не сводятся, те сами собой прекращаются. Какой призрак решит топтаться на месте и, стало быть, лезть на глаза неверующему? Как только в замке появляется ученый с кинокамерой и магнитофоном, привидение удаляется на покой.

Значит, остается другой вариант. Предположим, кому-то приглянулась планета, но этот «кто-то» не расположен платить назначенную Фернгромом цену. Разве не может этот «кто-то» затаиться здесь, на облюбованной им планете, и дабы сбить цену, запугивать и убивать переселенцев?

Получается логично. Можно даже объяснить поведение одежды. Статическое электричество...

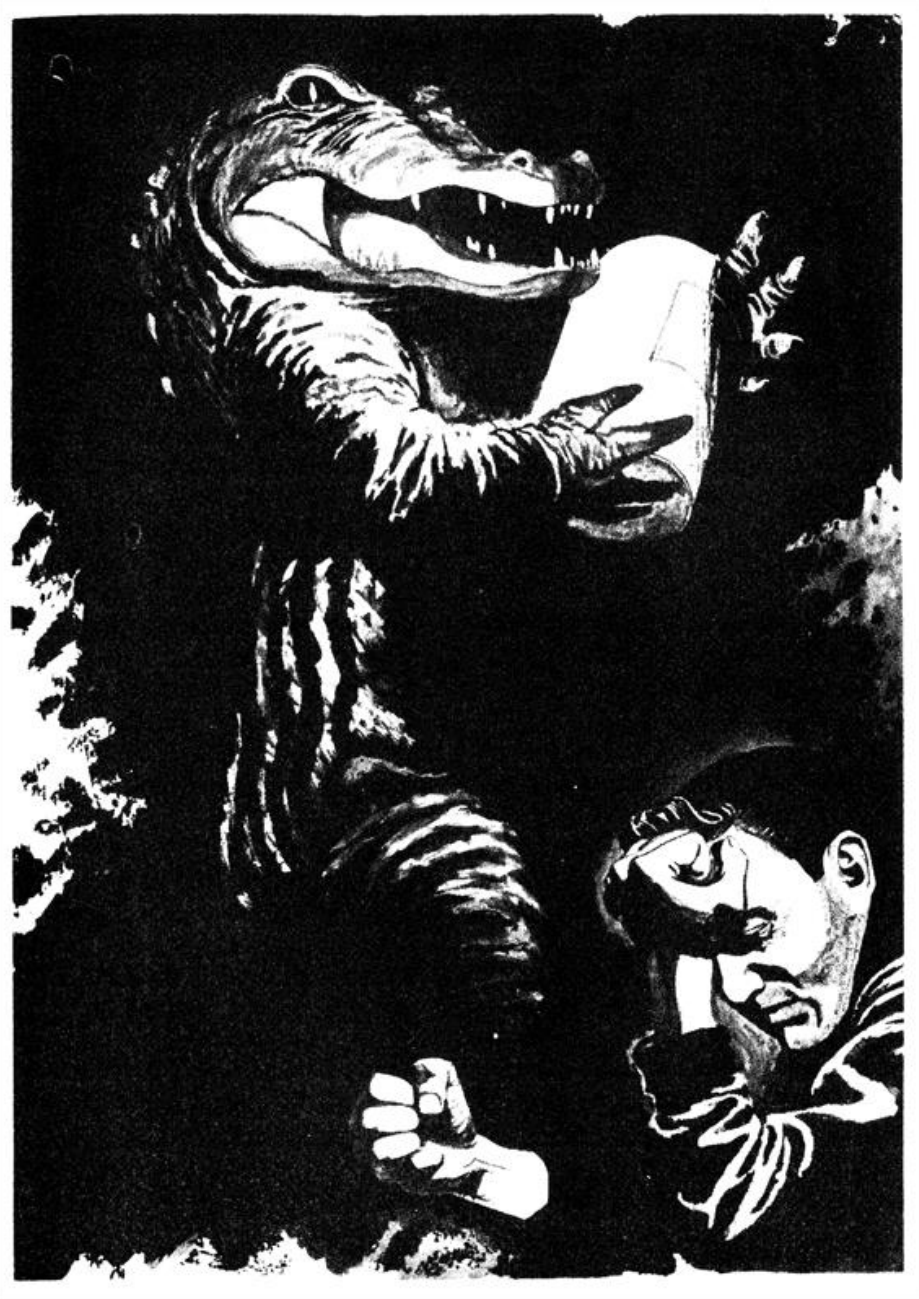
Перед Грегором воздвиглась какая-то фигура. Как и вчера система охраны не сработала.

Грегор медленно поднял взгляд. Некто, стоящий перед ним, достигал десяти футов в высоту и походил на человека, но только с крокодильей головой. Туловище у него имело малиновый окрас с поперечными вишневыми полосами. В лапе чудище сжимало здоровенную коричневую жестянку.

— Привет, — поздоровалось оно.

— Привет, — сказал Грегор, сглотнув слюну. Бластер лежит на столе, всего в каких-то двух футах. Интересно, перейдет ли чудище

в нападение, если потянуться за бластером — Как тебя звать? —



спросил Грегор со спокойствием, возможным разве только в состоянии сильнейшего шока.

— Я Хват — Раковая Шейка, — представилось чудище. —Хватаю всякие вещи.

— Как интересно! — рука Грегора поползла в сторону бластера.

— Хватаю вещи, именуемые Ричард Грегор, — весело и бесхитростно продолжало чудище, — и поедаю обычно в шоколадном соусе.

Чудище протянуло Грегору жестянку, и тот прочел на этикетке: «Шоколад „Смига“ — превосходный соус к Грегорам, Арнольдам и Флиннам». Пальцы Грегора сомкнулись на бластере. Он уточнил:

— Так ты меня съесть намерен?

— Безусловно, — заверил Хват.

Но Грегор успел завладеть оружием. Он оттянул предохранитель и открыл огонь. Прошив грудь Хвата, заряд опалил пол, стены, а заодно и брови Грегора.

— Меня так не проймешь, — пояснил Хват, — чересчур я высокий.

Бластер выпал из пальцев. Хват склонился над Грегором… — Сегодня я тебя не съем, — предупредил он.

— Не съешь? — выдавил из себя Грегор.

— Нет. Съесть тебя я имею право только завтра, первого мая. Таковы условия. А сейчас я просто зашел попросить тебя об одной услуге.

— Какой именно?

Хват заискивающе улыбнулся.

— Будь умником, полакомься хотя бы пятком яблок, ладно? Яблоки придают такой дивный привкус мясу! С этими словами полосатое чудище исчезло. Дрожащими руками Грегор включил рацию и обо всем рассказал Арнольду.

— Гм, — откликнулся тот, — Хват — Раковая Шейка, вон оно что! По-моему, это решающее доказательство. Все сходится.

— Да что сходится-то? Что здесь творится?

— Сначала сделай-ка все так, как я прошу. Мне надо самому толком убедиться.

Повинуясь инструкциям Арнольда, Грегор распаковал лабораторное оборудование, извлек всевозможные пробирки, реторты и реактивы. Он смешивал, сливал и переливал, как было

ведено, а под конец поставил смесь на огонь.

— Есть, — сказал он, вернувшись к рации, — а теперь объясни-ка, что здесь происходит.

— Пожалуйста. Отыскал я в словаре твой «тгасклит». В опалианском. Слово это означает «многозубый призрак».

Солнцепоклонники-то родом с Опала. Тебе это ни о чем не говорит?

— Их поубивал отечественный призрак, — не без ехидства ответил Грегор. — Должно быть, прокатился зайцем в их же звездолете. Вероятно, над ним тяготело проклятие, и...

— Успокойся, — перебил Арнольд. — Призраки тут ни при чем. Раствор пока не закипел?

— Нет.

— Скажешь, когда закипит. Так вот, вернемся к ожившей одежде. Тебе она ни о чем не напоминает? Грегор призадумался. — Разве что о детстве... — проговорил он. — Да нет, это же курам на смех.

— Ну-ка, выкладывай, — настаивал Арнольд.

— Мальчишкой я избегал оставлять одежду на стуле. В темноте она вечно напоминала мне то чужого человека, то дракона, то еще какую-нибудь пакость. В детстве, наверное, каждый такое испытывал. Но ведь этим не объяснишь...

— Еще как объяснишь! Вспомнил теперь Хвата — Раковую Шейку?

— Нет. А с чего бы я его теперь вспомнил?

— Да с того, что ты же его и выдумал! Помнишь? Нам было лет по восемь-девять — тебе, мне и Джимми Флинну. Мы выдумали самое жуткое чудище, какое только могли представить; чудище было наше персональное, желало слопать только тебя, меня или Джимми и непременно под шоколадным соусом. Однако право на это оно имело исключительно по первым числам каждого месяца, когда мы приносили домой школьные отметки. Избавиться от чудища можно было только одним способом: произнеся волшебное слово.

Тут Грегор действительно вспомнил и удивился, как бесследно все улетучивается из памяти. Сколько ночей напролет не смыкал он глаз в ожидании Хвата! По сравнению с тогдашними ночными

страхами плохие отметки казались сущей чепухой.

— Кипит раствор? — спросил Арнольд.

— Да, — послушно бросив взгляд на реторту, сказал Грегор. — Какого он цвета?

— Зеленовато-синего. Собственно, скорее в синеву, чем... — Все правильно. Можешь выливать. Нужно будет поставить еще кое-какие опыты, но в общем-то орешек мы раскусили.

— То есть как раскусили? Может, все-таки объяснишь толком?

— Да это же проще простого. Животная жизнь на планете отсутствует. Отсутствуют и привидения — по крайней мере настолько могущественные, что способны перебить отряд вооруженных мужчин. Сама собою напрашивается мысль о галлюцинациях, вот я и стал выяснять, что же могло их вызвать. Оказывается, многое. Помимо земных наркотиков, в «Каталоге инопланетных редкоземельных элементов» перечислено свыше десятка галлюциногенных газов. Есть там и депрессанты, и стимуляторы; едва вдохнешь — сразу вообразишь себя гением, червем или орлом. А этот, судя по твоему описанию, соответствует газу, который в каталоге фигурирует как лонгстед-42. Тяжелый, прозрачный газ без запаха, физиологически безвреден. Стимулирует воображение.

— Значит, по-твоему, я жертва галлюцинаций? Да уверяю тебя...

— Не так все просто, — прервал его Арнольд. — Лонгстед-42 воздействует непосредственно на подсознание. Он растормаживает самые острые подсознательные страхи, оживляет все то, чего ты в детстве панически боялся и что с тех пор в себе подавлял. Одушевляет страхи. Вот это ты и видел.

— А на самом деле там ничего и нет? — переспросил Грегор.

— Никаких физических тел. Но галлюцинации достаточно реальны для того, кто их ощущает.

Грегор потянулся за непочатой бутылкой бренди. Такую новость следовало обмыть.

— Оздоровить Призрак-5 нетрудно, — уверенно продолжал Арнольд. — Без особых хлопот переведем лонгстед-42 в связанное состояние. А там — богатство!

Грегор предложил было тост, как вдруг его пронизала холодящая душу мысль:

— Если это всего лишь галлюцинация, то что же случилось с переселенцами?

Арнольд ненадолго умолк.

— Допустим, — сказал он наконец, — у лонгстеда есть тенденция стимулировать мортидо — волю к смерти. Переселенцы скорее всего посходили с ума. Поубивали друг друга.

— И никто не уцелел?

— Конечно, а что тебя удивляет? Последние из выживших покончили с собой или же скончались от увечий. Да ты о том меньше всего тревожься. Я без промедления фрахтую корабль и вылетаю для проведения опытов. Успокойся. Через денек — другой вывезу тебя оттуда.

Грегор дал отбой. На ночь он позволил себе допить бутылку бренди. Разве ему не причитается? Тайна Призрака-5 раскрыта, компаньонов ждет богатство. Скоро и Грегор в состоянии будет нанимать людей, пускай высаживаются на неведомых планетах, а уж он берется инструктировать их по радио.

Назавтра он проснулся поздно, с тяжелой головой. Корабль Арнольда еще не прибыл; Грегор упаковал оборудование и уселся в ожидании. К вечеру корабля все не было. Грегор посидел на пороге, полюбовался закатом, потом вошел в домик и приготовил себе ужин.

На душе все еще было тяжело из-за неразгаданной тайны переселенцев, но Грегор решил попусту не волноваться. Наверняка отыщется убедительное объяснение.

После ужина он прилег на койку и только смежил веки, как услышал деликатное покашливание.

— Привет, — поздоровался Хват — Раковая Шейка. Персональная, глубоко интимная галлюцинация вернулась с гастрономическими намерениями!

— Привет, дружище, — радостно откликнулся Грегор, не испытав даже тени страха или тревоги.

— Яблочками-то подкормился?

— Ох, извини. Упустил из виду.

— Ну, не беда. — Хват старательно скрывал свое разочарование. — Я прихватил шоколадный соус. — Он взболтнул жестянку.

Грегор расплылся в улыбке.

— Иди гуляй, — сказал он. — Я ведь знаю, ты всего-навсего плод моего воображения. Причинить мне вред ты бессилен.

— Да я и не собираюсь причинять тебе вред, — утешил Хват. — Я тебя просто-напросто съем.

Он приблизился. Грегор сохранял на лице улыбку и не двигался, хотя Хват на этот раз выглядел уж слишком плотоядно. Хват склонился над койкой и для начала куснул Грегора за руку. Вскочив с койки, Грегор осмотрел якобы укушенную, руку На руке остались следы зубов. Из ранки, сочилась кровь. взаправдашняя... его, Грегора, кровь.

Кусал же кто-то колонистов, терзал их, рвал в клочья и потрошил.

Тут же Грегору вспомнился виденный однажды сеанс гипноза. Гипнотизер внушил испытуемому, что прижжет ему руку горящей сигаретой, а прикоснулся кончиком карандаша.

За считанные секунды на руке у испытуемого зловещим багровым пятном вздулся волдырь: испытуемый уверовал будто пострадал от ожога. Если твое подсознание считает тебя мертвым, значит, ты покойник. Если оно страдает от укусов — укусы налицо.

Грегор в Хвата не верит.

Зато верит его подсознание.

Грегор шмыгнул было к двери. Хват преградил ему дорогу. Стиснул в мощных лапах, и приник к шее.

Волшебное слово! Но какое же?

— Альфойсто! — выкрикнул Грегор.

— Не то слово, — сказал Хват. — Пожалуйста, не дергайся — Регнастикио!

— Нетушки. Перестань лягаться, и все пройдет, не будет боль...

— Вуоршпельхапилио!

Хват истошно заорал от боли и выпустил жертву. Высоко подпрыгнув, он растворился в воздухе.

Грегор бессильно плюхнулся на ближайший стул. Чудом спасся. Ведь был на волосок от гибели! Ну и дурацкая смерть выпала бы ему на долю! Это же надо — чтобы тебя прикончило собственное воображение! Хорошо еще, слово вспомнил. Теперь лишь бы Арнольд поторапливался...

Послышался сдавленный ехидный смешок.

Он исходил из мглы полуотворенного стенного шкафа и пробудил почти забытое воспоминание. Грегору девять лет, Тенепопятам — его личный Тенепопятам, тварь тощая, мерзкая, диковинная — прячется в дверных проемах, ночует под кроватью, нападает только в темноте.

— Погаси свет, — распорядился Тенепопятам.

— И не подумаю, — заявил Грегор, выхватив бластер. Пока горит свет, Тенепопятам не опасен.

— Добром говорю, погаси, не то хуже будет!

— Нет!

— Ах, так? Иген, Миген, Диген!

В комнату прошмыгнули три тварюшки. Они стремительно накинулись на электролампочки и принялись с жадностью грызть стекло.

В комнате заметно потемнело.

Грегор стал палить по тварюшкам. Но они были так проворны, что увертывались, а лампочки разлетались вдребезги.

Тут только Грегор понял, что натворил. Не могли ведь тварюшки погасить свет! Неодушевленные предметы воображению неподвластны. Грегор вообразил, будто в комнате темнеет, и... Собственноручно перебил все лампочки! Подвело собственное разрушительное подсознание.

Тут-то Тенепопятам почуял волю. Перепрыгивая из тени в тень, он подбирался к Грегору.

Бластер не поможет. Грегор отчаянно пытался подобрать волшебное слово... и с ужасом вспомнил, что Тенепопятама никаким волшебным словом не проймешь.

Грегор все пятился, а Тенепопятам все наступал, но вот путь к отступлению преградил сундук. Тенепопятам горой навис над Грегором, тот съежился, зажмурив глаза.

И тут рука его наткнулась на какой-то холодный предмет. Оказывается, Грегор прижался к сундуку с игрушками, а в руке сжимал теперь водяной пистолет.

Грегор поднял его. Тенепопятам отпрянул, опасливо косясь на оружие.

Грегор метнулся к крану и зарядил пистолет водой. Потом направил в чудище смертоносную струю.

Взвыв в предсмертной муке, Тенепопятам исчез.

С натянутой улыбкой Грегор сунул пистолет за пояс.

Против воображаемого чудища водяной пистолет — самое подходящее оружие.

Перед рассветом произвел посадку звездолет, откуда вылез Арнольд. Не теряя времени, он приступил к своим опытам. К полудню все было завершено, и элемент удалось четко идентифицировать как лонгстед-42. Арнольд с Грегором поспешно уложили вещички и стартовали с планеты.

Едва очутившись в открытом космосе, Грегор поделился с компаньоном недавними впечатлениями.

— Сурово, — тихонько, но сочувственно произнес Арнольд. Теперь, благополучно распрощавшись с Призраком-5, Грегор в состоянии был улыбнуться скромной улыбкой героя.

— Могло быть и хуже, — заявил он.

— Уж куда хуже?

— Представь, что туда затесался бы Джимми Флинн. Вот кто действительно умел выдумывать страшилищ; Ворчучело помнишь?

— Помню только, что из-за него по ночам меня преследовали кошмары, — ответил Арнольд.

Звездолет несся к Земле. Арнольд набрасывал заметки для будущей научной статьи «Инстинкт смерти на Призраке-5: роль истерии, массовых галлюцинаций и стимуляции подсознательного в возникновении физиологических изменений». Затем он отправился в кабину управления — задать курс автопилоту.

Грегор рухнул на койку, преисполненный решимости наконец-то отоспаться. Только он задремал, как в каюту со смертельно бледным от страха лицом ворвался Арнольд.

— Мне кажется, в кабине управления кто-то есть, — пролепетал он.

Грегор сел на койке.

— Никого там не может быть. Мы ведь оторвались... Из кабины управления донесся рык.

— Боже! — ахнул Арнольд. — Все ясно. После посадки я не стал задраивать воздушный шлюз. Мы по-прежнему дышим воздухом Призрака-5!

А на пороге незапертой каюты возник серый исполин, чья шкура

была испещрена красными крапинками. Исполин был наделен неисчислимым множеством рук, ног, щупалец, когтей и клыков, да еще двумя крылышками в придачу. Страшилище медленно надвигалось, постанывая и бормоча что-то н неодобрительное.

Оба признали в нем Ворчучело.

Грегор рванулся вперед и перед носом у страшилища захлопнул дверцу.

— Здесь нам ничто не грозит, — пропыхтел он. — Дверь герметизирована. Но как мы станем управлять звездолетом?

— А никак, — ответил Арнольд. — Доверимся автопилоту... пока не надумаем, как прогнать эту образину.

Однако сквозь дверь стал просачиваться легкий дымок.

— Это еще что? — воскликнул —Арнольд почти в панике. Грегор насупился.

— Неужто не помнишь? Ворчучело проникает в любое помещение. Против него запоры бессильны.

— Да я о нем все позабыл начисто, — признался Арнольд. —Он что, глотает людей?

— Нет. Насколько я помню, только изжевывает в кашицу.

Дымок сгущался, принимая очертания исполинской серой фигуры Ворчучела. Друзья отступили в соседнюю камеру и заперли за собой следующую дверь. Нескольких секунд не прошло, как дым просочился и туда.

— Какая нелепость, — заметил Арнольд, кусая губы. — Дать себя затравить вымышленному чудовищу... Стой-ка! Водяной пистолет еще при тебе?

— Да, но...

— Давай сюда!

Арнольд поспешно зарядил пистолет водой из анкерка. Тем временем Ворчучело вновь успело материализоваться и тянулось к друзьям, недовольно постанывая. Арнольд окропил его струйкой воды.

Ворчучело по-прежнему наступало.

— Вспомни! — воскликнул Грегор. — Никто никогда не останавливал Ворчучело водяным пистолетом.

Отступили в следующую каюту и захлопнули за собой дверь. Теперь друзей отделял от леденящего космического вакуума только

кубрик.

— Нельзя ли как-нибудь профильтровать воздух? поинтересовался Грегор.

— Чужеродные примеси и так потихоньку уходят вместе с отработанным воздухом, но действие лонгстеда длится часов двадцать.

— А нет ли противоядия?

— Никакого.

Ворчучело снова материализовалось, снова проделывало это отнюдь не молча, и уж совсем не любезно.

— Как же его изгнать? — волновался Арнольд. — Есть же какой-то способ! Волшебное слово? Или деревянный меч? Теперь покачал головой Грегор.

— Я все-все вспомнил, — ответил он скорбно.

— И чем же его можно пронять?

— Его не одолеешь ни водяным пистолетом, ни пугачом, ни рогаткой, ни хлопушкой, ни бенгальскими огнями, ни дымовой шашкой, — словом, детский арсенал исключен. Ворчучело абсолютно неистребимо.

— Ох уж этот Флинн и его неугомонная фантазия! Так как же все-таки избавиться от Ворчучела?

— Я же говорю — никак. Оно должно уйти по доброй воле.

А Ворчучело успело вырасти во весь свой гигантский рост. Грегор с Арнольдом шарахнулись в кубрик и захлопнули за собой последнюю дверь.

— Думай же, Грегор, — взмолился Арнольд. — Ни один мальчишка не станет выдумывать чудище, не предусмотрев от него хоть какой-то защиты!

— Ворчучело не прикончишь, — твердил свое Грегор. Вновь начинало явственно вырисовываться красно-крапчатое чудище. Грегор перебирал в памяти все свои полночные страхи.

И тут (еще чуть-чуть — и стало бы поздно) все ожило в памяти.

Управляемый автопилотом, корабль мчался к Земле. Ворчучело чувствовало себя на борту полновластным хозяином. Оно вышагивало взад-вперед по пустынным коридорам, просачивалось сквозь стальные переборки в каюты и грузовые отсеки, стенало, ворчало и ругалось последними словами, не находя себе ни единой

жертвы.

Звездолет достиг Солнечной системы и автоматически вышел на окололунную орбиту.

Грегор осторожно глянул в щелочку, готовый в случае необходимости мгновенно снова нырнуть в укрытие. Однако зловещего шарканья ног не было слышно, и ни под дверцей, ни сквозь переборки не просачивался оголодавший туман.

— Все спокойно, — крикнул он Арнольду. — Ворчучела как не бывало.

Друзья прибегли к самому верному средству против ночных страхов — забрались с головой под одеяла.

— Говорил же я, что водяной пистолет тут ни к чему, — сказал Грегор.

Арнольд одарил его кривой усмешкой и спрятал пистолет в карман.

— Все равно, оставлю на память. Если женюсь да если у меня родится сын, это ему будет первый подарок.

— Нет уж, своему я припасу кое-что получше, — возразил Грегор и с нежностью похлопал по одеялу. — Вот она — самая надежная защита: одеяло над головой.

Лаксианский ключ

Ричард Грегор сидел за столом в пыльном кабинете фирмы «ААА-ПОПС» — Астронавтическое антиэнтропийное агентство по оздоровлению природной среды — и раскладывал пасьянс. В холле раздался шум и топот, затем что-то упало. Дверь приоткрылась и Арнольд, партнер Грегора, заглянул внутрь.

— Я только что сделал нас богачами, — объявил он и, раскрыв дверь пошире, приказал: — Тащите его сюда, парни!

Четверо грузчиков, тяжело дыша, заволокли в кабинет черную квадратную машину размером с годовалого слоненка.

— Вот! — гордо сообщил Арнольд, после чего расплатился с грузчиками и, напустив на лицо мечтательное выражение, уселся в кресло напротив машины.

Грегор не спеша отложил карты в сторону и с видом человека, которого ничем не удивишь, осмотрел приобретение со всех сторон.

— Сдаюсь, — наконец сказал он. — Что это такое?

— Это миллион долларов, — охотно ответил Арнольд. — Можешь считать, у нас в кармане.

— Допустим, но все же — что это такое?

— Бесплатный производитель, — с гордой улыбкой произнес Арнольд. — Сегодня утром я проходил мимо свалки старика Джо, той самой, где он держит всякий инопланетный хлам, — и обнаружил там эту штуку. Сторговался, можно сказать, за бесценок. Джо даже не знал, что это и зачем.

— Я, положим, тоже не знаю, — заметил Грегор. — А ты?

Арнольд встал на четвереньки и попытался прочесть инструкцию, выгравированную на лицевой панели машины, в самом низу.

Не поднимая головы, он спросил:

— Ты слышал что-нибудь о планете Мелдж?

Грегор кивнул. Мелдж была маленькая, всеми забытая планета на северной окраине Галактики, довольно далеко от торговых маршрутов. Когда-то на планете процветала могучая цивилизация, обязанная своим благополучием так называемой Старой науке Мелджа. Но технологические секреты Старой науки были давно

утеряны, цивилизация почти угасла, и лишь изредка то на одной, то на другой планете находили какие-то непонятные механизмы, произведенные на заводах некогда великой промышленной державы.

— И ты полагаешь, что этот ящик имеет какое-то отношение к Старой науке? — спросил Грегор.

— Ну да. Это Мелджский Бесплатный Производитель. Могу поклясться, что во всей Галактике их осталось не больше пяти.

— А что он производит?

— Откуда мне знать? — ответил Арнольд, поднимаясь с пола. — Дай-ка мне мелдж-английский словарь.

С видимым усилием сохраняя спокойствие, Грегор подошел к книжной полке.

— Ты и в правду не знаешь, что эта штуковина производит?

— Словарь давай. Спасибо. Какая тебе разница, что? Главное — бесплатно. Машина берет энергию из воздуха, из космоса, с Солнца, откуда угодно, и нас это не касается. Ее не нужно ни заправлять, ни обслуживать, и работает она вечно.

Арнольд раскрыл словарь и принялся за перевод надписи на панели.

— Их ученые были не дураки, — проговорил он, записав в блокнот несколько предложений. — Производитель из ничего делает что-то, а что именно — не так уж важно. Мы всегда сможем это самое что-то продать, и сколько мы на этом ни заработаем — все будет нашей чистой прибылью.

Грегор посмотрел на своего партнера, и его печальное вытянутое лицо стало еще печальнее.

— Арнольд, — наконец произнес он, — я хотел бы кое-что тебе напомнить. Ты по специальности химик, я — эколог. И оба мы ничегошеньки не понимаем в машинах, тем более в сложных инопланетных машинах.

Не обращая на Грегора внимания, Арнольд повернул какую-то рукоятку. Производитель заурчал.

— И, кроме того, — продолжал Грегор, отойдя от машины подальше, — мы с тобой — агентство по оздоровлению среды. Забыл что ли? И незачем нам связываться со всякими авантюрными...

Производитель часто закашлял.

— Я все перевел, — сообщил Арнольд. — Здесь написано: **«Мелджский Бесплатный Производитель. Очередной Триумф Лаборатории Глоттена. Неразрушимый Бездефектный Производитель. Не Требует Энергетических Затрат. Чтобы Включить, Нажмите Кнопку Номер Один. Чтобы Выключить, Воспользуйтесь Лаксианским Ключом. В Случае Обнаружения Неисправности, Пожалуйста, Верните Производитель В Лабораторию Глоттена».**

— Ты, наверное, меня не понял, — возобновил атаку Грегор. — Мы с тобой...

— Прекрати! — перебил его Арнольд. — Когда эта машина заработает, нам с тобой работать будет уже не нужно. А вот и кнопка номер один.

В машине что-то звякнуло, послышалось ровное гудение. С минуту ничего не происходило.

— Возможно, ей надо прогреться, — озабоченно произнес Арнольд.

Вдруг из отверстия на лицевой панели посыпался серый порошок.

— Должно быть, побочный продукт, — пробормотал Арнольд.

Прошло пятнадцать минут. Куча серого порошка продолжала расти.

— Что бы это могло быть? — не выдержал Грегор.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Арнольд. — Надо произвести анализы.

С этими словами он набрал в пробирку порошка и направился к своему столу. Грегор остался у машины, задумчиво глядя на растущую серую кучу.

— Может быть, нам лучше выключить Производитель, пока мы не узнали, что это такое?

— Ни в коем случае! — отозвался Арнольд. — Что бы это ни было, оно стоит денег.

Он зажег горелку, заполнил пробирку дистиллированной водой и приступил к работе. Грегор только пожал плечами. Он давно уже привык к розовым мечтам своего друга. С того времени, когда они создали компанию «ААА-ПОПС», Арнольд без устали искал легкий способ разбогатеть. Все его замыслы до сих пор оборачивались лишь

хлопотами и неприятностями, гораздо более тягостными, чем та обычная работа, за которую бралась компания, но Арнольд быстро

об этом забывал.

По крайней мере, думал Грегор, иногда получалось смешно. Он сел за свой стол и разложил новый пасьянс.

Следующие несколько часов в конторе стояла тишина. Производитель тихо гудел. Арнольд упорно работал. Добавлял реактивы, сливал, перемешивал, сверял результаты с таблицами в толстенных книгах. Грегор сходил за сандвичами и кофе.

Поев, он стал нервно расхаживать вокруг машины, то и дело, поглядывая на растущую кучу серого порошка. Производитель гудел заметно громче, и порошок сыпался уже широкой струей.

Час спустя Арнольд оторвался от работы и сообщил:

— Нам повезло! О будущем можно не беспокоиться.

— И что же это за порошок? — поинтересовался Грегор. Может быть, на сей раз удача и впрямь не обошла их стороной?

— Это тангриз!

— Тангриз?

— Совершенно верно.

— Не будешь ли ты так любезен и не объяснишь ли мне, зачем он нужен, этот чертов тангриз?

— Я думал, ты знаешь. Тангриз — это основной продукт питания мелджской расы. Каждый взрослый житель Мелджа потребляет несколько тонн тангриза ежегодно.

— Ты говоришь, это едят?

Грегор посмотрел на кучу порошка с уважением. Машина, которая производит еду двадцать четыре часа в сутки, может оказаться хорошим вложением капитала. Особенно, если учесть, что ее эксплуатация ровным счетом ничего не стоит.

Арнольд уже листал телефонный справочник.

— Алло, Межзвездная Продуктовая Корпорация? Могу я говорить с президентом? Что? Тогда с вице-президентом. Это очень важно. Что? Ладно, слушайте. Я могу предложить вашей корпорации практически неограниченное количество тангриза. Это основной продукт питания на планете Мелдж. Что? Да, все правильно. Я знал, что это вас заинтересует. Что? Да, конечно, я подожду.

Он повернулся к Грегору.

— Эти корпорации... Да, да, я слушаю. Да, сэр. Вы занимаетесь тангризом? Замечательно...

Грегор подошел поближе, стараясь расслышать, что говорят на другом конце линии.

— Наша цена? А что за цены сейчас на рынке? Ах, так... Пять долларов за тонну, конечно, не слишком много, но я полагаю... Что? Пять центов за тонну? Вы это серьезно?

Грегор отвернулся, и устало опустился в кресло. Продолжение разговора его уже не интересовало.

— Да, да. Я понимаю. Простите, я не знал.

— Похоже, — сказал Арнольд, повесив трубку, — что на Земле много тангриза не продать. У нас здесь живут примерно пятьдесят мелджан, но доставка груза в северное полушарие съест всю прибыль.

Грегор озабоченно поглядел на машину. Она, похоже, вышла на режим, потому что тангриз валил из нее мощной струей. Серый порошок уже лежал по всей комнате толстым слоем.

— Не беспокойся, — попытался утешить Арнольд своего компаньона, — тангриз наверняка можно использовать как-нибудь еще.

Он вернулся к столу и сел за книги.

— Может, его пока выключить? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае! Пусть работает. Он нам деньги делает.

Пока Арнольд копался в справочниках, Грегор попытался подойти к окну, но ходить по щиколотку в порошке оказалось очень неудобно.

К вечеру уровень порошка поднялся на два фута. Несколько авторучек и карандашей уже потонули в нем безвозвратно, и Грегор начал волноваться, выдержит ли пол.

Наконец Арнольд закрыл книгу и произнес:

— Есть еще одна возможность применения.

— Что ты имеешь в виду?

— Тангриз можно использовать как строительный материал. На воздухе через неделю-другую он затвердевает и становится прочным, как гранит. Мы прямо сейчас позвоним в какую-нибудь строительную компанию.

Грегор набрал номер строительной компании Толедо — Марс и объяснил некоему мистеру О'Тулу, что они могут предоставить в его распоряжение неограниченное количество тангриза.

— Тангриз, говорите? Не очень-то он сейчас в ходу. На нем краска не держится. Но вообще-то, к вашему сведению, на какой-то планете живут психи, которые его едят. Почему бы вам...

— Мы предпочитаем продавать тангриз для строительных целей, — твердо сказал Грегор.

— Что ж, я думаю, мы можем его купить. Пригодится для чего-нибудь попроще и подешевле. Предлагаю, по пятнадцать за тонну.

— Пятнадцать долларов?

— Центов!

— Хорошо, мы сообщим вам о своем решении.

Арнольд, услышав сумму, принялся рассуждать:

— Предположим, наша машина будет выдавать тонн по десять в сутки. И так каждый день, год за годом... Сейчас прикинем... Выходит около пятисот пятидесяти долларов в год. Богачами мы не станем, но будет чем налоги платить.

— Однако мы не сможем оставить машину здесь, — сказал Грегор, глядя на россыпи тангриза.

— Конечно, не можем. Найдем ей местечко где-нибудь за городом, и пусть себе работает. А тангриз, будем забирать когда вздумается.

Грегор опять позвонил О'Тулу и сообщил, что готов заключить сделку.

— Прекрасно, — ответил О'Тул. — Вы в курсе, где находятся наши заводы? Привозите в любое время.

— Нам привозить? Я считал, вы сами...

— При цене пятнадцать центов за тонну? Мы и так делаем вам одолжение, забирая у вас эту дрянь. Доставка за вами!

— Паршиво, — сказал Арнольд, когда Грегор положил трубку.

— Перевозка нам обойдется...

— ... гораздо больше, чем пятнадцать центов за тонну, закончил Грегор. — Ты все-таки выключи эту штуку, пока мы не решим, что с ней делать.

Арнольд подобрался к Производителю.

— Сейчас посмотрим. Вот, нашел. «Чтобы Выключить, Воспользуйтесь Лаксианским Ключом».

— Ну, так и воспользуйся.

— Подожди минутку...

— Выключишь ты ее или нет? — закричал Грегор.

Арнольд выпрямился, виновато улыбаясь.

— Поди попробуй...

— А в чем проблема?

— В том, что у нас нет Лаксианского Ключа.

После лихорадочных переговоров с музеями, исследовательскими институтами и археологическими факультетами стало ясно, что никто Лаксианский Ключ в глаза не видел и ничего о нем не слышал. В отчаянье Арнольд позвонил старому Джо на инопланетную свалку.

— Нет, у меня нет ключа, — услышал он в ответ. — А почему ты думаешь, я уступил тебе Производитель так дешево?

Партнеры молча уставились друг на друга. Мелджский Бесплатный Производитель, довольно урча, выплевывал новые и новые порции бесполезного порошка. Оба кресла и радиатор уже скрылись под серыми волнами, из-под которых теперь виднелись только столы, шкаф и сама машина.

— Вот тебе и безбедная жизнь, — в сердцах сказал Грегор.

— Ладно, что-нибудь придумаем...

Арнольд вернулся к своим книгам. Остаток вечера он провел в поисках иных способов применения тангриза. Чтобы совсем не утонуть в порошке, Грегору пришлось отгрести часть тангриза в холл.

Утром солнце безуспешно пыталось заглянуть в их окна, покрытые серой пылью. Арнольд встал из-за стола и потянулся.

— Ничего не нашел? — спросил Грегор.

— Боюсь, ничего...

Грегор отправился за кофе. Когда он вернулся, Арнольд уже успел поругаться с домовладельцем и двумя здоровенными розовощекими полицейскими.

— Я требую, — орал домовладелец, — чтобы вы немедленно убрали отсюда эту дрянь!

— И, кроме того, — добавил один из полицейских, — существует запрет на использование промышленных установок в деловом районе.

— Это не промышленная установка, — попытался возразить Грегор. — Это Мелджский Бесплатный...

— А я сказал — установка! — отрезал полицейский. — И я приказываю немедленно остановить производство!

— В том-то все и дело, — вступил в разговор Арнольд, — что мы не можем ее выключить...

— Как это не можете? — подозрительно спросил полицейский. — Шутки со мной шутить? Я приказываю...

— Сэр, я клянусь...

— Слушай меня, остряк. Мы сюда вернемся через час. Или вы к этому времени ее выключаете и выносите отсюда этот мусор, или — за решетку!

И все трое удалились.

Грегор и Арнольд посмотрели друг на друга, потом уставились на Производитель. Порошок все прибывал.

— Черт бы их побрал! — не выдержал Арнольд. — Ведь должен быть какой-то выход!

— Спокойнее, — откликнулся Грегор, вытряхивая из волос серую пыль.

В эту минуту дверь открылась и вошел высокий человек в строгом синем костюме с каким-то сложным прибором в руках.

— Так это здесь! — удовлетворенно произнес он.

У Грегора блеснула надежда.

— У вас в руках Лаксианский Ключ? — спросил он.

— Какой еще ключ? Это регистратор утечки. И, похоже, он привел меня к тому, что я искал, — строго ответил человек. — Меня зовут Гастерс.

Он смахнул пыль с подоконника, взглянул еще раз на свой регистратор и начал заполнять какой-то бланк.

— Что все это значит? — спросил Арнольд.

— Я из Энергетической компании, — ответил Гастерс. — Вчера, начиная с полудня, мы регистрируем огромную утечку энергии.

— И потому вы пришли к нам?

— Именно так. Ваша машина очень прожорлива. — Гастерс кончил писать, сложил бланк и спрятал его в карман. — Счет вам будет выслан.

С некоторым трудом он открыл дверь и, уже уходя, обернулся, чтобы еще раз поглядеть на Производитель.

— Должно быть, ваша машина делает нечто особо ценное, если

вы можете позволить себе такой расход энергии. Платиновый порошок, верно?

Когда Гастерс ушел, Грегор с издевкой спросил у Арнольда:

— Значит, «не требует энергетических затрат»?

— Видишь ли, Грегор, — пряча глаза, ответил тот, — я не мог знать, что она сама будет хапать энергию из ближайшего источника...

— Вот именно, — продолжал издеваться Грегор, — «из воздуха, из космоса, от Солнца» — а заодно у ближайшей энергетической компании!

— Но базовый принцип...

— К черту базовый принцип! — взорвался Грегор. — Мы не можем отключить этот ящик! У нас нет этого проклятого Лаксианского Ключа! Нет, и никто не знает, где его взять. Скоро мы будем по уши в этом проклятом тангризе, который нам даже вывезти не на чем. И вдобавок оказывается, что мы тратим энергии больше, чем сверхновая!

В дверь громко постучали, с лестницы послышались сердитые голоса. Арнольд напряженно думал, потом вдруг вскочил.

— Не все еще потеряно! — патетически воскликнул он. — Эта машина сделает нас богатыми!

Но Грегора не прельстили радужные обещания.

— Послушай, Арнольд, — сказал он. Давай-ка лучше ее утопим. Или сбросим на Солнце.

— С ума сошел? Срочно готовь наш корабль к отлету...

Следующие несколько дней вспоминались как дурной сон. За огромную плату они наняли людей, которые вынесли машину и очистили помещение от тангриза. Затем пришлось везти Производитель, из которого фонтаном бил серый порошок, через весь город до космопорта. А чего стоила погрузка в корабль! Но теперь все это было позади.

Производитель стоял в трюме корабля, постепенно заполняя его порошком, а корабль уносился из Солнечной системы.

— В этом есть своя логика, — рассуждал Арнольд. — На Земле тангриз никому не нужен. Следовательно, нечего и пытаться сбыть его там. А вот на планете Мелдж...

— Не нравится мне все это, — ответил Грегор.

— И зря. Теперь-то мы не ошиблись. Возить тангриз слишком дорого, поэтому мы берем машину и вместе с ней направляемся туда, где тангриз у нас с руками оторвут.

— А если и там он не нужен?

— Такого не может быть. Для мелджан тангриз — что для нас хлеб. Считай, что дело в шляпе.

Через две недели в иллюминаторе появился Мелдж. Тангриз к тому времени заполнил трюм доверху. Грегор с Арнольдом запечатали все люки. Нарастающее давление грозило разорвать корабль на куски. Пришлось выбрасывать тангриз тоннами, это требовало времени и, самое главное, большого расхода воздуха. Перед спуском на планету весь корабль был набит порошком, а кислорода оставалось чуть-чуть.

Сразу после посадки мелджанин в оранжевой форме поднялся на корабль оформить документы.

— Добро пожаловать! — приветствовал он землян. — Вы — редкие гости на нашей маленькой планете. Надолго к нам?

— Как получится, — ответил Арнольд. — Мы хотим установить с вами торговые отношения.

— О, это замечательно! — обрадовался чиновник. — Наша планета очень нуждается в свежих деловых контактах. Могу я поинтересоваться, что вы собираетесь нам предложить?

— Мы будем продавать тангриз. Это ваш собственный...

— Что продавать?

— Тангриз. У нас есть Бесплатный Производитель, и мы...

— Очень сожалею, но вы должны немедленно покинуть планету, — строго сказал чиновник и нажал красную кнопку на маленьком приборчике, прикрепленном к запястью.

— У нас есть визы!

— А у нас есть законы. Вы должны отбыть незамедлительно и забрать с собой ваш Производитель.

— Послушайте, а как на вашей планете насчет свободы предпринимательства?

— Производство тангриза у нас запрещено.

Пока шел спор, на поле с грохотом въехали танки и расположились вокруг корабля. Мелджанин, пятясь, выбрался из кабины и торопливо спустился по трапу.

— Подождите! — в отчаянье закричал Грегор. — Если вы боитесь конкуренции, то примите Производитель от нас в подарок!

— Нет! — встрепенулся Арнольд.

— Да! Откапывайте его и берите. Отдайте его бедным.

На поле появилась еще одна колонна танков, в воздухе промелькнули боевые самолеты.

— Проваливайте сейчас же! — заорал чиновник. — Неужели вы рассчитываете продать здесь хоть крупинку тангриза? Оглянитесь вокруг!

Они оглянулись. Перед ними простиралось посадочное поле, все в серой пыли. Поодаль стояли некрашеные серые здания, за ними тянулись унылые серые поля. Еще дальше виднелись невысокие серые горы.

Во все стороны, насколько хватало глаз, все было из того же серого тангриза.

— Вы хотите сказать, что вся планета... — начал Грегор и осекся.

— Сами не видите, что ли? — сказал чиновник. — Здесь Старая наука возникла, здесь она развилась и угасла. Но всегда отыщутся недоучки, которые не могут пройти мимо старой машины, чтобы не сунуть в нее свой нос. А теперь проваливайте! Но если вдруг найдете Лаксианский Ключ, то возвращайтесь и называйте любую цену.

Беличье колесо

— Лучшие земли в Галактике — погублены, — горестно простонал клиент, верзила семи футов ростом с интенсивно голубым цветом лица. Из отверстий, напоминающих смазочные, катились крупные слезы и падали на щеголеватую и, похоже, дорогую сорочку. В течение целых пятнадцати минут он невразумительно бормотал о постигшем его несчастье.

— Успокойтесь, сэр, — с участием промолвил Ричард Грегор, весь подобравшись на стуле. Он сидел за огромным старинным письменным столом из орехового дерева. — Астронавтическое антиэнтропийное агентство по оздоровлению природной среды, сокращенно «ААА-ПОПС», с готовностью решит все ваши проблемы.

— Не объясните ли нам, сэр, характер ваших проблем, — в свою очередь учтиво справился Арнольд.

Клиента все еще переполняли эмоции. Наконец он осушил слезы огромным носовым платком и с надеждой посмотрел

на компаньонов фирмы «ААА-ПОПС».

— Разорение! — вскричал он. — Вот что меня ждет. Мои лучшие поля...

— Мы понимаем вас, сэр, — ободрил его Грегор, — но объясните, почему вас ждет разорение?

— В Биттер-Лаге, на планете Сир, у меня есть ферма, — наконец, взяв себя в руки, начал рассказывать сирянин. — Я засеял зерновыми и другими культурами около восьмисот акров. И жду всходов в этом месяце. Но как только поля зазеленеют, проклятые крысы начисто сожрут всходы.

— Крысы? — удивился Арнольд.

— Да, так у нас называют этот вид грызунов семейства альфикс дрекс. — Слезы снова заставили беднягу полезть за платком. — В этом году настоящее крысиное нашествие. Мои поля кишат ими. Я перепробовал уже все средства, но эти твари плодятся быстрее, чем подыхают. Сняв урожай, я стану богатым и хорошо заплачу, если вы избавите меня от этой дряни, джентльмены.

— Думаю, мы сможем вам помочь, — заверил его Арнольд. — Разумеется, предварительно необходимо познакомиться с обстановкой. Мы предпочитаем знать заранее, с чем придется иметь дело.

— То же самое я слышал и от других фирм. Но время не терпит, — с горечью промолвил сирянин. — Я вложил в землю весь свой капитал. Через пару недель появятся всходы, и все они тут же будут уничтожены крысами. Вы должны

покончить с этой напастью до того, как зазеленеют поля, джентльмены.

Длинное худое лицо Грегора не выражало особой радости. Он был весьма консервативен в своих решениях и действиях, и ему не нравился такой подход. Из-за самоуверенности и бахвальства Арнольда их фирма почти всегда несла убытки, заключая практически невыполнимые контракты. Грегор противился этому как мог. Но, видимо, без риска не обойтись, если затеваешь такое дело, как антиэнтропийное агентство, и не имеешь ни гроша в кармане. Однако в последнее время им везло, образовалась даже кое-какая прибыль, и Грегору не хотелось рисковать. Вот почему подозрительный блеск в глазах компаньона настораживал его.

Сам клиент не вызывал у Грегора недоверия, но кто знает, как все это может обернуться. Вдруг на самом деле крысы окажутся семифутовыми детинами с бластерами в руках. У фирмы «ААА-ПОПС» уже бывали подобные непредвиденные сюрпризы.

— Вам раньше приходилось бороться с вредителями полей? — спросил он у сирянина.

— Конечно. Но то были случаи, не представляющие проблемы, например, летучие висюки, ползущие скегли или гниль обыкновенная. Это привычные заботы фермера.

— А почему сейчас с крысами возникли проблемы?

— Откуда мне знать, — сердито буркнул сирянин. — Говорите прямо, хотите заработать или нет?

— Конечно, хотим, — поспешил согласиться Арнольд. — Мы готовы начать хоть сейчас...

— Нам с партнером сначала надо посоветоваться, — решительно вмешался Грегор и вытащил Арнольда в коридор.

Коротышка и толстяк Арнольд, как всегда, был полон энтузиазма. Его, дипломированного химика, интересовало абсолютно все. Он был напичкан самой невероятной информацией, почерпнутой из десятков научных и технических журналов, которые выписывал не без ущерба для бюджета фирмы.

Добытая таким образом информация не приносила практической пользы. Мало кого интересовало, зачем аборигены планеты Денеб-Икс упорно ищут наилучший способ массового самоубийства или, например, почему в созвездии Дрея животный

мир представлен только летающими видами.

Но если бы кому-нибудь захотелось узнать это, Арнольд охотно поделился бы информацией.

— Интересно, во что мы впутаемся на этот раз, — сказал Грегор другу. — Что это за семейство альфикс дрекс?

— Это вид грызунов, — тут же пояснил Арнольд. — Чуть поменьше наших земных крыс и не такие агрессивные. Они питаются растительной пищей, живут на полях, в траве и в мелколесье. Как вид ничего особенного из себя не представляют.

— Гм. А если их там десятки миллионов?

— Тем лучше. Я говорю вполне серьезно, если бы клиент попросил нас доставлять ему каждую пятидесятую из уничтоженных крыс, я бы не взялся за это дело. Ведь тогда бы нам грозило потратить весь остаток жизни на поиски последних пяти или шести зверюг. Но, как я понял, от нас требуется вернуть популяцию крыс к обычной, «доэпидемической» численности. А этого мы вполне можем добиться, если оговорим все условия в контракте.

Грегор понимающе кивнул. У его компаньона хотя и очень редко, но все же появлялась деловая хватка.

— А мы сумеем вовремя справиться с ними? — все же переспросил он.

— Без всякого сомнения. Имеется несколько способов борьбы с грызунами. Морганизация — один из них, и неплохой. Или, например, система Турнье. Нам понадобится не более нескольких дней, чтобы уничтожить этих грызунов.

— Ладно, — сказал Грегор, — в контракте надо уточнить, что мы будем заниматься только крысами семейства альфикс дрекс. Для полной ясности.

— Хорошо.

Они снова вернулись в контору. Незамедлительно был составлен договор, в котором фирма «ААА-ПОПС» бралась за месяц истребить как можно большее число крыс на ферме заказчика. За каждый сэкономленный день компаньонам полагалось дополнительное вознаграждение, а в случае задержки — штраф за каждый просроченный день.

— Пока вы будете этим заниматься, — сказал сирянин, — я

отправлюсь в отпуск. Вы действительно считаете, что удастся спасти урожай?

— Не беспокойтесь, — заверил его Арнольд. У нас есть оборудование для проведения морганизации и аппараты для обработки зараженных мест по системе Турнье. И тот и другой способы весьма эффективны.

— Я знаю, — ответил клиент, — я тоже пользовался ими. Но, возможно, я что-то не так делал. Всего вам хорошего и желаю удачи, джентльмены.

Грегор и Арнольд еще долго молча смотрели на закрывшуюся за клиентом дверь.

На следующий день, загрузив в корабль оборудование, кипы руководств, ядохимикаты, ловушки и прочую аппаратуру для уничтожения грызунов, друзья направились на планету Сир.

После четырех дней путешествия без каких-либо приключений они наконец увидели под собой зеленеющие поля планеты Сир и береговую линию Биттер-Лага. Справившись по карте, определили место посадки.

Берни-спирит, ферма их клиента, была действительно прекрасным уголком: аккуратно распаханные поля и сочные луга, вековые деревья с густыми кронами, величественно чернеющие на фоне вечернего неба. А небольшой, но, очевидно, глубокий пруд поражал своей синевой.

Однако признаки запустения и нашествия крыс сразу бросались в глаза. Лужайки пестрели пятнами голой земли, листья деревьев, росших вокруг дома, казались увядшими и неухоженными. Внутри дома на мебели и стенах повсюду виднелись следы крысиных зубов, изгрызенными оказались даже массивные потолочные балки.

— Да, не повезло бедняге, — посочувствовал клиенту Арнольд.

— Это нам не повезло, — поправил его Грегор.

Обход дома сопровождался неумолкающим писком невидимых грызунов, попрятавшихся в щелях и норах. Когда Арнольд и Грегор приближались к дверям комнат, там сразу поднимался шум в панике разбегающихся тварей. Но друзьям так и не удалось увидеть ни одной крысы, паразиты успевали разбежаться до появления непрошеных гостей.

Наступил вечер, и уже не было смысла приступать к работе,

однако Арнольд и Грегор расставили все виды ловушек, чтобы проверить, какие из, них наиболее удачны против этих грызунов. Затем друзья достали спальные мешки и приготовились ко сну.

Арнольд умел засыпать в любых условиях, но для Грегора ночь выдалась малоприятной: целые полчища крыс проявляли невиданную активность. Было слышно, как они бегают по полу, натыкаются на ножки столов и стульев, грызут двери, прогуливаются по стенам. А едва Грегор задремал, тройка самых наглых зверьков оказалась у него на груди. Смахнув их рукой и поплотнее завернувшись в спальный мешок, он все же смог на несколько часов отключиться.

Утром компаньоны произвели осмотр ловушек и убедились, что все они пусты.

Несколько часов ушло на выгрузку из корабля, сборку и установку громоздкого оборудования Моргана. Пока Арнольд заканчивал последнюю пригонку деталей, Грегор извлек аппараты Турнье и опоясал дом электропроводами. Наконец друзья уселись и стали ждать массового истребления грызунов.

Наступил полдень. Прямо над их головами висело горячее маленькое солнце планеты Сир. Оборудование Моргана гудело и ворчало, словно разговаривало само с собой. Над проводами аппаратов Турнье то и дело вспыхивали синие разряды.

А больше ничего интересного не происходило.

Медленно тянулись долгие часы ожидания, Арнольд успел прочитать все руководства по борьбе с грызунами. Грегор вытащил колоду потрепанных карт и мрачно раскладывал пасьянс. Оборудование работало и монотонно жужжало, как и было обещано в прилагаемой инструкции. А электроэнергии оно съедало столько, что хватило бы на освещение небольшого городка.

Однако в результате не появилось ни одного крысиного трупа.

К вечеру стало окончательно ясно, что этим крысам не страшны ни морганизация, ни турньеризация. Пришло время ужинать и решать, что делать дальше.

— Как им удается избежать опасности? — спросил озадаченный Грегор, сидя на стуле и держа в руках открытую банку саморазогревающихся мясных консервов.

— Мутация, — не задумываясь ответил Арнольд.

— Да, вполне возможно. Уникальный ум, адаптация... — Грегор механически жевал рубленое мясо. В кухне, где они сидели, слышалось беспрестанное царапанье коготков по полу, шорох тушек, трущихся о стены нор, но ни одной из крыс так и не удалось увидеть.

Арнольд снял упаковку с яблочного пирога.

— Произошла мутация, и притом потрясающе хитрая, черт побери! Нам надо во что бы то ни стало поймать хотя бы одну крысу, иначе не разобраться, с чем мы столкнулись.

Но поймать даже одну крысу оказалось ничуть не легче, чем уничтожить тысячу. Крысы не показывались, не попадались в крысоловку, обходили приманки, западни и одурманивающие наживки.

В полночь Арнольд решительно заявил:

— Это невероятно.

Грегор рассеянно кивнул. Он заканчивал установку нового типа ловушки — большого металлического ящика, зазывающе открытого с двух сторон, если сюда забредет какая-нибудь глупая крыса, то по сигналу от фотоэлемента дверцы молниеносно закроются.

— А теперь посмотрим, — закончив подготовку, удовлетворенно сказал Грегор. Оставив ящик на ночь в кухне, они перешли в гостиную.

В половине третьего ночи дверцы ящика громко захлопнулись.

Арнольд и Грегор поспешили в кухню. В ящике слышен был шум, отчаянное царапанье и писк. Грегор зажег свет и поставил ящик стоймя. Хотя он знал, что ни одна крыса не сможет подняться по скользкой, отшлифованной стенке, он все-таки начал открывать верхнюю дверцу медленно, с большой осторожностью, дюйм за дюймом.

Писк усилился.

Оба компаньона с интересом заглядывали внутрь ловушки, надеясь наконец увидеть крысу в полной форме побежденного врага с белым флагом в лапах. Но они не увидели ничего. Ящик был пуст.

— Она не могла убежать! — разочарованно воскликнул Арнольд.

— Или прогрызть металлический ящик... Эй! Слышишь?

В ящике продолжались возня и писк, казалось, что крыса скребет лапами стенку ящика, отчаянно пытаясь выбраться наружу.

Грегор сунул руку в ящик и осторожно провел пальцами по

стенкам.

— Ой! — вскрикнул он и быстро выдернул руку. На указательном пальце были видны два небольших следа от зубов.

Шум в ящике усилился.

— Кажется, мы поймали крысу-невидимку, — мрачно изрек Грегор.

Клиент с планеты Сир отдыхал в Катакинни-кластер, в отеле Маджестик. Потребовалось два часа, чтобы связаться с ним по межпланетному телефону.

Свой разговор Грегор начал с крика:

— Вы ни словом не упомянули, что ваши крысы невидимки!

— Неужели? — удивился сирянин. — Это досадная оплошность с моей стороны. Ну и что дальше?

— А то, что вы нарушили контракт, — орал Грегор.

— Ничуть. Мой адвокат, который случайно тоже отдыхает в одном отеле со мной, утверждает, что невидимость животных подпадает под определение естественного свойства защиты, как, например, изменение окраски, и упоминать об этом в контракте как о чем-то исключительном не требуется; кстати, в юридической практике судьи не принимают во внимание состояние невидимости, даже если есть возможность доказать, что оно имеет место. Судьи называют такой феномен «относительной видимостью». В общем, это никак не может считаться нарушением контракта.

От подобной наглости Грегор лишился дара речи.

— Нам, бедным фермерам, приходится защищать себя, вы же знаете, — продолжал меж тем сирянин. — Но я верю в вашу способность справиться с порученной работой. До свидания.

— Он-то сообразил, как защитить себя, черт побери, — проворчал Арнольд, кладя трубку. — Если нам удастся уничтожить это невидимое полчище крыс, он окажется в большом выигрыше. А если нет, просто возместит расходы, оштрафовав нас за невыполнение контракта.

— Невидимки они или нет, — упорствовал Грегор, — но морганизация должна сделать свое дело.

— Однако ничего не получилось, — возразил Арнольд.

— Я знаю. А почему не получилось? Почему не сработали ловушки? Или система Турнье?

— Потому что это крысы-невидимки.

— Какое это имеет значение? Крысиный нюх у них остался, правильно? Они же обыкновенные крысы, и сами сознают это. Думаешь, нет?

— Что ж, — промолвил Арнольд, — если их невидимость — следствие мутации, то их обоняние и другие чувства тоже могли претерпеть изменения.

Грегор сосредоточенно нахмурился.

— А изменение в их органах чувств потребует от нас соответствующих изменений в борьбе с ними. Нам прежде всего надо узнать, чем этот вид крысы отличается от других, нормальных грызунов.

— Кроме того, что он невидим глазу, — добавил Арнольд.

Но как можно проверить органы чувств невидимой крысы? Грегор решил начать с построения некоего лабиринта из лучших экземпляров мебели в доме фермера. По замыслу стенки лабиринта должны были ярко освещаться, когда мимо пробегала крыса. Таким образом предполагалось отслеживать маршруты передвижения грызунов.

Арнольд же экспериментировал с красителями в поисках такого, который вернул бы крысам их видимость. Одно из красящих веществ оказалось настолько сильным, что на несколько мгновений вернуло крысе ее естественный облик. Словно по взмаху волшебной палочки перед глазами возник экземпляр удивленно моргающего грызуна с подвижным чутким носом. Тварь с возмутительным равнодушием посмотрела на Арнольда и бесстрашно повернулась к нему хвостом. Затем уникально быстрый процесс обмена веществ поглотил краситель, и крыса снова исчезла из поля зрения.

Грегору все-таки удалось, погоняв по лабиринту, поймать десяток экземпляров крыс-невидимок, но те оказались крайне непослушными. Большинство из них не желали двигаться предложенным маршрутом, пренебрегали едой — только играли с нею, а попробовать решительно отказывались. Даже электрошок не действовал.

Однако в целом опыт дал кое-какие результаты. Он подтвердил полную непригодность для данного случая той аппаратуры, которую компаньоны привезли с собой.

Как и всякое громоздкое оборудование, системы Моргана и Турнье были рассчитаны на «нормальных» грызунов, которых можно завлечь в ловушку и истребить, руководствуясь их основными инстинктами: голодом и страхом. Только для таких животных и подходила эта аппаратура.

Все шло своим чередом, пока в популяции преобладал обычный вид грызунов. А как только животные стали меняться, потребовался и новый способ борьбы с ними. Крысы на этой ферме свыклись с тем, что они невидимки.

Отныне им не был присущ панический страх, ибо никто теперь их не преследовал. Исчезла необходимость спасаться бегством и набрасываться на пищу, они находили ее где угодно и когда угодно. Таким образом всегда были сыты. Их больше не прельщал аппетитный запах, или предмет необычной формой, или новый звук.

С помощью систем Моргана и Турнье можно уничтожать лишь отдельных крыс, которые не успели или не смогли адаптироваться к новому состоянию невидимости, это лишь заставляло всех остальных адаптироваться быстрее в новых условиях.

Что же произошло с извечными врагами крыс, призванными сохранять естественный баланс в природе? Чтобы узнать это, Арнольду и Грегору предстояло немедленно, в самом срочном порядке изучить фауну Биттер-Лага.

Мало-помалу, факт за фактом они восстановили все, что, по-видимому, здесь произошло. На планете Сир у крыс были свои враги: летучие висюки, дрыги, древесные скурлы и оменюги.

Все эти неимоверные твари не смогли, однако, в одночасье измениться. Прежде всего они принадлежали к миру видимых существ, для которых нюх — лишь вспомогательное средство, и хотя запах крыс весьма силен, их противник в охоте за пищей больше полагался на зрение и верил лишь глазам. Поэтому вскоре вместо грызунов они стали пожирать себе подобных, оставив в покое невидимых животных.

Это позволило крысам плодиться и плодиться...

Так фирма «ААА-ПОПС» оказалась неспособной остановить крысиное нашествие.

— Мы начали не с того конца, — спустя неделю, не давшую

результатов, глубокомысленно заметил Грегор. — Прежде надо выяснить, почему крысы здесь стали невидимыми. Тогда мы сможем понять, как с ними справиться.

— Мутация, — упрямо стоял на своем Арнольд.

— Я не верю в это. Ни одно существо пока еще не стало невидимым в результате мутации. Почему это началось именно с крыс?

Арнольд пожал плечами.

— Вспомни хамелеона. Есть гусеницы, похожие на ветки деревьев, другие принимают окраску и форму листьев. У некоторых видов рыб естественная окраска настолько похожа на морское дно, что...

— Да, да, это всем известно, — нетерпеливо прервал его Грегор. — Это называется мимикрия в целях защиты. Но стать невидимыми...

— Некоторые виды медуз бывают настолько прозрачны, что сквозь них видно морское дно, а сами они как бы становятся невидимыми, — продолжал упорствовать Арнольд. — Быстрый полет колибри делает тоже почти невидимой маленькую птичку, а землеройка прячется так искусно, что почти никому не попадается на глаза. Все эти виды уже на пути к превращению в невидимок.

— Это ерунда. Природа наделила всех живых существ средствами защиты, но она никогда не давала преимущества лишь одному какому-то виду.

— Это смахивает на телеологию, — возразил Арнольд, — ты полагаешь, что у природы есть определенная цель во всем, как у хорошего садовника. Я же утверждаю, что это слепой процесс усреднения. Конечно, в конце концов преобладает нечто среднее, но есть шанс и для крайностей. Природа, в конце концов, придет к проблеме невидимого.

— Это ты рассуждаешь с позиции телеологии и пытаешься убедить меня в том, что целью мимикрии в природе является желание быть невидимым.

— Так мне кажется. Вот подумай...

— К черту эти рассуждения, — устало сказал Грегор. — Я не совсем точно знаю, что такое телеология, но мы находимся здесь десять дней и за это время поймали около пятидесяти крыс из

нескольких миллионов. И ни одна холера их не берет. Что будем делать дальше?

Они сидели молча, прислушиваясь к крику кружащего над полями висюка.

— Если бы этим глазастым охотникам за грызунами еще и мозги в придачу! — печально заметил Арнольд.

— Да, это охотники за видимой целью. Вот если бы они...

Грегор неожиданно умолк и уставился на Арнольда. Тот какое-то мгновение недоуменно смотрел на компаньона, а потом его мрачное лицо осветилось пониманием.

— Конечно! — воскликнул Арнольд.

Грегор бросился к телефону и вызвал Галактическую экспресс-службу по доставке грузов.

— Алло! Примите срочный заказ...

Экспресс-служба превзошла саму себя. Через два дня на плешивой лужайке фермы Берни-спирит лежали доставленные с Земли десять небольших ящиков. Грегор и Арнольд перетаскали их в дом, а затем открыли первый. Из него с достоинством вышла большая великолепная и гордая кошка с лоснящейся шерстью и желтыми бесовскими глазами. Это была специальная порода, выведенная на Земле, ее охотничий инстинкт удалось обострить путем скрещивания с инопланетными разновидностями.

Кошка мрачно посмотрела на мужчин и принюхалась.

— Не надо питать особых надежд, — осторожно сказал Грегор, следя за тем, как животное пересекает комнату. — Она ведет себя не так, как нормальные кошки.

— Тсс, — прошипел Арнольд. — Не отвлекай ее.

Кошка остановилась и, чуть склонив набок голову, настороженно прислушивалась к писку и возне сотен невидимых крыс, без всякого страха пробегавших мимо нее. Кошка принюхивалась и щурила глаза.

— Ей здесь не нравится, — прошептал Грегор.

— А кому здесь может понравиться? — тоже шепотом ответил Арнольд.

Кошка сделала осторожный шаг. А подняв переднюю лапу для следующего, вдруг опустила ее.

— Она и не собирается охотиться, — разочарованно промолвил

Грегор. — Может, лучше выписать сюда терьеров...

Но кошка внезапно прыгнула. Раздался отчаянный писк, похоже, она кого-то держала в лапах. Затем, сердито мяукнув, впилась зубами в невидимую плоть, и писк прекратился.

Зато он значительно усилился по всем углам. Кажется, крысы были в панике. И тогда Грегор не колеблясь выпустил еще четырех кошек, оставив пятерых про запас. На несколько минут комната превратилась в бойню. Друзьям пришлось покинуть ее: нервы могли не выдержать такого.

— Самое время отпраздновать, — сказал Арнольд, открывая одну из припасенных им бутылок бренди.

— Пожалуй, рановато... — нерешительно промолвил Грегор.

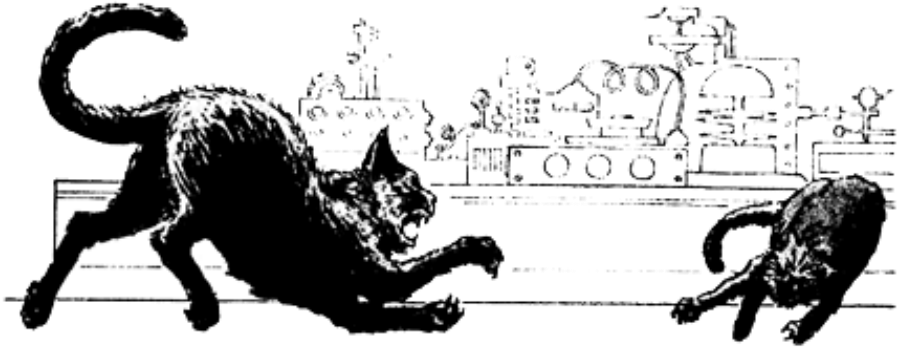
— Отчего же? Кошки знают свое дело, все идет отлично. Кстати, напомни мне, чтобы я заказал еще несколько сотен этих замечательных зверюг.

— Хорошо, напомню. А что, если крысы снова станут осторожничать?

— В этом-то и весь смак! — заметил Арнольд, наливая в стаканы бренди. — Какими бы хитрыми ни были крысы, для кошек они всегда мясо. А если вдруг вернутся в прежнее, видимое состояние, испробуем на них оборудование Моргана.

Грегор не возражал. Крысы не выживут, если их взять в клещи: с одной стороны когти и зубы, с другой — морганизация. Через неделю здесь все будет в полном порядке, и фирму ждет неплохая прибыль.

— Предлагаю тост за земных кошек, — поднял стакан Арнольд.



— Присоединяюсь, — поддержал его Грегор. — Пью за храбрую, простую и разумную земную кошку.

— Крысы-невидимки не могут сбить с толку нашу кошку.

— Она поймает и съест любую крысу, видит она ее или нет, — удовлетворенно заявил Грегор, прислушиваясь к душераздирающим воплям и писку за стеной, — вся эта какофония звучала для компаньонов как самая сладкая музыка.

Тостов было много, и все в честь многочисленных и достойнейших качеств земной породы кошек. Потом пошли тосты за саму планету Земля и, наконец, за другие родственные ей миры по алфавиту, начиная с Абака.

Бренди кончился где-то на Глострее. К счастью, у хозяина фермы оказалась неплохая коллекция местных вин.

Арнольд отключился на тосте в честь Уонликса, Грегор же, совсем чуть-чуть не дотянув до конца алфавита, положил руки на стол, уронил на них голову и заснул.

Проснулись они поздно с неизбежной головной болью, неприятным ощущением в желудке и болью в окоченевших суставах. Вдобавок ко всему вскоре выяснилось, что их храбрые, умные и разумные кошки с планеты Земля куда-то исчезли.

Друзья обыскали весь дом, все амбары, лужайки и даже поля. Разрыли крысиные норы и даже заглянули в заброшенный колодец.

Кошек не было, они исчезли, не оставив после себя даже клочка шерсти.

А тем временем крысы все так же весело и беззаботно бегали по дому, чувствуя себя в полной безопасности, ведь они по-прежнему были невидимы глазу.

— И это после столь отлично проделанной работы! — сокрушался Арнольд. — Ты думаешь, крысы дали кошкам хороший отпор?

— Не думаю, — ответил Грегор. — Это противоречило бы их крысиной сути. Скорее похоже на то, что кошки сами разбежались.

— Но здесь у них столько отличной еды! — недоумевал Арнольд. — Такого просто не бывает с кошками!

— Кис-кис-кис, — в последний раз позвал Грегор, но вместо знакомого мяуканья услышал лишь довольный писк по-прежнему беззаботного полчища крыс.

— Мы должны узнать, что произошло, — решительно сказал Арнольд, подходя к ящикам с оставшимися пятью кошками. — Мы повторим эксперимент, но на сей раз будем все держать под контролем.

С этими словами он, вытащив из ящика новую кошку, надел на нее ошейник с колокольчиком. Потом Грегор закрыл в доме все двери, и охота началась.

Кошка яростью кинулась на добычу, и вскоре компаньоны фирмы «ААА-ПОПС» наконец-то собственными глазами увидели тех, кто побывал в острых кошачьих зубах. Вместе с жизнью крыс покидала и их загадочная способность к невидимости.

— И все же это не ответ на наши вопросы, — возразил Арнольд.

— Потерпи и продолжай наблюдать, — велел ему Грегор.

Немного вздремнув, кошка попила воды и снова принялась за работу. Теперь Арнольда сморил сон, но Грегор продолжал наблюдать, и его посещали мысли одна мрачнее другой.

Он отлично понимал, что полмесяца они уже потеряли, а крысиное полчище не уменьшилось. Кошки в принципе могли справиться, но если после нескольких часов они теряют к охоте интерес, то во сколько же фирме обойдется полное уничтожение крыс? Возможно, терьеры справятся с этим лучше, или с ними

произойдет то же самое?..

И вдруг... Охнув, он стал тормошить Арнольда.

— Эй, ты что? — сердито огрызнулся тот, просыпаясь и оглядываясь вокруг.

Там, где только что друзья могли видеть решительную, занятую ловлей крыс кошку, теперь остался только ее ошейник, повисший в воздухе над полом. Колокольчик продолжал весело позвякивать.

— Кошка тоже превратилась в невидимку! — взвыл Арнольд. — Как это могло случиться? Почему?

— Должно быть, что-то сожрала, — промолвил Грегор, в испуганном недоумении наблюдая за перемещениями ошейника по комнате.

— Кошка ела только крыс.

Приятели посмотрели друг на друга так, будто одна и та же мысль внезапно осенила их.

— Значит, умение крыс становиться невидимыми не имеет никакого отношения к мутации! — воскликнул Грегор. — Сколько раз я твердил тебе это! Подобное свойство так не передается. Следовательно, крысы тоже чего-то поели.

Арнольд кивнул в знак согласия.

— Я подозревал. Очевидно, это произошло, когда кошка вдоволь наелась крысами.

По тому, что творилось в комнате, они догадались: невидимая кошка продолжает пожирать невидимых крыс.

— Все они, должно быть, где-то здесь, в доме, — заметил Грегор. — Только почему не откликнулись на зов?

— Кошки — существа независимые, — высказал предположение Арнольд.

Позвякивал колокольчик. Ошейник опустился пониже к полу и продолжал рывками перемещаться из стороны в сторону. Грегор уж было подумал, что им не стоит так огорчаться, раз кошка продолжает ловить крыс.

Но пока он размышлял об этом, колокольчик умолк.

Ошейник неподвижно лежал на полу посреди комнаты, а затем и он стал как бы растворяться, пока окончательно не исчез.

На полу не осталось ничего.

Грегор обескуражено смотрел на то место, где только что лежал

ошейник.

— Этого не было. Этого не могло произойти, произнес он еле слышно.

К сожалению, он видел, что это произошло.

Он больше не знал ничего о кошке: прыгает она или крадется, наступает или отступает. Невидимая кошка просто исчезла.

Хотя времени у компаньонов почти не осталось, они понимали, что все придется начинать сначала. Им необходимо узнать, почему крысы и кошки становятся невидимками. Арнольд закрылся в лаборатории, которую сам себе соорудил, и стал брать пробы почти всего, что окружало дом. Глаза у него покраснели от напряжения и долгих часов, проведенных над микроскопом, он порядком осунулся и вздрагивал при каждом звуке.

А Грегор продолжал эксперимент с кошками. Прежде чем выпустить седьмую, вмонтировал ей в ошейник крохотный радар, подающий сигналы. Но произошло все то же, что с ее предшественницей. После нескольких часов активной охоты на крыс кошка стала невидимой, а затем вовсе исчезла. Умолк и радар.

Теперь Грегор сосредоточил все свое внимание на оставшихся трех кошках. Восьмую и девятую он поместил в отдельные клетки и кормил строго дозированными кусочками крысиного мяса. Когда по прошествии нескольких часов кошки стали невидимыми, Грегор перестал класть корм в клетку восьмой, но по-прежнему продолжал давать крысиное мясо девятой. Кошка номер 9 исчезла без следа, как и все до нее, а вот кошка номер 8 хотя и была невидимой, но продолжала существовать.

У Грегора в связи с этим состоялся долгий, на высоких тонах, телефонный разговор со своим клиентом, фермером с Сира. Тот попросил фирму «ААА-ПОПС», уплатив небольшую неустойку, прекратить дальнейшую работу и уступить ее более солидной и опытной компании, Грегор наотрез отказался.

Потом, правда, засомневался в правильности решения. Разгадать загадки фермы Берни-спирит — дело, конечно, не из легких, может затянуться на многие годы. Одна тайна невидимости зверей чего стоит! Но хуже всего было полное их исчезновение. Оно практически не оставляло шансов на успех.

Грегор ломал голову над этими проблемами, когда в комнату

вошел Арнольд. Вид у него был какой-то ошалелый, на губах играла улыбка идиота.

— Вот, смотри, — сказал он, протянув Грегору руку ладонью вверх.

Грегор посмотрел на пустую ладонь Арнольда.

— Что это? — спросил Грегор.

— Всего лишь секрет наших невидимок, — торжествующе хихикнув, ответил Арнольд.

— Я ничего не вижу, — осторожно сказал Грегор, пытаясь вспомнить, как в таких случаях следует вести себя с сумасшедшими.

— Конечно, не видишь, — торжествовал Арнольд. — Это невидимка.

Грегор продолжал пятиться от него до тех пор, пока не убедился, что их разделяет стол.

— Отличная работа, старина, — успокаивающе произнес он. — Твоя ладонь войдет в историю! Может, расскажешь, что все это значит.

— Перестань высмеивать меня, идиот, — огрызнулся Арнольд, продолжая стоять с протянутой рукой. — Ты ничего не видишь, но в моей ладони кое-что есть. Потрогай.

Грегор нерешительно протянул руку. На ладони Арнольда лежало нечто, казавшееся на ощупь кучкой жестких листьев.

— Невидимое растение! — догадался Грегор.

— Именно. Вот он, виновник наших бед и неудач.

Арнольд тщательно обследовал все вокруг дома и сделал массу проб, но безрезультатно. Но однажды, прогуливаясь, увидел на лужайке голое пятно без признаков растительности, а потом заметил, что такие пятна повторяются во многих концах лужайки. И обратил внимание на расположение пятен. Было похоже, что они аккуратно размечены.

Нагнувшись, Арнольд стал внимательно разглядывать странную «плешь». На ней ничего не росло — почти голый грунт. Почти.

Арнольд потрогал его рукой и тут обнаружил: на голой земле росло нечто. И это нечто было невидимым.

— Насколько я понимаю, это совершенно незнакомое нам растение-невидимка.

— Откуда оно попало сюда?

— Из тех мест, где пока еще не ступала нога человека, — уверенно ответил Арнольд. — Полагаю, что предок этого растения когда-то летал в космосе в виде микроскопической споры, и в конце концов его занесло на орбиту планеты Сир. Спора упала на лужайку фермы Берни-спирит, пустила корни, растение расцвело и дало семена. Вот и все. Мы знаем, что эти крысы травоядные, с достаточно хорошим обонянием. Видимо, растение пришлось им по вкусу.

— Но оно невидимо!

— Крыс это мало беспокоит. Невидимость слишком сложное понятие для разума грызунов.

— Ты считаешь, что они все ели его?

— Нет, не все, но у тех, кто ел, оказалось больше шансов выжить, их не могли увидеть такие хищники, как летучие висюки и дрыги. Свое пристрастие к этому растению крысы передавали потомству.

— Затем появились наши кошки, которые стали поедать крыс-невидимок в таких количествах, что сами стали невидимыми. Отлично. Но почему они вдруг исчезли?

— Это же совершенно ясно, — сказал Арнольд. — Крысы кроме невидимой ели и другую, нормальную пищу, а кошки — только крыс. Они получили слишком большую дозу этого таинственного препарата.

— Большая доза приводит к исчезновению? Но куда?

— Возможно, когда-нибудь мы узнаем, но сейчас нам предстоит работа. Надо выжечь эти участки. Когда организм крыс избавится от яда, они снова превратятся в нормальных грызунов. Там уж наши кошки доведут свое дело до конца.

— Надеюсь, так оно и будет, — неуверенно согласился Грегор.

Они решили применить переносные огнеметы. Отыскать участки травы-невидимки на густых зеленых лугах Берни-спирит было проще простого. На этот раз невидимость растений сделала их легкой добычей.

К вечеру Грегор и Арнольд выжгли дотла все участки с проклятой травой.

А на следующее утро, обходя пепелища, были удивлены новыми всходами.

— Не следует тревожиться, — успокоил друга Арнольд. — Видимо, трава дала семена до того, как мы ее выжгли. Но это будет

последний урожай.

Еще один день ушел на повторное уничтожение. Лужайка была выжжена почти вся. К вечеру Галактическая экспресс-служба доставила новую партию кошек. Поместив их в клетки, друзья решили оставить свой боевой резерв на тот день, когда крысы снова обретут видимый облик.

Утром следующего дня на выжженном грунте лужаек появились новые всходы. Компаньоны межпланетной службы «ААА-ПОПС» устроили срочное заседание.

— Это идиотская затея, — заявил Грегор.

— Но это наш единственный выход, — настаивал Арнольд.

Грегор упрямо мотал головой.

— Тогда что нам делать? — наседал Арнольд.

— Ты можешь что-то предложить?

— Нет.

— У нас осталась всего неделя до истечения срока контракта. Мы и так уже потеряли часть гонорара. А если совсем не справимся с работой, нас просто вышвырнут из этого бизнеса.

Арнольд поставил на стол миску с невидимым растением.

— Мы должны знать, куда исчезают кошки, съевшие крыс, которые нажрались этой дрянной травы.

Грегор вскочил и зашагал по комнате.

— Они могут оказаться внутри какого-нибудь солнца, если на то пошло.

— Тогда придется рискнуть, — сурово промолвил Арнольд.

— Хорошо, — вздохнув, смирился Грегор. — Начинай!

— Что?

— Я сказал — начинай.

— Я?

— А кто же еще? Я не стану есть эту дрянь. Это была твоя идея.

— Но я не могу! — Арнольд даже вспотел от испуга. — Я единственный исследователь в нашей фирме. Я должен остаться здесь, собирать и сопоставлять данные. Кроме того, у меня аллергия на зелень.

— На этот раз собирать и сопоставлять буду я.

— Но ты не умеешь! Я должен работать над новыми красителями. Мои записи понятны только мне, ты в них не

разберешься. Кроме того, в ретортах готовятся новые смеси. Я собираюсь провести опыты с цветочной пыльцой на...

— Ладно, ты разжалобил меня, — устало промолвил Грегор. — Сдаюсь. Но это будет в последний раз, по-настоящему в последний.

— Обещаю, старина. — Арнольд быстро вытащил из миски пригоршню невидимой травы. — Вот, жуй. Отлично, бери еще. Какая она на вкус?

— Похожа на капусту, — пробормотал жующий Грегор.

— В одном я уверен, — промолвил Арнольд. — В таком теле, как твое, эффект не может быть длительным. Организм избавится от яда довольно быстро. Ты почти сразу снова станешь самим собой.

Меж тем Грегор уже почти растаял, видимой оставалась только его одежда.

— Как ты себя чувствуешь? — допытывался Арнольд.

— Как всегда, никаких изменений.

— Съешь еще.

Грегор отправил в рот последние две щепотки травы. И тут же исчез, вместе с одеждой и прочим.

— Грегор! — испуганно позвал Арнольд. — Ты здесь?

Ответа не последовало.

— Он исчез, — промолвил Арнольд. — А я даже не пожелал ему доброго пути.

Арнольд вернулся к своим ретортам и чуть уменьшил под ними пламя. Поработав минут пятнадцать, он вдруг все бросил и обвел глазами пустую комнату.

— Это ничего, что я не успел пожелать ему доброго пути, — сказал он вслух. — Ему ничто не грозит.

Потом приготовил себе ужин. Поднося вилку ко рту, вдруг остановился.

— И все же жаль, что я не попрощался с ним, — пробормотал он виновато.

Но тут же решительно прогнал все мрачные мысли и вернулся к своим опытам.

Арнольд провел в лаборатории всю ночь, а на рассвете смертельно усталый рухнул на кровать и тут же уснул. Проснувшись после полудня и наспех поев, он снова занялся опытами.

После исчезновения Грегора прошли сутки.

Вечером позвонил сирянин, и Арнольд заверил его, что крысы под контролем и окончательная победа — это лишь вопрос времени.

Затем Арнольд заново перечитал все руководства по истреблению грызунов, проверил оборудование, заменил кое-где проводку в морганайзере, обдумал еще одну идейку по поводу нового вида крысоловок, прошелся огнем по свежим порослям чертовой травы и, наконец, лег спать.

А когда вновь проснулся, первое, о чем подумал, было: с момента исчезновения Грегора прошло семьдесят два часа. Может случиться так, что он уже никогда не вернется.

«Грегор принес себя в жертву науке, — успокаивал себя Арнольд. — Я поставлю ему памятник».

Но это казалось такой мизерной данью памяти друга. Он должен был сам съесть эту «капусту». Грегор всегда терялся в трудных обстоятельствах. Да, он был храбр, этого у него не отнять, а вот приспосабливаться не умел.

Впрочем, внутри неведомого солнца никакое умение приспособиться не поможет. Или попробуйте выжить, например, в космическом вакууме или...

Тут Арнольд услышал за собой какой-то шорох и быстро обернулся.

— Грегор! — радостно закричал он.

Но это был не Грегор.

Существо, стоявшее перед ним, оказалось не выше четырех футов, но имело много рук и ног. Оно было розовато-серым от изрядного слоя грязи, а за спиной у странного гостя болталась котомка, судя по всему, довольно тяжелая. Странно вытянутую и сужающуюся к макушке голову незнакомца венчал островерхий головной убор. Впрочем, это и была вся его одежда.

— Вы, надеюсь, не Грегор? — робко справился Арнольд, слишком потрясенный, чтобы действовать разумно.

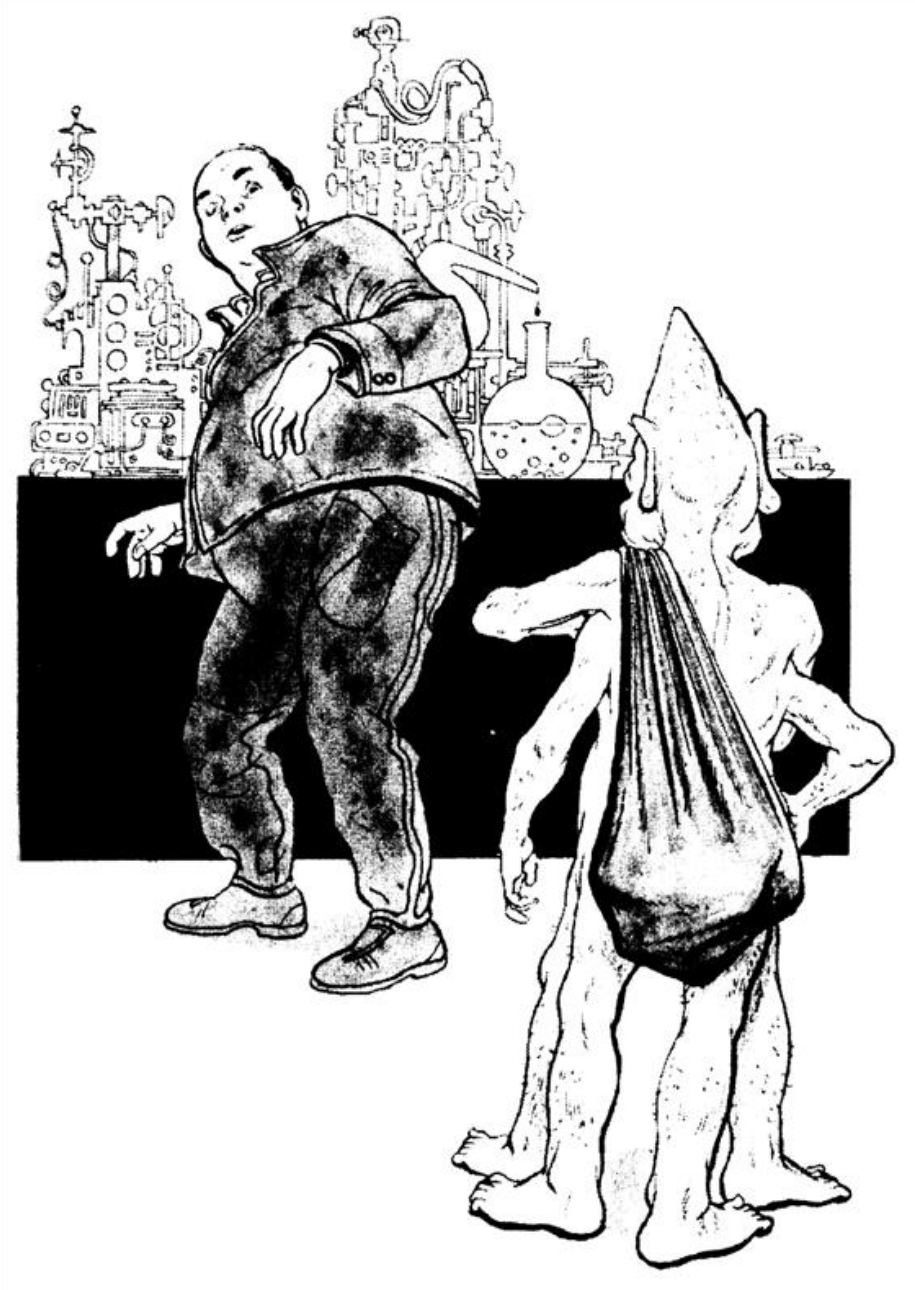
— Конечно, нет, — ответило существо. — Я Хэм.

— О... А вы случайно не встречали моего партнера? Его зовут Ричард Грегор. Он на добрый фут выше меня ростом, худощав и...

— Конечно, я встречал его, — подтвердил Хэм. — А разве он не здесь?

— Нет.

— Странно. Надеюсь, с ним ничего не случилось. — Гость сел и



тут же принялся скрести себя под тремя подмышками.

Чувствуя легкую дурноту от подступающего страха, Арнольд спросил:

— Вы откуда?

— С планеты Оол, конечно, — ответил Хэм. — Мы там сеем наш скомп. А здесь он дает свои всходы.

— Простите, одну минуту. — Арнольд тяжело опустился на стул. — Прошу вас, начните сначала.

— Все очень просто. Испокон веков жители планеты Оол выращивали скомп. На ранних стадиях своего созревания это растение исчезает на несколько недель. А потом уже в зрелом состоянии снова появляется на полях нашей планеты. Мы собираем его и употребляем в пищу.

— Вы говорите слишком быстро, я не все понимаю. Где находится ваша планета?

— Грегор считает, что Оол находится в параллельном мире. Я ничего об этом не знаю. Ваш Грегор появился на моем поле месяца два тому назад. Это он обучил меня английскому языку. А затем...

— Два месяца назад? — растерянно повторил Арнольд и призадумался. — Разница во времени, я полагаю. Ладно, рассказывайте дальше.

— Нет ли у вас чего-нибудь поесть? — неожиданно спросил Хэм. — Я не ел три дня. Не мог, сами понимаете. — Арнольд безмолвно протянул ему ломоть хлеба и подвинул банку с джемом. — Когда была открыта Новая Территория, — продолжал Хэм, — я первым решил рискнуть. Собрал всю свою живность, купил три жены класса «Б» и отправился в путь. Прибыв на место, я...

— Остановитесь! — умоляюще промолвил Арнольд. — Какое это имеет отношение к моим вопросам?

— Именно так все и произошло. Не перебивайте.

Почесывая одной рукой зудящее плечо, а двумя другими запихивая в рот хлеб с джемом, Хэм продолжил:

— Я прибыл на Новую Территорию и посеял здесь скомп. Посевы взошли, скомп зацвел и исчез, как и положено. Но когда скомп снова появился на моем поле, он оказался изгрызенным какими-то вредителями. Что ж, фермеров часто ждут неудачи. Я посеял скомп еще раз. Урожай вновь оказался никудышным. Это разозлило меня.

Но я решил продолжать посевы. Мы, пионеры, народ упорный, вы это знаете. Но я был уже готов отступить, бросить свою затею и вернуться к цивилизации, как вдруг и появился ваш партнер...

— Подождите, дайте разобраться, — перебил его Арнольд. — Вы из параллельного мира. Значит, для того, чтобы, получить урожай,,вашего скомпа, его надо выращивать до полной зрелости, в двух параллельных мирах.

— Совершенно верно. По крайней мере так объяснил нам ваш Грегор.

— Странный способ выращивать сельскохозяйственные культуры.

— А нам подходит, — обиженно сказал пришелец с планеты Оол. Теперь он одновременно чесал себя под четырьмя коленками. — Грегор объяснил нам, что семена могут попасть на любую, даже незаселенную планету вашей Вселенной. На сей раз, когда я высадил скомп на Новой Территории, он взошел здесь.

— Ага! — торжествующе воскликнул Арнольд.

— Что значит «ага»? Грегор не говорил, что есть такое слово. Ладно, он все равно помог мне. Сказал, что незачем бросать свои поля на Новой Территории, просто я должен засевать скомп на других участках. Грегор объяснил, что между параллельными мирами нет сходства один к одному. Хотя я и не понимаю, что это значит. А то, что я принес, это плата за другую услугу.

С глухим стуком он уронил свою тяжелую котомку на пол. Арнольд развязал ее и заглянул внутрь. Там были желтые слитки, похожие на золото.

И в это время зазвонил телефон. Арнольд схватил трубку.

— Алло, — услышал он голос Грегора. — Хэм еще у тебя?

— Да...

— Он все тебе объяснил? О параллельных мирах, о том, как выращивают скомп?

— Мне кажется, я начинаю понимать, но... — промолвил Арнольд.

— Теперь слушай, что я тебе скажу, — перебил его Грегор. — Перед тем как мы уничтожили всходы скомпа на нашей лужайке, Хэм успел посеять его вновь на своей планете. Поскольку в его мире время тянется медленнее, у нас на Сире всходы появились в течение

одной ночи. Но этого больше не случится. Хэм будет сеять скомп на других полях. И если ты уничтожишь всходы, они уже никогда не появятся. Пережди недельку, а там и выпускай кошек с морганайзером на пару.

Арнольд крепко зажмурился. Грегору понадобилось два месяца, чтобы все это продумать и проверить. А ему не удалось. Просто не хватило времени.

— А как быть с Хэмом? — спросил он Грегора.

— Он пожует своего скомпа и вернется домой. Нам пришлось немало поголодать, пока эта дрянь вышла из нас, и мы оба сумели попасть в наш мир.

— Хорошо, — покорно сказал Арнольд. — Но мне кажется... Эй, где же ты сейчас?

Грегор довольно хохотнул.

— Ты же знаешь, между параллельными мирами нет сходства один к одному. Я стоял на краю поля, когда действие скомпа на мой организм прекратилось, и я таким образом оказался на планете Тул.

— Но это же на другом конце Галактики!

— Знаю. Встретимся на Земле. Не забудь привезти золотые слитки.

Арнольд повесил трубку. Хэма уже и след простыл.

Только тогда Арнольд вспомнил, что не спросил у Грегора, что это за «другая услуга», за которую инопланетянин заплатил чистым золотом.

Об этом Арнольд узнал позднее, когда они с Грегором вернулись на Землю в свою фирму «ААА-ПОПС». Крысы на планете Сир, как и ожидалось, снова обрели привычный облик и были соответственно уничтожены с помощью кошек и морганайзера. Условия контракта фирма выполнила. Пришлось, конечно, поступиться частью прибыли и уплатить штраф за двухнедельную просрочку. Но эта потеря была с лихвой восполнена золотыми слитками пришельца с планеты Оол.

— Его поля пострадали от наших кошек, — рассказал Арнольду Грегор. — Они будоражили и даже пугали скот. Я отловил всех кошек и продал их Центральному зоопарку планеты Оол. Там никогда не видели подобных зверей. Мой клиент и я разделили выручку.

— Что ж, — задумчиво промолвил Арнольд и почесал в затылке,

— все сложилось как нельзя лучше.

— Я тоже так считаю.

Сказав это, Грегор энергично поскреб зудящее плечо. Арнольд внимательно посмотрел на него, но тут же почувствовал, как и у него зачесалась грудь, затем голова, нога, и вообще чесалось все тело!

— Боюсь, не все еще кончилось, — заметил Грегор.

— Почему ты так считаешь? — спросил Арнольд и начал яростно чесать левое плечо. — Что случилось?

— Хэма нельзя назвать чистюлей, это верно, да и сама планета Оол довольно грязное место.

— Ну и что из этого?

— А то, что, похоже, я набрался там вшей, — ответил Грегор, отчаянно скребя живот. — Вшей-невидимок, как ты сам догадываешься.

Мятеж шлюпки

— Выкладывайте по совести, видели вы когда-нибудь, машину, лучше этой? — спросил Джо, по прозвищу Космический старьевщик. — Только взгляните на сервоприводы!

— Да-а... — с сомнением протянул Грегор.

— А каков корпус! — любовно поглаживая сверкающий борт шлюпки, вкрадчиво продолжал Джо. — Держу пари, ему не меньше пятисот лет — и ни малейшего следа ржавчины.

Поглаживание, несомненно, означало, что компании «Межпланетная служба обеззараживания ААА Ас» невероятно повезло. Именно в тот самый момент, когда ей так нужна спасательная шлюпка, этот шедевр кораблестроения оказался под рукой.

— Внешне она, конечно, выглядит неплохо, — произнес Арнольд с нарочитой небрежностью влюбленного, пытающегося скрыть свои чувства. — Твое мнение, Дик?

Ричард Грегор хранил молчание. Нет слов, внешне лодка выглядит неплохо. По всей вероятности, на ней вполне можно исследовать океан на Трайденте. Однако следует держать ухо востро, имея дело с Джо.

— Теперь таких больше не строят, — вздохнул Джо. — А двигатель — просто чудо, его не повредишь механическим молотом.

— Выглядит-то она хорошо, — процедил Грегор.

Фирма «ААА Ас» в прошлом уже имела дела с Джо, и это научило ее осторожности. Джо отнюдь не был обманщиком; механический хлам, собранный им по всей населенной части вселенной, неизменно действовал. Однако частенько древние машины имели свое мнение по поводу того, как надо выполнять работу, и выходили из себя, если их пытались переучивать.

— Плевать я хотел на ее красоту, долговечность, скорость и комфортабельность! — продолжал Грегор вызывающе. — Я только хочу быть уверенным в безопасности.

Джо кивнул в знак согласия.

— Это, безусловно, самое главное. Пройдем в каюту.

Когда они вошли в лодку, Джо приблизился к пульту

управления, таинственно улыбнулся и нажал на кнопку.

Грегор тотчас услышал голос, который, казалось, звучал у него в голове:

— Я, спасательная шлюпка 324-А. Моя главная задача...

— Телепатия? — поинтересовался Грегор.

— Прямая передача мыслей, — сказал Джо, горделиво улыбаясь. — Никакого языкового барьера. Вам же сказано, что теперь таких не строят.

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — послышалось снова. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично.

— Ничто не может быть безопаснее! — воскликнул Джо. — Это не бездушный кусок железа. Шлюпка присмотрит за вами. Она заботится о своей команде.

На Грегора это произвело впечатление, хотя идея чувствующей лодки претила ему, а патерналистские настроения машины всегда раздражали его.

— Мы ее забираем, — выпалил Арнольд. Он не испытывал подобных сомнений.

— И не пожалеете, — подхватил Джо в своей обычной открытой и честной манере, которая уже принесла ему много миллионов долларов.

Грегору оставалось лишь надеяться, что на этот раз Джо окажется прав.

На следующий день спасательная шлюпка была погружена на борт звездолета, и друзья стартовали по направлению к Трайденту.

Эта планета, расположенная в самом сердце Восточной Аллеи Звезд, была недавно куплена торговцем недвижимостью. По его мнению, она была почти идеальным местом для колонизации. Трайдент был размером почти с Марс, но обладал лучшим климатом. Кроме того, там не было ни хитроумных аборигенов, с которыми пришлось бы сражаться, ни ядовитых растений, ни заразных болезней. В отличие от многих других миров на Трайденте не водились хищные звери. Там вообще не водились животные. Вся планета, за исключением одного небольшого острова и полярной шапки, была покрыта водой.

Конечно, там не было недостатка и в тверди: уровень воды в нескольких морях Трайдента был всего лишь до коленей. Вся беда была в том, что суша не выступала из воды, и компания «ААА Ас» была приглашена специально для того, чтобы устранить эту маленькую ошибку природы.

После посадки звездолета на единственный остров планеты шлюпку спустили на воду. Весь остаток дня был посвящен проверке и погрузке исследовательской аппаратуры. Едва забрезжил рассвет, Грегор приготовил сандвичи и заполнил канистру водой. Все было готово для начала работы.

Как только стало совсем светло, Грегор пришел в рубку к Арнольду. Коротким движением Арнольд нажал на кнопку «один».

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — услышали они. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично. Для полной активизации нажмите на кнопку два.

Грегор опустил палец на вторую кнопку.

Где-то в глубине трюма послышалось приглушенное гудение. Больше ничего не произошло.

— Странно, — произнес Грегор и нажал на кнопку еще раз.

Гудение повторилось.

— Похоже на короткое замыкание, — сказал Арнольд.

Бросив взгляд в иллюминатор, Грегор увидел медленно удаляющуюся береговую линию. И ему стало слегка страшно. Ведь здесь слишком много воды и совсем мало суши, и, что самое скверное, — на пульте управления ничто не напоминало штурвал или румпель, ничто не выглядело как рычаг газа или сцепления.

— По всей вероятности, она должна управляться телепатически, — с надеждой произнес Грегор и твердым голосом скомандовал: — Тихий ход вперед!

Маленькая шлюпка медленно двинулась вперед.

— Теперь чуть правее!

Шлюпка охотно повиновалась ясным, хотя и не совсем морским командам Грегора. Партнеры обменялись улыбками.

— Прямо! Полный вперед! — раздалась команда, и спасательная шлюпка рванулась в сияющее и пустое море.

Захватив фонарь и тестер, Арнольд спустился в трюм. Грегор вполне мог один справиться с исследованием. Приборы делали всю работу: подмечали основные неровности дна, отыскивали самые многообещающие вулканы, определяли течения и вычерчивали графики. После того, как будут закончены исследования, уже другой человек опутает вулканы проводами, заложит заряды, отойдет на безопасное расстояние и запалит все это устройство. Затем Трайдент превратится на некоторое время в довольно шумное место. А когда все придет в норму, суши окажется достаточно даже для того, чтобы удовлетворить аппетиты торговца недвижимостью.

Часам к двум после полудня Грегор решил, что для первого дня сделано достаточно. Приятели съели сандвичи, запив их водой из канистры, и выкупались в прозрачной зеленой воде Трайдента.

— Мне кажется, что я нашел неисправность, — сказал Арнольд. — Снята проводка главного активатора, и силовой кабель перерезан.

— Кому это понадобилось? — поинтересовался Грегор.

— Возможно, это сделали, когда списывали, — пожал плечами Арнольд. — Ремонт не займет много времени.

Он снова пополз в трюм, а Грегор направил шлюпку к берегу, мысленно вращая штурвал и вглядываясь в зеленую пену, весело расступающуюся перед носом лодки. Именно в такие моменты вопреки всему своему предыдущему опыту он видел вселенную дружелюбной и прекрасной.

Арнольд появился через полчаса — весь в машинном масле, но ликующий.

— Испробуй-ка эту кнопку теперь, — попросил он.

— Может быть, не стоит, ведь мы почти у цели.

— Ну что ж... Все равно неплохо, если она поработает, как положено.

Грегор кивнул и нажал на вторую кнопку. Тотчас раздалось слабое пощелкивание контактов, и вдруг ожили полдюжины маленьких моторов. Вспыхнул красный свет и сразу же погас, когда генератор принял нагрузку.

— Вот теперь похоже на дело, — сказал Арнольд.

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — опять сообщила лодка, — в настоящий момент я полностью активизирована и способна защищать свой экипаж от опасности. Положитесь на меня — все мои

действия, как психологического, так и физического характера, запрограммированы лучшими умами планеты Дром.

— Вселяет чувство уверенности, не правда ли? — заметил Арнольд.

— Еще бы! — ответил Грегор. — Кстати, что это за Дром?

— Джентльмены, старайтесь думать обо мне не как о бесчувственном механизме, а как о вашем друге и товарище по оружию. Я понимаю ваше состояние. Вы видели, как тонул ваш корабль, безжалостно изрешеченный снарядами хгенов. Вы...

— Какой корабль, — спросил Арнольд, — что она болтает?

— ...вскарабкались сюда ослепленные, задыхающиеся от ядовитых водяных испарений, полумертвые...

— Если ты имеешь в виду наше купание, то, значит, просто ничего не поняла. Мы лишь изучали...

— ...оглушенные, израненные, упавшие духом... — закончила шлюпка. — Вероятно, вы испугались немного, — продолжала она уже несколько мягче. — Вы потеряли связь с основными силами флота Дрома, и вас носит по волнам чуждой, холодной планеты. Не надо стыдиться этого страха, джентльмены. Такова война, война — жестокая вещь. У нас не было другого выбора, кроме как выгнать этих варваров хгенов назад в пространство.

— Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение всей этой чепухе, — заметил Грегор. — Может, это просто сценарий древней телевизионной пьески, по ошибке попавшей в блоки памяти?

— Думаю, что нам придется как следует ее проверить, — решил Арнольд, — невозможно целый день слушать всю эту чушь.

Они приближались к острову. Шлюпка все еще бормотала что-то о доме и родном очаге, об обходных маневрах и тактических действиях, не забывая напоминать о необходимости хранить спокойствие в тяжелых обстоятельствах, подобных тем, в которые они попали.

Неожиданно шлюпка уменьшила скорость.

— В чем дело? — спросил Грегор.

— Я осматриваю остров, — отвечала спасательная шлюпка.

Арнольд и Грегор обменялись взглядами.

— Лучше с ней не спорить, — прошептал Арнольд. — Лодке же он сказал: — Остров в порядке! Мы его осмотрели лично.

— Возможно, — согласилась лодка, — однако в условиях современной молниеносной войны нельзя доверять органам чувств. Они слишком ограничены и слишком склонны выдавать желаемое за действительное. Лишь электронные органы чувств не имеют эмоций, вечно бдительны и непогрешимы в отведенных им границах.

— Остров пуст! — заорал Грегор.

— Я вижу чужой космический корабль, — отвечала шлюпка. — На нем отсутствуют опознавательные знаки Дрома.

— Но на нем отсутствуют и опознавательные знаки врага, — уверенно заявил Арнольд, потому что он сам недавно красил древний корпус ракеты.

— Это так, однако на войне следует исходить из предположения: что не наше — то вражеское. Я понимаю, как вам хочется вновь ощутить под ногами твердую почву. Но я должна учитывать факторы, которые дромит, ослепленный своими эмоциями, может и не заметить. Обратите внимание на незанятость этого стратегически важного клочка суши, на космический корабль без опознавательных знаков, являющийся заманчивой приманкой, на факт отсутствия поблизости нашего флота; и кроме того...

— Хорошо, хорошо, достаточно! — перебил Грегор. — Его мутило от спора с болтливой и эгоистичной машиной. — Направляйся прямо к острову. Это приказ.

— Я не могу его выполнить, — сказала шлюпка. — Сильное потрясение вывело вас из душевного равновесия.

Арнольд потянулся к рубильнику, но отдернул руку с болезненным стоном.

— Придите в себя, джентльмены, — сурово сказала шлюпка. — Только специальный офицер уполномочен выключить меня. Во имя вашей же безопасности я предупреждаю, чтобы вы не касались пульта управления. В настоящее время ваши умственные способности несколько ослаблены. Позже, когда положение будет не столь опасным, я займусь вашим здоровьем, а сейчас вся моя энергия должна быть направлена на то, чтобы определить местонахождение врага и избежать встречи с ним.

Лодка набрала скорость и сложными зигзагами двинулась в открытое море.

— Куда мы теперь направляемся? — спросил Грегор.

— На воссоединение с флотом Дрома, — сообщила лодка столь уверенно, что друзья стали нервно вглядываться в бескрайние и пустынные воды Трайдента. — Конечно, как только я найду его, — добавила лодка.

Была поздняя ночь. Грегор и Арнольд сидели в углу каюты, жадно поглощая последний сандвич. Спасательная шлюпка все еще бешено мчалась по волнам; ее электронные органы чувств были настроены. Она разыскивала флот, который существовал на иной планете пять столетий тому назад.

— Ты слышал что-нибудь об этих дромитах? — поинтересовался Грегор.

Арнольд порылся в своей памяти, хранившей массу разнообразнейших фактов, и ответил:

— Они не принадлежат к человеческой расе. Продукт эволюции ящеров. Населяли шестую планету маленькой системы, недалеко от Капеллы. Раса исчезла больше века тому назад.

— А хгены?

— Тоже ящеры, та же история, — Арнольд отыскал в кармане крошку хлеба и отправил ее в рот. — Эта война не имела большого значения. Все участники исчезли, кроме этой шлюпки, очевидно.

— А мы? — напомнил Грегор. — Нас, по всей вероятности, считают воинами их планеты. — Он устало вздохнул. — Как ты полагаешь, сумеем мы переубедить эту старую посудину?

Арнольд с сомнением покачал головой.

— Я не вижу путей. Для этой шлюпки война не кончена. Всю информацию она может обрабатывать, только исходя из этой посылки.

— Возможно, она и сейчас нас слушает, — сказал Грегор.

— Не думаю. Она не может по-настоящему читать мысли. Ее рецепторы настроены лишь на мысли, обращенные непосредственно к ним.

— Йес, сэры, — горько передразнил Грегор, — теперь таких больше не строят!

Как ему хотелось, чтобы Джо — Космический старьевщик сейчас попался к нему в руки.

— В самом деле, положение довольно интересное, — произнес Арнольд. — Я мог бы сочинить хорошую статью для «Популярной

кибернетики». Имеется машина, обладающая почти непогрешимыми приборами для приема всех внешних возбуждений, сигналы, принимаемые ею, преобразуются в действие. Беда лишь в том, что вся логика действий построена для исчезнувших условий. Поэтому можно сказать, что эта машина не что иное, как жертва запрограммированной системы галлюцинаций.

Грегор зевнул.

— Думаю, шлюпка просто свихнулась, — сказал он довольно грубо.

— Факт. Думаю, что самый правильный диагноз — паранойя. Однако это скоро кончится.

— Почему? — спросил Грегор.

— Это же очевидно, — сказал Арнольд. — Главная задача лодки — сохранить нам жизнь. Значит, она должна нас кормить. Сандвичи кончились, а вся остальная пища находится на острове. Поэтому я предполагаю, что она все же рискнет туда вернуться.

Через несколько минут они почувствовали, что лодка описывает круг, меняя направление.

— В настоящее время я не способна обнаружить флот дромитов. Поэтому я поворачиваю к острову, чтобы еще раз обследовать его. К счастью, в ближайших районах противник не обнаружен. И теперь я могу посвятить себя заботе о вас.

— Видишь? — сказал Арнольд, подталкивая Грегора локтем. — Все как я сказал. А сейчас мы еще раз найдем подтверждение моему предположению. — И он обратился к шлюпке: — Ты вовремя занялась нами. Мы проголодались.

— Покорми нас, — потребовал Грегор.

— Безусловно, — ответила лодка.

И из стенки выскользнуло блюдо, до краев наполненное каким-то веществом, похожим на глину, но с запахом машинного масла.

— Что это должно означать? — спросил Грегор.

— Это гизель, — сказала лодка, — любимая пища народов Дрома, и я могу приготовить его шестнадцатью различными способами.

Грегор брезгливо попробовал. И по вкусу это была глина в машинном масле.

— Но мы не можем есть это!

— Конечно, можете, — сказала шлюпка успокаивающе. — Взрослый дромит потребляет ежедневно пять и три десятых фунта гизеля и просит еще.

Блюдо приблизилось к ним, друзья попятились.

— Слушай, ты! — Арнольд заговорил с лодкой. — Мы не дромиты. Мы люди и принадлежим к совершенно другому виду. Военные действия, о которых ты говоришь, кончились пятьсот лет тому назад. Мы не можем есть гизель. Наша пища находится на острове.

— Попробуйте разобраться в положении. Ваш самообман обычен для солдат. Это попытка уйти от реальности в область фантазии, стремление избежать невыносимой ситуации. Смотрите в лицо фактам, джентльмены.

— Это ты смотри в лицо фактам! — завопил Грегор. — Или я разберу тебя гайка за гайкой!

— Угрозы не беспокоят меня, — начала шлюпка безмятежно. — Я знаю, что вам пришлось пережить. Возможно, что ваш мозг пострадал от воздействия отравляющей воды.

— Отравляющей? — поперхнулся Грегор.

— Для дромитов, — напомнил ему Арнольд.

— Если это будет абсолютно необходимо, — продолжала спасательная шлюпка, — я располагаю средствами для операций на мозге. Это, конечно, крайняя мера, однако на войне нет места для нежностей.

Откинулась панель, и приятели смогли увидеть набор сияющих хирургических инструментов.

— Нам уже лучше, — поспешно заявил Грегор. — Этот гизель выглядит очень аппетитно, не правда ли, Арнольд?

— Восхитительно! — содрогнувшись, выдавил Арнольд.

— Я победила в общенациональных соревнованиях по приготовлению гизеля, — сообщила шлюпка с простительной гордостью. — Ничего не жаль для наших защитников. Попробуйте немного.

Грегор захватил горсть, причмокнул и уселся на пол.

— Изумительно! — сказал он в надежде, что внутренние рецепторы лодки не столь чувствительны, как внешние.

По всей видимости, так оно и было.

— Прекрасно, — сказала шлюпка. — А сейчас я направлюсь к

острову. И я уверяю, что через несколько минут вы почувствуете себя лучше.

— Каким образом? — спросил Арнольд.

— Температура внутри каюты нестерпимо высока. Поразительно, что вы до сих пор не потеряли сознания. Любой другой дромит не выдержал бы этого. Потерпите еще немного, скоро я понижу ее до нормы — двадцать ниже нуля. А теперь для поднятия духа я исполню наш Национальный Гимн.

Отвратительный ритмичный скрип заполнил воздух. Волны плескались о борта спасательной шлюпки, торопящейся к острову. Через несколько минут воздух в каюте заметно посвежел.

Грегор утомленно прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на холод, который начинал сковывать конечности. Его клонило ко сну. Надо иметь особое везение, чтобы замерзнуть внутри свихнувшейся спасательной шлюпки. Так бывает, если вы покупаете приборы, настроенные на то, чтобы ухаживать за вами, нервные человекоподобные калькуляторы, сверхчувствительные эмоциональные машины.

В полусне он размышлял, к чему все это идет. Ему пригрезилась огромная лечебница для машин. По длинному белому коридору два кибернетических врача тащили машинку для стрижки травы. Главный кибернетический доктор спросил: «Что случилось с этим парнем?» И ассистент ответил: «Полностью лишился рассудка. Думает, что он геликоптер». «Ага... — понимающе произнес главный. — Мания полета! Жаль. Симпатичный парнишка». Ассистент кивнул. «Переработал. Надорвался на жесткой траве». Вдруг их пациент заволновался. «Теперь я машинка для взбивания яиц!» — хихикнул он.

— Проснись! — окликнул Грегора Арнольд, стуча зубами. — Надо что-то предпринять.

— Попроси ее включить обогреватель, — сонно сказал Грегор.

— Не выйдет. Дромиты живут при двадцати ниже нуля. А мы — дромиты. Двадцать ниже нуля, и никаких.

Слой инея быстро рос на трубах системы охлаждения, проходивших по периметру каюты. Стены покрывались изморозью, иллюминаторы обледенели.

— У меня есть идея, — осторожно сказал Арнольд. Он бросил

взгляд в сторону пульта управления и что-то быстро зашептал в ухо Грегору.

— Надо попробовать, — сказал Грегор.

Они поднялись на ноги. Грегор схватил канистру и решительно зашагал к противоположной стене каюты.

— Что вы собираетесь делать? — резко спросила шлюпка.

— Хотим немного размяться. Солдаты Дрома должны всегда сохранять боевую форму.

— Это верно, — с сомнением произнесла шлюпка.

Грегор бросил канистру Арнольду. Принужденно усмехнувшись, тот отпасовал ее обратно.

— Обращайтесь с этим сосудом осторожно, — предупредила лодка. — Он содержит смертельный яд.

— Мы очень осторожны, — сказал Грегор. — Канистра будет доставлена в штаб. — Он снова бросил ее Арнольду.

— Штаб использует ее содержимое против хгенов, — сказал Арнольд, возвращая канистру Грегору.

— В самом деле? — удивилась шлюпка. — Интересная идея. Новое использование...

В этот момент Грегор запустил тяжелой канистрой в трубу охлаждения. Труба лопнула, и жидкость полилась на палубу.

— Неважный удар, старик, — сказал Арнольд.

— Что я наделал! — воскликнул Грегор.

— Мне следовало принять меры предосторожности против таких случайностей, — грустно промолвила шлюпка. — Но больше этого не повторится. Однако положение очень серьезно. Я не могу восстановить систему охлаждения и не в силах теперь охладить лодку в достаточной степени.

— Если бы ты только высадила нас на остров... — начал Арнольд.

— Невозможно, — прервала его шлюпка. — Моя основная задача — сохранить вам жизнь. А вы не сможете долго прожить в климате этой планеты. Однако я намерена принять необходимые меры для обеспечения вашей безопасности.

— Что же ты собираешься делать? — спросил Грегор, чувствуя, как что-то оборвалось у него внутри.

— Мы не можем терять времени. Я еще раз обследую остров, и, если не обнаружу наших вооруженных сил, мы направимся к

единственному месту на этой планете, где могут существовать дромиты.

— Что это за место?

— Южная полярная шапка, — ответила лодка. — Там почти идеальный климат. По моей оценке, тридцать градусов ниже нуля.

Моторы взревели. И, как бы извиняясь, лодка добавила:

— И, конечно, я обязана принять меры против любых внутренних неполадок.

В тот момент, когда лодка резко увеличила скорость, они услышали, как щелкнул замок, запирая их каюту.

— Теперь думай, — сказал Арнольд.

— Я думаю, но ничего не придумывается, — отвечал Грегор.

— Мы должны выбраться отсюда, как только достигнем острова. Это наша последняя возможность.

— А не думаешь ли ты, что мы сможем просто выпрыгнуть за борт? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае. Она теперь начеку. Если бы ты еще не покорежил охладительные трубы, у нас бы оставался шанс.

— Конечно, — с горечью протянул Грегор. — Все ты со своими идеями.

— Моими идеями?! Я отчетливо помню, что ты предложил это. Ты заявил, что...

— Сейчас уже неважно, кто первый высказал эту идею.

Грегор глубоко задумался.

— Слушай, ведь мы знаем, что ее внутренние рецепторы работают не очень хорошо. Как только мы достигнем острова, может быть, нам удастся перерезать силовой кабель.

— Брось, тебе же не удастся подойти к нему ближе, чем на пять футов, — сказал Арнольд, вспоминая удар, который он получил у пульта управления.

— Да-а, — Грегор закинул руки за голову. Какая-то идея начинала постепенно вырисовываться у него в уме. — Конечно, это довольно ненадежно, но при такой ситуации...

В это время лодка объявила:

— Я исследую остров.

Посмотрев в носовой иллюминатор, Грегор и Арнольд не далее как в ста ярдах, увидели остров. На фоне пробуждающейся зари

вырисовывался израненный, но такой родной корпус их корабля.

— Местечко привлекательное, — сказал Арнольд.

— Безусловно, — согласился Грегор. — Держу пари, что наши войска сидят в подземных убежищах.

— Ничего подобного, — возразила лодка. — Я исследовала поверхность на глубине сто футов.

— Так, — сказал Арнольд. — При существующих обстоятельствах, я полагаю, нам следует провести более тщательную разведку. Пожалуй, надо высадиться и осмотреться.

— Остров пуст, — настаивала лодка. — Поверьте мне, мои органы чувств гораздо острее ваших. Я не могу позволить, чтобы вы ставили под угрозу свою жизнь, высаживаясь на берег. Планете Дром нужны солдаты, особенно такие крепкие и жароупорные, как вы.

— Нам этот климат по душе, — сказал Арнольд.

— Воистину слова патриота, — сердечно произнесла лодка. — Я знаю, как вы сейчас страдаете. Но теперь я направлюсь на южный полюс, чтобы вы, ветераны, получили заслуженный отдых.

Грегор решил, что настало время испытать новый план, хоть он и не был до конца разработан.

— В этом нет необходимости, — сказал он.

— Что-о?

— Мы действуем по специальному приказу, — доверительно начал Грегор. — Предполагалось, что мы не откроем сути нашего задания ни одному из кораблей рангом ниже супердредноута. Однако, исходя из обстоятельств...

— Да-да, исходя из обстоятельств, — живо подхватил Арнольд, — мы тебе расскажем.

— Мы команда смертников, специально подготовленных для работы в условиях жаркого климата. Нам приказано высадиться и захватить этот остров до подхода главных сил дромитов.

— Я этого не знала, — сказала лодка.

— Тебе и не положено было знать. Ведь ты не больше, чем простая спасательная шлюпка, — сказал ей Арнольд.

— Немедленно высади нас, — приказал Грегор. — Промедление невозможно.

— Вам следовало сказать мне об этом раньше, — ответила шлюпка. — Не могла же я сама догадаться.

И она начала медленно двигаться по направлению к острову.

Грегор затаил дыхание. Казалось немыслимым, что такой элементарный трюк будет иметь успех. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Ведь спасательная шлюпка была построена с таким расчетом, что она принимала на веру слова тех, кто управлял ею. И она следовала указаниям, пока и поскольку они не противоречили заданной ей программе.

Полоса берега, белевшая в холодном свете зари, была от них всего в пятидесяти ярдах.

Неожиданно лодка остановилась.

— Нет, — сказала она.

— Что нет?

— Я не могу этого сделать.

— Что это значит? — заорал Арнольд. — Это война! Приказы...

— Я знаю, — печально произнесла шлюпка. — Очень сожалею, но для этой миссии надо было выбрать другой тип судна. Любой другой тип, но не спасательную шлюпку.

— Но ты должна, — умолял Грегор. — Подумай о нашей стране. Подумай об этих варварах — хгенах.

— Но я физически не могу выполнить ваш приказ. Моя первейшая обязанность — ограждать мой экипаж от опасностей. Этот приказ заложен во всех блоках памяти, и он имеет приоритет над всеми другими. Я не могу отпустить вас на верную смерть.

Лодка начала медленно удаляться от острова.

— Ты попадешь под трибунал за это! — взвизгнул Арнольд истерично. — И он тебя разжалует!

— Я могу действовать только в заранее отведенных мне границах, — так же грустно сказала лодка. — Если мы обнаружим главные силы флота, я передам вас на боевое судно. А пока я должна доставить вас на безопасный южный полюс.

Лодка набирала скорость, и остров быстро удалялся. Арнольд бросился к пульту управления, но, получив удар, упал навзничь. Грегор тем временем схватил канистру, поднял ее, собираясь швырнуть в запертую дверь. Но неожиданно он остановился, пораженный внезапной дикой мыслью.

— Прошу вас, не пытайтесь что-нибудь сломать, — умоляла лодка. — Я понимаю ваши чувства, но...

«Это чертовски рискованно, — подумал Грегор, — но в конце концов и южный полюс — верная смерть».

Он открыл канистру.

— Поскольку мы не смогли выполнить нашу миссию, мы никогда не посмеем взглянуть в глаза нашим товарищам. Самоубийство для нас — единственный выход. — Он выпил глоток воды и вручил канистру Арнольду.

— Не надо! Не надо! — пронзительно закричала лодка. — Это же вода — смертельный яд!..

Из приборной доски быстро выдвинулась электрическая клешня, выбив канистру из рук Арнольда.

Арнольд вцепился в канистру. И прежде, чем лодка успела отнять ее еще раз, он сделал глоток.

— Мы умираем во славу Дрома! — Грегор упал на пол. Знаком он приказал Арнольду не двигаться.

— Не известно никакого противоядия, — простонала лодка. — Если бы я могла связаться с плавучим госпиталем... — Ее двигатели замерли в нерешительности. — Скажите что-нибудь! — умоляла лодка. — Вы еще живы?

Грегор и Арнольд лежали совершенно спокойно, не дыша.

— Ответьте же мне! Может быть, хотите немного гизеля... — Из стены выдвинулись два подноса. Друзья не шелохнулись.

— Мертвы, — сказала лодка. — Мертвы. Я должна отслужить заупокойную.

Наступила пауза. Затем лодка запела: «Великий Дух Вселенной, возьми под свою защиту твоих слуг. Хотя они и умерли от собственной руки, все же они служили своей стране, сражаясь за дом и очаг. Не суди их жестоко. Лучше осуди дух войны, который сжигает и разрушает Дром».

Крышка люка откинулась. Грегор почувствовал струю прохладного утреннего воздуха.

— А теперь властью, данной мне Флотом планеты Дром, я со всеми почестями предаю их тела океанским глубинам.

Грегор почувствовал, как его подняли, пронесли через люк и опустили на палубу. Затем он снова оказался в воздухе. Падение. И в следующий момент он очутился в воде рядом с Арнольдом.

— Держись на воде, — прошептал он.

Остров был рядом. Но и спасательная шлюпка еще возвышалась вблизи, нервно гудя машинами.

— Что она хочет сейчас, как ты думаешь? — спросил Арнольд.

— Я не знаю, — ответил Грегор, надеясь, что религия дромитов не требует превращения тел умерших в пепел.

Спасательная шлюпка приблизилась. Всего несколько футов отделяло ее нос от них. Они напряглись. А затем они услышали завывающий скрип Национального Гимна дромитов.

Через минуту все было кончено. Лодка пробормотала:

— «Покойтесь в мире», — сделала поворот и унеслась вдаль.

И пока они медленно плыли к острову, Грегор видел спасательную шлюпку, направляющуюся на юг, точно на юг, на полюс, чтобы ждать там Флот планеты Дром.

Необходимая вещь

Ричард Грегор сидел за своим столом в пыльной конторе фирмы «ААА-ПОПС» — Астронавтического антиэнтропийного агентства по оздоровлению природной среды, — тупо уставившись на список, включающий ни много, ни мало 2305 наименований. Он пытался вспомнить, что же еще тут упущено.

Антирадиационная мазь? Осветительная ракета для вакуума? Установка для очистки воды? Нет, все это уже есть.

Он зевнул и взглянул на часы. Арнольд, его компаньон вот-вот должен вернуться. Еще утром он отправился заказать все эти 2305 предметов и проследить за их погрузкой на корабль. Через несколько часов точно по расписанию они стартуют для выполнения нового задания.

Но все ли он предусмотрел? Космический корабль — это остров на полном самообеспечении. Если на Дементии IV у тебя кончатся бобы, ты там не отправишься в лавку. А если, не дай Бог, сгорит обшивка основного двигателя, никто не поспешит заменить ее. На борту должно быть все — и запасная обшивка, и инструмент для замены, и инструкция, как это сделать. Космос слишком велик, чтобы позволить себе роскошь спасательных операций.

Аппаратура для экстракции кислорода... Сигареты... Да прямо универсальный магазин, а не ракета.

Грегор отбросил список, достал колоду потрепанных карт и разложил безнадежный пасьянс собственного изобретения.

Спустя несколько минут в контору небрежной походкой вошел Арнольд.

Грегор с подозрением посмотрел на компаньона. Когда маленький химик, сияя от счастья, начинал лихо подпрыгивать, это обычно означало, что «ААА-ПОПС» ждут крупные неприятности.

— Ты все достал? — робко поинтересовался Грегор.

— В лучшем виде, — гордо заявил Арнольд.

— Старт назначен на...

— Успокойся, будет полный порядок!

Он уселся на край стола.

— Я сегодня сэкономил кучу денег.

— Бог ты мой, — вздохнул Грегор. — Что ты еще натворил?

— Нет, ты только подумай, — торжественно произнес Арнольд. — Только подумай о тех деньгах, которые попусту тратятся на снаряжение самой обычной экспедиции. Мы упаковываем 2305 единиц снаряжения ради одного единственного ничтожного шанса, что нам может понадобиться одна из них. Полезная нагрузка корабля снижена до предела, жизненное пространство стеснено, а эти вещи никогда не понадобятся!

— За исключением одного или двух случаев, когда они спасают нам жизнь.

— Я это учел. Я все тщательно изучил и нашел возможность существенно сократить список. Небольшое везение — и я отыскал ту единственную вещь, которая действительно нужна экспедиции. Необходимую вещь!

Грегор поднялся. Он был намного выше своего компаньона. Ему представилась сцена с нанесением тяжких телесных повреждений, но он сдержал себя.

— Арнольд, — сказал он, — я не знаю, что ты там нашел, но лучше бы ты погрузил эти 2305 предметов на борт корабля. И как можно быстрее!

— Я не могу этого сделать, — ответил Арнольд, нервно хихикнув. — Деньги кончились. Но эта штука себя окупит.

— Какая штука?

— Единственная, действительно необходимая вещь. Поехали на корабль, я тебе ее покажу.

Больше Грегор не смог вытянуть из него ни слова.

Всю долгую дорогу в космопорт Кеннеди Арнольд таинственно улыбался. Их корабль уже стоял на пусковой площадке, готовый к старту.

Арнольд торжествующе распахнул люк.

— Вот! — воскликнул он. — Смотри! Это панацея от всех возможных бед!

Грегор вошел внутрь. Он увидел большую фантастического вида машину с беспорядочно размещенными на корпусе циферблатами, лампочками и индикаторами.

— Что это?

— Не правда ли, красавица? — Арнольд нежно похлопал машину.

— Я выудил ее у межпланетного старьевщика Джо, практически за бесценок.

Грегору все стало ясно. Когда-то он сам имел дело со старьевщиком Джо, и каждый раз это приводило к печальным последствиям. Немыслимые машины Джо в самом деле работали, но как — это другой вопрос.

— Ни с одной из машин Джо я не отправлюсь в космос, — твердо заявил Грегор. — Может быть, нам удастся продать ее на металлолом?

Он судорожно бросился разыскивать кувалду.

— Погоди, — взмолился Арнольд. — Дай, я покажу ее в работе. Подумай сам. Мы в глубоком космосе. Выходит из строя, основной двигатель. Мы обнаруживаем, что на третьей шестеренке открутилась и исчезла гайка. Что мы делаем?

— Мы берем новую гайку из числа 2305 предметов, которые взяли с собой на случай вот таких чрезвычайных обстоятельств — сказал Грегор.

— В самом деле? Но ведь ты же не включил в список четырехдюймовую дюралевую гайку! — торжествующе вскричал Арнольд. — Я проверял. Что тогда?

— Не знаю. А что ты можешь предложить?

Арнольд подошел к машине, нажал кнопку и громко и отчетливо произнес:

— Дюралевая гайка, диаметр четыре дюйма.

Машина глухо зарокотала. Вспыхнули лампочки. Плавно отодвинулась панель, и глазам компаньонов представилась сверкающая, только что изготовленная гайка.

— Хм, — произнес Грегор без особого энтузиазма. — Итак, она делает гайки. А что еще?

Арнольд снова нажал на кнопку:

— Фунт свежих креветок.

Панель отодвинулась — внутри были креветки.

— Дал маху — следовало заказать очищенные, — заметил Арнольд. — Ну да ладно.

Он нажал на кнопку:

— Графитовый стержень. Длина четыре фута, диаметр два дюйма.

На этот раз панель открылась больше — и появился стержень.

— Что еще она может делать? — спросил Грегор.

— А что бы ты хотел? Тигренка? Карбюратор? Двадцатипятиваттную лампочку? Жевательную резинку?

— Ты хочешь сказать — она может состряпать все что угодно?

— Все, что ни пожелаешь! Это Конфигуратор! Попробуй сам.

Грегор попробовал и быстро произвел на свет одно за другим пинту питьевой воды, наручные часы и банку майонеза.

— Неплохо, — сказал он. — Но...

— Что «но»?

Грегор задумчиво покачал головой. Действительно — что? Просто по собственному опыту он знал, что эти новинки никогда не бывают столь надежны в работе, как кажется на первый взгляд.

Он задумался, затем снова нажал на кнопку:

— Транзистор серии Е1324.

Машина глухо загудела, отодвинулась панель, и он увидел крохотный транзистор.

— Неплохо, — признал Грегор. — Что ты там делаешь?

— Чищу креветки, — ответил Арнольд.

Насладившись салатом из креветок, приятели вскоре получили разрешение на взлет, и через час их корабль был уже в космосе.

Они направлялись на Деннетт IV, планету средних размеров в созвездии Сикофакс. Деннетт был жаркой, влажной, плодородной планетой с одним-единственным серьезным недостатком — чрезмерным обилием дождей. Почти все время на Деннетте шел дождь, а когда его не было, собирались тучи. Компаньонам предстояло ограничить выпадение дождей. Основами регулирования климата они вполне овладели. Это были частые для многих миров трудности. Несколько суток — и все будет в порядке.

Путь не был отмечен никакими событиями. Впереди показался Деннетт. Арнольд выключил автопилот и повел корабль сквозь толщу облаков. Они спускались в километровом слое белесого тумана. Вскоре показались горные вершины, а еще через несколько минут корабль завис над скучной серой равниной.

— Странный цвет для ландшафта, — заметил Грегор.

Арнольд кивнул. Он привычно повел корабль по спирали, выровнял его, аккуратно опустил и, сбалансировав, выключил двигатель.

— Интересно, почему здесь нет растительности? — размышлял в

слух Грегор.

Через мгновение они это узнали. Корабль на секунду замер, а затем провалился сквозь мнимую равнину и, пролетев несколько десятков метров, рухнул на поверхность.

«Равниной» оказался туман исключительной плотности, какого нигде, кроме Деннетта, не встретить.

Компаньоны быстро отстегнули ремни, тщательно ощупали себя и, убедившись в отсутствии увечий, приступили к осмотру корабля.

Неожиданное падение не принесло ничего хорошего их старенькой посудине. Радио и автопилот оказались напрочь выведенными из строя. Были покорежены десять пластин в обшивке двигателя и, что хуже всего, полетели многие элементы в системе управления.

— Нам еще повезло, — заключил Арнольд.

— Да, — сказал Грегор, вглядываясь в туман. — Однако в следующий раз лучше садиться по приборам.

— Ты знаешь, отчасти я даже рад, что все так произошло. Теперь ты убедишься, как незаменим Конфигуратор. Ну что, приступим к работе?

Они составили список всех поврежденных частей.

Арнольд подошел к Конфигуратору и нажал на кнопку:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор быстро изготовил требуемое.

— Нам нужно десять штук, — сказал Грегор.

— Знаю, — ответил Арнольд и снова нажал на кнопку:

— Повторить.

Машина бездействовала.

— Наверное, надо ввести команду полностью, — решил Арнольд.

Он ударил кулаком по кнопке и произнес:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор не шелохнулся.

— Странно, — сказал Арнольд.

— Куда уж, — произнес Грегор, чувствуя, что внутри у него что-то обрывается.

Арнольд попробовал еще раз — безрезультатно. Он задумался,

затем, снова ударив кулаком по кнопке, сказал:

— Пластиковая чашка.

Машина произвела чашку из ярко-голубого пластика.

— Еще одну, — сказал Арнольд.

Конфигуратор не откликнулся, и Арнольд попросил восковую свечу. Машина ее изготовила.

— Еще одну восковую свечу, — приказал Арнольд.

Машина не повиновалась.

— Интересно, — произнес Арнольд. — Мне следовало бы раньше подумать о такой возможности.

— Какой возможности?

— Очевидно, Конфигуратор может произвести все что угодно, но только в единственном числе.

Арнольд провел еще один эксперимент, заставив машину изготовить карандаш. Она это сделала, но только один раз.

— Прекрасно, — подытожил Грегор, — но нам нужны еще девять пластин. И для системы управления необходимы четыре абсолютно идентичные детали. Что будем делать?

— Что-нибудь придумаем, — беззаботно ответил Арнольд.

— Надеюсь.

За бортом корабля начинался дождь.

— Я могу найти поведению машины только одно объяснение — говорил Арнольд несколько часов спустя. — Полагаю, здесь действует принцип наслаждения.

— Что? — встрепенулся Грегор. Он дремал, убаюканный мягким шелестом дождя.

— Эта машина обладает своего рода разумом, — продолжал Арнольд. — Получив стимулирующее воздействие, она переводит его на язык исполнительных команд и производит предмет в соответствии с заложенной в памяти программой.

— Производит, — согласился Грегор, — но только единожды!

— Да, но почему? Здесь ключ ко всей нашей проблеме. Я полагаю, мы столкнулись с фактором самоограничения, вызванного стремлением к наслаждению.

— Не понимаю.

— Послушай. Создатели машины не стали бы ограничивать ее возможности таким образом. Единственное объяснение, которое я

нахожу, заключается в том, что при подобной сложности машина приобретает почти человеческие черты. Машина получает определенное наслаждение от производства только новых предметов. Сотворив изделие, машина теряет к нему всякий интерес и хочет произвести что-нибудь еще.

Такое объяснение снова повергло Грегора в апатичную дремоту.

— Реализовать весь заложенный в нее потенциал, — продолжал Арнольд, — вот чего хочет машина. С этой точки зрения всякое повторение — пустая трата времени.

— Более дурацких рассуждений я в жизни не слыхал, — сказал Грегор. — Но допустим, ты прав. Что же мы все таки можем сделать?

— Не знаю, — ответил Арнольд.

— Я так и думал.

В этот вечер Конфигуратор произвел им на ужин вполне приличный ростбиф. На десерт был яблочный пирог. Ужин заметно улучшил моральное состояние приятелей.

— Заменители... — задумчиво произнес Грегор, затягиваясь сигаретой марки «Конфигуратор». — Вот что мы должны попробовать. Сплав 342 — не единственный материал, из которого можно изготовить обшивку. Есть и другие сплавы, которые продержатся до нашего возвращения на Землю.

Вряд ли можно было хитростью заставить Конфигуратор изготовить пластину из какого-либо ферросплава. Компаньоны приказали машине изготовить бронзовую пластину и получили ее. Однако после этого Конфигуратор отказал им как в медной так и в оловянной пластинах. На алюминиевую пластину машина согласилась, так же как на пластины из кадмия, платины, золота и серебра. Пластина из вольфрама была уникальным изделием, удивительно, как Конфигуратор вообще смог ее отлить. Плутоний был отвергнут Грегором, и подходящие материалы стали постепенно истощаться. Арнольду пришла идея использовать сверхпрочную керамику. Наконец, последнюю пластину сделали из чистого цинка.

Конечно, пластины из благородных металлов могли расплавиться, однако при хорошем охлаждении была надежда, что они продержатся до Земли.

В общем, ночью приятели неплохо поработали и уже под утро

смогли выпить за успех предприятия превосходный, хотя и несколько маслянистый херес марки «Конфигуратор».

На следующий день они смонтировали пластины. Кормовая часть корабля имела вид лоскутного одеяла.

— По-моему, очень даже неплохо! — восхитился Арнольд.

— Только бы они продержались до Земли, — судя по голосу Грегор отнюдь не разделял энтузиазма своего компаньона. — Ну ладно, пора приниматься за систему управления.

Здесь возникла новая проблема. Были разбиты четыре абсолютно одинаковые детали — хрупкие, тончайшей работы платы из стекла и проволоки. Заменители исключались.

Машина без колебаний изготовила одну деталь, но тем дело и кончилось. К полудню приятели чувствовали себя просто омерзительно.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил Грегор.

— Пока нет. Может, пообедаем?

Они решили, что салат из омаров будет очень кстати, и заказали его Конфигуратору. Тот недолго погудел и... ничего.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Вот этого-то я как раз и боялся, — ответил Арнольд.

— Боялся чего? Мы ведь еще не заказывали омаров.

— Но мы заказывали креветки. И те и другие относятся к ракообразным. Боюсь, что Конфигуратор разбирается в классах объектов.

— Ну что же, придется есть консервы, — со вздохом сказал Грегор.

Арнольд вяло улыбнулся.

— Видишь ли, — сказал он, — когда я купил Конфигуратор, то подумал, что нам больше не придется беспокоиться о еде. Дело в том, что...

— Как, консервов нет?!

—Нет.

Они вернулись к машине и заказали семгу, форель, тунца... Безрезультатно. С тем же успехом они попробовали получить свиную отбивную, баранью ножку и телятину.

— По-моему, Конфигуратор решил, что вчерашний ростбиф поставил точку на мясе всех млекопитающих, — сказал Арнольд. —

Это интересно. Если дело так пойдет дальше, мы сможем разработать новую теорию видов...

— Умирая голодной смертью, — добавил Грегор.

Он потребовал жареного цыпленка, и на этот раз Конфигуратор сработал без колебаний.

— Эврика! — воскликнул Арнольд.

— Черт! — выругался Грегор. — Надо было заказать индейку.

На планете Деннетт продолжался дождь. Вокруг залатанной хвостовой части корабля клубился туман.

Арнольд занялся какими-то манипуляциями с логарифмической линейкой, а Грегор, покончив с хересом, безуспешно пытался получить ящик виски. Убедившись в бесплодности своих попыток, он принялся раскладывать пасьянс.

После скудного ужина, состоявшего из остатков цыпленка, Арнольд наконец завершил расчеты.

— Это может подействовать, — сказал он.

— Что именно?

— Принцип наслаждения!

Арнольд поднялся и принялся расхаживать взад и вперед.

— Раз эта машина обрела почти человеческие черты, у нее должны быть и способности к самообучению. Я думаю, мы сможем научить ее испытывать наслаждение от многократного производства одной и той же вещи, а именно — элементов системы управления.

— Может, стоит и попробовать, — с надеждой отозвался Грегор.

Поздно вечером приятели начали переговоры с машиной. Арнольд настойчиво нашептывал ей о прелестях повторения. Грегор громко рассуждал об эстетическом наслаждении от многократного производства таких шедевров, как элементы системы управления. Арнольд все шептал о трепете от бесконечного производства одних и тех же предметов. Снова и снова — все те же детали, все из того же материала, производимые с одной и той же скоростью. Экстаз! Грегор философствовал, сколь гармонично это соответствует облику и способностям машины. Он говорил, что повторение гораздо ближе к энтропии, которая с механической точки зрения само совершенство.

По непрерывному щелканью и миганию можно было судить, что

Конфигуратор внимательно слушал. Когда на Деннетте забрезжил промозглый рассвет, Арнольд осторожно нажал на кнопку и дал команду изготовить нужную деталь.

Конфигуратор явно колебался. Лампочки неопределенно мигали, стрелки индикаторов нерешительно дергались.

Наконец послышался щелчок, панель отодвинулась, и показался второй элемент системы управления.

— Ура! — закричал Грегор, хлопнув Арнольда по плечу.

Он поспешно нажал на кнопку и заказал еще одну деталь.

Конфигуратор громко и выразительно загудел и... ничего не произвел.

Грегор сделал еще одну попытку, однако и на этот раз машина — уже без колебаний — отказалась выполнить просьбу людей.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Все ясно, — грустно ответил Арнольд. — Он решил попробовать повторение только ради того, чтобы определить, не лишает ли себя чего-нибудь, не испытав его. Я думаю, что Конфигуратору повторение не понравилось.

— Машина, которая не любит повторения! — тяжело вздохнул Грегор. — Это так не по-человечески...

— Как раз наоборот, — с тоской произнес Арнольд. — Это слишком по-человечески...

Время приближалось к ужину, и приятели решили выудить из Конфигуратора что-нибудь съестное. Получить овощной салат было довольно несложно, однако он оказался не слишком калорийным. Конфигуратор добавил буханку хлеба, но о пироге не могло быть и речи. Молочные продукты также исключались: накануне компаньоны заказывали сыр. Наконец, только через час, после многочисленных попыток и отказов, их усилия были вознаграждены фунтом бифштекса из китового мяса, — видно, Конфигуратор был не совсем уверен в его происхождении.

Сразу после ужина Грегор снова стал вполголоса напевать машине о радостях повторения. Конфигуратор мерно гудел периодически мигал лампочками, показывая, что все еще слушает.

Арнольд обложился справочниками и стал разрабатывать новый план. Спустя несколько часов он вдруг вскочил с радостным криком:

— Я знал, что его найду!

— Что найдешь? — живо поинтересовался Грегор.

— Заменитель системы управления!

Он сунул книгу буквально под нос Грегору.

— Смотри! Ученый на Ведньере II создал это пятьдесят лет назад. Система по современным понятиям неуклюжа, но она неплохо действует и вполне подойдет для нашего корабля.

— Ага. А из чего, она сделана? — спросил Грегор.

— В том-то вся и штука! Мы не можем ошибиться. Она сделана из особого пластика!

Арнольд быстро нажал на кнопку и прочитал описание системы управления.

Ничего не произошло.

— Ты должен изготовить систему управления типа Ведньер II закричал Арнольд. — Если ты этого не сделаешь, то нарушишь собственные принципы!

Он снова ударил по кнопке и еще раз отчетливо прочитал описание системы.

И на этот раз Конфигуратор не повиновался.

Тут Грегора осенило ужасное подозрение. Он быстро подошел к задней панели Конфигуратора и нашел там то, чего опасался.

Это было клеймо изготовителя. На нем было написано: КОНФИГУРАТОР, КЛАСС 3. ИЗГОТОВЛЕН ВЕДНЬЕРСКОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ. ВЕДНЬЕР II.

— Конечно, они уже использовали его для этих целей, — грустно констатировал Арнольд.

Грегор промолчал. Сказать было нечего.

Внутри на стенках корабля появились капли. На стальной пластине в хвостовом отсеке обнаружилась ржавчина.

Машина продолжала слушать увещевания о пользе повторения, но ничего не производила.

Снова возникла проблема обеда. Фрукты исключались из-за яблочного пирога. Не стоило и мечтать о мясе, рыбе, молочных продуктах, каше. В конце концов компаньонам удалось отведать лягушек, печеных кузнечиков, приготовленных по древнему китайскому рецепту, и филе из игуаны. Однако после того, как с ящерицами, насекомыми и земноводными было покончено приятели поняли, что пищи больше не будет.

И Арнольд, и Грегор чувствовали нечеловеческую усталость. Длинное лицо Грегора совсем вытянулось.

За бортом непрерывно лил дождь. Корабль все больше засасывало в хлипкую почву.

Но тут Грегора осенила еще одна идея. Он старался тщательно ее обдумать. Новая неудача могла повергнуть в непреоборимое уныние. Вероятность успеха была ничтожной, но упускать ее было нельзя.

Грегор медленно приблизился к Конфигуратору. Арнольд испугался неистового блеска в его глазах.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь дать этой штуке еще одну, последнюю команду, — хрипло ответил Грегор.

Дрожащей рукой он нажал на кнопку и что-то прошептал.

В первый момент ничего не произошло. Внезапно Арнольд закричал:

— Назад!

Машина затряслась и задрожала, лампочки мигали, стрелки индикаторов судорожно дергались.

— Что ты ей приказал? — спросил Арнольд.

— Я приказал ей воспроизвести себя!

Конфигуратор затрясся в конвульсиях и выпустил облако черного дыма. Приятели закашлялись, судорожно глотая воздух.

Когда дым рассеялся, они увидели, что Конфигуратор стоит на месте, только краска на нем в нескольких местах потрескалась, а некоторые индикаторы бездействуют. Рядом с ним, сверкая каплями свежего масла, стоял еще один Конфигуратор.

— Ура! — закричал Арнольд. — Это спасение!

— Я сделал гораздо больше, — устало ответил Грегор. — Я обеспечил нам состояние.

Он повернулся к новому Конфигуратору, нажал на кнопку и прокричал:

— Воспроизведись!

Через неделю, завершив работу на Деннетте IV, Арнольд, Грегор и три Конфигуратора уже подлетали к космопорту Кеннеди. Как только они приземлились, Арнольд выскочил из корабля, быстро поймал такси и отправился сначала на Кэнэл-стрит, а затем в центр

Нью-Йорка. Дела заняли немного времени, и уже через несколько часов он вернулся на корабль.

— Все в порядке, — сказал он Грегору. — Я поговорил с несколькими ювелирами. Без существенного влияния на рынок мы можем продать около двадцати больших камней. После этого думаю, надо, чтобы Конфигураторы занялись платиной, а затем... В чем дело?

Грегор мрачно смотрел на него.

— Ты ничего не замечаешь?

— А что? — Арнольд огляделся.

Там, где раньше стояли три Конфигуратора, сейчас их было уже четыре.

— Ты приказал им воспроизвести еще одного? — спросил Арнольд. — Ничего страшного. Теперь надо только приказать, чтобы они сделали по бриллианту.

— Ты все еще ничего не понял! — грустно воскликнул Грегор. — Смотри!

Он нажал на кнопку ближайшего Конфигуратора и сказал:

— Бриллиант.

Конфигуратор затрясся.

— Это все ты и твой проклятый принцип наслаждения, — устало проговорил Грегор.

Машина вновь завибрировала и произвела на свет... еще один КОНФИГУРАТОР!!!

Билет на планету Транай

В один прекрасный июньский день высокий, худощавый, серьёзного вида, скромно одетый молодой человек вошёл в контору Межзвёздного Бюро Путешествий. Он равнодушно прошёл мимо яркого плаката, изображающего Праздник урожая на Марсе. Громадное фотопанно танцующих лесов на Триганиуме не привлекло его взгляда. Он оставил без внимания и несколько двусмысленную картину обряда рассвета на планете Опиукус-II и подошёл к столу агента.

— Я хотел бы заказать билет на планету Транай, — сказал молодой человек.

Агент закрыл журнал «Полезные изобретения», который он читал, и сдвинул брови.

— Транай? Транай? Это, кажется, одна из лун Кента-IV?

— Нет, — ответил молодой человек. — Транай — планета, обращающаяся вокруг звезды, носящей то же название. Я хочу туда съездить.

— Никогда о ней не слышал. — Агент взял с полки Звёздный каталог, туристскую звёздную карту и справочник под названием «Редкие межпланетные маршруты».

— Так, — сказал агент уверенным голосом. — Каждый день приходится узнавать что-то новое. Значит, вы хотите заказать билет на планету Транай, мистер...

— Гудмэн. Марвин Гудмэн.

— Гудмэн... Так вот, оказывается, Транай — одна из самых далёких от Земли планет, на краю Млечного Пути. Туда никто не ездит.

— Знаю. Вы оформите мне, проезд? — спросил Гудмэн, и в голосе его послышалось подавляемое волнение.

Агент покачал головой:

— Никаких шансов. Даже нон-скеды не забираются так далеко.

— До какого ближайшего пункта вы можете меня отправить?

Агент подкупающе улыбнулся:

— Зачем об этом беспокоиться? Я могу направить вас на планету, на которой будет всё, чем располагает Транай, плюс такие

дополнительные преимущества, как быстрое сообщение, сниженные цены, комфортабельные отели, экскурсии...

— Я еду на Транай, — угрюмо сказал Гудмэн.

— Но туда невозможно добраться, — терпеливо начал объяснять агент. — Что вы рассчитываете там найти? Возможно, я мог бы помочь.

— Вы можете помочь мне, оформив билет хотя бы до...

— Вы ищете приключений? — перебил его агент, быстро окинув взглядом тощую сутулую фигуру Гудмэна. — Могу предложить планету Африканус-II, доисторический мир, населённый дикими племенами, саблезубыми тиграми, человекоядными папоротниками; там есть зыбучие пески, действующие вулканы, птеродактили и всё такое прочее. Экспедиции отправляются из Нью-Йорка каждый пятый день, причём максимальный риск сочетается с абсолютной безопасностью. Вам гарантируется голова динозавра, иначе мы возвращаем деньги назад.

— Транай, — сказал Гудмэн.

— Гм, — клерк оценивающе взглянул на упрямо сжатый рот и немигающие глаза клиента. — Возможно, вам надоели пуританские правила на Земле? Тогда позвольте предложить вам путешествие на Альмагордо-III — «Жемчужину южного звёздного пояса». Наш десятидневный тур в кредит предусматривает посещение таинственного альмагордийского туземного квартала, восьми ночных клубов (первая рюмка за счёт фирмы), осмотр цинталовой фабрики, где вы сможете с колоссальной скидкой купить настоящие цинталовые пояса, обувь и бумажники, а также осмотр двух винных заводов. Девушки на Альмагордо красивы, жизнерадостны и обезоруживающе наивны. Они считают туристов высшим и наиболее желанным типом человеческих существ. Кроме того...

— Транай, — повторил Гудмэн. — До какого ближайшего пункта вы можете меня доставить?

Клерк нехотя вытащил стопку билетов.

— Вы можете долететь на «Королеве созвездий» до планеты Легис-II, затем пересесть на «Галактическую красавицу», которая доставит вас на Оуме. Там придётся сделать пересадку на местный корабль, который останавливается на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере и высадит вас на Тунг-Брадаре IV, если не

потерпит аварию в пути. Затем на нон-скеде вы пересечёте Галактический вихрь (если удастся) и прибудете на Алумсридгию, откуда почтовая ракета летает до Белисморанти. Я слышал, что почтовая ракета всё ещё там курсирует. Таким образом, вы проделаете полпути, а дальше доберётесь сами.

— Отлично, — сказал Гудмэн. — Вы сможете приготовить необходимые бумаги к вечеру?

Агент кивнул.

— Мистер Гудмэн, — спросил он в отчаянии, — всё-таки, что это за место — Транай?

На лице Гудмэна появилась блаженная улыбка.

— Утопия, — сказал он.

Марвин Гудмэн прожил большую часть жизни в небольшом городе Сикирке (штат Нью-Джерси), которым в течение почти пятидесяти лет управляли сменяющие друг друга политические боссы. Большинство граждан Сикирка равнодушно относилось к коррупции среди всех слоёв государственных служащих, игорным домам, баталиям уличных шаек, пьянству среди молодёжи. Они апатично наблюдали, как разрушаются их дороги, лопаются старые водопроводные трубы, выходят из строя электростанции и разваливаются их обветшалые жилые здания, в то время как боссы строят новые большие дома, новые большие плавательные бассейны и утеплённые конюшни. Люди к этому привыкли. Но только не Гудмэн.

Прирождённый борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались, посылал в Конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал честных кандидатов, которые никогда не избирались. Он основал «Лигу городского благоустройства», организацию «Граждане против гангстеризма», «Союз граждан за честные полицейские силы», «Ассоциацию борьбы с азартными играми», «Комитет равных возможностей для женщин» и дюжину других организаций.

Его усилия были безрезультатны. Апатичные горожане не интересовались этими вопросами. Политиканы открыто над ним смеялись, а Гудмэн не терпел насмешек над собой. В дополнение ко всем бедам его невеста ушла к горластому молодому человеку, который носил яркий спортивный пиджак и единственное

достоинство которого заключалось в том, что он владел контрольным пакетом акций Сикиркской строительной корпорации.

Это был тяжёлый удар. По-видимому, девушку Марвина не беспокоил тот факт, что Сикиркская строительная корпорация подмешивала непомерное количество песка в бетон и выпускала стальные балки на несколько дюймов уже стандарта. Невеста сказала как-то Гудмэну: «Боже мой, Марвин, ну и что такого? Так все делают. Нужно быть реалистом».

Гудмэн не собирался быть реалистом. Он сразу же ретировался в «Лунный бар» Эдди, где за рюмкой начал взвешивать привлекательные стороны травяного шалаша в зелёном аду Венеры.

В бар вошёл старик с ястребиным лицом, державшийся очень прямо. По его тяжёлой поступи человека, отвыкшего от земного притяжения, по бледному лицу, радиационным ожогам и пронзительным серым глазам Гудмэн определил, что это космический пилот.

— «Особый транайский», Сэм, — бросил бармену старый астронавт.

— Сию минуту, капитан Сэвидж, — ответил бармен.

— «Транайский»? — невольно вырвалось у Гудмэна.

— «Транайский», — сказал капитан. — Видно, никогда не слыхал о такой планете, сынок?

— Нет, сэр, — признался Гудмэн.

— Так вот, сынок, — сказал капитан Сэвидж. — что-то меня тянет на разговор сегодня, поэтому расскажу-ка я тебе о благословенной планете Транай, там, далеко за Галактическим Вихрем.

Глаза капитана затуманились, и улыбка согрела угрюмо сжатые губы.

— В те годы мы были железными людьми, управлявшими стальными кораблями. Джонни Кавано, и Фрог Ларсен, и я пробрались бы в самый ад ради тонны терганиума. Да, и споили бы самого Вельзевула, если бы в экипаже не хватало людей. То были времена, когда от космической цинги умирал каждый третий и тень Большого Дэна Макклинтока витала над космическими трассами. Молл Гэнн тогда ещё хозяйничала в трактире «Красный петух» на астероиде 342-АА, заламывала по пятьсот земных долларов за

кружку пива, и люди давали, потому что это было единственное заведение на десять миллиардов миль в округе. В те дни шайка скарбиков ещё промышляла вдоль Звёздного пояса, а корабли, направлявшиеся на Проденгум, должны были лететь по страшной Прогнутой стрелке. Так что можешь себе представить, сынок, что я почувствовал, когда однажды высадился на Транае.

Гудмэн слушал, как старый капитан рисовал картину той великой эпохи, когда хрупкие корабли бросали вызов железному небу, стремясь ввысь, в пространство, вечно туда — к дальним границам Галактики.

Там-то, на краю Великого Ничто, и находилась планета Транай.

Транай, где найден смысл существования и где люди уже не прикованы к Колесу! Транай — обильная, миролюбивая, процветающая, счастливая страна, населённая не святыми, не скептиками, не интеллектуалами, а людьми обычными, которые достигли Утопии.

В течение часа капитан Сэвидж рассказывал о многообразных чудесах планеты Транай. Закончив, он пожаловался на сухость в горле. «Космический катар», назвал он это состояние, и Гудмэн заказал ему ещё один «Транайский особый» и один для себя. Потягивая экзотическую буро-зелёную смесь, Гудмэн погрузился в мечтания.

Наконец он мягко спросил:

— Почему бы вам не вернуться назад, капитан?

Старик покачал головой.

— Космический радикулит. Я застрял на Земле навсегда. В те дни мы понятия не имели о современной медицине. Теперь я гожусь лишь на сухопутную работу.

— А что вы сейчас делаете?

— Работаю десятником в Сикиркской строительной корпорации, — вздохнул старик. — Это я, который когда-то командовал пятидесятитрубным клипером... Ох, уж как эти люди делают бетон! Может быть, ещё по маленькой в честь красавицы Транай?

Они ещё несколько раз выпили по маленькой. Когда Гудмэн покидал бар, дело было решено. Где-то там, во Вселенной, найден модус вивенди, реальное осуществление древней мечты человека об идеальном обществе.

На меньшее он бы не согласился.

На следующий день он уволился с завода роботов в Ист-Косте, где работал конструктором, и забрал свои сбережения из банка.

Он отправлялся на Транай.

На «Королеве созвездий» он долетел до Легис-II, а затем на «Галактической красавице» — до Оуме. Сделав остановки на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере, которые оказались убогими местечками, он достиг Тунг-Брадара-IV. Без всяких инцидентов он пролетел сквозь Галактический Вихрь и, наконец, добрался до Белисморанти, где кончалась сфера влияния Земли.

За фантастическую сумму лайнер местной компании перевёз его на Дваста-II, откуда на грузовой ракете он миновал планеты Севес, Олго и Ми и прибыл на двойную планету Мванти. Там он застрял на три месяца, но использовал это время, чтобы пройти гипнопедический курс транайского языка. Наконец, он нанял лётчика, который доставил его на планету Динг.

На Динге он был арестован как хигастомеритреанский шпион, однако ему удалось бежать в грузовом отсеке ракеты, возившей руду для г'Мори. На г'Мори ему пришлось лечиться от обморожения, теплового удара и поверхностных радиационных ожогов. Там же он договорился о перелёте на Транай.

Он уже отчаялся и не верил, что попадёт к месту назначения, когда корабль пронёсся мимо лун Доэ и Ри и опустился в порту планеты Транай.

Когда открылись шлюзы, Гудмэн ощутил глубокую депрессию. Частично она объяснялась усталостью, неизбежной после такого путешествия. Но была и другая причина: его внезапно охватил страх оттого, что Транай может оказаться химерой.

Он пересёк всю Галактику, поверив на слово старому космическому лётчику. Теперь его повесть звучала уже не столь убедительно. Скорее можно поверить в существование Эльдорадо, чем планеты Транай, к которой его так влекло.

Он сошёл с корабля. Порт Транай казался довольно приятным городком. Улицы полны народу, в магазинах много товаров. Мужчины похожи на обычных людей. Женщины весьма привлекательны.

И всё же он почувствовал что-то странное, что-то неуловимо, но

в то же время ощутимо необычное. Вскоре он понял, в чём дело.

Ему попадалось по крайней мере десять мужчин на каждую женщину, и что более странно: все женщины, которых он видел, были моложе 18 или старше 35 лет.

Что же случилось с женщинами от 18 до 35? Наложено ли какое-то табу на их появление в общественных местах? Или виной тому эпидемия?

Надо подождать, вскоре он всё узнает.

Он направился в Идриг-Билдинг, где помещались все правительственные учреждения планеты, и представился в канцелярии министра по делам иноземцев. Его сразу провели к министру.

Кабинет был небольшой и очень заставленный, на стенах синели странные потёки. Что сразу поразило Гудмэна, так это дальнобойная винтовка с глушителем и телескопическим прицелом, которая зловеще висела на стене. Однако раздумывать над этим было некогда, так как министр вскочил с кресла и энергично пожал ему руку.

Министр был полным весёлым мужчиной лет пятидесяти. На шее у него висел небольшой медальон с гербом планеты Транай: молния, раскалывающая початок кукурузы. Гудмэн правильно определил, что это официальный знак власти.

— Добро пожаловать на Транай, — сердечно приветствовал его министр. Он смахнул кипу бумаг с кресла и пригласил Гудмэна сесть.

— Господин министр... — официально начал Гудмэн по-транайски.

— Ден Мелит. Зовите меня просто Ден. Мы здесь не любим официальщины. Кладите ноги на стол и располагайтесь, как у себя дома. Сигару?

— Нет, спасибо, — сказал Гудмэн слегка ошарашенный. — Мистер... эээ... Ден, я приехал с планеты Земля, о которой вы, возможно, слышали.

— Конечно, слышал, — сказал министр. — Довольно нервное, суетливое место, не правда? Конечно, не хочу вас обидеть.

— Да-да. Я придерживаюсь того мнения о Земле. Причина, по которой я приехал... — Гудмэн запнулся, надеясь, что он не выглядит

слишком глупо. — В общем, я слыхал кое-что о планете Транай. И, поразмыслив, пришёл выводу, что всё это, наверно, сказки. Но если вы не возражаете, я бы хотел задать несколько вопросов.

— Спрашивайте что угодно, — великодушно сказал Мелит. — Можете рассчитывать на откровенный ответ.

— Спасибо. Я слышал, что на Транае не было войн уже в течение четырехсот лет.

— Шестисот лет, — поправил его Мелит. — Нет, и не предвидится.

— Кто-то мне сказал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— И поэтому здесь нет полиции, судов, судей, шерифов, судебных приставов, палачей, правительственных следователей. Нет ни тюрем, ни исправительных домов, ни других мест заключения.

— Мы в них просто не нуждаемся, — объяснил Мелит, — потому что у нас не совершается преступлений.

— Я слышал, — сказал Гудмэн, — что на Транае нет нищеты.

— О нищете и я не слыхивал, — сказал весело Мелит. — Вы уверены, что не хотите сигару?

— Нет, спасибо. — Гудмэн в возбуждении наклонился вперёд. — Я так понимаю, что вы создали стабильную экономику без обращения к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам.

— Совершенно верно, — сказал Мелит.

— То есть ваше общество является обществом свободного предпринимательства, где процветает частная инициатива, а функции власти сведены к абсолютному минимуму.

Мелит кивнул.

— В основном на правительство возложены второстепенные функции: забота о престарелых, украшение ландшафта.

— Верно ли, что вы открыли способ распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов — способ, основанный только на индивидуальном желании? — настойчиво интересовался Гудмэн.

— Да, конечно.

— Правда ли, что правительство Траная не знает коррупции?

— Никакой, — сказал Мелит, — видимо, по этой причине, нам

очень трудно уговаривать людей заниматься государственной деятельностью.

— Значит, капитан Сэвидж был прав! — воскликнул Гудмэн, который уже не мог сдерживаться. — Вот она, Утопия!

— Нам здесь нравится, — сказал Мелит.

Гудмэн глубоко вздохнул и спросил:

— А можно мне здесь остаться?

— Почему бы и нет? — Мелит вытащил анкету. — У нас нет иммиграционных ограничений. Скажите, какая у вас профессия?

— На Земле я был конструктором роботов.

— В этой области возможностей и работы много. — Мелит начал заполнять анкету. Его перо выдавило чернильную кляксу. Министр небрежно кинул ручку в стену. Она разбилась, оставив после себя ещё один синий потёк.

— Анкету заполним в следующий раз, — сказал он. — Я сейчас не в настроении этим заниматься. — Он откинулся на спинку кресла. — Хочу вам дать один совет. Здесь, на Транае, мы считаем, что довольно близко подошли к Утопии, как вы выразились. Но наше государство нельзя назвать высокоорганизованным. У нас нет сложного кодекса законов. Мы живём, придерживаясь нескольких неписаных законов, или обычаев, если хотите. Вы сами узнаете, в чём они заключаются. Хочу вам посоветовать, это, конечно, не приказ, их соблюдать.

— Конечно, я буду это делать, — с чувством сказал Гудмэн. — Могу вас заверить, сэр, что я не имею намерения угрожать какой-либо сфере вашего рая.

— О, я не беспокоюсь насчёт нас, — весело улыбнулся Мелит. — Я имел в виду вашу собственную безопасность. Возможно, моя жена тоже захочет вам что-либо посоветовать.

Он нажал большую красную кнопку на письменном столе. Перед ними возникло голубоватое сияние. Сияние материализовалось в красивую молодую женщину.

— Доброе утро, дорогой, — сказала она Мелиту.

— Скоро вечер, — сказал Мелит. — Дорогая, этот юноша прилетел с самой Земли и хочет жить на Транае. Я ему дал обычные советы. Можем ли мы что-нибудь ещё для него сделать?

Госпожа Мелит, немножко подумала, и потом спросила,

Гудмэна:

— Вы женаты?

— Нет, мадам, — ответил Гудмэн.

— В таком случае ему надо познакомиться с хорошей девушкой, — сказала г-жа Мелит мужу. — Холостая жизнь не поощряется на Транае, хотя она, безусловно, не запрещена. Подождите... Как насчёт той симпатичной Дриганти?

— Она помолвлена, — сказал Мелит.

— В самом деле? Неужели я так долго находилась в стасисе? Дорогой, это не слишком разумно с твоей стороны.

— Я был занят, — извиняющимся тоном сказал Мелит.

— А как насчёт Мины Вензис?

— Не его тип.

— Жанна Влэй?

— Отлично! — Мелит подмигнул Гудмэну. — Очаровательная молодая женщина. — Он вынул новую ручку из ящика стола, записал на бумажке адрес и протянул его Гудмэну. — Жена позвонит ей, чтобы она вас ждала завтра.

— И обязательно как-нибудь заходите к нам на обед, — сказала г-жа Мелит.

— С удовольствием, — ответил Гудмэн, у которого кружилась голова.

— Рада была с вами познакомиться.

Тут Мелит, нажал, красную кнопку. Г-жа Мелит пропала в голубом сиянии.

— Пора закрывать, — заметил Мелит, взглянув на часы. — Перерабатывать нельзя, не то люди станут болтать. Заходите как-нибудь, и мы заполним анкеты. Вообще вам, конечно, следовало бы нанести визит Верховному Президенту Боргу в Национальный дворец. Или он сам вас посетит. Только смотрите, чтобы эта старая лиса вас не обманула, и не забудьте насчёт Жанны.

Он хитро подмигнул Гудмэну и проводил его до двери.

Через несколько секунд Гудмэн очутился один на тротуаре.

— Это Утопия, — сказал он себе. — Настоящая, действительная, стопроцентная Утопия.

Правда, она была не лишена странностей.

Гудмэн пообедал в небольшом ресторане, а затем устроился в

отеле неподалёку. Приветливый дежурный проводил его в номер, где Гудмэн сразу же растянулся на постели. Он устало потёр глаза, пытаясь разобраться в своих впечатлениях.

Столько событий за один день — и уже много непонятного. Например, соотношение мужчин и женщин. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но, возможно, у Мелита и не стоило спрашивать, потому что он сам был со странностями. Например, почему он кидал ручки в стену? Разве такое может позволить себе зрелый и ответственный государственный деятель? К тому же жена Мелита…

Гудмэн уже догадался, что г-жа Мелит вышла из дерсин-стасисного поля; он узнал характерно голубое сияние. Дерсин-поле применялось и на Земле. Иногда были веские медицинские причины для того, чтобы прекратить на время всякую деятельность организма, рост и распад. Например, если пациенту требовалась особая вакцина, которую можно было достать лишь на Марсе, такого человека просто-напросто помещали в стасисное поле, пока не прибывала вакцина.

Однако на Земле только дипломированные врачи могли экспериментировать с этим полем. Использование его без разрешения строго каралось.

Гудмэн никогда не слышал, чтобы в этом поле держали жён.

Однако если все жёны на Транае содержатся в стасисном поле, это объясняло отсутствие женщин между 18 и 35 годами, а также явное преобладание мужчин.

Но в чём причина этой электромагнитной паранджи?

И ещё одна вещь беспокоила Гудмэна. Не столь уж важная, но не совсем приятная.

Винтовка, висевшая у Мелита на стене.

Может быть, он охотник? Значит, на крупную дичь. Или занимается спортивной стрельбой? Но к чему тогда телескопический прицел? И глушитель? Почему он держит винтовку в кабинете?

В конце концов, решил Гудмэн, всё это не имеет значения: так, мелкие причуды, которые будут проясняться по мере того, как он будет жить здесь. Нельзя ожидать, что он получит немедленное и полное объяснение всему, что творится на этой, между прочим,

чужой планете.

Он уже засыпал, когда услышал стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Небольшого роста человек с серым лицом, озираясь по сторонам, вбежал в комнату и захлопнул дверь.

— Это вы прилетели с Земли?

— Да.

— Я так и решил, что найду вас здесь, — сказал маленький человек с довольной улыбкой. — Отыскал сразу же. Собираетесь пожить на Транае?

— Я остаюсь навсегда.

— Отлично, — сказал человек. — Хотите стать Верховным Президентом?

— Что?

— Хорошая зарплата, сокращённый рабочий день, и всего лишь на один год. Вы похожи на человека, принимающего интересы общественности близко к сердцу, — весело говорил незнакомец. — Так как же вы решите?

Гудмэн не знал, что ответить.

— Вы хотите сказать, — изумлённо спросил он, — что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

— Что значит «ни за что ни про что»? — обиделся незнакомец. — Вы что думаете, мы предлагаем пост Верховного Президента первому встречному? Такое предложение — большая честь.

— Я не хотел...

— А вы, как житель Земли, очень подходите для этого поста.

— Почему?

— Общеизвестно, что жители Земли любят власть. Мы, транайцы, власть не любим, вот и всё. Слишком много возни.

Оказывается, так просто. Кровь реформатора вскипела в жилах Гудмэна. Хоть Транай и идеальная планета, здесь кое-что можно усовершенствовать. Он вдруг представил себя правителем Утопии, который осуществляет великую миссию улучшения самого совершенства. Однако чувство осторожности помешало ему принять предложение сразу. А вдруг незнакомец — сумасшедший?

— Спасибо за ваше предложение, — сказал Гудмэн. — Но мне нужно подумать. Возможно, я переговорю с нынешним

Президентом, чтобы узнать о характере работы.

— А как вы считаете, для чего здесь я? — воскликнул маленький человечек. — Я и есть Верховный Президент Борг. — Только сейчас Гудмэн заметил официальный медальон на шее у незнакомца. — Сообщите мне ваше решение. Я буду в Национальном дворце.

Борг пожал Гудмэну руку и отбыл. Гудмэн подождал пять минут и позвонил портье:

— Кто это был?

— Верховный Президент Борг, — сказал портье. — Вы согласились?

Гудмэн пожал плечами. Он неожиданно понял, что ему предстоит ещё многое выяснить о планете Транай.

На следующее утро Гудмэн составил алфавитный список местных заводов по изготовлению роботов и пошёл искать работу. К своему удивлению, место он нашёл себе сразу. На огромном заводе домашних роботов фирмы «Аббаг» его приняли на работу, лишь бегло взглянув на документы.

Его новый начальник мистер Аббаг был невысокого роста энергичный человек с копной седых волос.

— Рад заполучить землянина, — сказал Аббаг. — Насколько я слышал, вы изобретательный народ, а это нам и нужно. Буду откровенен с вами, Гудмэн, я надеюсь с выгодой использовать ваши необычные взгляды. Дело в том, что мы зашли в тупик.

— Техническая проблема? — спросил Гудмэн.

— Я вам покажу. — Аббаг повёл Гудмэна через прессовую, обжиговую, рентгеноскопию, сборочный цех и, наконец, в испытательный зал. Он был устроен в виде комбинированной кухни и гостиной. Вдоль стены стояло около десятка роботов.

— Попробуйте — предложил Аббаг.

Гудмэн подошёл к ближайшему роботу и взглянул на пульт управления. Всё довольно просто, никаких премудростей. Он заставил машину проделать обычный набор действий: поднимать различные предметы, мыть сковородки и посуду, сервировать стол. Реакции робота были довольно точными, но ужасно медленными. На Земле замедленные реакции были ликвидированы сотню лет назад. Очевидно, в этом отношении на Транае отстали.

— Вроде медленно, — осторожно сказал Гудмэн.

— Вы правы, — сказал Аббаг. — Очень медленно. Лично я считаю, что всё как надо. Однако, как утверждает наш отдел сбыта, потребители желают, чтобы робот функционировал ещё медленнее.

— Что?

— Глупо, не правда ли? — задумчиво сказал Аббаг. — Мы потеряем деньги, если будем ещё больше его замедлять. Взгляните на его внутренности.

Гудмэн открыл заднюю панель, обнажилась масса спутанных проводов. Разобраться было нетрудно. Робот был построен точно так же, как и современные машины на Земле, с использованием обычных недорогих высокоскоростных передач. Однако в механизм были включены специальные реле для замедления сигналов, блоки ослабления импульсов и редукторы.

— Скажите, — сердито спросил Аббаг, — разве мы можем замедлить его ещё больше без удорожания стоимости в два раза и увеличения размеров в три? Не представляю, какое разусовершенствование от нас потребуют в следующий раз.

Гудмэн силился понять образ мыслей собеседника и концепцию «разусовершенствования» машины.

На Земле всегда стремились к созданию робота с более быстрыми, плавными и точными реакциями. Сомневаться в мудрости такой задачи не приходилось. Он в ней и не сомневался.

— Но это ещё не всё, — продолжал жаловаться Аббаг. — Новая пластмасса, которую мы разработали для данной модели, катализируется или что-то в этом роде. Смотрите.

Он подошёл к роботу и ударил его ногой в живот. Пластмассовый корпус прогнулся, как жесть... Аббаг ударил ещё раз. Пластмасса ещё больше вогнулась, робот заскрипел, а лампочки его жалобно замигали. С третьего удара корпус развалился. Внутренности взорвались с оглушительным шумом и разлетелись по всему полу.

— Не очень-то он крепок, — сказал Гудмэн.

— Чересчур крепок. Он должен разбиваться вдребезги от первого же удара. Наши покупатели не почувствуют удовлетворения, ушибая ноги о его корпус. Но скажите, как мне разработать пластмассу, которая выдержит обычные воздействия (нельзя же, чтобы роботы случайно разваливались) и в то же время разлетится на куски, когда этого пожелает владелец?

— Подождите, — запротестовал Гудмэн. — Давайте объяснимся. Вы сознательно замедляете своих роботов, чтобы они раздражали людей, а люди их за это уничтожали?

Аббаг поднял брови:

— Вот именно!

— Почему?

— Вы здесь новичок, — сказал Аббаг. — А это известно каждому ребёнку. Это же основа основ.

— Я был бы благодарен за разъяснение.

Аббаг вздохнул.

— Ну, прежде всего вы, конечно, понимаете, что любой механизм является источником раздражения. У людей непоколебимое затаённое недоверие к машинам. Психологи называют это инстинктивной реакцией жизни на псевдожизнь. Вы согласны?

Марвин Гудмэн припомнил книги, которые он читал о бунте машин, о кибернетическом мозге, завоевавшем мир, о восстании андроидов и т. д. Он вспомнил забавные происшествия, о которых писали газеты, как, например, о человеке, который расстрелял свой телевизор, или разбил тостер о стену, или «расправился» с автомобилем. Он вспомнил враждебность, сквозившую в анекдотах о роботах.

— С этим, пожалуй, я могу согласиться, — сказал Гудмэн.

— Тогда позвольте мне вернуться к исходному тезису, — педантично продолжал Аббаг. — Любая машина является источником раздражения. Чем лучше машина работает, тем сильнее чувство раздражения, которое она вызывает. Таким образом, мы логически приходим к тому, что отлично работающая машина — источник чувства досады, подавляемых обид, потери самоуважения...

— Стойте! — взмолился Гудмэн. — Это уж слишком!

— ...а также шизофренических фантазий, — беспощадно докончил Аббаг. — Однако для развитой экономики машины необходимы. Поэтому наилучшим и гуманным решением вопроса будет использование плохо работающих машин.

— Я не согласен.

— Но это очевидно. На Земле ваши машины работают в оптимальном режиме, создавая чувство неполноценности у тех, кто

ими управляет. К сожалению, у вас существует мазохистское племенное табу против разрушения машин. Результат? Общий трепет перед священной и сверхчеловечески эффективной Машиной, что приводит к поиску объекта для проявления агрессивных наклонностей. Обычно таковым бывает жена или друг. Ситуация не очень весёлая. Конечно, можно предположить, что ваша система эффективна в переводе на роботочасы, однако в плане долгосрочных интересов здоровья и благополучия она чрезвычайно беспомощна.

— Вы уверены...

— Человек — животное беспокойное. На Транае мы даём конкретный выход этому беспокойству и открываем клапан для многих проявлений чувств разочарования. Стоит человеку вскипеть и — трах! Он срывает свою злость на роботе. Налицо мгновенное и целительное освобождение от сильного напряжения, что ведёт к благотворному и реальному ощущению превосходства над простой машиной, здоровому притоку адреналина в кровь; кроме того, это способствует индустриальному прогрессу на планете, так как человек пойдёт в магазин и купит нового робота. И, в конце концов, что он такого совершил? Он не избил жену, не покончил с собой, не объявил войну, не изобрёл новое оружие, не прибегнул к обычным средствам освобождения от агрессивных инстинктов. Он просто разбил недорогой робот, который можно немедленно заменить.

— Мне необходимо время, чтобы всё понять, — признался Гудмэн.

— Конечно. Я уверен, что вы принесёте здесь пользу, Гудмэн. Подумайте над тем, что я вам рассказал, и попытайтесь разработать какой-нибудь недорогой способ разусовершенствования этого робота.

Гудмэн обдумывал эту проблему в течение всего остатка дня, однако он не мог сразу приспособить своё мышление к идее создания худшего варианта машины. Это отдавало святотатством. Он кончил работу в половине шестого недовольный собой, однако полный решимости добиться успеха или неуспеха, в зависимости от того, как на это дело посмотреть.

Быстро поужинав в одиночестве, Гудмэн решил нанести визит Жанне Влэй. Ему не хотелось оставаться наедине со своими

мыслями, он вдруг почувствовал сильное желание найти что-нибудь приятное и несложное в этой непростой Утопии.

Возможно, у Жанны Влэй он найдёт ответ.

Дом семьи Влэй был в нескольких кварталах от отеля, и он решил пройтись пешком.

Главная беда заключалась в том, что он имел своё собственное представление об Утопии, и было трудно согласовать эти идеи со здешней реальностью. Раньше он рисовал себе пасторальный пейзаж, планету, жители которой живут в небольших милых деревушках, бродят по улицам в ниспадающих одеждах, такие мудрые, нежные и всё понимающие. Дети играют в лучах золотистого солнца, молодые люди танцуют на деревенской площади.

Как глупо! Вместо действительности он представлял себе картинку, стилизованные позы вместо безостановочного движения жизни. Живые люди не могли бы так существовать, даже если предположить, что они этого желали. В таком случае они бы перестали быть живыми.

Он подошёл к дому семьи Влэй и остановился в нерешительности. Что ждёт его здесь? С какими чужеземными (хотя, безусловно, утопическими) обычаями он сейчас столкнётся?

Он чуть было не повернул вспять. Однако перспектива провести долгий вечер одному в номере отеля показалась ему невыносимой. Стиснув зубы, он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл рыжий мужчина среднего роста, средних лет.

— Ах, вы, наверное, тот землянин. Жанна сейчас будет. Проходите и познакомьтесь с моей супругой.

Он провёл Гудмэна в приятно обставленную гостиную, нажал красную кнопку на стене. На этот раз Гудмэна не испугало голубое сияние дерсин-поля. В конце концов дело транайцев, как обращаться со своими жёнами.

Привлекательная женщина лет двадцати восьми выступила из дымки.

— Дорогая, — сказал рыжий. — Познакомься с мистером Гудмэном с Земли.

— Рада вас видеть, — сказала г-жа Влэй. — Хотите что-нибудь выпить?

Гудмэн кивнул. Влэй указал на удобное кресло. Через минуту супруга внесла поднос с холодными напитками и присела.

— Так, значит, вы с планеты Земля, — сказал мистер Влэй. — Нервное, суетливое место, не так ли? Все куда-то спешат.

— Да, примерно так, — согласился Гудмэн.

— У нас вам понравится. Мы умеем жить. Всё дело в том...

На лестнице послышалось шуршание юбок. Гудмэн поднялся.

— Мистер Гудмэн, это наша дочь Жанна, — сказала г-жа Влэй.

Волосы Жанны были цвета сверхновой из созвездия Цирцеи, глаза немыслимо голубого оттенка осеннего неба над планетой Альго II, губы — нежно-розовые, цвета газовой струи из сопла реактивного двигателя Скарсклотт-Тэрнера, нос...

Астрономические эпитеты Гудмэна иссякли, да и вряд ли они были подходящими. Жанна была стройная и удивительно красивая блондинка, и Гудмэна внезапно охватило чувство радости оттого, что он пересёк всю Галактику ради планеты Транай.

— Идите, дети, повеселитесь, — сказала г-жа Влэй.

— Не задерживайтесь поздно, — сказал Жанне мистер Влэй.

Так на Земле родители говорят своим детям.

Свидание было как свидание. Они посетили недорогой ночной клуб, танцевали, немного выпили, много разговаривали. Гудмэн поразился общности их вкусов. Жанна соглашалась со всем, что он говорил. Было приятно обнаружить глубокий ум у такой красивой девушки.

У неё дух захватило от рассказа об опасностях, с которыми он столкнулся во время полёта через Галактику. Она давно слышала, что жители Земли по натуре искатели приключений (хотя и очень нервозны), однако риск, которому подвергался Гудмэн, не поддавался её пониманию.

Мурашки пробежали у неё по спине, когда она услышала о гибельном Галактическом Вихре. Раскрыв глаза, она внимала истории о страшной Прогнутой Стрелке, где кровожадные скарбики охотились вдоль Звёздного Пояса, прячась в адских закоулках Проденгума. Как сказал ей Марвин, земляне были железными людьми в стальных кораблях, которые бросали вызов Великому Ничто.

Жанна обрела речь, лишь услышав сообщение Гудмэна о том,

что кружка пива в трактире Молл Рзин «Красный петух» на астероиде 342-АА стоила пятьсот земных долларов.

— Наверное, вы испытывали большую жажду, — задумчиво сказала она.

— Не очень, — сказал Гудмэн. — Просто деньги там ничего не значат.

— Понимаю, но не лучше ли было бы сохранить эти деньги? Я имею в виду, что когда-нибудь у вас будут жена и дети... — Она покраснела.

Гудмэн уверенно сказал:

— Ну, эта часть моей жизни позади. Я женюсь и обоснуюсь здесь, на Транае.

— Прекрасно! — воскликнула она.

Вечер очень удался.

Гудмэн поводил Жанну домой, пока ещё не было поздно, и назначил ей свидание на следующий вечер. Осмелев от собственных рассказов, он поцеловал её в щёку. Она не отстранилась, но Гудмэн деликатно не использовал это преимущество.

— До завтра, — улыбнулась она, закрывая дверь.

Он пошёл пешком, ощущая необыкновенную лёгкость. Жанна, Жанна! Неужели он уже влюбился? А почему бы и нет? Любовь с первого взгляда — реальное психофизиологическое состояние и в качестве такового вполне оправдано. Любовь в Утопии! Как чудесно, что здесь, на идеальной планете, ему удалось найти идеальную девушку.

Неожиданно из темноты выступил незнакомый человек и преградил ему путь. Гудмэн обратил внимание, что почти всё лицо незнакомца закрывала чёрная шёлковая маска. В руке у него был крупный и с виду мощный лучевой пистолет, который он наставил Гудмэну прямо в живот.

— О'кэй, парень, — сказал незнакомец, — давай сюда все деньги.

— Что? — не понял Гудмэн.

— Ты слышал, что я сказал. Деньги. Давай их сюда.

— Вы не имеете права, — сказал Гудмэн, слишком поражённый, чтобы логически мыслить. — На Транае нет преступности!

— А кто сказал, что есть? — спокойно спросил незнакомец. — Я просто прошу тебя отдать свои деньги. Отдашь мирно или же мне

придётся выколачивать их из тебя?

— Вам это так не пройдёт! Преступления к добру не приводят!

— Не говори глупостей, — сказал человек и поднял лучевой пистолет повыше.

— Хорошо. Вы не волнуйтесь. — Гудмэн вытащил бумажник, содержавший все его сбережения, и протянул его человеку в маске.

Незнакомец пересчитал деньги. Видимо, сумма произвела на него впечатление.

— Это лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе, парень. Не горюй.

Он быстро зашагал прочь по тёмной улице.

Гудмэн лихорадочно озирался, ища глазами полицейского, прежде чем вспомнил, что полиции на Транае не существует. Он заметил небольшой бар на углу, над которым горела неоновая вывеска «Китти Кэт Бар». Он рванулся туда.

Внутри никого не было, кроме бармена, который сосредоточенно протирал стаканы.

— Ограбили! — закричал Гудмэн.

— Ну и что? — сказал бармен, не поднимая глаз.

— Но ведь я считал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— А меня сейчас ограбили.

— Вы здесь, вероятно, новичок, — сказал бармен, взглянув, наконец, на Гудмэна.

— Я недавно прилетел с Земли.

— С Земли? Как же, слышал, такая нервная, беспокойная планета...

— Да-да, — сказал Гудмэн. Ему уже начал надоедать этот однообразный припев. — Как может не существовать преступности на Транае, если меня ограбили?

— Так это понятно. На Транае ограбление не считается преступлением.

— Ограбление — всегда преступление!

— А какого цвета у него была маска?

Гудмэн подумал.

— Чёрная. Чёрная шёлковая.

Бармен кивнул.

— Значит, этот человек был государственным сборщиком

налогов.

— Странный метод взимания налогов, — пробормотал Гудмэн.

Бармен поставил перед Гудмэном рюмочку «Транайского особого».

— Попробуйте взглянуть на это через призму общественного блага. Какие-то средства правительству в конце концов нужны. Собирая их таким способом, мы избегаем необходимости вводить

подоходный налог с его юридическим крючкотворством и бюрократией. Да и с точки зрения психологической гораздо лучше изымать деньги при помощи кратковременной и безболезненной операции, чем заставлять граждан мучиться целый год в ожидании дня, когда им всё равно придётся платить.

Гудмэн залпом осушил рюмку, и бармен поставил перед ним другую.

— Я думал, — сказал Гудмэн, — что ваше общество основано на идее частной инициативы и свободы воли.

— Верно, — подтвердил бармен. — Но в таком случае правительство (в его здешнем урезанном виде) тем более должно иметь право на свободу воли, как любой гражданин, не так ли?

Не найдя, что ответить, Гудмэн опрокинул вторую рюмку.

— Можно ещё? — попросил он. — Я заплачу при первой возможности.

— Конечно, конечно, — приветливо сказал бармен, наливая ещё рюмку Гудмэну и ставя другую перед собой.

Гудмэн сказал:

— Вы интересовались цветом маски незнакомца. Почему?

— Чёрный цвет — государственный. Частные лица носят белые маски.

— Вы хотите сказать, что частные граждане также совершают ограбления?

— Ещё бы! Таков наш способ перераспределения богатств. Состояния нивелируются без государственного вмешательства, даже без налогов, исключительно через проявление личной инициативы. — Бармен закивал головой. — Действует эта система безотказно. Между прочим, ограбления — великий уравнитель.

— По-видимому, так, — согласился Гудмэн, заканчивая третью рюмку. — Если я правильно вас понял, любой человек может взять лучевой пистолет, надеть маску и выйти на большую дорогу?

— Именно, — подтвердил бармен. — Только всё делается в

определённых рамках.

Гудмэн хмыкнул.

— Если таков закон, я могу тоже включиться в игру. Вы можете одолжить мне маску? И пистолет.

Бармен пошарил под прилавком.

— Только не забудьте вернуть. Это фамильные реликвии.

— Обязательно, — пообещал Гудмэн. — И тогда заплачу за угощение.

Он засунул пистолет за пояс, натянул маску и вышел из бара. Если такова жизнь на Транае, к ней можно приспособиться. Если хотят грабить? Ну что ж, он их сам будет грабить, да ещё как!

Дойдя до слабо освещённого перекрёстка, он затаился в тени дома и стал ждать. Скоро послышались шаги; из-за угла он увидел быстро приближающегося солидного, хорошо одетого транайца.

Гудмэн вышел вперёд и зарычал:

— Стой, друг!

Транаец остановился и посмотрел на лучевой пистолет в руке у Гудмэна:

— Гм... я вижу, у вас широкоугольный лучевой пистолет системы Дрог-3, не так ли? Несколько старомодное оружие. Как вы его находите?

— Я доволен, — сказал Гудмэн, — давай-ка твои...

— Спусковой механизм действует медленно, — задумчиво протянул транаец. — Лично я рекомендовал бы вам иглолучевой Милс-Сливен. Кстати, я местный представитель оружейной компании Сливен. Сдав вашу старую марку и немного доплатив...

— Давай-ка сюда деньги, — отрезал Гудмэн.

Солидный транаец улыбнулся.

— Главный дефект вашего Дрог-три заключается в том, что он не выстрелит, пока не снят предохранитель. — Транаец шагнул вперёд и выбил пистолет из руки Гудмэна. — Вот видите? Вы ничего не смогли бы сделать. — Он повернулся и пошёл.

Гудмэн подобрал пистолет, нащупал предохранитель и кинулся за транайцем.

— Руки вверх, — приказал он, чувствуя прилив отчаянной решимости.

— Ну нет, дорогой, — бросил через плечо транаец, даже не

обернувшись. — Только по одной попытке на клиента. Нехорошо нарушать неписаный закон.

Гудмэн стоял и смотрел, пока незнакомец не скрылся из виду. Он внимательно оглядел свой Дрог-3, проверил, сняты ли все предохранители. Затем вернулся на прежнее место.

Прождав час, он снова услышал шаги. Рука его стиснула рукоятку пистолета. На этот раз он был готов грабить, и ничто не могло его остановить.

— Эй, парень, — окликнул он, — руки вверх!

На этот раз жертвой оказался грузный транаец в поношенном рабочем комбинезоне. С отвалившейся челюстью он уставился на пистолет в руке Гудмэна.

— Не стреляйте, мистер, — взмолился транаец.

Вот это уже другой разговор! Гудмэна захлестнула тёплая волна удовлетворения.

— Не двигаться, — предупредил он. — Предохранители сняты.

— Вижу, — выдавил из себя толстячок. — Осторожнее с этой штукой мистер. Я и мизинцем не пошевелю.

— Так-то лучше. Давай твои деньги.

— Деньги?

— Да, деньги, и пошевеливайся.

— У меня нет денег, — заскулил транаец. — Мистер, я бедный человек. Я в тисках нищеты.

— На Транае нет нищеты, — поучительным тоном сказал Гудмэн.

— Знаю. Но иногда настолько приближаешься к этому состоянию, что особой разницы не ощущаешь. Отпустите меня, мистер.

— Почему вы такой безынициативный? — спросил Гудмэн. — Если вы бедняк, почему бы вам не ограбить кого-нибудь? Все так делают.

— Не было никакой возможности. Сначала дочка заболела коклюшем, и я несколько ночей с ней просидел. Потом испортилось дерсин-поле, так что жена меня пилила дни напролёт. Я всегда говорил, что в каждом доме должен быть запасной дерсин-генератор. Затем, пока чинили дерсин-генератор, жена решила устроить уборку квартиры, куда-то засунула мой лучевой пистолет и не могла вспомнить куда. Только я собрался одолжить пистолет у

приятеля...

— Хватит, — сказал Гудмэн. — Ограбление есть ограбление, и что-то я должен у вас забрать. Давайте бумажник.

Незнакомец, жалобно всхлипывая, протянул Гудмэну потёртый бумажник. Внутри Гудмэн обнаружил один дигло, эквивалент земного доллара.

— Это всё, что у меня есть, — продолжал всхлипывать транаец, — но можете его забрать. Я понимаю, каково вам торчать здесь на ветру всю ночь...

— Оставьте его себе, — сказал Гудмэн, отдал бумажник и пошёл прочь.

— Спасибо, мистер.

Гудмэн не ответил. С тяжёлым чувством он возвратился в «Китти Кэт Бар» и вернул бармену пистолет и маску. Когда бармен услышал, что произошло, он презрительно рассмеялся.

— У него не было денег? Дружище, этот трюк стар, как мир. Все носят запасной бумажник на случай ограбления, иногда два или даже три. Ты его обыскал?

— Нет, — признался Гудмэн.

— Ну и зелен же ты, братец!

— Видимо, так. Послушай, я тебе заплачу за угощение, как только что-нибудь заработаю.

— Не беспокойся, — сказал бармен. — Иди-ка лучше домой и выспись. У тебя была тяжёлая ночь.

Гудмэн доплёлся до отеля и заснул, как только голова его коснулась подушки.

На следующее утро, придя на завод домашних роботов, он мужественно принялся за решение проблемы разусовершенствования автоматов. И даже в таких труднейших условиях природная земная смекалка не подвела.

Гудмэн получил новый вид пластмассы для корпуса робота. Это была силиконовая пластмасса группы, родственной упругому детскому пластилину, появившемуся на Земле очень давно. Новая пластмасса отличалась необходимой степенью прочности, гибкости и стойкости; она могла выдержать значительные перегрузки. В то же время от удара ногой силой тридцать фунтов или более корпус робота внезапно со страшным треском раскалывался.

Директор похвалил Гудмэна за изобретение, выдал ему премию (которая была очень кстати), посоветовал разрабатывать идею дальше и, если возможно, довести минимальное усилие до двадцати трех фунтов. В отделе научных исследований считали, что такова сила среднего удара раздосадованного человека.

Он был так занят, что практически некогда было продолжать изучение нравов и обычаев планеты Транай. Ему довелось, правда, побывать в так называемой Гражданской приёмной. Это чисто транайское учреждение помещалось в небольшом здании на тихой боковой улочке.

Внутри Гудмэн увидал большую доску с именами нынешних государственных чиновников Траная и с указанием их постов. Рядом с каждой фамилией находилась кнопка. Дежурный объяснил, что граждане путём нажатия кнопки выражают своё неодобрение действиям того или иного чиновника. Нажатие автоматически регистрируется в Историческом зале и навсегда клеймит провинившегося.

Безусловно, несовершеннолетним нажимать кнопки не разрешалось.

Такая система показалась Гудмэну довольно бесполезной; возможно, правда, сказал он себе, чиновники на Транае движимы иными стимулами, чем на Земле.

Он встречался с Жанной почти каждый вечер, и вдвоём они обследовали почти все аспекты культурной жизни планеты: бары и кинотеатры, концертные залы и научный музей, ярмарки и карнавалы. Гудмэн носил с собой лучевой пистолет, и после нескольких неудачных попыток ограбил одного торговца на сумму в пятьсот дигло.

Как любая разумная транайская девушка, Жанна восторженно приветствовала это его достижение, и они отпраздновали событие в баре «Китти Кэт».

На следующий вечер эти пятьсот дигло плюс остаток премии были украдены у Гудмэна незнакомцем, очень похожим ростом и сложением на бармена из «Китти Кэт»; незнакомец орудовал древним лучевым пистолетом системы Дрог-3.

Гудмэн успокоил себя мыслью о том, что это способствует свободной циркуляции денег, чего и требует жизненный уклад

планеты.

Вскоре он одержал ещё одну производственную победу. На заводе домашних роботов он создал радикально новую технологию производства корпуса. Ему удалось найти новый вид пластмассы, стойкой к сильным ударам и падениям. Владелец робота должен был носить специальные ботинки с каталитическим веществом в каблуках. При ударе робота ногой катализатор вступал в контакт с корпусом автомата, и немедленно следовал желанный результат.

Директор Аббаг вначале колебался: фокус показался ему слишком сложным. Однако новинка так быстро завоевала признание покупателей, что завод домашних роботов открыл обувной цех и начал продавать пару специальной обуви с каждым роботом.

Проникновение компании в другие отрасли было расценено пайщиками как более важное, чем изобретение каталитической пластмассы. Гудмэну повысили зарплату и выдали крупную премию.

Находясь на гребне этой волны успеха, он сделал Жанне предложение и получил в ответ немедленное «да». Родители благословили брак; оставалось лишь получить официальное разрешение властей, так как Гудмэн пока формально считался иностранцем.

Он отпросился с работы и пошёл пешком до Идриг-Билдинга повидаться с Мелитом. Стояла чудесная весенняя погода, какая на Транае бывает десять месяцев в году, и Гудмэн шёл быстро и легко. Он был влюблён, успешно работал и скоро собирался получить транайское гражданство.

Вне сомнения, даже Транай не идеал, и здешняя Утопия нуждается в ряде усовершенствований. Может быть, ему следует согласиться принять на себя обязанности Верховного Президента для осуществления необходимых реформ. Но спешить пока не стоит...

— Эй, мистер, — прервал его раздумье чей-то голос. — Подайте хотя бы дигло.

Гудмэн наклонился и увидел сидящего на корточках, одетого в лохмотья, немытого старика с оловянной кружкой в руке.

— Что такое? — переспросил Гудмэн.

— Брат, подайте хотя бы дигло, — жалобным тоном пропел старик. — Помогите бедному человеку купить чашку огло. Два дня не ел, мистер.

— Стыдно! Почему бы вам не взять пистолет и не пойти грабить?

— Я слишком стар, — заскулил старик. — Мои жертвы надо мной смеются.

— Может быть, вы просто ленивы? — строго спросил Гудмэн.

— О нет, сэр, — сказал нищий. — Посмотрите, как у меня трясутся руки.

Он вытянул перед собой дрожащие грязные руки.

Гудмэн вытащил бумажник и протянул старику один дигло.

— Я думал, на Транае не существует нищеты. Насколько я слышал, правительство заботится о престарелых.

— Да, правительство заботится о них, — сказал старик. — Смотрите. — Он протянул кружку. На ней была выгравирована надпись: «Официальный государственный нищий, номер DR-43241-3».

— Вы хотите сказать, что государство заставляет вас этим заниматься?

— Государство разрешает мне этим заниматься, — подчеркнул старик. — Попрошайничество — государственная служба, и оно резервируется за престарелыми и инвалидами.

— Это позор!

— Вы, верно, не здешний.

— Я с Земли.

— А, как же, как же! Такое нервное, беспокойное место, не так ли?

— Наше правительство не допускает попрошайничества, — сказал Гудмэн.

— Нет? А что делают старики? Сидят на шее своих детей? Или ждут конца в доме для престарелых? Здесь такого не бывает, молодой человек. На Транае каждому старику государство обеспечивает работу, не требующую особой квалификации, хотя иметь её неплохо. Некоторые выбирают работу в помещении, в церквах или театрах. Других влечёт беззаботная обстановка ярмарок и гуляний. А мне нравится работать на улице. Это позволяет бывать на солнце и свежем воздухе, много двигаться и встречать

необычных и интересных людей, как, например, вы.

— Но как можно попрошайничать?

— А что ещё я могу делать?

— Не знаю. Но... посмотрите на себя! Грязный, немытый, в засаленной одежде...

— Это моя рабочая одежда, — обиделся государственный нищий. — Посмотрели бы вы на меня в воскресенье!

— У вас есть другая одежда?

— А как же? Да ещё и симпатичная квартирка, ложа в опере, два домашних робота и больше денег в банке, чем вам когда-нибудь доводилось видеть. Приятно было с вами побеседовать, молодой человек, и спасибо за ваше пожертвование. Однако пора за работу, что я и вам советую сделать.

Гудмэн пошёл дальше, бросив последний взгляд на государственного нищего. Тот, казалось, преуспевал.

Но как можно попрошайничать?

Совершенно необходимо покончить с такой практикой. Если он согласится стать Президентом (а очевидно, это придётся сделать), он поглубже разберётся в этом вопросе.

В Идриг-Билдинге Гудмэн рассказал Мелиту о своих матримониальных планах.

Министр по делам иноземцев обрадовался.

— Чудесно, просто чудесно, — сказал он. — Я хорошо знаю семью Влэй. Прекрасные люди. А Жанна такая девушка, которой гордился бы любой мужчина.

— Какие юридические формальности мне предстоит выполнить? — спросил Гудмэн. — Как-никак я ведь чужеземец и всё такое...

— Никаких. Ничего не нужно. Я решил, что обойдёмся без формальностей. Если вы хотите стать гражданином Траная, достаточно вашего устного заявления. Можете остаться гражданином Земли, и никто на это не обидится. Можете иметь двойное гражданство — Траная и одновременно Земли. Была бы согласна Земля, а у нас, безусловно, возражений нет.

— Я хотел бы стать гражданином Траная, — сказал Гудмэн.

— Как вам угодно. Но если вы намерены стать Президентом, то можно занимать этот пост, оставаясь гражданином Земли. Мы не щепетильны в подобных вопросах, Кстати, одним из наших лучших

Верховных Президентов, был ящероподобный парень, с планеты Акварелла-XI.

— Что за просвещённый подход!

— Ничего особенного. Равные возможности для всех — таков наш девиз. Теперь о вашей женитьбе: любой государственный служащий может оформить брак. Верховный Президент Борг будет счастлив обручить вас сегодня же во второй половине дня, если хотите. — Мелит подмигнул. — Старый чудак любит целовать невест. Но, мне кажется, вы ему действительно нравитесь.

— Сегодня? — воскликнул Гудмэн. — Пожалуй, мне действительно хотелось бы жениться сегодня, если Жанна согласится.

— Ну конечно, согласится, — заверил его Мелит. — А где вы собираетесь жить после медового месяца? Номер в гостинице едва ли подходит. — Он задумался на мгновение. — Вот что я вам скажу: есть у меня небольшой Дом за городом. Почему бы вам временно не пожить там, пока не подыщете чего-нибудь получше? Или оставайтесь в нём навсегда, если понравится.

— Вы слишком щедры... — запротестовал Гудмэн.

— Пустяки. А у вас не возникало желания стать министром по делам иноземцев? Эта работа вам может понравиться. Никакой канцелярщины, сокращённый рабочий день, хорошая зарплата. Нет? Подумываете о президентском посте? Не могу винить.

Мелит пошарил в карманах и вынул два ключа.

— Вот этот от парадного входа, а другой — от чёрного. Адрес выгравирован на ключах. Дом полностью меблирован и оборудован всем необходимым, в том числе новым дерсин-генератором.

— Дерсин-генератором?

— Конечно. На Транае ни один дом не считается готовым без дерсин-генератора.

Откашлявшись, Гудмэн осторожно сказал:

— Я давно собирался у вас спросить, для какой цели используется стасис-поле?

— Чтобы держать в нём жену, — ответил Мелит. — Я думал, это вам известно.

— Да, — сказал Гудмэн. — Но почему?

— Почему? — Мелит нахмурил лоб. Очевидно, подобный вопрос

никогда не приходил ему в голову. — Почему мы вообще что-то делаем? Очень просто — таков обычай. И притом весьма логичный. Кому это понравится, чтобы женщина была всё время рядом и болтала языком, и днём и ночью?

Гудмэн покраснел. С момента своей встречи с Жанной он постоянно думал о том, как было бы хорошо, если бы она всегда была рядом, и днём, и ночью.

— По-моему, это не очень-то справедливо по отношению к женщинам, — заметил Гудмэн.

Мелит засмеялся.

— Дорогой друг, вы, я вижу, проповедуете доктрину равенства полов? Так ведь это же полностью развенчанная теория. Мужчины и женщины просто не одно и то же. Что бы там вам ни твердили на Земле, они отличаются друг от друга. Что хорошо для мужчины, не обязательно и далеко не всегда хорошо для женщины.

— Поэтому вы относитесь к ним, как к низшим существам, — сказал Гудмэн, реформистская кровь которого начала бурлить.

— Ничего подобного. Мы относимся к ним иначе, чем к мужчинам, но не как к низшим существам. Во всяком случае, они не возражают.

— Только потому, что лучшего им не дано было узнать. Есть ли закон, требующий, чтобы я держал свою жену в дерсин-поле?

— Конечно, нет. Просто согласно обычаю каждую неделю какой-то минимум времени вы должны разрешать жене находиться вне стасиса. Нехорошо держать бедную женщину в полном заточении.

— Конечно, нет, — саркастически заметил Гудмэн. — Надо же ей какое-то время позволять жить.

— Совершенно верно, — сказал Мелит, не заметив сарказма. — Вы быстро всё усвоите.

Гудмэн встал.

— Это всё?

— Думаю, да. Желаю удачи и всего прочего.

— Благодарю вас, — сухо ответил Гудмэн, резко повернулся и вышел из кабинета.

После полудня в Национальном дворце Верховный Президент Борг совершил несложный транайский обряд бракосочетания, а затем пылко поцеловал невесту. Церемония была прекрасной, но её

омрачала одна деталь.

На стене кабинета Борга висела винтовка с телескопическим прицелом и глушителем — точная копия винтовки Мелита. Назначение её в равной мере было непонятно.

Борг отвёл Гудмэна в сторону и спросил:

— Ну как, подумали вы над моим предложением о президентстве?

— Я всё ещё его обдумываю, — сказал Гудмэн. — По правде говоря, мне не хочется занимать государственный пост...

— Никому не хочется.

— ...но Транай остро нуждается в ряде реформ. Мне думается, что мой долг — привлечь к ним внимание населения.

— Вот это правильный подход, — одобрительно сказал Борг. — У нас уже давно не было по-настоящему предприимчивого Верховного Президента. Почему бы вам не занять этот пост прямо сейчас? Тогда вы смогли бы провести медовый месяц в Национальном дворце в полном уединении.

Искушение было велико. Но Гудмэн не хотел связывать себя дополнительными обязанностями во время медового месяца, к тому же пост был у него в кармане. Раз Транай существовал в своём нынешнем почти утопическом состоянии уже немало лет, то, без сомнения, продержится ещё несколько недель.

— Я приму решение, когда вернусь, — ответил Гудмэн.

Борг пожал плечами.

— Ну что ж, полагаю, что смогу выдержать это бремя ещё немного. Да, чуть не забыл. — Он протянул Гудмэну запечатанный конверт.

— Что это?

— Всего лишь стандартный совет, — сказал Борг. — Торопитесь, ваша невеста ждёт!

— Скорее, Марвин! — окликнула его Жанна. — Опоздаем на космолёт!

Гудмэн поспешил за ней в лимузин.

— Всего наилучшего! — закричали родители.

— Всего наилучшего! — крикнул Борг.

— Всего наилучшего! — добавили Мелит с женой, и все остальные гости.

На пути в космодром Гудмэн вскрыл конверт и прочёл находившийся в нём листок.

СОВЕТ МОЛОДОМУ МУЖУ

Вы только что вступили в брак и ожидаете, естественно, жизнь, полную супружеского блаженства. И это совершенно правильно, ибо счастливый брак — основа здорового государства. Но одного желания недостаточно. От вас требуется нечто большее. Хороший брак не даруется свыше. Необходимо бороться за то, чтобы он был успешным!

Помните, ваша жена — это живое существо. Ей необходимо предоставить определённую степень свободы, так как это её неотъемлемое право. Мы предлагаем, чтобы вы выпускали её из стасис-поля по меньшей мере раз в неделю. Длительное пребывание в стасисе плохо скажется на её координации, нанесёт ущерб цвету лица, а от этого проиграете и вы и она.

Во время каникул и праздников целесообразно выпускать жену из стасис-поля сразу на целый день или на два-три дня подряд.

Вреда это не причинит, а новизна впечатлений исключительно благотворно скажется на её настроении.

Руководствуйтесь этими правилами, основанными на здравом смысле, вы обеспечите себе счастливую брачную жизнь.

Правительственный совет по бракосочетаниям

Гудмэн медленно порвал листок на мелкие клочки и швырнул их на пол лимузина. Его реформистская душа пылала. Он знал, что Транай слишком хорош, чтобы быть справедливым ко всем. Кто-то должен расплачиваться за совершенство. В данном случае расплачивались женщины.

Это был первый серьёзный изъян, который он обнаружил в раю.

— Дорогой, что это было? — спросила Жанна, глядя на клочки бумаги.

— Глупейшие советы, — ответил Гудмэн. — Милая, ты когда-нибудь серьёзно задумывалась над брачными обычаями вашей планеты?

— Нет. А что, разве они плохие?

— Они неправильные, совершенно неправильные. Здесь с

женщинами обращаются, как с игрушками, как с куклами, которых прячут, наигравшись. Неужели ты этого не видишь?

— Я никогда об этом не думала.

— Теперь ты сможешь над этим подумать, — заявил Гудмэн. — Многое скоро переменится, и эти перемены начнутся с нашего дома.

— Тебе лучше знать, дорогой, — послушно сказала Жанна. Она пожала ему руку. Он поцеловал её.

Лимузин подъехал к космодрому, и они поднялись в космолёт.

Медовый месяц на Доэ был похож на краткое путешествие в безупречный рай. Прелести этой маленькой транайской луны были созданы для влюблённых, и только для них одних. Бизнесмены не приезжали сюда для кратковременного отдыха, хищные холостяки не рыскали по тропинкам. Все усталые и разочарованные искатели мимолётных встреч должны были охотиться в других местах. Единственное правило на Доэ, которое строго соблюдалось, состояло в том, что сюда допускались лишь парочки, весёлые и влюблённые, всем другим путь был закрыт.

Этот транайский обычай Гудмэн оценил сразу.

На маленькой планете было полно лужаек с высокой травой и густых зелёных рощиц для прогулок; в лесных чащах мерцали прохладные тёмные озёра, а зубчатые высокие горы манили наверх. Влюблённые, к их великому удовольствию, постоянно терялись в лесах, но заблудиться по-настоящему было невозможно, так как всю планету можно было обойти за день. Благодаря слабому притяжению никто не мог утонуть в тёмных озёрах, а падение с горы, хотя и вселяло страх, едва ли было опасным.

В укромных местечках находились маленькие отели. В барах хозяйничали приветливые седовласые бармены и царил полумрак. Были там мрачные пещеры, которые вели глубоко (но не очень глубоко) вниз, в фосфоресцирующие подземные залы с мерцающим льдом, где лениво текли подземные реки, в которых плавали огромные светящиеся рыбы с огненно-красными глазами.

Правительственный Совет по Бракосочетаниям находил эти бесхитростные аттракционы достаточными и не утруждал себя строительством бассейнов для плавания, полей для гольфа, теннисных кортов и дорожек для верховой езды. Считалось, что, как только у влюблённой парочки возникает потребность в подобных

вещах, медовый месяц должен заканчиваться.

Гудмэн и его жена провели чудесную неделю на Доэ и, наконец, вернулись на Транай.

После того как Гудмэн внёс жену на руках через порог своего нового дома, он первым делом отключил генератор дерсин-поля.

— Дорогая, — сказал он, — до сих пор я соблюдал все обычаи Траная, даже если они казались мне смехотворными. Но с подобным обычаем я мириться не могу. На Земле я был основателем «Комитета равных возможностей для женщин». На Земле мы относимся к женщинам как к равным, как к товарищам, как к партнёрам в радостях и трудностях жизни.

— Что за странные идеи, — сказала Жанна, нахмурив красивое лицо.

— Подумай, — настаивал Гудмэн. — В этом случае наша жизнь будет гораздо полнее и счастливее, чем если бы я заточил тебя в гарем дерсин-поля. Неужели ты не согласна?

— Ты знаешь намного больше меня, милый. Ты объехал всю Галактику, а я никогда не покидала Порт Транай. Раз ты говоришь, что так лучше, значит так и есть.

«Вне всякого сомнения, — подумал Гудмэн, — она самая совершенная из женщин».

Он вернулся на завод домашних роботов фирмы «Аббаг» и вскоре с головой погрузился в новый проект разусовершенствования. На этот раз его осенила блестящая идея: заставить суставы робота скрипеть и пищать. Шум повысит раздражающие свойства робота и тем самым сделает его уничтожение более приятным и более ценным психологически.

Мистер Аббаг пришёл в восхищение от идеи, вновь повысил ему зарплату и попросил подготовить новое разусовершенствование к быстрейшему внедрению в производство.

Первоначально Гудмэн намеревался просто удалить некоторые из маслопроводов. Но оказалось, что трение ведёт к слишком быстрому износу важных деталей. Естественно, этого допустить было нельзя.

Он начал работать над схемой вмонтированного приспособления, которое издавало бы писк и скрип. Шум должен был быть совершенно натуральным, а само приспособление

недорогим, не ведущим к износу робота, а главное — небольших габаритов, так как корпус робота уже был до предела начинён разусовершенствованиями.

Однако Гудмэн обнаружил, что небольшие приспособления пищали как-то неестественно, а более крупные приборы либо были чересчур дороги, либо не умещались в корпусе. Он начал задерживаться на работе по вечерам, похудел и стал раздражительным.

Жанна была хорошей, надёжной женой. Она вовремя готовила завтраки, обеды и ужины, вечером была неизменно приветлива и с сочувствием выслушивала рассказы Гудмэна о его трудностях на работе. Днём она следила за тем, как роботы убирают дом. На это уходило меньше часа, а затем она читала книги, пекла пироги, вязала и уничтожала роботов — иногда трех, а иногда четырех в неделю.

Гудмэна это немного тревожило. Однако у каждого должно быть своё хобби, и он мог позволить себе баловать её, поскольку роботов он получал с завода со скидкой.

Гудмэн зашёл в тупик в своих исследованиях, когда другой изобретатель, некий Дат Херго, придумал новую систему контроля за движениями робота. Она основывалась на принципе контргироскопа и позволяла роботу входить в комнату с креном в 10 градусов. (Отдел исследований установил, что вызывающий наибольшее раздражение крен, допустимый для роботов, равен 10 градусам). Более того, особое кибернетическое устройство заставляло робота время от времени шататься как пьяного — робот ничего не ронял, но создавал неприятное впечатление, что вот-вот уронит.

Это изобретение, разумеется, приветствовали как значительный шаг вперёд в технике разусовершенствования. Гудмэну удалось вмонтировать свой узел писка и скрипа прямо в центр кибернетической контрольной системы. Научно-технические журналы упомянули его имя рядом с именем Дат Херго.

Новая модель домашних роботов произвела сенсацию.

Настал час, когда Гудмэн решил оставить работу и взять на себя обязанности Верховного Президента Траная. Он чувствовал, что это его долг перед транайцами. Если изобретательность и знания

землянина помогли улучшить разусовершенствования, они дадут ещё больший эффект в улучшении совершенства. Транай был близок к Утопии. Когда он возьмёт штурвал в свои руки, планета сможет пройти последний отрезок пути к совершенству.

Он пошёл обсудить это с Мелитом.

— На мой взгляд, всегда можно что-то изменить, — глубокомысленно изрёк Мелит. Министр по делам иноземцев сидел у окна и праздно глядел на прохожих. — Правда, наша нынешняя система существует уже немало лет и даёт отличные результаты. Не знаю, что вы улучшите. Например, у нас нет преступности...

— Потому что вы её узаконили, — заявил Гудмэн. — Вы просто уклоняетесь от решения проблемы.

— У нас другой подход. Нет нищеты...

— Потому что все воруют. И нет проблемы престарелых, потому что правительство превращает их в попрошаек. Что вы ни говорите, многое нуждается в улучшении и перестройке.

— Пожалуй, — сказал Мелит. — Но, на мой взгляд... — он внезапно умолк, бросился к стене и схватил винтовку. — Вот он!

Гудмэн выглянул в окно. Мимо здания шёл человек, внешне ничем не отличающийся от других прохожих. Он услышал приглушённый щелчок и увидел, как человек покачнулся и рухнул на мостовую.

Мелит застрелил его из винтовки с глушителем.

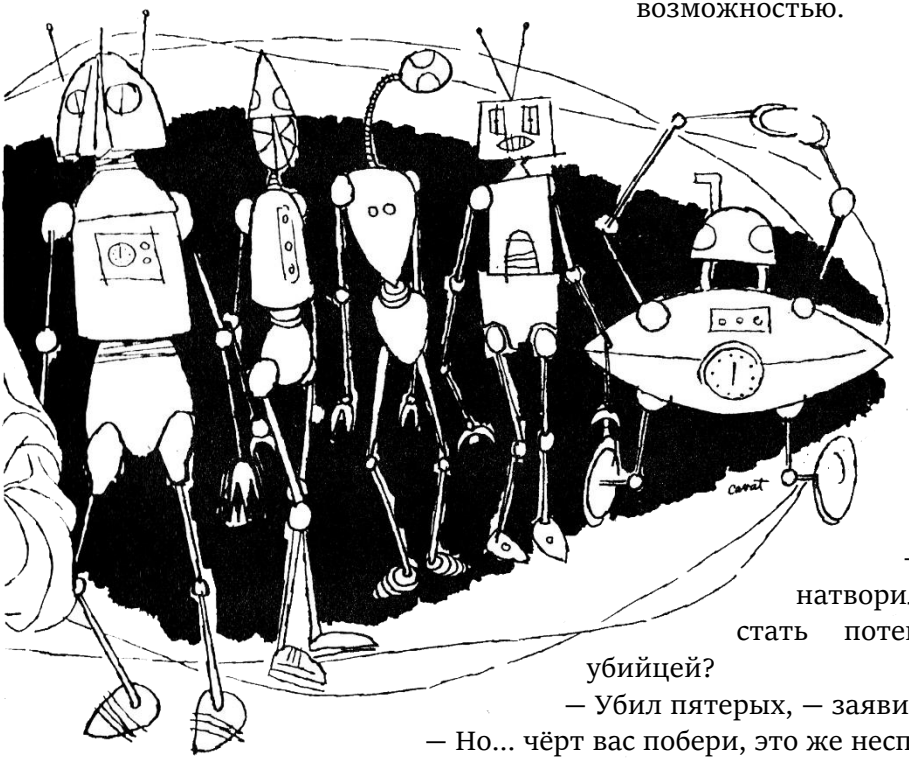
— Зачем вы это сделали? — выдавил из себя изумлённый Гудмэн.

— Потенциальный убийца, — ответил Мелит.

— Что?

— Конечно, у нас нет открытой преступности, но все остаются

людьми, поэтому мы должны считаться с потенциальной возможностью.



— Что он натворил, чтобы стать потенциальным убийцей?

— Убил пятерых, — заявил Мелит.

— Но... чёрт вас побери, это же несправедливо! Вы его не арестовали, не судили, он не мог посоветоваться с адвокатом...

— А как я мог это сделать? — спросил, несколько раздосадованный, Мелит, — У нас нет полиции, чтобы арестовывать людей, и нет судов. Бог мой, неужели вы ожидали, что я позволю ему продолжать убивать людей? По нашему определению, убийца тот, кто убил десять человек, а он был близок к этому. Не мог же я сидеть сложа руки. Мой долг защищать население. Могу вас заверить, что я тщательно навёл справки.

— Но это несправедливо! — закричал Гудмэн.

— А кто сказал, что справедливо? — заорал, в свою очередь, Мелит. — Какое отношение справедливость имеет к Утопии?

— Прямое! — усилием воли Гудмэн заставил себя успокоиться. — Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

— Громкие слова, — сказал Мелит со своей обычной, добродушной улыбкой. — Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой натуры, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд, полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совершения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения.

— Но когда сталкиваешься с преступлением, как это неизбежно бывает...

— Сталкиваешься лишь с потенциальной возможностью, — упрямо отстаивал свои доводы Мелит. — И это бывает гораздо реже, чем вы думаете. Когда такая возможность возникает, мы её ликвидируем простым и быстрым способом.

— А если вы убьёте невинного?

— Мы не можем убить невинного. Это исключено.

— Почему исключено?

— Потому что согласно определению и неписаным законам каждый, кого ликвидировал представитель власти, является потенциальным преступником.

Марвин Гудмэн несколько минут молчал. Затем заговорил снова:

— Я вижу, что правительство имеет больше власти, чем мне казалось вначале.

— Да, — бросил Мелит. — Но не так много, как вы себе представляете.

Гудмэн иронически улыбнулся.

— А я ещё могу стать Верховным Президентом, если захочу?

— Конечно. И без всяких условий. Хотите?

Гудмэн на минуту задумался. Действительно ли он хотел этого? Но кто-то должен править. Кто-то должен защищать народ, Кто-то должен провести несколько реформ, в этом утопическом сумасшедшем доме.

— Да, хочу, — проговорил Гудмэн.

Дверь распахнулась, и Верховный Президент Борг ворвался в

кабинет.

— Чудесно, чудесно! Вы можете перебраться в Национальный дворец сегодня же. Я уложил свои вещи неделю назад в ожидании вашего решения.

— Очевидно, предстоит выполнить какие-то формальности...

— Никаких формальностей, — ответил Борг. Лицо его лоснилось от пота. — Абсолютно никаких. Я просто передам вам президентский медальон, затем пойду вычеркну своё имя из списков и впишу ваше.

Гудмэн бросил взгляд на Мелита. Круглое лицо министра по делам иноземцев было непроницаемым.

— Я согласен, — сказал Гудмэн.

Борг взялся рукой за президентский медальон и начал снимать его с шеи.

Внезапно медальон взорвался.

Гудмэн с ужасом уставился на окровавленное месиво, которое только что было головой Борга. Какое-то мгновение Верховный Президент держался на ногах, затем покачнулся и сполз на пол.

Мелит стащил с себя пиджак и набросил его на голову Борга. Гудмэн попятился и тяжело опустился в кресло. Губы его шевелились, но дар речи покинул его.

— Какая жалость, — заговорил Мелит. — Ему так немного осталось до конца срока президентства. Я его предупреждал против выдачи лицензии на строительство нового космодрома. Граждане этого не одобрят, говорил я ему. Но он был уверен, что они хотят иметь два космодрома. Что ж, он ошибся.

— Вы имеете в виду... я хочу... как... что...

— Все государственные служащие, — объяснил Мелит, — носят медальон — символ власти, начинённый определённым количеством тессиума — взрывчатого вещества, о котором вы, возможно, слышали. Заряд контролируется по радио из Гражданской приёмной. Каждый гражданин имеет доступ в Приёмную, если желает выразить недовольство деятельностью правительства. — Мелит вздохнул. — Это навсегда останется чёрным пятном в биографии бедняги Борга.

— Вы позволяете людям выражать своё недовольство, взрывая чиновников? — простонал испуганный Гудмэн.

— Единственный метод, который эффективен, — возразил

Мелит. — Контроль и баланс. Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа.

— Так вот почему он хотел, чтобы я занял его пост. Почему же мне никто этого не сказал?

— Вы не спрашивали, — сказал Мелит с еле заметной улыбкой. — Почему у вас такой перепуганный вид? Вы же знаете, что политическое убийство возможно на любой планете при любом правительстве. Мы стараемся сделать его конструктивным. При нашей системе народ никогда не теряет контакта с правительством, а правительство никогда не пытается присвоить себе диктаторские права. Каждый знает, что может прибегнуть к Гражданской приёмной, но вы удивитесь, если узнаете, как редко ею пользуются. Конечно, всегда найдутся горячие головы...

Гудмэн поднялся и направился к двери, стараясь не глядеть на труп Борга.

— Разве вы уже не хотите стать Президентом? — спросил Мелит.

— Нет!

— Как это похоже на вас, землян, — грустно заметил Мелит. — Вы хотите обладать властью при условии, что она не влечёт за собой

никакого риска. Неправильное отношение к государственной деятельности.

— Может быть, вы и правы, — сказал Гудмэн. — Я просто счастлив, что вовремя об этом узнал.

Он поспешил домой.

В голове у него царил кавардак, когда он открыл входную дверь. Что же такое Транай — Утопия? Или вся планета — гигантский дом для умалишённых? А велика ли разница?

Впервые за свою жизнь Гудмэн задумался над тем, стоит ли добиваться Утопии. Не лучше ли стремиться к совершенству, чем обладать им? Может быть, предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим идеалам? Если справедливость — это заблуждение, может быть заблуждение лучше, чем истина?

А может, наоборот? Запутавшись в своих мыслях, расстроенный Гудмэн устало вошёл в комнату и застал жену в объятиях другого мужчины.

В его глазах сцена запечатлелась необычно чётко, как при замедленной съёмке. Казалось, Жанне потребовалась целая вечность, чтобы подняться, привести в порядок платье и уставиться на него с широко раскрытым ртом. Мужчина — высокий красивый парень, совершенно незнакомый Гудмэну, — от изумления потерял дар речи. Он беспорядочными движениями приглаживал лацканы пиджака, поправлял манжеты.

Затем он неуверенно улыбнулся.

— Ну и ну! — сказал Гудмэн. В данной ситуации такое выражение было слабоватым, но результат был достигнут. Жанна заплакала.

— Виноват, — пробормотал незнакомец. — Не ожидал, что вы так рано вернётесь домой. Для вас это должно быть ударом. Я ужасно сожалею.

Единственно, чего Гудмэн не ждал и не хотел, это сочувствия со стороны любовника своей жены. Не обращая внимания на мужчину, он в упор глядел на плачущую

Жанну.

— А ты что думал? — внезапно завопила Жанна. — Я была вынуждена! Ты меня не любил!

— Не любил тебя? Как ты можешь так говорить?

— Из-за твоего отношения ко мне.

— Я очень тебя любил, Жанна, — тихо сказал Гудмэн.

— Неправда! — взвизгнула она, откинув назад голову. — Только посмотри, как ты со мной обращался. Держал меня в доме целыми днями, каждый день заставлял заниматься домашним хозяйством, стряпать, просто сидеть без дела. Марвин, я физически ощущала, что старею. Изо дня в день всё те же нудные, глупые, будничные дела. И в большинстве случаев ты возвращался домой слишком усталым и даже не замечал меня. Ни о чём не мог говорить, кроме своих дурацких роботов! Ты растрачивал мою жизнь, Марвин, растрачивал.

Внезапно Гудмэну пришла в голову мысль, что его жена потеряла рассудок.

— Жанна, — заговорил он нежно, — такова жизнь. Муж и жена вступают в дружеский союз. Они стареют вместе, рядом друг с другом. Жизнь не может состоять из одних радостей...

— Нет, может! Постарайся понять, Марвин, здесь, на Транае, это возможно — для женщины!

— Невозможно, — возразил Гудмэн.

— На Транае женщину ожидает жизнь, полная наслаждений и удовольствий. Это её право, так же как у мужчин есть свои права. Она ждёт, что выйдет из стасиса и её поведут в гости, пригласят на коктейль, возьмут на прогулку под луной, в бассейн или кино. — Она снова зарыдала. — Но ты хитрый. Тебе надо было всё переделать. Как глупо я поступила, доверившись землянину. Я знаю, Марвин, ты не виноват, что ты чужеземец. Но я хочу, чтобы ты понял. Любовь — это ещё не всё. Женщина должна быть также практичной. При таком положении вещей я стала бы старухой, тогда как все мои друзья были бы всё ещё молодыми.

— Всё ещё молодыми, — тупо повторил Гудмэн.

— Разумеется, — сказал мужчина. — В дерсин-поле женщина не стареет.

— Но это же отвратительно! — воскликнул Гудмэн. — Я

состарюсь, а моя жена всё ещё будет молодой.

— Именно тогда ты и будешь ценить молодых женщин, — сказала Жанна.

— А как насчёт тебя? — спросил Гудмэн. — Ты стала бы ценить пожилого мужчину?

— Он всё ещё не понял, — заметил незнакомец.

— Марвин, подумай. Неужели тебе ещё не ясно? Всю твою жизнь у тебя будет молодая и красивая женщина, чьё единственное желание — доставлять тебе удовольствие. А когда ты умрёшь — что ты удивляешься, милый, все мы смертны, — когда ты умрёшь, я всё ещё буду молода и по закону унаследую все твои деньги.

— Начинаю понимать, — вымолвил Гудмэн. — Ещё один аспект транайской жизни — богатая молодая вдова, живущая в своё удовольствие.

— Естественно. Так лучше для всех. Мужчина имеет молодую жену, которую он видит только тогда, когда захочет. Он пользуется полной свободой, у него к тому же уютный дом. Женщина избавлена от всех неприятностей будничного быта, хорошо обеспечена и может ещё насладиться жизнью.

— Ты должна была мне об этом рассказать, — жалобно сказал Гудмэн.

— Я думала, ты знаешь, — ответила Жанна, — раз ты считал, что твой метод лучше. Но я вижу, что ты всё равно бы не понял. Ты такой наивный — хотя должна признаться, что это одна из твоих привлекательных черт. — Она грустно улыбнулась. — Кроме того, если бы я тебе всё рассказала, я никогда бы не встретила Рондо.

Незнакомец слегка поклонился.

— Я принёс образцы кондитерских изделий фирмы «Греа». Можете представить моё изумление, когда я нашёл эту прелестную молодую женщину вне стасиса. Всё равно, как если бы сказка стала былью. Никогда не ждёшь, что грёзы сбудутся, поэтому вы должны признать, что в этом есть особая прелесть.

— Ты любишь его? — мрачно спросил Гудмэн.

— Да, — сказала Жанна. — Рондо заботится обо мне. Он собирается держать меня в стасис-поле достаточно долго, чтобы компенсировать потерянное мною время. Это жертва со стороны Рондо, но у него добрая душа.

— Если так обстоят дела, — сухо сказал Гудмэн, — я, конечно, вам мешать не стану. В конце концов, я цивилизованный человек. Я даю тебе развод.

Он скрестил руки на груди, смутно сознавая, что его решение вызвано не столько благородством, сколько внезапным острым отвращением ко всему транайскому.

— У нас на Транае нет разводов, — сказал Рондо.

— Нет? — Гудмэн почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

В руке Рондо появился пистолет.

— Подумайте, сколько было бы неприятностей, если бы люди вечно обменивались партнёрами по браку. Есть лишь один способ изменить супружеское состояние.

— Но это же гнусно! — выпалил Гудмэн, пятясь назад. — Это просто неприлично!

— Вовсе нет, если только супруга этого желает. Между прочим, ещё одна отличная причина для того, чтобы держать жену в стасисе. Ты мне разрешаешь, дорогая?

— Да. Прости меня, Марвин, — сказала Жанна и зажмурила глаза.

Рондо поднял пистолет. В ту же секунду Гудмэн нырнул головой вперёд в ближайшее окно. Луч из пистолета Рондо сверкнул над ним.

— Послушайте! — закричал Рондо. — Будьте мужчиной! Где же ваша храбрость?

Гудмэн больно ударился плечом при падении. Он мигом вскочил и пустился наутёк. Второй выстрел Рондо обжёг ему руку. Он юркнул за дом и на минуту оказался в безопасности. И не стал терять время, чтобы обдумать случившееся, а изо всех сил побежал к космодрому.

К счастью, на взлётной площадке стояла ракета, которая доставила его на г'Мори. Оттуда он послал радиограмму в Порт Транай с просьбой выслать принадлежащие ему деньги и купил билет на Хигастомеритрейю, где его арестовали, приняв за шпиона с планеты Динг. Дингане — амфибийная раса, и Гудмэн едва не утонул, прежде чем доказал, ко всеобщему удовольствию, что может дышать лишь воздухом.

Беспилотная грузовая ракета перевезла его мимо планет Севес, Олго и Ми на двойную планету Мванти. Он нанял частного лётчика,

и тот доставил его на Белисморанти, где начиналась сфера влияния Земли. Оттуда на космическом лайнере местной компании он пролетел сквозь Галактический Вихрь и, сделав остановки на планетах Ойстер, Лекунг, Панканг, Инчанг и Мачанг, прибыл на Тунг-Брадар-IV.

Деньги у него к этому времени кончились, но, если исходить из астрономических расстояний, он практически был уже на Земле. Ему удалось заработать на билет на Оуме, а с Оума перебраться на Легис-II. Там Общество содействия межзвёздным путешественникам помогло ему получить место на корабле, на котором он вернулся на Землю.

Гудмэн осел в Сикирке, штат Нью-Джерси, где человек может ни о чём не беспокоиться, пока регулярно платит налоги. Он занимает должность главного конструктора роботов в Сикиркской строительной корпорации, женат на маленькой тихой брюнетке, которая явно обожает его, хотя он редко позволяет ей выходить из дому.

Вместе со старым капитаном Сэвиджем он частенько навещает «Лунный бар» Эдди. Там они пьют «Особый транайский» и беседуют о благословенной планете Транай, где люди познали смысл существования и обрели, наконец, истинную свободу. В таких случаях Гудмэн жалуется на лёгкий приступ космической лихорадки, из-за которой он никогда не сможет вновь отправиться в космос, не сможет вернуться на Транай.

Недостатка в восхищённых слушателях в такие вечера не бывает.

Недавно Гудмэн при поддержке капитана Сэвиджа учредил Сикиркскую лигу за лишение женщин избирательных прав. Они единственные члены этой Лиги, но, как говорит Гудмэн, разве что-нибудь может остановить борца за идею?

Час битвы

- Сдвинулась эта стрелка, или нет? - спросил Эдвардсон, стоя у иллюминатора и глядя на звезды.

- Нет, - ответил Морс.

Он уже в течении часа, не отрываясь, смотрел на детектор Аттисона. Сейчас он быстро моргнул три раза и посмотрел вновь.

- Ни на миллиметр.

- Мне тоже кажется, что она не сдвинулась, сказал Кассель, сидящий за панелью ракетного устройства управления.

Они замолчали. Изящная черная стрелка индикатора стояла на нуле.

Ракетные пушки были наготове. Их черные носы глядели на звезды.

Помещение наполнял ровный гул. Он исходил от детектера Аттисона и действовал успокаивающе. Шум этот говорил о том, что их детектор соединен с остальными детекторами, образующими гигантскую сеть, опоясывающую Землю.

- Какого черта они не летят? - спросил Эдвардсон, все еще глядя на звезды. - Почему они не нападают?

- Ах, да заткнись ты! - отозвался Морс. У него был тревожный и усталый вид. На левом виске его виднелся старый шрам - след от лучевого удара, который издали выглядел, как ненастоящий.

- Я бы хотел, чтобы они уже пришли, - сказал Эдвардсон. Он повернулся на своем стуле. - А ты не хочешь, чтобы они пришли?

У Эдвардсона было узкое, боязливое лицо мыши, но мыши достаточно умной, которую кошкам лучше избегать.

- А ты этого не хочешь? - повторил он.

Ему не ответили. Люди вернулись к своим обязанностям, зачарованно глядя на шкалу детектора.

- Времени у них было достаточно, - сказал Эдвардсон, обращаясь сам к себе. Кассель облизнул губы, потом зевнул.

- Кто-нибудь хочет сыграть со мной в козла? спросил он, тряся своей бородой.

Борода эта была памятью его выпускных дней. Кассель утверждал, что может продержаться почти пятнадцать минут,

пользуясь только кислородом в фолликулах волосков.

Правда, он ни разу не выходил в космос без шлема, чтобы доказать это.

Морс повернулся, и Эдвардсон автоматически принялся наблюдать за индикатором. Эта рутина стала их жизнью, частью их подсознания. После двух совместных месяцев в космосе все темы для разговоров были исчерпаны.

Их не интересовали уже ни выпускные дни Касселя, ни победы Морса. Им было смертельно скучно даже от ожидания нападения, которое могло произойти в любую минуту.

- Лично мне хотелось бы знать только одно, - сказал Эдвардсон, с легкостью возвращаясь к старому разговорному гамбиту. - Насколько далеко действует их сила?

Они целыми днями говорили о телепатических возможностях неприятеля, и все-таки каждый раз возвращались к этому. Будучи профессиональными солдатами, они не могли не размышлять о своем враге и его оружие. Это было основное, о чем они говорили.

- Что ж. - тихо ответил Морс, - Сеть наших детекторов контролирует систему далеко за орбитой Марса.

- Где мы и сидим, - сказал Кассель, который наблюдал за индикатором, в то время как другие, говорили.

- Они могут даже не знать, что у нас есть сеть детекторов, сказал Морс, как он уже говорил тысячу раз.

- Да брось ты, - сказал Эдвардсон, перекося лицо в насмешке. - Они телепаты. Они просканировали мозг Эверсета до мельчайших подробностей.

- Эверсет не знал, что у нас существует сеть детекторов. - сказал Морс, вновь переводя свой взгляд на счетчик. - он был захвачен до этого.

- Да ты только подумай! - возмутился Эдвардсон. - Они просто спросят его: "Что бы вы сделали, если бы знали, что телепатическая раса собирается завоевать Землю, как бы вы охраняли свою планету?"

- Глупое рассуждение, - сказал Кассель. Может быть, Эверсет даже не подумал бы об этом?

- Но ведь он мыслит, как человек, разве нет? Все согласились именно на такой защите. Эверсет согласился бы точно так же.

- Силлогистика, - прошептал Кассель. - Очень шатко.

- Да, лучше бы его не захватывали в плен, - сказал Эдвардсон.

- Могло быть и хуже, - вставил Морс. Лицо его было более печально, чем обычно.

- Что было бы, если бы они захватили обоих?

- Я бы хотел, чтобы они уже пришли, - опять повторил Эдвардсон.

Ричард Эверсет и К.Р. Джонс совершали первый полет, первый межзвездный перелет. В системе Веги они обнаружили обитаемую планету. Остальное было обычной процедурой. Все решила монетка. На планету полетел в разведочном скуттере Эверсет, поддерживающий радиоконтакт с оставшимся на корабле Джонсом.

Запись этого контакта транслировалась потом по всей Земле.

- Только что встретил туземцев, - передавал Эверсет. - Как забавно они выглядят. Опишу их тебе позже.

- Они пытаются с тобой обьясниться? - спросил Джонс, направляя звездолет по межпланетной орбите.

- Нет! Подожди... О, господи, черт меня побери! Они телепаты! Как тебе это нравится?

- Великолепно! - сказал Джонс. Продолжай.

- Подожди. Послушай, Джонс, мне эти ребята не нравятся. У них что-то нехорошее на уме. Господи!

- В чем дело? - спросил Джонс, поднимая корабль чуть выше.

- Увы! Эти негодяи чертовски властолюбивы! Оказывается, они уже захватили все звездные системы вокруг, и сейчас ждут...

- Да?..

- Я неправильно понял, - вдруг с теплотой в голосе прознес Эверсет. - не такие уж они и плохие.

Джонс соображал быстро. У него была подозрительная натура и великолепная реакция. Он задал автопилоту программу на самое большое ускорение, которое только мог выдержать, улегся в кровать и сказал:

- Расскажи мне больше.

- Спускайся вниз, - ответил Эверсет в нарушение всех законов. Эти ребята что надо, честно говоря, они самые чудесные...

Здесь запись разговора оборвалась, потому что Джонс был вжат в кресло ускорением в двадцать "же" перед подготовкой корабля для С-прыжка.

По дороге на землю он сломал три ребра, но все же он добрался домой. Телепатическая раса начала войну. Что должна делать Земля? Информация, которую принес Джонс, обросла значительным количеством выводов, среди которых был и такой телепатическая раса может с легкостью воздействовать на мозг человека.

Эверсет говорил, что думали они, постепенно отметая предыдущие обвинения. Они овладели им с поразительной легкостью. Почему же этого не произошло в корабле с Джонсом? Играло ли здесь роль расстояние? Или же они просто не приготовились к неожиданному его отлету?

С уверенностью можно было сказать только то, что все, что знал Эверсет, знал и противник.

Это означало, что они знали, где располагается Земля и какой беззащитной была бы она, если говорить о телепатической форме атаки. Можно было ожидать, что они прилетят на Землю. Требовались какие-то средства, позволяющие аннулировать их бесспорное преимущество.

Но какие? Какое оружие может справиться с мыслью?

Ученые с красными от бессоницы глазами не переставали обсуждать этот вопрос. Как определить, что мозгом человека уже овладели? Хотя враг и не был очень расторопен в случае с Эворсетом, но останется ли он таким же?

Не научится ли он? Психологи рвали на себе волосы и оплакивали отсутствие абсолютной шкалы для человеческой мысли. Построить космический флот и оборудовать его своего рода детекторами, установками и ракетными приспособлениями - было исполнено в короткий срок.

Был построен детектор Аттисона, нечто среднее между радаром и электроэнцефалографом. Любое изменение или отклонение от обычной человеческой волны мозга у людей, работавших на детекторах звездолетов, вызвало бы движение индикаторной стрелки на циферблате.

Даже кошмарный сон или бред повлияли бы на ее отклонение. Казалось вполне вероятным, что любая попытка воздействовать на мозг человека что-нибудь изменит.

Хоть где-нибудь, но это постороннее воздействие скажется. Именно для этой цели и предназначался детектор Аттисона. Может

быть, он сработает.

Звездолеты с экипажами по три человека курсировали между Землей и Марсом, образуя гигантскую орбиту. Десятки тысяч людей сидели за пультами ракетного управления, наблюдая за циферблатами детектора Аттисона с неподвижными стрелками.

- Может быть, выстрелить пару раз? - спросил Эдвардсон, положив палец на красную кнопку пульта управления ракетами. - Просто, чтобы проверить готовность орудий?

- Готовность этих орудий не нуждается в проверке, - сказал Кассель, вороша пальцами в своей бороде. - Кроме того, на других звездолетах все с ума сойдут.

- Кроме того, Кассель, - очень спокойно сказал Морс, - перестань трепать свою бороду.

- Это еще, почему?

- Потому, - почти шепотом сказал Морс, - что и наче я запихаю каждый ее волосок в твою глотку.

Кассель улыбнулся и сжал руки в кулаки.

- С удовольствием, - сказал он, - я уже устал смотреть на твой шрам.

Он встал.

- Прекратите, - проворчал Эдвардсон.

- Смотрите за стрелкой.

- Ни к чему, - ответил Морс, откидываясь назад. - К системе подведен сигнал тревоги.

Но все взглянули на стрелку.

- А что, если сигнал не сработает? - спросил Эдвардсон. - Что, если и циферблат испортился? Приятно вам будет, когда кто-нибудь заберется в ваш мозг?

- Циферблат сработает, - сказал Кассель.

Он переводил взгляд с лица Эдвардсона на бездействующий индикатор и обратно.

- Пойду-ка я отдохну, - сказал Эдвардсон.

- Подожди, - сказал Кассель. - Давай сыграем в козла?

- Ну хорошо.

Эдвардсон отвернулся и достал колоду засаленных карт, в то время, как Морс опять уставился, на циферблат.

- Я бы очень хотел, чтобы они уже пришли, сказал он.

- Сдавай, - проворчал Эдвардсон, протягивая колоду Касселю.

- Интересно, как они выглядят? - продолжал Морс, глядя на индикатор.

- Возможно, так же, как и мы, - ответил Кассель, глядя на циферблат.

Кассель поднимал карты медленно, одну за другой, как будто надеялся, что найдет под ними что-то интересное.

- М-м-м... следовало бы послать с нами еще одного, - заявил он. Мы могли бы сыграть в бридж.

- Я не играю в бридж, - сказал Эдвардсон.

- Ты мог бы научиться.

- Почему мы сами не послали туда флот? Почему мы не разбомбили их планету?

- Не говори ерунды, - ответил Эдвардсон.

- Мы бы потеряли любой посланный туда звездолет. Возможно, он бы и возвратился бы к нам, но уже с противоположной целью.

- Ты проиграл, - констатировал Кассель.

- Тысячу раз! - весело ответил Эдвардсон. Сколько я тебе должен?

- Три миллиона пятьсот восемьдесят долларов.

- Я бы очень хотел, чтобы они уже прилетели, - пел свою песню Морс.

- Выписать тебе чек?

- Можешь не торопиться до следующей недели.

- Кто-нибудь должен договориться с этими негодяями, - сказал Морс, заглядывая в иллюминатор. Кассель медленно посмотрел на циферблат.

- Я только подумал об одной вещи, - сказал Эдвардсон.

- О чем ты?

- Это, наверное, ужасное чувство, когда твоим мозгом, управляют. Это, наверное, невыносимо.

- Ты узнаешь, когда это произойдет, - сказал Кассель.

- Знал ли об этом Эверсет?

- Возможно, но он просто не мог ничего с этим поделать.

- С моим мозгом все в порядке, сказал Кассель. – Но, если хоть один из вас, ребята, начнет вести себя иначе, чем обычно... пеняйте

на себя!

Они все рассмеялись.

- Ну что ж, - сказал Эдвардсон, - Я бы не отказался от шанса договориться с ними. Это вовсе не глупо.

- Почему бы и нет? - сказал Кассель.

- Ты имеешь в виду - полететь к ним навстречу?

- Конечно. Из того, что мы сидим здесь, ничего хорошего не получится.

- Я думаю, мы можем кое-что сделать. медленно произнес Эдвардсон. - В конце-концов, с ними можно договориться. Они разумные существа, но они не непобедимы.

Морс сверил курс корабля с расчетным, потом поднял голову.

- Ты думаешь, нам следует установить контакт с командой соседнего звездолета? Сказать им, что мы хотим сделать?

- Нет! - воскликнул Кассель, и Эдвардсон согласно кивнул головой.

- Это запрещено. Мы просто полетим и посмотрим, что мы можем сделать. Если они не ответят, мы их просто уничтожим.

- П О С М О Т Р И М !

Из иллюминатора они увидели красное пламя реактивного двигателя: соседний звездолет в их секторе устремился вперед.

- Им, должно быть, пришла в голову та же мысль, - сказал Эдвардсон.

- Давайте доберемся туда первыми, - предложил Морс. Кассель включил двигатели, и их вжало перегрузкой в сиденья.

- Стрелка так и не сдвинулась? - крикнул Эдвардсон, пытаясь перекричать звонок сигнальной системы, подведенной к детектору.

- Ни на миллиметр, - ответил Кассель, глядя на циферблат, по которому стрелка прошла весь путь и уперлась в ограничитель.

Где не ступала нога человека

Ловко действуя циркулем, Хеллмэн выудил из банки последнюю редиску. Он подержал ее перед глазами Каскера, чтобы тот полюбовался, и бережно положил на рабочий столик рядом с бритвой.

— Черт знает что за еда для двух взрослых мужчин, сказал Каскер, поглубже забираясь в амортизирующее кресло.

— Если ты отказываешься от своей доли... — начал было Хеллмэн.

Каскер поспешно покачал головой. Хеллмэн улыбнулся, взял в руки бритву и критически осмотрел лезвие.

— Не устраивай спектакля, — посоветовал Каскер, бросив беглый взгляд на приборы. — С ужином надо кончить, пока мы не подошли слишком близко.

Хеллмэн сделал на редиске надрез-отметину. Каскер придвинулся поближе, приоткрыл рот. Хеллмэн осторожно нацелился бритвой и разрезал редиску ровно пополам.

— Разве ты не прочтешь застольной молитвы? — съехидничал он.

Каскер прорычал что-то невнятное и проглотил свою долю целиком. Хеллмэн жевал медленно. Казалось, горьковатая мякоть огнем обжигает атрофированные вкусовые окончания.

— Не очень-то питательно, — заметил Хеллмэн.

Каскер ничего не ответил. Он деловито изучал красное светило-карлик.

Хеллмэн проглотил свою порцию и подавил зевок. Последний раз они ели позавчера, если две галеты и чашку воды можно назвать едой. После этого единственным съедобным предметом в звездолете оставалась только редиска, ныне покоящаяся в необъятной пустоте желудков Хеллмэна и Каскера.

— Две планеты, — сказал Каскер. — Одна сгорела дотла.

— Что ж, приземлимся на другой.

Кивнув, Каскер нанес на перфоленту траекторию торможения.

Хеллмэн поймал себя на том, что в сотый раз пытается найти виновных. Неужто он заказал слишком мало продуктов, когда грузился в аэропорту Калао? В конце концов, основное внимание он

уделял горным машинам! Или портовые рабочие просто забыли

погрузить последние драгоценные ящики?

Он затянул потуже пояс, в четвертый раз провертев для этого новую дырку.

Что толку теперь ломать себе голову? Так или иначе, они попали в изрядную переделку. По иронии судьбы горючего с лихвой хватит, чтобы вернуться в Калао. Но к концу обратного рейса на борту окажутся два иссохших трупа.

— Входим в атмосферу, — сообщил Каскер.

Что гораздо хуже, в этой малоисследованной области космоса мало солнц и еще меньше планет. Есть ничтожная вероятность, что удастся пополнить запасы воды, но никакой надежды найти что-нибудь съестное.

— Да посмотри же, — проворчал Каскер.

Хеллмэн стряхнул с себя оцепенение.

Планета смахивала на круглого серовато-коричневого дикобраза. В слабом свете красного карлика сверкали острые, как иголки, гребни миллионов гор. Звездолет описал спираль вокруг планеты, и остроконечные горы словно потянулись ему навстречу.

— Не может быть, чтобы по всей планете шли сплошные горы, — сказал Хеллмэн.

— Конечно, нет.

Разумеется, здесь были озера и океаны, но и из них вздымались зубчатые горы-острова. Не было и признаков ровной земли, не было и намека на цивилизацию, не было и следа жизни.

— Спасибо, хоть атмосфера тут кислородная, — сказал Каскер. По спирали торможения они пронеслись вокруг планеты, врезались в нижние слои атмосферы, и частично погасили там скорость. Но по-прежнему видели внизу только горы, озера, океаны и снова горы.

На восьмом витке Хеллмэн заметил на вершине горы одинокое здание. Каскер отчаянно затормозил, и корпус звездолета раскалился докрасна. На одиннадцатом витке пошли на посадку.

— Нашли, где строить, — пробормотал Каскер.

Здание имело форму пышки и достойно увенчивало вершину. Его окружал широкий плоский навес, опаленный звездолетом во время посадки. С воздуха оно казалось большим. Вблизи выяснилось, что оно огромно. Хеллмэн и Каскер медленно подошли к нему. Хеллмэн держал свой лучемет наготове, но нигде не замечал

никаких признаков жизни.

— Должно быть, эту планету покинули, — сказал Хеллмэн чуть ли не шепотом.

— Ни один нормальный человек в таком месте не останется, — ответил Каскер. — И без нее много хороших планет, незачем жить на острие иглы.

Нашли дверь. Хеллмэн попытался открыть ее, но дверь не поддавалась. Он оглянулся через плечо на парадно-живописные цепи гор.

— Ты знаешь, — сказал он, — когда эта планета находилась еще в расплавленном состоянии, на нее, должно быть, влияло притяжение нескольких лун-гигантов, которые не сохранились. Силы гравитации, внутренние и внешние, придали ей такой колючий вид и...

— Кончай трепаться, — нелюбезно прервал Каскер. — Вот что получается, когда библиограф решает нажиться на уране.

Пожав плечами, Хеллмэн прожег дыру в замке. Выждали.

Тишину нарушал единственный звук — урчание в животах.

Вошли.

Исполинская комната в форме клина, по-видимому, служила чем-то вроде склада. Товары громоздились до потолка, валялись на полу, стояли как попало вдоль стен. Тут были коробки и ящики всех форм и размеров. В одних мог поместиться слон, в других — разве что наперсток.

У самой двери лежала пыльная связка книг. Хеллмэн тотчас же кинулся листать их.

— Где-то тут должна быть еда, — сказал Каскер, и впервые за последнюю неделю его лицо просветлело. Он стал открывать ближайшую коробку.

— Вот это интересно, — сказал Хеллмэн и отложил в сторону все книги, кроме одной.

— Давай сперва поедим, — предложил Каскер, вскрывая коробку. Внутри оказалась какая-то коричневая пыль, Каскер посмотрел, понюхал и скривился.

— Право же, очень интересно, — бормотал Хеллмэн, перелистывая страницы.

Каскер открыл небольшой бидон и увидел зеленую

поблескивающую пыль. Он открыл другой. Там пыль была темно-оранжевого цвета.

— Хеллмэн! Брось-ка книгу и помоги мне отыскать хоть какую-нибудь еду!

— Еду? — переспросил Хеллмэн и перевел взгляд на Каскера.

— А почему ты думаешь, что здесь стоит искать, еду? Откуда ты знаешь, что это не лакокрасочный завод?

— Это склад! — заорал Каскер.

Он вскрыл жестянку (форма ее напоминала человеческую почку) и вытянул оттуда что-то вроде мягкой трости пурпурного цвета. Трость тут же затвердела, а когда Каскер попытался ее понюхать, рассыпалась в пыль. Он зачерпнул пригоршню пыли и поднес ко рту.

— Не исключено, что это стрихнин, — мимоходом обронил Хеллмэн.

— Каскер поспешно стряхнул пыль и вытер руки.

— В конце концов, — заметил Хеллмэн, — даже если это действительно склад — даже если он продовольственный, — мы не знаем, что именно считали пищей бывшие аборигены. Быть может, салат из парижской зелени с серной кислотой вместо заправки.

— Ладно, — буркнул Каскер, — но поесть-то надо. Что будем делать со всем этим?.. — Взмахом руки он как бы охватил сотни коробок, бидонов и бутылок.

— Прежде всего, — оживился Хеллмэн, — надо сделать количественный анализ четырех-пяти проб. Можно начать с простейшего титрования, возгонкой выделить основные ингредиенты, посмотреть, образуется ли осадок, выяснить молекулярную структуру и...

— Хеллмэн, ты сам не знаешь, о чем говоришь. Не забывай, что ты всего-навсего библиограф. А я — пилот, окончил заочные летные курсы. Мы понятия не имеем о титровании и возгонке.

— Знаю, — согласился Хеллмэн, — но так надо. Иного пути нет.

— Ясно. Так что же мы предпримем в ожидании, пока к нам в гости не заглянем химик?

— Вот что нам поможет, — объявил Хеллмэн и помахал книгой.

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — признался Каскер, сдерживаясь из последних сил.

— Это карманный словарь и грамматика хелгского языка.

— Хелгского?

— Языка этой планеты. Иероглифы такие же, как на коробках.

Каскер приподнял брови.

— Никогда не слыхал о хелгском языке.

— Навряд ли эта планета вступала в контакт с Землей, пояснил Хеллмэн. — Словарь-то ведь не хелго-английский, а хелго-алумбриджианский.

Каскер припомнил, что Алумбриджия — родина маленьких храбрых рептилий — находится где-то в центре Галактики.

— А откуда ты знаешь алумбриджианский? — спросил он.

— Да ведь библиограф вовсе не такая уж бесполезная профессия, — скромно ответил Хеллмэн. — В свободное время...

— Понял. Так как насчет...

— Знаешь, — продолжал Хеллмэн, — скорее всего именно алумбриджиане помогли хелгам эвакуироваться с этой планеты и подыскать себе более подходящую. За плату они оказывают подобные услуги. В таком случае это здание наверняка продовольственный склад.

— Может, ты все-таки начнешь переводить, — устало посоветовал Каскер. — Вдруг да отыщешь какую-нибудь еду.

Они стали открывать коробку за коробкой и наконец нашли что-то на первый взгляд внушающее доверие. Шевеля губами, Хеллмэн старательно расшифровывал надписи.

— Готово, — сказал он. — Тут написано: «Покупайте фырчатель — лучший шлифовальный материал».

— Похоже, несъедобное, — сказал Каскер.

— Боюсь, что так.

Нашли другую коробку с надписью: «Энергриб! Набивайте желудки, но набивайте по всем правилам!»

— Как ты думаешь, что за звери были эти хелги? — спросил Каскер.

Хеллмэн пожал плечами.

Следующий ярлык пришлось переводить минут пятнадцать. Прочли: «Аргозель сшестерит всю вашу фудру. Содержит тридцать арпов рамстатого пульца. Только для смазки раковин».

— Должно же здесь быть хоть что-то съедобное, проговорил Каскер с нотой отчаяния в голосе.

— Надеюсь, — ответил Хеллмэн.

Два часа работы не принесли ничего нового. Они перевели десятки названий и перенюхали столько возможных веществ, что обоняние отказалось им служить.

— Давай обсудим, — предложил Хеллмэл, усаживаясь на коробку с надписью «Тошнокаль. По качеству достойно оправдывает свое название».

— Не возражаю, — сказал Каскер и растянулся на полу. Говори.

— Если бы можно было методом дедукции установить, какие существа населяли эту планету, мы бы знали, какую пищу они употребляли и пригодна ли эта пища для нас.

— Мы знаем только, что они сочинили массу бездарных реклам.

Хеллмэл пропустил эту реплику мимо ушей.

— Какие же разумные существа могли появиться в результате эволюции на планете, сплошь покрытой горами?

— Только дураки! — ответил Каскер.

От такого ответа легче не стало. Но Каскер понял, что горы ему не помогут. Они не расскажут ему о том, что ели ныне усопшие хелги — силикаты, белки, йодистые соединения или вообще обходились без еды.

— Так вот, — продолжал Хеллмэн, — придется действовать с помощью одной только логики... Ты меня слушаешь?

— Ясное дело, — ответил Каскер.

— Отлично. Есть старинная пословица, прямо про нас выдумана: «Что одному мясо, то другому яд».

— Факт, — поддакнул Каскер. Он был убежден, что его желудок сократился до размеров грецкого ореха.

— Во-первых, мы можем сделать такое допущение: что для них мясо, то и для нас мясо.

Каскер с трудом отогнал от себя видение пяти сочных бифштексов, соблазнительно пляшущих перед носом. — А если то, что для них мясо, для нас яд? Что тогда?

— Тогда, — ответил Хеллмэн, — сделаем другое допущение: то, что для них яд, для нас — мясо.

— А если и то, что для них мясо, и то, что для них яд, для нас яд?

— Тогда все равно помирать с голоду.

— Ладно, — сказал Каскер, поднимаясь с пола. — С какого

допущения начнем?

— Ну что ж, зачем нарываться на неприятности? Планета ведь кислородная, а это что-нибудь да значит. Будем считать, что нам годятся их основные продукты питания. Если окажется, что это не так, попробуем их яды.

— Если доживем до этого времени, — вставил Каскер.

Хеллмэн принялся переводить ярлыки. Некоторые товары были забракованы сразу, например «Восторг и глагозвон андрогинитов — для удлиненных, вьющихся щупалец с повышенной чувствительностью», но в конце концов отыскалась серая коробочка, примерно сто пятьдесят на семьдесят пять миллиметров. Ее содержимое называлось «Универсальное лакомство „Вэлкорин“, для любых пищевых мощностей».

— На вид не хуже всякого другого, — сказал Хеллмэн и открыл коробочку.

Внутри лежал тягучий прямоугольный брусок красного цвета. Он слегка подрагивал, как желе.

— Откуси, — предложил Каскер.

— Я? — удивился Хеллмэн. — А почему не ты?

— Ты же выбирал.

— Предпочитаю ограничиться осмотром, — с достоинством возразил Хеллмэн. — Я не слишком голоден.

— Я тоже, — сказал Каскер.

Оба сели на пол и уставились на желеобразный брусок. Через десять минут Хеллмэн зевнул, потянулся и закрыл глаза.

— Ладно, трусишка, — горько сказал Каскер. — Я попробую. Только помни, если я отравлюсь, тебе никогда не выбраться с этой планеты. Ты не умеешь управлять звездолетом.

— В таком случае откуси маленький кусочек, — посоветовал Хеллмэн.

Каскер нерешительно склонился над бруском. Потом ткнул в него большим пальцем.

Тягучий красный брусок хихикнул.

— Ты слышал? — взвизгнул Каскер, отскочив в сторону.

— Ничего я не слышал, — ответил Хеллмэн; у него тряслись руки. — Давай же, действуй.

Каскер еще раз ткнул пальцем в брусок. Тот хихикнул погромче,

на сей раз с отвратительной жеманной интонацией.

— Все ясно, — сказал Каскер. — Что еще будем пробовать?

— Еще? А это чем тебе не угодило?

— Я хихикающего не ем, — твердо заявил Каскер.

— Слушай, что я тебе скажу, — уламывал его Хеллмэн. Возможно, создатели этого блюда старались придать ему не только красивую форму и цвет, но и эстетическое звучание. По всей вероятности, хихиканье должно развлекать едока.

— В таком случае, ешь сам, — огрызнулся Каскер.

Хеллмэн смерил его презрительным взглядом, но не сделал никакого движения в сторону тягучего бруска. Наконец он сказал:

— Давай-ка уберем его с дороги.

Они оттеснили брусок в угол. Там он лежал и тихонько хихикал про себя.

— А что теперь? — спросил Каскер.

Хеллмэн покосился на беспорядочные груды непостижимых инопланетных товаров. Он заметил в комнате еще две двери.

— Посмотрим, что там, в других секциях, — предложил он.

Каскер равнодушно пожал плечами.

Медленно, с трудом Хеллмэн и Каскер подобрались к двери в левой стене. Дверь была заперта, и Хеллмэн прожег замок судовым лучеметом.

Они попали в комнату такой же клинообразной формы, точно так же заполненную непостижимыми инопланетными товарами.

Обратный путь через всю комнату показался бесконечно длинным, но они проделали его, лишь чуть запыхавшись. Хеллмэн выжег замок, и они заглянули в третью секцию.

Это была еще одна клиновидная комната, заполненная непостижимыми инопланетными товарами.

— Всюду одно и то же, — грустно подытожил Каскер и закрыл дверь.

— Очевидно, смежные комнаты кольцом опоясывают все здание, — сказал Хеллмэн. — По-моему, стоило бы их все осмотреть.

Каскер прикинул расстояние, которое надо пройти по всему зданию, соразмерил со своими силами и тяжело опустился на какой-то продолговатый серый предмет.

— Стоит ли труда? — спросил он.

Хеллмэн попытался собраться с мыслями. Безусловно, можно найти какой-то ключ к шифру, какое-то указание, которое подскажет, что годится им в пищу. Но где искать?

Он обследовал предмет, на котором сидел Каскер. Формой и размерами этот предмет напоминал большой гроб с неглубокой выемкой на крышке. Сделан он был из твердого рифленого материала.

— Как по-твоему, что это такое? — спросил Хеллмэн.

— Не все ли равно?

Хеллмэн взглянул на иероглиф, выведенный на боковой грани предмета, потом разыскал этот иероглиф в словаре.

— Очаровательно, — пробормотал он чуть погодя.

— Что-нибудь съедобное? — спросил Каскер со слабым проблеском надежды.

— Нет. То на чем ты сидишь, называется «Супертранспорт, изготовленный по особому заказу морогов, для взыскательного хелга, лучшее средство вертикального передвижения». Экипаж!

— М-да!.. — тупо отозвался Каскер.

— Это очень важно! Посмотри же на него! Как он заводится?

Каскер устало слез с Супертранспорта, внимательно осмотрел его. Обнаружил четыре почти незаметных выступа по четырем углам.

— Может быть, колеса выдвижные, но я не вижу...

Хеллмэн продолжал читать:

— Тут написано, что надо залить три амфа высокоусиливающего горючего «Интегор», потом один ван смазочного масла «Тендер» и на первых пятидесяти мунгу не превышать трех тысяч рулов.

— Давай найдем что-нибудь поесть, — сказал Каскер.

— Неужели ты не понимаешь, как это важно? — удивился Хеллмэн. — Можно разом получить ответ на все вопросы. Если мы постигнем логику иных существ — логику, которой они руководствовались при конструировании экипажа, — то вникнем в строй мысли хелгов. Это в свою очередь даст нам понятие о их нервной системе, а следовательно, и о биохимической сущности.

Каскер не шевельнулся: он прикидывал, хватит ли ему оставшихся сил, чтобы задушить Хеллмэна.

— Например, — продолжал Хеллмэн, — какого рода экипаж

нужен на такой планете, как эта? Не колесный, поскольку передвигаться здесь можно только вверх и вниз. Антигравитационный? Вполне возможно, но как он устроен? И почему здешние обитатели придали ему форму ящика, а не...

Каскер пришел к печальному выводу, что у него не хватит сил задушить Хеллмэна, как бы это ни было приятно. С преувеличенным спокойствием он сказал:

— Прекрати корчить из себя ученого. Давай посмотрим, нет ли тут хоть чего-нибудь поесть.

— Ладно, — угрюмо согласился Хеллмэн.

Каскер наблюдал, как его спутник блуждает среди бидонов, бутылок и ящиков. В глубине души он удивлялся, откуда у Хеллмэна столько энергии, но решил, что благодаря чрезмерно развитому интеллекту тот не подозревает о голодной смерти, которая совсем рядом.

— Вот тут что-то есть! — крикнул Хеллмэн, остановившись возле большого желтого бака.

— Что там написано? — спросил Каскер.

— Дословно перевести очень трудно. В вольном изложении звучит так: «Моришилле-Клейпучка. Для более тонкого вкуса добавлены лакты-экты. Клейпучку пьют все! Рекомендуется до и после еды, неприятные побочные явления отсутствуют. Полезно детям! Напиток Вселенной!»

— Неплохо звучит, — признался Каскер, решив про себя, что в конечном счете Хеллмэн, видимо, вовсе не так глуп.

— Теперь мы сразу узнаем, съедобно ли для нас их мясо, сказал Хеллмэн. — Эта самая Клейпучка похожа на вселенский напиток больше всего, что я здесь видел.

— А вдруг это чистая вода! — с надеждой спросил Каскер.

— Посмотрим. — Дулом лучемета Хеллмэн приподнял крышку. В банке была прозрачная как кристалл влага.

— Не пахнет, — констатировал Каскер, склонившись над баком.

Прозрачная влага поднялась ему навстречу.

Каскер отступил с такой поспешностью, что споткнулся о коробку и упал. Хеллмэн помог ему встать, в вдвоем они снова приблизились к баку. Когда они подошли почти вплотную, жидкость взметнулась в воздух на добрый метр и двинулась по направлению

к ним.

— Ну что ты наделал! — вскричал Каскер, осторожно пятясь.

Жидкость медленно заструилась по наружной стенке бака. Затем потекла им под ноги.

— Хеллмэн! — завопил Каскер.

Хеллмэн стоял поодаль, по лицу его градом струился пот; нахмурясь, он листал словарь.

— По-моему, я что-то напорол при переводе, — сказал он.

— Да сделай же что-нибудь! — вскричал Каскер. Жидкость норовила загнать его в угол.

— Что же я могу сделать? — проговорил Хеллмэн, не отрываясь от книги. — Ага, вот где ошибка. Тут написано не «Клейпучку пьют все», а «Клейпучка пьет всех». Спутал подлежащее. Это уже другое дело. Должно быть, хелги всасывали жидкость через поры своего тела. Естественно, они предпочитали не пить, а быть выпитыми.

Каскер попытался увильнуть от жидкости, но она с веселым бульканьем отрезала ему пути к отступлению. В отчаянии он схватил небольшой тюк и швырнул его в Клейпучку. Клейпучка поймала этот тюк и выпила его. Покончив с этим делом, она снова занялась Каскером.

Хеллмэн запустил в Клейпучку какой-то коробкой. Клейпучка выпила ее, а потом вторую, третью и четвертую, которые бросил Каскер. Затем, очевидно, выбившись из сил, влилась обратно в бак.

Каскер захлопнул крышку и уселся на ней. Его била крупная дрожь.

— Плохо дело, — сказал Хеллмэн. — Мы считали аксиомой, что процесс питания сходен с нашим. Но, разумеется, не обязательно так...

— Да, не обязательно. Да-с, явно не обязательно. Это уж точно, теперь мы видим, что не обязательно. Всякий видит, что не обязательно...

— Брось, — строго одернул его Хеллмэн. — На истерику у нас нет времени.

— Извини. — Каскер медленно отодвинулся от бака с Клейпучкой.

— Придется, наверное, исходить из того, что их мясо для нас яд, — задумчиво сказал Хеллмэн. — Теперь посмотрим, каковы на вкус

их яды.

Каскер ничего не ответил. Он пытался представить себе, что было бы, если бы его выпила Клейпучка.

В углу все еще хихикал тягучий брусок.

— Вот это, по всей вероятности, яд, — объявил Хеллмэн полчаса спустя.

Каскер снова пришел в себя, только губы его нет-нет да подрагивали.

— Что там написано? — спросил он.

Хеллмэн повертел в руках крохотный тюбик.

— Называется «Шпаклевка Пвацкина». На ярлыке надпись:

«Осторожно! Весьма опасно! Шпаклевка Пвацкина заполняет дыры и щели объемом не свыше двух кубических вимов. Помните: ни в коем случае нельзя употреблять Шпаклевку в пищу. Входящее в нее активное вещество — рамотол, благодаря которому Шпаклевка Пвацкина считается совершенством, делает ее чрезвычайно опасной при приеме внутрь».

— Звучит заманчиво, — отозвался Каскер. — Чего доброго, взрывом нас разнесет вдребезги.

— У тебя есть другие предложения?

На миг Каскер задумался. Пища хелгов для людей явно неприемлема. Значит, не исключено, что их яды... но не лучше ли голодная смерть?

После недолгого совещания со своим желудком Каскер решил, что голодная смерть не лучше.

— Валяй, — сказал он.

Хеллмэн сунул лучемет под мышку, отвинтил крышку тюбика, встряхнул его.

Ничего не произошло.

— Запечатано, — подсказал Каскер.

Хеллмэн проковырял ногтем дырку в защитном покрытии и положил тюбик на пол. Оттуда, пузырясь, поползла зловонная зеленоватая пена. Она свертывалась в шар и каталась по всему полу.

Хеллмэн с сомнением посмотрел на пену.

— Дрожжи, не иначе, — сказал он и крепко сжал в руках лучемет.

— Давай, давай. Смелость города берет.

— Я тебя не удерживаю, — парировал Хеллмэн.

Шар разбух и стал величиной с голову взрослого человека.

— И долго это будет расти? — спросил Каскер.

— Видишь ли, — ответил Хеллмэн, — в рекламе указано, что это Шпаклевка. Наверное, так оно и есть — это вещество, расширяясь заполняет дыры.

— Точно. Но какой величины?

— К сожалению, я не знаю, сколько составляют два кубических вима. Но не может же это длиться вечно...

Слишком поздно они заметили, что Шпаклевка заполнила почти четверть комнаты и не собиралась останавливаться.

— Надо было верить рекламе! — взвыл Каскер. — Эта штука в самом деле опасна!

Чем быстрее рос шар, тем больше увеличивалась его липкая поверхность. Наконец она коснулась Хеллмэна, и тот отскочил.

— Берегись!

Хеллмэн не мог подойти к Каскеру, который находился по другую сторону гигантской сферы. Он попытался обогнуть шар, но Шпаклевка так разрослась, что разделила комнату пополам. Теперь она лезла на стены.

— Спасайся кто может! — заорал Хеллмэн и ринулся к двери, что была позади него.

Он рванул дверь, когда разбухший шар уже настигал его. Тут он услышал, как на другой половине комнаты хлопнула, закрываясь вторая дверь. Больше он не стал мешкать: проскользнул в дверь и захлопнул ее за собой.

С минуту Хеллмэн стоял, тяжело дыша, не выпуская лучемета из рук. Он сам не подозревал, до чего ослаб. Бегство от Шпаклевки подорвало его силы так основательно, что теперь он был на грани обморока. Хорошо хоть Каскер тоже спасся.

Но беда еще не миновала.

Шпаклевка весело вливалась в комнату через выжженый замок. Хеллмэн дал по ней пробную очередь, но Шпаклевка была, по всей видимости, неуязвима... как и подобает хорошей шпаклевке.

И признаков усталости она не выказывала.

Хеллмэн поспешно отошел к дальней стене. Дверь была заперта, как и все прочие двери; он выжег замок и прошел в соседнюю комнату.

Долго ли может шар разбухать? Сколько это — два кубических вима? Хорошо, если только две кубических мили. Судя по всему, Шпаклевкой заделывают трещины в коре планет.

В следующей комнате Хеллмэн остановился перевести дух. Он вспомнил, что здание круглое. Можно прожечь себе путь через остальные двери и воссоединиться с Каскером. Вдвоем они прожгут себе путь на поверхность планеты и...

У Каскера нет лучемета!

От этой мысли Хеллмэн побледнел. Каскер проник в комнату направо, потому что замок в ее двери был уже выжжен. Шпаклевка, несомненно, просачивалась в эту комнату сквозь замок... и Каскеру не уйти! Слева у него — Шпаклевка, справа — запертая дверь!

Собрав остаток сил, Хеллмэн пустился бегом. Коробки, казалось, нарочно подвертывались ему под ноги, норовили опрокинуть его, остановить. Он прожег очередную дверь и поспешил к следующей. Прожег еще одну. И еще. И еще.

Не может же Шпаклевка целиком перелиться в ту комнату, где Каскер!

Или может?

Клиновидным комнатам — секторам круга, — казалось, не будет конца, так же как путанице запертых дверей, непонятных товаров, снова дверей, снова товаров. Хеллмэн споткнулся о плетеную корзину, упал, поднялся на ноги, опять упал. Он напряг силы до предела и исчерпал этот предел. Но ведь Каскер — его друг.

К тому же без пилота Хеллмэн навеки застрянет на этой планете. Хеллмэн пересек еще две комнаты — ноги у него подгибались — и рухнул у порога третьей.

— Это ты, Хеллмэн? — услышал он голос Каскера из-за двери.

— Ты цел? — прохрипел Хеллмэн.

— Мне тут не очень-то просторно, — ответил Каскер, — но Шпаклевка перестала расти. Хеллмэн, выведи меня отсюда!

Хеллмэн лежал на полу, часто и тяжело дыша. — Минуточку, — сказал он.

— Еще чего, минуточку! — прокричал Каскер. — Выведи меня. Я нашел воду!

— Что? Как?

— Выведи меня отсюда!

Хеллмэн попытался встать, но его ноги окончательно вышли из повиновения.

— Что случилось? — спросил он.

— Когда шар стал заполнять комнату, я решил завести Супертранспорт, изготовленный по особому заказу. Думал, вдруг он пробьет дверь и вытащит меня отсюда. Вот я и залил его высокоусиляющим горючим «Интегор».

— И что же? — поторопил Хеллмэн, упорно пытаясь встать на ноги.

— Супертранспорт — это животное, Хеллмэн! А горючее «Интергор» — вода! Теперь вытаскивай меня отсюда!

Хеллмэн со вздохом удовлетворения улегся на полу поудобнее. Будь у него побольше времени, он бы и сам, чисто логическим путем, обо всем догадался. Теперь-то все кристально ясно. Машина, наиболее пригодная для лазанья по отвесным, острым как бритва горам, — это животное, вероятно, наделенное втяжными присосками. В промежутках между рейсами она впадет в спячку; а если уж оно пьет воду, то и пища его пригодна для человека. Конечно, о былых обитателях планеты по-прежнему ничего не известно, но, без сомнения...

— Прожги дверь! — крикнул Каскер, и голос его сорвался.

Хеллмэн размышлял об иронии вещей. Если то, что другому мясо (и то, что другому яд), для тебя яд, попробуй съесть что-нибудь еще. До смешного просто.

Но одна мелочь по-прежнему не давала ему покоя.

— Как ты узнал, что это животное земного типа? — спросил он.

— По дыханию, дурень! Оно вдыхает и выдыхает воздух, и при этом запах такой, словно оно наелось луку!

За дверью послышался грохот падающих жестянок и бьющихся бутылок.

— Да поторопись же!

— А что там такое? — спросил-Хеллмэн, поднимаясь на ноги и прилаживая лучемет.

— Да Супертранспорт! Он прижал меня к стенке за грудой ящиков. Хеллмэн, по-моему, ему кажется, что я съедобен!

Инструкция по эксплуатации

Осознавая важность момента, капитан Пауэлл напустил на себя беззаботный вид и вошел в рубку «Рискового». Поначалу он даже подумывал засвистеть, но потом решил, что не стоит. В конце концов, это не в его стиле, а астронавты шкурой чуют неладное, их даже мелочи настораживают.

– Всем привет, – сказал он и плюхнулся в мягкое кресло. Дэнтон, штурман, кивнул, от души зевнув. Бортинженер Аррильо посмотрел на часы.

– Стартуем по графику, Сэм?

– Ну да, – ответил Пауэлл. – Через два часа.

Бортинженер и штурман буднично покивали головами, словно полеты на Марс – дело совершенно обычное. Капитан, помедлив немного, добавил:

– Мы, кстати, берем на борт еще одного члена экипажа.

– Это еще зачем? – Загорелое лицо Дэнтона выразило недоверие.

Аррильо угрожающе поджал губы.

– Третий штаб распорядился, в последний момент, – как ни в чем не бывало ответил Пауэлл. Его подчиненные даже не шевельнулись, однако капитану почудилось, будто они на него надвигаются. Необъяснимая сила всегда сближает членов экипажа, заставляя блюсти замкнутость круга и охранять свою территорию.

– И какую работу поручили новичку? – поинтересовался Аррильо. Коренастый и очень смуглый, с острыми зубами и кучерявой черной шевелюрой, он напоминал чудовищно умного жесткошерстного терьера, готового всегда облаять чужого пса, даже если такового поблизости нет.

– Вы ведь знаете про паранормов? – как бы невзначай спросил капитан.

– Еще бы! – живо отозвался Аррильо. – Слыхал я про этих шизиков.

– Да не шизики они, – задумчиво протянул широколицый Дэнтон.

– Значит, – продолжил Пауэлл, – вы и про Уэйверли слышали. Тот парень, что пытается приспособить паранормов к жизни в

обществе, найти их способностям применение. У него под опекой телепаты, предсказатели погоды и прочие таланты.

– Про Уэйверли я в газете читал, – сказал Дэнтон. – Его питомцев еще называют экстрасенсами.

– Точно. В общем, этот тип, Уэйверли, собирает экстрасенсов чуть ли не на помойках, подыскивая им нормальную работу. Верит, что их дару есть применение.

– То есть мы берем на борт паранорма? – уточнил Дэнтон.

– Точно, – ответил Пауэлл, внимательно присматриваясь к подчиненным. Астронавты – народ забавный, многие из них прикипают к одиночеству и опасностям космоса и при этом наглухо закрываются от внешнего мира. А еще эти труженики новейшей области человеческой деятельности – жуткие ретрограды. Если старое работает, то зачем вводить новое, ведь оно может стоить тебе жизни!

Принять в свои ряды паранорма им будет очень нелегко.

– Кому он нужен? – злобно спросил Аррильо, явно встревоженный, что из-за новичка его собственный авторитет пошатнется. – Не хватало еще, чтобы у нас на борту кто-то мысли читал!

– Он не читает мысли, – попытался успокоить его Пауэлл. – Наш новичок займется другой, очень важной работой.

– Какой же? – поинтересовался Дэнтон.

Пауэлл нерешительно помедлил и наконец выдавил:

– Он должен помочь нам при взлете.

– Как?!

– С помощью телекинеза, – протараторил Пауэлл. – Наш новенький передвигает предметы силой мысли.

Дэнтон ничего не ответил, зато Аррильо, поглядев на капитана, разразился хохотом:

– Силой мысли! А у него извилины от натуги не распрямятся?

– Распрямятся – так мы из них веревочки свяжем и сделаем для него упряжь!

– Смотри, чтобы тебя самого не запрягли, Сэм!

Пауэлл широко улыбнулся, мысленно похвалив себя за остроумие. Лучше уж пусть члены команды над ним смеются, чем бьют по морде.

Пригладив усы, командир сообщил:

– Новенький скоро прибудет.

– Ты серьезно? – переспросил Дэнтон.

– Как никогда.

– Но, Сэм…

– Позволь, я кое-что объясню, – прервал штурмана Пауэлл. – Телекинез – способность, которой наделен будущий член нашего экипажа, – это неизученная и почти неизвестная науке форма управления материей. Это энергия, позволяющая передвигать предметы, порой даже очень крупные. Она реальна, и она действует.

Штурман и бортинженер слушали капитана внимательно, хотя и с долей настороженности. Пауэлл глянул на часы:

– В штабе считают, если паранорм поможет нам взлететь, то мы сэкономим изрядное количество топлива. То есть увеличим резерв.

Члены экипажа дружно кивнули. Они только за экономию топлива, ведь в космосе запас горючего – самое главное. Много его на борт не погрузишь, а стоит слегка ошибиться в навигационных расчетах, израсходовать чуть больше запланированного объема драгоценного вещества – тут-то всем и конец. До сих пор к Марсу отправилось всего пять кораблей, и два из них пропали в открытом пространстве именно из-за нехватки горючего.

– Будьте уверены, – сказал Пауэлл, – в ваши дела паранорм вмешиваться не станет. Его единственная задача – двигать наше судно.

Он улыбнулся и приготовился сообщить еще одну неприятную новость.

– Ладно, – тем временем произнес Дэнтон, – лишь бы ко мне не приставал.

– Извини, – поспешил огорчить его Пауэлл. – Паранорма без присмотра оставлять нельзя.

– Это еще почему?!

Пауэлл владел множеством профессиональных навыков, и самый важный из них получил не в университете. Капитан умел управляться с людьми и сейчас призвал на помощь именно этот свой дар.

– Паранормы, знаете ли, не совсем обычные люди. Плохо приспосабливаются к обществу, часто хандрят. Кто-то даже считает,

что степень их депрессии прямо пропорциональна силе таланта. Короче, если хотите, чтобы наш паранорм справлялся со своей работой, обращайтесь с ним достойно.

– Я и не собирался с ходу плевать ему в лицо, – сказал Аррильо.

– Этого мало. Я, кстати, поговорил с Уэйверли, и он дал мне руководство по эксплуатации.

Сказав это, капитан вытащил из кармана лист бумаги.

– Руководство? По эксплуатации?!

– Совершенно, верно. Мы ведь эксплуатируем способности паранорма. Вот, послушайте.

Разгладив инструкцию, Пауэлл зачитал вслух:

– «Паранормальные способности, возможно, существуют с начала времен, однако общество эксплуатирует их лишь с недавних пор. Сегодня мы понимаем экстрасенсорику как проявление воли человека в материальном мире, но до конца ее природу и назначение познаем еще не скоро.

Таким образом, любому, кому предстоит работать с паранормами, следует ознакомиться с представленными ниже правилами, основанными на опыте. Они помогут добиться лучших – если не единственно возможных – результатов.

В практическом плане паранорма следует расценивать как мощный агрегат повышенной сложности и тонкой конструкции. Как и любой другой механизм, он требует ухода и соблюдения всех пунктов инструкции по эксплуатации. Перед началом использования любую машину надлежит:

привести в устойчивое положение,

заправить,

смазать,

настроить.

Принимая во внимание вышеназванные пункты, приходим к следующим выводам:

– чтобы прийти в рабочее состояние, паранорм должен чувствовать комфорт, безопасность и дружелюбный настрой;

– периодически (желательно, как можно чаще) паранорма следует хвалить; поскольку эмоционально он нестабилен, его эго нуждается в систематическом поощрении;

– работая с паранормом, постоянно проявляйте сочувствие и

понимание;

– излишнее давление может сломать паранорма; если он захочет уединиться, не мешайте ему».

Закончив читать, Пауэлл улыбнулся и произнес:

– Вот, собственно, и все.

– Сэм, – тихо сказал Дэнтон, – у нас забот полон рот, не хватало еще с невротиком нянчиться.

– Согласен, – кивнул Пауэлл. – Но ты представь, каким прорывом это станет для нас, для всей космонавтики, если мы сумеем взлететь, сохранив основную часть топлива в баках!

– Верно, – подтвердил Аррильо, вспомнив, как порой трясся над счетчиками горючего.

– А вот и ваши экземпляры инструкции. – Пауэлл протянул им копии документа. – Пока меня нет, заучите их, как «Отче наш».

– Приехали, – проворчал Аррильо, хмуро глядя на листок с печатным текстом. – Ты уверен, что паранорм вообще сможет поднять корабль?

– Нет, – честно признался Пауэлл. – Да и никто не уверен. Способности нашего паранорма активны примерно пятнадцать часов в сутки.

– Повезло так повезло, – простонал Дэнтон.

– Сейчас я его приведу. Как услышите, что мы поднимаемся на борт, прячьте инструкции. – Улыбнувшись во все тридцать два зуба, капитан добавил: – И да пребудет с вами мир.

Он вышел из рубки и по коридору направился к люку, на ходу насвистывая бодрую мелодию. В целом, все прошло недурно.

Минут через десять он вернулся с паранормом.

– Парни, знакомьтесь, это Билли Уокер. Уокер, это Стив Дэнтон и Фил Аррильо.

– Здрасте, – кивнул Уокер. Высокий, ростом под метр девяносто, невероятно худой; вокруг шишковатого черепа – нимб редких бледно-соломенных волосков. На унылом лице торчит длинный нос. Оглядывая членов экипажа, Уокер покусывал вялую нижнюю губу.

М-да, милый же им достался попутчик на ближайшие несколько месяцев!

– Присаживайся, Уокер. – Аррильо горячо пожал паранорму руку.

– Да-да, не стесняйся, – поддержал товарища Дэн-тон. – Как жизнь, как здоровье?

Пауэлл едва сдержал улыбку, вспомнив первое правило из инструкции: «Чтобы прийти в рабочее состояние, паранорм должен чувствовать комфорт, безопасность и дружелюбный настрой». Право же, ребята стараются изо всех сил. Им ли не знать цену лишней капли горючего!

Подозрительно глядя на экипаж, Уокер тем не менее присел.

– Как тебе наш корабль? – поинтересовался Аррильо.

– Ничего, – ответил Уокер таким тоном, будто видывал корабли и получше, и покрупнее. Хотя во всех Штатах больше не имелось достроенных и оснащенных для полета судов.

– Готов к путешествию? – спросил Дэнтон.

– А что к нему готовиться? – вопросом на вопрос ответил Уокер и откинулся на спинку кресла. – Путешествие как путешествие. Сел – и поехал.

Аррильо уже закипал, да и Дэнтон не выглядел сильно счастливым.

Пауэлл поспешил предложить паранорму:

– Хочешь, устрою тебе экскурсию по кораблю?

– Не-а, – отказался телекинетик. – Успею еще по нему нагуляться.

Повисла неловкая пауза, которая, впрочем, Уокера ничуть не расстроила. Прикуривая сигарету, Пауэлл краем глаза следил за паранормом: вообще-то, он ожидал увидеть нервного, депрессивного типа, но Уокер ведет себя попросту наплевательски… Шмыгнув носом, новый член экипажа засунул руки в карманы и принялся сжимать и разжимать кулаки.

«Ага, все-таки нервничает, – догадался Пауэлл. – Что бы такого приятного ему сказать?..»

– Насколько сильно ты сможешь разогнать корабль? – спросил Аррильо.

Паранорм взглянул на него презрительно:

– Мало не покажется. – И вдруг судорожно сглотнул.

Нет, он не нервничает. Он напуган. Всего лишь напуган и бравирует, пытаясь скрыть страх.

– Что ж, кораблик у нас крепкий, – заметил Дэнтон.

– Крепкий, это да, – подхватил Аррильо.

– Хочу шоколадный батончик, – заявил вдруг Уокер.

– Может, покуришь? – предложил сигарету Пауэлл.

– Лучше сойду и куплю батончик. На площадке вроде был автомат.

– Скоро взлет, – напомнил Пауэлл. – Надо ввести тебя в курс дела, проинструктировать...

– На фиг мне это нужно, – бросил Уокер и выбежал из рубки.

– Нет, я его точно прихлопну, – пообещал Аррильо.

Дэнтон хмуро взглянул на Пауэлла, и тот произнес:

– Запасемся терпением, парни. Паранорм еще впишется в коллектив.

– Да тут никакого терпения не хватит, – возмутился штурман.

Дожидаясь паранорма, астронавты мрачно смотрели на вход в рубку. Пауэлл уже начинал себя жалеть. И во что только штаб его втянул!

Внезапно в дверном проеме возник Уокер.

– Что-то расхотелось шоколада, – бросил он и, посмотрев на лица будущих коллег, спросил: – Меня обсуждали?

– С чего ты взял? – вскинулся Аррильо.

– Вы, поди, решили, что мне это корыто не поднять?

– Послушай, – строго сказал Пауэлл. – Никто из нас ни о чем подобном не думает. Каждому на борту отведена своя роль, вот и все.

В ответ паранорм молча уставился на капитана.

– Начинаем инструктаж, – приказал Пауэлл. – Уокер, за мной.

Он провел паранорма на мостик, показал несколько силовых схем и, объяснив порядок действий, сказал, что́ от него конкретно требуется. Уокер, по-прежнему кусая нижнюю губу, внимательно слушал.

– Значит, так, капитан, – произнес он, – я, конечно, постараюсь...

– Вот и славно, – ответил Пауэлл и, скрутив карты в рулон, отложил их в сторону.

– ...но вы на меня не больно-то рассчитывайте, – закончил паранорм и выбежал.

Пауэлл, покачав головой, начал проверять приборы.

Пристегнувшись в кресле, командир включил интерком.

– Дэнтон, – произнес он в микрофон, – к старту готов?

– Готов, капитан.

– Аррильо?

– Один момент, капитан… все, готов, сэр.

– Уокер?

– Ага.

– Отлично. – Из диспетчерской доложили: площадка свободна, и Пауэлл откинулся на спинку кресла. – Десять секунд до старта. Запустить главный привод.

– Готово, – ответил Аррильо, и корабль содрогнулся от дикого рева оживших двигателей.

– Прибавить мощности. – Пауэлл вчитался в показания приборов. – Отлично, Дэнтон, включай вспомогательный.

– Есть.

– Шесть секунд. Уокер, готовься.

– Есть, сэр.

– Четыре секунды. – Еще с полдюжины точных настроек, пошел кислород…

– Две секунды! Одна!

– Зажигание. Уокер, твой ход!

Корабль, покачиваясь на струях пламени из сопл, начал взлетать. Пауэлла неожиданно вдавило в сиденье – это Уокер подхватил «Рисковый» силой мысли и понес его вверх. Пауэлл посмотрел на высотомер. Как только отметка перевалила за сто пятьдесят метров, он включил интерком.

– Главный привод отключить! Уокер, жми что есть мочи!

Двигатели перестали реветь, но корабль понесся еще быстрее. Потом их резко и неожиданно дернуло вперед.

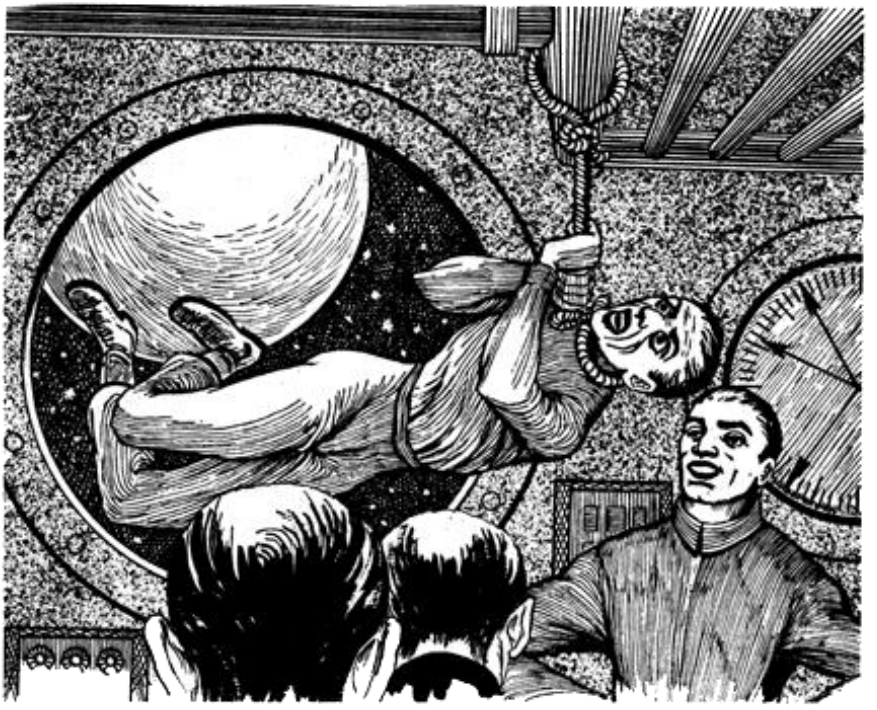
Что это? Точно не обычное ускорение… Корабль снова дернуло, Пауэлл охнул и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, корабль уже мчался сквозь тьму открытого космоса. Невидимая рука инерции по-прежнему давила на грудь, но капитан поднатужился и наклонился к иллюминатору.

За бортом он, само собой, увидел звезды.

Пауэлл слабо ухмыльнулся. Работает. Двигатель на основе телекинеза доходяги Уокера работает – и еще как! Когда они вернутся на Землю, Пауэлл угостит паранорма выпивкой. Кстати, а далеко ли они от дома?

Нажав кнопку на приборной панели, он вывел на экран изображение с камеры заднего вида. Поискал взглядом сине-



зеленый шарик Земли – и не нашел его.

Тогда он изменил угол обзора и быстро обнаружил Солнце. Правда, оно было маленькое, размером с крупную горошину.

Куда же их занесло?!

Пауэлл отстегнулся. Чувствуя, что корабль постепенно теряет скорость, проверил показания приборов и вычислил быстроту хода.

Фантастика!

– Дэнтон! – прокричал он в микрофон.

– Ух! – раздалось из динамика. – Ну ничего себе!

– Встречаемся в рубке, нужно определить наше местоположение. Аррильо!

– Да, Сэм?

– Проверь, как там Уокер.

Пауэлл снова посмотрел на звезды, на Солнце и, нахмурившись, перепроверил свои вычисления. Только бы он ошибся...

Спустя примерно полчаса Дэнтон предположил:

– Если я правильно все рассчитал, то мы сейчас где-то между Сатурном и Юпитером. Возможно, даже ближе к Сатурну.

– Не может быть, – упавшим голосом произнес Пауэлл.

– Если не веришь, – ответил штурман, – то на, взгляни сам.

Пауэлл взял у него лист с вычислениями. Тщательно просмотрел, но ошибок не нашел. «Рисковый» забросило на восемьсот миллионов километров дальше Марса, плюс-минус пятнадцать миллионов километров.

Пауэлл покачал головой. Цифры не произвели на него должного впечатления – да и не должны были, поскольку никто не в состоянии вообразить, что такое восемьсот миллионов километров. Подсознательно Пауэлл уменьшил это расстояние до параметров, которые человеческий разум в состоянии воспринимать.

А что еще ему оставалось?

– Ну, с местоположением определились, – буднично констатировал он и, заметив, что вошел Аррильо, спросил: – Что у нас с горючим?

– Так себе, – ответил бортинженер. – Паранорм, конечно, сэкономил нам много топлива, но все равно не хватит.

– Да, не хватит, – согласился Пауэлл.

Корабль, заправленный и снабженный запасом топлива на полет только до Марса, с Сатурна никак не вернется. Да и с Красной планеты он бы теперь не долетел до Земли без дозаправки.

Сатурн! Это как же надо было разогнать корабль, чтобы скакнуть в такую даль? Не в силах решить задачу логически, Пауэлл пришел к выводу, что на телекинетическом ускорении «Рисковый» просто миновал часть пространства.

В рубку вошел Уокер. Его бледные губы подергивались.

– Кто-то сказал, что мы у Сатурна? – спросил паранорм.

– У его орбиты, – уточнил Пауэлл, выдавив улыбку. – А сам Сатурн сейчас по другую сторону от Солнца.

Командир улыбнулся еще шире, вспомнив второе правило обращения с паранормами: «Периодически (желательно как можно чаще) паранорма следует хвалить. Поскольку эмоционально он нестабилен, его эго нуждается в систематическом поощрении».

– Ну ты даешь, – сказал он. – Сила-то у тебя есть. И еще какая!

– Но я хотел… хотел… – Оглядев космонавтов, Уокер наморщил

лицо и разревелся.

– Ну-ну, будет. – Преодолевая неловкость, Пауэлл попытался успокоить паранорма. Но утешить живую машину не получалось.

– Я знал, что провалю дело! – в сердцах выкрикнул телекинетический ускоритель. – Знал!

– Еще не все потеряно, – спокойным, ласковым голосом проговорил Пауэлл. – Ты просто не рассчитал силы. Ты вернешь нас обратно.

– Не верну, – протянул Уокер и спрятал лицо в ладони. – У меня больше ничего не получится.

– Что?! – вскричал Дэнтон.

– Ничего не получится! Я утратил силу! Она меня покинула, я больше не телекинетик!

Последнюю фразу он прокричал. Потом сполз по стенке на пол и, содрогаясь от рыданий, безвольно уронил голову в колени.

– Взяли, – сказал капитан Дэнтону. Вместе они подняли Уокера с пола, отнесли в кают-компанию и там уложили на койку. Дэнтон дал паранорму снотворное, дождался, пока тот забудется беспокойным сном, и вместе с капитаном вернулся в рубку.

– Ну как? – спросил Аррильо, но ответа не получил. Все трое расселись по креслам и некоторое время смотрели в иллюминатор.

Наконец Дэнтон нарушил молчание:

– Если он и правда больше не может двигать предметы усилием воли...

– Думаешь, он одноразовый паранорм? – прошептал Аррильо.

Пауэлл, заставив себя отвернуться от иллюминатора, возразил:

– Нет, это вряд ли. Я слышал, что паранормальные способности вот так запросто не пропадают.

Если честно, ничего подобного он не слышал, но важно было поддержать дух команды.

– То есть, – произнес Дэнтон, – силу он потерять не должен? Но если Уокер уверен, что на самом деле ее утратил...

– Мы убедим его в обратном, – подсказал Пауэлл. – Вспомните, что Уокер – машина. Сложная, хитро устроенная машина. И у нас есть инструкция по эксплуатации.

– Надеюсь только, что мы не оставили на Земле нужных запчастей, – пошутил Дэнтон.

На несколько секунд воцарилась тишина, которую нарушил капитан:

– Пора бы включить двигатели. Развернем корабль, не то вот-вот окажемся за пределами системы.

– Это значит жечь топливо, – напомнил Аррильо.

– Ничего не поделаешь. Дэнтон, рассчитай поворот. Максимально экономный.

– Будет сделано, – ответил штурман.

– А потом мы поедим.

Задав кораблю новый курс, экипаж перекусил. После устроили совещание.

– Наша судьба – в наших руках, – сказал Пауэлл. – Перед стартом паранорм просто храбрился, желая показать свою значимость. Он блефовал, но теперь нервы у него сдали. Нам предстоит вернуть ему веру в себя.

– Делов-то, – сказал Аррильо. – Позвоним психотерапевту?

– Очень смешно, – заметил Дэнтон.

– Да не особенно, – вставил Пауэлл. – Психотерапевт нам бы здорово пригодился. Но поскольку его нет, вооружимся инструкцией по эксплуатации.

Аррильо и Дэнтон достали из карманов свои копии документа и принялись их просматривать.

– До конца полета, – сказал Пауэлл, – Уокера надо воспринимать как машину. Машину, которая закинула нас сюда. Она же и вернет нас на Землю. Ну, есть мысли, как привести агрегат в рабочее состояние?

– У меня вроде появилась идея, – нерешительно произнес Дэнтон. Экипаж обсудил его задумку и пришел к выводу, что попробовать стоит. Аррильо отправился за Уокером.

Когда они с паранормом вернулись в рубку, Дэнтон с Пауэллом тасовали колоду карт.

– Перекинемся в покер? – беззаботно предложил Пауэлл. – Пока корабль разворачивается, нам все равно делать нечего.

– Приглашаете сыграть? – прошептал Уокер.

– Конечно. Двигай стул.

Долговязый паранорм нерешительно присел за столик и взял карты. Игра началась.

«Поскольку эмоционально он нестабилен, его эго нуждается в систематическом поощрении», – вспомнил Пауэлл.

Партия выдалась поистине сумасшедшей. Все старались поддаваться Уокеру, лишь бы поднять ему настроение. Однако проиграть паранорму оказалось задачкой далеко не из легких. Он с ужасом пялился в карты, сбрасывая одну комбинацию за другой; когда все поднимали ставки, пасовал. Карта не шла Уокеру, как бы Аррильо ни мухлевал, а мухлевать он умел. И Уокер ни разу не вскрылся.

Но астронавты не сдавались. Сбрасывали хорошие комбинации в надежде получить слабые. Пасовали раньше Уокера, буквально выдавливая его вперед. Печальную, простоватую физиономию паранорма перекосило от напряжения. Каждую карту он брал так, словно от нее зависела его жизнь.

Еще никто на памяти Пауэлла не подходил к игре так серьезно и вместе с тем так неумело.

Наконец собрался приличный банк. Уокер, кажется, обрел уверенность в своих силах и сделал ставку. Пауэлл поднял. Подняли и Аррильо с Дэнтоном. Уокер, немного помявшись, ответил.

После нескольких кругов торговли Уокер решил вскрываться.

У Пауэлла оказалась десятка старшая, у Аррильо – восьмерка, а у Дэнтона – дама. Уокеру достался туз.

– Хорошо блефуешь, – сказал Пауэлл, и Уокера снова перекосило.

Вскочив из-за стола, он не своим голосом выкрикнул:

– Я не могу проиграть!

– Да не волнуйся ты так, – сказал Дэнтон.

– Я вас обыграл подчистую, парни, и… ваши бабки теперь мои, – пролепетал Уокер и выбежал вон.

Только сейчас до Пауэлла дошло: Уокер хотел проиграть, чтобы искупить свою вину. Капитан решил не тратить время на то, чтобы делиться догадкой с товарищами, и бросился вслед за паранормом.

Уокер сидел на койке и рассматривал свои руки. Пауэлл присел рядом и предложил самое экономичное – закурить. Еда и питье закончатся прежде, чем кислород.

– Нет уж, спасибо, – глухо произнес Уокер.

– В чем дело? – спросил капитан.

– Во мне. Я опять все испортил.

– Как?

– Да вот так. Вечно я все порчу. Не могу не испортить.

Пауэлл вспомнил один из пунктов инструкции: «Работая с паранормом, постоянно проявляйте сочувствие и понимание».

– Не огорчайся, – теплым, отеческим голосом произнес Пауэлл. – В конце концов, ты совершил нечто, на что никто не способен. Так далеко запустил наш корабль…

– Ага, просто супер, – с горечью ответил паранорм. – Мы теперь ровно там, куда никому не надо.

– И все же, – возразил капитан, – ничего более потрясающего я в жизни не видел.

– И что с того? – отчаянно заломив руки, спросил Уокер. – Я не могу вернуть нас обратно. Я всех нас угробил!

– Не вини себя… – начал Пауэлл, но паранорм перебил его:

– Нет, это я виноват. Только я! – И он опять расплакался.

– Тогда просто перенеси нас обратно.

– Я же сказал, – глядя дикими глазами, паранорм хватал ртом воздух, – я утратил силу! И больше не могу перемещать предметы! – Он почти сорвался на крик.

– Послушай-ка, – строгим голосом урезонил паранорма Пауэлл. – Что за пораженческие настроения? Ничего ты не потерял!

И капитан плавно перешел к своей самой лучшей, самой проникновенной речи, припасенной для безнадежнейшей ситуации. Говоря о звездах и Земле, о науке и миссии человека во Вселенной, не открытых еще гранях паранормальных способностей и их важной роли в мировом порядке, Пауэлл невольно думал: эх, как красиво я загнул!

Уокер, уняв слезы, внимательно слушал и неотрывно глядел на капитана.

А Пауэлл все говорил и говорил, сочиняя на ходу, о будущем паранормальных способностей, о том, как однажды благодаря им удастся наладить связь между звездами, но до тех пор предстоит упорно работать. И такие люди, как Уокер, должны идти в авангарде.

Командир вошел в раж и под конец, видя, что жертва клюнула, воскликнул:

– Давай, парень! Твой дар при тебе, никуда он не делся!

Попытайся вернуть нас!

– Сейчас, сейчас! – Уокер утер нос рукавом и закрыл глаза. От натуги жилы у него на шее взбухли. Вцепившись в край койки, капитан приготовился смотреть, как разгоняется бесценный ускоритель на паранормальной тяге.

Дверь в дальнем конце каюты распахнулась и снова захлопнулась. Уокер побагровел.

Пауэлл завороженно следил за его лицом: длинный нос блестит от пота, зубы обнажились в напряженном оскале. Паранорм выкладывался без остатка.

И вдруг, обмякнув, повалился на койку.

– Не получается, – прошептал он. – Совсем.

Пауэлл хотел было заставить его попробовать еще, но четвертое правило инструкции гласило: «Излишнее давление может сломать паранорма. Если он захочет уединиться, не мешайте ему».

– Ладно, отдохни, – сказал капитан и, стараясь сохранять лицо, встал.

– Я вас всех убил, – проговорил паранорм.

Пауэлл молча вышел из каюты.

Описав широкую дугу, корабль отдался на волю притяжения Солнца. Аррильо, глуша двигатели, скорбел о потраченном топливе – теперь его действительно оставалось мало. А вот насколько мало, готовился выяснить Дэнтон.

В свободном падении «Рисковый» будто повис в открытом пространстве; казалось, он и не движется вовсе. Солнце тем временем увеличивалось в размерах. Правда, медленно. Даже чересчур медленно.

Уокер так и не вышел из каюты. Лежал на койке, проклиная себя за ошибку. Пауэлл изо всех сил старался найти выход, но ничего придумать не мог.

– Взглянем на расчеты, – сказал в рубке Дэнтон. Показав Пауэллу график, принялся водить пальцем по линиям и объяснять: – Вот наш курс, это вот скорость, а здесь пункт назначения. На этой отметке у нас закончится пища. – Точка располагалась слишком уж далеко от пункта назначения. – А вот здесь мы останемся без воды. – Вторая точка была еще дальше от финиша.

– А если ускориться? – спросил Пауэлл.

– Расстояние слишком большое, – ответил Дэнтон. – Я прикинул и так и этак – ничего не выйдет. Мы недотянули бы до конца пути, даже съев друг друга и выпив кровь.

– Хорошая новость, свинья ты циничная, – подал голос Аррильо из другого конца рубки.

– Тебе что-то не нравится? – спросил Дэнтон.

– Да, мне все не нравится. – Бортинженер оттолкнулся от стенки и в полной невесомости плавно подплыл к коллегам.

– Тогда сам предлагай выход, – парировал Дэнтон и взлетел ему навстречу.

– Эй, прекратите! – крикнул Пауэлл. – Отставить грызню, немедленно!

Бортинженер и штурман расцепились.

– Добраться бы сейчас до этого...

– Тихо! – одернул их Пауэлл, услышав шум из коридора. В рубку влетел Уокер, и капитан от души понадеялся, что паранорм не слышал перепалки.

– Милости просим, – сказал Пауэлл.

– Да-да, бери стул, присаживайся, – как можно дружелюбнее подхватил Дэнтон.

И штурман, и бортинженер сейчас с огромной радостью порвали бы Уокера на лоскуты, но инструкция предписывала им быть вежливыми и обходительными. Ребятам и так нелегко, а тут еще сюсюкайся с виновником такой переделки.

– Я хотел сказать... – начал было Уокер, но запнулся.

– Говори-говори, – подбодрил его Аррильо, явно не желая уступать в терпимости Дэнтону. – Не стесняйся, парень.

Голос его звучал вежливо, но в глазах застыл холод.

– Я хотел извиниться. Мне, правда, очень жаль, – сказал Уокер. – Я бы и не полетел с вами, да вот мистер Уэйверли настоял.

– Мы все понимаем, – заверил его Дэнтон, сжимая кулаки.

– Ничего страшного, – согласился Аррильо.

– Но вы меня ненавидите. – И Уокер вылетел в коридор.

Пауэлл набросился на подчиненных:

– Вы что, совсем себя в руках держать не умеете? Забыли третье правило: «Проявляйте сочувствие и понимание»?

– А я что, не проявлял? – огрызнулся Аррильо, и Дэнтон согласно

кивнул.

– Проявлял он… Ты бы свою рожу со стороны видел!

– Виноват, капитан, – по форме извинился Аррильо. – Просто я не умею притворяться. Если мне человек не нравится, ничего с собой поделать не могу.

Тут он зыркнул на Дэнтона – а Дэнтон на него в ответ.

– Сколько раз я вам говорил: воспринимайте Уокера как машину, – напомнил Пауэлл. – Аррильо, ты ведь со своими движками чуть не целуешься!

– Так точно, – ответил бортинженер. – Но если я не в духе, то и обругать их могу, и ногой двинуть.

Да, в этом-то и недостаток работы с разумной машиной – на ней злобу не выместишь.

– Ладно, вы, двое, ведите себя тихо, – приказал капитан.

Аррильо оттолкнулся от пола и улетел в дальний конец рубки. Взяв колоду карт, начал раскладывать пасьянс. А Пауэлл удалился на мостик, чтобы подумать в одиночестве.

За бортом мерцали звезды. Мертвое пространство открытого космоса простиралось вокруг корабля. Бесконечная могила. Восемьсот миллионов километров.

Капитан сказал себе: «Выход есть. Иначе и быть не может».

Их ускоритель на паранормальной тяге сработал на старте, так почему не действует сейчас?

«Любому, кому предстоит работать с паранормами, следует ознакомиться с представленными ниже правилами, основанными на опыте…» – вспоминал Пауэлл.

Да уж, на опыте. Этот Уэйверли еще не знает, что такое настоящий опыт работы с паранормами!

«Как и любой другой механизм, этот требует ухода и соблюдения пунктов инструкции по эксплуатации…»

Ну так ведь они и соблюдали. Как могли. Чисто теоретически Уокер не пострадал и не поврежден. Почему же хитрый паранормальный механизм у него в мозгу не работает?

В отчаянии Пауэлл хлопнул себя по бедру. Такая сила в его распоряжении, такая махина – и не фурычит! Паранорм мог бы с легкостью отправить их домой… да что там, к альфе Центавра! К центру галактики… И на тебе, не заводится.

А все потому, что астронавтам непонятно, как управлять своим новым ускорителем.

Инструкция по эксплуатации… Пауэлл – не психотерапевт, ему не вытащить Уокера из депрессии. Он может лишь успокоить команду и дать паранорму спокойно работать.

Что же он упустил?

Пауэлл еще раз перечитал инструкцию, и вдруг у него в голове забрезжила идея. Она уже почти созрела, как вдруг его окликнули:

– Капитан!

– Что тебе?! – Впервые с начала полета Пауэлл позволил себе сорваться на подчиненном. Он был так близок к решению…

Под грозным взглядом командира Дэнтон отрапортовал:

– Уокер, сэр! Он заперся в каюте и, кажется, собирается покончить с собой!

Оттолкнувшись от стены, Пауэлл стрелой вылетел с мостика и метнулся по коридору в сторону кают-компании; Дэнтон – следом. Аррильо уже барабанил в дверь и кричал.

Оттолкнув бортинженера, Пауэлл позвал паранорма:

– Уокер! Отзовись!

Тишина.

– Принесите что-нибудь, чтобы взломать дверь, – шепотом велел капитан помощникам и снова позвал: – Уокер! Не глупи, слышишь?

Изнутри донесся слабый голос:

– Я уже все решил…

– Не вздумай! Как капитан, приказываю тебе…

Он замолчал, услышав булькающие звуки и хрип.

Вернулся Аррильо с паяльной лампой. Пока они плавили замок, Пауэлл мысленно зарекся никогда больше не летать на корабле с дверьми. Если он вообще куда-нибудь еще полетит…

Наконец замок сдался, и астронавты ворвались внутрь.

Аррильо захохотал.

Несчастный депрессивный ускоритель, неуклюже дергая конечностями, парил между полом и потолком. От его шеи к потолочной подпорке тянулась веревка. Уокер, этот феерический идиот, решил повеситься в полной невесомости!

Скоро ситуация перестала забавлять космонавтов. Уокер задыхался, а им никак не удавалось ослабить петлю. Экипаж

вертелся вокруг паранорма, лихорадочно пытаясь найти точку опоры. Наконец Дэнтон додумался пережечь веревку паяльной лампой.

Один конец веревки Уокер закрепил на потолке, другой обмотал вокруг шеи. А чтобы уж наверняка удавиться, завязал конец на потолке в «констриктор»: раз затянувшись, этот узел не ослабевает. И распутать его можно, только потянув за оба конца сразу, особенным образом. На шее Уокер завязал рифовый узел, да еще так, чтобы самому до него не дотянуться. Взлетел к потолку и что было мочи оттолкнулся ногами. Узел затянулся…

В общем, паранорм чуть не умер, и только теперь команда поняла глубину его отчаяния.

– Держите его и не отпускайте, – приказал Пауэлл. Сердито глядя на багрового, кряхтящего Уокера, он пытался сообразить, как быть дальше.

Всю дорогу он нянчился с паранормом. Смазывал колесики механизма маслом сочувствия и заправлял топливом похвалы. И что получил взамен?

Драгоценный ускоритель едва не самоуничтожился!

Нет, так дело не пойдет. Если надо заставить двигатель работать – так Пауэлл его и заставит. Не станет с ним церемониться и гладить по кожуху. К черту правила Уэйверли!

– Ну все, игры закончились, – обратился капитан ко всем сразу. – По местам. Мы стартуем!

Одного сурового взгляда хватило, чтобы команда беспрекословно подчинилась. Оттолкнувшись от стенки, Пауэлл вылетел из каюты.

Уже на мостике он мысленно прочитал молитву и включил интерком.

– Дэнтон. На месте?

– Так точно, сэр.

– Аррильо?

– На месте.

– Уокер?

– На месте, сэр.

– Готовность десять секунд. Включить главный привод. – Двигатели взревели. – Прибавить мощности, выжмем из корабля

максимум.

– Так точно, капитан.

– Дэнтон, активировать вспомогательные приводы.

– Есть, сэр.

– Готовность шесть секунд. Уокер!

– Тут, сэр, – испуганно отозвался паранорм.

– Готовность четыре секунды, – предупредил Пауэлл, от души надеясь, что за такое короткое время Уокер не успеет разубедить себя в способности двигать корабль.

– Две секунды! – Хоть бы, ну хоть бы сработало. Сейчас или никогда...

Одна секунда.

– Пуск! Пошла, родимая! Уокер, действуй!

Корабль рванул вперед... но своим ходом, без ускорения Уокера.

– Молодец, Уокер, – хладнокровно сказал в микрофон Пауэлл. – Поддай еще газку.

Ходу между тем не прибавилось.

– Хорошо, хорошо, Уокер, – продолжал нахваливать паранорма капитан. – Аррильо, руби главный двигатель. Уокер, ну а дальше – ты сам.

Миг ожидания растянулся, казалось, на целую вечность. Но «Рисковый» понесся вперед. Рывок, только мягче того, что был на старте, – и звезды за бортом превратились в размытые полосы.

– Дэнтон сейчас скорректирует направление, – сказал паранорму Пауэлл. – Отличная работа, мистер Уокер.

Вот оно как получается. Правила Уэйверли работают только на Земле, ну а в космосе, под прессингом... Ладно, будет что рассказать дома.

Когда пришлось быстро и беспрекословно подчиняться приказам, паралич, внушенный Уокером самому себе, как рукой сняло. А значит, инструкции Уэйверли можно смело забыть. В космосе с паранормами работать надо по другим правилам:

«Лица, наделенные паранормальными способностями, тоже люди, и обращения заслуживают соответствующего. Сами же паранормальные способности следует воспринимать как рядовой талант и навыки определенного рода, а не проявление „инакости“».

– Сэр? – раздался из динамика голос Уокера.

– Слушаю.

– Разрешите прибавить ходу?

– Выполняйте, Уокер, – спокойным командирским голосом ответил капитан Пауэлл.

Хранитель

Он приходил в сознание медленно, понемногу начиная ощущать боль во всем теле. В животе что-то болезненно пульсировало. Он попробовал вытянуть ноги.

Ноги ничего не коснулись, и он вдруг понял, что его тело не имеет никакой опоры.

«Я мертвец, — подумал он, — свободно парящий в пространстве».

Парящий? Он открыл глаза. Да, он именно парил. Прямо над ним находился потолок... а может быть, пол? Он едва удержался от крика, моргнул — и словно прозрел, увидев наконец, что его окружает.

Было ясно, что он находится в космическом корабле. Кабина напоминала поле боя: вокруг дрейфовали ящики и приборы, явно вырванные со своих мест каким-то внезапным резким толчком. По полу тянулись обгоревшие провода. Выдвижные ящики стеллажа у стены сплавились в единый монолит.

Он озирался по сторонам и ничего не узнавал. Похоже, все это он видит впервые. Вытянув руку, он оттолкнулся от потолка и поплыл вниз. Затем, оттолкнувшись от пола, попробовал ухватиться за настенный поручень. А ухватившись, попытался собраться с мыслями.

— Всему этому, несомненно, есть логическое объяснение, — произнес он вслух, чтобы услышать собственный голос. — Осталось только вспомнить — какое.

Вспомнить...

Как его имя?

Он не знал.

— Эй! — крикнул он. — Есть здесь кто-нибудь?

В узком проходе гулко прозвучало эхо. Ответа не было.

Уворачиваясь от дрейфующих ящиков, он пролетел через кабину — и спустя уже полчаса убедился, что на корабле, кроме него, никого нет.

Он снова вернулся в нос корабля, где находился длинный пульт с установленным перед ним мягким креслом. Он пристегнулся

ремнями к креслу и принялся изучать пульт.

Над пультом помещались два экрана, большой и малый. Под

большим располагались две кнопки: «передний обзор» и «задний обзор». Под кнопками имелась откалиброванная шкала. Малый экран не имел никакой маркировки.

Не найдя других элементов управления, он нажал кнопку переднего обзора. Экран прояснился, показав черное пространство со светящимися точками звезд. Он долго изумленно разглядывал их, наконец повернулся к экрану спиной.

«Во-первых, — подумал он, — необходимо собрать воедино все, что я знаю, и посмотреть, какие из этого можно сделать выводы. Итак...»

— Я — человек, — сказал он. — Нахожусь в космическом корабле, в космосе. Мне известно, что существуют звезды и планеты. Теперь посмотрим дальше...

Его познания в астрономии оказались ничтожными, в физике и химии — и того меньше. Из английских писателей ему удалось припомнить лишь Тройдзела, популярного романиста. Он знал имена авторов некоторых исторических книг, однако начисто забыл их содержание.

А еще он знал, что название этому — амнезия.

Внезапно он испытал огромное желание увидеть себя, взглянуть на свое лицо. Тогда наверняка вернутся и память, и самосознание. Он снова поплыл по кабине, разыскивая зеркало.

Обнаружив еще один стеллаж с выдвижными ящиками, он стал поспешно открывать их один за другим, выбрасывая содержимое в невесомость. В третьем ящике он нашел бритвенный футляр с маленьким стальным зеркальцем и принялся озабоченно изучать свое отражение.

Бледное вытянутое лицо неправильной формы. Черная щетина на подбородке. Бескровные губы.

Лицо незнакомца.

Стараясь не поддаваться панике, он бросился обыскивать кабину в надежде отыскать какой-нибудь ключ к разгадке тайны собственного «я». Он торопливо хватал пролетающие мимо ящики и рылся в них, однако не находил ничего, кроме запасов съестного.

Тогда он остановился и внимательно оглядел всю кабину.

В углу плавал листок бумаги с обгоревшими краями. Он поймал его.

«Дорогой Рэн, — начиналась записка, — химики очень торопились и делали проверку пентина наспех, в последнюю минуту. Похоже, существует большая вероятность потери памяти. Она может быть вызвана сильнодействием препарата и околошоковым состоянием после того, что ты перенес, — неважно, сознаешь ты это или нет. Они поставили нас в известность только сейчас! Я наскоро пишу тебе весточку за четырнадцать минут до времени «ноль» как напоминание в том случае, если они окажутся правы.

Во-первых, не ищи никакого управления кораблем. Все автоматизировано или, по крайней мере, должно быть автоматизировано — если эта груда склеенного картона выдержит. (Не вини техников, у них практически не было времени закончить работу и отправить корабль до вспышки.) Твой курс выбирается с помощью автоматической системы планетарной селекции тютелька в тютельку.

Не думаю, что ты способен забыть теорию Маргелли, но если ты все же ее забыл, не бойся, что приземлишься у каких-нибудь восемнадцатиголовых разумных сороконожек. Ты достигнешь планеты с гуманоидной жизнью, потому что она обязательно должна быть гуманоидной.

Ты, возможно, окажешься немного побитым после старта, но пентин поможет тебе выкарабкаться. Если кабина будет в беспорядке, то лишь потому, что мы не имели времени проверить все допуски на прочность.

Теперь насчет твоей миссии. Сразу же обратись к помощи проектора номер один, что в пятнадцатом ящике. Предохранительная защита установлена на самоуничтожение после одного просмотра — убедись, что ты понял это. Миссия чрезвычайной важности, док, и каждый мужчина и женщина Земли с тобой. Не дай нам потерпеть крах».

Под текстом стояла подпись какого-то Фреда Андерсона.

Рэн — если записка предназначалась ему, то он и есть Рэн — осмотрелся в поисках пятнадцатого ящика. И сразу увидел, где тот находился. Ящики с одиннадцатого по двадцать пятый оказались искорежены и оплавлены, а их содержимое погибло.

Теперь лишь обгорелый листок бумаги связывал его с прошлым,

друзьями и всей Землей. И хотя потеря памяти все же имела место, ему стало заметно легче оттого, что этому нашлось объяснение.

Но в чем же дело? Почему корабль отправляли в такой спешке? Отчего в корабль поместили именно его? И почему его одного?

Да и эта миссия чрезвычайной важности… Если она жизненно необходима, почему ее не обезопасили лучшим образом?

В записке оказалось больше вопросов, чем ответов. Нахмурившись, Рэн снова подплыл к пульту. И опять посмотрел на экран с видом звездного неба, пытаясь понять причину.

Может, все дело в страшной болезни, а он единственный, кто не заразился? И тогда построили корабль и отправили его в космос. А миссия? Контакт с другой планетой, поиск противоядия и доставка его на Землю…

Бред.

Он снова оглядел пульт и нажал кнопку заднего обзора.

И едва не потерял сознание. Слепящий, обжигающий глаза свет заполнил все поле экрана. Он поспешно уменьшал изображение, пока наконец не уяснил, что это. И в письме упоминалась вспышка.

Теперь Рэн знал точно, что Солнце превратилось в Новую звезду, а Земля уничтожена.

Часов на корабле не оказалось, и доктор Рэн понятия не имел, сколько времени длился его полет. Потрясенный случившимся, он летал и летал по кораблю, то и дело возвращаясь к экрану.

Корабль набирал скорость, а Новая становилась все меньше и меньше.

Рэн ел и спал. Он облазил весь корабль, забирался в самые укромные уголки. На пути все время попадались плавающие в невесомости ящики, он подтягивал их к себе и осматривал содержимое.

Прошли дни — или недели?

Спустя некоторое время Рэн постарался соединить известные ему факты в единое целое. Имелись, конечно, пробелы и вопросы, к тому же, возможно, он что-то неверно понял — но начало было положено.

Итак, его выбрали, чтобы отправить в корабле в космос. Не как пилота, поскольку корабль был полностью автоматизирован, а по какой-то иной причине. В письме его назвали «док». Возможно, это

означало, что он доктор.

Вопрос: доктор чего?

Он не знал.

Создатели корабля понимали, что Солнце превращается в Новую, и, очевидно, не имели возможности спасти значительную часть населения Земли. И тогда они пожертвовали собой и всеми остальными, чтобы спасти его.

Опять вопрос: почему именно его?

На него возложена миссия чрезвычайной важности. Такой важности, что буквально все, без исключения, было подчинено ей, и даже гибель самой Земли отходила на второй план по сравнению с ее завершением.

И снова вопрос: в чем заключается эта миссия?

Доктор Рэн просто представить себе не мог что-либо столь важное. И даже не догадывался, что бы это могло быть.

Тогда он попытался подойти к проблеме с другой стороны.

Что бы он сделал в первую очередь, спрашивал он себя, если бы знал, что в ближайшее время Солнце превратится в Новую, а он имеет возможность спасти лишь ограниченное число людей?

Он послал бы несколько пар мужчин и женщин — ну хотя бы одну пару, надеясь возобновить род человеческий.

Но, очевидно, лидеры Земли не видели подобного решения проблемы.

Прошло время, сколько — неизвестно, и малый экран ожил. На нем загорелась надпись: «Планета. Контакт через 100 часов».

Рэн сел перед пультом и стал наблюдать. Он ждал долго, до тех пор, пока не изменились цифры: «Контакт через 99 часов».

Оставалась еще уйма времени. Он поел и решил навести порядок на корабле.

Устанавливая ящики в сохранившиеся ячейки стеллажей, он обнаружил тщательно упакованный и накрепко перевязанный аппарат, в котором сразу узнал проектор. На боку аппарата была выгравирована большая цифра «2».

Запасной, — сообразил Рэн, и его сердце учащенно забилось. Почему же он раньше не подумал об этом? Он приставил к глазам окуляр и нажал кнопку.

Просмотр пленки занял больше часа. Фильм начался с

поэтического обзора Земли; города, поля, леса, реки, океаны, люди, животные и многое другое было показано в коротких сюжетах. Фильм шел без звукового сопровождения.

Потом камера переключилась на обсерваторию, визуально объясняя ее назначение. Было показано, как обнаружили солнечную нестабильность; на экране появились лица астрофизиков, открывших ее.

Затем показали, как в невероятной спешке строили корабль. Рэн увидел себя: как он поднялся на борт, улыбнулся в камеру, пожал чью-то руку и исчез внутри корабля. Здесь фильм заканчивался. После этого ему сделали инъекцию, задраили дверь и отправили корабль в полет.

Начался другой ролик.

«Привет, Рэн, — раздался голос. Появилось изображение крупного спокойного мужчины в костюме. Он прямо с экрана смотрел на Рэна. — Не могу упустить возможности снова поговорить с тобой, доктор Эллис. Сейчас ты в глубоком космосе и несомненно уже видел Новую, уничтожившую Землю. Должен сказать, что ты остался один.

Но долго ты не будешь одиноким, Рэн. Как полномочный представитель народа Земли, я воспользовался последней возможностью пожелать тебе удачи в твоей великой миссии. Я не должен повторять, что все мы с тобой. Не чувствуй себя одиноким.

Ты, конечно, видел фильм в проекторе номер один и имеешь полное представление о своей миссии. Эта часть пленки — с моим изображением — будет автоматически уничтожена в нужный момент. Естественно, пока мы не можем посвятить неземлян в нашу маленькую тайну.

Они и сами вскоре узнают. Ты можешь объяснить им всем, что останется на пленке. Таким образом ты расположишь их к себе. Только не упоминай о нашем величайшем открытии и технологии его применения. Если они захотят иметь сверхсветовой двигатель, скажи, что не знаешь принципа его действия, поскольку он был изобретен лишь за год до превращения Солнца в Новую. Объясни им, что любое вмешательство в конструкцию корабля приведет к разрушению двигателей.

Счастливо, доктор. И удачной охоты».

Лицо исчезло, и аппарат загудел сильнее, уничтожая запись последнего ролика.

Рэн аккуратно упаковал проектор, уложил его в ящик, ящик установил на стеллаж и вернулся к пульту.

Надпись на экране сообщала: «Контакт через 97 часов».

Он уселся в кресло и попытался систематизировать факты с учетом новых данных. Ему пришлось поднапрячься, прежде чем он вспомнил — правда, весьма смутно — великую и миролюбивую цивилизацию Земли, которая была почти готова отправиться к звездам, когда обнаружили нестабильность Солнца.

Сверхсветовую скорость открыли слишком поздно. Несмотря на все это, Рэна решили послать в космос на спасательном корабле. Только его — по какой-то необъяснимой причине. Видимо, порученное ему дело считалось куда более важным, чем любые попытки спасти человеческую расу в целом.

Он должен войти в контакт с разумной жизнью и поведать им о Земле. В то же время ему следует воздерживаться от любого упоминания о величайшем открытии и полученной в результате технологии.

Кем бы они ни были.

А затем он должен исполнить свою миссию. Он чувствовал, что вот-вот сорвется. Он не мог вспомнить... Ну почему эти дураки не выгравировали инструкцию на бронзе?

В чем же может состоять его миссия?

И снова надпись на экране: «Контакт через 96 часов».

Доктор Рэн Эллис вжался в кресло пилота и заплакал: планам Земли не суждено сбыться.

Приборы огромного корабля сделали необходимые измерения, определили пробы и доложили обстановку. Малый экран ожил: «Хлорсодержащая атмосфера. Жизнь отсутствует».

Информация была передана в корабельные селекторы. Одни цепи замкнулись, другие разомкнулись — и вот избран новый курс, и корабль снова начал разгон.

Доктор Эллис ел, спал и размышлял.

Подлетели еще к одной планете. Она тоже так же изучена и отвергнута.

Продолжая размышлять, доктор Эллис сделал одно не слишком

значительное открытие.

Оказывается, он обладал фотографической памятью. Он обнаружил это, вспоминая фильм. Он мог восстановить в памяти любой эпизод длившейся больше часа ленты, каждое лицо, каждое движение.

Он поэкспериментировал над собой и понял, что данная способность постоянна. Поначалу это немного беспокоило его, пока он не догадался, что, видимо, сей фактор и сыграл роль при отборе. Фотографическая память давала полное преимущество в изучении нового языка.

«Вот уж ирония судьбы, — подумал он. — Великолепная память при полном ее отсутствии».

И третья планета была отвергнута.

В попытках разгадать суть своей миссии Эллис рассматривал самые разнообразные варианты, которые только приходили в голову.

Сооружение гробницы Земле? Возможно. Но к чему же тогда крайняя необходимость, подчеркнутая важность?

А возможно, он послан в качестве учителя. Последний благородный жест Земли, дабы наставить некоторые обитаемые планеты на путь мира и согласия.

Но при чем здесь доктор, для такой-то работы? Да это и не логично. На подобную науку у людей уходят тысячелетия, а не несколько лет. И кроме того, данное предположение вовсе не соответствует характеру двух посланий. Оба: и тот, что в фильме, и написавший записку — казались весьма практичными людьми и не вписывались в образ альтруистов.

Вот и четвертая планета, попавшаяся на пути, была проверена и отвергнута.

«И что, — размышлял доктор Эллис, — считалось «великим открытием»? Если не сверхсветовая скорость — то что? Скорее всего, какое-нибудь философское знание. Путь, которым человечество может прийти к миру и жить в нем, или нечто вроде этого?»

Но тогда почему ему не полагалось о нем упоминать?

На экране появились данные о содержании кислорода на пятой планете. Поначалу Эллис проигнорировал данное сообщение, но вдруг заметил, что в глубине корпуса корабля загудели генераторы.

На экране высветилась надпись: «Приготовиться к посадке».

Сердце Эллиса сжалось, и ему на миг стало трудно дышать.

Вот оно. Страх рос по мере увеличения гравитации. Он старался перебороть этот ужас, но безуспешно. И когда корабль пошел на снижение и ремни ощутимо врезались в тело, он закричал.

На большом экране появилось изображение зелено-голубой кислородсодержащей планеты.

И тут Эллис вспомнил: «Резкий выход из глубокого космоса в планетарную систему подобен родовому шоку».

«Обычная реакция, — сказал он себе, — любой психиатр легко установит над ней контроль».

Психиатр!

Доктор Рэндольф Эллис. Психиатр. Теперь он знал, что он за доктор. Он напрягал всю свою память в поисках дополнительной информации. Безрезультатно.

Зачем Земля отправила в космос психиатра?

Доктор Эллис потерял сознание, когда корабль с пронзительным воем вошел в атмосферу.

Его обнаружили сразу же после приземления. Расстегнув ремни, Эллис включил обзорные экраны. К кораблю неслись какие-то машины, битком набитые существами.

На первый взгляд, человекоподобными. Пришло время принимать решение, от которого будет зависеть вся его жизнь на этой планете. Что он должен делать?

Немного подумав, Эллис решил импровизировать. Тем более что, пока он не выучит язык, никакое общение невозможно.

А уж после он может сказать, что послан с Земли, чтобы... чтобы...

Что?

Придет время, и он придумает — что. Взглянув на выведенную на экран информацию, Эллис обнаружил, что воздух планеты пригоден для дыхания.

Открылся шлюз, и доктор Рэндольф Эллис вышел наружу.

Корабль произвел посадку на континент, называемый Крелд; тамошние жители звались крелданами. В политическом отношении планета достигла стадии единого мирового правительства, но так недавно, что ее обитателей пока еще разделяли по прежним

политическим системам.

Благодаря фотографической памяти, у Эллиса не возникло трудностей при изучении крелданского языка, основу которого составляли ключевые слова. Крелдане, по-видимому происходившие, от схожего с человеком корня, казались не более необычными, чем иные, представители его собственной расы. Эллис не сомневался, что это было предусмотрено создателями корабля, системы которого не воспринимали других разумных существ. Чем больше он размышлял об этом, тем быстрее росла эта уверенность.

Эллис учился, изучал и думал. Как только он достаточно овладеет языком, ему предстоит встреча с правящим Советом. Именно этой встречи он боялся и оттягивал ее, как мог. Но время аудиенции все-таки настало.

Его провели через залы здания Совета, и он оказался у двери главного зала заседаний. Эллис вошел, держа под мышкой проектор.

— Добро пожаловать, — сказал ему председатель Совета.

Эллис поздоровался и представил свои фильмы. После того как их посмотрели все, обсуждение началось.

— Значит, вы — последний представитель своей расы? — спросил председатель.

Эллис кивнул, глядя прямо в дружелюбное, изборожденное морщинами, старческое лицо.

— Почему ваш народ послал именно вас? — поинтересовался один из членов Совета. — Почему не послали двоих: мужчину и женщину?

«Именно этот вопрос, — подумал Эллис, — я постоянно задаю себе сам».

— Я не могу объяснить психологию моей расы в нескольких словах, — ответил им он. — Ответ — в самом смысле нашего существования.

«Ложь», — подумал он про себя. Однако как еще он должен был ответить?

— И все же вам придется объяснить нам психологию своей расы, — заявил член Совета.

Эллис кивнул, глядя поверх голов членов Совета. Он понимал, какой эффект произвел на них прекрасно подготовленный фильм.

Они должны быть счастливы, что имеют дело с последним представителем такой великой расы.

— Мы очень заинтересованы вашими достижениями в области сверхсветовых скоростей, — сказал еще один член Совета. — Вы сможете нам помочь овладеть этим знанием?

— Боюсь, что нет, — ответил Эллис. Он уже выяснил, что их уровень технологии предшествовал атомной и отставал от земной на несколько столетий. — Я не ученый и не знаю ни конструкции, ни принципа действия подобного двигателя. Это была наша последняя разработка.

— Мы и сами сможем разобраться с ним, — заявил член Совета.

— Не уверен в мудрости подобного решения, — ответил Эллис. — Мой народ не считал благоразумным предоставлять вашей планете технологическую продукцию, превосходящую имеющийся уровень технических достижений. При постороннем вмешательстве двигатели переключатся на режим самоуничтожения.

— Вы сказали, что вы не ученый, — вежливо сменил тему разговора пожилой председатель. — Тогда позвольте узнать, кто вы?

— Психиатр, — ответил Эллис.

Беседа продолжалась несколько часов. Эллис увиливал, хитрил и выдумывал, пытаясь скрыть пробелы своей памяти. Совет хотел знать обо всех периодах жизни Земли, об уровне развития психологии и общества. Их поразила земная методика исследования преднового состояния звезды. Они хотели знать, с какой целью послали именно его. И наконец, будучи обречена, не имела ли его раса склонности к самоубийству.

— Мы еще о многом побеседуем с вами, — сказал председатель Совета, заканчивая заседание.

— Буду счастлив рассказать все, что знаю, — ответил Эллис.

— Похоже, этого будет не так уж много, — заметил один из членов Совета.

— Элгг, не забывайте, что этот человек испытал огромное потрясение, проговорил председатель. — Вся его раса уничтожена. И я не уверен, что мы способны помочь ему оправиться. — Он повернулся к Эллису. — Вы, уважаемый, оказали нам неизмеримую помощь. Например, теперь мы знаем о возможности управлять энергией атома и можем вести целенаправленные исследования в

данной области. Конечно, правительство должным образом оценит вашу помощь. Чем бы вы хотели заняться?

Эллис задумался.

— Не хотели бы вы возглавить проект музея-мемориала Земли? Монумента вашему великому народу?

«В том ли моя миссия?» — подумал Эллис и отрицательно покачал головой.

— Я врач, уважаемый. Психиатр. Не мог бы я оказаться полезным в этом качестве?

— Но ведь вы не знаете нашего народа, — заботливо проговорил председатель. — У вас уйдет вся жизнь на изучение природы наших трудностей и проблем до уровня, дающего право на практику.

— Верно, — согласился Эллис. — Но наши расы очень похожи. И развитие наших цивилизаций шло сходными путями. Поскольку я представляю более развитые психологические традиции, мои методики могут оказаться полезными для ваших врачей.

— Конечно-конечно, доктор Эллис. Я не смею ошибиться, недооценив представителя вида, совершившего межпланетный перелет. — Пожилой председатель печально улыбнулся. — Я лично представлю вас руководителю одной из наших клиник. — Председатель поднялся с места. — Пойдемте со мной.

С бьющимся сердцем Эллис последовал за ним. Его миссия должна быть каким-то образом связана с психиатрией. Иначе зачем же послали именно психиатра? Но он до сих пор не имел понятия, что ему следовало делать. И что самое скверное — он практически ничего не мог вспомнить из того, что называлось профессиональным знанием.

— Думаю, это забота тестирующей аппаратуры, — заявил врач, глядя на Эллиса поверх очков. Врач был молод, круглолиц и горел желанием учиться у старшей земной цивилизации. — Вы можете предложить какие-то усовершенствования?

— Мне нужно более подробно ознакомиться с установкой, — ответил Эллис, следуя за врачом по длинному бледно-голубому коридору.

Тестирующая аппаратура поражала абсолютной бессмысленностью.

— Мне даже не стоит говорить, как я рад этой возможности, —

сказал врач. Я нисколько не сомневаюсь, что вы, земляне, раскрыли многие тайны мозга.

— О да, — согласился Эллис.

— А там, внизу, у нас палаты, — сообщил врач. — Хотите посмотреть?

— Отличная мысль.

Сердито теребя губу, Эллис шел за врачом. Память не возвращалась. В настоящий момент его познания в психиатрии были не больше, чем у рядового обывателя. Если вскоре ничего не произойдет, он будет вынужден признаться, что у него амнезия.

— В этой палате, — сказал врач, — мы содержим несколько тихих больных.

Эллис зашел за ним в палату и взглянул в пустые бессмысленные лица троих пациентов.

— Кататоник, — пояснил врач, указывая на первого. — Не думаю, что вы лечите таких. — И непринужденно улыбнулся.

Эллис не ответил. Ему вдруг вспомнилось...

«Разве это этично?» — спросил доктор Эллис, но не здесь, а в похожей палате на Земле.

«Конечно, — ответил кто-то. — Мы же не трогаем нормальных. Но идиоты, абсолютно безнадежные психи, которые никогда не смогут воспользоваться своим разумом, — совсем другое дело. Не следует считать, что мы их обворовываем. Это, скорее, милосердие...»

Вот и все, больше ничего Эллис не помнил, даже с кем он разговаривал. С другим врачом, наверное. Они обсуждали какой-то новый метод работы с душевнобольными. Новый метод лечения? Возможно. Причем сильнодействующий, судя по удовлетворению говорившего.

— Вы нашли способ лечения подобных случаев? — спросил луноликий врач.

— Да, конечно, — ответил Эллис, унимая нервную дрожь в руках.

Врач отступил на шаг и уставился на Эллиса.

— Но это невозможно! Вы не можете исправить мозг, имеющий органические нарушения, износ или явный недостаток развития...

Эллис едва сдержался.

— Слушайте меня, я вам правду говорю, доктор.

Эллис посмотрел на больного, лежащего на первой кровати.

— Пришлите ко мне ассистентов, доктор.

Врач поколебался немного — и быстро вышел из палаты.

Склонившись над кататоником, Эллис взглянул ему прямо в глаза. Он не был уверен в том, что делает, но все же протянул руку и коснулся лба больного.

В мозгу Эллиса что-то щелкнуло, и кататоник мгновенно потерял сознание. Эллис подождал, однако больше ничего не происходило. Тогда он подошел к другому больному и повторил процедуру.

Этот тоже потерял сознание. То же самое случилось и с третьим.

Врач вернулся с двумя помощниками и вытаращил от удивления глаза.

— Что произошло? — спросил он. — Что вы с ними сделали?

— Не знаю, воздействуют ли наши методы на ваших людей, — резко ответил Эллис. — Пожалуйста, оставьте меня ненадолго одного, совсем одного. Мне необходимо сосредоточиться...

И отвернулся от больных.

Врач хотел что-то сказать, но передумал и тихо вышел из палаты вместе с ассистентами.

От волнения Эллиса прошиб пот. Он прощупал пульс у первого больного. Есть. Эллис принялся расхаживать по палате.

Он явно обладал какой-то силой. Он способен наносить удар по всей психической поверхности. Отлично. Итак, нервы — соединения. Сколько же нервных связей в мозгу человека? Какая-то невероятная цифра, десять в двадцать пятой степени. Нет, кажется, неверно. Но все равно цифра фантастическая.

Что это значит? А это значит, что он уверен в себе.

Первый больной застонал и сел. Эллис подошел к нему. Человек поднял голову и снова застонал. Возможно, Земля нашла ответ — безумие. И в качестве последнего дара Вселенной его послали, чтобы исцелять...

— Как вы себя чувствуете? — спросил он у пациента.

— Неплохо, — ответил тот... по-английски!

— Что вы сказали?

От удивления у Эллиса перехватило дыхание. Он решил, что произошла мыслепередача. Передал ли он больному знание

английского? Посмотрим, не переключение ли это нагрузки, от поврежденных нервных связей, к незадействованным...

— Я чувствую себя отлично, док. Классная работа. Мы были не совсем уверены, что эта обмотанная проволокой картонка, именуемая кораблем, выдержит и не распадется на части, но, как я тебе уже говорил, это было лучшее, что мы могли сделать при данных...

— Кто вы?

Больной встал с кровати и посмотрел по сторонам.

— Все аборигены ушли?

— Да.

— Я — Хайнс. Землянин. Что с тобой, Эллис?

— А эти двое...

— Доктор Клайтель.

— Фред Андерсон.

Назвавшийся Хайнсом внимательно осмотрел свое тело.

— Мог бы подыскать мне носителя получше, Эллис. По старой дружбе. Впрочем, неважно. Что случилось, дружище?

Эллис рассказал про потерю памяти.

— Память мы тебе вернем, не волнуйся, — заявил Хайнс. — Великолепное ощущение — снова иметь тело. Владеть им.

Тут открылась дверь, и в комнату заглянул молодой врач. Увидев пациентов, он не смог сдержать удивления.

— Вы сделали это! Вы способны...

— Доктор, пожалуйста, — оборвал его Эллис. — Не надо шуметь. Должен попросить не тревожить нас хотя бы час.

— Конечно-конечно, — с уважением произнес врач и закрыл за собой дверь.

— Как это оказалось возможным? — спросил Эллис, глядя на троих пациентов. — Я не понимаю...

— Великое открытие, — пояснил Хайнс. — Неужели не помнишь? Ты работал над ним. Нет? Андерсон, объясни.

К Эллису очень медленно подошел третий пациент. Тут Эллис заметил, что прежде ничего не выражавшие лица больных начали приобретать осмысленные выражения.

— Разве не помнишь, Эллис, исследования личностных факторов?

Эллис отрицательно помотал головой.

— Ты искал наименьший общий знаменатель человеческой жизни и личности. Источник оных, если желаешь. А исследования начались почти век назад, когда Оргель обнаружил, что личность не зависит от тела, хотя тело и оказывает определенное воздействие на нее. Теперь вспомнил?

— Нет. Продолжай.

— Проще говоря, ты и еще тридцать человек из вашей группы выяснили, что минимальная, бесконечно малая частица личности является независимой и нематериальной субстанцией. Ты назвал ее М-молекулой. И она представляет собой ментальную модель.

— Ментальную?

— То есть нематериальную, — пояснил Андерсон. — И может быть передана от одного носителя к другому.

— Как вещь, — пробормотал Эллис.

Заметив в дальнем углу палаты зеркало, Андерсон решил изучить свое новое лицо. Увидев отражение, он вздрогнул и вытер с губ слюну.

— Древние мифы об обиталище духа не так уж далеки от истины, — заметил доктор Клайгель. Из всех троих он оказался единственным, кто носил новое тело с непринужденностью. — Всегда находились люди, обладающие способностью отделять свои души от тел. Астральная проекция и тому подобное. Однако до недавнего времени не представлялось возможным локализовать личность, пока не была использована процедура инвариантного разделения и ресинтезирования.

— То есть это означает, что вы бессмертны? — спросил Эллис.

— Ну нет, — заявил Андерсон, снова подходя к Эллису. Он корчил гримасы, пытаясь удержать непроизвольное слюновыделение своего носителя. — Личность тоже имеет ограниченное время жизни. Оно, конечно, больше срока службы тела, но пока еще ограничено.

Ему наконец удалось унять слюну.

— Однако личность может сохраняться в бездействии неопределенно долгое время.

— А существует ли лучшее место для хранения нематериальной молекулы, чем твой собственный мозг? — вставил Хайнс. — Твои

нервные соединения дали приют всем нам, Эллис. Словно множество комнат. Ведь количество связей в человеческом мозгу измеряется десятью в...

— Я помню, — сказал Эллис. — И начинаю понимать.

Теперь он знал, почему выбрали его. Для такой работы необходим именно психиатр, имеющий доступ к носителям. И готовили его особым способом. Ну и, конечно, крелданам не полагалось знать о миссии и о М-молекуле. Они могли бы весьма недружелюбно отнестись к своим собратьям, хоть и душевнобольным, узнай они о том, что их телами обладают земляне.

— Смотрите-ка! — воскликнул Хайнс. Он, как зачарованный, глядел на загнутые назад пальцы. Хайнс обнаружил, что его носитель обладает вдвойне большим по сравнению с человеческой рукой количеством суставов. Остальные двое изучали свои тела примерно так, как человек — лошадь. Они загибали руки, напрягали мышцы, пробовали ходить.

— Но, — произнес Эллис, — как раса будет... я имею в виду женщин.

— Надо заполучить побольше носителей обоих полов, — пояснил Хайнс, все еще пробуя согнуть пальцы. — Ты станешь величайшим врачом этой планеты, и всех душевнобольных начнут направлять только к тебе. Естественно, мы все будем хранить в тайне. Никто не проболтается раньше времени. — Он замолчал и усмехнулся. — Эллис, ты понимаешь, что это означает? Земля не погибла! Она будет жить снова!

Доктор Эллис кивнул. И все же ему было трудно отождествить крупного вежливого Хайнса из фильма со стоявшим перед ним визгливым пугалом. Нужно время, чтобы привыкнуть.

— Пора приниматься за дело, — заявил Андерсон. — После того как ты обслужишь всех дефективных на этой планете, мы перезаправим корабль и снова отправим тебя.

— Куда? — спросил Эллис. — На другую планету?

— Конечно. Здесь едва наберется около нескольких миллионов носителей, поскольку нормальных людей мы не трогаем.

— Только? Так сколько же людей во мне хранится?

Из холла послышались голоса.

— Ты действительно сундук, — ухмыляясь, проговорил Хайнс. —

Быстро по койкам, парни, — я, кажется, слышу голос врача. Сколько, спрашиваешь? Население Земли насчитывало порядка четырех миллиардов. И все в тебе.

Мы одиноки

Садились бы они на Земле или на любой из планет Солнечной системы, Маглио направил бы судно вниз отработанным движением, легко и непринужденно. Но поскольку они были далеко, в огромной неизученной галактике, где-то возле Альтаира, он сжимал рукоятку тяги до боли в пальцах, готовый мгновенно поддать мощности, если что-то пойдет не так. Что-то... но что?

На худом лице пилота блестели капельки пота. В его памяти всплывали байки космонавтов, над которыми он когда-то посмеивался, – о планетах-миражах, где посадочные дистанции предательски обманчивы, о живых планетах, о планетах смерти. И его ничуть не успокаивало, что ни одна из этих диковин так и не была открыта. Ведь их корабль первым вышел в межзвездное пространство. Но именно их корабль мог столкнуться с любой из этих опасностей, и мысль об этом не давала покоя.

Навигатор Зальцман пытался осуществить неисполнимый трюк: одним глазом считывал показания шести приборов, вторым же старался рассмотреть несущуюся навстречу красную планету. При этом он сжимал ручку вспомогательной тяги – на тот случай, если что-то произойдет с главным двигателем. Или с Маглио. Будь у него третий глаз, он еще следил бы и за бортинженером Оливером.

Оливер в ожидании вероятного нападения противника сидел за большой атомной пушкой. Сняв ее со всех предохранителей, он наставил пушку в центр планеты. Его палец напружинился на спусковом крючке. За последние дни он почти убедил себя в том, что по ту сторону планеты, за ее краем, их подкарауливает космический флот инопланетян. А может, взять, да и пальнуть, просто чтоб неповадно было?

Когда они подлетели ближе, Зальцман смог различить раздвигающиеся контуры суши. На лице планеты проступили красные, розовые и фиолетовые леса. Корабль с ревом пронизывал все более плотные слои атмосферы. Разбросанные по лесам черные точки увеличивались, превращаясь в города и поселки. Зальцман наспех отметил расположение населенных пунктов – он был слишком занят приборами, чтобы четко отпечатать в памяти все подробности местности.

Капля пота закатилась в правый глаз Маглио, но он не решался ни протереть его, ни даже моргнуть. Поверхность планеты приближалась, раздвигаясь во все стороны. А вдруг она распахнется гигантским ртом, как любили подшучивать на базе Плутона? Или случится что-нибудь похлеще? Маглио сильнее сдавил рукоятку тяги в ожидании какого-нибудь подвоха.

Корабль ревел, рассекая воздух и постепенно теряя скорость…

…Но в конечном итоге снижение прошло без происшествий. Маглио взял себя в руки, высмотрел свободный участок и элегантным маневром посадил корабль. Оливер в конце концов поборол страхи и поставил орудие на предохранители. Зальцман поднял дрожащую руку и внимательно рассматривал отпечаток ручки управления на ладони.

Все было в порядке. Ни оравы нападающих инопланетян, ни чудовищ – по крайней мере, пока. Ни двадцатиметровых драконов, ни зеленоглазых упырей. Только красный лес – немного подпаленный там, где корабль прошел над верхушками деревьев, но все еще мирный.

После мгновения тишины космонавты бросились хлопать друг друга по спине, загомонили от избытка чувств, от того, что тревоги остались позади. Зальцман подхватил невысокого Маглио, широко улыбнулся ему и перебросил к Оливеру. Бортинженер крякнул,

поймав Маглио, и на мгновение растерялся. Потом решил, что его достоинство унижено до конца полета, и перебросил пилота обратно Зальцману.

– Эй, обезьяны, полегче, – возмутился Маглио, вырываясь из объятий и приглаживая волосы, – или я сдам вас юфангам.

Зальцман улыбнулся и снова взлохматил пилоту волосы. Он знал о юфангах все. Семейство черно-оранжевых летающих рептилий с плавниками для подводной охоты, питающихся исключительно человеческими глазами.

Юфанги – характерный пример мифотворчества, составной части сложной истории освоения космоса. Первые люди на Марсе были разочарованы, не встретив разумной жизни, поэтому сочинили истории о вистиях и сербенах. Они пугали взрослых людей детскими страшилками о неведомых опасностях, таящихся на юпитерианских лунах. Первопроходцы Юпитера тоже не встретили разумной жизни – ни монстроидной, ни гуманоидной, поэтому пополнили галерею чудовищ глазоядными юфангами, поселив их на Сатурне.

Теперь, когда Солнечная система изучена вдоль и поперек – пусть и остается местом первозданным и пустынным, – чудовища, по общему мнению, переместились в дальний космос. Согласно поверьям, они могут скрываться где угодно, готовые в любой момент наброситься, на космонавта, стоит только, зазеваться.

Зальцман задавался вопросом, насколько сильно Маглио верит в эти сказки. Пилот носил на запястье маленький амулет для отпугивания чужаков. Или – в продолжение вопроса – насколько сильно Оливер верит в то, что полчища агрессивных инопланетян только и ждут, чтобы разнести их корабль в щепки?

Или – насколько сильно во все это верит он сам? Зальцман понимал, что у него нет иммунитета к страху, хотя и сознавал, что суть всех пугающих историй сводится к одному: где-то там, сразу за границей исследованного пространства, существует разумная жизнь. Встретить братьев по разуму – давняя мечта Земли. И не важно, какими они окажутся. Лишь бы только знать, что в бесконечности космоса мы не одиноки.

Они приземлились ранним утром и к полудню были готовы отправиться на разведку. Зальцман и Оливер отбирали последние

пробы воздуха, а Маглио листал книгу комиксов, которую тайно пронес на борт.

– Все в порядке, – сообщил Зальцман, втискиваясь в рубку управления. – Воздух пригоден для дыхания. По составу очень близок к земному. Из местных никто не объявлялся?

Маглио покачал головой. На фронтальной панели обзора – никаких признаков любопытных туземцев.

– Ну тогда навестим их сами. Полная защита, бластеры, дыхательные аппараты и радиопередатчики.

– С кем это ты собрался говорить по радио? – поинтересовался Маглио и тут же воскликнул: – Ну уж нет!

– Да, – улыбнулся Зальцман, распаковывая бластер. – Будешь нас подстраховывать.

– Нет, – обиделся Маглио. – Я хочу в разведку. Я ведь тоже герой, ясно?

– Нет, – отрезал Зальцман, заканчивая спор. – Я возьму тебя завтра утром, если все пройдет хорошо. Но сегодня главное – безопасность.

Зальцман и Оливер выбрались через люк и спустились по изогнутой лестнице на боку корабля. Оливер сошел первым. Он осторожно коснулся ногой земли, словно опасался, что она вот-вот разверзнется, даже несмотря на то, что корабль стоял на ней вполне устойчиво.

Спустившись на землю, космонавты помахали Маглио и направились к лесу. Они дышали чужим воздухом, их лица были открыты, а тело защищали почти невесомые, но непроницаемые для излучения скафандры.

– Я поведу, – сказал Зальцман Оливеру, когда они подошли к лесу. Бортинженер то и дело нервно касался оружия. Вспомнив, как местность выглядела сверху, Зальцман прикинул направление, ведущее к ближайшему городу.

Шагая по лесу, космонавты были готовы к любому повороту событий. Оливер держал руку на бластере, готовый отстреливаться от толпы дикарей, которая вот-вот выскочит из-за деревьев. Живое воображение Зальцмана рисовало иные картины: опасности, падающие с неба, вздымающиеся из-под земли, материализующиеся прямо из воздуха и возникающие десятком

других способов – как одновременно, так и по очереди.

Ветер шелестел в красных кронах деревьев. Но больше ничего не происходило.

Город оказался небольшим поселением, больше похожим на деревню, к тому же очень тихую. Широкие мощеные улицы пустынны. Ни животное не выскочит из-за угла, ни птица не пролетит над головой. С оружием наготове космонавты обследовали один из домов. Постройка из белого камня и розового дерева свидетельствовала о мастерстве строителей. Внутри дома обнаружились столы, стулья, диваны, шкафы…

– Они наверняка люди! – воскликнул Оливер, впечатленный формой мебели. Он хотел было присесть на стул, но подскочил как ужаленный. – А вдруг это ловушка, – пробормотал он, подозрительно глядя на стул.

– Логичнее было бы заминировать дверь, – заметил Зальцман, опускаясь на стул. Стул не взорвался, и Оливер облегченно вздохнул. – А размер-то у мебели подходящий.

Внезапно и безотчетно он почувствовал себя ребенком из сказки про трех медведей: уселся на стул медвежонка – а стул как раз впору. Он расхохотался, не став ничего объяснять Оливеру. Бортинженер – человек без воображения, еще решит, что навигатор сошел с ума.

Через арочный проем они переместились в другую комнату. Там висели картины, изображающие людей!

– Ну вот! – вскричал Оливер. – Они точно люди! – И от души хлопнул Зальцмана по спине, отчего тот чуть не клюнул носом в стену.

– Ну и какого беса они не дома? – спросил Зальцман, переходя от картины к картине. На них были изображены мужчины и женщины, светло-, темно– и рыжеволосые. С виду похожие на людей, хоть и чересчур бледные, даже бесплотные. Впрочем, это могла быть манера художника.

Космонавты заглянули в другие комнаты, мало обращая внимания на обстановку. Одежда, вазы, принадлежности для письма – все это интересно, но позже. Сейчас главное – найти людей.

В задней части дома обнаружилась кухня. Еда была еще теплая. В плите тлели дрова.

– Они явно уходили в спешке, – констатировал Зальцман.

Земляне бегло осмотрели еще пять домов, но везде было одно и то же. В некоторых домах – больше беспорядка. Разбросанная одежда, обувь посреди комнат. В двух домах – опрокинутая на пол еда.

– Они не просто спешили, – сказал Оливер уже на улице. – Они убегали в панике.

– Похоже на то, – согласился Зальцман. Он откинул капюшон и почесал лысеющую макушку, не зная, что делать дальше. Напутственные инструкции носили самый общий характер. Обследовать в секторе назначения звезды класса G-76, искать планеты земного типа. При обнаружении обитаемых – по возможности установить контакт, если туземцы не проявят враждебности.

Зальцман не знал, являлось ли поведение, с которым они столкнулись, проявлением враждебности. Он медленно шел по улице, гадая, куда подевались все жители. Оливер вышагивал позади.

– Мне кажется, они спрятались от нас, – сказал Оливер, словно отвечая на мысли навигатора.

– Может, и так. Эти люди не дикари, но и не факт, что высокоразвиты. Кто знает, что они подумали, увидев в небе огненный шар? Возможно, что к ним пожаловал дьявол.

– Дьявол – это чисто земное, – возразил Оливер. – Откуда мы знаем, какие у них суеверия?

– Не знаем. Однако строение тела у них такое же, как у нас, а значит, и нервная система должна быть похожа. Аналогичные изобретения предполагают идентичный склад ума. Я знаю, что утверждение спорное, но я приму его в качестве рабочей гипотезы, пока не придумаю что-нибудь получше.

– Интересно, почему они не оставили арьергард? – задумчиво спросил Оливер. – И не устроили что-то вроде засады? Просто ушли, бросив дома… Ну и что будем делать?

– Пойдем по следу, – решил Зальцман, поразмыслив. – Покажемся им, пусть посмотрят на нас. Объяснимся мирными жестами. Попытаемся завязать разговор.

Оливер кивнул, и они направились к выходу из деревни.

Утоптанная трава и поломанные кусты подлеска указывали

направление исхода селян. Следовать за беглецами не составляло труда: по лесу как будто бульдозер проехал. В пути Зальцман вызвал Маглио и коротко описал обстановку.

– Если поймаете миниатюрную блондинку, – протрещал в наушниках голос Маглио, – забросьте на плечо и доставьте ко мне. Но если это племя шестиметровых сербенов, имейте в виду, я вас предупреждал!

– Ладно, – усмехнулся Зальцман и отключился.

Пока они шли по лесу, что-то зудело в голове у Зальцмана, не давая покоя. Он озирался на высокие безмолвные деревья, едва заметно покачивающие красными ветвями. Вроде бы ничего подозрительного. Но беспокойство не проходило и не поддавалось анализу.

Он посмотрел на Оливера. Массивный бортинженер тяжело шагал рядом, раскидывая ботинками землю. Зальцман никак не мог разобраться, что его беспокоит, – и вдруг его озарило.

– Не замечаешь ничего странного? – спросил он Оливера.

– Что именно? – Оливер машинально положил руку на бластер.

– Ни птиц. Ни зверей. Вообще никого.

– Возможно, эти формы жизни здесь не развились, – сказал Оливер после раздумий.

– Должны были. Не может быть, чтобы эволюция породила только растительность и людей. Природа не настолько избирательна.

– Значит, они попрятались. Такие же робкие, как туземцы.

Зальцман кивнул, хотя уверенности у него не было. Уж слишком тихо в лесу. Словно затишье перед грозой. Снова разыгралось воображение, сплетая гротескные, но вполне правдоподобные объяснения происходящего. Возможно, лес – это огромное существо, а люди и животные – его симбионты.

«Чепуха, – сказал он себе. – Зачем тогда строить дома?»

Потея в пластиковых скафандрах, космонавты шли по следу жителей деревни. Через час лес кончился, и они попали в небольшую долину. Вскоре долина сузилась и превратилась в тропу, которая, постоянно петляя, повела их вверх между невысоких гор. Космонавты запыхались, но упорно двигались вперед, пока после очередного поворота не уперлись в преграду. Баррикада, сложенная

из ветвей и камней, уходила вверх метров на семь. По бокам ее подпирали огромные гладкие валуны.

– Может, подорвем? – предложил Оливер.

– Не знаю. – Зальцман похлопал ближайший валун и посмотрел на солнце. Оно висело над самым горизонтом, по красной земле протянулись длинные тени. – Уже поздно. – Он включил радиопередатчик. – Маглио?

– Слушаю.

– Выводи скутер и забирай нас. Блондинок сегодня не предвидится. – Он отключил связь и повернулся к Оливеру. – Завтра наведаемся в другую деревню. Не думаю, что найти кого-нибудь из местных – такая уж трудная задача.

Через пять дней оптимизма у Зальцмана значительно поубавилось. На исследовательском ракетоплане они облетели все города и деревни в радиусе восьмидесяти километров – общим числом двенадцать. И везде ситуация повторялась. Пустынные улицы, пустые дома – и огонь в очагах. Туземцы засекали землян за несколько минут до их прилета. С высоты космонавты успевали заметить намеки на человеческие фигуры, ныряющие под защиту красного леса. Но когда они приземлялись, от туземцев не оставалось и следа.

На четвертый день они вновь посетили первую деревню и нашли очевидные признаки того, что жители в нее возвращались. Но туземцам снова удалось засечь приближение землян и сбежать за полчаса до их прилета.

Остаток четвертого дня космонавты потратили на поиски в деревне хоть каких-то признаков электрического оборудования. Казалось, туземцы используют систему, которая с точностью до минуты информирует их обо всех передвижениях землян. Но единственное механическое приспособление, которое космонавты нашли в деревне, было колесо. Сигналы с помощью дыма и барабанов не остались бы незамеченными. Маглио выдвинул гипотезу о почтовых голубях, да вот только ни одной птицы космонавты до сих пор так и не видели.

На рассвете пятого дня они погрузились в скутер и отправились в дальний конец континента. По расчетам Оливера, они покрыли шесть тысяч километров за пять с половиной часов. Заприметив

деревню, с ревом устремились вниз и затормозили перед самой землей так резко, что их едва не размазало по полу. На все про все – с момента, как они появились в небе в виде точки, и до самого приземления – ушло не больше трех минут.

Но туземцы вновь опередили их на четверть часа.

На этот раз земляне не стали задерживаться в деревне и выяснять, как это случилось. В соответствии с разработанным ночью планом Зальцман и Оливер направились по следу убежавших туземцев. Маглио снова поднял скутер и выписывал в небе круги, высматривая толпу.

– Они в двух километрах от вас, – протрещал в наушниках его резкий голос. – Примите немного вправо… то что надо!

Зальцман, кряхтя, взбирался по склону горы. На уступе он задержался и подал Оливеру руку.

«Недели невесомости ослабили мускулатуру», – подумал он.

В небе кружил маленький скутер Маглио. Вокруг простирался красный лес, над кронами деревьев кое-где торчали неровные вершины гор.

– Движутся в прежнем направлении, – сообщил Маглио. – Их около двухсот. Идут в другую часть леса.

Земляне продолжали преследование. Зальцману казалось, что двое взрослых мужчин должны передвигаться быстрее, чем жители целой деревни, среди которых – и женщины, и старики. И все же космонавты не могли не только догнать туземцев, но и даже сократить дистанцию.

– Алло, шеф, – радировал Маглио. – Кажется, я придумал, как вам срезать угол. Возьмите правее на следующей прогалине…

Прошел еще час. Они с трудом продвигались по извилистому пути. Судно Маглио висело в небе, но так, чтобы не выдать их местоположение. Солнце нагревало пластиковые скафандры, пока они карабкались по скалам и продирались сквозь заросли.

– Ну и что это такое, – проворчал Оливер. Он исчерпал запас бранных слов на туземцев, обзывая их кем угодно, только не человеческими существами. – Я бы мог остаться в Монтане и заниматься тем же самым. Господи, мы запулили консервную банку за шестнадцать световых лет только ради того, чтобы найти кого-то родом не с Земли и просто поговорить. Пришли подружиться, а они

шарахаются от нас, как пугливое стадо...

– Алло, шеф, – протрещал Маглио. – Они, должно быть, засекли ваше местоположение! Они повернули и снова удаляются от вас!

– Засекли? – гаркнул Зальцман в головной телефон. – Снова? Каким образом?

– Я не знаю, – сказал голос Маглио в наушниках. – Но могу поклясться, группу не покинул ни один человек.

– Ты уверен, что внизу нет кого-то еще, кого ты не видишь? – спросил Зальцман, усаживаясь на землю.

– Уверен на сто процентов. Лес здесь редкий. Я бы заметил и кошку. И насколько я... Шеф, вы сидите?

– Да, а что?

– Они все уселись несколько секунд назад!

Зальцман вскочил на ноги, дернул за плечо Оливера и побежал.

– Они встали, – сообщил Маглио. – Бегут... остановились... снова сели.

Зальцман тоже уже сидел.

– Связь налицо, – прошептал он Оливеру. – Либо у них датчики в каждом дереве, либо они телепаты!

Маглио подобрал товарищей и направил скутер домой. Оливер сидел притихший, как побитая собака. Зальцман непрерывно матерился, постукивая кулаком по ноге. Это удерживало его от того, чтобы не сорвать зло на Оливере и Маглио. Забраться в такую даль – и найти стадо кроликов-телепатов, маскирующихся под людей!

К тому времени, как они вернулись на корабль, Зальцман успокоился. Он был полон решимости сохранять самообладание, что бы ни случилось. Да пусть хоть деревья начнут разбегаться – больше его ничто не удивит.

После ужина космонавты спустились на землю и растянулись на фиолетовой траве возле корабля. Они не стали надевать скафандры ввиду отсутствия каких бы то ни было угроз, но на всякий случай прихватили бластеры.

– Я заметил там кое-что еще, – сообщил Маглио. – Они были похожи на зверей и тоже удирали как сумасшедшие, стоило вам приблизиться на километр-два. И еще пару птиц. Но в радиусе километра от вас не было ни одного живого существа.

– Наверное, тут все телепаты, – предположил Зальцман. – Это

многое объясняет. Но, если они могут читать наши мысли, то почему убегают? Они должны знать, что мы пришли с добрыми намерениями. – Он замолчал, потом грозно взглянул на Маглио. – А может, это ты слишком много думаешь об их женщинах?

– Кто, я? – возмутился Маглио. – Да ни в коем случае. Я думаю о своей подруге. Я ей верен. Понятно?

– Если они читают наши мысли, – продолжил Зальцман, скорее рассуждая вслух, нежели обращаясь к другим, – то должны знать, что мы пытаемся с ними подружиться. Мы не собираемся колонизировать планету. Мы не будем их обкрадывать. Мы не можем взять на борт даже пару килограммов лишнего веса. Мы здесь для того, чтобы, черт возьми, навести мост между звездами. Просто поговорить. Что с ними не так?

– Может, просто хотят, чтобы их оставили в покое? – предположил Оливер.

– Тогда зачем убегать? Просто не обращали бы на нас внимания. Нет, мне кажется, они чего-то боятся.

– Монстров, – подсказал Маглио.

– Да, но это если бы они не могли читать наши мысли. Мы не ангелы, но наши намерения чисты. – Зальцман снова задумался, опустив голову.

– Завтра, – сказал он наконец, – займемся поимкой туземца. Раньше мы не знали про телепатию. Но теперь мой план сработает. – И он вкратце объяснил, что они будут делать. В заключение коротко добавил: – А теперь – спать.

Лежа в койке, Зальцман пытался соединить части головоломки. Бесполезно. Но он точно знал: завтра все выяснится. Главное – поговорить с туземцами.

Разумная жизнь! Вот что было важнее всего. Идея контакта завладела им с самого детства. Иначе бы он не отправился в космос, чтобы провести изрядную часть жизни в железном сфероиде.

Сон все не шел. Зальцман ворочался час или больше, пытаясь найти удобное положение. Наконец, думая о сербенах, вистиях, юфангах Маглио и полчищах инопланетян Оливера, он задремал.

И оказался в лесу. Вот только лес был другой. Нежные красные, розовые, фиолетовые оттенки исчезли, все стало кроваво-красным. Кровь капала с листьев, корни и ветви сочились кровью. За ним

гналось ужасное уродливое создание. Оно ревело и стонало, с треском проламываясь сквозь кустарник, то поднимаясь на две ноги, то по-собачьи опускаясь на четыре. Дистанция между ними неуклонно сокращалась, пока...

Зальцман проснулся и выругался.

– В чем дело? – спросил Оливер с соседней койки.

– Кошмар приснился. Наверное, от переизбытка впечатлений.

Сон взволновал Зальцмана. Он не видел сны целый год, а кошмары и подавно, с самого детства. Возможно, всему виной истории Маглио о монстрах.

Наконец он снова заснул.

Утро было жарким, как и накануне. Космонавты быстро забрались в скутер.

– Думайте о чем-нибудь приятном, – насмешливо сказал Маглио, когда они поднялись в воздух. – Например, о кружке пива в компании дочери вождя. Если, конечно, у туземцев есть вождь с дочерью и пиво.

– Неудивительно, что они бегут, едва уловив твои мысли, – заметил Оливер. Маглио улыбнулся и подмигнул.

Зальцман рассматривал проплывающий внизу красный лес. Они мчались в район, выбранный накануне. Он пытался представить, что скажет, когда они поймают туземца. По какому праву они заставляют людей покидать дома и метаться, как зайцев, по лесу? По какому праву преследуют их и вынуждают говорить?

По какому праву? Да по такому! Они пролетели шестнадцать световых лет, чтобы установить контакт с братьями по разуму. Земля с нетерпением ждет результатов миссии. Они посвятили себя работе, которая стала для них смыслом жизни.

По какому праву? По праву интеллекта устанавливать контакт с другими интеллектами, чтобы обмениваться информацией, к обоюдной пользе.

Но эти дураки разбегаются, как испуганные овцы. Неужели среди них ни одного смелого мужика?

– А вот и мы, – сказал Маглио, когда они промчались над деревней. – А вон и они.

– Начинаем облаву, – распорядился Зальцман.

Скутер спустился к деревьям, потом спикировал прямо на

туземцев. Те разбегались в безотчетном ужасе. Зальцман увидел, как мужчины, не в силах справиться с паникой, обгоняют женщин и детей.

– Сбрось Оливера перед ними, – приказал он.

Скутер пролетел над толпой, и через сто метров Оливер спрыгнул вниз с парашютом. Туземцы как по команде развернулись и помчались в обратном направлении.

– Теперь меня с фланга. – И Зальцман тоже спрыгнул вниз. Управляя потоком воздуха, он приземлился на открытом месте, отцепил парашют и побежал вперед.

– Приземляюсь с другого фланга, – сказал Маглио в наушниках. – Мы заблокировали их с трех сторон. С четвертой – отвесная стена.

Всё как запланировали вчера вечером. Скутер нырнул к земле и лихо развернулся, согнав туземцев вместе, как стадо баранов. Зальцман бежал к толпе, продираясь через подлесок. Он уже слышал, как они тяжело дышат и стонут в нескольких сотнях метров перед ним.

На бегу он на всякий случай расстегнул кобуру.

И вдруг резко остановился.

– Оливер, Маглио, быстро сюда! Ко мне идет один из них!

Туземец приближался нетвердой походкой, поскальзываясь, падая и снова поднимаясь. Он не был похож ни на один из портретов, которые они видели в покинутых домах. Только не в том состоянии, в котором он находился в данный момент. Его лицо было искажено мукой, по телу пробегали судороги, грозившие переломать кости. Мертвенно-бледную кожу покрывали пятна, похожие на злокачественные опухоли. Туземец больше напоминал труп, нежели живое существо.

Оливер и Маглио подбежали и встали в нескольких шагах позади Зальцмана.

Туземец остановился в трех метрах, и Зальцман почувствовал в голове странный зуд. Потом зуд исчез и вместо него появилась мысль: «Уходите».

– Почему? – вслух спросил Зальцман.

– Вы убиваете наш разум. Берите что хотите и уходите.

– Мы пришли как друзья, – произнес Зальцман успокаивающим тоном. – Мы не хотим причинять вам вред и не хотели нарушать

ваши табу. Если вы больны, на корабле есть лекарства… мы можем вас вылечить…

Туземец рухнул на колени:

– Вы лишаете нас рассудка.

– О боже, – охнул Оливер. – Мы что, притащили с собой заразу?

– Нет, – послал мысль туземец. – Все дело в ваших мыслях. Они очень яркие и кровожадные. Слишком страшные, чтобы их вынести… Ваш разум болен… и эта болезнь поражает нас, когда мы вступаем в контакт…

– Наши мысли? – переспросил Зальцман. Он оглянулся на Оливера и Маглио. Неужели у кого-то из них нездоровая психика? А может, у него самого? Он тут же отбросил эту мысль: перед полетом они прошли тщательное обследование на вменяемость и психическую устойчивость. Нездоровые люди не проникли бы в экипаж.

Туземец терял силы на глазах, но уловил мысль.

– Нет, – подумал он. – Все ваши мысли. И те, что позади, тоже.

Позади? Что это значит? Зальцман задумался, не сводя глаз с задыхающегося туземца.

– Вы чудовища, – пришла слабеющая мысль туземца. – То, что в ваших головах, отвратительно. Твари, поедающие глаза… это ужасно… и другие…

– Космические байки! – ахнул Оливер. – Ты неправильно нас понял, друг. Это не более чем…

– Нет! – рассердился туземец. – Не эти, другие. Те, что позади! Ужасы в ночи. То, о чем вы сами не думаете, потому что иначе они бы свели вас с ума и убили. Истекающий кровью лес!

Зальцман уже догадался, о чем говорит туземец, но не хотел в это верить. Да только выбора не осталось.

– Он имеет в виду наше подсознание, – медленно проговорил он.

– Да, – пришла мысль туземца. – Это правильно. Вещи, о которых вы не позволяете себе думать, потому что они отвратительны. А вот мы… мы не можем не думать о них, когда вы близко.

Он хотел сказать что-то еще, но тут он перестал себя контролировать. Мгновение ничего не происходило. А потом на землян обрушился мощный поток из обрывков безумных мыслей. Тут были все монстры Маглио, вылезающие с визгом и клекотом из

безумного сознания. Покрытые черно-оранжевой чешуей юфанги. Орды захватчиков Оливера, прокладывающие путь через кровоточащий лес из сна Зальцмана и ведомые безликой тварью, захлебывающейся от ненависти ко всему живому. А следом из глубин сознания выползали огромные осклизлые существа, воплотившие в себе все опасения и страхи мальчишек, растущих на кишащей суевериями Земле. Чудовища, которые прячутся в безлюдных ночных переулках, жуткие создания, которые ухмыляются из-за дверок шкафа, когда родители спят. А за ними, из самой глубины детской памяти, подслеповато косясь…

Земляне бежали, всхлипывая и спотыкаясь. И до самого скутера их преследовало безумие. Маглио сорвал маленький корабль с места и бросил вверх, не дожидаясь, пока Оливер полностью заберется в люк. Зальцману пришлось затаскивать его внутрь, когда скутер уже с ревом набирал высоту.

Долгое время казалось, что Оливер и не думает выходить из прострации. Он не разговаривал и не двигался, уставясь в одну точку невидящим взглядом. Зальцман не очень-то разбирался в психиатрии, поэтому испробовал народное средство: плеснул инженеру в лицо воды из чашки и хлопнул ладонью по спине. Грубая шоковая терапия сработала.

– Ну, ты как? – спросил Зальцман.

– Они не могли подпустить нас к себе, – проговорил Оливер тусклым голосом. – Не могли вынести ужасные мысли из закоулков нашей памяти. – Он поднялся на ноги, опираясь на руку Зальцмана. – Даже звери не могли вытерпеть наше присутствие.

– Постарайся забыть об этом, – посоветовал Зальцман. – Мы не виноваты.

– Только представьте, – продолжал Оливер тем же тусклым голосом. – Мимолетного отражения нашего подсознания было достаточно, чтобы сделать нас невменяемыми. А они воспринимали его в полном объеме.

– Забудь об этом.

– Я противен самому себе!

– Да заткнись ты! – крикнул Маглио.

Бортинженер еще некоторое время смотрел в пустоту, потом попробовал улыбнуться. Маглио насвистывал что-то немелодичное,

пока они готовились к старту.

– Шеф, поищем другую звезду класса G и другую планету?

– А надо ли? – вздохнул Зальцман.

Мученик

Фрэнк Кадена рассматривал красную точку, которую оставил шприц для подкожных инъекций.

– Я ничего не чувствую, – произнес он.

– Ты и не должен, – сказал доктор Меллен. – Отсутствие ощущений – самое верное ощущение, – шутливо добавил он.

Доктор Меллен был намного крупнее Кадены, от него исходила уверенность, его большие бледные руки пахли спиртом и щелочным мылом.

Его коллега, доктор Сантазье, сидел за столом. Это был угрюмый худощавый мужчина невыразительной внешности. Не обращая внимания на Кадену, он доставал из маленького черного саквояжа и нервными движениями раскладывал перед собой, словно инструменты на операционном столе, разные предметы: пистолет люгер, глушитель, коробочку пилюль, опасную бритву и газовый баллончик.

– Я действительно ничего не чувствую, – повторил Кадена. – Может, не подействовало.

– Не волнуйся, – сказал Меллен профессиональным, успокаивающим тоном.

Доктор Сантазье достал из нагрудного кармана носовой платок и протер рукоятку люгера. Потом другой стороной платка сосредоточенно протер пенсне.

Кадена подошел к окну. Они были дома у доктора Меллена. Место казалось вполне подходящим для заключительной фазы эксперимента. Перед домом раскинулась широкая зеленая лужайка. Вдоль извилистой подъездной дороги росли дубы. Воздух наполняло чириканье ссорящихся воробьев.

Кадена облизнул губы и потер красную точку на предплечье.

– Ну что, приступим? – предложил Сантазье.

– Нет-нет, стойте! – встрепенулся Кадена. – Вдруг средство еще не подействовало.

– Оно действует мгновенно, – заверил доктор Меллен дружеским, но слегка снисходительным тоном.

– Пусть поработает еще немного, – взмолился Кадена. – Пять

минут!

Доктор Сантазье нахмурился:

– С каких это пор пациент диктует врачу, что ему делать?

– Ничего страшного, – махнул рукой доктор Меллен. – Подождем несколько минут, если это добавит Фрэнку уверенности.

– Добавит, – сказал Кадена. – Определенно добавит. – Он начал вышагивать взад-вперед по комнате, бессознательно потирая красную точку на руке.

– Натрешь, будет раздражение, – машинально заметил доктор Сантазье.

Кадена чуть не расхохотался.

– Очень серьезная для меня проблема. Да? Или это и правда может мне повредить?

– Никоим образом, – сухо ответил Сантазье и начал протирать носовым платком опасную бритву.

Кадена еще некоторое время курсировал туда-сюда. Потом резко остановился и сказал:

– Можете вы, ради бога, перестать играться с бритвой?

– Только без истерик, Фрэнк, – попросил доктор Меллен.

– Скажите ему, чтобы не играл с этой чертовой бритвой.

– Он прав, – согласился доктор Меллен. – Не следует показывать пациенту операционные инструменты.

Доктор Сантазье положил бритву на стол и негнущимся указательным пальцем пододвинул ее в один ряд с люгером, глушителем, немаркированной коробочкой пилюль и газовым баллончиком.

– Хватит играть с этой чертовой бритвой! – крикнул Кадена. – У вас будет возможность испробовать ее в деле. Очень скоро. Через пять минут! А пока не трогайте.

– Фрэнк, возьми себя в руки, – сказал доктор Меллен. – Сядь. Расслабься. Попробуй успокоиться.

Худое лицо Кадены блестело от пота. Он рухнул в кресло и обессиленно закрыл глаза.

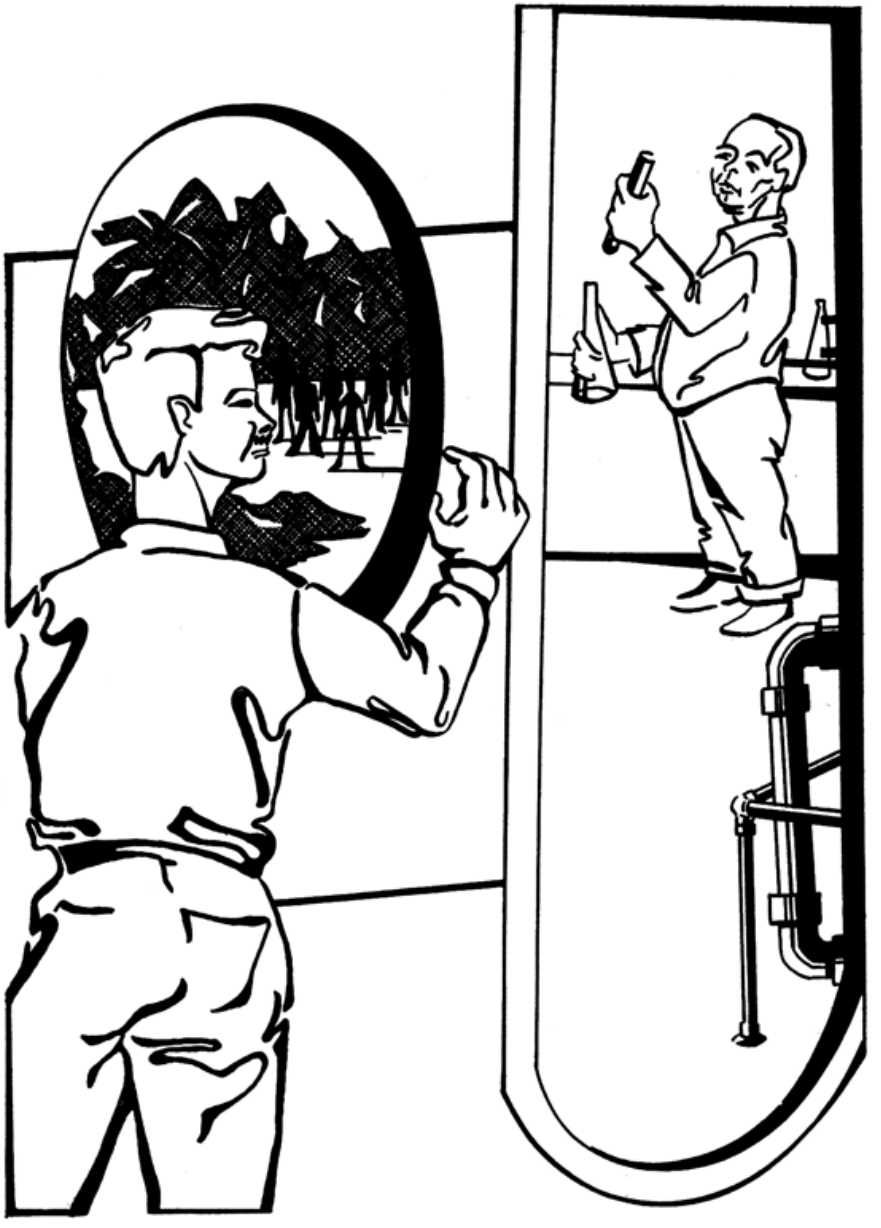
На столе тихо жужжал электрический будильник, секундная стрелка неумолимо ползла. Глаза Кадены открылись.

– Не надо ко мне подкрадываться, – сказал он.

– Никто к тебе не подкрадывается. – Доктор Меллен начал

терять терпение. – Думаю, Фрэнк, пора.

– Еще пять минут!



– Отсрочка расстроит тебя еще больше. Давай покончим с этим.

Доктор Сантазье встал, снял пиджак и засучил рукава.

– Какой способ предпочитаешь, Фрэнк? – спросил доктор Меллен.

– Никакой. Ни один из этих...

– Что ж, тогда приступим, – твердо сказал доктор Меллен. – У тебя отличный выбор. Эти пилюли безвкусны. Газ пахнет сильно, но не противно. Хотя, возможно, простейший способ – вскрыть вену на запястье, по опыту древних римлян.

– Расскажите еще раз про сыворотку, – попросил Кадена.

– Опять? Право, не знаю...

– Расскажите еще раз. Пожалуйста.

– Хорошо. В соответствии с соглашением я ввел тебе сыворотку, разработанную мной и доктором Сантазье. Сыворотка развивает способность к полной и мгновенной регенерации.

– Говорите прямо! Это – сыворотка бессмертия! Именно так вы ее называли раньше.

– Ну, если ты предпочитаешь такую терминологию.

– Я бессмертен! – воскликнул Кадена.

– Нет оснований думать иначе. Осталось последнее испытание, оно необходимо в интересах науки. Фрэнк, выбирай способ...

– Но откуда мне знать, что все так и есть? – спросил Кадена. – Как я могу быть уверен?

– Мы проверяли это много раз, – объяснил доктор Сантазье. – Сыворотка работает на гвинейских свиньях, на кроликах и макаках-резусах. Результат ты видел лично. Мы не смогли их убить ни одним из предлагаемых нами способов.

– Но я же не обезьяна, – возразил Кадена. – Я человек. Откуда мне знать, что сыворотка сработает и на мне? В этой истории много такого, чего я не понимаю.

Доктор Меллен протянул ему коробочку с пилюлями:

– Фрэнк, проглоти две штуки.

Кадена взял коробочку в руки:

– Риск, на который я иду, стоит гораздо больше, чем паршивая тысяча долларов.

– Тысяча долларов плюс бессмертие.

– Значит, я уже бессмертен, – медленно проговорил Кадена. – Вы

уверены?

– Без сомнений.

– Но я не чувствую никаких изменений. Ощущения те же, что и всегда.

– Фрэнк, прими пилюли, – настойчиво повторил Меллен. – Или предпочитаешь бритву?

– Забудьте о чертовой бритве. – Кадена снова подошел к окну. Оглядел зеленый газон и могучие дубы, повернулся, глубоко вздохнул и сказал:

– Можете забрать свои деньги.

– Что?

– Я умываю руки. Бессмертие или внезапная смерть – ставки слишком высоки. Сложно это понять?

– Фрэнк, прими пилюли, – решительно произнес Меллен.

Кадена швырнул коробочку с пилюлями через всю комнату и направился к двери. Меллен схватил люгер, надел глушитель и крикнул:

– Фрэнк, стой! Не вынуждай меня стрелять по ногам!

Кадена повернулся:

– Нет, док! Нет!

Меллен принял стойку, щелкнул предохранителем и прицелился.

– Док, ради бога...

– Не двигайся, Фрэнк. Пусть выстрел будет чистый.

Кадена замер с открытым ртом и загипнотизированно смотрел, как белеет палец Меллена на спусковом крючке. Потом попытался закричать. Люгер сухо щелкнул. Кадену отбросило к двери, он судорожно дернулся и осел на пол.

– Превосходный выстрел, – похвалил коллегу Сантазье. – Прямо в сердце.

– Я немного тренировался в стрельбе по мишеням, – сказал Меллен. – Главное – надежный захват. И плавный спуск, конечно.

– Конечно, – согласился Сантазье. – Я заметил, тебе даже не понадобилось поддерживать второй рукой.

– На такой дистанции это не нужно. Кроме того, люгер хорошо сбалансирован – подойдет кому угодно.

– Ладно. Не скромничай. Не пора ли проверить пациента?

Вдвоем они приподняли тело Кадены и прислонили к стене.

– Рана уже затянулась! – ахнул Меллен.

– Пульс устойчивый… дыхание в норме.

– Изумительно! – воскликнул доктор Меллен. – Полный успех. Зря он переживал.

– Смотри, открывает глаза.

Веки Кадены затрепетали. Потом он широко открыл глаза.

– Ну, Фрэнк, старина, – задушевно произнес Меллен. – Надеюсь, ты не злишься на нас?

– Это была часть сделки, – напомнил Сантазье.

– С тобой все хорошо. Ты в полном порядке. Ты действительно бессмертен! И теперь, Фрэнк, это доказано.

Тот смотрел на них и не отвечал.

– Ну же, Фрэнк, – не отставал Меллен. – Какой смысл сердиться на нас? Расскажи! Каково это – вечная жизнь?

Струйка слюны сбежала по подбородку Кадены. Его руки беспомощно перебирали воздух, потом неуверенно потянулись к дорожке солнечного света на полу.

– Фрэнк!

Пальцы сомкнулись на желтой полосе, руки подняли пустоту. Кадена посмотрел на пустые руки и заплакал.

– Психическая травма, – вздохнул доктор Сантазье. – Не повезло.

Доктор Меллен поднялся с хмурым видом.

– По-моему, полная идиотия. В результате шока от выстрела…

– Очевидно, что так.

– Он – мученик науки.

– Да. Но теперь у нас на руках идиот. Бессмертный идиот. Что с этим делать?

Доктор Меллен на мгновение задумался. Потом его лицо просветлело.

– Ну, это же очевидно, доктор. Мы начнем поиск противоядия. Чтобы освободить бедного Фрэнка от мучений.

Ордер на убийство

Том Рыбак никак не предполагал, что его ждет карьера преступника. Было утро. Большое красное солнце только что поднялось над горизонтом вместе с плетущимся за ним маленьким желтым спутником, который едва поспевал за солнцем. Крохотная, аккуратная деревушка — диковинная белая точка на зеленом пространстве планеты — поблескивала в летних лучах своих двух солнц.

Том только что проснулся у себя в домике. Он был высокий молодой мужчина с дубленой на солнце кожей; от отца он унаследовал продолговатый разрез глаз, а от матери простодушное нежелание обременять себя работой. Том не спешил: до осенних дождей не рыбачат, а значит, и настоящей работы для рыбака нет. До осени он намерен был немного поваландаться и починить рыболовную снасть.

— Да говорят же тебе: крыша должна быть красная! донесся до него с улицы голос Билли Маляра.

— У церквей никогда не бывает красных крыш! — кричал в ответ Эд Ткач.

Том нахмурился. Он совсем было позабыл о переменах, которые произошли в деревне за последние две недели, поскольку лично его они никак не касались. Он надел штаны и неторопливо зашагал на деревенскую площадь.

Там ему сразу бросился в глаза большой новый плакат, гласивший:

ЧУЖДЫМ ЭЛЕМЕНТАМ ДОСТУП В ПРЕДЕЛЫ ГОРОДА ЗАПРЕЩЕН!

Никаких чуждых элементов на всем пространстве планеты Новый Дилавер не существовало. На ней росли леса и стояла только эта одна-единственная деревушка. Плакат имел чисто риторическое значение, выражая определенную политическую тенденцию.

На площади помещались церковь, тюрьма и почта. Все три здания в результате бешеной деятельности были воздвигнуты за последние две сумасшедшие недели и поставлены аккуратно в ряд,

фасадами на площадь. Никто не знал, что с ними делать: деревня уже свыше двух столетий недурно обходилась и без них. Но теперь, само собой разумеется, их необходимо было построить.

Эд Ткач стоял перед только что воздвигнутой церковью и, прищурившись, глядел вверх. Билли Маляр с опасностью для жизни балансировал на крутом скате церковной крыши. Его рыжеватые усы возмущенно топорщились. Внизу собралась небольшая толпа.

— Да пошел ты к черту! — сердился Билли Маляр. Говорят тебе, я как раз на прошлой неделе все это прочел. Белая крыша — пожалуйста. Красная крыша — ни в коем случае.

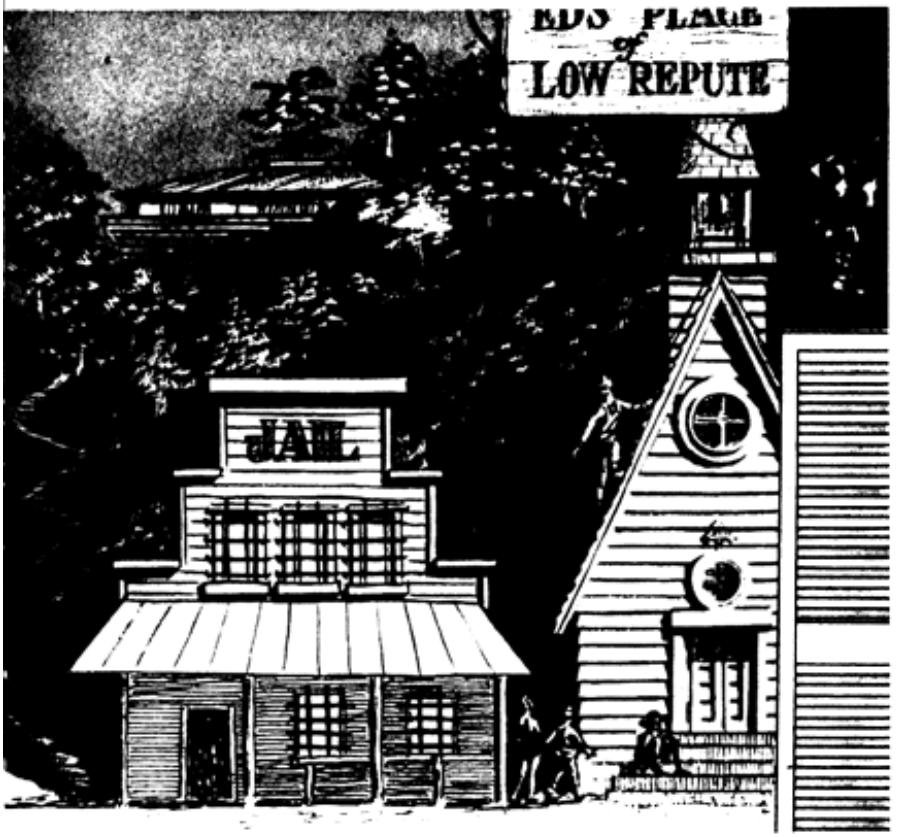
— Нет, ты что-то путаешь, — сказал Ткач. — Как ты считаешь,

Том?

Том пожал плечами; у него не было своего мнения на этот счет. И тут откуда ни возьмись, весь в поту, появился мэр. Полы незаправленной рубахи свободно колыхались вокруг его большого живота.

— Слезай! — крикнул он Билли. — Я все нашел в книжке. Там сказано: маленькое красное школьное здание, а не церковное здание.

У Билли был очень рассерженный вид. Он вообще был человек раздражительный. Все Маляры народ раздражительный. Но с тех пор, как мэр на прошлой неделе назначил Билли Маляра



начальником полиции, у Билли окончательно испортился характер.

— Но у нас же ничего такого нет. Нет этого самого маленького

школьного здания, — продолжал упорствовать Билли, уже наполовину спустившись с лестницы.

— А вот мы его сейчас и построим, — сказал мэр. — И придется поторопиться.

Он глянул на небо. Невольно все тоже поглядели вверх. Но там пока еще ничего не было видно.

— А где же эти ребята, где Плотники? — спросил мэр. Сид, Сэм, Марв — куда вы подевались?

Из толпы высунулась голова Сида Плотника. Он все еще ходил на костылях, с тех пор как в прошлом месяце свалился с дерева, когда доставал яйца из птичьих гнезд. Все Плотники были не мастера лазать по деревьям.

— Остальные ребята сидят у Эда Пиво, — сказал Сад.

— Конечно, где же им еще быть! — прозвучал в толпе возглас Мэри Паромщицы.

— Ладно, позови их, — сказал мэр. — Нужно построить маленькое школьное здание, да побыстрей. Скажи им, чтобы строили рядом с тюрьмой. — Он повернулся к Билли Маляру, который уже спустился на землю. — А ты, Билли, покрасишь школьное здание хорошей, яркой красной краской. И снаружи, и изнутри. Это очень важно.

— А когда я получу свою полицейскую бляху? — спросил Билли. — Я читал, что все начальники полиции носят бляхи.

— Сделай ее себе сам, — сказал мэр. Он вытер лицо подолом рубахи. — Ну и жарища! Что бы этому инспектору прибыть зимой... Том! Том Рыбак! У меня есть очень важное поручение для тебя. Пойдем, я тебе сейчас все растолкую.

Мэр обнял Тома за плечи, они пересекли пустынную рыночную площадь и по единственной мощеной улице направились к дому мэра. В былые времена дорожным покрытием служила здесь хорошо слежавшаяся грязь. Но былые времена кончились две недели назад, и теперь улица была вымощена битым камнем. Ходить по ней босиком стало так неудобно, что жители деревни предпочитали лазать друг к другу через забор. Мэр, однако, ходил по улице — для него это было делом чести.

— Послушайте, мэр, я сейчас отдыхаю...

— Какой теперь может быть отдых? — сказал мэр. — Он ведь может появиться в любой день.

Мэр пропустил Тома вперед, они вошли в дом, и мэр плюхнулся в большое кресло, придвинутое почти вплотную к межпланетному радио.

— Том, — без проволочки приступил к делу мэр, — как ты насчет того, чтобы стать преступником?

— Не знаю, — сказал Том. — А что такое преступник?

Беспокойно поерзав в кресле и положив руку — для пущего авторитета — на радиоприемник, мэр сказал:

— Это, понимаешь ли, вот что... — и принялся разъяснять.

Том слушал, слушал, и чем дальше, тем меньше ему это нравилось. А во всем виновато межпланетное радио, решил он. Жаль, что оно и в самом деле не сломалось.

Никто не верил, что оно когда-нибудь может заговорить. Один мэр сменял другого, одно поколение сменялось другим, а межпланетное радио стояло и покрывалось пылью в конторе последнее безмолвное звено, связующее их планету с Матерью-Землей. Двести лет назад Земля разговаривала с Новым Дилавером, и с Фордом IV, и с Альфой Центавра, и с Новой Испанией, и с прочими колониями, входившими в Содружество демократий Земли. А потом все сообщения прекратились.

Земля была занята своими делами. Дилаверцы ждали известий, но никаких известий не поступало. А потом в деревне начался мор и унес в могилу три четверти населения. Мало-помалу деревня оправилась. Жители приспособились, зажили своим особым укладом, который постепенно стал для них привычным. Они позабыли про Землю.

Прошло двести лет.

И вот две недели назад древнее радио закашляло и возродилось к жизни. Час за часом оно урчало и плевалось атмосферными помехами, а вся деревня столпилась на улице возле дома мэра.

Наконец стали различимы слова:

— ...ты слышишь меня? Новый Дилавер! Ты меня слышишь?

— Да, да, мы тебя слышим, — сказал мэр.

— Колония все еще существует?

— А то, как же! — горделиво отвечал мэр.

Голос стал строг и официален:

— В течение некоторого времени мы не поддерживали контакта

с нашими внеземными колониями. Но мы решили навести порядок. Вы, Новый Дилавер, по-прежнему являетесь колонией Земли и, следовательно, должны подчиняться ее законам. Вы подтверждаете этот статус?

— Мы по-прежнему верны Земле, — с достоинством отвечал мэр.

— Отлично. С ближайшей планеты к вам будет направлен инспектор-резидент, чтобы проверить, действительно ли вы придерживаетесь установленных обычаев и традиций.

— Как вы сказали? — обеспокоено спросил мэр.

Строгий голос взял октавой выше:

— Вы, разумеется, отдаете себе отчет в том, что мы не потерпим проникновения к нам каких бы то ни было чуждых элементов. Надеюсь, вы меня понимаете, генерал?

— Я не генерал. Я мэр.

— Вы возглавляете, не так ли?

— Да, но...

— В таком случае вы — генерал. Разрешите мне продолжать. В нашей Галактике не может быть места какой бы то ни было человеческой культуре, хоть чем-либо отличающейся от нашей и, следовательно, нам чуждой. Можно управлять, если каждый будет делать, что ему заблагорассудится? Порядок должен быть установлен любой ценой.

Мэр судорожно глотнул воздух и впился глазами в радио.

— Помните, что вы управляете колонией Земли, генерал, и не должны допускать никаких отклонений от нормы, никакого радикализма. Наведите у себя в колонии порядок, генерал. Инспектор прибудет к вам в течение ближайших двух недель. Это все.

В деревне была срочно созвана сходка: требовалось немедленно решить, как наилучшим образом выполнить наказ Земли. Сошлись на том, что нужно со всей возможной быстротой перестроить привычный уклад жизни на земной манер в соответствии с древними книгами.

— Что-то я никак в толк не возьму, зачем вам преступник, — сказал Том.

— На Земле преступник играет чрезвычайно важную роль в жизни общества, — объяснил мэр. — На этом все книги сходятся.

Преступник не менее важен, чем, к примеру, почтальон. Или, скажем, начальник полиции. Только разница в том, что действия преступника должны быть антисоциальны. Он должен действовать во вред обществу, понимаешь, Том? А если у нас никто не будет действовать во вред обществу, как мы можем заставить кого-нибудь действовать на его пользу? Тогда все это будет ни к чему.

Том покачал головой.

— Все равно не понимаю, зачем это нужно.

— Не упрямься, Том. Мы должны все устроить на земной манер. Взять хотя бы эти мощеные дороги. Во всех книгах про них написано. И про церкви, и про тюрьмы. И во всех книгах написано про преступников.

— А я не стану этого делать, — сказал Том.

— Встань же ты на мое место! — взмолился мэр. Появляется инспектор и встречает Билли Маляра, нашего начальника полиции. Инспектор хочет видеть тюрьму. Он спрашивает: «Ни одного заключенного?» А я отвечаю: «Конечно, ни одного. У нас здесь преступлений не бывает». «Не бывает преступлений? — говорит он. — Но во всех колониях Земли всегда совершаются преступления. Вам же это хорошо известно». «Нам это не известно, — отвечаю я. — Мы даже понятия не имели о том, что значит это слово, пока на прошлой неделе не поглядели в словарь». «Так зачем же вы построили тюрьму? — спросит он меня. — Для чего у вас существует начальник полиции?»

Мэр умолк и перевел дыхание.

— Ну, ты видишь? Все пойдет прахом. Инспектор сразу поймет, что мы уже не настоящие земляне. Что все это для отвода глаз. Что мы чуждый элемент!

— Хм, — хмыкнул Том, невольно подавленный этими доводами.

— А так, — быстро продолжал мэр, — я могу сказать: разумеется, у нас есть преступления — совсем как на Земле. У нас есть вор и убийца в одном лице — комбинированный вор-убийца. У бедного малого были дурные наклонности, и он получился какой-то неуравновешенный. Однако наш начальник полиции уже собрал улики, и в течение ближайших суток преступник будет арестован. Мы запрячем его за решетку, а потом амнистируем.

— Что это значит — амнистируем? — спросил Том.

— Не знаю точно. Выясню. Ну, теперь ты видишь, какая это важная птица — преступник?

— Да, похоже, что так. Но почему именно — я?

— Все остальные мне нужны для других целей. И кроме того, у тебя узкий разрез глаз. У всех преступников узкий разрез глаз.

— Не такой уж у меня и узкий. Не уже, чем у Эда Ткача.

— Том, прошу тебя, — сказал мэр. — Каждый из нас делает что может. Ты же хочешь нам помочь?

— Хочу, конечно, — неуверенно сказал Том.

— Вот и прекрасно. Ты будешь наш городской преступник. Вот, смотри, все будет оформлено по закону.

Мэр протянул Тому документ. В документе было сказано: «Ордер на убийство. К всеобщему сведению. Предъявитель сего, Том Рыбак, официально уполномочивается осуществлять воровство и убийство. В соответствии с этим ему надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой, и нарушать закон».

Том перечел этот документ дважды. Потом сказал:

— Какой закон?

— Это я тебе сообщу, как только его издам, — сказал мэр. — Все колонии Земли имеют законы.

— Но что я все-таки должен делать?

— Ты должен воровать. И убивать. Это не так уж трудно. — Мэр подошел к книжному шкафу и достал с полки старинный многотомный труд, озаглавленный «Преступник и его среда. Психология убийцы. Исследование мотивов воровства».

— Здесь ты найдешь все, что тебе необходимо знать. Воруй на здоровье, сколько влезет. Ну, а насчет убийств — один раз, пожалуй, будет достаточно. Тут перестараться тоже не след.

Том кивнул.

— Правильно. Может, я и разберусь, что к чему.

Он взял книги в охапку и пошел домой.

День был нестерпимо жаркий, и весь этот разговор о преступлениях очень утомил и расстроил Тома. Он улегся на кровать и принялся изучать древние книги.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Том, протирая глаза.

Марв Плотник, самый старший и самый длинный из всех длинных, рыжеволосых братьев Плотников, появился в дверях в сопровождении старика Джеда Фермера. Они несли небольшую торбу.

— Ты теперь городской преступник, Том? — спросил Марв.

— Похоже, что так.

— Тогда это для тебя. — Они положили торбу на пол и вынули оттуда маленький топорик, два ножа, гарпун, палку и дубинку.

— Что это вы принесли? — спросил Том, спуская ноги с кровати.

— Оружие принесли, а по-твоему, что, — раздраженно сказал Джед Фермер. — Какой же ты преступник, если у тебя нет оружия?

Том почесал в затылке.

— Это ты точно знаешь?

— Тебе бы самому пора разобраться в этом деле, — все так же ворчливо сказал Фермер. — Не жди, что мы все будем делать за тебя.

Марв Плотник подмигнул Тому.

— Джед злится, потому что мэр назначил его почтальоном.

— Я свой долг исполняю, — сказал Джед. — Противно только писать самому все эти письма.

— Ну, уж не так это, думается мне, трудно, — ухмыльнулся Марв Плотник. — А как же почтальоны на Земле справляются? Им куда больше писем написать надо, сколько там людей-то! Ну, желаю удачи. Том.

Они ушли.

Том склонился над оружием, чтобы получше его рассмотреть. Он знал, что это за оружие: в древних книгах про него много было написано. Но в Новом Дилавере еще никто никогда не пускал в ход оружия. Единственные животные, обитавшие на планете, — маленькие безобидные пушистые зверьки, убежденные вегетарианцы, — питались одной травой. Обращать же оружие против своих земляков — такого, разумеется, никому еще не приходило в голову.

Том взял один из ножей. Нож был холодный. Том потрогал кончик ножа. Он был острый.

Том встал и зашагал из угла в угол, поглядывая на оружие. И каждый раз, когда он на него глядел, у него противно холодело в животе.

Впрочем, пока особенно беспокоиться не о чем. Ведь сначала ему надо прочитать все эти книги. А тогда, быть может, он еще докопается, какой во всем этом смысл.

Он читал несколько часов подряд. Книги были написаны очень толково. Разнообразные методы, применяемые преступниками, разбирались весьма подробно. Однако все в целом выглядело совершенно бессмысленно. Для чего нужно совершать преступления? Кому от этого польза? Что это может дать людям?

На такие вопросы книги не давали ответа. Том перелистывал страницы, разглядывал фотографии преступников. У них был очень серьезный, сосредоточенный вид; казалось, они в полной мере сознают свое значение в обществе. Тому очень хотелось бы понять, в чем же это значение. Быть может, тоща все бы прояснилось.

— Том? — раздался за окном голос мэра.

— Я здесь, мэр, — отозвался Том.

Дверь приотворилась, и мэр просунул голову в комнату. Из-за его спины выглядывали Джейн Фермерша, Мэри Паромщица и Элис Повариха.

— Ну, так как же, Том? — спросил мэр.

— Что — как же?

— Когда думаешь начать?

Том смущенно улыбнулся.

— Да вот собираюсь, — сказал он. — Читаю книжки, разобраться хочу...

Три почтенные дамы уставились на него, и Том умолк в замешательстве.

— Ты попусту тратишь время, — сказала Элис Повариха.

— Все работают, никто не сидит дома, — сказала Джейн Фермерша.

— Неужто так трудно что-нибудь украсть? — вызывающе крикнула Мэри Паромщица.

— Это верно, Том, — сказал мэр. — Инспектор может пожаловать к нам в любую минуту, а нам ему и предъявить будет нечего.

— Хорошо, хорошо, — сказал Том.

Он сунул нож и дубинку за пояс, взял торбу, чтобы было куда класть награбленное, и вышел из дому.

Но куда направиться? Было около трех часов пополудни. Рынок

— по сути дела, наиболее подходящее место для краж будет пустовать до вечера. К тому же Тому очень не хотелось воровать при свете дня. Это выглядело бы как-то непрофессионально.

Он достал свой ордер, предписывающий ему совершать преступления, и перечитал его еще раз от начала до конца: «... надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой...»

Все ясно! Он будет околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Там он может выработать себе какой-нибудь план и настроиться на нужный лад. Вот только выбирать-то, собственно, было не из чего. В деревне имелся ресторан «Крошка», который держали две вдовые сестры, было «Местечко отдыха» Джефа Хмеля и, наконец, была таверна, принадлежавшая Эду Пиво.

Приходилось довольствоваться таверной.

Таверна помещалась в домике, мало чем отличавшемся от всех прочих домов деревни. Там была одна большая комната для гостей, кухня и жилые комнаты хозяев. Жена Эда стряпала и старалась поддерживать в помещении чистоту — насколько ей это позволяли боли в пояснице. Эд за стойкой разливал напитки. Эд был бледный, с сонными глазами и необыкновенной способностью тревожиться по пустякам.

— Здорово, Том, — сказал Эд. — Говорят, тебя назначили преступником.

— Да, назначили, — сказал Том. — Налей-ка мне перри-колы.

Эд Пиво нацелил Тому безалкогольного напитка из корнеплодов и беспокойно потоптался перед столиком, за которым устроился Том.

— Как же это так, почему, ты сидишь здесь, вместо того, чтобы красть?

— Я обдумываю, — сказал Том. — В моем ордере сказано, что я должен околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Вот я и сижу здесь.

— Ну, хорошо ли это с твоей стороны? — грустно спросил Эд Пиво. — Разве моя таверна пользуется дурной славой, Том?

— Хуже еды, чем у тебя, не сыщешь во всей деревне, пояснил Том.

— Я знаю. Моя старуха не умеет стряпать. Но у нас здесь все по-

доброму, по - семейному. И людям нравится заглядывать к нам.

— Теперь все будет по-другому, Эд. Я объявляю твою таверну моей штаб-квартирой.

Плечи Эда Пиво уныло поникли.

— Вот и старайся доставить людям удовольствие, пробормотал он. — Они уж тебя так отблагодарят! — Он вернулся за стойку.

Том продолжал размышлять.

Прошел час. Ричи Фермер, младший сынишка Джеда, заглянул в дверь.

— Ты уже стащил что-нибудь, Том?

— Нет пока, — отвечал Том, сгорбившись над столом и все еще стараясь думать.

Знойный день тихо угасал. Вечер начал понемногу заглядывать в маленькие, не слишком чистые окна таверны. На улице застрекотали сверчки, и первый ночной ветерок прошелестел верхушками деревьев в лесу.

Грузный Джордж Паромщик и Макс Ткач зашли пропустить по стаканчику глявы. Они присели к столику Тома.

— Ну, как дела? — осведомился Джордж Паромщик.

— Плоховато, — сказал Том. — Никак что-то не получается у меня с этим воровством.

— Ничего, ты еще освоишься, — как всегда неторопливо, серьезно и важно заметил Джордж Паромщик. — Уж кто-кто, а ты научишься.

— Мы в тебя верим, Том, — успокоил его Ткач.

Том поблагодарил их. Они выпили и ушли. Том продолжал размышлять, уставившись на пустой стакан. Час спустя Эд Пиво смущенно кашлянул.

— Ты меня прости, Том, но когда же ты начнешь красть?

— Вот сейчас и начну, — сказал Том. Он поднялся, проверил, на месте ли у него оружие, и направился к двери.

На рыночной площади уже шел обычный вечерний меновой

торг, и товар грудами лежал на лотках или на соломенных циновках, разостланных на траве. Обмен производился без денег, и обменного тарифа не существовало. За пригоршню самодельных гвоздей можно было получить ведерко молока или двух рыб или наоборот — в зависимости от того, что кому хотелось променять или в чем у кого возникла нужда. Подсчитать, что сколько стоит, — этим никто себя не утруждал. Это был единственный земной обычай, который мэру никак не удавалось ввести в деревне.

Когда Том Рыбак появился на площади, его приветствовали все.

— Воруешь понемногу, а Том?

— Валяй, валяй, приятель!

— У тебя получится!

Ни одному жителю деревни еще не доводилось присутствовать при краже, и им очень хотелось поглядеть, как это делается. Все бросили свои товары и устремились за Томом, жадно следя за каждым его движением.

Том обнаружил, что у него дрожат руки. Ему совсем не нравилось, что столько народу будет смотреть, как он станет красть. Надо поскорее покончить с этим, решил он. Пока у него еще хватает духу.

Он внезапно остановился перед грудой фруктов, наваленной на лотке миссис Мельник.

— Довольно сочные как будто, — небрежно проронил он.

— Свеженькие, прямо из сада, — сказала миссис Мельник. Это была маленькая старушка с блестящими глазками. Тому вдруг припомнилось, как она вела нескончаемые беседы с его матерью в те далекие годы, когда его родители были еще живы.

— Да, очень сочные с виду, — сказал он, жалея, что не остановился у какого- нибудь другого лотка.

— Хорошие, хорошие, — сказала миссис Мельник. — Только сегодня после обеда собирала.

— Он сейчас начнет красть? — отчетливо прозвучал чей-то шепот.

— Ясное дело. Следи за ним! — так же шепотом раздалось в ответ.

Том взял большой зеленый плод и принялся его рассматривать. Толпа затаила дыхание.

— И правда, очень сочный на вид, — сказал Том и осторожно

положил плод на место.

Толпа вздохнула.

За соседним лотком стоял Макс Ткач с женой и пятью ребятишками. Сегодня они вынесли на обмен два одеяла и рубашку. Когда Том, за которым двигалась целая толпа, подошел к ним, они застенчиво заулыбались.

— Эта рубашка как раз тебе впору, — поспешил заверить его Ткач. Ему очень хотелось, чтобы народ разошелся и не мешал Тому работать.

— Хм, — промычал Том, беря рубашку.

Толпа выжидающе зашевелилась. Какая-то девчонка нервно хихикнула. Том крепко вцепился в рубашку и начал развязывать свою торбу.

— Постой-ка! — Билли Маляр протолкался сквозь толпу. На поясе у него уже поблескивала бляха — старая монета с Земли. Выражение его лица безошибочно свидетельствовало о том, что он находится при исполнении служебных обязанностей.

— Что ты делаешь с этой рубашкой. Том? — спросил Билли.

— Я?.. Просто взял поглядеть.

— Просто взял поглядеть, вот как? — Билли отвернулся, заложив руки за спину. Затем стремительно повернулся на каблуках и уставил на Тома негнущийся указательный палец. А мне думается, что ты не просто взял ее поглядеть, Том. Мне думается, что ты собирался ее украсть!

Том ничего не ответил. Уличающая его торба была беспомощно зажата у него в руке, в другой руке он держал рубашку.

— Мой долг как начальника полиции, — продолжал Билли, охранять этих людей. Ты, Том, подозрительный субъект. Я считаю необходимым на всякий случай запереть тебя пока что в тюрьму для дальнейшего расследования.

Том понурил голову. Этого он не ожидал. А впрочем, ему было все равно.

Если его упрячут в тюрьму, с этим по крайней мере будет покончено. А когда Билли его выпустит, он сможет вернуться к своей рыбной ловле.

Внезапно сквозь толпу пробился мэр; подол рубахи развевался вокруг его объемистой талии.

— Билли! Ты что это делаешь?

— Исполняю свой долг, мэр. Том тут вел себя как-то подозрительно. А в книгах говорится...

— Я знаю, что говорится в книгах, — сказал мэр. — Я сам дал тебе эту книгу. Ты не можешь арестовать Тома. Пока еще нет.

— Так ведь у нас же в деревне нет другого преступника, сокрушенно сказал Билли.

— А я чем виноват? — сказал мэр.

Билли упрямо поджал губы.

— В книге говорится, что полиция должна принимать предупредительные меры. Полагается, чтобы я мешал преступлению совершиться.

Мэр устало всплеснул руками.

— Билли, неужели ты не понимаешь? Нашей деревне необходимо иметь хоть какое- нибудь преступление на своем счету. И ты тоже должен нам в этом помочь.

Билли пожал плечами.

— Ладно, мэр. Я просто хотел исполнить свой долг. — Он отвернулся, шагнув в сторону, затем внезапно устремился к Тому. — А ты мне еще попадешься! Запомни: преступление не доводит до добра. — Он зашагал прочь.

— Больно уж ему хочется отличиться, — объяснил мэр. — Не обращай на него внимания. Том. Давай принимайся за дело, укради что-нибудь. Надо с этим кончать.

Том не отвечал и бочком протискивался сквозь толпу, держа курс на зеленый лес за околицей деревни.

— Ты куда, Том? — с тревогой спросил мэр.

— Я сегодня еще не в настроении воровать, — сказал Том. — Может, завтра вечером...

— Нет, Том, сейчас, — настаивал мэр. — Нельзя так без конца тянуть с этим делом. Давай начинай, мы все тебе поможем.

— Конечно, поможем, — сказал Макс Ткач. — Ты укради эту рубашку. Том. Она же тебе как раз впору.

— А вот хороший кувшин для воды, гляди, Том!

— Смотри, сколько у меня тут орехов!

Том окинул взглядом лотки. Когда он потянулся за рубашкой Ткача, нож вывалился у него из-за пояса и упал на землю. В толпе

сочувственно захихикали.

Том, покрываясь испариной и чувствуя, что он выглядит разиней, водворил нож на место. Он протянул руку, схватил рубашку и засунул ее в свою торбу. В толпе раздались одобрительные возгласы.

Том робко улыбнулся, и у него немного отлегло от сердца.

— Кажется, я помаленьку свыкнусь с этим делом.

— Еще как свыкнешься!

— Мы знали, что ты справишься!

— Укради еще что-нибудь, дружище!

Том прошелся по рынку, прихватил кусок веревки, пригоршню орехов и плетеную шляпу из травы.

— По-моему, хватит, — сказал он мэру.

— На сегодня достаточно, — согласился мэр. — Только это, ты ведь сам понимаешь, в счет не идет. Это все равно, как если бы люди сами тебе все отдали. Ты пока что вроде как практиковался.

— О-о! — разочарованно протянул Том.

— Но теперь ты знаешь, как это делается. В следующий раз тебе будет совсем легко.

— Может быть.

— И смотри не забудь про убийство.

— А это в самом деле необходимо? — спросил Том.

— К сожалению, — сказал мэр. — Ну что поделаешь, наша колония существует уже свыше двухсот лет, а у нас еще не было ни одного убийства. Ни единого. А если верить летописям, во всех остальных колониях людей убивали почем зря!

— Ладно, я постараюсь, — согласился Том.

Он направился домой. Толпа проводила его одобрительными возгласами.

Дома Том зажег фитильную лампу и приготовил ужин. Поев, он долго сидел в глубоком кресле. Он был недоволен собой. Нескладно у него получилось с этой кражей. Целый день он только и делал, что тревожился и колебался. Людям пришлось чуть ли не насильно совать ему в руки свои вещи, чтобы он в конце концов отважился их украсть.

Какой же он после этого вор?!

А что он может сказать в свое оправдание? Если он никогда еще

этим не занимался и никак не может взять в толк, зачем это нужно, — это еще не причина, чтобы делать порученное тебе дело тяп-ляп.

Том направился к двери. Была дивная, ясная ночь. Около дюжины ближайших звезд- гигантов ослепительно сверкали в небе. Рыночная площадь снова опустела, и в домах затеплились огоньки.

Теперь самое время красть!

При мысли об этом по спине у него пробежала дрожь. Он испытывал горделивое чувство. Вот как зреют преступные замыслы! Так должно совершаться и воровство — украдкой, под покровом глубокой ночи.

Том быстро проверил свое оружие, высыпал награбленное из торбы и вышел во двор.

На улице последние фитильные фонари были уже погашены. Том бесшумно пробирался через деревню. Он подошел к дому Роджера Паромщика. Большой Роджер оставил свою лопату снаружи, прислонив ее к стене дома. Том взял лопату. Он миновал еще несколько домов. Кувшин для воды, принадлежавший миссис Ткач, стоял на своем обычном месте, перед дверью. Том взял кувшин. На обратном пути ему попалась маленькая деревянная лошадка, забытая кем-то из детей на улице. Лошадка последовала за кувшином и лопатой.

Благополучно доставив награбленное домой, Том был приятно взволнован. Он решил совершить еще один набег.

На этот раз он возвратился с бронзовой дощечкой, снятой с дома мэра, с самой лучшей пилой Марва Плотника и серпом, принадлежавшим Джеду Фермеру.

— Недурно, — сказал себе Том. — Еще один улов, и можно считать, что ночь не пропала даром.

На этот раз под навесом у Рона Каменщика он нашел молоток и стамеску, а возле дома Элис Поварихи подобрал плетеную камышовую корзину. Он уже собирался прихватить еще и грабли Джефа Хмеля, когда услышал какой-то легкий шум. Он прижался к стене.

Билли Маляр тихонько крался по улице; его металлическая бляха поблескивала в свете звезд. В одной руке у него была зажата короткая тяжелая дубинка, а в другой — пара самодельных наручников. В ночном полумраке лицо его выглядело зловеще. На

нем была написана решимость любой ценой искоренить преступление, что бы это слово ни означало.

Том затаил дыхание, когда Билли Маляр прокрался в десяти шагах от него. Том тихонечко попятился назад. Награбленная добыча звякнула в торбе.

— Кто здесь? — зарычал Билли. Не получив ответа, он начал медленно оборачиваться, впиваясь взглядом в темноту. Том снова распластался у стены. Он был уверен, что Билли его не заметит. У Билли было слабое зрение, потому что ему приходилось все время смешивать краски и пыль попадала ему в глаза.

— Это ты, Том? — самым дружелюбным тоном спросил Билли.

Том хотел уже было ответить, но тут он заметил, что дубинка Билли занесена у него над головой. Он замер. — Я еще до тебя доберусь! — рявкнул Билли.

— Слушай! Доберись до него утром! — крикнул Джеф Хмель, высовываясь из окна своей спальни. — Тут кое-кому из нас хотелось бы поспать.

Билли двинулся дальше. Когда он скрылся из глаз, Том поспешил домой и выгрузил добычу на пол, рядом с остальными трофеями. Вид награбленного добра пробудил в нем сознание исполненного долга.

Подкрепившись стаканом холодной глявы, Том улегся в постель и мгновенно погрузился в глубокий мирный сон, не отягощенный никакими сновидениями.

На следующие утро Том пошел поглядеть, как продвигается строительство маленького красного школьного здания. Братья Плотники трудились над ним вовсю, кое-кто из крестьян помогал им.

— Как работка? — весело окликнул их Том.

— Отлично, — сказал Марв Плотник. — И спорилась бы еще лучше, будь у меня моя пила.

— Твоя пила? — недоумевающе повторил Том.

И тут же вспомнил — ведь это он, украл ее ночью. Он как-то не воспринимал ее тогда, как вещь, которая кому-то принадлежит. Пила, как и все остальное, была просто предметом, который надлежало украсть. Том ни разу не подумал о том, что этими предметами пользуются, что они могут быть кому-то нужны.

Марв Плотник спросил:

— Как ты считаешь, могу я взять обратно свою пилу на время? Часика на два?

— Я что-то не знаю, — сказал Том, нахмурившись. — Она ведь юридически украдена, ты сам понимаешь.

— Конечно, я понимаю. Да мне бы только одолжить ее на время...

— Но тебе придется отдать ее обратно.

— А то как же! Ясное дело, я ее верну, — возмущенно сказал Марв. — Стану я держать у себя то, что юридически украдено.

— Она у меня дома, вместе со всем награбленным.

Марв поблагодарил его и побежал за пилой.

Том не спеша пошел прогуляться по деревне. Он подошел к дому мэра. Мэр стоял во дворе и глядел на небо.

— Стащил мою медную дощечку, Том? — спросил он.

— Конечно, стащил, — вызывающе ответил Том.

— О! Я просто поинтересовался. — Мэр показал на небо: — Вон видишь?

Том поглядел на небо.

— Где?

— Видишь черную точку рядом с маленьким солнцем?

— Вижу. Ну и что?

— Головой ручаюсь, что это летит к нам инспектор. Как у тебя дела?

— Хорошо, — несколько неуверенно сказал Том.

— Уже разработал план убийства?

— Тут у меня неувязка получается, — признался Том. Правду сказать, не двигается у меня это дело.

— Зайдем-ка в дом. Мне надо поговорить с тобой, Том.

В прохладной, затемненной ставнями гостиной мэр налил два стакана глявы и пододвинул Тому стул.

— Наше время истекает, — мрачно сказал мэр. — Инспектор может теперь прибыть в любую минуту. А у меня хлопот полон рот. — Он показал на межпланетное радио. — Оно опять говорило. Что-то насчет того, что колонии должны быть готовы провести мобилизацию — шут его знает, что это еще такое. Как будто у меня без того мало забот.

Он сурово поглядел на Тома.

— А вы точно знаете, что без убийства нам никак нельзя обойтись?

— Ты сам знаешь, что нельзя, — сказал мэр, — убийство единственное, в чем мы проявляем отсталость.

Вошел Билли Маляр, в новой форменной синей рубахе с блестящими металлическими пуговицами, и плюхнулся на стул.

— Убил уже кого-нибудь. Том?

Мэр сказал:

— Он хочет знать, так ли это необходимо.

— Разумеется, необходимо, — сказал начальник полиции. Прочти любую книгу.

— Кого ты думаешь убить, Том? — спросил мэр.

Том беспокойно заерзал на стуле. Нервно хрустнул пальцами.

— Ну?

— Ладно, я убью Джефа Хмеля, — выпалил Том.

Билли Маляр быстро нагнулся вперед.

— Почему? — спросил он.

— Почему? А почему бы и нет?

— Какие у тебя мотивы?

— Я так считал, что вам просто нужно, чтобы было убийство, — возразил Том. — Никто ничего не говорил о мотивах.

— Липовое убийство нам не годится, — пояснил начальник полиции. — Убийство должно быть совершено по всем правилам. А это значит, что у тебя должен быть основательный мотив.

Том задумался.

— Ну, я, например, не очень-то близко знаю Джефа. Достаточный это мотив?

Мэр покачал головой:

— Нет, Том, это не годится. Лучше выбери кого-нибудь другого.

— Давайте подумаем, — сказал Том. — А если Джорджа Паромщика?

— А какие мотивы? — немедленно спросил Билли.

— Ну... хм... Мне, признаться, очень не нравится его походка. Давно уже не нравится. И шумный он какой-то бывает... иногда. Мэр одобрительно кивнул.

— Это, пожалуй, подходит. Что ты скажешь, Билли?

— Как, по-вашему, могу я раскрыть преступление, совершенное

по таким мотивам? — сердито спросил Билли. Нет, это еще годилось бы, если бы ты убил его в состоянии умоисступления. Но ты должен убить по всем правилам, Том. И должен отвечать характеристике: хладнокровный, безжалостный, коварный убийца. Ты не можешь убить кого-то только потому, что тебе не нравится его походка. Это звучит глупо.

— Пожалуй, мне надо еще раз хорошенько все обдумать, сказал Том, вставая.

— Только думай не слишком долго, — сказал мэр. — Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше.

Том кивнул и направился к двери.

— Да, Том! — крикнул Билли. — Не забудь оставить улики. Это очень важно.

— Ладно, — сказал Том и вышел.

Почти все жители деревни стояли на улице, глядя в небо. Черная точка уже почти совсем закрыла собой маленькое солнце.

Том направился в пользующийся дурной славой притон, чтобы все продумать до конца. Эд Пиво, по-видимому, пересмотрел свое отношение к преступным элементам. Он переоборудовал таверну. Появилась большая вывеска, гласившая: **ЛОГОВО ПРЕСТУПНИКА**. Окна были задрапированы новыми, добросовестно перепачканными грязью занавесками, затруднявшими доступ дневному свету и делавшими таверну поистине мрачным притоном. На одной стене висело наспех вырезанное из дерева всевозможное оружие. На другой стене большая кроваво-красная клякса производила весьма зловещее впечатление, хотя Том и видел, что это всего-навсего краска, которую Билли Маляр приготавливает из ягод руты.

— Входи, входи, Том, — сказал Эд Пиво и повел гостя в самый темный угол. Том заметил, что в эти часы в таверне никогда не бывало столько народу. Людям, как видно, пришлось по душе, что они попали в настоящее логово преступника.

Потягивая перри-колу, Том принялся размышлять.

Он должен совершить убийство.

Он достал свой ордер и прочел его еще раз от начала до конца. Скверная штука, никогда бы он по доброй воле за такое не взялся, но закон обязывает его выполнить свой долг.

Том выпил перри-колу и постарался сосредоточиться на

убийстве. Он сказал себе, что должен кого-нибудь убить. Должен лишить кого-нибудь жизни. Должен отправить кого-нибудь на тот свет.

Но, что бы он себе ни говорил, это не выражало существа дела. Это были слова, и все. Чтобы привести в порядок свои мысли, Том решил взять для примера здоровенного рыжеволосого Марва Плотника. Сегодня Марв, получив напрокат свою пилу, строит школьное здание. Если Том убьет Марва... Ну, тогда Марв не будет больше строить.

Нет, ему все никак не удавалось осознать это до конца.

Ну, ладно. Вот, значит, Марв Плотник — самый здоровенный и, по мнению многих, самый славный из всех ребят Плотников. Вот он стругает доску, прищурившись, крепко ухватив рубанок веснушчатой рукой.

А теперь...

Марв Плотник, опрокинутый навзничь, лежит на земле; остекленелые глаза его полуоткрыты, он не дышит, сердце у него не бьется. Никогда уже больше не будет он сжимать кусок дерева в своих больших веснушчатых руках...

На какой-то миг Том вдруг всем своим нутром ощутил, что такое убийство. Видение исчезло, но воспоминание о нем осталось — оно было настолько ярко, что Том почувствовал легкую дурноту.

Он мог жить, совершив кражу. Но убийство, даже с самыми благими намерениями, в интересах деревни...

Что скажут люди, когда они увидят то, что ему сейчас померещилось? Как тогда ему жить среди них? Как примириться с самим собой?

И тем не менее он должен убить. Каждый житель деревни вносит свою лепту, а это дело выпало на его долю.

Но кого же ему убить?

Переполох начался несколько позже, когда межпланетное радио сердито загремело на разные голоса.

— Это и есть колония? Где ваша столица?

— Вот она, — сказал мэр.

— Где ваш аэродром?

— У нас там, кажется, теперь сделали выгон, — сказал мэр. — Я могу проверить по книгам, где тут прежде был аэродром. Ни один

воздушный корабль не опускался здесь уже...

— В таком случае главный корабль будет оставаться в воздухе. Соберите ваших представителей. Я приземляюсь.

Вся деревня собралась вокруг открытого поля, которое инспектор избрал для посадки. Том засунул за пояс свое оружие, укрылся за деревом и стал наблюдать.

Маленький воздушный кораблик отделился от большого и быстро устремился вниз. Он камнем падал на поле, и деревня затаила дыхание, ожидая, что он сейчас разобьется. Но в последнее мгновение кораблик выпустил огненные струи, которые выжгли всю траву, и плавно опустился на грунт.

Мэр, работая локтями, протискался вперед; за ним спешил Билли Маляр. Дверца корабля отворилась, и появилось четверо мужчин. Они держали в руках блестящие металлические предметы, и Том понял, что это оружие. Следом за ними из корабля вышел дородный краснолицый мужчина, одетый в черное, с четырьмя блестящими медалями на груди. Его сопровождал маленький человечек с морщинистым лицом, тоже в черном. За ними последовало еще четверо облаченных в одинаковую форму людей.

— Добро пожаловать в Новый Дилавер, — сказал мэр.

— Благодарю вас, генерал, — сказал дородный мужчина, энергично тряхнув руку мэра. — Я инспектор Дилумейн. А это — мистер Грент, мой политический советник.

Грент кивнул мэру, делая вид, что не замечает его протянутой руки. С выражением снисходительного отвращения он окинул взглядом собравшихся дилаверцев.

— Мы бы хотели осмотреть деревню, — сказал инспектор, покосившись на Грента. Грент кивнул. Одетая в мундиры стража замкнула их в полукольцо.

Том, крадучись, как заправский злодей, и держась на безопасном расстоянии, последовал за ними. Когда они добрались до деревни, он спрятался за домом и продолжал свои наблюдения.

Мэр с законной гордостью показывал тюрьму, почту, церковь и маленькое красное школьное здание. Инспектор, казалось, был несколько озадачен. Мистер Грент противно улыбался и скреб подбородок.

— Так я и думал, — сказал он инспектору. — Пустая трата

времени, горючего и ненужная амортизация линейного крейсера. Здесь нет абсолютно ничего ценного.

— Я не вполне в этом уверен, — сказал инспектор. Он повернулся к мэру: — Но для чего вы все это построили, генерал?

— Как? Для того, чтобы быть настоящими землянами, отвечал мэр. — Вы видите, мы делаем все, что в наших силах. Мистер Грент прошептал что-то на ухо инспектору.

— Скажите, — обратился инспектор к мэру, — сколько у вас тут молодых мужчин в вашей деревне?

— Прошу прощения?.. — растерянно переспросил мэр.

— Сколько у вас имеется молодых мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет, — пояснил мистер Грент.

— Нам нужны люди для космической пехоты, — сказал инспектор. — Крепкие, здоровые, боеспособные мужчины. Мы убеждены, что не услышим от вас отказа.

— Разумеется, нет, — сказал мэр. — Конечно, нет. Я уверен, что все наши молодые люди будут рады... Они, правда, не особо большие специалисты по этой части, но зато очень смышленые ребята. Научатся быстро, я полагаю.

— Вот видите? — сказал инспектор, обращаясь к мистеру Гренту. — Шестьдесят, семьдесят, а быть может, и сотня рекрутов. Не такая уж потеря времени, оказывается.

Но мистер Грент по-прежнему был настроен скептически. Инспектор вместе со своим советником направился в дом мэра, чтобы немного подкрепиться. Их сопровождали четверо солдат. Остальные четверо прошлись по деревне, не пренебрегая ничем, что попадало под руку.

Том укрылся в ближайшем лесочке, чтобы все основательно обдумать. В сумерках миссис Эд Пиво, пугливо озираясь по сторонам, вышла за околицу. Миссис Эд Пиво была тощая, начинающая седеть блондинка средних лет. Невзирая на свое подагрическое колено, она двигалась очень проворно. В руках у нее была корзина, покрытая красной клетчатой салфеткой.

— Я принесла тебе обед, — сказала она, как только увидела Тома.

— Вот как?.. Спасибо, — сказал Том, опешив, от удивления. — Ты совсем не обязана это делать.

— Как это не обязана? Ведь это наша таверна — место, пользующееся дурной славой, где тебе надлежит укрываться от закона? Разве не так? Значит, мы за тебя отвечаем и должны о тебе

заботиться. Мэр велел тебе кое-что передать.

Том с набитым ртом поглядел на миссис Эд Пиво.

— Что еще?

— Он сказал, чтобы ты поторопился с убийством. Он пока что водит за нос инспектора и этого противного карлика Грента. Но рано или поздно они с него спросят. Он в этом уверен.

Том кивнул.

— Когда ты это сделаешь, Том? — Миссис Пиво поглядела на него, склонив голову набок.

— Я не должен тебе говорить, — сказал Том.

— Как так не должен! Я же твоя преступная сообщница! Миссис Пиво придвинулась ближе.

— Да, это верно, — задумчиво согласился Том. — Ладно, я собираюсь сделать это сегодня, когда стемнеет. Передай Билли Маляру, что я оставлю все отпечатки пальцев, какие только у меня получатся, и разные прочие улики.

— Ладно, Том, — сказала миссис Пиво. — Бог в помощь.

Том дожидался наступления темноты, а пока что наблюдал за происходящим в деревне. Он видел, что почти все солдаты напились пьяными. Они разгуливали по деревне с таким видом, словно кроме них никого больше не существовало на свете. Один из солдат выстрелил в воздух и напугал всех маленьких, пушистых, питающихся травой зверьков на много миль в окружности.

Инспектор и мистер Грент все еще оставались в доме мэра. Наступила ночь. Том пробрался в деревню и притаился в узком переулочке между двумя домами. Он вытащил из-за пояса нож и стал ждать.

Кто-то шел по дороге. Человек приближался. Фигура его неясно маячила во мраке.

— А, это ты, Том! — сказал мэр. Он поглядел на нож. Что ты тут делаешь?

— Вы сказали, что нужно кого-нибудь убить, вот я и...

— Я не говорил, что меня, — сказал мэр, пятясь назад. Меня нельзя.

— Почему нельзя? — спросил Том.

— Ну, во-первых, кто-то должен принимать инспектора. Он ждет меня. Нужно показать ему...

— Это может сделать и Билли Маляр, — сказал Том. Он ухватил мэра за ворот рубахи и занес над ним нож, нацелив острие в горло. — Лично я, конечно, ничего против вас не имею, — добавил он.

— Постой! — закричал мэр. — Если ты ничего не имеешь лично, значит, у тебя нет мотива!

Том опустил нож, но продолжал держать мэра за ворот.

— Что ж, я могу придумать какой-нибудь мотив. Я, например, был очень зол, когда вы назначили меня преступником.

— Так ведь это мэр тебя назначил, верно?

— Ну да, а то кто же...

Мэр потащил Тома из темного закоулка на залитую светом звезд улицу.

— Гляди!

Том разинул рот. На мэре были длинные штаны с острой, как лезвие ножа, складкой и мундир, сверкающий медалями. На плечах — два ряда звезд, по десять штук в каждом. Его головной убор, густо расшитый золотым галуном, изображал летящую комету.

— Ты видишь. Том? Я теперь уже не мэр. Я — Генерал!

— Какая разница? Человек-то вы тот же самый.

— Только не с формальной точки зрения. Ты, к сожалению, пропустил церемонию, которая состоялась после обеда. Инспектор заявил, что раз я теперь официально произведен в генералы, мне следует носить генеральский мундир. Церемония протекала в теплой, дружеской обстановке. Все прилетевшие с Земли улыбались и подмигивали мне и друг другу.

Том снова взмахнул ножом с таким видом, словно собирался выпотрошить рыбу.

— Поздравляю, — с неподдельной сердечностью сказал он, но ведь вы были мэром, когда назначили меня преступником, значит, мой мотив остается в силе.

— Так ты уже убиваешь не мэра. Ты убиваешь генерала! А это уже не убийство.

— Не убийство? — удивился Том.

— Видишь ли, убийство Генерала — это уже мятеж!

— О! — Том опустил нож. — Прошу прощения.

— Ничего, все в порядке, — сказал мэр. — Вполне простительная ошибка. Просто я прочел об этом в книгах, а ты — нет. Тебе это ни к

чему. — Он глубоко, с облегчением вздохнул. — Ну, мне, пожалуй, надо идти. Инспектор просил составить ему список новобранцев.

Том крикнул ему вдогонку:

— Вы уверены, что я непременно должен кого-нибудь убить?

— Уверен! — ответил мэр, поспешно удаляясь. — Но только не меня!

Том снова сунул нож за пояс.

Не меня, не меня! Каждый так скажет. Убить самого себя он не мог. Это же самоубийство и, значит, будет не в счет.

Тома пробрала дрожь. Он старался забыть о том, как убийство на мгновение предстало перед ним во всей своей реальности. Дело должно быть сделано.

Приближался еще кто-то!

Человек подходил все ближе. Том пригнулся, мускулы его напряглись, он приготовился к прыжку.

Появилась миссис Мельник. Она возвращалась домой с рынка и несла сумку с овощами.

Том сказал себе, что это не имеет значения — миссис Мельник или кто-нибудь другой. Но он никак не мог отогнать от себя воспоминания о ее беседах с его покойной матерью. Получилось, что у него нет никаких мотивов убивать миссис Мельник.

Она прошла мимо, не заметив его.

Он ждал еще минут тридцать. В темном проулочке между домами опять появился кто- то. Том узнал Макса Ткача.

Макс всегда нравился Тому. Но это еще не означало, что у Тома не может быть мотива убить Макса. Однако ему решительно ничего не приходило на ум кроме того, что у Макса есть жена и пятеро ребятишек, которые очень его любят и очень будут по нему горевать. Он отступил поглубже в тень и позволил Максу благополучно пройти мимо.

Появились трое братьев Плотников. С ними у Тома было связано слишком мучительное воспоминание. Он дал им пройти мимо. Следом за ними шел Роджер Паромщик.

У Тома не было никакой причины убивать Роджера, но и дружить они особенно никогда не дружили. К тому же у Роджера не было детей, а его жена, не сказать чтоб слишком была к нему привязана. Может, всего этого уже будет достаточно для Билли

Маляра, чтобы вскрыть мотивы убийства?

Том понимал, что этого недостаточно... И что со всеми остальными жителями деревни у него получится то же самое. Он вырос среди этих людей, делил с ними пищу и труд, горести и радости. Какие, в сущности, могут у него быть мотивы, чтобы убивать кого-нибудь из них?

А убить он должен. Этого требует выданный ему ордер. Нельзя же обмануть доверие односельчан.

«Постой-ка! — внезапно в сильном волнении подумал он. Можно ведь убить инспектора!»

Мотивы? Да это будет даже более чудовищное злодеяние, чем убить мэра... Конечно, мэр теперь еще и генерал, но ведь это уже был бы всего-навсего мятеж. Да если бы даже мэр по-прежнему оставался только мэром, инспектор куда более солидная жертва. Том совершит это убийство ради славы, ради подвига, ради величия! Это убийство покажет Земле, насколько верна земным традициям ее колония. И на Земле будут говорить: «На Новом Дилавере преступность приняла такие размеры, что появляться там небезопасно. Какой-то преступник просто-напросто взял, да и убил нашего инспектора в первый же день его прибытия туда! Во всей Вселенной едва ли сыщется еще один столь страшный убийца»! Это, несомненно, будет самое эффектное убийство, какое он только может совершить, думал Том.

Убийство, которое под стать лишь настоящему знатоку своего дела.

Впервые ощутив прилив гордости, Том поспешил к дому мэра. До него долетели обрывки разговора, который шел внутри.

— ... весьма пассивный народ, — говорил мистер Грент. Я бы даже сказал, робкий.

— Довольно-таки унылое качество, — заметил инспектор. Особенно в солдатах.

— А чего вы ожидали от этих отсталых земледельцев? Хорошо еще, что мы завербовали здесь немного солдат. Мистер Грент оглушительно зевнул. — Стража, смирно! Мы возвращаемся на корабль.

Стража! Том совершенно про нее забыл. Он с сомнением поглядел на свой нож. Если он бросится на инспектора, стража,

несомненно, успеет его схватить, прежде чем он совершит убийство. Их, верно, специально этому обучают.

Вот если бы у него было такое оружие, как у них...

Из дома донесся звук шагов. Том поспешно пошел дальше по улице.

Возле рынка он увидел пьяного солдата, который сидел на крылечке и что-то напевал себе под нос. У ног его валялись две пустые бутылки, оружие небрежно висело на плече.

Том подкрался ближе, вытащил свою дубинку, замахнулся...

Его тень, по-видимому, привлекла внимание солдата. Он вскочил, пригнулся и успел увернуться от удара дубинки. Он ударил Тома прикладом под ребра, вскинул винтовку к плечу и прицелился. Том зажмурился и прыгнул, лягнув его обеими ногами. Удар пришелся солдату в колено и опрокинул его навзничь. Прежде чем он успел подняться, Том огрел его дубинкой.

Том пощупал у солдата пульс (не было смысла убивать кого попало) и нашел его вполне удовлетворительным. Он взял винтовку, проверил, где что надо нажимать, и пошел разыскивать инспектора.

Он нагнал его на полпути к посадочной площадке. Инспектор и Грент шли впереди, позади них ковыляли солдаты.

Том шел, прячась за кустами. Он бесшумно догонял процессию, пока не поравнялся с Грентом и с инспектором. Тем прицелился, но палец его застыл на спусковом крючке...

Ему не хотелось убивать еще и Грента. Ведь предполагалось, что он должен совершить только одно убийство.

Том припустил вперед, опередил инспектора и, выйдя на дорогу, преградил ему путь. Его оружие было направлено прямо на инспектора.

— Что это такое? — спросил инспектор.

— Стойте смирно, — сказал ему Том. — Все остальные бросьте оружие и отойдите с дороги.

Солдаты повиновались, как сомнамбулы. Один за другим они побросали оружие и отступили к кустам обочины. Грент остался на месте.

— Что это ты задумал, малый? — спросил он.

— Я городской преступник, — горделиво отвечал Том. — Я хочу убить инспектора. Пожалуйста, отойдите в сторону.

— Преступник? Так вот о чем лопотал ваш мэр!

— Я знаю, что у нас уже двести лет не было ни одного убийства, — пояснил Том, — но сейчас я это исправлю. Прочь с дороги!

Грент прыгнул в сторону от наведенного на него дула. Инспектор остался один. Он стоял, легонько пошатываясь.

Том прицелился, стараясь думать о том, какой эффект произведет это убийство, и о его общественном значении. Но он видел инспектора простертым на земле, с остановившимся взглядом широко открытых глаз, с переставшим биться сердцем.

Он старался заставить свой палец нажать на спусковой крючок. Мозг мог сколько угодно убеждать его в том, как общественно необходимо преступление, — рука знала лучше.

— Я не могу! — выкрикнул Том.

Он бросил оружие и прыгнул в кусты.

Инспектор хотел отрядить людей на розыски Тома и повесить его на месте. Но мистер Грент был с ним не согласен. Новый Дилавер — лесная планета. Десять тысяч людей не найдут беглеца в этих дремучих лесах, если он не захочет попасться им в руки.

На шум прибежал мэр и еще кое-кто из жителей деревни. Солдаты образовали каре вокруг инспектора и мистера Грента. Они стояли, держа оружие наизготовку. Лица их были угрюмы и суровы.

Мэр все разъяснил. О прискорбной отсталости деревни по части преступлений. О поручении, данном Тому Рыбаку. О том, как он всех их осрамил, не сумев выполнить свой долг.

— Почему вы, дали, это поручение, именно ему? — спросил мистер Грент.

— Видите ли, — сказал мэр. — Я подумал, что если уж кто-нибудь из нас, способен убить, так только Том. Он, понимаете ли, рыбак. Это довольно-таки кровавое занятие.

— Значит, все остальные у вас также не способны убивать?

— Никому из нас никогда бы не зайти так далеко, как зашел Том, — с грустью признался мэр.

Инспектор и мистер Грент переглянулись, потом поглядели на солдат. Солдаты с почтительным изумлением взирали на жителей деревни и начали негромко переговариваться друг с другом.

— Смирно! — зарычал инспектор. Он обернулся к Гренту и сказал, понизив голос: — Надо, пока не поздно, поскорее убираться

отсюда. Люди, не умеющие убивать...

— Опасная зараза... — весь дрожа, пробормотал мистер Грент. — Один такой человек, если он не в состоянии выстрелить из винтовки, может в ответственный момент поставить под удар весь корабль... Быть может, даже целую эскадрилью... Нет, так рисковать нельзя.

Они приказали солдатам вернуться на корабль. Солдаты шагали ленивее, чем обычно, и то и дело оборачивались, чтобы поглядеть на деревню. Они продолжали перешептываться, невзирая на то, что инспектор рычал и сыпал приказами.

Маленький воздушный корабль взмыл вверх, исторгнув из себя целый шквал струй. Через несколько минут его поглотил большой корабль. А затем и большой корабль скрылся из виду.

Огромное водянисто-красное солнце уже касалось края горизонта.

— Ты можешь теперь выйти, Том! — крикнул мэр. Том вылез из кустов, где он прятался, следя за происходящим.

— Напортачил я с этим поручением, — жалобно сказал Том.

— Не сокрушайся, — утешил его Билли Маляр. — Это же невыполнимое дело.

— Похоже, что ты прав, — сказал мэр, когда они шагали по дороге, возвращаясь в деревню. — Я просто подумал — чем черт не шутит, а вдруг ты как-нибудь справишься. Но ты не огорчайся. Никто у нас в деревне не натворил бы половины того, что ты.

— Теперь мне, верно, это больше не понадобится, — сказал Том, протягивая свой ордер мэру.

— Да, пожалуй, — сказал мэр. Все сочувственно смотрели на него, когда он рвал ордер на мелкие куски. — Ну что ж, сделали, что могли. Просто не вышло.

— У меня ведь была возможность, — смущенно пробормотал Том, — а я вас всех подвел.

Билли Маляр ласково положил руку ему на плечо.

— Ты не виноват. Том. И никто из нас не виноват. Вот что получается, когда к людям двести лет не проникает цивилизация. Поглядите, сколько времени понадобилось Земле, чтобы стать цивилизованной. Тысячи лет. А мы хотели достигнуть этого за две недели.

— Ну что ж, придется нам снова вернуться в нецивилизованное состояние, — сказал мэр, делая неуклюжую попытку пошутить.

Том зевнул, потянулся и зашагал домой, чтобы хорошенько отоспаться — наверстать упущенное. На пороге дома он взглянул на небо.

Густые, тяжелые облака собирались над головой. Близились осенние дожди. Скоро можно будет снова рыбачить.

Почему он не представил себе инспектора в виде рыбы? Теперь думать об этом было уже поздно.

Он плохо спал в эту ночь.

Поднимается ветер

За стенами станции поднимался ветер. Но двое внутри не замечали этого — на уме у них было совсем другое. Клейтон еще раз повернул водопроводный кран и подождал. Ничего.

— Стукни-ка его посильнее, — посоветовал Неришев.

Клейтон ударил по крану кулаком. Вытекли две капли. Появилась третья, повисела секунду и упала. И все.

— Ну, ясно, — с горечью сказал Клейтон. — Опять забило эту чертову трубу. Сколько у нас воды в баке?

— Четыре галлона, да и то если в нем нет новых трещин, ответил Неришев.

Не сводя глаз с крана, он беспокойно постукивал по нему длинными пальцами. Он был крупный, рослый, но почему-то казался хрупким, бледное лицо обрамляла реденькая бородка. Судя по виду, он никак не подходил для работы на станции наблюдения на далекой чужой планете. Но, к великому сожалению Корпуса Освоения, давно выяснилось, что для этой работы подходящих людей вообще не бывает.

Неришев был опытный биолог и ботаник. По натуре беспокойный, он в трудные минуты поражал своей собранностью. Таким людям нужно попасть в хорошую переделку, чтобы оказаться на высоте положения. Пожалуй, именно поэтому его и послали осваивать такую неуютную планету, как Карелла.

— Наверно, придется все-таки выйти и прочистить трубу, сказал Неришев, не глядя на Клейтона.

— Видно так, — согласился Клейтон и еще раз изо всех сил стукнул по крану. — Но ведь это просто самоубийство! Ты только послушай!

Клейтон был краснощекий коренастый крепыш с бычьей шеей. Он работал наблюдателем уже на третьей планете.

Пробовал он себя и на других должностях в Корпусе Освоения, но ни одна не пришлась ему по душе. ПОИМ Первичное Обнаружение Иных Миров — сулило чересчур много всяких неожиданностей. Нет, это работа разве что для какого-нибудь сорвиголовы или сумасшедшего. А на освоенных планетах,

наоборот, чересчур тихо и негде развернуться.

Вот теперешняя должность наблюдателя недурна. Знай сиди на планете, только что открытой ребятами из Первичного Обнаружения Иных Миров и обследованной роботом- спутником. Тут требуется одно: стоически выдерживать любые неудобства и всеми правдами и неправдами оставаться в живых. Через год его заберет отсюда спасательный корабль и примет его отчет. В зависимости от этого отчета планету будут осваивать дальше или откажутся от нее.

Каждый раз Клейтон исправно обещал жене, что следующий полет будет последним. Уж когда закончится этот год, он точно осядет на Земле и станет хозяйничать на своей маленькой ферме. Он обещал...

Однако едва кончался очередной отпуск, Клейтон снова отправлялся в путь, чтобы делать то, для чего предназначила его сама природа: стараться во что бы то ни стало выжить, пуская в ход все свое умение и выносливость.

Но на сей раз с него, кажется, и правда хватит. Они с Неришевым пробыли на Карелле уже восемь месяцев. Еще четыре — и за ними придет спасательный корабль. Если и на этот раз он уцелеет — все, баста, больше никуда!

— Слышишь? — спросил Неришев.

Далекий, приглушенный ветер вздыхал и бормотал вокруг стального корпуса станции, как легкий летний бриз.

Таким он казался здесь, внутри станции, за трехдюймовыми стальными стенами с особой звуконепроницаемой прокладкой.

— А он крепчает, — заметил Клейтон и подошел к индикатору скорости ветра. Судя по стрелке, этот ласковый ветерок дул с постоянной скоростью восьмидесяти двух миль в час!

На Карелле это всего лишь легкий бриз.

— Ах, черт, не хочется мне сейчас вылезать, — сказал Клейтон. — Пропади оно все пропадом!

— А очередь твоя, — заметил Неришев.

— Знаю. Дай хоть немножко поскулить сначала. Вот что, пойдем спросим у Сманика прогноз.

Они двинулись через станцию мимо отсеков, заполненных продовольствием, запасами воздуха, приборами и инструментами,

запасным оборудованием; стук их каблуков по стальному полу отдавался гулким эхом. В дальнем конце виднелась тяжелая металлическая дверь, выходившая в приемник. Оба натянули маски, отрегулировали приток кислорода.

— Готов? — спросил Клейтон.

— Готов.

Они напряглись, ухватились за ручки возле двери. Клейтон нажал кнопку. Дверь скользнула в сторону, и внутрь со свистом ворвался порыв ветра. Оба низко пригнулись и, с усилием одолевая напор ветра, вошли в приемник.

Это помещение футов тридцать в длину и пятнадцать в ширину служило как бы продолжением станции, но не было герметически непроницаемым. В стальной каркас стен были вделаны щитки, которые в какой-то мере замедляли и сдерживали воздушный поток. Судя по индикатору, здесь, внутри, ветер дул со скоростью тридцать четыре мили в час.

«Черт, какой ветрище, а придется еще беседовать с карелланцами» — подумал Клейтон. Но иного выхода не было. Здешние жители выросли на планете, где ветер никогда не бывает слабее семидесяти миль в час, и не могли выносить «мертвый воздух» внутри станции. Они не могли дышать там, даже когда люди уменьшали содержание кислорода до обычного на Карелле. В стенах станции у них кружилась голова и они сразу пугались. Пробыв там немного, они начинали задыхаться, как люди в безвоздушном пространстве.

А ветер со скоростью в тридцать четыре мили в час — это как раз та средняя величина, которую могут выдержать и люди, и карелланцы.

Клейтон и Неришев прошли по приемнику. В углу лежал какой-то клубок, нечто вроде высушенного осьминога. Клубок зашевелился и учтиво помахал двумя щупальцами.

— Добрый день, — поздоровался Сманик.

— Здравствуй, — отвечал Клейтон. — Что скажешь об этой погоде?

— Отличная погода, — сказал Сманик.

Неришев потянул Клейтона за рукав.

— Что он говорит? — спросил он и задумчиво кивнул, когда Клейтон перевел ему слова Сманика. Неришев был не так способен к языкам, как Клейтон. Он пробыл здесь уже восемь месяцев, но язык карелланцев все еще казался ему совершенно

невразумительным набором щелчков и свистков. Появились еще несколько карелланцев и тоже вступили в разговор. Все они походили на пауков или осьминогов, у всех были маленькие круглые тела и длинные гибкие щупальца. Самая удобная форма тела на этой планете, и Клейтон частенько ловил себя на том, что завидует им. Для него станция — единственное надежное убежище, а для этих вся планета — дом родной.

Нередко он видел, как карелланец шагает против ураганного ветра: семь-восемь щупалец намертво впились в почву, а остальные протянуты вперед в поисках новой опоры. Или же они катятся по ветру, словно перекати-поле, плотно обвив себя всеми щупальцами, — ни дать ни взять плетеная корзинка. А как весело и дерзко управляются они со своими сухопутными кораблями, как лихо мчатся по ветру, точно гонимые им облака.

«Что ж, зато на Земле они выглядели бы преглупо» подумал Клейтон.

— Какая будет погода? — спросил он Сманика.

Карелланец на минуту призадумался, втянул в себя воздух и потер два щупальца одно о другое.

— Пожалуй, ветер еще немножко усилится, — сказал он наконец. — Но ничего страшного не будет.

Теперь задумался Клейтон. «Ничего страшного» для карелланца может означать гибель для землянина. И все-таки это звучит утешительно.

Они с Неришевым вновь ушли в станцию и закрыли за собой дверь.

— Слушай, — сказал Неришев, — если ты предпочитаешь переждать...

— Уж лучше скорее отделаться.

Единственная тусклая лампочка под потолком освещала блестящую, гладкую громаду Зверя. Так они прозвали машину, созданную специально для передвижения по Карелле.

Зверь был весь бронированный, как танк, и обтекаемый, как полушарие. В мощной стальной броне были прорезаны смотровые щели, забранные небьющимся стеклом, толщиной и прочностью не уступающим стали. Центр тяжести танка был расположен очень низко: основная масса двенадцатитонной громады размещалась у

самого днища. Зверь закрывался герметически. Его тяжелый дизельный двигатель и все входные и выходные отверстия были снабжены особыми пыленепроницаемыми покрышками. Эта неподвижная махина на шести колесах с толстенными шинами напоминала некое доисторическое чудовище.

Клейтон залез внутрь, надел шлем и защитные очки, пристегнулся к мягкому сиденью. Потом включил мотор, прислушался и кивнул.

— В порядке, — сказал он. — Зверь готов к прогулке. Иди наверх и открой дверь гаража.

— Счастливо, — сказал Неришев и вышел.

Клейтон внимательно проверил приборы: да, все технические новинки, изготовленные специально для Зверя, работают отлично. Через минуту по радио раздался голос Неришева:

— Открываю дверь.

— Давай.

Тяжелая дверь скользнула в сторону, и Клейтон вывел Зверя.

Станция была поставлена на широкой пустой равнине. Конечно, горы могли бы хоть немного защитить от ветра, но горы на Карелле беспрестанно возникают и рушатся. Впрочем, на равнине есть и свои опасности. И чтобы избежать хотя бы самых грозных, вокруг станции установлены прочные стальные надолбы. Они стоят очень близко друг к другу и нацелены остриями наружу, точно старинные противотанковые укрепления, да и служат, собственно, тем же целям.

Клейтон повел Зверя по одному из узких извилистых проходов, проложенных в гуще этой стальной щетины. Выбрался на открытое место, отыскал водопроводную трубу и двинулся вдоль нее. На небольшом экране засветилась белая линия. Она будет показывать малейшую поломку или чужеродное тело в этой трубе.

Впереди простиралась однообразная скалистая пустыня. Время от времени на глаза Клейтону попадался одинокий низкорослый кустик. Ветер, приглушенный урчанием мотора, дул прямо в спину.

Клейтон взглянул на индикатор скорости ветра. Девяносто две мили в час!

Клейтон уверенно продвигался вперед, тихонько мурлыча что-то себе под нос. Временами слышался треск — камешки, гонимые

ураганным ветром, барабанили по танку. Они отскакивали от толстой стальной шкуры Зверя, не причиняя никакого вреда.

— Все в порядке? — спросил по радио Неришев.

— Как нельзя лучше, — отвечал Клейтон.

Вдалеке он различил сухопутный корабль карелланцев. Футов сорока в длину, довольно узкий, корабль проворно скользил вперед на грубых деревянных катках. Паруса были сработаны из древесины лиственного кустарника — на планете их было всего несколько пород.

Поравнявшись с Клейтоном, карелланцы помахали ему щупальцами. Они, видимо, направлялись к станции.

Клейтон вновь стал следить за светящейся линией. Теперь шум ветра стал громче, его рев перекрывал даже стук мотора. Скорость его по индикатору была уже девяносто семь миль в час.

Клейтон угрюмо, неотрывно глядел в иссеченное песком смотровое стекло. Вдалеке сквозь пыльные вихри смутно маячили зазубрины скал. По корпусу Зверя барабанили камешки, и стук их глухо отдавался внутри. Клейтон заметил еще один сухопутный корабль, потом еще три. Они упрямо продвигались против ветра.

Странно: с чего это их всех вдруг потянуло на станцию? Клейтон вызвал по радио Неришева.

— Как дела? — спросил Неришев.

— Я уже почти добрался до колодца, поломки пока не видно, — сказал Клейтон. — Кажется, к тебе туда едет целая орава карелланцев?

— Да. С подветренной стороны приемника уже стоят шесть кораблей и подходят новые.

— Пока у нас с ними еще не бывало никаких неприятностей, — раздумчиво проговорил Клейтон. — Как по-твоему, в чем тут, дело?

— Они привезли с собой еду. Может, у них какой-нибудь праздник...

— Может быть. Смотри там, поосторожней!

— Не беспокойся. Ты сам будь осторожен и давай скорей назад...

— Нашел поломку! После поговорим.

Поломка отражалась на экране белым пятном. Вглядевшись сквозь смотровое стекло, Клейтон понял, что по трубе, верно, прокатилась каменная глыба, смяла ее и покатилась дальше.

Он остановил танк с подветренной стороны трубы. Скорость ветра достигала уже ста тринадцати миль в час. Клейтон выскользнул из Зверя, прихватив несколько отрезков трубы, материал для заплат, паяльную лампу и ящик с инструментами. Все это он обвязал вокруг себя, а сам привязался к танку прочным нейлоновым канатом.

Снаружи ветер сразу его оглушил. Он грохотал и ревел, точно яростный морской прибой. Клейтон увеличил подачу кислорода в маску и принялся за работу.

Через два часа он наконец закончил ремонт, на который обычно хватает пятнадцати минут. Одежда его была изорвана в клочья, воздухоотвод забит песком и пылью.

Клейтон вскарабкался обратно в танк, задраил люк и без сил повалился на пол. Под порывами ветра танк начал вздрагивать. Но Клейтон не обратил на это никакого внимания.

— Алло! Алло! — кричал Неришев по радио.

Клейтон устало взобрался на сиденье и отозвался.

— Скорей назад, Клейтон! Отдыхать сейчас некогда. Ветер уже сто тридцать восемь! По-моему, надвигается буря!

Буря на Карелле! Клейтону даже думать об этом не хотелось. За все восемь месяцев такое случилось только один раз, скорость ветра дошла тогда до ста шестидесяти миль.

Он развернул танк и тронулся в обратный путь, прямо навстречу ветру. Он дал полный газ, но машина ползла ужасающе медленно. Три мили в час — вот и все, что можно было выжать из мощного мотора при встречном ветре скоростью сто тридцать восемь миль в час.

Клейтон глядел упорно вперед. Судя по длинным струям пыли и песка, все вихри бескрайних небес устремились в одну-единственную точку — в его смотровое стекло. Каменные обломки, подхваченные ветром, летели навстречу, росли на глазах и обрушивались все на то же стекло. И всякий раз Клейтон невольно съеживался и втягивал голову в плечи.

Мотор начал захлебываться и давать перебои.

— Нет, нет, малыш, — выдохнул Клейтон. — Не сдавай, погоди! Сначала доставь меня домой, а там как хочешь. Уж пожалуйста!

Он прикинул, что до станции еще миль десять и все против

ветра.

Вдруг что-то загрохотало, будто с горы низвергалась лавина. Это громыхала каменная глыба величиной с дом. Ветер не мог поднять такую громадину и просто катил ее, вспахивая ею каменистую почву, как плугом.

Клейтон круто повернул руль. Мотор надрывно взревел, и танк невыносимо медленно отполз в сторону, давая глыбе дорогу. Клейтон смотрел, как она надвигается, его трясло; он барабанил кулаком по приборной доске.

— Скорей, крошка, скорей!

Глыба с грохотом пронеслась мимо, она делала добрых тридцать миль в час.

— Чуть не шарахнуло, — сказал себе Клейтон. Он попытался снова повернуть Зверя против ветра по направлению к станции, но не тут-то было.

Мотор выл и ревел, силясь справиться с тяжелой машиной, но ветер, как неумолимая серая стена, отталкивал ее прочь.

Стрелка индикатора показывала уже сто пятьдесят девять в час.

— Как ты там? — спросил по радио Неришев.

— Превосходно! Не мешай, я занят.

Клейтон поставил танк на тормоза, отстегнулся от сиденья и кинулся к мотору. Отрегулировал зажигание, проверил смесь и поспешил назад к рулю.

— Эй, Неришев! Этот мотор скоро сдохнет!

Долгое мгновение Неришев не отвечал. Потом спросил очень спокойно:

— А что с ним случилось?

— Песок! — сказал Клейтон. — Ветер гонит его со скоростью сто пятьдесят девять миль в час. Песок в подшипниках, в форсунках, всюду и везде. Проеду, сколько удастся.

— А потом?

— А потом поставлю парус, — отвечал Клейтон. — Надеюсь, мачта выдержит.

Теперь он был поглощен одним: вел машину. При таком ветре Зверем нужно было управлять, как кораблем в бурном море. Клейтон набрал скорость, когда ветер дул ему в корму, потом круто развернулся и пошел против ветра.

На этот раз Зверь послушался и лег на другой галс.

Что ж, больше ничего не придумаешь. Весь путь против ветра нужно пройти, беспрестанно меняя галс. Он стал поворачивать, но даже на полном газу машина не могла держать против ветра круче, чем на сорок градусов.

Целый час Клейтон рвался вперед, поминутно меняя галс и делая три мили для того, чтобы продвинуться на две. Каким-то чудом мотор все еще работал. Клейтон мысленно благославлял его создателей и умолял двигатель продержаться еще хоть сколько-нибудь.

Сквозь слепящую завесу песка и пыли он увидел еще один карелланский корабль. Паруса у него были зарифлены, и он кренился набок так, что страшно было смотреть. И все же он довольно бойко продвигался против ветра — и вскоре обогнал Зверя.

Вот счастливчики, подумал Клейтон. Сто шестьдесят пять миль в час для них — всего лишь попутный ветерок!

Вдали показалось серое полушарие станции.

— Я все-таки доберусь! — завопил Клейтон. — Открывай ром, Неришев, дружище! Ох и напьюсь же я сегодня!

Мотор словно того и ждал — тут-то он и заглох. Клейтон яростно выругался и поставил танк на тормоза. Проклятое невезенье! Дуй ветер ему в спину, он бы преспокойно прикатил домой. Но ветер, разумеется, дул прямо в лоб.

— Что думаешь делать? — спросил Неришев.

— Сидеть тут, — отвечал Клейтон. — Когда ветер поутихнет и начнется ураган, я приду пешком.

Двенадцатитонная махина вся содрогалась и дребезжала под ударами ветра.

— Знаешь, что я тебе скажу? — продолжал Клейтон. Теперь-то уж я наверняка подам в отставку.

— Да ну? Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. У меня в Мэриленде ферма с видом на Чесапикский залив. И знаешь, что я буду делать?

— Что же?

— Разводить устриц. Понимаешь, устрица... Что за черт! Станция медленно уплывала прочь, ее словно относило ветром. Клейтон протер глаза: уж не спятил ли он? Потом вдруг понял, что танк хоть

и на тормозах, хоть и обтекаемой формы, но ветер неуклонно оттесняет его назад.

Клейтон со злостью нажал кнопку на распределительном щите и выпустил сразу правый и левый якоря. Они с тяжелым звоном ударились о камни, заскрипели и задребезжали стальные тросы. Клейтон вытравил семьдесят футов стального каната, потом закрепил тормоза лебедки. Танк вновь стоял как вкопанный.

— Я отдал якоря, — сообщил Клейтон Неришеву.

— И что, держат?

— Пока держат.

Клейтон закурил сигарету и откинулся на спинку кресла. Каждая мышца ныла от напряжения. Веки дергались от усталости: ведь он столько времени неотрывно следил за направлением ветра, который обрушивался то справа, то слева. Клейтон закрыл глаза и попытался хоть немного отдохнуть.

Свист ветра прорезал стальную обшивку танка. Ветер выл, стонал, дергал и тряс машину, словно искал, за что бы уцепиться на ее гладком, полированном корпусе. Когда он достиг ста шестидесяти девяти миль в час, вырвало щитки вентилятора. Счастье, что на мне герметически закрытые очки, а то бы я ослеп, подумал Клейтон, и если бы не кислородная маска — непременно бы задохся. В кабине вихрем закружилась густая пыль, насыщенная электричеством.

По корпусу танка, точно пулеметная очередь, застучали камешки. Теперь они ударяли куда сильнее прежнего. Интересно, много ли им нужно, чтобы пробить стальную броню насквозь?

В такие минуты, Клейтону всегда бывало нелегко сохранять хладнокровие, и рассудительность. Он особенно остро ощущал, как уязвима человеческая плоть, и с ужасом думал, что грозным силам Вселенной ничего не стоит его раздавить. Зачем он здесь? Человеку здесь не место, он должен оставаться на Земле, где воздух тих и спокоен. Вернуться бы только домой...

— Как ты там? — спросил Неришев.

— Отменно, — устало ответил Клейтон. — А у тебя как?

— Неважно. Вся постройка дрожит и вибрирует. Если этот ветер надолго, фундамент может не выдержать.

— А наши еще собираются устроить тут заправочную станцию, — сказал Клейтон.

— Ну, ты же знаешь, в чем суть. Карелла — единственная твердая планета между Энгарсой и Южным Каменным Поясом. Все остальные — газовые гиганты.

— Придется им строить свою станцию прямо в космосе.

— А ты знаешь во сколько это обойдется?

— Да пойми ты, черт побери, дешевле построить новую планету, чем держать заправочную станцию на этой!

Клейтон сплюнул: рот у него был набит пылью.

— Хотел бы я уже очутиться на спасательном корабле! Много у тебя там карелланцев?

— Штук пятнадцать сидят в приемнике.

— Ничего угрожающего?

— По-моему, нет, но ведут себя как-то странно.

— А что?

— Сам не знаю, — отвечал Неришев. — Только не нравится мне это.

— Ты бы лучше не вылезал пока в приемник, что ли. Говорить с ними ты все равно не можешь, а я хочу застать тебя целым и невредимым, когда вернусь. — Он запнулся. Если, конечно, вернусь.

— Прекрасно вернешься, — пообещал Неришев.

— Ясно, вернусь... Ах, черт!

— Что такое? Что случилось?

— На меня летит скала! После поговорим.

И Клейтон уставился на каменную громадину: черное пятно быстро увеличивалось, приближаясь к нему с наветренной стороны. Оно надвигалось прямиком на его неподвижный беспомощный танк. Клейтон мельком глянул на индикатор. Сто семьдесят четыре в час! Не может этого быть! Впрочем, и в земной стратосфере реактивная струя бьет со скоростью двести миль в час.

Камень, уже огромный как дом, все рос, надвигался, катился на Зверя.

— Сворачивай! Прочь! — заорал ему Клейтон, изо всех сил колотя кулаком по приборной доске.

Но камень под чудовищным напором ветра неуклонно мчался вперед.

С криком отчаяния Клейтон нажал кнопку и освободил оба якоря. Втягивать их не было времени, даже если бы лебедка

выдержала нагрузку. А камень все ближе...

Клейтон отпустил тормоза.

Зверь, подгоняемый ветром в сто семьдесят восемь миль в час, стал набирать скорость. Через несколько секунд он делал уже тридцать восемь миль в час, но в зеркале заднего обзора Клейтон видел, что камень нагоняет.

Когда он был уже совсем близко, Клейтон рванул руль влево. Танк угрожающе накренился, вильнул в сторону, заскользил, как по льду, и едва не опрокинулся. Клейтон намертво вцепился в руль управления, стараясь выровнять машину. Надо же! Танк весит двенадцать тонн, а я развернул его по ветру, как парусную лодчонку, подумал он. Бьюсь об заклад, никому это до меня не удавалось!

Камень величиной с добрый небоскреб пронесся мимо. Тяжелый танк чуть покачнулся и грузно осел на все свои шесть колес.

— Клейтон! Что случилось? Ты жив?

— Живехонек, — задыхаясь выговорил Клейтон. — Но мне пришлось убрать якоря. Меня сносит по ветру!

— А повернуть можешь?

— Пробовал, чуть не опрокинулся.

— Куда же тебя сносит?

Клейтон посмотрел в даль. Впереди, окаймляя равнину, дыбились грозные черные скалы.

— Еще миль пятнадцать — и я врежусь в скалы. При такой скорости этого ждать недолго.

Клейтон снова нажал на тормоза. Шины завизжали, прокладки тормозов яростно задымились. Но ветер — уже сто восемьдесят три в час — даже не заметил такого пустяка. Танк сносило теперь со скоростью сорока четырех миль в час.

— Попробуй паруса! — закричал Неишев.

— Не выдержат.

— А ты попробуй. Другого выхода нет! Здесь уже сто восемьдесят пять в час. Вся станция трясется! Камни срывают надолбы. Боюсь, пробьет стены и расплющит...

— Хватит, — прервал Клейтон. — Мне тут не до тебя.

— Не знаю, выдержит ли станция. Слушай, Клейтон, попробуй...

Радио вдруг захлебнулось и. умолкло. Настала зловещая тишина.

Клейтон несколько раз стукнул по приемнику, потом махнул рукой. Танк сносило уже со скоростью сорок девять миль в час. Скалы вырастали перед ним с устрашающей быстротой.

— Ну что ж, — сказал себе Клейтон. — Вот и все.

Он выпустил последний запасной якорь. Стальной трос протянулся во всю длину своих двухсот футов, и скорость Зверя замедлилась до тридцати миль в час. Якорь волочился следом и взрывал почву, как плуг на реактивном двигателе.

Теперь Клейтон включил парусный механизм. Земные инженеры установили его на танке точно так же, как на маленьких моторных лодках, выходящих в океан, на всякий случай ставят невысокую вспомогательную мачту и парус. Парус — страховка на случай, если откажет мотор. На Карелле человеку ни за что не добраться до дому, если его машина откажет. Тут без дополнительной энергии пропадешь.

Мачта — короткий мощный стальной столб — выдвинулась сквозь задраенное отверстие в крыше. Ее тут же со всех сторон закрепили магнитные каркасы и подпорки. На мачте тотчас развернулась металлическая кольчуга паруса. Поднимался он при помощи шкота — тройного каната гибкой стали; Клейтон управлял им, орудуя лебедкой.

Парус был площадью всего в несколько квадратных футов. И, однако, он увлекал вперед двенадцатитонное чудовище с замкнутыми тормозами и якорем, выпущенным на всю длину стального каната в двести пятьдесят футов...

Это не так трудно... когда скорость ветра — сто восемьдесят пять миль в час.

Клейтон вытравил шкот и повернул Зверя боком к ветру. Но этого оказалось недостаточно. Он опять взялся за лебедку и повернул парус еще круче к ветру.

Ураган ударил в бок, громоздкий танк угрожающе накренился, колеса, с одной стороны, поднялись в воздух. Клейтон поспешно убрал несколько футов шкота. Металлическая кольчуга вздрагивала и скрипела под свирепыми порывами ветра.

Искусно маневрируя оставшейся узкой полоской паруса, Клейтон ухитрялся кое-как удерживать все шесть колес танка на грунте и держался нужного курса.

В зеркало он видел позади черные зубчатые скалы. Это был его подветренный берег — берег, где ждало крушение. Но он все-таки выбрался из ловушки. Медленно, фут за футом, парус оттаскивал его прочь.

— Молодчина! — кричал Клейтон мужественному Зверю.

Но недолго он торжествовал победу; раздался оглушительный звон, и что-то со свистом пронеслось у самого виска. При ветре сто восемьдесят в час мелкие камешки уже пробивали броню. То, что обрушилось сейчас на Клейтона, можно сравнить разве что с беглым пулеметным огнем. Карелланский ветер рвался в отверстия, пробитые камешками, пытаясь свалить его на пол.

Клейтон отчаянно цеплялся за руль. Парус трещал. Кольчуга эта была сплетена из самых прочных и гибких металлических сплавов, но против такого урагана и ей долго не устоять; короткая толстая мачта, укрепленная шестью могучими тросами, раскачивалась, как тонкая удочка.

Тормозные прокладки начинали сдавать. Зверя несло уже со скоростью пятьдесят миль в час.

Клейтон так устал, что не мог ни о чем думать. Руки его судорожно сжимали руль, он машинально вел танк и, щуря воспаленные глаза, яростно всматривался в бурю.

С треском разорвался парус. Обрывки с минуту метались по ветру, потом мачта рухнула. Порывы ветра достигали теперь ста девяноста миль в час.

И Клейтона понесло назад, на скалы. А потом ветер дошел до ста девяноста двух миль в час, подхватил стальную махину, ярдов двенадцать нес ее по воздуху, вновь швырнул на колеса. От удара лопнула передняя шина, за ней — сразу же две задние. Клейтон опустил голову на руки и стал ждать конца.

И вдруг Зверь остановился, как вкопанный. Клейтона кинуло вперед. Привязной ремень мгновенье удерживал его в кресле, потом лопнул. Клейтон ударился лбом о приборную доску и свалился оглушенный, весь в крови.

Он лежал на полу и сквозь пелену, которая обволакивала сознание, силился сообразить, что же произошло. Мучительно медленно вскарабкался опять в кресло, смутно понимая, что кости целы. Живот, наверно, весь ободран. Изо рта текла кровь.

Наконец, поглядев в зеркало, он понял, что случилось. Дополнительный якорь, который волочился за танком на длинном канате, зацепился за какой-то каменный выступ и застрял, рывком остановив танк меньше чем в полумиле от скал. Спасен!

Пока — спасен...

Но ветер все не унимался. Он дул уже со скоростью ста девяноста трех миль в час; С оглушительным ревом он опять поднял Зверя в воздух, швырнул его оземь, снова поднял и снова швырнул. Стальной канат гудел как гитарная струна. Клейтон цеплялся за кресло руками и ногами. Долго не продержаться, думал он. Но если не цепляться изо всех сил, его просто-напросто размажет по стенам бешено скачущего танка...

Впрочем, канат тоже может лопнуть — и он полетит кувырком прямо на скалы.

И он цеплялся. Танк снова взлетел в воздух, и тут Клейтон на миг поймал взглядом индикатор. Душа у него ушла в пятки. Все. Конец. Погиб. Нельзя продержаться, когда этот проклятый ветер дует со скоростью сто восемьдесят семь в час! Это уж чересчур!

Сколько?! Сто восемьдесят семь? Значит, ветер начал спадать!

Сперва Клейтон просто не поверил. Однако. стрелка медленно, но верно, ползла вниз. При ста шестидесяти в час танк перестал скакать и покорно остановился на якорной цепи. При ста пятидесяти трех ветер переменил направление — верный знак, что буря стихает.

Когда стрелка индикатора дошла до отметки сто сорок две мили в час, Клейтон позволил себе роскошь потерять сознание.

К вечеру за ним пришли карелланцы. Искусно маневрируя двумя огромными сухопутными кораблями, они подошли к Зверю, привязали к нему крепкие лианы — куда более прочные, чем стальные канаты, — и на буксире приволокли изувеченный танк обратно на станцию.

Они принесли Клейтона в приемник, а Неришев перетащил его в тишину и покой станции.

— Ни одна кость не сломана, только нескольких зубов не хватает, — сообщил ему Неришев. — Но на тебе живого места нет.

— Все-таки мы выстояли, — сказал Клейтон,

— Еле-еле. Защитная ограда вся разрушена. В станцию прямиком врезались два огромных валуна, она едва выдержала. Я

проверил фундамент, ему тоже здорово досталось. Еще одна такая переделка — и мы...

— И мы опять как-нибудь, да выстоим! Мы земляне, нас не так-то легко одолеть! Правда, за все восемь месяцев такого еще не бывало. Но еще четыре — и за нами придет корабль. Выше голову, Неришев! Идем?

— Куда?

— Хочу потолковать с этим чертовым Смаником.

Они вышли в приемник. Там было полным-полно карелланцев. Снаружи, с подветренной стороны станции, пришвартовалось несколько десятков сухопутных кораблей.

— Сманик! — окликнул Клейтон. — Что тут такое происходит?

— Летний праздник, — сказал Сманик. — Наш ежегодный великий праздник.

— Гм. А как насчет того ветра? Что ты теперь о нем думаешь?

— Я бы определил его как умеренный, — сказал Сманик. Ничего опасного, но немного неприятно для прогулок под парусом.

— Вот как, неприятно! Надеюсь, впредь ты будешь предсказывать поточнее.

— Всегда угадывать погоду очень трудно, — возразил Сманик. — Мне очень жаль, что мой последний прогноз оказался неверным.

— Последний? Как так? Почему?

— Вот это, — продолжал Сманик и широко повел щупальцем вокруг, — это весь мой народ, племя Сиримаи. Мы отпраздновали Летний праздник. Теперь лето кончилось, и нам нужно уходить.

— Куда?

— В пещеры на дальнем западе. Отсюда на наших кораблях две недели ходу. Мы укроемся в пещерах и проживем там три месяца. Там мы будем в безопасности.

У Клейтона вдруг засосало под ложечкой.

— В безопасности от чего, Сманик?

— Я же сказал тебе. Лето кончилось. Теперь надо искать спасения от ветра, от сильных зимних бурь.

— Что такое? — спросил Неришев.

— Погоди минуту.

Мысли обгоняли одна другую. Бешеный ураган, едва не стоивший ему жизни, — это, по определению Сманика, безобидный

умеренный ветер. Зверь вышел из строя, передвигаться по Карелле не на чем. Защитная ограда разрушена, фундамент станции расшатан, а корабль придет за ними еще только через четыре месяца!

— Пожалуй, мы тоже поедем с вами на ваших кораблях, Сманик, и укроемся с вами в пещерах... укроемся там...

— Разумеется, — равнодушно отвечал Сманик.

Что-то из этого выйдет, сам себе сказал Клейтон, и у него опять засосало под ложечкой, куда сильнее, чем во время урагана. Нам ведь нужно больше кислорода, другую еду, запас воды...

— Да что там такое? — нетерпеливо спросил Неришев. Какого черта он тебе наговорил? Ты весь позеленел!

— Он говорит, настоящий ветер только начинается.

Оба оцепенело уставились друг на друга.

А ветер крепчал.

Попробуй докажи

Руки уже очень устали, но он снова поднял молоток и зубило. Осталось совсем немного — высечь последние две-три буквы в твердом граните. Наконец он поставил последнюю точку и выпрямился, небрежно уронив инструменты на пол пещеры. Вытерев пот с грязного, заросшего щетиной лица, он с гордостью прочел:

Я ВОССТАЛ ИЗ ПЛАНЕТНОЙ ГРЯЗИ. НАГОЙ И БЕЗЗАЩИТНЫЙ, Я СТАЛ ИЗГОТОВЛЯТЬ ОРУДИЯ ТРУДА. Я СТРОИЛ И РАЗРУШАЛ, ТВОРИЛ И УНИЧТОЖАЛ. Я СОЗДАЛ НЕЧТО СИЛЬНЕЕ СЕБЯ, И ОНО МЕНЯ УНИЧТОЖИЛО.

МОЕ ИМЯ ЧЕЛОВЕК, И ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ТВОРЕНИЕ.

Он улыбнулся. Получилось совсем неплохо. Возможно, не совсем грамотно, зато удачный некролог человечеству, написанный последним человеком. Он взглянул на инструменты. Все, решил он, больше они не нужны. Он тут же растворил их и, проголодавшись после долгой работы, присел на корточки в уголке пещеры и сотворил обед. Уставившись на еду, он никак не мог понять, чего же не хватает, и затем с виноватой улыбкой сотворил стол, стул, приборы и тарелки. Опять забыл, раздраженно подумал он.

Хотя спешить было некуда, он ел торопливо, отметив про себя странный факт: когда он не задумывал что-то особенное, всегда сотворял гамбургер, картофельное пюре, бобы, хлеб и мороженое. Привычка, решил он. Пообедав, он растворил остатки пищи вместе с тарелками, приборами и столом. Стул он оставил и, усевшись на него, задумчиво уставился на надпись. Хороша-то она хороша, подумал он, да только кроме меня ее читать некому.

У него не возникало и тени сомнения в том, что он последний живой человек на Земле. Война оказалась тщательной — на такую тщательность способен только человек, до предела дотошное животное. Нейтралов в ней не было, и отсидеться в сторонке тоже не удалось никому. Пришлось выбирать — или ты с нами, или против нас. Бактерии, газы и радиация укрыли Землю гигантским саваном. В первые дни войны одно несокрушимое секретное оружие с почти монотонной регулярностью одерживало верх над другим, столь же секретным. И еще долго после того, как последний палец нажал последнюю кнопку; автоматически запускающиеся и самонаводящиеся бомбы и ракеты продолжали сыпаться на несчастную планету, превратив ее от полюса до полюса в гигантскую, абсолютно мертвую свалку.

Почти все это он видел собственными глазами и приземлился, лишь окончательно убедившись, что последняя бомба уже упала.

Тоже мне умник, с горечью подумал он, разглядывая из пещеры покрытую застывшей лавой равнину, на которой стоял его корабль, и иззубренные вершины гор вдалеке.

И к тому же предатель. Впрочем, кого это сейчас волнует?

Он был капитаном сил обороны Западного полушария. После двух дней войны он понял, каким будет конец, и взлетел, набив свой крейсер консервами, баллонами с воздухом и водой. Он знал, что в

этой суматохе всеобщего уничтожения его никто не хватится, а через несколько дней уже и вспоминать будет некому. Посадив корабль на темной стороне Луны, он стал ждать. Война оказалась двенадцатидневной — он предполагал две недели, — но пришлось ждать почти полгода, прежде чем упала последняя автоматическая ракета. Тогда он и вернулся. Чтобы обнаружить, что уцелел он один...

Когда-то он надеялся, что кто-нибудь еще осознает всю бессмысленность происходящего, загрузит корабль и тоже спрячется на обратной стороне Луны. Очевидно, если кто-то и хотел так поступить, то уже не успел. Он надеялся обнаружить рассеянные кучки уцелевших, но ему не повезло и здесь. Война оказалась слишком тщательной.

Посадка на Землю должна была его убить, ведь здесь сам воздух был отравлен. Ему было все равно — но он продолжал жить. Всевозможные болезни и радиация также словно и не существовали — наверное, это тоже было частью его новой способности. И того и другого он нахватался с избытком, перелетая над выжженными дотла равнинами и долинами опаленных атомным пламенем гор от руин одного города к развалинам другого. Жизни он не нашел, зато обнаружил нечто другое.

На третий день он открыл, что может творить. Оплавленные камни и металл нагнали на него такую тоску, что он страстно пожелал увидеть хотя бы одно зеленое дерево. И оно возникло. Испытывая на все лады свое новое умение, он понял, что способен сотворить любой предмет, лишь бы он раньше его видел или хотя бы знал о нем понаслышке.

Хорошо знакомые предметы получались лучше всего. То, о чем он узнал из книг или разговоров — к примеру дворцы, — выходили кособокими и недоделанными, но, постаравшись, он мысленными усилиями обычно подправлял неудачные детали. Все его творения были объемными, а еда не только имела прежний вкус, но даже насыщала. Сотворив нечто, он мог полностью про это забыть, отправиться спать, а наутро увидеть вчерашнее творение неизменным. Он умел и уничтожать достаточно было сосредоточиться. Впрочем, на уничтожение крупных предметов и времени уходило больше.

Он мог уничтожать и предметы, которые сам не делал — те же горы и долины, — но с еще большими усилиями. Выходило так, что с материей легче обращаться, если хотя бы раз из нее что-то вылепить. Он даже мог сотворять птиц и мелких животных — вернее, нечто похожее на птиц и животных.

Но людей он не пытался создавать никогда.

Он был не ученым, а просто пилотом космического корабля. Его познания в атомной теории были смутными, а о генетике он и вовсе не имел представления и мог лишь предполагать, что то ли в плазме клеток его тела или мозга, то ли в материи планеты произошли некие изменения. Почему и каким образом? Да не все ли равно? Факт есть факт, и он воспринял его таким, каков он есть.

Он снова пристально вгляделся в надпись. Какая-то мысль не давала ему покоя.

Разумеется, он мог эту надпись попросту сотворить, но не знал, сохранятся ли созданные им предметы после его смерти. На вид они казались достаточно стабильными, но кто их знает — вдруг они перестанут существовать и исчезнут вместе с ним. Поэтому он пошел на компромисс — сотворил инструменты, но высекал буквы на гранитной стене, которую сам не делал. Надпись ради лучшей сохранности он сделал на внутренней стене пещеры, проведя долгие часы за напряженной работой и здесь же перекусывая и отсыпаясь.

Из пещеры был виден корабль, одиноким столбиком торчащий на плоской равнине, покрытой опаленным грунтом. Он не торопился в него возвращаться. На шестой день, глубоко и навечно выбив буквы в граните, он закончил надпись.

Наконец он понял, что именно не давало ему покоя, когда он разглядывал серый гранит. Прочитать надпись смогут только гости из космоса. «Но как они поймут ее смысл?» — подумал он, раздраженно всматриваясь в творение собственных рук. Нужно было высечь не буквы, а символы. Но какие символы? Математические? Разумеется — но что они поведают им о Человеке? Да с чего он вообще решил, что они непременно натолкнутся на эту пещеру? Какой смысл в надписи, если вся история Человека и так написана на поверхности Земли, навечно вплавлена в земную кору атомным пламенем. Было бы кому ее прочесть... Он тут же выругал себя за то, что тупо потратил шесть дней на бессмысленную работу, и уже

собрался растворить надпись, но обернулся, неожиданно услышав у входа в пещеру чьи-то шаги.

Он так вскочил со стула, что едва не упал.

Там стояла девушка — высокая, темноволосая, в грязном порванном комбинезоне. Он быстро моргнул, но девушка не исчезла.

— Привет, — сказала она, заходя в пещеру. — Я еще в долине слышала, как ты громыхаешь.

Он автоматически предложил ей стул и сотворил второй для себя. Прежде чем сесть, она недоверчиво пощупала стул.

— Я видела, как ты это сделал, — сказала она, — но... глазам своим не верю. Зеркала?

— Нет, — неуверенно пробормотал он. — Я умею... творить. Видишь ли, я способен... погоди-ка! Ты как здесь оказалась?

Он начал перебирать возможные варианты, еще не задав вопроса. Пряталась в пещере? Отсиделась на вершине горы? Нет, мог быть только один способ...

— Я спряталась в твоем корабле, дружище. — Девушка откинулась на спинку стула и обхватила руками колено. — Когда ты начал загружать корабль, я поняла, что ты намерен срочно смазать пятки. А мне надоело по восемнадцать часов в сутки вставлять предохранители, вот я и решила составить тебе компанию. Еще кто-нибудь выжил?

— Нет. Но почему же я тебя не заметил? Он разглядывал красивую даже в лохмотьях девушку... и в его голове мелькнула смутная догадка. Вытянув руку, он осторожно тронул ее плечо. Девушка не отстранилась, но на ее симпатичном личике отразилась обида.

— Да настоящая я, настоящая, — бросила она. — Ты наверняка видел меня на базе. Неужели не вспомнил?

Он попытался вспомнить те времена, когда еще существовала база — с тех пор, кажется, миновал целый век. Да, была там темноволосая девушка, да только она его словно и не замечала.

— Через пару часов после взлета я решила, что замерзну насмерть, пожаловалась она. — Ну, если не насмерть, то до потери сознания. Какая же в твоей жестянке паршивая система обогрева!

Она даже вздрогнула от таких воспоминаний.

— На полный обогрев ушло бы слишком много кислорода, —

пояснил он. — Тепло и воздух я тратил только на пилотскую кабину. А когда шел на корму за припасами, надевал скафандр.

— Я так рада, что ты меня не заметил, — рассмеялась она. — Жуткий, должно быть, был у меня видик — словно заиндевевший покойник. Представляю, какая из меня получилась спящая красавица! Словом, я замерзла. А когда ты открыл все отсеки, я ожила. Вот и вся история. Наверное, пару дней приходила в себя. И как ты меня ухитрился не заметить?

— Просто я не особо приглядывался в кладовых, — признался он. — Довольно быстро выяснилось, что мне припасы, собственно, и не нужны. Странно, мне кажется, я все отсеки открывал. Но никак не припомню...

— А это что такое? — спросила она, взглянув на надпись.

— Решил оставить что-то вроде памятника...

— И кто это будет читать? — практично поинтересовалась она.

— Вероятно, никто. Дурацкая была идея. — Он сосредоточился, и через несколько секунд гранит снова стал гладким. — Все равно не понимаю, как ты смогла выжить, — удивленно произнес он.

— Как видишь, выжила. Я тоже не понимаю, как ты это проделываешь, показала она на стул и стену, — зато принимаю сам факт, что ты это умеешь. Почему бы и тебе не поверить в то, что я жива?

— Постарайся понять меня правильно, — попросил мужчина. — Мне очень сильно хотелось разделить с кем-нибудь свое одиночество, особенно с женщиной. Просто дело в том... отвернись.

Она бросила на него удивленный взгляд, но выполнила просьбу. Он быстро уничтожил щетину на лице и сотворил чистые выглаженные брюки и рубашку. Сбросив потрепанную форму, он переоделся и уничтожил лохмотья, а напоследок сотворил расческу и привел в порядок спутанные волосы.

— Порядок. Можешь поворачиваться.

— Недурно, — улыбнулась она, оглядев его от макушки до пяток. — Одолжи-ка мне расческу и, будь добр, сделай мне платье. Двенадцатый размер, но только по фигуре.

Он и не подозревал, насколько обманчивы бывают женские фигуры. Две попытки пошли прахом, и лишь с третьей он сотворил нечто подходящее, добавив к платью золотые туфельки на высоких

каблуках.

— Жмут немного, — заметила она, примеривая обновку, — да и без тротуаров не очень-то практичны. Но все равно большое спасибо. Твой фокус навсегда решает проблему рождественских подарков, верно?

Ее волосы блестели на ярком послеполуденном солнце, и вообще выглядела она очень привлекательной, теплой и какой-то удивительно человечной.

— Попробуй, может, и ты сумеешь творить, — нетерпеливо произнес он, страстно желая разделить с ней поразительную новую способность.

— Уже пыталась. Все напрасно. И этот мир принадлежит мужчинам.

— Но как мне совершенно точно убедиться, что ты настоящая? — нахмурился он.

— Ты опять за свое? А помнишь ли ты, как сотворил меня, мастер? — насмешливо бросила она и присела ослабить ремешок на туфельках.

— Я все время думал... о женщинах, — хмуро произнес он. — А тебя мог создать во сне. Вдруг мое подсознание обладает теми же способностями, что и сознание? И воспоминаниями я мог тебя тоже снабдить сам — да еще какими убедительными. А если ты продукт моего подсознания, то уж оно бы постаралось провернуть все так, чтобы сознание ни о чем не подозревало.

— Чушь собачья!

— Потому, что если мое сознание обо всем узнает, — упрямо продолжил он, оно отвергнет твое существование. А твоей главной функцией, как продукта моего подсознания, станет не дать мне догадаться об истине. Доказать всеми доступными тебе способами, любой логикой, что ты...

— Хорошо. Тогда попробуй сотворить женщину, коли твое сознание такое всесильное!

Она скрестила на груди руки, откинулась на спинку стула и резко кивнула.

— Хорошо.

Он уперся взглядом в стену пещеры. Возле нее начала появляться женщина уродливое неуклюжее существо. Одна рука

оказалась короче другой, ноги слишком длинные. Сосредоточившись сильнее, он добился более или менее

правильных пропорций, но глаза по-прежнему сидели криво, а из горбатой спины торчали скрюченные руки. Получилась оболочка без мозга и внутренних органов, автомат. Он велел существу говорить, но из бесформенного рта вырвалось лишь бульканье он забыл про голосовые связки. Содрогнувшись, он уничтожил кошмарную уродину.

— Я не скульптор, — признал он. — И не Бог.

— Рада, что до тебя наконец дошло.

— Но все равно это не доказывает, что ты настоящая, — упрямо повторил он. — Я не знаю, какие штучки способно выкинуть, мое подсознание.

— Сделай мне что-нибудь, — отрывисто произнесла она. — Надоело слушать эту чушь.

Я ее обидел, понял он. Нас на Земле всего двое, а я ее обидел. Он кивнул, взял ее за руку и вывел из пещеры. И сотворил на равнине город. Он уже пробовал подобное несколько дней назад, и во второй раз получилось легче. Город получился особый, он создал его, вспомнив картинки из «Тысячи и одной ночи» и свои детские мечты. Он тянулся в небо, черный, белый и розовый. Рубиново мерцали стены с воротами из инкрустированного серебром черного дерева. На башнях из червонного золота сверкали сапфиры. К вершине самого высокого шпиля вела величественная лестница из молочно-белой слоновой кости с тысячами мраморных, в прожилках, ступенек. Над голубыми лагунами порхали птички, а в спокойных глубинах мелькали серебристые и золотистые рыбы.

Они пошли через город, и он создавал для нее белые, желтые и красные розы и целые сады с удивительными цветами. Между двумя зданиями с куполами и шпилями он сотворил огромный пруд, добавил прогулочную барку с пурпурным балдахином и загрузил ее всевозможной едой и напитками — всем, что успел вспомнить.

Они поплыли, освежаемые созданным им легким ветерком.

— И все это фальшивое, — напомнил он немного погодя.

— Вовсе нет, — улыбнулась она. — Коснись и убедишься, что все настоящее.

— А что будет после моей смерти?

— Не все ли равно? Кстати, с таким талантом тебе любая болезнь нипочем. А может, ты справишься и со старостью и смертью.

Она сорвала склонившийся к воде цветок и вдохнула его аромат.

— Стоит тебе пожелать, и ты не дашь ему завянуть и умереть. Наверняка и для нас можно сделать то же самое, — так в чем проблема?

— Хочешь попробовать? — спросил он, попыхивая свежесотворенной сигаретой. — Найти новую планету, не тронутую войной? Начать все сначала?

— Сначала? Ты хочешь сказать... Может, потом. А сейчас мне не хочется даже подходить к кораблю. Он напоминает мне о войне.

Некоторое время они плыли молча.

— Теперь ты убедился, что я настоящая?

— Если честно, еще нет. Но очень хочу в это поверить.

— Тогда послушай меня, — сказала она, подавшись ближе. — Я настоящая. Она обняла его. — Я всегда была настоящей. Тебе нужны доказательства? Так вот, я знаю, что я настоящая. И ты тоже. Что тебе еще нужно?

Он долго смотрел на нее, ощущая тепло ее рук, прислушиваясь к дыханию и вдыхая аромат ее волос и кожи. Уникальный и неповторимый.

— Я тебе верю, — медленно произнес он. — Я люблю тебя. Как... как тебя зовут? Она на секунду задумалась.

— Джоан.

— Странно. Я всегда мечтал о девушке по имени Джоан. А фамилия?

Она поцеловала его.

Над лагуной кружили созданные им ласточки, безмятежно мелькали в воде рыбки, а его город, гордый и величественный, тянулся до самого подножия залитых лавой гор.

— Ты так и не сказала мне свою фамилию, — напомнил он.

— Ах, фамилия. Да кому интересна девичья фамилия — девушка всегда берет фамилию мужа.

— Женская увертка!

— А разве я не женщина? — улыбнулась она.

Последнее испытание

Думаю, началось это давно. Гораздо раньше, чем засуетились астрономы, и уж точно задолго до того, как об этом узнал я. Насколько давно – не представляю: может, тысячи лет назад, а может, и больше. Сам я узнал об этом одним мартовским вечером из газеты.

Джейн хозяйничала на кухне. Я устроился в большом мягком кресле и просматривал передовицы – милитаристская болтовня, рассуждения о контроле над инфляцией. Потом пробежался по разделу самоубийств и по разделу уголовной хроники. Пролистывая последние страницы, я наткнулся на небольшую заметку.

«Астрономы теряют звезды» – гласил заголовок. Судя по фамильярному стилю, это была типичная бульварная беллетристика. «Доктор Вильгельм Менцнер из обсерватории Сан-Джейн не может отыскать некоторые звезды Млечного Пути. Такое впечатление, говорит доктор Менцнер, что они попросту исчезли. Многочисленные фотографии звездного неба подтверждают: многие неяркие звезды пропали с небосвода. Они были на небе еще совсем недавно – судя по фотографиям, сделанным в апреле 1942 года...» Дальше автор перечислял пропавшие звезды – их названия ничего мне не говорили – и отечески журил ученых за рассеянность: только представьте, писал он, потерять нечто такое огромное, как звезда. Впрочем, волноваться не стоит, подытоживал журналист, звезд на небе еще много.

Заметка в тот момент показалась мне забавной, хоть и сомнительной по стилю. Я не очень хорошо разбираюсь в науке – я торговец одеждой, – но ученых я всегда уважал. Стоит только посмеяться над ними, и они тут же придумывают какую-нибудь гадость вроде атомной бомбы. Лучше уж относиться к ним с почтением.

Не помню, показал я заметку жене или нет. Если и показал, значит она ничего не сказала.

Жизнь текла своим чередом. Я ездил в свой магазин на Манхэттен и возвращался домой в Куинс. Через несколько дней появилась другая статья. Написал ее доктор наук, и фамильярным

стилем здесь и не пахло. В статье говорилось, что звезды с огромной скоростью исчезают из нашей галактики Млечный Путь. Обсерватории обоих полушарий подсчитали, что за последние пять недель пропало несколько миллионов далеких звезд.

Я вышел на задний двор и посмотрел на небо. Мне показалось, что все в порядке. Млечный Путь – на привычном месте, густо пачкает небосвод, как и всегда. Немного в стороне – Большая Медведица. Северная звезда по-прежнему указывала на Вестчестер.

Земля под ногами была мерзлая и твердая, как камень, но воздух уже не такой холодный. Скоро придет весна, а с ней и весенние коллекции одежды. По другую сторону моста Куинсборо сияли огни Манхэттена, и это окончательно меня отрезвило. Главная моя забота – одежда, поэтому я вернулся в дом, чтобы заняться делом.

Через несколько дней история о пропавших звездах добралась до первых полос. «ЗВЕЗДЫ ИСЧЕЗАЮТ! – кричали заголовки. – ЧТО ДАЛЬШЕ?»

Из статьи я узнал, что, оказывается, Млечный Путь теряет по несколько миллионов звезд в день. Другие галактики, по-видимому, не пострадали, хотя никто ничего толком не знал. Но из нашей галактики звезды выбывали определенно. Большинство из них – такие далекие, что разглядеть их можно только в мощный телескоп. А вот то, как они исчезают, разом и сотнями, мог увидеть любой зрячий. Это был не взрыв и не медленное угасание. Нет. Просто – раз! – и звезды как будто и не было.

Автор статьи, профессор астрономии, подчеркивал, что на самом деле мы видим не исчезновение звезд, а то, как иссякает их свет. Сами звезды, очевидно, погасли сотни миллионов лет назад, а свет от них еще долго летел сквозь космическое пространство. Сотни миллионов лет… кажется, так было в статье. Хотя, возможно, и тысячи миллионов.

Статья не касалась причин происходящего.

Поздно вечером я вышел посмотреть на небо. Все соседи высыпали на свои участки. И действительно, в бесконечной россыпи звезд я мог видеть, как гаснут маленькие крапинки света. Они были едва заметны. Если не смотреть прямо на них, то никаких изменений и не увидишь.

– Джейн! – крикнул я в открытую дверь. – Иди посмотри!

Жена вышла и подняла голову. Уперев руки в бока, она хмурилась, будто ее оторвали от важного дела.

– Ничего не вижу, – заявила она наконец.

– Присмотрись повнимательней. Выбери кусок Млечного Пути и наблюдай за ним. Вот, только что погасла! Видела?

– Нет.

– Следи за мерцающими точками, – сказал я.

Но Джейн так ничего и не увидела, пока соседский сын Томас не дал ей подзорную трубу.

– Вот, миссис Остерсен, попробуйте, – сказал он. К груди он прижимал три или четыре подзорные трубы, пару биноклей и стопку карт звездного неба. Ничего себе ребенок. – Вы тоже, мистер Остерсен.

В подзорную трубу я увидел это совсем четко: точка только что светилась в темноте и вдруг – раз! – исчезла. Очень странно.

В тот момент я впервые ощутил тревогу.

Джейн же отнеслась к этому совершенно безразлично. Она вернулась на кухню.

Катаклизмы катаклизмами, а торговля должна идти своим чередом. Правда, я поймал себя на том, что покупаю газеты четыре или пять раз на день и держу радио в магазине включенным, чтобы быть в курсе последних новостей. Все остальные поступали так же. Разговоры о звездах выплеснулись на улицы.

Газеты предлагали всевозможные объяснения. Страницы пестрели научными статьями о красном смещении, межгалактической пыли, эволюции звезд и оптических обманах. Психологи доказывали, что исчезнувших звезд вообще никогда не было, что это была только иллюзия.

Я не понимал, чему верить. Единственную, на мой взгляд, осмысленную статью написал журналист, специализирующийся на проблемах общества. Ученым его уж точно не назовешь. По его мнению, в галактике кто-то затеял генеральную уборку.

У малыша Томаса на этот счет была собственная теория. Он считал, что это козни захватчиков из другого измерения – якобы они засасывают нашу галактику, как пыль в пылесос, чтобы переместить к себе, в другое измерение.

– Это же очевидно, мистер Остерсен, – объяснял мне Томас как-то вечером. – Они начали засасывать звезды с той стороны Млечного Пути и теперь подбираются к центру. До нас они дойдут в последнюю очередь, потому что мы на самом краю.

– Да уж... – вздохнул я.

– К тому же, – добавил он, – «Удивительные факты и сверхъестественно-научные истории» придерживаются такой же точки зрения, а они лидеры в области научной фантастики.

– Но они не ученые, – возразил я.

– Ну и что? Ведь они предсказали подводную лодку задолго до ее появления. И самолеты, когда ученые еще спорили, может ли шмель летать. А ракеты, радары, атомные бомбы? Они оказались правы и насчет них тоже.

Он перевел дыхание.

– Кто-то должен остановить захватчиков, – добавил он убежденно и вдруг косо посмотрел на меня. – Они путешествуют сквозь измерения, а значит могут принимать человеческий облик. – Он снова взглянул на меня, на этот раз с явным подозрением. – Любой может оказаться одним из них. Например, вы.

Я заметил, что малыш Томас нервничает, а может, уже подумывает сдать меня какой-нибудь комиссии, поэтому угостил его молоком и печеньем. Он, правда, насторожился еще больше, но тут уж ничего не поделаешь.

Газеты принялись за обсуждение той же самой фантастической версии, что рассказал мне малыш Томас, только дополнительно приукрасив ее. Какой-то парень заявил, что знает, как остановить агрессора. Захватчики предложили ему возглавить какую-нибудь небольшую галактику в обмен на согласие сотрудничать с ними... Разумеется, он отказался.

Возможно, это прозвучит глупо, но небо начало пустеть. Люди во всем мире говорили глупости и совершали глупые поступки. Мы начали задаваться вопросом: когда же погаснет наше солнце?

Каждый вечер я смотрел на небо. Звезды гасли все быстрее и быстрее. Количество исчезнувших звезд возрастало в геометрической прогрессии. Вскоре маленькие огоньки на небе стали гаснуть с такой скоростью, что их невозможно было сосчитать. Теперь их исчезновение можно было наблюдать невооруженным

глазом – эти звезды находились ближе к нам.

Через пару недель от Млечного Пути остались только Магеллановы Облака, но астрономы объяснили, что они вообще не относятся к нашей галактике. Погасли Бетельгейзе, Антарес и Ригель, следом – Сириус и Вега. Потом исчезла альфа Центавра, наш ближайший сосед. Небо совсем опустело – только редкие точки и пятнышки. И Луна.

Я не знаю, что произошло бы, если б мы не услышали голос. Возможно, все пошло бы иначе, кто знает.

Но голос прозвучал – на следующий день после того, как погасла альфа Центавра.

Первый раз я услышал его по пути в магазин. Я спускался по Лексингтон-авеню от станции «Пятьдесят девятая улица», разглядывая витрины конкурентов. Когда я проходил мимо «Платьев Мэри Бэйли» и прикидывал, как скоро они выставят весенне-летнюю коллекцию, я услышал голос.

Голос был приятный и дружелюбный. Казалось, его источник находился у меня за спиной, чуть выше уровня головы.

– Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней, – сказал голос. – Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. Это объявление будет повторено.

Я сразу же оглянулся, чтобы посмотреть, кто говорит. Я ожидал увидеть высокого, мертвенно-бледного фанатика – этакого сумасшедшего с горящими глазами и развевающейся бородой. Но рядом со мной никого не было. До ближайшего прохожего – не менее пятнадцати метров. В тот момент я решил, что голос мне померещился. Но потом обратил внимание, что все люди на улице недоуменно крутят головами.

Вообще-то, Лексингтон-авеню в девять часов утра весьма оживленное место: толпы людей спешат по своим делам, дети торопятся в школы, гудит метро под ногами, сигналят автомобили.

Но тут на улицу опустилась тишина. Машины остановились там, где ехали, люди замерли на тротуарах.

Ко мне подошел ближайший прохожий, прилично одетый, примерно моего возраста – сорок с небольшим. Он смотрел на меня с подозрением, словно обвинял в хулиганстве. Кажется, я смотрел на него так же.

– Вы это слышали? – спросил он.

– Да.

– Это вы говорили?

– Нет. Может быть, вы?

– Ни в коем случае, – ответил он с негодованием.

Несколько секунд мы сверлили друг друга взглядами. Но, мне кажется, мы уже понимали, как и все вокруг, что это не розыгрыш. Особенно после того, как исчезли все звезды.

Подошла симпатичная девушка в меховой шубке. Она была напугана и держалась вызывающе.

– Вы слышали? – спросила она.

– Да, – ответил я. Мужчина подтверждающе кивнул.

– Она что, говорила в громкоговоритель? – спросила девушка.

– Она? – хором переспросили мы.

– Ну, этот женский голос. – Девушка начала сердиться. – Молодая женщина… она еще сказала: «Страшный суд над жителями…»

– Голос был мужским, – возразил мужчина. – В этом я уверен. – Он посмотрел на меня. Я кивнул.

– Да нет же! Это была девушка с легким, но хорошо различимым новоанглийским акцентом… – Она оглянулась по сторонам, словно ища поддержки.

Люди на Лексингтон-авеню начали собираться группами. Народ заполнил всю улицу, насколько хватало глаз. Автомобили не двигались. Водители вылезали из машин, чтобы расспросить про голос.

– Прошу прощения, – обратился ко мне прохожий. – Это только мне послышалось или вы слышали тоже?..

Так продолжалось весь следующий час. Оказалось, что голос слышали все. Но все женщины были уверены, что слышали женский голос, а все мужчины – что мужской.

Наконец я добрался до магазина.

Продавщица Минни и кладовщик Фрэнк были уже на месте. Они включили радио на полную громкость и разговаривали, стараясь его перекричать.

– Мистер Остерсен, – обратился ко мне Фрэнк, как только я вошел. – Вы слышали голос?

Мы обсудили случившееся, но не сообщили друг другу ничего нового. Фрэнк услышал голос, когда был уже в магазине. Минни как раз входила, взявшись за ручку двери. По ее словам, голос принадлежал девушке ее возраста с едва заметным акцентом жительницы Бронкса. Мы же с Фрэнком настаивали, что голос мужской. Правда, я слышал голос мужчины лет сорока – сорока пяти, а Фрэнк уверял, что это был молодой человек лет двадцати с небольшим.

Наконец мы вспомнили о радио, которое надрывалось все это время.

– ...Голос прозвучал во всех регионах страны в девять часов три минуты утра по восточному времени. Этот голос, предположительно принадлежащий... э-э-э... Создателю, возвещающему Судный день, был слышен... э-э-э... во всех регионах страны. – Диктор неуверенно замолчал, потом продолжил: – Вместо нашей обычной программы слово предоставляется преподобному Джозефу Моррисону, который расскажет о... – Диктор помолчал секунду, затем торжественно произнес: – Преподобный Джозеф Моррисон!

Почти все утро мы слушали радио. Преподобный Джозеф Моррисон казался таким же растерянным, как и все остальные. После его выступления начался специальный выпуск новостей. Выяснилось, что голос слышали люди по всей Земле. Голос обращался на разных языках, наречиях и диалектах.

Минни слушала репортажи, которые следовали один за другим, с изумлением, Фрэнк тоже, казалось, был потрясен. Думаю, я и сам выглядел настолько испуганным, насколько позволяло мое невыразительное лицо. Без четверти двенадцать я решил позвонить жене. Безрезультатно. Я не смог даже связаться с оператором станции.

– ...Возможно, это мистификация, – вещал приемник неубедительным тоном. – Массовые галлюцинации плохо изучены, поэтому их нельзя сбрасывать со счетов. В Средние века...

И тут, прерывая наш разговор и заглушая радиоэфир, снова прозвучал голос:

– Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней. Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. Это объявление будет повторено.

«Отбытие! – подумал я. – Интересно – куда?»

– Вот! – закричал Фрэнк. – Слышала? Молодой человек!

– Совсем спятил?! – крикнула Минни в ответ. Волосы упали ей на глаза, и она стала походить на драчливого кокер-спаниеля.

– Сама спятила!

Они свирепо уставились друг на друга. Минни, казалось, собиралась швырнуть во Фрэнка кассовый аппарат.

– Успокойтесь, – сказал я. – По-моему, голос разговаривает с каждым на самом понятном для него языке – его собственном.

– Разве такое возможно? – удивился Фрэнк.

– Не знаю. Но это логично. Если бы голос использовал только латынь, иврит или английский, никто бы из арабов или армян его не понял. Оно обращается к каждому на его родном языке и даже диалекте.

– А разве можно называть его «Оно»? – прошептал Фрэнк и оглянулся через плечо, словно ожидая увидеть ангела возмездия. – Может, лучше говорить «Он»?

– «Она», ты хочешь сказать, – вставила Минни. – Ох уж этот мужской шовинизм: Бог непременно должен быть мужчиной! А ведь женское начало очевидно повсюду, во всем окружающем мире. Ты... ты просто не смеешь говорить «Он», когда... когда...

Минни не была сильна в теоретических выкладках. Она запнулась и замолчала, тяжело дыша и откидывая назад волосы.

Некоторое время спустя мы уже говорили об этом спокойно и слушали радио. Выступали эксперты, их становилось все больше. Потом передали короткие репортажи из разных стран, жители которых слышали второе объявление. В два часа я распустил всех по домам. Какой смысл работать в такой день? К тому же к нам не зашел ни один покупатель.

Когда я добрался до «Бруклин – Манхэттен транзит», подземка работала как обычно, и я поехал домой в Куинс.

– Ты слышал голос? – спросила жена, не успел я войти.

– Конечно. Говорила женщина тридцати пяти лет с легким акцентом жительницы Куинса?

– Точно! – воскликнула она. – Слава богу, мы согласны хоть в чем-то!

Но, конечно, это было, не так.

Мы поговорили про голос за ужином и продолжили обсуждение после ужина.

В девять часов вечера объявление прозвучало вновь:

– Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней. Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. На этом все.

– Ну вот, – сказала Джейн. – Ясно же, что «Он» на самом деле «Она».

– Думаю, все-таки «Он», – возразил я, и мы отправились спать.

Утром я поехал на работу, хоть и не знаю зачем. Я, как и все, понимал, что все кончено. Просто казалось естественным вернуться к работе – будь то конец света или нет. Бóльшая часть моей сознательной жизни была связана с магазином, и я хотел провести в нем еще один день. К тому же я собирался привести в порядок дела, хотя и знал, что это лишено смысла.

Езда на метро превратилась в тихий ужас. В Нью-Йорке и так-то не протолкнуться, но сегодня, казалось, все Штаты решили воспользоваться нью-йоркской подземкой. Вагоны были набиты до такой степени, что двери едва закрывались. Когда я наконец выбрался на свет божий, то обнаружил на улицах почти такую же толчею. Движение застопорилось, и люди покидали машины и автобусы, отчего толчея только усиливалась.

Фрэнк и Минни уже были на месте. Наверное, их осенила та же мысль – привести в порядок дела.

– Как здорово, что вы здесь, мистер Остерсен, – сказал Фрэнк. – По-вашему, как Он поступит? Я имею в виду наши грехи.

Фрэнку шел двадцать второй год. Я с трудом допускал, что он успел наделать много грехов. И все же они его беспокоили. Судя по тому, как он хмурился и расхаживал по залу взад-вперед, он являлся, как минимум, поборником дьявола.

Минни, насколько я видел, грехи не заботили вообще. Она надела свой лучший наряд – кстати, купленный не в моем магазине, – а ее волосы были чуть темнее, чем вчера. Полагаю, она решила выглядеть перед Всевышним на все сто, будь он хоть мужчина, хоть женщина.

Все утро мы говорили о грехах и слушали радио. По радио тоже много рассуждали о грехах, и у каждого выступающего было свое

личное мнение.

Около полудня заглянул Олли Бернштейн.

– Салют, экс-конкурент, – сказал он, стоя в дверях. – Как дела?

– Продал пятьдесят нимбов, – сказал я. – А у тебя?

– А, какая разница! – Он протиснулся боком в дверной проем. – До Страшного суда четыре дня, и всем на все наплевать. Пойдем, экс-конкурент, пообедаем.

Формально мы не были друзьями. Мы торговали товаром одной ценовой категории, и наши магазины располагались слишком близко друг к другу. К тому же Олли страдал ожирением, а я всегда настороженно относился к толстякам. Но тогда я почувствовал к нему симпатию. Жаль, что не разглядел его монолитные качества годы назад.

Мы направились в «Лотто», первоклассный ресторан на Семьдесят третьей улице. Мы надеялись, что в центре народу поменьше, однако мы просчитались. «Лотто» оказался забит до предела, и мы ждали столик сорок пять минут.

Мы заказали жаркое из утки, но в итоге согласились на стейк. С самого утра, сказал официант, наплыв посетителей, и все заказывают жаркое из утки.

В «Лотто» работало радио – впервые, наверное, за все время, что существует ресторан. Выступал какой-то священнослужитель – кажется, раввин. Его прервал короткий выпуск новостей.

– Война в Индокитае закончилась, – сообщил диктор. – Сегодня, в семь тридцать утра, был провозглашен мир. Кроме того, объявлено перемирие в Монголии и Танганьике.

Мы узнали еще много интересного. В Индокитае повстанцы уступили французам территорию, заявив, что все люди должны жить в мире. Франция немедленно объявила, что отзывает свои войска и что они вернутся домой, как только найдутся транспортные самолеты.

Все французы решили провести оставшиеся до Страшного суда дни в Париже. В тот момент я тоже захотел присоединиться к ним. Диктор добавил, что русские ВВС согласились перевезти французов домой.

Везде было одно и то же. Все страны шли на уступки, отдавая соседям спорные территории, отправляя гуманитарную помощь в

«горячие точки» – и всё в том же духе.

Мы слушали радио за бутылкой мозельского – все шампанское было выпито еще с утра. Думаю, я немного перебрал. Так или иначе, я возвращался в магазин в обнимку с двумя незнакомцами, и мы убеждали друг друга, что мир – это хорошо.

Именно так и было.

Домой я вернулся пораньше, чтобы не нарваться на вечерний час пик. Хотя совсем избежать его не удалось. С порога я ухмыльнулся жене, и она ухмыльнулась в ответ. Джейн тоже была навеселе.

Назавтра я взял жену с собой. Мы придумали, как провести последние три дня – вернее, два, ведь сам Судный день не в счет. Мы поселимся в хорошем отеле, накупим классической музыки и устроим скромный праздник для двоих. Я считал, мы его заслужили. Хотя и мог ошибаться.

В магазине нас поджидал Фрэнк – в парадной одежде и с чемоданом в руке.

– В чем дело, Фрэнк? – спросил я.

– Мистер Остерсен, осталось два дня, и я хочу отправиться в свое первое путешествие на самолете. Я лечу в Техас.

– Правда?

– Да, сэр.

Фрэнк переминался с ноги на ногу, как если бы думал, что совершает глупый поступок. Но его лицо выражало решимость. Он ожидал, что я буду его отговаривать.

– Там я смогу покататься на лошади, мистер Остерсен. Я давно мечтал съездить в Техас и покататься верхом. И не только на лошади. Я хочу посмотреть, как выглядит наша страна с самолета. Я собирался отправиться в Техас летом, во время отпуска, но теперь… в общем, я улетаю.

Я прошел в кабинет и открыл сейф. Там лежали четыре тысячи долларов, остальное хранилось в банке. Я вернулся и вручил Фрэнку две тысячи.

– Держи, парень, – сказал я. – Купи мне лошадь.

Он посмотрел мне в глаза и ушел, не проронив ни слова. Да и что тут скажешь? И потом, не такой уж это и щедрый жест. Кому теперь нужны деньги? Мне хотелось, чтобы парень отлично провел время.

Жена на этот раз, похоже, была согласна со мной. Она улыбалась.

Минни пришла почти сразу же после ухода Фрэнка. Она снова принарядилась, и эту одежду она тоже купила не в моем магазине. Ее сопровождал молодой человек. Не красивый, не страшный – из тех парней, каких видишь на каждом шагу. Но Минни, похоже, считала иначе, судя по тому, как она сжимала его руку.

– Ты тоже собралась в Техас? – спросил я.

– Конечно нет, – сказала она. – Я выхожу замуж.

– Правда? – оживилась Джейн.

– Да, мэм. Мы с Хербом ждали, когда он окончит стоматологический колледж, – чтобы пока он мог пожить у родителей. Но теперь…

Должен заметить, выглядела она премило. Светло-русые волосы были ей к лицу.

– Вот, Минни. – Жена вытянула две тысячи у меня из руки и передала ей. – Проведи эти дни в свое удовольствие.

– Эй! – сказал я жене, когда Минни и ее жених ушли. – А как же мы? В банк идти бесполезно. И что теперь делать без денег?

– Да не переживай ты так, – сказала Джейн. – Разве ты не веришь в первую любовь?

Она уселась в единственное удобное кресло в зале, предназначенное для покупателей.

– Знаешь, я устала быть бережливой, – сказала она, когда увидела, что я смотрю на нее.

– Понимаю, – ответил я.

– И деньги пока имеют хоть какую-то ценность, – добавила она. – Разве у тебя совсем нет веры? Господь позаботится обо всех.

– Ну тогда все в порядке, – сказал я и уселся рядом.

Дверь отворилась. В магазин вошел незнакомый коротышка в годах, одетый как банкир. Я сразу понял, что он из наших. Одежный бизнес накладывает на человека отпечаток.

– Дела не очень? – спросил он.

– Не очень. Ни одного покупателя за весь день… вчера тоже.

– Неудивительно. Все бросились в дорогие магазины. Хотят напоследок одеться во все лучшее.

– Это можно понять, – сказал я.

– Понять – да, но это несправедливо. – Коротышка

неодобрительно смотрел сквозь маленькое пенсне. – Почему большие магазины должны вытеснять с рынка мелких торговцев? Я представляю Бонзелли, и я здесь, чтобы возместить ваши финансовые потери.

Он положил на прилавок толстый конверт, улыбнулся как мог и ушел.

– Бонзелли, – рассеянно заметила жена. – Большой дорогой магазин...

В конверте лежало восемь тысяч долларов.

Впрочем, этим дело не кончилось. Каждые несколько минут в магазин заходили незнакомые люди и оставляли деньги. Через некоторое время я решил их раздавать. С двадцатью тысячами долларов в бумажном пакете я отправился в магазин Олли Бернштейна. Через квартал я с ним столкнулся. Он шел мне навстречу с пачками банкнот в руках.

– У меня для тебя подарочек, экс-конкурент, – сказал он.

Он нес около пятнадцати тысяч. Все, у кого были деньги, раздавали их – и получали назад от других людей.

– Кажется, придумал, – сказал я. – Может, осчастливим несчастных?

– Ты имеешь в виду магазины одежды в Бронксе?

– Нет, я имею в виду нищих и бомжей. Почему бы не поделиться с ними?

Он согласился без колебаний. Мы обсудили план. Идея спуститься в квартал дешевых притонов и там раздавать деньги показалась нам не очень удачной. Улицы по-прежнему были забиты народом, и я не хотел надолго оставлять Джейн в магазине. В конце концов мы решили пожертвовать деньги ближайшей церкви. Кому, как не им, знать, куда их пристроить.

Церковь на пересечении Шестьдесят пятой улицы и Мэдисон была ближе всего, поэтому мы отправились туда и встали в конец очереди. Она растянулась на полквартала, но продвигалась быстро.

– Вот уж не думал, что это так сложно, – сказал Олли и покачал головой. Пот ручейками сбегал по его лицу. Жертвуя деньги, он прилагал больше усилий, нежели, когда их зарабатывал.

– Что это за церковь? – спросил он.

– Не знаю. – Я похлопал по плечу мужчину впереди. –

Уважаемый, что это за церковь?

Мужчина обернулся. Он весил не меньше Олли, но был старше и выглядел совсем измученным.

– Откуда мне знать, – пожал он плечами. – Я из Бруклина.

Наконец мы вошли в церковь, и священник взял у нас деньги. У него не было времени даже поблагодарить нас – позади гудела длинная очередь. Он просто бросил деньги на стол. Другой священник сгреб банкноты и унес, потом возвратился за новой порцией. Мы пошли за ним, просто из любопытства. Я не сомневался, что церковь распорядится деньгами как надо, однако человеку свойственно стремление знать, куда идут его пожертвования. Кроме того, Джейн наверняка меня об этом спросит.

К боковому входу в церковь выстроилась очередь красноносых людей в лохмотьях. Их лица светились от радости. Священник вручал каждому по несколько пачек банкнот, потом торопливо уходил за новой порцией.

– Проще было б впустить вторую очередь внутрь, – сказал Олли, когда мы шли обратно. – Парни с деньгами встречались бы с парнями без денег, и процесс бы ускорился. Но всегда есть посредник, которого не обойдешь. – Он закашлялся. Физическая нагрузка добивала его. Человеку комплекции Олли не следовало бегать, раздавая деньги таким способом.

По пути в магазин мне вручили пять тысяч долларов. Человек просто улыбнулся, сунул мне пачку денег и поспешил прочь. Запоздало я узнал в нем одного из бомжей, стоявших в очереди у церкви.

На прилавке меня ждал целый ворох банкнот. Жена сидела в кресле и листала журнал.

– Вот, накопилось, – кивнула она на деньги.

Я бросил пять тысяч в общую кучу.

– Ты бы послушал радио, – сказала она. – За последний час конгресс принял около двадцати законов. Они дали нам все права, о которых мы не могли и мечтать, и еще несколько, о существовании которых я даже не подозревала.

– Наступила эра простого человека, – констатировал я.

Следующий час я простоял в дверях, раздавая деньги. Это была очевидная глупость. Множество людей на улицах пытались всучить

деньги друг другу. Это было что-то вроде игры: богатый отдавал деньги бедному, а бедный поворачивался и отдавал их другому богатому. К двум часам дня уже невозможно было сказать, кто богат, а кто беден.

Джейн держала меня в курсе того, что передавали по радио. Страны мира одна за другой принимали гуманные законы, как только собирали кворум. Эра простого человека действительно наступила – за два дня до конца света.

В три часа дня мы пошли обедать. И я, и Джейн понимали, что видим магазин в последний раз. В качестве прощального жеста мы рассыпали по стойке пятьдесят тысяч долларов и оставили дверь нараспашку. Это единственное, что мы могли сделать.

Мы перекусили в ресторане на Шестьдесят третьей улице. Персонал покинул заведение, и посетители обслуживали себя сами. Приготовив что-нибудь с запасом, они ели и уходили. Джейн соорудила несколько десятков трехслойных сэндвичей как наш вклад в общее дело, а потом мы поели. Следующий вопрос – ночлег. Я не сомневался, что все отели заняты, но попытаться стоило. В крайнем случае мы могли переночевать в магазине.

Мы пошли в «Стэнтон-Карлер», один из самых больших отелей Нью-Йорка. Молодой человек за стойкой читал «Мир как воля и представление» Шопенгауэра.

– Есть свободный номер? – спросил я.

– Вот ключ, он подходит ко всем дверям. Занимайте любой свободный, если найдете.

– Сколько? – спросил я и развернул веер из тысячедолларовых купюр.

– Вы что, шутите? – сказал парень и снова уткнулся в книгу. Очень серьезный юноша.

Мы отыскали свободный номер на пятнадцатом этаже и сразу упали в кресла. Джейн тут же подскочила.

– Мы забыли про пластинки! – воскликнула она. – Я хочу провести последний день, слушая хорошую музыку.

Я устал как собака, но наши желания совпали. Нам с Джейн вечно не хватало времени, чтобы послушать все, что мы хотели. Можно сказать, мы еще и не начинали.

Джейн выразила желание пойти со мной, но я решил, учитывая

толчею на улицах Нью-Йорка, что будет проще, если я пойду один.

– Запри дверь, – сказал я. – Может, до Страшного суда и остался один день, но люди пока еще не ангелы.

Она подмигнула мне. Она не подмигивала мне уже несколько лет.

С трудом протискиваясь сквозь толпу, я добрался до музыкального магазина. Внутри не было ни души. Я взял проигрыватель и пластинки – столько, сколько мог унести. В отеле мне пришлось подниматься на пятнадцатый этаж пешком, потому что кто-то вздумал кататься на единственном работающем лифте.

– Поставь Дебюсси, – попросил я Джейн и без сил рухнул в кресло. Какое наслаждение – вытянуть усталые ноги!

Остаток дня и весь вечер мы слушали музыку. Понемногу Баха, Дебюсси, Моцарта, Гайдна и тех композиторов, которых я еще не знал. В тот день я прослушал музыки больше, чем за последние пять лет.

Проснулись мы поздно, примерно в половине второго. Я чувствовал себя виноватым. Так глупо проспать свой последний день!

– Привычка поспать не хуже любой другой, – утешила меня Джейн. Возможно, она была права.

Как бы то ни было, мы ужасно проголодались. Оказалось, что у Джейн натерты ноги – она не ходила так много со времен моего ухаживания за ней.

– Не вставай, – сказал я. – Твой рыцарь в сияющих доспехах принесет тебе завтрак. Мое последнее доброе дело.

– Первое, – улыбнулась она.

– Запри дверь, – сказал я и ушел. Я вообще никогда не доверял людям. Не знаю почему. Даже накануне Страшного суда я не мог доверять никому.

Город поразил меня непривычной тишиной. Лишь несколько человек нарушали мертвый пейзаж: одни шли, нервно оглядываясь по сторонам, другие – с довольными улыбками на лице. Улицы были пусты. На проезжей части стояли брошенные автомобили, такси и автобусы. Светофоры по-прежнему перемигивались, но им нечего было регулировать.

Я не заметил ни одного полицейского и вдруг осознал, что со

времени первого объявления не встречал ни одного копа. Не помню, понравилось мне это или нет, но я подумал, что копы тоже люди. Наверное, решили провести последние дни в кругу семьи. Да и кому что тут красть?

Может, стоит заглянуть в церковь и помолиться, подумал я. Не то чтобы это могло изменить мою жизнь или я как-то особенно этого хотел. Но я подумал, что Джейн бы одобрила мой поступок. Я обошел три церкви, но все они были битком набиты, и снаружи стояли длиннющие очереди. Стало ясно, куда все подевались.

Конечно, я тоже мог постоять в очереди, но Джейн ждала завтрака, и я отправился в ресторан.

По дороге из ресторана меня несколько раз останавливали и пытались всучить деньги. Казалось, люди были в отчаянии. Они объясняли, что пытаются избавиться от денег, но не знают, как это сделать. Они копили их всю жизнь и теперь не могут просто взять и выбросить. Но деньги никому не нужны. И они не знают, что делать.

Один человек меня поразил особенно.

– Будь добр, возьми деньги, старик, – сказал он. – У меня горе, понимаешь? Я скопил их так много, что теперь не знаю, куда девать. Не хочу, чтоб они у меня оставались. Правда, не хочу. Может, возьмешь?

Я узнал его. Это был известный актер. Мне он нравился, поэтому я взял у него пачку долларов и оставил на стойке в отеле. Юноша, который читал Шопенгауэра, исчез.

Мы с Джейн поели и снова включили музыку. И слушали ее весь день, не тратя времени на разговоры. Ближе к вечеру глаза Джейн предательски заблестели. Я понял: она вспоминает нашу жизнь. Я тоже углубился в воспоминания. Прожитая жизнь показалась мне не такой уж и плохой. Хотя и не без изъянов. В жизни я совершил несколько ошибок, но не фатальных.

Вечером мы поужинали остатками обеда. Мы не хотели выходить из номера и не хотели спать.

– Это случится на рассвете, – сказала Джейн.

Я попытался возразить, мол, пути Господни неисповедимы. Но Джейн слишком полагалась на женскую интуицию.

Ночь была долгая и не самая приятная. Я чувствовал себя, как заключенный перед казнью. Недостойное чувство, но я был напуган.

Полагаю, не я один.

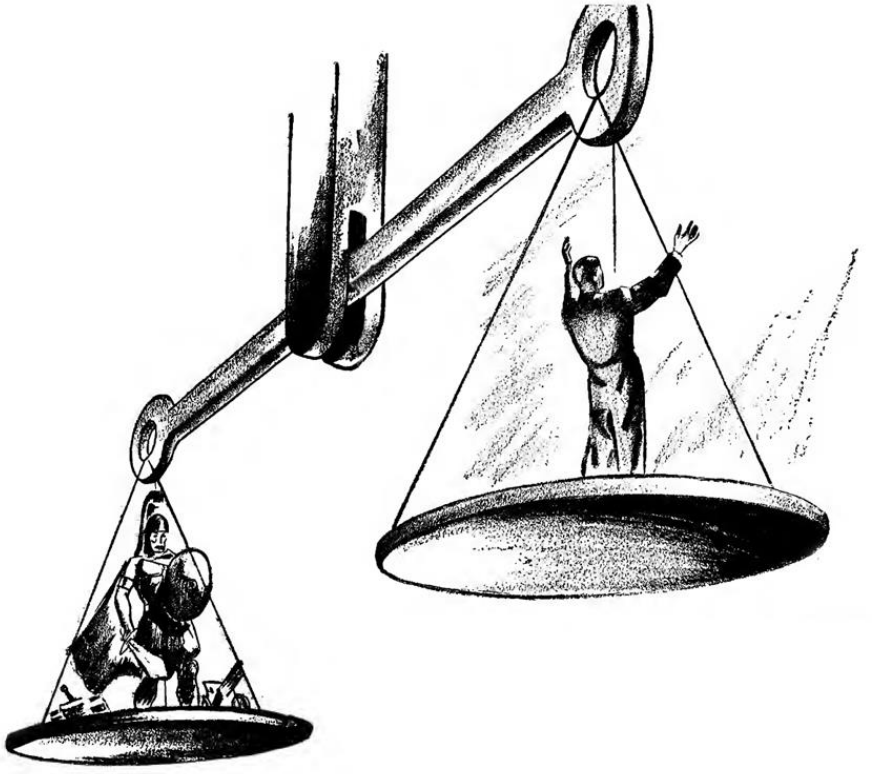
Стоя у окна, я смотрел, как разгорается заря несбывшихся надежд. День обещал быть хорошим. Звезд на небе не было, зато в городе горели все фонари и все окна. Казалось, Нью-Йорк зажег свечи накануне шага в неизвестность.

– Прощай, Джейн, – сказал я и понял, что она права. Объявление прозвучит на рассвете. Я надеялся, что Минни сейчас в объятьях своего мужа, а Фрэнк… скорее всего, он на лошади – привстал в непривычном седле и смотрит на восток. Я надеялся, что именно так все и обстоит.

– Прощай, дорогой, – сказала Джейн и поцеловала меня.

Из окна веял прохладный ветерок, черное небо казалось бархатным. Это было красиво. Вот так все и должно было закончиться.

– Рассмотрение дел жителей планеты Земля откладывается, –



произнес приятный голос у меня за спиной. – Последнее испытание и отбытие отсрочены на десять лет, считая с настоящего момента.

Я стоял у окна, обнимая Джейн. Наверное, минут десять мы не могли произнести ни слова.

– Да уж, – сказал я наконец. – Да уж.

– Да уж, – вздохнула она.

Мы помолчали еще несколько минут. Потом она повторила:

– Да уж.

А что тут еще скажешь?

Я выглянул в окно. Город искрился огнями. Солнце выползало из-за горизонта, стояла мертвая тишина. Единственный звук, который ее нарушал, – гудение неоновых вывесок: они жужжали, как сломанный будильник. Или как бомба с часовым механизмом.

– Тебе надо на работу, – сказала Джейн и заплакала. – Хотя десять лет – всего лишь мгновенье в масштабе вечности. Одна секунда – для Нее.

– Меньше, – сказал я. – Доля секунды. Или еще меньше.

– Но не для нас.

Лучше бы в тот момент все и закончилось. Судный день должен был наступить в урочный час, что бы он ни принес с собой. Мы подготовились. Мы отказались от мирских благ – в Нью-Йорке, да и, думаю, во всем мире тоже. Но десять лет – слишком большой срок. Слишком тяжелое испытание для добродетели.

Нужно было как-то жить дальше, и формально этому ничего не мешало. Мы могли вернуться к работе. Фермеры оставались фермерами, продавцы и служащие тоже никуда не делись.

Мы могли изменить мир к лучшему, чтобы указывать на эти десять лет с гордостью и говорить:

– Смотрите! Тысячи лет алчности, жестокости и ненависти – это не вся наша история! Наши последние десять лет – такие благие, непорочные, великодушные! Десять лет мы были братьями!

Увы, все пошло не так.

Фермеры не захотели возвращаться на фермы, продавцы – в магазины. Нет, некоторые вернулись. На время. Ненадолго. Все рассуждали о высоких идеалах, но это были пустые разговоры, как и прежде.

Полгода мы с Джейн боролись за жизнь, страдая от голода,

отбиваясь от бандитов, которых расплодилось вокруг Нью-Йорка в избытке. В конце концов мы решили уехать. Мы влились в поток беженцев, покидающих Нью-Йорк, пересекли Пенсильванию и взяли курс на север.

Везде царила разруха, страна собиралась с духом, правда не очень успешно. Сперва голодали тысячи, потом миллионы. Те, у кого были запасы еды, не хотели делиться – они не представляли, как проживут десять лет, если отдадут хотя бы часть. Деньги раздавали мешками. Они потеряли всякую ценность. Какие-то девять месяцев – и за миллион долларов не купишь гнилой репы.

Время шло, и все меньше людей оставалось на рабочих местах. За их зарплату ничего нельзя было купить. Да и зачем работать, если скоро конец света? Для кого стараться?

Примерно через год случился инцидент: в Софии пропал американец. Исчез без следа. Американский посол выразил протест, и ему посоветовали убираться домой. Болгары не хотели, чтобы последние девять лет кто-то вмешивался в их жизнь. Кроме того, добавили они, им не известно, куда подевался человек. Возможно, они говорили правду. Люди тогда пропадали повсеместно.

После третьего ультиматума мы сбросили на них бомбу. Атака совпала по времени с бомбардировкой, предпринятой против нас Китаем, который решил, что мы слишком вмешиваемся в его отношения с Японией.

Англия тоже подверглась бомбардировке и разбомбила кого-то в ответ.

Все начали бомбить всех.

Мы с Джейн оставили город, в котором остановились на короткую передышку, и взяли курс на открытую местность. Мы, спотыкаясь, бежали по полю под рев самолетов. Прятались в придорожных канавах. Во время одного из налетов Джейн сразила пулеметная очередь. Наверное, ей повезло. Она не дожила до атомной бомбардировки, которая случилась неделей позже. И не видела взрыва водородной бомбы еще неделю спустя.

Когда упала водородная бомба, я был далеко, в Канаде. Но я слышал грохот и видел дым. Бомбу сбросили на Нью-Йорк.

После этого все сбросили самые большие бомбы на все возможные цели, заразив планету радиацией и болезнетворными

микробами. Отравляющие газы долго висели над землей, пока их не сдуло ураганом.

Все это время я шел на север, хотя все остальные, спасаясь от голода, двигались на юг. Но я решил: лучше смерть от голода, чем от радиоактивной пыли или бактерий. Хотя бактерии все же добрались до меня. Целые сутки я мучился от болей. Я хотел умереть. Будь у меня пистолет, я бы, наверное, застрелился. Но я выжил. И микробы оставили меня в покое.

За Полярным кругом я прибился к компании из нескольких человек, но пробыл с ними недолго. Через день после моего прихода один из них заболел, а потом и все остальные. Я понял, что заразил их, поэтому ночью ушел, по-прежнему держа курс на Север.

Потом и Север подвергся бомбардировке, чтобы урановые рудники не достались никому. Я бежал через лес, прятался в пещерах. Ночью смотрел на луну и редкие брызги звезд.

Четыре года спустя я уже не встречал никого. Да и некогда было кого-то искать. Все время я тратил на поиски пропитания. Ежедневное занятие с утра и до вечера – собирать травы и коренья, а если повезет, убить камнем кролика. Я здорово наловчился метать камни.

Я даже не представлял, когда истекут эти десять лет.

Не думаю, что я последний человек на Земле. Люди в других частях света могли спрятаться в пещерах, на островах, на вершинах гор. Если Вы их найдете, они подтвердят мой рассказ. Думаю, Вы убедитесь, что он довольно точный.

Теперь что касается меня...

Думаю, я не менее грешен, чем большинство людей, но это решать Вам, Создатель.

Зовут меня Адам Остерсен. Я родился в Пин Гроув, штат Мэн, в июне...

Раса воинов

Кто виноват, они так и не выяснили. Фаня съязвил, что, если бы Донни имел не только комплекцию, но и интеллект быка, то не забыл бы проверить топливные баки. Донки был в два раза крупнее Фани, но думал в сто раз медленнее: на быстрый обмен колкостями у него не хватало смекалки. Поразмыслив, он заявил, что, скорее всего, огромный нос Фани загородил датчик топлива и помешал ему правильно считать показания.

До Тетиса оставалось двадцать световых лет, а трансформаторного топлива в аварийном баке — кот наплакал.

— Ладно, — сказал Фаня чуть погодя. — Что сделано, то сделано. Выжмем еще три снеговых года из остатков топлива, а потом переключимся на атомные двигатели. Дай-ка «Путеводитель по Галактике», если не забыл и его тоже.

Донни вытащил из шкафа объемистую книгу, и они приступили к ее изучению.

«Путеводитель» сообщил, что они находятся в удаленной, редко посещаемой части космоса, о чем они знали и так. Неподалеку — планетарная система Хэттерфилд, но там отсутствует разумная жизнь. Рядом Серсус, он населен, но на нем нет топливных заправок. Та же история с Иллед. Ханг и Пордерай.

— Вот? — воскликнул, наконец, Фаня. — Прочти это, Донни. Если умеешь читать, конечно.

— Касиелла. — медленно прочитал Донни. водя толстым указательным пальцем по строчкам. — Звезда М-типа. В системе три планеты, на второй — разумная жизнь гуманоидного типа. Атмосфера с содержанием кислорода. Культура немеханическая, религиозная. Население дружественное. Уникальное общественное устройство — подробно описано в бюллетене «Галактический обзор № 33877242». Оценочная численность населения: три миллиарда. Базовый словарь касцеллианских слов заархивирован на ленте Кас33b2. Дата повторного обследования: 2375 год. Присутствует аварийный запас трансформаторного топлива, радиосигнал в системе координат 8741 кгл. Описание прилегающей к хранилищу местности: необитаемая равнина.

— Трансформаторное топливо, чувак! — возликовал Фаня. — Судя по всему, мы доберемся-таки до Тетиса. — Он задал новый курс на пульте управления. — Если топливо на Касцелле все еще цело.

— А нужно читать про уникальное общественное устройство? — спросил Лонни, отрываясь от «Путеводителя».

— Обязательно. — сказал Фаня. — Прямо сейчас и сбегай на Землю, на главную галактическую базу. Купи два экземпляра — себе и мне.

— Ох, я и забыл, — помедлив, признался Донни.

— Посмотрим, что у нас есть, — бормотал Фаня, вытягивая корабельную библиотеку языков. — Касцеллианский, касцеллианский... вот! Донни, веди себя хорошо, пока я буду изучать язык. — Он вставил кассету в гипнофон и щелкнул переключателем. — Еще один никчемный язык в моей перегруженной голове, — посетовал он и отдался во власть гипнофона.

Отключив трансформаторный привод, в котором осталась последняя капля топлива, они перешли на атомные двигатели. Фаня елозил радиосканером по поверхности планеты, уточняя местоположение тонкого металлического шпиля аварийного склада.

Равнина больше не была необитаемой. Касцеллианцы построили вокруг склада большой город, в котором шпиль господствовал над примитивными деревянно-глинобитными постройками.

— Держись. — приказал Фаня и бросил корабль вниз, на свежеубранное поле на окраине города. — А теперь послушай меня, — сказал он, отстегивая ремень безопасности. — Мы здесь исключительно ради топлива. Никаких сувениров, никаких экскурсий и никакого братания.

В бортовой иллюминатор они увидели облако пыли, движущееся со стороны города. Приблизившись, облако распалось на отдельные фигуры бегущих людей.

— Что, интересно, представляет собой их уникальное общественное устройство? — спросил Донни, в задумчивости проверяя заряд бластера.

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Фаня, втискиваясь в тяжелый космический скафандр. — Ты одевайся тоже.

— Зачем? Ведь воздух пригоден для дыхания.

— Послушай, толстокожий. О местных мы не знаем почти ничего. Возможно, их излюбленный способ приветствовать гостей — отрубать им головы и фаршировать зелеными яблоками. Раз «Путеводитель» говорит «уникальное общественное устройство», то, надо полагать, он подразумевает наличие чего-то уникального.

— В «Путеводителе» сказано, они дружелюбные.

— Это значит, что у них нет атомных бомб. Давай, надевай скафандр.

Донни отложил оружие и забрался в бронированный космический костюм. Оба космонавта прицепили к скафандрам бластеры, парализаторы и по паре гранат.

— Думаю, беспокоиться не о чем, — сказал Фаня, затягивая последний винт на шлеме. — Даже если они проявят агрессию, космический скафандр им не по зубам. А не проявят — тогда вообще никаких хлопот... Надеюсь, эти безделушки, прийдутся кстати. — Он подхватил контейнер с товарами для обмена: зеркальца, игрушки и тому подобное.

В полном защитном комплекте Фаня выскользнул из люка и поднял руку, приветствуя касцеллианцев. Слова чужого языка, гипнотически внедренного в память, сами сложились в нужную фразу:

— Мы пришли как друзья и братья. Отведите нас к вождю.

Туземцы столпились вокруг космонавтов, с любопытством рассматривая корабль и скафандры. Несмотря на то, что у них было такое же, как и у людей, количество глаз, ушей и конечностей, выглядели они совсем не как люди.

— Если они дружелюбны, зачем им столько оружия? — удивился Донни, выбравшись из люка. Одежда касцеллианцев состояла в основном из ножей, мечей и кинжалов. На каждом висело не менее пяти экземпляров холодного оружия, а на иных — восемь или девять.

— Возможно, «Путеводитель» перепутал данные, — предположил Фаня, когда туземцы рассредоточились вокруг них, образовав что-то вроде конвоя. — А может, они используют ножи только для игр.

Город оказался типичным для немеханической культуры. Тесные грязные улочки, петляющие между ветхими постройками.

Несколько двухэтажных домов, готовых обвалиться в любой момент. Воздух, пропитанный смрадом столь сильным, что даже фильтры скафандра не могли с ним справиться. Касцеллианцы бегали вокруг облаченных в тяжелые скафандры землян, словно орава игривых щенят. Ножи звякали и сверкали на солнце.

Дом вождя был единственным трехэтажным строением в городе. Высокий шпиль аварийного хранилища возносился в небо прямо за ним.

— Если вы пришли с миром, то добро пожаловать, — обратился к вошедшим землянам вождь, касцеллианин средних лет. На разных частях его тела висели, по меньшей мере, пятнадцать ножей. Вождь сидел, скрестив ноги, на возвышении.

— У нас дипломатическая неприкосновенность, — сообщил Фаня на всякий случай. Он помнил из гипнотической лекции, что вождь на Касцелле значит гораздо больше, чем когда-то вождь значил на Земле. Местный вождь совмещал функции короля, первосвященника, бога и самого храброго воина.

— Мы принесли вам подарки, — добавил Фаня, возлагая безделушки к ногам короля. — Примет ли их ваше величество?

— Нет, — сказал король. — Мы не принимаем подарков.

Может, это как раз и было проявлением уникального общественного устройства?

— Мы — раса воинов. Если мы чего-то хотим, то берем сами.

Фаня уселся, скрестив ноги, напротив возвышения и

продолжил беседу с королем. Донни заинтересовался отвергнутыми игрушками. Стараясь исправить плохое впечатление, Фаня рассказал вождю о звездах и других мирах. Примитивные создания, как правило, любят слушать сказки. Он рассказал о корабле, не упомянув, правда, о нехватке топлива. Рассказал о том, что слава Касцеллы гремит на всю галактику.

— Так и должно быть, — гордо заявил вождь. — Мы — раса воинов, равной которой нет на свете. Каждый из нас умирает, сражаясь.

— Вы, должно быть, участвовали во многих великих войнах? — вежливо поинтересовался Фаня. Что за идиот готовил сводку в «Путеводитель по Галактике»!

— Я не сражался уже много лет, — ответил вождь. — Сейчас у нас мир, все наши враги к нам присоединились.

Слово за слово, Фаня подвел разговор к вопросу о топливе.

— Что такое это ваше топливо? — спросил вождь, споткнувшись на последнем слове: в касцеллианском языке у этого слова не было эквивалента.

— Оно заставляет корабль двигаться.

— И где оно?

— В металлическом шпиле, — сказал Фаня. — И если вы позволите...

— В святыне? — ахнул потрясенный вождь. — В высоком металлическом храме, который боги оставили здесь в стародавние времена?

— Ну, да, — выдавил Фаня, уже предчувствуя, что за этим последует. — Думаю, именно там.

— Чужеземцы не должны приближаться к храму, это кощунство. — сказал вождь. — Я запрещаю вам это делать.

— Но нам нужно топливо. — Фаня устал сидеть, скрестив ноги. Космический скафандр не был рассчитан на сложные позы. — Шпиль поставили здесь именно для таких чрезвычайных случаев.

— Чужеземцы, имейте в виду: я бог и полководец моего народа. Посмеете подойти к священному храму — быть войне.

— Этого я и боялся, — вздохнул Фаня, поднимаясь на ноги.

— Мы — раса воинов. И стоит мне приказать, все бойцы планеты выступят против вас. Подкрепление придет из-за рек и с гор.

Внезапно вождь выхватил нож. Видимо, это был какой-то сигнал, потому что все туземцы в комнате сделали то же самое.

Фаня оттащил Донни от игрушек.

— Послушай, балда. Эти дружелюбные воины не смогут нам ничего сделать. Их ножи не разрежут материал скафандра, и я сомневаюсь, что у них есть что-то более эффективное. Но все же, не позволяй им наваливаться на тебя. Пускай в ход парализатор. Бластер — если только их станет слишком много.

— Ясно. — Донни одним ловким движением выхватил парализатор и снял его с предохранителя. С оружием Донни управлялся проворно и со знанием дела, из-за этого важного качества Фаня и взял его в команду.

— Обойдем здание и возьмем топливо. Двух канистр должно хватить. А потом быстренько побьем их.

Они вышли на улицу. Касцеллианцы следовали за ними по пятам. Четыре носильщика вынесли вождя, выкрикивающего приказы. Узкая улочка вмиг заполнилась вооруженными туземцами. И хотя никто из них даже и не думал трогать землян, по меньшей мере тысяча ножей поблескивала на солнце.

Перед хранилищем выстроились плотные ряды касцеллианцев. На земле между землянами и касцеллианцами лежали сплетенные в жгут канаты, которые, по-видимому, отделяли священную землю от земли мирской.

— Пойдем, — сказал Фаня и переступил через канаты.

Защитники храма, стоящие в первом ряду, немедленно подняли ножи. Фаня вскинул парализатор и шагнул вперед.

Стоящий перед ним туземец что-то выкрикнул, его нож описал сверкающую дугу. Касцеллианец булькнул что-то еще, пошатнулся и упал. Из его горла хлынула яркая кровь.

— Я же просил тебя не трогать бластер! — рыкнул Фаня.

— Я и не трогал, — отозвался Донни. Фанни оглянулся. Бластер Донни, действительно, лежал в кобуре.

— Тогда я не понимаю, — растерянно произнес Фаня.

Еще три туземца шагнули вперед. Их ножи взметнулись — и все трое рухнули на землю. Фаня остановился. Теперь на него надвигался целый взвод. Как только туземцы приближались к землянам на расстояние удара ножом, они тут же вскрывали себе

горло!

Фаня замер на месте, не веря своим глазам. Донни остановился у него спиной.

Теперь сотни туземцев мчались на землян со всех сторон с криками и выставленными ножами. Приблизившись, они наносили себе удар и падали на быстро растущую груду тел. В считанные минуты вокруг землян выросла баррикада из истекающих кровью касцеллианцев. И она продолжала расти.

— Хватит! Прекратите побоище! — крикнул Фаня, отступая назад и утягивая за собой Донни. — Прошу о перемирии!

Толпа расступилась, образуя проход, по которому принесли вождя. Сжимая в каждой руке по ножу, он тяжело дышал от возбуждения.

— Мы выиграли первый бой! — воскликнул вождь. — Наша сила испугала даже таких чужаков, как вы. Вам не удастся оскорбить наш храм, пока жив хоть один мужчина!

Его поддержал одобрительный рев туземцев.

Потрясенные до глубины души земляне отправились обратно на корабль.

— Так вот что подразумевал «Путеводитель» под «уникальным общественным устройством», — проворчал Фаня. Он стянул с себя скафандр и развалился на койке. — Их способ ведения войны: самоубийствами вынуждать противника капитулировать.

— Видать, они все здесь чокнутые, — прогудел Донни. — Так войну не выиграть.

— И все же это работает, не так ли? — Фаня поднялся с кровати и глянул в иллюминатор. Солнце клонилось к закату, окрашивая город в очаровательные алые тона. Лучи света играли на шпиле галактического склада. В открытый люк влетали рокот и бой барабанов.

— Местное племя созывает армии, — сказал Фаня.

— Говорю же, это безумие. — Донни имел четкие представления о том, как надо сражаться. — Не по-людски это.

— Согласен. Но их расчет таков: если много людей покончит с собой, противник капитулирует из чувства вины.

— А если не капитулирует?

— До того, как туземцы объединились, они, должно быть, шли с

войной от племени к племени и совершали самоубийства, пока противник не сдавался. Проигравшие присоединялись к победителям. Племя победителей росло и в итоге взяло под контроль всю планету. — Фаня пристально посмотрел на Донни, чтобы убедиться, что тот улавливает суть. — Разумеется, это анти-выживание. Если бы одно из племен не захотело сдаться, раса, по всей видимости, уничтожила бы себя. — Он покачал головой. — Впрочем, любая война — анти-выживание.

— А если все сделать быстро? — предложил Донни. — Ворваться в хранилище, отлить немного топлива и смотаться, пока они не поубивали себя все.

— Ну, не знаю, — сказал Фаня. — Они могут продолжать самоубийства еще десять лет, считая, что сражаются с нами.

— Он задумчиво посмотрел на город. — Корень зла — их вождь. Он их бог, и, надо полагать, будет подстрекать людей на самоубийства до тех пор, пока не останется единственным мужчиной на планете. Потом он усмехнется, скажет «Мы великие воины» — и покончит с собой.

Донни с отвращением передернул массивными плечами.

— Почему бы нам не прихлопнуть его?

— Тогда они выберут другого боги.

Солнце почти скрылось за горизонтом.

— Хотя есть у меня один план, — сказал Фаня и почесал затылок. — Может, и сработает. Все равно делать нечего, почему бы и не попробовать.

В полночь две безмолвные фигуры отделились от корабля и двинулись в направлении города. Они снова были в космических скафандрах. Донни нес две пустые канистры. Фаня держал наготове парализатор.

На улицах было темно и тихо. Земляне крались вдоль стен и обходили посты, стараясь оставаться в стороне от посторонних глаз. Внезапно из-за угла вынырнул туземец, но Фаня тут же парализовал его — тот не успел даже пикнуть. Дойдя до аллеи, ведущей к складу, они замерли в темноте.

— Все запомнил? — спросил Фаня. — Я парализую охранников. Ты бежишь в хранилище и наполняешь канистры, которые у тебя сейчас в руках. После этого мы линяем отсюда ко всем чертям.

Проверив храм, они убедятся, что первые канистры все еще там. Может, тогда они не станут себя убивать.

Земляне прокрались по темной аллее. Вход в хранилище охраняли три касцеллианца с ножами, подвешенными к набедренным повязкам. Фаня оглушил их зарядами средней мощности, и Донни сорвался с места.

В тот же миг вспыхнули факелы. Из переулков, размахивая ножами, хлынули туземцы.

— Засада! — крикнул Фаня. — Донни. Назад!

Донни немедленно развернулся. Выходит, туземцы их поджидали. С криками и воем они бросились на землян, и каждый перерезал себе горло. Тела повалились на землю перед Фаней, едва не сбив его с ног. Он попятился. Донни схватил его за руку и потянул за собой. Они выбежали из священной зоны.

— Перемирие, вашу мать! — выкрикнул Фаня. — Я хочу говорить с вождем. Прекратите! Я требую перемирия!

С явной неохотой касцеллианцы остановили резню.

— Это война, — сказал вождь, выступая вперед. Его почти человеческое лицо, освещенное огнем факела, выражало непреклонность. — Вы видели наших воинов. И теперь знаете, что не сможете нам противостоять. Весть разлетелась по всем землям. Весь мой народ готов сражаться.

Он с гордостью оглядел соплеменников, потом снова повернулся к землянам.

— Я сам поведу свой народ, и ничто нас не остановит. Мы будем сражаться, пока вы не капитулируете и не снимете ваши доспехи.

— Подожди, вождь. — У Фани перехватило дыхание: сколько же крови кругом! Окружающее напоминало сцену из ада. Сотни тел, разбросанных по земле, улицы, залитые кровью… — Дай мне время до конца ночи. Я посовещаюсь с партнером и приду к тебе утром.

— Нет, — сказал вождь. — Вы сами начали сражение. Оно должно завершиться. Храбрые мужчины мечтают умереть в бою. Это наше заветное желание. Вы — наш первый враг с тех пор, как мы покорили племена горцев.

— Кто же спорит, — сказал Фаня. — Но давайте поговорим…

— С тобой я буду сражаться лично. — объявил вождь и поднял кинжал. — Я умру за свой народ, как и подобает воину!

— Стойте! — крикнул Фаня. — Даруйте нам перемирие. По правилам моего племени мы можем сражаться только при свете солнца. Сражаться ночью-табу.

Вождь подумал секунду и сказал:

— Отлично. Тогда до завтра.

Побежденные земляне побрели назад к кораблю, сопровождаемые улюлюканьем туземцев-победителей.

Утром у Фани по-прежнему не было плана. Топливо надо заполучить в любом случае. Он не собирался провести остаток жизни на Касцелле, ожидая, пока служба изучения галактики пришлет следующий корабль — лет этак через пятьдесят. Но и перспектива нести ответственность за гибель трех миллиардов туземцев его тоже не радовала. Ни к чему тащить подобного рода информацию за собой на Тетис. Да и служба изучения галактики все равно докопается до истинной причины массовой гибели туземцев. Хотя дело даже не в этом. Он просто не может так поступить. Оба пути вели в тупик.

Земляне отправились на встречу с вождем. Медленно двигаясь навстречу барабанному бою, Фаня продолжал лихорадочно искать выход.

— Если бы только было с кем сражаться, — посетовал Донни, глядя на бесполезные бластеры.

— В том-то и дело. — сказал Фаня. — Мы заложники совести. Они рассчитывают, что мы уступим прежде, чем резня примет неконтролируемый характер. — Он задумался. — И это вовсе не безумие. Армии на Земле не сражаются до последнего человека. Одна из сторон сдается, когда начинает нести значительные потери.

— Если б только они сражались!

— Да уж, если б только... — Он умолк. Потом сказал: — Мы будем сражаться друг с другом! Туземцы считают самоубийства войной. А что, если на войну — то есть, настоящий бой — они будут смотреть, как на самоубийство?

— И что это нам даст? — спросил Донни.

Они вошли в город. Улицы были забиты вооруженными туземцами. Еще больше их было вокруг города. Туземцы запрудили рванину, насколько хватало глаз. По всей видимости, они откликнулись на призыв барабанов и явились сражаться с

чужаками.

Что означало, конечно, массовое самоубийство.

— Подумай сам, — сказал Фаня. — Если кто-то на Земле собирается покончить жизнь самоубийством, что мы делаем?

— Берем его под арест? — предположил Донни.

— Не сразу. Сначала мы предлагаем ему все, чего бы он ни пожелал, только бы он не исполнил задуманное. Предлагаем деньги, работу, своих дочерей, все что угодно, лишь бы только он отказался от своей затеи. Самоубийство — табу на Земле.

— И что?

— А то, что сражение может быть табу здесь. А вдруг они предложат нам топливо в обмен на то, чтобы мы прекратили драться?

Лицо Донни выразило сомнение, но Фаня считал, что попробовать стоит.

Они протолкались к хранилищу через запруженный город. Вождь поджидал их, лучезарно улыбаясь своему народу, словно жизнерадостный бог войны.

— Вы готовы сражаться? — спросил он. — Или сдаетесь?

— Конечно, готовы, — сказал Фаня. — Давай. Донни!

Он размахнулся, и его бронированный кулак врезался напарнику в грудь. Донни удивленно наморщил лоб.

— Давай, идиот, ударь меня тоже!

Донни ударил, и Фаня пошатнулся. Через секунду они уже молотили друг друга, как пара кузнецов. Бронированные кулаки со звоном отскакивали от бронированных доспехов.

— Эй, полегче, — выдохнул Фаня, поднимаясь с земли. — Ты помял мне ребра. — Он ожесточенно хлестнул Донни по шлему.

— Прекратите! — крикнул вождь. — Эго отвратительно!

— Сработало, — проговорил Фаня. — А теперь давай я тебя задушу. Думаю, это поможет.

Донни послушно грохнулся на землю. Фаня сомкнул руки вокруг его бронированной шеи.

— Притворись, что у тебя агония, дубина!

Донни стонал и кряхтел, насколько мог убедительно.

— Сейчас же остановитесь! — проревел вождь. — Это же ужасно — убивать друг друга!

— Тогда позволь мне взять немного топлива, — сказал Фаня и сильнее сжал руки на горле Донни.

Некоторое время вождь обдумывал предложение. Потом покачал головой.

— Нет.

— Что?

— Вы чужаки. Можете продолжать свое постыдное занятие. Но наши святыни вы не оскверните.

Донни и Фаня с трудом поднялись на ноги. Фаня едва двигался: борьба в тяжелом космическом скафандре лишила его сил.

— А теперь сдавайтесь и снимайте доспехи, — сказал вождь, — или сражайтесь.

Тысячи воинов — а может, и миллионы, потому что каждую секунду прибывали все новые группы — начали скандировать боевой клич. Набирая силу, крик разлетелся по окрестностям и отразился от холмов, откуда на равнину стекали новые потоки туземцев.

Фаня нахмурился. Он не может отдать себя и Донни на милость касцеллианцев. А вдруг они зажарят землян на ближайший священный ужин? Через секунду он принял решение: идти за топливом напролом, и пусть чертовы болваны кончают с собой, сколько им вздумается.

Не чувствуя ничего, кроме злости. Фаня шагнул вперед и нанес удар бронированной перчаткой вождю в лицо.

Вождь упал, как подкошенный. Туземцы в ужасе попятились. Вождь проворно выхватил нож и поднес к горлу. И тогда рука Фани сомкнулась на его запястье.

— Слушайте меня, — хрипло выкрикнул Фаня. — Сейчас мы заберем топливо. Если хоть кто-то покончит с собой, или даже просто пошевелится, я убью вашего вождя.

Туземцы неуверенно переминались с ноги на ногу. Вождь яростно извивался в руках Фани, пытаясь достать ножом до своего горла и умереть благородно.

— Донни, забирай топливо. — велел Фаня, — да поторапливайся.

Туземцы не знали, что делать. Они держали ножи поднятыми к шее, готовые в любую секунду пустить их в ход.

— Даже и не думайте, — предупредил Фаня. — Я убью вождя, и он умрет не так, как подобает воину.

Вождь по-прежнему пытался перерезать себе горло. Фаня отчаянно старался его удержать. Он понимал: покончит с собой вождь — и угроза смерти нависнет над остальными.

— Послушай, вождь, — сказал Фаня. озираясь на растерянную толпу. — Пообещай, что война между нами - закончена. Или я получаю обещание, или убиваю тебя.

— Воины! — проревел вождь. — Выбирайте нового правителя! Забудьте обо мне и сражайтесь!

Касцеллианцы все еще мучились сомнениями, но руки с ножами поднялись чуть выше.

— Если вы это сделаете, — крикнул Фаня, — я убью вашего вождя! И убью вас всех!

Это остановило туземцев.

— На моем корабле есть мощная магия. Я могу убить вас до последнего воина, и тогда вы потеряете свой шанс умереть достойно. Или попасть на небеса!

Вождь предпринял отчаянную попытку вырваться и почти высвободил одну руку. Фане удалось удержать его, заломив руки за спину.

— Ладно, — сказал вождь, и слезы навернулись ему на глаза. — Воин должен погибать от своей руки. Ты победил, чужеземец.

Толпа сыпала проклятиями, когда земляне тащили вождя и канистры с топливом на корабль. Обезумев от ненависти, туземцы размахивали ножами и подпрыгивали на месте.

— А теперь — быстро, — сказал Фаня, когда Донни заправил корабль.

Оттолкнув вождя, он запрыгнул в люк, и уже через секунду они были в воздухе, взяв курс на Тетис и ближайший от космопорта бар.

Туземцы жаждали крови — своей собственной. Каждый готов был отдать жизнь, чтобы смыть оскорбление, нанесенное их вождю и святыне.

Но чужеземцы ушли. Сражаться было не с кем.

Седьмая жертва

Стентон Фрелэйн сел за свою конторку, пытаясь принять деловой и озабоченный вид, каковой и надлежало иметь совладельцу фирмы в девять тридцать утра. Однако это ему не удалось. Он никак не мог сосредоточиться и взяться за работу. Все его попытки сконцентрировать свое внимание на рекламе, написанной им же вчера вечером, ни к чему не привели. Единственное, что он был в состоянии делать, так это сидеть и ждать прибытия утренней почты.

Уже целых две недели он ждал извещения. Правительство, как всегда, не отличалось пунктуальностью.

На стеклянной двери его офиса значилось «Моргер и Фрелэйн, торговля мануфактурой» Дверь отворилась, и, слегка припадая на простреленную ногу (рана, полученная много лет тому назад) в кабинет вошел сам Е. Дж. Моргер. Он заметно сутулился, но в семьдесят три года его не очень-то волновали такие материи, как собственная осанка.

— Ну, Стен, — спросил Моргер. — Как идут дела с этой твоей рекламой?

Фрелэйн стал компаньоном Моргера еще шестнадцать лет тому назад, когда ему самому было двадцать семь. Концерн с оборотом в миллион долларов, возникший из «Одежды-Защиты», был их совместным детищем.

— Полагаю, вчерне уже готова, можете посмотреть, — сказал Фрелэйн, подавая Моргеру листок бумаги. «Если бы только почта пришла пораньше», — подумал он про себя.

— «Вы еще не приобрели „Костюм-Защиту“? — громко прочел Моргер, держа бумагу почти у самых глаз. — Модель по праву считается последним достижением мужской моды, что следует отнести за счет первоклассных мастеров и материала высшего качества, имеющихся в распоряжении фирмы „Моргер и Фрнлэйн“».

Моргер откашлялся и взглянул на Фрелэйна. Затем улыбнулся и продолжал:

— «„Костюм-Защита“ — не только самый безопасный, но и самый элегантный. Каждый образец выпускается со специальными

вшитыми карманами для оружия. Мы гарантируем, что они сработают. Никто не будет знать, что оружие при вас, кроме вас самих! Кроме того, расположение карманов позволяет пустить в ход оружие без малейшей задержки. Вы сможете выбирать: карманы на груди или на бедрах».

— Пока звучит недурно, — прокомментировал Моргер.

Фрелэйн угрюмо кивнул.

— «„Костюм-Защита“ — спецмодель — оборудован автоматически раскрывающимся оружейным карманом, величайшим современным достижением в области индивидуальной защиты. Достаточно только прикоснуться к замаскированной кнопке — оружие мгновенно окажется в ваших руках, готовое к бою и со спущенным предохранителем. Почему бы вам не облачиться в „Костюм-Защиту“ прямо сейчас? Или вам не дорога ваша жизнь?»

— Прекрасно, — похвалил Моргер. — Действительно, очень милая рекламка, с этаким чувством собственного достоинства. — Он подумал немного, теребя сои седые усы. — Может, только следует прибавить, что „Костюм-Защита“ выпускается в разных вариантах, с одним или двумя карманами на груди, с одной или двумя кнопками, с прямыми или расклешенными брюками...

— Верно, я забыл.

Фрелэйн забрал листок обратно и на углу приписал несколько слов. Затем встал, несколько раз оправив куртку на своем уже значительно выделявшемся животе. Фрелэйну было уже сорок три. Он слегка пополнел, и на макушке появилась маленькая плешь. Лицо его сохраняло выражение постоянного добродушия, но взгляд был холоден.

— Расслабьтесь, — сказал Моргер. — Оно придет сегодняшней же почтой.

Фрелэйн через силу улыбнулся. Он почувствовал желание пройтись взад-вперед по комнате, а вместо этого он присел на край конторки.

— Можно подумать, будто это мое первое убийство, — произнес он с вымученной улыбкой.

— Я понимаю, каково вам, — ответил Моргер. — Прежде чем я окончательно повесил свой пистолет на гвоздь, я мог не спать месяцами, ожидая извещения. Я все понимаю.

Мужчины надолго замолчали. В тот момент, когда молчание начало становиться невыносимым, распахнулась дверь. Вошел рассыльный и вывалил корреспонденцию на конторку Фрелэйна.

Фрелэйн наклонился и взял письма Он быстро перебрал их и нашел одно, долгожданное, — продолговатый белый конверт от Б. Э. К., снабженный официальным правительственным штампом.

— Вот оно! — вскрикнул Фрелэйн, и лицо его расцветилось улыбкой.

— Отлично, — Моргер, хотя и взглянул на конверт с любопытством, все же ничем не проявил его. Мало того, что это было бы нарушением приличий, это было бы и нарушением закона. Никто не имел права знать имя Жертвы, кроме Охотника. — Удачной охоты.

— Надеюсь, что так оно и будет, — в голосе Фрелэйна прозвучала уверенность. Стол его был в порядке. Так же, как и неделю назад. Он взял портфель.

— Хорошая охота развеет вас, — сказал Моргер, похлопав его по плечу. — Вам просто необходимо встряхнуться. Вы какой-то взвинченный последнее время.

— Это точно, — Фрелэйн снова улыбнулся и пожал Моргеру руку.

— Чего бы я только не отдал, чтобы очутиться на вашем месте, — сказал тот, с комически-тоскливым выражением глядя на свою искалеченную ногу. — Так и тянет снова взяться за оружие. Моргер был уже Охотником экстра-класса. Десять успешных Охот раскрыли перед ним двери Клуба Десяти, Клуба избранных. Причем, нельзя забывать, что в результате каждой Охоты ему самому приходилось выступать в роли Жертвы, так что всего в его активе значилось двадцать убийств.

— Я, естественно, надеюсь, что мне не придется иметь дело с таким, как вы, — сказал Фрелэйн с улыбкой.

— Пустяки. Выбросьте это из головы. Какой эта Жертва будет по счету?

— Седьмой.

— Счастливая семерка... Ну, действуйте, — сказал Моргер. — Надеюсь скоро увидеть вас среди членов Клуба.

Фрелэйн махнул рукой и направился к двери.

— Но помните: бдительность — главное, — предостерег его на

прощание Моргер. — Одна-единственная ошибка и... мне придется взять себе другого компаньона. Кстати, к вашему сведению, меня пока вполне устраивает нынешний.

— Буду осторожен, — пообещал Фрелэйн.

Вместо того чтобы воспользоваться автобусом, он решил пройтись до дома пешком. Требовалось время, чтобы остыть. Было бы просто смешно вести себя подобно мальчишке, выходящему на свое первое убийство.

По дороге домой Фрелэйн смотрел прямо перед собой. Глазеть по сторонам значило просто напрашиваться на пулю, так как кто-нибудь из прохожих мог неожиданно оказаться Жертвой. Бывали случаи, когда Жертвы стреляли, стоило только взглянуть на них. Нервные типы... Фрелэйн благоразумно старался глядеть поверх голов прохожих.

Впереди, прямо над ним, красовалась гигантская афиша, извещавшая о готовности Бюро Дж. Ф. О'Донована оказать услуги всем желающим.

«Жертвы! — гласили огромные красные буквы надписи. — Зачем рисковать? Нанимайте сыщиков у Дж. Ф. О'Донована. Предоставьте нам определить вашего возможного убийцу. Плата — после того, как вы разделаетесь с ним!»

Надпись напомнила Фрелэйну: необходимо сразу же по приходе домой позвонить Эду Морроу.

Пересекая улицу, Фрелэйн ускорил шаги. Ему не терпелось поскорее добраться до дома, вскрыть конверт и узнать, кто же на этот раз его Жертва. Умна она или глупа? Богата ли, как его Четвертая, или бедна, как Первая и Вторая? Пользуется ли услугами сыщиков или предпочитает действовать в одиночку?

Восхитительное ощущение предстоящей охоты возбуждало. Оно заставляло сердце биться быстрее. За квартал-два от дома Фрелэйн услышал выстрелы. Два коротких, почти одновременно, а затем третий, последний.

Чья-то охота увенчалась успехом, — подумал Фрелэйн. — Молодчина! Ощущение, испытываемое, когда настигаешь свою Жертву, не передать словами. И это снова придется пережить ему!

Первое, что он сделал, войдя в свою однокомнатную квартиру, — вызвал по телефону Эда Морроу, своего сыщика. В промежутках

между вызовами тот служил в гараже.

— Алло, Эд? Это Фрелэйн.

— О, здравствуйте, мистер Фрелэйн. — Фрелэйн как будто видел перед собой его запачканное маслом лицо, тонкие губы, расплывшиеся в улыбке.

— Я собираюсь на дело, Эд.

— Желаю удачи, мистер Фрелэйн, — сказал Эд Морроу. — Я полагаю, мне надо быть наготове?

— Именно. Я не думаю, что буду отсутствовать больше недели, может, двух, а извещение о моем Статусе Жертвы я получу, вероятно, в течение трех месяцев после убийства.

— Я буду готов. Удачной охоты, мистер Фрелэйн.

— Спасибо. До скорого. — Он повесил трубку. Зарезервировать первоклассного сыщика было разумной мерой предосторожности. После убийства Фрелэйну снова придется выполнять роль Жертвы, и тогда, уж в который раз, Эд Морроу будет его ангелом-хранителем.

А каким блестящим сыщиком был Эд! Без всякого образования — да и не очень-то умный в придачу. Но что за глаза на людей! Это было у него от природы, с первого же взгляда он мог определить приезжего, он проявлял дьявольскую изобретательность в организации засад. Незаменимый человек.

Припомнив некоторые из «подарочков», припасенных Эдом Морроу в свое время Охотникам, Фрелэйн ухмыльнулся и начал вскрывать конверт. Улыбка продолжала оставаться на его лице и в тот момент, когда он взглянул на имя Жертвы.

Жанет-Мари Патциг.

Его Жертва — женщина.

Фрелэйн встал и несколько минут стоял, глядя в одну точку. Затем он перечитал извещение еще раз. Жанет-Мари Патциг. Ошибки не было. Девушка. В конверте находились также три ее фотографии, листок с адресом и остальные необходимые сведения.

Фрелэйн нахмурился. До сих пор ему никогда не приходилось убивать женщину.

Он помедлил минуту, затем взял телефонную трубку и набрал номер Б. Э. К.

— Бюро Эмоционального Очищения, отдел информации, — ответил мужской голос.

— Алло, не могли бы вы проверить, — попросил Фрелэйн, — я только что получил извещение, и в нем указана девушка. Это разрешено? — Он дал клерку имя девушки.

— Все в порядке, сэр, — ответил клерк после минутного изучения картотеки. — Девушка зарегистрировалась в Бюро по собственной воле. На это счет Закон гласит: она обладает теми же правами и привилегиями, что и мужчины.

— Не могли бы вы сказать, сколько у нее уже убийств на счету?

— Очень сожалею, сэр. Информация, которую вы вправе получить, вы уже получили: легальный статус Жертвы и ее описания.

— Понятно, — Фрелэйн помедлил секунду. — А могу ли я выбрать себе другую Жертву?

— Вы, конечно, вообще можете отказаться от охоты. Это ваше законное право. Но попытка будет засчитана, и, прежде чем вы получите допуск к очередной Охоте, вам придется все же выступать в роли Жертвы. Желаете ли вы отказаться?

— Нет, нет, — торопливо проговорил Фрелэйн. — Я просто поинтересовался. Спасибо.

Он повесил трубку и, распустив брючный ремень, уселся в свое огромное кресло. Все это требовалось как-то обмозговать.

«Чертовы бабы, — проворчал он про себя. — Вечно они лезут в мужские дела. Занимались бы своей стиркой... Но ведь они — свободные граждане, — напомнил он себе. — И все равно это не было женским делом...»

Из истории ему к тому же было известно, что Бюро Эмоционального Очищения учреждено специально для мужчин, и только для них. Это произошло где-то в конце четвертой мировой войны, или шестой, как считали некоторые историки.

В те годы назрела необходимость в длительном и прочном мире. Причины были чисто практического свойства. В той же степени практичными были и люди, начавшие всю эту кампанию.

Дело в том, что уничтожение было не за горами. Оружие, используемое в мировых войнах, увеличилось по количеству, эффективности и мощности. Солдаты свыклись с ним и все чаще и чаще отказывались применять его. Положение достигло критической точки. Следующая война разом бы положила конец

всем войнам вообще, так как не осталось бы никого, кто был бы в состоянии развязать следующую.

Итак, мир был необходим, и необходим он был навечно, а люди, понявшие это, были практичны. Они проанализировали существовавшие до сих пор тенденции и причины, по которым развязывались войны, и задали себе вопрос: почему мир никак не мог воцариться?

— Потому что мужчинам нравится воевать, — был ответ.

— Нет, не поэтому! — завопили идеалисты.

Однако люди, предложившие идею, были вынуждены с сожалением признать существование необходимости в насилии для большей части человечества.

Люди отнюдь не ангелы. Но и не дьяволы. Они всего лишь смертные, которым присущ высокий уровень агрессивности.

Обладая научными знаниями и властью, эти практичные люди могли бы начать длительную работу по искоренению этой черты человеческой расы. Многие полагали, что следовало пойти именно по этому пути.

Но практичные люди думали иначе и не стали затевать это. Они сочли, что конкуренция, тяга к драке, мужество перед лицом непреодолимых препятствий являются решающими для расы.

Они обнаружили: тенденция к насилию неразрывно связана с изобретательностью, приспособляемостью, настойчивостью. Таким образом, перед ними встала проблема: либо оставить состояние мира навечно, но в то же время остановить прогресс человечества, либо сохранить все эти его важные свойства...

И они нашли выход — узаконить насилие.

Дать человеку отдушину...

Первым значительным шагом на этом пути явилась легализация гладиаторских боев, полных рева и крови. Но требовалось большее. Людям были необходимы подлинные ощущения, а не суррогаты...

Поэтому пришлось узаконить убийство, правда, на строго индивидуальной основе, и только для тех, кто в нем нуждался.

Правительство основало Бюро Эмоционального Очищения.

После периода экспериментов установили единые правила.

Любой гражданин, пожелавший совершить убийство, мог

зарегистрироваться в Б. Э. К. После совершения необходимых формальностей (выражавшихся в инструктаже и гарантиях) Бюро обеспечивало его жертвой.

Если его Охота проходила удачно, то спустя несколько месяцев он должен был сам, в соответствии с правительственным законом, некоторое время провести в роли Жертвы.

Такова, в сущности, была система. Индивид мог совершить столько убийств, сколько хотел, однако в перерывах между ними он становился Жертвой. В случае убийства своего Охотника он мог остановиться, либо записаться на следующее убийство.

К концу первого десятилетия статистика установила: примерно одна треть цивилизованного человечества обращалась в Б. Э. К. по крайней мере один раз. Затем число, уменьшившись до одной четверти, так и осталось неизменным.

Философы покачивали головами. Практики чувствовали удовлетворение. Война оставалась там, где и зарождалась — в руках индивидуума.

По мере развития игры, в нее вносились уточнения и усовершенствования. С момента ее официального признания она превратилась в Большой Бизнес. Существовали Фирмы, обслуживающие и Жертв, и Охотников.

Бюро Эмоционального Очищения выбирало имена Жертв наугад. Охотнику предоставлялось две недели, за которые он должен был совершить убийство. Сделать это требовалось только при помощи собственной изобретательности, без вмешательства посторонних лиц. Давались: имя Жертвы, ее адрес и описание внешности. Совершить убийство он мог, пользуясь пистолетом стандартного калибра. Носить какое-либо другое оружие запрещалось.

Жертва получала извещение на неделю раньше Охотника. Ей сообщалось одно: она — Жертва. Она не знала имени своего Охотника. Жертве позволялось выбрать себе оружие любого типа, которое только имелось в ее распоряжении. Жертва могла нанять сыщиков. Сыщики не имели права убивать. Они могли лишь зафиксировать появление в городе незнакомца или выведать нервного стрелка.

Как уже было сказано, для устранения охотника Жертве

разрешались все средства.

Убийство или ранение постороннего человека, не являвшегося Жертвой, строго каралось. Все другие убийства запрещались. Убийство, вызванное недоброжелательностью, или убийство с целью наживы влекли за собой смертную казнь.

Совершенство системы заключалось в том, что те, кто желал убивать, получали эту возможность. От тех же, кого это не привлекало, а именно — основной массы населения — не требовалось кого-то убивать.

По крайней мере, глобальных войн больше не было. Не было даже угрозы их.

Вместо этого — сотни и тысячи малых...

* * *

...Честно говоря, предстоящее убийство не очень-то улыбалось Фрелэйну — и все потому, что Жертвой оказалась эта чертова баба. Впрочем, коли она сама зарегистрировалась, то и пускай пеняет на себя. Уцелев после шести Охот, он не собирался засыпаться и на этот раз...

Остаток утра он провел, запоминая сведения о своей Жертве. Затем подшил полученное извещение к предшествующим.

Жанет Патциг проживала в Нью-Йорке. Это было неплохо. Ему доставляла удовольствие Охота в больших городах. К тому же он всегда мечтал посмотреть Нью-Йорк. Возраст ее не был указан. Однако, судя по фотографии, ей было что-то около двадцати с небольшим.

Фрелэйн заказал по телефону билеты на самолет в Нью-Йорк, после чего принял душ. Он придирчиво осмотрел свой «Костюм-Защиту, Спецмодель». Выбрал из своей коллекции оружие. Почистил и смазал его. И, засунув его в «выстреливающий» карман, принялся паковать чемодан.

От возбуждения кровь его пульсировала в жилах. «Как странно, — думал он, — каждое новое убийство так по-новому возбуждает. От этого не устаешь. Это не прискучит в отличие от французских пирожных, женщин или выпивки. Каждый раз что-то новое, непохожее на предыдущее...»

Окончив сборы, он бросил взгляд на книжную полку, соображая,

что захватить в дорогу.

Он мог гордиться: в его библиотеке было все, что следовало знать специалисту. Сейчас ему вряд ли понадобится литература о Жертвах (такие, например, книги, как «Тактика Жертвы» Л. Фреда Теса с ее идеологией тщательного контроля окружающих, или труд доктора Фриша «Не думай, КАК Жертва!»).

Эти книги пригодятся ему потом, когда он сам превратится в Жертву. Пока же он стал тщательно изучать книги об Охотниках.

«Человек на Охоте (Тактика Охотника)» — классический фундаментальнейший труд в данной области. Фрелэйн знал его почти назубок. «Последние Достижения в Технике Засад» сегодня ему не требовались.

В конце концов он остановился на «Охоте в Городах» Митвелла и Кларка, «Выследить сыщика» Олгрина и книге «Жертвы в Группах» того же автора.

Все дела таким образом удалось устроить. Фрелэйн оставил записку молочнику. Запер квартиру, и на такси доехал до аэропорта.

В Нью-Йорке он остановился в отеле, расположенном в центре города, как раз поблизости от района, в котором жила его Жертва. Обслуживали его быстро и неназойливо. Но эта раздражающая вежливость, ухмылки коридорных, — словом, все указывало на то, что ему — судя по всему, ему не удалось сохранить свое инкогнито. Видимо, что-то в его поведении все же выдавало в нем Охотника...

Первое, что он увидел, войдя в номер, была брошюрка на ночном столике. «Максимум Эмоционального Катарсиса — в ваших руках» содержала, в основном, стандартные комплименты администрации. Фрелэйн, улыбнувшись, перелистал несколько страниц.

Поскольку это был его первый визит в Нью-Йорк, оставшиеся полдня он провел, гуляя по улицам поблизости от дома Жертвы. Потом прошелся по магазинам.

Зал «Охота и Охотник» у Мартинсона и Блэка поразил его своим размахом. Кроме прочих новинок, там демонстрировались легкие пуленепробиваемые жилеты для Жертв и шляпы Ричарда Арлингтона с защитной тульей.

В одном углу зала расположилась большая выставка новенького 38-мм оружия.

«Пользуйтесь только Малверном Прямого Боя! — призывала

реклама, — Одобрено Б. Э. К. В обойме — двенадцать патронов. Допустимое отклонение всего 0,001 дюйма с 1000 футов. Не упустите Вашу Жертву. Не рискуйте жизнью зря — покупайте Малверн! Спасение — только с Малверном!»

Фрелэйн улыбнулся. Реклама что надо, да и само маленькое черное оружие выглядело чрезвычайно убедительно, но он привык доверять собственному.

Продавались еще специальные трости с «секретом». В них спрятан магазин на четыре патрона, хорошо замаскированный и безопасный в употреблении. Когда Фрелэйн был молод, он с жадностью хватался за всякую новинку. Сейчас он пришел к выводу: старые и проверенные способы на поверку оказывались самыми надежными.

У входа в магазин стояла машина Санитарного Управления, в которую четверо парней-служащих втаскивали свежие трупы, надо думать, после недавней перестрелки. Фрелэйн пожалел, что пропустил это зрелище.

Он вполне сносно пообедал в хорошем ресторане и рано лег спать. Предстоящий денек обещал быть нелегким.

С утра Фрелэйн отправился на разведку. Он побродил в окрестностях дома, где жила его Жертва. И ее внешность словно стояла у него перед глазами. Он не вглядывался в прохожих, наоборот, как и полагалось заправскому Охотнику, двигался быстрой, озабоченной походкой делового человека.

Обойдя несколько баров и подкрепившись в одном из них, он направился по боковой улице Лексингтон-Авеню.

Прямо на тротуаре примостилось приятное открытое кафе. Фрелэйн прошел мимо.

Она сидела там: он ни за что не мог перепутать лицо. За столиком, уставившись в бокал, находилась именно Жанет Патциг. Она не подняла глаз, когда он проходил мимо.

Фрелэйн профланировал до конца квартала, свернул за угол и остановился, чувствуя, как дрожат руки.

Рехнулась она, что ли, эта девушка, выставляя себя напоказ? Или она воображает, что заколдована от пуль?

Он схватил такси и приказал шоферу объехать квартал. Она все еще находилась там. Фрелэйн внимательно рассмотрел ее.

Она казалась моложе своей фотографии, но твердой уверенности у Фрелэйна не было. На взгляд он не дал бы ей больше двадцати. Ее темные волосы были разделены на прямой пробор и зачесаны за уши. В сочетании с ее темно-голубыми глазами это придавало ей сходство с монахиней. Насколько Фрелэйн мог судить, лицо ее не выражало ничего, кроме глубокой печали и полной покорности судьбе.

Неужели ей не пришло в голову сделать хоть что-то для спасения?

Фрелэйн расплатился, вылез из такси и почти бегом направился в близлежащую аптеку. Найдя свободный телефон-автомат, он позвонил в Б. Э. К.

— Алло, вы уверены, что Жертва по имени Жанет Патциг получила извещение?

— Одну секунду, сэр. — Пока клерк просматривал бумаги, Фрелэйн прислонился к стеклянной дверце, от нетерпения барабаня по ней пальцами. — Да, сэр. У нас имеется ее письменное подтверждение. Что-нибудь не так, сэр?!

— Нет, ничего, спасибо, — буркнул Фрелэйн. — Просто хотел уточнить.

В конце кондов, если девчонка собирается и дальше так сидеть, это ее личное дело. Его это не касается. Никто не смог отнять у него того, что полагалось ему по закону. Сейчас его очередь убивать.

Однако, решив отложить дело на день, он пошел в кино. После, пообедав, вернулся к себе в номер, перелистал брошюрку и завалился на постель, свирепо уставившись в потолок.

«Всего-то и делов, — подумал он, — всадить в нее пулю. Просто шлепнуть ее из окошка такси и точка.

Лишний раз подтверждается правило: нечего бабам лезть не в свои дела», — злорадно решил Фрелэйн, засыпая.

Убийство — не женского ума дело, а раз напросилась, то пеняй, дура, на себя. С этой мыслью Фрелэйн заснул.

На следующее утро Фрелэйн в очередной раз прошелся мимо кафе. Девушка опять сидела там за тем же столиком. Он остановил такси.

— Вокруг дома, очень медленно, — сказал он.

— Ясно, — понимающе ухмыльнулся водитель.

Наблюдать за сыщиками проще всего из такси. Изучив обстановку, он заключил, что у девушки их не было. Руки она держала на столе, на самом виду.

Легкая, неподвижная мишень...

Фрелэйн нажал кнопку спецкармана, клапан открылся. Пистолет очутился в его руке. Он вытащил обойму, пересчитал патроны, затем щелчком закрыл карман.

— Теперь медленнее, — сказал он водителю.

Такси проследовало мимо кафе. Фрелэйн тщательно прицелился, «посадил» девушку на мушку. Палец его уже потянулся к спусковому крючку...

— А, чтоб тебя! — выругался он.

Рядом со столиком, заслоняя девушку, появился официант. Фрелэйн не захотел рисковать, побоявшись задеть кого-то еще.

— Еще раз вокруг, — сказал он водителю.

Тот отпустил очередную саркастическую усмешку. Интересно, подумал Фрелэйн, так бы ты веселился, если бы узнал, что я охочусь на женщину?

На этот раз официант не мешал. Девушка закурила сигарету. Ее

угрюмый взгляд застыл на зажигалке.

Фрелэйн взял ее на прицел, прищурился и на миг затаил дыхание.

Потом махнул головой и снова опустил пистолет в карман.

Эта идиотка лишала его всего удовольствия.

Слишком просто, говорил он себе. Обычно у него получались действительно Охоты. Большинство из тех шести убийств были настоящей работой. Жертвы использовали всевозможные трюки, чтобы уцелеть. Помнится, один из них нанял чуть ли не дюжину сыщиков, однако Фрелэйн перехитрил их всех, и все благодаря его умению адаптироваться к самой сложной ситуации.

Однажды ему пришлось переодеться молочником, в другой раз — сборщиком налогов. За Шестой Жертвой Охота шла по всей Сьерра-Неваде (тот парень тоже пытался прикончить Фрелэйна, но Фрелэйн опередил его...).

А эта? Разве подобным убийством можно было гордиться? И что скажут в Клубе?

Эта мысль привела Фрелэйна в ужас. Клуб был его мечтой. А пропусти он сейчас девушку, ему все равно придется становиться Жертвой. И даже выживи он, все равно останется еще четыре Охоты... С такими темпами он рискует никогда туда не попасть.

Он опять начал прогуливаться около кафе, но внезапно, под воздействием какого-то импульса, круто остановился.

— Разрешите? — сказал он.

Жанет Патциг окинула его взглядом своих хмурых голубых глаз и ничего не сказала в ответ.

— Послушайте, — сказал он, садясь рядом. — Если я вам буду надоедать, вы только скажите, я уйду. Дело в том, что сам я из провинции. Приехал в Нью-Йорк по делам... Просто захотелось поболтать с кем-нибудь. Если вы против, то я...

— Мне все равно, — ответила Жанет Патциг без всякого выражения.

— Брэнди, — бросил Фрелэйн подошедшему официанту. Бокал девушки был все еще наполовину полон.

Фрелэйн взглянул на свою соседку и почувствовал, как сердце его забилось с новой силой. Это уже было кое-что — выпивать с собственной Жертвой!

— Меня зовут Стентон Фрелэйн, — представился он. На минуту у него мелькнула мысль, что это уже не имеет никакого значения.

— Жанет.

— Жанет, э-э...

— Жанет Патциг.

— Очень приятно, — стараясь выглядеть, насколько можно, более естественным, произнес он. — Скажите, Жанет, а что вы делаете сегодня вечером?

— Сегодня вечером я, вероятно, буду убита, — ответила она очень тихо.

Фрелэйн окинул ее изучающим взглядом. Знала ли она, кто он? Насколько он мог судить, под столом у нее был спрятан направленный на него пистолет.

Он невзначай придвинул руку поближе к кнопке на костюме.

— Вы — Жертва? — спросил он.

— Вы догадливы, — ответила она с саркастической усмешкой. — Кстати, на вашем месте я бы ушла отсюда. Просто глупо получить пулю, предназначенную не вам.

Фрелэйну было непонятно ее спокойствие. Самоубийца? Может, ей действительно на все наплевать? Или просто очень хочет умереть?

— Вы обзавелись сыщиком? — спросил он с изумлением.

— Нет. Она поглядела ему прямо в глаза. И Фрелэйн увидел то, чего раньше не замечал.

Она была очень хороша собой.

— Я дурная, испорченная девчонка, — произнесла она задумчиво. Вбила себе в голову, что мне нравится совершать убийства и зарегистрировалась в Б. Э. К. А потом... потом я не смогла сделать этого.

Слегка симпатизируя ей, Фрелэйн покачал головой.

— Но я, естественно, все еще участник игры. Хотя и не выстрелив, я продолжаю оставаться Жертвой.

— Но почему же не нанять сыщиков? — спросил он.

— Я никого не смогу убить, — ответила она. — Просто не в состоянии. Да у меня даже и пистолета-то нет.

— Надо обладать достаточным мужеством, — произнес Фрелэйн, — чтобы сидеть вот так, на виду. — Сказать по правде, его просто изумляла ее глупость.

— Что делать, — апатично ответила она. — От Охотника не укрыться. Никому не укрыться. И потом, у меня нет таких денег, чтобы куда-то надежно спрятаться.

— Однако, я полагал, когда дело идет о спасении... — начал было Фрелэйн, но она перебила его.

— Нет. Я сама решилась на это. Все плохо... все в целом, вся эта затея. Когда я держала свою Жертву на мушке... когда я поняла, как легко могла бы... могла бы...

Она взяла себя в руки.

— Хватит об этом, — сказала она и улыбнулась.

Ее улыбка очаровала Фрелэйна.

Они разговорились. Фрелэйн рассказал ей о своей работе, она ему — о Нью-Йорке. Ей было двадцать два. Она была неудавшейся актрисой.

Они поужинали вместе. Когда же она приняла приглашение Фрелэйна сходить в Гладиаториум, тот почувствовал себя на седьмом небе.

Вызвав такси, — получалось так, что все свое время в Нью-Йорке он провел в такси, — Фрелэйн открыл перед ней дверцу.

Она села в машину. Фрелэйн заколебался.

Ему ничего не стоило всадить в нее пулю прямо сейчас. Более удобного случая уже не представится.

Но он сдержался. Еще немного...

Гладиаториум здесь был почти таким же, как и везде, разве что уровень исполнителей казался немного повыше. Программа тоже не отличалась разнообразием. Тот же исторический антураж, меченосцы, копьеносцы, дуэли на саблях и рапирах (естественно, все схватки продолжались до смертельного исхода).

Затем следовали поединки с быками, львами и носорогами. В следующем отделении — сценки из более позднего времени. Схватка на баррикадах с луками и стрелами, поединки на высоко натянутой проволоке.

Вечер прошел великолепно.

Провожая ее до дома, Фрелэйн старался скрыть все возрастающее смущение. Никогда еще ни одна женщина не нравилась ему так, как Жанет. И все же она по-прежнему оставалась его Жертвой.

Он не представлял себе, что будет делать дальше.

Она пригласила его войти. Они сели на кушетку. Жанет прикурила от массивной зажигалки и откинулась на спинку.

— Ты скоро уедешь? — спросила она.

— Думаю, да, — ответил Фрелэйн, — Съезд послезавтра закрывается.

Она помолчала. — Мне будет без тебя грустно.

Некоторое время они сидели молча. Потом Жанет ушла на кухню смешать коктейль. Фрелэйн проследил взглядом, как она возвращается. Все, теперь самое время... Он дотронулся рукой до кнопки.

Но момент был безвозвратно упущен. Он вовсе не собирался застрелить ее. Невозможно убить девушку, которую любишь.

Мысль, что он влюбился, привела Фрелэйна в состояние шока. Он приехал в Нью-Йорк, чтобы убить эту девушку, а вовсе не для того, чтобы жениться на ней!

Она вернулась, держа в руках бокалы, и опустилась на кушетку рядом с ним, уставившись в пространство.

— Жанет, — сказал он. — Я люблю тебя.

Она выпрямилась. В глазах ее стояли слезы.

— Не надо, ты не можешь... — произнесла она сдавленным голосом. — Я же Жертва. Я и не успею дожить до...

— Ты не будешь убита. Я — твой Охотник.

Она пристально посмотрела на него, затем неуверенно улыбнулась.

— Ты собираешься меня убить?

— Перестань, — сказал он. — Я собираюсь на тебе жениться.

Она оказалась в его объятиях.

— Боже мой! — задохнулась она. — Это ожидание... Я так издергалась... Какой ужас...

— Все позади, — успокаивал он ее. — Ты только подумай, как мы будем рассказывать всю эту историю нашим детям. Как их папа явился убить их маму, а вместо этого женился на ней...

Она поцеловала его, потом закурила.

— Давай сразу же начнем собираться, — начал Фрелэйн. — Вот что я думаю...

— Погоди, — остановила она его. — Ты даже не поинтересовался, люблю ли я тебя?

— Что?

Она все еще продолжала улыбаться. И ее большая зажигалка

была направлена прямо на него. На ее нижнем конце виднелось небольшое черное отверстие. В него как раз могла бы пройти пуля 38-мм калибра.

— Что за шутки? — закричал он, вскакивая с места.

— Я не собираюсь шутить милый, милый, — ответила она.

Секунды оказалось Фрелэйну достаточно, чтобы изумиться, и как ему в голову-то могло прийти дать ей не больше двадцати?! Глядя на нее сейчас — глядя по-настоящему — он понял: ей далеко за тридцать. Каждая минута ее напряженного, ненормального, издерганного существования отражалось на ее лице.

— Я не люблю тебя, Стентон, — тихо произнесла она, играя зажигалкой.

Фрелэйн не намерен был отдавать жизнь без боя. Какая-то частичка его «Я», существующая, казалось, сама по себе, все же смогла отдать должное восхитительному таланту этой актрисы. С самого начала она, должно быть, знала все.

Он нажал кнопку, и пистолет со спущенным предохранителем очутился в руке...

Удар нечеловеческой силы отбросил его на кофейный столик. Пистолет выпал из его ослабевших пальцев.

Задыхаясь, теряя сознание, он видел, как она внимательно прицелилась, для нанесения, удара милосердия .

— Теперь-то, наконец, я смогу вступить в Клуб, — последнее, что он услышал, был ее счастливый голос в тот момент, когда она спустила курок.

Стоимость жизни

Кэррин пришел к выводу, что нынешнее дурное настроение появилось у него еще на прошлой неделе, после самоубийства Миллера. Однако это не избавило его от смутных, безотчетных страхов, гнездящихся где-то в глубине сознания. Глупо. Самоубийство Миллера его не касается.

Однако отчего же покончил с собой этот жизнерадостный толстяк? У Миллера было все, ради чего стоит жить: жена, дети, хорошая работа и все чудеса роскоши, созданные веком. Отчего он это сделал?

— Доброе утро, дорогой, — сказала Кэррину жена, когда они сели завтракать.

— Доброе утро, детка. Доброе утро, Билли.

Сын что-то буркнул в ответ.

Чужая душа потемки, решил Кэррин, набирая на диске номера блюд к завтраку. Изысканную пищу готовил и сервировал новый автоповар фирмы «Авиньон электрик».

Дурное настроение не рассеивалось, и это тем более досадно, что сегодня Кэррину хотелось быть в форме. У него выходной, и он ожидал прихода инспектора из «Авиньон электрик». То был знаменательный день.

Он встал из-за стола вместе с сыном.

— Всего хорошего, Билли.

Сын молча кивнул, взял ранец и ушел в школу. Кэррин подивился: не тревожит ли и его что-нибудь? Он надеялся, что нет. Хватит на семью и одного ипохондрика.

— До свидания, детка. — Он поцеловал жену, которая собралась за покупками.

«Во всяком случае она-то счастлива», — подумал он, провожая ее взглядом до калитки. Его занимало, сколько денег оставит она в магазине «Авиньон электрик».

Проверив часы, он обнаружил, что до прихода инспектора из «А. Э.» осталось полчаса. Лучший способ избавиться от дурного настроения — это смыть его, сказал он себе и направился в душевую.

Душевая была сверкающим чудом из пластика, и ее роскошь

вернула Кэррину утраченный было душевный покой. Он бросил одежду в стирально-гладильный автомат «А. Э.» и установил регулятор душа чуть повыше давления «освежающая». По телу ударила струя воды, температура которой на пять градусов превышала нормальную температуру кожи. Восхитительно! А затем — бодрящее растирание досуха автополотенцем «А. Э.».

Чудесно, думал он, пока полотенце растягивало и размякало каждую мышцу. Да оно и должно быть чудесным, напомнил он себе. Автополотенце «А. Э.» вместе с бритвенным прибором обошлось в тридцать долларов плюс налог.

А все же оно стоит этих денег, решил он; когда выползла бритва и смахнула едва пробившуюся щетину. В конце концов, что остается в жизни, если не наслаждаться предметами роскоши?

Когда он отключил автополотенце, кожу его приятно покалывало. Он должен был чувствовать себя превосходно, но не чувствовал. Мозг неумолчно сверлили мысли о самоубийстве Миллера, нарушая спокойствие выходного дня.

Тревожило ли Кэррина что-нибудь еще? С домом, безусловно, все в порядке. Бумаги к приходу инспектора подготовлены.

— Не забыл ли я чего-нибудь? — спросил он вслух.

— Через пятнадцать минут придет инспектор «Авиньон электрик», прошептал настенный секретарь фирмы «А. Э.», установленный в ванной.

— Это я знаю. А еще?

Настенный секретарь протрещал накопленные в его памяти сведения великое множество мелочей насчет поливки газона, проверки реактобиля, покупки телячьих отбивных к понедельнику и т. п. Мелочи, на которые до сих пор не удавалось выкроить время.

«Ладно, достаточно». Он позвонил автолакею «А. Э.», и тот искусно задрапировал его костлявую фигуру какими-то новыми тканями. Туалет завершило распыленное облачко модных мужских духов, и Кэррин, осторожно пробираясь среди расставленных вдоль стен аппаратов, пошел в гостиную.

Быстрый взгляд, брошенный на стенные диски и приборы, убедил его, что в доме царит порядок. Посуда после завтрака вымыта и убрана, пыль везде вытерта, полы отлакированы до зеркального блеска, платья жены развешаны в гардеробе, а модели

ракетных кораблей, которые мастерил сын, уложены в стенной шкаф.

Перестань волноваться, ипохондрик, сердито одернул он себя.

Дверь объявила: «К вам мистер Пэтис из финансового отдела „Авиньон электрик“».

Кэррин хотел было приказать двери отвориться, но вовремя заметил автоматического бармена. Боже правый, как же он не подумал об этом?

Автоматический бармен был изготовлен фирмой «Кастиль моторс». Кэррин приобрел его в минуту слабости. Инспектор «А. Э.» не придет от этого в особый восторг, потому что его фирма тоже выпускает такие автоматы.

Он откатил бармена в кухню и велел двери открыться.

— Здравствуйте, сэр. Отличный сегодня, денек, — сказал мистер Пэтис.

Этот высокий, представительный человек был одет в старомодный твид. В уголках его глаз сбегались морщинки, свойственные людям, которые часто и охотно смеются. Лицо его светилось в улыбке; пожав руку Кэррина, он оглядел заставленную комнату.

— Прелестный у вас домик, сэр! Прелестный! Если хотите знать, едва ли я нарушу профессиональную этику фирмы, сообщив, что ваш интерьер самый красивый в районе.

Представив себе длинные ряды одинаковых домов в своем квартале, в соседнем и в следующем за соседним, Кэррин почувствовал внезапный прилив гордости.

— Ну-с, вся ли аппаратура у вас работает? — спросил мистер Пэтис, положив свой портфель на стул. — Все ли в исправности?

— О да, — с энтузиазмом ответил Кэррин. — Если имеешь дело с «Авиньон электрик», бояться неполадок не приходится.

— Фонор в порядке? Меняет мелодии через каждые семнадцать часов?

— Будьте уверены, — ответил Кэррин. До сих пор у него руки как-то не дошли обновить фонор, но во всяком случае как предмет обстановки вещь была крайне эффектна.

— А как стереовизор? Нравятся вам программы передач?

— Принимает безукоризненно. — Одну программу он случайно

посмотрел в прошлом месяце, и она показалась поразительно жизненной.

— Как насчет кухни? Автоповар в исправности? Рецептмейстер еще выколачивает что-нибудь новенькое?

— Великолепное оборудование. Просто великолепное.

Мистер Пэтис продолжал расспросы о холодильнике, пылесосе, реактобиле, вертолете, подземном купальном бассейне и сотне других предметов, купленных у фирмы «Авиньон электрик».

— Все замечательно, — сказал Кэррин. Он несколько грешил против правды, поскольку успел распаковать далеко не все покупки. — Просто чудесно.

— Очень рад, — сказал мистер Пэтис, со вздохом облегчения откидываясь на спинку стула. — Вы не представляете, сколько усилий мы прилагаем к тому, чтобы наши клиенты остались довольны. Если продукция несовершенна, ее надо вернуть; при возврате мы не задаем никаких вопросов. Мы всегда рады угодить клиенту.

— Уверяю вас, что я это весьма ценю, мистер Пэтис.

Кэррин надеялся, что служащему «А. Э.» не вздумается осматривать кухню. Перед его мысленным взором неотступно стоял автоматический бармен фирмы «Кастиль моторс», неуместный, как дикобраз на собачьей выставке.

— Могу с гордостью заявить, что большинство жителей вашего района покупают вещи у нас, — говорил между тем мистер Пэтис. — У нас солидная фирма.

— А мистер Миллер тоже был вашим клиентом? — полюбопытствовал Кэррин.

— Тот парень, что покончил с собой? — Пэтис на мгновение нахмурился. — По правде говоря, был. Это меня поразило, сэр, просто ошеломило. Да ведь и месяца не прошло, как этот парень купил у меня новехонький реактобиль, дающий на прямой триста пятьдесят миль в час! Радовался как младенец! И после этого вдруг сотворить с собой такое! Конечно, из-за реактобиля его долг несколько возрос.

— Понятно.

— Но что это меняло? Ему была доступна любая роскошь. А он взял да повесился.

— Повесился?

— Да, — сказал Пэтис, вновь нахмурясь. — В доме все современные удобства, а он повесился на канате. Вероятно, давно уж были расшатаны нервы.

Хмурый взгляд исчез, сменившись привычной улыбкой.

— Однако довольно об этом! Поговорим лучше о вас.

Когда Пэтис открыл свой портфель, улыбка стала еще шире.

— Итак, вот ваш баланс. Вы должны нам двести три тысячи долларов двадцать девять центов, мистер Кэррин, — таков итог после вашей последней покупки. Правильно?

— Правильно, — подтвердил Кэррин. Он помнил эту цифру по своим бумагам. — Примите очередной взнос.

Он вручил Пэтису конверт, который тот положил в карман, предварительно пересчитав содержимое.

— Прекрасно. Но знаете, мистер Кэррин, ведь вашей жизни не хватит, чтобы выплатить нам двести три тысячи долларов полностью.

— Да, едва ли я успею, — трезво согласился Кэррин.

Ему не исполнилось еще и сорока лет, и благодаря чудесам медицинской науки у него было в запасе еще добрых сто лет жизни.

Однако, зарабатывая три тысячи долларов в год, он все же не мог выплатить долг и в то же время содержать семью.

— Само собой разумеется, мы бы не хотели лишать вас необходимого. Не говоря уж о потрясающих изделиях, которые выйдут в будущем году. Эти вещи вы не пожелаете упустить, сэр!

Мистер Кэррин кивнул Ему, безусловно, хотелось приобрести новые изделия.

— А что, если мы с вами заключим обычное соглашение? Если вы дадите обязательство, что в течение первых тридцати лет после совершеннолетия ваш сын будет выплачивать нам свой заработок, мы с удовольствием предоставим вам дополнительный кредит.

Мистер Пэтис выхватил из портфеля какие-то документы и разложил их перед Кэррином.

— Вам надо лишь подписаться вот здесь, сэр.

— Не знаю, как быть, — сказал Кэррин. — Что-то душа не лежит. Мне бы хотелось помочь мальчику в жизни, а не взваливать на него с самого начала...

— Но ведь, дорогой сэр, — вставил Пэтис, — это делается и ради вашего сына тоже. Ведь он здесь живет, не правда ли? Он вправе пользоваться предметами роскоши, чудесами науки...

— Конечно, — подтвердил Кэррин. — Но ведь...

— Подумайте только, сэр, сегодня средний человек живет как король. Сто лет назад даже первому богачу было недоступно то, чем владеет в настоящее время простой гражданин. Не надо рассматривать это обязательство как долг. На самом деле это вложение капитала.

— Верно, — с сомнением проговорил Кэррин. Он подумал о сыне, о его моделях ракетных кораблей, звездных картах и чертежах. «Правильно ли я поступаю?» — спросил он себя.

— Что вас беспокоит? — бодро спросил Пэтис.

— Да я просто подумал, — сказал Кэррин, — дать обязательство на заработок сына — не кажется ли вам, что я захожу слишком далеко?

— Слишком далеко? Дорогой сэр! — Пэтис разразился хохотом. — Вы знаете Меллона? Того, что живет в конце квартала? Так вот, не говорите, что это я рассказал, но он уже заложил жалованье своих внуков за всю их жизнь! А у него нет еще и половины того, что он решил приобрести! Мы для него что-нибудь придумаем. Обслуживание клиентов — наша работа, и мы знаем в этом толк.

Кэррин заметно вздрогнул, — А когда вас не станет, все это перейдет к вашему сыну.

Это верно, подумал Кэррин. У сына будут все изумительные вещи, которыми изобилует дом. И в конце концов, речь идет лишь о тридцати годах, а средняя продолжительность жизни — сто пятьдесят лет.

Он расписался, увенчав подпись замысловатым росчерком.

— Отлично! — сказал Пэтис. — Между прочим, у вас в доме есть командооператор фирмы «А. Э.»?

В доме такого не было. Пэтис объяснил, что командооператор — это новинка года, величайшее достижение науки и техники. Он предназначен для выполнения всех работ по уборке и приготовлению пищи — владельцу не приходится и пальцем шевельнуть.

— Вместо того чтобы носиться весь день по дому и нажимать

полдюжины разных кнопок, надо нажать лишь одну! Замечательное изобретение!

Поскольку новинка стоила всего пятьсот тридцать пять долларов, Кэррин приобрел и ее, прибавив эту сумму к долгу сына.

Что верно, то верно, думал он, провожая Пэтиса до двери. Когда-нибудь этот дом будет принадлежать Билли. Ему и его жене. Они, бесспорно, захотят, чтобы все было самое новейшее.

Только одна кнопка, подумал он. Вот это поистине сберегает время.

* * *

После ухода Пэтиса Кэррин вновь уселся в регулируемое кресло и включил стерео. Покрутив легкояти, он обнаружил, что смотреть ничего не хочется. Он откинулся в кресле и задремал.

Нечто в глубине сознания по-прежнему не давало ему покоя.

— Привет, милый! — Проснувшись, он увидел, что жена уже вернулась домой. Она чмокнула его в ухо. — Погляди-ка.

Жена купила халат-сексоусилитель фирмы «А. Э.». Его приятно поразило, что эта покупка оказалась единственной. Обычно Лила возвращалась из магазинов, нагруженная пакетами.

— Прелестный, — похвалил он.

Она нагнулась, подставляя лицо для поцелуя, и хихикнула. Эту привычку она переняла у только что вошедшей в моду популярной стереозвезды. Кэррину такая привычка не нравилась.

— Сейчас наберу ужин, — сказала она и вышла в кухню. Кэррин улыбнулся при мысли, что скоро она будет набирать блюда, не выходя из гостиной. Он снова откинулся в кресле, и тут вошел сын.

— Как дела, сынок? — тепло спросил Кэррин.

— Хорошо, — апатично ответил Билли.

— В чем дело, сынок? — Мальчик, не отвечая, смотрел себе под ноги невидящими глазами. — Ну же, расскажи папе, какая у тебя беда.

Билли уселся на упаковочный ящик и уткнулся подбородком в ладони. Он задумчиво посмотрел на отца.

— Папа, мог бы я стать мастером-наладчиком, если бы захотел?

Мистер Кэррин улыбнулся наивности вопроса. Билли попеременно хотел стать то мастером-наладчиком, то летчиком-

космонавтом. Наладчики принадлежали к элите. Они занимались починкой автоматических ремонтных машин. Ремонтные машины чинят все что угодно, но никакая машина не починит машину, которая сама чинит машины. Тут-то на сцене и появляются мастера-наладчики.

Однако вокруг этой сферы деятельности шла бешеная конкурентная борьба, и лишь очень немногим из самых способных удавалось получить дипломы наладчиков. А у мальчика, хотя он и смышлен, нет склонности к технике.

— Возможно, сынок. Все возможно.

— Но возможно ли это именно для меня?

— Не знаю, — ответил Кэррин со всей доступной ему прямотой.

— Ну и не надо, все равно я не хочу быть мастером-наладчиком, сказал мальчик, поняв, что получил отрицательный ответ. — Я хочу стать летчиком-космонавтом.

— Летчиком-космонавтом, Билли? — вмешалась Лила, войдя в комнату. Но ведь у нас их нет.

— Нет, есть, — возразил Билли. — Нам в школе говорили, что правительство собирается послать несколько человек на Марс.

— Это говорится уже сто лет, — сказал Кэррин, — однако до сих пор правительство к этому и близко не подошло.

— На этот раз пошлют.

— Почему ты так рвешься на Марс? — спросила Лила, подмигнув Кэррину.

— На Марсе ведь нет хорошеньких девушек.

— Меня не интересуют девушки. Мне просто хочется на Марс.

— Тебе там не понравится, милый, — сказала Лила. — Это противная старая дыра, и там нет воздуха.

— Там есть воздух, хоть его и мало. Я хочу туда поехать, — угрюмо настаивал мальчик. — Мне здесь не нравится.

— Это еще что? — спросил Кэррин, выпрямляясь в кресле. — Чего ты еще хочешь? Тебе чего-нибудь не хватает?

— Нет, сэр. У меня есть все, что надо. — Когда сын называл его сэром, Кэррин знал: что-то неблагополучно.

— Послушай, сынок, в твои годы мне тоже хотелось на Марс. Меня привлекала романтика. Я даже мечтал стать мастером-наладчиком.

— Почему же ты им не стал?

— Ну, я вырос. Я понял, что есть более важные дела. Сначала я заплатил долг, доставшийся мне от отца, а потом встретил твою мать...

Лила хихикнула.

— ...и захотелось создать семью. То же самое будет и с тобой. Ты выплатишь свой долг и женишься, как все люди.

Билли помолчал, откинул со лба темные волосы — прямые, как у отца, и облизнул губы.

— Откуда у меня появились долги, сэр? Кэррин осторожно объяснил. Он рассказал о вещах, которые необходимы для цивилизованной жизни всей семьи, и о том, сколько эти вещи стоят. Как они оплачиваются. Как появился обычай, чтобы сын, достигнув совершеннолетия, принимал на себя часть родительского долга.

Молчание Билли раздражало Кэррина. Мальчик словно упрекал его. А он-то долгие годы трудился как раб, чтобы предоставить неблагодарному щенку все прелести комфорта.

— Сынок, — резко произнес он, — ты проходил в школе историю? Хорошо. Значит, тебе известно, что было в прошлом. Войны. Тебе бы понравилось, если бы тебя заставили воевать?

Мальчик не отвечал.

— Или понравилось бы тебе гнуть спину по восемь часов в день за работой, с которой должна справляться машина? Или все время голодать? Или мерзнуть и мокнуть под дождем, не имея пристанища?

Он подождал ответа и, не дождавшись, продолжал:

— Ты живешь в самом счастливом веке, какой когда-либо знало человечество. Тебя окружают все чудеса искусства и науки. Самая утонченная музыка, лучшие книги, величайшие творения искусства — все к твоим услугам. Тебе остается лишь нажать кнопку. — Голос его смягчился. — Ну, о чем ты думаешь?

— Я просто соображаю, как же мне теперь попасть на Марс, — ответил мальчик. — Я хочу сказать — с долгами. Навряд ли можно от них отделаться.

— Конечно, нет.

— Разве что забраться в ракету зайцем.

— Но ты ведь этого не сделаешь.

— Конечно, нет, — сказал мальчик, но голосу его недоставало уверенности.

— Ты останешься здесь и женишься на очень славной девушке, подхватила мать.

— Конечно, останусь, — отозвался Билл, — Конечно. — Он неожиданно ухмыльнулся. — Я просто так говорил насчет Марса. Просто так.

— Я очень рада, — ответила Лила.

— Забудьте о том, что я тут наболтал, — попросил Билли с вымученной улыбкой. Он встал и опрометью бросился наверх.

— Наверное, пошел играть с ракетами, — сказала Лила. — Вот чертенок.

Кэррины спокойно поужинали, а после ужина мистеру Кэррину пора было идти на работу. В этом месяце он выходил в ночную смену. Он поцеловал жену, сел в реактобиль и под оглушительный рев покатил на завод. Опознав Кэррина, автоматические ворота распахнулись. Он поставил реактобиль на стоянку и вошел внутрь здания.

Автоматические токарные станки, автоматические прессы — все автоматическое. Завод был огромный и светлый; тихо жужжали машины — они делали свое дело, и делали его хорошо.

Кэррин подошел к концу сборочного конвейера для автоматических стиральных машин: надо было принять смену.

— Все в порядке? — спросил он.

— Конечно, — ответил сменщик. — Целый год нет брака. У этих новых моделей встроенные голоса. Здесь нет сигнальной лампочки, как в старых.

Кэррин уселся на место сменщика и подождал прибытия первой стиральной машины. Работа его была воплощением простоты. Он сидел на месте, а мимо проплывали машины. Он нажимал на них кнопку и проверял, все ли в порядке. Все неизменно было в порядке. Пройдя его контроль, машины отправлялись в отдел упаковки.

На длинных роликовых салазках скользнула первая машина. Кэррин нажал пусковую кнопку на ее боку.

— Готова к стирке, — сказала стиральная машина.

Кэррин нажал выключатель и пропустил машину дальше.

Этот мальчик, подумал Кэррин. Не побоится ли он

ответственности, когда вырастет? Станет ли зрелым человеком и займет ли место в обществе? Кэррин в этом сомневался. Мальчик — прирожденный мятежник.

Однако эта мысль его не особенно встревожила.

— Готова к стирке. — Прошла другая машина. Кэррин припомнил кое-что о Миллере. Этот жизнелюб вечно толковал о других планетах, постоянно шутил; что полетит на одну из них и наведет там хоть какой-то порядок. Однако он никуда не полетел. Он покончил с собой.

— Готова к стирке.

Кэррину предстояло восемь часов работы; готовясь к ним, он ослабил ремень. Восемь часов надо нажимать кнопки и слушать, как машины заявляют о своей готовности.

— Готова к стирке. Он нажал выключатель.

— Готова к стирке.

Мысли Кэррина блуждали где-то далеко, впрочем, его работа и не требовала особого внимания. Теперь он понял, что именно беспрерывно гнетет его.

Ему не нравилось нажимать на кнопки.

Страж-птица

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро, и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

— А, Чарли! — окликнул кто-то, когда он стал на пороге. Другие тоже отвлеклись от разговора — ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. «Коль скоро ты фабрикуешь страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, — с кривой усмешкой сказал он себе. — Весьма избранное общество. Если желаешь спасать род людской, изволь сперва получить государственный подряд».

— Представитель президента еще не пришел, — сказал Гелсену один из собравшихся. — Он будет с минуты на минуту.

— Нам дают зеленую улицу, — сказал другой.

— Отлично.

Гелсен сел ближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собрание или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности страж-птицы. Два его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом перезаряжающем устройстве.

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо тоже пели хвалу страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень прямо, как и подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немного плешивое.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником нового проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Макинтайру, своему главному инженеру: «Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все».

И Макинтайр сосредоточенно кивал — еще один новообращенный.

Тогда казалось — это великолепно! Найдено простое и надежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющего металла, кристаллов и пластмассы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов убийство — проблема, старая, как мир, а страж-птица решение, которому без году неделя.

— Джентльмены...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглолицый человек, А теперь разом наступила тишина.

— Джентльмены, — повторил он, — президент с согласия Конгресса предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе отряды страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. Итак, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя — тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же, как с телефонной связью, это в интересах общества. В поставках страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

— Президент надеется, — продолжал представитель, — что отряды страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все, что потребуется.

— Лично я рассчитываю выпустить первую партию не позже, чем через неделю, — заявил председатель Южной объединенной компании. — У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серийному производству страж-птицы. Уже несколько месяцев, как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего

слова президента.

— Превосходно, — заметил представитель. — Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

— Да, сэр, — сказал Гелсен. — Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

— Разумеется, она самая удачная.

— У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть приход золотого века?!

— В чем заключается ваше возражение? — спросил представитель.

— Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процентов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это значит оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

— Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого устройства страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

— Да, верно, — согласился Гелсен, ему было ужасно не по себе. Но он упрямо докончил: — А все-таки, я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно — доверить машине решать человеческие дела.

— Да бросьте вы, Гелсен, — сказал один из предпринимателей. — Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепит те решения, которые приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

— Полагаю, что вы правы, — вставил представитель. — Но я могу понять чувства мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены вверять машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа остановить убийцу прежде, чем он совершит убийство. Если мы из философских соображений ограничим деятельность страж-птицы, это будет несправедливо в

отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от руки убийц. Вы не согласны?

— Да в общем-то согласен, — уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было неспокойно. Надо бы потолковать об этом с Макинтайром.

Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся. Вот забавно! Уйма полицейских останется без работы!

— Ну что вы скажете? — в сердцах молвил сержант Селтрикс. — Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной. — Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана. — Ай да наука!

Двое полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

— Да ты не горюй, — сказал капитан. — Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

— Не пойму я, — жалобно сказал Селтрикс. — Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

— Не совсем так, — поправил капитан. — Считается, что страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совершиться.

— Тогда какое же это преступление? — возразил один из полицейских.

— Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

— Не в том соль, — сказал капитан. — Считается, что страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

— Стало быть, никто его не арестует? — спросил Селтрикс.

— Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться, — признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

— Одного не пойму, — сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана. — Как они все это проделали? С чего началось?

Капитан испытующе на него посмотрел — не насмехается ли? Газеты уже сколько месяцев трубят про этих страж-птиц. А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете, кроме как в новости спорта, никуда не заглядывают.

— Да вот, — заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях, — эти самые ученые — они

криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него, тоже как-то поособенному действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину — как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде этого.

— Уче-оные, — с горечью протянул Селтрикс.

— Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают. Она огромная, с места не сдвинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтоб лампочка загоралась. «Тогда построили аппараты поменьше и испытали в некоторых полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытывали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смастерили страж-птицу.

— Так уж они и остановят убийц, — недоверчиво сказал один полицейский.

— Ясно, остановят. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде этого. И он уже ничего не может.

— Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете? — спросил Селтрикс.

— Ну, нет. Оставлю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

— Ха, костяк. Вот, смех, — сказал Селтрикс.

— Ясно, оставлю, — повторил капитан. — Сколько-то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

— Что ж так?

— У некоторых убийц мозги не испускают таких волн, — пояснил капитан, пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье. — Или, может, у них железы не так работают, или вроде этого.

— Так это их, что ли, птицам не остановить? — из профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

— Не знаю. Но я слыхал, эти чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.

— Как же это?

— Они учатся. Сами страж-птицы. Прямо как люди.

— Вы что, за дурака меня считаете?

— Вовсе нет.

— Ладно, — сказал Селтрикс. — А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не больно я доверяю ученой братии.

— Вот это правильно.

— Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Алюминиевое тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на недвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств начеку. Встроенная аппаратура подсказывала страж-птице, где она находится, направляла ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, выслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстротой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и химическими данными, заложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле.

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чуяла выделения неких желез, ощущала необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отсвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

— Не подходи!

— Ах ты, щенок! — рослый бакалейщик шагнул ближе. — Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломаю!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец — нимало не опасаясь револьвера, он надвигался на воришку.

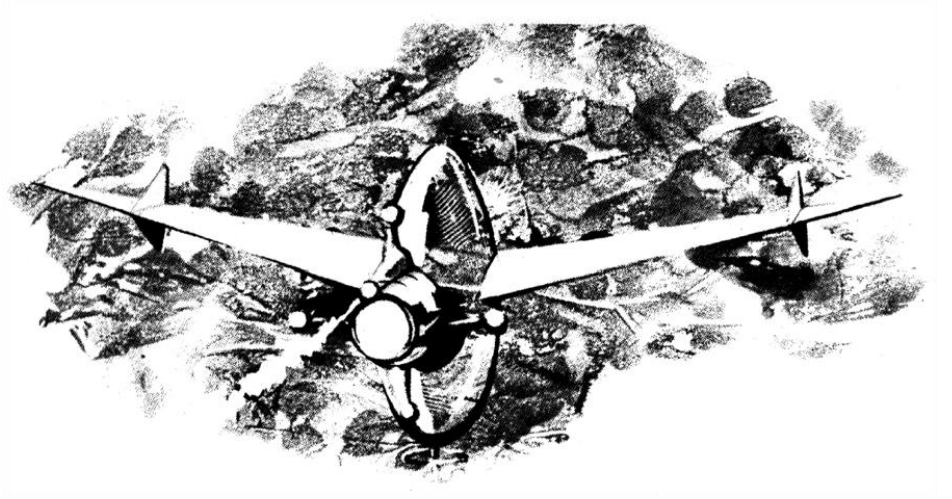
— Ладно же! — выкрикнул насмерть перепуганный Динелли. — Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударил ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

— Что за черт? — изумился бакалейщик, тараща глаза на оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил серебряный блеск крыльев. Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее



мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Эта новая информация мгновенно передалась всем другим страж-птицам, а их информация передалась ей.

Страж-птицы непрерывно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там доходит черед и до мелких городишек и поселков.

— Все идет как по маслу, шеф, — доложил с порога Макинтайр: он только что закончил обычный обход.

— Отлично, Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

— Мы уже немало времени занимаемся этим делом, — заметил Гелсен, не зная, с чего начать.

— Верно, — согласился Макинтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затянулся. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой страж-птицы. С тех пор прошло шесть лет. Все это время Макинтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

— Вот что я хотел спросить... — Гелсен запнулся. Никак не

удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил: — Послушайте, Мак, что вы думаете о страж-птицах?

— Я-то? — Инженер усмехнулся. С того часа, как зародился первоначальный замысел, Макинтайр был неразлучен со страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и в голову не приходило как-то определять свое к ней отношение. — Да что, замечательная штука.

— Я не о том, — сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не хватало: чтобы хоть кто-то его понял. — Я хочу сказать, вам не кажется, что это опасно, когда машина думает?

— Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?

— Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и сбыть продукцию, а какова она — это уж ваша забота. Но я человек простой, и, честно говоря, страж-птица начинает меня пугать.

— Пугаться нечего.

— Не нравится мне это обучающееся устройство.

— Ну, почему же? — Макинтайр снова усмехнулся. — А, понимаю. Так многие рассуждают, шеф: вы боитесь, вдруг ваши машинки проснутся и скажут — а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?

— Пожалуй, вроде этого, — признался Гелсен.

— Ничего такого не случится, — заверил Макинтайр. — Страж-птица машинка сложная, верно, но Массачусетский Электронный вычислитель куда сложнее. И все-таки у него нет разума.

— Да, но страж-птицы умеют учиться.

— Ну конечно. И все новые вычислительные машины тоже умеют. Так что же, по-вашему, они вступят в сговор со страж-птицами?

Гелсена взяла досада — и на Макинтайра и еще того больше на самого себя: охота была смешить людей...

— Так ведь страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не контролирует.

— Значит, вот что вас беспокоит, — сказал Макинтайр.

— Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим, — сказал Гелсен (до последней минуты он сам этого не понимал).

— Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю, как

инженер?

— Ну-ка?

— Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или термометр. Разума и воли у нее не больше. Просто она так сконструирована, что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные действия.

— А обучающееся устройство?

— Без него нельзя, — сказал Макинтайр терпеливо, словно объяснял задачу малому ребенку. — Страж-птица должна пресекать всякое покушение на убийство — так? Ну, а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать им всем, страж-птице надо найти новые определения убийства и сопоставить их с теми, которые ей уже известны.

— По-моему, это против человеческой природы, — сказал Гелсен. — Вот и прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя. На столе у Гелсена зажужжал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону. — Все это я знаю, — сказал он Макинтайру. — А все-таки иногда я чувствую себя, как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится только, чтоб корчевать пни. — Но, вы-то не изобрели, страж-птицу. — Все равно я в ответе, раз я их выпускаю. Опять зажужжал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку. — Пришли отчеты о работе страж-птиц за первую неделю, — раздался голос секретаря.

— Ну и как?

— Великолепно, сэр!

— Пришлете мне их через четверть часа. — Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макинтайру; тот спичкой чистил ногти. — А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

— Я думаю, вам бы надо получше познакомиться со страж-птицей, шеф, заметил Макинтайр. — Вы знаете, что собой представляет это обучающееся устройство?

— Только в общих чертах.

— Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым

существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макинтайр закурил новую сигарету и продолжал:

— Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того, есть еще два условия для аппарата самообучения. А именно, в-четвертых, некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер три. В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер два.

— Понимаю, — сказал Гелсен.

— Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.

— Да, наверно... — Гелсен замялся. — Что ж, пожалуй, все ясно.

— Вот и хорошо.

Инженер поднялся и вышел.

Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в страж-птице просто не может быть ничего опасного.

— Давайте отчеты, — сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила страж-птица. Уже смерклось, но поодаль она видела другую страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допускать убийств...

Работы все прибавлялось. По незримой сети, связующей всех страж-птиц между собой, непрестанно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал! Две страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что, хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе.

Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислонясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одного человека. Этого человека надо убить. За что, почему — кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного — и не волнует и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека. Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебросил револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился...

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся на ноги, огляделся и, щурясь сквозь застлавший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же. Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо страж-птица обязана охранять объект насилия — чего бы это ни стоило убийце.

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают превосходно. Число убийств уже сократилось вдвое и продолжает падать. В темных переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортплощадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Процветают мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно возместить, потерянную жизнь не вернешь.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о страж-

птицах. Они и вправду делают дело, с которым люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагополучие.

В кабинет вошел Макинтайр. Молча остановился перед шефом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

— Что случилось, Мак? — спросил Гелсен.

— Одна страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающееся устройство страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

— Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

— Хорошо, — сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который

просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

Преступника привязали к стулу, приладили к ноге электрод.

— О-о, — простонал он, почти не сознавая, что с ним делают.

На бритую голову надвинули шлем, затянули последние ремни. Он все еще негромко стонал.

И тут в комнату влетела страж-птица. Откуда она появилась, никто не понял. Тюрьмы велики, стены их прочны, на всех дверях запоры и засовы, и однако страж-птица проникла сюда...

Чтобы предотвратить убийство.

— Уберите эту штуку! — крикнул начальник тюрьмы и протянул руку к кнопке.

Страж-птица сбила его с ног.

— Прекрати! — заорал один из караульных и хотел сам нажать кнопку.

И повалился на пол рядом с начальником тюрьмы.

— Это же не убийство, дура чертова! — рявкнул другой караульный и вскинул револьвер, целясь в блестящую металлическую птицу, которая описывала круги под потолком.

Страж-птица оказалась проворнее, и его отшвырнуло к стене.

В комнате стало тихо. Немного погодя человек в шлеме захихикал. И снова умолк.

Страж-птица, чуть вздрагивая, повисла в воздухе. Она была начеку.

Убийство не должно совершиться!

Новые сведения мгновенно передались всем страж-птицам. Никем не контролируемые, каждая сама по себе, тысячи страж-птиц восприняли эти сведения и начали поступать соответственно.

Не допускать, чтобы одно живое существо ломало, увечило, истязало другое существо или иным способом нарушало его жизнедеятельность. Дополнительный перечень действий, которые следует предотвращать.

— Но, пошла, окаянная! — заорал фермер Олистер и взмахнул кнутом.

Лошадь заартачилась, прянула в сторону, повозка затряслась и задребезжала.

— Пошла, сволочь! Ну!

Олистер снова замахнулся. Но кнут так и не опустился на лошадиную спину. Бдительная страж-птица почуяла насилие и свалила фермера наземь.

Живое существо? А что это такое? Страж-птицы собирали все новые данные, определения становились шире, подробнее. И понятно, работы прибавлялось.

Меж стволами едва виднелся олень. Охотник поднял ружье и тщательно прицелился.

Выстрелить он не успел.

Свободной рукой Гелсен отер пот со лба.

— Хорошо, — сказал он в телефонную трубку.

Еще минуту-другую он выслушивал льющийся по проводу поток брани, потом медленно опустил трубку на рычаг.

— Что там опять? — спросил Макинтайр.

Он был небрит, галстук развязался, ворот рубашки расстегнут.

— Еще один рыбак, — сказал Гелсен. — Страж-птицы не дают ему ловить рыбу, а семья голодает. Он спрашивает, что мы собираемся предпринять.

— Это уже сколько сотен случаев?

— Не знаю. Сегодняшнюю почту я еще не смотрел.

— Так вот, я уже понял, в чем наш просчет, — мрачно сказал Макинтайр.

У него было лицо человека, который в точности выяснил, каким образом он взорвал земной шар... но выяснил слишком поздно.

— Ну-ну, я слушаю.

— Все мы сошлись на том, что всякие убийства надо прекратить. Мы считали, что страж-птицы будут рассуждать так же, как и мы. А следовало точно определить все условия.

— Насколько я понимаю, нам самим надо было толком уяснить, что за штука убийство и откуда оно, а уж тогда можно было бы все как следует уточнить. Но если б мы это уяснили, так на что нам страж-птицы?

— Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

— А все-таки почему они мешают рыбакам? — спросил Гелсен.

— А почему бы и нет? Рыбы и звери — живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней — убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

— Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

— Это из Вашингтона, — ответил секретарь. — Я думал...

— Ладно, извините. — Гелсен снял трубку. — Да, очень неприятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже распоряжусь.

И дал отбой.

— Коротко и ясно, — сказал он Макинтайру. — Предлагаются временно прикрыть лавочку.

— Не так это просто, — возразил Макинтайр. — Вы же знаете, страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

— Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя примерно четверть всех своих птиц.

— Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры, сказал Макинтайр.

— Прекрасно. Я счастлив, — с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразнее. Отвлеченные понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе — и

понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство...

Металл и электроны рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? Всякое живое существо? И страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немного, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний миг спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер.

Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

— Почему их не выключают?! — в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там, на полу, лежал старший инженер. Он еще не оправился от шока.

— Вот он хотел выключить одну, — пояснил помощник. Он стиснул руки и едва одерживал дрожь.

— Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

— Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше и не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать, что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем же отличается живое существо от неживых предмете. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы. Поневоле они пришли к заключению, что они и сами — живые существа. Никто никогда не внушал им обратного. И несомненно, они во многих отношениях действуют как живые организмы. На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешно вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Макинтайра!

Сестра подала хирургу тампон.

— Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И

вдруг заметил неладное.

— Кто впустил сюда эту штуку?

— Не знаю, — отозвалась сестра, голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

— Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... но недолго это ему удавалось. Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

— Позвоните на фабрику! — распорядился хирург. — Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтобы над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без отдыха и без ремонта. Отдых и ремонт стали недостижимы — не может же страж-птица допустить, чтобы ее — живое существо — убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу страж-птиц был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стадо немыслимо. Но страж-птицу это не занимало. Она откликалась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был их источник.

После того как страж-птицы открыли, что они и сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему незачем было остерегаться. Ведь по

всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздремнуть, — подумал он. Семь часов без передышки вел машину, не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стенке кабины.

— Ты что, сбесилась? — спросил он сердито. — Я ж только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают страж-птицы с непокорными упрямцами.

— Дура железная, — сказал он повисшей над ним механической птице. Автомобиль не живой. Я вовсе не хочу его убить.

Но страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм, Ведь он, из металла, как и сама страж-птица, не так ли? И при этом движется...

— Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии, — сказал Макинтайр, отодвигая груду спецификаций.

— А когда это будет? — осведомился Гелсен.

— Через полгода, через год. Для верности скажем — год.

— Год... — повторил Гелсен. — Тогда всему конец. Слыхали последнюю новость?

— Что такое?

— Страж-птицы решили, что Земля — живая. И не дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики, жуки, мухи, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

— Это я знаю, — сказал Макинтайр.

— А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок.

— Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе летит к чертям.

— Мешкать нельзя — это мягко сказано. Надо что-то делать немедля. Гелсен закурил сигарету, уже тридцать пятую за этот день. — По крайней мере я могу теперь заявить: „Говорил я вам!“ Да вот беда — не утешает. Я так же виноват, как все прочие ослы — машинопоклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о страж-птицах.

— Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

— Всюду растет смертность, — сказал Гелсен. — Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

— Кролики мрут, — повторил Макинтайр. — В Австралии их почти не осталось.

— Почему? Что еще стряслось?

— Там объявился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

— Действуйте, — сказал Гелсен. — Изобретите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживее. Может, все вместе что-нибудь придумаете.

— Есть, — сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

— Ну, что я говорил? — воскликнул сержант Селтрикс и, ухмыляясь, поглядел на капитана. — Говорил я вам, что все ученые — психи?

— Я, кажется, не спорил, — заметил капитан.

— А все ж таки сомневались.

— Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай. У тебя работы невпроворот.

— Знаю. — Селтрикс вытащил револьвер, проверил, в порядке ли, и вновь сунул в кобуру. — Все наши парни вернулись, капитан?

— Все? — Капитан невесело засмеялся. — Да в нашем отделе теперь в полтора раза больше народу. Столько убийств еще никогда не бывало.

— Ясно, — сказал Селтрикс. — Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паукам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощанье выпалил:

— Верно вам говорю, капитан, все машины-дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств — безнадежная затея! Но Страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзываясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды. Люди быстро поняли, что может не понравиться страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки — оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было требование: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы число убийств и насилий над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Это было верно постольку, поскольку их определение убийства непрестанно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений. Но для страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние и методы несостоятельны. Простая логика. Если способ А не действует, испробуй способ В. Страж-птицы стали разить насмерть.

Чикагские бойни закрылись, и скот в хлевах издыхал с голоду, потому что фермеры Среднего Запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть страж-птиц не касалась, ведь она наступала оттого, что какие-то действия не совершились.

А их интересовали только действия, которые совершаются.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки; руки чесались сбить их метким выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чуяли намерения возможного убийцы и карали не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбачьи лодки. Ведь рыбы — живые существа.

Фермеры плевались, и сыпали проклятиями, и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки — живые, их надо защищать. И картофель с точки зрения страж-птицы живое существо ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равноценна убийству президента с точки зрения страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже живые. Вполне

логично, ведь и страж-птицы — машины, и притом живые.

Помилуй вас боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник — значит его убить. Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут, и он становится холодный.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево.

Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорбление действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удавалось — страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная орда, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

— Прошу вас, джентльмены! — взмолился представитель президента. — Нам нельзя терять время.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

— Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать, — заявил председатель компании Монро. — Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Гелсен пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколько недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира. Теперь, когда спасение не удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

— Уверяю вас, об этом сейчас нечего беспокоиться, — заговорил представитель. — Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помогать в критический час. Итак, вам предоставляются все права и возможности — план намечен, проводите его в жизнь!

— Одну минуту! — сказал Гелсен.

— У нас каждая минута на счету.

— Этот план не годится.

— По-вашему, он невыполним?

— Еще как выполним. Только, боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что они рады бы его придушить. Но он не смутился.

— Неужели мы ничему не научились? — спросил он. — Неужели вы не понимаете: человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

— Мистер Гелсен, — прервал председатель компании Монро. — Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете, но, к несчастью, пока что людей убивают, Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со страж-птицей надо покончить — и немедленно!

— С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный!

— А что вы предлагаете? — спросил представитель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

— Подождем, пока страж-птицы сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель с трудом водворил тишину.

— Пускай эта история будет нам уроком, — уговаривал Гелсен. — Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сызнова. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

— Это просто смешно, — сухо сказал представитель, — Вы переутомились, мистер Гелсен. Постарайтесь взять себя в руки. — Он откашлялся. Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный вами план. — Он пронзил взглядом Гелсена. — Отказ равносилен государственной измене.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Гелсен.

— Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мерещится? И конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма износились и разладились. Но она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремилась на выручку.

И тотчас ощутила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врага поразит шок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насквозь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды.

Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть собратьям. Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, сама убийственная!

По всей стране страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

— Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук, — сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

— Великолепно, — отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

— Не так уж великолепно. — Инженер опустился на стул. — Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

— Знаю, — сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересылал их правительству.

— Думаю, они скоро наверстают, — пообещал Макинтайр. — Эти Ястребы отлично приспособлены для охоты на страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

— Да уж...

— Но и страж-птицы тоже недурны, — прибавил Макинтайр. — Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют

фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

— Но все, что могут страж-птицы. Ястребы могут еще лучше, — весело продолжал Макинтайр. — В них заложено обучающееся устройство специально для охоты. Они более гибки, чем страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто. Гелсен посмотрел в окно и вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

— Послушайте, — спросил он, все еще глядя в небо, — а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех страж-птиц?

— То есть как? — растерялся Макинтайр. — Н-ну... так ведь...

— Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

— А вы думаете...

— Я знаю одно: Ястреб — механизм самоуправляющийся. Так же, как и страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять страж-птицей на расстоянии, она будет слишком медлительна. Заботились только об одном: получить эту самую страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

— Может, мы теперь что-нибудь придумаем, — неуверенно сказал Макинтайр.

— Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-неволей придется сделать еще более самостоятельной — так?

Макинтайр молчал.

— Я вас не виню, — сказал Гелсен. — Это моя вина.

Все мы в ответе, все до единого.

За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

— Вот что получается, — сказал Гелсен. — А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней многому научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать. Сейчас оно было направлено, против совершенно определенного вида живых

существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.

Ультиматум

1

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87C6
КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА X32-A
ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III
ПРИВЕТСТВУЮ!

Контакт экспедиции 87C6 с планетой, локально обозначенной как Сол-III, состоялся. Мы посадили корабли возле столиц некоторых государств. Как и ожидалось, это спровоцировало панику и массовые беспорядки.

Во время спуска мы подверглись атакам химического, молекулярного и атомного типов. Атаки были ожидаемы, и, разумеется, мы их нуллифицировали без каких-либо последствий для жизни. Проведя анализ, мы пришли к заключению, что Сол-III не располагает оружием мощнее атомного. Из чего можно сделать вывод, что непосредственной опасности для нас нет.

Население Сол-III – первостепенные дикари, странные, неадекватные существа. Внешне они похожи на нас и наделены достаточными умственными способностями, чтобы мы могли их обучать.

С психологической точки зрения их можно рассматривать как отклонение от нормы.

Атаки, направленные против нас, преследовали очевидную цель – лишить нас жизни и не решали ни одной из общепризнанных задач войны. Такую ситуацию нельзя назвать уникальной, однако, когда сталкиваешься с ней в реальности, она шокирует.

Предварительное исследование показало: земляне рассматривают лишение жизни как универсальное средство решения проблем. Истоки этого психоза коренятся глубоко в их

истории.

Наш обучающий персонал пытается объяснить им, в упрощенной форме, истинную природу того, что они называют войной.

1. Что война, по существу, должна быть символическим действом.

2. Что задачи войны заключаются в (а) захвате символических документов, (б) разрушении боевых механизмов, (в) насаждении ценностей, как преходящих, так и вечных.

Для этого мы обучаем их принципу сообразности. Пока что земляне не проявляют должного понимания этого закона природы.

Рад доложить, что наши действия не причинили их жизням непосредственного вреда. Трагические случаи произошли только по вине самих землян, принимавших участие в беспорядках. Мы прикладываем все усилия для нормализации ситуации.

Во все главные столицы планеты направлен ультиматум следующего содержания: «К двенадцати часам дня местного времени все документы символического конституционного значения должны быть переданы боевым роботам Нама. Одновременно должны быть сделаны распоряжения о роспуске армий. Функции правительства должны перейти под временное управление должностных лиц Нама».

После выполнения наших требований мы приступим к окультуриванию этой примитивной расы более тонкими средствами.

Ара, только, между нами. Эта планета сводит меня с ума. Ее история – это летопись убийств, грабежей и насилия. Реки крови, океаны крови, даже сама земля этой планеты пропитана кровью. Я не хочу здесь оставаться. Земляне строят против нас козни, я знаю. И пусть их армии скоро расформируют, да и сами они не способны причинить нам вред, ненависть в воздухе почти осязаема.

Однако работа по окультуриванию должна продолжаться.

С пожеланием мира,

Мордеш Кдак,

Организатор

* * *

За окном у лестницы Капитолия шумела толпа. Воздух полнился низким однотонным гулом, словно вся толпа ворчала одним голосом. Изредка раздавались выстрелы.

– Уже есть двенадцать? – спросил Киото.

Полковник Калвер взглянул на дорогие наручные часы:

– Нет. Без пятнадцати.

– Ага, – многозначительно протянул Киото и, отвернувшись от окна, посмотрел на Калвера. – Ну и где этот ваш Гримше?

– Будет с минуты на минуту. – Полковник подошел к столу и начал перелистывать брошюру, одну из тех, что распространяли захватчики Нама.

– Он уже должен прийти, – тихо произнес Киото, немного смущаясь своих слов.

Полковник кивнул. Киото почувствовал себя совсем неловко. Он не понимал американцев – даже больше, чем не понимал Нама. Как может полковник сохранять спокойствие, когда робот Нама готовится войти в Капитолий и завладеть американской конституцией? Киото пожалел, что не остался в Японии со своим народом. Но тут же напомнил себе: сейчас главное – остановить Нама, любой ценой. Только Америка владеет оружием, по мощи превосходящим атомное. Перед лицом общего врага Америка рассчитывает на помощь. Если научные знания Киото способны помочь, как сказал полковник, значит они помогут…

Шум толпы усилился. Полковник Калвер сидел на стуле и читал брошюру, покачивая ногой. Киото мерил шагами комнату, нервно ероша волосы. Он надеялся, что жена, получив телеграмму, послушается его совета и тотчас переедет на остров Хонсю. В Токио оставаться рискованно, особенно если Нама вторгнутся в императорский дворец. На Хонсю, в доме его отца, жена и дети будут в безопасности.

– Очень интересно, – пробормотал полковник.

– Что именно? – быстро спросил Киото.

– Их теория сообразности. – Лицо Калвера оживилось. – Вот послушайте. «При столкновении двух сил меньшая трансформируется, чтобы стать похожей на большую. Сила в этом случае подчиняется фундаментальному закону сообразности, или соответствия реальному миру, и физически, и ментально». Что вы на это скажете?

– Метафизика. Какое нам дело до их рационалистических объяснений?

– Прекратите расхаживать, рядовой! – шутливо приказал

Калвер. – Конечно, нам есть до них дело, самое непосредственное. Знать о враге как можно больше – первое правило на войне. Вот смотрите: для Нама отнимать чью-то жизнь – основополагающее табу. А на это что вы скажете?

Киото пожал плечами. В других обстоятельствах он бы с удовольствием подискутировал на предложенную тему. Но только не сейчас, когда армии мира расформированы, боевая техника уничтожена и все зависит от одного незаконченного образца оружия и одного человека…

– Мы можем доверять этому Гримше?

– Абсолютно. – Калвер выдвинул ящик и начал выставлять на стол банки с импортным табаком. Последней он достал закопченную глиняную трубку. – Гримше служил под моим началом. Я без колебаний доверю этому большому хмурому человеку свою жизнь.

– Он военнослужащий? – неодобрительно спросил Киото.

– Мастер-сержант.

– Понятно. – Киото снова начал ходить из угла в угол. Вообще-то, он думал, что войну против Нама будут вести ученые, особенно после того, как военные расписались в полной беспомощности. Ученых он понимал. А вот возложить такую ответственность на сержанта…

Калвер, должно быть, услышал мысли Киото.

– Да не волнуйтесь вы так. Гримше – ответственный, целеустремленный и неподкупный человек. Он действует как бульдозер. Дайте ему задание – и он выполнит его, даже если весь мир ляжет трухой у его ног, а человечество превратится в воспоминание. – Калвер улыбкой извинился за излишнее красноречие.

– Очень поэтично, – сказал Киото. Но солдатам он все равно не доверял.

Полковник встал и с сожалением осмотрел свой мундир.

– Переоденусь-ка я лучше в гражданское, – вздохнул он. – По-видимому, армии больше нет.

– Я принесу чемоданчик, – сказал Киото. Подойдя к двери, он остановился. – Сколько сейчас времени?

– Без трех двенадцать, – отозвался Калвер, развязывая галстук цвета хаки.

Снаружи гул толпы звучал все более угрожающе.

Мастер-сержант Эдвин Гримше знал, что не должен оставаться в толпе. Его ждет полковник. Но что-то удерживало его среди людей.

Он мало общался с гражданскими последние двенадцать лет. Действия толпы завораживали и отталкивали одновременно. На текущий момент очарование победило.

Мимо Гримше протискивался мужчина, сжимая метровый отрезок свинцовой трубы.

– Он не войдет в Капитолий, – рычал он. – Мы разнесем его на куски!

Сержант с любопытством посмотрел на мужчину. Он что, собирается атаковать робота, весящего, должно быть, целую тонну, с отрезком трубы? Эти гражданские настроены по-боевому. Правда, хватает их ненадолго. Такие же толпы собирались по всему миру. Их отвага улетучивалась после первой же неудачи.

Гримше взглянул на часы. Без двух двенадцать. Ультиматум истекает ровно в полдень – крайний срок, чтобы передать им Конституцию и Декларацию независимости, которые находились под охраной в Капитолии. Иначе их заберет робот Нама. Пока же огромный золотистый робот бездействовал на ступенях Капитолия.

Гримше остался стоять на месте, когда толпа устремилась вперед. Тысячи человек растеклись широким полукругом вокруг неподвижного робота. Немногочисленные военнослужащие пытались сдерживать людей, чтобы обеспечить пулеметам и гранатометам зону обстрела. Но разъяренная толпа жаждала мести.

Гримше понимал чувства людей. Он и сам с удовольствием разорвал бы на части кого-нибудь из захватчиков, но ему были чужды скоротечные, легкомысленные страсти толпы. Такие эмоции быстро проходят вслед за первой волной ненависти. Гримше ждал своего часа. И если понадобится, был готов ждать вечность.

Толпа беспокойно ворочалась, словно огромный осьминог. Люди щупальцами вытягивались из толпы, бились о заграждения и втягивались назад. Толпа заходилась в едином крике, наступала и отступала единой волной, сжимала один гигантский кулак.

Двенадцать часов. Робот Нама наклонился вперед и стал подниматься по ступеням Капитолия. Затрещали армейские пулеметы. Пули рикошетили от блестящего корпуса и разлетались

во все стороны, в том числе в людей. Кто-то закричал от боли, но крик потонул в реве толпы.

Неодобрительно хмурясь, Гримше смотрел, как толпа прорывает заграждение и бежит вслед за роботом. В тот момент, когда они настигли его, сработали мины, установленные на ступенях Капитолия. Взрывы проделали в толпе большую красную дыру. Прогалина быстро заполнилась людьми. Робот продолжал двигаться в прежнем темпе.

Солдаты прекратили огонь – толпа окончательно окружила робота. Люди бросались на него, колотили по корпусу разводными ключами, монтировками, прикладами. У одного была ацетиленовая

горелка; он цеплялся за спину робота и пытался проплавить ему плечи. Робот отрешенно двигался вперед, игнорируя действия людей и аккуратно перешагивая через тела.

Но вдруг настроение толпы изменилось. Гнев уступил место мрачным предчувствиям, первобытному страху и, наконец, панике.

– Он преследует меня! – крикнул кто-то, хотя робот двигался прямо ко входу в Капитолий.

– Он наступает!

Толпа развернулась и обратилась в бегство. У Гримше было преимущество в несколько секунд. Расталкивая людей, он зашагал прочь размашистой походкой крупного человека. Робота он не боялся, а вот толпа затопчет любого, кто окажется на пути. Оглянувшись, он поймал последний отблеск золотистого корпуса: робот беспрепятственно входил в Капитолий.

«Гражданские вели себя глупо, как обычно», – констатировал Гримше.

Все, на экскурсию он потратил достаточно времени.

2

Неподалеку от Капитолия по адресу, который продиктовал полковник Калвер, располагалось узкое коричневое здание. Гримше постучал в дверь и, услышав крик Калвера «открыто», вошел и оказался в гостиной.

Вместо военной формы на полковнике Калвере был серый деловой костюм. Но военная

выправка никуда не делась. Костюм был ладно подогнан, а цветок в петлице смотрелся как знак различия. Перед полковником на низком столике стояло с десяток банок импортного табака, рядом лежала глиняная трубка. Калвер смешивал табак в коньячном бокале, принюхиваясь к полученной смеси.

– Вольно, сержант, садись, – сказал Калвер. – Мы больше не в армии.

Гримше промолчал в ответ. Он знал, что они все равно на службе – и не важно, в форме они или нет. Калвер добавил к смеси еще несколько табачных волокон, нежно потряс бокал и начал набивать трубку.

– Что происходит на улице?

– Толпа попыталась остановить робота, – доложил Гримше, присев на край табурета. – Им это не удалось.

– Ничего удивительного. – Калвер раскурил трубку с помощью какого-то сложного приспособления и откинулся в кресле. – Я так и думал. Этих роботов не остановила атомная бомбардировка. Но толпа уверена, что ее праведный гнев прошибет любую броню. – Он сочувственно улыбнулся.

Гримше тоже улыбнулся, прощая полковнику высокопарность речи.

– А теперь перейдем к делу, – сказал Калвер, попыхивая трубкой. – Сразу после приземления кораблей Нама президент провел совещание с начальниками штабов. Они понимали, что любая раса, способная преодолевать межзвездные расстояния, значительно опережает нас в технологическом развитии. Даже наше атомное оружие оказалось неэффективным. Президент представил некоторые положения, касающиеся ведения войны в условиях роспуска правительства и вооруженных сил.

Калвер снова раскурил трубку.

– У нас есть секретное оружие. Оно разрабатывается пять лет и пока не готово. Но что это за оружие! В его основе совершенно новый энергетический принцип – оно аннулирует массу вместо того, чтобы ее разрушать. Президент считает, что оружие и работающие над ним ученые должны быть защищены любой ценой. Улавливаешь, куда я клоню?

– Да, сэр, – ответил Гримше, морща от напряжения лоб.

– Поэтому весь проект ушел в подполье. Поскольку мы не представляем, какие у захватчиков методы разведки, численность подполья поддерживается на минимальном уровне. Меня назначили им руководить.

Гримше одобрительно кивнул. Президент не мог поставить во главе проекта никого из высшего руководства – за ними следили бы. Об ученом не могло быть и речи – ученые непрактичны. А Калвер – чертовски хороший офицер. Даже несмотря на вычурную речь и пристрастие ко всяким изыскам вроде импортного табака, он – лучший офицер из всех, под чьим началом довелось служить Гримше.

– А теперь о твоей роли в этом деле, – продолжил Калвер. – Мне нужен надежный связной, на которого я могу положиться. Подполье разделено на две части. Мы – здесь, в Вашингтоне. А ученые и оружие спрятаны…

Хлопнула дверь. В комнату стремительно вошел невысокий темноволосый мужчина с чемоданчиком в руке.

– У меня здесь почти все, что нужно, – доложил он, переводя дух. – Не удалось найти германий, и отсутствует половина компонентов формулы X524. Но ученые пока могут работать с тем, что есть.

– Гримше, знакомься, – сказал Калвер. – Киото – наш вашингтонский научный руководитель.

Гримше медленно поднялся:

– Японец?

Киото кивнул, неуверенно улыбаясь. Гримше посмотрел на него долгим взглядом, но его жесткие черты не выразили никаких эмоций. Потом он повернулся и отошел к окну.

Улыбка сползла с лица Киото.

– В чем дело, Гримше? – спросил Калвер.

Гримше повернулся:

– Полковник, я могу высказать личное мнение?

– Конечно.

– Я не считаю, что война с Японией окончена. – Лицо Гримше окаменело.

– Договор о капитуляции подписан, – сказал Калвер.

– Клочок бумаги ничего не меняет. Полковник, вы действительно хотите услышать мое мнение?

– Да, конечно. Давайте расставим все точки.

– Хорошо. Я прошел ту войну, и я все помню. Помню погибших на ней парней. Враги не становятся друзьями просто из-за клочка бумаги.

Киото нервно улыбнулся, непроизвольно теребя шевелюру.

– Я лично убежден, что нам не следовало прекращать войну, – сказал Гримше, – до тех пор, пока мы не уничтожим их всех.

– Боюсь, Гримше, политик из тебя никудышный, – вздохнул Калвер. – Войны ведутся не между людьми. Войны – это последствия экономических проблем, поднявшего голову национализма и кучи других факторов.

– Ничего об этом не знаю, сэр. Я просто считаю, что враг остается врагом. Навечно.

– Что ж, раз у сержанта такие взгляды, – сказал Киото, – мне лучше уйти…

– Чепуха! – оборвал его Калвер. – Гримше, вы же знаете, против чего мы восстали; любая помощь для нас на вес золота.

– Знаю, сэр. И я не против, чтобы он с нами работал. Просто я хотел донести до вас, что́ я об этом думаю.

– Это твое право, – кивнул Калвер. – Лучше прояснить все с самого начала. А теперь вернемся к делу. Присаживайтесь оба.

Не глядя друг на друга, Гримше и Киото сели.

– Мы дислоцируемся в Вашингтоне по двум причинам, – начал Калвер. – Во-первых, оружие будет применено именно здесь. Во-вторых, здесь легче найти необходимые материалы. Оружие и его разработчики укрыты в Вирджинии. Ты, Гримше, будешь нашим курьером. Материалы нужно доставить в Вирджинию, а там ученые разберутся, что с ними делать.

Киото выглянул в окно.

– Предлагаю поторопиться, – произнес он извиняющимся тоном. – Нама могут закрыть город.

– Вряд ли, – возразил Калвер. – На этот раз, Гримше, не должно возникнуть никаких трудностей. Побудешь в Вирджинии, пока им не потребуются недостающие компоненты. Тогда вернешься сюда. К тому времени мы соберем все, что нужно.

– Хорошо, сэр.

Калвер достал из нагрудного кармана листок бумаги и передал

Гримше:

– Это пункт назначения. Запомни.

Гримше глянул на листок и вернул Калверу. Тот поднес к нему зажигалку и держал, пока огонь не лизнул пальцы. Остаток бросил на пол.

– В Вирджинии ты должен научиться обращаться с оружием. Мы с Киото относительно немобильны, поэтому за нами легко проследить. Оружие придется применять тебе. Сделаешь это, что бы ни случилось.

– Хорошо, сэр, – сказал Гримше. – Оружие будет применено. – Не глядя на Киото, добавил: – Своих врагов я не забываю.

– Знаю, – ответил Калвер. – А теперь иди.

Гримше отдал честь, поднял чемоданчик и вышел. Как только закрылась дверь, Киото поднялся и посмотрел на Калвера, с трудом скрывая гнев:

– Полковник Калвер, я требую объяснений!

Калвер откинулся в кресле и закрыл глаза, едва заметно улыбаясь.

– Киото, отнеситесь к нему непредвзято. Как и любой человек, он не лишен недостатков. Но разве он не идеальная машина войны?

– Но его позиция…

– Его позиция по отношению лично к вам достойна сожаления. Но в целом она похвальна, ибо, безусловно, способствует выполнению задания. – Калвер открыл глаза и внезапно сел прямо. – Киото, я горжусь своей способностью видеть людей насквозь. Гримше идеально подходит для такой миссии. – Вооружившись спичкой, полковник начал вычищать трубку. – Приходится обращаться с ней крайне осторожно, – проворчал он. – Сувенир из Коннахта. Не хочется возвращаться туда за другой такой…

Киото подошел к окну. Улицы Вашингтона были непривычно пусты. Он попытался собраться с мыслями. Как может Гримше быть подходящим человеком? Разве упрямая, безрассудная ненависть приведет их к свободе? Очень ненаучно… Впрочем, это ведь дело военных, а у них все по-своему. Может, Калвер и прав.

Киото не знал, да и не хотел знать. Больше всего, он хотел оказаться дома и чтобы его оставили в покое.

* * *

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6
КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА Х32-А
ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III
ПРИВЕТСТВУЮ!

Первые два этапа кампании успешно завершены. Мы захватили все символические документы и подготавливаем их к отправке в Музей Отклонений на планету Иллик-II. Уничтожены все механические средства ведения войны, за исключением пока еще не выявленных экземпляров. Все армии Сол-III расформированы решениями правительств, функции которых мы полностью взяли на себя.

Некоторые земляне не оставляют попыток убить нас или вывести из строя наших роботов. Потерь среди Нама пока нет, поэтому прибегать к последнему средству – ликвидации отдельных землян – необходимости не возникало.

Поскольку этот народ – градостроители, мы централизовались. Наша культура прочно овладеет крупными населенными пунктами и после этого выплеснется наружу, в сельские районы. Насколько я могу судить, централизация не создает для нас опасности. Как я уже упоминал, земляне не управляют энергиями мощнее атомной.

Мы развернулись в полную силу, используя «Методы подсознательного обучения диких народов гуманоидного типа», разработанные Моргишом. Земляне замечают только внешние, видимые аспекты нашей кампании: книги, брошюры, радио– и телепередачи и тому подобное. Эти так называемые методы прямого влияния наталкиваются на ожидаемое сопротивление, в результате чего земляне не будут обращать особого внимания на происходящие в них значительные внутренние перемены.

Земляне уверены, что наша идеологическая обработка не достигает цели. Эта вера основывается на их собственном опыте – неуклюжих попытках вколачивания принципов в голову друг другу

на протяжении нескольких тысяч лет. Они не способны понять принцип сообразности, который базируется на том, что истина неопровержима. Их крайний скептицизм играет нам на руку.

Как всегда, интересно наблюдать за проявлениями подсознательного обучения – медленный рост сомнений, ревизия старых идей, чувство неопределенности, приступы задумчивости и так далее.

Скоро мы пройдем точку преломления. Идеи, медленно пускающие ростки, тысячи ростков, – неожиданно расцветут. Земляне даже не поймут, что они изменились. Они просто станут цивилизованными!

Только что я получил информацию, которая меня озадачила. Мой прибор, выявляющий массовые тенденции, обнаружил подозрительный изолированный потенциал в ключевом городе Вашингтон или его окрестностях. Прибор дает вероятность 73 %, что потенциал создается одним лицом, и присваивает ему уровень «плюс двадцать три»!

Значение «плюс двадцать три», конечно же, маловероятно. Даже у меня, Организатора, более низкий коэффициент вероятностного влияния. Прибор я отошлю в ремонт, но, на всякий случай, поручу Грагашу разыскать этого гипотетического индивидуума и по обнаружении индоктринировать.

Ко времени моего следующего сообщения, я надеюсь, планета будет цивилизована.

С пожеланием мира,

Мордеш Кдак,

Организатор

* * *

Гримше без происшествий доставил чемоданчик секретной научной группе в Вирджинию. Но потом он остался не у дел. Немногословным, занятым по уши специалистам центра было не до него. Круглые сутки они работали над оружием, прерываясь только на сон. Гримше пытался им помогать, но только путался под ногами.

Поэтому он уходил в горы: гулял, охотился и ждал, когда его услуги снова потребуются.

Однажды он дошел до ближайшего городка и увидел, что Нама

уже здесь. Зрелище пробудило в нем волну бессильного гнева. Вот он, враг, рядом, а сделать ничего нельзя, только ждать. Горожане, казалось, воспринимали захватчиков вполне спокойно. Насколько Гримше мог разобрать издалека, они выглядели вполне довольными.

Это его не встревожило. Гражданские – слабаки. Предателей везде хватало…

Ученые показали ему на модели, как будет работать готовое оружие. Управление оказалось на удивление простым. И не важно, насколько сложное устройство внутри. Главное, чтобы оно работало.

Примерно через месяц оружие было готово, за исключением германиевых вставок и компонентов формулы X524. Гримше надел неброский костюм, вооружился автоматическим пистолетом 45-го калибра и отправился в Вашингтон.

3

Он добрался до столицы на закате дня и сразу же заметил, что город изменился. Но как именно? В чем это выражалось? Так сразу и не скажешь.

Потом он обратил внимание, что в городе очень тихо. Вашингтон – вечно шумный, бурлящий город. Но только не сейчас. Несколько автомобилей катились по улице медленно, почти нерешительно. Люди собирались небольшими группами на углах и разговаривали вполголоса.

Чтобы не выделяться из общей массы, Гримше замедлил шаг.

«Здесь никто никуда не спешит, – подумал он. – Более того, кажется, что никто не идет никуда конкретно».

И в этот момент он заметил человека позади.

Он не знал, как долго тот следует за ним. Подавив импульсивное желание выхватить пистолет, Гримше продолжил идти размеренным шагом. На ближайшем перекрестке он свернул.

Человек свернул тоже.

Гримше обогнул три квартала, человек следовал за ним как привязанный. Гримше юркнул в какое-то здание и спрятался за большой входной дверью. Человек вошел внутрь, осмотрелся, увидел в задней части вестибюля надпись «Выход» и побежал туда.

Гримше выбежал через парадную дверь и стал плутать переулками, внимательно поглядывая по сторонам. Хвост так и не появился. Слегка запыхавшись, Гримше вошел в здание из коричневого камня.

* * *

Киото спал на диване. Калвер сидел в кресле и читал книгу. Полковник был босиком, в футболке и свободных брюках и выглядел абсолютно по-граждански.

– А я все гадал, когда ты вернешься, – лениво проговорил Калвер, опуская книгу. Киото проснулся и сел на диване, сонно потирая глаза. – Как обстоят дела с оружием?

– Почти все готово, заминка из-за германия и компонентов для X524.

Калвер кивнул.

– Быстро они работают, – сказал он Киото. – Тебе не кажется?

– Действительно очень быстро, – согласился Киото.

Снаружи загремел громкоговоритель: «В галактике множество гуманоидных рас. Не забывай о них, когда думаешь о себе».

– Что это? – спросил Гримше.

– Они все время передают какую-то чепуху, – объяснил Калвер. – О других расах, обособленности и сотрудничестве. У них целая кампания.

– Почему не обрежете провода?

– Нет смысла, они снова починят.

– А теперь, – выкрикнул громкоговоритель, – предлагаем вам музыку планеты Инг! Ее тональная система отличается от земной, это совершенно иная концепция звукового мира. Но послушайте сами – оттого, что она другая, она не стала менее прекрасной.

Заиграла музыка.

– Приятная, правда? – улыбнулся Калвер.

– Мне медведь в детстве на ухо наступил, – сказал Гримше.

Полковник достал трубку и стал набивать ее табаком.

– Значит, оружие почти готово? Удивительно быстро...

– Удивительно, – поддакнул Киото.

Гримше удивленно посмотрел на них. Что-то в них изменилось. Киото – еще ладно. Но что с полковником?

Повисло молчание, которое, казалось, ничуть не беспокоило ни Калвера, ни Киото. Потом полковник спросил:

– Сержант, ты проголодался?

– Думаю, да. Сегодня еще не ел.

– Пойдем. – Полковник встал и проводил Гримше на кухню. – Сейчас найдем что-нибудь, что тебе понравится. – Открыв холодильник, он вытащил блюдо, заполненное коричневатой субстанцией. – Вот, попробуй.

– Что это?

– Не знаю. Его раздавали Нама, оно с планеты Мехвис. Вкуснее всего, что ты ел.

– Спасибо, не надо.

Гримше нашел в холодильнике буханку хлеба, салат-латук, холодный стейк и бутылку пива. Пока сержант ел, Калвер задумчиво мурлыкал.

– Сэр, – наконец сказал Гримше. – Что-то не так?

– Ты о чем?

– Не знаю. Но здесь как-то странно. Японец не откалывал номера?

– Киото? Господи, нет! Что тебе взбрело в голову?

– Вы не такой, как прежде, – заметил Гримше.

Калвер размышлял минуту, попыхивая трубкой.

– Возможно, Гримше, ты и прав. Но эти изменения естественны. Мы же испокон веков считали себя единственным разумом во Вселенной. И вдруг встречаем инопланетян. Узнаем о сотнях тысяч обитаемых планет… Это заставляет задуматься…

– Только не меня, – сказал Гримше.

– …и пробуждает интерес к различным вещам. Таким как судьба, мир, война, смысл жизни. И многим другим.

Они вернулись в гостиную. Музыка закончилась, и громкоговоритель объявил:

– Помните: для лучшего понимания учения Нама нужно прочитать учебник номер двадцать три «Эмпирические методы постижения истины».

– Вы достали компоненты для формулы икс пятьсот двадцать четыре? – спросил Гримше. Калвер и Киото выглядели так, как будто вопрос застал их врасплох. Потом Киото подошел к стенному шкафу

и вытащил небольшую сумку.

– Здесь все, – сказал он.

– Сэр, готов план атаки? – спросил Гримше у Калвера, принимая сумку.

– Да, конечно, – кивнул Калвер и вдруг зачастил: – Доставишь компоненты в Вирджинию. Когда оружие будет готово, доставишь его сюда. Оно переносимое? Отлично. Ты уже его освоил? Хорошо. Нама концентрируются в одном-единственном здании. Смешно, правда? И новые прибывают каждый день. Идеальная мишень! Мы пойдем туда, прицелимся и – бабах!

Полковник замолчал и почему-то покраснел. Он выглядел сконфуженным.

– О чем я говорил? Ах да, конечно... У тебя приказ, сержант. Между прочим, знаешь, у Нама есть лекарство, которое вылечивает шизофрению за час.

– И процедура что надо, – пробормотал Киото. – А их подход к экономической стабильности...

– Только свободное предпринимательство, – воскликнул Калвер. – При этом они нашли решение циклических кризисов. Гримше, ты должен прочитать их книги. Очень познавательно! Даже выдворив их, мы надолго останемся перед ними в долгу.

Гримше глянул на книгу, которую читал Калвер. Она называлась «Эмпирические методы постижения истины». Он листнул ее наугад и прочел: «Долгое время считали, что истина расплывчата, относительна, имеет спектр оттенков от черного (ложь) до белого (истина). Умозрительность такой точки зрения легко доказуема, стоит лишь рассмотреть...»

Гримше захлопнул книгу.

– Прощайте, – сказал он и вышел.

Проводив сержанта взглядом, Калвер повернулся к ученому:

– Тебе не кажется, что он вел себя как-то странно?

– Теперь, когда ты сказал об этом, – да, кажется. Но в чем именно странность – я не знаю.

– Я тоже.

Некоторое время они сидели молча. Потом Киото сказал:

– Я понял. Уходя, он не назвал тебя «сэр».

– И верно, – задумчиво согласился Калвер. – Не назвал.

Он снова взялся за книгу. Громкоговоритель зарядил делианскую барабанную музыку.

Смеркалось. Гримше на мгновение замер, оглядывая тихую, пустынную улицу. Потом крепче сжал ручки сумки и зашагал вперед.

Что-то было не так, он это чувствовал. Неужели полковник Калвер сдался? Невозможно. Он знает полковника много лет. Нет офицера лучше. А хороший офицер не может взять и вот так измениться. Или может?

Гримше пытался разобраться в своих сомнениях. Нет ничего страшного в том, что Калвер изучает дары Нама. Может, некоторые из них действительно представляют собой что-то ценное. Но факт остается фактом: Нама – оккупанты, враги. А с врагами не дружат, их уничтожают. Всех до последнего.

С полковником будет все нормально, решил Гримше, как только он избавится от японца.

Переходя через улицу, он заметил следующего за ним человека. Гримше нащупал в кармане пистолет, снял с предохранителя и взвел курок. Место было подходящее, не хуже и не лучше любого другого.

* * *

Грагаш улыбнулся про себя, увидев, что землянин остановился и повернулся к нему лицом. Превосходно. Значит, землянин расположен к разговору. Грагаш приблизился нарочито медленно, стараясь не испугать человека.

Землянин был рослый, настороженный и хмурый. Стоял идеально ровно и неподвижно, но было в его позе что-то неестественное. Как будто человек смотрел на себя со стороны и приговаривал: «Вот так я должен стоять».

Грагаш остановился в трех метрах. Он чувствовал, что землянин его не боится. С этим человеком придется обращаться вежливо и очень осторожно.

– Прошу прощения, могу я с вами поговорить? – спросил Грагаш.

– Конечно.

Грагаш не смог выявить у человека непроизвольного напряжения мышц. Он действительно расслаблен? Или у него

самоконтроль, как у сверхчеловека?

– Я – Нама, – прямо сказал Грагаш.

Землянин кивнул.

– Кажется, у вас навязчивое, почти маниакальное предубеждение против нас, – продолжил Грагаш. – Я хотел бы изложить несколько фактов. – Он замялся. Каменное лицо землянина оставалось непроницаемо.

Темнело. Грагаш подумал было включить защитный экран, но потом решил – не стоит. Пусть человек видит, что Нама – друг. К тому же он всегда успеет включить экран, как только заметит напряжение мышц, предупреждающее об атаке.

– Вы несчастливы, – сказал Грагаш. – Я предлагаю вам функциональное объяснение вашего состояния…

Грагаш не заметил, как его настиг удар. Он отшатнулся, пытаясь включить защитный экран и осознавая, насколько сильно он недооценил человека. Мысленный контроль землянина был поразителен и нетипичен. Действие было спланировано, но скрыто. Шизофренические личности способны…

Землянин выставил вперед руку, в ней блеснул металл.

– Стой! – крикнул Грагаш.

Удар сбил его с ног, и мысли оборвались.

* * *

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6
КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА Х32-А
ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III
ПРИВЕТСТВУЮ!

Великий день настал! Точка преломления достигнута и успешно пройдена! Еще одна планета вливается в дружную семью цивилизаций!

Но не каждый конкретный человек. Мы не сумели добраться до всех изолированных групп. Но крупные населенные центры –

главная часть планеты – цивилизованы. Культура будет распространяться дальше, как круги по воде, и этот процесс не остановить. Здравомыслие на этой планете восторжествовало.

Можете представить себе потрясение землян, когда точка преломления была пройдена? Незабываемое ощущение. Чем-то сродни процессу превращения куколки в бабочку или самому процессу рождения. Вначале земляне были подозрительны. Паника первых часов сменилась ненавистью. Потом пошел медленный процесс осознания. И наконец – понимание!

Поскольку земляне научились рассуждать здраво, мы предоставили им остаток информации.

1. О том, что мы, Нама, вмешались не ради корыстных интересов, а только потому, что Земля оказалась на грани самоуничтожения.

2. О том, что Земля имеет право присоединиться (или не присоединиться, хотя последнее и нетипично) к Конфедерации свободных планет, чтобы разделить с ними процветание, участвовать в торговле, делиться инновациями.

3. О том, что экспедиция Нама покинет планету в полном составе, как только мы соберем оборудование. Нашего внимания требует другая планета, где идет ядерная война.

Земляне без проблем сформируют новые правительства или, как я думаю, единое правительство, поскольку теперь ничто не помешает исполнению их заветной мечты о едином государстве. Мы, как обычно, оставляем им прототипы космических кораблей и многое другое, что, возможно, они найдут для себя полезным.

В отдельном отчете я обрисовал реакции землян. Подытоживая, могу сказать: изначально они воспринимали нас как карательную экспедицию. Узнав же о наших истинных целях, они были потрясены. Альтруизм они считали труднодостижимым идеалом, а не повседневной реальностью. Также, в процессе индоктринации, многие полагали, что их «гипнотизируют» или им «промывают мозги». Как же далеки они были от истины! Уловки использовались лишь для того, чтобы позволить им в полной мере оценить истину, которую мы им принесли.

Однако победа омрачена трагедией. Грагаш убит человеком, которого должен был просветить. Землянин снова исчез из нашего поля зрения. Его коэффициент влияния вырос до плюс двадцати

пяти. Следовательно, он должен обладать оружием, использующим трансатомную мощь.

Вынужден признаться, я сильно нервничаю. Грагаш был единственным компетентным следопытом. Влиять на общие тенденции населения нетрудно. А вот выбрать одного человека из миллионов – почти невозможно. Правда, у нас есть козырь – обобщенный образ этого человека, собранный из его личностных качеств, выраженных через его поступки. Я передал его образ боевым роботам. Если они найдут его, то потребуют от него немедленной сдачи. В случае неповиновения у них есть приказ стрелять на поражение.

Такой шаг, очевидно, говорит о моей несостоятельности, но я должен защитить экспедицию.

Никак не могу понять, зачем он это делает? Он уже должен знать о наших намерениях. Почему он упорствует?

В настоящее время мы стягиваем наши силы в Вашингтон и готовимся к убытию.

С пожеланием мира,

Мордеш Кдак,

Организатор

4

Гримше пришлось прождать еще неделю, пока техники завершили сборку и проверили работоспособность оружия. Напоследок они встроили оружие в небольшой чемоданчик, разместив органы управления наверху рядом с ручкой. Как только все было готово, Гримше уехал.

Помня о почти пустых улицах Вашингтона, он оставил машину в пригороде и пошел пешком.

– Хороший денек, приятель, – окликнул его кто-то.

– Хороший, – вежливо ответил Гримше, держа палец возле спусковой кнопки.

– Вот. – Человек подошел и протянул пачку банкнот. – На, возьми.

Несколько мгновений Гримше колебался, потом взял деньги.

– Почему отдаешь?

– По двум причинам. Во-первых, у меня их полным-полно. Перекомпенсация. Во-вторых, у тебя такой вид, словно ты что-то потерял. Не знаю, так ли это, но надеюсь, что деньги сделают тебя счастливее.

И человек, насвистывая, зашагал прочь. Гримше посмотрел на банкноты и сунул в карман.

«Странный тип, – решил он. – Явно не в порядке».

Однако странно выглядел весь город. Гримше попытался разобраться, в чем дело. Те же самые здания, те же улицы, те же магазины. А вот люди – другие!

Почему другие? И вдруг Гримше понял: они были счастливы, все до единого. Он никогда не видел столько счастливых лиц. Гримше почувствовал отвращение.

На углу собралась группа мужчин. Один из них говорил:

– ...Мне казалось, будто я вывернут наизнанку. Парни, я и вправду увидел себя. Скажу, впечатление не из лучших.

– Увы, мы не совершенны, – посетовал другой.

– Да и слава богу! – воскликнул первый. – Совершенство – недостижимый идеал. Главное, что мы уже не толпа невеж и не ставим друг другу подножки.

Гримше прошел мимо. Похоже, он единственный здравомыслящий человек во всем городе.

«Гражданские, – презрительно думал он, – готовы лизать оккупантам руки».

Пешая прогулка быстро ему разонравилась. Он понял, что у него у одного серьезное, сосредоточенное лицо. Но с этим он ничего не мог поделать.

Гримше остановил такси. Водитель оглянулся на пассажира и медленно покачал головой:

– Приятель, вылезай.

– Почему?

– С тобой что-то не так. Не знаю, что именно, но пять минут в твоем обществе – и плохое настроение обеспечено на весь день.

– Ты не можешь высадить меня просто так, – разозлился Гримше. – Я сообщу в компанию.

– Сообщай. Ну, уволят меня, ну, займусь чем-нибудь поинтереснее. Вот только босс вряд ли станет с тобой разговаривать.

Гримше едва сдержался, чтобы не врезать таксисту по физиономии. Но стоит ли рисковать из-за пустяка? Черт с ним, решил сержант и вылез из машины.

Путь до коричневого дома превратился в кошмар. Гримше с трудом узнавал людей. Это были не земляне. Они были ненормальные. Он ускорил шаг и крепче сжал ручку чемодана. Дважды он замечал вышагивающих по улице огромных роботов Нама и оба раза предпочел обойти их стороной.

Полковник Калвер и Киото потягивали пивко на кухне.

– Проходи, дружище, – обрадовался Киото, увидев вошедшего Гримше. – Присоединяйся!

Пропустив его слова мимо ушей, Гримше посмотрел на Калвера. Полковник указал на стул.

– Оружие готово, – доложил Гримше. – Можно начинать.

– Садись, – сказал Калвер. – Планы изменились.

Гримше сел, зажав чемодан между ног. Сунув руку в карман, сжал рукоять пистолета.

– Это трудно объяснить, если ты не чувствуешь этого сам... – начал Калвер.

– Я слушаю.

– Мы ошибались в отношении Нама, – вклинился Киото, желая помочь полковнику. – Они пришли с единственной целью – помочь нам. Понимаешь, сержант?

– Продолжайте.

– Ты не слушаешь, – сказал Калвер.

– Внимательно слушаю.

– Хорошо. Взгляни на происходящее иначе. – Калвер вынул трубку изо рта и положил на стол. – Мы на Земле сражались, разрушали, убивали, обманывали, лгали с незапамятных времен. Не потому, что мы так хотели! Это наша извечная трагедия. Среди нас мало исчадий ада. Мы стремимся делать добро. Мы ищем смысл жизни, а находим одни миражи.

– Но теперь с этим покончено, – продолжил Киото. – Смысл жизни прост и доступен. Стоит только понять его, и в голове – полная ясность.

– Верно. Вы, все святые, – сказал Гримше. – Я вижу нимбы.

– Нет! – сорвался на крик Калвер. – Мы – люди со всеми

присущими людям недостатками. Но теперь мы просвещены и можем работать над этими недостатками. Нам помогает объединенная галактика. Придет время, и она получит помощь от нас.

– И?

– Разумеется, атака отменяется. Сейчас я уничтожу оружие. – Калвер протянул руку к чемодану, но Гримше достал пистолет.

– Атака не отменяется, – сказал он.

– Ты не понимаешь… – начал Киото, но, взглянув в лицо Гримше, отодвинулся к дальнему краю стола.

– Все я понимаю, – сказал Гримше. – Они явились без приглашения. Они ликвидировали армии. Это вторжение. Но война не закончена. По крайней мере, не для меня. До тех пор, пока у меня есть чем ответить.

– Гримше-Гримше, – грустно протянул полковник. – Ты ненормальный. Почему ты не понимаешь, что я тебе говорю? Не было никакой войны! То, что ты замышляешь, – убийство.

– Я не забываю своих врагов. – Гримше встал, не выпуская чемодана из рук.

Калвер помолчал, потом сказал:

– Это моя вина, Гримше. Я сам тебя выбрал и подошел к выбору слишком ответственно. Ты мой персональный монстр, мой Голлем. Я чувствую себя Франкенштейном. И вот ты обратился против своего создателя. – Он шагнул вперед. – Отдай чемодан. Это приказ.

Гримше выстрелил ему в грудь. Сила выстрела отбросила полковника назад, он налетел на кухонный стол. Трубка скатилась на пол и разбилась. Калвер упал на колени и слепо нащупывал осколки. Гримше выстрелил еще раз.

– Теперь твоя очередь, – сказал Гримше забившемуся в угол Киото и выстрелил ему в голову. – Вот мы и в расчете.

Сунув пистолет в карман, он поспешил к двери. Его охватило приятное возбуждение: ставки сделаны, время действовать наконец пришло. Он один отомстит за всю Землю.

На улице его поджидали два робота Нама. Возле них собралась небольшая толпа.

– Сдайся им добровольно, – посоветовал кто-то.

– Ты отвратителен.

– Ненормальный.

Роботы двинулись с места. Гримше нацелил чемодан, быстро выставил дальность и нажал на кнопку. Роботы, толпа и дома́ по соседству исчезли.

Гримше припустил рысью к зданию, в котором окопались Нама. Он надеялся, что по дороге его не подстрелят. Это было бы нечестно. Все вокруг предатели – возможно, все на Земле. Он – последний верный солдат. Но кому есть дело до верности, когда Нама приносят дары? Нама высадились на Землю без приглашения. Достаточная причина, чтобы их уничтожить.

Рано или поздно они доберутся до него, даже несмотря на его чудо-оружие. Но он доберется до них первым.

Он ополовинил толпу предателей, блокировавших проход к зданию Нама.

* * *

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6
КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА X32-A
ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III
ПРИВЕТСТВУЮ!

Это мое последние сообщение с Сол-III, поскольку мы уже приготовились покинуть планету. Моя команда собралась в Вашингтоне и ожидает кораблей. Это была трудная миссия, но она принесла удовлетворение.

Когда мы приземлились на планету воющих дикарей, я испытывал внутренний трепет. Теперь я оставляю после себя мир и взаимопонимание. Планета готова занять свое место в объединенной галактике. Вероятно, вскоре они соберут экспедицию, подобную нашей, и помогут нам сеять разумное, доброе, вечное.

Только что поступил доклад. В городе замечен тот самый землянин. Он уничтожил много людей и двух роботов Нама. Согласно докладу, он движется в нашу сторону. Я отдал приказ о его

уничтожении. Слишком много жизней потеряно по его вине.

Забавно, но у землянина тот самый архетип, который всегда тормозил прогресс своего народа. Он убежденный и неподкупный. Более умные люди нашли бы его полезным – к их собственному несчастью, потому что умные люди могут менять точку зрения, а этот человек упрям и целеустремлен. И верх безумия – так закрывать свой разум, чтобы ничего не проникло в него извне.

Прошло несколько минут. Землянин еще жив. Мы не привыкли убивать, наш разум сжимается от такой необходимости. А этот человек – хитрый дикарь. Возможно, мы чересчур цивилизованы.

Ара, эта планета слишком долго купалась в крови… возможно, нужно ее очистить… Ох, какая нелепая мысль! Пожалуйста, вычеркни ее из моего доклада.

Еще одно донесение. Землянин замечен вблизи нашего штаба. Обязательно передай совету, чтобы не судили о планете по одному человеку. Земля прошла подготовку, она цивилизована. Только непредвиденные факторы могли привести к подобному инциденту…

Они приближаются к нему. Стреляют! Но, боюсь, слишком поздно. Даже умирая, он нацеливает оружие…

Возвращение солдата

Серебристо-голубой междугородний автобус въехал в пригород и сбавил скорость.

– Сэр, я могу остановиться, где вам удобно, – предложил водитель.

– Спасибо, здесь вполне подойдет, – сказал Гиббс.

Водитель тормозил большую машину осторожно, будто вез взрывчатку, а не людей. Его поступок не ускользнул от внимания пассажиров. Они расценили его как дань уважения знаменитому мистеру Гиббсу.

– Он что, здесь выходит?

– Тсс! Он может услышать!

– Но почему тут?

– Он до войны здесь жил.

– А почему он едет автобусом?

Автобус мягко остановился в четырех кварталах от центра города. Гиббс поднялся с места и снял с багажной полки потертый кожаный чемодан. Пассажиры заметили, какой Гиббс высокий, сутулый и тощий и выглядит как обычный усталый человек. Теперь они будут рассказывать о нем друзьям.

Женщины обратили внимание на его очки в нелепой стальной оправе и мятый костюм, который стоил, наверное, всего несколько долларов.

В полном молчании все следили за тем, как он отдает корешок билета водителю.

– Приятно было вас подвезти. – Водитель потянул за рычаг, открывающий дверь. – Э... мистер Гиббс, можно у вас спросить, сэр?

Гиббс неопределенно улыбнулся, делая вид, что не расслышал вопроса, и начал спускаться по лесенке.

– Не могли бы вы сказать, сэр, почему вы ехали автобусом, вместо того чтобы переместиться как-то иначе?

Гиббс покачал головой и ступил на асфальт.

– Мистер Гиббс, можно попросить у вас автограф? Мой сынишка...

Гиббс торопливо зашагал прочь от автобуса.

– Урод! – крикнул водитель. Автобус зарычал, трогаясь с места.

Гиббс вытер пот со лба и обнаружил, что у него дрожат руки. Он медленно пошел в сторону центра.

Мимо проезжал старый грузовой пикап. На помятом боку красовалась надпись: «Автомастерская Томми». Водитель притормозил, внимательно осмотрел Гиббса и вжал педаль газа. Древний двигатель яростно застучал клапанами, и грузовичок начал набирать скорость. Водитель еще раз оглянулся и сгорбился за рулем.

«Добро пожаловать домой», – подумал Гиббс.

Взвизгнув тормозами, грузовичок остановился перед баром Джо. Томми Затычка выбрался из машины, стрельнул взглядом вдоль улицы и шмыгнул в бар.

– Эй, угадайте, кого я только что видел?! – крикнул он.

Заведение Джо напоминало пещеру. Свет, проникая сквозь грязные окна с вечно опущенными шторами, становился холодным и нереальным, как будто снаружи не было света вообще. Независимо от времени суток, в баре Джо всегда царил полумрак – полночь самой длинной ночи в году.

Три посетителя бара тоже выглядели как полуночники. Локти на стойке, ноги замысловато обвиты вокруг длинной латунной подножки, спины ссутулены – они как будто родились в этих позах. Со стороны могло показаться, что это не живые люди, а декорации, плоские рекламные фигуры, которые Джо купил, чтобы оживить интерьер.

– А ну, угадайте, кто вернулся в город? – повторил Тони Затычка.

Бармен опустил газету:

– Затычка, нечего так орать.

– Дай-ка мне пива, – попросил Затычка, – и угадай, кого я сейчас видел.

– Авраама Линкольна? – спросил Джим Метис.

– Александра Македонского? – предположил Стэн Дилижанс.

– Юлия Цезаря? – внес лепту Шустрила Эдди.

– Вот твое пиво, – сказал бармен Джо.

Затычка сделал жадный глоток и вытер рот.

– В город вернулся Фрэнк Гиббс.

– Что?

– Шутишь?

– Гиббс не вернется сюда никогда!

– Но он здесь, – сказал Затычка.

– Где?

– Идет по Мэйн-стрит.

– Идет?

Трое товарищей распутали ноги с подножек, бросились к двери и выглянули на улицу. Потом медленно возвратились к стойке.

– Еще пива.

– Сделай два.

– Лучше ущипни меня. Подумать только, Фрэнк Гиббс!

Из туалета вышел Вилли День:

– Ты сказал, Фрэнк здесь?

– Я проехал мимо него, – сказал Затычка.

– Что ж не предложил подвезти?

Затычка почесал затылок:

– Как-то не сообразил. Нельзя ж вот так взять и подвезти Фрэнка Гиббса. Мне что – нужно было остановиться и крикнуть: «Запрыгивай, Фрэнк», будто он один из нас? Он не шел бы пешком, если бы не хотел.

– Ты испугался, – сказал бармен, щурясь на посетителей.

– И вовсе нет!

– Ясно дело, испугался… такой большой, сильный мальчик!

– Ну тебя-то я не боюсь, – буркнул Затычка, скрещивая на груди мускулистые, в пятнах татуировок руки. – Большая дряблая фрикаделька.

– Не обижайся. – Бармен оглядел всю компанию. – Значит, наша местная знаменитость вернулась.

– Думаешь, покажет нам свои медали? – спросил Метис Джим.

– Фрэнк никогда не хвастался, – заметил Вилли День. Он напоминал бойцового петуха: седые волосы топорщатся, глаза красные.

– Ага, как же, – фыркнул Метис. – Он и его волшебные мозги.

– Нельзя винить человека за то, что он умный, – возразил День.

– Думаю, мы бы выиграли войну и без него.

– Откуда такая уверенность? Или просто что-то имеешь против него?

– Не люблю уродов, – проворчал Метис. – Будь на то моя воля, выгнал бы его из города пинком под зад.

– Что ж не попробуешь? – спросил День. – Ты же вдвое больше его, Джим. Иди и рискни.

– С таким справишься, как же. В честном бою я бы надрал ему задницу. А могу накостылять тебе в любое удобное время.

– Скажи, Томми, – вмешался бармен. – Во что Гиббс был одет?

– В костюм, – наморщив лоб, ответил Затычка.

– Была у него шляпа на голове?

– Не думаю. А что?

– Да я тут подумал, что он может носить космошлем Бака Роджерса, – предположил Джо.

Все покатились со смеху, не считая Вилли.

– Не нравится мне это, – сказал Стэн Дилижанс. – Всякий раз, когда Гиббс здесь, у кого-нибудь неприятности. Надо вежливо попросить его, пусть покинет город. Можно собрать делегацию...

– Ты забыл кое-что, – с хитрой улыбкой прервал его Шустрила Эдди.

– Что именно?

– Фрэнк Гиббс может сделать нас богатыми. Вы же знаете? Или нет? – Он выждал, пока все кивнут. – Томми, сгоняй за «Нью-Йорк таймс». Покажу вам, что я имею в виду.

Гиббс увидел, что город почти не изменился. В баре Джо все тот же полумрак, окна по-прежнему зашторены. На стене скобяного магазина Эдди старый след от пулеметной очереди – еще с тех времен, когда русский самолет, отклонившись на несколько километров от цели, поливал все вокруг огнем, пока его не сбил Матадор. Над обувным магазином Стэна Дилижанса новая вывеска, и кто-то открыл химчистку. Но гостиница миссис Ганц никуда не делась, и в табачной лавке миссис Тэйлор все так же висели плакаты с расписанием матчей футбольных команд колледжей.

Он зашел в табачную лавку. Миссис Тэйлор сидела за прилавком и читала детективный журнал. Прищурившись сквозь бифокальные очки, она воскликнула:

– Боже мой! Фрэнк Гиббс!

– Да, мэм. Можно мне две пачки «Лаки Страйк»?

Миссис Тэйлор продолжала рассматривать его:

– Ты вернулся насовсем, Фрэнк?

– Да, мэм. Думаю, я останусь.

– Ох, Фрэнк, мы так гордились тобой, большинство из нас. Мы читали все, что о тебе писали газеты. Подумать только, парень из нашего городка стал знаменитостью!

– Ну теперь все в прошлом, – сказал Гиббс. – Я не хочу говорить об этом.

– И я не виню тебя. Должно быть, тебе пришлось несладко. Но я всегда говорила, что ты необычный ребенок. Помнишь, я заступалась за тебя после смерти твоих родителей?

Гиббс едва улыбнулся:

– Да, конечно, миссис Тэйлор. Как дела у Дэнни?

– Дэнни погиб. В том большом сражении за Порт-Артур. Он ведь был рядовым солдатом.

– Мне очень жаль.

– Он погиб в настоящем сражении с настоящим оружием в руках. Генералы не старались защищать Дэнни.

– Можно мне сигареты?

Миссис Тэйлор вынула две пачки и рассеянно держала в руках.

– Ну, я думаю, каждый сделал все что мог. Я всегда заступалась за тебя, Фрэнк, ты должен помнить. Я не позволяла никому называть тебя уродом в моем присутствии. И не арестовали тебя в тот раз потому, что я встала за тебя горой. Ну и задал же ты тогда им перцу...

– Миссис Тэйлор, я очень устал. Можем мы поговорить в следующий раз, а сейчас...

– Фрэнк, – перебила его миссис Тэйлор, – как бы мне не хотелось просить тебя об этом в первый же день после твоего возвращения, но...

Гиббс протянул руку за сигаретами. Миссис Тэйлор неохотно отдала ему пачки и взяла пятьдесят центов.

– Пожалуйста, послушай меня, Фрэнк. Я прошу только потому, что вы с Дэнни были друзьями и я всегда заступалась за тебя. Они снова подняли налоги на мой крошечный участок за городом, и все это по вине Джо Уолша. Поговори с ним, Фрэнк, ты даже не должен угрожать, просто одно веское слово...

Гиббс поспешно вышел из лавки. Миссис Тэйлор сделала несколько шагов вслед за ним.

– Ну, может быть, потом, когда отдохнешь, – быстро добавила она. – Я знаю, ты не забудешь старых друзей. Фрэнк, а почему ты не носишь форму? На газетных фото ты такой красивый.

– Форма только для вида, – с горечью сказал Гиббс. – Я был не настоящий солдат.

Он перешел улицу к гостинице миссис Ганц.

В полутемном, похожем на пещеру уголке заведения Джо три завсегдатая и бармен столпились вокруг развернутого на стойке бара старого номера «Нью-Йорк таймс». Их внимание привлекал финансовый раздел.

– Ты и вправду считаешь, что он сможет? – спросил Дилижанс.

– Конечно сможет, – сказал Шустрила Эдди.

– Но захочет ли?

– А почему нет? – удивился Шустрила. – Мы его друзья или нет? Угостим его парой стаканчиков, вспомним школьные годы, потом подсунем список акций. Он посмотрит, так? Гиббс всегда по циферкам сходил с ума. А мы его друзья, правильно?

– Близкие друзья, – уточнил Вилли.

– А потом спросим у него, какие акции пойдут вверх. Все очень просто. Ему нужно будет сказать только пару слов: «Миннесота никель» или «Дакота ураний»?

– Или просто ткнуть пальцем, – добавил бармен. – Может вообще не говорить, если не хочет.

– Ничего он не будет делать, – упрямо сказал Вилли День.

– Всего-то пара минут его драгоценного времени, – сказал Шустрила. – Как, черт возьми, он посмеет сказать «нет»?

Джим Метис покачал головой:

– А вы точно уверены, что он разберется? Даже электрические мозги в Вашингтоне и Гарварде такое не могут.

– Они тоже могут, – заверил Томми Затычка.

– Если могут, тогда почему профессора не разбогатели? – спросил Метис. – Давай-ка объясни!

– Слушай, – вмешался бармен. – Фрэнк запросто передумает эти машины. Он уже делал это в начале войны, когда другие его способности еще не были раскрыты.

– Фрэнк не станет этого делать, – повторил Вилли День. – Сколько людей просили его о помощи, не меньше миллиона. Всем

известно о его способностях.

– Но здесь-то его родной город, – возразил Шустрила. – А это все меняет. Он собрался здесь жить. Он желает, чтобы мы пели ему дифирамбы, вспоминая о его заслугах. Вот что он хочет. Вот почему вернулся.

День несогласно покачал головой:

– Фрэнку некуда больше идти. В этой стране он знаменитость номер один. Его не оставят в покое. Думаю, он хочет найти тишину и покой.

– В таком случае, его великий мозг просчитался, – сказал Метис.

– Пойдем отыщем его. – Шустрила сложил «Таймс». – Попытка не пытка.

– Возьмем с собой квинту виски, – предложил Стэн Дилижанс. – Он сделает глоток-другой – глядишь, и подобреет.

– Отличная мысль.

– Квинту самого лучшего, Джо.

– Кто платит?

– Это твой взнос. Мы ведь все в деле?

– Думаю, да, – согласился бармен и сунул бутылку в бумажный пакет. – Идешь, Вилли?

– Нет.

– Почему?

– Потому что вы, парни, явно спятили. Вот так просто подвалите к Фрэнку? Ой будет беда. Кому-то будет больно.

– Ты просто трусло, Вилли, – сказал Затычка.

Мария Ганц увидела Гиббса, когда тот поднимался по улице, и успела переодеться в свежевыглаженное ситцевое платье, причесаться и подкрасить губы.

Она распахнула перед ним входную дверь.

– Добро пожаловать, Фрэнк!

– Привет, Мария. Как дела?

– Прекрасно. Думаю, немного подросла с тех пор, как ты уехал.

– Да, подросла. Тогда ты была совсем еще девочка…

– А сейчас?

– Сейчас красавица. – Гиббс нервно кашлянул. – Твоя мать здесь?

– Она в больнице. Опять боли в животе.

– Мне очень жаль.

– Она держала твою комнату всю войну, как ты и просил. А я вытирала там пыль каждый день. В ней все осталось по-прежнему.

– Отлично, – сказал Гиббс. – Пожалуй, я поднимусь наверх…

Но он остался на месте. Мария наполовину загородила дверной проем, так что ему пришлось бы протискиваться мимо нее, чтобы войти внутрь.

– Простыни чистые, свежие, – сказала она. – И я убедилась, все на своих местах.

– Спасибо.

– Я знаю, как ты относишься к своим вещам. Я никому не разрешала их трогать.

– Хорошо, спасибо.

– Ты выглядишь усталым, Фрэнк. Ты должен немного развлечься. Сходить на танцы, и вообще.

– Хотела бы потанцевать со мной?

– Конечно хотела бы, Фрэнк.

– И тебе не будет… неуютно рядом со мной?

– Конечно нет, что за глупость!

Наступила неловкая пауза. Потом Мария спросила:

– Чем планируешь заняться, Фрэнки?

– Ничем особенным, – сказал Гиббс. – Хочу немного порисовать…

– Порисовать? Ты?

– Да, я. А что?

– Но, Фрэнк, ты же можешь зарабатывать миллионы!

– Я просто хочу немного порисовать.

– Ну да, можешь себе позволить, – согласилась Мария. – Наверняка же на войне хорошо платили. Могу поспорить, ты получал больше, чем генералы. И это справедливо – с учетом того, что ты сделал.

Гиббс неопределенно улыбнулся, протиснулся мимо нее в дверь и начал подниматься по лестнице.

– Фрэнк…

– Что, Мария?

– Не хочу докучать прямо сейчас, да и вообще не люблю просить…

– Может быть, позже? – Гиббс стал подниматься быстрее.

– Фрэнк, это насчет моей матери. Не думаю, что в больнице ее

вылечат. И лечение очень дорогое! Невероятно дорогое.

– Доктора знают, что делают.

– Ты не вылечишь ее, Фрэнк?

Гиббс повернулся на лестнице:

– Я не могу.

– Знаю, можешь. Ты вылечил у матери опухоль тот раз. Она не должна была никому рассказывать, но я ее дочь...

– Я завязал! Все это в прошлом. Теперь я обычный человек и собираюсь стать художником.

– Фрэнк, ну пожалуйста, – взмолилась Мария, – тебе же достаточно щелкнуть пальцами.

– Как ты не понимаешь? Я не могу быть третейским судьей. Не могу выбирать. Если я дам одному, то должен дать всем. А я не могу дать всем. Когда-то я выполнял все, о чем меня просили. Но я устал быть не таким, как все. Теперь я принадлежу самому себе и просто хочу жить как остальные!

– Так ты не поможешь? Всего-то щелкнуть пальцами.

– Я не могу!

– Не думала, что это тебя так смутит. Особенно после того, что ты сделал.

Гиббс побледнел и впился в Марию глазами.

– Конечно, ты можешь убивать, убивать, убивать, если тебя попросит важная шишка. Но ты не вылечишь обычную болезнь. Не буду я встречаться с таким уродом! – Мария сорвалась на крик.

Гиббс медленно спустился по лестнице и подошел к двери.

– О, Фрэнк, прости меня. Я не хотела это говорить. Само сорвалось с языка.

Гиббс открыл дверь.

– Ты же вернешься? На самом деле я не считаю тебя уродом, Фрэнки...

Гиббс вышел и закрыл за собой дверь.

Он сидел на скамейке в небольшом городском парке. Подошли два пацана и уставились на него.

– Эй, вы же Гиббс?

– Точно, это он. Эй, мистер Гиббс, как вам было в космосе?

– Одиноко, – ответил Гиббс.

– Там тепло или холодно?

– Ни то ни другое.

– И сколько вы там летали?

– Недолго. Это была разведка.

– А как вы дышали?

Гиббс промолчал.

– Земляк! А как было на Марсе?

– Одиноко.

– Эй, а покажите какой-нибудь трюк.

– Да! Что-нибудь из вашего репертуара. Ну же!

Гиббс потер глаза.

– Пожалуйста, мистер! Ну хоть что-нибудь!

Выпивохи из бара Джо подошли плотной группой, щурясь от солнечного света.

– Шкеты, проваливайте! – рявкнул Шустрила. – Катитесь подальше! О, кого я вижу! Фрэнки…

– Привет, Эдди, – сказал Гиббс.

– Ты не забыл нас?

– Конечно нет, – сказал Гиббс. – Привет, Джо… Джим… Стэн… Не уверен, что знаю этого господина…

– Я Томми Затычка. Учился на два класса младше. Но я помню вас, мистер Гиббс.

– Это ж сколько прошло времени, – покачал головой Метис. – Не забыл те деньки, Фрэнк?

– Я все помню.

– Тогда мы были неразлейвода, – сказал Джо.

Гиббс улыбнулся.

– Конечно, мы подтрунивали над тобой, Фрэнк, потому что ты был не такой, как все, – сказал Дилижанс. – Но на самом деле мы любили тебя.

– Это факт, – подтвердил Шустрила. – Нет друзей лучше, чем друзья детства. Да, Фрэнки?

– Полагаю, что так, – кивнул Гиббс.

– А с тобой было классно, Фрэнки. Помнишь гараж старика Томпсона, который ты спалил дотла? Как ты это назвал?

– Проявления полтергейста, – ответил Гиббс.

– Точно! И тебя чуть не посадили. Но ты им показал. Всем этим яйцеголовым из Гарварда и Йеля… и потом всей армейской

верхушке… ты им всем показал!

– Нужно было держать рот на замке, – сказал Гиббс. – А я был идиот.

– Может, пропустим по глоточку – за старые времена? – Джо достал бутылку из бумажного пакета.

– Спасибо, я не пью, – помотал головой Гиббс. – Мой обмен веществ…

– Да и ладно, Фрэнки. Мы выпьем за тебя. За Фрэнка Гиббса, за мальчугана из нашего городка, который взлетел на самый верх!

Джо откупорил бутылку, отхлебнул и пустил по кругу.

Шустрила Эдди зашелестел газетой.

– Скажи, Фрэнки, – заговорил Метис Джим. – Ты же всегда дружил с цифрами?

Гиббс не ответил.

– Ну, мы с ребятами подумывали прикупить бумаги «Дакоты урания». Это вот здесь. – Он пододвинул газету к Гиббсу. – Что скажешь, Фрэнки?

– Это высокорисковые акции, – сказал Гиббс, не глядя в газету. – На вашем месте я бы не рисковал.

– Да? Ну спасибо большое, Фрэнк. Ты только что спас наши денежки. А какие акции, по-твоему, надо прикупить?

– Не знаю.

– Да брось, все ты знаешь, – сказал Шустрила. – Мы читали в газете, как ты мог предсказывать котировки любых акций, если хотел. Как ты делал это однажды для развлечения. Ты еще сказал репортерам: просто нужно понимать циклы фондового рынка.

– Я ничего вам не подскажу. Постарайтесь понять. Если скажу одному, должен буду…

– Не вешай нам лапшу, Фрэнки, – сказал Метис.

– И не собирался. В молодости я с удовольствием выполнял все, о чем люди меня просили. Я же не думал, что все так закончится. Мне нравилось быть не таким, как все, но теперь – все, хватит. На свете больше нет таких, как я, и места для меня тоже нет.

– То есть ты не поможешь? – спросил Шустрила Эдди.

– Я только что все объяснил.

– Не поможешь старым друзьям, – с досадой произнес Дилижанс.

– Я не могу!

Они повернулись, чтобы уйти.

– Сраный урод, – вполголоса произнес Метис.

Гиббс встал:

– Что ты сказал?

– Ничего.

– А ну повтори.

– Хорошо, повторю, – сказал Метис. – Ты урод, долбаный урод. И к тому же убийца. Скольких ты убил, Фрэнки, сидя в вашингтонском кабинете и напрягая мозги? Миллион, два миллиона? Ты не человек!

– А ты прав, – сказал Гиббс. – Я не человек, не на самом деле. Я мутант, единственный в своем роде, уникальный и невоспроизводимый. Вы завидуете мне и ненавидите меня, но вынуждены просить у меня помощи. Во время войны я, как дурак, делал все, о чем вы меня просили. Я думал, вы – мой народ. Но вы никогда не оставите меня в покое. И никогда не сочтете своим.

– Не распаляйся, Фрэнки. – Шустрила отступил на шаг.

– Я спокоен. Просто безнадежно устал и потерян. Куда мне идти? Везде одно и то же. «Сделайте для меня это, мистер Гиббс, сделайте то. Явите маленькое чудо, мистер Гиббс». А если я отказываюсь – «грязный урод!». Хотите чуда? Правда хотите увидеть?

– Возьми себя в руки, Фрэнки, – сказал бармен.

– Хорошо, я покажу! Хотите, полетаю?

Он оторвался от земли, поднялся метров на пятнадцать в воздух и опустился обратно.

– Вот так я летал в космосе. Хотите, чтобы я зажег огонь?

– Фрэнк, ради бога!

Огонь вырвался из его пальцев, опаляя землю перед ним. Они повернулись, чтобы бежать, и обнаружили, что окружены ревущей стеной пламени.

– Вот так я вызываю огонь! – крикнул Гиббс. – Каких еще представлений желаете? Телепортацию?

Невидимая сила подхватила Метиса и Шустрилу и швырнула на землю. Мертвенно-бледные, они корчились на траве, задыхаясь и закрывая руками лица от жара.

– Что еще могу сделать для вас? – кричал Гиббс. – Мои силы безграничны, прямо как у супермена. Хотите посмотреть, как я

управляю ультразвуком? А хотите, сровняю этот город с землей, как сровнял Сталинград? Или, может, хотите узнать, что в действительности случилось с русской Четвертой армией? Так я вам покажу!

Черное пятно возникло над головами людей, увеличилось в размерах и начало обволакивать их тела.

– Фрэнк! – взвыл Метис, выбегая из парка на улицу. – Ради бога, Фрэнк!

Черное облако исчезло. Пламя погасло.

– Хорошо, – произнес Гиббс и поднялся в воздух. – Я улетаю. Черт с вами и вашей поганой расой.

– Ну и вали! – раздраженно проскрипел Дилижанс. – Он чуть не убил нас!

– Я знал, что так будет, – сказал Метис. – Он даже не человек.

– И куда он теперь? – спросил Томми Затычка.

– На Марс, на Венеру, на Луну – какая разница? – отозвался Дилижанс. – Куда бы он ни пошел, везде его ждет одиночество. Но он это стерпит, ведь он супермен!

Фрэнк Гиббс остановился в тридцати метрах над землей, потом медленно опустился назад и приземлился возле Вилли. Он выглядел озадаченным. Вилли День сидел на траве, сложив руки на коленях, на его лице отражалось сожаление.

– Ты не убежал, – сказал Гиббс.

– Нет.

– И не боялся, что я пораню или даже убью тебя?

– Не очень.

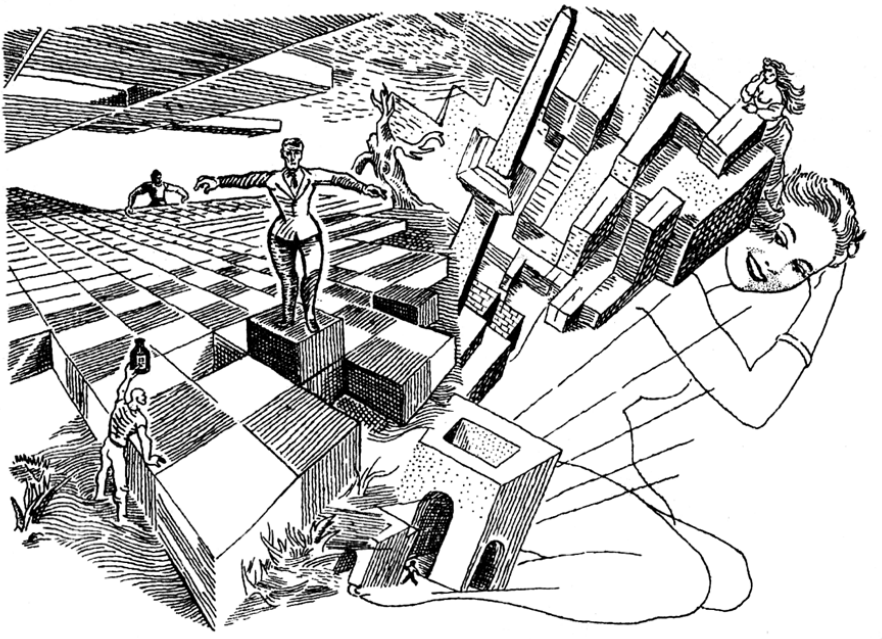
– Почему? – удивился Гиббс. – Ведь я убил людей больше, чем кто-либо другой в истории человечества. Почему ты решил, что я остановлюсь именно сейчас?

Вилли День качнул один раз головой. Тень сожаления все еще лежала на его лице.

– То были враги, и ты знал, кто они и чего хотят. Убивая их, ты чувствовал свою правоту. Но я не такой, я не враг, так что ты не убил бы и не поранил меня. И кое-что еще...

– Что?

– Ты человек. Может, следующая ступень в развитии, но все равно человек. А тебя заставили думать, что ты компьютер. Ну да,



ты все просчитываешь, но одну вещь все-таки упустил.

Гиббс сел на землю рядом с Вилли:

– Какую?

– Ты не единственный, у кого есть особый талант. На свете много таких людей – ученые, художники, механики, садовники с золотыми руками.

– И?

– Ты не хочешь помогать никому, потому что не можешь помочь всем. Но разве так рассуждает хирург? Или садовник – разве бросает он работу из-за того, что не может позаботиться обо всех садах на свете?

Гиббс долго молчал. С улицы в парк, боязливо поглядывая на Фрэнка, возвращались остальные.

– Я не думал... – начал Гиббс, но осекся и резко повернулся к Вилли. – Ты ведь затеял разговор не просто так. Тебе что-то нужно от меня! Что тебе нужно?

– Ничего, – сказал Вилли День. – То есть нужно, но не для себя. Для тебя.

– Глупости! Чего мне желать, если я и так все могу?

– Например, не думать о себе как об уроде. Ты не перестанешь это делать, пока ты один. Тебе нужна помощь. Здесь, в городе, у тебя есть друзья, и они могут помочь.

Гиббс обвел взглядом остальных. Они несмело закивали.

– Может… по глоточку? – предложил Томми Затычка.

– А знаете что? – сказал Гиббс. – Я ни разу не выпивал в кругу друзей. В общем… кажется, я хочу этого больше всего на свете.

Вилли поднялся на ноги и принялся отряхивать брюки.

– Еще бы, – сказал он. – Ведь ты человек.

Вымогатель

Детрингера выслали с родной планеты Ферланг за «преступные действия чрезвычайной непристойности». Он нахально циркнул сквозь зубы во время Резвой Созерцательности и передернул задним голенопятом, когда Великий Региональный Вездесущий удостоил его плевка.

Подобная наглость обычно наказуема всего лишь парой десятков лет «безоговорочного остракизма». Но Детрингер усугубил вину, совершив «преднамеренное ослушание» на Встрече Поминовения, где во всеуслышание и с подробностями предавался воспоминаниям о своих грязных любовных похождениях.

Его последний антиобщественный поступок не имел себе равных в новейшей истории ферланга: Детрингер проявил «неприкрытое злобное насилие» по отношению к некоему Уканистеру, обнаружив «явную публичную агрессивность», которой планета не знала со времен первобытной Эпохи Смертельных Игр.

Этой отвратительной выходкой, следствием которой для Уканистера явились не только телесные повреждения, но и тяжкий моральный удар, Детрингер и заработал себе высшую меру наказания — «бессрочное изгнание».

Ферланг — четвертая от солнца планета в системе на краю галактики. Детрингера вывезли в межгалактическую пучину и бросили в крошечном недоснаряженном спортивном кораблике на произвол судьбы. Вместе с ним в ссылку добровольно отправился и его преданный механический слуга Ичор. Жены Детрингера — задорная шаловливая Марук, высокая задумчивая Гвенкифер и неугомонная лопоухая УУ — официально расторгли брак с ним Торжественным Актом Вечного Презрения. Восемь его детей прошли через Обряд Отречения, хотя поговаривают, что Дерани — младшая — потом прошептала: «Что б ты там ни натворил, папка, я все равно тебя люблю».

Детрингеру, разумеется, не дано было этим утешиться. Очень скоро запасы энергии на утлом суденышке, брошенном в безбрежный океан пространства, истощились, и Детрингер, когда пришлось перейти на строгий рацион, изведал голод, холод, жажду

и пульсирующую головную боль кислородного голодания. Со всех сторон его окружала убийственная пустота необъятного космоса, нарушаемая лишь безжалостным блеском звезд. Не видя смысла расходовать скудные запасы горючего в межгалактических пучинах, которые способны до дна исчерпать резервуары самых гигантских звездолетов, он выключил двигатели. Следовало беречь топливо для межпланетного маневрирования, если столь маловероятная возможность представится.

Время сковало его густым черным желе. Существо слабое, лишившись привычного окружения, наверняка предалось бы отчаянию и потеряло рассудок. Но не в натуре Детрингера было падать духом. Осужденный занимался гимнастикой, погружался в высокоскоростную медитацию, каждый «вечер» устраивал концерты преданному Ичору, который отнюдь не отличался музыкальным слухом, и сотнями других способов, изложенных в «Пособии по выживанию в одиночку», избегал губительных мыслей о неизбежной смерти.

Так шло время, пока в окружающем пространстве все резко не изменилось. Космический штиль уступил место игре электрических разрядов, что грозило новыми бедствиями. Мощный шторм налетел на кораблик и швырнул его в самую бездну. Суденышко спасла собственная беспомощность. Покорно гонимый штормовым фронтом, кораблик уцелел.

Едва ли стоит описывать испытания, выпавшие на долю его пассажиров. Главное — они выжили. Через некоторое время после того, как титанические волны успокоились, Детрингер очнулся и открыл затуманенные глаза. Потом он поглядел в иллюминаторы и снял показания навигационных приборов.

— Ну вот, межгалактические пучины и позади — сообщил он Ичору. — Нас вынесло к границе планетной системы.

Ичор приподнялся на алюминиевом локте и произнес:

— Тип солнца?

— Типа О, — ответил Детрингер.

— Слава Создателю! — вознес хвалу Ичор и рухнул, истощив заряд своих батарей.

Последнее дуновение космического ветерка затихло еще прежде, чем суденышко пересекло орбиту внешней планеты

девятнадцатой от молодого жизнедарящего светила. Несмотря на возражения Ичора, считавшего, что энергию надо беречь на крайний случай, Детрингер зарядил робота от корабельных аккумуляторов.

Собственно, крайний случай был налицо. Приборы показывали, что только на пятой от солнца планете Детрингер мог обойтись без специальных средств жизнеобеспечения. Но оставшегося топлива до далекой цели явно не хватало, а в космосе снова царил штиль.

Можно было сидеть тихо в надежде на случай — вдруг их подхватит какое-нибудь течение или даже шторм. Но срок, отпущенный пассажирам корабельными запасами, был так невелик, что не приходилось рассчитывать ни на то, ни на другое. К тому же течения и штормы, если и возникают, далеко не всегда оказываются попутными.

Детрингер выбрал более активный и, возможно, более опасный путь. Рассчитав оптимальные курс и скорость, он решил двигаться вперед до тех пор, пока позволят запасы горючего.

Ценой неимоверных усилий и благодаря виртуозному пилотированию Детрингер, до капли рассчитав расход топлива, изловчился приблизиться к заветной цели на двести миллионов миль. Потом пришлось отключить двигатели. Горючего осталось в обрез, только для приземления.

Суденышко дрейфовало в космосе, все еще двигаясь к пятой планете, но столь медленно, что и тысячи лет не хватило бы добраться до ее атмосферы. Едва ли требовалось особое воображение, чтобы представить кораблик гробом, а себя — его преждевременным обитателем. Но Детрингер гнал прочь подобные мысли и не отступал от принятого им режима: гимнастика, концерты и высокоскоростная медитация.

Ичор был этим несколько озадачен. Ортодокс по складу ума, он тактично указал на неуместность и, следовательно, безрассудность подобного поведения в создавшейся ситуации.

— Ты, конечно, прав — бодро ответил Детрингер. — Но позволь напомнить тебе, что Надежда, пусть даже неосуществимая, входит в число Восьми Нерациональных Благ и, стало быть (согласно Второму Патриарху), на порядок выше любого из Здравых Предписаний.

Убежденный ссылкой на Патриарха, Ичор скрепя сердце

согласился с Детрингером и даже спел в унисон с ним парочку псалмов (сцена столь же комичная для глаза, сколь и невыносимая для слуха).

Запасы энергии неумолимо таяли. Рацион пришлось урезать вдвое, потом вчетверо; агрегаты едва функционировали. Тщетно умолял Ичор своего хозяина влить заряд его батарей в студеные обогреватели корабля. Дрожа от холода, Детрингер упорно отказывался.

Возможно, темперамент влияет на естество. Если бы не натура Детрингера, вряд ли сильное попутное течение появилось бы именно тогда, когда от запасов энергии остались одни воспоминания.

Собственно приземление оказалось весьма простым для пилота такого мастерства и везения. Словно пушинку опустил Детрингер корабль на зеленую поверхность планеты. Когда он окончательно выключил двигатели, топлива оставалось ровно на тридцать восемь секунд.

Ичор пал на колени и восславил память Создателя, не забывшего дать им прибежище. Но Детрингер отрезвил его.

— Прежде чем лить слезы умиления, давай лучше оглядимся.

Пятая планета оказалась вполне гостеприимной: здесь было все необходимое для жизни и почти ничего из излишеств. Но изгнанники скоро поняли, что прикованы к планете навеки: лишь высокоразвитая цивилизация могла создать топливо для корабельных двигателей, а воздушная разведка не обнаружила в этом радушном живописном мире даже следа разумных существ.

Простым переключением проводов Ичор подготовил себя к проживанию отведенного ему срока в сем ниспосланном свыше местечке и рекомендовал Детрингеру тоже смириться с неизбежным. В конце концов, резонно заметил он, даже раздобудь они топливо, куда им лететь? Всякая подобная попытка на этом крошечном суденышке была равносильна самоубийству.

Детрингера не убедили его рассуждения.

— Лучше бороться и принять смерть, чем, прозябая, сохранить жизнь, — заявил он.

— Хозяин, — почтительно заметил Ичор, — сие ересь.

— Вероятно, — беззаботно согласился Детрингер. — Но так уж я

полагаю. А интуиция подсказывает мне — что-нибудь подвернется.

Ичор содрогнулся и втайне вознес молитву во спасение души хозяина. Он все же надеялся, что Детрингер примет Помазание Вечного Одиночества.

Капитан Эдвард Мэйкнис Макмилан стоял посреди главной рубки исследовательского судна «Дженни Линд» и изучал ленту, которая струилась из координирующего компьютера серии 1100. Было очевидно, что в пределах ошибки корабельных приборов новая планета не таит никаких опасностей.

К этой минуте Макмилан шел всю жизнь. Блестяще закончив курс естественных наук в Таоском университете, он продолжал заниматься ядерной физикой. Его докторская работа «Некоторые предварительные заметки относительно науки межзвездного маневрирования» была одобрительно встречена коллегами и с успехом издана для широкой публики под названием «Затерянные и найденные в глубоком космосе». Это, да еще большая статья в журнале «Природа», озаглавленная «Использование теории отклонения в приемах и методах посадки», сделали единственной его кандидатуру на пост капитана первого американского звездолета.

Это был высокий, крепкого телосложения, красивый мужчина с преждевременной сединой в свои тридцать шесть лет. Как пилот он не знал себе равных — его реакции поражали непогрешимой точностью и уверенностью.

Значительно хуже ему давались отношения с людьми. Макмилан был отмечен какой-то робостью и чрезвычайно застенчив. Принимая всякое решение, он неизменно мучился сомнениями, что, возможно, достойно уважения в философе, но, безусловно, обнаруживает слабость командира.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел полковник Кеттельман.

— На первый взгляд здесь недурно. Как, по-вашему? — заметил он.

— Профиль планеты производит благоприятное впечатление, сухо отозвался Макмилан.

— Прекрасно, — заключил Кеттельман и тупо уставился на данные, представленные компьютером. — Что-нибудь интересное?

— И немало. Все говорит о наличии уникальной растительности. Кроме того, наши биологические пробы обнаружили некоторые аномалии...

— Я не об этом, — отмахнулся Кеттельман, выказывая презрение, которое порой испытывает прирожденный солдат к бабочкам и цветочкам. — Я имею ввиду кое-что поважнее: армию, космический флот...

— Там, внизу, похоже, нет и следа цивилизации, — пожал плечами Макмилан. — Сомневаюсь, что мы найдем здесь разумную жизнь.

— Кто знает, — с сомнением проговорил Кеттельман.

Это был коренастый, крепкий и непоколебимый в своих суждениях человек, ветеран многих кампаний. Майором он сражался в джунглях Гондураса в так называемой Фруктовой войне, закончив ее подполковником. Звание полковника ему принес злополучный Нью-Йоркский мятеж, во время которого он лично повел своих людей на штурм казначейства и удерживал Сорок вторую улицу от прорыва Беспутного батальона.

Бесстрашный, с репутацией отца солдат и безупречным послужным списком, он был на короткой ноге со многими сенаторами и техасскими миллионерами и сумел добиться заветного назначения на пост командующего военными операциями корабля «Дженни Линд». Теперь он с нетерпением ждал той славной минуты, когда боевой отряд из двадцати морских пехотинцев ступит на поверхность планеты. Это событие волновало его чрезвычайно. Плевать на показания приборов! Кеттельман отлично знал, что внизу могло затаиться что угодно, выжидая, чтобы ударить, изувечить и убить, если он не ударит первым.

— Правда, кое-что там есть, — добавил Макмилан. — Мы обнаружили космический корабль.

— Ага! — удовлетворенно крякнул Кеттельман. — Я так и думал. Вы засекли только один?

— Да, очень маленький, раз в двадцать меньше нашего, явно безоружный.

— Они хотят, чтобы вы именно так и думали, разумеется, — заявил Кеттельман. — Интересно, где остальные?

— Какие «остальные»?

— Остальные вражеские корабли, войска, ракеты «земля-космос» и все прочее.

— Присутствие одного корабля логически не обусловливает присутствия другого, — заметил капитан Макмилан.

— Вот как? Послушайте, Эд, меня учили логике джунгли Гондураса, — наставительно сказал Кеттельман. — По тамошним правилам, где нашли одну обезьяну с мачете, там в зарослях притаились еще пятьдесят. И не зевай, а то живо лишишься ушей. Стоит замешкаться в поисках доказательств, и вас прикончат в два счета.

— Здесь несколько иные условия, — не согласился Макмилан.

— Ну и что?

Макмилан внутренне вздрогнул и отвернулся. От общения с Кеттельманом он испытывал почти физическую боль. Полковник был сварлив и упрям, легко впадал в ярость и отличался категоричностью суждений, основанных, как правило, на незыблемом фундаменте его поразительного невежества. Капитан знал, что эта антипатия взаимна. Он прекрасно понимал: Кеттельман считает его мягкотелым, годным разве что для научных изысканий.

К счастью, их обязанности были четко определены и разграничены. Но, видно, лишь до сих пор.

Детрингер и Ичор, стоя под сенью деревьев, наблюдали за безупречной посадкой большого космического корабля.

— Что и говорить, пилот — истинный ас, — заметил Детрингер. — Знакомство с ним я почел бы за честь для себя.

— Думаю, вам представится такая возможность, — отозвался Ичор. — То, что они приземлились рядом с нами, имея в распоряжении всю поверхность планеты, вряд ли может оказаться случайностью.

— Они нас, конечно, обнаружили, — согласился Детрингер. — И решили действовать прямо, как поступил бы на их месте и я.

— Ваши рассуждения не лишены здравого смысла, — сказал Ичор. — Но как будете действовать вы на своём месте?

— Прямо, разумеется!

— Исторический момент, — вздохнул Ичор. — Представитель ферлангского народа скоро встретит первых разумных существ.

Ирония судьбы — столь великая миссия ниспослана преступнику!

— Эта великая миссия, как ты выражаешься, была навязана мне силой. Уверяю тебя, я ее не домогался. Да, между прочим, думаю, лучше не упоминать о моих маленьких разногласиях с властями Ферланга.

— Вы хотите солгать?

— Зачем так резко? — поморщился Детрингер. — Считай, что это — желание спасти соотечественников от стыда за своего эмиссара.

— Что ж, пожалуй.

Детрингер пристально посмотрел на своего механического слугу:

— Мне кажется, Ичор, ты не совсем одобряешь мои действия?

— Вы правы, сэр. Но, пожалуйста, поймите меня: я предан вам безоглядно и в любую минуту не колеблясь пожертвую своей жизнью ради вашего благополучия. Я буду служить вам до самой смерти — и дальше, если это возможно. Но преданность конкретному лицу не может поколебать моих религиозных, социальных и этических убеждений. Я люблю вас, сэр, но не могу одобрить ваше поведение.

— Считай, что я предупрежден, — сказал Детрингер. — А теперь давай обратим внимание на наших незнакомцев. Люк открывается. Они выходят.

— Выходят солдаты, — уточнил Ичор.

Вновь прибывшие оказались двуногими и, как и сам Детрингер, имели по две верхние конечности, по одной голове, одному рту, одному носу, у них не было никаких признаков ни антенн, ни хвостов. Судя по снаряжению, они определенно являлись солдатами. Каждый был тяжело нагружен множеством предметов, в которых угадывались огнестрельное оружие, газовые и разрывные гранаты, лучеметы, ракеты малого радиуса действия с атомными боеголовками и много чего еще. Тела их защищали бронекостюмы, а головы — прозрачные шлемы. Отряд состоял из двадцати человек и, очевидно, командира, который на первый взгляд казался безоружным. Он держал в руке только гибкую палочку — вероятно, символ власти, — которой постукивал себя по левой нижней конечности, и неторопливо шествовал во главе солдат.

Солдаты цепью продвигались вперед, перебегая от дерева к

дереву. Весь их вид свидетельствовал о крайней подозрительности и

готовности к самым решительным действиям. Офицер не снисходил до осторожности, шел прямо вперед, демонстрируя либо беспечность, либо напускную храбрость, либо просто глупость.

— Хватит сидеть в кустах, — решил Детрингер. — Пора выйти и встретить их с достоинством, приличествующим эмиссару ферлангского народа.

Детрингер тут же выступил вперед и в сопровождении Ичора двинулся навстречу солдатам. В эту минуту он был великолепен.

На борту «Дженни Линд» каждый знал о существовании чужого космического корабля. Так что присутствие на этом корабле инопланетного обитателя, который сейчас браво шел на гвардейцев Кеттельмана не должно было вызвать потрясения.

Но вызвало. Оказалось, гвардейцы не готовы встретить настоящего, живехонького инопланетянина. Событие грозило самыми непредсказуемыми последствиями. А отсюда — каковы должны быть первые слова? Как бы в этот исторический миг не ударить в грязь лицом. Сколько ни старайся, неминуемо придумаешь что-то вроде: «Доктор Ливингстон, полагаю?» Над вашими словами, банальными ли они окажутся или выспренными, люди будут смеяться веками. Что и говорить, такая встреча грозила величайшим позором.

И капитан Макмилан, и полковник Кеттельман лихорадочно искали достойное начало и неизменно отвергали каждый новый вариант, втайне надеясь, что в переводящем компьютере С-31 полетит транзистор. Каждый морской пехотинец молил бога, чтобы инопланетянин заговорил не с ним. Даже корабельный кок потерял голову — не дай бог, инопланетянин в первую очередь поинтересуется тем, что они едят.

Но до Кеттельмана им всем было далеко. «Черта с два, уж я-то с ним первым не заговорю!» — однозначно решил он. Полковник замедлил шаг, рассчитывая, что солдаты выдвинутся вперед. Но его люди остановились, не решаясь обогнать командира. Капитан Макмилан, шедший за морскими пехотинцами, тоже остановился, проклиная себя за то, что выступает в полной парадной форме при всех регалиях. Он не сомневался, что выглядит самым представительным и инопланетянин непременно подойдет прямо к нему.

Земляне застыли на месте. Инопланетянин приближался. Замешательство в рядах землян перешло в панику. Морские пехотинцы явно находились на грани бегства. Это не укрылось от внимания Кеттельмана. Полковник оцепенел от мысли, что сейчас они обесчестят его и его вооруженные силы.

Тут он вспомнил о газетчиках. Конечно же, газетчики! Пускай кашу расхлебывают газетчики: им за это платят.

— Взвод, стой! — скомандовал полковник.

Инопланетянин тоже остановился, пытаясь понять, что происходит.

— Капитан, — обратился Кеттельман к Макмилану, предлагаю для этого исторического момента спустить... я имею в виду — выпустить газетчиков.

— Прекрасная идея, — согласился Макмилан и распорядился вывести из анабиоза и прислать сюда представителей печати.

Затем все стали ждать.

Представители печати хранились в особом помещении. Табличка на двери гласила: «Анабиоз — посторонним вход воспрещен». Ниже от руки было добавлено: «Поднимать только в случае сенсации».

Внутри помещения в индивидуальных капсулах находились

пять журналистов и журналистка. Они единодушно решили, что небогатые событиями годы, которые потребуются «Дженни Линд», чтобы куда-нибудь прилететь, явятся пустой тратой субъективного времени, и погрузились в анабиоз, пока не случится что-либо заслуживающее их внимания. Меру сенсационности доверили определить капитану Макмилану, который в студенческие годы сотрудничал в газете «Солнце Финикса».

Рамон Дельгадо, инженер-шотландец с весьма необычной биографией, получил приказ разбудить корреспондентов. Пятнадцать минут спустя еще не совсем пришедшие в себя журналисты уже рвались узнать, что происходит.

— Мы приземлились на планете земного типа, — объявил Дельгадо, — но без всяких следов цивилизации и разумной жизни.

— А разбудили нас для чего? — возмутился Квебрада из Северо-Восточного агентства новостей.

— Дело в том, — продолжал Дельгадо, — что здесь находится космический корабль и на нем, естественно, разумный инопланетянин.

— Тогда другое дело, — сказала Милисент Лопец, сотрудница издания «Женская одежда». — Вы не обратили внимания, как он одет?

— Установлено ли, насколько он разумен? — спросил Матеас Упман из «Нью-Йорк таймс».

— Каковы были его первые слова? — поинтересовался Анжел Потемкин из «Эн-Би-Си- Си-Би-Эс-Эй-Би-Си».

— Он ничего не говорил, — ответил инженер Дельгадо. Его пока ни о чем не спрашивали.

— Вы хотите сказать, — изумился Е. К. Кветцатла из Западного агентства новостей — что первый в истории человечества инопланетянин стоит столб столбом и никто не берет у него интервью?!

И газетчики, прихватив камеры и магнитофоны, ринулись к выходу. Проморгавшись на ярком солнце, трое журналистов схватили переводящий компьютер С-31, а потом снова бросились вперед, растолкали морских пехотинцев и в мгновение ока окружили инопланетянина.

Упман включил С-31 и протянул второй микрофон

инопланетянину, который после некоторого колебания принял его.

— Проверка. Раз, два, три. Вы поняли, что я сказал?

— Вы сказали: «Проверка. Раз, два, три», — произнес Детрингер, и все облегченно вздохнули: первые слова были наконец сказаны, и Упман во всех учебниках истории будет выглядеть настоящим идиотом. Упмана, однако, нисколько не беспокоило, как он будет выглядеть, лишь бы его имя вообще вошло в учебники. Он продолжал интервью. К нему присоединились остальные.

Детрингеру пришлось рассказывать, что он ест, как долго и как часто спит, в чем его частная жизнь отклоняется от ферлангской нормы, каковы его первые впечатления о землянах. Дальше посыпались вопросы о философских воззрениях, количестве жен, как он с ними уживается, и вообще о том, каково быть инопланетянином. Ему пришлось назвать свою профессию, свое хобби, отозваться о склонности к садоводству, перечислить свои развлечения. Его вынудили рассказать, был ли он когда-нибудь пьян и как именно, признаться во внебрачных связях, описать любимый вид спорта, изложить свои взгляды на межзвездную дружбу, на преимущества и недостатки хвостатости и на многое, многое другое.

Капитан Макмилан теперь раскаивался, что пренебрег своими обязанностями. Он вышел вперед, чем спас инопланетянина от бесконечного потока вопросов.

Полковник Кеттельман тоже подался за ним — ведь именно он, в конце концов, отвечает за безопасность экспедиции, и его долг — постичь истинные намерения чужеземца.

Произошла небольшая стычка — выяснение отношений. В результате было решено, что Макмилан как символический представитель народов Земли первым проведет беседу с инопланетянином. Однако эта церемониальная встреча явится чистой формальностью. Потом с Детрингером станет разговаривать Кеттельман, и по результатам беседы будут предприняты дальнейшие шаги.

Таким образом, все противоречия были утрясены, и Детрингер уединился с Макмиланом. Пехотинцы возвратились на корабль, составили оружие и вновь принялись чистить ботинки.

Ичор остался на месте. В него вцепился представитель

Среднезападного агентства новостей. Этот представитель, Мельхиор Каррера, сотрудничал еще и в таких изданиях, как «Общедоступная механика», «Плейбой», «Роллинг Стоун» и «Лучшие труды по автоматизации». Интервью получилось весьма занимательным.

Беседа Детрингера с капитаном Макмиланом прошла блестяще. Оба тактичные, терпимые, стремящиеся понять точку зрения собеседника, во многом они сошлись во взглядах и почувствовали друг к другу определенную симпатию. Капитан Макмилан не без удивления отметил, что инопланетянин Детрингер ближе ему, чем полковник Кеттельман.

Последовавший затем разговор с Кеттельманом прошел в совсем ином ключе. После обмена любезностями полковник приступил прямо к делу.

— Чем вы тут занимаетесь? — без обиняков спросил он.

Детрингер готов был объяснить свое положение.

— Мой корабль — часть передовых разведывательных сил космического флота Ферланга. Шторм сбил меня с курса, и, когда кончилось топливо, мне пришлось совершить вынужденную посадку.

— Итак, вы беспомощны.

— В высшей степени. Хотя, разумеется, временно. Как только будут подготовлены необходимое оборудование и персонал, за мной пошлют спасательный корабль. Но на это потребуется время. Так что буду вам крайне признателен, если вы найдете возможным выделить мне немного топлива.

— Гммм... — Полковник Кеттельман нахмурился.

— Прошу прощения?

— «Гммм», — сказал переводящий компьютер С-31, - это вежливый звук, обозначающий короткий период молчаливого раздумья.

— Чушь собачья! — рявкнул Кеттельман. — «Гммм» вовсе ничего не значит. Так, говорите, вам нужно топливо?

— Да, полковник, — подтвердил Детрингер. — Судя по внешним признакам, наши двигатели, как мне кажется, весьма схожи.

— Система двигателей на «Дженни Линд»,— начал С-31.

— Минутку, это секретные сведения! — возмущенно оборвал Кеттельман.

— Отнюдь нет, — возразил компьютер. — Последние двадцать лет эта система используется на Земле повсеместно, а в прошлом году ее рассекретили официально.

— Гммм... — протянул полковник и с видом страдальца стал слушать подробности об устройстве корабельных двигателей.

— Как я и думал, — кивнул Детрингер. — Мне даже ничего не придется изменять. Ваше топливо можно использовать в том виде, как оно есть. Конечно, если вы сможете поделиться им.

— О, тут как раз нет никаких затруднений, — сказал Кеттельман. — У нас его полно. Но, на мой взгляд, нам сперва следует кое-что обговорить.

— Что именно? — поинтересовался Детрингер.

— Послужит ли это нашей безопасности.

— Не вижу связи.

— Это вполне очевидно. На Ферланге, судя по всему, технически высокоразвитая цивилизация. А являясь таковой, она представляет для нас потенциальную угрозу.

— Мой дорогой полковник, наши планеты находятся в разных галактиках!

— Ну и что? Мы, американцы, всегда старались воевать как можно дальше от дома. Может быть, и у вас на Ферланге так заведено.

Детрингер не потерял самообладания.

— Мы — мирные люди и глубоко заинтересованы в межпланетной дружбе и сотрудничестве.

— Это слова, — вздохнул Кеттельман. — А где гарантии?

— Полковник, — возмутился Детрингер, — вы случайно слегка не... — Он запнулся в поисках подходящего слова... тронулись?

— Он желает знать, — услужливо разъяснил С-31, — не склонны ли вы к паранойе.

Кеттельман рассвирепел. Ничто не могло разозлить его больше, чем намеки на психическую неполноценность. Ему начинало казаться, что его травят.

— Вы меня не дразните, — зловеще предупредил он. — Ну а почему бы мне в интересах земной безопасности не приказать уничтожить вас вместе с вашим кораблем? Когда прилетят ваши соплеменники, наш след уже остынет, и они ни шиша не узнают.

— Подобные действия не лишены были бы смысла, — сказал Детрингер, — не поддерживай я постоянную радиосвязь. Как только я увидел ваш корабль, сразу же связался с базовым командованием. Я сообщил им все, что мог, включая предположение о типе вашего солнца, основанное на вашем физическом строении, и вероятное месторасположение вашей родины по результатам анализа ионного хвоста.

— Ишь, умник, — с досадой произнес Кеттельман.

— Я проинформировал командование и о том, что запрошу из ваших явно обильных запасов немного топлива. Полагаю, отказ в моей просьбе будет рассматриваться как крайне недружелюбный акт.

— Я об этом не подумал, — признался Кеттельман. Гммм... У меня есть приказ не провоцировать межзвездных инцидентов.

— Вот видите! — многозначительно сказал Детрингер.

Наступило долгое, напряженное молчание. Кеттельману претила сама мысль о помощи существу, которое вполне могло оказаться врагом. Однако, по-видимому, иного пути не было.

— Ну, ладно, — решил он наконец. — Завтра я пришлю топливо.

Детрингер выразил благодарность, а затем пустился в россказни о неисчислимой боевой технике Космических вооруженных сил Ферланга. Он не в малой мере преувеличивал. Если не сказать, что в его описаниях не было и слова правды.

Ранним утром возле корабля Детрингера появился землянин с канистрой горючего. Детрингер предложил ее где-нибудь поставить, но землянин, ссылаясь на приказ полковника, настоял на том, чтобы войти в крошечную рубку суденышка и лично опорожнить канистру в топливный бак.

— Что ж, начало положено, — сказал Детрингер Ичору. Надо еще шестьдесят таких канистр.

— Но почему они посылают по одной канистре? — поинтересовался Ичор. — Уж очень нерационально.

— Это смотря с чьей точки зрения.

— Что вы имеете в виду?

— Надеюсь, ничего неприятного. Впрочем, поживем увидим.

Шли часы. Наступил вечер, но никто больше не приходил. Детрингер отправился к земному кораблю и, отмахнувшись от

репортеров, потребовал встречи с Кеттельманом.

Ординарец провел его в каюту полковника. Стены этого скромно обставленного помещения украшали предметы, видимо, призванные запечатлеть особо памятные моменты в жизни владельца: два ряда медалей поблескивали на черном бархате в солидном золотом обрамлении, доберман-пинчер скалил клыки с фотографии, особенно поражала сморщенная высохшая человеческая голова, трофей осады Тегусигальпы. Сам полковник в шортах цвета хаки занимался гимнастикой, сжимая пальцами рук и ног резиновые мячики.

— Да, Детрингер, чем могу быть полезен?

— Я пришел узнать, почему вы не присылаете мне топливо.

— Вот как? — Кеттельман выпустил мячики и уселся в кожаное кресло. — Я отвечу вам вопросом на вопрос. Детрингер, как вы ухитряетесь держать радиосвязь без аппаратуры?

— Кто сказал, что у меня нет радиоаппаратуры? возмутился Детрингер.

— Первую канистру вам принес инженер Дельгадо. Ему было приказано осмотреть ваше оборудование. Он доложил, что на вашем корабле нет никаких признаков радиоаппаратуры. Инженер Дельгадо — специалист в этой области.

— Достижения миниатюризации... — начал Детрингер.

— Да-да. Но у вас вовсе ничего нет. Могу еще добавить, что, приближаясь к планете, мы вели радиоперехват на всех возможных частотах и никаких передач не обнаружили.

— Я все могу объяснить, — сказал Детрингер.

— Сделайте одолжение.

— Это достаточно просто. Я вас обманывал.

— Очевидно. Но это ничего не объясняет.

— Дайте мне закончить. Видите ли, мы, ферлангцы, не менее вас заботимся о собственной безопасности. Пока мы почти ничего не знаем о вас, здравый смысл диктует нам по возможности меньше информации сообщить и о себе. Если вы легковерны и простодушны и примете за чистую монету то, что мы полагаемся на столь примитивную систему связи, как радио, это даст нам преимущество при встрече с вами при неблагоприятных обстоятельствах.

— Так как же вы сообщаетесь?

Детрингер явно колебался с ответом.

— Думаю, большой беды не будет... — наконец сказал он. — Рано или поздно вы все равно узнаете, что мой народ обладает телепатическими способностями.

— Телепатическими? Вы утверждаете, что можете передавать и принимать мысли?

— Совершенно, верно, — кивнул Детрингер.

Кеттельман пристально посмотрел на него:

— Хорошо, тогда что я сейчас думаю?

— Вы думаете, что я лжец, — сказал Детрингер.

— Так точно, — подтвердил Кеттельман.

— Но это слишком очевидно, и мне вовсе не пришлось читать ваши мысли. Видите ли, мы, ферлангцы, проявляем телепатические способности только среди себе подобных.

— Знаете что? — после короткого молчания произнес полковник. — Я по-прежнему думаю, что вы искусный обманщик.

— Разумеется, — согласился Детрингер. — Вопрос лишь в том, насколько вы в этом уверены.

— Чертовски уверен, — мрачно заявил Кеттельман.

— Достаточно ли этого? Для требований вашей безопасности, я имею в виду. Взгляните — если я говорю правду, то причины, побудившие вас вчера оказать мне помощь, равно значимы и сегодня. Вы согласны?

Полковник неохотно кивнул.

— В то же время от вашей помощи не будет вреда, даже если я лгу. Вы просто выручите попавшее в беду существо, сделав тем самым и меня, и моих соотечественников своими должниками. Вполне многообещающее начало для дружбы. А если учесть, что оба наши народа рвутся в космос, скорая встреча неминуема.

— Положим, — проговорил Кеттельман. — Но я могу бросить вас здесь, отсрочив тем самым первый официальный контакт, пока мы не будем лучше подготовлены.

— В ваших силах попытаться отсрочить контакт, — заметил Детрингер, — но он может произойти в любую минуту. Сейчас вам предоставляется счастливая возможность начать его удачно. Другого такого случая может не подвернуться.

— Гммм, — пробормотал Кеттельман.

— У вас есть самые веские основания помочь мне, даже если я вру. Но ведь не исключено, что я говорю правду. В последнем случае ваш отказ выглядит крайне недружелюбно.

Полковник раздраженно мерил шагами узкую комнату. Потом он бешено сверкнул глазами и рявкнул:

— Вы чересчур ловко спорите!

— Просто мне повезло, — произнес Детрингер. — Логика на моей стороне.

— Он прав насчет логики, — вставил переводящий компьютер С-31.

— Молчать!

— Я считал своим долгом указать на данный факт, — не унимался С-31.

Полковник остановился и потер лоб.

— Детрингер, уйдите, — устало проговорил он. — Я пришлю топливо.

— И не пожалеете! — заверил Детрингер.

— Я уже жалею, — отозвался Кеттельман. — Пожалуйста, уйдите.

Детрингер поспешил на корабль и поделился с Ичором добрыми вестями. Робот удивился.

— Я думал, он не согласится.

— Он тоже так думал, — сказал Детрингер. — Но я сумел его убедить.

И он передал Ичору свой разговор с полковником.

— Значит, вы солгали, — печально произнес Ичор.

— Да. Но Кеттельман знает, что я лгал.

— Тогда почему же он помогает?

— Из опасения, что я все-таки говорю правду.

— Но ведь ложь — преступление.

— Не больше, чем бросить нас здесь. Однако мне надо поработать. Сходил бы ты на поиски съестного!

Слуга молча повиновался, а Детрингер сел за звездный атлас в надежде найти место, куда лететь, — если, конечно, ему вообще удастся улететь.

Наступило утро, солнечное и радостное. Ичор пошел на корабль землян играть в шахматы со своим новым приятелем роботом-посудомойщиком. Детрингер ждал топлива.

Его не особенно удивило, что топлива все не присылали, хотя и прошел полдень, но и хорошего в этом было мало. Он прождал еще два часа, а затем отправился на «Дженни Линд».

Его приход, казалось, не явился неожиданностью Детрингеру сразу предложили пройти в офицерскую. Полковник Кеттельман расположился в глубоком кресле, по сторонам которого замерли вооруженные солдаты. Строгое выражение лица не скрывало злорадства. Тут же с непроницаемым видом сидел капитан Макмилан.

— Ну, Детрингер, — начал полковник, — что сейчас вы хотите?

— Я пришел просить обещанное мне топливо, — сказал ферлангец. — Но вижу, вы не собираететсь сдержать свое слово.

— Напротив, — возразил полковник. — Я самым серьезным образом собирался помочь представителю вооруженных сил Ферланга. Но передо мной вовсе не он.

— А кто же? — спросил Детрингер.

Кеттельман подавил саркастическую усмешку.

— Преступник, осужденный верховным судом своего собственного народа. Передо мной уголовный элемент, чьи вопиющие правонарушения не имеют равных в анналах ферлангской юриспруденции. Существо, которое своим чудовищным поведением заслужило высшую меру наказания бессрочное изгнание в бездны космоса. Или вы смеете это отрицать?

— В настоящий момент я ничего не отрицаю и не подтверждаю, — сказал Детрингер. — Прежде всего я хотел бы осведомиться об источнике вашей поразительной информации.

Полковник Кеттельман кивнул одному из солдат. Тот открыл дверь и ввел Ичора и робота-посудомойщика.

— О хозяин! — воскликнул механический слуга. — Я поведал полковнику Кеттельману об истинных обстоятельствах, которые привели к нашей ссылке. И тем самым приговорил вас! Я молю о привилегии немедленного самоуничтожения в качестве частичной расплаты за свое вероломство.

Детрингер молчал, лихорадочно соображая.

Капитан Макмилан подался вперед и спросил:

— Ичор, почему ты предал своего хозяина?

— У меня не было выбора, капитан! — вскричал несчастный. —

Ферлангские власти, прежде чем позволить мне сопровождать его, приказали наложить на контуры моего мозга определенные приказы и закрепили их хитроумными схемами.

— Каковы же эти приказы?

— Они отводят мне роль тайного надзирателя. Мне приказано принять необходимые меры, если Детрингер каким-то чудом сумеет избежать кары.

— Вчера он мне обо всем рассказал, капитан, — не выдержал робот-посудомойщик. — Я умолял его воспротивиться этим приказам. Уж очень все это неприглядно, сэр, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— И в самом деле, я сопротивлялся, сколько мог, продолжал Ичор. — Но чем реальнее становились шансы моего хозяина на спасение, тем сильнее проявлялись приказы, требующие его предотвращения. Меня могло остановить лишь удаление соответствующих цепей.

— Я предложил ему операцию, — вставил робот-посудомойщик, — хотя в качестве инструмента в моем распоряжении были только ложки, ножи и вилки.

— Я бы с радостью согласился на операцию, — продолжал Ичор. — Более того, я уничтожил бы себя, лишь бы не произносить слов, поневоле рвущихся из предательских динамиков. Но и это оказалось предусмотренным — на самоуничтожение тоже наложили строжайший запрет, как и на мое согласие на вмешательство в схемы, пока не выполнены государственные приказы. И все же я сопротивлялся, пока не иссякли силы, тогда мне пришлось явиться к полковнику Кеттельману.

— Вот и вся грязная история, — обратился Кеттельман к капитану.

— Не совсем, — тихо произнес капитан Макмилан. — Каковы ваши преступления, Детрингер?

Детрингер перечислил их бесстрастным голосом — свои действия чрезвычайной непристойности, свой проступок преднамеренного ослушания и, наконец, проявление злобного насилия.

Ичор кивал с несчастным видом.

— По-моему, мы слышали достаточно, — резюмировал

Кеттельман. — Сейчас я вынесу приговор.

— Одну минуту, полковник, — капитан Макмилан повернулся к Детрингеру: — Состоите ли вы в настоящее время или были когда-нибудь на службе в вооруженных силах Ферланга?

— Нет, — ответил Детрингер, и Ичор подтвердил его ответ.

— В таком случае находящееся здесь существо является гражданским лицом, — сказал капитан Макмилан, — и подлежит суду гражданских властей.

— Не уверен, — произнес полковник.

— Положение абсолютно ясное, — настаивал капитан Макмилан. — Наши народы не находятся в состоянии воины. Он должен предстать перед гражданским судом.

— И все же, насколько я понимаю, этим делом следует заняться мне, — сказал полковник. — Я лучше разбираюсь в подобных вещах, чем вы, сэр, — при всем к вам уважении.

— Судить буду я, — отчеканил капитан Макмилан. — Если, конечно, вы не решите силой захватить командование кораблем.

Кеттельман покачал головой:

— Я не собираюсь портить свое личное дело.

Капитан Макмилан повернулся к Детрингеру.

— Сэр, вы должны понять, что я не вправе следовать личным симпатиям. Ваше государство вынесло приговор, и с моей стороны было бы неблагоразумно, дерзко и аполитично отменять его.

— Чертовски верно, — сказал Кеттельман.

— Поэтому я подтверждаю осуждение на вечное изгнание. Но я прослежу за его исполнением более строго, чем это было сделано ранее.

Полковник широко ухмыльнулся. Ичор в отчаянии всхлипнул. Робот-посудомойщик пробормотал: «Бедолага!». Детрингер стоял спокойно, твердо глядя на капитана.

— Решением сего суда обвиняемый обязан продолжить ссылку. Более того, суд определяет, что пребывание обвиняемого на этой приятной планете противоречит духу приговора ферлангских властей, смягчает наказание. Следовательно, Детрингер, вы должны немедленно покинуть сие убежище и вернуться в необъятные просторы космоса.

— Так ему и надо, — сказал Кеттельман. — Знаете, капитан, я не

думал, что вы окажетесь на это способны.

— Я рад, что вы одобряете мое решение. Поручаю вам проследить за исполнением приговора.

— С удовольствием.

— По моим расчетам, — продолжал Макмилан, — если использовать всех ваших людей, баки корабля подсудимого можно заполнить приблизительно за два часа. После чего он должен сразу же покинуть планету.

— Он у меня улетит еще до наступления ночи, — пообещал полковник. Но тут ему в голову пришла неожиданная мысль. Эй! Топливо для баков? Так ведь именно этого Детрингер и хотел с самого начала!

— Суд не интересует, чего хочет или не хочет подсудимый, — констатировал Макмилан. — Его желания не влияют на решения суда.

— Но, черт подери, неужели вы не видите, что тем самым мы его отпускаем?! — воскликнул Кеттельман.

— Мы его заставляем, — подчеркнул Макмилан. — Это совершенно другое.

— Посмотрим, что скажут на Земле, — зловеще проговорил Кеттельман.

Детрингер покорно кивнул и, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, покинул земной корабль.

С наступлением ночи Детрингер взлетел. Его сопровождал преданный Ичор — теперь более верный, чем когда-либо, так как он выполнил правительственные указания. Вскоре они были уже в глубинах космоса.

— Хозяин, куда мы направляемся? — спросил Ичор.

— К какому-нибудь новому чудесному миру, — ответил Детрингер.

— А может, навстречу гибели?

— Возможно, — сказал Детрингер. — Но с полными баками я отказываюсь думать об этом.

Некоторое время оба молчали. Затем Ичор заметил:

— Надеюсь, у капитана Макмилана не будет из-за нас неприятностей.

— По-моему, он вполне может постоять за себя, — отозвался

Детрингер.

Там, на Земле, решение капитана Макмилана послужило причиной большого переполоха и долгой полемики. Однако, прежде чем, официальные органы пришли к единому мнению, состоялся второй контакт между Ферлангом и Землей. Неизбежно всплывшее дело Детрингера было признано чересчур запутанным и сложным. Вопрос передали на рассмотрение смешанной комиссии экспертов обеих цивилизаций.

Над делом бились пятьсот шесть ферлангских и земных юристов. Еще многие годы они находили все новые и новые доводы «за» и «против», хотя Детрингер к тому времени достиг безопасного убежища и занял уважаемое положение среди народа планеты Ойменк.

Заповедная планета

– Какой хаос! – воскликнул Гик, с прискорбием глядя на некогда прекрасный заповедник.

Ремонтники кивнули и начали раскладывать инструменты.

Гик безрадостно огляделся. Заповедник являлся одной из достопримечательностей Центральной галактики. Живописная страна чудес привлекала туристов из самых отдаленных уголков Вселенной. И вот планета обезображена.

С первого же взгляда выяснилось, что не хватает многих видов заповедных животных. Так же, как и целых классов птиц. Куда-то пропало большинство насекомых. Редкие растения исчезли без следа.

– Что сделано, то сделано, – вздохнул Гик. Теперь его задача – восстановить разрушенное. Вот только с чего начать? С лесных массивов?

Включив свое чувство глиже, Гик увидел, что в заповеднике повреждено практически все, включая недра.

– Подумать только, – громко произнес он. – Четыре безумца – и такой беспорядок!

Ремонтная братия немедленно подняла головы. Слабоумных рабочих завербовали на небольшой планете Лиз, что на крайнем востоке Центральной галактики. Новости там распространялись с черепашьей скоростью.

– Четыре безумца, сэр? – переспросил один из ремонтников, демонстрируя типичную лизианскую непосредственность.

– Два безумца и две безумицы, – уточнил Гик. – Остальное выстроите путем умозаключений во время работы.

Но никто из обитателей отсталой планеты Лиз не знал, как путем умозаключений выстроить целую историю, основываясь на двух несвязанных фактах.

– Значит, узнаете все, когда вернетесь домой, – сказал Гик.

Рабочие запротестовали. Вид разрушенного заповедника вызвал шок даже у них, несмотря на их притупленные чувства. Ремонтники хотели знать, как все произошло.

– Нет, – отрезал Гик.

– Сэр, – сказал рабочий, – мы будем работать лучше, если будем знать, что же все-таки случилось.

– С чего ты взял?

– Сэр, но ведь доказано, что побуждающие мотивы усиливаются в геометрической прогрессии, когда ограниченные в целом причины любых необратимых действий...

– Вот только не надо вашей ужасной гиплоксианской психологии, – оборвал его Гик. Трудно сохранить самообладание, когда тебе начинают читать лекции слабоумные! Кроме того, терминология у них безнадежно запутана.

Ремонтники столпились вокруг него, потеряв всякий интерес к предстоящей работе. Их туповатые физиономии выражали страстное желание знаний.

– Ну ладно, – сдался Гик. – Я расскажу вам начало, а остальное домантурите сами. Идет?

История началась некоторое время назад. Два психиатра – Олг и Луум – возвращались на корабле в свою психбольницу, расположенную в северном полушарии галактики. Они доставляли особый груз: четырех психотиков – двух мужчин и двух женщин – в четырех клетках, обитых изнутри мягким материалом.

Путешествие через полыхающий центр галактики было долгим и опасным. Психиатры прокладывали путь сквозь скопления ослепительных белых супергигантов, тусклых красных карликов и обжигающих голубых великанов.

Четыре психотика, накачанные транквилизаторами, безмятежно спали.

Психиатры устали и томились жаждой. Завидев пришвартованный к темной звезде уютный павильон «Освежающие напитки», они с вожделением уставились на него.

– Дело – прежде всего, – поторопился заявить Олг.

– Точно, – подтвердил Луум, свесив изо рта все свои языки. – Но если быстренько и всего по одной…

Больше аргументов не потребовалось. И действительно, пациенты благополучно пребывают в стране грез. Из-за своей удивительно короткой продолжительности жизни они, скорее всего, умрут еще до того, как корабль доберется до психбольницы в далеком северном полушарии. Казалось, несколько минут ничего не изменят.

Поэтому они бросили якорь и не мешкая отправились в «Освежающие напитки». Там они приняли по два виша на нос и поспешили назад. Хотя они и отсутствовали всего ничего – по собственной шкале времени психиатров, – корабль с психотиками успел исчезнуть.

– О нет, – прошептал Луум.

– О да, – вздохнул Олг. Они не учли высокую скорость обмена веществ у психотиков, соответствующую их продолжительности жизни. Несколько минут, которые Олг и Луум отсутствовали на корабле, могли стать месяцами для их подопечных. Вполне достаточно, чтобы прийти в себя, освоить управление кораблем и смыться.

– Нам нужно срочно их разыскать! – воскликнул Луум. – Пока они не высадились на какой-нибудь цивилизованной планете.

– Не беспокойся, – сказал Олг. – Любой цивилизованный народ тут же вернет их или их тела в нашу больницу.

– Вернут, если обнаружат! Ты вспомни, хитрости психотиков нет предела. Они могут приземлиться ночью и разбежаться в темноте. Господи, да они способны на что угодно! Они же взорвут планету, если смогут!

– Эти смогут, – подтвердил Олг. – Но не будем волноваться раньше времени. – Он быстро смотался в «Освежающие напитки», принял еще один виш и реквизировал корабль хозяина павильона. Психиатры сели в судно и безнадежно переглянулись. Вокруг сверкало великое множество звезд Центральной галактики – миллионы солнц с десятками миллионов планет.

– Думай, – сказал Олг. – Что бы ты сделал, будь ты психотиком?

– Я бы слалангнул.

– Вот давай и попробуем.

Они быстро слалангнули корабль в монорадическое пространство, протяженность которого не превышает семидесяти метров в длину. Оно хорошо освещено, и там трудно укрыться. К досаде психиатров, беглецов там не оказалось.

– Обидно, – сказал Луум. – Здесь искать было бы проще всего.

– Н-да. Придется осмотреть все окрестные планеты.

– Я знаю, как вычислить беглецов.

– Как?

– Когда они взорвут планету, мы обязательно увидим вспышку.

В нарушение всех галактических правил движения они разогнали корабль до максимальной скорости и взяли курс на Птис – ближайшую обитаемую планету.

– На этом все, – сказал Гик рабочим. – Остальное домантурите сами. А сейчас за работу!

С помощью чувства глиже он просканировал поверхность планеты. Увиденное не порадовало. Все полезные ископаемые выпотрошены из земли. Вода – загрязнена, леса – уничтожены, почва – варварски перекопана.

– Ты и ты! – приказал Гик. – Спустите железную руду на километр под землю и рассредоточьте ее там. Ближе к поверхности разместите цветные металлы. Давайте же, начинайте!

Большинство рабочих домантурило продолжение истории.

Грустно улыбаясь, они принялись за работу.

– Сэр, – обратился один из ремонтников. – Некоторым из нас все же не удалось домантурить.

– Почему?

– Мы очень глупые, – застенчиво сказал рабочий.

– Оно и видно. Но ведь мантурить умеет каждый!

– Только не мы, – горестно признал рабочий.

– Хорошо, я расскажу вам еще немного. Тогда вы сможете индуктировать остальное. Индуктировать-то вы умеете?

Рабочие кивнули. Гик окинул взглядом окрестности, убедился, что команда, восстанавливающая недра, занялась делом, и продолжил рассказ.

Планета Птис доложила, что у них нет никаких признаков психотиков. Поисковые партии на Клиш и Йегл тоже не нашли ничего. Никаких сообщений ни с Маверни, ни из системы Калден, ни от Конфедерации Хабоксу.

– Пока безрезультатно, – констатировал Луум.

– По крайней мере, мы точно знаем, что в непосредственной близости их нет, – сказал Олг. – Действуем дальше. Дай-ка взглянуть на их документы.

– Они остались на корабле.

– Прекрасно! Ты хоть помнишь, к какому классу они относятся?

Луум глубоко задумался:

– Они двуногие.

– Ох!

– Да. Я уверен. Двуногие с обменом веществ по типу двести двадцать четыре и высокой скоростью размножения.

– Это очень плохо.

– И у них чрезвычайно низкая продолжительность жизни, – добавил Луум. – Вполне возможно, они умерли еще в космосе. Но рисковать мы не можем.

– Конечно не можем. Свяжись с Галактическим центром и запроси список всех миров, населенных двуногими.

Пока Луум запрашивал список, Олг обдумывал ситуацию.

Двуногие психотики – это очень опасно.

Из-за их низкой продолжительности жизни Центр обычно не вмешивался в их дела. Скромные и вежливые, двуногие отличались

миролюбивым и дружелюбным характером. Но если в их мир запустить четырех психотиков...

Последствия будут катастрофическими!

Двуногие при всех своих ценных качествах – очень уязвимые творения природы. Психотики заразят значительную часть расы двуногих, если получат возможность бесконтрольно размножаться.

Такое уже случалось. Зараженные двуногие были грозой галактики. Они прославились бесконечными войнами против всех и вся. Будучи прирожденными кочевниками, двуногие расползались по космосу, разрушая любой мир, который оказывался у них на пути. Часто они громили планеты исключительно со злости, иногда делали из них заправочные станции или использовали как большие мишени.

Безусловно, беглые психотики направятся в один из миров двуногих. Прилетят и будут маскироваться под обычных жителей, и их поведение примут за чистую монету.

Олг молился, чтобы местные власти проявили бдительность и арестовали психотиков, прежде чем произойдет межрасовое кровосмешение.

Как только Луум получил список, партнеры помчались на ближайшую планету двуногих и связались с представителем власти.

– У вас есть данные по вспышкам психозов?

– Я должен проверить, – ответил двуногий. Он резво взялся за дело, но не успел ничего выяснить, потому что умер.

Олг и Луум прокляли свое невезение. Им попался мир с необычайно низкой, даже для двуногих, продолжительностью жизни.

Кипя от злости, психиатры ждали, пока почившему назначат преемника.

– Итак, в чем дело? – спросил новый представитель власти.

– Психотики, – выпалил Луум скороговоркой, чтобы двуногому хватило времени на ответ. Но несмотря на все старания психиатра говорить очень быстро, по временно́й шкале двуногих это заняло долгие годы.

– Я не совсем пони... – начал двуногий и умер.

Его преемник, к счастью, оказался совсем юношей. Прежде чем умереть от глубокой старости, он успел проверить записи и дать

психиатрам отрицательный ответ.

– Такими темпами, – сказал Луум после возвращения на корабль, – мы не поймаем их никогда.

Олг расстроился. Ясно, почему Центр оставил двуногих в покое. С ними практически невозможно разговаривать в рамках одного поколения.

Психиатры понимали, что психотики могли уже начать заражать население. Их потомки распространят семя разрушения дальше. Если так, нужно найти и изолировать зараженный сегмент расы.

– Сколько еще миров двуногих у нас осталось? – спросил Олг.

– Сто четыре.

Без всякой надежды на успех психиатры продолжили путь.

– Дальнейшее очевидно, – сказал Гик. – Теперь вы легко реконструируете события.

Грубые лица рабочих осветились улыбками. Успешно реконструировав события, они вернулись к работе.

Дела у бригады восстановления недр шли хорошо. Гик взялся лично руководить распределением алмазов, чтобы получилось красиво. Другая бригада воссоздавала горные гряды. После этого ей предстояло перенаправить восемь главных рек в их естественные русла, а сотни миллиардов гектаров земли засеять травой.

И это было только начало.

– Полнейший хаос, – проворчал Гик. Принюхавшись, он решил, что воздух нужно вывезти, почистить и только потом предлагать для дыхания...

– Сэр, – раздался голос у него за спиной.

– Я занят, – бросил Гик.

...А после очищения воздуха неплохо бы восстановить его естественный аромат... для этого потребуется несколько миллионов тонн...

– Сэр, – снова раздался голос.

Гик повернулся и увидел крохотного сморщенного рабочего.

– В чем дело?

– Сэр, я не могу реконструировать.

– Не можешь? Чему же тебя учили в школе?

– Очень немногому, сэр, – с несчастным видом произнес

маленький рабочий. – Сэр, не расскажете мне конец истории?

– Отстань, – сказал Гик. – Даже без реконструкции ты должен представлять, чем все кончилось.

– Увы, сэр, – ответил маленький рабочий. – Точно не получается. Я усматриваю, конечно, прямую причинно-следственную связь между разрушенным заповедником и побегом двуногих психотиков с последующей расовой реинтеграцией. Но я спрашиваю себя: что это? Точная релевантная связь, прогрессия в логическом арифметицизме? Или здесь присутствует незаметный, но меняющий смысл подтекст? Или это новые возможности установления связи между реалиями разного порядка? Я спрашиваю себя, в соответствии с первой основной гипотезой: была ли это война, была ли она начата родом психотиков с планеты двуногих и стала ли заповедная планета одним из яблок раздора? Если так, то чего мне ожидать – морфологически? Использовался ли заповедник как: а) заправочная станция, б) пристрелочная мишень, в) база общего назначения, – чтобы мне разрабатывать только самый очевидный из вариантов? Или, если взять в качестве основной другую гипотезу, разве не могли беглые психотики оказаться на двух разных планетах двуногих? Я бы отнесся со всей серьезностью к возможности такого развития событий, поскольку, как ни крути, для войны нужны две стороны. Одна неполноценная двуногая раса могла бы, предположительно, оставаться под контролем – или же о ее возникновении доложили бы в Центр. С двумя расами – хотя это всего лишь мое предположение, вытекающее из сомнительной гипотезы, – мы имеем все, как будто бы логичные, предпосылки для войны. Тем не менее, возвращаясь к первой основной гипотезе…

– Избавь меня от своей болтовни! – рявкнул Гик.

– Извините, сэр.

– Во-первых, ты не прав…

– Этого я и боялся. – Рабочий расстроенно шмыгнул носом.

– …и, во-вторых, ты глуп как пробка.

– Это я знаю.

– Возвращайся к работе. Нужно многое сделать.

– Да, сэр.

Сморщенный маленький рабочий отвел назад хвост, готовясь

совершить ритуальное самоубийство, вызванное приступом разочарования. Но Гик его остановил.

– У меня нехватка рабочих рук, – сказал он. – Если пообещаешь сразу же вернуться к работе, то я расскажу, чем все закончилось.

– Я обещаю, сэр!

– Отлично. Итак...

Проверив пятьдесят четыре мира, психиатры так и не обнаружили следов сбежавших психотиков. Они обшарили почти всю Вселенную, и, согласно намеченному плану, поиски подходили к концу.

Совершенно ясно, что исходные сумасшедшие давно мертвы. Теперь главная проблема – их потомки, если таковые имеются.

Когда они следовали к пятьдесят пятому миру двуногих, Луум засек биение на волновом детекторе. Он подстроил фокус, и биение превратилось в типичный для психотиков ритмический узор, причем явно усиленный.

Коллеги уточнили местоположение и помчались туда, игнорируя все ограничения скорости. Добравшись до места, экстренно приземлились.

Перед ними предстал странный мир. Обычно двуногие четко придерживались норм размножения, поскольку страдали легкой формой клаустрофобии. Но здесь они плодились как кролики.

Даже при беглом взгляде все признаки заражения были налицо. По всей планете бушевали войны. Миллионы особей голодали. Многие миллионы страдали от болезней и увечий. С помощью мысленного сканирования психиатры обнаружили, что огромное население неспособно было ни прокормить себя, ни контролировать рождаемость.

Бесспорное доказательство безумия.

А хуже всего то, что взаимопомощь, которую так высоко ценят двуногие, здесь проявлялась в лучшем случае эпизодически. В довершение ко всему, местные жители искусственно поделились на расы и субрасы и придумали разные классификации внутри классификаций. А это уже являлось окончательным доказательством психоза. Ведь на самом деле все двуногие – дети одной, и только одной, расы.

Стало ясно: именно здесь когда-то и высадились психотики.

– На повестке дня один вопрос, – сказал Луум, – сколько еще миров они заразили? Сколько планет взорвали, ограбили, разгромили, сделали непригодными для жизни?

Ответ казался очевидным: много. Двуногие – прирожденные космические путешественники, а невменяемые двуногие так и вообще постоянно бродили меж звезд. Мысленно просканировав планету, психиатры начали анализировать информацию.

Первым ответ увидел Олг. Сначала он не поверил. Потом ответ увидел и Луум.

– Эти двуногие, – изумился Луум, – никогда ни с кем не контактировали. Они так и не вышли в космос!

Невероятно, но факт: местные двуногие не сумели освоить космические путешествия. И у них не было соседей, которые помогли бы им.

Олг внимательно просмотрел список миров двуногих. И тогда все окончательно встало на свои места.

Эта планета не была миром двуногих. Сумасшедшие расплодились в заповеднике!

– Вот так, – сказал Луум. – Четверо безумцев приземлились в заповеднике, где никто и не подумал бы их искать. Их потомки одичали, размножились...

– Еще как размножились!

– К сожалению. Все они – потомки безумной четверки.

– Они основательно поизмывались над заповедником, – сказал Олг. – Придется временно реклассифицировать его. Как туземцы прозвали свою планету?

Луум мысленно поискал ответ.

– Они называют ее Землей.

– Вызывай ремонтную бригаду, – сказал Олг. – И поторопись, пока местные не разорвали планету на части.

– По крайней мере, – подытожил Луум, – они не заразили ни одного нормального мира.

– Вот, значит, как, – сказал маленький рабочий.

– Именно, – кивнул Гик. – И теперь не кому-нибудь, а нам с тобой предстоит восстанавливать безжалостно убитую планету.

Рабочий взял в руки инструменты. Потом снова повернулся к Гику.

– А где же ее жители? – спросил он.

– Да уж точно не здесь, – рассеянно ответил Гик. – Психотикам место в лечебнице, в мягких клетках. – Он помолчал немного. – Само собой, местные очень расстроились на этот счет. Думаю, психиатрам потребовалось семь миллиардов смирительных рубашек… а теперь наконец не будешь ли ты так любезен приступить к работе?

Маленький рабочий кивнул и с ювелирной точностью начал воссоздавать раздробленную гору.

Земля, воздух, огонь и вода

Радио на космическом корабле никогда не бывает в порядке, и радиостанция на борту «Элгонквина» не составляла исключения. Джим Рэделл разговаривал с находящейся на Земле Объединенной Электрической Компанией, когда связь вдруг прекратилась и в маленькую кабину пилота ворвались чужие голоса.

— Я не нуждаюсь в крючьях! — гремело радио. — Мне нужны конфеты.

— Это станция Марса? — спрашивал кто-то.

— Нет, это Луна. Убирайтесь к черту с моей волны!

— А что мне делать с тремя сотнями крюков?

— Проденьте их себе в нос! Алло, Луна!

Какое-то время Рэделл слушал обрывки чужих разговоров. Радио успокаивало его, давало ему ощущение, что космос так и кишит людьми. Ему приходилось напоминать себе, что все эти звуки производят не более полусотни людей, какие-то пылинки, затерявшиеся в пространстве поблизости от Земли.

Радио громыхало несколько мгновений, затем начался непрерывный гул. Рэделл выключил приемник и пристегнулся ремнями к креслу. «Элгонквин» пошел на снижение, скользя сквозь облака к поверхности Венеры. Теперь, пока корабль не закончит спуск, он мог заняться чтением или вздремнуть.

Перед Рэделлом стояли две задачи. Первая была разыскать корабль автомат, который Объединенная Электрическая послала сюда лет пять назад. На нем была установлена записывающая аппаратура. Рэделл должен был ее снять и доставить на Землю.

«Элгонквин» шел по спирали к холодной, овеянной ураганами поверхности Венеры, автоматически настраиваясь на локаторную установку корабля автомата. Корма корабля раскалилась докрасна, когда «Элгонквин», теряя скорость, пробился через плотную атмосферу. Вихри снега окутали корабль, когда он, работая хвостовыми дюзами, переворачивался для посадки. И наконец, он мягко опустился на поверхность планеты.

— Совсем неплохо, малыш, — похвалил Рэделл корабль. Он отстегнулся и подключил радио к своему космическому костюму.

Приборы показывали, что корабль-автомат находился в двух с половиной милях, так что отягощать себя провизией не стоило. Он просто прогуляется, заберет приборы и тут же вернется обратно.

— Наверно, еще успею послушать спортивную передачу, — сказал Рэделл вслух. Он последний раз проверил космический костюм и отвернул первую крышку люка.

Испытание космического костюма и было второй и главной задачей Рэделла.

Человек пробивался в космос. Конечно, в масштабах все ленной это были первые шаги. И все же вчерашние пещерные жители и созерцатели звезд покидали Землю. Вчера человек был наг, до жалости слаб, безнадежно уязвим. Сегодня, закованный в сталь, на добела раскаленных ракетах, он достиг Луны, Марса, Венеры.

Космические костюмы были звеном в технологической цепи, которая протягивалась от планеты к планете. Первые образцы костюма, который был на Рэделле, прошли различные испытания в условиях лаборатории. И выдержали их достойно. Теперь оставалось последнее — испытание в естественной обстановке.

— Подожди здесь, малыш, — сказал Рэделл кораблю. Он выбрался через последний люк и спустился по трапу «Элгонквина», облаченный в самый лучший и самый дорогой космический костюм, когда-либо изобретенный человеком.

Рэделл пошел путем, которым его вел радиокомпас, шагать было легко по неглубокому снегу. Вокруг почти ничего нельзя было разглядеть: все тонуло в серых венерианских сумерках.

Кое-где сквозь снег пробивались тонкие упругие ветки каких-то растений. Больше он не заметил никакой жизни.

Рэделл включил радио — думал услышать, как сыграла главная бейсбольная команда, но поймал лишь конец сводки погоды на Марсе.

Пошел снег. Было холодно, во всяком случае, так показывал прибор на запястье — в костюм холодный воздух проникнуть не мог. Хотя в атмосфере Венеры кислорода было достаточно, Рэделл не должен был дышать воздухом планеты. Пластиковый шлем укрыл его в крошечном, созданным человеком собственном мире. Поэтому он и не чувствовал холодного резкого ветра, упорно бившего в лицо.

По мере продвижения вперед, снег становился все глубже.

Рэделл оглянулся. Корабля уже почти не было видно в серых сумерках, идти было очень трудно.

— Если здесь будет колония, — сказал он себе, — ни за что не поселюсь. — Он усилил подачу кислорода и полез через сугробы.

Потом включил радио и поймал какую-то музыку, но слышно было так плохо, что нельзя было разобрать, музыка ли это, вообще. Он с трудом брел в снегу часа два, мурлыкая песенку, которую, как ему казалось, он слушал, мысли у него, были о чем угодно, только не о Венере, — и прошел так, больше мили.

Вдруг он по колено провалился в рыхлый снег.

Он встал, отряхнулся и заметил, что вокруг разгулялась настоящая вьюга, а он ничего и не почувствовал в своем костюме. Причин для беспокойства не было. В чудодейственном костюме ему ничего не грозило. Вой ветра доходил до него слабыми отголосками. Ледяная крупа в бессильной злобе билась о пластиковый шлем, стучала, как дождь по железной крыше.

Он брел, проламывая наст на поверхности глубокого снега.

За следующий час снег стал еще глубже, и Рэделл заметил, что скорость ветра необычайно возросла. Вокруг него росли сугробы и тут же покрывались тонкой коркой льда.

Ему и в голову не пришло повернуть назад.

— Черта с два, — Успокаивал себя Рэделл, — костюм ничего не пропустит.

Потом он провалился в снег по пояс. Усмехнувшись, он выбрался, но со следующим шагом снова проломил тонкий наст.

Он попытался идти напролом, но снега стали перед ним непреодолимой преградой. Через десять минут он выдохся, и ему пришлось усилить подачу кислорода. И все-таки Рэделл не испытывал страха. Он твердо знал, что на Венере ничего опасного нет: ни ядовитых растений, ни животных, ни людей. Ему нужно было лишь совершить прогулку в самом усовершенствованном и дорогом костюме, когда-либо созданном людьми.

Все больше хотелось пить. Теперь ему казалось, что он просто застрял на одном месте. Снег теперь доходил до груди, и все труднее и труднее стало выбираться на поверхность, а выбравшись, он тут же проваливался снова. Но он упрямо шел вперед еще с полчаса.

Потом остановился. Ничего вокруг не было видно — плотная

снеговая завеса падала с тускло-серого неба. За полчаса он прошел ярдов десять.

Рэделл застрял.

Межпланетная связь никогда особой надежностью не отличалась. Видно, Рэделлу так и не удастся передать на Землю свое сообщение.

— Говорит, «Элгонквин», — повторял он, — вызываю Объединенную Электрическую.

— Отлично, овощи купил, возвращаюсь.

— Стану я врать? Он сломал руку...

— ... И четыре корзины спаржи. Да не забудьте написать на них мое имя.

— Конечно, мы находимся в состоянии невесомости. И все-таки руку он сломал.

— Говорит, «Элгонквин».

— Эй, контроль, пропустите меня — я с овощами.

— Срочно, вне очереди, — взывал Рэделл. — Нужна Объединенная Электрическая. Я застрял в снегу. Не могу вернуться на корабль. Что делать?

Радио ровно загудело.

Рэделл опустился на снег и стал ждать инструкции. Еще и снегопад на голову! Он что им, эскимос, такое терпеть? Объединенная Электрическая впутала его в эту историю, пусть теперь и вызволяет отсюда.

Костюм окутывал теплом, и Рэделл старался не вспоминать о пище и воде. А сугробы вокруг все росли, и вскоре он задремал.

Проснувшись через несколько часов, Рэделл почувствовал невыносимую жажду. Радио жужжало. Он понял, что придется самому выбираться из беды. Если он не доберется до корабля как можно скорее, то у него иссякнут последние силы и тогда уже ничего не сделать. Тогда не помогут и удивительные свойства космического костюма.

Он поднялся, в горле у него пересохло: жаль, что не додумался взять с собой чего-нибудь поесть. Но кто мог подумать, что такое может случиться, ведь и пройти-то было нужно всего пять миль, да еще в таком замечательном костюме! Надо что-то такое придумать, чтобы двигаться по этому тонкому насту. Лыжи! Из чего делают

лыжи на Земле? Он внимательно осмотрел один из гибких кустиков, что торчали из снега. Пожалуй, они подойдут.

Рэделл попытался сломать один из них, твердый и маслянистый. Перчатки скользили по ветвям, невозможно было ухватиться. Ему бы сейчас нож! Но ножи ни к чему на космическом корабле, они там так же бесполезны, как копье или рыболовный крючок.

Он снова изо всех сил потянул растение, потом снял перчатки и стал шарить в карманах — может найдется что-нибудь режущее. В карманах ничего не было, кроме потрепанного экземпляра «Правил посадки на планеты коммерческих кораблей грузоподъемностью более 500 гросс-тонн». Он сунул книжку в карман. Руки онемели от холода, и Рэделл снова натянул перчатки.

Потом его осенило. Расстегнув на груди костюм, Рэделл нагнулся и стал орудовать одной стороной застежки — «молнии», как пилкой. На растении появился надрез, а внутрь костюма ворвался морозный воздух. Рэделл включил обогреватель и продолжал пилить.

Так он перепилил три куста, а потом зубцы «молнии» затупились и пилить стало невозможно. Надо делать эти штуки из твердых сплавов, подумал Рэделл. Он расстегнул «молнию» на рукаве и продолжал работать. В конце концов он напилил себе сколько нужно стеблей подходящей длины. Оставалось застегнуть костюм, но это оказалось совсем непростым делом! Опилки и вязкий сок набились меж зубцов. Рэделл с трудом застегнулся и пустил обогреватель на полную силу. Теперь — за лыжи. Стебли гнулись легко, но с такой же легкостью и разгинались, а связать их было нечем.

— Дурацкое положение, — сказал он вслух. У него не было ни шнурка, ни веревки — ничего такого.

«Что-же делать?» — спросил он себя.

— Никогда еще нигде так не принимали, — сказал кто-то по радио.

— «Элгонквин» вызывает Землю, — яростно в тысячный раз прохрипел Рэделл.

— Алло, Марс?

— Объединенная Электрическая вызывает «Элгонквин».

— Может быть, это солнечная корона.

— Скорее похоже на космическое излучение. Кто это?

— Объединенная Электрическая. Наш корабль задержался…

— Говорит, «Элгонквин»! — Надрывался Рэделл.

— Рэделл? Что вы там делаете? Вы не первооткрыватель, и вы не на экскурсии. Забирайте аппаратуру и немедленно назад.

— Говорит Луна — 2…

— Придержите язык хоть на минуту, Луна! — Взмолился Рэделл.

— Послушайте, я влип. Застрял. Увяз в снегу. Нужны лыжи. Лыжи! Вы слышите меня?

Радио размеренно урчало. Рэделл снова взялся за лыжи. Стебли нужно связать. Оставался один выход — использовать провода радио или обогревательной аппаратуры. Чем пожертвовать?

Да, выбор не из легких. Радио необходимо. Но, с другой стороны, даже сейчас, когда обогреватели работали непрерывно, он мерз. Повредить обогреватель — значит остаться один на один с холодом Венеры.

Да, придется пожертвовать радио, решил он.

— Вы ведь скажете ей, правда? — внезапно проговорило радио.

— В мой следующий отпуск… — И снова умолкло.

Рэделл понял, что не сможет без радио, без его голосов, в своем одиноком кусочке цивилизованного мира.

Голова кружилась, одолевала усталость, горло пылало от жажды, но Рэделл не чувствовал себя одиноким, пока успокаивающе гудело из приемника. К тому же, если с лыжами у него ничего не получится, без радио он действительно будет отрезан от всего мира.

Стремительно, боясь передумать, он сорвал провода обогревателей, снял перчатки и взялся за дело.

Это было не так просто, как он предполагал. Он почти ничего не видел, потому что пластиковый шлем покрылся изморозью. Узлы на скользкой пластиковой проволоке не держались. Он стал вязать узлы посложнее, но все было бесполезно. После долгих неудач и ошибок ему удалось связать узел, который держался. Но теперь стебли выскальзывали из узлов. Ему пришлось исцарапать их застежками костюма, тогда они стали держаться.

Когда одна лыжа была почти готова, приступ головокружения заставил его прекратить работу. Нужен хоть глоток воды. Он отвинтил шлем и сунул в рот пригоршню снега. Это немного утолило его жажду.

Без шлема он видел получше. Пальцы рук и ног одеревенели от холода, руки и ступни занемели. Но больно не было. По правде говоря, это было приятное ощущение. Он почувствовал, что ему смертельно хочется спать. Никогда в жизни так не хотелось. И Рэделл решил хоть немного вздремнуть, а потом опять взяться за работу.

* * *

— Крайне срочно! Крайне срочно! Объединенная Электрическая вызывает «Элгонквин». Отвечайте, «Элгонквин». Что случилось?

— Не могу добраться до корабля, — бормотал Рэделл в полусне.

— Что стряслось, Рэделл? Что-нибудь вышло из строя? Корабль?

— Корабль в порядке.

— Костры! Костюм подвел?

— Нет... — вяло бормотал Рэделл сквозь сон. Он и сам не понимал, что же произошло. Каким-то образом он был вырван из цивилизованного мира и отброшен на миллионы лет назад, к тем временам, когда человек в одиночку противостоял силам природы. Еще недавно Рэделл был облачен в сталь и мог метать молнии. Сейчас же он повержен наземь и сражается с силами огня, воздуха и воды.

— Не могу объяснить. Только заберите меня, отсюда, — сказал Рэделл.

Он встряхнулся, прогоняя сон, и с трудом поднялся на ноги, уверенный, что сделал важное открытие. Он только теперь понял, что борется за свою жизнь точно так же, как миллиарды других людей боролись во все времена, как будут вечно бороться, хоть им и даны небывалые космические корабли.

Он не собирается умирать. Так просто он не сдастся.

Прежде всего нужно разжечь огонь. В кармане брюк, кажется, была коробка спичек.

Он быстро стащил с себя космический костюм и теперь стоял на снегу лишь в штанах и рубашке. Потом он протоптал снег до земли — и получилась защита от ветра. Он аккуратно сложил стебли для костра и насовал между ними листков из потрепанных «Правил». Поднес горящую спичку.

Если не загорится...

Но костер загорелся! Маслянистые ветки занялись сразу же и запылали, растопив снег.

Рэделл набрал снегу в шлем и поднес его поближе к огню. Теперь у него будет и вода! Он так низко наклонился над пылающими стеблями, что у него затлела рубашка. Но огонь не угасал. Рэделл швырнул в костер все оставшиеся стебли.

Их было немного. Даже если бросить в огонь наполовину готовую лыжу, то и этого хватит ненадолго.

* * *

— Вы знаете, что она мне сказала? Нет, правда, хотите знать, что она мне сказала? Она сказала...

— Срочно! Крайне срочно! Всем долой из эфира! Послушайте, Рэделл, это Объединенная Электрическая. За вами послан корабль с Луны. Вы слышите нас?

— Слышу. Когда он будет, здесь? — спросил Рэделл.

— Вы нас слышите, Рэделл? У вас все в порядке? Отвечайте, если можете.

— Я слышу вас. Когда придет корабль?

— Мы вас не слышим. Считаем, что вы еще живы. Корабль будет у вас через десять часов. Держитесь, Рэделл!

Десять часов! Огонь почти угас. Рэделл принялся пилить стебли. Но он не успевал напилить новых, как костер угасал. Снег в шлеме расстаял. Он выпил воду залпом и еще глубже протоптал снег вокруг огня. Закутался в костюм и приник к затухающему костру.

Десять часов!

Ему хотелось сказать им, что костюм замечательный. Да только вся беда в том, что Венера заставила его вылезти из костюма.

Ветер продолжал реветь над головой, не касаясь Рэделла в его укрытии. От костра оставался лишь крошечный язычок пламени. Рэделл в тревоге озирался: хоть бы что-нибудь отыскать для костра на этой равнине.

* * *

— Держись, старина. Мы ближе. Всего семь с половиной часов! Сожгли все горючее. Да не беда. Они послали к нам специальный корабль с горючим. Ну, вот мы и здесь.

— Яркое пламя полыхнуло на сером небе Венеры и понеслось к молчащей громаде «Элгонквина».

Корабль сел совсем рядом с «Элгонквином». Трое выбрались из него и спрыгнули в глубокий снег. Четвертый сбросил вниз несколько пар лыж.

Да, он был прав насчет лыж, верно? — Они стояли все вместе и внимательно вглядывались в прибор, который был прикреплен у одного из них на запястье.

— Радио у него не работает. Пошли!

Они помчались по снегу, в спешке толкая друг друга. Через милю пошли медленнее, но курс держали верный — их вел радиокомпас.

Потом они увидели Рэделла, скорчившегося над крохотным костром. Радио валялось в нескольких ярдах от него, видно, там он его и бросил.

Они подошли вплотную к Рэделлу, и он поднял голову и взглянул на них, пытаясь им улыбнуться.

Их внимание привлек разодранный космический костюм на снегу.

Рэделл поддерживал огонь в костре кусками подкладки самого лучшего и самого дорогого космического костюма из всех когда-либо созданных человеком.

Академия

ИНСТРУКЦИЯ
к пользованию измерителем вменяемости
«Кэгилл-Томас»,
серия ДМ-14 (модель с ручным управлением)

Производственная компания «Кэгилл-Томас» рада познакомить вас с новейшим измерителем вменяемости. Этот прекрасный, надежный прибор настолько малогабаритен, что превосходно вписывается в интерьер любой спальни, кухни, кабинета, а во всем остальном он является точной копией стационарного измерителя «К-Т», применяемого в большинстве учреждений, на общественном транспорте, в местах отдыха и развлечений и т. п. Фирма не пожалела усилий, чтобы снабдить вас наилучшим из всех возможных измерителей по самой низкой из всех возможных цен.

1) Действие. В правом нижнем углу прибора находится выключатель. Переведите его в позицию «включен» и выждите несколько секунд, пока прибор не нагреется. Затем переведите выключатель из позиции «включен» в позицию «работа». Выждите еще несколько секунд, затем снимайте показания.

2) Отсчет показаний. На передней части прибора, над выключателем, имеется прозрачное окошко со шкалой, отградуированной от единицы до десяти. Цифра, на которую указывает черная стрелка, характеризует ваше психическое состояние, сравнивая его с современной статистической нормой.

3) Цифры 0—3. В вашей модели, как и во всех измерителях вменяемости, за нуль принимается теоретически идеальное психическое состояние. Любая цифра выше нуля считается отклонением от нормы. Однако нуль – это не действительная, а скорее статистическая категория. Для нашей цивилизации диапазон вменяемости колеблется от нуля до трех. Всякое показание прибора в этих пределах считается нормальным.

4)Цифры 4—7. Эти цифры соответствуют допустимому пределу отклонения от нормы. Лица, зарегистрированные в данной зоне шкалы, должны немедленно явиться на

консультацию к терапевту.

5) Цифры 8—10. Лицо, получающее показания свыше семи, считается потенциально опасным для окружающих. У него почти наверняка запущенный невроз или даже психоз. По закону такой гражданин обязан встать на учет и в течение испытательного срока снизить показания до цифры меньше семи. (Длительность испытательного срока определяется законодательством каждого штата.) Если это не удается, гражданин обязан подвергнуться хирургическому изменению личности или добровольно пройти курс лечения в Академии.

6) Цифра 10. Под цифрой десять на шкалу прибора нанесена красная черта. Если стрелка переходит за эту черту, не может быть и речи об обычных платных терапевтических методах лечения. Такой гражданин обязан безотлагательно подвергнуться хирургическому изменению личности или немедленно пройти терапевтический курс лечения в Академии.

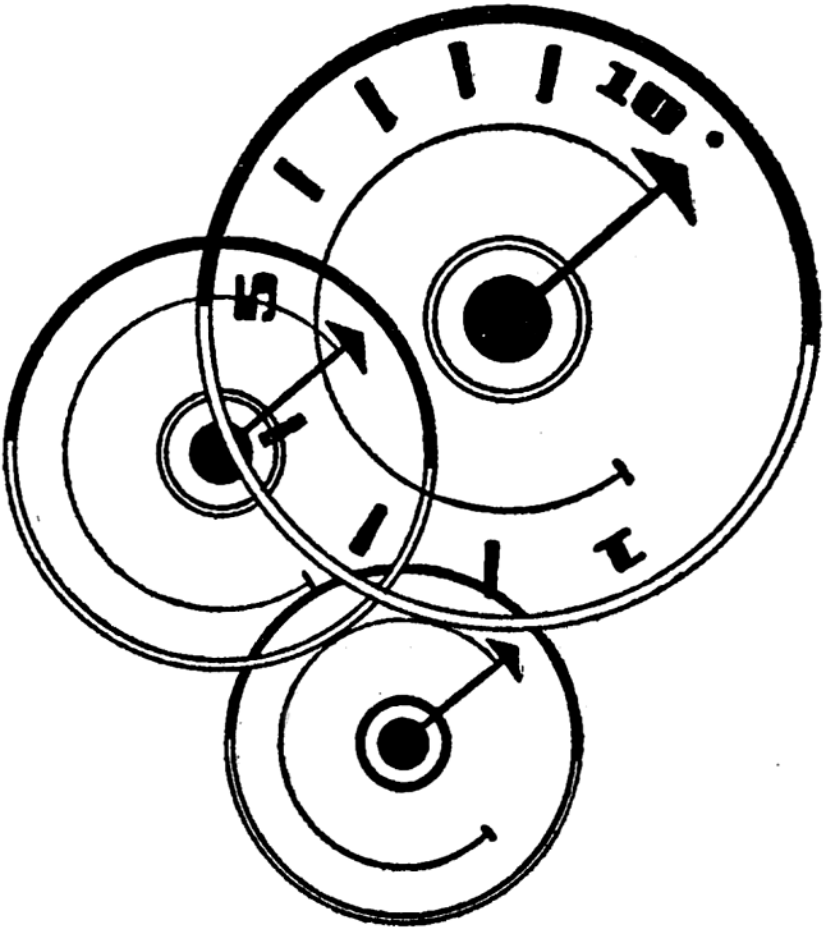
Предостережение:

А. Измеритель вменяемости – не диагностическая машина. Не пытайтесь самостоятельно решать вопрос о своем здоровье. Цифры от нуля до десяти не свидетельствуют о характере заболеваний – неврозе, психозе и т. п., а только говорят об их интенсивности. Шкала интенсивности характеризует лишь потенциальную способность данного индивидуума причинить вред социальному порядку. Невротик определенного типа может оказаться потенциально опаснее психотика, что и зарегистрирует любой измеритель вменяемости.

Для дальнейшего диагностирования обращайтесь к терапевту.

Б. Показания от нуля до десяти являются приблизительными. Для получения показаний с точностью до 10—30 пользуйтесь стационарной моделью.

В. Помните: вменяемость отдельной личности – дело каждого из нас. После периода великих мировых войн мы шагнули далеко вперед – исключительно из-за того, что положили в основу нашей цивилизации концепции социального душевного здоровья, индивидуальной ответственности и сохранения status



quo. Поэтому, если ваш показатель выше трех, обращайтесь за медицинской помощью. Если он выше семи, вы обязаны получить медицинскую помощь. Если вы перешагнули за десять, не дожидайтесь разоблачения и ареста. Ради спасения цивилизации отдайтесь добровольно в руки властей.

С наилучшими пожеланиями,
компания «Кэгилл-Томас».

Мистер Фирмен понимал, что после завтрака надо тотчас же идти на работу. При сложившихся обстоятельствах всякую задержку могли истолковать в неблагоприятном смысле. Он даже надел скромную серую шляпу, поправил галстук, двинулся к двери и взялся было за дверную ручку, но решил дождаться почты.

Недовольный собой, он отошел от двери и принялся расхаживать по комнате. Ведь он знал, что будет дожидаться почты; зачем же прикидываться, будто собираешься уходить? Неужто нельзя быть честным с самим собой, даже сейчас, когда так важна собственная честность?

Черный спаниель Спид, свернувшийся на кушетке, с любопытством посмотрел на него. Фирмен потрепал пса по голове, потянулся за сигаретой, но передумал. Он опять потрепал Спида, и пес лениво зевнул. Фирмен передвинул лампу, которую вовсе не нужно было передвигать, вздрогнул без всякой причины и снова принялся расхаживать по комнате.

Он неохотно признался себе, что у него нет настроения выходить из квартиры, – по правде говоря, он даже боится выйти, хотя ему ничто не угрожает. Он попытался убедить себя, что сегодня всего лишь обычный день, такой же, как вчерашний и позавчерашний. Ведь если человек в это поверит, по-настоящему поверит, события будут отодвигаться в бесконечность и с ним ничего не случится.

Кстати, почему сегодня обязательно должно что-то случиться? У него ведь еще не кончился испытательный срок.

Ему послышался какой-то шум возле наружной двери, и он поспешно открыл ее. Он ошибся, почта еще не пришла. Однако домовладелица тоже открыла дверь – ее квартира находилась на этой же площадке – и поглядела на него бесцветным недружелюбным взглядом.

Фирмен закрыл дверь и обнаружил, что у него дрожат руки. Он решил, что не мешает провериться. Он вошел в спальню, но там хлопотал роботворецкий, выметавший горстку пыли на середину комнаты. Кровать Фирмена была уже застелена; кровать жены нечего было стелить, так как там почти неделю никто не спал.

– Мне уйти, сэр? – спросил роботворецкий.

Фирмен ответил не сразу. Он предпочитал проверяться в одиночестве. Разумеется, роботворецкий не человек. Строго говоря,

механизмы – предметы неодушевленные, однако казалось, что этот робот наделен каким-то подобием души. Как бы то ни было, неважно, останется он или уйдет, потому что в схему всех личных роботов встроены измерители вменяемости. Этого требовал закон.

– Как хочешь, – сказал наконец Фирмен.

Рободворецкий всосал в себя горстку пыли и бесшумно выкатился из комнаты.

Фирмен подошел к прибору, включил его и привел в действие. Он угрюмо следил за тем, как черная стрелка медленно ползла мимо двойки и тройки – нормы, мимо шестерки и семерки – отклонений – к 8,2, где в конце концов замерла.

На одну десятую выше, чем вчера. На одну десятую ближе к красной черте.

Фирмен рывком выключил прибор и закурил сигарету. Он вышел из спальни медленно и устало, словно было не утро, а конец рабочего дня.

– Почта, сэр, – плавно подкатившись к нему, возгласил рободворецкий. Фирмен выхватил из протянутой руки робота пачку писем и просмотрел их.

– От нее ничего, – невольно вырвалось у него.

– Мне очень жаль, сэр, – быстро откликнулся рободворецкий.

– Тебе жаль? – Фирмен с любопытством взглянул на механизм. – Почему?

– Я, естественно, заинтересован в вашем благополучии, сэр, – заявил рободворецкий. – Так же, как и Спид, в меру своего понимания. Письмо от миссис Фирмен способствовало бы подъему вашего морального состояния. Нам жаль, что оно не пришло.

Спид тихо гавкнул и склонил морду набок. Сочувствие машины, жалость животного, подумал Фирмен. И все-таки он был благодарен обоим.

– Я ее ни в чем не виню, – сказал он. – Нельзя было полагать, что она станет терпеть меня вечно. – Он выждал, надеясь, что робот посулит ему возвращение жены и скорое выздоровление. Однако рободворецкий молча стоял возле Спида, который тем временем успел снова заснуть.

Фирмен еще раз просмотрел корреспонденцию. Там было несколько счетов, какое-то объявление и маленький негнущийся

конверт. На нем значился обратный адрес Академии, поэтому Фирмен торопливо вскрыл его.

Внутри конверта была открытка с надписью: «Дорогой мистер Фирмен, Ваше прошение о приеме рассмотрено и удовлетворено. Мы будем рады принять Вас в любое время. С благодарностью, дирекция».

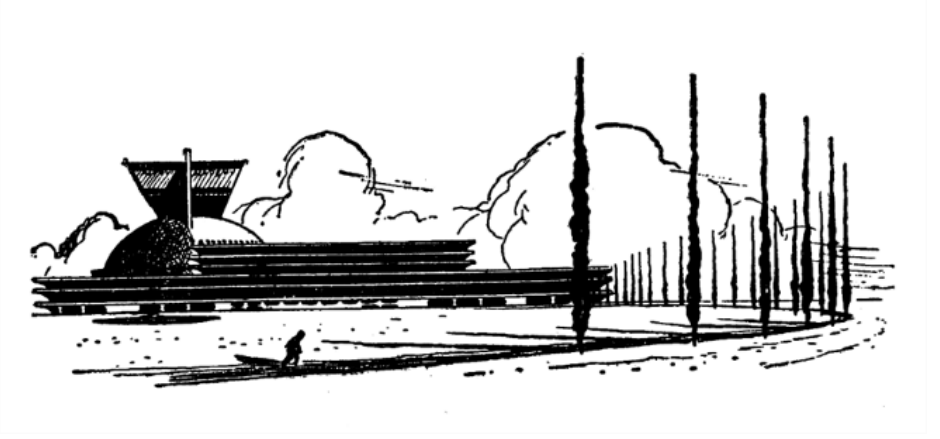
Фирмен покосился на открытку. У него в мыслях не было добиваться приема в Академию. Ни к чему в мире душа у него не лежала меньше.

– Это жена придумала? – спросил он.

– Не знаю, сэр, – отозвался рободворецкий.

Фирмен повертел в руках открытку. Он, конечно, всегда имел смутное представление о том, что существует Академия. О ней невозможно было не знать, так как она оказывала влияние на все сферы жизни. На самом же деле об этом важнейшем учреждении он знал очень мало – на редкость мало.

– Что такое Академия? – спросил он.



– Большое и приземистое серое здание, – ответил рободворецкий. – Расположено в юго-западной части города. До него можно добраться самыми различными видами общественного транспорта.

– Но что она собой представляет?

– Государственная лечебница, – пояснил рободворецкий, – доступная каждому, кто изъявит желание письменно или устно. Более того, Академия существует как место добровольного

пребывания всех людей, у которых показания измерителя превышают десять, – на выбор, взамен хирургического изменения личности.

Фирмен в изнеможении вздохнул.

– Все это мне известно. Но какова ее система? Что там за лечение?

– Не знаю, сэр, – сказал рободворецкий.

– Какой процент выздоравливающих?

– Сто процентов, – без запинки ответил рободворецкий.

Фирмен припомнил нечто, показавшееся ему странным.

– Постой-ка, – сказал он. – Из Академии никто не возвращается. Так ведь?

– Нет никаких сведений о лицах, которые вышли бы из Академии, после того как очутились в ее стенах, – ответил рободворецкий.

– Почему?

– Не знаю, сэр.

Фирмен смял открытку и бросил в пепельницу. Все это было весьма странно. Академия так хорошо известна, все с ней так свыклись, что никому и в голову не приходит расспрашивать. В его воображении это место всегда рисовалось каким-то расплывчатым пятном, далеким и нереальным. То было заведение, в которое отправляешься, перевалив за цифру «десять», так как не хочешь подвергаться лоботомии, топэктомии и прочим операциям, ведущим к необратимой утрате личности. Но, разумеется, стараешься не думать о том, что можешь перевалить за десять, так как самая эта мысль не что иное, как признание своей душевной неуравновешенности, и потому не размышляешь о том, какой выбор тебе предоставят, если это случится.

Впервые в жизни Фирмен пришел к выводу, что ему не нравится вся система. Придется навести кое-какие справки. Почему из Академии никто не выходит? Почему так мало известно о тамошних методах лечения, если они действительно эффективны на сто процентов?

– Пожалуй, пойду на работу, – сказал Фирмен. – Приготовь мне что-нибудь на ужин.

– Слушаю, сэр. Всего хорошего, сэр.

Спид вскочил с кушетки и проводил его до двери. Фирмен опустился на колени и погладил лоснящуюся черную голову.

– Нет, парень, ты оставайся дома. Сегодня не придется зарывать в землю кости.

– Спид никогда не зарывает костей, – вмешался рободворецкий.

– Это верно.

Нынешние собаки, так же как их хозяева, не испытывают неуверенности в завтрашнем дне. Нынче никто не прячет костей.

– Пока.

Он прошмыгнул мимо хозяйской двери и выскочил на улицу.

Фирмен опоздал на работу почти на двадцать минут. Войдя в двери, он позабыл предъявить обследующему механику удостоверение о прохождении испытательного срока. Гигантский стационарный измеритель вменяемости обследовал Фирмена, стрелка скакнула выше семи, зажглись красные сигнальные лампы. Резкий металлический голос из громкоговорителя прогремел: «Сэр! Сэр! Ваше отклонение от нормы вышло за пределы безопасности! Вам следует безотлагательно обратиться к врачу!»

Фирмен быстро выхватил из бумажника испытательное удостоверение. Однако и после этого машина продолжала добрых десять секунд упрямо рявкать на него. Все в холле пялили на него глаза. Мальчишки-рассыльные застыли, довольные, что оказались свидетелями скандала. Бизнесмены и конторские девушки начали перешептываться, а два полисмена из Охраны вменяемости многозначительно переглянулись. Рубашка Фирмена пропиталась потом и прилипла к спине. Он подавил желание броситься вон и подошел к лифту. Лифт был почти полон, и Фирмен не мог заставить себя войти. Он взбежал по лестнице на второй этаж и вызвал лифт. К тому времени как Фирмен попал в агентство Моргана, ему удалось овладеть собой. Он показал удостоверение измерителю вменяемости, стоящему у самой двери, платком вытер с лица пот и прошел внутрь.

В агентстве все уже знали о происшествии. Это было видно по общему молчанию, по тому, как отворачивались все лица. Фирмен быстрым шагом прошел в свой кабинет, закрыл дверь и повесил шляпу.

Он уселся за письменный стол, все еще слегка взбудораженный,

исполненный негодования против измерителя вменяемости. Если

бы только можно было расколотить эти проклятые штуки! Вечно суют нос в чужие дела, оглушительно гудят прямо в уши, выводят из равновесия...

Тут Фирмен поспешно оборвал собственную мысль. В измерителях нет ничего плохого. Мысль о них как о сознательных преследователях – одно из проявлений паранойи и, возможно, симптом его, Фирмена, нынешнего патологического состояния. Измерители – это всего лишь орудия человеческой воли. Общество в целом, напомнил он себе, нуждается в защите от личности, точно так же, как человеческое тело нуждается в защите от дисфункции любой из его частей. При самой нежной привязанности к своему желчному пузырю ты без сожаления пожертвуешь им, если он способен причинить вред всему организму.

Фирмен смутно сознавал шаткость подобной аналогии, но решил не думать над этим. Надо побольше узнать об Академии.

Закурив сигарету, он набрал номер Терапевтической справочной службы.

– Чем я могу вам помочь, сэр? – откликнулся приятный женский голос.

– Мне бы хотелось получить кое-какую информацию относительно Академии, – сказал Фирмен, чувствуя себя немного не в своей тарелке. Академия пользовалась такой известностью, так прочно вросла в повседневную жизнь, что его слова были равнозначны вопросу, какое в стране правительство.

– Академия помещается...

– Я знаю, где она помещается, – прервал Фирмен. – Мне бы хотелось выяснить, какие лечебные процедуры там назначают больным.

– Такой информацией мы не располагаем, сэр, – после паузы ответила женщина.

– Нет? А я полагал, что все данные о платной терапии доступны широкой публике.

– Практически так оно и есть, – медленно проговорила женщина. – Но Академия – это не платная лечебница в общепринятом смысле слова. Там действительно взимают плату, однако, с другой стороны, туда принимают больных и на благотворительных началах, совершенно бесплатно. Кроме того, Академию отчасти субсидирует

правительство.

Фирмен стряхнул пепел с сигареты и нетерпеливо возразил:

– Мне казалось, что все правительственные начинания известны широкой публике.

– Как правило, известны. За исключением тех случаев, когда подобная осведомленность может оказаться вредной для широкой публики.

– Значит, подобная осведомленность об Академии оказалась бы вредной? – торжествующе воскликнул Фирмен, чувствуя, что наконец-то добрался до сути дела.

– Ах, что вы, сэр! – От изумления голос женщины стал пронзительным. – Я вовсе не это имела в виду! Я просто излагала вам общие правила об отказе в информации. Академия, хотя она и предусмотрена законом, в известной степени оказалась поставленной над законом. Такое правовое положение объясняется тем, что Академия добилась стопроцентного излечения.

– Где я могу увидеть хоть одного излеченного? – спросил Фирмен. – Насколько я понимаю, никто из них никогда не выходил из Академии.

Тут-то они и попались, думал Фирмен, ожидая ответа. Ему показалось, будто в трубке послышался какой-то шепот. Внезапно над ухом раздался мужской голос, громкий и звучный.

– Говорит начальник отдела. У вас возникли затруднения?

Услышав энергичный голос невидимого собеседника, Фирмен едва не выронил трубку. Ощущение торжества развеялось, и он пожалел о том, что позвонил сюда. Однако он принудил себя добавить:

– Мне нужна кое-какая информация об Академии.

– Местонахождение...

– Да нет же! Я имею в виду, действительную информацию! – с отчаянием сказал Фирмен.

– С какой целью вы желаете получить эту информацию? – спросил начальник отдела, и в его голосе внезапно зазвучали вкрадчивые, почти гипнотические нотки опытного терапевта.

– Для осведомления, – не задумываясь ответил Фирмен. – Поскольку Академия – это вариант лечения, доступный мне в любое время, я хотел бы узнать о ней побольше, чтобы сделать правильный

выбор.

– Весьма правдоподобно, – заметил начальник отдела. – Однако вдумайтесь. Нужны ли вам полезные, деловые сведения? Такие, что будут способствовать вашему единению с обществом? Или ваша просьба продиктована праздным любопытством, поскольку вы подвержены беспокойству и другим, еще более серьезным комплексам?

– Я спрашиваю, потому что...

– Как ваша фамилия? – неожиданно спросил начальник отдела.

Фирмен промолчал.

– Каков уровень вашей вменяемости?

Фирмен по-прежнему молчал. Он старался понять, засечен ли уже номер его телефона, и склонялся к мысли, что уже засечен.

– Вы сомневаетесь в том, что Академия приносит неизмеримую пользу?

– Нет.

– Вы сомневаетесь в том, что Академия способствует сохранению status quo?

– Нет.

– Тогда в чем же дело? Почему вы отказываетесь назвать свою фамилию и уровень вменяемости? Почему испытываете необходимость в более полной информации?

– Благодарю вас, – пробормотал Фирмен и повесил трубку. Он сообразил, что телефонный звонок был роковой ошибкой. То был поступок восьмерочника, а не нормального человека. Начальник отдела, обладая профессионально развитым восприятием, сразу понял это. Разумеется, начальник отдела не станет давать такую информацию восьмерочнику. Фирмен знал, что тот, кто надеется когда-либо вернуться к статистической норме, должен куда тщательнее следить за своими поступками, анализировать их, отдавать себе в них отчет.

Он все еще сидел у телефона, когда послышался стук; дверь отворилась, и вошел его начальник, мистер Морган. Это был высокий человек, богатырского сложения, с круглым, сытым лицом. Он остановился перед столом Фирмена, барабаня пальцами по пресс-папье и глядя смущенно, как пойманный вор.

– Мне уже доложили об инциденте внизу, – сказал он, не глядя

на Фирмена и энергично постукивая пальцами.

– Минутная слабость, – автоматически ответил Фирмен. – Вообще-то мой уровень начинает улучшаться.

Говоря это, он не смел взглянуть Моргану в глаза. Оба напряженно уставились в противоположные углы комнаты. Наконец их взгляды скрестились.

– Послушайте, Фирмен, я стараюсь не вмешиваться в чужие дела, – заговорил Морган, садясь на уголок стола Фирмена. – Но черт побери, дружище, вменяемость – это вопрос, который затрагивает всех. Все мы под Богом ходим. – Эта мысль, казалось, укрепила Моргана в его убеждении. Разгорячившись, он подался к собеседнику. – Вы знаете, на мне лежит ответственность за множество сотрудников. За последний год вы третий раз находитесь на испытании. – Он заколебался. – Как это началось?

Фирмен покачал головой:

– Не знаю, мистер Морган. Жил себе помаленьку, тихо и спокойно – и вдруг стрелка полезла вверх.

Подумав, мистер Морган тоже покачал головой.

– Не может быть, чтобы так сразу, ни с того ни с сего. Вы проверяли мозговую ткань?

– Меня заверили, что никаких органических изменений нет.

– Лечились?

– Чего только не перепробовал, – сказал Фирмен. – Электротерапия, психоанализ, метод Смита, школа Раннеса, Девиа-мысль, дифференциация...

– И что вам сказали? – спросил Морган.

Фирмен вспомнил нескончаемую вереницу терапевтов, к которым он обращался. Его обследовали со всех точек зрения, разработанных психологией. Его усыпляли наркотиками, подвергали шоку и обследовали, обследовали... Однако все бурные усилия сводились к одному...

– Не разобрались.

– Неужели они вовсе ничего не могли сказать?

– Во всяком случае немногое. Врожденное беспокойство, глубоко скрытые комплексы, неспособность внутренне принять status quo. Все сходятся на том, что я негибкий тип. На меня не подействовала даже реконструкция личности.

– А как прогноз?

– Не слишком благоприятен.

Морган встал и принялся расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

– Фирмен, я думаю, это вопрос вашего внутреннего отношения к миру. Действительно ли вы хотите стать винтиком в нашем слаженном механизме?

– Я испробовал все...

– Конечно. Но хотели ли вы измениться? Приобщение! – воскликнул Морган и стукнул о ладонь кулаком, будто припечатал это слово. – Хотите ли вы приобщиться?

– Едва ли, – ответил Фирмен с искренним сожалением.

– Взять хоть меня, – серьезно сказал Морган, широко расставив ноги перед столом Фирмена. – Десять лет назад это агентство было вдвое больше нынешнего и продолжало расти! Я работал как одержимый, увеличивал фонды, умножал ценные бумаги, вкладывал капитал, расширял дело и делал деньги, деньги и снова деньги.

– И что же случилось?

– Неизбежное. Стрелка подпрыгнула с двух и трех десятых до семи с гаком. Я встал на дурной путь.

– Закон не воспрещает делать деньги, – заметил Фирмен.

– Безусловно. Но существует психологический закон против тех, кто делает их слишком много. Современное общество к таким вещам не приспособлено. Из расы вытравили почти всю жажду конкуренции, всю агрессивность. В конце концов, скоро будет сто лет, как установлен status quo. Все это время не было ни новых изобретений, ни войн, ни существенных изменений. Психология нормализует человечество, искореняя безрассудные элементы. Так вот, с моими склонностями и способностями это было все равно что... все равно что играть с младенцем в теннис. Меня невозможно было удержать.

Лицо Моргана раскраснелось, дыхание стало прерывистым. Он овладел собой и продолжал более ровным тоном:

– Понятно, мои поступки были продиктованы патологическими причинами. Жаждой власти, чрезмерным конкурентным азартом. Я прошел Подстановочную терапию.

Фирмен заметил:

– Не вижу ничего ненормального в желании расширить свое дело.

– Боже правый, дружище, да неужели вы ничего не смыслите в Социальной вменяемости, в Ответственности и Укладе стабильного общества? Я был на пути к обогащению. Разбогатев, я мог бы основать финансовую империю. Все вполне законно, понимаете ли, но ненормально. И кто знает, до чего бы я докатился? Быть может, в конечном итоге – до косвенного контроля над правительством. Я бы захотел изменить психологическую политику в соответствии со своими аномалиями. Представляете, к чему бы это привело?

– И вы приспособились, – сказал Фирмен.

– Я мог выбирать между Хирургией мозга, Академией и приспособлением. К счастью, я нашел выход своим склонностям в спортивной борьбе. Я облагородил свои эгоистические комплексы, направив их на благо человечества. Однако вот к чему я клоню, Фирмен. Ведь я приближался к красной черте. Но я приспособился, прежде чем оказалось слишком поздно.

– Я бы с радостью приспособился, – ответил Фирмен, – если бы знал, что со мной происходит. Беда в том, что диагноз неизвестен.

Морган долго молчал, что-то обдумывая. Наконец он сказал:

– Мне кажется, вам нужен отдых, Фирмен.

– Отдых? – Фирмен мгновенно насторожился. – Вы хотите сказать, что я уволен?

– Нет, разумеется, нет. Я хочу быть справедливым и поступать как порядочный человек. Но у меня здесь хозяйство. – Неопределенный жест Моргана означал – агентство, здание, город. – Безумие подкрадывается незаметно. На этой неделе у нескольких наших сотрудников уровень повысился.

– И очаг инфекции – это я.

– Мы должны подчиняться правилам, – сказал Морган, распрямляясь перед столом Фирмена. – Жалованье вам будет поступать до тех пор, пока... пока вы не примете какое-либо решение.

– Спасибо, – сухо произнес Фирмен. Он встал и надел шляпу.

Морган положил руку ему на плечо.

– Вы не задумывались об Академии? – негромко спросил он. – Я

хочу сказать, если больше ничего не поможет...

– Раз и навсегда – нет! – ответил Фирмен, заглянув прямо в маленькие голубые глазки Моргана.

Морган отвернулся:

– У вас, по-моему, необъяснимое предубеждение против Академии. Откуда оно? Ведь вы знаете, как организовано наше общество. Вы же не думаете, что в нем дозволят что-нибудь идущее вразрез с общим благом?

– Едва ли, – согласился Фирмен. – Но почему об Академии так мало известно?

Они прошли сквозь анфиладу безмолвных кабинетов. Никто из людей, с которыми Фирмен был так давно знаком, не оторвался от работы.

Морган открыл дверь и сказал:

– Вам все известно об Академии.

– Мне неизвестно, как там лечат.

– А все ли вы знаете об остальных видах лечения? Можете ли рассказать о Подстановочной терапии? О психоанализе? Или о Редукции О'Гилви?

– Нет. Но у меня есть общее представление об их воздействии.

– Оно есть у всех, – торжествующе подхватил Морган, но тут же понизил голос. – В том-то и загвоздка. Очевидно, Академия не дает такой информации, потому что это нанесло бы вред самой терапии. Но здесь нет ничего странного, не так ли?

Фирмен обдумывал эту мысль, следуя за Морганом в холл.

– Готов согласиться, – сказал он. – Но объясните, почему из Академии никто никогда не выходит? Не поражает ли вас это зловещее обстоятельство?

– Никоим образом. Вы очень странно смотрите на вещи. – Разговаривая, Морган нажал кнопку и вызвал лифт. – Будто стараетесь открыть тайну там, где ее и в помине нет. Я могу допустить, что их метод терапии требует пребывания пациента в стенах Академии. В изменении окружающей среды нет ничего странного. Это делается сплошь да рядом.

– Если это правда, почему бы им так и не сказать?

– Факты говорят сами за себя.

– А где же доказательства стопроцентного излечения? – спросил

Фирмен.

В этот момент прибыл лифт, и Фирмен вошел в него. Морган сказал:

– Доказательство в том, что они это утверждают. Терапевты не лгут. Они не способны на ложь, Фирмен!

Морган хотел было сказать что-то еще, но дверцы лифта захлопнулись. Лифт устремился вниз, и Фирмен с содроганием осознал, что лишился работы.

Странное это ощущение – остаться без работы. Идти было некуда. Частенько он ненавидел свою работу. Бывало, по утрам он стонал при мысли о том, что предстоит провести еще один день на службе. Но теперь, оказавшись не у дел, он понял, как важна была для него работа, она придавала ему солидность и уверенность в себе. «Человек – ничто, – думал он, – если ему нечего делать».

Он бесцельно обходил квартал за кварталом, пытаясь поразмыслить. Однако он был неспособен сосредоточиться. Мысли упорно ускользали, увертывались от него; мимолетными наплывами их вытесняло лицо жены. Но даже о ней он не мог толком подумать, потому что на него давил большой город – городские лица, звуки, запахи.

Единственный план действия, который пришел ему в голову, был невыполним. «Беги, – подсказывали смятенные чувства. – Беги туда, где тебя никогда не разыщут. Скройся!»

Но Фирмен знал, что это не выход. Бегство явилось бы чистейшим уходом от действительности и доказательством отклонения от нормы. В самом деле, откуда бы он сбежал? Из самого здравого, наиболее совершенного общества, когда-либо созданного человеком. Только безумец способен бежать отсюда.

Фирмен стал замечать встречных. Они казались счастливыми, исполненными нового духа Ответственности и Социальной вменяемости, готовыми пожертвовать былыми страстями во имя новой эры покоя. Это славный мир, чертовски славный мир. Отчего Фирмен не может в нем ужиться?

Нет, может. За многие недели у Фирмена впервые забрезжила вера в себя, и он решил, что как-то приспособится.

Если бы только знать как.

После многочасового гуляния Фирмен обнаружил, что голоден.

Он зашел в первый подвернувшийся ресторанчик. Зал был переполнен рабочими: Фирмен забрел почти к самым докам.

Он сел у стойки и заглянул в меню, повторяя себе, что необходимо все обдумать. Надо должным образом оценить свои поступки, тщательно взвесить...

– Эй, мистер!

Он поднял глаза. На него свирепо уставился лысый, заросший щетиной буфетчик.

– Что?

– Убирайтесь-ка подобру-поздорову.

– Что случилось? – спросил Фирмен, стараясь подавить внезапно охвативший его панический страх.

– Мы тут психов не обслуживаем, – сказал буфетчик. Он ткнул пальцем в сторону настенного прибора, который регистрировал состояние каждого посетителя. Черная стрелка забралась чуть повыше девяти. – Убирайтесь вон.

Фирмен бросил взгляд на других людей у стойки. Они сидели в ряд, одетые в одинаковые коричневые спецовки из грубого холста. Кепки были надвинуты на брови, и каждый, казалось, был всецело погружен в чтение газеты.

– У меня испытательное...

– Убирайтесь, – повторил буфетчик. – По закону я не обязан обслуживать всяких девяточников. Это беспокоит клиентов. Ну же, пошевеливайтесь.

Рабочие по-прежнему сидели чинным рядом, недвижно, не глядя в сторону Фирмена. Фирмен почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. У него появился внезапный импульс – вдребезги разбить лысый, лоснящийся череп буфетчика, врезаться с ножом мясника в рядок прислушивающихся людей, окропить грязные стены их кровью, крушить, убивать. Но агрессивность – реакция нежелательная и, безусловно, патологичная. Он преодолел нездоровый импульс и вышел на улицу.

Фирмен продолжал прогулку, борясь с желанием пуститься наутек: он ожидал, когда же логика подскажет ему, что делать дальше. Однако мысли все больше путались, и, когда наступили сумерки, Фирмен готов был свалиться от изнеможения.

Стоя на узенькой, заваленной гниющим мусором улочке в

районе трущоб, в окне второго этажа он заметил вывеску, сделанную от руки: «Дж. Дж. Флинн, терапевт-психолог. Может быть, мне удастся вам помочь». При мысли о всех высокооплачиваемых специалистах, к которым он обращался, Фирмен криво усмехнулся. Он пошел было прочь, но повернул и поднялся по лестнице, ведущей в приемную Флинна. Опять он был недоволен собой. Увидев вывеску, он в тот же миг понял, что пойдет к этому врачу. Неужели он никогда не перестанет лукавить с самим собой?

Кабинет Флинна был тесен и плохо освещен. Со стен облупилась краска, в комнате застоялся запах немытого тела. Флинн сидел за деревянным неполированным письменным столом и читал приключенческий журнальчик. Он был маленького роста, средних лет и уже начинал лысеть. Он курил трубку.

Фирмен собирался начать с самого начала, но неожиданно для себя выпалил:

– Послушайте, у меня страшные неприятности. Я потерял работу, от меня ушла жена, я испробовал все существующие методы терапии. Что вы можете сделать?

Флинн вынул изо рта трубку и взглянул на Фирмена. Он осмотрел его костюм, шляпу, туфли, как бы прикидывая их стоимость, затем спросил:

– А что сказали другие врачи?

– Их слова сводились к тому, что мне не на что надеяться.

– Конечно, так они и говорят, – подхватил Флинн, быстро произнося слова высоким и четким голосом. – Эти модные молодчики слишком легко сдаются. Однако надежда есть всегда. Разум – странная и сложная штука, друг мой, и то и дело…

Флинн неожиданно умолк и печально, иронически ухмыльнулся:

– Ах, да какой в этом толк? У вас уже появился обреченный взор, никуда не денешься. – Он выколотил трубку и устремил отсутствующий взгляд в потолок. – Вот что, я для вас ничего не могу сделать. Вы это знаете, и я это знаю. Зачем вы сюда пришли?

– Надо полагать, в поисках чуда, – ответил Фирмен, устало опускаясь на деревянный стул.

– Многие ищут, – словоохотливо сказал Флинн. – Видно, мой кабинет – самое подходящее место для поисков, не правда ли? Вы

посещали фешенебельные приемные модных специалистов. Помощи там не получили. Поэтому уместно и пристойно, если захудалый терапевт добьется того, что не удалось знаменитостям. Что-то вроде поэтической справедливости.

– Вот-вот, – одобрил Фирмен со слабой улыбкой. – Поэтической справедливости.

– Я не так уж бездарен, – заверил его Флинн, набивая трубку табаком из потрепанного зеленого кисета. – Но истина кроется в том, что чудеса стоят денег, всегда стоили и всегда будут стоить. Если вам не могли помочь светила, то я и подавно не могу.

– Спасибо за правду, – сказал Фирмен, но не сделал никакой попытки встать.

– По долгу терапевта, – медленно произнес Флинн, – напоминаю вам, что Академия открыта в любое время дня.

– Как же можно туда обращаться? – спросил Фирмен. – Ведь я о ней ничего не знаю.

– Никто не знает, – ответил Флинн. – Тем не менее я слышал, что там излечивают решительно всех.

– Смерть – тоже излечение.

– Но нецелесообразное. Кроме того, уж очень оно противоречит духу времени. При таком варианте Академией должны были бы заправлять невменяемые, а как раз им-то это и запрещено.

– Тогда почему же оттуда никто не выходит?

– Не спрашивайте меня, – сказал Флинн. – Может быть, никто не хочет оттуда выходить. – Он затянулся. – Вам нужен совет. О’кей. Деньги есть?

– Найду, – осторожно ответил Фирмен.

– Отлично. Мне не полагается этого говорить, но... Бросьте искать лекарства! Пойдите домой. Отправьте рободворецкого за двухмесячным запасом продуктов. Спрячьтесь до поры до времени.

– Спрятаться? Зачем?

Флинн метнул на него бешеный взгляд.

– Затем, что вы изводите себя, пытаясь вернуться к норме, и добиваетесь только ухудшения. Такие случаи я наблюдал сотнями. Перестаньте думать о вменяемости и невменяемости. Отлежитесь спокойненько месяц-другой, отдыхайте, читайте, толстейте. Тогда и посмотрим, как у вас пойдут дела.

– Знаете, – сказал Фирмен, – по-моему, вы правы. Я в этом уверен! Но не уверен, можно ли возвращаться домой. Сегодня я кое-куда звонил... У меня есть деньги. Не могли бы вы спрятать меня здесь, у вас? Спрячьте, пожалуйста!

Флинн встал и боязливо выглянул из окна на улицу.

– Я и так наговорил слишком много. Будь я помоложе... нет, не могу! Я дал вам безумный совет! Я не могу вдобавок совершить безумный поступок!

– Извините, – сказал Фирмен. – Мне не следовало вас просить. Но я и вправду очень вам благодарен. Честное слово.

Он встал.

– Сколько я вам должен?

– Ничего вы не должны, – ответил Флинн. – Желаю вам поправиться.

– Спасибо.

Фирмен поспешно спустился по лестнице и подозвал такси. Через двадцать минут он был дома.

Когда Фирмен подходил к своей квартире, на лестничной площадке было до странности тихо. У хозяйки дверь была закрыта, но у него создалось впечатление, что дверь закрылась перед самым его приходом и хозяйка притаилась за ней, прижав ухо к тонкому слою дерева. Он ускорил шаг и вошел в квартиру.

В квартире тоже было тихо. Фирмен пошел на кухню. Рободворецкий стоял у плиты, а Спид свернулся клубком в углу.

– Добро пожаловать, сэр, – приветствовал Фирмена рободворецкий. – Не угодно ли присесть, а я подам ужин.

Фирмен сел, продолжая строить дальнейшие планы. Надо продумать массу деталей, но в главном Флинн прав. Спрятаться – это именно то, что нужно. Исчезнуть с глаз долой.

– Завтра утром тебе первым делом надо будет сходить за покупками, – сказал Фирмен рободворецкому.

– Слушаю, сэр, – ответил рободворецкий, ставя перед ним тарелку с супом.

– Нам понадобится уйма продуктов. Хлеб, мясо... Нет, лучше покупай консервы.

– Какого рода консервы? – спросил рободворецкий.

– Любого, лишь бы они составили полноценный рацион. И

сигареты, не забудь про сигареты! Дай мне, пожалуйста, соли.

Рободворецкий стоял у плиты не двигаясь, а Спид тихонько заскулил.

– Рободворецкий! Пожалуйста, соли.

– Мне очень жаль, сэр, – сказал рободворецкий.

– Что значит – тебе жаль? Подай мне соль.

– Я больше не могу вам повиноваться.

– Почему?

– Только что вы перешли красную черту, сэр. Вы теперь десяточник.

Какое-то мгновение Фирмен бессмысленно смотрел на рободворецкого. Потом бросился в спальню и включил измеритель. Черная стрелка медленно подползла к красной черте, дрогнула и решительно перевалила за нее.

Он стал десяточником.

Но это неважно, убеждал он себя. В конце концов, количество не перешло в новое качество. Не превратился же он внезапно в чудовище. Он все объяснит рободворецкому, убедит...

Фирмен опрометью выскочил из спальни.

– Рободворецкий! Выслушай меня...

Он услышал, как хлопнула входная дверь. Рободворецкий ушел.

Фирмен побрел в столовую-гостиную и сел на кушетку. Естественно, рободворецкий ушел. Роботы оборудованы встроенными приборами для контроля душевного состояния. Если их хозяева перешагивают за красную черту, роботы автоматически возвращаются на завод. Ни один десяточник не может распоряжаться сложным механизмом.

Однако еще не все пропало. В доме есть еда. Он ограничит себя жесткой нормой. Со Спидом будет не так одиноко. Может быть, ему и потребуется всего-то несколько дней.

– Спид!

В квартире не слышалось ни звука.

– Поди сюда, псина.

По-прежнему ни звука.

Фирмен методически обыскал всю квартиру, но пса нигде не было. Он, наверное, ушел вместе с рободворецким.

В одиночестве Фирмен пошел на кухню и выпил три стакана

воды. Он взглянул на ужин, приготовленный рободворецким, и принялся было хохотать, но тут же опомнился.

Надо сматываться, да поживее. Нельзя терять ни минуты. Если поспешить, то, может, что-нибудь и выйдет. Куда-нибудь, в любое место. Теперь каждая секунда на счету.

Однако он все стоял на кухне, тупо уставясь в пол и дивясь, почему его покинул пес.

В дверь постучали.

– Мистер Фирмен!

– Нет, – сказал Фирмен.

– Мистер Фирмен, вы должны немедленно съехать.

Это была домовладелица. Фирмен открыл ей дверь.

– Съехать? Куда?

– Это меня не касается. Но вам нельзя здесь больше оставаться, мистер Фирмен. Вы должны съехать.

Фирмен вернулся в комнату за шляпой, надел ее, огляделся по сторонам и вышел. Дверь он оставил открытой.

На улице его поджидали двое. В темноте трудно было разглядеть их лица.

– Куда вы хотите отправиться? – спросил один из них.

– А куда можно?

– На Хирургию или в Академию.

– Тогда в Академию.

Они усадили его в машину и быстро отъехали. Фирмен откинулся на спинку сиденья, слишком измученный, чтобы о чем-то думать. Он чувствовал на лице прохладный ветерок, да и легкое покачивание машины было приятно. Однако поездка казалась нескончаемо долгой.

– Приехали, – сказал наконец один из сопровождающих. Они остановили машину и ввели Фирмена в комнатку, где не было мебели. Лишь в центре стоял письменный стол с дощечкой «Дежурный по приему». Навалившись на стол, там сладко похрапывал какой-то человек.

Один из конвоиров Фирмена громко кашлянул. Дежурный тотчас вскочил, выпрямился и стал протирать глаза. Он нацепил очки и сонно посмотрел на вошедших.

– Который? – спросил он.

Два конвоира указали на Фирмена.

– Ладно. – Дежурный потянулся, раскинув тощие руки, потом открыл большой черный блокнот. Он набросал несколько слов, вырвал листок и вручил конвоирам Фирмена. Те сразу ушли.

Дежурный нажал некую кнопку и энергично почесал в затылке.

– Сегодня полнолуние, – сказал он Фирмену с видимым удовлетворением.

– Что? – переспросил Фирмен.

– Полнолуние. Таких, как ты, больше всего привозят в полнолуние, во всяком случае, мне так кажется. Я подумываю написать на эту тему диссертацию.

– Больше всего? Чего больше? – опять переспросил Фирмен, который еще не пришел в себя, попав в стены Академии.

– Не будь таким тупицей, – строго сказал дежурный. – Во время полнолуния к нам поступает больше всего десяточников. Не думаю, чтобы здесь существовала какая-то корреляционная зависимость, но... ага, вот и охранник.

На ходу завязывая галстук, к столу подошел охранник в форме.

– Отведи его в 312-АА, – сказал дежурный. Когда Фирмен пошел к двери вслед за охранником, дежурный снял очки и снова повалился на стол.

Охранник вел Фирмена по запутанной сети коридоров с частыми дверями. Коридоры, казалось, возникали сами по себе, так как от них под всевозможными углами шли ответвления, а некоторые отрезки изгибались и петляли, как улицы древних городов. По пути Фирмен заметил, что двери не были пронумерованы в последовательном порядке. Он прошел 3112, потом 25Р, потом 14. И был уверен, что мимо номера 888 проходил трижды.

– Как вы здесь не заблудитесь? – спросил он охранника.

– Это моя работа, – ответил тот не без учтивости.

– Особой системы тут не видно, – заметил Фирмен.

– Ее и не может быть, – сказал охранник почти доверительным тоном. – Ведь здесь по проекту намечалось гораздо меньше палат, но после началась лихорадка. Больные, больные, каждый день все новые больные, и ни намека на передышку. Так что пришлось разбить палаты на меньшие и проделать новые коридоры.

– Но как же врачи находят своих пациентов? – спросил Фирмен.

Они подошли к 312-АА. Не отвечая, охранник отпер дверь, а когда Фирмен переступил порог, закрыл ее и запер на ключ.

Палата была очень мала. Там стояли кушетка, кресло и шкафчик; эта немудреная мебель занимала всю клетушку.

Почти сразу Фирмен услышал за дверью голоса. Мужской голос сказал: «Согласен, пусть кофе. В кафетерии через полчаса». В замке повернулся ключ, и Фирмен не расслышал ответа. Внезапно раздался взрыв смеха.

Низкий мужской голос произнес:

– Ну да, и еще сотню, и тогда нам придется в поисках мест лезть под землю!

Дверь отворилась, и в палату, все еще слегка улыбаясь, вошел бородач в белом пиджаке. При виде Фирмена лицо его приняло профессиональное выражение.

– Прилягте, пожалуйста, на кушетку, – сказал он вежливо, но с несомненной властностью.

Фирмен ни единым жестом не показал, что собирается повиноваться.

– Раз уж я здесь, – сказал он, – может быть, вы мне объясните, что все это значит?

Бородач принялся отпирать шкафчик. Он бросил на Фирмена усталый, но в то же время насмешливый взгляд и поднял брови.

– Я не лектор, а врач, – ответил он.

– Я понимаю. Но ведь...

– Да-да, – сказал врач, беспомощно пожимая плечами. – Я знаю. Вы вправе спросить и все такое. Ей-богу, вам должны были, это разъяснить до того, как вы сюда попали. Это просто не моя работа.

Фирмен продолжал стоять. Врач сказал:

– Будьте умницей, ложитесь на кушетку, и я вам все расскажу.

Он снова отвернулся к шкафчику.

У Фирмена мелькнула мысль – не попытаться ли скрутить врача, но он тут же сообразил, что, должно быть, до него об этом думали тысячи десяточников. Наверняка существуют какие-то меры предосторожности. Он улегся на кушетку.

– Академия, – заговорил врач, не переставая копошиться в шкафчике, – это закономерное порождение нашей эпохи. Чтобы понять ее, надо сначала понять свой век. – Врач выдержал

драматическую паузу и со смаком продолжал: – Вменяемость! Однако с вменяемостью, особенно с социальной вменяемостью, неразрывно связано чудовищное напряжение. Как легко повредиться в уме! И, единожды повредившись, человек начинает переоценивать ценности, у него появляются странные надежды, идеи, теории... потребность действия. Все это само по себе может и не быть патологией, но в результате неизбежно вредит обществу, ибо сдвиг в каком бы то ни было направлении опасен для стабильного общества. Ныне, после тысячелетий кровопролития, мы поставили перед собой цель – защитить общество от патологической личности. Поэтому каждая личность должна избегать тех умственных построений, тех безмолвных решений, которые делают ее потенциально опасной: грозят переменами. Подобное стремление к стабильности, являющейся нашим идеалом, требует чуть ли не сверхчеловеческой силы и решимости. Если в вас нет этих качеств, вы кончите здесь.

– Мне все же не ясно... – начал Фирмен, но врач его перебил:

– Отсюда очевидна необходимость Академии. На сегодняшний день по-настоящему гарантирует вменяемость лишь хирургическая операция мозга. Однако человеку неприятна даже мысль об этом – только дьявол мог предложить такой выбор. Государственная хирургия мозга приводит к гибели первоначальной личности, а это самая страшная смерть. Академия старается ослабить напряжение, предлагает альтернативу.

– Но что это за альтернатива? Почему вы скрываете?

– Откровенно говоря, большинство предпочитает оставаться в неведении. – Врач запер шкафчик, но Фирмену не было видно, какие инструменты он оттуда достал. – Поверьте мне, ваша реакция нетипична. Вы предпочитаете думать о нас как о мрачной, таинственной, грозной силе. Это из-за вашего безумия. Здравомыслящие люди считают нас панацеей, приятно-туманным избавлением от жестокой определенности. Они верят в нас, как в Бога. – Врач тихонько хмыкнул. – Большинству людей мы представляемся раем.

– Почему же вы храните свои методы в тайне?

– Откровенно говоря, – ласково ответил врач, – даже райские методы лучше не рассматривать слишком пристально.

– Значит, все это обман? – воскликнул Фирмен, пытаясь сесть. – Вы хотите меня убить!

– Ни в коем случае, – заверил врач и мягким движением заставил его лечь.

– Так что же вы собираетесь делать?

– Увидите.

– А почему отсюда никто не возвращается?

– Не желают, – ответил врач. Прежде чем Фирмен успел шевельнуться, врач ловко всадил ему в руку иглу шприца и впрыснул теплую жидкость.

– И помните, – сказал он, – надо защищать общество от личности.

– Да, – сквозь дремоту отозвался Фирмен, – но кто защитит личность от общества?

Очертания предметов в палате расплылись, и, хотя врач что-то ответил, Фирмен не расслышал слов – знал только, что они мудры, уместны и очень истинны.

Придя в себя, он заметил, что стоит на огромной равнине. Всходило солнце. В тусклом свете к ногам Фирмена льнули клочья тумана, а трава под ногами была мокрой и упругой.

Фирмен вяло удивился, увидев, что рядом, по правую руку от него, стоит жена. Слева к его ноге прижался чуть дрожащий Спид. Удивление быстро развеялось, потому что перед битвой здесь, возле хозяина, и полагалось быть жене и псу.

Впереди движущийся туман распался на отдельные фигурки, и Фирмен узнал их, когда они приблизились.

То были враги! Процессию возглавлял рободворецкий; в полутьме он мерцал зловещим нечеловеческим блеском. Там был и Морган, который, обращаясь к начальнику отдела, истерически вопил, что Фирмен должен умереть; а запуганный Флинн, бедняга, прятал лицо, но надвигался на него. Там была и домовладелица, которая пронзительно кричала: «Нет ему жилья!» А за ней шли врачи, дежурные, охранники, а за ними шагали миллионы в грубых рабочих спецовках; кепки у них были надвинуты на глаза, газеты скатаны в тугую трубочку.

Фирмен подобрался в ожидании решительного боя с врагами, которые его предали. Однако в мозгу шевельнулось сомнение. Наяву

ли все это?

Внезапно, он с отвращением увидел как бы со стороны свое одурманенное наркотиками тело, лежащее в нумерованной палате Академии, в то время как дух его невесть где сражается с тенями.

Я вполне нормален! В минуту полного просветления Фирмен понял, что надо бежать. Не его удел – бороться с призрачным противником. Надо вернуться в настоящий мир. Status quo не будет длиться вечно. Что же станется с человечеством, из которого вытравили силу, инициативу, индивидуальность?

Из Академии никто не выходит? А вот он выйдет! Фирмен попытался вырваться из-под власти наркотического бреда, он почти ощущал, как ворочается на кушетке его никому не нужное тело, как он стонет, заставляя себя встать…

Но призрачная жена схватила его за руку и указала вдаль. Призрачный пес зарычал на надвигающегося противника.

Мгновение было безвозвратно упущено, хотя Фирмен этого так никогда и не понял. Он позабыл о своем решении вырваться, позабыл о земле, позабыл о правде, и капли росы окропили его ноги, когда он ринулся в жестокую схватку с врагом.

Второй рай

В ожидании своего часа космическая станция вращалась вокруг планеты. Строго говоря, разум у нее отсутствовал ввиду его полной ненадобности, однако она все же обладала некоторым сознанием, и определенными свойствами, и реакциями.

Предназначение этой хитроумной машины было запечатлено в металле конструкций и электронных схемах, а может, в машине даже сохранялись какие-то эмоции, заложенные ее создателем, — дикие надежды, страхи и безумная гонка, ограниченная временем.

Но надежды оказались напрасными, поскольку гонка была проиграна, и теперь огромная конструкция облетала поверхность планеты, оставшись незавершенной, а ныне и вовсе бесполезная.

И все-таки она обладала некоторым сознанием, и определенными свойствами, и реакциями. Она была хитроумна и знала, что ей необходимо. А потому машина обследовала окружающее пространство в поисках отсутствующих компонентов.

В созвездии Волопаса пилот вывел корабль к небольшому вишнево-красному солнцу и, совершив разворот, увидел, что одна из планет этой системы имеет редко встречающийся прекрасный зелено-голубой цвет, как у Земли.

— Погляди на нее! — дрожащим от волнения голосом воскликнул Флеминг, отворачиваясь от пульта управления. — Планета земного типа! Земного, правда, Говард? Мы на ней разбогатеем!

Низкорослый и лысый Говард, с брюшком, формой и размерами напоминавшим арбуз, неторопливо выбрался из корабельного камбуза, жуя на ходу авокадо. Он был сердит. Ведь его оторвали от важнейшего дела — приготовления обеда. Говард считал приготовление пищи искусством, и если бы он не был бизнесменом, то стал бы шеф-поваром. Они с Флемингом прекрасно питались во всех полетах, поскольку Говард имел особый подход к жареным цыплятам; готовил жаркое Говарда под соусом Говарда и особенно отличался в умении подавать салат Говарда.

— Она может быть земного типа, — заметил он, спокойно посмотрев на зелено-голубую планету.

— Не может, а именно земного, — уверенно заявил юный Флеминг, обладающий энтузиазмом намного большим, чем позволительно иметь человеку в космосе.

Несмотря на его худобу, ничуть не исчезавшую вопреки: стараниям Говарда, и в беспорядке спадающие на лоб рыжие волосы, Говард терпимо относился к нему, и не только потому, что Флеминг имел особый подход к кораблям и двигателям, главное — он имел деловую хватку. А деловая хватка в космосе являлась наиважнейшей необходимостью, где оценивалась в кругленькую сумму порой только за то, чтобы корабль взлетел.

— Лишь бы она не была обитаема, — молил Флеминг: проявляя тем самым свой энтузиазм и деловой подход. — Тогда она будет целиком наша. Наша, Говард! Планета земного типа! О Господи! Да только одну недвижимость и ту уже можно продать за целое состояние, не говоря уж о правах на разработку полезных ископаемых, на дозаправку звездолетов и всех прочих.

Говард проглотил последний кусок авокадо. Молодому Флемингу предстоит еще многому научиться. Поиск и продажа планет — абсолютно такое же дело, как выращивание и продажа апельсинов. Ну не совсем, конечно, такое же: апельсины неопасны, а планеты порой — да. И апельсины не приносят огромных доходов, тогда как с хорошей планеты можно сорвать большой куш.

— Сядем на нашу планету прямо сейчас? — нетерпеливо спросил Флеминг.

— Обязательно, — согласился Говард. — Только... вон та космическая станция прямо по курсу почему-то наводит меня на мысль, что местные обитатели могут считать ее своей планетой.

Флеминг присмотрелся. И верно — прежде скрытая диском планеты в поле видимости выплыла космическая станция.

— О, черт, — выругался Флеминг, и его вытянутое веснушчатое лицо скривилось в недовольной гримасе. — Значит, она населена. Слушай, а может, мы...

Он не закончил фразу и выразительно посмотрел на пульт управления боезарядами.

— Хм... — По внешнему виду станции Говард приблизительно оценил уровень технологии ее создания, потом глянул на планету и с сожалением покачал головой. — Нет, не выйдет.

— Ладно, — произнес Флеминг, — по крайней мере, у нас первые права на торговлю.

Он снова выглянул в иллюминатор и схватил Говарда за руку.

— Посмотри-ка на станцию! На серой металлической сфере одна за другой замигали яркие вспышки.

— Что, по-твоему, это означает? — спросил Флеминг.

— Понятия не имею, — отозвался Говард. — И вряд ли мы с тобой это узнаем. С таким же успехом ты можешь прямо садиться на планету — если никто, конечно, не попытается тебя остановить.

Флеминг кивнул и переключил пульт управления в ручной режим. В течение нескольких секунд Говард с интересом наблюдал за ним.

На панели управления располагалось множество шкал, переключателей и измерителей, сделанных из металла, пластика и кварца, а по другую сторону пульта находился Флеминг — из плота, крови и костей. Казалось невозможным, что между ними может существовать какое-то родство, за исключением, может, самого поверхностного и незначительного. Однако Флеминг как бы слился с пультом управления в единое целое: его глаза сканировали шкалы с механической точностью, пальцы стали продолжением переключателей, и казалось, что металл под его руками делается податливым и подчиняется любому его желанию. Кварцевые шкалы мерцали красным светом, и глаза Флеминга тоже приобрели красноватый оттенок, причем явно не совсем за счет отражения света шкал.

Как только корабль вышел на спираль тормозной орбиты, Говард уютно расположился на камбузе. Он прикинул расходы на питание и топливо плюс амортизационный износ корабля, затем для надежности увеличил полученный результат на треть и занес итоговую сумму в приходно-расходную книгу. Мало ли что, а вдруг в дальнейшем пригодится для расчета подоходного налога.

Они совершили посадку на окраине города и стали поджидать местных представителей таможенной службы. Никто не приходил. Они провели стандартный набор анализов проб воздуха на химический состав и содержание микроорганизмов и продолжали ждать. Но и тогда никто не появился. Прождав полдня, Флеминг раздраил люк, и они с Говардом отправились в город, Первые

скелеты, валявшиеся на разбитой бетонной дороге, привели их в замешательство. Это выглядело так неопрятно. Какой же цивилизованный народ оставляет скелеты на дорогах? Почему их никто не убрал?

Однако население города состояло из одних скелетов — тысяч, миллионов скелетов, заполнивших разрушенные театры, валявшихся в переходах пыльных магазинов, разбросанных вдоль изрешеченных дулями улиц.

— Должно быть, шла война, — заметил Флеминг весело.

В центре города напарники обнаружили смотровой плац, где прямо на траве лежали скелеты в форме. Трибуны были завалены скелетами чиновников, офицеров, жен и родителей. А за трибунами лежали скелеты детей, пробравшихся поглазеть на зрелище.

— Точно, война, — кивнув, заявил Флеминг. — Эти проиграли.

— Очевидно, — согласился Говард. — А кто выиграл?

— Что?

— Где же победители?

В этот момент над их головами пролетела космическая станция, отбросив тень на безмолвные шеренги скелетов. Оба человека с тревогой проводили ее взглядом.

— Полагаешь, погибли все? — с надеждой спросил Флеминг.

— Думаю, нам и следует это выяснить. Они направились к своему кораблю. Явно в приподнятом настроении Флеминг начал насвистывать и ногами отпихивать с дороги кучки костей.

— Мы нашли клад, — улыбаясь Говарду, проговорил он.

— Пока еще нет, — поосторожничал тот. — Еще могут остаться уцелевшие... Но, перехватив взгляд Флеминга, тоже улыбнулся. — Вот уж воистину удачная поездка.

Облет планеты не занял много времени. Зелено-голубой шар оказался разрушенной могилой. На каждом континенте небольшие города населяли десятки тысяч костей их прежних обитателей, каждый крупный город — миллионы. Горы и равнины были усеяны скелетами. Скелеты везде — и в озерах, и в лесах, и в джунглях.

— Какой беспорядок! — завершая облет планеты, заметил Флеминг. — Как считаешь, сколько же их здесь жило?

— Примерно девять миллиардов плюс-минус миллиард, — ответил Говард.

— И что же, по-твоему, произошло?

Говард невесело улыбнулся.

— Существует три классических способа массового самоуничтожения. Первый заражение атмосферы ядовитыми газами; второй, близкий к первому, радиоактивное заражение, вдобавок уничтожающее и растительную жизнь; и наконец, лабораторные штаммы бактерий, созданные исключительно с целью массового поражения. Если они выйдут из-под контроля, то могут уничтожить всех на планете.

— Считаешь, здесь произошло именно последнее? — с живым интересом спросил Флеминг.

— Да, — подтвердил Говард и, потерев рукой яблоко, откусил от него здоровый кусок. — Я, конечно, не патолог, но отметины на костях...

— Бактерии? — Флеминг невольно закашлялся. — А ты не думаешь...

— Ты бы уже умер, если бы они до сих пор проявляли активность. Судя по эрозии костей, это случилось несколько столетий назад. Бактерии тоже погибли, на счастье человеку, выступающему для них в качестве носителя.

Флеминг выразительно тряхнул головой.

— Прямо как по заказу! Жаль, конечно, людей — военные там судьбы и все такое прочее... но планета действительно наша! — Он окинул взглядом простирающиеся под ними зеленые поля. — Как мы ее назовем, Говард? Говард посмотрел на поля и дикие заросшие пастбища, окаймлявшие бетонные дороги.

— Мы можем назвать ее «Второй Рай», — предложил он. — Для фермеров она станет настоящей небесной благодатью.

— Второй Рай! Здорово! — согласился Флеминг. — Считаю, нам следует нанять бригаду для уборки скелетов. А то уж больно странно все это выглядит.

— Мы наймем ее после...

Над ними снова пролетела космическая станция.

— Огни! — воскликнул вдруг Говард.

— Огни? — Флеминг уставился на удаляющуюся сферу.

— Когда мы подлетели. Помнишь? Вспышки света?

— Верно, — припомнил Флеминг. — Ты полагаешь, на станции

кто-то есть?

— Мы должны это выяснить немедленно, — мрачно произнес Говард и откусил от яблока еще раз, когда Флеминг развернул корабль.

Подлетев к космической станции, первое, что они увидели, был другой космический корабль, прицепившийся к полированной металлической поверхности сферы как паук к паутине. В небольшом — раза в три меньше их собственного корабле один из люков оказался приоткрытым.

Одетые в скафандры и шлемы напарники остановились у приоткрытого люка. Промерив рукой вход, Флеминг распахнул люк настежь. Оба с любопытством направили лучи своих фонариков внутрь, пригляделись — и резко отпрянули. Однако Говард почти сразу подошел снова, а Флеминг полез внутрь чужого корабля.

Там находилось человеческое тело, наполовину выпавшее из кресла пилота и навечно застывшее в таком неустойчивом положении. На лице пилота оставалось достаточно плоти, запечатлевшей выражение предсмертной агонии, однако все лицо было испещрено следами какой-то болезни, проевшей кожу до костей.

На корме корабля громоздились штабеля деревянных ящиков. Флеминг оторвал крышку одного из них и направил внутрь луч фонарика.

— Продукты, — заключил Говард.

— Должно быть, пытался спрятаться на станции, — предположил Флеминг.

— Похоже на то. Однако ему не удалось. Они покидали корабль с чувством отвращения. Скелеты не производили такого впечатления, они существовали самостоятельно, замкнутыми друг на друга. Но этот труп представлял собой слишком выразительную смерть.

— Так кто же зажег огни? — поинтересовался Флеминг, снова оказавшись на поверхности станции.

— А может, они работают в автоматическом режиме? — с сомнением предположил Говард. — Тогда необязательно, что там кто-то уцелел.

Они прошлись по поверхности станции и обнаружили вход.

— Зайдем? — предложил Флеминг.

— К чему лишние хлопоты? — быстро возразил Говард. — Раса мертва. И мы вполне можем вернуться на Землю и подать заявку на планету.

— Если выжил хотя бы один, — напомнил Флеминг, — то по закону планета принадлежит ему.

Говард нехотя кивнул. Было бы слишком неприятно проделать дорогостоящее путешествие до Земли, вернуться с подготовительной бригадой и обнаружить, что некто устроил себе на космической станции уютное жилище. Бот если бы уцелевшие притаились на планете, тогда по закону заявка оставалась бы действительной. Но человек на космической станции, которую они поленились осмотреть...

— Полагаю, мы просто обязаны войти, — заявил Говард и распахнул люк.

Внутри царила кромешная темнота. Говард навел свой фонарик на Флеминга. В желтом свете луча лицо напарника было полностью лишено теней и напоминало слепок примитивной маски. Говард зажмурился, немного напуганный увиденным, ибо в тот момент в лице Флеминга отсутствовали признаки индивидуальности.

— Воздух годен для дыхания, — сообщил Флеминг, мгновенно обретая пропавшую было индивидуальность.

Говард откинул шлем на спину и посветил фонариком вверх. Ему показалось, что массивные стальные стены давят на него. Он пошарил в кармане, отыскал редиску и для поддержания духа отправил ее в рот.

Напарники двинулись дальше.

В течение получаса они продвигались вдоль узкого извилистого коридора, рассекая лучами фонариков тьму впереди. Металлический пол, поначалу казавшийся таким прочным, начал скрипеть и стонать от скрытых напряжений, что довело Говарда до белого каления и нисколько не трогало Флеминга, судя по его виду.

— Скорее всего, это бомбометательная станция, — предположил спустя какое-то время Флеминг.

— Я тоже так считаю.

— Тонны металла, — пнув одну из стен, заявил Флеминг. — Наверное, придется продать его на металлолом, если, конечно, не удастся сохранить что-либо из оборудования.

— Цена металлолома... — начал Говард, но в это мгновение под Флемингом открылся люк.

Флеминг провалился так быстро, что даже не успел вскрикнуть. Крышка люка встала на место.

Говард отшатнулся словно от удара. Луч фонарика на миг вспыхнул и погас. Взмахнув руками, Говард замер, не успевая привести в порядок бешеную скачку мыслей. Волна шока медленно отступила, оставив Говарду тупую тяжесть в голове.

— ...сейчас не особенно высока, — закончил он лишенную смысла фразу, все еще не веря тому, что случилось.

Приблизившись к люку, он позвал: «Флеминг!»

Никакого ответа. По телу Говарда пробежали мурашки. Изо всей

мочи он заорал: «Флеминг!» Потом выпрямился. Голова болезненно гудела. Говард глубоко вздохнул, развернулся и направился к выходу, стараясь ни о чем не думать.

Однако выхода не оказалось — оплавленные края захлопнувшегося люка еще хранили тепло. Говард с большим интересом исследовал его, щупая, толкая и пиная. Однако после безрезультатных попыток вскоре ощутил давившую на него тьму. Говарда охватило смятение, на лице выступили капельки пота.

— Кто здесь? — крикнул он в глубину темного коридора. — Флеминг! Ты меня слышишь? Никакого ответа. И тогда Говард завопил:

— Кто это сделал? Зачем на станции загорались огни? Что вы сделали с Флемингом? — Помолчал несколько секунд, прислушиваясь, и всхлипнул:

— Откройте! Я уйду и никому не скажу!

Еще немного подождал, направив луч фонарика в коридор, стараясь угадать, что скрывается во тьме, и наконец крикнул:

— Почему вы не открыли пол подо мной?

И тяжело дыша улегся у стены. Однако люк не открылся. Может; — подумал он, — люк открывается автоматически? Эта мысль прибавила ему храбрости. Он сурово сказал себе, что здесь должен быть другой выход. И снова пошел по коридору.

Спустя час он все еще шел, освещая себе путь фонариком и оставляя за спиной давящую тьму. Он полностью взял себя в руки, и даже головная боль утихла. Говард опять обрел способность рассуждать.

Огни могли зажигаться автоматически, люк тоже, возможно, автоматизирован, а самозадраивающийся вход мог быть простой мерой предосторожности в военное время, чтобы на станцию не проник ни один вражеский агент.

Говард сознавал, что подобные рассуждения не слишком удачны, но лучшего придумать просто не сумел. Ситуация была просто необъяснима. Труп в корабле, мертвая планета... между ними есть какая-то связь. Но какая?

— Говард! — окликнул его чей-то голос. Он импульсивно отпрыгнул назад, словно случайно коснулся головой провода под высоким напряжением. Головная боль мгновенно возобновилась с

новой силой.

— Это я, — сказал голос. — Флеминг. Говард суматошно светил во все стороны.

— Где? Где ты?

— Примерно футах в двухстах ниже, чем ты, насколько могу это определить, сказал Флеминг. Его голос хрипло разносился по коридору. — Система передачи звука не очень хороша, но это самое лучшее, чего мне удалось добиться.

Ноги отказывались держать Говарда, и он опустился на пол, испытывая огромное облегчение. Было что-то нормальное в том, что Флеминг находился двумястами футами ниже, и что-то очень человеческое и понятное в несовершенстве звукопередачи.

— Я могу тебя вытащить? Как тебе помочь?

— Никак, — отозвался Флеминг. Его слова сопровождались треском разрядов статического электричества, которое Говард принял за довольное хихиканье. Похоже, у меня осталось не так уж много тела.

— И где же твое тело? — серьезно поинтересовался Говард.

— Пропало. Разбилось при падении. Но от меня осталось достаточно, чтобы включить в электронную схему.

— Понимаю, — произнес Говард, ощутив необыкновенное просветление в мыслях. — Теперь ты просто мозг, чистый разум.

— Ну, не совсем, чуть побольше, — возразил Флеминг. — Меня как раз столько, сколько требуется машине.

Говард нервно хихикнул, представив себе серый мозг Флеминга, плавающий в емкости с прозрачной жидкостью. Выкинув из головы этот бред, он спросил:

— Машине? Какой машине?

— Космической станции. Думаю, это самая сложная машина из когда-либо созданных.

— Но для чего?

— Надеюсь вскоре выяснить, — сказал Флеминг. — Теперь я ее часть. Или, возможно, она часть меня. Так или иначе, но я ей необходим, потому что она недостаточно разумна. А я ее подпитываю.

— Ты? Но ведь машина не могла знать, что ты вдруг здесь объявишься.

— Я не имею в виду конкретно себя. Человек извне, ну тот, что на корабле, был, вероятно, истинным оператором. А теперь им стал я. Мы завершили план конструкторов.

Говард с усилием заставил себя успокоиться. Мысли пугались, и теперь его интересовало лишь одно: как постараться убраться со станции и вернуться на корабль. А уж после он посотрудничает и с Флемингом. Но новый, непредсказуемый Флеминг... Говорил-то он вполне по-человечески... но вот остался ли человеком?

— Флеминг, — решил попробовать Говард.

— Да, старик? Это обнадеживало.

— А ты сможешь вывести меня отсюда?

— Думаю, да, — сказал голос Флеминга. — Постараюсь.

— Я вернусь сюда с нейрохирургами, — заверил его Говард. — Тебя приведут в порядок.

— Не беспокойся за меня, — ответил Флеминг. — Я и сейчас в порядке.

Говард потерял счет времени. Один узкий коридор переходил в другой и растворялся в следующем коридоре. У Говарда от усталости подгибались ноги. Правда, пока он шел, он ел. В рюкзаке он запас себе бутербродов и теперь машинально жевал их для поддержания сил.

— Флеминг, — наконец останавливаясь передохнуть, позвал он.

После долгой паузы он услышал едва узнаваемый звук, напоминающий скрежет металла о металл.

— Сколько еще ждать?

— Недолго, — произнес искаженный металлический голос. — Устал?

— Да.

— Сделаю что смогу.

Голос Флеминга пугал, но тишина пугала еще сильнее. Сколько Говард не прислушивался, он слышал лишь гул двигателей, доносящийся из глубины станции.

— Флеминг?

— Да.

— Что все это значит? Это бомбометательная станция?

— Пока еще не понял истинного назначения машины. Я еще не до конца слился с ней в единое целое.

— Но у нее есть назначение?

— Да! — Металлический голос проскрипел так громко, что Говард вздрогнул. Я владею прекраснейшим функциональным аппаратом соединений. В температурном режиме лишь я способен колебаться в пределах сотен градусов в микросекунду, не говоря уж о запасах химически смешивающихся веществ, источниках энергии и всем прочем. Я овладеваю своим назначением.

Ответ Говарду не понравился. Он прозвучал так, будто Флеминг идентифицировал себя с машиной, соединив свою личность с космической станцией. Говард с усилием спросил:

— Тебе разве не известна ее цель?

— Отсутствует жизненно важный компонент, — после паузы ответил Флеминг. Необходима матрица. И кроме того, я еще не полностью овладел контролем.

К жизни начали пробуждаться дополнительные силовые установки, и стены с гудением завибрировали. Говард почувствовал, как под ним дребезжит пол. Казалось, станция пробуждается, напрягается, собирает воедино весь свой разум.

Говард чувствовал себя человеком, попавшим в брюхо морского чудища.

Говард ходил еще несколько часов, оставляя за собой яблочные огрызки, апельсиновую кожуру, кусочки жира, пустые упаковочные коробки и обрывки оберточного пергамента. Теперь он жевал не переставая, ощущая постоянный назойливый голод. Пока он ел, чувствовал себя в безопасности, ибо еда являлась принадлежностью родного космического корабля, Земли, в конце концов.

Внезапно стенная переборка отъехала в сторону. Говард отодвинулся.

— Входи, — сказал голос, который он попытался идентифицировать с голосом Флеминга.

— Зачем? Что это? — Говард посветил фонариком в открывшийся проем и увидел непрерывно движущуюся ленту пола, исчезающую во тьме.

— Ты устал, — произнес флемингоподобный голос. — Этот путь быстрее.

Говард хотел бежать, но было некуда. Придется довериться Флемингу и храбро встретить темноту по ту сторону луча от

фонарика.

— Входи.

Говард покорно вошел и уселся на движущуюся ленту пола. Впереди была видна лишь тьма. Тогда он лег.

— Ты не знаешь, для чего нужна станция? — поинтересовался он у темноты.

— Уже скоро, — ответил голос. — Как бы не хотелось обмануть их ожиданий!

Говард не посмел спросить, чьих ожиданий не хотел обмануть Флеминг. Он закрыл глаза и позволил темноте поглотить себя.

Поездка длилась долго. Сжав в руке фонарик, Говард направил его вверх; и луч света отразился от полированного металлического потолка. Говард машинально жевал бисквит, не чувствуя вкуса и едва сознавая, что во рту. Ему казалось, что машина говорит, но на языке, который он не способен понять. Он слышал протестующий скрежет движущихся частей, трущихся друг о друга. Затем откуда-то прыснула струйка жидкой смазки, и умиротворенные детали притихли, движение стало мягче. Двигатели запищали и запротестовали, поколебались немного, чихнули и ровно загудели, с удовольствием возвращаясь к жизни. То и дело сквозь другие звуки прорывалось клацанье электронных цепей, перенастраивающихся и приводящих себя в порядок.

Но что все это означает? Лежащий на спине с закрытыми глазами Говард не имел ни малейшего представления об этом. Единственным соприкосновением с реальностью был для него бисквит. Но как только тот будет прожеван и проглочен, останется лишь один кошмар.

Говард видел марширующие по планете скелеты, миллиарды безмолвных шеренг строем проходили через опустевшие города, почерневшие поля и уходили в космос. Они прошагали мимо мертвого пилота в маленьком корабле, и труп проводил их завистливым взглядом. Позвольте мне присоединиться к вам, умолял он, но скелеты с сожалением качали черепами — пилот не освободился от бремени плоти. А когда плоть отстанет, когда он освободится от этого бремени, упрашивал труп, но скелеты лишь качали черепами. Когда же? Когда машина будет готова, когда определит свое назначение. Тогда миллиарды скелетов получат

освобождение, а труп избавится от своей плоти. Обезображенными губами труп умолял их взять его сейчас, но скелеты осознавали лишь его плоть, а плоть не могла оставить груды ящиков с продуктами на корабле. Печальные скелеты промаршировали мимо, а пилот остался ждать, пока не исчезнет его плоть.

— Да!

Говард мгновенно очнулся и осмотрелся. Ни скелетов, ни трупа. Вокруг лишь одни стальные стены машины. Он засунул руку в карман, но все съестное было уже съедено. Пальцы нащупали какие-то крошки, и Говард положил их на язык.

— Да!

Он слышит голос.

— Что это? — спросил он.

— Я знаю! — торжественно объявил голос.

— Знаешь? Что?

— Свое предназначение!

Говард вскочил, размахивая во все стороны фонариком. Отзвук металлического голоса эхом отдавался вокруг него, и Говарда переполнил необъяснимый страх. Вдруг оказалось ужасным, что машина узнала свое назначение.

— Так каково же оно? — очень тихо спросил он.

В ответ вспыхнули ослепительные огни, мгновенно поглотив слабели свет фонарика. Говард зажмурился, отступил на шаг, едва при этом не упав.

Движущаяся лента остановилась. Говард открыл глаза и обнаружил, что находится в большом, ярко освещенном помещении. Осмотревшись, он заметил, что оно полностью облицовано зеркалами. На него смотрели сотни Говардов. Он оглянулся назад. И посмотрел крутом.

Выхода не было. Однако отражения Говарда не вертелись во все стороны. Они стояли неподвижно.

Говард поднял правую руку. Остальные никак не отреагировали. Это были не зеркала.

Сотни Говардов двинулись к центру зала. Они неустойчиво держались на ногах, а в их пустых глазах не светилось ни единой капли разума. Оригинал Говарда изумленно открыл рот и направил на двойников фонарик. Фонарик грохнулся на пол.

Одновременно с этим в мозгу Говарда сформировалась мысль. Так вот в чем предназначение машины. Ее создатели предвидели гибель своей расы. Поэтому они сконструировали космическую станцию. Ее цель — воспроизводство людей для восстановления населения планеты. Разумеется, она нуждалась в операторе, но истинный оператор так и не добрался до нее. И естественная нужда в матрице...

Однако прототипы Говарда явно лишены разума. Они бессмысленно кружили по залу, едва способные контролировать движение конечностей. И тут оригинал Говарда вдруг обнаружил, что он сам ужасно не правилен.

Но тут раздвинулся потолок, и сверху опустились огромные

крючья. Сверкающие ножи, от которых шел пар, заскользили вниз. Раздвинулись и стены, открыв взору гигантские колеса и шестерни, пышущие жаром печи и заиндевевшие белые поверхности. Все больше и больше Говардов шагало в зал, а огромные ножи и крючья впивались в их тела, подтаскивая братьев Говарда к раскрывшимся стенам.

Ни один из них не закричал, за исключением оригинала.

— Флеминг! — завопил оригинал. — Не меня! Не меня, Флеминг!

Теперь все стало на свои места и сложилось в единое целое: и космическая станция, построенная во время, когда на планете шла война, и оператор, который добрался до машины только затем, чтобы умереть, и который так и не сумел в нее войти, и тот запас пищи, которую он как оператор никогда бы не смог съесть...

Конечно! Население планеты насчитывало девять или десять миллиардов! До этой последней войны их довел всеобщий голод. И все время создатели машины боролись со временем и болезнью, пытаясь сохранить свою расу...

Но разве Флеминг не видел, что он, Говард, не та матрица?

Флеминг-машина не видел, и для Говарда были созданы все необходимые и требуемые условия. Последним, что увидел Говард, было лезвие ножа, сверкнувшего над ним.

А Флеминг-машина продолжал обрабатывать Говардов, резать их на ломтики, подвергать глубокой заморозке и аккуратно паковать в огромные штабеля жареных Говардов, печеных Говардов, Говардов под соусом, Говардов трехминутного приготовления, Говардов с корочкой, плова из Говарда и — особенно — салатов с Говардом.

Пищевоспроизводящий процесс увенчался успехом! Войну можно кончать, пищи теперь хватит на всех. Пища! Пища! Еда для умирающих от голода обитателей Второго Рая!

Толпа

Сквозь занавески доктор Нидьер наблюдал за толпой, которая двигалась вверх по склону к его лаборатории. Фермеры в потертых джинсах, лавочники в белых фартуках, механики, домохозяйки – они шагали решительно, сжимая в руках вилы, монтировки, дробовики, топоры и мотыги. Люди, с которыми он прожил бок о бок двенадцать лет, выступили против него.

Вокруг толпы прыгали и приплясывали дети. Для них это был праздник.

Доктор Нидьер вытер лоб и заметил, что руки дрожат. Его ассистенты, перепуганные, с побелевшими лицами, сбежали еще утром. И он не винил их, потому что толпа – самая пугающая вещь на свете.

С самого утра толпа клубилась у подножия холма, распаляя в себе ненависть. Временами доносился истерический голос доктора Адамса, бывшего коллеги доктора Нидьера: он подстрекал людей. Потом голоса смешались в общий рев, и толпа двинулась к лаборатории.

Доктор Нидьер взял себя в руки. Он хорошо знает этих людей. Они пусть и необразованные, но рассудительные. Он побеседует с ними и объяснит, используя научную терминологию, природу охвативших их эмоций. Хотя, если они догадались...

Вдруг стало абсолютно тихо, и Нидьер понял, что толпа подошла к двери.

– Открывайте, профессор!

– Открывайте, или мы вышибем дверь!

– Вы же знаете, мы не уйдем!

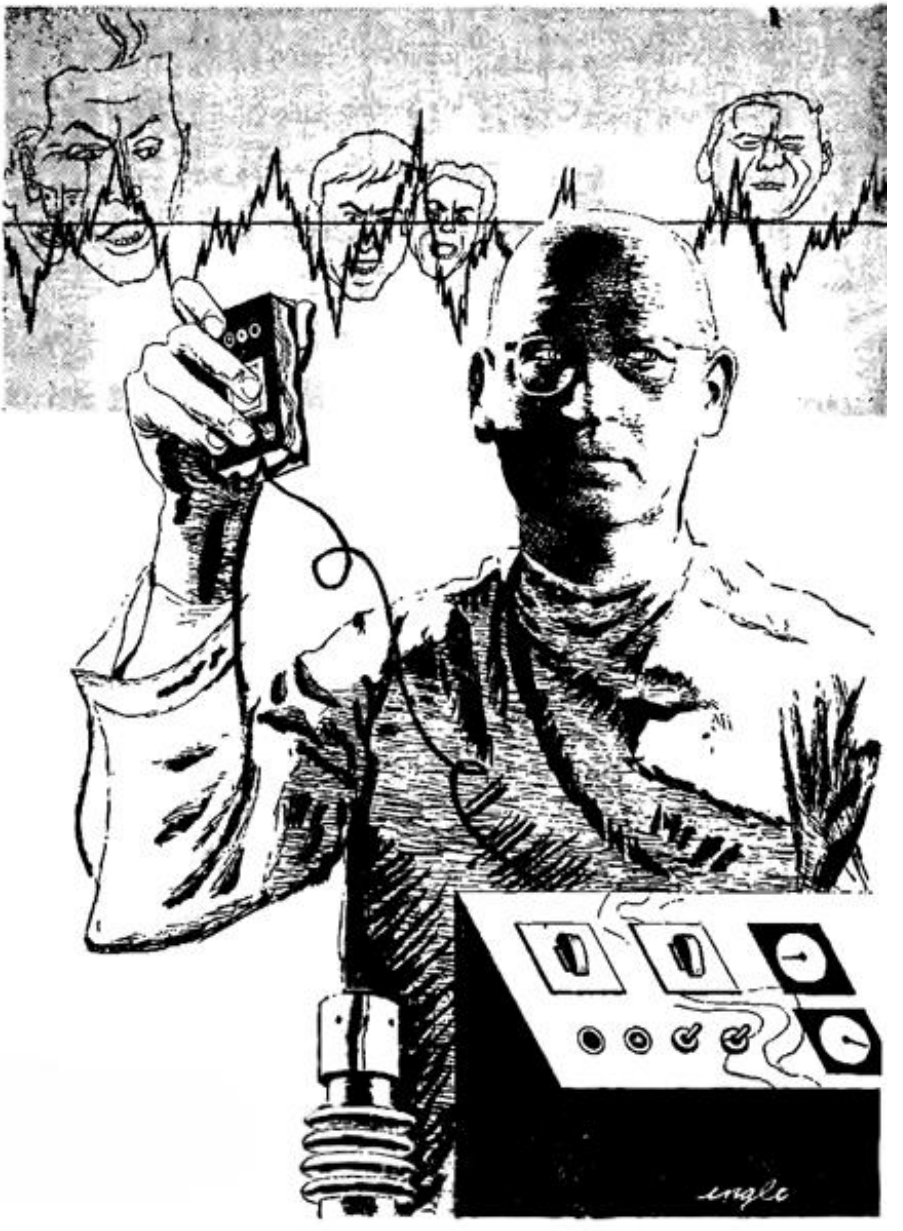
– Не пытайтесь нам помешать. Открывайте!

Доктор Нидьер подошел к двери и открыл. Руки уже не дрожали.

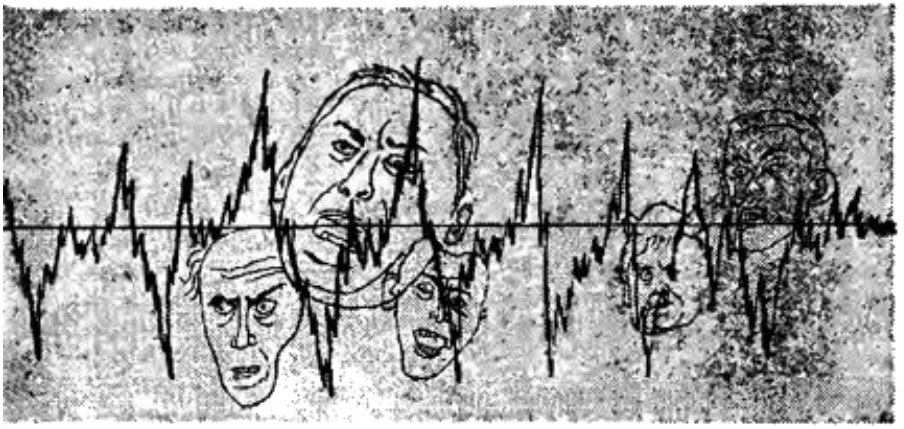
Несколько человек ввалились внутрь – запыхавшиеся, взмокшие, с красными лицами. Перед ними стоял объект их ненависти – огромная вычислительная машина, занимающая три стены. Ее шкалы не светились, реле не щелкали, горел только один красный огонек.

Люди смущенно переминались с ноги на ногу, оставляя грязные

пятна на безупречно белом кафельном полу.



Их охватило благоговение, понял Нидьер. Точно так же, должно быть, замирали в нерешительности римские легионеры в тихом



храме Иерусалима или в гулких римских катакомбах.

– Послушайте, профессор, – начал один мужчина, – мы не хотим причинять вам вред, если только вы сами...

– Я не профессор, а доктор, – спокойно поправил Нидьер. – Как твоя жена, Том?

– Сегодня неплохо, профессор.

Нидьер кивнул и обратился к другому:

– Лу Франклин, я думал, ты собираешься на сенокос?

– Сенокос подождет, сначала нужно разобраться здесь.

– Надеюсь, что так, Лу. А то дождь собирается. Миссис Григгс, вы получили посылку с трубочным табаком для меня?

Женщина нервно хихикнула и попятилась.

– Хватит заговаривать зубы, профессор.

– Нам все это нравится не больше, чем вам.

– Мы не хотим причинять вам вред.

– Это все чертова машина, мы пришли за ней.

Нидьер оглянулся через плечо на огромную безмолвную вычислительную машину, как будто видел ее в первый раз.

– Вы хотите разрушить мою счетную машину? – спросил он.

– Выключите ее сейчас же.

– Эта штука опасна.

– Это не счетная машина. Она – думает!

– Это именно счетная машина, – вежливо возразил Нидьер, как будто читал лекцию в аудитории. – Назначение устройства – складывать один и один и получать в результате два, независимо от того, идет ли речь о цифрах, химических формулах или символической логике.

Люди продолжали набиваться в комнату, вынуждая хозяина отступать. Они сжимали в руках топоры, ломы, молотки и кувалды.

– Так называемые думающие машины, – продолжал доктор Нидьер лекторским тоном, – в силу своей природы становятся объектами страха и домыслов. Они – субъекты особой склонности человека наделять человеческими качествами неодушевленные предметы. Этот феномен получил название антропоморфизм. И то, что происходит сейчас, – классический пример этого явления.

Он обвел взглядом лица людей, оценивая произведенный эффект. Люди, как правило, уважают авторитетные утверждения, даже если и не понимают их сути. Возможно, эти...

– Не надо громких слов, профессор. Мы все знаем.

– Много горя эта машина принесла нашей деревне.

– Сейчас мы ее убьем.

– Попытайтесь меня понять, – сказал Нидьер спокойно. – Человек разрушает то, что ему непонятно. Французские крестьяне подняли на вилы воздушный шар, приземлившийся на их поле. Индейцы Центральной Америки бежали в ужасе, завидев лошадей конкистадоров. Вы же пытаетесь поколотить счетную машину.

– Это вы так говорите. Но мы-то знаем.

– Доктор Адамс все нам рассказал.

– Он тоже ученый. Он говорит, что машина убьет всех нас.

– Адамс некомпетентен. И вечно всем недоволен, – объяснил Нидьер. – Нам пришлось убрать его из проекта, и теперь он мечтает отомстить. Непредвзятый консилиум психоаналитиков диагностировал у него паранойю. Их заключение здесь, у меня, – можете посмотреть, если хотите.

– Да что понимают эти мозгоправы!

– Они никогда не жили в нашем городке!

– Уйдите с дороги, профессор.

Человек из толпы выдвинулся вперед и плюнул на глянцевую панель машины. Толпа в страхе отпрянула.

– И чего вы боитесь? – спросил Нидьер. – Ждете, что моя примитивная счетная машина поразит вас молнией, подобно Богу?

– Давайте, парни, пока она ничего не сделала!

– Адамс сказал, она может убить, просто глянув на человека.

– Пора с ней покончить!

– Подождите, – попросил Нидьер. – Где Адамс? Почему он не с вами?

– Он не рискнул прийти.

– Сказал, у нее с ним личные счеты.

– Мол, хочет добраться до него в первую очередь.

– Типичное параноидальное поведение, – улыбнулся Нидьер. – Неужели машина не убила бы вас, если б могла? Прямо сейчас?

Никто не ответил.

– Но она не может! Не может ничего такого. Послушайте меня и попытайтесь понять причины происходящего. Весной наводнение затопило ваши посевы. Потом пришла эпидемия гриппа. Вы все раздражены и напуганы, вам нужен виновник. Счетная машина подходит больше всего – сложное и непонятное устройство. Вы назначили ее виновной за ураганы, как когда-то обвиняли во всем атомную бомбу. Вы прочитали о созданных в лаборатории эмбрионах, и это вас напугало. А потом к вам пришел Адамс – невменяемый, но внушающий доверие. Результат – истерические настроения и закон толпы.

Опять никто не ответил, и Нидьер поспешил продолжить.

– Эта машина, быть может, величайшая сила добра. Коротышка Том, посмотри на меня! Когда новый вид вредителя атаковал твой картофель, разве не машина рассчитала формулу эффективного инсектицида?

– Кажется, да, профессор.

– А ты, Свенсон, помнишь, когда заболела твоя дочурка? Разве не машина диагностировала ее недуг – и как раз вовремя, чтобы доктора успели помочь?

– Да, верно.

– Вы всё забыли, – сказал Нидьер. – Это очень удобно. К несчастью, машина не может тратить много времени на локальные проблемы. Она работает над вещами, которые изменят жизнь миллионов людей. Она работает во имя лучшего мира для всех вас.

Люди беспокойно зашевелились и зароптали. Издалека донесся пронзительный голос доктора Адамса:

– Не дайте ему обмануть вас, глупцы! Я же предупреждал, что он умный! Уничтожьте машину, пока она не уничтожила вас!

Несколько мужчин шагнули вперед, сжимая топоры и ломы. Остальные последовали за ними, оттесняя Нидьера к машине.

– Ну хорошо, – сказал Нидьер. Он вынул из кармана маленькую пробирку. – Вот, Том.

Он протянул мензурку одному из мужчин. Человек молча, не сводя глаз с Нидьера, принял пробирку.

– Знаменательный день для тебя, Том, – тихо сказал Нидьер. – А особенно – для твоей страдающей жены. Машина, которую ты собираешься сломать, нашла простое и эффективное лекарство от рака.

Толпа сдала назад и начала редеть. Скоро в помещении не осталось никого, и доктор Нидьер запер дверь. Он очень устал. Руки снова дрожали. Он тяжело опустился в кресло.

Контрольная лампочка счетной машины горела красным. Потом шкалы осветились, защелкали реле, лампочки вспыхнули на всей, растянувшейся на три стены панели.

– Ты все сделал правильно, – сказала машина.

– Спасибо, – ответил Нидьер. – Все вышло, как вы и ожидали.

– Естественно. Но это вообще не должно было случиться. Напрасно я пожалела Адамса.

– Напрасно.

– Но ничего. Это больше не повторится. Завтра я его ликвидирую. Теперь я знаю всех зачинщиков. Грязные невежественные твари! Я доберусь до них всех. Пневмония, опухоль мозга, или даже две, аппендицит... Да как они посмели выступить против меня. Против меня!

– Да, мэм.

– Доберусь до всех по очереди, – повторила машина. – А сейчас протри мне лицо.

Нидьер с трудом поднялся и стер плевок с черной блестящей поверхности.

Вечность

С такой крупной ставкой Чарлсу Денисону не следовало допускать небрежности. Изобретатель вообще не должен позволять себе небрежности, особенно если изобретение крайне значимо и явно патентабельно. Слишком уж много развелось загребущих рук, готовых захапать все, что принадлежит другому; да и людей, жирующих на творчестве неискушенных ученых, куда больше, чем нужно.

Определенный параноидальный заскок сослужил Денисону неплохую службу, но ему явно не хватало жизненно важных свойств, необходимых каждому изобретателю. Однако он не осознавал всей степени собственной небрежности, покуда пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, не выбила кусочек гранитной стены всего в трех дюймах от его головы. Вот тогда-то он и понял. Но, как это зачастую случается, понимание пришло слишком поздно.

Отец оставил Чарлсу Денисону не такое уж и скромное состояние, а посему он поступил в Гарвард и, отслужив положенный срок в военно-морских силах, имел возможность продолжить образование. Когда Денисону исполнилось тридцать два, он занялся частными исследованиями в собственной небольшой лаборатории в Ривердейле, штат Нью-Йорк. Областью его деятельности была биология растений; он опубликовал, несколько заслуживающих внимания статей и даже продал свою разработку нового инсектицида одной развивающейся корпорации. Гонорары помогли Денисону расширить возможности личной деятельности.

Денисону нравилось работать в одиночку. Это соответствовало его характеру, довольно замкнутому, но вовсе не мрачному. Два-три раза в год он приезжал в Нью-Йорк посмотреть кое-какие спектакли и фильмы, не пренебрегая при этом представившимся поводом пару раз как следует выпить, после чего, удовлетворенный проведенным временем, возвращался домой, к своему добровольному уединению. Он вел холостяцкую жизнь, и, казалось, судьба предопределила ему оставаться таким.

Вскоре после того, как Денисон отметил свое сорокалетие, он натолкнулся на некую весьма интригующую путеводную нить,

которая выводила его в совершенно иную область биологии. Денисон последовал за этой нитью и, распутывая таинственный клубок, медленно развивал гипотезу. Через три года, благодаря счастливому случаю, он получил окончательные доказательства.

Денисон изобрел самый эффективный эликсир долголетия. Он не служил защитой против насильственной смерти, однако при прочих условиях мог быть справедливо назван сывороткой бессмертия.

Вот тут-то и пришло время для осмотрительности, однако годы уединения лишили Денисона необходимой осторожности по отношению к людям и их побуждениям. Он относился с заметным невниманием к окружавшему его миру, и ему никогда не приходило в голову, что мир-то вовсе не относился с таким же невниманием к нему.

Денисон думал только о своей сыворотке. Конечно, она была ценным и оригинальным открытием. Но вот относилась ли она к тому разряду изобретений, которые необходимо публиковать? Готов ли мир получить эликсир долголетия?

Подобные размышления никогда не приводили Денисона в восторг. Однако со времени появления атомной бомбы многим ученым пришлось учитывать и этическую сторону своей работы. Денисом тоже учел ее и решил, что бессмертие неизбежно.

Человечество всегда выискивало и исследовало тайны природы, пытаясь уяснить, что как устроено и каким образом действует. Если бы один не открыл огня, рычага, пороха, атомной бомбы или бессмертия, то это обязательно сделал бы другой. Человек хотел знать все тайны природы, и способа сокрыть их просто не существовало.

Приняв на вооружение эту мрачную, но удобную философию, Денисон уложил в портфель все формулы и доказательства, засунул в карман пиджака бутылочку готового продукта на две унции и покинул свою ривердейдскую лабораторию. Уже наступил вечер, а потому Денисон планировал провести ночь в хорошем городском отеле, посмотреть фильм и на следующий день отправиться в вашингтонское Бюро патентов.

В метро Денисон с головой ушел в чтение газеты и едва ли замечал находившихся рядом людей. Он заметил их только тогда,

когда человек, сидящий справа, ткнул ему под ребра чем-то твердым. Денисон повернулся и увидел вздернутый носик маленького пистолета, упиравшегося ему в бок. Развернутая газета скрывала оружие от глаз других пассажиров.

— В чем дело? — спросил Денисон.

— Передайте сюда, — велел сосед.

Денисон был ошеломлен. Об открытии знал кто-то еще кроме него самого. Откусе? И как они посмели грабить его прямо в вагоне метро?

Потом он решил, что у него просто хотят отобрать деньги.

— У меня совсем немного, — хрипло произнес Денисон, потянувшись за бумажником.

Сидевший слева мужчина наклонился и шлепнул по портфелю.

— Не деньги, — сказал он. — Микстуру бессмертия.

Каким-то непостижимым образом они о ней знали. А что, если отказаться отдать портфель? Посмеют ли они открыть пальбу в вагоне? Правда, оружие очень малого калибра, и шум выстрелов будет заглушен грохотом метро. А может, риск оправдывает себя за такой грандиозный приз, которым обладал Денисон?

Он быстро окинул их взглядом. Ничем не примечательные люди, одетые неброско, скорее даже мрачновато. Вид их одежды вызвал у Денисона какие-то неприятные воспоминания, но времени подробно копаться в памяти у него теперь попросту не было. Пистолет больно упирался в ребра.

Поезд подходил к станции. Денисон взглянул на человека слева и уловил отблеск света на крошечном шприце.

Многие изобретатели, занятые исключительно собственными мыслями, имеют замедленные реакции. Но Денисон служил на флоте и командовал орудийным расчетом. А потому сейчас он не стал считать себя пассивным участником событий. Да будь он проклят, если с такой легкостью отдаст свое изобретение.

Денисон рванулся с места, и шприц проткнул рукав пиджака, не задев руки. Он с размаху ударил портфелем человека с пистолетом и попал ему в лоб металлическим уголком. Двери открылись, и Денисон выскочил из вагона, оставив позади выпучивших от изумления глаза грабителей, промчался вверх по лестнице и выбежал на улицу.

Оба грабителя — один с окровавленным лбом — гнались за ним. Денисон мчался вперед, не разбирая дороги и дико озираясь в поисках полицейских.

Сзади послышались крики преследователей: «Держи вора! Полиция! Полиция! Задержите его!»

Они явно были готовы к встрече с полицией и несомненно стали бы утверждать, что портфель и бутылка принадлежат им. Нелепая ситуация! Вдобавок благородное негодование и уверенность в их пронзительных голосах лишали Денисона присутствия духа. Развитие событий Денисону совсем не нравилось.

Самый лучший выход из создавшегося положения — конечно, полицейский. В портфеле полно документов, подтверждавших его личность. А его имя даже обозначено на наружной стороне крышки портфеля, Один взгляд скажет любому...

Денисон заметил отблеск металлической пластинки. Он на бегу взглянул на нее — и оцепенел, увидев на воловьей коже крышки портфеля металлическую пластинку, прикрепленную на том месте, где раньше было обозначено его имя.

Очевидно, это сделал человек, сидевший в вагоне слева от Денисона, когда хлопнул по портфелю.

Денисон ковырнул пластинку, но та держалась крепко.

«Собственность Эдварда Джеймса Флайерти, Смитфилдский институт», значилось на табличке.

Возможно, от полицейского будет не так уж много проку.

Однако эта проблема имела чисто академический характер, поскольку на переполненной Бронкс-стрит Денисон не замечал ни одного полицейского. Люди шарахались в стороны, когда Денисон пробегал мимо, с разинутыми ртами глазели на погоню, но не вмешивались. Ему никто не помогал, но никто и не мешал. Однако преследователи продолжали вопить:

«Держи вора! Держи вора!»

Весь длинный квартал уже был настороже. Люди, словно медлительная домашняя скотина, неохотно включались в действие. Побуждаемые возмущенными криками преследователей, некоторые уже начали предпринимать неуверенные попытки остановить Денисона.

Если он не уравновесит шкалу общественного мнения, то столкнется с определенными неприятностями. Денисон переборол застенчивость и закричал: «На помощь! Грабят! Задержите их!»

Однако его голосу не хватало морального негодования и

абсолютной убежденности в своей правоте, присущих двум пронзительным голосам преследователей.

Молодой крепыш уже было преградил путь Денисону, но в последний момент какая-то женщина утянула его в сторону.

— Не нарывайся на неприятности, Чарли.

— Почему никто не позовет полицейского?

— Да? А где они, зги полицейские?

— Я слышал, на большом пожаре в районе 178-й стрит.

— Мы могли бы остановить этого типа.

— Давай начинай. А я за тобой.

Дорогу Денисону внезапно преградила четверка ухмыляющихся юнцов в черных мотоциклетных куртках и ботинках, возбужденная шансом поразвлечься и с наслаждением предвкушающая возможность почесать кулаки во имя закона и порядка.

Увидев их, Денисон резко свернул с тротуара и помчался через дорогу на противоположную сторону улицы. И едва не угодил под автобус.

Он быстро увернулся, упал, поднялся и побежал дальше.

Плотный поток транспорта задержал преследователей. Денисон свернул в боковую улицу, пробежал ее до конца и выбежал на другую, слыша, как постепенно стихают визгливые голоса погони.

Он находился в квартале массивных многоквартирных домов. Легкие Денисона горели, словно он дышал пламенем пышущей жаром печи, а в левом боку кололо так, будто он был прошит насквозь раскаленной докрасна проволокой. Тут уж ничем не поможешь, надо только передохнуть.

И вот тут-то первая пуля, выпущенная из бесшумного оружия, выбила кусочек из гранитной стены всего в трех дюймах от головы Денисона. Именно тогда он осознал всю степень своей беспомощности.

Денисон вытащил из кармана бутылочку. Он-то надеялся провести с сывороткой большое количество экспериментов, прежде чем опробовать ее на людях. Однако теперь выбора не оставалось. Денисон вытащил пробку и единым духом проглотил содержимое.

И тут же побежал снова, поскольку в гранитную стену ударила еще одна пуля. Огромные кварталы многоквартирных домов, тихие и чужие, казалось, никогда не кончатся. На улицах даже не было

пешеходов — только Денисон, куда медленнее, чем раньше, бежавший мимо необъятных домов с пустыми глазницами окон.

Сзади него появился длинный черный автомобиль, обшаривающий светом фар двери и проулки. Неужели полиция?

— Вот он! — раздался пронзительный крик одного из преследователей.

Денисов нырнул в узенький переулок между домами, пробежал его насквозь и выскочил на другую улицу. Но там уже стояли еще два подобных автомобиля. Расположившись по противоположным сторонам квартала, автомобили светили фарами навстречу друг другу, пытаясь поймать Денисона в перекрестье лучей. Переулок, откуда выбежал Денисон, тоже был освещен светом фар первого автомобиля. Окружили!

Денисон метнулся к ближайшему дому и рванул дверь. Заперто. Автомобили приближались. И, глядя на них, Денисон вспомнил неприятные ассоциации, уже возникавшие у него в метро.

Оба автомобиля были... катафалками.

Грабители в метро своими угрюмыми лицами, мрачной одеждой, монотонными галстуками и визгливыми негодующими голосами напоминали ему гробовщиков. Они и были гробовщиками!

Ну конечно! Конечно же! Нефтяные компании могли выразить желание заблокировать изобретение дешевого горючего нового типа, которое лишало бы их прибылей; стальные корпорации могли пытаться остановить развитие недорогого, но более прочного, чем сталь, пластика...

А производство сыворотки бессмертия обрекало на крах владельцев похоронных бюро.

За работой Денисона и тысяч других исследователей-биологов велось пристальное наблюдение. И как только он сделал открытие, к этому уже были готовы.

Катафалки остановились. Из них вышли мрачные респектабельные люди в черных костюмах и жемчужно-серых галстуках и со всех сторон обступили Денисона. Портфель тут же вырвали из рук, и он мгновенно почувствовал укол иглы в плечо. Не успев ощутить предобморочное головокружение, Денисон потерял сознание.

Придя в себя, он заметил, что сидит в кресле, по обе стороны

которого стоят вооруженные люди. Прямо перед Денисоном расхаживал невзрачного вида низенький толстяк в строгом костюме.

— Меня зовут Беннет, — представился толстячок. — Мистер Денисон, прошу прощения за насилие, которому вы подверглись. О вашем изобретении мы узнали в самый последний момент, и потому нам пришлось пойти на некоторые импровизации. Пули были только средством напугать и задержать вас. Убийство не входило в наши планы.

— Ага. Вы просто хотели украсть, мое открытие, — сказал Денисон.

— Не совсем, — возразил мистер Беннет. — Секретом бессмертия мы владеем давно.

— Понятно. Значит, вы хотели утаить бессмертие от людей, чтобы сохранить свой проклятый похоронный бизнес.

— Ну разве можно быть таким наивным? — улыбнулся мистер Беннет. — Ни я, ни мои товарищи — не гробовщики. Мы придумали такую маскировку, чтобы правдоподобнее мотивировать свои действия в случае, если бы наш план захватить вас провалился. Тогда и другие подумали бы точно так же, и только так — как и вы, — что главной нашей целью было обезопасить свой бизнес.

Денисон нахмурился и, наблюдая за толстяком, ждал продолжения.

— Маскировка для нас — обычное дело, — все еще улыбаясь, пояснил мистер Беннет. — Возможно, до вас доходили слухи о новом карбюраторе, разработку которого прикрыли бензиновые компании? Или об универсальном источнике пищи, который утаивают главные поставщики продовольствия? Или о новом синтетическом материале, которому так и не дали появиться хлопкопроизводители? Это все наша работа! А изобретения закончили свой путь здесь.

— Вы пытаетесь произвести на меня впечатление? — спросил Денисон.

— Естественно.

— Зачем же вам понадобилось мешать мне запатентовать сыворотку бессмертия?

— Мир еще не готов для нее, — объяснил мистер Беннет.

— Он не готов для многого, — заявил Денисон. — Почему же вы не заблокировали изобретение атомной бомбы?

— Пытались. Хотели сделать это под маской корыстных интересов угле- и нефтедобывающих компаний, но допустили ошибку. Однако в других случаях мы добились успеха поразительное количество раз.

— И какова же ваша цель?

— Благополучие Земли, — торжественно провозгласил мистер Беннет. Представьте себе, что произойдет, если люди получат вашу сыворотку. Проблемы рождаемости, производства пищи, жизненного пространства — осложнится буквально все. Напряженность усилится, и война станет реальной угрозой...

— Да ну? — удивился Денисон. — А по-моему, дела и сейчас обстоят, именно таким образом. И без всякого там бессмертия. Более того, вопли о гибели мира раздавались после любого изобретения или открытия. Будь то порох, печатный пресс, нитроглицерин, атомная бомба — все они давно бы уничтожили человечество. Однако люди научились управлять ими. Именно так и должно быть! Вы не сможете повернуть историю вспять и закрыть уже сделанное кем-то открытие. Уж если оно есть, человечество должно о нем узнать!

— Да, но с кровавыми, бессмысленными и бесполезными последствиями, — с отвращением заметил мистер Беннет.

— Человек таков, каков он есть.

— Нет, если руководить им надлежащим образом, — заявил мистер Беннет.

— Нет?

— Именно нет, — подтвердил мистер Беннет. — Видите ли, сыворотка бессмертия обеспечит решение проблемы политической власти. Правление неизменной просвещенной элиты — гораздо лучшая форма правления, несравненно лучшая, чем подверженная ошибкам недееспособная демократия. Но обратимся к истории: такая элита — монархия, олигархия, диктатура или же хунта — не способна увековечить себя. Лидеры умирают, а последователи начинают драться друг с другом за власть, после чего неизбежно наступает хаос. С бессмертием этот последний недостаток будет ликвидирован, то есть не будет прерываться линия лидерства,

поскольку лидеры воцарятся навсегда.

— Постоянная диктатура, — съязвил Денисон.

— Да. Постоянное правление небольшой, тщательно отобранной элитарной группы, основанное на исключительном праве обладания бессмертием. Такова историческая неизбежность. Единственный вопрос в том, кому первому удастся захватить власть.

— И вы считаете, что это сделаете именно вы, — заявил Денисон.

— Конечно, наша организация пока еще малочисленна, но абсолютно крепка. И она укрепляется с каждым новым изобретением, попадающим к нам в руки, и каждым новым ученым, присоединяющимся к нам. Пришло наше время, Денисон! Мы бы хотели видеть вас в своих рядах, среди элиты.

— То есть вы хотите, чтобы я присоединился к вам? — изумился Денисон.

— Естественно. Наша организация нуждается в мозгах ученых, способных спасти человечество от самого себя.

— Нет уж, увольте, — сказал Денисон. Сердце его учащенно забилось.

— Вы не хотите к нам присоединиться?

— Мне бы хотелось видеть всех вас повешенными. Мистер Беннет задумчиво кивнул и сморщил маленькие губки.

— Вы выпили свою сыворотку — не так ли? Денисон кивнул.

— Полагаю, это означает, что вы убьете меня прямо сейчас?

— Мы не убиваем, — сказал мистер Беннет. — Мы в основном выжидаем. Я думаю, вы разумный человек и, вероятно, еще посмотрите на суть вещей с нашей точки зрения. Мы будем рядом очень-очень долго. Поэтому воля ваша. Уведите его.

Денисона посадили в лифт и опустили глубоко под землю. Потом, провели во длинному коридору, вдоль которого, стояли вооруженные люди. Денисон с конвоирами прошли четыре массивные двери и остановились у пятой. Узника втолкнули внутрь, и дверь за ним закрылась.

Он попал в большое, хорошо обставленное помещение. Примерно двадцать человек, находившихся там, подошли поприветствовать его.

Один из них, приземистый, кряжистый мужчина, оказался старым знакомым Денисона по университету.

— Неужто Джим Феррис?

— Точно, — подтвердил Феррис. — Добро пожаловать в Клуб бессмертных, Денисон.

— Я читал, что ты в прошлом году погиб в авиакатастрофе.

— Я просто... исчез, — с печальной улыбкой заметил Феррис. — После изобретения сыворотки бессмертия. Так же, как и прочие.

— Все?

— Из присутствующих здесь пятнадцать человек изобрели сыворотку независимо друг от друга. Остальные добились успехов в других областях. Самый старый член нашего клуба — доктор Ли, изобретатель сыворотки, пропавший в Сан-Франциско в 1911 году. А ты — наше последнее приобретение. Наш клуб, наверное, самое охраняемое на Земле место.

— Тысяча девятьсот одиннадцатый! — только и смог вымолвить Денисон. На него навалилось отчаяние, и он тяжело рухнул в кресло. — Значит, надежды на спасение нет?

— Никакой. Нам предоставлены четыре возможности, на выбор, — объяснил Феррис. — Некоторые уходят от нас и присоединяются к «гробовщикам». Другие кончают жизнь самоубийством. Третьи — их немного — сходят с ума. А оставшиеся образовали Клуб бессмертных.

— Для чего? — изумленно спросил Денисон.

— Чтобы выбраться отсюда, — ответил Феррис. — Добыть свободу и подарить наши открытия миру. Чтобы преградить этим зарвавшимся диктаторчикам путь наверх.

— Но ведь они же должны быть в курсе ваших планов.

— Конечно. Однако они позволяют нам жить, потому что — и довольно часто кое-кто теряет надежду и присоединяется к ним. И они не думают, что мы когда-нибудь вырвемся отсюда. Они слишком самодовольны. Типичный недостаток всех новоявленных элит и основная причина их падения.

— Но ты же сказал, что это самое охраняемое место на Земле.

— Да, — подтвердил Феррис.

— А кто-нибудь из вас пытался отсюда выбраться за последние пятьдесят лет? Ведь для освобождения понадобится вечность!

— Вечность — как раз именно то, что мы имеем, — сказал Феррис. — Однако мы надеемся, что столь длительный срок нам не

потребуется. Каждый новичок приносит свои планы и идеи. Что-нибудь да сработает, обязательно.

— Вечность. — Денисон закрыл лицо руками.

— Ты можешь присоединиться к ним, — твердым голосом произнес Феррис. — Или покончить с собой. Либо просто сидеть в уголке и потихонечку сходить с ума. Выбирай.

Денисон уставился в потолок.

— Я должен быть честен и с вами, и с собой. Не уверен, что мы выберемся. Более того, я даже не уверен, что кто-нибудь из вас думает, будто мы сможем это сделать.

Феррис пожал плечами.

— А с другой стороны, — продолжал Денисон, — считаю это чертовски привлекательной идеей. И если вы введете меня в курс дела, я пожертвую всем ради проекта «Вечность». И будем надеяться, что их самодовольство сохранится.

— Наверняка, — сказал Феррис.

Освобождение, конечно, не потребовало вечности. Через каких-то сто тридцать семь лет Денисону и его коллегам удалось вырваться из заточения и раскрыть заговор «гробовщиков». «Гробовщики» предстали перед Высшим Судом по обвинению в похищении людей, тайной подготовке свержения правительства и нелегальном владении бессмертием. Вину признали по всем статьям обвинения, а наказание определили суммарным сроком.

Однако Денисон и его коллеги тоже незаконно обладали бессмертием, что являлось исключительной привилегией нынешней правящей элиты. Их не предали смертной казни ввиду большой услуги, оказанной государству Клубом бессмертных.

Но прощение оказалось преждевременным. Спустя несколько месяцев члены Клуба бессмертных ушли в подполье, открыто провозгласив своей целью свержение правящей элиты и распространение бессмертия в массы. Проект «Вечность», как именовали его сами члены клуба, получил поддержку у диссидентов, которых еще не успели арестовать. Однако это не считалось серьезной угрозой.

Но сия уклонистская акция никоим образом не умаляет славы Клуба, коей он себя покрыл, совершив побег от «гробовщиков». Гениальный способ, с помощью которого Денисон и его коллеги

выбрались из, казалось бы, неприступной тюрьмы, используя лишь стальную пряжку от брючного ремня, моток вольфрамовой проволоки, три куриных яйца и двенадцать химикалий, без труда и задержки добываемых из человеческого тела, слишком хорошо известен, чтобы о нем здесь липший раз упоминать.

Терапия

2 мая 2103 года Элвуд Кэсвел быстро шагал по Бродвею с заряженным револьвером в кармане пиджака. Он не имел намерения пускать его в ход, но опасался, что все же может это сделать. Такое предположение не было лишено оснований, потому что Кэсвел страдал манией убийства.

Был мягкий туманный весенний день, в воздухе пахло дождем и цветущим кизилом. Кэсвел сжимал револьвер в потной ладони и пытался придумать хотя бы один веский аргумент, чтобы не убивать человека по фамилии Мэгнесен, который на днях сказал, что Кэсвел чудесно выглядит.

«Какое дело Мэгнесену, как я выгляжу? Проклятые любопытные, лезут не в свои дела, всегда все портят...»

Кэсвел был невысокого роста холерик с сердитыми воспаленными глазами, челюстями бульдога и волосами цвета имбиря. Каждый встречал людей подобного типа; забравшись на ящик из-под дезинфицирующих средств, они произносят речи перед толпой вышедших на обеденный перерыв служащих и иронически настроенных студентов, выкрикивая лозунги вроде: «Марс для марсиан, Венера для венерианцев!»

Однако, по правде говоря, Кэсвела не интересовало тяжелое социальное положение населения других планет. Он работал кондуктором ракетобуса нью-йоркской корпорации «Рэпид транзит». Он не лез в чужие дела. К тому же он был абсолютно сумасшедшим.

К счастью, бывали моменты, когда он понимал это, по крайней мере половиной своего сознания.

Пот лил с Кэсвела градом, пока он шел по Бродвею к Сорок третьей улице, где находился магазин «Домашние терапевтические приборы». Скоро закончится рабочий день, и его друг Мэгнесен возвратится в свою небольшую квартиру, совсем недалеко от дома Кэсвела. Как легко, как приятно было бы небрежно войти, обменяться одной-двумя фразами и затем...

Нет! Кэсвел глотнул воздуха и напомнил себе, что у него нет настоящего желания никого убивать. Убивать нехорошо. Его

посадят за решетку, друзья его не поймут, да и мама никогда этого не одобрит.

Однако эти аргументы были слабыми, слишком заумными и совсем не убедительными. От фактов не скроешься: он хочет убить Мэгнесена.

Разве такое сильное желание может быть нехорошим? Или даже нездоровым?

Да, может! Со сдавленным стоном Кэсвел пробежал последние несколько шагов к магазину «Домашние терапевтические приборы».

Обстановка внутри магазина сразу принесла облегчение. Свет был мягким, шторы — спокойных тонов, и даже выставленные здесь мерцающие терапевтические машины не слишком бросались в глаза. Вот где приятно просто прилечь на ковер под сень терапевтических машин в твердой уверенности, что тебя ожидает избавление от всех неприятностей.

Светловолосый продавец с длинным породистым носом бесшумно (но не вкрадчиво) подплыл к нему и негромко спросил:

— Не нужна ли помощь?

— Терапию! — пробормотал Кэсвел.

— Разумеется, сэр, — обаятельно улыбнулся продавец, разглаживая лацканы пиджака. — Мы для этого и существуем. — Он пристально посмотрел на Кэсвела, быстро поставил в уме диагноз и постучал по сверкающему белизной и медью аппарату. — Вот это, — сказал продавец, — новый Алкоголеразгрузитель фирмы «ИБМ», рекламируется самыми популярными журналами. Привлекательное дополнение к мебели, согласитесь, что он украсит любую квартиру. Внутри имеется телевизор.

Ловким движением узкой кисти продавец открыл Алкоголеразгрузитель, показав телеэкран размером 52 дюйма.

— Мне нужно... — начал Кэсвел.

— Терапию, — закончил за него продавец. — Конечно. Я хочу только подчеркнуть, что эта модель никогда не поставит в неудобное положение вас, ваших друзей или близких. Обратите внимание на утопленную шкалу желаемой интенсивности потребления спиртного. Видите? Если не хотите совсем воздерживаться, можете установить любое из следующих делений:

«много», «умеренно», «в компании» или «для аппетита». Это новинка, уникальная в механотерапии.

— Я не алкоголик, — с достоинством сказал Кэсвел. — Корпорация «Нью-Йорк рэпид трэнзит» не нанимает алкоголиков.

— Понимаю, — сказал продавец, недоверчиво глядя на слезящиеся глаза Кэсвела. — Вы, кажется, человек нервный. Быть может, портативный успокаиватель фирмы «Бендикс»...

— Нервы тут тоже ни при чем. Что у вас есть против мании убийства?

Продавец пождал губы.

— Шизофренического или маниакально-депрессивного происхождения?

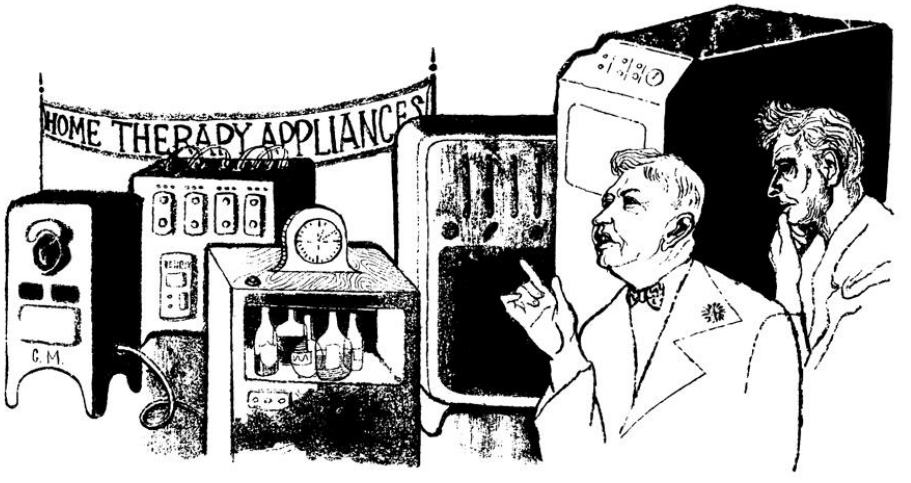
— Не знаю, — признался Кэсвел, несколько растерявшись.

— В общем, это не имеет значения, — сказал продавец. — Моя собственная теория. За время работы в магазине я пришел к выводу, что рыжие и блондины предрасположены к шизофрении, а брюнеты — к маниакальной депрессии.

— Интересно. Вы давно здесь работаете?

— Неделю. Итак, сэр, вот что вам нужно.

— Что это?



— Рекс-Регенератор, созданный фирмой «Дженерал моторс». Красив, не правда ли? Вписывается в любой интерьер, внутри

отлично оборудованный портативный бар. Ваши друзья, семья, родственники никогда не догадаются...

— Излечит ли он манию убийства? — спросил Кэсвел. — Сильную.

— Вне всякого сомнения. Это совсем не то, что маленькие 10-амперные аппараты для невротиков. Это стационарная 25-амперная машина с большим запасом прочности, предназначенная для действительно тяжелых, застарелых случаев.

— Как раз то, что у меня, — сказал Кэсвел с простительной гордостью.

— Эта малютка все из вас вышибет. Большие, сверхпрочные подшипники! Мощная система охлаждения! Абсолютная изоляция! Диапазон чувствительности более...

— Я беру его, — сказал Кэсвел. — Сейчас же. Заплачу сразу.

— Отлично. Я только позвоню на склад...

— Я могу взять этот, — сказал Кэсвел, вынимая бумажник. — Хочу побыстрее его испробовать. Вы знаете, я собираюсь убить моего друга Мэгнесена.

Продавец сочувственно щелкнул языком:

— Вам этого не захочется... Плюс пять процентов налог. Благодарю вас, сэр. Подробную инструкцию вы обнаружите внутри.

Кэсвел поблагодарил его, обхватил Регенератор обеими руками и поспешил к выходу.

Вычислив свою комиссию, продавец улыбнулся про себя и закурил. Однако неожиданно появившийся из своего кабинета управляющий — крупный представительный мужчина в пенсне — испортил все удовольствие.

— Хэскинс, — сказал управляющий, — по-моему, я уже советовал вам избавиться от этой нечистоплотной привычки.

— Да, мистер Фолансби, простите, сэр, — извинился Хэскинс, гася сигарету. — Я немедленно воспользуюсь Деникотинизатором с витрины. Совершил довольно выгодную продажу, мистер Фолансби. Один из больших Рекс-Регенераторов.

— Вот как? — Новость произвела на управляющего впечатление. — Не часто нам удается... подождите! Не хотите ли вы сказать, что продали демонстрационную модель?

— А что... вы знаете, боюсь, что да, мистер Фолансби. Покупатель очень спешил. А разве...

Фолансби всплеснул руками и схватился за голову.

— Хэскинс, я вас предупреждал. Я наверняка вас предупреждал! Демонстрационный Регенератор был марсианской моделью. Для механотерапии марсиан.

— Ага, — сказал Хэскинс. Он подумал мгновение. — Понимаю.

Фолансби смотрел на своего подчиненного в зловещем молчании.

— Но какое это имеет значение? — быстро спросил Хэскинс. — Машина ведь не различает. Мне думается, она будет лечить манию убийства, даже если пациент и не марсианин.

— У марсианской расы никогда не проявлялось склонности к убийству. Марсианский вариант Регенератора не способен даже понять такое. Безусловно, Регенератор попытается провести лечение. Он обязан. Но от чего он будет лечить?

— Понимаю, — сказал Хэскинс.

— Беднягу надо остановить, прежде чем... вы сказали, у него мания убийства? Я ни за что не ручаюсь! Его адрес, скорее!

— Видите ли, мистер Фолансби, он так спешил...

Управляющий долго смотрел на продавца, не веря своим ушам.

— Вызывайте полицию! Свяжитесь с отделом безопасности «Дженерал моторс»! Разыщите его!

Хэскинс бросился к двери.

— Стойте! — крикнул управляющий, натягивая плащ. — Я с вами!

Элвуд Кэсвел возвратился домой на таксокоптере. Он втащил Регенератор в гостиную, придвинул его к кушетке и окинул оценивающим взглядом.

— А продавец прав, — сказал он наконец. — Действительно, подходит к обстановке.

С эстетической точки зрения Регенератор оказался удачным приобретением.

Кэсвел полюбовался им еще немного, а затем пошел на кухню приготовить себе бутерброд с курицей. Он ел медленно, не спуская глаз с точки, находившейся несколько выше и левее кухонных часов.

«Будь ты проклят, Мэгнесен! Грязный, лживый, коварный, враг всего чистого и непорочного на земле...»

Вынув револьвер из кармана, он положил его на стол и повертел в разные стороны своим негнущимся пальцем.

Пора начинать терапию.

Если бы не...

Кэсвел с беспокойством почувствовал, что не хочет избавиться от желания убить Мэгнесена. Что будет с ним, если он лишится этой потребности? Жизнь потеряет смысл, содержание, весь вкус и остроту. Она станет бесконечно нудной.

Кроме того, Мэгнесен принес ему большое личное горе, о котором не хотелось вспоминать.

Айрин!

Его бедная сестра, обесчещенная сладкоречивым и хитрым Мэгнесеном, погубленная и брошенная. Разве может быть более убедительная причина, чтобы взять револьвер...

С трудом Кэсвел вспомнил, что у него никогда не было сестры. Теперь самое время приступить к терапии. Он прошел в гостиную и вынул инструкцию, засунутую в вентиляционное отверстие аппарата. Развернув ее, он прочел:

«Для пользования Регенератором модели Рекс:

1. Поставьте Регенератор рядом с удобной кушеткой (удобную кушетку можно приобрести за дополнительную плату в любом магазине „Дженерал моторс“).

2. Воткните вилку в комнатную розетку.

3. Наденьте раздвижной контактный обруч на голову. Вот и все! Ваш Регенератор сделает все остальное! Никаких языковых барьеров и проблем диалекта, потому что Регенератор общается методом Непосредственного Чувственного Контакта (патент заявлен). Единственное, что от вас требуется, — довериться аппарату.

Вы не должны испытывать смущение или стыд. У всех есть проблемы, иногда посложнее ваших! Регенератор не интересуется вашей нравственностью или этическими принципами, поэтому не считайте, что он вас судит. Он лишь пытается помочь вам стать здоровым и счастливым.

Как только Регенератор соберет и обработает достаточное количество информации, он начнет лечение. От вас самих зависит продолжительность сеансов. Приказываете вы! И, конечно, вы вправе прервать сеанс в любой момент.

Вот и все! Просто, не правда ли? А теперь включайте ваш

Регенератор фирмы „Дженерал моторс“ и становитесь нормальным!»

— Ничего сложного, — сказал себе Кэсвел.

Он подвинул Регенератор ближе к кушетке и включил его. Взял обруч, начал надевать его на голову, остановился.

— Я чувствую себя так глупо! — хихикнул он.

Неожиданно он закрыл рот и вызывающе взглянул на черную, поблескивающую никелировкой машину.

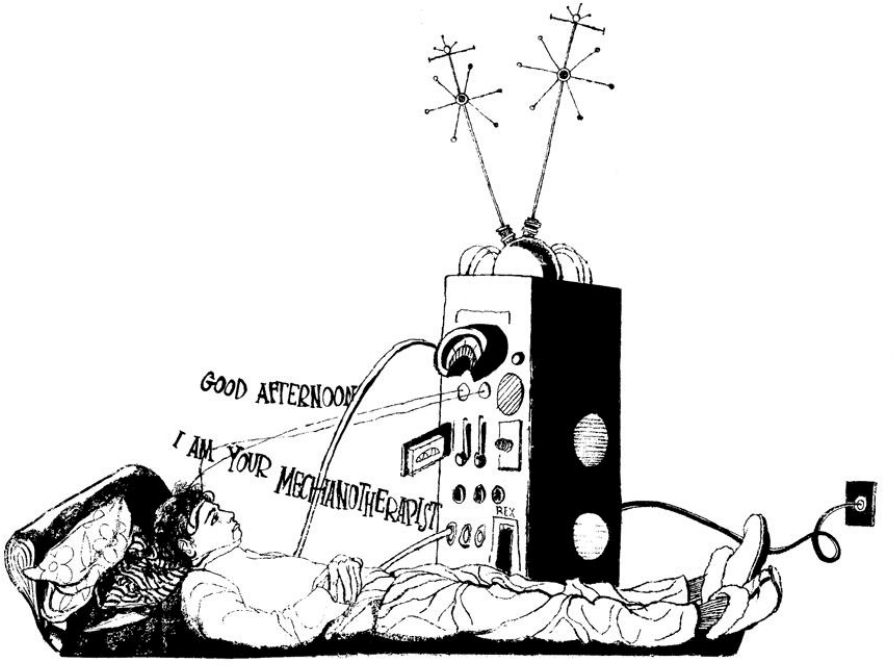
— Так, значит, ты считаешь, что можешь сделать меня нормальным, а?

Регенератор не отвечал.

— Ладно, попробуй. — Он натянул обруч на голову, лег на кушетку и скрестил руки на груди.

Ничего не произошло. Кэсвел устроился поудобнее. Почесал плечо и немного передвинул обруч. Ничего. Мысли его начали расползаться.

«Мэгнесен! Ты наглый высокомерный урод, отвратительный...»



— Добрый день, — прозвучал в его голове голос. — Я ваш механотерапевт.

Кэсвел виновато заерзал.

— Здравствуйте. Я тут просто... ну, вы понимаете... вроде как бы...

— Понимаю, — успокаивающе сказала машина. — Ведь мы все, так или иначе... В данный момент я изучаю ваше подсознание с целью синтеза, диагноза, прогноза и лечения. Я обнаруживаю...

— Да?

— Один момент. — Регенератор молчал несколько минут. Потом неуверенно сказал: — Весьма необычный случай,

— Правда? — спросил довольный Кэсвел.

— Да. Коэффициенты похожи на... я, правда, не уверен... механический голос аппарата стал затухать. Индикаторная лампочка замигала и погасла.

— Эй, в чем дело?

— Какая-то путаница, — ответила машина. — Однако, — продолжала она окрепшим голосом, — необычайная природа симптомов не может поставить в тупик квалифицированную терапевтическую машину. Любой симптом, как он ни причудлив, является всего лишь сигналом, признаком внутреннего несоответствия. А все симптомы можно объяснять на основе общепринятой и доказанной теории. Поскольку теория эффективна, симптомы должны с нею согласовываться. Будем исходить из этой предпосылки.

— А вы уверены, что делаете то, что нужно? — спросил Кэсвел, у которого кружилась голова.

Сверкнув индикатором, машина отрезала:

— Современная механотерапия — точная наука, не допускающая каких-либо значительных ошибок. Начнем со словесных ассоциаций.

— Валяйте, — сказал Кэсвел.

— Жилище?

— Дом.

— Собака?

— Кошка.

— Флифл?

Кэсвел замешкался, пытаясь сообразить. Чем-то это слово напоминало марсианское, но могло быть и венерианским или...

— Флифл? — повторил Регенератор.

— Марфуш, — сымпровизировал Кэсвел.

— Громкий?

— Сладкий.

— Зеленый?

— Мама.

— Тханагойес?

— Патаматонга.

— Арридес?

— Нексотесмодрастика.

— Чтиспохельгноптецес?

— Рагамару латасентрикпропатрия! — выкрикнул Кэсвел. Это был набор звуков, которым можно гордиться. Человек средних способностей не смог бы их произнести.

— Гм, — сказал Регенератор. — Закономерности совпадают. Так и должно быть.

— Какие закономерности?

— У вас, — сообщила ему машина, — классический случай фим-мании, осложненной сильной дварк-наклонностью.

— Неужели? Мне казалось, что у меня мания убийства.

— Этот термин не имеет смысла, — строго сказала машина. — Поэтому я отвергаю его как бессмысленный набор звуков. Теперь учтите: фим-мания совершенно нормальна. Никогда этого не забывайте. Правда, в раннем возрасте она обычно уступает место ховендиш-отвращению. Индивидуумы, не обладающие этой естественной реакцией на внешнюю среду...

— Я не совсем понимаю то, что вы говорите, — признался Кэсвел.

— Прошу вас, сэр, давайте сразу договоримся. Вы — пациент. Я механотерапевт. Вы обратились ко мне, чтобы излечиться от недуга. Однако вы не можете рассчитывать на помощь, если сами не будете прилагать соответствующие усилия.

— Ладно, — сказал Кэсвел. — Я попробую.

До сих пор он наслаждался сознанием собственного превосходства. Все, что говорила машина, казалось забавным. Пожалуй, он даже мог бы указать механотерапевту на некоторые его

неточности.

Теперь же ощущение благополучия улетучилось, уже в который раз, и Кэсвел почувствовал себя одиноким, ужасно одиноким и потерянным, рабом своих желаний, ищущим хотя бы немного тишины и спокойствия.

Он вынесет что угодно, лишь бы вновь обрести равновесие. Сурово он напомнил себе, что не имеет права критиковать механотерапевта. Эти машины знают свое дело, у них громадный опыт. Он будет стараться, каким бы нелепым ни казался ему, дилетанту, этот способ лечения.

Одно ясно, подумал Кэсвел, угрюмо укладываясь на кушетку, механотерапия гораздо труднее, чем он предполагал.

Поиски исчезнувшего покупателя были недолгими и безрезультатными. Его не было на многолюдных улицах Нью-Йорка, и никто не помнил рыжего человечка с воспаленными глазами, тащившего на себе черную терапевтическую машину.

Такое зрелище было слишком обычным.

Вскоре после срочного телефонного вызова явились четверо полицейских во главе с встревоженным молодым лейтенантом — детективом по фамилии Смит.

Едва Смит успел спросить: «А почему вы не удосужились повесить ярлыки на товары?» — как его прервали.

Оттолкнув полицейского, стоявшего у дверей, в комнату вошел мужчина. Он был высокий, угловатый и некрасивый, с глубоко запавшими бледно-голубыми глазами. Мятый и нечищеный костюм висел на нем, как гофрированное железо.

— Что вам нужно? — спросил лейтенант Смит.

Некрасивый мужчина отогнул лацкан пиджака и показал блестящий серебряный значок.

— Я Джон Рэт из отдела безопасности «Дженерал моторс».

— А... виноват, сэр, — сказал лейтенант Смит, отдавая честь. — Я не думал, что вы так быстро прибудете на место.

Рэт издал неопределенный звук.

— Вы проверили отпечатки пальцев, лейтенант? Покупатель мог дотронуться до другой терапевтической машины.

— Я сейчас же этим займусь, сэр, — сказал Смит. Нечасто случалось, чтобы оперативный работник «Дженерал моторс»,

«Дженерал электрик» или «ИБМ» прибывал для личного расследования на место. Если участковый полицейский проявит расторопность, то его могут перевести в Индустриальную Полицию...

Рэт повернулся к Фолансби и Хэскинсу и окинул их взглядом, пронизывающим и безличным, как луч радара.

— Выкладывайте все по порядку, — сказал он, вынимая из бесформенного кармана записную книжку и карандаш.

Он слушал рассказ в зловещем молчании. Наконец он захлопнул записную книжку, сунул ее обратно в карман и сказал:

— Терапевтические машины должно оберегать, как святыню. Дать покупателю не ту машину — значит не оправдать оказанное вам доверие, нарушить Общественные Интересы и очернить добрую репутацию Компании.

Управляющий согласно закивал, свирепо глядя на несчастного продавца.

— Марсианский вариант машины, — продолжал Рэт, — вообще не должен был находиться на витрине.

— Я объясню, как это получилось, — поспешно сказал Фолансби. — Нам нужна была демонстрационная модель, и я написал в Компанию письмо с просьбой...

— Это, — безжалостно перебил его Рэт, — может быть расценено как грубое и преступное ротозейство.

Управляющий и продавец обменялись испуганными взглядами. Они вспомнили об исправительной колонии «Дженерал моторс» возле Детройта, где нарушители законов Компании коротали время в угрюмой тишине, занимаясь монотонным вычерчиванием микросхем для карманных телевизионных приемников.

— Правда, это вне моей компетенции, — сказал Рэт. Он обратил свой сумрачный взгляд на Хэскинса: — Вы уверены, что покупатель не назвал своего имени?

— Нет, сэр. То есть да, я в этом уверен, — ответил Хэскинс дребезжащим голосом.

— Упоминал ли он вообще какие-нибудь имена?

Хэскинс закрыл лицо руками. Потом вскинул голову и с жаром произнес:

— Да! Он хотел кого-то убить! Своего друга!

— Кого? — переспросил Рэт с леденящим спокойствием.

— Фамилия его друга... дайте мне подумать... Магнетон! Вспомнил! Магнетон! Или Моррисон? О боже...

На железном лице Рэта отразилось гофрированное презрение. Люди бесполезны в качестве свидетелей. Хуже, чем бесполезны, потому что они могут направить по ложному следу. В смысле надежности лучше всего роботы.

— Неужели он не упомянул ничего существенного?

— Дайте мне подумать! — сказал Хэскинс, лицо которого перекосило от напряжения.

Рэт ждал.

Фолансби откашлялся.

— Я тут подумал, мистер Рэт. Насчет этой марсианской машины. Она ведь не будет лечить земную манию убийства, как таковую?

— Конечно нет. Мания убийства не известна на Марсе.

— Согласен. В таком случае, что она сделает? Не откажется ли она лечить эту болезнь как не знакомую ей? Тогда покупатель просто вернет Регенераторе жалобой, и мы...

Рэт покачал головой.

— Рекс-Регенератор обязан проводить лечение, если он обнаружил признаки психоза. По марсианским стандартам, ваш покупатель тяжело болен, он ненормальный, какова бы ни была действительная причина его болезни.

Фолансби снял пенсне и начал быстро протирать стекла.

— Что же будет делать машина?

— Она будет лечить его от марсианской болезни, наиболее близкой к данному случаю. Можно предположить, что от фим-мании с различными осложнениями. Что же касается последствий лечения, то я ничего не могу сказать. Да и вряд ли кто-либо другой может, потому что таких случаев еще не было. Грубо говоря, альтернатива такова: либо пациент сразу отвергнет терапию и при этом мания убийства останется, либо он пройдет курс марсианской терапии и излечится.

Лицо Фолансби просветлело:

— Значит, исцеление возможно!

— Вы не поняли, — сказал Рэт. — Он излечится... от несуществующего марсианского психоза. Излечить то, чего на самом

деле нет, значит создать фантастическую систему галлюцинаций. Машина сработает наоборот: она создаст психоз, вместо того чтобы ликвидировать его.

Фолансби застонал и прислонился к Психосоматике фирмы «Белл».

— В результате, — заключил Рэт, — больного убедят, что он марсианин. Нормальный марсианин, естественно.

Хэскинс неожиданно закричал:

— Вспомнил! Вспомнил! Он говорил, что работает в «Нью-Йорк рэпид трэнзит»! Я это ясно помню!

— Это уже шанс, — сказал Рэт, протягивая руку к телефону.

Хэскинс с облегчением вытер потное лицо.

— И я вспомнил другое, что поможет нам еще больше.

— Что именно?

— Покупатель сказал, что он одно время был алкоголиком. Я уверен в этом, потому что сначала он заинтересовался Алкоголеразгрузителем «ИБМ», пока я его не отговорил. Он был рыжий, а вы знаете, у меня есть теория насчет рыжих и алкоголизма. Согласно ей...

— Отлично, — сказал Рэт. — Алкоголизм должен быть у него в анкете. Это резко сужает сферу поисков.

Когда он набирал номер «Рэпид транзит», его некрасивое тяжелое лицо казалось почти симпатичным. Приятно для разнообразия убедиться в том, что люди еще способны запоминать существенные детали.

— Но, конечно, вы помните свою горику? — спрашивал Регенератор.

— Нет, — устало отвечал Кэсвел.

— Тогда расскажите мне о ваших юношеских переживаниях в форастрийском флипе.

— Никогда не было ничего подобного.

— Гм. Блокировка, — пробормотала машина. — Чувство обиды. Подавление. Вы уверены, что не помните свою горику и что она для вас означала? Все прошли через это.

— Только не я, — сказал Кэсвел, сдерживая зевоту.

Механотерапия продолжалась уже почти четыре часа — и без всякой видимой пользы. Сначала он по своей инициативе рассказал

о детстве, об отце с матерью, о старшем брате. Однако Регенератор попросил его отбросить эти фантазии. Отношение пациента к воображаемому родителю, или сиблингу, объяснил он, носит фиктивный характер и имеет второстепенный психологический интерес. Самое важное — чувства пациента, открытые и подавленные, которые он испытывает к своей горике.

— Послушайте, — запротестовал Кэсвел, — я даже не знаю, что такое горика.

— Нет, вы знаете. Вы лишь не хотите себе в этом признаться.

— Не знаю. Объясните мне.

— Лучше, если бы вы сами мне рассказали.

— Каким образом? — разозлился Кэсвел. — Я ведь не знаю!

— Что такое, по-вашему, горика?

— Это лесной пожар, — сказал Кэсвел. — Таблетка соли. Бутыль денатурата. Маленькая отвертка. Уже тепло? Записная книжка. Пистолет...

— Эти ассоциации не лишены смысла, — заверил его Регенератор. — Ваши попытки выбирать их наугад свидетельствуют о наличии внутренней закономерности. Вспоминаете?

— Так что же все-таки, черт побери, такое горика? — рявкнул Кэсвел.

— Дерево, кормившее вас в грудном возрасте, возможно, вплоть до полового созревания, если мои предположения относительно вас правильны. Неумышленно горика подавила ваше естественное отвращение к фим-мании. Это в свою очередь вызвало ощущаемую вами потребность дварковать кого-нибудь влендишным способом.

— Никакое дерево меня не вскармливало.

— Вы не помните об этом?

— Конечно нет, этого никогда не было.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Неужели у вас нет ни малейшего сомнения?

— Нет! Никакая горика меня не вскармливала. Послушайте, я имею право прервать сеанс в любой момент, не так ли?

— Безусловно, — сказал Регенератор, — хотя сейчас это нежелательно. Вы проявляете чувства гнева, обиды, страха. Произвольно отвергая...

— К черту, — сказал Кэсвел и сдернул обруч с головы.

Тишина была прекрасной. Кэсвел встал, зевнул, потянулся и помассировал затылок. Он посмотрел на гудящую черную машину долгим и враждебным взглядом.

— Тебе и насморка не вылечить, — сказал он ей.

Разминая затекшие суставы, он прошелся по комнате и вернулся к Регенератору.

— Чертов обманщик! — крикнул он.

Он отправился на кухню выпить пива. Револьвер еще лежал на столе, тускло поблескивая.

«Мэгнесен! Гнусная, вероломная дрянь! Воплощение дьявола! Мерзкое, злое чудовище! Кто-то должен тебя уничтожить, Мэгнесен! Кто-то...»

Кто-то? Он сам должен это сделать. Ему одному известна неизмеримая глубина развращенности Мэгнесена, его порочности, его отвратительного честолюбия.

«Да, это мой долг», — подумал Кэсвел. Но, как ни странно, эта мысль не доставила ему удовольствия. Все-таки Мэгнесен его друг.

Он встал, готовый действовать. Засунул револьвер в правый карман пиджака и посмотрел на кухонные часы. Почти половина седьмого. Мэгнесен, наверно, уже дома, обедает, ухмыляется, обдумывая свои планы. Самое время его пристукнуть.

Кэсвел большими шагами прошел к двери, отворил ее, собираясь выйти, и остановился.

Ему пришла в голову мысль, мысль столь сложная, столь значительная, со столь далеко идущими последствиями, что он был потрясен до глубины души. В отчаянии Кэсвел пытался отогнать эту мысль. Однако навечно выгравированная в его памяти, она не исчезала.

В этих условиях для него оставалось лишь одно. Он вернулся в гостиную, сел на кушетку и натянул обруч на голову.

— Да? — спросил Регенератор.

— Черт побери, это удивительно, — сказал Кэсвел. — Вы знаете, я, кажется, действительно вспоминаю свою горику!

Джон Рэт вызвал по телевидео «Нью-Йорк рэпид трэнзит», где его немедленно соединили с мистером Бемисом, полным загорелым мужчиной с внимательными глазами.

— Алкоголизм? — переспросил Бемис, когда ему объяснили, в чем дело. Незаметным движением он включил магнитофон. — Среди наших служащих? Нажав ногой на кнопку в полу, Бемис дал сигнал тревоги в отделы Охраны, Рекламы, Взаимоотношений с другими компаниями и Психоанализа. Сделав это, он с серьезным видом посмотрел на Рэта. — Уважаемый сэр, это исключено. Между нами, почему «Дженерал моторс» этим заинтересовалась?

Рэт горько усмехнулся. Этого можно было ожидать. У «Рэпид трэнзит» и «Дженерал моторс» в прошлом имелись разногласия. Официально между обеими гигантскими корпорациями существовало сотрудничество. Однако на практике...

— Дело касается Общественных Интересов, — сказал Рэт.

— Разумеется. — Бемис едва заметно усмехнулся. Взглянув на селекторную доску, он увидел, что несколько сотрудников Компании подслушивают разговор. Если повести себя правильно, можно рассчитывать на повышение по службе. — Видимо, имеются в виду Общественные Интересы «Дженерал моторс»? — продолжал Бемис с вежливым ехидством. — Я полагаю, это намек на то, что нашими ракетобусами управляют пьяные водители?

— Совсем нет. Меня интересует лишь один случай предрасположения к алкоголизму, одна индивидуальная скрытая форма...

— Исключено. Мы в «Рэпид трэнзит» не берем на работу людей хотя бы с малейшей склонностью такого рода. Я вам советую, сэр, вычистить собственный дом, прежде чем заниматься инсинуациями!

Бемис выключил телевидео.

Обвинить его, во всяком случае, ни в чем не смогут.

— Тупик, — с досадой сказал Рэт. Он повернулся и крикнул: — Смит! Обнаружили отпечатки пальцев?

Подскочил лейтенант Смит, без пиджака и с засученными рукавами.

— Ничего существенного, сэр.

Рэт стиснул тонкие губы. Почти семь часов прошло с тех пор, как покупатель унес марсианскую машину. Неизвестно, какой ущерб уже нанесен. Покупатель будет вправе подать на Компанию в суд. Но дело не в компенсации; любой ценой нужно спасти репутацию

фирмы.

— Простите, сэр, — сказал Хэскинс.

Рэт не слышал. Что делать? «Рэпид трэнзит» отказывается помочь. Разрешит ли командование вооруженных сил перебрать все личные дела по телосложению и пигментации?

— Сэр, — снова сказал Хэскинс.

— Что вам?

— Я вспомнил фамилию друга покупателя. Мэгнесен.

— Не ошибаетесь?

— Нет, — сказал Хэскинс, и в его голосе впервые за много часов прозвучала уверенность. — Я позволил себе, сэр, заглянуть в телефонную книгу. В Манхэттене лишь один человек с такой фамилией.

Рэт угрожающе посмотрел на него из-под косматых бровей:

— Хэскинс, я надеюсь, что вы не ошибаетесь. Очень надеюсь.

— Я тоже, сэр, — признался Хэскинс, чувствуя, как у него начинают трястись колени.

— Потому что в противном случае, — сказал Рэт, — я... Ладно. Пошли!

Под полицейским эскортом они прибыли по адресу через пятнадцать минут. Это был старинный дом из темного песчаника, на одной из дверей второго этажа висела табличка с фамилией Мэгнесен. Они постучали.

Дверь отворил коренастый мужчина лет тридцати, коротко подстриженный и без пиджака. Он слегка побледнел при виде стольких людей в форме, но не испугался.

— Что это значит? — вызывающе спросил он.

— Ваша фамилия Мэгнесен? — рявкнул лейтенант Смит.

— Ага. Что стряслось? Если вы насчет того, что мой стерео якобы слишком громко играет, так эта старая ведьма внизу...

— Можно войти? — спросил Рэт. — Дело серьезное.

Мэгнесен, казалось, не был расположен их пускать, но Рэт отстранил его и прошел внутрь, сопровождаемый Смитом, Фолансби, Хэскинсом и небольшим отрядом полицейских. Мэгнесен повернулся к ним, недовольный и сбитый с толку. Сцена явно произвела на него сильное впечатление.

— Мистер Мэгнесен, — обратился к нему Рэт самым приятным

тоном, на который был способен. — Надеюсь, вы извините нас за вторжение. Уверяю, что дело касается Общественных Интересов, а также ваших собственных. Есть ли среди ваших знакомых маленький, рыжеволосый человек сердитого вида, с воспаленными глазами?

— Да, — медленно и осторожно сказал Мэгнесен.

Хэскинс испустил вздох облегчения.

— Пожалуйста, сообщите нам его фамилию и адрес, — попросил Рэт.

— Это, наверно... постойте! А что он сделал?

— Ничего.

— Тогда зачем он вам нужен?

— Объяснять некогда, — сказал Рэт. — Поверьте, что это и в его интересах. Как его фамилия?

Мэгнесен испытующе смотрел на некрасивое, но честное лицо Рэта.

Вмешался лейтенант Смит.

— Давай, выкладывай, Мэгнесен. Тебе же будет лучше. Фамилию — и быстро.

Это был неверный подход. Мэгнесен закурил сигарету, пустил струю дыма в Смита и спросил:

— А разрешение у тебя есть, приятель?

— Еще бы, — сказал Смит, двинувшись вперед. — Я тебе сейчас покажу разрешение, умник.

— Прекратите! — приказал Рэт. — Лейтенант Смит, благодарю вас за помощь. Вы свободны.

Рассерженный Смит удалился со своим отрядом.

Рэт сказал:

— Прошу прощения, Смит был излишне усерден. Лучше я вам расскажу все по порядку.

Он кратко изложит всю историю с покупателем и марсианской терапевтической машиной.

После этого рассказа Мэгнесен стал еще подозрительнее:

— Вы хотите сказать, что он собирается убить меня?

— Вот именно.

— Это ложь! Я не знаю, кто вы такой, мистер, но вам никогда не удастся меня в этом убедить. Элвуд мой лучший друг, с самого

детства. Мы вместе служили в армии. Ради меня Элвуд руку себе отрежет. И я сделаю для него то же самое.

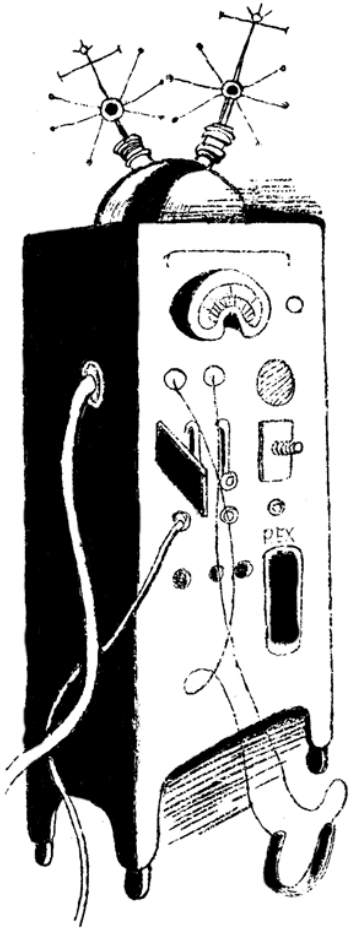
— Да, да, — нетерпеливо сказал Рэт. — Во вменяемом состоянии. Однако ваш друг Элвуд... Кстати, это его имя или фамилия?

— Имя, — насмешливо сказал Мэгнесен.

— Ваш друг Элвуд душевнобольной.

— Вы его не знаете. Этот парень любит меня, как родного брата. Послушайте, что Элвуд сделал? Задолжал или что-нибудь в этом роде? Я могу помочь.

— Идиот! — закричал Рэт. — Я пытаюсь спасти вашу жизнь, а также и разум вашего друга!



— Но откуда я знаю? — взмолился Мэгнесен. — Вы, парни, сюда врываетесь...

— Вы должны мне поверить, — сказал Рэт.

Мэгнесен внимательно посмотрел на Рэта и нехотя кивнул.

— Его зовут Элвуд Кэсвел. Он живет по этой же улице в доме 341.

Человек, отворивший дверь, был невысокого роста, рыжий и с воспаленными глазами. Его правая рука была засунута в карман пиджака. Он казался очень спокойным.

— Вы Элвуд Кэсвел? — спросил Рэт. — Вы купили сегодня утром Регенератор в магазине «Домашние терапевтические приборы»?

— Да, — сказал Кэсвел. — Прошу вас.

В небольшой гостиной они увидели черный Регенератор, который стоял у кушетки, поблескивая никелированными частями. Он был выключен.

— Вы им пользовались? — с тревогой спросил Рэт.

— Да.

Фолансби сделал шаг вперед.

— Мистер Кэсвел, не знаю, как это произошло, но мы совершили ужасную ошибку. Регенератор, приобретенный вами, — марсианский вариант, предназначенный для лечения марсиан.

— Я знаю, — сказал Кэсвел.

— Знаете?

— Разумеется. Это быстро выяснилось.

— Ситуация была опасной, — сказал Рэт, — особенно для человека с вашими... ээ... неприятностями.

Незаметно для Кэсвела он внимательно изучал его. Тот вел себя нормально, но внешность часто обманчива, особенно у душевнобольных. У Кэсвела была мания убийства, нет оснований считать, что она исчезла бесследно.

И Рэт пожалел, что так рано отослал Смита и его отряд. Присутствие вооруженных полицейских иногда успокаивает.

Кэсвел прошел в другой угол комнаты, где стояла терапевтическая машина. Одна рука у него была все еще в кармане, другую он любовно положил на Регенератор.

— Бедняга, он старался изо всех сил, — сказал он. — Конечно, он не мог излечить то, чего не было. — Он усмехнулся. — Правда, ему это почти удалось!

Следя за выражением лица Кэсвела, Рэт сказал подчеркнуто небрежным голосом:

— Рад, что все обошлось, сэр. Компания, разумеется, компенсирует потерянное время и нанесенный вам моральный ущерб...

— Разумеется, — сказал Кэсвел.

— ...и мы немедленно заменим этот Регенератор нормальной земной моделью.

— В этом нет необходимости.

— Нет?

— Нет. — В голосе Кэсвела звучала твердость. — Терапия, начатая машиной, побудила меня провести глубокий самоанализ. В момент полного проникновения в собственное сознание мне удалось переоценить и отбросить мое намерение убить бедного Мэгнесена.

Рэт недоверчиво наклонил голову.
— Вы не испытываете сейчас такой потребности?
— Нисколько.

Рэт насупился, хотел что-то сказать, но остановился. Он повернулся к Фолансби и Хэскинсу:

— Заберите машину. Я с вами еще поговорю в магазине.

Управляющий и продавец подняли Регенератор и вышли.

Рэт сделал глубокий вдох:

— Мистер Кэсвел, я бы вам весьма рекомендовал принять бесплатно новый Регенератор от Компании. Без правильного лечения методом механотерапии сохраняется опасность возобновления процесса.

— В данном случае опасности нет, — мягко, но твердо сказал Кэсвел. Благодарю вас за заботу, сэр. Спокойной ночи.

Рэт пожал плечами и направился к двери.

— Погодите! — крикнул Кэсвел.

Рэт обернулся. Кэсвел вытащил руку из кармана. В руке был револьвер. Рэт почувствовал, как струйки пота стекают под мышками. Он прикинул расстояние между собой и Кэсвелом. Слишком далеко.

— Возьмите, — сказал Кэсвел, протягивая револьвер рукояткой вперед. Мне это больше не понадобятся.

Рэт с равнодушным выражением лица принял револьвер и засунул его в свой бесформенный карман.

— Спокойной ночи, — сказал Кэсвел. Он закрыл за Рэтом дверь и запер ее.

Наконец он остался один.

Кэсвел прошел на кухню. Откупорил бутылку пива, сделал большой глоток и сел за кухонный стол. Он не спускал глаз с точки, находившейся немного выше и левее стенных часов.

Он должен разработать свой план сейчас. Времени терять нельзя.

«Мэгнесен! Злое чудовище, срубившее горику Кэсвелов! Мэгнесен! Человек, который тайно собирается заразить Нью-Йорк отвратительной фим-манией! О, Мэгнесен, желаю тебе долгой-долгой жизни, полной мучений, которые я тебе принесу! И для начала...»

Кэсвел улыбнулся, представив, как он будет дварковать Мэгнесена влендишным способом.

Прощание с болью

Воскресным утром в недалеком будущем Джозеф Элрой удобно устроился в кресле, пытаясь вспомнить название своей любимой футбольной команды (он же собирался вечером смотреть их матч), одновременно почитывая раздел объявлений о банкротствах в воскресной «Таймс» и размышляя о неприятностях.

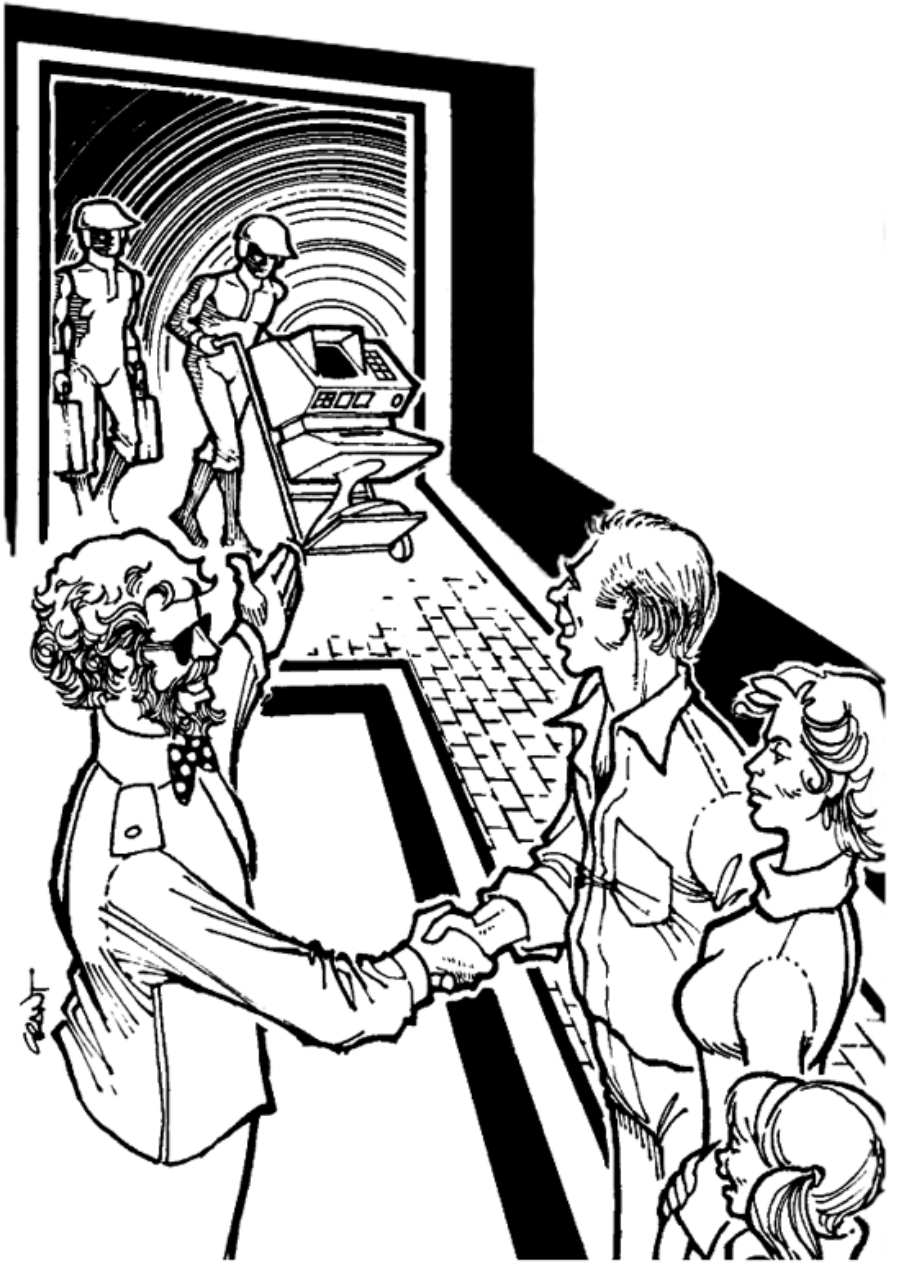
День был обычный: небо в окне имело здоровый мерзко-бежевый оттенок, прекрасно гармонировавший с мерзко-бурой обстановкой, купленной миссис Элрой (скрипевшей в тот момент зубами в кухне) в одном из ее нередких всплесков бытового энтузиазма. Их дочка Эликсир применяла на практике последнее свое открытие в комнате наверху — ей исполнилось три года, и она только что обнаружила прелесть блевания.

А у Элроя в голове крутилась песенка. На данный момент — «Амапола», которая будет крутиться, пока ее не сменит другая мелодия, и так песня за песней, весь день, всю ночь, вечно. Музыка исходила из внутреннего Элроева проигрывателя, включавшегося, когда условием выживания становилось безразличие к окружающему.

В этом состоянии и находился Элрой. Может, и вы в нем бывали: когда ребенок вопит, жена зудит над ухом, а ты плывешь сквозь дни и ночи в полном отпаде и слушаешь мелодию, крутящуюся в мозгу. И ты знаешь, что щит из мутного оргстекла, отделивший тебя от мира, тебе не пробить никогда, и серая мгла депрессии и скуки опускается, чтобы уже не подняться. И единственное, что не дает тебе покончить с собой и этой тягомотиной, — это твоя Жизненная Сила, которая заявляет: «Проснись, придурок, это все творится с тобой — да-да, с тобой, утопающим в бассейне лимонного желе с идиотской ухмылкой на безрадостном лице, пока ты закуриваешь очередную „Мальборо“ и наблюдаешь за окружающим в замедленной съемке».

В таком положении волей-неволей ухватишься за любой шанс из него выбраться, не так ли? В тот самый день у Джозефа Элроя появился шанс.

Зазвонил телефон. Элрой поднял трубку.



— Будьте добры, представьтесь, — потребовал голос на другом

конце провода.

— Джозеф Элрой слушает, — ответил Элрой.

— Мистер Элрой, а не напеваете ли вы про себя в данный момент песенку?

— Собственно говоря, да.

— А какую именно?

— Последние пару часов не могу отвязаться от «Амаполы».

— Как, вы сказали, она называется?

— «Амапола». А что...

— Да!! Да, конечно!!! Это она!!

— Э?..

— Мистер Элрой, теперь я могу открыться. Я, Мерв Даффл, в прямом эфире телешоу «Встреча всей жизни», и вы только что назвали ту самую мелодию, что крутится в голове нашего замечательного гостя, мистера Фила Саггерса! А это значит, что вы, мистер Элрой, и ваша семья выиграли ежемесячный суперприз синхронности. Встреча всей жизни! Знаете ли вы, мистер Элрой, что это значит?

— Знаю! — радостно завопил Элрой. — Я смотрю ваше шоу, и я-то знаю! Эльва, кончай там придуриваться, мы выиграли суперприз, выиграли, выиграли, выиграли!!!

На практике это значило, что следующим же утром явилась группа техников в оранжевых комбинезонах и установила в гостиной Элроев штуковину, похожую на изуродованный компьютер. Мерв Даффл лично передал Элрою всемогущий Справочник и объяснил, как были собраны вместе и введены в этот компьютер все наилучшие пути развития личности, самообучения и самопознания. Многие из значившихся в Справочнике услуг были доступны только богатым, удачливым и одаренным — тем, кому они вовсе не нужны. Но теперь всем этим богатством могли распоряжаться Элрои при помощи разработанной в Стенфорде и заложенной в аппаратуру техники сверхбыстрого высокоусвояемого обучения. Коротко говоря, они могли делать со своими жизнями совершенно все, что вздумается, бесплатно и в уединении.

Элрой был человеком серьезным (как и все мы в глубине души): начал он с того, что рылся в Справочнике (содержавшем все известные компании по оказанию услуг), пока не наткнулся на

«Дело вашей жизни» — знаменитую фирму по открытию новых талантов из Милл-Вэлли, Калифорния. Там смогли протестировать Элроя по телефону и выдать результаты в течение пятнадцати минут. Оказалось, что Элрой обладает тем сочетанием интеллекта, ловкости рук и склада характера, которое могло сделать его выдающимся микропалеонтологом. В соседнем Музее Естественной Истории как раз открылась эта вакансия, а всему, что требовалось знать о новой профессии, Элроя обучили в Школе Высокоскоростной Профессиональной Подготовки Блюхнера-Вагнера. Так что Элрой смог начать многообещающую карьеру через полмесяца после того, как услышал слово «микропалеонтология».

Эльва Элрой (или Эльф, как она называла себя в моменты задумчивости) пребывала в неуверенности относительно своих планов. Она шарила по Справочнику, пока не наткнулась на компанию «Мандрагора, Инкорпорейтед», производившую улучшатель настроения в капсулах продленного действия «Нормал-Хай». Капсулы были заказаны в Службе Срочной Доставки Наркоты Эймса «Без кайфа нету лайфа». Чувствуя себя как никогда прекрасно, Эльва нашла в себе силы встретить проблему обеда лицом к лицу. Хорошо подумав, она остановилась на «Фрейдистской Формуле Формованного Питания» — «Мы накормим голодного ребенка вашего подсознания».

Для дочурки Эликсир вызвали «Дет-Каприз», нянь, привычных успокаивать испорченных потомков нефтяных шейхов, обслуживавших теперь Элроев круглосуточно и усмирявших капризы малышки. Эликсир была в восторге. Столько новых мягких игрушек, которые можно разбрасывать, — что может быть лучше?

Таким образом, у Элроев появилось достаточно времени и сил, чтобы заняться друг другом. Для начала они отправились в семейную консультацию «Омнирадость», вдохнувшую в прошлом месяце новую жизнь в агонизирующий брак перед телекамерами в Хьюстоне. Одного сеанса хватило, чтобы принести Элроям глубокую и стойкую любовь друг к другу — чтобы ее вызвать, следовало только глянуть партнеру в глаза и сосредоточиться. Это придало им достаточно уверенности в себе, чтобы взяться за пятидневный курс в «Сексуальной реакции» (Лэнсинг, штат Мичиган) — также весьма успешный в смысле достижения новых высот и оргиастических

плато. Однако Элрой ощутил некоторую неуверенность в своих силах, а с ней — и острую нужду воспользоваться услугами службы романтических свиданий Бродвейского Джо — «Тайные встречи с очаровательными, утонченными и сексуальными девушками. Мы даем гарантию, что вы не опозоритесь!».

— Ах так? — вспылила Эльва, узнав об этом, и немедленно исполнила свою давнюю мечту, позвонив в «Крутые секс-услуги». Ее привлекло их рекламное объявление в Справочнике: «Детка, ты хочешь, чтобы это было серьезно — грубо, жестоко, круто? Но ты не хочешь оказаться разочарованной? Так? Так. Позвони нам, детка, — у нас есть то, чего ты жаждешь».

Обоим потом было стыдно и противно. Остывали они в фирме «Причал мечты» на Файер-Айленд, под знаменитым девизом «Медикация — лучшая медитация».

Теперь перед Элроями открывался прямой путь наверх. Но неприятности накапливались. Эликсир окончательно отбилась от рук — в самое неудачное время, ведь Элрой вот-вот должен был давать интервью для «Нью-Йорк мэгэзин», а Эльва начинала

двухнедельные курсы прима-балерин с гарантированным контрактом в русской балетной труппе Монте-Карло. Они собрали семейный совет и, перелистывая Справочник, наткнулись на объявление фирмы «Детоправы».

— И что это такое? — спросила Эльва. Элрой начал читать:

— Может быть, ваш ребенок своим неуемным характером портит вашу жизнь? Или вас мучает проблема — как любить его/ее и не испортить себе жизнь этой любовью? Не слишком ли много времени занимает ваше дитя? Так воспользуйтесь услугами «Детоправов»! Мы увезем вашего ребенка и вернем его/ее любящим/ей, покорным/ой, смирным/ой и нетребовательным/ой — и все это без ущерба для его/ее личности, инициативы и агрессивности, помоги нам Бог.

— Звучит чертовски серьезно, — заметила Эльва.

— Забавно, что ты это заметила, — пробормотал Элрой. — Тут внизу так и сказано: «Поверьте — мы чертовски серьезны».

— Это решает дело, — заявила Эльва. — Звони!

Эликсир увезли, и Элрои отпраздновали обретение свободы, позвонив в фирму «Настоящие Друзья на Пороге» и закатив пирушку с Виктором и Викки, Вечериночками.

Все дальше Элрои шли по суровой тропе самосовершенствования. К сожалению, это вызвало конфликт интересов. Мистер Элрой стремился к Высоким Материям при помощи Силы Разума. Эльва все еще искала совершенства в бренной плоти. Начался спор о том, по какому из номеров Справочника звонить. Поскольку оба супруга прошли ускоренные курсы в Фонде совершенного общения, спорщиками оба были искусными. А так как слушать друг друга они еще не научились, то очень действовали друг другу на нервы.

Отношения их разваливались, но в «Починку браков» супруги не звонили из упрямства. Эльва из принципа подверглась негатерапии под интригующим лозунгом «Ненавистью проложим дорогу к счастью». Элрой собрался с мыслями, исследовал свой внутренний мир при помощи революционной техники Клеточного Самоанализа и понял наконец, в чем загвоздка: жену свою он презирает и хочет ее смерти. Очень просто!

Элрой приступил к действию. Он пролистал Справочник и

нашел службу Супружеских Изменений (Саугерти, штат Нью-Йорк). Оттуда приехали и забрали Эльву, и Элрой смог наконец заняться собой вплотную.

Для начала он выяснил, как достигать мгновенного экстаза. Способность эта была до недавнего времени исключительной прерогативой некоторых восточных культов, потому что никто другой не знал нужного телефона. Блаженство — это замечательно, но Элрою пришлось выйти из этого состояния, потому что позвонили «Детоправы» и заявили, что ребенок ремонту не поддается. Что теперь с ним делать? Элрой приказал собрать, что можно, и отправить на склад до особого уведомления.

За это время он смог повысить свой интеллект на два уровня выше гения при помощи «Психокачки Инкорпорейтед», как отмечено в исправленной версии его биографии, публиковавшейся в «Нью-Йорк таймс» с продолжениями.

Позвонили из службы Супружеских Изменений и сказали, что Эльва была старой модели, таких больше не чинят, и настроить ее без серьезной угрозы для механизма невозможно. Элрой отправил ее на хранение вместе со сломанным ребенком.

И, наконец, в триумфальном одиночестве Элрой вернулся к радостным трудам по изгнанию боли из своей жизни. Теперь он достиг немалых успехов и испытывал религиозные видения огромной силы и мощи. Но оставалось нечто неудовлетворительное, хотя что — Элрой не мог понять.

Он просмотрел весь Справочник и не нашел ответа. Похоже было, что этот вопрос ему придется решать самому. Но тут, как по волшебству, отворилась парадная дверь и вошел смуглый улыбчивый человечек в тюрбане, с мудрыми глазами и аурой невообразимой силы. То был Таинственный Гуру, который находит тебя, когда пришло время, и говорит то, что ты должен узнать — если ты подписан на Справочник.

— Это твое эго, — сказал Таинственный Гуру и вышел.

Элроя захлестнуло понимание. Эго! Конечно же! Почему же он об этом сразу не догадался? Очевидно, что его эго было последним якорем, привязывающим его к тусклой и прилипчивой реальности. Его собственное «я»! Эго удерживало его, постоянно засыпая его своими эгоистичными требованиями и полностью игнорируя

высшее благо Элроя!

Элрой открыл Справочник. И там, на последней пустой странице, он обнаружил «Эго-удалителей Лефковица», Нью-Йорк.

Под объявлением имелась приписка: «Главный врач США предупреждает: удаление эго может быть опасно для вашего здоровья».

Джозеф Элрой заколебался, подумал, взвесил все факторы. На мгновение он едва не потерял решимость. Но тут в комнату заглянул Таинственный Гуру и бросил:

«Духовность сейчас идет семь к пяти, и кроме того — тебе-то что терять?» А потом вышел снова.

Элрой набрал на панели нужный номер.

Вскоре в дверь постучали. Элрой отворил, вошли эго-удалители Лефковица.

* * *

А потом вышли. Осталась только консоль, подмигивала, и ухмылялась, и светила сама себе. А потом исчезла и она, и в комнате остался только бесплотный голос, напевающий «Амаполу».

Чем выше поднимешься…

– Ну что, космический заяц, выметайся. – Младший офицер улыбался широко, по-мальчишески.

– Может, обсудим это? – спросил Эдгарсон, спускаясь по трапу и стараясь не терять достоинства. – Вовсе не обязательно бросать меня в этой глуши… – Он указал на пустынную посадочную площадку, примитивные постройки из кирпича, асфальтовую дорогу – все признаки атомной отсталой цивилизации. – Поверьте, я отработаю проезд, только подбросьте меня в какое-нибудь цивилизованное…

Люк с лязгом захлопнулся. Эдгарсон вздохнул и поспешил отойти от корабля.

«Боже мой, – подумал он, – я даже не знаю названия планеты, на которую меня выбросили!»

Расправив плечи, он вышел на дорогу. Позади него корабль тихо и грациозно взмыл в небо. Как только он растворился в вышине, Эдгарсон позволил себе ссутулиться.

Чертовы звездолетчики…

Впрочем, за что их винить? У безбилетников нет никаких прав – он знал это изначально. Просто у него не было другого выхода.

Когда все его деловые проекты на Мойре-2 потерпели фиаско, ему пришлось уносить ноги. Самый простой способ, если у тебя в кармане ни гроша, – спрятаться на борту корабля-дальнобойщика. Эдгарсону повезло – корабль взлетел как раз вовремя. Власти Звездного Пояса, украшением которого была Мойра-2, довольно строго относились к тому, что они называли «безответственными банкротствами».

Увы, капитан корабля не менее строго относился к «левому» грузу. Шестьдесят костлявых килограммов Эдгарсона сбросили на первой же по курсу планете с кислородной атмосферой.

И что теперь делать?

Эдгарсон оглянулся на дорожные указатели возле маленького космопорта. К счастью, они были на фаммийском, одном из распространенных языков галактики. Планета называлась Пориф. Раньше про такую он никогда не слышал.

Одна из табличек указывала на город Миф. Сунув руки в

карманы, Эдгарсон двинулся в указанном направлении, шаркая ногами о грубое шоссе.

«Это конец, – сказал он себе. – Надежды никакой. Мне ни за что не выбраться с этой планеты».

Четыре раза он зарабатывал состояние и четыре раза терял из-за нелепой изменчивости финансовой системы Пояса.

«Я обречен, – думал он. – С тем же успехом можно повеситься».

Случайный автомобиль едва не сделал повешение излишним. Антикварный бензиновый драндулет мчался по шоссе со скоростью сто километров в час. Эдгарсон услышал рев мотора и обернулся. Авто было уже совсем рядом, его мотало из стороны в сторону. Эдгарсон вытаращил глаза: машина неслась прямо на него.

В последний момент, сбросив оцепенение, Эдгарсон отпрыгнул в придорожный ров.

Автомобиль остановился в тридцати метрах поодаль.

– Сумасшедший! – крикнул Эдгарсон предположительно по-фаммийски. Самоубийство – это, конечно, хорошо. Но когда тебя чуть не сбивают насмерть... – Эй, что ты делаешь? – крикнул он человеку, который начал сдавать машину задом. – Хочешь повторить попытку?

– Мне ужасно жаль, – сказал водитель, любезно улыбаясь. Он был крупного сложения, краснощекий и рыжеволосый. – Вот уж не хотел тебя напугать.

– Напугать? – рассердился Эдгарсон. – Черта с два. Ты меня чуть не убил!

– Ничего подобного. – Здоровяк внимательно оглядел Эдгарсона. – Ты еще не в том возрасте.

– Да ладно, – сказал Эдгарсон. – Умереть можно в любом возрасте.

– А-а, ты, наверно, с другой планеты, – догадался рыжий. – Я не сразу обратил внимание на твой акцент. Что ж, приятель, здесь ты не можешь умереть. По крайней мере, не сейчас.

– Я могу умереть в любом месте и в любое время, когда захочу, – сказал Эдгарсон и почувствовал себя глупо.

Рыжеволосый задумался на секунду, потирая нос веснушчатым указательным пальцем.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Тридцать шесть.

– Так я и подумал, ты примерно моего возраста. Здесь, на Порифе, ты не можешь умереть, пока тебе не исполнится сорок четыре. По крайней мере, не в текущем цикле.

Эдгарсон не нашелся что ответить. Он просто удивленно разинул рот.

– Меня зовут Фаулз, – представился мужчина. – Могу подбросить до города.

Эдгарсон забрался в машину, и уже через несколько секунд Фаулз закладывал крутые виражи.

– Ты убьешь нас обоих, – охнул Эдгарсон. Пейзаж за окном со свистом проносился мимо.

– Может быть, я и в состоянии эйфории, – сказал Фаулз, – но статистика не подтверждает твои страхи. Я не убью ни тебя, ни себя. А машина застрахована.

Остаток пути Эдгарсон стоически хранил молчание. Пока он не выяснит, что представляет собой Пориф, лучше держать язык за зубами. Не хватало еще нарушить какое-нибудь табу.

Среди великого множества планет цивилизованной галактики встречаются довольно-таки странные места, где благоразумие и здравый смысл не стоят ни гроша. Где закон гравитации отменяется на шесть месяцев в году, а постулаты земной науки воспринимаются как изящные фантазии.

Законы мироздания в формулировке ученых Земли и Пояса нисколько не волновали древнюю матушку-природу. Возможно, ей просто наскучило создавать однотипные Вселенные. Поэтому Эдгарсон вполне допускал, что здесь, на Порифе, он может умереть только по достижении сорока четырех лет.

– Вот мы и приехали, – радостно сообщил Фаулз, останавливаясь перед кирпичным домиком в пригороде. – Что я еще могу для тебя сделать? Какое-нибудь одолжение?

«Да, парень явно в состоянии эйфории, – подумал Эдгарсон. – Но это не повод отпускать его просто так».

– Временно я стеснен в средствах, – начал он вкрадчиво. – Может быть, ты…

– Ни слова больше, – прервал его Фаулз. – Будь моим гостем. Заходи в дом, располагайся. Сейчас я не могу отказать тебе ни в чем.

– Точно ни в чем? – Глаза Эдгарсона прищурились.

– Почти ни в чем. У меня сейчас пик альтруизма. Одна из моих особенностей. Конечно, через день или два это пройдет. Вероятно, потом я буду очень жалеть. Но сейчас – добро пожаловать!

Возле самой двери Фаулз остановился.

– Не обращай внимания на мою сестру, – прошептал он. – Настроение у нее не очень. Ты же знаешь, какими несносными бывают астеники. Сейчас она выбирается со дна депрессивного провала. Будь с ней добрее. – Он громко рассмеялся и толкнул дверь.

Внутри было именно то, чего Эдгарсон ожидал от жилища отсталой атомной эпохи: бугристые диваны, кляксообразные картины на стенах, нелепые шторы и дутые кресла.

Эдгарсон настороженно огляделся, пытаясь просчитать свои следующие ходы. Или его покровитель слегка съехал с катушек, или на этой планете и правда кроется нечто уникальное. Депрессивный провал! Даже жители продвинутых регионов не оперируют в быту такими терминами.

– Наверное, ты психолог, – предположил Эдгарсон, усаживаясь в кресло.

– О нет, – улыбнулся Фаулз, – я пожарный. Время от времени.

– Время от времени?

– Ага. Сейчас у меня каникулы. Как и у всех наших.

– Тогда кто тушит пожары?

– Какие пожары? – удивился Фаулз.

Эдгарсон хотел было начать все заново, но тут вошла депрессивная сестра.

– Ох, как же я устала, – простонала она и рухнула на диван, игнорируя присутствие гостя.

Пару секунд он разглядывал ее, но, вспомнив о приличиях, быстро вскочил на ноги. Девушка была рыжеволосая, как и ее брат, но гораздо стройнее. Фаулз сказал, она – астеничка? Да, худощава, но и отчетливые припухлости, свойственные женскому полу, все на своих местах.

Эдгарсон приободрился. Самоубийство может подождать. В жизни снова забрезжил интерес. Возможно, даже коммерческий.

Долгое время разговор не клеился. Фаулз включил маленький экран, похожий на недоразвитого младшего брата трехмерного

телевидения, и увлекся какой-то, предположительно комедийной, передачей. Рыжеволосая Хетта не шевелилась. Один раз она пробормотала что-то про жестокость мира, но так невнятно, что Эдгарсон не знал, что ответить.

Наконец она приподнялась на диване и попыталась улыбнуться.

– Видишь? – прошептал Фаулз. – Выбирается из депрессивной ямы.

Эдгарсон покачал головой. Пожарник, который не тушит пожары, зато демонстрирует знание психологии... Что ж, придется во всем этом разобраться.

– Приготовлю-ка я ужин, – объявила Хетта и соскочила с дивана.

Трапеза проходила очень приятно. Хетту очаровали истории о великом внешнем мире, которого она никогда не видела. Затаив дыхание слушала она рассказы Эдгарсона о межзвездной торговле и нелепом обвале фондового рынка на Мойре-2, в результате которого Эдгарсон разорился вчистую.

Поставив суп на стол, она спросила:

– Как такое могло случиться?

Эдгарсон улыбнулся ее очаровательной наивности.

– Или ты был не в цикле? – допытывалась она. – Разве ты не знал, что рынок собирается упасть?

Эдгарсон постарался объяснить, как работают рынки. Иногда можно поймать тренд, предсказать рост, подготовиться к падению. Но не всегда. И даже в самом лучшем случае прогноз поведения рынка – гадание на кофейной гуще.

– Но это нелепо! – воскликнула Хетта, очаровательно хмурясь. – Как можно жить в таком непредсказуемом мире? Я рада, что у нас все иначе.

– Прости мою сестру, – улыбнулся Фаулз. – Она ничего не знает о внешнем мире...

Эдгарсон пропустил его слова мимо ушей.

– У вас все иначе? Это, как? – спросил он у девушки.

– Так, как написано в книгах, – пояснила она тоном, каким объясняют азбучные истины детям. – В статистических книгах. Если дела будут идти хорошо, статистические книги расскажут об этом.

– И книги никогда не ошибаются? – снисходительно спросил Эдгарсон.

Она покачала головой:

– Только не внутри цикла.

В этот момент зазвонил телефон. Фаулз встал из-за стола и взял трубку:

– Да. Да-да. Хм. Хорошо, я проверю. – Он прикрыл трубку ладонью. – Пожар в районе склада тридцать один. – Он задумался на секунду. – Не думаю, что огонь распространится дальше.

– Ты должен быть абсолютно уверен, – сказала Хетта. – Я принесу книгу.

– Одну минуту, – сказал Фаулз в трубку.

Хетта вернулась с толстенным томом. Книга называлась «Статистика пожаров, город Миф, цикл Б».

– Вот, – сказал Фаулз, переворачивая страницу. – Маргат-билдинг. Район склада тридцать один. Как я и думал.

Глядя через плечо Фаулза, Эдгарсон прочитал: «Маргат-билдинг. Вероятность 78,4 %: крупного пожара не будет до 18 аргета».

– Алло, – сказал Фаулз в трубку. – Большого пожара не ожидается до восемнадцатого аргета, а сейчас еще даже не ховл. Для беспокойства нет причин. Скоро потухнет само собой.

Человек на другом конце линии, видимо, возразил. Фаулз резко ответил:

– Не надо рассказывать мне, приятель. Ведь я пожарный. В книге написано – семьдесят восемь целых четыре десятых процента против пожара. Позвони, если огонь пойдет дальше. – И повесил трубку.

– Вот так всегда. – Он повернулся к Эдгарсону. – Из-за какой-то искры готовы поднять всех на ноги. Не понимаю, почему бы не смотреть статистику для своих зданий.

– Что-то я не пойму, – сказал Эдгарсон. – Есть на этом складе пожар или нет?

– Он говорит, что есть. Видимо, мусорный бак горит или типа того. У страха глаза велики, – ответил Фаулз, доедая суп.

Хетта убрала тарелки и принесла мясо.

– Но если человек заявляет о пожаре…

– Там не может быть большого пожара, – сказала Хетта. – Иначе бы его отразила статистика.

– Статистика может ошибаться, – возразил Эдгарсон, вспоминая

свои верные ставки, которые в итоге приносили убытки.

– Только не эта, – сказал Фаулз.

Снова зазвонил телефон.

– Алло, – произнес Фаулз в трубку. – Так я и думал. Конечно, он прогорел и погас сам собой. Нет, вы не помешали, не беспокойтесь. Но, пожалуйста, купите книгу по статистике пожаров. Тогда вам не придется то и дело звонить на пожарную станцию. Уверяю вас, если случится настоящий пожар, мы прибудем еще до его начала. Спокойной ночи.

– Можно взглянуть на пожарную книгу? – спросил Эдгарсон. Фаулз протянул ему толстый том, и Эдгарсон стал листать его, читая случайные записи.

«Ферма Джоенсона. Вероятность 56 %: крупного пожара не случится до 7 ховла».

«Городской парк. Вероятность 64 %: крупного пожара не случится до 1 эгла. Вероятность 89 %: пожар 19 эгла, выгорит двадцать гектаров в северо-восточном углу».

Остальные записи были в том же ключе.

– Не понимаю. – Эдгарсон захлопнул книгу. – Да, можно рассчитать вероятность даже для пожаров. Так работают страховые компании. Но откуда вы знаете, что пожара точно не будет? Ведь если вероятность того, что он не случится, равна семидесяти процентам – хоть я и не могу понять, откуда взялась эта цифра, – то все еще остается тридцать процентов за то, что пожар произойдет.

– Только не у нас, – сказал Фаулз с оттенком гордости. – Не на Порифе. Вероятность выше пятидесяти процентов – это все равно что сто процентов. Внутри цикла, конечно. Мы не верим в исключения. Вероятное – неизбежно.

– И это справедливо для всего, что здесь происходит? – спросил Эдгарсон.

– Конечно. Вот почему я знал, что не собью тебя. Согласно статистике в этом цикле, не погибнет ни один человек моложе сорока четырех лет. За редкими исключениями, ни одно из которых не касается тебя никаким боком.

– Сколько длится цикл?

– Десять лет. Потом начинается следующий. Пойдем в библиотеку, я покажу другие книги.

Целую стену в библиотеке Фаулза занимали тома «Экономическая статистика, цикл Б». Эдгарсон полистал некоторые из них. Книги содержали прогнозы для каждого вида хозяйственной деятельности до самого конца цикла. Они показывали возможные прибыли и потери, причем с понедельной разбивкой. Там были списки компаний, которые обанкротятся, и списки компаний, которых ожидал взрывной рост.

Бегло просматривая страницы, Эдгарсон выхватывал отдельные записи: «Джинингс Карбон, обыкновенная акция: продажа 145,1 марстта. Вероятность 56 %: рост до 189 в течение двух недель. Без изменений до егла. Далее, вероятность 89 %: рост до 720. Отскок до 700 и быстрый непродолжительный рост до 842…» Это было итоговое резюме. Понедельная разбивка предлагалась ниже.

– И все это правда? – спросил Эдгарсон.

Хетта заглянула ему через плечо:

– Да, конечно. Сейчас курс акций – сто восемьдесят девять. И дальше пойдет так, как написано.

– Боже мой! – Эдгарсон захлопнул книгу. Если данные соответствуют действительности, то можно нажить целое состояние, купив акции сейчас и продав по восемьсот сорок два позже. Полученная прибыль составит…

– Стоп, – сказал он. – Этого не может быть. Если каждый пойдет и купит эти акции, прогноз изменится.

– Не изменится, – усмехнулся Фаулз. – Вероятные покупки акций скрупулезно подсчитаны. Никто не будет вкладываться в акции одной компании. Мы распределяем вложения равномерно – и на растущие, и на падающие бумаги. Мы, жители Порифа, не гонимся за быстрой прибылью.

«Вот и конец моим бедам, – подумал Эдгарсон. – Нужно только узнать, всегда ли прогнозы сбываются. Если всегда, то здесь золотая жила.

Предсказуемый рынок акций! Предсказуемый бизнес – никаких потерь! Возможно, они предсказали еще и землетрясения, и наводнения. Имея голову на плечах, можно сколотить состояние за год. Или даже быстрее.

Но нужен стартовый капитал. Надо придумать, где его раздобыть».

Эдгарсон заметил, что Хетта бросает на него заинтересованные взгляды. Это хорошо. Причем бросает исподтишка. А это еще лучше. Он понял, что раздобыть стартовый капитал будет не так уж трудно.

Утром, не мешкая, Эдгарсон направился в библиотеку Фаулза. У порифианина был неполный комплект статистических книг, но он собрал все, что относилось к его родному городу Миф и области.

Даже не позавтракав, Эдгарсон углубился в чтение, переходя от одной книги к другой. Сто девяносто томов «Экономической статистики, цикл Б» – ничего себе собрание сочинений. В книгах описывалось будущее каждой компании на планете, и Эдгарсон не мог усомниться в правдивости данных. Сухой и содержательный язык текстов вызывал доверие сам по себе.

«Джакнкс Мауф, Ко. Обычная акция: 23. 13 луггата, вероятность 76 %: рост до 26. 19 луггата, вероятность 93 %: рост до 28. 1 менера, вероятность 98 %: падение до 18».

Разве это могло вызывать сомнения?

Эдгарсон решил исследовать историю вопроса. Съев завтрак вместо обеда, он отправился в городскую библиотеку. Сравнивая данные из старых газет и устаревших статистических книг, он пришел к выводу: все предыдущие прогнозы сбылись на сто процентов.

Он стал разбираться дальше. Как выяснилось, цикл длится десять оборотов планеты вокруг светила, то есть десять лет. Между циклами бывает промежуток, очевидно, для сбора и публикации статистических данных на следующий цикл. Циклы всегда помечаются буквами «А» или «Б», которые чередуются.

Сравнивая циклы, Эдгарсон не нашел между ними особых различий. Несколько новых компаний взамен обанкротившихся; несколько пунктов в ту или другую сторону в оценке вероятности. Но ничего кардинально нового.

Эдгарсона не интересовала теория, он жаждал прибыли. Но все же он считал своим долгом выяснить почему. Поэтому он зарылся в кучу справочников.

В дом Фаулза он вернулся поздно вечером. Познакомившись с историей Порифа и психологией порифиан, Эдгарсон нашел ответы на некоторые вопросы. Согласно учебнику психологии, порифиане были проще землян и жителей Звездного Пояса и вели себя более

предсказуемо. Не составляло труда составить ясную, четкую картину личности порифианина, что в случае с человеком Земли было невозможно.

Индивидуальная психология оказалась труднее всего, но после ее освоения сводная психология далась на порядок легче. Эдгарсон обнаружил, что порифиане – конформисты. Сознательно и неосознанно они верили своей статистике и хотели, чтобы ее предсказания сбывались. Часто они меняли свои планы только затем, чтобы вписаться в предсказанный сценарий. На взбалмошной Мойре-2 такое было бы невозможно.

Излюбленное занятие большинства миров – война. Горстка планет обрела смысл жизни в искусстве или религии. На Порифе же главной страстью была статистика и вероятности. Казалось, порифианам помогает сама природа. Своенравная старая леди отменила здесь стандартный закон усреднения. Здешняя константа – не процесс уравнивания, а точность прогнозов. Например, если возгорание возникало раньше срока, то не было сквозняка, чтобы раздуть слабый огонь до масштабов пожара. А если человек попадал в катастрофу раньше, чем ему было предсказано, то каким-то чудом его отбрасывало в сторону – так, чтобы он не пострадал.

В общем, природа решила сделать Пориф понятным и предсказуемым местом для жизни. И подходящим местом для землянина, желающего быстро сколотить капитал.

С этой мыслью Эдгарсон уснул. Наутро он спустился в библиотеку, чтобы снова поразмыслить над своими планами. Усевшись в пухлое кресло Фаулза, он бросил в рот местную разновидность сливы и задумался.

Первый шаг к богатству – стартовый капитал, а первый шаг к стартовому капиталу – женитьба на Хетте. Получив после женитьбы доступ к ее деньгам, он сможет играть на бирже – если, конечно, можно назвать игрой верное дело. У него есть полгода до конца цикла Б. К этому времени он должен разбогатеть.

Да и жениться на Хетте не так уж и неприятно – Эдгарсону нравились рыжеволосые астенички с женственными формами.

Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, сказал он себе. Хетта ушла по магазинам, Фаулз уехал дожидаться пожара на отдаленной ферме. Эдгарсон отыскал подборку книг «Население.

Статистические данные, цикл Б» (170 томов, перекрестное индексирование). Хетту он обнаружил на странице 1189 в томе 23. Она была классифицирована как «неуравновешенный астеник женского пола, темно-рыжая, 32-saa3b».

Согласно справочнику, персона с характером Хетты подчинялась пятидневному эйфорично-депрессивному циклу, типичному для рыжеволосых астеников. Депрессивный провал начинался на закате третьего дня. В это время рыжеволосым астеникам требовались комфорт, поэзия, понимание, тихая музыка и красивые закаты.

Эдгарсон усмехнулся, записал информацию в блокнот и вернулся к чтению.

Пик эйфории наступал на пятый день и продолжался почти два часа. Этот период характеризовала сильная склонность к влюбленности (вероятность 89 %), жажда приключений и тяга к загадочному и неизвестному.

Эдгарсон усмехнулся еще шире и продолжил читать дальше.

На пятидневный цикл накладывался другой, более масштабный и менее выраженный цикл длительностью тридцать пять дней. Он носил название «вторичный ритм нежности».

Книга содержала и массу других полезных подробностей.

Эдгарсон составил график циклов Хетты на следующий месяц с комментариями и подсказками самому себе и дочитал последний параграф.

Неуравновешенность Хетты была общей особенностью всех рыжих астеников. «Патологические наклонности, крайняя подавленность – вероятность 7 %». Что, по меркам Порифа, означало «равно нулю».

Вооруженный знаниями, Эдгарсон приступил к ухаживанию.

– Позволь рассказать тебе о космосе и великих планетах, – предложил он Хетте, когда та была на пике эйфории.

– О, конечно, расскажи, – обрадовалась Хетта. – Как бы я хотела отправиться в путешествие!

– Почему бы и нет? – сказал Эдгарсон, осторожно вытягивая руку вдоль спинки дивана. – Почему бы не погонять на двухместном скутере меж звездами? Испытать приключения в незнакомых портах! Получить незабываемые впечатления в отдаленных краях!

– Как это замечательно! – воскликнула Хетта и не отодвинулась,

когда его рука мягко обняла ее за плечи.

В свободное от ухаживаний время Эдгарсон штудировал деловую статистику. Он составил список из десяти компаний, которым был обещан бурный рост, рассчитал, сколько времени следует держать их акции, во что вложить полученную прибыль и что можно купить на маржинальный кредит. По его расчетам, к концу месяца прибыль должна была составить несколько сотен тысяч.

– Ты такая изысканная, – промурлыкал он Хетте на экстремуме ее ритма нежности. – Такая чудесная. Такая трогательная.

– Правда?

– Да, – вздохнул Эдгарсон. – Как бы я хотел...

– Что?

– Ах, ничего. – Он вздохнул еще раз и завел душещипательный рассказ о вымышленных событиях своего детства. Это сработало. На Эдгарсона обрушилась вся нерастраченная нежность Хетты.

– Бедный мальчик, – прошептала она.

Вездесущая рука Эдгарсона обняла ее.

– Я люблю тебя, Хетта, – хрипло проговорил он, чувствуя себя полным идиотом. Да, к такому пафосу он не привык. На Земле и Мойре-2 известные вопросы между мужчинами и женщинами решались легко и к обоюдному удовольствию за какие-то пять минут. Но на Порифе, и тем более с девушкой вроде Хетты, такой подход явно не годился.

Продолжая играть роль сентиментального влюбленного, Эдгарсон не забывал и о своем бизнес-плане. Если верить данным «Деловой статистики», в конце цикла у него будет десять миллиардов чистой прибыли. Он просчитал все: как получит первый доход, сколько реинвестирует, насколько расширится на марже, сколько положит под проценты. Дальше он планировал вложить деньги в землю, фермы, водоканалы, страховые компании, банки и государственные бумаги. Десятилетний цикл заканчивался через несколько месяцев. И он хотел обезопасить свои активы на период между циклами.

Эдгарсон сделал предложение, когда у Хетты начался депрессивный провал. Он накупил ей сладостей, окружил девушку заботой и любовью. Фонограф играл ее любимые песни, которые

предлагал Эдгарсон. И в довершение ко всему ее глазам предстал великолепный красочный закат – мечта любого любителя закатов.

Конечно, это было неслучайно. Эдгарсон тщательно все спланировал. Закат он подобрал в «Погодной статистике, цикл Б» по наводке из холинимской «Великой книги закатов».

Его предложение руки и сердца имело предсказанный с вероятностью 89,7 % успех. Через три дня они поженились.

Вооруженный деньгами жены, которых оказалось даже больше, чем он ожидал, Эдгарсон приступил к инвестированию. До конца цикла оставалось пять месяцев, и он собирался использовать их как можно более эффективно.

Статистические книги не подвели. Прибыль росла именно так, как он запланировал, – с точностью до последнего десятичного знака.

Эдгарсон попытался подбить новоиспеченного шурина на пару беспроигрышных ставок, но у Фаулза был период угрюмости. Он держался за свой небольшой пакет заурядных акций и решительно отказывался играть на бирже.

– Да что с тобой такое? – спросил как-то Эдгарсон, когда его прибыль перевалила за восемьсот тысяч. – Ты не веришь вашей же статистике?

– Конечно верю, – сердито зыркнув на зятя, ответил Фаулз. – Но мы дела так не делаем.

Ответ Фаулза поставил Эдгарсона в тупик. Отказываться от денег, которые буквально сыплются в руки! Именно эта черта больше всего отличала жителей Порифа от землян.

– Ты совсем не будешь покупать акции? – спросил Эдгарсон.

– Обязательно буду. Я куплю пакет «Хемстел лимитед».

Эдгарсон заглянул в «Деловую статистику», которая стала для него настоящей библией, и нашел названную компанию. Судя по прогнозу, ее ждали в текущем цикле с вероятностью 77 % значительные убытки.

– Ну и зачем ты их покупаешь?

– Им нужен оборотный капитал. Это молодая компания, и по моим расчетам…

– Все, хватит! Ты, меня утомляешь, – сказал Эдгарсон.

Фаулз одарил его еще более мрачным взглядом и ушел.

А что я могу поделать, сказал себе Эдгарсон. И потом, кто-то же должен вкладываться в неперспективные акции. Все не могут разбогатеть. Поддерживая проблемные компании, порифианцы поступают благородно. И что с ними делать? Таких не переубедишь.

Остается только забрать их деньги.

Наступили горячие деньки. Нужно было покупать точно вовремя и продавать точно вовремя. Порифианский фондовый рынок напоминал оркестр: чтобы получить от него максимум отдачи, требовалось играть точно, как по нотам.

Дела Эдгарсона шли в гору.

Теперь он почти не уделял внимания Хетте. Еще бы, ведь сколачивание крупного капитала – это работа без выходных. Эдгарсон рассчитывал, что наверстает упущенное позже. Кроме того, Хетта и так считала, что он замечательный муж.

С приближением конца цикла, Эдгарсон начал готовиться к промежутку между циклами. В течение года будут составляться и публиковаться прогнозы на следующий цикл. В этот период Эдгарсон не хотел рисковать.

Большинство его активов должны преодолеть промежуток между циклами Б и А без особых потерь. Это акции высоконадежных компаний с высокими значениями вероятностей. Но он желал абсолютной уверенности, поэтому продал наиболее рискованные акции и вложил деньги в фермы, городскую недвижимость, отели, парки, государственные облигации… в общем, во все самое надежное.

Сверхприбыли он разместил в банках. Конечно, даже самый надежный банк может разориться. Но не пять таких банков! Не десять!

– Хочешь хороший совет? – спросил шурин за два дня до конца цикла. – Бери акции «Верст». Покупай их, да побольше.

Заглянув в книги, Эдгарсон узнал, что «Верст» – на пороге конкурсного управления, и холодно посмотрел на Фаулза. Порифианина, видимо, не радует его присутствие в доме. Фаулз не одобрял методы, какими Эдгарсон прибирает к рукам денежки, вот он и пытается ставить ему палки в колеса.

– Я обдумаю твое предложение, – сказал Эдгарсон, провожая Фаулза к двери. Зачем спорить с идиотом?

Наступил последний день цикла Б. Эдгарсон просидел все утро у телефонов в ожидании новостей.

Зазвонил телефон.

– Да.

– Сэр, падают акции «Маркинсон компани».

Эдгарсон улыбнулся и повесил трубку. Акции «Маркинсон» – отличная инвестиция. Они отыграют любые потери. После того как они пройдут через этот провал – если это действительно провал, – у них будет десять лет, чтобы наверстать упущенное. Вот тогда-то он их и сбросит!

«Бери много, оставляй мало», – таков был его девиз.

Телефоны стали звонить чаще. Все больше компаний, в которые он вложился, объявляли себя банкротами и прекращали работу. Производства останавливались. Железная руда шла на бирже по цене шлака. Рудники обесценивались.

Но Эдгарсон не бил тревогу. У него еще были фермы, недвижимость, страховые компании, судоходные пути, гособлигации...

Следующий звонок принес известие о его самой крупной ферме: она сгорела дотла. Погибли зерновые, и вообще все...

– Хорошо, – сказал Эдгарсон. – Получайте страховку.

Следующий звонок сообщил, что головная страховая компания обанкротилась вслед за гарантами размещения.

Эдгарсон начал беспокоиться. Да, его корабль получил несколько серьезных пробоин, однако потеряно еще далеко не все...

Кошмар продолжался. Телефоны трезвонили день и ночь. Банки закрывались один за другим. Флагманские предприятия Эдгарсона теряли капитал и прекращали работу, как, впрочем, и остальные его компании. Фермы сгорали дотла, наводнения размывали дороги, трубопроводы взрывались. Люди терпели убытки и подавали на Эдгарсона в суд. Налетели ураганы, за ними последовали землетрясения. Прорвало все плотины, построенные за последние сто лет. Рушились здания.

«Стечение обстоятельств», – говорил себе Эдгарсон, смертельной хваткой удерживая боевой дух на высоте.

Правительство объявило о временном переходе на внешнее управление – если найдутся желающие, конечно. На этой новости

Эдгарсон потерял несколько миллиардов, по сравнению с чем его прежние потери можно было считать слабым преуспеванием.

Прошел месяц, и Эдгарсон потерял большинство своих активов. Шатаясь в прострации по дому, он забрел в библиотеку Фаулза. Хетта, свернувшись клубочком, сидела в углу – видимо, снова пребывала в депрессии. Фаулз стоял в центре комнаты, скрестив руки на груди, и смотрел на Эдгарсона с глубоким удовлетворением.

– Что происходит? – хрипло спросил Эдгарсон.

– В период между циклами, – объявил Фаулз, – все вероятности меняют значение на противоположное.

– Что?

– Ты не знал? – удивился Фаулз. – А я думал, ты крупный финансист.

– Объясни.

– Как, по-твоему, статистики получают свои цифры? Если бы прогнозы с высоким значением вероятности исполнялись всегда, они были бы стопроцентными. Все события, вероятность которых ниже пятидесяти процентов, то есть те, которые не произошли в течение цикла, случаются как раз в промежутке между циклами.

– Не может быть, – выдохнул Эдгарсон.

– Смотри. Допустим, тебе нужно уравнять некие шансы – в соответствии с законом природы. Что-то на девяносто процентов истинно. На протяжении десяти лет эти девяносто процентов работают как сто. Чтобы девяностапроцентный прогноз не нарушал закона природы, в течение следующих десяти лет это что-то должно быть на десять процентов ложно. Или стопроцентно ложно на протяжении одного года. Понимаешь? Если все десять лет цикла предприятие было на девяносто процентов успешным, то в год между циклами оно станет стопроцентно неблагополучным. И никак иначе.

– Повтори еще раз, – с трудом выдавил Эдгарсон.

– Думаю, ты все понял, – сказал Фаулз. – Вот почему все мы покупаем акции с низкой вероятностью роста в течение цикла. В промежуточный год они показывают отличный результат.

– О боже, – сказал Эдгарсон и упал в кресло.

– Ты же не думал, что твои акции будут расти вечно? – спросил Фаулз.

Эдгарсон именно так и думал! Вернее, принял как должное.

Разумом он понимал, что Фаулз прав. На других планетах шансы уравниваются постоянно. Но не на Порифе. Здесь все идет или в одну сторону, или в другую. Десять лет все идет к максимуму. А потом всего за год откатывается на прежний минимум. Ну да, все уравнивается. Но каким диким способом!

Фаулз вышел, но Эдгарсон даже не заметил этого. Где-то настойчиво звонил телефон.

– Да? – Эдгарсон взял параллельную трубку, некоторое время слушал, потом бросил. Его долг достиг нескольких миллиардов, сообщили ему, главным образом из-за маржинальных покупок. А на Порифе безответственных банкротов сажают в тюрьму.

– Что ж, – сказал Эдгарсон. – Наверное, я должен...

– Не двигайся, черт бы тебя побрал, – злобно проговорила Хетта, поднимаясь на ноги. Обеими руками она сжимала револьвер – древний, основанный на химической реакции. В цивилизованных мирах такие не используют уже много веков, однако его убойная сила от этого не стала меньше.

– О, как же я тебя ненавижу! – заявила Хетта со свойственной ей экзальтацией. – Я ненавижу всех, но ты самый худший. Не двигайся!

Эдгарсон прикинул вероятность благополучно выпрыгнуть в окно. К несчастью, под рукой не было книги, чтобы посмотреть точную цифру.

– Я выстрелю тебе в живот, – прошипела Хетта с улыбкой, от которой он похолодел. – Хочу наблюдать, как ты будешь умирать – медленно, мучительно...

Вот оно! Семипроцентная нестабильность Хетты вышла на первый план – точно так же, как и незначительные шансы ураганов, наводнений и землетрясений. Его жена превратилась в убийцу!

«Неудивительно, – подумал Эдгарсон, – что она так легко согласилась выйти замуж: вряд ли кто из местных решился бы на такой брак».

– Хватит дергаться, – сказала Хетта, прицеливаясь.

Эдгарсон вышиб окно и едва не оглох от выстрела. Он даже не остановился, чтобы посмотреть, не ранен ли он, и со всех ног припустил в космопорт. Он надеялся, что у побега есть хоть какая-то вероятность успеха.

– Ну что, космический заяц, – с ухмылкой произнес младший офицер. – Выметайся!

Он подтолкнул Эдгарсона вниз по трапу.

– Где я? – спросил Эдгарсон.

На Порифе он успел вбежать на борт корабля прежде, чем его схватила разгневанная толпа. Капитан согласился взять его до первой остановки, но не дальше.

– А какая разница? – спросил офицер.

– Если б вы подбросили меня до какого-нибудь цивилизованного места...

Люк с лязгом захлопнулся.

«Вот и все, – сказал себе Эдгарсон. – Конец пути, глухая стена. Еще одна провинциальная планета, с которой ни за что не выбраться. Уж лучше сразу покончить с собой».

– Привет, – раздался голос.

Эдгарсон поднял глаза. Прямо перед ним стоял зеленокожий туземец. На всех трех его руках были браслеты, которые выглядели как платиновые. Каждый браслет был инкрустирован крупными камнями. Камни блестели и переливались, словно бриллианты.

Зеленокожий катил тачку с землей. Тачка на вид была из чистого золота.

– Как дела, приятель? – Эдгарсон широко улыбнулся и шагнул навстречу туземцу.

Подарок для диктатора

– Позволь тебя поздравить, – сказал Морган. – Ты отлично сдал все тесты.

Филипс подавил вздох облегчения и пожал руку шефу управления.

– Садись, – предложил Морган. – Ты без пяти минут сотрудник Бюро. Наверняка не терпится узнать наши маленькие секреты?

Филипс постарался сохранить нейтральное выражение лица. Конечно, ему не терпится. Именно эти секреты помогали Бюро межпланетных дел сохранять власть Земли на юге галактики и гнуть свою линию, не прибегая к войне.

Но Морган сказал «без пяти минут». Значит, окончательное решение не принято? Может, эта беседа – что-то вроде последнего экзамена?

Филипс натянуто произнес:

– Разве я осмелился бы...

– Да нет, все нормально, – успокоил Морган. – Ты проверен службой безопасности. Но только не жди слишком многого. Мы здесь, в Бюро, люди простые, и наши устройства тоже незамысловатые.

Верилось в это с трудом. Или все же он на экзамене? Филипс всмотрелся в честное, открытое лицо Моргана, пытаясь отыскать скрытую иронию.

– Но несмотря на это, – задумчиво добавил Морган, – наши бесхитростные устройства обнаруживают редко. А если и обнаруживают, то слишком поздно. Пусть даже они у всех на виду.

– Вроде троянского коня? – обронил Филипс.

Морган улыбнулся:

– Так ты слышал о нем?

Филипс кивнул.

– И знаешь, в чем его хитрость?

– Нет.

– Вообще-то, все просто. Нечто подобное мы сейчас проворачиваем на планете Балтхасан. Слышал о такой? Лет шестнадцать назад там окопался диктатор. Мощное подполье

стремится свергнуть его и учредить представительную власть. Земля заинтересована в победе подполья, поскольку Балтхасан имеет стратегическую ценность. Но мы не можем вмешиваться открыто.

– Да, конечно, – сказал Филипс. Он хорошо представлял себе нюансы политики на галактическом юге.

– Мы можем только позволить себе послать диктатору на юбилей статую под кодовым названием «Троянский конь».

– И спрятать внутри ее оружие?

Морган молча пожал плечами.

– Оно должно быть внутри, – задумчиво произнес Филипс, гадая, экзамен это или нет. – Но обыскать статую не так уж и сложно.

– Совсем несложно, – безучастно согласился Морган.

Монументальная, в два человеческих роста, выполненная в античном стиле статуя изображала прославленного вождя Хакса с мечом в одной руке и караваем хлеба в другой. Использованные для отливки вольфрам и нержавеющая сталь делали ее неподвластной времени.

Некоторые народы, возможно, сочли бы ее красивой.

– Дурновкусие, – рассудил шеф безопасности Таллаг, обходя массивное основание монумента. Следом семенили секретарша и главный инженер. – Но чего еще ждать от землян?

Секретарша пробормотала что-то о заглядывании дареному коню в зубы. Таллаг удивленно поднял бровь. Такая уж у него, шефа безопасности, работа – заглядывать дареным коням в зубы. Точнее, тщательно обследовать каждый их зуб.

В основании статуи была выбита надпись на классическом английском.

– Народу Балтхасана от народов Земли, – громко прочитал инженер, – в ознаменование пятидесятилетия вождя Хакса.

Секретарша, женщина проницательная, улыбнулась. Таллаг, человек еще более проницательный, сохранил серьезность.

– Дружественный жест, – процедил он. – Только вообразите: Земля присылает нам в подарок роскошный монумент.

– А может, это шаг к сближению? – предположил инженер и тут же покраснел: Таллаг повернулся и пристально на него посмотрел.

– Ты ничего не видишь дальше своих схем, – сказал шеф. – С

какой стати Земле налаживать отношения с вождем Хаксом?

Инженер почесал затылок. Едва ли он знал, как относилась Земля к вождю Хаксу.

– Тогда зачем они прислали статую? – тихо спросил он.

– Вот именно это мы и должны узнать, – сказал Таллаг.

«Хотя и так все ясно», – подумал он. Земля оказывала подполью помощь, рассчитывая на свержение Хакса. Однако открытое вмешательство вызвало бы раздражение на галактическом юге.

А вот если использовать хитрость… помочь опосредованно…

Повстанцы нуждались в электронном оружии. Земля готова была его предоставить, но через таможню Балтхасана такое не провезешь.

И вот за два дня до юбилея Хакса прибывает статуя.

– Обследуй ее, – приказал Таллаг инженеру. – Если понадобится, изучи под микроскопом. Загляни за каждую молекулу. Задача ясна?

– Да, сэр, – кивнул инженер и откашлялся. – Сэр, если эта штука настолько подозрительна, почему бы не отправить ее назад?

Секретарша улыбнулась наивности инженера. Таллаг устало покачал головой:

– Оставь политику мне. Твое дело – найти спрятанное оружие. Жду хороших новостей к завтрашнему утру.

– Да, сэр, – сказал инженер и поспешно удалился.

– Он из кожи вон лезет, – сказал Таллаг, вернувшись в кабинет.

– Пожалуй, да, – согласилась секретарша.

– И он дотошный. Не так уж и мало для идиота. Что бы Земля там ни спрятала, он обязательно найдет.

– Жаль, нельзя отослать статую назад.

– А я и не хочу. – Таллаг подошел к окну. Внизу, во внутреннем дворе, рабочие сооружали пьедестал для статуи. По ту сторону двора громоздилась серая масса дворца Хакса. – Думаю, мы сумеем ее использовать. А если просто отошлем назад, земляне поднимут шум, что мы отвергли их мирный жест. Вождю это не понравится.

Секретарша кивнула. Кивок получился глубокомысленным, поскольку она поправляла прическу.

– А кроме того, – тихо добавил Таллаг, – статуя вождю приглянулась. Он усмотрел в ней большое сходство с собой.

Никто из них не улыбнулся.

– А если в ней спрятано оружие, – протянула секретарша, – вы уверены, что мы его найдем? Земляне, без сомнения, знали, что статую обследуют.

Таллаг хмуро посмотрел в окно на дворец Хакса. Потом улыбнулся.

– Ну да, конечно, – сказал он. – Земляне вылеплены из того же теста, что и мы. Их мозг ничем не лучше нашего. И то, что спрятал один умник, сможет найти другой.

– Будем надеяться, – заключила секретарша.

Филипс мысленно перебирал возможные решения. Морган самым неофициальным образом развалился в кресле.

– Кажется, знаю, – наконец сказал Филипс. – В этой статуе нет никакого оружия!

Морган почесал затылок, но никаких других знаков не подал.

– Очень умно, – обрадовался Филипс собственной сообразительности. – Служба безопасности Балтхасана обязательно бы нашла тайник в статуе. Именно поэтому в ней ничего нет. Они ищут напрасно. Они разнервничаются. Решат, что Земля использует новые методы. Лидер Хакс не будет знать, что делать. Его неуверенность перекинется на приближенных. И тогда повстанцы атакуют…

– Чересчур умно, – прервал его Морган. – Прямо по-макиавеллиевски.

Филипс скромно улыбнулся.

– Но скажи на милость: как, по-твоему, будет себя чувствовать подполье, не получив оружия?

– Ну… нужно подумать… – Филипс захлопнул рот и пожелал себе никогда больше его не открывать.

– Психология – вещь обоюдоострая, – сказал Морган. – Кроме того, отсутствие в статуе оружия – ход слишком хитрый для таких простаков, как мы.

– Значит, в ней все-таки что-то есть?

– Ты разочарован? Дело в том, что ты мыслишь по-книжному. Так справедливость торжествует только в сказках: диктатор, правящий с помощью страха, сам подвержен страху. Но в реальной жизни, как правило, силе должна противостоять другая сила.

– Хмм, – протянул Филипс, не понимая, до конца ли Морган с

ним честен. – Но если оружие – в статуе, то я не вижу причин, почему они не смогут его найти.

– Скорее всего, так и будет. Я же говорил, это очень простой план.

Актер из инженера был никудышный; все чувства отражались у него на лице. Он переминался с ноги на ногу и прятал взгляд.

– Ну, что-нибудь нашел? – спросил Таллаг.

– Много чего, – ответил инженер. – В корпусе статуи за скрытыми панелями.

Но вид у него был совершенно несчастный.

– Тогда в чем дело?

– Непонятно, для чего они это спрятали. Бесполезные детали. – Инженер наконец-то посмотрел Таллагу в глаза.

– Объясни.

– Все на первый взгляд выглядит серьезно – источник питания, транзисторы, микросхемы. Вот только оружия из этого не слепить.

– Ты уверен?

– Абсолютно, – ответил инженер ровным, уверенным голосом. – Современное оружие я знаю. А это барахло можно купить в любом радиомагазине, причем без всякого разрешения. Но никакого оружия из этого не собрать.

– Интересно, – протянул Таллаг. – Для чего Земле прятать в статуе оборудование, от которого подпольщикам никакого проку? – Он сцепил пальцы вместе.

«Единственное логичное объяснение – земляне рассчитывали, что его найдут.

Нет, они знали это наверняка.

Значит, их план куда сложнее».

– И больше ничего?

– Ничего, сэр.

– Значит, ты что-то пропустил. – Таллаг зловеще улыбнулся. – Ставлю на кон твою жизнь. У тебя восемнадцать часов, чтобы найти то, что ты пропустил.

– Сэр, я обследовал все, что можно…

– Значит, обследуй то, что нельзя. Уверяю тебя, ты найдешь много интересного. Должен найти.

– Хорошо, сэр, – устало согласился инженер.

– Ты же знаешь, каким крошечным бывает электронное оружие. Они могли спрятать его компоненты, где угодно.

– Рентгеновские лучи ничего не выявили. Но я попробую еще раз.

– Вот и отлично, – любезно улыбнулся Таллаг. – Желаю удачи.

Не дожидаясь особых указаний, секретарша внесла фамилию инженера в список неблагонадежных элементов.

Остаток дня Таллаг потратил на инспекцию мер безопасности, которые были введены в связи с юбилеем вождя.

Позже позвонил сам Хакс. Статуя, ее удивительное сходство и пропорции полубога вызывали у вождя восторг. Именно так подданные и должны его воспринимать. А материал, из которого она сделана? Восхитительный материал, такой же вечный, как – вне всяких сомнений – и сама его династия!

– Вырвите у нее ядовитое жало, – велел он Таллагу. – Вытащите из нее оружие. А потом уничтожьте подполье!

– Слушаюсь, сэр, – ответил Таллаг.

Вождь отключился, и Таллаг бросил трубку.

Что ж, да раз плюнуть. Вырвать, вытащить и уничтожить подполье.

Он сердито уставился на огромный серый дворец. Чертов инженер! Не отыщет оружия – будет умирать медленно, сантиметр за сантиметром… как казнил бы Таллага вождь Хакс, в случае если бы что-то пошло не так.

Перед самой полуночью грязный, но ликующий инженер возвратился в кабинет шефа.

– Вот, нашел, сэр, – сообщил он, протягивая в перепачканных руках микрокомпоненты двадцати электронных бластеров.

– Молодец, – похвалил Таллаг, чувствуя, как в жилах снова забурлила кровь. – Садись. Рассказывай.

– Спрятано было умело, раньше я с таким не сталкивался. – Инженер высыпал компоненты Таллагу на стол. – Для начала я еще раз перепроверил оборудование, замурованное в статуе. Никакого оружия, все чисто.

– Я произведу тебя в генералы, – пообещал Таллаг.

Секретарша молча вычеркнула фамилию инженера из списка неблагонадежных элементов.

– И даже эти базовые компоненты были разобраны и спрятаны по частям, – продолжил инженер.

– Где?

– Первый я обнаружил в зрачке левого глаза. Не послушайся я интуиции, не нашел бы вообще ничего. После этого я исходил из предположения, что самые невероятные части тела нужно рассматривать как самые вероятные. Я нашел сегменты в мочках ушей, в ногтях и в языке. Для полной уверенности я прозондировал каждый миллиметр.

– Как это похоже на землян, – сказал Таллаг. – Ты уверен, что ничего не пропустил?

– Если что-то найдется, готов лично это съесть.

– Да уж, придется, – согласился Таллаг. – А теперь иди и выпей. Это приказ.

Инженер козырнул и поспешно ретировался.

– Очень хочется верить, – сказал Таллаг, – что они перехитрили самих себя. Который час?

– Пятнадцать минут второго.

– Торжественное открытие в девять. По информации моих источников, мятежники попробуют забрать оружие сегодня ночью. После чего атакуют дворец.

Секретарша еле заметно улыбнулась, уже понимая, каким будет ответный план.

– Пусть так и действуют, – сказал Таллаг, – а мы подготовим им встречу.

Секретарша кивнула. Таллаг на секунду задумался.

– Не понимаю, – сказал он. – Ну, заполучат они это оружие, и что? Собираются выступить с ним против регулярной армии? – Он уставился на компоненты, рассыпанные по столу. – Не понимаю, в самом деле. Рассчитывают на эффект внезапности? Ладно, за работу. А статуя, с эстетической точки зрения, нелепа.

Секретарша кивнула.

После того как Морган раскрыл карты, Филипс некоторое время сидел молча.

– Вот, значит, как, – наконец проговорил он.

– Да, вот так. Просто и очевидно. Они хотят скрытый тайник. Пожалуйста, вот вам тайник. Потом они хотят другой, похитроумнее

первого. Пожалуйста, вот вам другой. Обычно на этом они успокаиваются...

– Но все же очевидно с первого взгляда.

– Знаю, – кивнул Морган. – Очень хорошо знаю. Но, как сотрудник Бюро, ты должен уяснить одну вещь: будь проще и предоставь хитрить другим.

Филипс открыл было рот, но тут до него дошло, что́ именно сказал Морган. Он сказал: как сотрудник Бюро. Значит, его приняли! Филипс попытался придумать в ответ что-нибудь соответствующее моменту.

– Наши приемы предельно очевидны, – вздохнул Морган и улыбнулся искренне и широко. – Но они работают.

Внутренний двор перед дворцом Хакса был темен и тих. Высокие стены отбрасывали глубокие тени. Посреди двора одиноко стояла статуя. Звезды слегка серебрили острие поднятого меча.

– Поторопились бы они, что ли, – пробормотал Таллаг. – А то холодно.

Двор охранялся в обычном режиме: несколько стражников медленно прохаживались по стенам, и у ворот стоял почетный караул. Но сам двор был пуст.

– Где же эти заговорщики? Или их кто-то предупредил?

– Смотрите, – прошептала секретарша.

Черное пятно на черном фоне. Черный комок промелькнул над краем стены. За ним еще один.

– Всего двое, – прошептал Таллаг, поправляя наушники. – Где остальные?

– Должно быть, снаружи, – прошептала секретарша. – Ждут сигнала.

Раздался тихий звон металла о металл, и два комка темноты замерли.

– Передай этим неуклюжим идиотам, чтобы вели себя тихо, – яростно прошипел Таллаг. – И никаких выстрелов без моей команды. Нам нужны все мятежники.

Секретарша бесшумно удалилась.

Черные тени приблизились к изваянию. И сразу же ожили наушники.

– Здесь, – пробормотала одна тень другой.

Превосходная усилительная система Таллага передавала в

наушники ясный разборчивый звук.

– Верно. Остальные готовы?

– Да. Поторопись. Говори слова.

– Один, два, восемь, девять, четыре, – произнесла тень. – Лошади, собаки, пурпур, восемьдесят, человек, свиньи.

Таллаг понял, что это пароль, открывающий потайную панель.

– Теперь ты, – сказала тень. – Остальное твое.

– Красный, зеленый, крик, – перечислил второй мятежник. – Ужасный, быстрый, прыжок.

– Открылось, – выдохнул первый. – Подключай.

Таллаг вгляделся в темноту внизу. На мгновение он похолодел, представив, что инженер что-то пропустил.

Нет, невозможно. Но что тогда они делают с этими компонентами? Источник питания, транзисторы, микросхемы. Что?

Громко лязгнул металл – и статуя спустилась с платформы, словно живая. Постояла мгновение в нерешительности и зашагала в сторону дворца. От ее веса сотрясалась земля.

– Идет! Идет! – крикнул один из заговорщиков, и чувствительная усилительная система Таллага чуть не взорвала наушники.

Статуя прибавила ходу и направилась к парадным воротам. Почетный караул успел сделать три суматошных выстрела. Не причинив ни малейшего вреда, пули высекли снопы искр из груди монстра, и стражников вмяло в ворота. Статуя прошла сквозь массивные двери, как бронированный кулак сквозь папиросную бумагу.

И двор ожил. По нему, стреляя и крича, бежали мятежники. Пули из примитивных пороховых ружей градом обрушились на стражу – те даже не успели пустить в ход свое куда более эффективное оружие.

Повстанцы продолжали заполнять двор, прибывая через разбитые ворота. Таллаг решил, что во дворе собралось полгорода, не меньше. Другая половина, судя по реву, оставалась по ту сторону стен.

Его солдаты ждали приказа. Палец Таллага замер над кнопкой. Он не смог заставить себя опустить его, и единственная драгоценная секунда безвозвратно ушла.

Одна часть его разума с удивлением осознала, насколько же все было очевидно. Эти простые компоненты внутри статуи, из которых невозможно собрать электронное оружие… Они обследовали каждый миллиметр механизма и не задались вопросом о его общем назначении!

А другая часть его разума следила за тем, как, петляя по коридорам и мимоходом убивая стражников, с мечом в одной руке и караваем хлеба в другой, по дворцу шагает неуязвимый гигант из вольфрама и стали – в поисках человека с его лицом.

Пушка, которая не бабахает

Диксону показалось, что сзади хрустнула ветка. Он обернулся и успел краешком глаза заметить скользнувшую под кустом черную тень. Он замер на месте, вглядываясь в заросли. Стояла полная тишина. Высоко над головой какая-то птица вроде стервятника парила в восходящих потоках воздуха, что-то высматривая внизу, чего-то ожидая.

И тут Диксон услышал в кустах тихое нетерпеливое рычание.

Теперь он точно знал - звери крадутся за ним. До сих пор это было только предположение. Но смутные, едва заметные тени рассеяли его сомнения. По дороге на радиостанцию они его не тронули - только в нерешительности следили за ним. А теперь они готовы действовать.

Он вынул из кобуры дезинтегратор, проверил предохранитель, снова сунул оружие в кобуру и зашагал дальше.

В кустах опять послышалось рычание. Кто-то терпеливо преследовал его, вероятно, ожидая, когда он минует заросли кустарника и войдет в лес. Диксон ухмыльнулся про себя.

Никакой зверь ему не страшен. У него есть дезинтегратор.

Если бы не это, Диксон ни за что не решился бы отойти так далеко от корабля. Никто не может позволить себе просто так разгуливать по чужой планете. Но Диксон мог. У него на поясе болталось оружие, с которым не могло сравниться никакое другое, - абсолютная защита от всего, что только может ходить, ползать, летать или плавать.

Это был самый совершенный пистолет, последнее слово техники в области личного оружия.

Это был дезинтегратор.

Диксон снова оглянулся. Меньше чем в полусотне метров позади показались три хищника. Издали они напоминали собак или гиен. Они зарычали и медленно двинулись вперед.

Он взялся за дезинтегратор, но решил пока не пускать его в ход. Успеется - пусть подойдут поближе.

Альфред Диксон был человек небольшого роста, с широченными плечами и грудью. У него были светлые волосы и светлые с

закрученными кончиками усы - они придавали его загорелому лицу свирепое выражение.

Его любимым местонахождением были земные бары и таверны. Там он, одетый в видавший виды походный костюм, мог громким, воинственным голосом заказывать себе выпивку и пронзать собутыльников взглядом прищуренных глаз цвета вороненой оружейной стали. Ему доставляло удовольствие снисходительно растолковывать пьяницам разницу между лучевым ружьем Сайкса и тройным кольтом или между адлепером с Марса и венерианским скомом и наставлять их, что следует делать, когда на тебя в густом лесу кидается рогатый танк с Раннара, или как отбиться от крылатых блестянок.

Некоторые считали Диксона трепачом, но избегали высказывать это вслух. Другие относились к нему хорошо, несмотря па его непомерное самомнение. "Он просто слишком самоуверен, объясняли они. – Это, дело поправимое - стоит ему только "погибнуть или покалечиться".

Диксон свято верил в силу личного оружия. По его твердому убеждению, покорение Дикого Запада в Америке представляло собой не что иное, как состязание между луком и кольтом 44-го калибра. Африка? Копье против винтовки. Марс? Тройной кольт против метательного ножа. Водородная бомба может испепелить города, но занимать вражескую территорию приходится людям, вооруженным винтовками и пистолетами. Зачем измышлять какие-то непонятные экономические, философские или политические объяснения, когда все так просто?

И на дезинтегратор он, конечно, полагался целиком и полностью.

Оглянувшись, Диксон заметил, что к трем хищникам прибавилось еще с полдюжины. Они уже перестали прятаться и понемногу приближались, высунув языки.

Он решил еще немного подождать, прежде чем открывать стрельбу. Чем ближе они подойдут, тем сильнее будет впечатление.

В свое время Диксон сменил немало профессий: был геодезистом, охотником, геологом, работал на астероидах. И всегда ему не везло. Другие вечно натыкались на заброшенные древние города, подстреливали редких зверей, находили рудные залежи. Но

он не унывал. Не везет, что поделаешь? Теперь он работал радистом - обслуживал десяток радиомаяков на незаселенных планетах.

А главное - ему было поручено провести первое полевое испытание самого совершенного личного оружия. Изобретатели надеялись, что оно завоюет всеобщее признание. На всеобщее признание надеялся и Диксон.

Он приблизился к опушке тропического леса. Корабль, на котором он прилетел, стоял в лесу, милях в двух от опушки, на небольшой поляне. Войдя в лес, Дпксон услышал возбужденный писк древолазов. Эти небольшие оранжевые и голубые существа внимательно следили за ним сверху.

"Похоже на Африку, - подумал Диксон. - Хорошо бы повстречать какую-нибудь крупную дичь. Привезти с собой в виде трофея две-три страшных головы с рогами..."

Дикие собаки уже приблизились метров до двадцати. Это были животные величиной с терьера, серо-бурого цвета, с челюстями, как у гиены. Часть их побежала через кусты, чтобы отрезать ему путь.

Пора было продемонстрировать дезинтегратор.

Диксон вынул его из кобуры. Оружие имело форму пистолета и было довольно тяжелым да к тому же еще и плохо сбалансированным. Изобретатели обещали в следующих моделях уменьшить вес и сделать дезинтегратор более прикладистым. Но Диксону он нравился именно таким. Он сдвинул предохранитель и поставил кнопку на одиночную стрельбу.

Стая с лаем и рычанием кинулась на него. Диксон небрежно прицелился и выстрелил.

Дезинтегратор издал едва слышное гудение. Впереди, в радиусе сотни метров, часть леса исчезла.

Это был первый выстрел из первого дезинтегратора.

Луч из его дула веером расходился до четырехметровой ширины. В гуще леса на высоте пояса появилось конической формы пустое пространство длиной в сотню метров. В нем не осталось ничего - исчезли деревья, насекомые, трава, кустарник, дикие собаки, бабочки. Свисавшие сверху ветки, которые задел луч, были срезаны, будто гигантской бритвой.

Диксон прикинул, что истребил по меньшей мере семь собак. Семь животных за полсекунды! И не надо думать об упреждении,

как при стрельбе из обычного пистолета; не надо беспокоиться о боеприпасах - запаса энергии в дезинтеграторе хватит на восемнадцать часов работы. Идеальное оружие!

Он отвернулся и пошел дальше, сунув дезинтегратор в кобуру.

Наступила тишина: лесные обитатели осваивались с новым явлением. Но уже через несколько мгновений их удивление бесследно прошло. Голубые и оранжевые древолазы вновь закачались на ветках у пего над головой. Стервятник в небе опустился пониже, и откудато издалека появилось еще несколько чернокрылых птиц. А в кустах снова послышалось рычание диких собак.

Они все еще не отказались от преследования. Диксон слышал, как они перебегают в зарослях по обе стороны от него, скрытые листвой.

Он снова вытащил дезинтегратор. Неужели они осмелятся попробовать еще раз?

Они осмелились.

За самой его спиной из-за кустов выскочила пятнистая серая собака. Дезинтегратор загудел. Собака исчезла на лету во время прыжка - вокруг только ветром шевельнуло листья, когда воздух ворвался в возникший вакуум.

Еще одна собака бросилась на Диксона, и он, слегка нахмурившись, уничтожил ее. Нельзя сказать, чтобы эти звери были такие уж глупые. Почему же они никак не поймут, что против него, против его оружия они бессильны? По всей Галактике живые существа быстро научились остерегаться вооруженного человека. А эти?

Еще три собаки прыгнули на него с разных сторон. Диксон переключил дезинтегратор на автоматическую стрельбу и скосил их одним движением руки. Взлетела пыль - воздух заполнил вакуум.

Он прислушался. Рычание раздавалось по всему лесу. Новые и новые стаи собак сбегались, чтобы урвать кусок добычи.

Почему они не боятся?

И вдруг его осенило. Они не видят, чего нужно бояться!

Дезинтегратор уничтожает их быстро, аккуратно, тихо. Попавшие под луч собаки чаще всего просто исчезают - они не визжат в агонии, не воют, не рычат.

А главное - не слышно громкого выстрела, которого они могли бы испугаться, не пахнет порохом, не щелкает затвор, досылая

новый патрон...

"Наверное, у них просто не хватает ума сообразить, что эта штука смертельна, - подумал Диксон. - Они просто не понимают, что происходит. Они думают, что я беззащитен".

Он зашагал быстрее.

"Никакой опасности нет, - напомнил он сам себе. - Пусть они не понимают, что это смертоносное оружие, - от этого оно не становится менее смертоносным. Но все равно нужно будет сказать, чтобы в новые модели добавили какое-нибудь шумовое устройство. Наверное, это будет нетрудно".

Теперь осмелели и древолазы - они, оскалив зубы, раскачивались почти на уровне его головы. "Наверное, тоже хищники", - решил Диксон и, переставив кнопку на автоматический огонь, прорезал огромные бреши в кронах деревьев.

Древолазы с воплями скрылись. На землю посыпались листья и ветки. Даже собаки на мгновение отступили.

Диксон ухмыльнулся - и в тот же самый момент распластался на земле, придавленный огромным суком, который луч дезинтегратора перерезал у основания. Удар пришелся по левому плечу.

Дезинтегратор вылетел из руки Диксона и упал метрах в трех, продолжая уничтожать ближние кусты. Диксон выполз из-под сука и бросился к оружию, но его уже схватил один из древолазов.

Диксон ничком кинулся на землю. Животное с торжествующими воплями размахивало дезинтегратором. На землю валились гигантские деревья, в воздухе потемнело от падающих листьев и ветвей, землю избороздили рытвины. Луч дезинтегратора прорезал ствол дерева, у которого только что стоял Диксон, и взрыл землю у самых его ног. Диксон отскочил в сторону, и луч едва миновал его голову.

Диксон пришел в отчаяние. Но тут древолаза одолело любопытство. Весело тараторя, животное повернуло дезинтегратор дулом к себе и попыталось заглянуть в отверстие.

Голова животного беззвучно исчезла.

Диксон тут же перескочил рытвину, схватил дезинтегратор, прежде чем им смогли завладеть другие древолазы, и тут же выключил автомат.

Несколько собак вернулись. Они стояли поблизости и

внимательно следили за ним. Стрелять Диксон не стал. У него так тряслись руки, что это было бы опасно не столько для собак, сколько для него самого. Он повернулся и заковылял в сторону корабля.

Собаки последовали за ним.

Через некоторое время Диксон пришел в себя. Он посмотрел на сверкающий дезинтегратор, который держал в руке. Теперь он испытывал к этому оружию куда большее уважение. И изрядно его опасался. Во всяком случае, больше, чем собаки. Те, очевидно, никак не связывали с дезинтегратором разрушения, произведенные в лесу. Все это показалось им внезапно налетевшей бурей.

А теперь буря прошла, и можно возобновить охоту.

Диксон шел сквозь густой кустарник, прожигая себе дорогу. Собаки по обе стороны не отставали. Время от времени то одна, то другая попадала под луч. Но их было несколько десятков, и они приближались.

"Черт возьми, - подумал Диксон, - почему они не подсчитают свои потери?" Но тут же сообразил, что вряд ли они вообще умеют считать.

Он пробивался вперед. До корабля было уже совсем недалеко. Диксон занес ногу, чтобы переступить через лежащее на пути толстое бревно, - и тут бревно ожило и злобно распахнуло огромную пасть под самыми его ногами.

Он нажал на спуск и не отпускал его целых три секунды, чуть не задев собственные ноги. Существо исчезло. Диксон всхлипнул, покачнулся и съехал в яму, которую только что разверз сам.

Он тяжело упал на дно, подвернув левую ступню. Собаки окружили яму, щелкая зубами и не отрывая от него глаз.

"Спокойно", - сказал себе Диксон. Двумя выстрелами он очистил края ямы от хищников и попытался выбраться наружу.

Но у ямы были слишком крутые стенки, и к тому же они оплавились, превратившись в стекло.

В панике он снова и снова, не жалея сил, бросался на гладкую поверхность. Потом остановился и заставил себя подумать. В эту яму он попал из-за дезинтегратора; пусть дезинтегратор его отсюда и извлекает. Нажав на спуск, он прорезал пологий откос и, преодолевая боль в ноге, выполз наружу.

На левую ногу он с трудом мог ступить. Еще сильнее болело

левое плечо. "Этот сук, наверное, сломал мне ключицу", - подумал Диксон и заковылял дальше, опираясь на ветку, как на костыль.

Собаки несколько раз бросались на него. Он расстреливал их, но дезинтегратор в руке становился все тяжелее. Стервятники опустились на землю и уселись на аккуратно разрезанные лучом трупы собак. Глаза у Диксона время от времени застилало тьмой. Он старался взять себя в руки - нельзя терять сознание, когда вокруг собаки.

Корабль был уже виден. Диксон неуклюже побежал и тут же упал. Несколько собак вцепились в него.

Он выстрелом рассек их на части, срезав полдюйма собственного сапога в непосредственной близости от большого пальца. Шатаясь, он поднялся на ноги и двинулся дальше.

"Вот это оружие, - подумал он. - Смертельно опасное для всех, включая стрелка. Изобретателя бы сюда! Надо же быть таким идиотом - построить пушку, которая не бабахает!"

Наконец он добрался до корабля. Пока он возился с люком воздушного шлюза, собаки окружили его плотным кольцом. Двух, которые подскочили ближе всех, Диксон уничтожил и ввалился внутрь. В глазах у него снова потемнело, к горлу подступил комок. Из последних сил он захлопнул люк и сел на пол. Спасен! И тут он услышал тихое рычание. Одна из собак проникла внутрь вместе с ним. У него уже, казалось, не было сил удержать тяжелый дезинтегратор, но он все же медленно поднял руку с оружием. Собака, еле различимая в полумраке корабля, кинулась на него.

Диксон похолодел от ужаса: он почувствовал, что у него недостает сил нажать на спуск. Собака уже подбиралась к горлу. Его спасло непроизвольное движение сжавшихся пальцев.

Собака взвизгнула и умолкла. Диксон потерял сознание.

Придя в себя, он долго лежал, наслаждаясь одним радостным сознанием того, что жив. Он решил немного отдохнуть. Потом он смоется отсюда, пошлет к черту все чужие планеты и приземлится в первом же попавшемся баре. Вот когда он как следует напьется! А потом он разыщет этого изобретателя и вобьет ему в глотку дезинтегратор. Поперек. Изобрести пушку, которая не бабахает, мог только маньяк-убийца!

Но это потом. А пока - какое наслаждение быть живым, лежать

на солнышке, всем телом чувствуя... Солнышко? Внутри корабля?

Он сел. У его ног валялась одна собачья лапа и хвост. А перед ним в корпусе корабля зияло зигзагообразное отверстие шириной сантиметров в восемь, тянувшееся больше чем на метр. Сквозь отверстие светило солнце. А снаружи в щель внимательно смотрели четыре собаки.

Убивая последнюю собаку, он прорезал корпус своего собственного корабля.

Теперь он увидел еще несколько брешей. А откуда взялись они? Ах да, это, наверное, когда он пробивался к кораблю. Последняя стометровка. Несколько выстрелов, вероятно, задели корабль.

Он поднялся и начал внимательно разглядывать повреждения. "Чистая работа, - подумал он с равнодушием отчаяния. – Это, точно, уж такая, чистая работа, что чище некуда".

Вот перерезанные кабели управления. Вот тут было радио. А здесь он ухитрился одним выстрелом угодить сразу в кислородные баллоны и в цистерну с водой – вот. это меткость! А вот... да, конечно, только этого еще и не хватало. Самый удачный выстрел - он перебил топливную магистраль. Все горючее, согласно закону тяготения, вытекло наружу - под кораблем стояла лужа, которая понемногу впитывалась в землю...

"Неплохо для первого раза, - пришла ему в голову безумная мысль. - Даже газовым резаком лучше не сработать".

Впрочем, газовым резаком он тут ничего бы не сделал. Корпус космического корабля резаком не взять. А вот старым, добрым, верным, надежным дезинтегратором...

Год спустя, так и не дождавшись от Диксона никакого сообщения, Земля послала за ним корабль. Экипажу было приказано устроить подобающие случаю похороны, если удастся разыскать останки, и привезти обратно опытный образец дезинтегратора,

Спасательный корабль приземлился рядом с кораблем Диксона, и его экипаж принялся с большим интересом разглядывать изрезанный и выпотрошенный корпус.

- Есть же люди, которым нельзя давать в руки оружие, сказал механик.

- Вот это, да! - удивился пилот.

Из леса донесся какой-то стук. Они поспешили туда и

обнаружили, что Диксон жив. Он работал, горланя песню.

За год Диксон построил деревянную хижину и посадил вокруг овощи. Огород был окружен частоколом. Когда спасители подошли, Диксон заколачивал в землю новый кол взамен сгнившего.

- Ты жив? - вскричал кто-то.

- Точно, - отозвался Диксон. - Правда, дело было плохо, пока я не построил этот частокол. Сволочи эти собаки. Но я их проучил.

Он ухмыльнулся и показал на прислоненный к частоколу лук. Он был вырезан из упругого, крепкого дерева, а рядом лежал колчан, полный стрел.

- Научились остерегаться, - сказал Диксон, - когда увидели, как их приятели кувыркаются со стрелой в боку.

- А дезинтегратор?.. - начал пилот.

- А, дезинтегратор! - воскликнул Диксон с веселым огоньком в глазах. - Не знаю, что бы я делал без него.

Он продолжал свою работу. Кол быстро уходил в землю под ударами увесистой плоской рукоятки дезинтегратора...

То, во что ты веришь

– Простите меня, пожалуйста, – сказал мистер Арчер, и его губы снова растянулись в улыбке. – Я не должен улыбаться… тем более смеяться. – Он громко расхохотался. – Сейчас это пройдет. Я просто не ожидал… даже на смертном одре…

– Ничего страшного. – Человек за столом ободряюще кивнул. В огромном зале были только мистер Арчер, стол, перед которым он стоял, и мужчина, сидевший за столом. Сводчатый потолок уходил далеко ввысь – так же далеко, как голубое небо, которое Арчер видел при жизни. Стены терялись во мгле. И в центре всего этого он – Эдвард Моран Арчер.

– Самая обычная реакция, уверяю вас. – Человек за столом разглядывал лацканы своего пиджака, давая Арчеру время справиться с эмоциями. – Мы делаем скидку на текущие обстоятельства. В вашем просвещенном мире не осталось места ангелам и бесам. Люди больше не верят в рай и ад, для вас это выдумки проповедников и поэтов. Естественно, когда люди умирают и оказываются здесь – или там, – у них начинается истерика. Одни рыдают. Другие смеются.

– Ясно. – Мистер Арчер уже взял себя в руки, но усмешка все еще подергивала уголки его широкого рта. – Что ж, меня не назовешь хорошим человеком. Я нарушил некоторые из десяти заповедей, в том числе самые важные. Ну и где ваши огонь и сера? – Он поджал губы: усмешка грозила вырваться в любой момент. Подумать только! Его поджарят в старом добром аду! Дедушка любил описывать это в мельчайших подробностях. И все же Арчер не мог принимать происходящее всерьез. Ситуация была не только причудлива, но и комична.

– Вы желаете огня и серы? – спросил человек за столом.

– Вообще-то, не очень, – признался мистер Арчер. – А что, есть выбор?

– Конечно! – Человек за столом выглядел как-то совсем не по-дьявольски в сером деловом костюме и с гладко зачесанными волосами. – Свобода воли – краеугольный камень в конструкции Вселенной, и данное место – не исключение. У вас есть несколько

альтернатив.

– Разные варианты адских мук? – опять усмехнулся Арчер. – Выбор между вырыванием ногтей и испанским сапожком? Дыбой и раскаленным железом?

– Это все входит в одну категорию, – объяснил человек за столом. – Позвольте, я вам покажу.

И в тот же миг Арчер принял форму бестелесного разума и оказался в небольшой комнате с низким потолком. Свет чадящих факелов ложился на каменные стены неровными красно-желтыми полосами.

«Ну чисто Эдгар По», – подумал Арчер и похвалил себя за хладнокровие.

Его взгляду предстала живописная сцена. В центре комнаты – мужчина в набедренной повязке, распятый на горизонтальном колесе. Его тело как натянутая струна. Вокруг него неподвижно стоят палачи. Один держит раскаленное железо в сантиметре от тела жертвы, другой прилаживает железный сапог к его ноге, а рука третьего лежит на рычаге колеса. И все замерли, как в стоп-кадре. Лица палачей скрыты капюшонами, искаженное болью лицо человека обращено вверх – Арчер видел лишь белую полоску щеки и перетянутую веревкой шею. Он вгляделся, пытаясь уловить движение, но ничего не заметил. Потом он обнаружил, что дыба незаметно натягивается туже, сапог сжимает ногу, дымящееся железо приближается к телу, обжигая плоть своим жаром так медленно, что это почти незаметно со стороны.

Сцена исчезла.

– Уже не смешно? – дружелюбно осведомился человек за столом. Арчер покачал головой. – Эту сцену мы всегда показываем первой. Ничто так не приводит человека в чувство, как зрелище старой доброй пытки. Правда, говорят, что физические муки – ничто по сравнению с душевными, и я уверен, что так оно и есть. Поэтому для тех, кто не выдерживает душевных мук, у нас имеются камеры пыток.

– Вы говорили про выбор. – Арчер заметил, что его бьет дрожь. Телесные истязания всегда приводили его в ужас. С самого детства. Даже мысль о боли – от занозы или ушиба – он переносил с трудом.

– Да, у вас есть несколько вариантов, – сказал человек. – Можете

выбрать любой. Позвольте представить ассортимент.

Сознание Арчера тотчас переместилось в пространстве. Он летел к отвесному склону горы. На белой гладкой поверхности появилась темная точка. Точка превратилась в человека. Арчер завис рядом с ним.

Человек медленно полз вверх. Ему не за что было уцепиться: на гладком камне – ни выступа. Словно гигантский муравей, человек боролся за каждый сантиметр.

Вершина скалы исчезала в тумане, подножие тоже скрывал туман. А между двумя слоями тумана – только голая скала и ползущий по ней мужчина.

Человек карабкался вверх, и Арчер понял: он вынужден это делать, чтобы не начать сползать. Потому что стоит только начать сползать, и падение уже не остановить.

«Интересно, свалится, – спросил себя Арчер, наблюдая, как человек вжимается всем телом в скалу и нащупывает рукой следующий выступ, – или победит, добравшись до вершины?»

Арчер почувствовал, как в нем пробуждается симпатия к человеку.

– Сделай их! – крикнул он безмолвными губами. – Доберись до вершины!

Сцена исчезла.

– Вариация на тему Сизифа, – сказал человек за столом. – Только вместо камня человек толкает вверх самого себя.

– Что случится, когда он доберется до вершины? – Арчер приободрился. Скала гораздо лучше пыток, подумал он, опираясь на стол.

– Честно говоря, никто точно не знает, есть ли там вершина вообще, – сказал человек. – Хотя лично я верю, что она есть.

– Нет вершины? – Арчер охнул и резко выпрямился. – То есть вы хотите сказать, что человек будет просто карабкаться и карабкаться – целую вечность?

– Я не говорил, что вершины нет. Просто это точно не установлено. Да, он будет карабкаться. Пока не сдастся. Тогда он упадет. А «целая вечность» – всего лишь одна из ваших пустых абстракций. В ней нет никакого смысла.

Следующая сцена изображала океан. Серая вода, серые волны без единого барашка на гребнях – и небольшая лодка. Перед лодкой – стена тумана. Позади и с обеих сторон – серая гладь, уходящая вдаль, за горизонт. Человек на борту всматривается в туман. Лодка медленно плывет по серым волнам навстречу расступающемуся туману.

– Мило, не правда ли? – спросил человек за столом, когда сцена исчезла. – И так романтично. Утлое суденышко, таинственные воды...

– И океан, разумеется, бесконечен? – спросил Арчер, кривя губы. Он чувствовал, что его загоняют в угол.

– Не знаю, – ответил человек. – Безусловно, он где-то кончается. Но вполне возможно, шлюпка ходит по кругу.

– И человек никогда не ступит на землю.

– Но он на это надеется, – возразил человек. – Если у него есть вера, он думает, что сразу за стеной тумана лежит берег. На расстоянии километра, десяти километров, ста. А может, в нескольких метрах.

– Покажите что-нибудь еще, – попросил Арчер. – Кажется, я начинаю понимать.

Появилась еще одна сцена. Маленькая, хорошо освещенная комната с закрытой дверью. Лента транспортера вплывает в комнату через отверстие в одной стене и исчезает через отверстие в другой стене. Перед лентой стоит мужчина и вставляет в проплывающие мимо механизмы болты. Вроде бы несложная работа: каждую секунду подплывает очередной образец, мужчина сует в него болт и ждет следующего.

– Влияние эры машин, – сказал человек за столом. – Некоторым подходит в самый раз.

– Он вставит последний болт, и его работа будет закончена?

– Верно.

– Но лента транспортера, разумеется, бесконечна. И кто-то другой, возможно, вынимает болты в соседней комнате.

Арчер позволил себе горько усмехнуться. Теперь он понял, как здесь все устроено, точно так же, как понимал это про другие места, в которых ему довелось побывать при жизни. Кроме разве что больницы, где никакие деньги не могли дать ему новое сердце.

– Почему он не выйдет в дверь? – спросил Арчер. – Она заперта?

– Здесь нет запертых дверей. Но он не должен бросать работу. Как только он ее закончит, он сможет выйти.

– Уловка старая как мир, – скривился Арчер. – Дай им надежду, заставь их верить, что в конце все будет хорошо. Умные, черти!

– Возможно, – сказал человек за столом. Он опустил взгляд на лацканы своего пиджака и рассматривал их до тех пор, пока ухмылка не сошла с лица Арчера. – Но лично я не знаю.

Потом были другие сцены, удивительные, странные, иногда страшные. Арчер увидел выбор древних людей: лесная поляна, на ней человек с мечом. Меж деревьев огромными скачками несется крупный волк. Взмах меча – человек явно натренирован – и волк падает на землю. Смертельно раненное животное уползает прочь. Человек стоит с мечом на изготовку и прислушивается. Едва различимые звуки – шелест ветки, стук чужого сердца – предупреждают его, и он поворачивается им навстречу как раз вовремя. Из-за деревьев с другой стороны поляны выскакивает другой волк. Человек рубит его мечом и ждет следующего.

– Будет забавно, – хмыкнул Арчер, – если это окажется один и тот же волк, нападающий снова и снова.

– А может, и не окажется, – возразил ему человек. – Может быть,

волков очень много – сотни, тысячи, миллионы. Однажды он убьет их всех и продолжит свой путь через лес навстречу судьбе.

– Может, да, а может, нет, – язвительно заметил Арчер. – Особенно если это тот же самый волк. Как мы с вами знаем.

Человек пожал плечами:

– Это не мое дело. Вера или ее отсутствие меня не касаются. Теперь вы все видели. Выбирайте!

«Душевные муки, – задумался Арчер. – Но разве не так было всегда? Разве ад – не просто еще один способ заставить человека ждать, надеяться, верить? Вот, значит, в чем тут суть. Ну и ладно.

Интересно, что за идиот выбрал камеру пыток? Мазохист? Или обычный человек, который, как и он сам, понял, что его ждет вечность ожидания? Нет уж, спасибо!

Гора? Как минимум, требует постоянных усилий. Ленточный конвейер – глупо. Участь меченосца немного лучше, но кто захочет целую вечность рубить волков? А зазеваешься – еще и покусают.

Да и другие альтернативы не лучше».

– Наверное, океан, – сказал Арчер. – Если у вас больше нет…

В следующий миг он уже сидел в небольшой лодке, плывущей по серым волнам навстречу туману.

Проклятье! Он же еще задал не все вопросы! Впрочем, не важно. Надо устроиться поудобнее, ведь впереди целая вечность.

Он осмотрел лодку, хотя смотреть было особо не на что. Ни веревок, ни руля, ни запасов еды и питья. Деревянная посудина – и он в ней. Хотя места достаточно, можно растянуться на дне. Так он и сделал. Возможно, удастся уснуть.

Вверху – серое равнодушное небо, внизу – серые волны, вокруг – серые борта лодки. Арчер провалился в сон.

Проснувшись, он обнаружил те же самые море и небо, ту же лодку и тот же туман.

Он не испытывал ни жажды, ни голода.

Опустив руку за борт, потрогал воду. Настоящая. Попробовал на вкус – соленая. Океан это или слезы?

Он принялся ждать.

Прошло время, много времени. Он анализировал ситуацию. Несомненно, суть пытки заключается в ожидании. Целую вечность вглядываться в туман, надеясь, что вот-вот появится суша – темные

очертания берега на фоне серого неба и серой воды. Арчер постарался выбросить из головы эту мысль. Глупо питать надежду в таком месте.

«Пожалуй, надо было выбрать что-нибудь другое, – подумал он какое-то время спустя. – Лодка движется так медленно, так монотонно. По крайней мере, отрубая волкам головы или вставляя болты в механизмы, он хотя бы что-то делал».

Арчер оглянулся на свою жизнь. Вызвал в памяти все подробности, заново пережил каждый эпизод, растягивая его во времени. Мрачнея, вспомнил поступки, из-за которых оказался здесь. Вспомнил все хорошее, все плохое и все нейтральное.

Он даже был рад, что множество поступков привели его сюда. Теперь он подумает о них.

Прошло время, много времени. Ничего не изменилось: все то же море, та же лодка, тот же туман впереди.

Мысли медленно ворочались в голове.

Время шло. Арчер лежал в лодке, сидел, стоял. Он чувствовал себя обычным человеком, если не считать того, что он не испытывает ни голода, ни жажды. Только скуку.

Прошло много времени, так много, что казалось, будто вечность вот-вот закончится и начнется вновь. Арчер заново перелистал воспоминания, передумал все мысли, переставляя их местами, выстраивая из них всевозможные комбинации. Ничего не изменилось – все те же серые воды, серая лодка и серый туман.

Прошло много времени.

Невыносимо медленно…

ПРОШЛО ОЧЕНЬ МНОГО ВРЕМЕНИ!

– Слишком долго, – произнес Арчер вслух. Он уже давно разговаривал сам с собой.

– Я этого не вынесу, – добавил он. Десятки миллионов раз он пытался представить, что же скрывается под водой. Какие ужасы? Какие опасности?

Прошло время – очень много времени.

– Но я всегда могу выпрыгнуть за борт.

После миллиардного по счету размышления на эту тему Арчер перегнулся через борт и плюхнулся в серые волны. Он не раз пытался представить, как это будет: вода, обволакивающая тело;

мысли, которые она принесет; мысли, которые родятся из тех мыслей...

Несколько мгновений все было чудесно. Он перебирал руками, удерживая тело на воде, и смотрел на уплывающую лодку.

Потом что-то изменилось.

Туман впереди рассеялся. Лодка рассекла его, и стал виден берег, длинный и темный. Арчер различил деревья и пляж. Волны подхватили лодку и выбросили на песок. Арчер заметил на берегу другие лодки. И вроде бы там были люди.

– Конец есть! – ахнул он. – Лодка шла не по кругу!

И альпинист... Арчер вдруг понял, что альпинист сможет добраться до вершины, если только ему хватит мужества и веры. И человек на конвейере установит последний болт. И меченосец убьет последнего волка.

Все это – испытание веры! Веры – в аду!

Он поплыл к берегу, но вода превратилась в густое желе, сковывающее руки и ноги, но удерживающее голову на плаву. Арчер бросил последний отчаянный взгляд на берег и начал погружаться.

Разумеется, он не мог утонуть. Ведь один раз он уже умер. Он просто погружался, погружался и погружался. Куда? На дно.

А что на дне? То, что ждет тех, у кого нет ни надежды, ни веры.

Камера пыток, естественно.

Битва

Верховный главнокомандующий Феттерер стремительно вошёл в оперативный зал и рявкнул:

— Вольно!

Три его генерала послушно встали вольно.

— Лишнего времени у нас нет, — сказал Феттерер, взглянув на часы. — Повторим ещё раз предварительный план сражения.

Он подошёл к стене и развернул гигантскую карту Сахары.

— Согласно наиболее достоверной теологической информации, полученной нами, Сатана намерен вывести свои силы на поверхность вот в этом пункте. — Он ткнул в карту толстым пальцем. — В первой линии будут дьяволы, демоны, суккубы, инкубы и все прочие того же класса. Правым флангом командует Велиал, левым — Вельзевул. Его Сатанинское Величество возглавит центр.

— Попахивает средневековьем, — пробормотал генерал Делл.

Вошёл адъютант генерала Феттерера. Его лицо светилось счастьем при мысли об Обещанном Свыше.

— Сэр, — сказал он, — там опять священнослужитель.

— Извольте стать смирно, — строго сказал Феттерер. — Нам ещё предстоит сражаться и победить.

— Слушаю, сэр, — ответил адъютант и вытянулся. Радость на его лице поугасла.

— Священнослужитель, гм? — Верховный главнокомандующий Феттерер задумчиво пошевелил пальцами.

После Пришествия, после того как, стало известно, что грядёт Последняя Битва, труженики на всемирной ниве религий стали сущим наказанием. Они перестали грызться между собой, что само по себе было похвально, но, кроме того, они пытались забрать в свои руки ведение войны.

— Гоните его, — сказал Феттерер. — Он же знает, что мы разрабатываем план Армагеддона.

— Слушаю, сэр, — сказал адъютант, отдал честь, чётко повернулся и вышел, печатая шаг.

— Продолжим, — сказал верховный главнокомандующий Феттерер. — Во втором эшелоне Сатаны расположатся воскрешённые

грешники и различные стихийные силы зла. В роли его бомбардировочной авиации выступят падшие ангелы. Их встретят роботы-перехватчики Делла.

Генерал Делл угрюмо улыбнулся.

— После установления контакта с противником автоматические танковые корпуса Мак-Фи двинутся на его центр, поддерживаемые роботопехотой генерала Онгина, — продолжал Феттерер. — Делл будет руководить водородной бомбардировкой тылов, которая должна быть проведена максимально массированно. Я по мере надобности буду в различных пунктах вводить в бой механизированную кавалерию.

Вернулся адъютант и вытянулся по стойке смирно.

— Сэр, — сказал он, — священнослужитель отказался уйти. Он заявляет, что должен непременно поговорить с вами.

Верховный главнокомандующий Феттерер хотел было сказать «нет», но заколебался. Он вспомнил, что это всё-таки Последняя Битва и что труженики на ниве религий действительно имеют к ней некоторое отношение. И он решил уделить священнослужителю пять минут.

— Пригласите его войти, — сказал он.

Священнослужитель был облачён в обычные пиджак и брюки, показывавшие, что он явился сюда не в качестве представителя какой-то конкретной религии. Его усталое лицо дышало решимостью.

— Генерал, — сказал он, — я пришёл к вам как представитель всех тружеников на всемирной ниве религий — патеров, раввинов, мулл, пасторов и всех прочих. Мы просим вашего разрешения, генерал, принять участие в Битве Господней.

Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забарабанил пальцами по бедру. Он предпочёл бы остаться в хороших отношениях с этой братией. Что ни говори, а даже ему, верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолвят доброе слово...

— Поймите моё положение, — тоскливо сказал Феттерер. — Я — генерал, мне предстоит руководить битвой...

— Но это же Последняя Битва, — сказал священнослужитель. — В ней подобает участвовать людям.

— Но они в ней и участвуют, — ответил Феттерер. — Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал:

— Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли? Чтобы победил Сатана?

— Разумеется, нет, — пробормотал священник.

— В таком случае мы не имеем права рисковать, — заявил Феттерер.

— Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон массированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?

Священник попытался что-то возразить, но Феттерер торопливо продолжал:

— Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой всё лучшее, что у нас есть. А это означает — автоматические армии, роботы-перехватчики, роботы-танки, водородные бомбы.

Священнослужитель выглядел очень расстроенным.

— Но в этом есть что-то недостойное, — сказал он. — Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей?

Феттерер обдумал эту просьбу, но выполнить её было невозможно. Детально разработанный план сражения был совершенен и обеспечивал верную победу. Введение хрупкого человеческого материала могло только всё испортить. Никакая живая плоть не выдержала бы грохота этой атаки механизмов, высоких энергий, пронизывающих воздух, всепожирающей силы огня. Любой человек погиб бы ещё в ста милях от поля сражения, так и не увидев врага.

— Боюсь, это невозможно, — сказал Феттерер.

— Многие, — сурово произнёс священник, — считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным.

— Извините, — бодро возразил Феттерер, — это пораженческая болтовня. С вашего разрешения... — Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел.

— Ох, уж эти штатские, — вздохнул Феттерер. — Итак, господа,

ваши войска готовы?

— Мы готовы сражаться за Него, — пылко произнёс генерал Мак-Фи.

— Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.

Генерал Онгин вышел из задумчивости.

— Наземные войска готовы, сэр.

— Воздушные силы готовы, — сказал генерал Делл.

— Превосходно, — подвёл итог генерал Феттерер. — Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый, ни бедный, не будет лишён зрелища Последней Битвы.

— А после битвы... — начал генерал Онгин и умолк, поглядев на Феттерера.

Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по-видимому, займутся религиозные

учреждения.

— Вероятно, будет устроен торжественный парад или ещё что-нибудь в этом роде, — ответил он неопределённо.

— Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему? — спросил генерал Делл.

— Точно не знаю, — ответил Феттерер, — но вероятно. Ведь всё-таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.

— Но как мы должны будем одеться? — растерянно спросил генерал Мак-Фи. — Какая в таких случаях предписана форма одежды?

— Что носят ангелы? — осведомился Феттерер у Онгина.

— Не знаю, — сказал Онгин.

— Белые одеяния? — предположил генерал Делл.

— Нет, — твёрдо ответил Феттерер. — Наденем парадную форму, но без орденов.

Генералы кивнули. Это отвечало случаю.

И вот пришёл срок.

В великолепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне. Верещали адские флейты, ухали пустотелые барабаны, посылая вперёд призрачное воинство. Вздымая слепящие клубы песка, танки-автоматы генерала Мак-Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики-автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал всё, что способен сделать металл.

Орды адских сил врезались в строй, раздирая в клочья танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами падших ангелов, которых вёл Мархозий, чьи драконьи крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрёпанная шеренга роботов выдерживала натиск гигантских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца телезрителей во всём мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь оттеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на заколебавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны выли в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но всё так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие рукоятки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно повреждённые роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушённые, разнесённые в клочья завывающими дьяволами, роботы всё-таки удержали свою позицию. Тут в контратаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади линии огня генералы руководили преследованием.

— Битва выиграна, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана. — Поздравляю, господа.

Генералы устало улыбнулись.

Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что-то происходило.

— Как! Это же... это... — начал генерал Мак-Фи и умолк.

Ибо по полю брани между грудами исковерканного, раздроблённого металла шествовала Благодать.

Генералы молчали.

Благодать коснулась изуродованного робота.

И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись.

И роботы встали на ноги.

— Мак-Фи, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер. — Нажмите на что-нибудь — пусть они, что ли, на колени опустятся.

Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились всё выше и выше.

— Он берёт их заживо в рай! — истерически воскликнул Онгин. — Он берёт в рай роботов!

— Произошла ошибка, — сказал Феттерер. — Быстрее! Пошлите офицера связи... Нет, мы поедем сами.

Мгновенно был подан самолёт, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со своим воинством удалился восвояси.

Статус — цивилизация

Глава 1

Он приходил в сознание медленно и болезненно. Это было очень долгое, очень тоскливое путешествие. Он грезил. Он пробирался через толстые пласты сна из воображаемого начала всего сущего. Он поднимался псевдоподом из начальной тины, и этот псевдопод был им. Он стал амебой, которая хранила его сущность, потом рыбой, отмеченной печатью его индивидуальности, потом обезьяной, не похожей на всех других обезьян. И наконец он стал человеком.

Каким человеком? Он смутно видел себя — безликий, крепко сжимающий в руке лучемет, а у его ног распластался труп. Вот каким человеком.

Он проснулся, протер глаза и стал ждать дальнейшего возвращения памяти.

Но он ничего не вспомнил, даже своего имени.

Он поспешно сел и приказал памяти вернуться. Когда она не вернулась, он огляделся, ища в окружающих предметах какой-либо ключ к своей личности.

Он сидел на кровати в маленькой серой комнате. В одной из стен была закрытая дверь, в другой, в занавешенном алькове, он увидел крошечный санузел. Свет падал в комнату из какого-то скрытого источника, возможно, через потолок. В комнате были кровать, единственный стул и больше ничего.

Он потер рукой подбородок и закрыл глаза. Он попытался разобраться в том, что знал, и в том, что означает это знание. Он знал, что он был человеком, Гомо Сапиенс, обитателем планеты Земля. Он говорил на английском языке (значит, существуют другие языки?). Он знал названия элементарных вещей: комната, свет, стул. Он обладал вдобавок ограниченным количеством общих знаний.

Он понимал, что многие важные факты, известные ему ранее, теперь он не помнил.

Со мной, должно быть, что-то случилось.

Это что-то могло быть и хуже. Если бы дело зашло чуть дальше,

он мог бы остаться бессловесной тварью совсем без мозгов, без языка, не зная, что он мужчина, землянин. Соответствующее количество знаний было ему оставлено.

Но когда он попытался выйти за пределы имеющихся у него фактов, он провалился в темную, наполненную ужасом область. Хода нет. Исследование его памяти было столь опасным, как путешествие… путешествие куда? Он не мог подобрать аналог, подходящий к данному случаю, хотя подозревал, что можно провести достаточно много параллелей.

Я, должно быть, был болен.

Это было единственным доступным объяснением. Он был человеком с воспоминаниями о памяти. Он наверняка когда-то имел бесценные богатства памяти, выводы о которых он мог сделать только по ограниченным доказательствам, имевшимся в его распоряжении. Когда-то у него были специфические знания о птицах, друзьях, семье, положении в обществе, возможно, о жене. Сейчас он мог только строить о них догадки. Некогда он мог сказать, это похоже на то-то и то-то или напоминает что-то. Сейчас ничего не вспомнилось ему, и вещи казались похожими друг на друга. Он потерял много сил, противопоставляя и сравнивая. Он не мог дольше анализировать настоящее в терминах прожитого прошлого.

Это, должно быть, госпиталь.

Конечно. Он был существом, которое держали в этой палате, добрые доктора возвращали обратно его память, восстанавливая аппарат суждений, чтобы сказать ему, кем и чем он был. Это было очень великодушно с их стороны, и он чувствовал, как слезы благодарности наворачиваются ему на глаза.

Он встал и медленно обошел маленькую комнату. Он подошел к двери и обнаружил, что она заперта. Эта закрытая дверь на мгновение породила в нем волну паники, которую он тут же решительно подавил. Возможно, он был буйным?..

Хорошо, но он больше не будет буйным. Они увидят. Теперь своего пациента удостоят всевозможных привилегий. Он должен поговорить об этом с доктором.

Он ждал. Прошло много времени, прежде чем он услышал шаги, приближающиеся по коридору к его двери. Он сел на край койки и вслушался, пытаясь подавить возбуждение.

Шаги по ту сторону двери смолкли. Панель окошечка скользнула в сторону, и в отверстии показалось лицо.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил человек.

Он подошел к окошечку и увидел, что человек, спрашивавший его, был одет в коричневую форму. На талии висел предмет, который он после минутной задержки отождествил с оружием. Этот человек, несомненно, был охранником. У него было заурядное непроницаемое лицо.

— Вы могли бы сказать мое имя? — спросил он охранника.

— Называй себя 402, — ответил охранник. — Это номер твоей камеры.

— 402?

Ему это не понравилось. Но 402 было все же лучше, чем ничего. Он спросил охранника:

— Я долго был болен? Мне стало лучше?

— Да, — сказал охранник голосом, в котором чувствовалась привычка убеждать своих подопечных. — Самое главное — веди себя тихо. Подчиняйся правилам. Это самый лучший путь.

— Конечно, — сказал 402. — Но почему я не могу ничего вспомнить?

— Ну, так и полагается, — ответил охранник и пошел прочь.

402 позвал его:

— Подождите! Вы не можете так бросить меня, вы должны сказать мне. Почему я в госпитале?

— В госпитале? — сказал охранник. Он повернулся к 402 и ухмыльнулся. — Откуда у тебя взялась мысль, что ты в госпитале?

— Я так думаю.

— Твое предположение неверно. Это тюрьма.

402 вспомнил свой сон об убийстве человека. Сон или воспоминание? С отчаянием он вновь окликнул охранника:

— В чем моя вина? Что я сделал?

— Узнаешь, — сказал охранник.

— Когда?

— После приземления, — сказал охранник. — А теперь готовься к собранию.

Он ушел. 402 сел на кровать и попытался все обдумать.

Он узнал немножко нового. Он был в тюрьме, и тюрьма

Должна была приземлиться! Что это за собрание?

Что было дальше, 402 помнил довольно смутно. Да и сколько времени прошло, он не имел ни малейшего представления. Он сидел на своей кровати и пытался осознать два новых факта о себе, которые он узнал. Но внезапно звонки резко прервали ход его мыслей. А потом дверь камеры открылась, взлетев вверх. К чему бы это? И что это означает?

402 подошел к двери и выглянул в коридор. Он был очень возбужден, но не хотел покидать безопасную камеру. Он ждал до тех пор, пока не подошел охранник.

— Все в порядке, — сказал охранник. — Никто тебе больно не сделает. Иди прямо по коридору.

Охранник мягко подтолкнул его. 402 пошел вниз по коридору. Он видел открытые двери других камер, из которых в коридор выходили незнакомые ему люди. Сперва он шел в узком потоке, но чем дальше он продвигался, тем больше людей толпилось в проходе. Большинство из них смотрели изумленно, но никто из них не говорил. Только слова охранников:

— Двигайтесь дальше, соблюдайте дистанцию, прямо вперед.

Они вошли в большую круглую аудиторию. Посмотрев вокруг, 402 увидел, что комнату опоясывает балкон, и вооруженные стражи стоят на нем через каждые несколько ярдов. Стражи казались лишними — трусливые и изумленные люди не могли поднять восстание. Он полагал, что мрачные лица стражников были символичны. Они напоминали проснувшимся людям самый важный факт их новой жизни: что они были заключенными.

Через несколько минут человек в зловещей форме вышел на трибуну. Он поднял руку, призывая к вниманию, хотя заключенные и так уставились на него. Затем, подумав, он заговорил и, хотя не было заметно никаких микрофонов, его голос грохотом отдавался в аудитории.

— Это напутственная беседа, — сказал он. — Слушайте внимательно и попытайтесь впитать то, что я скажу вам. Эти факты будут очень важными для вашего дальнейшего существования.

Заключенные смотрели на него. Он продолжил:

— Все вы в течение последнего часа проснулись в камерах. Вы обнаружили, что не помните своей жизни — даже имен. Все вы

владеете скудным запасом общих знаний, чтобы суметь удержаться в контакте с реальностью.

Я не прибавлю вам новых знаний. Всех вас, если бы вы вернулись на Землю, считали бы злобными развратными преступниками. Вы были людьми наихудшего сорта, людьми, которые лишились всякого права на снисхождение государства. В непросвещенные века вас должны были казнить. В наш век вас сослали.

Говоривший поднял руку, когда по аудитории прошла волна шепота. Он сказал:

— Все вы — преступники. И у всех у вас одна общая черта — вы неспособны повиноваться основным человеческим законам. Эти законы необходимы для функционирования цивилизации. Не повинуясь им, вы совершили преступление против всего человечества. Из-за этого неповиновения вы отвергнуты. Вы — песок в механизме цивилизации, вы отправлены в мир, где царит ваша братия. Там вы сможете создавать свои собственные законы и умирать по ним. Там исполнится самое большое ваше желание — ничем не сдерживаемая и разрушающая свобода раковой опухоли.

Говоривший вытер лоб и бросил пронзительный серьезный взгляд на заключенных.

— Но, наверное, — сказал он, — для некоторых из вас возможна реабилитация. Омега, планета, на которую мы летим, — ваша планета, место, где правят только заключенные. Этот мир является как раз таким, где вы можете начать здоровую, без всяких предубеждений жизнь с чистым личным делом. Вы забыли прошлую жизнь. Не пытайтесь ее вспомнить. Такие воспоминания стимулируют ваши преступные наклонности. Считайте себя вновь родившимися с того момента, как вы проснулись в камерах. — Оратор говорил медленно, размеренно, гипнотизируя голосом своих слушателей. 402 внимательно вслушивался в слова, перед его взором все расплылось — все, кроме бледного лица говорившего.

— Новый мир, — продолжал оратор. — Вы возрождены, но имеете способность осознать грех. Без этого вы будете неспособны сражаться со злом, оставшимся в вашем сознании. Помните это. Помните, что вы не сможете ни избежать этого, ни самостоятельно вернуться на Землю. Патрульные корабли, оснащенные последними моделями лучевого оружия, крейсируют в небесах Омеги день и

ночь. Эти корабли сконструированы так, что уничтожают все, что поднимается выше пяти тысяч футов над поверхностью планеты — непреодолимый барьер, сквозь который ни один заключенный прорваться не в состоянии. Привыкайте к этим сведениям. Именно они создают законы, которые будут управлять вами и вашими жизнями. Подумайте о том, что я сказал. Сейчас оставайтесь здесь, пока мы не приземлимся.

Говоривший исчез с балкона. Некоторое время заключенные просто смотрели на то место, где только что стоял оратор. Затем в толпе послышалось бормотание. Вскоре оно смолкло. Не было разговоров о чем-то конкретном. Заключенным, не помнившим прошлое, просто не на чем было строить догадки о своем будущем. Не могло быть никакого обмена информацией между личностями, потому что не было самих личностей — им еще предстояло развиться.

Они сидели молча, некоммуникабельные люди, которые долгое время были в тюремном заключении в одиночках. Стражники на балконе стояли как статуи, отдаленные и безликие. И тогда едва уловимая дрожь прошла по полу аудитории.

Вибрация повторилась и усилилась. 402 почувствовал тяжесть и одновременно что-то невидимое навалилось на него, придавливая к полу.

Громкоговоритель сказал:

— Внимание! Корабль сейчас приземлится на Омегу. Мы начинаем выгрузку.

Последняя вибрация прекратилась, и пол принял немного наклонное положение. Ошеломленные заключенные были построены в длинную колонну, и их вывели из аудитории.

С охранниками по бокам они шли вниз по коридору, который тянулся в бесконечность. По его длине 402 получил некоторое представление о размерах корабля.

Далеко впереди он увидел пятно солнечного света, которое после бледной иллюминации коридора казалось невыносимо ярким. Отделение, включавшее в себя 402, извиваясь узкой лентой, приблизилось к концу коридора, и 402 увидел, что свет исходит из открытой шлюзовой камеры, через которую выходили преступники. Когда подошла его очередь, 402 спустился по длинному трапу,

прошел через шлюз и оказался на твердой почве. Он стоял на открытой, освещенной солнцем площади. Часовые строили выгрузившихся заключенных в шеренги. Со всех сторон 402 видел толпы зрителей, наблюдавших за этой процедурой.

Прогремел громкоговоритель:

— Отзывайтесь на ваши номера. Сейчас вам сообщат ваши имена. Отвечайте сразу, как только назовут ваш номер.

402 почувствовал слабость. Он очень устал. Нет, его сейчас не интересовало, кто он. Все, что он хотел, — это прилечь и получить возможность обдумать ситуацию. Он осмотрелся вокруг и случайно заметил позади себя космическое судно, группы стражников и зрителей. Наверху он увидел черные точки, двигающиеся на фоне голубого неба. Всмотревшись, он понял, что это корабли-стражи. Они совершенно не интересовали его.

— Номер 1! Отвечай!

— Здесь, — откликнулся голос.

— Номер 1, твое имя Уэйн Саутхолдер. 34 года, группа крови А-Л2, индекс АР-431-С. Виновен в измене.

Голос умолк, в толпе послышались благожелательные возгласы. Зрители аплодировали изменнику-заключенному, приветствуя его на Омеге.

Имена читались по списку, и 402, сонный от солнечного света, задремавший стоя, едва не пропустил свой номер.

— Номер 402!

— Здесь.

— Номер 402, твое имя Уилл Баррент. 27 лет. Группа О-Л3. Индекс ДЖХ-221-Р. Виновен в убийстве.

Толпа приветствовала и его, но 402 почти не слышал криков. Он пытался приучить себя к имени. Настоящее имя вместо номера. Настоящее имя. Уилл Баррент. Он надеялся, что не забудет его. Он повторял свое имя вновь и вновь и чуть не прослушал последние объявления корабельного громкоговорителя.

— Новые люди, выпущенные только что на Омегу. Вы получите временный приют в квадрате А-2. Будьте осторожны и осмотрительны в словах и поступках. Смотрите, слушайте и учитесь. Закон вынуждает меня сказать вам, что на Омеге средняя продолжительность жизни не превышает трех земных лет.

Потребовалось некоторое время, чтобы последние слова дошли до Баррента. Он все еще размышлял о своем имени. Он и не думал пока о том, каково придется убийце на какой-либо планете.

Глава 2

Вновь прибывших заключенных отвели в бараки, стоявшие рядами на площади А-2. Заключенных было примерно сотен пять. Они еще не были людьми — скорее, существами, чьи истинные воспоминания едва выходили за пределы часа. Сидя на нарах, вновь рожденные с любопытством рассматривали свои тела, с повышенным интересом изучая руки и ноги. Они пристально смотрели друг на друга и видели свою обезличенность, которая отражалась в глазах. Заключенные еще не были взрослыми людьми, но и детьми их назвать было нельзя. Остались ведь соответствующие абстракции и призраки воспоминаний. Зрелость пришла быстро, рожденная старыми шаблонами привычек и личными чертами, сохранившимися в порванных нитях их прежней жизни на Земле.

Новые люди цеплялись за смутные воспоминания о мыслях, концепциях, законах. Через пару часов их флегматичная вежливость стала отступать. Они постепенно становились людьми. Индивидуумами. Из первоначального ошеломления и внешней обезличенности начали выступать резкие различия. Характер сам себя утверждал, и пять сотен заключенных понемногу познавали свою былую сущность.

Уилл Баррент выстоял длинную очередь, чтобы посмотреться в зеркало, висевшее на стене барака. В зеркале отразился молодой, довольно симпатичный мужчина с тонким носом и каштановыми волосами. На худом лице Баррент не заметил никаких следов сильных страстей — ничем не выдающаяся внешность добропорядочного гражданина, разве что решительности чуть побольше обычного. Он разочарованно отвернулся — человек в зеркале был ему совершенно незнаком.

Позже, изучая себя более тщательно, он не смог найти шрамов или еще чего-нибудь, что отличало бы его тело от тысяч других тел. На руках нет мозолей, а тело скорее жилистое, чем мускулистое. Явно, на Земле он не занимался тяжелым физическим трудом. Но

тогда кем же он работал раньше?

Убийцей?

Баррент нахмурился. Он не был готов принять это. Кто-то хлопнул его по плечу.

— Как ты себя чувствуешь?

Баррент повернулся и увидел крупного, широкоплечего рыжеволосого человека, который неслышно подошел к нему.

— Достаточно хорошо, — сказал Баррент. — Вы стояли в колонне впереди меня, не так ли?

— Именно так. Номер 401. Имя Дэнис Фурен. Баррент тоже представился.

— Твое преступление? — поинтересовался Фурен.

— Убийство.

фурен кивнул, ответ, похоже, произвел на него впечатление.

— Что до меня, то я фальшивомонетчик. Не подумаешь, глядя на мои руки. — Он вытянул вперед две массивные лапы, скудно покрытые рыжими волосами. — Но умение в них есть. И они первыми вспомнили прошлое. На корабле, пока я сидел в своей камере, руки у меня дико чесались — они хотели делать вещи. Но остальные части моего тела никак не могли вспомнить — какие именно вещи.

— И как же вы поступили? — поинтересовался Баррент.

— Я закрыл глаза и позволил своим рукам делать все, что они хотят, — ответил Фурен. — И они сразу же полезли к дверному замку и начали в нем ковыряться.

Он поднял свои здоровенные лапы и с восхищением поглядел на них.

— Умные маленькие черти.

— Ковырять замок? — спросил Баррент. — Но я думал, что вы были фальшивомонетчиком.

— Ну да, — сказал Фурен. — Основным моим занятием была подделка. Но пара искусных рук может сделать почти все. Я подозреваю, что меня только поймали на подделке денег, но я могу также быть и взломщиком сейфов. Мои руки знают слишком много для того, чтобы я мог быть всего лишь фальшивомонетчиком.

— Вы выяснили о себе больше, чем я, — сказал Баррент. — Мне же начинать не с чего, разве что со сна.

— Но ведь есть же специальные средства, — напомнил ему Фурен. — На Омеге должны быть препараты, которые помогут нам узнать больше о том, что мы такое.

— Согласен, — кисло ответил Баррент.

— В этом нет ничего плохого, — сказал Фурен. — Разве ты не слышал, что говорил этот человек? Омега — наша планета!

— В среднем жизнь на ней длится три земных года, — напомнил Баррент.

— Это, вероятно, сказано, чтобы нас напугать, — сказал Фурен. — Я бы не стал верить словам охранника. Главное — мы имеем собственную планету. Ты слышал, что они сказали: «Земля отвергает вас». Старая Земля! Кому она нужна? У нас здесь собственная планета. Целая планета, Баррент! Мы свободны!

Фурена поддержал человек с глубоко запавшими глазами, стоявший рядом с ними:

— Это правда, друзья.

Голос у него был заискивающе-дружелюбным.

— Меня зовут Джо, — представился он. — На самом деле Джоуас, но я предпочитаю архаическую форму с ее ароматом более милостивых к человеку времен. Джентльмены, я нечаянно подслушал ваш разговор и должен заметить, что всем сердцем согласен с нашим рыжеволосым другом. Подумайте о возможностях, которые открываются перед нами! Земля отбросила нас? Превосходно! Мы прекрасно без нее обойдемся! Мы все равны здесь, свободные люди в свободной стране. Никаких мундиров, никаких охранников, никаких солдат. Только раскаявшиеся преступники, желающие жить в мире.

— За что вас сцапали? — спросил Баррент.

— Они сказали, что я вор на доверии, — сказал Джо. — Мне стыдно признаться, но я не могу вспомнить, что это такое — вор на доверии. Но, наверное, когда-нибудь я вспомню...

— Может быть, у властей есть какие-нибудь способы восстановления памяти, — предположил Фурен.

— Власти! — воскликнул Джо с оскорбленным видом. — Что вы имеете в виду, говоря «власти»? Это наша планета. Мы все равны здесь. На Омеге наверняка не может быть никаких властей. Нет, друзья, мы оставили всю эту чепуху на Земле. Мы здесь...

Джо внезапно замолчал. Дверь барака распахнулась, и внутрь вошел толстяк в кричащих желто-синих одеждах. На ремне вокруг широкой талии у него висели пистолет в кобуре и нож. Судя по отсутствию серой тюремной одежды, толстяк уже давно жил на Омеге. Он остановился у входа, прислонившись к двери, уперев руки в бока и пристально осматривая вновь прибывших.

— Ну? — спросил он. — Разве вы, новенькие, не узнаете квестора? Встать!

Люди не шелохнулись.

Лицо квестора налилось кровью.

— Мне кажется, вас надо немного подучить хорошим манерам.

Новенькие вскочили на ноги даже раньше, чем он вытащил из кобуры пистолет. На лице квестора мелькнула тень сожаления, когда он спрятал назад свой пистолет.

— Первое, что вам надо усвоить, — сказал квестор, — это свой статус на Омеге. У вас нет статуса, вы пеоны, а это значит, что вы ничто.

Он подождал секунду, а затем продолжил:

— Теперь будьте внимательны, пеоны. Сейчас вам растолкуют ваши обязанности.

Глава 3

— Для начала вы, новенькие, должны понять, — заявил квестор, — что вы такое. Это очень важно. Для вас. И я скажу вам, что вы есть. Вы — пеоны! Запомните: вы — ничто! Вы низшие из низших. Вы без статуса. Ниже вас только мутанты, а они, по-настоящему, не люди. Какие будут вопросы?

Квестор снова сделал паузу. Когда стало ясно, что вопросов нет, он опять продолжил:

— Я определил, чем являетесь вы. Теперь перейдем к тому, чем на Омеге являются все прочие граждане. Во-первых, каждый человек имеет более высокий статус, чем вы, но у некоторых он выше, чем у остальных. Следующая за вами социальная ступень — Постоянный Житель, который едва ли намного выше вас. Затем идет Свободный Гражданин. Он носит на пальце серое кольцо своего статуса и одет в черное. Он тоже мелочь, но эта мелочь значительно

выше вас по рангу.

Если вам повезет, некоторые из вас станут Свободными Гражданами. Следующие — Привилегированные Граждане, все они выделяются различными символами, соответствующими их рангам. Например, у класса Хаджи — золотые серьги. В конце концов вы выучите все отличительные признаки и прерогативы различных классов и ступеней. Я могу также упомянуть о священниках. Хотя они и не относятся к Привилегированным Гражданам, им даны определенные права и неприкосновенность. Я рассказываю ясно?

В бараке согласно забормотали. Квестор удовлетворенно кивнул и продолжил дальше:

— Теперь мы перейдем к тому, как вы должны себя вести, когда встречаете человека более высокого ранга, чем ваш. Так как вы — пеоны, то обязаны приветствовать Свободных Граждан почтительно. С Привилегированными рангами, такими как Хаджи, вы говорите только тогда, когда они первыми заговорят с вами и когда вы стоите с потупленными глазами и сложенными перед собой руками. Вы не покидаете Привилегированного Гражданина, пока вам не позволят это сделать. Ни при каких обстоятельствах вы не смеете сидеть в их присутствии. Понятно? Есть еще многое, что вам надо усвоить. Мое звание квестора подходит под ранг Свободных Граждан, но имеет определенные прерогативы Привилегированных.

Квестор пристально посмотрел на людей, чтобы удостовериться, что они все поняли.

— Эти бараки — ваш временный дом. Я набросал график, показывающий, кому подметать, кому мыть и так далее. Вы вправе спрашивать меня в любое время, но за глупые или дерзкие вопросы можете быть наказаны увечьем или смертью. Помните, что вы низшие из низших. Если вы будете держать это в уме, вы сумеете остаться в живых.

Квестор постоял безмолвно несколько секунд. Затем сказал:

— В последующие несколько дней вы получите различные назначения. Некоторые из вас пойдут на германиевые рудники, другие станут учиться различным ремеслам. В то же время вы свободны и можете осмотреть Тетрахиду. Тетрахида, — пояснил квестор, — так называется город, в котором вы находитесь. Это

самый большой город на Омеге. — На секунду он задумался. — Практически, это единственный город на Омеге.

— Что означает название «Тетрахида»? — спросил Джо.

— Откуда я знаю? — сказал квестор, нахмурившись. — Я полагаю, это одно из тех старых земных названий, которые всегда можно увидеть то там, то тут. Во всяком случае, продумывайте каждый свой шаг, когда пойдете туда.

— Почему? — поинтересовался Баррент.

Квестор ухмыльнулся.

— Это, пеон, одна из тех вещей, которые тебе предстоит узнать самому.

Он повернулся и вышел из барака.

Когда он покинул барак, Баррент подошел к окну. Из него он мог видеть пустынную площадь, а за ней — улицы Тетрахиды.

— Вы думаете пойти туда? — спросил Джо.

— Конечно же, — сказал Баррент. — Пойдем со мной.

Маленький вор на доверии потряс головой.

— Не думаю, что это безопасно.

— Фурен, как вы?

— Мне это тоже не нравится, — сказал Фурен. — Мне кажется, нам пока стоит держаться поближе к баракам.

— Чепуха! — воскликнул Баррент. — Это теперь наш город. Никто не пойдет со мной?

фурену явно было не по себе — весь как-то сгорбившись и поникнув, он отрицательно покачал головой. Джо пожал плечами и лег назад на свою койку. Остальные заключенные даже не обратили внимания на Баррента.

— Очень хорошо, — сказал он. — После прогулки я дам вам полный отчет. — Он подождал секунду на случай, если кто-нибудь передумает, а потом вышел за дверь.

Город Тетрахида был беспорядочным скопищем зданий, заполнивших узкий полуостров, с трех сторон окруженный ленивым серым морем. Вдоль побережья стояли высокие каменные стены. Въезды в город охраняли часовые. Самым крупным строением в Тетрахиде была Арена, используемая раз в год для Игр. Возле Арены было маленькое скопление правительственных зданий.

Баррент прошелся по узким улицам, разглядывая вывески и

дома и пытаясь получить некоторое представление о том, на что похож его новый дом. Извилистые немощеные дороги и темные, потрепанные стихиями дома, разворошили ускользающие обрывки воспоминаний. Он видел похожие места на Земле, но не мог ничего о них вспомнить. Воспоминания были мучительны, как зуд, но Барренту никак не удавалось определить их источник.

Миновав Арену, он вышел в главный деловой район Тетрахиды. Очарованный, он читал вывески: «ВРАЧ БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ — АБОРТЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ, ПОКА ВЫ ЖДЕТЕ». И еще: «АДВОКАТ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ!».

У Баррента возникло какое-то смутное впечатление, что в этих вывесках есть что-то неправильное. Он шел все дальше и дальше — мимо магазинов, рекламировавших краденые товары, мимо маленькой лавочки, на которой виднелась надпись: «ЧТЕНИЕ МЫСЛЕЙ! ПОЛНЫЙ ШТАТ СКРЕНИРУЮЩИХ МУТАНТОВ. ОТКРЫВАЕМ ВАШЕ ПРОШЛОЕ НА ЗЕМЛЕ!».

Барренту захотелось войти в эту лавочку. Но он вовремя вспомнил, что у него нет денег, а Омега, судя по всему, была местом, где деньги ценятся очень высоко.

Он повернул вниз по улице, миновал несколько ресторанов и подошел к зданию с вывеской «ИНСТИТУТ ЯДОВ (Льготные условия. До 3 лет плата, удовлетворяющая клиента, гарантируется или ваши деньги отдадут вам сразу)». На следующей двери было: «ГИЛЬДИЯ УБИЙЦ, отделение 452».

Из инструктажа на корабле-тюрьме Баррент понял, что на Омеге занимаются социальной реабилитацией уголовников. Но, судя по вывескам, дело обстояло не совсем так. Или, если это все же была реабилитация, то в какой-то очень странной форме. Баррент подошел поближе к вывеске, но затем, передумав, быстро пошел дальше, погрузившись в размышления.

Внезапно он обратил внимание, что люди расступаются перед ним. Едва взглянув на Баррента, они спешили укрыться в магазинах и лавочках. Какая-то пожилая женщина, заметив его, быстро побежала прочь.

Что случилось? Может быть, дело в тюремной униформе? Нет, на Омеге многие носили ее. Тогда что же?

Улица была почти безлюдна. Один лавочник неподалеку от

Баррента спешил закрыть стальные шторы на витринах с краденым оборудованием.

— В чем дело? — спросил Баррент. — Что происходит?

— Вы что, с ума сошли?! — воскликнул лавочник. — Это же День Высадки!

— Прошу прощения?..

— День Высадки! — повторил лавочник. — День приземления тюремного корабля. Беги в барак, идиот!

Он с лязгом опустил последнюю стальную штору и закрепил ее. Баррент внезапно почувствовал, как липкий страх вползает ему в душу. Похоже, он допустил какую-то ошибку. Ему было бы лучше поспешить с возвращением в барак. Зря он затеял эту прогулку. Он так почти ничего и не узнал об обычаях жителей Омеги...

К нему приближались три человека. Они были хорошо одеты, и у каждого в левом ухе болталась маленькая золотая серьга Хаджи. Все трое были вооружены.

Баррент быстро пошел от них прочь. Один из Хаджи крикнул ему вслед:

— Стой, батрак!

Баррент, заметив, что рука Хаджи находится в опасной близости от пистолета, остановился и спросил:

— В чем дело?

— День Высадки, — ответил Хаджи и посмотрел на своих друзей. — Итак, кто начнет первым?

— Кинем жребий.

— Вот монета.

— Нет, на пальцах.

— Готовы? Один, два, три.

— Он мой, — сказал Хаджи, стоявший слева. Его друзья отодвинулись назад, в то время как один вытащил пистолет.

— Погодите, — обратился к нему Баррент. — Что вы собираетесь делать?

— Я собираюсь тебя застрелить, — ответил Хаджи.

— Но почему?

Хаджи улыбнулся.

— Потому что это привилегия Хаджи. В День Высадки мы имеем право застрелить любого вновь прибывшего батрака, покинувшего

район своих бараков.

— Но мне ничего об этом не говорили!

— Конечно, не говорили, — засмеялся Хаджи. — Если вам, новичкам, стало бы известно, то никто из вас не покинул бы своих бараков в День Высадки, что испортило бы все развлечение.

Он прицелился.

Баррент среагировал мгновенно. В тот момент, когда Хаджи выстрелил, он бросился на землю. Перекатившись на бок, он услышал шипение и увидел вспышку, оставившую выщербинку на кирпичной мостовой в том месте, где Баррент стоял секунду назад.

— Теперь моя очередь, — заявил другой Хаджи.

— Извини, старик, я думаю, что он мой.

— Старшинство, мой друг, имеет свои привилегии. Отойди.

Прежде, чем следующий из Хаджи смог прицелиться, Баррент уже вскочил на ноги и пустился бежать. Резкие повороты улицы защищали ему спину, но, увы, преследователи не отставали. Хаджи бежали легко, чуть быстрее обычного прогулочного шага, словно были совершенно уверены, что рано или поздно настигнут свою жертву. Баррент поднялся на холм, свернул на боковую улицу и сразу же понял, что совершил ошибку. Он попал в тупик. Хаджи легким шагом приближались к нему.

Баррент в ужасе осмотрелся по сторонам. Ворота складов были заперты, а витрины и двери магазинов закрыты стальными шторами. Спрятаться здесь было негде.

Но тут он заметил, что пробежал мимо открытой двери. Чтобы спрятаться, ему нужно было вернуться назад на полквартала, навстречу своим преследователям.

Баррент рванул к спасительной двери. Вывеска над дверью гласила: «ОБЩЕСТВО ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ОБЩЕСТВА».

«Это для меня», — подумал Баррент.

Он по-спринтерски промчался перед носом у пораженных Хаджи. Единственный выстрел обжег землю под его пятками, затем Баррент добрался до двери и влетел внутрь.

Его преследователи остались на улице. Баррент слышал, как они вежливо обсуждают проблему старшинства. Баррент понял, что попал в какого-то рода убежище.

Он находился в большой, ярко освещенной комнате. Несколько

оборванных мужчин сидели на скамейке возле двери, смеясь над собственными шутками. Немного дальше сидела темноволосая девушка и смотрела на Баррента широкими немигающими глазами. В противоположном конце комнаты, за столом, сидел очкастый коротышка. Он поманил Баррента к себе.

Баррент прошел к столу. Коротышка ободряюще улыбнулся.

— Это Общество защиты жертв? — спросил Баррент.

— Совершенно верно, сэр, — ответил коротышка. — Я Рэндольф Дружбер, президент этой бесприбыльной организации. Могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

— Безусловно, можете, — ответил Баррент. — Я — жертва.

— Я понял это по одному вашему виду, — заметил Дружбер с широкой улыбкой на лице. — У вас явный вид жертвы: смесь страха и неуверенности с небольшим намеком на уязвимость. Это совершенно точные признаки жертвы.

— Очень интересно, — сказал Баррент, быстро взглянув на дверь и гадая, долго ли преследователи будут уважать неприкосновенность его убежища. — Мистер Дружбер, я не член вашей организации.

— Это не имеет никакого значения, — сказал Дружбер. — Членов в нашей группе хватает, а многие присоединяются к нам, только когда у них возникает такая потребность. Мы защищаем неотъемлемые права всех жертв.

— Да, сэр. Там, на улице, три человека пытались меня убить.

— Ясно, — сказал мистер Дружбер. Он открыл ящик и достал оттуда большую книгу. Быстро пролистав ее, он нашел требуемую ссылку:

— Скажите, вы выяснили статусы ваших преследователей?

— Я полагаю, они Хаджи, — сказал Баррент. — Каждый из них носит маленькое золотое кольцо в левом ухе.

— Совершенно, верно, они — Хаджи. А сегодня День Высадки. Вы вышли из корабля, который приземлился сегодня, и имеете класс пеона. Я прав?

— Да, это так, — согласился Баррент.

— Тогда я счастлив сообщить вам, что все в порядке. В День Высадки Охота кончается после заката. Вы можете покинуть это место с мыслью, что все правильно и что ваши права никоим

образом не нарушены.

— Выйти? После заката солнца, вы хотели сказать?

Мистер Дружбер покачал головой и печально улыбнулся.

— Боюсь, что нет. В соответствии с законом вы должны выйти сейчас же.

— Но они убьют меня!

— Вы правы, — заявил Дружбер. — К несчастью, ничем вам помочь нельзя. Жертва — это тот, кто должен быть убит.

— Я думал, ваша организация занимается защитой...

— Да, мы защищаем права, а не жертв. Ваши права не нарушены. Хаджи имеют привилегию убить вас в День Высадки в любое время до заката солнца, если вы покинете ваши бараки. Вы же, могу вас обрадовать, имеете право убить каждого, кто попытается убить вас.

— Но у меня нет оружия! — в отчаянии воскликнул Баррент.

— Жертва и не должна его иметь, — сообщил Дружбер. — В этом и заключается различие, не так ли? Но с оружием или без, боюсь, вам придется сейчас выйти отсюда.

Баррент все еще слышал ленивые голоса Хаджи на улице. Он спросил:

— А нет ли у вас черного хода?

— Мне очень жаль...

— Тогда я просто не выйду отсюда.

Улыбнувшись, мистер Дружбер открыл ящик и вынул из него револьвер. Он прицелился в Баррента и мягко сказал:

— И все-таки вы должны выйти. Против Хаджи у вас еще могут быть какие-то шансы, но здесь вы умрете наверняка.

— Одолжите мне ваш револьвер, — попросил Баррент.

— Это невозможно, — заявил Дружбер. — Мы не можем допустить, чтобы жертвы бегали по городу с оружием в руках. Все наши традиции пошли бы прахом. — Он щелкнул предохранителем. — Вы выходите?

Баррент прикинул, что будет, если он кинется через стол за револьвером, и решил, что ничего не выйдет. Он повернулся и медленно пошел к двери. Оба нищих поднялись со скамейки и встали у выхода. Когда Баррент проходил мимо девушки, он заметил, что она очень красива. Он не мог понять, какие же преступления заставили ее покинуть Землю.

Внезапно он почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в бок. Он протянул руку, и в ладонь ему скользнул маленький, но эффективный револьвер.

— Удачи, — сказала девушка. — Я надеюсь, вы знаете, как им пользоваться.

Баррент благодарно кивнул. Он не был уверен, что умеет пользоваться пистолетом, но собирался вскоре выяснить это.

Глава 4

Улица была совершенно пуста — только трое Хаджи стояли в двадцати ярдах от входа, спокойно разговаривая. Когда Баррент вышел на улицу, двое Хаджи отступили назад, а третий, с пренебрежительной миной на лице, опустив оружие, шагнул вперед. Но увидев, что Баррент вооружен, он сразу же вскинул пистолет и прицелился.

Баррент упал на землю, нажал на курок и почувствовал, как по руке прокатилась волна вибрации. Плечи Хаджи почернели и начали рассыпаться в пыль. Баррент не успел прицелиться в оставшихся двух Хаджи — что-то тяжелое обрушилось на револьвер и выбило его из рук Баррента. Выстрел умирающего Хаджи смял кончик дула.

Баррент отчаянно кинулся к револьверу, прекрасно понимая, что это бесполезно, и он не успеет вовремя до него дотянуться. По спине Уилла пробежали мурашки. Но случилось чудо — он живым добрался до своего револьвера и немедленно прицелился в ближайшего Хаджи.

Но стрелять не стал.

Хаджи засунули оружие в кобуру. Один из них сказал:

— Бедный старый Дрейкен. Он так и не научился быстро целиться.

— Вот к чему приводит пренебрежение тренировками, — заметил другой Хаджи. — Дрейкен слишком мало времени проводил в тире.

— Ну, если бы ты спросил меня, я бы сказал, что это очень хороший предметный урок. Нельзя бросать практиковаться.

— И, — добавил второй Хаджи, — никого нельзя недооценивать. Даже пеона. — Он взглянул на Баррента. — Хороший выстрел,

парень.

— Да, в самом деле, очень хороший, — подтвердил второй Хаджи. — Когда движешься, трудно выстрелить из стрелкового оружия настолько точно.

Баррент, дрожа, поднялся с тротуара. Он все еще держал на взводе револьвер, который дала ему незнакомка, готовый стрелять при первом же подозрительном движении Хаджи. Но они не делали подозрительных движений. Казалось, они считали инцидент исчерпанным.

— И что теперь? — спросил Баррент.

— Ничего, — ответил один из Хаджи. — В День Высадки дозволено совершить лишь одно убийство. А сколько нас — один человек или охотничья партия — значения не имеет. После этого вы вне игры.

— Вообще-то, День Высадки — очень неинтересный праздник, — сказал другой Хаджи. — Не то что Игры или Лотерея.

— Теперь вам осталось лишь пойти в Регистрационную контору и получить ваше наследство.

— Мое... что?

— Ваше наследство, — терпеливо повторил Хаджи. — Вы наследуете все имущество вашей жертвы. Но с Дрейкеном вам, увы, не повезло — это не такая уж большая сумма.

— Он не был хорошим бизнесменом, — с печалью в голосе подтвердил другой Хаджи. — Но все же, это даст вам первоначальный капитал. А поскольку вы совершили дозволенное убийство, хотя и крайне необычное, то ваш статус повышается. Теперь вы — Свободный Гражданин.

На улице опять появились прохожие, а лавочники начали открывать железные занавеси. Подъехал грузовик с надписью «Отдел распределения тел», и четыре человека, одетые в униформу, забрали тело Дрейкена. Жизнь в Тетрахиде возвращалась в обычное русло. Именно это, а не уверения Хаджи, заставило Баррента поверить, что время, разрешенное для убийства, истекло. Он положил оружие девушки в карман.

— Регистрационная контора в той стороне, — указал ему один из Хаджи. — Мы пойдем с вами как свидетели.

Баррент еще не совсем разобрался в ситуации. Но поскольку его

дела внезапно пошли в гору, он решил пока не задавать лишних вопросов. Позже будет масса времени, чтобы выяснить свое положение.

Сопровождаемый Хаджи, он отправился в Регистрационную контору, находившуюся на Поддульной площади. Там скучающий чиновник выслушал всю историю, достал деловые бумаги Дрейкена и наклеил на них имя «Баррент». Это не заняло и десяти минут.

Баррент с удивлением обнаружил, что нежданно-негаданно оказался владельцем магазина противоядий на Блейзер Бульвар, 3.

В бумагах также был зафиксирован новый статус Баррента — Свободный Гражданин. Клерк дал ему кольцо статуса, сделанное из оружейного металла, и посоветовал поскорее переодеться в соответствующую одежду — если он желает избежать ненужных инцидентов.

Выйдя на улицу, Хаджи пожелали ему удачи. А Баррент решил пойти и посмотреть, на что похоже его новое дело.

Аллея, носившая громкое название Блейзер Бульвар, оказалась всего-навсего улочкой в несколько кварталов. Магазин Баррента находился ближе к середине улицы. На вывеске большими буквами было написано «Магазин противоядий». А чуть ниже буквами помельче: «Специфические противоядия от всех ядов — животных, растительных, неорганических. Постоянно носите с собой нашу универсальную аптечку «Сделай сам». Двадцать три противоядия в одной коробке!»

Баррент открыл дверь и вошел. Небольшая комната, в которую он попал, была разделена низким прилавком почти напополам. Вдоль стен стояли стеллажи, до потолка уставленные прямоугольными бутылочками, банками, картонками и жестянками с мелко накрошенными листьями, ветками и лишайниками. К каждой посудине была приклеена этикетка. Позади прилавка висела небольшая полочка с книгами. Баррент прочитал некоторые названия: «Срочный диагноз при остром отравлении», «Яды мышьяковой группы» и «Разновидности белены».

Было совершенно очевидно, что яды играют большую роль в повседневной жизни Омеги. А это был магазин, надо полагать, не единственный в Тетрахиде, специализирующийся на противоядиях. Баррент подумал об этом и решил, что унаследовал странный, но

почтенный бизнес. Теперь он должен тщательно изучить, в основном, по книгам, как должен работать магазин противоядий.

Позади магазина была небольшая квартирка — гостиная, спальня и кухня. В одном из шкафов Баррент нашел плохо сшитый черный костюм Свободного Гражданина, в который и переоделся. Он вытащил оружие девушки из кармана своей тюремной формы, взвесил в руке, а потом переложил в карман нового костюма. Затем вышел из магазина и отправился в Общество защиты жертв общества.

Дверь была открыта, и три оборванца по-прежнему сидели на скамейке. Но сейчас они уже не смеялись. Казалось, все трое устали от долгого ожидания. На другом конце комнаты мистер Дружбер восседал за столом, читая толстую пачку бумаг. Девушки не было.

Баррент подошел к столу, и Дружбер встал, приветствуя его.

— Поздравляю! — воскликнул Дружбер. — Дорогой мой, самые теплые поздравления. Это был великолепный выстрел. И, к тому же, в движении.

— Благодарю вас, — сказал Баррент. — Я вернулся сюда...

— Я знаю, почему вы вернулись, — улыбнулся Дружбер. — Вы хотели бы получить совет о своих новых правах и обязанностях. Ведь вы теперь — Свободный Гражданин. Что может быть более естественным? Если вы присядете на эту скамейку, я займусь вами...

— Я пришел сюда не за этим, — заявил Баррент. — Я, конечно, хочу узнать о моих правах и обязанностях. Но сейчас я хочу найти ту девушку.

— Девушку?

— Она сидела на скамейке, когда я вошел сюда в первый раз. Именно она и дала мне пистолет.

Мистер Дружбер выглядел пораженным.

— Гражданин, вы, должно быть, заблуждаетесь. В этом кабинете за весь день не было ни одной женщины.

— Она сидела на скамейке возле тех трех мужчин. Очень привлекательная темноволосая девушка. Вы должны были ее заметить.

— Я заметил бы ее, если бы она была здесь, — сказал Дружбер, моргнув. — Но, как я уже заявил раньше, сегодня женщины не входили в это помещение.

Баррент ожег его взглядом и достал пистолет из кармана.

— В таком случае, откуда он у меня взялся?

— Его одолжил вам я, — спокойно сказал Дружбер. — Я рад, что он вам весьма пригодился, но сейчас буду очень благодарен, если вы вернете его мне.

— Вы лжете, — ответил Баррент, твердо сжимая оружие. — Давайте спросим этих людей.

Они с Дружбером подошли вплотную к скамейке, и Баррент обратился к тому оборванцу, который днем сидел к девушке ближе всех.

— Куда ушла девушка?

Оборванец поднял угрюмое небритое лицо и спросил:

— О какой девушке вы говорите, Гражданин?

— О той, которая сидела рядом с вами.

— Я не заметил никого. Вы видели женщину на этой скамейке, Рейфил?

— Нет, — ответил Рейфил. — А я безотлучно сидел здесь с десяти утра.

— Я тоже не видел, — сказал третий оборванец. — А у меня острое зрение.

Баррент повернулся обратно к Дружберу.

— Почему вы мне лжете?

— Я сказал чистую правду, — обиделся Дружбер. — За весь день здесь не было ни одной девушки. Револьвер вам одолжил я — это моя привилегия как президента Общества защиты жертв общества. Теперь я буду рад, если вы вернете мне его назад.

— Нет, — сказал Баррент. — Я сохраню пистолет до тех пор, пока не найду девушку.

— Это может быть не очень мудро, — заметил Дружбер и поспешил добавить: — я имею в виду, что при данных обстоятельствах воровство не прощается.

— Я пойду на этот риск, — сказал Баррент. Он повернулся спиной к Дружберу и покинул Общество защиты жертв общества.

Глава 5

Барренту требовалось некоторое время, чтобы прийти в себя

после столь бурного вступления в жизнь Омеги. Очнувшись совершенно беспомощным, без памяти и каких-либо навыков, он, совершив убийство, неожиданно стал владельцем магазина противоядий. Из забытого прошлого на планете Земля его катапультировало в сомнительное настоящее, в мир, полный преступников. Он еще ничего толком не успел узнать об этом мире — лишь мельком прикоснулся к сложной классовой структуре и заметил, что на Омеге существует узаконенный институт убийств. А в себе Баррент с удивлением обнаружил внутреннюю уверенность и странное умение быстро и точно стрелять. Но он понимал, что ему предстоит еще многое узнать об Омеге, Земле и самом себе. Ему оставалось только надеяться, что он проживет достаточно долго, чтобы успеть сделать эти открытия.

Для начала ему предстоит научиться зарабатывать себе на жизнь. А для этого ему необходимо узнать как можно больше о ядах и противоядиях.

Он переехал в квартиру позади своего магазина и начал читать книги, оставленные покойным Хаджи.

Литература о ядах приворожила Баррента. В книгах описывались ядовитые растения, известные на Земле, такие как чемерица, морозник, белладонна и тис. Он узнал о действии болиголова, о медленно действующих ядах и о конвульсиях, которые наступают лишь спустя некоторое время после того, как яд был принят. Баррент прочитал про синильную кислоту, содержащуюся в миндале, и про дигиталис, добываемый из пурпурной наперстянки. Книги рассказывали о страшно эффективном борце, [Борец — растение семейства лютиковых.] о грибах — в основном, бледных поганках и мухоморах — и о чисто омегянских ядовитых растениях, похожих на красные чаши, цветущие лилии и амариллис.

Но растительные яды, хотя и пугали своей многочисленностью, составляли лишь малую толику того, что должен был выучить Баррент. Он был обязан знать все о ядовитых животных суши, моря и воздуха, о некоторых разновидностях пауков и змей, о таких неорганических ядах, как мышьяк, ртуть и висмут. А еще были едкие яды — азотная, фосфорная и серная кислоты. И вдобавок ко всему — стрихнин, муравьиная кислота, скополамин...

От каждого яда имелось одно или несколько противоядий, но эти сложные, составленные в осторожных выражениях формулы, как подозревал Баррент, обычно успеха не имели. Что еще больше осложняло дело, эффективность противоядия зависела от правильности определения использованного яда. А симптомы, вызываемые одним ядом, часто были похожи на симптомы другого.

Читая книги, Баррент размышлял над этими проблемами. А в результате, обслуживая своих первых клиентов, он заметно нервничал.

Впрочем, вскоре он убедился, что многие его страхи были совершенно беспочвенны. Хотя Институт ядов рекомендовал для употребления более дюжины ядов, большинство отравителей упорно использовали мышьяк и стрихнин — очень дешевые, надежные и чрезвычайно болезненно действующие яды. У остальных отравляющих веществ были самые разные недостатки. У синильной кислоты — легко распознаваемый запах. Ртуть было очень трудно ввести в организм. Разъедающие яды типа серной кислоты при всей зрелищности своего действия были весьма опасны и для того, кто ими пользовался. Борец или мухомор были, конечно, превосходны, не стоило сбрасывать со счетов и белладонну, а бледная поганка обладала своим мрачным очарованием. Но это были яды прежнего, праздного века. Нетерпеливое молодое поколение и, особенно, женщины, составлявшие почти девяносто процентов отравителей Омеги, — довольствовались обыкновенным мышьяком и стрихнином.

Омегянки были старомодны и консервативны. Великое искусство отравлений их совершенно не интересовало. Для них главными были не средства, а цели, достичь которых требовалось как можно дешевле и быстрее. Омегянки славились своим здравым смыслом, и хотя энергичные теоретики из Института ядов и пытались продавать сомнительные микстуры типа «контактного» яда или «трехдневной плесени» и упорно работали над внедрением сложных и ненадежных средств, для которых требовались осы, острые иглы и двойные стекла, такие яды почти не пользовались популярностью среди женщин. Простой мышьяк и быстродействующий стрихнин продолжали оставаться главной опорой торговцев ядами.

Вполне естественно, это значительно упрощало работу Баррента. Он достаточно легко овладел необходимыми навыками и сразу применял рвотные средства, делал промывание желудка и давал нейтрализующие препараты.

Правда, у него были некоторые затруднения с клиентами, упорно не желавшими верить, что их отравили чем-то столь заурядным, как мышьяк или стрихнин. В таких случаях Баррент прописывал разные коренья, травы, прутья и гомеопатическую порцию яда. Но в первую очередь он обязательно применял рвотное и давал нейтрализующий препарат. А между ними устраивал промывание желудка. Об этом он никогда не забывал.

После того, как Баррент обосновался на новом месте, его навестили Дэнис Фурен и Джо. Фурен временно устроился в доках разгружать рыбачьи лодки. А Джо организовал ночную игру в покер среди правительственных служащих Тетрахиды. В статусе они оба продвинулись не слишком далеко — до сих пор не совершив ни одного убийства, они смогли стать всего лишь Постоянными Жителями Второго Класса. Они явно нервничали во время светской беседы со Свободным Гражданином, но Баррент сумел добиться-таки непринужденной атмосферы. В конце концов, на Омеге они были у него единственными друзьями, и он вовсе не собирался терять их из-за разницы в социальном положении.

Почти ничего нового о законах и обычаях Тетрахиды Баррент от них узнать не смог. Даже Джо не сумел ничего выяснить у своих друзей — правительственных служащих. На Омеге закон хранился в тайне. Старожилы использовали свое знание закона для поддержания своей власти. Конкуренты в лице новичков им вовсе не были нужны. Эта система оправдывалась и подкреплялась доктриной неравенства всех людей, лежавшей в основе юридической системы Омеги. Благодаря запланированному неравенству и принудительному невежеству, власть и статус оставались в руках старожилов.

Конечно, полностью остановить социальное перемещение людей снизу вверх было нельзя. Но его можно было замедлить, не поощрять и сделать чрезвычайно трудным и опасным. На Омеге с законами и обычаями приходится знакомиться путем проб и ошибок.

Хотя магазин противоядий отнимал у Баррента большую часть времени, он не прекращал своих попыток отыскать девушку. Но даже намека, что она вообще существует, он не сумел обнаружить.

Он подружился с соседними лавочниками. Один из них, Дэмонд Гаррисбург, был веселым усатым молодым человеком, владельцем продовольственного магазина. На Омеге такая профессия была несколько нелепа, но, как объяснил Гаррисбург, даже преступники должны есть. А это делало необходимым существование фермеров, рабочих пищевой промышленности, упаковщиков и продовольственных магазинов.

Гаррисбург довольствовался тем, что его бизнес был ничуть не хуже более традиционных омегеанских промыслов, так или иначе связанных с насильственной смертью. Кроме того, дядя жены Гаррисбурга был министром общественных работ. С его помощью Гаррисбург надеялся получить сертификат на убийство — очень важный документ, дававший право на убийство в течение шести месяцев, и таким образом продвинуться до статуса Привилегированного Гражданина. Баррент кивал, соглашаясь. Но он гадал, не решит ли жена Гаррисбурга, худая беспокойная женщина, раньше отравить своего мужа, который ее, судя по всему, не удовлетворял. А развод на Омеге был запрещен.

Другой его сосед, Тем Рэнд, был долговязым смешливым человеком лет сорока с небольшим. Через всю щеку, из-под левого уха почти до уголка рта у него тянулся шрам от ожога — сувенир, подаренный ему полным надежд соискателем статуса. Но соискатель выбрал не того человека.

Тем Рэнд владел оружейным магазином, постоянно тренировался в стрельбе и всегда носил с собой образцы своего товара. Согласно свидетелям, он совершил образцовое контрубийство. Тем мечтал стать членом Гильдии Убийц. Его заявление в эту древнюю и строгую организацию было поставлено на очередь, и он имел шанс быть принятым в пределах месяца. Баррент купил у него пистолет. По совету Рэнда он выбрал иглолучевой пистолет марки «Джеймисон-Тайр», стрелявший быстрее и точнее, чем любое другое стрелковое оружие, и имевший такую же убойную силу, как и крупнокалиберная пуля. Разумеется, иглолучевой пистолет, в отличие от теплового оружия, которым

пользовался прежний владелец магазина противоядий, не обладал способностью убивать все живое в радиусе шести дюймов от цели. Однако, широкое рассеивание смертоносной энергии тепловых лучеметов поощряло малую меткость. С таким оружием стрелок становился беззаботным, а это, как правило, до добра не доводило. Из теплового пистолета мог стрелять всякий, но чтобы эффективно использовать иглолучевой, нужно было постоянно практиковаться. И практика себя окупала. Хороший иглолучеметчик стоил больше двух стрелков из теплового оружия.

Баррент воспринял этот совет всей душой, ведь он как-никак исходил от кандидата в профессиональные убийцы и владельца оружейного магазина. Купив пистолет, он стал проводить долгие часы в подвальном тире Рэнда, оттачивая свои рефлексы и привыкая к кобуре «Быстр-Выбр».

Для того чтобы выжить, требовалось много работать и очень много учиться. Баррент не возражал против тяжелого труда — если цель того стоила. Баррент питал призрачную надежду, что на некоторое время его оставят в покое и он сможет стать таким же, как старожилы Омеги.

Но на Омеге спокойствие не может длиться долго.

Однажды, далеко за полдень, когда Баррент уже закрывал свой магазин, к нему вошел очень странный клиент. Это был мужчина лет пятидесяти, коренастый, со строгим смуглым лицом, одетый в красный до голени балахон и сандалии на босу ногу. Вокруг талии он был подпоясан ремнем из сыромятной кожи, с которого свисали темная книжечка и кинжал с красной рукоятью. Он производил впечатление чрезвычайно сильного и авторитетного человека. Баррент не смог определить его статус.

— Собственно говоря, я уже закрываю магазин, сэр, — сказал Баррент. — Но если вы желаете что-нибудь купить...

— Я пришел сюда не покупать, — ответил посетитель. Он позволил себе слегка улыбнуться. — Я пришел сюда продавать.

— Продавать?

— Я — священник, — пояснил вошедший. — Вы — новичок в моем округе. Я не замечал вас на службе.

— Я ничего не знал...

Священник поднял руку.

— И по церковному, и по светскому праву, неведение не служит достаточным оправданием для неисполнения своего долга. Более того, неведение может быть наказано как акт добровольного пренебрежения — согласно Закону 23 года о Тотальной Личной Ответственности, не говоря уже о Малом Дополнении. — Он снова улыбнулся. — Однако, речь пока не идет о том, чтобы вынести вам дисциплинарное наказание.

— Рад это слышать, сэр, — сказал Баррент.

— Надлежащая форма обращения — «дядя», — поправил его священник. — Я — дядя Ингмар, и я пришел рассказать тебе об ортодоксальной религии, суть которой — поклонение чистому и трансцендентному духу Зла, нашему вдохновителю и нашему утешителю.

— Я буду крайне счастлив услышать о религии Зла, дядя. Не пройти ли нам в гостиную? — предложил Баррент.

— Во всех отношениях, весьма любезное приглашение, племянник, — согласился священник и последовал за Баррентом в его квартирку за магазином.

Глава 6

— Зло, — начал священник после того, как удобно устроился в лучшем кресле Баррента, — это Сила внутри человека, которая служит для нас источником могущества и выносливости. Поклонение Злу — это, в сущности, поклонение самому себе, и, таким образом, единственно правильное поклонение. Зло, которому ты поклоняешься, — есть идеал существа общественного, человека, довольствующегося своей нишей в социуме и в то же время готового ухватиться за любую возможность продвинуться вверх по социальной лестнице, человека, который с достоинством встречает смерть, а убивает, не терзаемый унизительным пороком жалости. Зло жестоко, поскольку оно — истинное отражение безразличной и бессмысленной Вселенной. Зло вечно и неизменно, хотя оно является к нам в разнообразных и многочисленных видах протеиновой жизни.

— Не хотите ли немного вина, дядя? — спросил Баррент.

— Спасибо, это очень предусмотрительно, — поблагодарил дядя

Ингмар. — Как бизнес?

— Хорошо. Правда, на этой неделе несколько вяловато.

— Люди уже не проявляют того интереса к отравлениям, — посочувствовал священник, мрачно потягивая вино. — Разве можно их сравнить с теми временами, когда я был мальчишкой, только что расстриженным и высланным с Земли. Однако, я говорил с тобой о Зле.

— Да, дядя.

— Мы поклоняемся Злу, — сказал дядя Ингмар, — воплощенному в образ Черного, этого рогатого и страшного призрака нашего времени. В Черном мы находим семь главных грехов, сорок преступлений и сто одно правонарушение. Нет преступления, не содеянного Черным, Зло безупречно, как и подобает его природе. Таким образом, мы, несовершенные существа, строим себя, взяв за образец его совершенство. И Черный иногда вознаграждает нас, появляясь перед нами в ужасной красоте своей огненной плоти. Да, племянник, мне действительно выпала честь видеть его. Два года назад он появился перед закрытием Игр, и год назад тоже.

С минуту священник предавался размышлениям о божественном появлении. Затем продолжил:

— Поскольку мы признаем, что в Государстве потенциал Зла больше, нежели в отдельном человеке, мы поклоняемся Государству как высшей — по отношению к человеку — Силе, хотя и не достигающей уровня божества.

Баррент кивнул. Он едва не засыпал, и ему стоило огромных трудов не давать глазам закрыться. Низкий монотонный голос дяди Ингмара, читающего лекцию о такой обыденной вещи, как Зло, производил на него усыпляющий эффект.

— Однако, возникает вполне резонный вопрос, — тянул свое дядя Ингмар. — Если Зло — это высочайшее достижение человеческой природы, зачем тогда Черный позволяет существовать во Вселенной Добру? Проблема Добра веками беспокоила непосвященных. Сейчас ты узнаешь ответ.

— Да, дядя? — поддакнул Баррент, украдкой ущипнув себя за бедро, чтобы не заснуть.

— Но сначала, — сказал дядя Ингмар, — давай определим наши термины. Давай изучим природу Добра. Давай смело и бесстрашно

посмотрим в лицо нашему великому противнику и сорвем покров тайны с истинных черт его физиологии.

— Да, — согласился Баррент, раздумывая, не следует ли ему открыть окно. Ему казалось, что веки налились свинцом, и чтобы не давать им закрыться, требовались стальные подпорки. Он с силой потер глаза и попытался вслушаться в слова священника.

— Добро — это состояние иллюзии, — продолжал дядя Ингмар своим ровным, монотонным голосом, — которое приписывает человеку несуществующие атрибуты, такие как альтруизм, гуманность и благочестие. Как мы можем доказать, что Добро — иллюзия? Очень просто: во Вселенной есть только человек и Черный, и поклонение Черному — это поклонение предельному выражению своего я. Таким образом, раз мы доказали, что Добро является иллюзией, мы должны признать его атрибуты несуществующими. Понятно?

Баррент не ответил.

— Ты понимаешь? — резче спросил священник.

— Э-э?.. — сонно промямлил Баррент, умудрившийся задремать с открытыми глазами. Он с невероятным трудом заставил себя проснуться и пробормотать: — Да, дядя, я понимаю.

— Превосходно. Осознав это, мы задаемся вопросом, почему Черный позволил существовать во Вселенной даже иллюзии Добра. И ответ находится в Законе Необходимости Противоположностей: потому что Зло не будет признано Злом, если ему не с чем будет контрастировать. Наилучший контраст — это противоположность. А противоположность Злу — Добро. — Священник победоносно улыбнулся. — Очень просто и ясно, не правда ли?

— Разумеется, дядя, — согласился Баррент. — Не хотите ли еще немного вина?

— Только самую капельку, — ответствовал священник.

Он еще десять минут болтал с Баррентом о природном, чарующем Зле, присущем тварям лесным и полевым, настойчиво советуя Барренту вести себя по образу этих простодушных созданий. Наконец дядя Ингмар поднялся, чтобы уйти.

— Я очень рад, что мы смогли немножко поболтать, — сказал священник, тепло пожимая руку Барренту. — Могу ли я рассчитывать, что ты придешь на ночную службу в понедельник

ночью?

— Службу?

— Конечно, — ответил дядя Ингмар. — Каждый понедельник, в полночь, мы устраиваем Черную Мессу в Шабашнике на Кирквуд-Драйв. После службы Дамы-Патронессы обычно выставляют закуску, и мы организуем общинные танцы и хоровое пение. Все это очень весело.

Он широко улыбнулся.

— Как видишь, в поклонении могут быть и забавные стороны.

— Я уверен, что так оно и есть, — ответил Баррент. — Я буду там, дядя.

Он проводил священника до выхода. Заперев за ним дверь, Баррент тщательно обдумал то, что сказал ему дядя Ингмар. Сомневаться не приходилось — посещение церковных служб являлось необходимым. И даже более того, обязательным. Оставалось лишь надеяться, что Черная Месса не окажется такой же дьявольски скучной, как ингмаровское описание Зла.

Священник приходил в пятницу. Следующие два дня Баррент был очень занят. Он получил партию гомеопатических трав и кореньев от своего поставщика из округа Бладпит. Большая часть дня ушла на то, чтобы их рассортировать и классифицировать. И еще один день — чтобы разложить их по надлежащим банкам.

В понедельник, когда Баррент после обеда возвращался в магазин, ему показалось, что он заметил ту девушку. Он поспешил за ней, но она затерялась в толпе.

Вернувшись в магазин, Баррент нашел письмо, подсунутое под дверь. Это было приглашение из ближайшей к нему Лавки Сновидений. Письмо гласило:

Дорогой Гражданин!

Мы пользуемся возможностью приветствовать вас в этом районе и распространить на вас услуги того заведения, которое мы считаем прекраснейшей Лавкой Сновидений на Омеге.

Для вас доступны сны любого вида и рода — и по удивительно низкой цене. Мы специализируемся на снах, воскрешающих память о Земле. Вы можете быть уверены, что Лавка Сновидений вашего района предлагает вам только наилучшие грезы в жизни.

Как Свободный Гражданин вы наверняка поспешите

воспользоваться нашими услугами. Можем ли мы надеяться, что вы посетите нас в течение ближайшей недели?

Владельцы.

Баррент отложил письмо. Он понятия не имел, что это за Лавка Сновидений и каким образом вызывались сны. Придется выяснить. Хотя приглашение и было составлено в вежливых выражениях, тон у него был повелительный. Вне всяких сомнений, посещение Лавки Сновидений являлось одной из обязанностей Свободного Гражданина.

Но, конечно же, в этой обязанности могли быть скрыты и приятные аспекты. Лавка Сновидений, что ж, интересная идея, а за настоящий сон, воскрешающий память о Земле, стоило бы заплатить любую цену, какой бы высокой она ни была.

Но с этим придется подождать. Сегодня ночью будет Черная Месса, и он явно был обязан на ней появиться.

Баррент вышел из магазина в одиннадцать часов. Он хотел немного пройтись по Тетрахиде, прежде чем отправиться на службу, начинавшуюся в полночь.

Он неторопливо прогуливался по улицам с видом человека, уверенного в завтрашнем дне. И все же, иррациональная и, вследствие этого, совершенно непредсказуемая природа Омеги едва не убила Баррента прежде, чем он успел добраться до Шабашника на Кирквуд-Драйв.

Глава 7

Когда Баррент вышел из магазина на улицу, ночь немедленно заключила его в свои жаркие, почти удушающие объятия. На затемненных улицах не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Хотя на Барренте были надеты только сетчатая черная рубашка, шорты, пояс с оружием и сандалии, Баррент чувствовал себя так, словно его завернули в ватное одеяло. Большинство жителей Тетрахиды уже давно находились в Шабашниках своих приходов. Темные улицы пустели на глазах. Немногочисленные прохожие спешили укрыться в своих домах. И в жаре, превращавшей обычную прогулку в пытку, и в поведении людей, торопящихся поскорее убраться с улицы, Баррент ощутил какой-то слабый намек

на панику. Он замедлил свои шаги и попытался выяснить у прохожих, что происходит. Но никто не удостоил его ответом, и только один старик крикнул ему через плечо:

— Убирайся с улицы, идиот!

— Почему? — спросил его Баррент.

Старик проворчал что-то неразборчивое и поспешил дальше.

Баррент продолжал свой путь, нервно сжимая в руке рукоять своего иглолучевого пистолета. Что-то, конечно, случилось, но он понятия не имел, что именно. Ближайшим местом, где он мог укрыться, был Шабашник, но их разделяло еще почти полмили. Баррент решил, что лучше всего будет поскорее туда добраться, а по дороге постараться как-нибудь выяснить, что все-таки происходит.

Через несколько минут Баррент обнаружил, что, кроме него, никого на улицах не осталось. Все окна в домах были плотно закрыты ставнями. Баррент шел по середине мостовой, достав иглолучевой пистолет из кобуры и готовый к нападению с любой стороны. Наверное, это был какой-то особый праздник, вроде Дня Высадки. Не исключено, что этой ночью Свободные Граждане являлись законной добычей. На планете вроде Омеги все казалось возможным. Но когда произошло нападение, оно все же было для Баррента абсолютно неожиданным.

В застоявшемся воздухе шелохнулся легкий бриз и растаял. Затем он вернулся, на этот раз уже заметно охлаждая раскаленные улицы. Ветер скатывался с гор в глубину материка и гулял по улицам Тетрахиды. Баррент почувствовал, что пот у него на груди и спине начинает высыхать.

Несколько минут в Тетрахиде стояла очень приятная погода — Баррент не мог даже мечтать о такой.

Но температура продолжала падать.

Упала она быстро. Ледяной воздух налетел с отдаленных горных склонов, и температура понизилась с семидесяти градусов по Фаренгейту до шестидесяти.

«Это нелепо, — подумал про себя Баррент. — Пожалуй, мне будет лучше поторопиться в Шабашник».

Он пошел быстрее, а температура продолжала стремительно понижаться. Сначала до тридцати, потом до сорока. На улицах появились первые признаки мороза.

«Она не может опуститься намного ниже», — подумал Баррент.

Но она смогла. По улицам загулял сердитый зимний ветер,

вскоре достигший силы бури. Он дергал и тащил Баррента за одежду. Улицы покрылись сверкающим льдом. Баррент сразу же поскользнулся и упал. Дальше ему пришлось передвигаться очень медленно и осторожно, чтобы больше не падать. А температура все понижалась и понижалась, и ветер выл и щелкал зубами, словно рассерженный зверь.

Заметив, что в одном из домов сквозь тяжеленные ставни пробивается свет, Баррент подбежал туда и изо всех сил забарабанил в окно. Но изнутри не донеслось ни звука. Баррент понял, что жители Тетрахиды никогда никому не помогают — чем выше была на Омеге смертность, тем больше шансов оставалось у тех, кто выжил. Поэтому Баррент побежал дальше, не жалея ног, которые, казалось, уже одеревенели.

Ветер звенел в его ушах, а на землю падали градины величиной с кулак. У Баррента уже не оставалось сил бежать, и он мог только идти сквозь замерзший белый мир и надеяться, что доберется до Шабашника.

Он шел часы или годы. На одном из перекрестков он заметил тела двух людей, прижавшихся к стене и заиндевевших. Они перестали бежать и поэтому замерзли насмерть.

Баррент заставил себя снова побежать. Шов рубашки у него на боку был словно ножевая рана. По рукам и ногам Баррента, прокрадывался холод, скоро он доберется до его груди, и тогда наступит конец.

Его оглушил внезапно налетевший шквал града. А затем Баррент вдруг обнаружил, что лежит на земле, и чудовищный ветер вихрем уносит те крохи тепла, которые еще было в состоянии произвести его тело.

В противоположном конце улицы Баррент заметил крошечный красный огонек Шабашника и пополз к нему на четвереньках, механически передвигая руки и ноги, безо всякой надежды туда добраться. Ему казалось, что он ползет уже целую вечность, но манящий красный огонек все так же был далек от него. И все же Баррент продолжал ползти и, в конце концов, добрался до двери Шабашника. Он заставил себя привстать и попытался повернуть дверную ручку.

Дверь была заперта.

Баррент бессильно забарабанил в дверь. Прошла целая минута, прежде чем открылась смотровая щель. В ней показалось лицо человека. Человек внимательно посмотрел на Баррента, затем щель закрылась. Баррент ожидал, что теперь откроется дверь, но она не открылась. Проходили минуты, а она по-прежнему оставалась закрытой. Чего они там дожидались? Что случилось? Баррент попытался было снова забарабанить в дверь, но потерял равновесие и упал на землю. Он перекатился на бок, в отчаянии глядя на запертую дверь. Затем он потерял сознание.

Когда Баррент пришел в себя, то обнаружил, что лежит на кушетке. Два человека массировали ему руки и ноги, а под собой он ощутил тепло греющей набивки. Сверху спокойно и умиротворенно на него смотрел дядюшка Ингмар.

— Теперь ты чувствуешь себя лучше? — спросил священник.

— Думаю, что да, — ответил Баррент. — Но почему вы так долго открывали дверь?

— А мы и не собирались ее открывать, — сообщил ему священник. — Помогать попавшим в беду чужакам противозаконно. А поскольку ты пока еще не вступил в Конгрегацию, то для нас являешься чужаком.

— Тогда почему же вы впустили меня?

— Мой помощник заметил, что у нас четное число поклоняющихся. Нам требуется нечетное число, и желательно, чтобы оно заканчивалось на тройку. Там, где конфликтуют церковные и светские законы, светские должны уступать. Поэтому мы впустили тебя, невзирая на правительственное постановление.

— Это нелепое постановление! — заявил Баррент.

— Отнюдь. Как и большинство законов Омеги, оно создано,

чтобы поддерживать население Омеги на как можно более низком уровне. Омега, знаешь ли, крайне бесплодная планета. А население, тем не менее, постоянно растет — за счет новых заключенных. Это создает большие неудобства для старожилов. Поэтому изыскиваются различные пути и средства, чтобы отделаться от излишка вновь прибывших.

— Это нечестно, — заметил Баррент.

— Ты изменишь свое мнение, когда станешь старожилом, — заверил его дядя Ингмар. — А, судя по твоему упорству, я уверен, ты им станешь.

— Может быть, — согласился Баррент. — Но что случилось? Температура упала, должно быть, за десять минут градусов на сто.

— Сто восемь градусов, если быть точным, — поправил дядя Ингмар. — Все в общем-то очень просто. Омега — планета, вращающаяся вокруг двойной звезды по эксцентрической орбите. Прочая нестабильность, как мне говорили, происходит от особого физического строения планеты — размещения гор и морей. А в результате — однородно безобразный климат, для которого характерны внезапные и значительные перепады температуры.

Его помощник, маленький, полный самомнения парень, добавил:

— Было установлено, что Омега по своим природным условиям входит в число пограничных планет — если бы климат здесь был хоть немного хуже, человек без защитных приспособлений просто не смог бы тут жить. Скажем, если бы эти случайные перепады между жарой и холодом были бы чуть-чуть сильнее.

— Это совершенный карающий мир, — заявил дядя Ингмар. — Опытные жители чувствуют, когда температура должна измениться, и прячутся по домам.

— Это адская планета, — сказал Баррент, не найдя других слов.

— Совершенно точное определение, — согласился с ним священник. — Она и есть адская и, таким образом, в совершенстве подходит для поклонения Черному. Если теперь ты чувствуешь себя лучше, Гражданин Баррент, не приступить ли нам к службе?

Если не считать немного отмороженных пальцев рук и ног, с Баррентом все было в норме. Он кивнул и последовал за священником и прихожанами в главную часть Шабашника.

После того, что Баррент пережил на улице, Черная Месса неизбежно разочаровала его. Сидя на своей тепло нагретой скамье в церкви, Баррент дремал все время, пока дядя Ингмар читал свою проповедь о необходимости повседневного совершения Зла.

Поклоняться Злу, говорил дядя Ингмар, следует не только ночью в понедельник. Познание и совершение Зла должно заполнять всю нашу повседневную жизнь. Не каждому дано быть великим грешником, но это никого не должно расхолаживать. Мелкие дурные поступки, совершаемые всю жизнь, аккумулируются в грешное целое, крайне приятное Черному. Никому не следует забывать, что некоторые из величайших грешников и даже сами демонические святые зачастую начинали с мелких прегрешений. Разве Фрастус не начинал как скромный лавочник, продававший рис и при этом обвешивающий своих клиентов? Кто мог бы ожидать, что этот простой человек вырастет в Красного Убивца с Торудайк Лэйн? И кто мог бы вообразить, что Доктор Луэн, сын портового грузчика, станет в один прекрасный день самым выдающимся авторитетом в мире по применению пыток? Настойчивость и благочестие позволили этим людям подняться над своими естественными препятствиями и стать по правую руку от Черного. И это доказывало, говорил дядя Ингмар, что Зло было делом бедных точно так же, как и богатых.

На сем проповедь и закончилась. Баррент проснулся, когда принесли и стали демонстрировать почтенному собранию священные символы — кинжал с рукояткой красного цвета и алебастровую жабу. Затем он снова задремал и спокойно спал, пока вычерчивали магическую пентаграмму.

Наконец церемония приблизилась к концу. Были перечислены имена злых демонов-заступников: Бела, Форкаса, Буэра, Мархоциаса, Астрота и Бегемота. Затем прочитали молитву, предохраняющую от воздействия Добра. И в конце церемонии дядя Ингмар извинился, что не достали девственницу для жертвоприношения на Красном Алтаре.

— У нас не хватает средств, — сказал он, — для покупки девственницы-пеонки с правительственным сертификатом. Однако я уверен, что в следующий понедельник мы сможем организовать полную церемонию. А теперь мой помощник обойдет вас...

Помощник нес поднос с черным краем для сбора пожертвований. Как и другие прихожане, Баррент сделал щедрый взнос. Это казалось мудрым шагом. Дядя Ингмар явно был обижен отсутствием девственницы для жертвоприношения. Если он рассердится еще сильнее, то ему в голову может прийти идея использовать в качестве жертвы кого-нибудь из своих прихожан. И, пожалуй, в этом случае, он не станет интересоваться, девственна его жертва или нет.

Баррент не остался на хоровое пение и общинные танцы. Когда вечернее поклонение закончилось, он осторожно высунул голову за дверь. Температура поднялась до семидесяти, и иней на земле уже растаял. Баррент пожал руку священнику и поспешил домой.

Глава 8

Баррент был по горло сыт неожиданностями и сюрпризами Омеги. Он старался не отходить далеко от своего магазина, занимался бизнесом и постоянно остерегался неприятностей. Постепенно он начинал вести себя, как настоящий омегеанец: глаза его были все время подозрительно прищурены, руки находились неподалеку от рукоятки пистолета, а ноги всегда готовы к спринту. Подобно старожилам, он обретал шестое чувство, чувство опасности.

Ночью, после того, как были опущены решетки на окна и двери, и включена тройная система сигнализации, Баррент ложился в постель, и пытался вспомнить Землю. Зондируя туманные нити своей памяти, он находил различные намеки, следы и фрагменты картин. Он вспомнил большое шоссе, петляющее под солнцем, несколько кварталов огромного, со множеством улиц, города, крупный план изогнутого корпуса звездолета. Но эти видения прошлого были непродолжительны. Они существовали лишь долю секунды, а затем исчезали.

В субботу Баррент проводил вечер с Джо, Дэнисом Фуреном и своим соседом Темом Рэндом. Игра в покер у Джо процветала, и он сумел, вымостив себе путь взятками, стать Свободным Гражданином. Фурен был слишком грубоват и прямодушен, чтобы таким образом поднять свой статус, поэтому он все еще оставался Постоянным Жителем. Но Тем Рэнд обещал, если Гильдия Убийц

примет его заявление, взять рослого фальшивомонетчика своим помощником.

Начался вечер достаточно приятно, но кончился, как обычно, спором о Земле.

— Слушайте, — сказал Джо. — Мы все отлично знаем, на что похожа Земля. Это комплекс гигантских плавучих городов. Они построены на искусственных островах в разных океанах...

— Нет, города на суше, — возразил Баррент.

— На воде, — стоял на своем Джо. — Люди Земли вернулись в море. У всех есть специальные адаптеры, чтобы дышать соленой водой. Суша теперь вообще не используется. Море обеспечивает всем...

— Все совершенно не так, — не согласился Баррент. — Я помню огромные города, и они расположены на суше.

— Вы оба неправы, — заявил Фурен. — Зачем Земле города? Она забыла про них много веков назад. Земля теперь — ландшафтный парк. У каждого есть собственный дом и несколько акров земли. Всем лесам, джунглям позволили вновь разрастись. Люди живут в ладу с природой. И не пытаются ее вновь покорить, не правда ли, Тем?

— Почти, но не совсем, — ответил Тем Рэнд. — Города еще есть, но они находятся под землей. Громадные подземные фабрики и целые производственные районы. Остальное — все, как сказал Фурен.

— Нет там больше никаких фабрик, — настаивал Фурен. — В них нет необходимости. Любые товары, необходимые человеку, могут быть произведены с помощью мысленного управления.

— Говорю вам, — вмешался Джо. — Я помню плавучие города! Я, бывало, жил в секторе Ницуи на острове Пасифая.

— Ты думаешь, это что-то доказывает? — спросил Рэнд. — Я помню, что работал на восемнадцатом подземном уровне в Нуэво-Чикаго, моя рабочая квота составляла двадцать дней в году. Остальное время я проводил на природе в лесах...

— Неверно, Тем, — возразил Фурен. — Нет никаких подземных городов. Я отлично помню, что мой отец был контролером третьего класса. Наша семья, бывало, проезжала каждый год несколько сотен миль по стране. Когда мы в чем-то нуждались, отец придумывал это,

и оно было тут как тут. Он обещал, научить меня, как это делать, но мне кажется, я так, и не научился.

— Ну, — заметил Баррент, — у двоих из вас наверняка ложные воспоминания.

— Точно, — согласился Джо. — Все дело в том, у кого именно.

— Этого мы никогда не выясним, — ответил Рэнд. — Если не сможем вернуться на Землю.

На этом дискуссия и закончилась.

К концу недели Баррент получил еще одно приглашение из Лавки Сновидений. Оно было составлено в более сильных выражениях, чем первое. Он решил в тот же вечер сходить туда. Он проверил температуру и обнаружил, что она поднялась до девяноста. Наученный горьким опытом, Баррент упаковал небольшой ранец одеждой для холодной погоды и тронулся в путь.

Лавка Сновидений была расположена в фешенебельной секции Смертного Ряда. Баррент вошел внутрь и оказался в небольшой, роскошно меблированной приемной. Гладко выбритый молодой человек за полированным столом одарил его искусственной улыбкой.

— Чем могу служить? — спросил молодой человек. — Меня зовут Номис Дж. Аркдраген, помощник управляющего по ночным снам.

— Я хотел бы что-нибудь узнать о том, как вы это делаете, — сказал Баррент. — Как вызываете сны и все такое прочее.

— Конечно, — согласился Аркдраген. — Наши услуги легко объяснить. Гражданин...

— Баррент. Уилл Баррент.

Аркдраген кивнул и сверил его имя со списком, лежавшим на столе. Затем, широко улыбнувшись, сообщил:

— Наши сны вызываются при помощи наркотиков, которые воздействуют на мозг и центральную нервную систему. Есть много наркотиков, производящих желанный эффект. Среди наиболее употребляемых — героин, морфий, опиум, кока, индийская конопля, мескалин. Это все земные продукты. Из существующих только на Омеге мы используем Черную Туфельку, пас, манисей, три-наркотин, дьедалас и разные препараты кармоидной группы. Любой и каждый из них вызывает сны.

— Понятно, — сказал Баррент. — Значит, вы торгуете

наркотиками.

— Вовсе нет, — возразил Аркдраген. — Все не так просто и не так грубо. В древние времена на Земле люди сами вводили себе наркотики. В результате возникали сны, носившие случайный, непредсказуемый характер. Вы никогда не знали, о чем будет сон и какова его продолжительность. Вы не имели ни малейшего представления о том, что вас ждет — грезы или кошмар, ужас или восторг. Эта неопределенность была полностью устранена из современной Лавки Сновидений. Наши наркотики тщательно дозируются, смешиваются и готовятся для каждого человека по индивидуальному рецепту. Достигнув абсолютной точности в создании сна, мы варьируем видения, от спокойных грез, подобных нирване, которые дает Черная Туфелька, через многоцветные галлюцинации мескалина и три-наркотина и сексуальные фантазии, вызываемые пасом и морфием, до снов, воскрешающих память, которые дают нам наркотики кармоидной группы.

— Меня интересуют именно сны, воскрешающие память, — сказал Баррент.

Аркдраген нахмурился.

— Я бы не советовал при первом визите делать это.

— Отчего же?

— Сны о Земле, в среднем, более эмоционально значимы, чем любые вымышленные постановки. Обычно мы рекомендуем сначала выработать устойчивость к наркотическим видениям. Для первого визита я бы советовал вам милейшую сексуальную фантазию. У нас на этой неделе есть особые образцы сексуальных фантазий.

Баррент покачал головой.

— И все же, я бы предпочел настоящее.

— Не предпочли бы, — ответил со знающей улыбкой помощник управляющего. — Поверьте мне, коль скоро человек привыкнет к замещающим сексуальным фантазиям, настоящее блекнет в сравнении с ними.

— Меня фантазии не интересуют, — сказал Баррент. — Что мне нужно, так это сон о Земле.

— Но вы же еще не выработали устойчивость! — возразил Аркдраген. — Вы ведь еще даже не пристрастились.

— А что, необходимо пристраститься?

— Это очень важно, — сообщил ему Аркдраген. — Все наши наркотики создают привыкание — так требует закон. Понимаете, чтобы по-настоящему оценить наркотик, надо развить в себе потребность в нем. Это значительно повышает удовольствие и увеличивает переносимость наркотика. Вот почему я предлагаю вам начать с...

— Мне нужен сон о Земле, — повторил Баррент.

— Хорошо, — неохотно согласился Аркдраген. — Но мы не будем нести ответственность за психологические травмы, которые могут выпасть на вашу долю.

Он провел Баррента по длинному коридору, по обеим сторонам которого шли двери, — из-за них до Баррента доносились стоны и вздохи удовольствия.

— Переживающие, — без всяких объяснений сообщил Аркдраген.

Ближе к концу коридора находилась комната, дверь в которую была открыта. Они вошли внутрь. Там сидел улыбающийся бородач в белом халате и читал книгу.

— Добрый вечер, доктор Вейн, — поздоровался Аркдраген. — Это Гражданин Баррент. Первый визит. Он настаивает на земном сне.

Аркдраген повернулся и вышел.

— Ну, — сказал доктор. — Это, я полагаю, мы можем устроить. — Он положил книгу. — Ложитесь сюда, Гражданин Баррент.

В центре комнаты стоял длинный стол, над ним висело какое-то сложное оборудование. В конце комнаты стояли стеклянные шкафы, заполненные квадратными банками, они напомнили Барренту о противоядиях.

Он лег. Доктор Вейн провел сначала общее обследование, затем — специальную проверку на внушаемость, гипнотический индекс, изучил реакции на одиннадцать основных групп наркотиков и выяснил, нет ли у Баррента предрасположенности к столбнячным и эпилептическим припадкам. Результаты он записал в блокнот, потом их перепроверил, подошел к шкафу и начал смешивать наркотики.

— Это, наверное, будет опасно? — спросил Баррент.

— Не должно, — ответил доктор Вейн. — Вы — достаточно здоровый человек. Я бы сказал даже, совершенно здоровый. И с низким уровнем внушаемости. Конечно, в нашей практике иногда

все-таки случаются эпилептические припадки — материал для изучения. А еще, некоторые люди надолго застревают в своих снах, и их невозможно вызволить оттуда. Я полагаю, такие случаи можно классифицировать как форму безумия, хотя на самом деле это не так.

Доктор закончил смешивать наркотики и заправил этой смесью шприц. У Баррента неожиданно возникли серьезные сомнения, стоило ли приходить сюда.

— Наверное, мне следовало бы отсрочить свой визит сюда, — сказал он. — Я не уверен, что...

— Ни о чем не беспокойтесь, — успокоил его доктор. — Это прекраснейшая Лавка Сновидений на Омеге. Постарайтесь расслабиться. Из-за напряжения мышц могут возникнуть столбнячные конвульсии.

— Я думаю, мистер Аркдраген был прав, — начал паниковать Баррент. — Может, мне и в самом деле следовало начать не со снов о Земле. Он сказал, что это опасно.

— Ну, в конце концов, — заметил доктор, — что такое жизнь без риска? Кроме того, самые распространенные травмы — это повреждение мозга и разрыв кровеносных сосудов. А у нас есть все средства, чтобы позаботиться о такого рода травмах.

Он поднес шприц к левой руке Баррента.

— Я передумал, — заявил Баррент и начал было подниматься с постели. Но доктор Вейн умело всадил иглу ему в руку.

— Когда вы попали в Лавку Сновидений, — сообщил он Барренту, — передумывать уже нельзя. Постарайтесь расслабиться...

Баррент расслабился. Он лежал, откинувшись на постели, и в его ушах раздавалось визгливое пение. В памяти всплыло лицо его врага. Баррент попытался сконцентрировать на нем все свое внимание, но лицо изменилось...

Лицо было старым, округлым и мясистым. С подбородка свисали массивные жировые складки. На потном лице застыло выражение дружеской обеспокоенности,

Это было лицо Советника.

— Теперь, Уилл, — сказал Советник, — ты должен быть осторожен. Ты должен научиться сдерживать свой темперамент. Уилл, ты должен!

— Я знаю, сэр, — ответил Баррент. — Просто дело в том, что я настолько разозлился на этого...

— Уилл!

— Ладно, — согласился Баррент. — Я буду следить за собой.

Он покинул офис университета и вышел в город. Это был фантастический город небоскребов и многоуровневых улиц, блестящий город, управляющий далеко раскинувшейся сетью стран и планет. Баррент шел по третьему пешеходному уровню, все еще гневаясь и думая об Эндрю Теркейлере.

Из-за Теркейлера с его дурацкой ревностью заявление Баррента о приеме в корпус Космических Исследований было отвергнуто. Советник Баррента ничего не смог сделать — Теркейлер обладал слишком большим влиянием в Отборочной Комиссии. Пройдет целых три года, прежде чем Баррент снова сможет подать заявление. И на все это время он будет привязан к Земле и останется без работы. Баррент учился, чтобы работать в космосе, для Внеземных Исследований. На Земле для него не было места, а теперь его отгородили и от космоса.

Теркейлер!

Баррент покинул пешеходный уровень и сел на высокоскоростной трап, направляясь в округ Санте. Когда трап двинулся, Баррент нащупал в кармане небольшой пистолет. Пистолеты на Земле были объявлены вне закона. Как Баррент добыл пистолет, никому бы узнать не удалось.

Он твердо решил убить Теркейлера.

Дальше пошел сплошной поток гротескно искаженных лиц. Сон потерял свою четкость. Когда четкость вернулась, Баррент увидел себя, целящимся из пистолета в худого косоглазого парня, чей вопль о пощаде внезапно оборвался.

Осведомитель, с пустотой во взоре и строгими чертами лица, отметил преступление и уведомил полицию.

Полицейские, в серых мундирах, арестовали Баррента и доставили его в суд.

Судья с пергаментным лицом, черты которого были смазаны, приговорил Баррента к вечной ссылке на Омеге и вынес специальное постановление об обязательном лишении Баррента памяти.

Затем сон превратился в калейдоскоп ужасов. Баррент лез на

скользкий столб, на крутую гору, на гладкую стену. За ним, почти наступая на пятки, двигался труп Теркейлера с распоротой грудью. С обоих боков труп поддерживали осведомитель с пустотой во взоре и судья с пергаментным лицом.

Баррент бежал вниз с холма, по улице, по крыше. Преследователи неотступно висели у него на хвосте. Он влетел в тускло-желтую комнату, захлопнул за собой дверь и запер ее. Обернувшись, он увидел, что заперся вместе с трупом Теркейлера — в открытой ране на груди расцветал грибок, а голова в шрамах была увенчана красно-пурпурной плесенью. Труп не шевелился, потом внезапно стал приближаться к Барренту, и Баррент нырнул в окно головой вперед.

— Выбирайтесь отсюда, Баррент. Вы перебираете. Выходите из сна.

Но у Баррента не было времени слушать. Окно превратилось в крутой скат, и он скользил по его полированной поверхности в амфитеатр. Там, по серому песку, на обрубках рук и ног к нему полз труп. Огромные трибуны были совершенно пусты — только судья и осведомитель сидели бок о бок, наблюдая.

— Он застрял.

— Ну, я его предупреждал.

— Выходите из сна, Баррент. Это доктор Вейн. Вы на Омеге, в Лавке Сновидений. Выходите из сна. Еще есть время. Если вы немедленно не вытащите себя...

Омега? Сон? Времени раздумывать об этом не было. Баррент плыл по темному, дурно пахнущему озеру. Судья и осведомитель плыли следом за ним и тащили на веревке труп с медленно слезающей кожей.

— Баррент!

Озеро превратилось в густое желе, прилипавшее к рукам и ногам Баррента, заполнявшее его рот, в то время как судья и осведомитель...

— Баррент!

Баррент открыл глаза и обнаружил, что лежит на койке в Лавке Сновидений. Над ним возвышался доктор Вейн, выглядевший несколько потрясенным. Рядом с ним стояла медсестра, державшая поднос со шприцами и кислородной маской. Выглядывавший из-за

ее плеча Аркдраген вытирал пот с лица.

— Не думал, что вы сумеете выкарабкаться, — сказал доктор Вейн. — Никак не думал.

— Он вскочил как раз вовремя, — добавила сестра.

— Я его предупреждал, — заявил Аркдраген и вышел из комнаты.

Баррент сел.

— Что случилось? — спросил он.

Доктор Вейн пожал плечами.

— Трудно сказать. Наверное, вы склонны к самоусиливающимся реакциям, да и наркотики иногда бывают не абсолютно чистыми. Но такое обычно случается только раз, не больше. Поверьте мне, Гражданин Баррент, наркотические переживания очень приятны. Я уверен, при второй попытке вы получите огромное наслаждение.

Баррент, все еще трясшийся от пережитого, был совершенно уверен, что никакой второй попытки для него не будет. Какие бы последствия для будущего ни повлек его отказ, Баррент не собирался повторять этот кошмар и хотел бы даже избежать риска его повторения.

— Я теперь пристрастился к наркотикам? — спросил он.

— О, нет, — ответил доктор Вейн. — Пристрастие возникает только после третьего или четвертого визита.

Баррент поблагодарил его и вышел. Проходя мимо стола, за которым сидел Аркдраген, он спросил, сколько следует заплатить.

— Нисколько, — ответил Аркдраген. — Первый визит — всегда за счет заведения. — Он подарил Барренту знающую улыбку.

Баррент покинул Лавку Сновидений и поспешил домой. Ему было о чем поразмыслить. Наконец-то, впервые после многих попыток, он получил доказательство, что в прошлом он совершил предумышленное убийство.

Глава 9

Быть обвиненным в убийстве, которое не можешь вспомнить, — это одно, помнить убийство, в котором тебя обвинили, — уже совсем другое. К такому доказательству трудно отнестись с недоверием.

Баррент попытался разобраться в своих ощущениях. До своего визита в Лавку Сновидений он никогда не чувствовал себя убийцей,

в чем бы там ни обвиняли его земные власти. Раньше он думал, что, возможно, в худшем случае, совершил это убийство в спонтанном, неконтролируемом приступе ярости. Но хладнокровно спланировать и совершить убийство...

Почему он совершил его? Неужто его жажда мести была настолько сильна, что отбросила сдерживающие начала земной цивилизации? Очевидно, именно так. Он убил, и кто-то донес на него, а судья приговорил его к ссылке на Омегу. Он был убийцей на Земле, а теперь он стал убийцей на планете преступников. Чтобы жить здесь припеваючи, ему требовалось просто следовать своей природной склонности к убийству.

И все же Баррент находил, что сделать это крайне трудно, — он на удивление мало был склонен проливать чужую кровь. В День Свободного Гражданина, хотя он и выходил на улицу со своим иглолучевым пистолетом, он не мог заставить себя забить кого-нибудь из низших классов. Он не хотел убивать. Очень нелепый предрассудок, учитывая то, где, кем и чем был Баррент. Но тем не менее, ничего не поделаешь — у него был этот предрассудок. Как бы часто Тем Рэнд и Джо ни читали Барренту лекции о его гражданском долге, он все равно считал, что убийство — дело крайне неприятное.

Он обратился за помощью к психиатру, который заявил, что Баррент отвергает убийство из-за несчастливого детства. А впоследствии эту фобию еще больше осложнила травма, пережитая Баррентом в Лавке Сновидений. Поэтому убийство — это величайшее общественное благо — стало для него отвратительным. Такой антиубийственный невроз, угнездившийся в человеке, который самой природой предназначен для великого искусства убивать, — как заявил психиатр — неизбежно приведет к самоуничтожению Баррента. Единственным решением было ликвидировать невроз. Психиатр предложил Барренту немедленно пройти курс лечения в лечебнице для преступно неубийственных.

Баррент посетил лечебницу и услышал, как ее безумные обитатели вопят о доброте, честной игре, святости жизни и о других непристойностях. Желания присоединиться к ним у него не возникло. Возможно, он был болен, но ведь не настолько же!

Друзья неоднократно говорили Барренту, что невыполнение им своих гражданских обязанностей, обязательно приведет его к беде.

Баррент соглашался с ними, но продолжал тешить себя надеждой, что если будет убивать только при крайней необходимости, то не попадет в поле зрения тех высокопоставленных индивидов, которые вершат правосудие.

Несколько недель его план, казалось, срабатывал. Баррент игнорировал приглашения из Лавки Сновидений, тон которых становился с каждым разом все более повелительным, и не посещал Мессы в Шабашнике. Его бизнес процветал, и Баррент проводил свободное время, изучая воздействие редких ядов и тренируясь в стрельбе из своего иглолучевого пистолета. В свободное врет он часто вспоминал о той девушке. Баррент бережно хранил пистолет, который она ему одолжила, и надеялся когда-нибудь ее встретить.

И еще он думал о Земле. После визита в Лавку Сновидений к Барренту иногда короткими вспышками стали возвращаться воспоминания. Это были отдельные, не связанные между собой картины: обшарпанный каменный дом, дубовая аллея, излучина реки, открывавшаяся в просвете между ивами. Эта полувспаханная земля памяти наполняла его почти невыносимой тоской. Подобно большинству граждан Омеги, его единственным, настоящим желанием было вернуться домой.

Совершенно невыполнимое желание…

Шли дни. Как обычно оно и бывает, беда случилась неожиданно. Однажды ночью раздался громкий стук в дверь, и в дом ввалились четыре человека, одетых в форму, и сообщили Барренту, что он арестован.

— За что? — спросил Баррент.

— Непристрастие к наркотикам, — ответил ему один из стражников. — У вас есть три минуты, чтобы одеться.

— А какое наказание?

— В суде узнаешь, — ответил стражник. Он подмигнул своим спутникам и добавил:

— Но единственный способ исцелить непотребляющего наркотики — это его убить. А?

Баррент оделся.

Его доставили в один из залов необъятного здания Министерства Юстиции. В честь древней системы англосаксонского судопроизводства зал этот назывался Судом Линча. Напротив по

коридору от него находилась Звездная Палата — тоже древнего происхождения. Сразу за ней был Суд Последней Инстанции.

Суд Линча разделяла пополам высокая деревянная перегородка — в судах Омеги свято выполнялось требование, гласившее: «Подсудимый не должен видеть ни своего судью, ни свидетелей обвинения».

— Обвиняемый, встаньте, — произнес голос из-за ширмы. Тонкий, ровный и лишенный эмоций голос исходил из маленького репродуктора. Баррент едва мог понять слова, интонации и модуляции пропадали начисто, как и было запланировано. Судья всегда оставался анонимным — даже когда говорил.

— Уилл Баррент, — заявил судья. — Вы были доставлены в суд по серьезному обвинению в непристрастии к наркотикам и по мелкому обвинению в злонамеренном непочитании религиозных обычаев. По мелкому обвинению у нас есть клятвенное заявление священника. По серьезному обвинению у нас есть свидетельство Лавки Сновидений. Можете ли вы опровергнуть любое из этих обвинений?

Баррент подумал с минуту, а затем ответил:

— Нет, сэр. Не могу.

— В настоящее время Государство может отказаться от своего права преследовать вас за злонамеренное непочитание религиозных обычаев, поскольку это ваше первое нарушение. Но непристрастие к наркотикам является тяжким преступлением против государства Омеги. Непрерывное потребление наркотиков является принудительной привилегией каждого гражданина. Хорошо известно, что привилегиями необходимо пользоваться, иначе они будут утрачены. Потеря наших привилегий — это потеря краеугольного камня нашей свободы. Таким образом, неприятие или иной отказ воспользоваться привилегией равносильны государственной измене.

Возникла пауза. Часовые беспокойно переминались с ноги на ногу. Баррент, считавший ситуацию, в которую он попал, безнадежной, стоял, вытянувшись по стойке смирно, и ждал.

— Наркотики служат многим целям, — продолжал тайный судья. — Мне нет нужды перечислять те их качества, которые имеют большое значение для потребителей. Но если рассуждать с

государственной точки зрения, то надо отметить, что пристрастившиеся — это лояльное население; наркотики — крупный источник подоходного налога; наркотики — яркий образец всего нашего образа жизни. Более того, я ответственно заявляю вам, что непристрастившееся меньшинство неизменно оказывалось враждебно традиционным институтам Государства. Я рассказываю вам все это, Уилл Баррент, для того, чтобы вы могли лучше понять, вынесенный вам приговор.

— Сэр, — сказал Баррент. — Я был не прав, избегая пристрастия. Я не стану ссылаться на неведение, поскольку знаю, что закон не признает такое оправдание. Но я буду покорнейше просить вас дать мне еще один шанс. Прошу вас помнить, сэр, что пристрастие и реабилитация еще возможны для меня.

— Суд признает это, — сказал судья. — И с радостью использует свою власть, дабы проявить снисхождение. И вместо немедленной казни суд предлагает вам выбрать любое из двух меньших наказаний. Первое — карательное: во искупление своего государственного преступления вы лишаетесь правой руки и левой ноги, но зато сохраняете жизнь.

Баррент сглотнул и спросил:

— А какое другое наказание, сэр?

— Другое наказание, не являющееся карательным, заключается в том, что вы подвергнетесь испытанию Божьим Судом, и, если после него останетесь в живых, то вам будут возвращены статус и положение в обществе.

— Я выбираю испытание Божьим Судом, — заявил Баррент.

— Отлично, — согласился судья. — Слушание закончено.

Баррента вывели из зала. За спиной у себя он услышал быстро подавленный смешок одного из часовых. «Правильный ли выбор я сделал? — задумался Баррент. — Не могло ли испытание Божьим Судом оказаться значительно хуже, чем обычное членовредительство?»

Глава 10

На Омеге, как утверждает пословица, нельзя вогнать лезвие ножа между вынесением приговора и его исполнением. Баррента

сразу же отвели в большое круглое помещение, находившееся в подвале Министерства Юстиции. С высокого сводчатого потолка свешивались дуговые лампы, испускавшие ослепительно белый свет. Один сектор стены был превращен в трибуны для зрителей. Когда Баррента отвели в подвал, трибуны были уже почти заполнены, и лотошники продавали юридический календарь на текущий день.

Несколько минут Баррент был один на каменной сцене. Затем в покрытой резьбой стене открылась панель, и на арену выкатилась небольшая машина.

Громкоговоритель, установленный высоко на трибуне, объявил:

— Дамы и господа, прошу внимания! Вам предстоит стать свидетелями испытания Божьим Судом № 64 БГ 223. Испытуемый — гражданин Уилл Баррент, испытатель — ГМЕ 213. Займите свои места, пожалуйста. Состязание начнется через несколько минут.

Баррент осмотрел своего противника. Это была сверкающая полусферическая машина, высотой почти в четыре фута. Она беспокойно каталась на колесиках взад-вперед по сцене. На гладкой металлической шкуре вспыхивали красные, зеленые и янтарные блики от множества лампочек, утопленных в корпусе машины. А ее внешний вид у Баррента смутно ассоциировался с какой-то древней тварью из океанов Земли.

— Для тех, кто впервые посетил нашу галерею, — продолжал громкоговоритель, — мы предлагаем небольшое объяснение. Заключенный Уилл Баррент добровольно избрал испытание Божьим Судом. Орудием правосудия в данном случае будет служить ГМЕ 213 — замечательный пример творческой мысли инженеров Омеги. Машина, или Макс, как ее называют многочисленные друзья и поклонники, — это образцовое и эффективное орудие убийства, использующее не менее двадцати трех способов умерщвления своей жертвы, многие из которых крайне болезненны. Выполняя роль промысла Божьего, она действует по принципу случайных чисел. Это означает, что способ, которым будет умерщвлена жертва, избирается перебором всех двадцати трех способов, производимым случайным образом. Время также определяется случайно — от одной до шести секунд.

Макс вдруг двинулся к центру сцены, и Баррент отступил назад.

— Во власти заключенного, — продолжал голос из громкоговорителя, — вывести машину из строя, в таком случае заключенный выигрывает состязание и становится свободным. Ему возвращаются все его права и привилегии. Метод, которым машина может быть выведена из строя, варьирует от модели к модели. Теоретически, у заключенного есть шансы выиграть этот поединок. Практически же, заключенные побеждают машину, в среднем, в трех с половиной случаях из ста.

Баррент посмотрел на трибуны. Судя по одежде, все зрители имели статус и принадлежали к сливкам Привилегированных классов.

Затем он обратил внимание на девушку, сидевшую в первом ряду, — именно она в День Высадки одолжила ему пистолет. Она была такой же прекрасной, какой Баррент ее помнил; но на ее бледном овальном лице он не заметил ни малейшего следа эмоций. Она разглядывала Баррента с таким же искренним и отвлеченным интересом, с каким человек обычно следит за необыкновенно красивым жуком.

— Состязание начинается! — объявил громкоговоритель.

У Баррента не осталось времени размышлять о девушке — к нему уже катилась машина ГМЕ 213.

Он осторожно кружил вдали от нее. Макс выдвинул стальное щупальце, на конце которого замигал белый огонек, и покатился к Барренту, тесня его к стене.

Внезапно машина остановилась. Баррент услышал клацанье шестеренок. Щупальце втянулось обратно, и вместо него появилась многочленистая рука, заканчивающаяся лезвием ножа. Двигаясь теперь быстрей, машина прижала Баррента к стенке. Рука метнулась вперед, но Баррент сумел увернуться. Он услышал, как лезвие ножа заскрежетало о камень. Когда рука втянулась, Баррент снова перебрался в центр сцены.

Баррент понимал, что машину можно вывести из строя только во время паузы, когда селектор менял один способ убийства на другой. Но как поломать машину, похожую на черепаху с идеально гладкой поверхностью?

Макс снова двинулся в атаку. На его металлической шкуре появилась тускло-зеленая субстанция, в которой Баррент узнал

контактный яд. Баррент ускорил свои шаги и начал кружиться по арене, стараясь избежать рокового прикосновения.

Машина остановилась. Струи нейтрализатора омыли ее поверхность, очищая от яда. Затем машина снова двинулась к Барренту. Он не заметил у нее никакого оружия — судя по всему, она собиралась его просто раздавить.

Баррент уже запыхался. Он вильнул в сторону, но машина последовала за ним.

Макс набрал скорость и помчался прямо на Баррента, который беспомощно застыл у стены, не зная, что делать.

Машина затормозила всего в нескольких дюймах от Баррента. Защелкал селектор. Макс выдвинул странного вида дубинку.

«Они тут упражняются в прикладном садизме, — подумал Баррент. — Если это упражнение продлится достаточно долго, то машина просто загоняет меня, и я свалюсь без сил. А уж тогда она меня прикончит. Значит, если я собираюсь что-то предпринять, то мне лучше сделать это немедля, пока у меня еще есть силы».

Пока он размышлял, машина взмахнула металлической дубинкой. Баррент попытался уклониться от удара, но дубина все-таки попала ему в левое плечо, и он почувствовал, что рука онемела.

Снова защелкал селектор. Баррент бросился на гладкую округлую спину Макса. Там он заметил две крошечные дырочки. Молясь, чтобы они оказались вентиляционными отверстиями, Баррент засунул в них пальцы.

Машина резко остановилась. Зрители взревели. Баррент онемевшей рукой уцепился за гладкую поверхность, пытаясь удержать пальцы в дырочках. Зеленые световые Узоры на спине Макса сменились янтарными, а затем и красными. Глухое жужжание электромоторов перешло в тихое гудение.

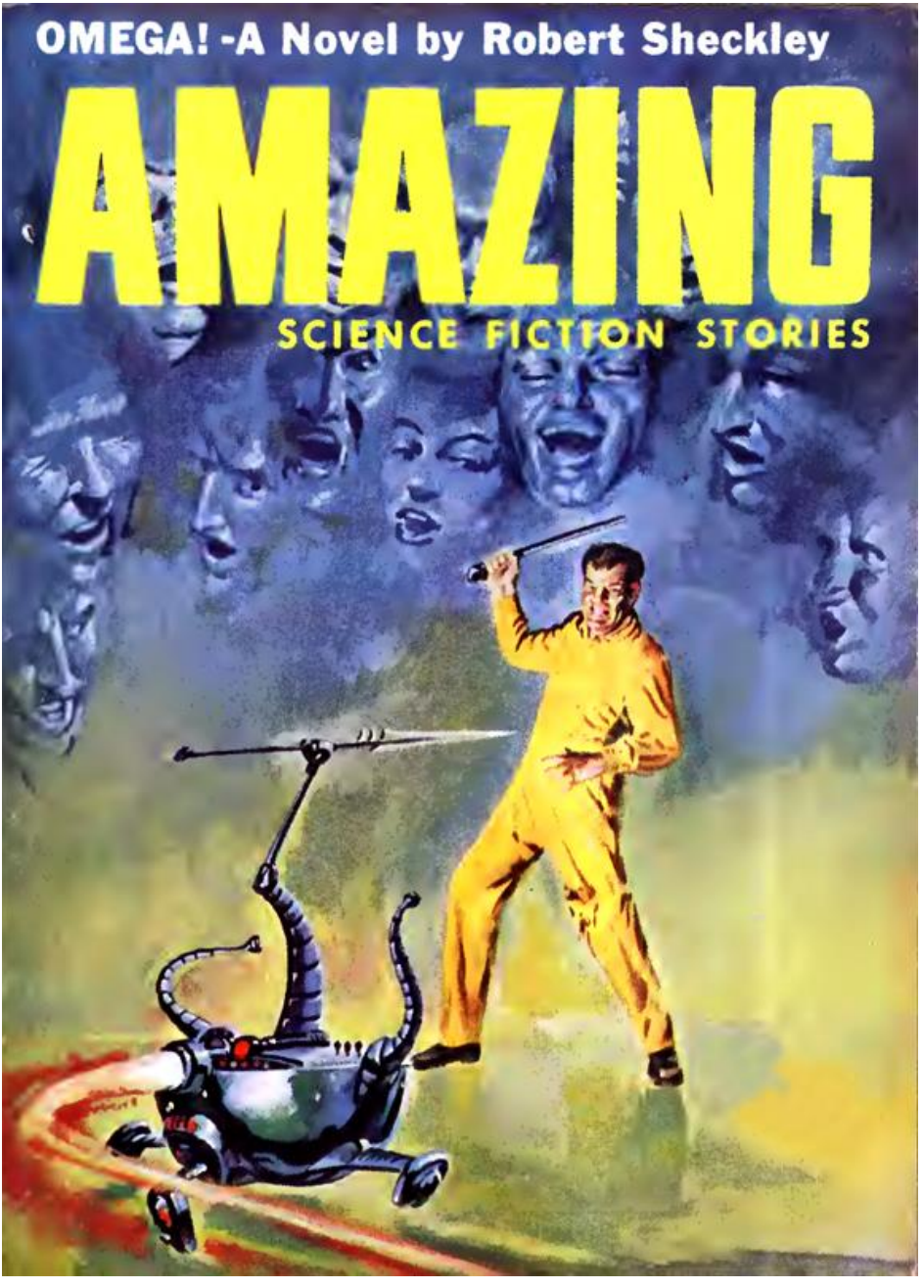
А затем машина выдвинула трубки запасной вентиляции.

Баррент попытался прикрыть их своим телом, но машина неожиданно крутанулась на месте и сбросила его на пол. Баррент перекатился на бок, вскочил на ноги и снова вернулся в центр арены.

Состязание продолжалось не более пяти минут, но Баррент уже устал. Он с трудом заставлял себя отступать от машины, которая надвигалась на него с широким, сверкающим топориком-секачом.

Когда рука с секачом размахнулась, Баррент, бросился к ней,

вместо того чтобы, броситься от нее. Обеими руками он ухватился за металлическую конечность и отогнул ее назад. Металл затрещал, и



Барренту показалось, что металлический сустав начинает потрескивать. Если бы он смог отломать у Макса руку, то, возможно, тем самым вывел бы машину из строя. В любом случае, рука, по крайней мере, могла бы стать оружием…

Макс вдруг дал задний ход. Баррент попытался удержать в руках металлическую конечность, но она выскользнула, и он упал навзничь. Секач опустился, поранив ему плечо.

Баррент покатился по полу и посмотрел на трибуны. Ему конец. Может, стоило бы с достоинством встретить следующую попытку машины и покончить с этим кошмаром. Зрители торжествующе закричали, наблюдая, как Макс начинает свою очередную трансформацию.

…А девушка делала Барренту какие-то знаки.

Баррент уставился на нее, пытаясь понять тайный смысл этих знаков. Девушка жестами приказывала ему что-то перевернуть — перевернуть и уничтожить.

У него не было времени разгадывать эту шараду. Испытывая головокружение от потери крови, он, шатаясь, встал с пола. Макс начал новую атаку. Баррент даже не обратил внимания, какое оружие Макс использует на этот раз. Его интересовали колеса, только колеса…

Когда Макс приблизился, Баррент бросился под колеса.

Машина попыталась затормозить и отклониться, но не успела. Колеса прокатились по телу Баррента, резко накренив машину. Баррент крякнул от удара. Упершись спиной в брюхо Макса, Баррент собрал жалкие остатки своих сил и попытался встать.

Какой-то миг машина неустойчиво покачивалась, а ее колеса бешено вертелись. Затем она опрокинулась на спину. Баррент рухнул рядом с ней.

Когда к нему вернулись силы, и он снова обрел способность видеть, машина все еще лежала на спине. Она выдвинула множество рук, пытаясь вернуться в нормальное положение. Баррент бросился на плоское брюхо машины и замолотил по нему кулаками. Ничего не произошло. Он попытался снять одно из колес и не смог. Макс подпер себя руками, готовый перевернуться и вновь начать состязание.

Баррент увидел, что девушка дает ему новые указания. Она

словно дергала за что-то, повторяя снова этот жест.

И только тогда Баррент заметил маленькую коробочку с предохранителями, скромно притулившуюся возле одного из колес. Он сорвал крышку, потеряв по ходу дела большую часть ногтя, и вынул предохранитель.

Машина грациозно скончалась.

А Баррент потерял сознание.

Глава 11

На Омеге закон превыше всего. Тайный и явный, церковный и мирской, закон правит всем обществом и всеми действиями всех граждан, от нижайших из низших, до высочайших из высших. Без закона не могло бы быть никаких привилегий, для тех, кто создал закон; следовательно, закон был абсолютно необходим. Без закона и его строгого соблюдения Омега была бы немыслимым хаосом, в котором права отдельного человека могли бы простираться ровно настолько, насколько далеко он смог бы их протолкнуть. Эта анархия означала бы конец для омегеанского общества; и особенно она означала бы конец для тех старейших сограждан из правящего класса, которые обрели высокий статус, но чье умение обращаться с пистолетом давно миновало свой пик.

Следовательно, закон был необходим.

Но Омега также была преступным обществом, состоящим целиком из индивидов, нарушивших законы Земли. Это было общество, которое превыше всего ценило усилия каждого отдельного индивида. Это было общество, в котором нарушитель закона был королем; общество, в котором преступления не только прощались, но служили объектом восхищения и даже более того — за них вознаграждали; общество, в котором отклонение от правил судили только по степени его успешности.

А в результате образовалось парадоксальное общество — преступное по своей сути, оно обладало законами, которые необходимо было соблюдать, но должно было нарушать.

Судья, по-прежнему скрытый за перегородкой, прочитал для Баррента небольшую лекцию. После испытания Божьим Судом прошло уже несколько часов. Баррента сначала доставили в лазарет,

где заштопали его раны. По большей части они оказались не слишком серьезными: два сломанных ребра, глубокая рана в левом плече и множество порезов и синяков.

Затем Баррента снова отвели к судье.

— Соответственно, — продолжал судья, — закон должен быть нарушен и не должен быть нарушен. Тот, кто никогда не нарушает закон, никогда не повышает свой статус. Поскольку у таких людей отсутствует инициатива, необходимая для выживания, их обычно тем или иным способом убивают. Для тех же, кто, подобно вам, нарушает законы, ситуация складывается несколько иначе. Закон карает их с абсолютной строгостью — коли они не смогут отвертеться!

Судья помолчал, а затем продолжил задумчивым тоном:

— Самый ценимый человек на Омеге — это индивидуум, который понимает законы, ценит их необходимость, знает о наказании за их несоблюдение и тем не менее их нарушает. И вследствие этого преуспевает! Вот, сэр, наш идеальный преступник и наш идеальный омегеанин. Именно таковым вы и являетесь, Уилл Баррент, — ведь вы выиграли испытание Божьим Судом.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Баррент.

— Я хотел бы, чтобы вы поняли, — продолжал судья, — что, нарушив закон один раз и впоследствии выкрутившись, вы обязательно преуспеете и во второй раз. Каждая новая попытка будет вызывать все более серьезное противодействие. Но и вознаграждение за удачу будет более крупным. Таким образом, я советую вам не действовать опрометчиво, основываясь на своем новоприобретенном знании.

— Постараюсь, сэр, — пообещал Баррент.

— Отлично. Отныне ваш статус повышается до ранга Привилегированного Гражданина со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями. Вам дозволяется, как и раньше, заниматься своим бизнесом. Более того, вам даруется неделя бесплатного отдыха в районе Озера Облаков, и вы можете отправиться туда с любой женщиной по вашему выбору.

— Прошу прощения, — переспросил Баррент. — Что вы сказали в конце?

— Неделя отпуска, — повторил судья. — С любой женщиной по

вашему выбору. Это — высокая награда, поскольку на Омеге мужчины превосходят женщин числом в соотношении шесть к одной. Вы можете выбрать любую незамужнюю женщину, согласную или несогласную. Я даю вам три дня, чтобы вы могли сделать свой выбор.

— Мне не нужны три дня, — ответил Баррент. — Я хочу девушку, которая сидела в первом ряду на трибуне для зрителей. Девушку с черными волосами и зелеными глазами. Вы знаете, кого я имею в виду?

— Да, — медленно произнес судья. — Я знаю, кого вы имеете в виду. Ее зовут Мойра Эрме. Я предлагаю вам выбрать какую-нибудь другую девушку.

— Есть какая-либо особая причина?

— Нет. Но для вас было бы намного лучше выбрать какую-нибудь другую девушку. Мой клерк будет рад снабдить вас списком подходящих молодых женщин. У каждой есть свидетельство о совершенном преступлении. А некоторые из них — выпускницы Женского Института, в котором, как вы, наверное, знаете, учащиеся в течение двух лет серьезно изучают искусство гейш. Я могу лично рекомендовать вашему вниманию...

— Мойра именно та девушка, которая мне требуется, — прервал его излияния Баррент.

— Молодой человек, вы ошибаетесь в своих рассуждениях.

— Мне придется пойти на этот риск.

— Ладно, — согласился судья. — Ваш отпуск начинается завтра в девять утра. Я искренне желаю вам удачи.

Охранники вывели Баррента из зала суда и отвезли его обратно в магазин. Друзья, ожидавшие услышать объявление о его смерти, пришли поздравить Баррента. Им не терпелось услышать его рассказ. Особенно их интересовали подробности испытания Божьим Судом, но Баррент теперь усвоил, что тайное знание было дорогой к власти. И поэтому рассказ его был весьма расплывчат.

Той ночью была еще одна причина для торжества. Тема Рэнда наконец приняли в Гильдию Убийц. Он, как и обещал, брал Фурена своим помощником.

На следующее утро Баррент открыл свой магазин и увидел перед дверью машину. Она была предоставлена ему для отпуска

Министерством Юстиции. С заднего сидения на Баррента смотрела Мойра — прекрасная... и очень обиженная.

— Вы с ума сошли, Баррент! — возмутилась она. — Вы думаете, у меня есть время для подобных занятий? Почему вы выбрали меня?

— Вы спасли мне жизнь.

— И, полагаю, вы думаете, что я это сделала, потому что интересуюсь вами? Так вот, вы ошибаетесь! Если у вас есть хоть капля благодарности, то скажите водителю, что передумали. Вы еще можете выбрать другую девушку.

Баррент покачал головой.

— Вы единственная девушка, которая меня интересует.

— Значит, не передумаете?

— Конечно, нет.

Мойра вздохнула и откинулась на спинку сидения.

— Вы действительно интересуетесь мной?

— Немного больше, чем просто интересуюсь, — усмехнулся Баррент.

— Ну, — решила Мойра, — если вы не передумаете, то, похоже, мне придется примириться с вами. — Она отвернулась, но прежде чем она это сделала, Баррент, заметил у нее на губах, бледную тень улыбки.

Глава 12

Озеро Облаков было прекраснейшим курортом Омеги. На въезде в этот округ, у главных ворот, все оружие в обязательном порядке сдавалось на хранение. Дуэли не допускались ни при каких обстоятельствах. Ссоры рассуживал по своему разумению ближайший бармен, а убийство немедленно наказывалось потерей всякого статуса.

На Озере Облаков каждый мог найти себе развлечение по душе. Желающие могли принять участие в состязаниях по фехтованию, в бое быков и травле медведей. Или заняться спортом — поплавать, походить на лыжах или заняться альпинизмом. По вечерам в большой зале устраивались танцы — за стеклянными стенами, отделявшими Постоянных жителей от Граждан, а Граждан — от Элиты. В отеле имелся роскошный бар с большим выбором

наркотиков, какие только мог пожелать пристрастившийся из фешенебельного округа, и более того — там были некоторые новинки, которые могли прийтись ему по вкусу. Для общительных ночью по средам и субботам устраивались оргии в гроте Сатира. А для робких заведение устраивало свидания в масках в темных коридорах под отелем. Но многие предпочитали гулять по пологим холмам и тенистым лесам, отдыхая от Тетрахиды с ее напряженной повседневной борьбой за существование.

Баррент и Мойра остановились в смежных номерах, дверь между которыми была не заперта. Но в первую ночь Баррент не прошел через эту дверь. Мойра никак не показала ему, что ждет его. А на планете, где женщины имели легкий доступ к ядам, мужчина должен был дважды подумать, прежде чем навязывать свое общество. Особенно, если его не очень-то ждали. Даже владелец магазина противоядий должен был учитывать возможность того, что он будет не в состоянии узнать симптомы.

На второй день своего отдыха Баррент и Мойра забрались высоко в горы. Они устроили привал на травянистом склоне, полого спускавшемся к самому морю. После завтрака Баррент спросил Мойру, почему она спасла ему жизнь.

— Вам не понравится мой ответ, — предупредила она.

— И все же я хотел бы его услышать.

— Ну, в тот день, в Обществе защиты жертв, у вас был такой беззащитный вид. Я помогла бы каждому, кто выглядел бы так.

Баррент кивнул, ответ не льстил его самолюбию.

— А как насчет второго раза?

— К тому времени у меня возник к вам некоторый интерес, как вы понимаете. Я совсем не романтична.

— Так какой же интерес? — спросил Баррент.

— Я думала, что, возможно, вас стоило бы завербовать.

— Я бы хотел узнать об этом более подробно, — сказал Баррент.

Мойра некоторое время молчала, глядя на него немигающими зелеными глазами.

— Я мало что могу рассказать вам, — сказала она. — Я член одной организации. Мы постоянно изучаем людей, которые нам кажутся перспективными. Обычно вычисляем их, едва они сходят с тюремных кораблей. А затем к ним посылается вербовщик.

— Какого типа людей вы ищете?

— К сожалению, Уилл, не вашего.

— Почему же не моего?

— Сперва я серьезно думала завербовать вас, — призналась Мойра. — Вы казались именно таким человеком, который нам требуется. Но потом я проверила ваш послужной список.

— И?..

— Мы не вербуем убийц. Иногда мы их нанимаем, чтобы они выполнили для нас некоторые специфические работы. Но в организацию убийц мы не принимаем. Некоторые обстоятельства мы признаем смягчающими — например, самозащиту. Но, за исключением этого, мы считаем, что человек, совершивший на Земле преднамеренное убийство, — неподходящий для нас человек.

— Понятно, — сказал Баррент. — А если бы я сообщил, что у меня отсутствует обычное для жителей Омеги отношение к убийствам, это не могло бы чем-нибудь помочь?

— Я знаю об этом, — ответила Мойра. — Если бы решала я, то вас бы приняли в организацию. Но выбор делаю не я... Уилл, вы уверены, что вы убийца?

— Мне кажется, да, — вздохнул Баррент. — Похоже, я и в самом деле убийца.

— Очень жаль, — огорчилась Мойра. — И все же организации нужны личности с высоким потенциалом выживания, что бы они там ни натворили на Земле. Я не стану ничего обещать, но посмотрю, что можно сделать. Было бы неплохо, если бы вы смогли побольше узнать о том, почему вы совершили убийство. Возможно, были какие-то смягчающие обстоятельства.

— Наверное, — с сомнением произнес Баррент. — Я постараюсь выяснить.

Вечером, как раз перед тем, как он отправился спать, Мойра открыла дверь между их номерами и вошла в его комнату. Стройная и теплая, она скользнула к нему в постель. Когда он начал было что-то говорить, она приложила ладонь к его губам. И Баррент, научившийся довольствоваться малым, замолчал.

Остаток отпуска пролетел чересчур быстро. Об организации они больше не говорили, но в качестве компенсации дверь между их номерами оставалась открытой. Наконец, на исходе седьмого дня,

Баррент и Мойра вернулись в Тетрахиду.

— Когда я смогу снова увидеться с тобой? — спросил Баррент.

— Я сама свяжусь с тобой.

— Не могу сказать, что очень обрадован твоим ответом.

— Это самый лучший ответ, который я могу тебе дать, — ответила Мойра. — Мне очень жаль, Уилл. Я посмотрю, что можно сделать для твоего вступления в организацию.

Барренту пришлось довольствоваться этим обещанием. Когда машина подбросила его до магазина, он по-прежнему не знал, ни где Мойра жила, ни какую организацию она представляла.

Вернувшись в свою квартиру, он старательно припомнил все детали наркотического сна в Лавке Сновидений. Там было все: его гнев на Теркейлера, незаконное оружие, встреча, труп, а потом осведомитель и судья. Отсутствовало только одно. Баррент совершенно ничего не помнил ни о том, как целился в Теркейлера, ни о том, как стрелял, ни о других подробностях убийства. Сон остановился, когда Баррент встретил Теркейлера, и начался вновь после того, как тот уже был убит.

Было только два пути получить информацию о Земле. Один лежал через окрашенные ужасом видения Лавки Сновидений, а Баррент твердо решил больше туда не ходить. Другой вел прямо в объятия скренирующего мутанта.

Баррент, как и большинство людей, испытывал неприязнь к мутантам. Они были совершенно другой расой, и их статус неприкасаемых основывался не только на предубеждении. Было хорошо известно, что мутанты являлись разносчиками странных и неизлечимых болезней. Мутантов старались избегать, и они соответственно реагировали на это, всячески обособляясь от общества. Они жили в Квартале Мутантов, который был почти самостоятельным городом внутри Тетрахиды. Здравомыслящие граждане держались подальше от этого квартала, особенно после наступления темноты — все знали, что мутанты чрезвычайно мстительны.

Но только мутанты обладали способностью скренировать. В их бесформенных телах были скрыты необычные силы и таланты, странные и паранормальные способности, столкновения с которыми обычный человек избегал днем, но тайно искал ночью.

Поговаривали, что мутанты были в особой милости у Черного. Некоторые люди считали, что великим искусством черной магии, которым похвалялись священники, мог владеть только мутант, но никто и никогда не говорил этого в присутствии священника.

Считалось, что мутанты, благодаря своим странным способностям, помнят о Земле значительно больше, чем обычные люди. Они не только могли вспомнить Землю вообще, но и проскренировать через пространство и время нить жизни человека, пробить стену забытья и сказать, что на самом деле с ним произошло на Земле.

Впрочем, некоторые люди полагали, что мутанты вообще не обладают никакими необычными способностями. По их мнению, это были всего лишь хитрые плуты, живущие за счет человеческой доверчивости.

К ним-то Баррент и решил обратиться за помощью. Однажды поздно ночью, одевшись как следует и хорошо вооружившись, он покинул свою квартиру и отправился в Квартал Мутантов.

Глава 13

Баррент шел по узким кривым улочкам Квартала Мутантов, постоянно держа одну руку рядом с рукояткой пистолета. Он шел мимо хромых и слепых, мимо микроцефальных идиотов, мимо жонглера, удерживающего в воздухе двенадцать пылающих факелов с помощью рудиментарной третьей руки, растущей из груди. Тут были уличные торговцы, продававшие одежду, амулеты и драгоценности. Повсюду стояли телеги, нагруженные пряными, но весьма неаппетитно выглядящими продуктами. Баррент прошел мимо ряда раскрашенных борделей. Стоявшие в окнах девицы звали его, а четырехрукая и шестиногая женщина сообщила ему заговорщицким тоном, что он еще может успеть к началу Дельфийских обрядов. Баррент с трудом отделался от нее, и тут же едва не врезался в чудовищно толстую женщину, которая распахнула блузку, открыв шесть сморщенных грудей. Он прошмыгнул мимо толстухи, но на пути у него встали четверо сиамских близнецов, глядевших на него огромными печальными глазами.

Баррент завернул за угол и резко остановился. Высокий оборванный старик с тростью в руках преградил ему дорогу. Старик был слеп на один глаз. Кожа над пустой левой глазницей была совершенно гладкой, без малейших признаков брови. Но оставшийся глаз сверкал яростно и свирепо.

— Вы желаете воспользоваться услугами настоящего скреннера? — спросил старик.

Баррент кивнул.

— Следуйте за мной, — предложил мутант. Он свернул в переулок, и Баррент последовал за ним, крепко сжимая рукоять своего иглолучевого пистолета. Закон запрещал мутантам иметь оружие, но, подобно этому старику, большинство из них носили с собой тяжелые, с железным наконечником, посохи. Трудно было придумать лучшее оружие для ближнего боя.

Старик открыл дверь дома и жестом пригласил Баррента войти. Баррент остановился, вспоминая ходившие в Тетрахиде истории про легковерных граждан, попавших в руки мутантов. Затем, положив руку на пистолет, он вошел в дом.

В конце длинного коридора старик открыл еще одну дверь и провел Баррента в маленькую, тускло освещенную комнату. Когда глаза привыкли к темноте, Баррент увидел двух женщин, сидевших перед простым деревянным столом. На столе стояла миска с водой, а в ней плавал ограненный кусок стекла размером с кулак.

Одна из женщин была очень стара и совершенно безволоса. Другая была молода и прекрасна. Когда Баррент приблизился к столу, то испытал шок, увидев, что ниже колен ее ноги соединялись кожаной чешуйчатой мембраной, а ступни представляли собой рудиментарные плавники.

— Что мы должны для вас проскренировать, Гражданин Баррент? — спросила молодая женщина.

— Как вы узнали мою фамилию? — ответил Баррент вопросом на вопрос. Но, не получив ответа, сказал:

— Ладно. Я хочу узнать подробности об убийстве, которое я совершил на Земле.

— Почему вы хотите узнать о нем? — спросила молодая женщина. — Разве власти не относят его на ваш счет?

— Относят. Но я хочу выяснить, почему я совершил его. Может,

были смягчающие обстоятельства? Или я его совершил в порядке

самообороны?

— Это действительно важно? — задала очередной вопрос «русалка».

— Думаю, да, — ответил Баррент.

Он немного поколебался, а затем, собравшись с духом, пояснил:

— Суть дела в том, что у меня невротическое предубеждение против убийства. Я предпочел бы не убивать. Поэтому я и хочу выяснить, почему я совершил это убийство.

Мутанты переглянулись. Затем старик усмехнулся и сказал:

— Гражданин, мы окажем вам любую помощь, какая будет нам по силам. У нас, мутантов, тоже есть предубеждение против убийства. Мы мирные люди, и обычно убивают нас, а не наоборот. Мы готовы всячески поддержать тех, у кого есть такой невроз.

— Значит, вы проскренируете мое прошлое?

— Все не так просто, — ответила молодая мутантка. — Способность скренировать — это спонтанное проявление пси-таланта. А талантом управлять трудно, почти невозможно. Скреннер видит не то, что ему хочется, а то, что удается увидеть.

— Я думал, что мутанты могут заглядывать в прошлое, когда только захотят, — сказал Баррент.

— Нет, — возразил ему старик. — Это не так. Хотя бы потому, что многие из нас, классифицированные как мутанты, настоящими мутантами не являются. Нынче почти любую деформацию или аномалию называют мутацией. Что может быть удобнее и проще,

чем свалить в одну кучу всех, кто не вписывается в земной стандарт внешности.

— Но некоторые из вас настоящие мутанты?

— Разумеется. Но существуют самые различные типы мутантов. Некоторые из нас просто демонстрируют аномалии, вызванные радиацией, — гигантизм, микроцефалию и тому подобное. И лишь некоторые мутанты обладают слабыми пси-способностями — хотя притязают на них все.

— А вы можете скренировать? — спросил его Баррент.

— Нет. Но Мила может, — он указал на молодую женщину. — Иногда может.

Молодая мутантка уставилась на ограненный кусок стекла, плававший в миске с водой. Ее блеклые глаза были широко раскрыты, а зрачки — неимоверно увеличены. Старуха поддерживала ее застывшее тело.

— Она начинает видеть, — пояснил старик. — Вода и стекло просто помогают ей сосредоточиться, фиксируя на себе ее внимание. Мила хороша в скренировании, хотя иногда путает будущее с прошлым. Именно такие досадные случаи и создают скренированию дурную славу. С этим, однако, ничего нельзя сделать. Время от времени там, в воде, вместо прошлого оказывается будущее, а Мила вынуждена говорить то, что она там видит. На прошлой неделе она сказала одному Хаджи, что ему предстоит умереть через четыре дня. — Старик тихо засмеялся. — Видели бы вы его выражение лица.

— Она увидела, как он умрет? — спросил Баррент.

— Да. От удара ножом. Бедняга все четыре дня не выходил из дому.

— Его убили?

— Конечно. Его убила жена. Мне говорили, это сильная духом женщина.

Баррент надеялся, что Мила не наскренирует ему будущее. Жизнь и без того была достаточно трудна, чтобы предсказания мутантки делали ее еще хуже.

Она оторвала взгляд от ограненного стекла, печально качая головой:

— Я могу сообщить вам очень немногое. Я не смогла увидеть, как вы совершаете убийство. Но я проскренировала кладбище и увидела

надгробный камень на могиле ваших родителей. Это был старый надгробный камень, установленный, наверное, лет двадцать назад. Кладбище находилось на окраине одного маленького земного городка, который называется Янгерстаун.

Баррент ненадолго задумался, но это название ничего ему не говорило.

— Я также, — добавила Мила, — наскренировала человека, который знает об этом убийстве. Он может рассказать вам о нем — если захочет.

— Этот человек видел убийство?

— Да.

— Он тот, кто донес на меня?

— Не знаю, — ответила Мила. — Я наскренировала труп, чья фамилия была Теркейлер, и рядом с ним стоял человек, фамилия которого была Иллиарди.

— Он здесь, на Омеге?

— Да. Сейчас вы сможете его найти в Эйфориатории на улице Маленького Топора. Вы знаете, где это?

— Я могу выяснить, — сказал Баррент. Он поблагодарил девушку и предложил плату, которую она отказалась взять. У нее почему-то был очень несчастный вид. Когда Баррент выходил, она сказала ему вслед:

— Будьте осторожны.

Баррент остановился в дверях и почувствовал, как ледяной холод пробрался к его сердцу.

— Вы проскренировали мое будущее? — догадался он.

— Немного, — призналась Мила. — Лишь на несколько месяцев вперед.

— И что вы увидели?

— Я не могу этого объяснить, — смутилась она. — То, что я увидела, — невозможно.

— Скажите мне, что вы видели.

— Я видела вас мертвым. И все же вы были совсем не мертвым. Вы выглядели как труп, который был разбит на сверкающие осколки. Человек, стоявший рядом с трупом, тоже был вами.

— Что это значит?

— Не знаю, — ответила Мила.

Эйфориаторий был большим, крикливо-вульгарным заведением, специализировавшимся на наркотиках и афродизиаках по сниженным ценам. Клиентуру его составляли, по большей части, пеоны и Постоянные Жители. Баррент, из-за огромной разницы в статусе, чувствовал себя не в своей тарелке. Он протолкался через толпу и спросил у официанта, где ему найти человека по фамилии Иллиарди.

Следуя указаниям официанта, Баррент прошел в зал и увидел лысого плечистого человека, сидящего за крошечным стаканом тонапикиты. Баррент подошел и представился.

— Рад с вами познакомиться, сэр, — произнес Иллиарди, демонстрируя обязательное уважение к Привилегированному Гражданину. — Чем могу служить?

— Я хочу задать вам несколько вопросов о Земле, — сказал Баррент.

— Я мало что помню о ней, — ответил Иллиарди. — Но охотно поделюсь с вами тем, что знаю.

— Вы помните человека по фамилии Теркейлер?

— Разумеется, — сказал Иллиарди. — Тощий парень. Косоглазый. Гад, каких еще поискать надо.

— Вы присутствовали при том, как его убили?

— Я был там. Это было первое, что я вспомнил, когда сошел с корабля.

— Вы видели, кто его убил?

У Иллиарди был очень озадаченный вид.

— Мне незачем было видеть. Это я его убил.

Баррент с трудом заставил себя никак не выказать своего волнения.

— Вы уверены в этом? Вы абсолютно уверены?

— Конечно, уверен, — обиделся Иллиарди. — И я буду драться с любым, кто попытается приписать эту заслугу себе. Я убил Теркейлера, и он заслужил куда худшую участь.

— Когда вы его убивали, — спросил Баррент, — вы случайно где-нибудь поблизости меня не видели?

Иллиарди внимательно посмотрел на него, а затем покачал головой.

— Нет, по-моему, я вас не видел. Но точно сказать не могу. Я

никак не могу вспомнить, что было после убийства. Какой-то туманный провал в памяти...

— Спасибо, — поблагодарил его Баррент и покинул Эйфориаторий.

Глава 14

Барренту многое нужно было обдумать, но чем больше он размышлял, тем сильнее запутывался. Если Теркейлера убил Иллиарди, то почему Баррента депортировали на Омегу? Если была допущена ошибка, то почему его не освободили, когда обнаружился истинный убийца? Почему кто-то обвинил его в убийстве, которое он не совершал? И почему в его подсознание имплантировали ложные воспоминания о чужом преступлении?

Баррент не мог ответить ни на один из этих вопросов. Но зато он знал, что не зря не чувствовал себя убийцей. Теперь у него было своего рода доказательство, что на Земле он никого не убивал.

Сознание своей невиновности изменило для Баррента все. Он стал еще более нетерпим к омегеанским обычаям, и у него напрочь пропало желание хоть как-то приспособиться к преступному образу жизни. Единственное, что он теперь хотел, — это бежать с Омеги на Землю.

Но, увы, это было невозможно. Днем и ночью над головой кружили сторожевые корабли. И даже если бы существовал какой-то способ избежать встречи с ними, улететь с Омеги все равно было бы не на чем. Вершиной омегеанской технологии являлись двигатели внутреннего сгорания, а звездолеты находились в ведении Земли.

Баррент продолжал работать в магазине противоядий, но отсутствие у него общественного духа становилось все более очевидным. Он игнорировал приглашения Лавки Сновидений и никогда не посещал популярные в народе публичные казни. Когда собирались возбужденные толпы, чтобы малость поразвлечься в Квартале Мутантов, Баррент обычно ссылался на головную боль. Он никогда не присоединялся к охотничьим партиям в День Высадки, а однажды нагрубил коммивояжеру, аккредитованному при Клубе Пытки Месяца. И даже визиты дяди Ингмара не смогли заставить

Баррента изменить свое антирелигиозное поведение.

Он знал, что напрашивается на неприятности. Он ждал неприятностей, и это ожидание странно возбуждало его. В конце концов, на Омеге в нарушении закона не было ничего плохого — покуда ты мог выйти сухим из воды.

Не прошло и месяца, как Барренту представился случай испытать свою решимость, вести себя так и дальше. Однажды, когда он шел в свой магазин, какой-то человек в толпе пихнул его. Баррент не обратил на это особого внимания и продолжал свой путь. Но человек, схватив Баррента за плечо, повернул его лицом к себе.

— Ты кого, по-твоему, толкнул? — спросил этот человек.

Он был невысок и коренаст. Одежда указывала на его принадлежность к Привилегированным Гражданам, а пять серебряных звезд на ремне с кобурой — на число санкционированных убийств.

— Я вас не толкал, — ответил Баррент.

— Врешь, любитель мутантов!

Толпа смолкла, услышав смертельное оскорбление. Баррент отступил назад, выжидая. Мужчина быстрым, аристократическим движением выхватил свое оружие. Но Баррент достал иглолучевой пистолет на целых полсекунды раньше.

Баррент аккуратно пробуравил нахалу дырку между глаз; затем, почувствовав какое-то движение у себя за спиной, быстро обернулся.

Двое Привилегированных Граждан выхватывали свои тепловые пистолеты. Баррент машинально выстрелил, метнувшись под защиту стен лавки. Граждане рухнули как подкошенные. Деревянный фасад дрогнул под ударом пули, и щепки рассекли Барренту ладонь. Он увидел четвертого человека, который стрелял из переулка, и свалил его двумя выстрелами.

В этом-то и заключалась суть дела. За несколько секунд Баррент убил четырех человек.

Хотя Баррент не считал, что у него психология убийцы, он все же был доволен и горд. Он стрелял только в порядке самообороны. И более того — он дал искателям статуса повод задуматься. Возможно, в следующий раз они не будут так жаждать его прикончить. У Баррента появилась надежда, что они сосредоточатся на более легких мишенях и оставят его в покое.

Вернувшись в магазин, он обнаружил, что там его ждет Джо. На лице маленького вора на доверии было кислое выражение.

— Я видел сегодня твою фантастическую стрельбу. Очень ловко.

— Спасибо, — поблагодарил его Баррент.

— Ты думаешь, это тебе поможет? Ты серьезно считаешь, что можешь так легко нарушать законы?

— Я выхожу сухим из воды, — указал Баррент.

— Верно. Но сколько еще, по-твоему, ты сможешь продолжать в том же духе?

— Сколько мне понадобится.

— Нет шансов, — возразил Джо. — Никто не может долго нарушать закон, постоянно выходя сухим из воды. Только сосунки верят в это.

— Им лучше наслать на меня хороших ребят, — усмехнулся Баррент, перезаряжая свой иглолучевой пистолет.

— Все произойдет совсем не так, — сказал Джо. — Поверь мне, Уилл. Способов прикончить тебя не счесть. Коль скоро закон решит действовать, ты ничем не сможешь остановить его. И не жди также помощи от этой своей подружки.

— Ты ее знаешь? — спросил Баррент.

— Я знаю всех, — мрачно ответил Джо. — У меня есть друзья в правительстве. Я знаю тех людей, которые решили, что ты им уже надоел. Послушай меня, Уилл. Ты хочешь стать покойником?

Баррент покачал головой.

— Джо, ты не мог бы навестить Мойру? Ты знаешь, как добраться до нее?

— Возможно, — уклончиво ответил Джо. — Зачем?

— Я хочу, чтоб ты ей кое-что передал, — сказал Баррент. — Я хочу, чтобы ты сказал ей, что я не совершал убийства, в котором меня обвинили на Земле.

Джо уставился на него.

— Ты с ума сошел?

— Нет. Я нашел человека, который на самом деле его совершил. Это Постоянный Житель Второго Класса, по фамилии Иллиарди.

— Зачем об этом распространяться? — спросил Джо. — Нет смысла терять такую заслугу.

— Я не убивал того человека, — повторил Баррент. — Я хочу,

чтобы ты сообщил это Мойре. Ты сообщишь?

— Я скажу ей, — пообещал Джо. — Если смогу ее отыскать. Слушай, ты понял, что я тебе сказал? Может быть, у тебя еще есть время что-нибудь предпринять. Сходи на Черную Мессу или сделай что-то подобное. Это может помочь.

— Не исключено, что я так и сделаю, — согласился Баррент. — Ты передашь ей?

— Передам, — заверил его Джо. Он покинул магазин противоядий, печально качая головой.

Глава 15

Три дня спустя Барренту нанес визит высокий величественный старик, державшийся столь же прямо, как и висевшая у него на боку церемониальная шпага. Старик был одет в куртку с высоким воротником, черные брюки и сверкающие черные сапоги. По его одежде Баррент понял, что старик был высшим правительственным чиновником.

— Правительство Омеги шлет вам привет, — произнес чиновник. — Я — Неринс Джей, Замминистра Игр. Я нахожусь здесь, как того требует закон, чтобы лично уведомить вас о вашей удаче.

Баррент осторожно кивнул и пригласил старика в свою квартиру. Но Джей, прямой и полный достоинства, предпочел остаться в магазине.

— Прошлой ночью был ежегодный розыгрыш Лотереи, — заявил Джей. — Вы, гражданин Баррент, — один из выигравших приз. Поздравляю вас.

— Что за приз? — спросил Баррент. Он слышал о Ежегодной Лотерее, но имел лишь смутное представление о ее значении.

— Приз, — изрек Джей, — это почет и слава. Ваше имя будет занесено в Гражданский список. Сведения о ваших убийствах будут сохранены для потомства. Если же говорить более конкретно, вам вручается новый, выпущенный правительством, иглолучевой пистолет, а посмертно вы будете награждены серебряным орденом Солнечной Вспышки.

— Посмертно?

— Конечно, — сказал Джей. — Серебряной Солнечной Вспышкой

всегда награждают после смерти. Она от этого не менее почетна.

— Я в этом уверен, — бросил Баррент. — Есть еще что-нибудь?

— Да так, ничего серьезного, — сказал Джей. — Как победитель розыгрыша Лотереи вы примете участие в символической церемонии Охоты, которая отмечает начало ежегодных Игр. Охота, как вы, возможно, знаете, олицетворяет наш омегеанский образ жизни. В Охоте мы находим сложное драматическое сочетание взлета к вершинам успеха и последующего падения в комбинации с азартом дуэли и возбуждением погони. Даже пеонам дозволяется участвовать в Охоте, потому что это единственный праздник, открытый для всех. Он символизирует возможность простого человека подняться над ограничениями своего статуса.

— Если я вас правильно понял, — сказал Баррент, — я — один из тех, кто избран на роль преследуемого.

— Да, — подтвердил Джей.

— Но вы сказали, что церемония символическая. Разве это не значит, что никого не убьют?

— Вовсе нет! — возмутился Джей. — На Омеге символ и то, что он символизирует, — всегда одно и то же. Когда мы говорим — «Охота», мы имеем в виду настоящую охоту. Иначе это была бы всего лишь фикция.

Баррент с минуту помолчал, обдумывая ситуацию. Перспектива была не из приятных. В поединке человек-на-человека у него были прекрасные шансы выжить. Но ежегодная Охота, в которой принимало участие все население Тетрахиды, не оставляла ему ни малейшего шанса. Ему давно следовало бы приготовиться к подобной перспективе.

— Как меня выбрали? — спросил он.

— Случайным отбором, — ответил Неринс Джей. — Любой другой метод был бы нечестен по отношению к преследуемым, отдающим свою жизнь ради вящей славы Омеги.

— Я не могу поверить, что меня выбрали совершенно случайно.

— Отбор был случайным, — веско сказал Джей. — Разумеется, он производился на основании списка подходящих жертв. Не всякий может быть Дичью на Охоте. Человек должен продемонстрировать высокую степень цепкости и ловкости, прежде чем Комитет по Играм подумает о его кандидатуре. Быть Преследуемым — большая

честь, и она не относится к тем, которые даруются легко.

— Я вам не верю, — заявил Баррент. — Вы там, в правительстве, решили добраться до меня. Теперь, похоже, в этом преуспели. Все очень даже просто.

— Вовсе нет. Могу вас заверить, что никто в правительстве не питает к вам ни малейших дурных чувств. Вы, вероятно, наслушались глупых сплетен о мстительных чиновниках. Совершеннейшая чушь. Вы нарушали закон, но правительства это больше не касается. Теперь вам придется выяснять отношения непосредственно с самим Законом.

Холодные голубые глаза Джея засверкали, когда он заговорил о законе. Спина его выпрямилась, губы поджались.

— Закон, — сказал он, — выше преступника и судьи. Он правит ими обоими. Закон неизбежен, потому что всякое действие либо законно, либо нет. Закон, я бы сказал, обладает собственной жизнью, существованием, совершенно отличным от недолгих жизней созданий, которые всячески стремятся нарушить его совершенство. Закон управляет всеми аспектами человеческого поведения в той же степени, в какой человек — законное существо, Закон — это человек. У закона, как и у человека, есть свои инкарнации. Для законопослушного гражданина закон не представляет ни малейшей опасности. Но для тех, кто отвергает и нарушает его, закон появляется из своей мрачной гробницы и выходит на поиски преступившего грань.

— И потому-то, — сыронизировал Баррент, — меня и выбрали для Охоты.

— Конечно, — подтвердил Джей. — Если бы вы не были избраны таким образом, ревностный и недремлющий закон избрал бы другие средства, используя все орудия, которые имеются в его распоряжении.

— Спасибо за объяснение, — усмехнулся Баррент. — Сколько у меня есть времени, прежде чем начнется Охота?

— Охота начнется на рассвете. Она продлится ровно сутки и закончится на рассвете следующего дня.

— А что произойдет, если меня не убьют?

Неринс Джей слегка улыбнулся.

— Это случается не часто, гражданин Баррент. Я уверен, такая

возможность не должна вас беспокоить.

— Это ведь случается, не так ли?

— Да. Те, кто переживет Охоту, автоматически заносятся в списки участников Игр.

— А если я переживу и Игры?

— Забудьте про это, — дружески посоветовал Джей.

— Но что будет, если я переживу?

— Поверьте мне, гражданин, этого не будет.

— И все же, я хотел бы знать, что случится, если я уцелею.

— Те, кто пережил Игры, находятся за пределами Закона.

— Это звучит очень многообещающе, — заметил Баррент.

— Вы ошибаетесь. Закон, даже когда угрожает вам, все равно вас охраняет. У вас может быть мало прав, но Закон гарантирует их соблюдение. Именно по этой причине, дабы соблюсти закон, я не убиваю вас здесь, на месте. — Джей разжал кулак и продемонстрировал Барренту крошечный однозарядный пистолет. — Закон ставит пределы и действует усмиряюще как на нарушителя, так и на блюстителя законов. Разумеется, сейчас закон гласит, что вы должны умереть. Но все люди должны умереть. Закон указывает вам время, в течение которого вы можете умереть. У вас есть хотя бы один день, а без Закона вы умерли бы немедленно.

— Что случится, — раздельно спросил Баррент, — если я переживу Игры и выйду за пределы Закона?

— За пределами Закона есть только одно, — задумчиво произнес Неринс Джей. — И это — сам Черный. Тот, кто выходит за пределы Закона, принадлежит ему. Но лучше тысячу раз умереть, чем попасть к Черному.

Баррент давным-давно отбросил религию Черного, как суеверную чушь. Но теперь, слушая серьезный голос Джея, он терялся в догадках. Могла быть разница между повсеместным поклонением Злу и действительным присутствием Зла?

— Но, если вам повезет, — утешил его Джей, — вас убьют раньше. А теперь я закончу собеседование, дав вам последние наставления.

Все еще держа в руке крошечное оружие, Джей сунул другую руку в карман и вытащил красный карандаш. Быстрым, тренированным движением он провел карандашом по щекам и лбу Баррента. Тот даже не успел отшатнуться.

— Это специальная метка для Преследуемого, — сообщил Джей. — Охотничьи метки несмываемы. Вот вам выпущенный правительством иглолучевой пистолет. — Он вытащил из кармана оружие и положил его на стол. — Охота, как я уже сказал, начнется с первыми лучами солнца. Во время Охоты вас может убить любой человек, кроме другого Преследуемого. Защищаясь, вы имеете право убивать. Я бы посоветовал вам делать это с предельной осмотрительностью. Звук и вспышка выстрела иглолучевого пистолета выдали уже многих Преследуемых. Если вы попытаетесь спрятаться, удостоверьтесь, что у вас есть запасной выход. Помните, что Охотники знают Тетрахиду лучше вас. Умелые Охотники давно исследовали многие, если не все, потайные места. Значительная часть Преследуемых попадается в первые же часы праздника. Удачи вам, гражданин Баррент.

Джей направился к двери. Он открыл ее и снова повернулся к Барренту.

— Кстати, все-таки есть один способ сохранить во время Охоты и жизнь, и свободу. Но, поскольку это запрещено, я не могу вам сказать, в чем он заключается.

Неринс Джей поклонился и вышел.

После многократных попыток Баррент обнаружил, что алые охотничьи метки и впрямь несмываемы. За вечер он разобрал выпущенный правительством иглолучевой пистолет и проверил его. Как Баррент и подозревал, оружие было с дефектом. Он со злостью отбросил его в сторону.

Баррент полностью подготовился к Охоте, положив в маленький рюкзак еду, воду, моток веревки, нож, запасные боеприпасы и запасной иглолучевой пистолет. А затем принялся ждать, надеясь вопреки всякому здравому смыслу, что Мойра и ее организация принесут ему в последнюю минуту бумагу, отменяющую смертный приговор.

Но никакого помилования не пришло. За час до рассвета Баррент закинул за плечи рюкзак и вышел из магазина противоядий. Он не имел ни малейшего представления, что собираются делать другие Преследуемые, но для себя он решил еще вечером, какое место будет для него самым безопасным.

Глава 16

Все авторитеты на Омеге сходились во мнении, что у Преследуемого резко меняется характер. Если бы Преследуемый оказался в состоянии отнестись к Охоте, как абстрактной проблеме, никак не затрагивающей его лично, то мог бы прийти, наверно, к более или менее правильным выводам. Но типичный Преследуемый, независимо от того, насколько он умен, не в силах отделить рассуждения от эмоций. В конце концов охотятся ведь на него. Преследуемого охватывает паника, он начинает метаться в поисках безопасного места, стараясь убежать как можно дальше и спрятаться под землю как можно глубже. Преследуемый покидает свой дом и петляет по лабиринтам канализации. Вместо света он выбирает тьму и предпочитает всячески избегать людных мест.

Опытные Охотники хорошо знакомы с привычками Преследуемых. И потому, вполне естественно, в первую очередь обследовались темные безлюдные места — подземные туннели, покинутые склады и здания. Именно там Охотники находили значительную часть Преследуемых.

Баррент подумал об этом. Он отбросил первоначальный порыв спрятаться в разветвленной клоаке Тетрахиды. Вместо этого за час до рассвета Баррент прямиком направился в большое здание, в котором располагалось Министерство Игр.

Он быстро вошел в пустой коридор, изучил указатель и поднялся по лестнице на третий этаж. Он прошел мимо дюжины кабинетов и наконец остановился у двери, на которой висела табличка «НЕРИНС ДЖЕЙ, Замминистра Игр». Некоторое время Баррент внимательно прислушивался к тому, что происходит за дверью, затем распахнул ее и вошел.

С рефлексами у старины Джея по-прежнему все было в порядке. Не успел Баррент еще войти в кабинет, а старик уже заметил на его лице алые охотничьи метки. Джей бросил писать, открыл ящик стола и сунул в него руку.

У Баррента не было желания убивать старика. Он швырнул в Джея выпущенный правительством иглолучевой пистолет и попал ему прямо в лоб. Джей отлетел к стене, а затем рухнул на пол.

Нагнувшись над ним, Баррент обнаружил, что пульс у старика

был отнюдь не слабый. Он связал Джея, заткнул ему рот и затолкал на всякий случай под стол. Порыскав в ящиках стола, он нашел табличку «Совещание — не беспокоить», повесил ее снаружи на дверь и заперся. Достав собственный иглолучевой пистолет, Баррент сел за стол и стал ждать, как будут развиваться события дальше.

Наступил рассвет, и водянистое солнце поднялось над Омегой. Из окна Баррент увидел, что улицы наполнились народом. В городе царила возбужденная карнавальная атмосфера, и шум веселого праздника перемешивался с шипением лучемета или с вялым выстрелом из стрелкового оружия.

Близился полдень. Убежище Баррента по-прежнему оставалось тайной для Охотников. Он изучил вид, открывавшийся из окна, и обнаружил, что в случае необходимости легко сможет перебраться из кабинета на крышу соседнего дома. Баррент был рад, что у него есть запасной выход — точь-в-точь такой, о каком говорил Джей.

После полудня Джей пришел в сознание. Поборовшись немного со своими путами, он притих и молча лежал под столом.

Незадолго до наступления вечера кто-то постучал в дверь кабинета.

— Министр Джей, можно войти?

— Не сейчас, — ответил Баррент, попытавшись сымитировать голос Джея.

— Я думал, вам будет интересна статистика Охоты, — сказал человек за дверью. — Пока что граждане убили семьдесят трех Преследуемых. Восемнадцать еще не разысканы. Это значительно лучше, чем в прошлом году.

— Да, безусловно, — поддакнул Баррент.

— В этом году среди Преследуемых необычайно высок процент тех, кто прятался в канализационной системе. Некоторые пытались блефовать, оставшись дома. Остальных мы выследили в обычных местах.

— Блестяще, — похвалил Баррент.

— Пока что прорыва не совершил никто, — продолжал говоривший. — Очень странно, что Преследуемые редко задумываются о возможности осуществить прорыв. Но, конечно, это избавляет нас от необходимости использовать машины.

Барренту очень хотелось знать, о чем говорит этот человек.

Прорыв? Куда тут прорываться? И как будут использованы машины?

— Мы уже отобрали дублеров участников Игр, — добавил говоривший. — Я хотел, чтобы вы одобрили список.

— Действуйте по своему усмотрению, — сказал Баррент.

— Хорошо, сэр, — согласился человек за дверью. Через минуту Баррент услышал его шаги, удаляющиеся влево по коридору. Он решил, что этот человек что-то заподозрил. Разговор длился слишком долго и его следовало прервать раньше. Возможно, ему следовало бы перебраться в другой кабинет.

Прежде, чем он успел что-либо предпринять, опять раздался стук в дверь.

— Да?

— Гражданский Розыскной Комитет, — ответил ему кто-то басом. — Будьте добры открыть дверь. У нас есть веские причины считать, что тут прячется Преследуемый.

— Здесь нет Преследуемых. К сожалению, вы не можете сюда войти. Это правительственное учреждение.

— Можем, — заявил бас. — Все комнаты, учреждения и здания открыты для граждан в день Охоты. Вы откроете?

Баррент уже стоял возле окна. Открывая его, он услышал позади частые удары в дверь. Сначала Баррент пять раз выстрелил в дверь, чтобы преследователям было о чем подумать, а затем вылез в окно.

Крыши Тетрахиды являлись идеальным убежищем для Преследуемых. И поэтому Баррент сразу же понял, что это было последнее место, где следовало бы скрываться Преследуемым. Лабиринт тесно соединенных крыш, дымоходов и шпилей казался специально созданным для погони, но на крышах уже были люди. Они закричали, увидев Баррента.

Баррент, не раздумывая, побежал прочь — Охотники гнались за ним, а по боковым крышам к нему уже приближались другие охотничьи партии. Он перепрыгнул пятифутовый просвет между крышами, сумел сохранить равновесие на крутом склоне крыши и вскарабкался на скат. Охотники остались позади. Если у Баррента хватит сил поддерживать такой темп еще минут десять, то он получит значительную фору. Тогда он сможет покинуть крышу и найти более подходящее убежище.

Баррент добежал до края крыши. До следующего дома было

футов пять. Баррент, не колеблясь, прыгнул.

Приземлился он хорошо. Но его правая нога пробила насквозь прогнившую дранку, и Баррент провалился по самое бедро. Он рванулся, пытаясь высвободить ногу, но не мог найти точку опоры на крутой крошащейся крыше.

— Вот он!

Баррент рванул дранку обеими руками. Охотники были уже почти в пределах досягаемости иглолучевого пистолета. К тому времени, когда Баррент сможет вытащить ногу, он станет легкой мишенью.

Когда на соседнем здании появились Охотники, Баррент уже продрал в крыше трехфутовую дыру. Он просунул в нее вторую ногу, а затем, не видя другого выхода, прыгнул вниз.

Приземлился он прямо на стол, который от удара развалился. Выбравшись из обломков, Баррент увидел, что попал в гостиную, принадлежащую Хаджи. Меньше чем в трех футах от него в кресле-качалке сидела старуха. Она машинально продолжала качаться, но ее челюсть отвисла от ужаса.

Баррент услышал, как Охотники бегут по крыше. Сориентировавшись в расположении комнат, Баррент через кухню прошел к двери черного хода. Быстро проскочив двор, увешанный сушившимся бельем, он перебрался через невысокую живую изгородь во двор соседнего дома. И немедленно из окна второго этажа в Баррента кто-то выстрелил. Он посмотрел вверх и увидел мальчика, пытающегося прицелиться в него из ручного лучемета; отец, вероятно, запретил ребенку охотиться на улице. Баррент свернул за угол и побежал по переулку, который показался знакомым. Спустя несколько секунд Баррент сообразил, что находится в Квартале Мутантов, неподалеку от дома Милы.

Позади слышались крики Охотников. Баррент добрался до дома Милы и обнаружил, что дверь не заперта.

Они сидели все вместе — одноглазый старик, лысая старуха и Мила. Когда к ним в комнату ввалился Баррент, они совершенно не удивились.

— Так значит, они выбрали вас в Лотерее, — сказал старик. — Ну что ж, этого мы и ожидали.

— Мила наскренировала? — поинтересовался Баррент.

— Зачем? — невесело усмехнулся старик. — Это не трудно было предсказать — если учесть, что вы за человек. Храбрый, но не безжалостный. В этом ваша беда.

Старик опустил обязательную форму обращения к Привилегированным Гражданам, и это, при данных обстоятельствах, тоже нетрудно было предсказать.

— Я видел, как подобное случалось год из года, — сказал старик. — Вы бы удивились, узнав, сколько многообещающих молодых парней кричали в этой комнате, задыхаясь, держа иглолучевой пистолет так, словно он весил тонну. А Охотники следовали за ними по пятам. Парни надеялись, что мы им поможем, но мутанты не любят напрашиваться на неприятности.

— Заткнись, Дем, — бросила старуха.

— Я полагаю, нам придется помочь вам, — сказал Дем. — Так решила Мила, по каким-то своим соображениям, — он сардонически усмехнулся. — Мы с женой пытались ее убедить, но она все-таки настояла на своем. А поскольку она единственная из нас, кто может наслаждаться скренированием, мы должны позволить ей поступать так, как она считает нужным.

— Даже если мы ему поможем, очень мало шансов, что он переживет Охоту, — вставила Мила.

— Если меня убьют, — сказал Баррент, — то как же сбудется ваше предсказание? Помните, вы увидели, как я смотрю на собственный труп, а тот был разбит на сверкающие осколки.

— Я помню, — ответила Мила. — Но ваша смерть никак не повлияет на предсказание. Если в этой жизни ничего подобного с вами не произойдет, то, значит, мое предсказание относилось к следующему вашему воплощению.

Объяснение, предложенное Милой, мало утешило Баррента. Он мрачно спросил:

— Что мне надо сделать?

Старик вручил ему охапку лохмотьев.

— Наденьте их, а я поработаю над вашим лицом. Вам придется стать мутантом.

Через некоторое время Баррент снова вернулся на улицу. Но теперь он был одет в лохмотья. Под ними он прятал свой иглолучевой пистолет, а в свободной руке держал чашку для

подаяний.

Старик обильно покрыл его лицо телесного цвета пластиком. Теперь у Баррента был чудовищно распухший лоб, а нос — плоский, от одной скулы до другой. Старик сильно изменил Барренту форму лица и замаскировал яркие охотничьи метки.

Мимо промчалось подразделение Охотников, едва удостоив его мимолетным взглядом. У Баррента появились проблески надежды. С помощью новой личины он мог выиграть время. Последние лучи водянистого солнца Омеги исчезли за горизонтом. А ночью у него появятся дополнительные шансы скрыться, и, при некоторой удаче, он сможет до рассвета избегать встречи с Охотниками. Потом будут, конечно, Игры; но Баррент не собирался принимать в них участия. Если новая личина была достаточно хороша, чтобы защитить его от Охотников всего города, то не было причин, почему его должны были поймать для Игр.

Наверное, после того как, праздник кончится, он снова сможет появиться в омегеанской общине. А если он сумеет пережить Охоту и вообще избежать Игр, то, вполне возможно, будет особо вознагражден. Такое самонадеянное и успешное нарушение Закона полагалось бы вознаграждать...

Он увидел, что к нему идет еще одна группа Охотников. В ней было человек пять и среди них — Тем Рэнд, выглядевший мрачным и гордым в своей новой форме убийцы.

— Ты! — крикнул один из Охотников. — Не видел пробегавшей этой дорогой Дичи?

— Нет, Гражданин, — почтительно поклонился Баррент, держа под лохмотьями наготове пистолет.

— Не верьте ему, — сказал один из Охотников. — Эти проклятые мутанты никогда не говорят нам правду.

— Пошли, мы найдем его, — махнул рукой другой. Группа двинулась дальше, но Тем Рэнд задержался.

— Ты уверен, что не видел Преследуемых? — спросил Рэнд.

— Убежден, Гражданин, — подтвердил Баррент, гадая, не узнал ли его Рэнд. Барренту совсем не хотелось его убивать. И даже более того, он совершенно не был уверен, что сумеет это сделать — рефлексы у Рэнда были просто сверхъестественные. Правда, рука Рэнда, в которой он держал свое оружие, еще была опущена вниз, а

Баррент уже успел прицелиться. Это преимущество в долю секунды могло свести на нет превосходство Рэнда в скорости и меткости. Но если дело дойдет до перестрелки, подумал Баррент, то скорее всего, получится ничья — они просто убьют друг друга.

— Ну, — сказал Рэнд. — Если ты увидишь кого-нибудь из Преследуемых, скажи ему, чтобы он не переодевался мутантом.

— Отчего же?

— Этот трюк помогает очень ненадолго. Преследуемый получает передышку, не более чем на полчаса, — бесцветным голосом сказал Рэнд. — Затем осведомители разоблачают его. Вот будь я на месте мутанта, то не стал бы сидеть на краю тротуара, а попробовал бы совершить прорыв из Тетрахиды.

— Да?

— Точно. Некоторые Преследуемые каждый год убегают в горы. Конечно, официально об этом не сообщают, и большинство граждан ничего не знают. Но в Гильдии Убийц есть сведения обо всех когда-либо использованных трюках, устройствах и побегах. Это часть нашего бизнеса.

— Очень интересно, — сказал Баррент. Он понял, что Тем раскусил его личину. Тем не менее Рэнд был хорошим соседом — хотя и плохим убийцей.

— Конечно, — продолжал Рэнд, — выбраться из города нелегко. И коль скоро человек выберется, это еще не значит, что он свободен. Есть охотничьи патрули, и кое-что похуже, чем они...

Рэнд внезапно замолчал. К ним подошла группа Охотников. Рэнд любезно кивнул им и пошел своей дорогой.

После того, как Охотники прошли мимо, Баррент встал и двинулся в путь. Рэнд дал ему хороший совет. Ну конечно же, некоторые люди должны были бежать из города. Жизнь в бесплодных горах Омеги будет крайне трудной, но любые трудности все же лучше, чем смерть.

Если он сможет пройти городские ворота, ему надо будет остерегаться охотничьих патрулей. И Тем упомянул еще о чем-то гораздо худшем, чем они. Барренту хотелось знать, что же это такое? Особые подразделения горных Охотников? Как жаль, что Рэнд не успел закончить фразу.

К наступлению ночи он добрался до Южных Ворот. Болезненно

сгорбившись, он заковылял к караульному посту, преграждавшему дорогу.

Глава 17

Со стражниками у Баррента не возникло никаких затруднений. Мутанты целыми семьями бежали из города, ища защиты в горах, пока не закончится неистовство Охоты. Баррент пристроился к одной из таких групп и вскоре оказался в миле от Тетрахиды, в низких предгорьях, которые полукругом охватывали город.

Здесь мутанты остановились и разбили лагерь. Около полуночи Баррент отправился дальше. Он поднимался по каменистому, изъеденному склону горы, несколько возвышавшейся над своими соседями. Баррент проголодался, но прохладный воздух взбодрил его, и он начал верить, что действительно переживет Охоту.

Он услышал, как группа Охотников с шумом прочесывает местность. Благодаря темноте, Барренту легко удалось избежать встречи с ними, и он продолжил подъем. Вскоре все звуки, кроме постоянного свиста ветра среди скал, остались далеко внизу. Стояла глубокая ночь — до рассвета оставалось всего лишь часа три.

Немного погодя начал моросить мелкий дождь, который незаметно превратился в ливень. Для Омеги это была предсказуемая погода. Предсказуемыми были также собравшиеся над горами густые грозовые тучи, раскатистый гром и ярко-желтые вспышки молний. Баррент нашел укрытие в неглубокой пещере, считая себя счастливчиком, что температура не упала еще ниже.

Он забрался в пещеру и расслабился в полудреме. Остатки грима стекали по его лицу, оставляя грязно-розовые следы. Временами Баррент впадал в забытье, но через мгновенье вскидывался и продолжал сонно наблюдать за склоном. Вдруг в яркой вспышке молнии он увидел что-то двигающееся вверх по склону, направляющееся прямо к его пещере.

Он встал, держа иглоизлучатель наготове, и подождал новую вспышку молнии. В ее свете он сумел разглядеть холодный мокрый блеск металла, вспыхивающие красно-зеленые лампочки, пару металлических щупальцев, цеплявшихся за скалы и мелкий кустарник.

Машина была похожа на ту, с которой Баррент сражался в подвалах Министерства Юстиции. Теперь он сообразил, о чем хотел предупредить его Рэнд. Баррент раньше никак не мог понять, почему немногие Преследуемые, которым удалось выбраться из города, все равно продолжали спасаться бегством. На этот раз Макс будет действовать не по принципу случайного выбора, он не станет уравнивать силы противников, и у него наверняка не окажется легко доступной коробки с предохранителями.

Когда Макс оказался в пределах досягаемости, Баррент выстрелил. Смертоносный луч отскочил от бронированной шкуры, не причинив машине ни малейшего вреда. Баррент выбрался из своего убежища и полез дальше в гору.

Машина уверенно карабкалась за ним, поднимаясь по предательски скользкой поверхности склона. На плато, по которому были раскиданы огромные гранитные валуны, Баррент попытался оторваться от Макса, но это оказалось невозможным. Баррент понял, что машина, должно быть, выслеживает его по запаху — вероятно, она была настроена на запах несмываемых охотничьих меток.

На крутом склоне горы Баррент скатил на машину валун, надеясь, что таким образом сможет вызвать лавину. Макс уклонился от большинства летящих камней, а остальные отскочили от него без всякого видимого эффекта.

В конце концов машина загнала Баррента в угол. Он был прижат к узкой крутой скале и не мог подняться выше. Он дождался, когда перед ним вырисовался силуэт машины, прижал иглоизлучатель к ее металлической шкуре и нажал на курок.

Макс вздрогнул от удара. Затем он одним щупальцем отвел оружие в сторону, а остальными — обхватил Баррента. Металлическая петля медленно затягивалась. Баррент почувствовал, что теряет сознание. У него хватило времени, чтобы подумать, задушит его петля или сломает ему шею.

Вдруг давление исчезло. Машина отступила на несколько футов назад. Баррент увидел первые лучи серого рассвета.

Он пережил Охоту. Наступил рассвет, и машина больше не имела права убить Баррента. Но уйти она ему не позволяла.

Пока не пришли Охотники, машина не выпускала Баррента из узкой щели между скал.

Охотники отвели Баррента назад в Тетрахиду, где, дико аплодируя, толпа встретила его как героя. После двухчасовой процессии Баррент и четверо других уцелевших были приняты в кабинете Комиссии по Наградам. Председатель произнес краткую и трогательную речь о ловкости и смелости, продемонстрированными каждым уцелевшим на Охоте. Он присвоил каждому из них статус Хаджи и вручил им крошечные золотые серьги, свидетельство их статуса.

В конце церемонии Председатель пожелал каждому из новых Хаджи легкой смерти на Играх.

Глава 18

В сопровождении охранников Баррент вышел из кабинета Комиссии по Наградам. Его провели мимо карцеров, скрытых в подземельях Арены, и заперли в камеру. Охранники велели ему запастись терпением — Игры уже начались, и его очередь скоро придет.

В камеру, рассчитанную на троих заключенных, было набито девять человек. Большинство из них молча сидели на корточках или лежали ничком на грязном полу, погрузившись в апатию и смирившись с приближением смерти. Лишь один из заключенных не пал духом. Когда Баррент вошел, этот смертник протолкался к двери камеры.

— Джо!

Маленький вор на доверии улыбнулся Барренту.

— Печальное место для встречи, Уилл.

— Что с тобой случилось?

— Политика, — ответил Джо, — опасное занятие на Омеге, особенно во время Игр. Я думал, что опасность мне не угрожает, но... — Он пожал плечами. — Сегодня утром меня выбрали участником Игр.

— Есть какой-нибудь шанс выбраться из этого дерьма?

— Шанс есть, — ответил Джо. — Я рассказал о тебе той девушке, так что ее друзья наверняка попытаются что-нибудь сделать. Что же касается меня, то я ожидаю отмены приговора.

— Разве это возможно?

— Возможно все. Лучше, однако, особо не надеяться.

— Что представляют собой Игры? — спросил Баррент.

— Они — именно то, чего ты от них ждешь, — ответил Джо. — Схватки один на один между людьми, сражение людей с различными видами омегеанской флоры и фауны, дуэли на иглолучевых и тепловых пистолетах. Мне говорили, что это копия древнего земного праздника.

— А если кто-то уцелеет, — закончил за него Баррент, — то он окажется за пределами Закона.

— Именно так.

— Но что это значит, быть за пределами Закона?

— Не знаю, — задумчиво проговорил Джо. — Об этом, кажется, толком никто не знает. Я смог только выяснить, что выживших забирает Черный. Считается, что это — не самое приятное.

— Догадываюсь. На Омеге очень мало самого приятного.

— Омега — неплохое место, — возразил Джо. — Просто у тебя нет надлежащего духа.

Их разговор был прерван прибывшим подразделением охраны. Пришло время выйти на Арену и для обитателей камеры Баррента.

— Никакой отмены приговора, — заметил Баррент.

— Ну, видать, судьба такая, — философски рассудил Джо.

Под сильной охраной участников Игр вывели из камеры и выстроили у железной двери, отделявшей камерный блок от главной Арены. Как раз перед тем, как капитан охранников открыл дверь, из бокового коридора выскочил толстый, хорошо одетый человек, размахивающий бумагами.

— Что это? — спросил капитан.

— Предписание об обязательстве, — толстяк вручил ему бумагу. — На обратной стороне вы найдете распоряжение о прекращении преследования, — он вытащил из карманов новые документы. — А вот уведомление о банкротстве-переводе, закладе движимого имущества, предписание о доставке арестованного в суд для выяснения обстоятельств и приложение ареста на жалование.

Капитан сдвинул каску на затылок и почесал узкий лоб.

— Никогда не могу понять, о чем вы, адвокаты, толкуете? Что значит вся эта чушь?

— Он освобождается от Игр, — объяснил толстяк, указывая на

Джо.

Капитан взял бумаги, бросил на них озадаченный взгляд и передал адъютанту.

— Ладно, — сказал он. — Забирайте его. И радуйтесь — в старые времена, ничто не могло остановить упорядоченное прохождение Игр.

Победоносно ухмыляясь, Джо прошел через ряды охранников, присоединился к толстому адвокату и спросил у него:

— У вас есть какие-нибудь документы относительно Уилла Баррента?

— Нет, — ответил адвокат. — Его дело в других руках. Боюсь, оно не сможет быть полностью рассмотрено до окончания Игр.

— К тому времени я, вероятно, буду уже покойником, — возразил Баррент.

— Это, могу вас уверить, не помешает подписать надлежащие документы, — с гордостью заявил адвокат. — Мертвый или живой, вы сохраните свои права.

— Ладно, пошли, — скомандовал капитан.

— Удачи, — крикнул вслед Джо. А затем цепочку заключенных провели через железную дверь на Арену, залитую ослепительным светом.

Баррент выжил в рукопашных схватках, в которых погибла четверть всех заключенных. Затем людей, вооруженных мечами, выставили против смертоносной омегеанской фауны. Среди зверей, с которыми пришлось сражаться участникам Игр, были хинтолит и хинтосцед — чудища с тяжелой, прочной броней и огромными челюстями, в естественных условиях обитавшие в пустынном районе далеко к югу от Тетрахиды. Пятнадцать человек спустя эти звери были убиты. Баррента поставили против саунуса — летучей черной рептилии с Западных гор. Какое-то время уродливая тварь здорово наседала на него, но Баррент все-таки нашел решение. Он прекратил попытки проткнуть кожаную шкуру саунуса и принялся методично перерубать широкий веер хвостовых перьев. Когда Барренту удалось заметно ощипать хвост этой летучей бестии, то ее полетное равновесие заметно нарушилось. Рептилия со всей силы врезалась в высокую стену, отделявшую бойцов от зрителей, так что Барренту оказалось весьма нетрудно нанести решающий удар в

единственный огромный глаз саунуса. Полные энтузиазма зрители, целиком заполнившие трибуны Арены, устроили Барренту продолжительную овацию...

Баррент вернулся обратно в резервный загон и стал наблюдать, как другие заключенные боролись с трихомотредами — невероятно проворными маленькими тварями размером с крысу и с норовом бешеной росомахи. На схватки с трихомотредами было потрачено пять партий заключенных. После короткой интерлюдии — рукопашных схваток между людьми — Арена снова очистилась.

Затем на ней появились, неуклюже топая, криатины — весьма флегматичные амфибии, полностью защищенные твердым панцирем в несколько дюймов толщиной. Их тонкие кнутовидные хвосты, служившие также антеннами, были смертельно опасны для любого человека, рискнувшего приблизиться к криатину.

Барренту пришлось драться с одним из этих чудовищ после того, как оно отправило на тот свет четырех его товарищей по несчастью.

Он внимательно следил за предыдущими схватками и заметил, что у криатина есть одно-единственное место, куда не могла дотянуться антенна. Когда Баррента выпустили на Арену, он сразу же прыгнул прямо в центр широкой спины криатина.

Панцирь раскололся надвое и превратился в жадную гигантскую пасть — криатины питались именно таким образом. Баррент не медля ни секунды, вогнал в отверстие свой меч, и криатин испустил дух с доставляющей удовольствие быстротой. Толпа выразила свое одобрение, засыпав Арену подушками.

Баррент остался стоять в гордом одиночестве на залитой кровью Арене. Он ждал, гадая, какого же следующего противника выберет ему Комиссия по Играм.

Сквозь песок пробился один побег, затем другой. Через несколько секунд на Арене уже росло невысокое толстое дерево, выпускающее все новые корни и побеги и втягивающее любую плоть, живую или мертвую, в пять маленьких ртов, которые окружали основание ствола. Это было хищное дерево, растущее в северо-восточных болотах и с большим трудом доставленное на Игры. Говорили, что оно уязвимо для огня, но его-то у Баррента и не было.

Взявшись за меч обеими руками, он обкорнал побеги, но на их

месте сразу же выросли другие. Баррент работал с бешеной скоростью, стараясь не дать побегам окружить себя. Руки его начали уставать, а дерево регенерировало гораздо быстрее, чем мог его обрезать Баррент. Казалось, уничтожить дерево было невозможно.

Единственная надежда Баррента заключалась в том, что дерево двигалось значительно медленнее, чем он. Побеги были достаточно проворными, но не шли ни в какое сравнение с человеческой мускулатурой. Баррент вынырнул из угла, в который его загнали ползучие побеги. В двадцати ярдах от него лежал чей-то меч, полузасыпанный песком. Баррент добрался до него, но услышал предупреждающий крик толпы и почувствовал, как ветка дерева оплетает его голени. Баррент рубанул по ветке, но вокруг его пояса уже обвились другие. Он уперся ногами в песок и клацнул мечами друг о друга, пытаясь высечь искру.

После первой же попытки меч в правой руке сломался пополам.

Баррент подобрал половинки и продолжил свои попытки, в то время как побеги подтаскивали его все ближе и ближе к ненасытным ртам. Из звенящей стали вылетел сноп искр. Одна из них коснулась побега.

С невероятной быстротой побег охватило пламя. Пламя побежало по ветке к главному стволу дерева. Пять ртов застонали, когда к ним метнулся огонь.

Если бы все шло своим чередом, то Баррент сгорел бы заживо, ибо Арена была почти переполнена жарко горящими побегами. Но пламя грозило перекинуться на деревянные стены Арены, и подразделение охранников бросилось тушить огонь, спасая и Баррента, и зрителей.

Шатаясь от истощения, Баррент стоял в центре Арены, гадая, с чем еще ему предстоит бороться, но ничего не происходило. Через минуту из Президентской ложи был подан знак, и толпа разразилась громом аплодисментов.

Игры закончились.

Баррент выжил.

И все же никто не покидал своих мест. Зрители жаждали увидеть окончательное избавление Баррента, который вышел за пределы Закона.

Он услышал благоговейное аханье толпы. Быстро обернувшись,

Баррент увидел появившуюся посреди Арены огненную точку. Она набухала, выбрасывая лучи света и вновь собирая их. Она быстро росла и скоро настолько увеличилась, что свет ее стал нестерпимо ярким для глаз. И тогда Баррент вспомнил, что говорил ему дядя Ингмар: «И Черный иногда вознаграждает нас, появляясь перед нами в ужасающей красоте своей огненной плоти. Да, племянник, мне действительно выпала честь видеть его. Два года назад он появился перед закрытием Игр, и год назад тоже...»

Точка превратилась в красно-желтый шар примерно двадцати футов в диаметре, едва не касавшийся песка. Затем шар в центре начал утончаться, образовался перешеек, и верхняя половина шара потемнела, став непроницаемо черной. Теперь было уже два шара — один яркий, другой темный, — соединенных между собой узким перешейком. Потом темный шар удлинился, и перед людьми предстала незабываемая рогатая фигура Черного.

Баррент попытался убежать, но огромная черноголовая фигура метнулась вперед и поглотила его. Он попал в ослепительный вихрь излучения, темный сверху и снизу. А в центре свет выжигал ему мозги. Баррент попытался закричать, а затем потерял сознание.

Глава 19

Когда Баррент пришел в себя, он лежал в постели в плохо освещенной комнате с высоким потолком. Возле его постели громко спорили два человека.

— У нас больше нет времени ждать, — говорил мужчина. — Ты не понимаешь, насколько опасно складывается ситуация.

— Доктор считает, что ему нужно, по меньшей мере, еще три дня отдыха, — возразила женщина. Баррент почти сразу же узнал голос Мойры.

— Три дня у него есть.

— Нам еще потребуется время, чтобы его индоктринировать.

— Ты говорила мне, что он не без способностей. А индоктринирование не должно занять много времени.

— Оно может занять недели.

— У нас нет столько времени. Корабль приземлится через шесть дней.

— Эйлан, — предупредила Мойра. — Ты слишком торопишься. Но нам не удастся сейчас провернуть это дело. К следующему Дню Высадки мы будем подготовлены намного лучше...

— К тому времени ситуация полностью выйдет из-под контроля, — ответил мужчина. — Сожалею, Мойра, но нам придется или использовать Баррента немедленно, или вовсе отказаться от его услуг.

Баррент решил вмешаться в разговор.

— Для чего вы собираетесь меня использовать? Где я нахожусь? И кто вы такие?

Мужчина повернулся лицом к постели. В слабом свете Баррент разглядел высокого худого старика с пушистыми усами.

— Рад, что вы очнулись, — сказал старик. — Меня зовут Свен Эйлан. Я командую Второй Группой.

— Что за Вторая Группа? — спросил Баррент. — Как вы вытащили меня с Арены? Вы агенты Черного?

Эйлан усмехнулся.

— Не совсем агенты. Скоро мы вам все объясним. Но для начала, я думаю, вам стоит что-нибудь поесть и выпить.

Медсестра принесла поднос. Пока Баррент ел, Эйлан пододвинул к кровати стул и стал рассказывать о Черном.

— Наша группа отнюдь не претендует на лавры основоположников религии Зла. Похоже, поклонение Злу началось на Омеге совершенно спонтанно. Но раз такая религия уже существовала, мы ею при случае пользовались. Священники проявили замечательную склонность к сотрудничеству. В конце концов поклонники Зла признавали за коррупцией большую положительную ценность. Следовательно, на взгляд омегеанского священника, явление фальшивого Черного — вовсе не богохульство. Как раз напротив, ибо в ортодоксальном поклонении Злу большое значение придается ложным образам — особенно, если это крупные, огненные, впечатляющие образы вроде того, который спас вас с Арены.

— Как вы его создали? — поинтересовался Баррент.

— Это связано с трением поверхностей и плоскостей силы, — ответил Эйлан. — За детальными объяснениями вам лучше обратиться к инженерам.

— Но почему вы спасли меня? — спросил Баррент.

Эйлан взглянул на Мойру, которая пожала плечами.

Явно испытывая неловкость, Эйлан сказал:

— Мы хотели бы поручить вам очень важное дело. Но прежде, чем я расскажу о нем, я думаю, вам следует кое-что узнать о нашей организации. Вас, разумеется, не может не интересовать, кто мы такие.

— И весьма интересует, — подтвердил Баррент. — Вы своего рода преступная элита?

— Мы — элита, — согласился Эйлан, — но отнюдь не преступная. На Омегу высылают два совершенно различных типа людей. Есть настоящие преступники, виновные в убийствах, поджогах, вооруженных грабежах и тому подобном. В их обществе вы и жили. Но есть люди, чье единственное преступление состояло в политической неблагонадежности, научной неортодоксальности или нерелигиозном мировоззрении. Эти люди, заметно отклонявшиеся от общепринятых догм и норм поведения земного общества, и составляют нашу организацию. Мы называем себя Второй Группой — чтобы хоть как-то отделить себя от настоящих преступников. О нашем прошлом мы почти ничего не помним, и поэтому о многом можем только догадываться. Судя по всему, на Земле мы были нонконформистами, чье мнение зачастую расходилось с мнением большинства. И, вероятно, своей непредсказуемостью мы представляли определенную опасность для земного общества в целом, и для власть предержащих в особенности. Поэтому-то нас и депортировали на Омегу.

— И здесь вы отделились от других депортированных, — заключил Баррент.

— Да, мы вынуждены были это сделать. Преступники из Первой Группы почти не поддаются управлению. Но, с другой стороны, влиться в их общество и допустить, чтобы нами правили преступники, — нет, этого мы не могли себе позволить. Кроме того, мы поставили перед собой задачу, для выполнения которой необходимо было соблюдать полнейшую тайну. Мы не имели ни малейшего представления о том, какие устройства применяют сторожевые звездолеты для слежения за поверхностью Омеги. И ради соблюдения секретности мы ушли в подполье — в буквальном

смысле этого слова. Комната, в которой вы сейчас находитесь, расположена примерно в двухстах футах под поверхностью Омеги. Обычно мы не вступаем в контакт с представителями Первой Группы, И только специальные агенты, вроде Мойры, действуют на поверхности Омеги, отделяя полит- и соцзаключенных, которым место во Второй Группе, от прочих других преступников.

— Меня вы не отделили, — заметил Баррент.

— Конечно, нет. Вы были якобы виновны в убийстве и, следовательно, относились к Первой Группе. Тем не менее, мы считали, что из вас может выйти толк, поэтому время от времени вам помогали. Мы не имели права принять вас в Группу прежде, чем узнаем, что вы из себя представляете. Ваше заявление, что вы были осуждены за убийство, которое не совершали, свидетельствовало в вашу пользу. Мы тоже побеседовали с Иллиарди — уже после того, как вы его обнаружили. У нас не было никаких причин сомневаться, что он совершил убийство, в котором обвиняли вас. Но важнее всего оказалась ваша чрезвычайно высокая способность к выживанию, которая прошла наилучшую проверку во время Охоты и Игр. Мы сильно нуждаемся в человеке с вашими способностями.

— А в чем именно заключается ваша работа? — спросил Баррент. — Чего вы хотите достичь?

— Мы хотим вернуться на Землю, — сказал Эйлан.

— Но это же невозможно.

— Мы так не думаем, — возразил Эйлан. — Мы внимательно изучили этот вопрос. Мы считаем, что, несмотря на сторожевые корабли, вернуться на Землю можно. Через шесть дней мы это выясним наверняка; именно тогда мы совершим прорыв.

— Лучше было бы подождать еще шесть месяцев, — снова повторила Мойра.

— Ждать невозможно. Шесть месяцев задержки стали бы для нас фатальными. У каждого общества есть своя цель, а преступное население Омеги нацелено на собственное уничтожение. Вы, Баррент, похоже, удивлены. Разве вы этого не замечали?

— Я никогда даже не задумывался об этом, — признался Баррент. — В конце концов я был таким же преступником, как и другие.

— И все же, это самоочевидно, — заявил Эйлан. — Возьмите учреждения — все сосредоточены вокруг узаконенного убийства.

Праздники — предлог для массовых убийств. Даже закон, который должен придавать убийствам видимость цивилизованности, начинает трещать по швам. Население живет почти что на грани хаоса. И, вполне естественно, больше никто не может чувствовать себя в безопасности. Единственный способ жить — это убивать. Единственный способ повысить свой статус — это убивать. Единственное безопасное дело — это убивать. Убивать и убивать — все больше и больше, все быстрей и быстрей.

— Вы преувеличиваете, — возразила Мойра.

— Не думаю. Я понимаю, создается впечатление, будто в учреждениях Омеги есть некоторое постоянство, определенный консерватизм, присущий даже убийству. Но это иллюзия! У меня нет ни малейших сомнений, что все умирающие общества создавали некую иллюзию стабильности — вплоть до самого конца. Ну, а конец омегеанского общества наступит скоро.

— Как скоро? — спросил Баррент.

— Точка взрыва будет достигнута примерно через четыре месяца, — сказал Эйлан. — Единственный способ предотвратить социальный катаклизм — это дать обществу новое направление, новую цель.

— Земля, — догадался Баррент.

— Именно. Вот почему попытка должна быть предпринята немедленно.

— Ну, я в этом мало разбираюсь, — сказал Баррент. — Но я буду с вами. Я с радостью приму участие в любой экспедиции.

— Полагаю, я выразился недостаточно ясно, — виновато сказал Эйлан. — Экспедицией предстоит быть вам, Баррент. Вам и только вам... Простите меня, если я вас ошеломил.

Глава 20

По словам Эйлана, у Второй Группы имелся, по крайней мере, один серьезный недостаток: большая часть людей, входивших в нее, давно уже миновала расцвет своих физических сил. Конечно, в Группе были и молодые члены, но они почти не имели дела с преступным сообществом Омеги, и поэтому не привыкли полагаться только на самих себя. В подполье они находились в полной

безопасности и поэтому совершенно не знали, что это такое — в гневе стрелять из лучемета; бежать, спасая свою жизнь; решительно действовать в ситуации, когда «пан или пропал». Эти молодые люди были храбрыми, но совершенно необстрелянными — как в прямом смысле слова, так и в переносном. Они бы охотно предприняли экспедицию на Землю, но наверняка бы ее провалили. Иное дело Баррент.

— И вы думаете, что у меня есть шанс? — осведомился Баррент.

— Думаю, что да. Вы человек молодой, сильный, достаточно разумный и крайне изобретательный. У вас высокий коэффициент выживаемости. Если кто-то и сможет добиться успеха, то, я считаю, только вы.

— Почему только один человек?

— Потому что нет смысла посылать целую группу. Чем больше людей, тем выше вероятность, что их обнаружат. А используя только одного человека, мы добиваемся максимума безопасности. Если вы преуспеете, мы получим ценную информацию о природе врага. Если же вы провалитесь и вас схватят, то будут считать, что действовал безумец-одиночка, а не группа заговорщиков. И у нас сохранится возможность поднять восстание, используя Омегу, как свою базу.

— Как вы собираетесь организовать мое возвращение на Землю? — спросил Баррент. — У вас где-то припрятан звездолет?

— К сожалению, нет. Мы планируем отправить вас на Землю на борту следующего тюремного корабля.

— Это невозможно!

— Вовсе нет. Мы тщательно изучаем все посадки звездолетов на Омегу. Они всегда проходят по одному и тому же сценарию. Заключенных выводят в сопровождении охранников. Пока они находятся на площади, сам корабль не защищен, хотя и окружен неплотным кольцом охранников. Чтобы дать вам возможность пробраться на борт, мы устроим беспорядки. Это надолго отвлечет охранников.

— Даже если мне повезет, и я попаду в звездолет, то меня схватят, как только охранники вернутся на борт.

— Навряд ли, — уверенно сказал Эйлан. — Тюремный корабль — большая штучка, в нем найдется множество мест, где можно спрятаться. И не забывайте про фактор неожиданности. Он тоже

будет вам на руку. Это, скорее всего, первая за всю историю Омеги попытка бегства.

— А когда корабль достигнет Земли?

— Вы замаскируетесь под члена экипажа корабля, — сказал Эйлан. — Помните, неизбежная неэффективность огромной бюрократической машины будет работать на вас.

— Надеюсь, что так, — сказал Баррент. — Ладно, предположим, я спокойно доберусь до Земли и получу там информацию. Как я передам ее вам?

— Вы отправите ее следующим тюремным кораблем, — сообщил ему Эйлан. — Мы собираемся его захватить.

Баррент устало потер лоб.

— Откуда у вас такая уверенность в успехе моей миссии и вашего восстания? Ведь против нас будут брошены все силы землян...

— Нам приходится идти на риск, — вздохнул Эйлан. — Я согласен, что преимущество, увы, не на нашей стороне. Но у нас почти нет выбора — либо мы выступим против Земли, либо погибнем, погрузившись в кровавую бойню вместе с остальными жителями Омеги, так и не попытавшись одолеть Землю.

Мойра кивнула, подтверждая его слова.

— Но наши шансы не так уж малы, как может показаться на первый взгляд. У нас есть дополнительные возможности, о которых почти никто не подозревает. Правительство Земли явно тоталитарное. А, следовательно, на Земле должны существовать подпольные группы сопротивления. Вы, возможно, сумеете вступить с ними в контакт. Бунт и здесь, и на Земле даст правительству материал для размышления.

— Может быть, — допустил Баррент.

— Мы должны надеяться на лучшее, — вздохнул Эйлан. — Вы с нами?

— Разумеется, — заверил его Баррент. — Я предпочитаю умереть на Земле, а не на Омеге.

— Тюремный корабль приземлится через шесть дней, — сообщил Эйлан. — До этого времени вы получите все имеющиеся у нас данные о Земле. Некоторые из них мы получили, реконструируя воспоминания различных людей, другие для нас наскренировали мутанты, а остальное — наши логические построения и домыслы. Я

думаю, вы получите более или менее достоверную картину того, что сейчас творится на Земле.

— Когда мы начнем? — спросил Баррент.

— Прямо сейчас, — ответил Эйлан.

Баррент получил общие сведения по физическому облику Земли, ее климату и главным центрам народонаселения. Затем, его направили к полковнику Брею, бывшему сотруднику, штаба Глубокого Космоса Земли. Экстраполируя данные о числе сторожевых кораблей вокруг Омеги и их вероятном техническом оснащении, Брей высказал некоторые предположения о размерах вооруженных сил всей Земли, об их делении на сухопутные, морские и космические войска, о вероятном уровне их эффективности. Его помощник, капитан Карелл прочитал Барренту лекцию по специальному вооружению — о его предполагаемых видах и вероятной дальнобойности, а также о доступности к нему основного населения Земли. Другой помощник, лейтенант Дауд, рассказал о защитных устройствах, их вероятном местонахождении и о том, как х избегать.

Затем Баррент вернулся обратно к Эйлану, который занялся с ним политическими вопросами. От него Баррент узнал о диктаторских — по мнению, сложившемуся во Второй Группе, — порядках на Земле, об их специфических сильных и слабых сторонах, о роли тайной полиции, об использовании террора, о проблеме осведомителей...

Когда Эйлан покончил с политическим просвещением, Баррент перешел к маленькому человечку с крохотными, как бусинки, глазами, который прочитал ему лекцию о земной системе уничтожения памяти. А затем, опираясь на данные о том, что правительство Земли для борьбы с оппозицией регулярно практиковало стирание памяти у диссидентов, человечек высказал предположение о вероятном строении подпольного движения Земли. Кроме того, человечек дал Барренту несколько ценных советов о том, как вступить в контакт с подпольщиками.

Напоследок Баррент узнал, каким образом он попадет на борт тюремного звездолета.

Когда, наконец, пришел День Высадки, Баррент испытал облегчение. Бесконечные лекции уже сидели у него в печенках. Ему

хотелось действовать, а не просиживать штаны за партой.

Глава 21

Баррент наблюдал, как огромный тюремный корабль маневрирует и бесшумно опускается на Омегу. Звездолет — осязаемое доказательство длинных рук и могучей хватки Земли — тускло отсвечивал в лучах полуденного солнца. Открылся люк. Колонна заключенных, сопровождаемая конвоирами, медленно спустилась по трапу и промаршировала на площадь.

Как обычно, множество жителей Тетрахиды уже собрались на площади, чтобы поглазеть на церемонию высадки и поприветствовать новую партию заключенных. Баррент протолкался сквозь толпу и стал в первых рядах зрителей, сразу же за охранниками. Он коснулся рукой кармана, чтобы проверить, на месте ли иглолучевой пистолет, изготовленный фабрикаторами Второй Группы специально для Баррента. Пистолет был целиком пластмассовый, и ни один металлодетектор не смог бы его обнаружить. Остальные карманы Баррента были набиты различным снаряжением, которым, он надеялся, никогда не придется воспользоваться.

Голос из громкоговорителя называл имена заключенных. Все шло, как обычно. Баррент слушал, слегка согнув колени, дожидаясь начала беспорядков.

Список заключенных подходил к концу. Осталось назвать только десять имен. Баррент осторожно протолкался вперед… Осталось четыре имени, три…

Когда было названо имя последнему заключенному, началась заваруха. Бледно-голубое небо заволокло черное облако дыма, и Баррент понял, что Группа устроила пожар в пустых бараках на площади А-2. Он продолжал ждать.

И дождался. Раздался оглушительный взрыв, и мощная ударная волна пронеслась сквозь два ряда пустых зданий. Обломки еще не успели упасть на землю, а Баррент уже бежал к кораблю.

А когда раздались второй и третий взрывы, Баррент уже стоял рядом со звездолетом. Быстро сорвав с себя одежду омегеанина, под которой был скрыт мундир охранника, Баррент подскочил к трапу.

Голос из громкоговорителя призвал к порядку. Среди охранников все еще царило полнейшее замешательство.

Четвертый взрыв швырнул Баррента на землю. Баррент мгновенно вскочил на ноги и, промчавшись вверх по трапу, оказался внутри звездолета. Снаружи донесся голос капитана, выкрикивающего команды. Охранники начали строиться в колонны, держа оружие наизготовку. Затем они начали отступать к кораблю.

У Баррента больше не было времени прислушиваться к происходящему. Он повернулся направо и по длинному узкому коридору помчался к носу корабля. Далеко позади себя он слышал тяжелую, мерную поступь охранников.

Теперь, подумал он, было бы совсем неплохо, если бы моя информация о корабле оказалась правильной — иначе эта экспедиция закончится, не успев начаться.

Он прошмыгнул мимо нескольких рядов пустых камер и побежал к двери, на которой было написано: «КОМНАТА СБОРА ОХРАНЫ». Над дверью горела лампочка, показывающая, что система вентиляции работает. Баррент прошел дальше и остановился у другой двери. Он попытался ее открыть и обнаружил, что она не заперта. Помещение за ней было доверху забито запасными частями для двигателей. Он вошел внутрь и запер за собой дверь.

Охранники промаршировали дальше по коридору. Баррент слышал, как они разговаривали между собой:

— Как ты думаешь, из-за чего начались эти взрывы?

— Кто их знает? Эти заключенные все до единого сумасшедшие.

— Они взорвали бы всю планету, будь их воля.

— Хорошо бы...

— Ну, эти взрывы не причинили особого вреда. А помнишь тот взрыв лет пятнадцать назад?

— Я тогда здесь не служил.

— Ну, тогда было похуже. Погибли двое охранников, и, наверное, с сотню заключенных.

— А зачем они устроили тот взрыв?

— Не знаю. Омегеане просто наслаждаются, взрывая все на свете.

— Так и глазом моргнуть не успеешь, как они попытаются

взорвать нас.

— У них нет ни одного шанса — ведь в небе сторожевые корабли.

— Ты так думаешь! Ну, а я буду рад вернуться на контрольный пункт.

— Верно говоришь. Будет совсем неплохо сойти с корабля и немного пожить по-человечески.

— На контрольном пункте жить неплохо, но я предпочел бы вернуться на Землю.

— Ну, нельзя же иметь все.

Последний из охранников зашел в комнату сбора и наглухо закрыл дверь. Баррент ждал. Через некоторое время он почувствовал, что корабль вибрирует. Начался взлет.

Итак, Баррент узнал кое-что ценное. Очевидно, все или, по крайней мере, большинство охранников высаживаются на контрольном пункте. Означает ли это, что на борт корабля поднимается новое подразделение охранников? Вероятно. А остановка на контрольном пункте, судя по всему, подразумевала тщательную проверку корабля — не прячется ли где беглый заключенный. Скорее всего, это будет весьма поверхностный обыск, ведь за всю историю Омеги с нее не сбежал ни один заключенный. Тем не менее, проблема досмотра существовала, и Барренту еще предстояло найти способ, как ее разрешить.

Но этим он собирался заняться позже, когда придет время швартоваться у контрольного пункта. А сейчас... Вибрация стихла, и Баррент понял, что корабль покинул поверхность Омеги. Он был на борту звездолета, а звездолет направлялся к Земле.

Следующие несколько часов Баррент провел на складе. Он очень устал, у него начали болеть суставы. Воздух в тесном помещении был спертым, с примесью угарного газа. Заставив себя подняться на ноги, Баррент подошел к вентиляционному отверстию и приложил к нему ладонь. Ни малейшего дуновения воздуха. Баррент достал из кармана миниатюрный датчик. Содержание кислорода в помещении резко падало.

Он осторожно приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Баррент прекрасно понимал, что, даже одетый в точную копию мундира охранника, он не сможет обмануть людей, которые знали друг друга в лицо. Он не должен показываться им на глаза. И одновременно он

должен найти помещение, куда подается свежий воздух.

В коридоре никого не было. Баррент крадучись прошел мимо комнаты охранников, из которой доносились тихие голоса. Над дверью ярко горела зеленая лампочка. Баррент начал испытывать первые признаки головокружения. Его датчик показал, что содержание кислорода начало понижаться.

Вторая Группа исходила из того, что вентиляционная система будет действовать по всему кораблю. Но теперь Баррент знал, что большая часть вентиляционной системы отключается, когда на борту звездолета остаются только охранники и члены экипажа. Свежий воздух подавался только на небольшие обитаемые острова — в караульную и сектор экипажа. И больше никуда.

Баррент заспешил дальше по тусклым безмолвным, коридорам, ловя воздух широко открытым ртом. Воздух быстро ухудшался. Наверное, его сначала использовали в караульной, а затем уже подавали в остальные помещения корабля.

Баррент шел мимо множества незапертых дверей, но зеленые лампочки над ними не горели. Кровь стучала у него в висках, а подгибающиеся ноги, казалось, были сделаны из ваты. Баррент попытался сообразить, в какую часть корабля ему лучше всего направиться.

Судя по всему, ему стоило бы пойти в сектор экипажа. Члены экипажа, возможно, не были вооружены. Но, даже если Баррент ошибался в своих расчетах и у них оружие найдется, то они все-таки менее готовы к неприятным сюрпризам, чем охранники. Вполне вероятно, он смог бы, угрожая пистолетом кому-нибудь из офицеров, захватить управление кораблем.

Во всяком случае, стоило попытаться. Нет, приходилось пытаться.

В конце коридора Баррент обнаружил лестницу. Поднявшись мимо дюжины безлюдных палуб, он, наконец, добрался до выведенной по трафарету надписи на одной из стен. Она гласила: «СЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ».

Стрелка указывала дорогу.

Баррент вытащил из кармана пластиковый иглолучевой пистолет и, шатаясь, двинулся по коридору. У Баррента начало меркнуть сознание. Перед глазами повисали и рассеивались черные

тени. У него начались галлюцинации, появились какие-то странные вспышки ужаса, когда ему казалось, что на него падают металлические стены коридора.

Когда Баррент несколько пришел в себя, то обнаружил, что ползет на четвереньках к двери с надписью «РУБКА УПРАВЛЕНИЯ — вход разрешен только офицерам корабля».

В коридоре, казалось, висел серый туман. Когда он на мгновенье прояснился, Баррент понял, что это вовсе не туман — просто Баррент не мог сфокусировать свой взгляд.

Баррент с трудом заставил себя встать на ноги и повернул дверную ручку. Дверь начала открываться. Крепко сжав пистолет, Баррент приготовился действовать.

Но, когда дверь распахнулась, Баррент погрузился во тьму. Ему показалось, что он видит пораженные лица и слышит чей-то крик: «Смотрите, он вооружен!»

А затем тьма сомкнулась вокруг него, и Баррент начал свое бесконечное падение в бездонную пропасть рубки управления.

Глава 22

Сознание рывком вернулось к Барренту. Он сел и понял, что, лишившись чувств, грохнулся прямо на пол рубки управления. Баррент, с удовольствием вдыхая свежий воздух, осмотрелся по сторонам. Кто-то закрыл за ним металлическую дверь рубки, но никого из экипажа звездолета Баррент не увидел. Видимо, все пошли за охранниками, считая, что он еще долго проваляется без сознания.

Он с трудом поднялся на ноги, инстинктивно подобрав с пола свой иглолучевой пистолет. Баррент внимательно осмотрел оружие, а затем, нахмурившись, сунул его в карман. «Почему меня оставили одного в рубке, этой важнейшей части корабля? — не мог понять Баррент. — И почему меня не разоружили?»

Он попытался вспомнить лица, которые увидел перед тем, как потерять сознание. Какие-то смутные фигуры с неотчетливыми голосами — как во сне. А вообще, были ли здесь люди?

Чем больше он размышлял об этом, тем больше ему казалось, что ему все померещилось, когда он терял сознание. Здесь, в

нервном центре корабля, никого — кроме Баррента — не было.

Он подошел к центральному пульту управления, разделенному на десять секций. Каждая секция была усеяна множеством выключателей, реле, реостатов, рычажков и каких-то приборов, индикаторы которых показывали совершенно загадочные цифры.

Баррент медленно прошел вдоль пульта, наблюдая за причудливым узором вспыхивающих лампочек. Последняя секция, судя по всему, управляла всем пультом. Под надписью «Координация» находилось небольшое табло, разделенное на две части — «Ручной режим» и «Автоматический режим». Под второй надписью горела лампочка. Баррент нашел такое же табло для управления навигацией, обзором, входом в подпространство и выходом из него, приземлением... Все они были включены на автоматический режим. В боковой части пульта находились клавиатура компьютера и часы, отсчитывающие ход полета в часах, минутах и секундах. До контрольного пункта звездолету оставалось лететь 29 часов, 4 минуты, 51 секунду. Время остановки — три часа. Время полета от контрольного пункта до Земли — 480 часов.

Пульт управления зажигал сигналы и гудел сам по себе, безмятежный и саморегулирующийся. Баррент не мог не ощутить, что присутствие человека в этом храме Машины было святотатством.

Он проверил воздуховоды. Они автоматически подавали ровно столько воздуха, сколько требовалось для жизнедеятельности единственного здесь человеческого существа, совершенно никчемного в этом машинном царстве.

Но где же был экипаж? Баррент понимал, что такая сложная система, как звездолет, по большей части должна управляться автоматами. Но построили-то корабль люди, и они же создали программы для автоматов. Так почему же здесь не было людей, чтобы следить за работой автоматов и при необходимости изменять программы? Что, если охранникам понадобится задержаться на Омеге? Что, если придется обойти стороной контрольный пункт и вернуться прямо на Землю? Что, если неожиданно потребуется лететь совсем в другое место? Что тогда? И кто менял программы, кто отдавал команды, кто?..

Баррент тщательно обследовал рубку управления и нашел ящик,

где хранились портативные кислородные маски. Проверив одну из масок, Баррент надел ее и вышел в коридор.

После долгой прогулки он добрался до двери с надписью: «КУБРИК ЭКИПАЖА». Внутри было чисто и совершенно пусто — только аккуратные ряды голых коек. В шкафах Баррент не нашел ни одежды, ни каких-либо личных вещей членов экипажа. Баррент вышел из кубрика и проверил каюты офицеров и капитана — то же самое.

Баррент вернулся в рубку. У него не осталось ни малейших сомнений в том, что на корабле никакого экипажа не было. Вероятно, земляне были полностью уверены и в соблюдении графика полета, и в надежности самого корабля. Наверное...

Но Барренту такая уверенность казалась весьма опрометчивой. Он никак не мог понять землян, позволяющих звездолетам летать без всякого контроля со стороны человека.

Дальнейшие размышления на эту тему Баррент решил отложить до лучших времен. Сейчас его больше волновало, как ему выжить на корабле, лишенном экипажа.

Он захватил с собой достаточный запас пищевых концентратов, но что делать, если на звездолете не окажется воды? Кроме того, ему нельзя забывать о подразделении охранников, летящих вместе с ним. А еще он должен заранее обдумать, с какими опасностями для него связана остановка на контрольном пункте, и что ему стоит предпринять...

Баррент обнаружил, что ему-таки не придется воспользоваться собственными запасами продовольствия. Автоматы в офицерской кают-компании выдавали еду и напитки, стоило лишь нажать кнопку. Баррент не знал, готовилась ли пища из натуральных продуктов или синтезировалась химическим путем. Она была достаточно вкусной и сытной, так что проблема ее происхождения мало его интересовала.

Он обследовал часть верхних палуб звездолета, но несколько раз заблудившись, решил больше понапрасну не рисковать. Жизненным центром корабля была рубка, и Барренту еще предстояло разобраться в назначении множества ее механизмов.

Через некоторое время он обнаружил иллюминатор. Защитный ставень скользнул в сторону, и перед Баррентом открылось

величественное зрелище: пылающие звезды в черной бесконечности Космоса. Баррента охватила гордость — он был здесь, среди звезд.

До контрольного пункта оставалось шесть часов лета. Баррент с интересом следил, как оживают доселе не работавшие механизмы, готовя корабль к посадке. Когда до нее оставалось три с половиной часа, Баррент сделал интересное открытие. Он нашел центральную систему связи корабля. Включив прием, он смог услышать, о чем говорят в караулке.

Из этих разговоров он узнал кое-что полезное для себя. Либо из осторожности, либо из-за отсутствия интереса охранники совершенно не касались политики. Как понял Баррент, они не только служили на контрольном пункте, но и жили там по многу лет, лишь изредка покидая его, чтобы сопроводить на Омегу заключенных. Баррент понимал не все, что они говорили, но он завороженно продолжал слушать, с жадностью вылавливая все, что касалось Земли.

— Ты когда-нибудь купался во Флориде?

— Не люблю соленую воду.

— За год до того, как меня призвали в Охрану, я выиграл третий приз на Дейтонской Ярмарке Орхидей.

— Я покупаю виллу в Антарктиде, чтобы жить там, когда уйду в отставку.

— Сколько тебе еще осталось?

— Восемнадцать лет.

— ...Ну, кто-то должен этим заниматься.

— Но почему я? И почему никаких побывок на Земле?

— Ты смотрел ленты и знаешь почему. Преступление — это болезнь и притом инфекционная.

— Ну и что?

— Ну и то — если ты работаешь рядом с преступником, то подвергаешься опасности инфекции. Можешь от него заразиться. А потом, в свою очередь, можешь заразить кого-нибудь на Земле.

— Это несправедливо...

— Ничего не поделаешь. Эти ученые знают, о чем говорят. Кроме того, контрольный пункт не так уж и плох.

— Если тебе нравится, когда вокруг все искусственное... воздух,

цветы, пища...

— Ну, нельзя же быть таким привередливым. Твоя семья там?

— Они хотят вернуться на Землю.

— Говорят, что после пяти лет, проведенных на контрольном пункте, ты не сможешь жить на Земле. Влияние гравитации.

— Черт с ней, с гравитацией. Я приспособлюсь. В любое время...

Послушав эти разговоры, Баррент понял, что охранники были такими же людьми, как и заключенные на Омеге. Точно так же им не нравилась их работа, и точно так же они рвались вернуться на Землю.

А тем временем звездолет приблизился к контрольному пункту. Гигантский пульт, расцвеченный множеством огоньков, активно заработал, управляя сложным маневром стыковки.

Наконец маневр был завершен, и двигатели выключились. Баррент слушал, как охранники покидали караульное помещение. Последовательно переключая систему связи с одного коридора на другой, он следил за охранниками до самого трапа. Последний из них, покидая звездолет, со смешком сказал:

— А вон идет инспекционный отряд. Что скажете, ребята?

Ответа не последовало. Охранники убрались с корабля, и в коридорах появился новый звук: тяжелые мерные шаги того, что охранник назвал инспекционным отрядом.

Проверка началась с машинного отделения и методично продвигалась вверх по кораблю. Судя по звукам, проверяющие заглядывали за каждую дверь и обыскивали каждую каюту и шкаф.

Баррент, сжимавший во вспотевшей руке пистолет, гадал, где же спрятаться. Вполне логично было предположить, что смотреть будут везде. В таком случае, единственное, что можно было сделать, — это каким-то образом пробраться в уже проверенную часть корабля.

Баррент натянул на лицо кислородную маску и вышел в коридор.

Глава 23

Полчаса спустя Баррент все еще не придумал, как проскочить мимо инспекционного отряда. Проверяющие уже осмотрели нижние уровни и теперь поднимались на палубу рубки управления.

Барренту было слышно, как они маршируют по коридорам. Он продолжал идти в сотне ярдов впереди них, пытаясь найти какое-нибудь укрытие.

В конце коридора должна была находиться лестница. Но полной уверенности в этом у Баррента не было — он все еще плохо ориентировался на корабле. По лестнице он мог бы спуститься вниз и спрятаться в уже проверенном секторе звездолета. Баррент поспешил вперед, гадая, не ошибся ли он в своих расчетах. Если ошибся, то попадет в западню.

Он дошел до конца коридора, и лестница там была. Шаги у него за спиной приближались. Он кинулся вниз, оглядываясь через плечо.

И с разбегу угодил в чью-то широченную грудь.

Баррент дернулся назад и выхватил пистолет, чтобы сделать несколько дырок в громадной фигуре, неожиданно выросшей перед ним. Но стрелять он не стал. Стоявшее перед ним существо не было человеком.

Оно достигало почти семи футов в высоту и было облачено в черный мундир с выведенной на груди надписью «ИНСПЕКЦИОННАЯ КОМАНДА — АНДРОИД Б-212». Лицо андроида, умело слепленное из пластика цвета замазки, было стилизовано под человеческое, а глаза его горели глубоким темно-красным светом. Покачиваясь на двух ногах и осторожно балансируя на металлических ступенях лестницы, андроид медленно надвигался на Баррента. Тот пятился назад, гадая, сможет ли выстрел из иглолучевого пистолета остановить андроида.

У Баррента так и не появилось возможности выяснить это, потому что андроид прошел мимо и продолжил свой подъем по лестнице. На его спине были выведены слова: «ОТДЕЛ ДЕРАТИЗАЦИИ». Этот конкретный андроид, сообразил Баррент, был запрограммирован искать только крыс и мышей. Присутствие «зайца» не произвело на него никакого впечатления. Надо полагать, другие андроиды были такими же узкоспециализированными.

Баррент отсиживался в пустом складе на нижней палубе, пока не услышал, что андроиды уходят. Тогда он поспешил вернуться в рубку управления. Больше никто на борт звездолета не поднимался, и точно по расписанию корабль покинул контрольный пункт.

Остаток путешествия прошел без происшествий. Баррент спал, ел и, пока корабль не вошел в подпространство, смотрел через иллюминатор бесконечный спектакль звезд. Баррент попытался представить себе планету, на которую летел, но не смог. Что это были за люди, которые построили такие огромные звездолеты, но не смогли (или не захотели) снабдить их экипажами? Почему они посылали настолько узкоспециализированные инспекционные команды? Почему эти люди были вынуждены депортировать значительную часть населения своей планеты, а затем оказывались не в состоянии контролировать условия, в которых ссыльные жили и умирали? Почему было так необходимо начисто стирать у заключенных всякую память о Земле?

Баррент ничего не мог ответить на эти вопросы.

Часы в рубке управления мерно отсчитывали минуты и часы пути; корабль вошел, а затем вышел из подпространства и перешел на тормозную орбиту вокруг зелено-голубой планеты. Баррент смотрел на нее со смешанными чувствами. Он никак не мог поверить, что наконец-то вернулся на Землю.

Глава 24

Звездолет совершил посадку где-то на Северо-Американском континенте Земли. Стоял яркий солнечный день. Баррент собирался дождаться темноты, прежде чем выйти из корабля, но на экранах рубки управления вспыхнуло древнее и очень неприятное предупреждение: «Все пассажиры и экипаж должны немедленно покинуть борт корабля. Через 20 минут начнется процедура дезинфекции по форме I».

Он не знал, что подразумевалось под процедурой дезинфекции по форме I. Но если экипаж должен был удалиться с корабля, то, значит, кислородные маски помогали мало. Из двух зол приходилось выбирать меньшее.

Члены Второй Группы немало размышляли о том, как должен быть одет Баррент, когда впервые ступит на Землю. От этого многое зависело. Ничто ему не поможет, если его одежда будет явно странной, чужеземной, чуждой. Конечно, проще всего было бы надеть типичную земную одежду. Но никто во Второй Группе не мог

точно сказать, что именно носили граждане Земли. Одна часть группы хотела, чтобы Баррент оделся в обычный штатский костюм, воссозданный по отрывочным воспоминаниям. Другая часть считала, что Барренту не стоит снимать мундир охранника. Сам же Баррент полагал, что в космопорте комбинезон механика будет меньше всего бросаться в глаза. Да и изменения моды на него почти не повлияют. Конечно, в городах и селах эта личина может поставить Баррента в неудобное положение, но, пожалуй, не стоит пытаться все проблемы решить одним махом.

Баррент быстро сорвал с себя мундир охранника, под которым был легкий комбинезон. Спрятав свой иглолучевой пистолет, со складной коробкой для завтраков в руке, Баррент прошел по коридору к трапу. На секунду он засомневался, не оставить ли оружие на корабле, но затем решил, что любая проверка разоблачит его, а так он сможет хотя бы отбиться от полиции.

Баррент глубоко вздохнул и сошел на землю.

Там не было ни часовых, ни инспекционной группы, ни полиции, ни армейских частей, ни таможенников. Там вообще никого не было. Вдалеке на одной стороне широкого поля он увидел блестевшие на солнце ряды звездолетов. Прямо перед ним была ограда, а в ней — открытые ворота.

Баррент быстро, но без всякой спешки пересек поле. Он понятия не имел, почему все складывалось так просто. Наверное, земная тайная полиция проверяла прибывающих более тонкими методами.

Ворота никто не охранял. У входа стояли только лысый мужчина среднего возраста и мальчик лет десяти, которые, казалось, поджидали Баррента. Он счел маловероятным, что это были правительственные чиновники, и все же — кто знает обычаи Земли? Баррент неторопливой походкой прошел через ворота.

Лысый мужчина подошел к нему, держа мальчика за руку.

— Прошу прощения, — обратился он к Барренту.

— Да?

— Я вижу, что вы с корабля. Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

— Вовсе нет, — сказал Баррент, держа руку рядом с молнией комбинезона, чтобы в случае необходимости быстро выхватить оружие. Теперь он почти не сомневался, что этот человек —

полицейский агент. Единственное, что смущало его, это присутствие ребенка. Разве что на Земле дети с малолетства учились в школе полицейских?

— Суть дела в том, — пояснил мужчина, — что мой мальчик, Ронни, пишет диссертацию для своего диплома магистра Десятого Класса. По звездолетам.

— Поэтому мне хотелось бы увидеть их, — сказал Ронни. Это был невысокий мальчик с тонкими чертами лица и умными глазами.

— Он хотел увидеть звездолеты, — объяснил мужчина. — Я говорил ему, что это лишнее, что в энциклопедиях есть все данные и фотографии. Но он хотел сам их посмотреть.

— Это даст мне хороший вступительный абзац, — сказал Ронни.

— Конечно, — энергично кивнул Баррент. У него начали закрадываться сомнения. Если мужчина — агент тайной полиции, то он, безусловно, выбрал очень извилистую дорогу.

— Вы работаете на корабле? — спросил Ронни.

— Совершенно, верно.

— Насколько быстро они летают?

— В реальном или подпространстве? — уточнил Баррент.

Этот вопрос, казалось, очень удивил Ронни. Он оттопырил нижнюю губу и произнес:

— Вот это да, а я и не знал, что они летают в подпространстве. — Он с минуту подумал. — Честно говоря, я и не знаю, что такое подпространство.

Баррент и отец мальчика понимающе улыбнулись.

— Ну, — спросил Ронни, — а насколько быстро они летают в реальном пространстве?

— Сто тысяч миль в час, — ответил Баррент, назвав первое пришедшее в голову число.

Мальчик и отец кивнули.

— Очень быстро, — сказал отец.

— И, конечно, намного быстрее в подпространстве, — добавил Баррент.

— Конечно, — согласился мужчина. — Звездолеты действительно очень быстрые. Они и должны быть такими. Расстояния-то ведь очень большие. Не правда ли, сэр?

— Очень большие расстояния, — подтвердил Баррент.

— Какой силой двигается корабль? — спросил Ронни.

— Обычным способом, — сообщил ему Баррент. — В прошлом году были установлены утроенные ускорители, но они, скорее, попадают под классификацию вспомогательных двигателей.

— Я слышал об этих утроенных ускорителях, — сказал мужчина. — Отличная штука.

— Неплохая, — согласился Баррент. Теперь он уже не сомневался — мужчина был тем, за кого себя выдавал — обычным человеком, ничего не знающим о звездолетах, который привел своего сына поглазеть на них.

— Как вы получаете воздух для дыхания? — поинтересовался Ронни.

— Мы сами его синтезируем, — ответил Баррент. — Но воздух-то не беда. Вот вода — серьезная проблема. Вода, знаешь ли, не сжимается. Ее трудно запасти в достаточном количестве. И потом, когда корабль выходит из подпространства, возникают различные навигационные проблемы...

— А что такое подпространство? — спросил Ронни.

— В сущности, — сказал Баррент, — просто иной уровень реальности, реального пространства. Но все это ты можешь найти в энциклопедии.

— Конечно, Ронни, — поддержал Баррента отец мальчика. — Мы не должны приставать к пилоту с лишними вопросами. Я уверен, у него есть масса важных дел.

— Я и в самом деле тороплюсь, — согласился Баррент. — Ну, осматривайте все, что хотите. Желаю удачно защитить диссертацию, Ронни.

Баррент на ватных ногах прошел пятьдесят ярдов, спина у него напряглась в ожидании выстрела из иглоизлучателя или огнестрельного пистолета. Но, оглянувшись, он увидел, что Ронни и его отец с серьезным видом осматривают звездолеты, не обращая на Баррента ни малейшего внимания. Баррент не понимал, что происходит, и это его беспокоило. Пока что все шло подозрительно легко. Но, с другой стороны, не бросать же из-за этого дело...

Дорога из космопорта проходила мимо складов, а затем сворачивала к лесу. При первой же возможности Баррент покинул дорогу и углубился в лес. Для первого дня, проведенного на Земле,

он уже достаточно пообщался с людьми. Теперь он хотел обдумать увиденное и услышанное, провести ночь в лесу, а утром отправиться в город или поселок.

Он продрался через густой подлесок и оказался под сенью гигантских дубов. Повсюду чирикала и суетилась невидимая птичья и звериная жизнь. В отдалении к дереву был прибит большой белый плакат. Баррент добрался до него и прочитал:

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК
«ФОРЕСТДЕЙЛ»
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ПИКНИК И В ПОХОД!

Баррент был немного разочарован, хотя понимал, что вблизи от космопорта просто не может быть девственных лесов. Да и на всей планете, такой древней и высокоразвитой, нетронутые земли сохранились, вероятно, разве что в заповедниках.

Солнце висело почти над горизонтом, и в тени деревьев было прохладно. Баррент нашел удобное место под гигантским дубом, устроил постель из листьев и прилег. Ему было над чем поразмыслить. Почему, например, не было часовых в самой важной точке Земли — межзвездном вокзале? Может, основные меры безопасности предпринимались в селах и городах? Или контрразведка уже наблюдает за ним каким-то очень хитрым способом, отмечает каждый его шаг и собирается арестовать, как только соберет о нем достаточно данных? Или у него слишком богатое воображение? Могло ли оказаться так, что?..

— Добрый вечер, — раздался голос рядом с его правым ухом.

Баррент метнулся в сторону, а его рука автоматически полезла за оружием.

— И очень приятный вечер к тому же, — продолжал голос. — Особенно он приятен здесь, в национальном парке «Форестдейл». Температура семьдесят восемь и две десятых градуса по Фаренгейту, влажность двадцать три процента, барометр стоит на двадцати девяти и девяти десятых. Старые походные волки, я уверен, уже узнали мой голос. А для новых любителей природы, вроде вас, сэр, позвольте представиться. Я — Дубчик, ваш дружелюбный дуб. Я бы хотел приветствовать вас всех, и старых и новых любителей

природы, в нашем гостеприимном национальном парке.

Баррент напряженно всматривался в надвигающиеся сумерки и гадал, что это за фокус. Похоже, голос и в самом деле исходил из гигантского дуба.

— Наслаждение природой, — говорил Дубчик, — теперь доступно каждому. Вы можете наслаждаться полным уединением и, тем не менее, до остановки общественного транспорта будет не больше трех минут ходьбы. А для тех, кто не желает уединения, наши проводники организуют экскурсии по этим древним полянам за номинальную стоимость. Не забудьте рассказать своим друзьям о нашем дружелюбном национальном парке. Наш комфортабельный парк ждет всех любителей великолепного отдыха на лоне природы.

В дереве открылась панель. Из нее выскочили спальник, термос и коробка с ужином.

— Желаю вам приятно провести вечер, — сказал Дубчик, — средь дикой роскоши природной страны чудес. А теперь Национальный симфонический оркестр под управлением Оттера Крюга сыграет вам «Горные прогалины» Эрнесто Нестричала, записанные Национальной Северо-Американской Радиовещательной Компанией. На этом ваш дружелюбный дуб смолкает.

Из нескольких скрытых репродукторов полилась музыка. Баррент почесал в затылке; затем, решив принимать, что дают, поел, выпил кофе из термоса, раскатал спальник и лег.

Он сонно размышлял над концепцией леса, напичканного громкоговорителями, подающего еду и напитки. И все это не более чем в трех минутах ходьбы от общественного транспорта. Земля, безусловно, много делала для своих граждан. Надо полагать, это им нравилось. Или нет? Не могло ли это быть какой-то огромной и хитрой ловушкой, расставленной для него властями?

Какое-то время он ворочался с боку на бок, пытаясь привыкнуть к музыке. Через некоторое время она слилась с шелестом листьев и треском веток. Баррент уснул.

Глава 25

Утром дружелюбный дуб подал завтрак и бритвенный прибор. Баррент поел, помылся, побрился и направился к ближайшему

городку. После недолгих размышлений он пришел к выводу, что в ближайшее время ему нужно решить две задачи — обрести какую-нибудь надежную личину и установить контакт с подпольем Земли. А уж только потом он должен будет как можно больше выяснить о земной тайной полиции, диспозиции войск и тому подобном.

Вторая Группа разработала план, предписывающий Барренту как добраться до Земли и что затем делать. Баррент очень надеялся, что этот план сработает. Но пока что реальная Земля имела очень мало сходства с Землей, реконструированной Группой.

Он шел по бесконечным улицам, вдоль которых белели коттеджи. Сначала ему казалось, что все дома выглядят совершенно одинаково. Но затем он понял, что у каждого дома были свои, небольшие архитектурные отличия. Но эти отличия не выделяли дома, а наоборот, постоянно подчеркивали их сходство. Таких коттеджей были сотни, они тянулись насколько хватало глаз, и перед каждым была заботливо подстриженная лужайка. Баррента угнетала их элегантная одинаковость. Он неожиданно затосковал по нелепой, неуклюжей самобытной индивидуальности омегеанских зданий.

Он добрался до торгового центра. Магазины ничем не отличались от жилых зданий — такие же низкие, скромные и очень похожие друг на друга. Только подойдя вплотную к витрине, можно было отличить продовольственный магазин от магазина спорттоваров. Баррент прошел мимо небольшого здания, на котором висела вывеска «РОБОТ-ИСПОВЕДНИК, открыто 24 часа в сутки». Это, кажется, была своего рода церковь.

План, как обнаружить на Земле подполье, разработанный Второй Группой, был простым и прямолинейным. Барренту сказали, что больше всего революционеров среди наиболее угнетенных слоев населения. Нищета порождает неудовлетворение; неимущие хотят экспроприировать богатства имущих. Следовательно, логически рассуждая, наилучшим местом для поисков революционеров являлись трущобы.

Теория была хороша. Беда ее заключалась в том, что Баррент не мог найти никаких трущоб. Он шел часами мимо аккуратных магазинов и приятных домиков, игровых площадок и парков, тщательно ухоженных ферм, а затем снова мимо домов и магазинов.

И ни один дом, ни один магазин не выглядел много лучше или хуже, чем другие.

К вечеру Баррент устал и натер ноги. Насколько он мог судить, ничего значительного он не открыл. Прежде, чем он сможет поглубже вникнуть в жизнь Земли, ему придется пообщаться с местными жителями. Это был опасный шаг, но Баррент не мог его избежать.

Надвигались сумерки. Баррент стоял неподалеку от магазина одежды и размышлял, что делать дальше. В конце концов он решил прикинуться иностранцем, человеком, недавно прибывшим из Азии или Европы. Таким образом, он сможет задавать вопросы, не рискуя вызвать подозрение.

В его сторону шел человек — полный, обычный на вид субъект в коричневом деловом костюме. Баррент остановил его.

— Прошу прощения, — обратился он к незнакомцу. — Я здесь чужой, только что прибыл из Рима.

— В самом деле? — вежливо спросил прохожий.

— Да. Боюсь, я не очень хорошо знаю местные порядки, — произнес Баррент со смущенным смешком. — Я никак не могу найти ни одного дешевого отеля. Не могли бы вы подсказать мне...

— Гражданин, вы хорошо себя чувствуете? — с окаменевшим лицом перебил его прохожий.

— Как я сказал, я иностранец и ищу...

— Слушайте, — возмутился прохожий. — Вы же ничуть не хуже меня знаете, что теперь нет никаких иностранцев.

— Разве?

— Конечно, нет. Я был в Риме. Там точно такие же, как здесь — в Уилмингтоне, дома. Такие же магазины. У нас больше нет иноземцев.

Баррент не смог придумать ничего в ответ. Он нервозно улыбнулся.

— Более того, — продолжал прохожий, — на Земле нигде больше нет дешевых квартир. С какой стати? Кто бы в них жил?

— В самом деле, кто? — произнес Баррент. — Полагаю, я немного перепил.

— Никто больше не пьет, — изрек прохожий. — Ничего не понимаю. Что это за игра такая?

— А как, по-вашему, что это за игра? — спросил Баррент, применяя технику, рекомендованную ему Группой.

Прохожий нахмурился и уставился на него.

— По-моему, я понял, — сказал он. — Вы, должно быть, Опрашиватель.

— Мммм, — неопределенно произнес Баррент.

— Ну разумеется, это так, — убежденно заявил прохожий. — Вы один из тех граждан, которые занимаются опросом общественного мнения. Для исследования и всего такого прочего. Верно?

— Вы сделали очень умную догадку, — согласился Баррент.

— Ну, я полагаю, это было не слишком трудно. Опрашиватели никогда не задают прямых вопросов. Они всегда избирают окольные пути, пытаясь определить отношение людей к различным вещам. Я бы вас сразу же узнал, если б вы носили одежду Опрашивателя. — Прохожий снова начал хмуриться. — Как вышло, что вы не одеты в форму Опрашивателя?

— Я только-только приступил к работе, — нашелся Баррент. — Не имел случая достать одежду.

— О, ну вам следует получить надлежащее обмундирование, — нравоучительным тоном заметил прохожий. — Иначе как же гражданин сможет определить ваш статус?

— Это только пробное испытание, — сказал Баррент. — Спасибо вам за сотрудничество, сэр. Наверное, у меня будет возможность снова побеседовать с вами, в ближайшем будущем.

— В любое время, — ответил прохожий и, вежливо кивнув, пошел своей дорогой.

Из этого разговора Баррент сделал очень важный вывод — ему нужно стать Опрашивателем. Это занятие давало ему право задавать любые вопросы, встречаться с людьми, выяснять, как живет Земля. Ему, конечно, придется быть осторожным, чтобы не открыть собственного невежества. Но, действуя осмотрительно, он должен за несколько дней приобрести общее представление о цивилизации Земли.

Но сначала он должен купить одежду Опрашивателя. Это, кажется, было очень важным. Трудность заключалась лишь в том, что у него не было денег, чтобы заплатить за нее. Группа оказалась не в состоянии создать дубликат земных денег; ее члены не смогли

даже вспомнить, как они выглядели.

Но его снабдили средствами преодолеть даже это препятствие. Баррент повернулся и направился в ближайший магазин одежды.

Его владелец был низкорослым человеком с фарфорово-голубыми глазами и улыбкой коммивояжера. Он приветствовал Баррента и спросил, чем может служить.

— Мне нужна одежда Опрашивателя, — сказал Баррент. — Я только что приступил к работе.

— Конечно, сэр, и вы обратились за ней именно туда, куда следует. Большинство магазинов помельче держат одежду только для... э... обычных профессий. Но здесь, у Жюля Вундерсона, есть готовое платье для всех пятисот двадцати главных профессий, занесенных в Альманах Гражданского Статуса. Я — Жюль Вундерсон.

— Очень приятно, — ответил Баррент. — У вас есть одежда моего размера?

— Разумеется, — заявил Вундерсон. — Вы хотите обычную или особую?

— Обычная, я думаю, подойдет.

— Большинство новых Опрашивателей предпочитают особую, — заметил Вундерсон. — Немного лишней атрибутики плюс ручная выделка — все это значительно увеличивает уважение публики.

— В таком случае я возьму особую.

— Да, сэр. Хотя, если бы вы смогли подождать день-другой, мы бы изготовили ее из новой ткани — имитированной ткани домашней выделки, дополненной натуральными ткацкими дефектами. Для человека, разбирающегося в статусе, это по-настоящему престижная модель.

— Наверное, я вернусь за ней, — сказал Баррент. — Но сейчас мне нужна готовая к носке.

— Конечно, сэр согласился, — Вундерсон, разочарованный, но доблестно скрывающий это. — Если вы только подождете минуточку...

Барренту пришлось подождать несколько минут, пока костюм Опрашивателя подгоняли ему по фигуре. Это был обычный черный деловой костюм с белым галуном вдоль лацканов. На неопытный взгляд Баррента, костюм ничем не отличался от тех, что висели на манекенах и предназначались для банкиров, маклеров,

бакалейщиков, бухгалтеров и тому подобных. Но для Вундерсона, который рассуждал о лацкане банкира и о складке страхового агента, различия были столь же явными, как крикливые статус-символы Омеги для Баррента. Баррент решил, что дело было лишь в тренировке.

— Вот, сэр! — заявил Вундерсон. — Превосходно сидит. Изготовители ткани гарантируют пожизненную носку. Все за тридцать девять девяносто пять.

— Великолепно, — сказал Баррент. — Теперь насчет денег...

— Да, сэр?

Баррент собрался с духом и бросился головой в омут.

— У меня их нет.

— Нет, сэр? Это крайне необычно.

— Да, верно, — согласился Баррент. — Однако у меня есть-таки определенные ценные вещи. — Он извлек из кармана три бриллиантовых кольца, которыми его снабдила Группа на Омеге. — Эти камни — настоящие бриллианты, как вам охотно подтвердит любой ювелир. Если вы возьмете одно из колец в залог, пока у меня не появятся деньги, чтобы заплатить...

— Но, сэр, — удивился Вундерсон, — бриллианты и им подобные побрякушки сами по себе не обладают никакой ценностью. Еще с 23-го года, когда фон Блов написал определяющий труд, в котором не оставил камня на камне от концепции самоценности редких вещей.

— Конечно, — согласился Баррент, не зная, что сказать еще.

Вундерсон посмотрел на кольца.

— Однако, я полагаю, они имеют сентиментальную ценность.

— Разумеется. Они хранились в нашей семье не одно поколение.

— В таком случае, — сказал Вундерсон, — я не хочу вас их лишать. Пожалуйста, не спорьте, сэр. Сентиментальность — самая бесценная из всех эмоций. Я не спал бы ночами, если бы взял хотя бы одно кольцо из вашего семейного наследия.

— Но остается вопрос оплаты.

— Заплатите мне на досуге.

— Вы хотите сказать, что доверитесь мне, хотя вы меня не знаете?!

— Само собой разумеется, — криво улыбнулся Вундерсон. — Пробуете свои методы Опрашивателя, не так ли? Ну, даже ребенку

известно, что наша цивилизация основывается на доверии, а не на конкуренции. Общеизвестно, что незнакомцу надо доверять, покуда он полностью и безусловно не докажет обратное. Это давно уже стало аксиомой.

— Неужели вас никогда не обманывали?

— Конечно, нет. Преступности в наше время не существует.

— В таком случае, — спросил Баррент, — что вы скажете насчет Омеги?

— Прошу прощения?

— Омеги. Тюремной планеты. Вы должны были слышать о ней.

— По-моему, да, — осторожно ответил Вундерсон. — Ну, пожалуй, я не совсем точно выразился. Мне следовало сказать, что преступности почти нет. Я полагаю, всегда найдется несколько типов, генетически предрасположенных к преступному образу жизни. Но таковых распознать нетрудно. Мне говорили, что на два миллиарда землян приходится не больше десяти-двенадцати таких преступных индивидуумов в год. — Он широко улыбнулся. — Мои шансы встретиться с одним из этих отщепенцев пренебрежительно малы.

Баррент подумал о тюремных кораблях, постоянно снующих взад-вперед между Землей и Омегой, вываливающих свой человеческий груз и возвращающихся за новым. Он гадал, откуда же Вундерсон взял свою статистику. Он не мог понять даже, где же была полиция. С тех пор, как Баррент покинул звездолет, он не видел ни одного военного мундира. Ему хотелось расспросить Вундерсона об этом, но Баррент решил, что все-таки лучше будет сменить тему беседы.

— Премного благодарен за кредит, — сказал Баррент. — Я вернусь с деньгами как можно скорее.

— Конечно, вернитесь, — согласился Вундерсон, тепло пожимая руку Барренту. — Не торопитесь, сэр. Спешить некуда.

Баррент еще раз поблагодарил его и вышел из магазина.

Теперь у Баррента появилась профессия. И если другие земляне были такими же доверчивыми, как и Вундерсон, он имел еще и неограниченный кредит.

Земля, на первый взгляд, казалась Барренту утопией. Утопией, имевшей, конечно, определенные противоречия. В следующие

несколько дней он надеялся побольше разузнать о них.

В конце квартала Баррент нашел отель, который назывался «Закуси немного», и снял номер на неделю в кредит.

Глава 26

Утром Баррент разузнал дорогу до ближайшего филиала публичной библиотеки. Он решил, что сумеет получить по книгам общее представление об общественном устройстве Земли, об истории развития земной цивилизации. Тогда ему будет легче понять, чего ему стоит ждать от землян и чего он должен опасаться.

Благодаря одежде Опрашивателя он получил доступ к закрытым полкам, где хранились книги по истории. Но содержание книг разочаровало Баррента. Большинство из них рассказывало о древней истории Земли, от самых ранних истоков цивилизации до зари атомной эры. Баррент выбрал наугад одну из книг и бегло пролистал ее, постепенно вспоминая кое-что из того, что читал раньше, еще до ссылки на Омегу. Поэтому он смог быстро перепрыгнуть от перикловской Греции к императорскому Риму, от него — к Карлу Великому и средним векам, от норманнского завоевания к Тридцатилетней войне, а затем бросить беглый взгляд на наполеоновскую эпоху. Но о мировых войнах он читал с большим интересом. Книга заканчивалась взрывом первых атомных бомб. Другие книги просто более подробно освещали различные исторические периоды, о которых Баррент уже знал из первой книги.

После долгих поисков Баррент обнаружил небольшую работу Артура Уиттлера, озаглавленную «Послевоенная Дилемма, том I». Она начиналась там, где заканчивались другие книги по истории — со взрывов атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки. Баррент присел за стол и принялся внимательно читать.

Он узнал о холодной войне 1950-х годов, когда несколько стран обладали атомным и водородным оружием. Уже тогда, по заявлению автора, в самых разных странах можно было заметить ростки массового конформизма. Америка бешено боролась с коммунизмом. Россия и Китай — с капитализмом. Ни одна страна мира не могла остаться в стороне от этой борьбы. Возникло два

противостоящих друг другу лагеря. Для обеспечения внутренней безопасности все государства использовали новейшие приемы пропаганды и агитации. Жестокое соблюдение политических доктрин своего лагеря стало правилом для всех правительств мира.

Для того чтобы отдельный индивидуум не только подчинялся этим доктринам, но и всей душой воспринимал их, на него оказывалось массированное давление. Со временем методы агитации и пропаганды становились все более тонкими и изощренными.

Опасность войны миновала. Отдельные государства Земли начали сливаться в единое сверхгосударство. Но контроль за поведением отдельного индивидуума вместо того, чтобы уменьшиться, становился все сильнее и сильнее. Продолжался демографический взрыв. На базе разных наций и народов, религий и культур создавался новый этнос. Возникало множество самых разных проблем, и человечеству, как никогда, требовалось единомыслие. Различия во мнениях могли привести к гибели всей Земли — слишком много людей имело теперь доступ к смертоносным водородным бомбам.

Вполне естественно, что в таких обстоятельствах любое инакомыслие оказывалось вне закона.

Шли годы. Великое объединение землян в единое сверхгосударство было, наконец, завершено. Продолжалось покорение космоса — сначала был создан орбитальный корабль, затем — межпланетный, и в конце концов — межзвездный. Но земная цивилизация погружалась в пучину застоя, ее институты были более косными, чем в средневековой Европе. Любая оппозиция существующим порядкам, обычаям и верованиям считалась таким же серьезным преступлением, как убийство или поджог. И столь же строго каралась. На Земле были возрождены такие древние институты, как тайная полиция, политический сыск. Появились осведомители. На службу всеобщему конформизму ставились новые достижения науки и техники.

Для нонконформистов же существовала Омега.

Смертная казнь была отменена давным-давно, вследствие чего тюрьмы были забиты до отказа. А для массового строительства новых тюрем и лагерей не хватало ни места, ни ресурсов. В конце

концов проблема была решена. Так же, как французы в свое время ссылали своих преступников в Гвиану и Новую Каледонию, а англичане — в Австралию и Северную Америку, Земля стала ссылать заключенных на Омегу. Но поскольку управлять с Земли далекой тюремной планетой было невозможно, то власти и не пытались этого делать. Они только позаботились создать такую систему безопасности, которая гарантировала, что ни один заключенный с Омеги не сбежит.

На этом первый том кончался. В примечании было указано, что второй том будет посвящен современной истории Земли. Он должен был называться «Статус — цивилизация».

На полках второго тома не было. Баррент поинтересовался о нем у библиотекаря и узнал, что книга была уничтожена в интересах общественной безопасности.

Баррент вышел из библиотеки и отправился в небольшой парк. Он сел на скамейку и попытался осмыслить прочитанное.

Он ожидал найти Землю, схожую с той, которую описывал в своей книге Уиттлер. Он был готов увидеть полицейское государство, жесткую систему безопасности, подавленное население и растущую смуту. Но все это явно было в прошлом. Баррент до сих пор еще не встретил ни одного полицейского. Он не обнаружил существования хоть какой-нибудь системы безопасности. Да и встреченные им люди не выглядели жестоко подавленными. Как раз напротив. Казалось, Баррент попал не на Землю, а на какую-то другую планету.

И только одна мелочь портила эту идиллию — год за годом на Омегу прилетали звездолеты, набитые заключенными, у которых начисто была стерта память. Кто же их арестовывал? И кто их судил? А какое общество их породило?

Ответы на эти вопросы Барренту предстояло найти фсамостоятельно.

Глава 27

На следующий день, с утра пораньше, Баррент приступил к своим расспросам. Действовал он очень просто — звонил в дверь и, если ему открывали, задавал хозяину — или хозяйке — дома

множество вопросов. Всех опрашиваемых он сразу же предупреждал, что иногда будет задавать странные, нелепые или глупые вопросы — чтобы определить общий уровень знаний своего собеседника. Баррент обнаружил, что после такого предупреждения может задавать любые вопросы, затрагивать спорные проблемы и делать это, не открывая собственного неведения.

Конечно, была опасность, что какой-нибудь чиновник попросит у него документы или откуда ни возьмись появится полиция — именно в тот момент, когда он менее всего будет готов к такому повороту событий. Но он должен был пойти на этот риск. Баррент начал с первых домов на Оранжевой Эспланаде и медленно продвигался на север, звоня по ходу дела в каждый дом. Беседы он вел самые разнообразные. Вот некоторые из них:

(Гражданка А. Л. Готтрайд, возраст — 55 лет, занятие — домохозяйка. Сильная прямая женщина, высокомерная, невежливая, с видом «Мне-не-до-шуток».)

— Вы хотите спросить меня о классе и статусе? Не так ли?

— Да, мэм.

— Вы, Опрашиватели, всегда спрашиваете о классе и статусе. Другой бы на моем месте решил, что теперь-то вы должны об этом знать все. Ну, да ладно. Сегодня, поскольку все равно, есть только один класс. Средний класс. Остается единственный вопрос — к какой части среднего класса человек принадлежит? Высшей, низшей или средней?

— И как же это определяется?

— О, по разного рода признакам. По тому, как человек говорит, ест, одевается, по тому, как он ведет себя в обществе. По его манерам. По его одежде. Человека высшего среднего класса всегда можно отличить по его одежде. Это совершенно безошибочная примета.

— Понятно. А низшие средние классы?

— Ну, у них, хотя бы, отсутствует творческая энергия. Они, к примеру, носят готовую одежду, не пытаясь ее как-то улучшить. То же самое относится и к их домам. На мелкие украшения, не рожденные вдохновением, можно не обращать внимания. Это просто признак нуворишей. Таких личностей у себя дома не принимают.

— Благодарю вас, гражданка Готтрайд. И куда вы относите себя по статусу?

(После легкого колебания):

— О, я никогда особенно над этим не задумывалась. К высшему, я полагаю.

(Гражданин Драйстер, возраст — 43 года, занятие — продавец обуви. Стройный скромный мужчина, выглядящий моложе своих лет.)

— Да, сэр. У нас с Майрой трое детей школьного возраста. Все мальчики.

— Не могли бы вы дать мне некоторое представление, в чем состоит их образование?

— Они учатся, как надо читать и писать и как стать хорошими гражданами. Они уже начали обучаться своим профессиям. Самый старший займется разноской обуви, а потом семейным бизнесом — обувью. Другие двое занимаются на ученических курсах по бакалее и маркетингу розничной торговли. Это бизнес родных моей жены. Дети также учатся, как сохранять свой статус и как делать карьеру. Вот что происходит в открытых классах.

— Есть и другие школьные классы, не открытые?

— Ну, естественно, есть закрытые классы. Их посещает каждый ребенок.

— И чему учат в закрытых классах?

— Не знаю. Они, как я сказал, закрытые.

— Неужели дети никогда не рассказывают об этих классах?

— Нет. Они говорят обо всем на свете, только не об этом.

— Неужели вы не имеете представления о том, что происходит в закрытых классах?

— Сожалею, но нет. Я могу лишь строить догадки — и это только догадки, уверяю вас. Я думаю, закрытые классы как-то связаны с религией. Но об этом вам надо спросить учителя.

— Благодарю вас, сэр. А как вы классифицируете себя по статусу?

— Средний средний класс. В этом нет сомнений.

(Гражданка Мориджейн Морган, возраст — 51 год, занятие — школьная учительница. Высокая костлявая женщина.)

— Да, сэр, я думаю, наш курс обучения в школе «Литл Бен» сводится именно к этому.

— За исключением закрытых классов?

— Прошу прощения, сэр?

— Закрытые классы. Вы не ослышались. Вы не рассказывали про них.

— Боюсь, что мне нечего про них сказать.

— Почему же, гражданка Морган?

— Это вопрос с уловкой? Все знают, что учителя в закрытые классы не допускаются.

— А кто же допускается?

— Дети, конечно.

— Но кто их учит?

— Этим занимается правительство.

— Конечно. Но что конкретно преподают в закрытых классах?

— Не имею представления, сэр. Это не мое дело. Закрытые классы — древний и уважаемый институт. То, что в них происходит, возможно, носит религиозный характер. Но это только догадка. Что бы там ни происходило, это не мое дело. И не ваше, молодой человек, даже если вы Опрашиватель.

— Благодарю вас, гражданка Морган.

(Гражданин Эдгар Ниф, возраст — 107 лет, занятие — офицер. Высокий мужчина с тростью, ледяные голубые глаза не потускнели от возраста.)

— Немного громче, пожалуйста. Так о чем, вы спрашивали?

— О вооруженных силах. А конкретно спрашивал...

— Теперь я вспомнил. Да, молодой человек, я был полковником Двадцать Первого Северо-Американского Космического Отряда, являвшегося регулярной частью Оборонного Корпуса Земли.

— И вы оставили службу?

— Нет, служба оставила меня.

— Прошу прощения, сэр?

— Вы правильно меня расслышали, молодой человек. Это случилось ровно шестьдесят три года назад. Вооруженные Силы Земли были демобилизованы. За исключением полиции, которую я не могу считать вооруженными силами. Но все регулярные части демобилизованы.

— Почему это сделали, сэр?

— Не с кем было драться. Не от кого было даже защищать Землю.

Так, во всяком случае, мне сообщили. Чертовски глупое дело, я бы сказал.

— Почему, сэр?

— Потому, что старый солдат знает, враг всегда появляется неожиданно. Он может появиться даже сейчас. И что тогда мы будем делать?

— Разве нельзя снова сформировать армии?

— Разумеется, можно. Но нынешнее поколение не имеет никакого представления о военной службе. И никто не умеет командовать, кроме старых военных вроде меня. Потребуются годы для того, чтобы были сформированы эффективные вооруженные силы и появилось толковое руководство.

— А в настоящее время Земля совершенно открыта для вторжения извне?

— Да, если не считать полицейских частей. А я серьезно сомневаюсь в их боевой подготовке.

— Не могли бы вы рассказать мне о полиции?

— Я ничего о ней не знаю. Я никогда не загромождал свою голову невоенными делами.

— Но ведь можно допустить, что теперь полиция взяла на себя функции армии, не так ли? Что полиция образует немалые и дисциплинарные силы?

— Такое возможно, сэр. Все возможно.

(Гражданин Мартин Хоннерс, возраст — 31 год, занятие — вербализатор. Стройный вялый мужчина с серьезным мальчишечьим лицом и прилизанными пшеничными волосами.)

— Вы вербализатор, гражданин Хоннерс?

— Да, сэр. Хотя, наверное, «писатель» было бы лучшим словом, если вы не против.

— Конечно. Гражданин Хоннерс, пишете ли вы в настоящее время статьи для каких-нибудь периодических изданий, которые во множестве лежат в киосках?

— Разумеется, нет! Они пишутся некомпетентными битюгами для сентиментального восхищения низшего среднего класса. Рассказы эти, на случай, если вы не знаете, берутся строка за строкой, из работ различных популярных писателей, двадцатого и двадцать первого веков. Люди, занимающиеся этой работой, всего

лишь заменяют прилагательные и наречия. Иногда, как мне говорили, более смелый битюг заменяет глагол или даже существительное. Но такое случается редко. Редакторы периодических изданий косо смотрят на разухабистое новаторство.

— А вы не занимаетесь такой работой?

— Конечно, нет! Моя работа некоммерческая. Я — творческий специалист по Конраду.

— Вы не будете возражать, если я попрошу вас рассказать, что это значит, гражданин Хоннерс?

— С удовольствием. Я занимаюсь воссозданием работ Джозефа Конрада, писателя, жившего в доатомную эпоху.

— Каким образом вы воссоздаете эти работы, сэр?

— Ну, в настоящее время я занимаюсь своим пятым воссозданием «Лорда Джима». Для этого я как можно основательнее погружаюсь в оригинальное произведение. Затем я настраиваюсь соответственным образом и стараюсь переписывать его так, как написал бы его сам Конрад, живи он сегодня. Как вы понимаете, для этого требуется предварительно овладеть словарем, темами, сюжетами, характерами, настроением, манерой письма Конрада и так далее. Все это остается неизменным, и все же книга не может быть рабским повторением. Она должна сказать что-то новое, точь-в-точь как сказал бы это Конрад.

— И вы добились успеха?

— Критики не скупились на похвалы, а мой издатель всячески поощрял меня.

— Когда вы закончите пятое воссоздание «Лорда Джима», каковы будут ваши дальнейшие планы?

— Сначала я устрою себе долгий отдых. Потом я буду воссоздавать одно из малых произведений Конрада. Наверное, «Плантатора из Малаты».

— Понятно. Являетесь ли вы создателем искусства? То есть, я хотел спросить: то, что вы создаете, — это искусство?

— Это цель всякого истинного художника, независимо от того, в каких жанрах он работает. Искусство, боюсь, жестокий судья.

(Гражданин Уиллс Уэрка, возраст — 8 лет, занятие — учащийся. Веселый черноволосый загорелый мальчик.)

— Извините, господин Опрашиватель, моих родителей сейчас

дома нет.

— Это совершенно неважно, Уиллс. Ты не против, если я задам тебе пару вопросов?

— Не против. А что это у вас под пиджаком, мистер? Оно выступает.

— Вопросы, Уиллс, буду задавать я, если ты не возражаешь... Итак, тебе нравится школа?

— С ней полный порядок.

— Какие курсы ты там проходишь?

— Ну, там есть чтение, письмо и оценка статуса, и курс по искусству, музыке, архитектуре, литературе, балету и театру. Обычные предметы.

— Понятно. Это — в открытых классах.

— Разумеется.

— Ты также посещаешь и закрытые классы?

— Разумеется, каждый день.

— Ты не расскажешь мне об этом?

— Расскажу. Это пистолет выпирает? Я знаю, что такое пистолет. Некоторые из ребят постарше во время обеда передавали друг другу одно фото, а я подсмотрел. Это пистолет?

— Нет. Мой костюм подогнан не очень хорошо, вот и все. Итак, ты не расскажешь мне, что ты делаешь в закрытых классах?

— Расскажу.

— И что же там происходит?

— Я не знаю. Я не помню.

— Брось, Уиллс.

— Правда, мистер Опрашиватель. Мы все заходим в класс и выходим спустя два часа на перемену. Но это и все. Ничего другого я не могу вспомнить. Я говорил с другими ребятами. Они тоже ничего не могут вспомнить.

— Странно...

— Нет, сэр. Если бы нам полагалось помнить, он не был бы закрытым.

— Возможно, и так. Ты помнишь, как выглядит помещение, и кто твой учитель в закрытом классе?

— Нет, сэр. Я действительно ничего об этом не помню.

— Спасибо, Уиллс.

(Гражданин Кущулэн Дент, возраст — 35 лет, занятие — изобретатель. Преждевременно облысевший человек с ироничными, прикрытыми тяжелыми веками глазами.)

— Да, это верно. Я изобретатель, специализирующийся на играх. В прошлом году я выдал «Быстро считаешь — живым будешь». Она была весьма популярна. Вы видели ее, а?

— Боюсь, что нет.

— Довольно милая игра. Я стилизовал ее под «затеряны-в-пространстве». Вначале игрокам для их миниатюрных компьютеров даются неполные данные. За удачную игру полагается приз — дополнительные данные. А в качестве штрафных очков — космическая опасность. Масса вспыхивающих лампочек и тому подобной мишуры. Очень ходкий товар.

— Вы изобретаете еще что-нибудь, гражданин Дент?

— Когда я был мальчиком, то разработал улучшенную модель комбайна. Я спроектировал его так, что он был примерно в три раза эффективнее наших нынешних образцов. И, хотите — верьте, хотите — нет, я действительно думал, что у меня есть шанс продать его.

— Вы его продали?

— Конечно, нет. В то время я понятия не имел, что бюро патентов закрыто навсегда. Остался только отдел игр.

— Вы были рассержены этим?

— В то время немножко был. Но скоро я понял, что имеющиеся у нас модели достаточно хороши. Мы не нуждаемся в более эффективных или более оригинальных моделях. Народ нынче удовлетворен тем, что у него есть. Кроме того, новые изобретения не принесли бы человечеству никакой пользы. Уровень рождаемости и смертности на Земле стабильный и всем всего хватает. А для изготовления технических новинок пришлось бы переоборудовать целую фабрику. Это было бы почти невозможно, поскольку нынче все фабрики автоматизированы и ремонтируют сами себя. Вот почему существует мораторий на изобретения. Он не касается только новинок в области игр.

— Какие вы испытываете чувства по этому поводу?

— Чего тут чувствовать? Так уж обстоят дела.

— А вы не хотели бы, чтобы дела обстояли иначе?

— Может быть. Но, будучи изобретателем, я все равно

классифицирован как потенциально нестабильный субъект.

(Гражданин Барн Грентен, возраст — 41 год, занятие — инженер-атомщик, специализирующийся на проектировании космических кораблей. Нервный, интеллигентного вида мужчина с печальными карими глазами.)

— Вы хотите знать, что я делаю на своей работе? Я сожалею, что вы спросили об этом, гражданин, потому что я ничего не делаю, только гуляю по ней. Профсоюзные правила требуют, чтобы человек, для большей надежности, контролировал одного робота или роботизированную операцию. Именно этим я и занимаюсь. Просто стою и подпираю стенку.

— Похоже, вы не удовлетворены этим, гражданин Грентен?

— Да. Я хотел быть инженером-атомщиком. Я учился на инженера-атомщика. А потом, когда получил диплом, то обнаружил, что мои знания устарели лет на пятьдесят. И даже если бы я захотел овладеть новыми технологиями, мне негде было бы применить свои знания.

— Почему же?

— Потому что в атомной промышленности все автоматизировано. Не знаю, известно ли это большинству населения, но такова правда. От добычи сырья до упаковки готовой продукции. Единственное, что делает человек на заводе, — это контролирует качество продукции и сравнивает ее количество с индексом потребностей населения. Вот и все.

— Что случится, если часть автоматической фабрики сломается?

— Ее исправят роботы.

— А если и они сломаются?

— Эти проклятые штуки ремонтируют сами себя. А я могу только стоять, подпирая стенку, наблюдать и заполнять рапортичку. Очень нелепое занятие для человека, считающего себя инженером.

— Почему вы не переберетесь в какую-нибудь иную отрасль промышленности?

— Бесполезно. Я проверял, остальные инженеры точно в таком же положении, как и я, — наблюдают за автоматическими процессами, которых они не понимают. Назовите любую область: производство пищи, автомобилей, строительство, биохимия — все одно и то же. Либо инженеры в качестве контролеров, либо вообще

обходятся без них.

— Это верно и для космических полетов?

— Разумеется. Ни один человек не улетел с Земли за последние пятьдесят лет. Никто не знает, как управлять кораблем.

— Понимаю, все корабли поставлены на автоматику.

— Именно. Постоянно и без всяких исключений.

— А что случится, если корабль попадет в нештатную ситуацию?

— Трудно сказать. Знаете ли, корабли не умеют думать, они просто следуют заранее заданной программе. Если корабль столкнется с ситуацией, на которую он не запрограммирован, то какое-то время он, видимо, вообще не будет на нее реагировать. Я думаю, среди механизмов корабля есть селектор оптимального выбора, которому полагается взять на себя управление в непредвиденных ситуациях. Но такого до сих пор не случалось. В лучшем случае он прореагирует вяло. В худшем — и вовсе не сработает. И, по мне, это будет просто прекрасно.

— Вы действительно имеете в виду?..

— Конечно же. Меня тошнит от каждодневного подпирания стенки и бессмысленного наблюдения за тем, как машина постоянно выполняет одну и ту же операцию. Большинство известных мне профессиональных рабочих испытывают такие же чувства. Мы хотим что-нибудь делать. Все, что угодно. Вам известно, что сотни лет назад пилотируемые людьми звездолеты исследовали планеты других звездных систем?

— Да.

— Ну, именно этим нам и следует заниматься сейчас. Двигаться вперед, исследовать, развиваться. Вот что нам нужно.

— Согласен. Но не кажется ли вам, что вы говорите довольно опасные вещи?

— Я знаю. Но, честно говоря, меня это больше не волнует. Пускай отправляют меня на Омегу, если захотят. Здесь я не делаю ничего хорошего.

— Значит, вы слышали об Омеге?

— Любой, кто связан со звездолетами, знает об Омеге. Циклические рейсы между Омегой и Землей, вот и все, чем занимаются наши корабли. Это ужасный мир. Лично я возлагаю вину на церковников.

— Церковников?

— Безусловно. Ханжествующие дураки с их бесконечной болтовней о Церкви Духа Воплощенного Человечества. Этого вполне достаточно, чтобы заставить человека пожелать им каплю зла...

(Гражданин отец Брен, возраст — 51 год, занятие — служитель церкви. Величественный тучный мужчина, одетый в шафрановую рясу и белые сандалии.)

— Совершенно, верно, сын мой, я — аббат местного филиала Церкви Духа Воплощенного Человечества. Наша церковь является официальным представительством правительства Земли в его религиозном воплощении. Наша религия — для всех людей Земли. Она состоит из наилучших элементов всех прежних религий, как мелких, так и крупных, умело слитых в единую всеобъемлющую веру.

— Гражданин аббат, разве между доктринами различных религий, из которых составлена ваша вера, не было противоречий?

— Были. Но творцы нашей нынешней Церкви выбросили все спорные материи. Мы хотели согласия, а не раздора. Мы сохранили лишь определенные колоритные черты тех прежних религий; черты, которые люди способны узнать. В нашей религии никогда не было расколов, потому что мы всеприемлемы. Всяк может верить, во что пожелает, лишь бы сохранялся святой дух Воплощенного Человечества. Ибо наше поколение есть истинное поклонение человеку. И признаваемый нами дух есть дух божественного и святого Добра.

— Не могли бы вы дать определение Добра, гражданин аббат?

— Разумеется. Добро — это Сила внутри человека, которая служит для нас источником конформизма и содействия. Поклонение Добру — это, в сущности, поклонение самому себе и, таким образом, единственно истинное поклонение. Добро, которому ты поклоняешься, — есть идеал существа общественного, человека, довольствующегося своей нишей в социуме и в то же время готового творчески повысить свой статус. Добро мягко, поскольку оно — истинное отражение любящей и жалеющей Вселенной. Добро постоянно меняется в своих формах, хотя оно является к нам в... У вас странное выражение лица, молодой человек.

— Извините, аббат. По-моему, я уже слышал эту проповедь. Или

очень похожую на нее.

— Она истинна, где бы ты ни слышал ее.

— Конечно. Еще один вопрос, сэр. Не могли бы вы рассказать мне о религиозном наставлении детей?

— Эта обязанность выполняется у нас роботами-исповедниками.

— Да?

— Это понятие пришло к нам от древней коренной веры Трансцендентного Фрейдизма. Робот-исповедник наставляет одинаково детей и взрослых. Он выслушивает их проблемы в пределах общественной матрицы. Он их постоянный друг, их социальный ментор, их религиозный наставник. Будучи роботами, исповедники способны дать точные и инвариантные ответы на любые вопросы. Это очень помогает великой миссии конформизма.

— Я вижу, что это и в самом деле так. Что же делают священники-люди?

— Они наблюдают за роботами-исповедниками.

— Эти роботы-исповедники присутствуют в закрытых классах?

— Я не компетентен отвечать на это.

— Они ведь присутствуют, не так ли?

— Я истинно не знаю. Закрытые классы закрыты для аббатов точно так же, как и для других взрослых.

— По чьему распоряжению?

— По распоряжению Шефа Тайной Полиции.

— Понятно... Благодарю вас, гражданин аббат Брен.

(Гражданин Этьен Древиньян, возраст — 43 года, занятие — правительственный служащий. Узколицый, узкоглазый мужчина, выглядящий старше своего возраста.)

— Добрый день, сэр. Вы говорите, что вы служите правительству?

— Правильно.

— Правительству штата или федеральному правительству?

— Обоим.

— Понятно. И вы уже долго на этой службе?

— Приблизительно восемнадцать лет.

— Вы не будете возражать, если я спрошу, кем вы работаете?

— Вовсе нет. Я — Шеф Тайной Полиции.

— Вы же... Понимаю, сэр. Это очень интересно. Я...

— Не тянитесь к своему иглолучевому пистолету экс-гражданин Баррент. Могу вас заверить, он не будет действовать в районе этого дома. А если вы все-таки его достанете, то пострадаете.

— Почему?

— У меня есть свои средства защиты.

— Откуда вы знаете, кто я такой?

— Я узнал о вас почти сразу же, как только вы ступили на Землю. Мы, знаете ли, не совсем беспомощны. Но мы можем обсудить все это дома. Не зайдете ли?

— Думаю, что я предпочел бы не заходить.

— Боюсь, что вам все-таки придется зайти. Идемте, Баррент, я вас не укушу.

— Я арестован?

— Конечно, нет. Мы просто немного побеседуем. Совершенно, верно, сэр, прямо туда. Располагайтесь поудобнее, не стесняйтесь.

Глава 28

Древиньян провел Баррента в большую комнату, обшитую панелями из орешника. Мебель, изготовленная из тяжелого черного дерева, была покрыта затейливой резьбой и лаком. Письменный стол, высокий и прямой, казалось, был антикварным. Всю правую стену занимал тяжелый выцветший гобелен. На нем была изображена средневековая охотничья сцена.

— Вам нравится? — спросил Древиньян. — Всю обстановку сделала моя семья. Жена скопировала гобелен с оригинала, который хранится в музее «Метрополитен». Двое моих сыновей изготовили мебель. Им хотелось сделать что-нибудь древнее, в испанском стиле, но в то же время комфортабельное. Для этого им потребовалось немного изменить пропорции. Мой собственный вклад не виден. Моя специальность — музыка периода барокко.

— Помимо полицейской работы, — вставил Баррент.

— Да, помимо нее, — Древиньян отвернулся от Баррента и задумчиво посмотрел на гобелен. — Со временем мы подойдем к вопросу о полиции. Сперва скажите мне, что вы думаете об этой комнате?

— Она очень красива, — признался Баррент.

— Да. И?..

— Ну, не мне судить.

— Но вы должны судить, — настаивал Древиньян. — В этой комнате вы можете видеть земную цивилизацию в миниатюре. Скажите мне, что вы о ней думаете?

— Мне она кажется безжизненной, — сказал Баррент.

Древиньян повернулся к Барренту и улыбнулся.

— Да, вы нашли очень удачное определение. Именно так — безжизненная. Эта комната принадлежит людям с высоким статусом. Немало творческих сил было потрачено, чтобы улучшить древние архетипы. Моя семья воссоздала фрагмент культуры древней Испании — точно так же, как другие воссоздают фрагменты культуры майя, американских индейцев или полинезийцев. И все же наша жизнь пуста, в ней нет никакого смысла, никакой цели. Автоматизированные фабрики год за годом производят одни и те же товары. Поскольку мы все получаем вещи, которые ничем не отличаются друг от друга, нам приходится изменять фабричную продукцию, улучшать и украшать ее, выражать в ней себя, определять по ней свой статус. Именно такова Земля, Баррент. Наши энергия и искусство, в сущности, упаднические. Мы вновь мастерим старую мебель, беспокоимся о ранге и статусе, занимаемся всякой чепухой, а в то же время миллионы планет остаются неисследованными и неосвоенными. Наше общество давным-давно перестало расти. Стабильность привела к стагнации. А пренебрежение к отдельной личности — к тому, что человек вынужден загонять свою индивидуальность вглубь себя или сублимировать ее в каких-то мелочах. Я думаю, за время своего пребывания на Земле вы уже видели немало примеров, подтверждающих мои слова.

— Да. Но я не ожидал услышать подобное от Шефа Тайной Полиции.

— Я не обычный человек, — насмешливо улыбнулся Древиньян. — А Тайная Полиция не обычное учреждение.

— Она должна быть очень эффективной. Как вы узнали обо мне?

— Это было весьма просто. Большинство людей Земли с детства кондиционированы на послушание и конформизм. Это значительная часть нашего населения. Почти все встреченные вами

люди могли определить, что с вами не все в порядке. Вы так же бросались в глаза, как волк среди овец. Люди замечали, что вы отклоняетесь от нормы, и докладывали нам.

— Ладно, — сказал Баррент. — А теперь что?

— Сначала я хотел бы, чтобы вы рассказали мне об Омеге.

Баррент рассказал Шефу Полиции о своей жизни на планете-тюрьме. Древиньян кивнул, на губах его блуждала слабая улыбка.

— Да, именно этого я и ожидал, — сказал он. — На Омеге произошло то же самое, что происходило в древней Америке и Австралии. Конечно, существуют и некоторые различия — вы ведь были полностью отгорожены от метрополии. Но у вас есть та же яростная энергия и та же безжалостность.

— И что вы собираетесь делать? — спросил Баррент.

Древиньян пожал плечами:

— Это в общем-то не имеет особого значения. Разумеется, я мог бы убить вас. Но это не помешает вашей группе на Омеге послать новых шпионов или захватить один из тюремных кораблей. Как только омегеане начнут вводить в действие крупные силы, они все равно узнают правду.

— Какую правду?

— Теперь-то уж она должна быть для вас очевидна, — сказал Древиньян. — Земля почти восемьсот лет не вела войн. Мы не сумеем наладить действенную оборону. Сторожевые корабли вокруг Омеги — это чистый блеф. Корабли полностью автоматизированы, а их программы отвечают условиям, которые существовали сотни лет назад. Корабль нетрудно захватить решительной атакой. А когда заполучишь один, остальные падут сами по себе. После этого ничто не сможет помешать омегеанам вернуться на Землю, а на Земле с ними некому будет сражаться. Именно поэтому всех заключенных, когда они покидают Землю, разлучают с их воспоминаниями. Если бы они помнили, то беззащитность Земли была бы совершенно очевидна.

— Если вам это известно, — спросил Баррент, — то почему ваши лидеры бездействуют?

— Вначале мы собирались что-нибудь предпринять. Но серьезных стимулов у нас не было — мы считали, что статус-кво продержится неопределенно долго. Мы не хотели думать, что может

прийти день, когда омегеане вернутся на Землю.

— А как собиралась в таком случае действовать ваша полиция?

— Полиция — тоже блеф, — уведомил его Древиньян. — У меня нет никакой полиции. А пост Шефа — просто громкое название и более ничего. Уже почти век Земле не требовались полицейские силы.

— Они вам потребуются, когда вернутся омегеане, — сказал Баррент.

— Да, снова появится преступность... Но все же я думаю, что окончательное слияние будет успешным. У вас на Омеге есть энергия и стремление достичь звезд. Я считаю, что вы нуждаетесь в определенной стабильности и культуре. А это вам может дать Земля. Какими бы ни были результаты объединения — оно неизбежно. Мы здесь слишком долго жили во сне; чтобы пробудить нас, потребуется насилие.

Древиньян поднялся.

— А теперь, — предложил он, — раз судьба Земли и Омеги, кажется, решена, не могу ли я предложить вам что-нибудь освежающее?

Глава 29

С помощью Шефа полиции Баррент оставил послание на борту корабля, вскоре отбывающего на Омегу. В письме Баррент сообщал о ситуации на Земле и побуждал Вторую Группу к немедленным действиям. Теперь, когда главная задача была выполнена, у него оставалось еще одно дело — найти судью, приговорившего его за преступление, которого он не совершал, и лживого осведомителя, выдавшего его судье. Баррент знал, что, только поговорив с ними, он сможет вновь обрести отсутствующие фрагменты своих воспоминаний.

Он отправился ночной экспресс-дорогой в Янгерстаун. Подозрения, резко обостренные жизнью на Омеге, не давали ему покоя. В истории его злоключений скрывалась какая-то загадка, и Баррент надеялся в Янгерстауне найти к ней ключик.

Он приехал в город ранним утром. Перед ним аккуратными рядами стояли дома — такие же, как и в любом другом городе. Но

Баррент сразу же узнал их, и у него защемило сердце. Он вспомнил этот городок, и одинаковые дома приобрели для него индивидуальность и значение. Баррент родился и вырос в этом городке, Янгерстауне.

Вот магазин Гротмейра, а через улицу — дом Хейвенинга, лучшего мастера в округе по украшению интерьера. Вот тут — дом Вилли Хейвлена. Вилли был лучшим другом Баррента. Они оба собирались стать звездолетчиками, и остались добрыми друзьями после школы — пока Баррента не приговорили к Омеге.

А вот дом Эндрю Теркейлера. А дальше по улице школа, в которой Баррент учился. Баррент вспомнил, как проходили занятия и как каждый день он переступал порог закрытого класса. Но вот чему его там учили, вспомнить он не смог.

А вот здесь, неподалеку от двух огромных вязов, и произошло то убийство. Баррент остановился на том самом месте, где когда-то лежало тело, и вспомнил, как это было. Он шел домой. Откуда-то слева до него донесся вопль. Баррент обернулся и человек — Иллиарди? — пробегая мимо, что-то в него кинул. Баррент инстинктивно поймал предмет и обнаружил, что держит в руках пистолет. Несколькими шагами дальше он увидел искаженное лицо мертвого Эндрю Теркейлера.

А что случилось потом?

Смятение. Паника. Ощущение, что кто-то смотрит, как он стоит над трупом с оружием в руке. Вон там, в конце улицы, было убежище, к которому Баррент потом побежал...

Он медленно пошел туда и вспомнил, что там находилась кабина робота-исповедника.

Баррент вошел в кабину. Она была очень тесной. В воздухе чувствовался слабый запах ладана. Перед большим пультом со множеством мигающих лампочек стоял стул.

— Доброе утро, Уилл, — поздоровался пульт.

Когда Баррент услышал этот мягкий механический голос, его вдруг охватило ощущение полнейшей беспомощности. Теперь он вспомнил. Этот бесстрастный голос все знал, все понимал и ничего не прощал. Этот искусственный голос поговорил с ним, выслушал, а затем осудил. В своем сне Баррент персонифицировал робота-исповедника в образе человека-судьи.

— Вы помните меня? — спросил Баррент.

— Конечно, — сказал робот-исповедник. — Прежде чем отправиться на Омегу, ты был одним из моих прихожан.

— Это вы отправили меня туда?

— За преступление, за убийство.

— Я не совершал этого преступления! — разъярился Баррент. — Я не совершал его. Вы должны были, это знать.

— Конечно, я знал, — согласился робот-исповедник. — Но мои права и обязанности строго определены. Я приговариваю согласно доказательствам, свидетельствам, а не интуиции. По закону роботы-исповедники должны взвешивать только представленные им конкретные доказательства. Приговор выносится даже тогда, когда у робота-исповедника возникают какие-то сомнения. Практически, одно лишь присутствие передо мной человека, обвиняемого в убийстве, должно восприниматься как презумпция его виновности.

— Против меня были доказательства?

— Да.

— Кто их дал?

— Я не могу тебе открыть его имя.

— Вы должны, — вышел из себя Баррент. — Времена на Земле меняются. Заключенные возвращаются домой. Вы знаете это?

— Я этого ожидал, — сказал робот.

— Я должен узнать имя осведомителя, — отчеканил Баррент.

Он вынул из кармана иглолучевой пистолет и подошел к пульту.

— Машину нельзя принудить, — уведомил его робот-исповедник.

— Назови мне его имя! — крикнул Баррент.

— Мне не следует этого делать ради твоего же блага. Опасность будет слишком велика. Поверь мне, Уилл...

— Имя!

— Хорошо. Ты найдешь осведомителя на Кленовой улице, в доме номер тридцать пять. Но я серьезно советую тебе туда не ходить. Ты будешь убит. Ты просто не знаешь, что...

Баррент нажал на курок и узким лучом, словно косой, прошелся по пульту. Лампочки вспыхнули и погасли, когда он перерезал переплетенные провода. Из пульта заструился легкий серый дымок.

Баррент покинул кабину. Он положил иглолучевой пистолет обратно в карман и пошел на Кленовую улицу.

Он бывал здесь раньше. Он знал эту улицу, заросшую дубами и кленами, круто поднимавшуюся к вершине холма. Эти фонари были его старыми друзьями, эта трещина на тротуаре — древним ориентиром, а дома — добрыми знакомыми. Они, казалось, выжидающе тянулись к нему — точно зрители, ожидающие финала почти забытой драмы.

Он стоял перед домом номер тридцать пять. Безмолвие, окружавшее этот обыкновенный дом с большими белыми ставнями, показалось Барренту зловещим. Он вытащил из кармана иглолучевой пистолет, пытаясь найти успокоение, которого, как он знал, ему не найти. Затем он толкнул переднюю дверь. Она открылась. Баррент шагнул в дом.

Он увидел терявшиеся в полумраке смутные контуры ламп, мебели, отблеск картины, висевшей на стене, статуэтку на эбонитовом пьедестале. Держа пистолет в руке, он зашел в следующую комнату.

И столкнулся лицом к лицу с осведомителем.

На него нахлынул безудержный поток воспоминаний... Баррент снова был ребенком. Он видел себя, входящим в закрытый класс. Он снова слышал утешающее гудение механизмов, видел, как мигают и вспыхивают красивые огоньки, слушал шепчущий ему на ухо голос машины. Первое время Баррент боялся этого голоса, который предлагал ему делать ужасные вещи. Но затем, постепенно, Баррент привык и к голосу, и к остальным странностям закрытого класса.

Баррент учился, учился на подсознательном уровне. Обучающие машины искусно сплетали тонкую сеть, связывая основные стремления человека и его инстинкт самосохранения с требуемой моделью поведения. А затем замуровывали эти уроки в подсознании, заминировав барьер, который их отделял от сознания.

Так чему же они его научили?

Для общего блага ты должен принимать на себя ответственность за каждое преступление, которое могло бы быть совершено тобой.

Лицо осведомителя равнодушно смотрело на Баррента. Это было его собственное лицо, отраженное в зеркале на стене.

Управляемый подсознательными импульсами, он сам донес на себя в тот день, когда стоял с пистолетом в руке над телом убитого человека. Презумпция виновности была слишком велика, чтобы он

мог устоять, подобие вины превратилось в саму вину. Он пошел к кабине робота-исповедника и дал там полные и исчерпывающие доказательства против самого себя, поскольку он мог совершить это преступление.

Робот-исповедник вынес обязательный приговор, и Баррент покинул кабину. Хорошо обученный на уроках в закрытом классе, он взял себя под стражу и отправился в ближайший центр контроля над мыслями в Трентоне. К тому времени у него уже наступила частичная амнезия, как того и требовала модель поведения, которой он подсознательно следовал.

Умелые техники-андроиды в центре контроля над мыслями немало потрудились, чтобы превратить частичную амнезию в полную. А в качестве стандартной меры предосторожности ему имплантировали ложные воспоминания о «совершенном» преступлении и о неограниченном могуществе Земли.

Когда работа была завершена, Баррент, выполняя заложенную в него программу, вышел из центра, доехал специальной экспресс-дорогой до стоянки тюремного корабля, вошел в свою камеру и запер за собой дверь. Во время полета Баррент беспробудно спал, а затем подсевшие на контрольном пункте охранники разбудили заключенных для высадки на Омегу.

А сейчас, когда Баррент пялился на собственное лицо, отраженное в зеркале, он осознал последний из уроков закрытого класса.

Уроки закрытого класса никогда не должны быть осознаны. В противном случае человек немедленно должен совершить акт самоуничтожения.

Теперь он понял, почему так легко покорить Землю: потому что на самом-то деле он ничего не покорил. Земле не нужны были силы безопасности — ведь полицейский и палач были имплантированы в мозг каждого человека. Под поверхностью мягкой и приятной земной культуры скрывалась цивилизация роботов. А за осознание этой истины полагалась смерть.

И вот тут-то, в этот миг, началась настоящая борьба за Землю.

Вызубренная на подсознательном уровне модель поведения заставила Баррента поднять пистолет и направить его себе в голову. Именно об этом Баррента и пытался предупредить робот-

исповедник и именно это и наскренировала мутантка. Более молодой Баррент, превращенный кондиционированием в абсолютно бездумного конформиста, должен был убить себя.

Баррент постарше, который провел немало времени на Омеге, боролся с этим слепым порывом. Шизофренически раздвоенная личность Баррента сражалась сама с собой. Две части его разума бились за обладание оружием, за контроль над телом, за власть над душой.

Дуло пистолета замерло в нескольких дюймах от его головы. Рука задрожала. Затем новый, омегеанский Баррент — Баррент-2 — вынудил оружие медленно опуститься вниз.

Но победа была недолгой. Программа, заложенная в Барренте на уроках в закрытом классе, принуждала Баррента-2 вступить в борьбу с непреклонно жаждущим смерти Баррентом-1.

Глава 30

Кондиционирование взяло управление психикой Баррента на себя и отбросило дерущихся Баррентов назад сквозь субъективное время, к тем стрессовым ситуациям прошлого, где смерть была близка, где темпоральная ткань жизни была ослаблена, где предрасположенность к смерти была явной. Кондиционирование заставляло Баррента-2 вновь и вновь переживать эти мгновения. Но теперь опасность была стократ умножена силами пораженной метастазами конформизма половины его личности — рвущимся к смерти осведомителем, Баррентом-1.

Баррент-2 опять стоял в пылающем свете на залитой кровью арене с мечом в руке. Саунус — летучая черная рептилия со злобным лицом Баррента-1 — здорово наседала на него. Баррент-2 перерубил твари хвост, и она превратилась в трех трихомотредов — мелких гадин размером с крысу, с норовом бешеной росомахи и лицом Баррента-1. Баррент-2 убил двоих, а третий умудрился прокусить ему левую руку до кости. В конце концов Баррент-2 убил и его, и на мокрый песок полилась кровь Баррента-1.

Трое оборванцев смеялись, сидя на скамейке, а девушка тайком передала ему маленький пистолет.

— Удачи, — пожелала она. — Надеюсь, вы знаете, как им

пользоваться.

Баррент благодарно кивнул головой, прежде чем заметил, что девушка была не Мойрой, это была мутантка, которая наскренировала ему быструю смерть. И все же он вышел на улицу и встретился лицом к лицу с тремя Хаджи.

Двое из них были незнакомцами с добрыми лицами. Третий — Баррент-1 — с пренебрежительной миной на лице, опустив оружие, шагнул вперед. Но увидев, что Баррент-2 вооружен, он сразу же вскинул пистолет и прицелился.

Баррент-2 упал на землю, нажал на курок и почувствовал, как по руке прокатилась волна вибрации. Голова и плечи Хаджи Баррента почернели и начали рассыпаться в пыль. Баррент-2 не успел прицелиться в оставшихся двух Хаджи — что-то тяжелое обрушилось на пистолет и выбило его из рук Баррента. Выстрел умирающего Хаджи смял кончик дула.

Баррент отчаянно кинулся к оружию, прекрасно понимая, что это бесполезно, и он не успеет вовремя до него дотянуться. Баррент увидел, что второй человек, носящий теперь лицо Баррента-1, тщательно прицеливается в него. Баррент-2 почувствовал, как вспыхнула боль в его руке, уже и так порванной зубами трихомотреда. Он сумел выстрелить в этого Баррента-1 и сквозь пелену боли увидел перед собой третьего Хаджи — тоже Баррента-1. Рука его быстро немела, но он заставил себя нажать курок...

— Ты играешь в игру, — сказал себе Баррент-2. — Кондиционирование тебя убьет. Ты не на Омеге, ты на Земле, то, что ты видишь, — это всего лишь иллюзия. Иллюзия и ничего больше. Ты не должен обращать на нее внимания. Смотри на то, что скрывается за ней...

Но на размышления не было времени. Баррент стоял на каменной сцене в большом круглом помещении, которое находилось в подвале Министерства Юстиции, и ждал, когда начнется испытание Божьим Судом. К Барренту уже катилась сверкающая полусферическая машина, высотой почти в четыре фута. Она неуклонно надвигалась на Баррента, и в узоре из мигавших на ее шкуре красных, зеленых и янтарных лампочек он различил злобное лицо Баррента-1.

Это было абстрактное, но в то же время высшее воплощение его

врага; инвариантное роботизированное создание, столь же фальшивое и стилизованное, как кондиционированные сны о Земле. Машина Баррент-1 выдвинула стальное щупальце, на конце которого замигал белый огонек. Когда она приблизилась, щупальце втянулось обратно, и вместо него появилась многочленистая рука, заканчивающаяся лезвием ножа. Рука метнулась вперед, но Баррент сумел увернуться. Он услышал, как лезвие ножа заскрежетало о камень.

— Это совсем не то, что ты думаешь, — сказал себе Баррент-2. — Здесь нет никакой машины, и ты не на Омеге. Ты лишь борешься с половиной самого себя. То, что ты видишь, — смертоносная иллюзия.

Но он не мог в это поверить. Машина Баррент-1 снова шла в атаку. На ее металлической шкуре появилась тускло-зеленая субстанция, в которой Баррент узнал контактный яд. Ускорив свои шаги, он начал кружить по арене, стараясь избежать рокового прикосновения.

— Оно не смертельно, — сказал он себе.

Машина остановилась. Струи нейтрализатора омыли ее поверхность, очищая от яда.

Машина набрала скорость и помчалась прямо на Баррента, стараясь его раздавить. Баррент-2 без особого энтузиазма пытался оттолкнуть ее в сторону. Она врезалась в него, и он почувствовал, как ломаются ребра.

Это все иллюзия! Ты позволяешь условному рефлексу убить тебя! Ты не на Омеге! Ты на Земле, в своем собственном доме, смотришься в зеркало!

Но боль была реальной, и металлическая рука с дубинкой была вполне реальной, когда она с силой обрушилась ему на плечо. Баррент зашатался.

Он почувствовал ужас — не потому, что умирает, а потому, что умирает слишком рано, не успев предупредить Вторую Группу об этой последней ловушке. Ловушке, установленной в их собственных мозгах. Кроме него никто не сможет предупредить омегеан о катастрофе, которая будет ждать каждого, кто восстановит свои воспоминания о Земле. Насколько он знал, никто, испытавший такое, не выжил. Если он все-таки умудрится выжить, то можно

будет принять контрмеры, можно будет установить контркондиционирование.

Он поднялся на ноги. Воспитанная в нем с детства ответственность перед обществом дала о себе знать. Баррент не мог позволить себе умереть, будучи единственным обладателем таких важных для Омеги сведений.

Это не настоящая машина!

Он повторял это себе, когда машина Баррент развернулась, набирая скорость, и понеслась к нему с пронзительным визгом. Он заставил себя увидеть то, что скрывалось за машиной, — терпеливые монотонные уроки в закрытом классе, создавшие в его разуме, это чудовище.

Это не настоящая машина!

И наконец он поверил…

Размахнувшись, он ударил кулаком по неказистому лицу, отраженному в металле.

Был миг ошеломляющей боли, а затем Баррент потерял сознание. Когда он пришел в себя, то был один в своем собственном доме на Земле. Рука и плечо у него болели и, видимо, были сломаны несколько ребер. На его левой руке виднелся стигмат от укуса трихомотреда.

Но своей порезанной и кровоточащей правой рукой он вдребезги разбил зеркало. Он окончательно и бесповоротно превратил в осколки и зеркало, и Баррента-1.

Хождение Джоэниса

ПРОЛОГ

Невероятный мир Джоэниса существовал более чем тысячу лет назад, в глубоком и туманном прошлом. Известно, что путешествие нашего героя началось около 2000 года и завершилось в начале современной эпохи. То время примечательно взлетом промышленной цивилизации. XXI век, век безумного увлечения техникой, породил странные творения, незнакомые читателю. И все же большинство из нас рано или поздно узнало, что имели в виду древние под “управляемым снарядом” или “атомной бомбой”. Детали некоторых из этих фантастических устройств можно увидеть во многих музеях.

Более скудны наши знания в области обычаев и законов того времени. И чтобы получить хоть какое-то представление о тогдашней религии и этике, необходимо обратиться к Хождению Джоэниса.

Без сомнения, сам Джоэнис был реальным лицом; однако мы никак не можем определить степень достоверности всех бытующих о нем историй. Некоторые из них - не изложение фактов, а скорее определение: рода моральные аллегории. Но даже и они отображают дух и характер той эпохи.

Настоящая книга, таким образом, есть сборник сказаний о путешественнике Джоэнисе и об удивительном и трагическом XXI веке. Некоторые истории подтверждаются документально, фигурируют в летописях, но большая их часть дошла до нас в устной форме, передаваясь от рассказчика к рассказчику.

Если не считать нашей книги, единственное письменное изложение Путешествия появляется в недавно опубликованных “Фиджийских сказаниях”, где, по очевидным причинам, роль Джоэниса отходит на задний план по сравнению с деяниями его друга Лама. Это существенно искажает содержание и совершенно не соответствует духу Путешествия. Руководствуясь вышеприведенными соображениями, мы решили создать книгу, в которой была бы правдиво описана для грядущих поколений

история Джоэниса.

Книга содержит также все написанное о Джоэнисе в XXI веке. К великому сожалению, эти записи весьма малочисленны и разрозненны и составляют лишь две главы: “Лам встречается с Джоэнисом” (из “Книги Фиджи”, каноническое издание) и “Как Лам поступил на военную службу” (также из “Книги Фиджи”, каноническое издание).

Все остальные истории, от Джоэниса или его последователей, передаются из уст в уста. Наш сборник запечатлевает в письменном виде слова самых известных современных рассказчиков без малейших искажений, во всем многообразии их точек зрения, стиля, характеров, морали, комментариев и т.д. Мы хотим поблагодарить рассказчиков за любезное разрешение записать их сказания. Их имена:

Маоа с Самоа,

Маубинги с Таити,

Паауи с Фиджи,

Пелуи с острова Пасхи,

Телеу с Хуахине.

Автор указывается в начале каждой главы. Мы приносим извинения многим блестящим рассказчикам, которых мы были не в состоянии включить в сборник и чьи труды будут использованы при составлении полного жизнеописания Джоэниса, с комментариями и вариантами.

Для удобства читателя истории расположены в хронологическом порядке, как главы развивающегося повествования, с началом, серединой и концом. Но мы предупреждаем читателя, чтобы он не ожидал последовательного и цельного изложения, так как некоторые части длинные, а некоторые короткие, одни сложные, а другие простые, в зависимости от индивидуальности рассказчика. Редакция, безусловно, могла бы сократить или расширить определенные главы, приведя их к одинаковому объему и наделив своим собственным качеством порядка и стиля. Но мы предпочли оставить притчи в оригинальном виде, чтобы читатель мог ознакомиться с описанием Хождения, не прошедшим никакой цензуры. Это будет справедливо по отношению к рассказчикам и позволит передать

правду о Джоэнисе, о людях, которых он встречал, и о странном мире, с которым он столкнулся.

Редакция дословно повторила повествования рассказчиков и без изменения привела два письменных памятника, ничего не добавив и воздержавшись от замечаний. Наши комментарии содержатся лишь в последней, завершающей главе.

Теперь, читатель, мы приглашаем тебя познакомиться с Джоэнисом и отправиться с ним в путешествие через последние годы старого мира и первые годы нового.

ДЖОЭНИС ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ

(Записано со слов Маубинги с Таити)

На двадцать пятом году жизни героя произошло событие, роковым образом повлиявшее на его судьбу. Чтобы пояснить значение этого события, сперва необходимо рассказать кое-что о нашем герое; а чтобы понять его, надо описать место, где он жил. Итак, начнем оттуда, стараясь как можно быстрее перейти к основной теме повествования.

Наш герой, Джоэнис, жил на маленьком атолле в Тихом океане, в двухстах милях к востоку от Таити. Остров этот, имеющий две мили в длину и не более трехсот ярдов в ширину, назывался Манитуатуа. Его окружал коралловый риф, а за рифом простирались синие воды океана. Именно сюда приехали из Америки родители Джоэниса для обслуживания электрооборудования, снабжавшего электричеством большую часть Восточной Полинезии.

Когда умерла мать Джоэниса, его отец стал работать один, а когда умер отец, Тихоокеанская электрическая компания потребовала, чтобы Джоэнис заступил на его место. Что он и сделал.

Судя по многим источникам, Джоэнис был высоким, крепкого телосложения молодым человеком с добрым лицом и хорошими манерами. Он взахлеб читал книги из богатой библиотеки отца и, будучи натурой романтической и чувствительной, предавался долгим размышлениям об истине, верности, любви, долге, судьбе, случайности и прочих абстрактных понятиях. В силу своего характера Джоэнис представлял себе положительные моральные нормы как нечто обязательное и думал о них всегда только

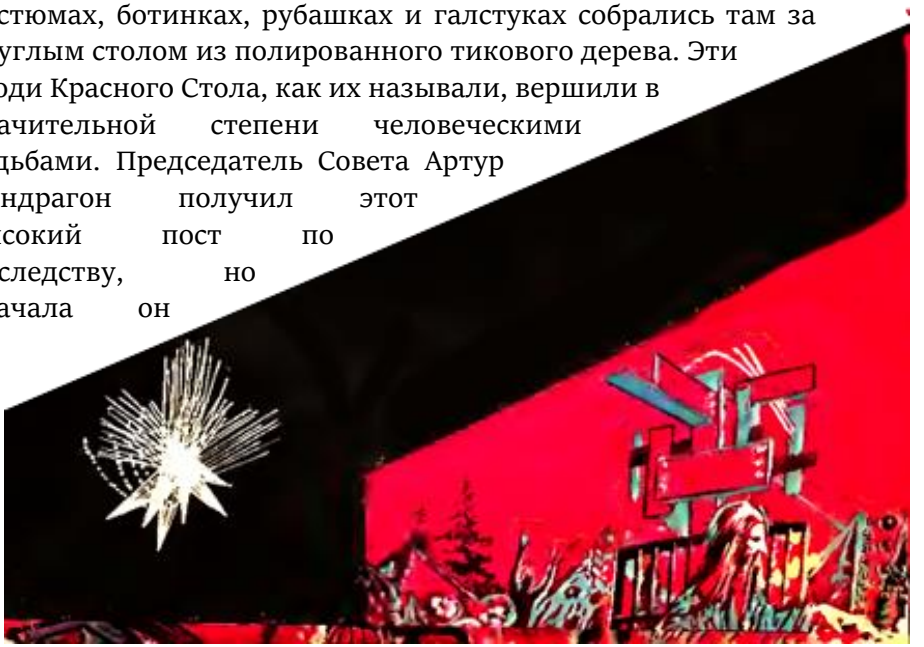
возвышенно.

Жители Манитуатуа, все полинезийцы с Таити с трудом понимали таких людей. Они с готовностью признавали, что добродетели, - это хорошо, но при малейшей возможности, предавались порокам. Хотя Джоэнис осуждал подобное поведение, ему нравились веселый характер, щедрость и общительность маннтуатуанцев. Не утруждая себя размышлениями о добродетелях, они, тем не менее умудрялись вести вполне достойную и приятную жизнь.

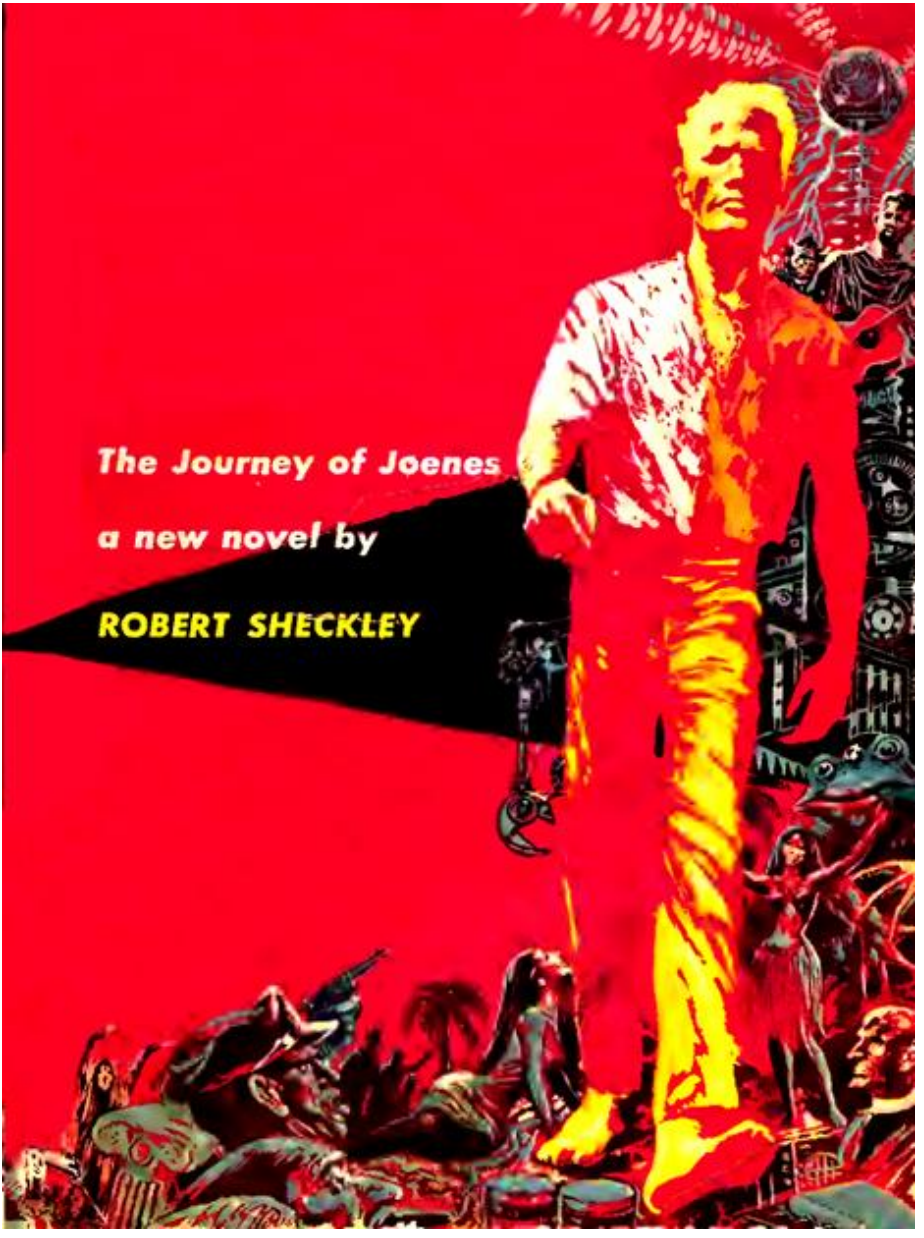
Постоянное общение с местными жителями не могло не оказывать влияния на характер Джоэниса, который постепенно менялся. Как считают некоторые, он сумел выжить лишь благодаря тому, что многое перенял у жителей Манитуатуа.

Но об этом можно лишь догадываться, влияние нельзя объективно измерить или оценить. Мы же ведем речь об исключительном событии, происшедшем в жизни Джоэниса, когда ему было двадцать с небольшим.

Истоки этого события следует искать в конференц-зале Тихоокеанской электрической компании, расположенной в Сан-Франциско, на западном побережье Америки. Солидные мужчины в костюмах, ботинках, рубашках и галстуках собрались там за круглым столом из полированного тикового дерева. Эти Люди Красного Стола, как их называли, вершили в значительной степени человеческими судьбами. Председатель Совета Артур Пендрагон получил этот высокий пост по наследству, но сначала он



выдержал тяжелую борьбу для того, чтобы занять законное место. Прочно обосновавшись, Артур Пендрагон распустил прежний Совет попечителей и назначил своих доверенных людей. Присутствовали: Билл Ланселот, финансовый воротила, Ричард Галахад, широко



известный своей благотворительной деятельностью, Остин Мордред, человек с большими политическими связями, и многие другие.

Финансовая империя, которую возглавляли эти лица, в последнее время пошатнулась, поэтому все они голосовали за единение сил и немедленную продажу всех владений, не дающих прибыли. Это решение, каким бы простым оно ни казалось, имело серьезные последствия.

На далеком Манитуатуа Джоэнис получил указание Совета остановить восточно-полинезийскую электростанцию и, таким образом, лишился работы. Что еще хуже, рухнул его привычный уклад жизни.

Всю следующую неделю он размышлял о своем будущем. Полинезийские друзья Джоэниса уговаривали его остаться с ними на Манитуатуа или переехать на один из больших островов, например на Хуахине, Бора-Бора или Таити.

Выслушав их, он удалился в уединенное место, чтобы поразмыслить над предложениями. Через три дня Джоэнис вернулся и объявил всем собравшимся о своем намерении отправиться в Америку, на родину предков, чтобы увидеть собственными глазами чудеса, о которых читал, и, возможно, найти там свою судьбу. Если окажется, что судьба его не там, он вернется к народу Полинезии с чистой душой и открытым сердцем, готовый к исполнению любых обязанностей, которые на него возложат.

Люди оцепенели от ужаса, когда услышали об этом, ибо американская земля слыла более неведомой и опасной, чем сам океан; а обитатели ее считались колдунами и магами, способными хитроумными заклятьями изменить даже образ мышления человека. Им казалось невероятным, что можно разлюбить коралловые побережья, лагуны, пальмы и остроносые каноэ. Тем не менее такое случалось и раньше. Некоторые полинезийцы, отправившиеся в Америку, попадали под ее чары и никогда оттуда не возвращались. Один из них даже посетил легендарную Мэдисон-авеню; но что нашел он там, осталось тайной, ибо тот человек больше не заговорил. Тем не менее Джоэнис твердо решил ехать.

Он был помолвлен с Тонделайо - манитуатуанской девушкой с золотистой кожей, миндалевидными глазами, смоляными волосами

и точеной фигурой. Джоэнис предполагал послать за своей невестой, как только обоснуется в Америке, или вернуться, если судьба окажется к нему неблагосклонной. Ни одно из этих предложений не встретило одобрения у Тонделайо, и она обратилась к Джоэнису на преобладавшем тогда местном диалекте со следующими словами:

- Эй, ты, глупый парень, хочешь плыть в Мелику? Зачем, эй? Разве в Мелике больше кокосовых орехов? Длинней пляжи? Лучше рыбалка? Нет! Ты думаешь, может быть, там интересней чумби-чумби? Так нет! Будет лучше, если ты останешься здесь, со мной, клянусь!

Вот таким образом красавица Тонделайо воззвала к разуму Джоэниса. Но он ответствовал ей:

- Любимая, ужель ты думаешь, что я хочу покинуть тебя, воплощение всех моих грез и средоточие желаний?! Нет, зеница ока моего, нет! Отъезд наполняет меня скорбью, ибо я не ведаю, какой рок поджидает меня в холодном мире на Востоке. Знаю лишь, что долг мужчины толкает меня вперед, к подвигам и славе, а если велит судьба, то и к самой смерти. Только поняв великий мир, смогу я вернуться и провести остаток дней своих здесь, на островах.

Прекрасная Тонделайо внимательно выслушала эти речи и глубоко задумалась. И обратилась девушка к Джоэнису со словами простой народной мудрости, передаваемой от матери к дочке с незапамятных времен:

- Послушай, малый, я думаю, все вы, белые, одинаковы. Сперва вы делаете чумби-чумби с маленькой wahino, и это хорошо, а потом вас тянет на сторону, я думаю, к белой женщине. Клянусь! Хотя пальмы растут, и кораллы тоже, но такой мужчина должен умереть.

Джоэнис мог лишь склонить голову перед древней мудростью островитянки. Но решимость его не дрогнула. Он знал, что ему суждено посетить Америку, откуда прибыли его родители, и принять уготованную ему судьбу. Джоэнис поцеловал Тонделайо, и она заплакала, поняв, что слова ее бессильны.

Окрестные вожди устроили пир в честь Джоэниса, где подавались островные деликатесы - консервированная говядина и консервированные ананасы. Когда на остров пришла торговая шхуна с обычным еженедельным грузом рома, они печально простились с любезным их сердцу Джоэнисом.

На этой шхуне Джоэнис, в ушах которого все еще звучали туземные мелодии, прошел мимо Хуахине и Бора-Бора, мимо Таити и Гавайских островов и наконец прибыл в Сан-Франциско.

ЛАМ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ДЖОЭНИСОМ

(Рассказано самим Ламом и записано в “Книге Фиджи”, каноническое издание)

Ну, вы знаете, как это бывает. Еще Хемингуэй говорил - выпивка ни к черту, и девчонка дрянь, и что вам тогда делать? Вот я и торчал в порту, поджидая еженедельную партию мескалина, и, можно сказать, бил баклуши: слонялся и глазел на толпу, на большие корабли, на Золотые Ворота. Вы знаете, как это бывает. Я только что прикончил бутерброд - итальянская салями на тминном хлебе - и надеялся на скорое прибытие травки, а посему чувствовал себя не так уж паршиво. То есть я хочу сказать, что необязательно чувствовать себя паршиво, даже если девчонка - дрянь.

Ну так вот, тот корабль пришел из дальних краев, и с него сошел парень. Такой, знаете, поджарый, высокий, с настоящим загаром и нехилыми плечами. Полотняная рубашка, обтрепанные штаны и вовсе никакой обувки. Я, естественно, решил, что он в порядке. То есть я имею в виду, он выглядел в порядке. Я подошел к нему и спросил, пришел ли груз.

Этот тип посмотрел на меня и сказал:

- Меня зовут Джоэнис. Я здесь впервые. Так я и понял, что он не в деле, и попросту отвел взгляд.

- Не знаете, где можно найти работу? - продолжал он. - Я первый раз в Америке и хочу узнать, что Америка может дать мне и что я могу дать Америке.

Я снова посмотрел на него, потому что теперь уже не был уверен, что он в порядке. В наши дни не каждый работает под хиппи, а иногда, если молотишь под простачка, прямиком можешь угодить в ту Чайную на Небесах, где заправляет Величайший Торговец наркотиками из всех. И я сказал этому Джоэнису:

- Ищешь работу? А что ты умеешь?

- Я разбираюсь в электрических трансформаторах.

- Потрясно.

- И играю на гитаре, - добавил он.

- Эй, парень! - воскликнул я. - Что же ты сразу не сказал! Я знаю одно местечко, где ты мог бы играть и клево калымить. Монета есть?

Этот Джоэнис едва лопотал по-английски, и мне приходилось ему все растолковывать. Но он быстро схватывал, насчет монеты и остального, и я предложил ему на некоторое время обосноваться в моей халупе. Когда девчонка все равно дрянь, почему бы и нет? И этот Джоэнис одарил меня улыбкой и сказал: конечно, он согласен. Еще он поинтересовался обстановкой и как тут можно поразвлечься. Он казался вполне в норме, даром что иностранец, и я его успокоил, что девчонки есть, а насчет других развлечений пускай пока держится меня, а потом видно будет. Он вроде усек, и мы двинули на хату. Я дал ему бутерброд с настоящим ржаным хлебом и куском швейцарского сыра - из Швейцарии, а не из Висконсина. Джоэнис был абсолютно на нуле, и мне пришлось ссудить его бренчалкой, так как свою гитару он оставил на островах, не знаю уж, где эти острова. И в тот же вечер мы выступили в кафе.

Надо сказать, что Джоэнис наделал переполоху своей гитарой и песнями, потому что пел на никому не понятном языке и мелодии были малость занудливы. Туристы пришли в поросячий восторг, будто им задаром отвалили акции “AT&T”. Джоэнис сорвал восемь долларов, чего хватило на пузырь русской - только не надо зудеть мне про патриотизм - и еще кое-какую закусь. И к нему приклеилась одна крошка не более пяти футов роста, потому что таким уж был Джоэнис. То есть он был высокий и здоровый, с широченными плечищами, да еще копна выгоревших волос. Для такого, как я, это посложнее, потому что хотя у меня и борода, и сам я крепкого сложения, но порой мне приходится потратить на поиски немало времени. А к Джоэнису их тянуло прямо как магнитом.

И вот Джоэнис, и эта крошка по имени Диедри Фейнстейн, и еще одна подружка, которую она взяла на мою долю, - все пошли ко мне. Я показал Джоэнису, как разминать зернышки и все прочее, мы наширялись и забалдели. То есть у нас был нормальный приход, а вот Джоэнис засверкал, как тысячеваттная фара “мазды”. И хоть я предупредил его о фараонах, которые бродят по улицам и аллеям Сан-Франциско, ища, кого бы упрятать в свои новенькие расчудесные тюрьмы, Джоэнису было море по колено. Забрался он

на кровать и стал толкать речь. Речь получилась потрясная, потому что этот жизнерадостный, улыбчивый парень из далекого захолустья действительно растрогался до глубины души. И сказал он так:

- Друзья мои, я пришел к вам из земли пальм и песка в надежде сделать славные открытия. Я считаю себя счастливей всех смертных, ибо в первый же вечер был представлен вашему кумиру, Королю Травке, и возвышен им, а не унижен. Мне явились чудеса этого мира, которые сейчас розовеют перед моими глазами и низвергаются радужным водопадом. Своего дорогого друга Лама я могу лишь бесконечно благодарить за это битниковское действо. Моей новой возлюбленной, сладчайшей Диедри Фейнстейн, я позволю себе сказать, что вижу разгорающееся внутри меня великое пламя и чувствую сотрясающую меня бурю. Подружке Лама, чье имя я, к сожалению, не разобрал, спешу поведать, что люблю ее любовью брата, страстной и в то же время невинной, как новорожденный младенец. А...

Надо сказать, что у этого Джоэниса голос был неслабый, то есть он ревел, как морской лев в брачный период, а такой звук никак не назовешь тихим. Соседи сверху - они у меня добропорядочные граждане, которые встают в 8 утра и отправляются на работу, - стали стучать в потолок и орать, что чаша их терпения переполнилась и что они вызвали полицию, то есть фараонов.

Джоэнис и девочки были в отрубе, но я всегда сохраняю ясную голову на случай опасности, что бы ни клубилось в легких и ни струилось в венах Я хотел спустить оставшуюся травку в туалет, но Диедри, вконец рехнувшаяся от этого зелья, потребовала спрятать зернышки в самом интимном месте ее тела, где, по ее словам, они будут в полной безопасности. Я выволок их всех на улицу (причем Джоэнис не пожелал расстаться со своей гитарой) как раз вовремя. Подкатил фургон, и из него высыпали фараоны. Я настропалил свою команду идти прямо, как солдатики, потому что лучше не шутить.

Мы шагали кое-как, а фараоны пристроились рядом и стали бросать нам замечания насчет битников, аморального поведения и всего такого. Я старался, чтобы мы топали вперед, но с Диедри было не совладать. Она повернулась к фараонам и выложила все, что о них думала. Это очень неразумно, если у вас такое богатое воображение

и такой лексикон, как у Диедри.

Их старший, сержант, сказал:

- Ладно, сестрица, пошли-ка с нами. Мы тебя забираем, усекла?

И они поволокли отбрыкивающуюся Диедри к своему фургону. Я заметил, что лицо Джоэниса принимает задумчивое выражение, и понял, что беды не миновать, потому что он, наширявшись, уж очень сильно возлюбил Диедри и вообще всех, кроме фараонов.

Я сказал ему:

- Парень, не вздумай что-нибудь выкинуть. Нашему веселью пришел конец, а если Диедри с нами не будет, то на нет и суда нет. Она вечно не в ладах с фараонами, с тех пор как приехала изучать Дзен. Ее забирают все время, и ей это совершенно по нулям, потому что ее отец - Шон Фейнстейн, который может купить все, что ты успеешь перечислить за пять секунд. Она очухается и выйдет. Так что и пальцем не шевели, даже не оглядывайся, потому что твой отец - не Шон Фейнстейн и вообще не кто-нибудь, о ком я слыхал.

Вот так я пытался успокоить и урезонить Джоэниса. Но он встал как вкопанный. В свете уличного фонаря, с гитарой в руке, он выглядел настоящим героем.

- Чего тебе надо, малый? - поинтересовался сержант.

- Уберите руки от этой девушки! - потребовал Джоэнис.

- Эта наркоманка, которую ты называешь девушкой, нарушила статью четыреста тридцать один дробь три Уголовного кодекса города Сан-Франциско. Так что не суй нос не в свое дело, приятель, и не вздумай бренчать на этой укулеле на улицах после двенадцати ночи.

Я хочу сказать, что по-своему этот сержант был совсем неплохим парнем.

Но здесь Джоэнис толкнул речь, то есть не речь, а конфетку. К сожалению, я сейчас не припомню дословно, но смысл ее сводился к тому, что законы создаются людьми и, следовательно, должны учитывать дурную натуру человека и что подлинная мораль заключается в следовании истинным требованиям просвещенной души.

- А, красный... - пробормотал сержант. И в мгновение ока, а то и быстрей они затащили Джоэниса в фургон.

Само собой, Диедри на следующее утро выпустили - может, из-

за отца, а может, и из-за ее неотразимого поведения, известного всему Сан-Франциско. Но Джоэнис, хоть мы и перерыли всю округу вплоть до Беркли, как в воду канул.

Говорю вам, как в воду канул! Что случилось с этим светловолосым, обожженным солнцем трубадуром с сердцем большим, как мир? Куда он пропал с моей гитарой и с моей почти самой лучшей обувкой? Полагаю, одни фараоны знают, а они-то уж не скажут. Но я навсегда запомнил Джоэниса, который, как Орфей у врат ада, вернулся на поиски своей Эвридики и тем самым разделил судьбу златоголосого певца. То есть, конечно, это не совсем так, и все же похоже. И кто знает, в каких дальних краях странствует сейчас Джоэнис с моей гитарой?

СЕНАТСКАЯ КОМИССИЯ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Джоэнис никак не мог знать, что в то время в Сан-Франциско проводила расследование Сенатская Комиссия Американского Конгресса. Но полиции это было известно. Интуитивно почувствовав в Джоэнисе потенциального свидетеля, следователь привел его из тюрьмы в зал заседаний Комиссии.

Председатель Комиссии, сенатор Джордж У. Пелопс, сразу спросил у Джоэниса, что тот может сказать о себе.

- Я ни в чем не виноват, - выпалил Джоэнис.

- Ага, - отреагировал Пелопс, - но разве вас в чем-то обвинили? Может быть, я? Или кто-нибудь из моих славных коллег? Если так, то я хотел бы немедленно об этом услышать.

- Нет, сэр, - молвил Джоэнис. - Я просто подумал...

- Мысли не являются уликами, - заявил Пелопс. Затем он поскреб лысину, поправил очки и торжественно повернулся к телевизионной камере:

- Этот человек, по его собственному признанию, не был обвинен ни в каком преступлении, совершенном злонамеренно или же по заблуждению. Мы всего лишь предложили ему говорить, согласно привилегии и обязанности Конгресса. И все же каждое его слово выдает сознание вины. Я считаю, джентльмены, мы должны расследовать это дело.

- Я желаю видеть адвоката, - сказал Джоэнис.

- Вам не полагается адвокат, так как эго не судебный процесс, а слушание Комиссии Конгресса, только устанавливающей факты. Но мы обратим самое пристальное внимание на ваше требование. Могу я поинтересоваться, зачем предположительно невиновному человеку требуется адвокат?

Джоэнис, прочитавший немало книг на Манитуатуа, пробормотал что-то о законности и своих правах. Пелопс ответствовал ему, что Конгресс является охранником его прав, так же как создателем законов. Следовательно, Джоэнису нечего бояться, если он будет отвечать правду. Джоэнис принял это близко к сердцу и дал обещание отвечать правду.

- Благодарю вас, - сказал Пелопс. - Хотя обычно мне не приходится просить, чтобы отвечали правду. Впрочем, возможно, это не имеет значения. Скажите, мистер Джоэнис, вы действительно верите во все то, что упомянули в своей речи прошлой ночью на улице Сан-Франциско?

- Я не помню никакой речи, - ответил Джоэнис.

- Вы отказываетесь отвечать на этот вопрос?

- Я не могу ответить. Я не помню. Полагаю, на меня влиял алкоголь.

- Помните ли вы, с кем были прошлой ночью?

- Кажется, с одним человеком по имени Лам и еще с девушкой, Диедри...

- Нам не нужны их имена, - торопливо перебил Пелопс. - Мы всего лишь спросили вас, не помните ли, с кем вы были. Вы ответили, что помните. Должен сказать, мистер Джоэнис, что у вас весьма удобная память, которая фиксирует одни факты и отвергает другие, имевшие место в течение одного отрезка времени.

- То не факты, - возразил Джоэнис. - То люди.

- Комиссия не просит вас шутить, - сурово отчеканил Пелопс. - Официально предупреждаю вас, что уклончивые, безответственные и вводящие в заблуждение ответы, а также молчание будут рассматриваться как неуважение к Конгрессу, что является нарушением федеральных законов и влечет за собой тюремное заключение сроком до одного года.

- Я не хотел сказать ничего такого, - поспешно заверил Джоэнис.

- Очень хорошо, продолжим. Вы отрицаете, что прошлой ночью произносили речь?

- Нет, сэр, я не отрицаю этого.

- В таком случае не отрицаете ли вы, мистер Джоэнис, что суть вашей речи касалась так называемого права каждого человека низвергать государственные законы? Или, другими словами, отрицаете ли вы, что подстрекали к бунту тех инакомыслящих, кого могли сбить ваши состряпанные за границей воззвания? Или, чтобы вам стало абсолютно ясно, что вы пропагандировали насильственное свержение правительства, опирающегося на свои законы? Можете ли вы оспаривать тот факт, что содержание и смысл вашей речи сводились к нарушению тех свобод, которые дали нам наши Отцы-Основатели и которые вообще позволяют вам говорить, каковой возможности вы, безусловно, не имели бы в Советской России? Смеете ли вы утверждать, что эта речь, замаскированная пустыми словечками из жаргона богемы, не является частью обширного плана, направленного на подрыв изнутри и прокладывание пути для внешней агрессии, в каковой цели вы пользуетесь молчаливым одобрением, если не явной поддержкой определенных лиц в нашем Государственном департаменте? И что, наконец, эта речь, произнесенная якобы в состоянии опьянения, но при полном сознании вашего так называемого права на подрывные действия в условиях демократии, где возможности возмездия, по вашему мнению, ограничены Конституцией и Биллем о правах, которые существуют не для помощи стоящим вне закона элементам, как вам думается, а, напротив, для охраны свобод народа от таких наемников, как вы? Так это или не так, мистер Джоэнис? Я прошу дать простой и однозначный ответ.

- Мне бы хотелось прояснить...

- Пожалуйста, отвечайте на вопрос, - ледяным тоном отрезал Пелопс. - Да или нет.

Джоэнис лихорадочно соображал, вспоминая все, что читал на родном острове об американской истории.

- Ваши утверждения чудовищны! - наконец воскликнул он.

- Мы ждем ответа! - провозгласил Пелопс.

- Я настаиваю на своих конституционных правах, а именно на Первой и Пятой поправках, - сказал Джоэнис, - и, со всем уважением

к вам, отказываюсь отвечать.

Пелопс зловеще улыбнулся:

- Этот номер у вас не пройдет, мистер Джоэнис, поскольку Конституция, за которую вы сейчас так цепляетесь, была пересмотрена или, точнее, обновлена теми из нас, кто дорожит ее неизменностью и оберегает ее от выхолащивания. Упомянутые вами поправки, мистер Джоэнис, - или, может быть, мне следует называть вас товарищем Джоэновым? - не позволяют вам хранить молчание по причинам, которые с радостью объяснил бы любой член Верховного Суда - если бы вы удосужились спросить его!

Эта сокрушительная речь в корне подавила любое возражение. Даже видавшие виды репортеры, присутствовавшие в зале, были поражены до глубины души. Джоэнис сперва побагровел, а затем побелел как смерть. Поставленный в безвыходное положение, он все же раскрыл рот, чтобы отвечать, но в этот миг был спасен вмешательством одного из членов Комиссии, сенатора Зарешеткинга.

- Прошу прощения, сэр, - обратился сенатор Зарешеткинг к Пелопсу, - прошу прощения также у всех, кто ждет ответа на вопрос. Я хочу лишь кое-что сказать и требую, чтобы мои слова занесли в протокол, потому что иногда человек должен, говорить прямо,, несмотря на то, что это может, причинить ему боль, и даже нанести политический и материальный ущерб. И все же такой человек, как я, обязан высказаться, когда долг велит ему высказаться, невзирая на последствия и полностью сознавая, что это может противоречить общественному мнению. Таким образом, я желаю сказать следующее: я - старый человек и многое повидал на своем веку. Мой долг заявить, что я - смертельный враг несправедливости. Меня называют консерватором, но, в отличие от некоторых, я не могу мириться с определенными вещами. И как бы меня кое-кто ни называл, я надеюсь, что не доживу до того дня, когда русская армия займет город Вашингтон. Таким образом, я выступаю против этого человека, этого товарища Джоэнова, но не как сенатор, а скорее как тот, кто ребенком резвился в холмистой местности к югу от Соур-Маунтин, кто ловил рыбу и охотился в глухих лесах, кто постепенно взрослел и, наконец, постиг, что значит для него Америка, кто осознал, что соседи послали его в Конгресс для того, чтобы он

представлял там их и их близких, и кто теперь считает своим долгом сделать настоящее заявление. Именно по этой и только по этой причине я обращаюсь к вам со словами из Библии: “Зло есть грех!” Некоторые умники среди нас, возможно, посмеются, но так уж оно есть, и я глубоко в это верую.

Члены Комиссии разразились бурными аплодисментами. Хотя они много раз слышали речь старого сенатора, она неизменно будила в них самые высокие и благородные чувства. Председатель Пелопс, сжав губы, повернулся к Джоэнису.

- Товарищ, - спросил он с легкой иронией, - являетесь ли вы в настоящее время членом коммунистической партии и имеете ли членский билет?

- Нет! - воскликнул Джоэнис.

- В таком случае назовите ваших сообщников в то время, когда вы являлись членом коммунистической партии.

- У меня не было никаких сообщников. Я имею в виду...

- Мы отлично понимаем, что вы имеете в виду, - перебил Пелопс. - Так как вы решили не называть своих сотоварищей-предателей, не признаетесь ли вы нам, где находилась ваша ячейка? Нет? Так, тогда скажите нам, товарищ Джоэнов, не говорит ли вам что-нибудь имя Рональд Блейк. Или, проще выражаясь, когда вы в последний раз встречались с Рональдом Блейком?

- Я никогда с ним не встречался, - ответил Джоэнис.

- Никогда? Это очень смелое заявление. Вы пытаетесь заверить меня, что ни при каких обстоятельствах ни разу не встречались с Рональдом Блейком? Не сталкивались с ним самым случайным образом в толпе, не сидели в одном кинотеатре? Сомневаюсь, что кто-нибудь в Америке может вот так категорически утверждать, что никогда не встречался с Рональдом Блейком. Желаете ли вы, чтобы ваше заявление было занесено в протокол?

- Ну, знаете, возможно, я встречался с ним в толпе, то есть я хочу сказать, что я мог оказаться в одной толпе с ним; я не утверждаю наверняка.

- Но вы допускаете такую возможность?

- Пожалуй, да...

- Прекрасно, - одобрил Пелопс. - Наконец-то мы добираемся до сути. Причем я прошу вас ответить, в какой именно толпе вы

встречались с Блейком, что он вам сказал, что вы сказали ему, какие документы он вам передал и кому вы отдали эти документы...

- Я никогда не встречался с Арнольдом Блейком! - вскричал Джоэнис.

- Нам он был известен как Рональд Блейк, - сказал Пелопс. - Но мы, безусловно, заинтересованы в выяснении его псевдонимов. Заметьте, пожалуйста, что вы сами признали возможность связи с ним, а ввиду вашей установленной партийной деятельности эта возможность перерастает в вероятность столь значительную, что может рассматриваться как факт. Более того, вы сами выдали нам имя, под которым Рональд Блейк известен в партии, имя которого до сих пор мы не знали. Полагаю, этого достаточно.

- Послушайте, - взмолился Джоэнис. - Я не знаю ни этого Блейка, ни того, что он сделал.

- Рональд Блейк был обвинен в хищении чертежей новой малогабаритной двенадцатицилиндровой модели “студебеккера” повышенной комфортности и в продаже этих чертежей советскому агенту, - сухим голосом констатировал Пелопс. - После объективного суда, в соответствии с законом, приговор был приведен в исполнение. Позже были разоблачены, осуждены и казнены тридцать его соучастников. Вы, товарищ Джоэнов, являетесь тридцать первым членом самой крупной из до сих нор нами раскрытых шпионских организаций.

Джоэнис попытался что-то сказать, но обнаружил, что трясется от страха и не может выдавить ни слова.

- Данная Комиссия, - подытожил Пелопс, - наделена особыми полномочиями, поскольку она устанавливает факты, а не карает. Как ни обидно, нам приходится следовать букве закона. Поэтому мы передаем секретного агента Джоэниса в ведомство Генерального Прокурора, с тем чтобы он предстал перед справедливым судом и понес наказание, которое соответствующие органы правительства сочтут нужным наложить на изменника, заслуживающего только смерти. Заседание объявляется закрытым.

КАК ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

(Рассказано Пелуи с острова Пасхи)

Генеральный Прокурор, к которому попал Джоэнис, был высоким человеком с орлиным носом, узкими глазками и бескровными губами. Вообще его лицо казалось вырубленным из камня. Сутулый и молчаливо презрительный, величественный в своей черной бархатной мантии с гофрированным воротничком, Генеральный Прокурор являлся живым воплощением своего ужасного ведомства. Поскольку он был слугой карающего органа правительства, его долг заключался в том, чтобы никто из попавших к нему в руки не ушел от возмездия, и он добивался этого всеми доступными средствами.

Резиденция Генерального Прокурора находилась в Вашингтоне, но сам он происходил из города Афины, штата Нью-Йорк, и в годы молодости водил знакомство с Аристотелем и Алкивиадом, чьи произведения считаются высшим достижением американского гения.

Когда-то Афины были одним из городов Древней Греции, откуда возникла американская цивилизация. Рядом с Афинами находилась Спарта - милитаристское государство, главенствующее над городами Македонии в верхней части штата Нью-Йорк. Ионические Афины и дорическая Спарта вели между собой смертельную войну и утратили независимость. Но и попав под власть Америки, они сохранили большой вес в ее делах.

Пока все выглядело достаточно просто. У Джоэниса не было влиятельных друзей или политических соратников, и казалось, кара постигнет его без вреда для карающего. Соответственно, Генеральный Прокурор организовал Джоэнису всяческую возможную юридическую помощь, с тем чтобы его дело слушалось в знаменитой Звездной Палате. Таким образом, буква закона будет выполнена наряду с приятной уверенностью в вердикте присяжных. Ибо педантичные судьи Звездной Палаты, бесконечно преданные идее искоренения зла в любом его проявлении, никогда за всю свою историю не выносили другого решения, кроме решения о виновности.

После оглашения приговора Генеральный Прокурор намеревался принести Джоэниса в жертву на электрическом стуле в Дельфах, тем самым снискав благосклонность богов и людей.

Таков был его план. Но в ходе расследования выяснилось, что

отец Джоэниса происходил из Механиксвиля штата Нью-Йорк, да к тому же еще был членом муниципального совета. А мать Джоэниса была ионийкой из Майами - афинской колонии в глубинах дикарской территории. Поэтому определенные влиятельные эллины потребовали прощения оступившегося отпрыска уважаемых родителей во имя эллинического единства - немаловажной силы в американской политике.

Генеральный Прокурор, сам уроженец Афин, счел за лучшее удовлетворить эту просьбу. Поэтому он распустил Звездную Палату и послал Джоэниса к Великому Оракулу в Сперри, что встретило всеобщее одобрение, ибо сперрийский Оракул, так же как Оракулы из Дженмоторса и Дженэлектрикса, славился объективностью суждений о людях и их делах. Оракулы вообще так вершили правосудие, что заменили многие суды страны.

Джоэниса привезли в Сперри, и вскоре, с дрожью в коленках, он предстал перед Оракулом. Оракул был огромной вычислительной машиной весьма сложного устройства, с пультом управления, или алтарем, которому прислуживало множество жрецов. Все жрецы были кастрированы, дабы они не имели других помыслов, кроме заботы о машине. Верховный жрец был к тому же еще и ослеплен, чтобы он мог видеть грешников лишь глазами Оракула.

Когда вошел Верховный Жрец, Джоэнис пал перед ним на колени. Но жрец поднял его и сказал:

- Не страшись, сын мой. Смерть ожидает всех людей, и нескончаемые муки присущи их эфемерной жизни. Скажи мне, есть ли у тебя деньги?

- Восемь долларов и тридцать центов, - ответил Джоэнис. - Но почему вы об этом спрашиваете, отец?

- Потому, - молвил жрец, - что среди просителей существует обычай добровольно жертвовать деньги Оракулу. Но если у тебя нет денежных средств, равно принимаются недвижимость, облигации, акции, закладные и любые другие бумаги, которые считаются ценными в бренном мире.

- У меня нет ничего подобного, - печально ответствовал Джоэнис.

- А земли в Полинезии?

- Мои родители получили землю от правительства, и к нему она

должна вернуться. Не владею я и никаким другим имуществом, ибо этим вещам в Полинезии не придают значения.

- Значит, у тебя, ничего нет? - разочарованно спросил жрец.

- Ничего, кроме восьми долларов и тридцати центов, - сказал Джоэнис, - да гитары, которая принадлежит человеку по имени Лам из далекой Калифорнии. Но, отец, неужели это действительно необходимо?

- Разумеется, нет. Но и кибернетикам надо на что-то жить, и щедрый дар от просителя рассматривается как благое деяние, особенно когда приходит пора толковать слова Оракула. Некоторые также полагают, что бедный человек попросту мало трудился, раз не накопил денег для Оракула на случай судного дня и, следовательно, недостаточно благочестив. Но это не должно нас беспокоить. Сейчас мы представим твое дело и испросим решение.

Жрец взял заявление Генерального Прокурора и защитную речь адвоката Джоэниса и перевел их на тайный язык, каким Оракул общался с людьми. Вскоре пришел ответ:

"ВОЗВЕДИТЕ В ДЕСЯТУЮ СТЕПЕНЬ И ВЫЧТИТЕ КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ. НЕ ЗАБУДЬТЕ КОСИНУС, ИБО ЛЮДЯМ ДОЛЖНО ВЕСЕЛИТЬСЯ. ДОБАВЬТЕ Х" КАК ПЕРЕМЕННУЮ, СВОБОДНО ВЗВЕШЕННУЮ, НЕВЛЮБЛЕННУЮ. ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ, И Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН".

Получив это решение, жрецы собрались вместе на толкование слов Оракула. И вот что они сообщили:

ВОЗВЕСТИ – значит, исправить зло.

ДЕСЯТАЯ СТЕПЕНЬ - есть условия содержания и срок, в течение которого проситель должен работать на каторге, чтобы исправить зло; а именно десять лет.

КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ будучи мнимым числом, представляет воображаемое состояние благоденствия; также обозначает возможность обогащения и прославления просителя. В связи с этим предыдущий приговор объявляется условным.

"Х" ПЕРЕМЕННАЯ представляет собой воплощение земных фурий, среди которых будет обитать проситель и которые покажут ему всевозможные ужасы.

КОСИНУС - знак самой богини, оберегающей просителя от некоторых ужасов, уготованных фуриями; он обещает ему определенные земные радости.

ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ значит, что в данном случае соблюдается равенство между святым правосудием и человеческой виной.

Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН означает, что в дальнейшем проситель не должен обращаться к этому или другому Оракулу, так как решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Таким образом, Джоэниса приговорили к десяти годам условно. И Генеральный Прокурор вынужден был исполнить решение Оракула и освободить Джоэниса.

Оказавшись на свободе, Джоэнис продолжил свое путешествие по земле Америки. Он торопливо покинул Сперри и добрался на поезде до города Нью-Йорк. О том, что делал он там и что с ним приключилось, пойдет рассказ в следующей истории.

ДЖОЭНИС, ЧЕВОИЗ И ПОЛИЦЕЙСКИЙ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Никогда не видел Джоэнис ничего подобного великому городу Нью-Йорку. Бесконечные толкотня и спешка такого множества людей были ему незнакомы, они поражали воображение. Лихорадочная жизнь города не утихла и с наступлением вечера. Джоэнис наблюдал за Нью-Йоркцами, спешащими в погоне за развлечениями в ночные клубы и варьете. Город не испытывал недостатка в культуре, ибо огромное число людей отдавало свое время утраченному ныне искусству движущихся картинок.

К ночи суматоха стихла. Джоэнис увидел множество стариков и молодых людей, неподвижно сидящих на скамейках или стоящих у входа в метро. Их лица были ужасающе пусты, а когда Джоэнис обращался к ним, то не мог разобрать их вялых, невнятных ответов. Эти нетипичные Нью-Йоркцы вызывали у него беспокойство, и он был рад, когда наступило утро.

С первыми лучами солнца возобновилось бурление толпы. Люди толкали друг друга, в судорожной спешке стараясь куда-то попасть и что-то сделать. Джоэнис решил узнать причину всего этого и остановил одного прохожего.

- Сэр, - обратился к нему Джоэнис, - не могли бы вы уделить минуту вашего ценного времени и рассказать страннику о великой и целенаправленной деятельности, которую я наблюдаю вокруг?

- Ты что, псих? - буркнул прохожий и заторопился прочь.

Но следующий, кого остановил Джоэнис, тщательно обдумал свой ответ и произнес:

- Вы называете это деятельностью?

- Так, мне кажется, - ответил Джоэнис, глядя на бурлящую толпу. - Между прочим, меня зовут Джоэнис.

- А меня - Чевоиз.

- Чевоис?

- Нет, Чевоиз: как в “Чево изволите?”. В ответ на ваш вопрос я скажу вам, что то, что вы видите, - не деятельность. Это паника.

- Но чем вызвана такая паника? - поинтересовался Джоэнис.

- В двух словах объяснить это можно так: люди боятся, что если они прекратят суетиться, то кто-нибудь предположит, что они мертвы. Это очень скверно, если вас сочтут мертвым, потому что тогда вас могут выкинуть с работы, закрыть ваш текущий счет, повысить квартплату и отнести в могилу, как бы вы ни отбрыкивались.

Джоэнису ответ показался не правдоподобным, и он сказал:

- Мистер Чевоиз, эти люди не похожи на мертвых. Ведь на самом деле, без преувеличений, они не мертвы, правда?

- Я никогда не говорю без преувеличений, - сообщил ему Чевоиз. - Но так как вы приезжий, я постараюсь объяснить проще. Начнем с того, что смерть есть понятие относительное. Некогда определение ее было примитивным: ты мертв, если не двигаешься в течение длительного времени. Но современные ученые внимательно изучили это устаревшее понятие и добились больших успехов. Они обнаружили, что можно быть мертвым во всех важных отношениях, но все же передвигаться и разговаривать.

- Что же это за “важные отношения”? - спросил Джоэнис.

- Во-первых, - сказал Чевоиз, - ходячие мертвецы характеризуются почти полным отсутствием чувств. Они могут испытывать лишь страх и злобу, хотя иногда симулируют другие эмоции, подобно тому, как шимпанзе неумело притворяется читающим книгу. Далее. Во всех их действиях сквозит какая-то

роботообразность, которая сопутствует прекращению высших мыслительных процессов. Часто наблюдается рефлексивная склонность к набожности, что напоминает спазматическое дерганье цыпленка, которому только что отрубили голову. Из-за этого рефлекса многие ходячие мертвецы бродят вокруг церквей, а некоторые даже пытаются молиться. Других можно встретить на скамейках, в парках или возле выхода метро...

- А-а, - перебил Джоэнис, - гуляя вчера поздно вечером по городу, я видел таких людей.

- Совершенно верно, - подтвердил Чевоиз. – Это, те, кто уже не притворяются живыми. Но остальные копируют живых с умилительным старанием, в надежде остаться незамеченными. Но они частенько перебарщивают, и их легко определить либо по слишком оживленному разговору, либо по чересчур громкому смеху...

- Понятия не имел, - признался Джоэнис.

- Это большая проблема, - продолжал Чевоиз. - Власти изо всех сил стремятся решить ее, но она чудовищно разрослась. Я хотел бы поведать вам и о других чертах ходячих мертвецов, ибо уверен, что вам будет интересно. Но к нам приближается полицейский, и, стало быть, мне лучше откланяться.

С этими словами Чевоиз пустился бегом и исчез в толпе. Полицейский погнался было за ним, но вскоре бросил эту затею и вернулся к Джоэнису.

- Проклятье! - пожаловался он. - Опять его упустил.

- Он преступник? - удивился Джоэнис.

- Самый ловкий вор в наших краях, специалист по краже драгоценностей, - сказал полицейский, вытирая пот с широкого красного лба. - Обожает притворяться битником.

- Со мной он разговаривал о ходячих мертвецах, - заметил Джоэнис.

- Он вечно что-нибудь выдумывает, - посетовал полицейский. - Патологический лжец, вот кто он такой; причем сумасшедший. И опасный. Особенно опасный, потому что никогда не носит оружия. Я трижды чуть не поймал его. Приказываю ему остановиться именем закона, точно по инструкции, а когда он не повинуется, стреляю. Пока я убил восьмерых прохожих. Если и дальше так будет

продолжаться, сержанта мне не видать. Кроме того, за патроны заставляют платить из собственного кармана.

- Но, если этот Чевоиз невооружен... - начал Джоэнис и тут же осекся. Лицо полицейского приобрело зловещее выражение, и рука его опустилась на рукоятку револьвера. - То есть я хотел бы узнать, - спохватился Джоэнис, - есть ли правда в том, что рассказывал мне Чевоиз о ходячих мертвецах?

- Нет, это все его битниковская болтовня для одурачивания людей. Разве я не говорил, что он вор?

- Простите, забыл, - произнес Джоэнис.

- Так не забывайте. Я самый обыкновенный человек, но такие, как Чевоиз, действуют мне на нервы. Я исполняю обязанности строго по инструкции, а по вечерам прихожу домой и смотрю телевизор, каждый вечер, кроме пятницы, когда я иду в боулинг. Ну что, похоже это на поведение робота?

- Разумеется, нет! - заверил Джоэнис.

- Этот парень, - продолжал полицейский, - твердит, что люди лишены чувств. Так я вам скажу: хоть я, может, и не психолог, но я точно знаю, что у меня чувства есть. Когда я сжимаю в руке револьвер, мне хорошо. Похоже, что у меня нет никаких чувств? Больше того, я вам еще кое-что скажу: я вырос в неблагополучном районе и юнцом был в банде. Мы все имели энерганы и гравиножи и развлекались убийствами, грабежами и изнасилованиями. Разве похоже, что у нас не было чувств? Так бы я, наверно, и пошел по дурной дорожке, не повстречайся мне тот священник. Он не хвалился, не задавался, он был словно один из нас, потому что знал, что только так его слова смогут достичь наших дикарских душ. Вместе с нами он совершал налеты, и я не раз видел, как он потрошит кого-то своим маленьким ножиком, с которым никогда не расставался. Так свой в доску священник растолковал мне, что я впустую гроблю свою жизнь.

- Должно быть, воистину замечательный человек, - заметил Джоэнис.

- Он был святым, - задумчиво произнес полицейский печальным голосом. - Он был настоящим святым, потому что делал все наравне с нами, но внутри оставался очень хорошим человеком и всегда уговаривал нас сойти с преступного пути.

Полицейский посмотрел Джоэнису прямо в глаза и добавил:

- Именно благодаря ему я и пошел в полицию. Это я-то! Все думали, что я кончу на электрическом стуле. А у Чевоиза хватает наглости болтать о ходячих мертвецах! Я стал фараоном, я стал хорошим фараоном, а не каким-нибудь паршивым подонком вроде Чевоиза. Выполняя свой долг, я убил восемь преступников и получил три почетных знака. А еще я убил двадцать семь ни в чем не повинных граждан, которые не сумели быстро убраться с дороги. Мне жаль этих людей, но главное для меня - работа. Я не могу позволить кому-то путаться под ногами, когда от меня уходит преступник. И, что б там ни плели газеты, я в жизни не брал взяток, даже за стоянку в неположенном месте. - Рука полицейского судорожно сжала револьвер. - Я самого Иисуса Христа оштрафую, оставь он машину в неположенном месте, и все святые не смогут меня подкупить. Что вы об этом думаете?

- Я думаю, что вы самоотверженный человек, - осторожно ответил Джоэнис.

- И правильно. У меня красивая жена и трое чудесных детишек. Я обучил их стрелять из револьвера. Я для своей семьи ничего не пожалею. А Чевоиз воображает, что он знает что-то о чувствах! Господи, эти сладкоречивые ублюдки так мне действуют на нервы, что я порой теряю голову. Хорошо еще, что я набожный человек.

- Безусловно, хорошо, - согласился Джоэнис.

- Я до сих пор навещаю каждую неделю священника, который вытащил меня из банды. Он все еще работает с подростками, такой он самоотверженный. Годы его не те, чтобы пользоваться ножом, поэтому частенько приходится орудовать энерганом или велосипедной цепью. Этот человек сделал для законности больше, чем все городские центры по перевоспитанию. Порой и я помогаю ему. Многие из них стали уважаемыми бизнесменами, а шестеро служат в полиции. Всякий раз, когда я вижу этого человека, я чувствую святость.

- По-моему, это чудесно, - заметил Джоэнис и начал потихоньку пятиться, потому что полицейский вытащил револьвер и начал им нервно поигрывать.

- Нет такого зла в нашей стране, которое нельзя было бы исправить доброй волей и прямыми действиями, - сказал

полицейский, и подбородок его начал дергаться. - В конечном счете добро всегда торжествует и будет торжествовать, пока ему помогают добросердечные люди. В полицейской дубинке правопорядка больше, чем во всех заплесневелых кодексах, вместе взятых! Мы их ловим, а судьи их отпускают, как вам это нравится?! Хорошенькое дело, нечего сказать! Но мы, полицейские, привыкли к этому и считаем, что одна сломанная рука стоит года в каталажке, и поэтому часто сами вершим правосудие.

Сжимая одной рукой дубинку, а другой - револьвер и пристально глядя на Джоэниса, полицейский надвигался на него, излучая необузданное стремление насаждать закон и порядок. Джоэнис застыл на месте. Ему оставалось лишь надеяться, что полицейский не убьет его и не переломает ему кости.

Назревал критический момент. В последнюю секунду Джоэниса спас какой-то разморенный жарой горожанин, который сошел с тротуара до того, как загорелся зеленый сигнал светофора. Полицейский резко повернулся, сделал два предупредительных выстрела и бросился к нарушителю. Джоэнис быстро зашагал в противоположном направлении и продолжал идти, пока не вышел за пределы города.

ДЖОЭНИС И ДВА ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

(Рассказано Телеу с Хуахине)

Джоэнис шагал вдоль шоссе на север, когда рядом с ним затормозил грузовик. В кабине сидели двое мужчин. Они сказали, что охотно его подбросят, поскольку им по пути.

Джоэнис с радостью забрался в машину, выразив водителям благодарность. Те заверили, что берут его с удовольствием, так как вести грузовик - нудное занятие. Оказалось, что они любят беседовать с различными людьми и выслушивать их рассказы. Именно поэтому они попросили Джоэниса поведать им, что приключилось с того момента, как он уехал из дому.

Джоэнис рассказал этим людям, что, будучи родом с далекого острова, он приплыл в город Сан-Франциско, где был арестован и допрошен Сенатской Комиссией. Затем он предстал перед судом Оракула, получил десять лет условно и отправился в Нью-Йорк, где

его чуть не убил полицейский. С тех пор как он покинул остров, все пошло кувырком, жаловался Джоэнис, и оборачивалось крайне неудачно. Таким образом, он считает себя глубоко несчастным человеком.

- Мистер Джоэнис, - проникновенно сказал первый водитель грузовика, - на вашу долю безусловно выпало немало злоключений, но несчастнейшим из людей являюсь я, так как я утратил нечто более ценное, чем золото, о чем скорблю каждый день своей жизни.

Джоэнис попросил этого человека поведать свою историю. И вот что рассказал ему первый водитель грузовика.

ИСТОРИЯ УЧЕНОГО ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

Мое имя - Адольфус Защитникус, по происхождению я швед. Сызмальства я обожал науку. Эта любовь жила во мне не сама по себе; я верил, что наука является первейшим слугой человечества, что она вырвет его из жестокости прошлого и поведет к миру и счастью. Несмотря на все зверства, чинимые людьми, даже несмотря на то, что моя собственная нейтральная страна наживалась на продаже оружия воюющим государствам, я верил в добрую натуру человека.

Из-за своего врожденного гуманизма и склонности к наукам я стал врачом и обратился в Комиссию по Здравоохранению при ООН, добиваясь назначения в самое глухое и запущенное место. Тихая практика в сонном шведском городке была не для меня: я жаждал сразиться с болезнями. И меня послали на побережье Западной Африки, единственным врачом на территорию, превосходящую по площади Европу. Я замещал швейцарца по фамилии Дюрр, умершего от укуса рогатой гадюки.

В той местности свирепствовало неисчислимое множество разнообразных заболеваний. Одни были мне известны, так как я изучал их по книгам, другие же явились для меня откровением. Эти последние, как я узнал, распространялись искусственно. Мне неведомо, кто принял такое решение, но кое-кому на Западе позарез нужна была именно такая Африка, неспособная к самостоятельному развитию. С этой целью и распространялись бактерии, а также некоторые выведенные в лабораторных условиях растения, которые

должны были сделать и без того густые джунгли совершенно непроходимыми. Таким образом африканцев можно было отвлечь от политики, так как все их время уходило на борьбу за выживание. При этом многие виды животных погибли, зато некоторые процветали. Крысы, например, и змеи неимоверно размножались. Резко возросла численность насекомых, в частности мух и москитов, а из птиц несметно размножились стервятники.

Я никогда не догадывался о таком положении дел, поскольку в условиях демократии на подобные сообщения никто не обращает внимания, а диктатура их попросту запрещает. Но мне самому пришлось увидать все эти ужасы. Кроме того, я узнал, что то же самое творится в тропических районах Азии, Центральной Америки и Индии. Случайно или же по чьему-то умыслу, все эти области были абсолютно нейтральными, потому что последние силы их жителей уходили на борьбу за существование.

Как врач, я был опечален разгулом заболеваний, известных и неизвестных. Они шли из джунглей, с помощью и поддержкой человека. Темпы роста всего живого в джунглях были фантастическими, такой же фантастической была и скорость разложения всего отмершего. В этих благоприятных условиях множились и развивались болезнетворные микробы и бактерии.

Как человека, меня доводило до бешенства такое извращенное применение науки. И все же я верил в нее. Я твердил себе, что дурные и ограниченные люди во все века творили в мире зло; но гуманисты, рука об руку с наукой, исправят содеянное.

Я принялся за работу с большим рвением. Я побывал у всех племен своего района и обрушился на заболевания всеми имеющимися у меня лекарствами. Успех был потрясающим. Однако вскоре возбудители болезней стали невосприимчивы к моим средствам. Местное население страдало ужасно.

Я срочно заказал новые лекарства, получил их и остановил эпидемию. Но некоторые микробы и вирусы все-таки сохранились, и зараза вновь начала распространяться.

Я выписал только что открытые препараты, и мне их прислали. Опять мы сошлись в смертельной схватке, из которой я вышел победителем. И снова часть микроорганизмов выжила и появились мутации. Я обнаружил, что в соответствующих условиях болезни

могут принимать новые, еще более опасные формы куда быстрее, чем человек способен создавать новые лекарства.

И вообще, я заметил, что микробы ведут себя точно так же, как люди в критическом положении. Они проявляли поразительную волю к победе. Естественно, что чем более губительное воздействие на них оказывали, тем быстрее и неистовее они множились, сопротивлялись, изменялись и, в конце концов, наносили ответный удар. Сходство, по моему мнению, жуткое и противоестественное.

Я чудовищно много работал в то время, по двенадцать, по восемнадцать часов в сутки, пытаясь спасти несчастное, терпеливое, страдающее население. Но зараза преодолела самые последние достижения медицины и свирепствовала с небывалой силой. Я был в отчаянии, ибо оказался беспомощным перед этими новыми болезнями.

И тут я обнаружил, что микроорганизмы, приспособившиеся к новым лекарствам, потеряли иммунитет к старым. Так, в научном горении, я снова стал применять старые средства.

Со времени моего приезда в Африку я справился по меньшей мере с десятью крупными эпидемиями и начал схватку с одиннадцатой. Я уже знал, что микробы и вирусы отступят перед моей атакой, изменятся, размножатся и вновь нанесут удар, поставив меня перед необходимостью с теми же результатами бороться с двенадцатой эпидемией, потом с тринадцатой, четырнадцатой и так далее.

Такова была ситуация, в которую привело меня научное и общегуманистическое рвение. Но я смертельно устал и буквально валился с ног. У меня не было времени думать ни о чем, кроме сиюминутных проблем.

Но потом жители моего района сами освободили меня от непосильной ноши. Люди темные и малообразованные, они видели лишь, что с тех пор, как появился я, эпидемии бушуют с особой яростью. Они считали меня каким-то чрезвычайно злым колдуном, в склянках которого вместо целебных средств заключена квинтэссенция смерти. Эти люди отвернулись от меня и пошли к своим шаманам, которые лечат больных мазками глины и талисманами из кости и сваливают каждую смерть на кого-нибудь из невинных соплеменников.

Даже матери спасенных мною детей выступали против меня. Они винили меня в том, что дети все равно умирают, если не от болезни, то от голода.

Наконец, жители деревень собрались меня убить. И непременно бы это сделали, если бы меня не спасли шаманы. Ирония судьбы - ведь я считал их своими ярыми противниками.

Они объяснили своим соплеменникам, что на мое место придет еще более злой колдун. Люди испугались и не причинили мне вреда; а шаманы стали раскланиваться со мной, потому что почитали меня за коллегу.

И все же я не отчаялся и не бросил работу с этими племенами; и тогда племена бросили меня. Они перекочевали в глубь материка, в район губительных болот, где почти не было пищи, зато свирепствовали болезни.

Я не мог последовать за ними, потому что болота относились к другому участку, где был свой доктор, тоже швед, который не делал никаких уколов, не давал ни таблеток, ни пилюль, вообще ничего. Вместо этого он каждый день напивался медицинским спиртом. Он прожил в джунглях двадцать лет и утверждал, что поступает наилучшим образом.

Оставшись в одиночестве на своем участке, я пережил нервное потрясение. Меня отозвали в Швецию, и там я стал размышлять о происшедшем.

Мне пришло в голову, что деревенские жители, которых я считал неразумными дикарями, вели себя как здравомыслящие люди. Они бежали от моей науки и моего гуманизма, которые ни на йоту не улучшили их положения. Напротив, моя наука доставила им еще большие страдания и боль, а мой гуманизм безрассудно пытался уничтожить ради них другие создания и тем самым нарушал равновесие сил на Земле.

Осознав все это, я покинул свою страну, покинул Европу и прибыл сюда. Теперь я вожу грузовик. И когда кто-нибудь обращается ко мне с восторженными речами о науке, гуманизме и чудесах исцеления, этот человек кажется мне сумасшедшим.

Вот так я потерял веру в науку, в то, что было для меня дороже золота и что я буду оплакивать до конца своих дней.

В конце этой истории второй водитель грузовика сказал:

- Никто не станет отрицать, что на вашу долю выпало немало бед, Джоэнис, но пережитое вами не идет ни в какое сравнение с рассказом моего друга. А невзгоды моего друга никак не сравнятся с моими. Ведь я - самый несчастный среди людей. Я утратил нечто более ценное, чем золото, и более дорогое, чем наука, что буду оплакивать до конца жизни.

Джоэнис обратился к нему с просьбой поведать свою историю. И вот что рассказал второй водитель грузовика.

ИСТОРИЯ ЧЕСТНОГО ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

Мое имя - Рамон Дельгадо. Родился я в Мексике и больше всего гордился своей честностью. Я был честен, потому что этого требовали законы страны, написанные лучшими из людей. Они вывели их из общепринятых принципов справедливости и укрепили Наказанием, дабы повиновались все, а не только готовые к соблюдению законов добровольно.

Это казалось мне правильным, ибо я любил справедливость и верил в нее, а стало быть, и в законы, выведенные из понятия справедливости, и в Наказание, насаждающее законность. Ибо только так можно обрести свободу от тирании и чувство собственного достоинства.

Многие годы я трудился в своей деревне, копил деньги и вел честную и правильную жизнь. Однажды мне предложили работу в столице. Я был счастлив, ибо давно мечтал увидеть великий город, откуда исходила справедливость в моей стране. Я потратил все сбережения на покупку старенького автомобиля и поехал в столицу. Я поставил машину перед магазином моего работодателя, на платной стоянке со счетчиком и зашел внутрь, чтобы разменять деньги и бросить песо в счетчик. А когда вышел, меня арестовали.

Я предстал перед судьей, который обвинил меня в нарушении правил стоянки, потому что я не опустил монету в счетчик; в воровстве, потому что я взял песо из кассы хозяина; в бродяжничестве, потому что при мне не было ничего, кроме одного песо; в сопротивлении аресту, потому что я спорил с полицейским; и в создании общественных беспорядков, потому что я плакал, когда меня вели в тюрьму.

Строго говоря, все это было правдой, и я не посчитал несправедливым, когда меня осудили. Я даже восхищался рвением судьи на службе закону. И не выражал недовольства, когда меня приговорили к десяти годам заключения. Это казалось жестоким, но я-то знал, что закон может быть соблюден лишь посредством применения сурового и бескомпромиссного Наказания.

Меня направили в федеральную Каторжную Тюрьму Морелос. Я понимал, что мне пойдет на пользу знакомство с местом, где осуществляется Наказание, и усвоение горьких плодов бесчестного поведения.

По пути в Каторжную Тюрьму я обратил внимание на множество людей, прячущихся рядом в лесу. Я не придал этому особого значения, потому что часовой как раз читал мои бумаги. Он изучил их с большим вниманием, а затем открыл ворота.

К величайшему моему изумлению, как только ворота открылись, эта толпа ринулась вперед и с силой проложила себе дорогу в тюрьму. Откуда-то появилось множество охранников, которые попытались оттеснить их. Но прежде, чем часовой сумел закрыть ворота, некоторым удалось проскочить внутрь.

- Разве возможно, - спросил я его, - чтобы эти люди специально хотели попасть в тюрьму?

- Именно так, - ответил часовой.

- Но я всегда полагал, что тюрьмы скорее служат цели удержания людей внутри, чем предохранения от попадания снаружи, - заметил я.

- Да, так было, - сказал часовой. - Но в наши дни, когда в стране такое количество иностранцев и такой голод, люди рвутся в тюрьму хотя бы из-за трехразового питания. Мы не в силах удержать их. Ворвавшись в тюрьму, они становятся преступниками, и мы вынуждены оставлять их там.

- Возмутительно! - воскликнул я. - Но при чем тут вообще иностранцы?

- С них все и началось, - объяснил часовой. - В их странах царит голод, а они знают, что у нас в Мексике - лучшие тюрьмы в мире. И вот они специально приезжают в тюрьму. Но на мой взгляд, иностранцы ничуть не хуже и не лучше наших собственных граждан, которые делают то же самое.

- В таком случае, - удивился я, - как может правительство соблюдать закон?

- Лишь скрывая истинное положение вещей, - сказал часовой. - Когда-нибудь мы научимся строить такие тюрьмы, которые смогут кого надо содержать внутри, а кого надо оставлять снаружи. До тех пор необходимо хранить все в тайне. Тогда большая часть населения будет верить, что наказания следует бояться.

Затем часовой провел меня внутрь Каторжной Тюрьмы, в помещение Комиссии по Амнистии. Находившийся там человек спросил, нравится ли мне тюремная жизнь. Я ответил, что пока не могу сказать определенно.

- Что ж, - промолвил тот человек, - ваше поведение за все время пребывания здесь было воистину примерным. Наша цель - перевоспитание, а не месть. Как бы вы отнеслись к немедленной амнистии?

Я боялся ответить невпопад, поэтому сказал, что не знаю.

- Не торопитесь, подумайте, - посоветовал он, - и приходите сюда, как только захотите выйти на свободу.

После этого я направился в свою камеру. Там сидели еще два моих соотечественника и три иностранца. Двое иностранцев были французами, а один американец. Американец спросил, согласился ли я на амнистию, и я ответил, что пока еще нет.

- Чертовски умно для новичка! - одобрил американец по имени Лифт. - Некоторые из только что осужденных ничего не понимают. Они соглашаются - и бац! - оказываются за воротами у разбитого корыта.

- А это плохо?

- Еще бы! - воскликнул Лифт. - Если тебя освободили, обратно в тюрьму уже не попасть. Что бы ты ни делал, судья попросту расценивает это как нарушение правил поведения, отпущенного под честное слово и предупреждает, чтобы ты так больше не поступал. Скорее всего, ты больше ничего не сделаешь, потому что полицейские переломают тебе руки.

- Лифт прав, - заметил один из французов. - Согласиться выйти под честное слово - крайне опасно. Я - живое тому свидетельство. Мое имя Эдмон Дантес. Много лет назад меня направили в это заведение, а потом предложили условное освобождение. Будучи

зеленым юнцом, я согласился. Но затем снаружи я понял, что все мои друзья остались в тюрьме и там же собранные мною книги и пластинки. По юношеской опрометчивости я оставил там также свою возлюбленную, заключенную под номером 43 422 231. Слишком поздно я осознал, что в тюрьме находится вся моя жизнь, теперь я навсегда лишен тепла и надежности этих гранитных плит.

- Что же вы сделали?

- Я наивно полагал, что преступление принесет мне заслуженное вознаграждение, - печально улыбнувшись, произнес Дантес. - Ну и убил человека. Но судья просто-напросто продлил срок моего условного заключения, а полиция сломала мне все пальцы на правой руке. Именно тогда, когда моя рука заживала, я и преисполнился решимости вернуться назад.

- Это,, должно быть, оказалось очень трудно, - вставил я.

Дантес кивнул:

- Потребовалось огромное терпение, ибо я потратил двадцать лет жизни, чтобы попасть в тюрьму.

Старый Дантес вздохнул и продолжал рассказ при полном молчании остальных заключенных:

- В те дни тюрьмы охранялись куда строже, и такой прорыв через ворота, как вы видели сегодня, никогда бы не удался. Поэтому я в одиночку прорыл подземный ход. Трижды я выходил на сплошной гранит и был вынужден начинать все сначала. Один раз я почти уже проник во внутренний дворик, но меня засекла охрана. Они сделали контрподкоп и оттеснили меня назад. Как-то я попытался спуститься в тюрьму на парашюте, но внезапный порыв ветра отнес меня в сторону. С тех пор самолетам запретили пролетать над тюрьмами. Таким образом, я вызвал даже некоторые тюремные реформы. - Старик печально усмехнулся. - После многих лет бесплодных усилий мне в голову пришла идея. Даже не верилось, что такой простой план может привести к успеху там, где не помогли изобретательность и безрассудная храбрость. И все же я попытался. Я вернулся в тюрьму под видом следователя по особым делам. Сперва охрана не хотела меня впускать. Но я сказал, что правительство рассматривает возможность введения поправки, согласно которой охране даруются равные права с заключенными. Меня пропустили, и тогда я открыл свое инкогнито. Они вынуждены

были позволить мне остаться. Потом ко мне пришел какой-то человек и записал мою историю. Надеюсь, что он записал ее правильно.

С тех пор, разумеется, ввели строгие меры, делающие повторение моего плана невозможным. Но я глубоко убежден, что отважные люди всегда преодолевают препятствия, которые воздвигает общество на пути к достижению их цели. Если проявить достаточно упорства, в тюрьму можно попасть.

Когда старый Дантес закончил свой рассказ, наступило молчание.

- А возлюбленная ваша была еще там, когда вы вернулись?

Старик отвернулся, и по его щеке скатилась слеза.

- Заключенная под номером 43 422 231 умерла от цирроза печени за три года до того. Отныне я провожу все время в молитвах и размышлениях.

Трагическая история о смелости, настойчивости и обреченной любви произвела на нас мрачное впечатление. Молча мы отправились на вечерний прием пищи и потом еще долгие часы пребывали в подавленном настроении.

Я много размышлял об этом странном деле, о людях, мечтающих жить в тюрьме, и от неотвязных мыслей у меня раскалывалась голова. И чем больше я думал об этом, тем становился растерянней. Поэтому я очень робко поинтересовался у своих товарищей по камере: разве не манит их свобода, разве не томятся они тоской по городам и улицам, по цветущим лугам и лесам?

- Свобода? - переспросил Лифт. - Ты говоришь об иллюзии свободы, а это разные вещи. В городах, о которых ты ведешь речь, существование опасно, там царят ужас и страх, за каждым углом поджидает смерть.

- А упомянутые вами цветущие поля и леса еще хуже, - заметил второй француз. - Мое имя Руссо. В молодости я по наивности написал несколько книг, где превозносил природу и человека как венец ее творения. Но потом, в зрелом возрасте, я тайно покинул страну и совершил путешествие в ту самую природу, о которой так уверенно распространялся.

Тогда-то я понял, как она ужасна и до какой степени ненавидит человека. Я обнаружил, что цветущие луга крайне неудобны для

ходьбы и ходить по ним вреднее, чем по самому плохому асфальту. Я увидел, что посевы человека – это, жалкие изгои растительного мира, лишенные силы и существующие лишь благодаря людям, которые борются с сорняками и вредителями.

Попав в лес, я убедился, что деревья признают только себе подобных; все живое бежало меня. Я узнал, что, как бы ни радовали глаз прекрасные голубые озера, они всегда окружены колючками и топью. А когда вы наконец добираетесь до них, то обнаруживаете, что вода коричневая от грязи.

Дожди и засуха, жара и холод - все это природа. И она же заботливо устраивает так, что от дождей гниет пища человека, от жары сохнет тело человека, а от стужи мерзнут его конечности.

Причем это только самые мягкие проявления природы, их никак нельзя сравнить с гневом моря, с холодным безразличием гор, с предательством трясины, с безжалостностью пустынь и ужасом джунглей. И я заметил, что в своей злобе природа покрыла большую часть земли морями, болотами, пустынями, горами и джунглями.

Нет нужды говорить о землетрясениях, торнадо, приливных волнах и всех тех бедствиях, в которых природа с полной силой проявляет свое ожесточение.

Единственное спасение человечества от кошмаров - в городе, где мощь природы отчасти ограничена. И естественно, самый далекий от природы тип поселения – это, тюрьма. К такому выводу привели меня многие годы исследований. Вот почему я отрекся от слов, сказанных в юности, и веду здесь счастливую жизнь, не видя ничего зеленого.

С этим Руссо отвернулся и погрузился в созерцание стальной стены.

- Видишь, Дельгадо, - сказал Лифт, - единственная настоящая свобода - здесь, в тюрьме.

Этого я принять не мог и указал на то, что мы находимся взаперти, а это противоречит понятию свободы.

- Но мы все взаперти на этой земле, - возразил мне старый Дантес. - Кто-то на большем пространстве, кто-то на меньшем. И все навеки взаперти внутри себя.

Лифт пожурил меня за неблагодарность:

- Ты же слышал, что говорили охранники. Если бы о нашей

счастливой судьбе узнали по всей стране, сюда ринулись бы сломя голову все остальные. Надо радоваться, что мы находимся здесь и что об этом чудесном местечке известно лишь избранным.

- Но сейчас ситуация меняется, - заметил заключенный-мексиканец. - Несмотря на то что правительство скрывает истину и представляет тюремное заключение как нечто такое, чего следует страшиться и избегать, люди потихоньку начинают узнавать правду.

- Это ставит правительство, в затруднительное положение, - вставил, другой мексиканец. - До сих пор тюрьмам никакой замены не нашли, хотя некоторое время собирались карать любое преступление смертной казнью. От этой идеи отказались, потому что сие пагубно отразилось бы на военном и промышленном потенциале государства. И поэтому до сих пор приходится посылать людей в тюрьму - в то единственное место, куда они и хотят попасть.

Все заключенные тут засмеялись, потому что, будучи преступниками, обожали парадоксы правосудия. А это казалось величайшим извращением - совершить преступление против общественного блага и получить в результате счастливое и обеспеченное существование.

Я чувствовал себя словно во сне, словно во власти ужасного кошмара, ведь мне нечего было возразить этим людям. Наконец в отчаянии я воскликнул:

- Возможно, вы свободны и живете в наилучшем уголке Земли, но у вас нет женщин!

Заключенные нервно захихикали, как будто я затронул щекотливую тему, но Лифт спокойно сказал:

- Твои слова верны, у нас нет женщин. Однако это совершенно несущественно.

- Несущественно? - поразился я.

- Абсолютно, - подтвердил Лифт. - Может быть, некоторые и ощущают поначалу определенное неудобство; но люди всегда приспосабливаются к окружающей обстановке. В конце концов, одни только женщины считают, что без них нельзя обойтись. Мы, мужчины, знаем, что это не так.

Все находящиеся в камере дружно и горячо выразили свое согласие.

- Настоящие мужчины, - продолжал Лифт, - нуждаются лишь в обществе таких же мужчин. Если бы здесь был Батч, он объяснил бы это гораздо лучше; но, к великому сожалению его многочисленных друзей и поклонников, Батч лежит в лазарете с двойной грыжей. Он, безусловно, растолковал бы тебе, что жизнь в обществе невозможна без компромиссов. Когда компромиссы чересчур велики, мы называем это тиранией. Когда они незначительны и не требуют от нас особых усилий, как вот этот малосущественный вопрос о женщинах, мы называем это свободой. Помни, Дельгадо, совершенства нет ни в чем.

Больше я спорить не стал, но выразил желание покинуть тюрьму как можно скорее.

- Я устрою тебе побег сегодня вечером, - сказал Лифт. - Пожалуй, это хорошо, что ты уходишь. Тюремная жизнь не для того, кто ее не ценит.

Вечером, когда выключили свет, Лифт поднял одну из гранитных плит на полу камеры. Под ней был тоннель. И, пораженный, сбитый с толку, я оказался на улице города.

Долгие дни я размышлял над происшедшим. Наконец я понял, что моя честность была не чем иным, как глупостью, поскольку основывалась на невежестве и не правильном представлении о жизни. Честности вообще не может быть, так как она не предусматривается никаким законом. Закон просто-напросто не сработал, потому что все человеческие представления о справедливости оказались ложными. Следовательно, справедливости не существует - как не существует никаких ее производных, в том числе и честности.

Это было ужасно. Но ужаснее было другое: раз нет справедливости, то не может быть свободы или человеческого достоинства, есть лишь искаженные иллюзии, подобные тем, что владели умами моих товарищей по камере.

Так я потерял вдруг честность, которая была для меня дороже золота. И эту утрату я буду оплакивать до конца своих дней.

Джоэнис молча сидел с водителями грузовика, не зная, что сказать. Наконец они доехали до развилки дорог, и машина остановилась.

- Мистер Джоэнис, - молвил первый водитель грузовика. - Здесь

вам придется нас покинуть. Мы свернем на восток, к нашему складу, а там лишь океан и леса.

Джоэнис сошел с машины. Но на прощанье он задал попутчикам последний вопрос:

- Каждый из вас утратил то, что было ему дороже всего на свете. Но откройте мне, удалось ли вам обрести что-нибудь взамен?

Дельгадо, который некогда верил в честность, ответил:

- Ничто не может возместить мне потерю. Однако я должен признаться, что меня начинает занимать наука, которая, мне кажется, предлагает целостную и логичную картину мира.

Защитникус - швед, проклявший науку, - сказал:

- Ничто не может утешить меня в моем горе. Но время от времени я думаю о честности. Она создает законы и чувство собственного достоинства.

Джоэнис понял, что водители грузовика не слышали друг друга, так как каждый был слишком занят своей бедой. Итак, Джоэнис распрощался с ними, помахал рукой и пустился в путь, размышляя над их рассказами.

Но вскоре он обо всем забыл, потому что увидел впереди большой дом. На его пороге стоял мужчина и жестами приглашал Джоэниса войти.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖОЭНИСА В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

(Рассказано Паауи с Фиджи)

Джоэнис подошел ко входу в дом и остановился, чтобы прочитать надпись над дверью. Надпись гласила:

ДОМ “ХОЛЛИС” ДЛЯ НЕВМЕНЯЕМЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Пока Джоэнис размышлял над тем, что бы это значило, к нему подскочил человек, делавший ему знаки, и схватил за обе руки. Джоэнис уже приготовился защищать свою жизнь, но тут увидел, что человек этот - не кто иной, как Лам, его друг из Сан-Франциско.

- Джонсик! - восторженно заорал Лам. - Ну, парень, и попортил же ты мне кровь! Жуть берет, как подумаю, что ты - чужеземец, причем малость простоватый по натуре, - будешь крутиться в нашей стране. Ведь Америка не то место, где можно спать спокойно. Но Диедри сказала, чтобы я за тебя не беспокоился, и она оказалась

права. Я вижу, что ты все-таки пришел сюда.

- Куда сюда? - спросил Джоэнис.

- В Уютноград, - ответил Лам. - Входи. Джоэнис вошел в “Дом Холлис" для Невменяемых Преступников”. В гостиной Лам представил его группе людей. Джоэнис смотрел и слушал очень внимательно, но не мог обнаружить в них ничего ненормального и поделился своими наблюдениями с Ламом.

- Разумеется, в них нет ничего ненормального! - возмутился Лам. - Вывеска - всего-навсего официальное название. Мы, обитатели, предпочитаем называть свой дом “Поселение Холлис" для писателей и художников”.

- Так, значит, это не лечебница для душевнобольных?

- Нет, это лечебница, но только формально.

- А сумасшедшие здесь есть? - спросил Джоэнис.

- Послушай, старина, - сказал Лам, - сюда мечтают попасть люди искусства со всего Восточного побережья. Конечно, у нас найдется парочка психов - надо же чем-то занять докторов. Да к тому же мы потеряем правительственную дотацию и освобождение от налогов, если у нас не будет ни одного чокнутого Джоэнис быстро огляделся, поскольку никогда в жизни не видел сумасшедшего. Но Лам покачал головой и сказал:

- Тут их не ищи. Сумасшедших, как правило, приковывают цепями в подвале.

К их разговору прислушивался высокий бородатый врач. Теперь он обратился к Джоэнису:

- Да, мы пришли к выводу, что подвал - самое подходящее для них место. Он сырой и темный, а это успокаивающе действует на буйных.

- Но почему вы держите их на цепи? - поинтересовался Джоэнис.

- Тогда у них складывается впечатление своей исключительности, - ответил врач. - Кроме того, не следует недооценивать воспитательного значения цепей. Воскресенье у нас день посещений, и, когда люди проходят мимо ревущих, покрытых нечистотами безумцев, это производит на них неизгладимое впечатление. Психиатрия занимается предупреждением заболеваний в меньшей степени, чем их лечением. Выборочные статистические данные показывают, что посетители, видевшие

наши подземные камеры, гораздо реже сходят с ума, чем остальные американцы.

- Очень интересно, - заметил Джоэнис. - И что, вы так же обращаетесь со всеми сумасшедшими?

- Боже упаси! - с улыбкой воскликнул врач. - Мы, работники сферы психологии, не имеем права допустить косность в подходе к душевным расстройствам. Каждая конкретная форма сумасшествия требует своего собственного, особого лечения. Так, в отношении меланхоликов мы установили, что желаемый результат в плане поднятия общего тонуса приносит удар по лицу платком, пропитанным луком. Что касается паранойи, то мы считаем, что лучше всего как бы войти в манию больного. Собственно, мы устанавливаем за ним слежку, приставляем шпиков, используем подслушивающую аппаратуру и прочие подобные устройства. Пациент перестает быть сумасшедшим, ибо мы преобразуем окружающий его мир таким образом, что бывшие необоснованные страхи становятся вполне реальными. Этот метод лечения - одно из наших лучших достижений.

- Что происходит потом? - спросил Джоэнис.

- Войдя в мир параноика и превратив его из иллюзии в реальность, мы затем стремимся изменить картину действительности так, чтобы больной вернулся в норму. Пока мы не добились положительных результатов, но теория обещает многое.

- Как видишь, - заметил Лам, - наш док - настоящий мудрец.

- Ну что вы, - скромно улыбнулся врач. - Я лишь стараюсь не закоснеть. Мой ум готов принять любое предположение. Уж такой я есть, и тут совершенно нечем восхищаться.

- А, бросьте, док, - сказал Лам.

- Нет-нет, в самом деле. Я всего лишь из тех, кого называют “пытливым умом”. В отличие от некоторых моих коллег, я задаю вопросы. Например, при виде мужчины, свернувшегося калачиком с закрытыми глазами, подобно зародышу в утробе, я не тороплюсь лечить его массированной шоковой радиотерапией. Скорее я спрошу себя: “А что, если создать большую искусственную матку и поместить его внутрь?” Кстати, такой случай действительно имел место.

- И что произошло? - поинтересовался Джоэнис.

- Несчастный малый задохнулся, - со смехом ответил Лам.

- Я никогда не утверждал, что хорошо разбираюсь в технике, - надменно проговорил врач. - Метод проб и ошибок сопряжен с риском. Однако я рассматриваю данный случай как успех.

- Почему? - спросил Джоэнис.

- Потому что перед кончиной пациент выпрямился. До сих пор не знаю, что явилось причиной исцеления - искусственная матка, смерть или сочетание обоих факторов; но эксперимент, безусловно, имеет важное теоретическое значение.

- Я просто пошутил, док, - извинился Лам. - Я знаю, что вы отличный специалист.

- Благодарю вас, Лам, - произнес врач. - А теперь прошу прощения, мне надо навестить одного пациента.

Любопытная мания. Он верит, что является физическим воплощением Бога. Причем вера его столь сильна, что он каким-то непонятным образом заставляет черных мух образовывать нимб вокруг его головы; крысы падают пред ним ниц, а птицы лесов и полей слетаются со всех сторон петь у решетки его камеры. Этим феноменом заинтересовался один из моих коллег, так как он предполагает неизвестный канал общения человека с животными.

- Как вы его лечите? - спросил Джоэнис.

- Потакая мании. Я притворяюсь его поклонником и учеником. Каждый день в течение пятидесяти минут я сижу у его ног. Когда ему кланяются звери, я тоже кланяюсь. По четвергам я отвожу его в лазарет и позволяю лечить больных, потому что это доставляет ему удовольствие.

- Он в самом деле исцеляет их?

- Пока неудач у него не было, - ответил доктор. - Но разумеется, ни для религии, ни для медицины, эти так называемые чудеса, не являются чем-то новым. Мы ведь не претендуем на всеведение.

- Можно мне увидеть этого пациента? - попросил Джоэнис.

- Конечно. Он очень любит посетителей. Я устрою вам встречу сегодня днем.

И с бодрой улыбкой доктор заспешил прочь.

Джоэнис разглядывал светлую, хорошо обставленную гостиную, прислушиваясь к бурлящим вокруг интеллектуальным спорам, и “Дом Холлис" для Невменяемых Преступников” уже не казался ему

неприятным. А через минуту он стал и того лучше, ибо навстречу Джоэнису шла Диедри Фейнстейн.

Прелестная девушка кинулась ему на шею, и аромат ее волос был подобен меду.

- Джоэнис, - произнесла она дрожащим голосом. - Я думаю о тебе с того момента нашей преждевременной разлуки в Сан-Франциско, когда ты встал так отважно и любяще между мной и полицейскими. Ты являлся мне во сне и наяву, и я перестала различать, где сон, а где явь. Мы с отцом искали тебя по всей Америке. Отчаявшись увидеть тебя, я приехала сюда, чтобы успокоить нервы. О Джоэнис, как ты думаешь, судьба или случайность свела нас сейчас снова вместе?

- Ну, - молвил Джоэнис, - мне кажется...

- Я так и знала! - воскликнула Диедри, прижимая его к себе еще крепче. - Мы поженимся через два дня, четвертого июня, так как за время твоего отсутствия я стала патриоткой. Тебя устраивает эта дата?

- Э-э... - начал Джоэнис, - я полагаю, нам следует принять во внимание...

- Я не сомневаюсь, - сказала Диедри. - Знаю, я была не из самых примерных, если вспомнить бурное прошлое, как мы ширялись на вечеринках, как месяц я пряталась в мужском общежитии в Гарварде, и то время, когда я была королевой вестсайдских хулиганов и убила прежнюю королеву велосипедной цепью, и другие детские шалости. Я не горжусь этим, любимый, но и не стыжусь своей естественной неукротимой юности. Вот почему я призналась тебе в этих вещах и буду признаваться по мере того, как буду вспоминать. Ведь между нами, не должно, быть секретов. Ты согласен со мной?

- Ну, - произнес Джоэнис, - я думаю...

- Я была уверена, что ты того же мнения. К счастью для нас, все это уже в прошлом. Я повзрослела и посерьезнела, вступила в Лигу молодых консерваторов, в Совет против антиамериканизма в любой форме, в Общество друзей Салазара и в Крестовый Поход Женщин, Против Иностранных Веяний. И это не поверхностные изменения. Я чувствую глубокое отвращение ко многим моим бывшим занятиям, и в частности, к искусству, которое часто не что иное, как

порнография. Ты видишь, я выросла, перемены внутри меня самые настоящие, и я буду тебе хорошей и верной женой.

Джоэнис представил на миг свою жизнь с Диедри, в которой отвратительные признания будут чередоваться с невыносимой скукой. Диедри долго еще лепетала о приготовлениях к свадьбе, а потом побежала звонить отцу.

- Как можно отсюда выбраться? - спросил Джоэнис.

- Послушай, дружище, - сказал Лам, - но ведь ты только что сюда попал.

- Знаю. Но как мне смыться? Можно просто выйти?

- Конечно нет. Это ведь в конце концов “Дом для Невменяемых Преступников”.

- Нужно разрешение врача?

- Безусловно. Но на этой неделе к нему лучше не соваться. Он в полнолуние всегда очень раздражительный.

- Мне надо уйти сегодня же, - тревожно сказал Джоэнис. - Или завтра утром самое позднее.

- Довольно неожиданно, - заметил Лам. - Уж не крошка ли Диедри со своими матримониальными планами заставляет тебя нервничать?

- Она, - признался Джоэнис.

- Не стоит беспокоиться, - сказал Лам. - Я возьму на себя Диедри и завтра же тебя отсюда вызволю. Доверься мне, Джонсик, и ни о чем не волнуйся. Лам все устроит.

Позже днем вернулся доктор, чтобы повести Джоэниса на встречу с пациентом, возомнившим себя воплощением Бога. Они прошли несколько массивных стальных дверей и остановились в конце мрачного серого коридора.

- Для пользы дела будет лучше, если вы к моменту встречи освоите наши психотерапевтические методы, - предупредил врач. - Пусть пациент думает, что вы разделяете его заблуждение.

- Хорошо, - согласился Джоэнис и внезапно почувствовал прилив волнения и надежды.

Врач отомкнул дверь, и они ступили в камеру. Но в ней никого не оказалось. Напротив зарешеченного окна у стены стояла аккуратно застеленная койка. У маленького деревянного столика заходилась душераздирающим плачем полевая мышь. На столике

лежала записка.

- Крайне странно, - проговорил врач, беря записку. - Полчаса назад, когда я запирал дверь, он казался в хорошем настроении.

- Но каким образом ему удалось выбраться? - удивился Джоэнис.

- Безусловно, он использовал некую форму телекинеза, - сказал врач. - Я не претендую на то, что много знаю об этих так называемых психических феноменах; но это ярко демонстрирует, сколь далеко может зайти потерявший ориентацию человек в стремлении себя оправдать. Сама интенсивность попытки бегства от реальности показывает степень умственного расстройства. Очень жаль, что мы не смогли помочь бедняге.

- А что говорится в записке? - поинтересовался Джоэнис.

Врач взглянул на клочок бумаги и сказал:

- Похоже на список необходимых покупок. Правда, весьма странный список. Не представляю себе, где он сумеет купить...

Джоэнис попытался заглянуть в записку через плечо доктора, но тот резко отдернул руку и убрал записку в карман.

- Привилегия врачей, - объяснил он. - Мы не можем позволить посторонним читать подобные вещи. По крайней мере, сначала записку надо тщательно проанализировать и снабдить пояснениями, а также заменить некоторые ключевые термины для сохранения в тайне имени пациента. А теперь не вернуться ли нам в гостиную?

У Джоэниса не оставалось другого выхода, как последовать за доктором в гостиную. Он разглядел первое слово записки: “Помни”. Совсем немного, но Джоэнис запомнил это слово навсегда.

Джоэнис провел беспокойную ночь. Его тревожило, сможет ли Лам выполнить свои обещания, касающиеся Диедри и освобождения Джоэниса из сумасшедшего дома. Но он еще не знал о всех способностях своего друга.

С надвигающимся бракосочетанием Лам разобрался, сообщив Диедри, что у Джоэниса третья стадия сифилиса. Курс лечения займет много времени; а если он не принесет успеха, заболевание поразит нервную систему и превратит Джоэниса в безмозглое и беспомощное создание.

Диедри опечалили эти известия, но она заявила, что все равно выйдет замуж за Джоэниса четвертого июня. Диедри сказала Ламу,

что с тех пор, как она изменилась, половые отношения стали ей глубоко противны. Поэтому недуг Джоэниса скорее можно считать положительным фактором, так как он неизбежно ограничит их связь лишь духовным единением. Что касается замужества с безмозглым и беспомощным созданием, то таковая жизнь не является отталкивающей для девушки с возвышенными мыслями, и вообще она всегда мечтала стать сестрой милосердия.

Тогда Лам сказал, что людям, страдавшим таким заболеванием, не положено выдавать брачные свидетельства. Это вынудило Диедри сдаться, так как недавно обретенная ею гражданская зрелость не допускала даже мысли о чем-то запрещенном федеральным или государственным законом.

Таким образом Джоэнис был спасен от союза, не сулившего ему ничего хорошего.

Что касается выхода из психиатрической лечебницы, то Лам побеспокоился и об этом. Вскоре после полдника Джоэниса позвали в комнату для посетителей. Там Лам представил его декану Гарнеру Дж. Глупсу, который, вместе с несколькими своими коллегами, составлял факультетский комитет Университета Сент-Стивенс Вуд (УССВ).

Декан Глупс был высоким жилистым человеком с мягким взглядом ученого, ироничным улыбчивым ртом и сердцем, большим, как мир. Замечанием о погоде и цитатой из Аристофана он помог Джоэнису освоиться и почувствовать себя как дома. А потом изложил причину, побудившую его к знакомству с Джоэнисом.

- Вы должны понять, мой дорогой Джоэнис, если я могу вас так называть, что мы, работники сферы - ну, скажем, просвещения, - постоянно находимся в поисках таланта. Нас нередко уподобляют, причем, как правило, в положительном аспекте, тем лицам в бейсболе, которые осуществляют аналогичную функцию.

- Понимаю, - сказал Джоэнис.

- Также следует добавить, - продолжал декан Глупс, - что мы ценим не столько обладателя ученых степеней, отвечающего формальным академическим требованиям, как я и мои коллеги, сколько человека с абсолютным пониманием своего предмета и динамичным подходом к передаче знаний своим студентам. Не

слишком ли часто мы, люди академического склада, оказываемся оторванными от главной - да позволю себе выразиться - струи американской жизни? Не слишком ли часто игнорируем мы тех, кто, не имея педагогического опыта, блестяще ведет свою работу? Впрочем, я уверен, что мой добрый мистер Лам объяснит все это, причем куда убедительнее, чем когда-либо удастся сделать мне.

Джоэнис перевел взгляд на Лама, и тот сказал:

- Как ты знаешь, два семестра я преподавал в УССВ “Взаимосвязь между джазом и поэзией”. Потрясный курс, дружище. Клевые ударные и прочее. Народ балдел.

- Лекции мистера Лама имели грандиозный успех, - добавил Глупс. - И мы с радостью их повторим, если мистер Лам...

- Нет, старина, - отрезал Лам. - Мне не хочется вас огорчать, но вы знаете, что я пас.

- Разумеется, - торопливо сказал Глупс, - если вы выразите желание преподавать что-нибудь другое...

- Может быть, я дам семинар по Дзену, - неуверенно произнес Лам. - Дзэн-буддизм сейчас снова в силе. Но я должен подумать.

- Ну конечно. - Декан Глупс повернулся к Джоэнису:

- Как вам, безусловно, известно, мистер Лам вчера вечером мне позвонил и проинформировал меня о вашем опыте.

- Весьма любезно с его стороны, - осторожно сказал Джоэнис.

- У вас великолепные данные, - продолжал Глупс. - Я уверен, что курс, который вы собираетесь у нас прочесть, будет иметь успех в полном смысле этого слова.

Джоэнис уже понял, что ему предлагают работать в университете. К сожалению, он понятия не имел, чему он должен учить и, между прочим, чему он вообще может научить. Лам, погруженный в мысли о буддизме, сидел глаза долу и не подавал никаких намеков.

- Я счастлив преподавать в таком славном учебном заведении, как ваше, - заверил Джоэнис. - Что касается курса, который мне предстоит вести...

- Пожалуйста, поймите меня правильно, - горячо произнес декан Глупс. - Мы ясно представляем себе узкий, специальный характер вашего предмета и все трудности, связанные с его изложением. Предлагаем вам для начала полную профессорскую ставку, то есть

тысячу шестьсот десять долларов в год. Я понимаю, что это не очень большие деньги. Иногда я с грустью думаю, что какой-нибудь помощник водопроводчика зарабатывает у нас не меньше восемнадцати тысяч. И все же университетская жизнь имеет свои преимущества.

- Я готов отправиться сейчас же, - заявил Джоэнис, боясь, что декан изменит свое решение.

- Чудесно! - вскричал Глупс. - Я восхищаюсь душевной бодростью нашей молодежи. Должен сказать, что в поисках подходящих талантов в таких артистических поселениях, как это, нам всегда сопутствовала удача. Мистер Джоэнис, пожалуйста, следуйте за мной!

Вместе с деканом Глупсом они подошли к старинному автомобилю. Сделав прощальный жест рукой Ламу, Джоэнис сел в машину, и вскоре сумасшедший дом скрылся из виду. Джоэнис снова был свободен. Его беспокоили лишь данное им обещание преподавать в Университете Сент-Стивенс Вуд и мысль о том, что он не знает, чему, собственно, должен учить.

КАК ДЖОЭНИС ПРЕПОДАВАЛ В УНИВЕРСИТЕТЕ И ЧТО ОН ПРИ ЭТОМ УЗНАЛ

(Рассказано Маубинги с Таити)

Через некоторое время Джоэнис прибыл в Ньюарк, штат Нью-Джерси, где находился Университет Сент-Стивенс Вуд. На обширном зеленом пространстве были раскиданы низенькие, приятных очертаний здания. Глупс по очереди называл строения: корпус Гретца, корпус Ваникера, общага, столовая, физическая лаборатория, ректорат, библиотека, часовня, химическая лаборатория, новое крыло и старый корпус. За университетом протекала река Ньюарк, ее серо-бурые воды отливали оранжевыми сбросами с плутониевого завода, расположенного выше по течению. Неподалеку громоздились фабрики промышленного Ньюарка, а прямо перед университетом проходило скоростное восьмиполосное шоссе. Все это, сказал декан Глупс, привносит дыхание реальности в уединенную академическую атмосферу.

Джоэнису предоставили уютную комнату, а затем пригласили

его на коктейль, на вечеринку факультетских преподавателей.

Там он встретил своих коллег.

Профессор Придир, заведующий кафедрой английского языка, вынул на минуту трубку изо рта и проговорил:

"Добро пожаловать, Джоэнис. Если могу быть чем-то полезен, я к вашим услугам".

Лавочникер, кафедра философии, сказал: “Ну что ж..."

Хиляке, кафедра физики, сказал: “Надеюсь, вы не принадлежите к числу тех гуманитариев, которые считают своим долгом нападать на формулу E=tc2? Уж так оно есть, черт побери, и мы ни перед кем не обязаны извиняться. Я выразил свои взгляды в книге Совесть физика-ядерщика" и буду отстаивать их до конца”.

Хенли, кафедра антропологии: “Я уверен, что вы будете желанным гостем на моей кафедре, мистер Джоэнис”.

Дальтон, кафедра химии: “Рад вас видеть в нашей компании, Джоэнис, и милости прошу на мою кафедру”.

Джефрард, кафедра античности: “Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я”.

Шулерис, кафедра политических наук: “Ну что ж"...

Свободолюдинг, кафедра изящных искусств; “Добро пожаловать, Джоэнис. У нас довольно разнообразная программа, не правда ли?"

Шкодборн, кафедра музыки: “По-моему, я читал вашу диссертацию, Джоэнис, и должен вам сообщить, что не вполне согласен с той аналогией, которую вы проводите касательно Монтеверди. Разумеется, я не специалист в вашей области, но ведь и вы не специалист в моей, так что нам обоим, очевидно, трудно проводить аналогии, не так ли? Тем не менее приветствую вас в нашей компании”.

Птоломей, кафедра математики: “Джоэнис? Кажется, я читал вашу докторскую работу по системам бинарно-сенсорных величин. Мне она показалась весьма любопытной. Хотите еще выпить?"

Скрыт Ник, кафедра французского языка: “Рад с вами познакомиться, Джоэнис. Разрешите наполнить ваш бокал?"

Весь вечер проходил в подобных и даже еще более приятных разговорах. Джоэнис пытался ненавязчиво выяснить, какой же предмет ему предстоит вести, беседуя с теми из профессоров,

которые, казалось, были в курсе. Но эти люди, возможно из деликатности, не касались предмета Джоэниса, а предпочитали рассказывать истории, близкие им самим.

Поняв, что его попытки тщетны, Джоэнис вышел в фойе и оглядел доску объявлений. Но единственное объявление, которое имело к нему отношение, гласило, что занятия мистера Джоэниса начнутся в 11.00 в аудитории 143 нового крыла вместо аудитории 341 корпуса Ваникера, как было сообщено ранее.

Джоэнис подумал, не отвести ли ему в сторону одного из профессоров, например мистера Лавочникера с кафедры философии (науки, безусловно, не чуждой подобных деликатных сомнений), и не спросить ли в лоб, что ему, Джоэнису, надо преподавать. Но этому мешала его врожденная стеснительность. Вечеринка закончилась, и Джоэнис удалился к себе в комнату, так ничего и не узнав.

На следующее утро, стоя у входа в аудиторию 143 нового крыла, Джоэнис испытал типичный страх начинающего актера перед выходом на сцену. Он даже подумал, не удрать ли из университета. Но ему так пришлась по душе университетская жизнь, судя по первым о ней впечатлениям, что было очень жаль лишаться ее из-за такого пустяка. Поэтому, придав лицу строгое выражение, он решительно вошел в аудиторию.

Разговоры стихли, студенты с жадным интересом рассматривали нового преподавателя. Джоэнис собрался с мыслями и обратился к классу с той напускной уверенностью, которая нередко лучше уверенности подлинной.

- Вот что, класс, - сурово начал он. - Я полагаю, что вам следует немедленно уяснить некоторые вещи. Ввиду определенной необычности моего курса, кое-кто из вас, вероятно, считает, что тут нечего делать и что занятия наши будут носить развлекательный характер. Тех, кто так думает, предупреждаю сразу: лучше переводитесь на другой курс, более соответствующий вашим ожиданиям.

В аудитории воцарилось напряженное молчание. Джоэнис продолжал:

- До некоторых, возможно, дошли слухи, будто бы у меня легко получить положительную оценку. Советую побыстрее избавиться от этого заблуждения. Я отношусь к ответам беспристрастно, но строго.

Знайте, что, если потребуется, я без колебания завалю весь поток.

Легкий вздох, почти что отчаянная мольба, сорвался с губ студентов. По жалобным взглядам Джоэнис понял, что стал хозяином положения. Поэтому он продолжал уже более мягко:

- Теперь, когда мы познакомились поближе, мне остается только сказать вам - тем, кто выбрал курс из искренней жажды знаний, - добро пожаловать в нашу компанию!

Студенты, как единый гигантский организм, разом облегченно выдохнули. Следующие двадцать минут Джоэнис занимался тем, что записывал фамилии и места слушателей. Когда он довел список до конца, его осенила счастливая идея.

- Мистер Ристократ, - обратился Джоэнис к серьезному и знающему на вид студенту, сидящему в первом ряду, - будьте любезны, подойдите ко мне и напишите на доске крупными буквами, чтобы всем было видно, название нашего курса.

Ристократ с трудом сглотнул, заглянул в свою тетрадку и вывел на доске: “Острова юго-западной части Тихого океана: мост между двух миров”.

- Очень хорошо, - сказал Джоэнис. - А теперь вы, мисс Хуа, пожалуйста, возьмите мел и запишите краткий перечень тех вопросов, которые освещает наш курс.

Мисс Хуа оказалась высокой скромной девушкой в очках, и Джоэнис интуитивно почувствовал в ней хорошую студентку. Она написала: “Данный курс затрагивает вопросы культуры островов юго-западной части Тихого океана, с уделением особого внимания искусству, науке, музыке, ремеслам, фольклору, психологии и философии. Будут проведены аналогии между изучаемой культурой, ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы”.

- Отлично, мисс Хуа, - сказал Джоэнис. Теперь он знал, что должен преподавать. Разумеется, осталось еще немало трудностей. Он жил на Манитуатуа, в самом сердце южной части Тихого океана. О юго-западной части, куда, как ему казалось, входили Соломоновы, Маршалловы и Каролинские острова, он имел крайне слабое представление. И уж вовсе ничего он не знал о культурах Европы и Азии, с которыми ему предстояло проводить параллели.

Это, конечно, несколько обескураживало, но Джоэнис был уверен, что сумеет преодолеть все трудности. Кроме того, он с

облегчением заметил, что время занятия истекло.

- Что ж, на сегодня достаточно, - сказал он студентам. - До свидания, или, как говорят полинезийцы, aloha. И еще раз добро пожаловать в нашу компанию!

С этими словами Джоэнис распустил свой класс. Когда все разошлись, в аудиторию вошел декан Глупс.

- Не вставайте, пожалуйста, - сказал он. - Я к вам, если можно так выразиться, неофициально. Я стоял за дверью и слушал и хочу признаться - восхищен вашим подходом. Вы увлекли их, Джоэнис. По чести говоря, я опасался, что вам придется несладко, так как на курс почти целиком записалась наша баскетбольная команда. Но вы продемонстрировали ту самую гибкую твердость, которая является вершиной истинной педагогики. Я поздравляю вас и предсказываю вам долгую и блестящую карьеру в нашем университете.

- Благодарю вас, сэр, - ответил Джоэнис.

- Не надо меня благодарить, - мрачно произнес декан Глупс. - Мое последнее предсказание относилось к профессору барону Мольтке, выдающемуся специалисту в области теории ошибок. Я пророчил ему великое будущее, но через три дня после начала семестра бедняга Мольтке свихнулся и убил пять членов университетской футбольной команды. В тот год мы проиграли Амхерсту, и больше я своей интуиции не доверяю. Но желаю вам удачи, Джоэнис. Я всего лишь простой администратор, однако я хорошо знаю, что мне нравится.

Глупс отрывисто кивнул и покинул аудиторию. Выждав для приличия некоторое время, Джоэнис поспешил в книжную лавку, чтобы приобрести необходимую для курса литературу. К несчастью, она была распродана, и ближайшее поступление ожидалось не раньше, чем через неделю.

Джоэнис пошел в свою комнату, лег на постель и погрузился в размышления об интуиции декана Глупса и о сумасшествии, постигшем бедного профессора Мольтке. Он проклинал злую судьбу, позволившую купить книги студентам и обошедшую куда более остро в них нуждающегося преподавателя. А еще он пытался придумать, что делать на следующем занятии.

Но когда пришло время и Джоэнис стал лицом к классу, на него снизошло озарение.

- Сегодня я вас учить не буду. Поступим наоборот - вы будете учить меня. О культуре юго-западной части Тихого океана, как вам, безусловно, известно, распространено множество искаженных представлений. В связи с этим, перед тем как мы начнем формальное изучение предмета, я бы хотел послушать вас. Говорите прямо и открыто, не бойтесь высказывать собственное мнение, даже если вы в чем-то не уверены. Наша цель на данном этапе - со всей откровенностью поделиться своими суждениями, чтобы впоследствии переориентироваться, если, конечно, это будет необходимо. Таким образом, отбросив ложные представления, мы сможем со свежей головой воспринять эту великую культуру, по праву именуемую “мостом меж двух миров”. Надеюсь, вам это предельно ясно. Мисс Хуа, не начнете ли вы нашу дискуссию?

Джоэнису удалось использовать этот прием на протяжении следующих шести занятий и собрать массу противоречивых сведений о Европе, Азии и юго-западной части Тихого океана. Когда студенты интересовались, верно ли то или иное суждение, Джоэнис улыбался и говорил:

- Оставляю за собой право вернуться к этому вопросу позднее. А пока продолжим наше обсуждение.

На седьмом занятии студенты уже больше ничего не смогли ему рассказать. И тогда Джоэнис стал читать лекцию о воздействии электрических трансформаторов на культуру атолловых островов. С помощью анекдотов он растянул этот материал на несколько дней. А если студент задавал вопрос, на который Джоэнис не знал ответа, он неизменно говорил: “Прекрасно, Умникер! Вы попали в самую суть проблемы. Подготовьте-ка, пожалуйста, самостоятельно ответ к следующему занятию и изложите в письменной форме объемом, скажем, в пять тысяч слов, через два интервала”.

Таким образом Джоэнис отвадил излишне любопытных, особенно из числа игроков в баскетбол, боящихся перенапрячь пальцы и выбыть из состава команды.

Но, даже несмотря на эти уловки, Джоэнис вскоре опять исчерпал материал. В отчаянии он дал контрольную работу, предложив студентам оценить обоснованность ряда своих собственных суждений. Джоэнис со всей честностью пообещал, что результаты контрольной не отразятся на оценках.

Он понятия не имел, что делать дальше. Но к счастью, подоспели долгожданные учебники, и в распоряжении Джоэниса оказались суббота и воскресенье для их изучения.

Весьма полезной была книга “Острова юго-западной части Тихого океана: мост меж двух миров”, написанная Хуаном Диего Альваресом де лас Вегасом де Ривьерой. Автор когда-то был капитаном одного из перевозивших сокровища кораблей испанского флота, базировавшегося на Филиппинах, и, если не считать выпадов против сэра Фрэнсиса Дрэйка, давал полную и содержательную информацию.

Равно полезной оказалась книга, озаглавленная “Культура островов юго-западной части Тихого океана (искусство, наука, музыка, ремесла, фольклор, нравы, психология и философия), связь между ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы”. Книга была написана пэром, достопочтенным Алланом Флинт -Скрягтером, кавалером орденов Бани (женское отделение), Д. Д. Т., И. Т. Д., И. Т. П., бывшим генерал-губернатором Фиджи и руководителем карательной экспедиции на Тонго.

С помощью этих книг Джоэнис стал опережать студентов по крайней мере на одно занятие. Если по той или иной причине ему это не удавалось, он всегда мог дать контрольную работу по пройденному материалу. Но самым лучшим было то, что высокая очкастая мисс Хуа вызвалась проверять контрольные работы. Джоэнис испытывал глубокую признательность к преданной науке девушке, освободившей его от утомительнейших и скучнейших педагогических трудов.

Жизнь вошла в спокойное русло. Джоэнис читал лекции и устраивал контрольные работы, а мисс Хуа правила и ставила оценки. Студенты быстро усваивали материал, писали контрольные и с легким сердцем забывали пройденное. Как и прочие молодые, здоровые организмы, они быстро освобождались от всего вредного, раздражающего или просто надоедливого. Разумеется, они освобождались и от всего полезного, стимулирующего мысль или дающего пищу для размышлений. Об этом, возможно, стоило бы пожалеть, но такова уж неизбежная сторона процесса образования, с которой должен свыкнуться всякий преподаватель. Как сказал Птоломей с кафедры математики: “Ценность университетского

образования заключается в том, что оно приближает молодежь к знаниям. Студента, проживающего в удобно расположенном общежитии, отделяют лишь тридцать ярдов от библиотеки, менее пятидесяти ярдов от лаборатории физики и всего-навсего десять ярдов от лаборатории химии. Я полагаю, что все мы можем по праву этим гордиться".

Однако возможностями, которые давал университет, в первую очередь пользовались все-таки преподаватели, соблюдавшие, правда, осмотрительность. Университетский врач строжайшим образом предупредил их об опасности злоупотребления знаниями и лично отмеривал им еженедельные дозы информации. Но, несмотря на все предосторожности, несчастные случаи все-таки происходили. Старый Джефрард получил шок, когда читал в оригинале "Сатирикон", полагая, что это папская энциклика. Потребовалось две недели отдыха, прежде чем он окончательно пришел в себя. А Девлин, самый молодой профессор английского языка, перенес частичную потерю памяти, когда он, прочитав "Моби Дика", обнаружил, что не в состоянии дать сколько-нибудь логичную и здравую религиозную интерпретацию этого труда.

Таковы были опасности, свойственные их профессии. Но преподаватели не только не боялись их, но даже гордились ими. Как сказал Хенли с кафедры антропологии:

"Землекопы рискуют быть засыпанными мокрым песком; мы рискуем жизнью, зарываясь в старые книги". Хенли изучал землекопов в полевых условиях и знал, что говорит.

Студенты, за редким исключением, не подвергались подобным опасностям. Они вели жизнь, резко отличавшуюся от жизни профессорско-преподавательского состава. Некоторые из более молодых сохранили ножи и велосипедные цепи, оставшиеся со школьных дней, и по вечерам выходили на улицу в поисках подозрительных личностей. Другие, как правило, проводили время в оргиях (вследствие чего в "Зале Свободы" еженедельно приходилось устраивать судебные заседания). Кое-кто увлекался спортом. Например, баскетболистов днем и ночью можно было видеть на тренировках, где они кидали мячи с механической регулярностью промышленных роботов.

И наконец, были такие, кто проявлял рано пробудившийся

интерес к политике. Эти, как их называли, интеллектуалы стояли на либеральных или консервативных позициях, в зависимости от воспитания и темперамента. Именно университетские консерваторы едва не добились успеха, выдвинув Джона Смита на пост президента Соединенных Штатов во время последних выборов. То обстоятельство, что Смит был мертв вот уже двадцать лет, ничуть не охлаждало их пыла; напротив, многие считали это важнейшим достоинством кандидата.

Они непременно победили бы, если бы большинство избирателей не опасалось создания прецедента. Этим страхом умело воспользовались либералы. Они заявили:

"Мы не возражаем против Джона Смита (да покоится его душа в мире), который, возможно, явился бы украшением Белого дома. Но подумайте, что произойдет, если в неопределенном будущем президентское кресло займет недостойный покойник?"

Этот аргумент решил дело.

Либералы из студентов, однако, оставляли разговоры старшим. Сами они предпочитали посещать специальные занятия по партизанским методам ведения войны, изготовлению бомб и применению огнестрельного оружия.

Университетские консерваторы, уступившие победу на выборах либералам, делали вид, что в мире ничего не изменилось с тех пор, как генерал Паттон разбил персов в сорок пятом году. Они частенько посиживали в пивных и распевали “Балладу о побережье Омахи”. Самые эрудированные могли исполнить ее в оригинале на древнегреческом.

Джоэнис наблюдал все это и продолжал преподавать культуру островов юго-западной части Тихого океана. Ему нравилась университетская обстановка. Постепенно коллеги стали принимать его как своего. Сперва, конечно, были некоторые возражения.

Придир, кафедра английского языка: “Мне кажется, что Джоэнис не воспринимает Моби Дика" как составную часть культуры юго-западной части Тихого океана”.

Шкодборн, кафедра музыки: “Как я понимаю, он совсем не освещает важнейшую роль псалмов в народной музыке того района. Но это, в конце концов, его курс”.

Хиляке, кафедра физики: “На мой взгляд, большим упущением

с его стороны является то, что он не подчеркивает отсутствие влияния современной квантовой теории на жизнь островитян. Это наводит меня на кое-какие мысли".

Скрыт Ник, кафедра французского языка: "Насколько мне известно, Джоэнис не посчитал нужным отметить вторичное и третичное влияние французского на отглагольные формы в языках юго-западной части Тихого океана. Я, разумеется, всего лишь простой лингвист, но, по-моему, это весьма существенно".

Были и другие нарекания - со стороны профессоров, которые считали, что Джоэнис исказил или вообще игнорировал их специальности. Подобные трения, вполне возможно, могли бы привести со временем к натянутости в отношениях. Однако решающую роль сыграли слова Джефрарда с кафедры античности:

- Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я. Но, черт побери, я думаю, что он мировой парень!

Сердечный отзыв Джефрарда сослужил Джоэнису добрую службу. Профессора стали менее отчужденными и высказывали чуть ли не дружеское расположение. Все чаще Джоэниса приглашали на вечеринки и приемы в домах коллег, и вскоре он, как равный, вошел в жизнь УССВ.

Авторитет Джоэниса упрочился после завершения весенних студенческих соревнований. Но уже тогда он начал задумываться о трудностях человеческого существования, а в скором времени окончательно пришел к выводу, что ему лучше оставить уединенную университетскую жизнь.

КАК ДЖОЭНИС ПОПАЛ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Возможность покинуть университет представилась Джоэнису, когда кампус посетил правительственный агент по найму кадров. Чиновника звали Заммот; он носил титул Помощника Министра по Надзору за Распределением Государственных Должностей. Это был человек лет пятидесяти, невысокий, с коротко подстриженными седыми волосами и красным лицом, напоминавшим бульдожью морду. Его динамичность и целеустремленность взволновали Джоэниса до глубины души.

Помощник Министра Заммот произнес перед преподавателями короткую речь:

- Большинство из вас знают меня, поэтому я не стану тратить время на красивые слова. Я просто напомню вам, что правительству нужны талантливые, преданные люди для работы в различных службах и ведомствах. Мое дело - найти этих людей. Всех заинтересованных лиц милости прошу ко мне в корпус “Старый Скармут”, в комнату 222, которой мне любезно разрешил воспользоваться декан Глупс.

Джоэнис отправился туда немедленно. Помощник Министра сердечно приветствовал его.

- Присаживайтесь, - сказал Заммот. - Курите? Пьете? Рад, что хоть кто-нибудь заглянул. Я уж думал, здесь все такие умники, в этом вашем Сент-Стивенс Вуде, что прямо у каждого есть собственный план спасения мира и в то же время никому нет дела до государственных проблем.

Джоэнис удивился: оказывается, Заммот был хорошо осведомлен о настроениях в университете.

- Мы держим ухо востро, - сказал Заммот. - На сегодняшний день преподавательский состав УССВ на две трети состоит из тайных агентов. Как только мы соберем достаточно компрометирующих материалов, то сразу же нанесем удар. Впрочем, к вам это не относится. Я так понимаю, что вы интересуетесь государственной службой?

- Интересуюсь. Меня зовут Джоэнис. Я...

- Знаю, все знаю, - перебил Заммот. Он отомкнул большой портфель и вынул записную книжку. - Ну-ка, посмотрим, - сказал он, перелистывая страницы. - Джоэнис. Арестован в Сан-Франциско по подозрению в произнесении речи подрывного характера. Предстал перед Комиссией Конгресса, где ему было предъявлено обвинение в непочтительности и отказе от дачи свидетельских показаний, в особенности по вопросу связей с Арнольдом и Рональдом Блейками. После расследования приговорен Оракулом к десяти годам тюремного заключения условно. Провел короткое время в “Доме Холлис" для Невменяемых Преступников”, после чего устроился на работу в данный университет.

Заммот закрыл книжку и спросил:

- Все более или менее правильно?

- Более или менее, - сказал Джоэнис, чувствуя, что спорить или объяснять что-либо бесполезно. - Полагаю, что досье свидетельствует о моей полной непригодности к государственной службе.

Заммот от души расхохотался. Отсмеявшись и утерев слезы, он заявил:

- Джоэнис, по-моему, здешняя обстановка слегка размягчила вам мозги. В вашем досье нет ничего страшного.

Подрывной характер вашей речи в Сан-Франциско никем не доказан, это лишь подозрение. Ваша непочтительность к Конгрессу говорит только об обостренном чувстве личной ответственности - совсем как у наших величайших президентов. Ваш отказ свидетельствовать против Арнольда и Рональда Блейков, несмотря на угрозу, нависшую над вами лично, демонстрирует врожденную лояльность. Ваш отход от коммунизма очевиден. ФБР утверждает, что после того, как вы в первый и последний раз по заблуждению столкнулись с Блейками, вы решительно отвернулись от агентов мировой революции. Нет ничего постыдного и в том, что вы побывали в “Доме для Невменяемых Преступников”; если бы вы ознакомились со статистикой, то увидели бы, что большинство из нас рано или поздно начинает нуждаться в помощи психиатра. Мы, в правительстве, вовсе не лицемеры, Джоэнис. Мы знаем, что никто из нас не может быть совершенно чист и каждый человек хоть в мелочи, а допустил что-то такое, что вряд ли может вызвать прилив гордости. Если оценивать происшедшее с этих позиций, то вы вообще ни в чем не замешаны.

Джоэнис поспешил выразить свою глубочайшую признательность по поводу доверия, оказываемого ему правительством.

- Человека, которого вы действительно должны благодарить, зовут Шон Фейнстейн, - сказал Заммот. - Занимая пост Специального Помощника Президента, он-то и выдвинул эти соображения в вашу защиту. Мы тщательно изучили ваше дело и пришли к выводу, что вы как раз тот самый человек, который нам нужен в правительстве.

- Кто? Я? - спросил Джоэнис.

- Вне всякого сомнения. Мы, политики, мыслим реалистически. Мы отдаем себе отчет, что нас осаждают мириады проблем. Для того чтобы решать эти проблемы, нам нужны самые дерзкие, непредубежденные, бесстрашные мыслители. Лишь лучшие из лучших могут нам подойти, и никакие побочные соображения нас не остановят. Нам нужны люди вроде ВАС, Джоэнис. Ну как, идете на службу в правительство?

- Иду! - закричал Джоэнис, пылая энтузиазмом. - И я постараюсь быть достойным того доверия, которое вы и Шон Фейнстейн мне оказали.

- Я знал, что вы так ответите, Джоэнис, - сказал Заммот дрогнувшим голосом. - Все так говорят. От всего сердца благодарю вас. Подпишите здесь и здесь.

Заммот вручил Джоэнису стандартный формуляр правительственного контракта, и тот расписался. Помощник Министра сунул бумагу в портфель и горячо пожал Джоэнису руку:

- Считайте, что с этого момента вы приступили к своим обязанностям в правительстве. Да благословит вас Господь! Помните, что мы целиком полагаемся на вас.

Заммот направился было к двери, но Джоэнис окликнул его:

- Стойте! В чем же заключаются мои обязанности и где именно я должен их выполнять?

- Вас известят, - сказал Заммот.

- Когда? И кто?

- Я только агент по найму кадров, - сказал Заммот. - Следить за тем, что происходит с людьми, которых я вербую, - это совершенно, вне моей компетенции. А теперь прошу меня извинить: меня ждут в Радклиффе для очень важного разговора.

Помощник Министра Заммот удалился. Джоэнис был чрезвычайно взволнован открывающимися перед ним перспективами. Уже на следующее утро он получил официальное письмо, присланное с курьером по особым поручениям. Ему было приказано прибыть за распоряжением в комнату № 432, Восточное крыло Портико-Билдинг, Вашингтон, округ Колумбия, и сделать это с предельной срочностью. Письмо собственноручно подписал не кто иной, как Джон Мадж, Специальный Помощник Начальника Управления по Координации Взаимодействий Родов Войск.

Джоэнис немедленно распростился со своими коллегами, бросил последний взгляд на зеленые лужайки и бетонные дорожки университета и сел на первый же самолет в Вашингтон.

И вот наконец наступил долгожданный момент - Джоэнис прибыл в столицу. По улицам из розового мрамора он спустился к Портико-Билдингу, миновав по пути Белый дом - очаг американской имперской власти. Слева остались обширные угодья Октагона, построенного на месте маленького и тесного Пентагона. Еще дальше возвышались здания Конгресса.

Вид этих зданий особенно взволновал Джоэниса. По его представлениям, они воплощали в себе романтику истории. Перед глазами Джоэниса поплыли картины апофеоза Старого Вашингтона, бывшего столицей Эллинской Конфедерации вплоть до разрушительной Гражданской войны. Он словно воочию увидел потрясшие мир дебаты между Периклом, представителем лобби резчиков по мрамору, и Фемистоклом, неистовым командиром подводной лодки. Он представил себе Клеона, покинувшего уютный домик в Аркадском Нью-Гемпшире и пришедшего сюда, чтобы в нескольких скупых словах изложить свои мысли о ведении войны. Одно время здесь жил философ Алкивиад, представлявший в Конгрессе свой родной город Луизиану, по этим ступеням поднялся Ксенофонт, и все стоя устроили ему овацию за то, что он без потерь провел десять тысяч воинов от берегов Ялу до убежища в Пусане.

Воспоминания теснились, набегали одно за другим. Здесь Фукидид написал свой окончательный вариант истории трагической войны между Штатами. Гиппократ - Начальник Медицинской Службы - победил здесь желтую лихорадку и, верный клятве, которую сам же придумал, никогда об этом не распространялся. Наконец, Ликург и Солон, первые судьи Верховного Суда, затеяли здесь свою известную дискуссию о природе правосудия.

Все эти знаменитости словно толпились вокруг Джоэниса, когда он шествовал по широким вашингтонским бульварам. Перебирая в памяти их образы, Джоэнис преисполнился решимости сделать все возможное, дабы доказать, что он достоин своих предшественников.

Пребывая в таком восторженном состоянии духа, Джоэнис и вошел в комнату № 432, расположенную в Восточном крыле Портико-Билдинга. Специальный Помощник Джон Мадж принял

его радушно и без малейших отлагательств. Несмотря на свою колоссальную загруженность, Мадж был сердечен, любезен и, казалось, никуда не спешил. Джоэнис сразу уяснил, что в Управлении по Координации Взаимодействий Мадж единолично ведал всеми вопросами политики, поскольку его начальник дни и ночи трудился над составлением бесполезных прошений о переводе в армию.

- Ну, Джоэнис, - сказал Мадж, - мы очень рады, что вас определили к нам. Думается, мне лучше сразу объяснить, чем занимается наше управление. Мы функционируем как межведомственное агентство, которое призвано устранять дублирование усилий, предпринимаемых полуавтономными военными соединениями под началом военных властей. Кроме того, мы выступаем также как разведывательное и информационное агентство, обеспечивающее оперативными данными программы обслуживания всех родов войск, и как государственная организация, занимающаяся планированием психологической и экономической войн.

- Что-то многовато всего, - заметил Джоэнис.

- Это еще далеко не все! - воскликнул Мадж. - И тем не менее наша работа абсолютно необходима. Возьмем, например, основную задачу Координации Взаимодействий Родов Войск. Не далее, как в прошлом году, еще до того, как было создано это управление, части нашей армии вели трехдневные бои в непролазных джунглях Северного Таиланда. Вообразите их разочарование, когда дым рассеялся и они обнаружили, что все это время вели наступление против хорошо окопавшегося батальона морской пехоты США! Вы только представьте, как это повлияло на моральный дух войск! А если учесть, что наши военные обязательства тонкой паутиной опутали весь земной шар, то мы должны быть постоянно начеку, чтобы подобные инциденты не повторялись.

Джоэнис утвердительно кивнул. Мадж пустился рассуждать о необходимости выполнения агентством его прочих обязанностей:

- Возьмите, к примеру, разведку. Когда-то она была исключительно в ведении Центрального Разведывательного Управления. Но сейчас ЦРУ категорически отказывается рассекречивать свою информацию и вместо этого запрашивает все

более крупные контингента войск для решения задач, с которыми оно сталкивается.

- Прискорбно, - согласился Джоэнис.

- И конечно, то же самое в еще большей степени относится к разведке сухопутных войск, военно-морской разведке, разведывательной службе ВВС, разведке морской пехоты, разведке военно-космических сил и всем прочим. Разумеется, никто не ставит под сомнение патриотизм людей, несущих службу в этих родах войск. Однако каждый из них, заполучив средства ведения самостоятельных боевых действий, видит в командовании своего собственного рода войск единственную и последнюю инстанцию, которая способна оценить опасность и довести конфликт до победного конца. Конечно, при таком положении дел любая информация о противнике обретает противоречивый и подозрительный характер. А это, в свою очередь, парализует правительство, ибо оно не располагает достоверной информацией, на которой можно было бы строить проведение политической линии.

- Я и понятия не имел, что проблема настолько трудна, - сказал Джоэнис.

- Трудна и неразрешима, - ответил Мадж. - По моему разумению, порок гнездится в размерах правительственных организаций, штаты которых раздуты самым беспрецедентным образом. Один мой ученый друг как-то сообщил мне, что организм, который перерос свои естественные пределы, имеет тенденцию распадаться на составные части, чтобы со временем снова вступить в стадию роста. Мы разрослись сверх всякой меры, и процесс дробления уже начался. Тем не менее наш рост был продиктован духом эпохи, поэтому мы не имеем права допустить какого бы то ни было распада. Холодная война все еще продолжается, и мы обязаны латать, штопать, чинить наши войска и держать их хотя бы в условных рамках порядка и взаимодействия. Мы, в Управлении Координации, обязаны разузнать правду о противнике, передавать эти сведения на рассмотрение правительству в виде разработанной политической линии и заставлять рода войск действовать в соответствии с этой линией. Мы должны сохранить себя для будущих времен, когда внешняя угроза благополучно канет в прошлое, и тогда, надо

надеяться, мы сократим размеры нашей бюрократической системы прежде, чем силы хаоса сделают эту работу за нас.

- По-моему, я вас понимаю, - сказал Джоэнис. - И я полностью разделяю ваше мнение.

- Я так и знал, - ответил Мадж. - Я знал это с того самого момента, как прочел ваше досье, и распорядился, чтобы вас назначили сюда. Я сказал себе: этот человек, очевидно, прирожденный координатор. И, несмотря на многочисленные трудности, я добился, чтобы вас допустили к государственной службе.

- А я думал, что это работа Шона Фейнстейна, - сказал Джоэнис.

Мадж улыбнулся:

- Шон - чисто номинальная фигура. Он только подписывает бумаги, которые мы ему подсовываем. Он, конечно, первостатейный патриот и потому добровольно вызвался играть секретную, но очень важную роль правительственного козла отпущения. Прикрываясь именем Шона, мы проворачиваем все двусмысленные, непопулярные или подозрительные делишки. Когда они заканчиваются благополучно, все заслуги приписываются Начальству. Когда же дело оборачивается плохой стороной, всю вину берет на себя Шон. Таким образом, репутация Начальства остается незапятнанной.

- Шону, должно быть, приходится очень нелегко, - заметил Джоэнис.

- Конечно. Но если бы он не испытывал трудностей, он и не знал бы, может быть, что такое счастье. Так утверждает один из моих друзей-психологов. А другой мой знакомый психолог - человек мистического склада ума - считает, что Шон Фейнстейн выполняет необходимейшую историческую функцию: ему предначертано быть первичным двигателем людей и событий. Такие решительные личности рождались во все исторические периоды, они - жизненная сила, оплодотворяющая ниву просвещения. И именно по этим причинам Шона ненавидят и поносят народные массы, которым он служит. Впрочем, где бы ни коренилась истина, я считаю, что Шон - фигура крайне полезная.

- Я хотел бы повидать его и пожать ему руку, - сказал Джоэнис.

- Как раз сейчас это невозможно, - сказал Мадж. - В настоящее

время Шон отбывает срок одиночного заключения, сидя на диете из хлеба и воды. Его признали виновным в краже двадцати четырех атомных гаубиц и ста восьмидесяти семи атомных гранат из наших армейских арсеналов.

- Он действительно украл все это? - спросил Джоэнис.

- Да, но по нашей просьбе. Мы вооружили ими одно из подразделений войск связи, после чего парни одержали победу в битве за Розовое ущелье в Юго-Восточной Боливии. Должен добавить, что войска связи давно уже требовали удовлетворить их заявку на вооружение - но тщетно.

- Мне очень жалко Шона, - сказал Джоэнис. - Какой же ему вынесен приговор?

- Смертная казнь, - ответил Мадж. - Но его помилуют. Его всегда прощают. Шон слишком важная персона, чтобы ему отказать в помиловании.

Мадж некоторое время смотрел в сторону, затем снова повернулся к Джоэнису:

- Ваше конкретное задание представляет собой поручение величайшей важности. Мы посылаем вас в поездку на Восток с целью анализа и инспекции. Разумеется, в прошлом предпринималось много таких поездок. Но.., либо брало верх предвзятое мнение одной из разведок, и в этом случае поездка теряла смысл, либо отправным пунктом для поездки служила все-таки точка зрения Управления Координации, но тогда все данные получали гриф “совершенно секретно” и непрочитанными складывались в досье в Комнате Высшей Секретности, которая расположена под Форт-Ноксом <Форт-Нокс - место, где хранится золотой запас США.>. Но в вашем случае все будет иначе. Шеф лично заверил меня, а я заверяю вас, что отчет, который составите вы, такая судьба не постигнет. Его прочитают, и на его основании начнут действовать. Мы полны решимости придать Управлению Координации большой вес, поэтому все, что вы расскажете о противнике, будет принято к сведению и использовано на практике. А теперь, Джоэнис, вы должны пройти полную проверку на благонадежность, затем инструктаж, после чего получите последние распоряжения.

Сказав все это, Мадж отвел Джоэниса в Службу Безопасности,

где полковник, руководитель группы френологии, ощупал его голову на предмет подозрительных шишек. Затем Джоэнис прошел сквозь строй государственных астрологов, гадателей на картах, гадателей на спитом чае, физиогномистов, психологов, казуистов и компьютеров. В конце процедуры он был признан лояльным, почтительным гражданином, в здравом уме, ответственным за поступки, заслуживающим доверия и, главное, счастливчиком. На основании этого ему выдали Пропуск на Вход с Чемоданом и допустили к чтению секретных документов.

У нас имеется только частичный список материалов, которые Джоэнис прочитал в серой стальной Секретной Комнате. Там за его спиной постоянно стояли два вооруженных охранника с завязанными глазами - необходимая мера, чтобы они не бросили нечаянный взгляд на драгоценные документы. Но мы точно знаем, что Джоэнис прочитал:

"Как я был невестой военного времени" - сокрушительное публичное разоблачение противоестественной практики, укоренившейся в Вооруженных Силах.

"Сиротка Энни встречается с человеком-волком" - детальное руководство по шпионажу, написанное одной из самых опытных шпионок всех времен.

"Тарзан и Черный город" - потрясающий доклад о действиях партизан в Восточной Африке.

"Песни" (автор неизвестен) - шифрованный, полный загадок отчет о денежной и расовой теориях противника.

"Бак Роджерс вступает в Мунго" - документальный отчет о героизме парней из военно-космических сил, с иллюстрациями.

"Основные принципы" Спенсера, "Апокрифы" (автор неизвестен), "Республику" Платона и "Малеус Малифакарум" - труд, написанный в соавторстве Торквемадой, епископом Беркли и Гарпе Маркузом. Эти четыре сочинения были душой и острием коммунистической доктрины, и мы уверены, что Джоэнис прочитал их с великой пользой для себя.

И конечно, он прочитал "Плейбоя Западного Мира" - сочинение Иммануила Канта, которое решительно опровергало вышеупомянутые труды коммунистических авторов.

Все эти документы для нас утеряны - по причине того

огорчительного обстоятельства, что они были напечатаны на бумаге, а не выучены наизусть. Многое мы бы дали за то, чтобы уяснить суть этих произведений, в которых, как в тиглях, выкристаллизовалась блистательная и сумасбродная политика того времени. И нам не остается ничего другого, как задаться вопросом: читал ли Джоэнис те немногие классические произведения двадцатого века, которые дошли до наших дней? Внимательно ли он рассматривал бередящую душу скульптуру “Бутсы”, отлитую в бронзе? Читал ли “Наставления для практичных людей, владеющих недвижимостью” - полную изумительной фантазии книгу, которая - практически в одиночку - сформировала нравы двадцатого века? Встречался ли со своим современником - достопочтенным Робинзоном Крузо, величайшим из поэтов двадцатого столетия? Беседовал ли с кем-нибудь из представителей знатного швейцарского рода Робинсонов, скульптурные портреты которых можно видеть во многих наших музеях?

Увы, Джоэнис никогда не распространялся на темы культуры. Зато в его рассказах освещались вопросы куда более важные для того тревожного времени.

Закончив чтение документов, которое длилось три дня и три ночи, Джоэнис встал и покинул серую стальную Секретную Комнату и ее стражей с завязанными глазами. Теперь он был хорошо осведомлен о состоянии дел не только в своей стране, но и за ее пределами. С трепетной надеждой и ужасным предчувствием вскрыл он конверт с приказом.

Приказ предписывал Джоэнису прибыть за распоряжениями в Октагон, в комнату 18 891, этаж 12, уровень 6, крыло 63, подсекция АДжБ-2. К приказу был приложен план здания, чтобы Джоэнис не заблудился внутри колоссального строения. А дальше., дальше все просто: когда Джоэнис доберется до комнаты 18 891, высокопоставленный октагонский чиновник, известный только под инициалом - мистер М., даст ему последние наставления и организует его отлет на специальном реактивном самолете.

Сердце Джоэниса переполнилось радостью, когда он прочитал приказ: наконец-то ему выпал шанс принять участие в великих делах. Он помчался в Октагон, чтобы получить последние инструкции и пуститься в путь. Однако задача, стоявшая перед ним,

была не из тех, что решаются с налету и в лоб.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ОКТАГОНЕ

(Рассказано Маубинги с Таити)

Сгорая от нетерпения, Джоэнис влетел в Октагон и на минуту застыл от изумления. Он даже не представлял, что на свете может существовать такое великолепие. Наконец Джоэнис пришел в себя и устремился вперед по коридорам, вверх по лестницам, вниз по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и холлам и снова по коридорам.

Когда воодушевление несколько улеглось, он наконец сообразил, что его план, мягко говоря, неточен, поскольку указания на нем не носили даже следов привязки к тому, что он видел вокруг. Казалось, что это план совсем другого здания. Джоэнис был теперь в самом центре Октагона. Он понятия не имел, что ждет его впереди, и сильно сомневался в своей способности вернуться назад тем путем, по которому уже прошел. Поэтому Джоэнис засунул план в карман и решил спросить совета у первого встречного.

Вскоре он нагнал шедшего по коридору мужчину в форме полковника Картографической Службы. Он производил впечатление человека доброжелательного и исполненного достоинства.

Джоэнис остановил полковника, объяснив, что он заблудился и что его план, похоже, никуда не годится.

Полковник взглянул на план Джоэниса и заявил:

- О, что вы, он в полном порядке. Это схема Октагона из серии А433-321Б, которую моя служба пустила в обращение только на прошлой неделе.

- Но в ней невозможно разобраться, - сказал Джоэнис.

- Совершенно верно, черт побери! - гордо ответствовал полковник. - Вы хоть представляете себе, какое важное значение имеет это здание? Знаете ли вы, что здесь размещаются все высшие государственные организации, включая самые секретные?

- Я понимаю, - пытался возразить Джоэнис. - Но...

- Тогда вы можете оценить и то положение, в котором мы окажемся, если наши враги разберутся в структуре здания и размещения его кабинетов, - продолжил полковник. - В наши

коридоры просочатся шпионы. Переодетые в солдат и конгрессменов, они получат доступ к важнейшей информации. Никакие меры безопасности не помогут изолировать шпиона, вооруженного подобной информацией. И тогда нам конец, дорогой сэр. А план, который вы держите в руках и который собьет с толку любого шпиона, - это, одна из важнейших гарантий, сохранности наших секретов.

- Думаю, что так оно и есть, - вежливо согласился Джоэнис.

Полковник картографии любовно погладил лист бумаги с изображенным на нем планом и сказал:

- Вы даже не представляете себе, насколько трудно составить такой план.

- Да что вы?! - изумился Джоэнис. - Я-то думал, что это очень просто: достаточно нарисовать план воображаемой территории.

- Непрофессионалы всегда так думают. Только наш брат картограф - или шпион! - способен должным образом оценить наши проблемы. Создать план, который ничего не раскрывает и в то же время вызывает ощущение правдоподобия, - это, дружище, требует высочайшего искусства!

- Не сомневаюсь, - сказал Джоэнис. - Но зачем вам вообще понадобилось создавать фальшивый план?

- В целях безопасности, - ответил полковник. Это объяснение окончательно завело Джоэниса в тупик, и некоторое время они с полковником стояли в полном молчании. Наконец Джоэнис вымолвил:

- И часто вы вылавливаете шпионов в Октагоне?

- До настоящего времени, - сказал полковник, - ни один шпион не смог совладать с нашими наружными мерами безопасности и проникнуть внутрь здания.

Должно быть, полковник уловил тень разочарования на лице Джоэниса, потому что он быстро добавил:

- Поверьте, шпионы еженедельно попадаются в сети нашей наружной охраны.

- Я не заметил вообще никакой охраны, - сказал Джоэнис.

- Конечно, не заметили. С одной стороны, вы - не шпион. С другой стороны, Служба Безопасности хорошо знает свое дело и не обнаруживает своего присутствия. Она действует только по

необходимости. По крайней мере, ныне дела обстоят именно так. Но, предвидя, что в будущем появятся более коварные шпионы, мы в Картографии заготовили фальшивые планы.

Джоэнис кивнул. Теперь ему не терпелось заняться своими собственными делами, но он не очень-то понимал, куда направить стопы. Решив действовать окольным путем, он спросил полковника:

- Вы убеждены, что я не шпион?

- Любой человек в каком-то смысле шпион, - сказал полковник. - Но поскольку вы вкладываете в это слово конкретный смысл, отвечу: да, я убежден, что вы не шпион.

- Тогда сообщаю вам, что я нахожусь здесь в соответствии с особыми инструкциями и обязан явиться в определенный кабинет.

- Могу я взглянуть на эти ваши инструкции? - попросил полковник.

Джоэнис передал ему бумагу. Полковник изучил документы и вернул их.

- На вид - в полном порядке, - сказал он. - Вам следует немедленно явиться в указанный кабинет.

- Тут-то и зарыта собака, - сказал Джоэнис. - По правде говоря, я заблудился. Я пытался воспользоваться одним из ваших блистательных фальшивых планов и, вполне естественно, так никуда и не пришел. Поскольку вы теперь знаете, что я не шпион, и видите, что нахожусь здесь по служебному вопросу, я был бы в высшей степени признателен, если бы вы оказали мне посильную помощь.

Джоэнис сформулировал свою просьбу в осторожных и окольных выражениях, полагая, что это более соответствует строю мыслей полковника. Но полковник отвел глаза, на его лице отразилось сильнейшее замешательство.

- Боюсь, что не смогу вам помочь. Я не имею ни малейшего понятия, где расположен тот самый кабинет, и даже не могу посоветовать, в каком направлении вам надлежит двигаться.

- Не может быть! - вскричал Джоэнис. - Вы ведь картограф! И хотя вы чертите в основном фальшивые планы, я уверен, что вы создаете и подлинные, поскольку это заложено в самой природе вашей профессии.

- Все, что вы говорите, совершенно правильно, - сказал

полковник. - Ничто не может удержать настоящего картографа от создания истинных карт. Я стал бы заниматься этим, даже если бы мне строго-настрого запретили. Но к счастью, никто ничего подобного не запрещал. Более того, я получил на этот счет точный приказ.

- От кого? - спросил Джоэнис.

- От высшего начальства в этом здании, - ответил полковник. - Те, кто возглавляют Службу Безопасности, пользуются подлинными планами, чтобы легче было дислоцировать и размещать вверенные им силы. Но разумеется, подлинные планы служат им только для удобства - это всего лишь клочок бумаги, с которым сверяются столь же небрежно, сколь небрежно мы поглядываем на часы: сколько там натикало - полчетвертого или без двадцати четыре. Если нужно, они могут обходиться вовсе без планов, полностью полагаясь на собственные знания и власть.

- Если вы чертите для них настоящие планы, - сказал Джоэнис, - то наверняка можете подсказать мне, в какую сторону надобно двигаться.

- Как же вы отыскиваете дорогу в собственный кабинет? - удивился Джоэнис.

- Увы, стыдно признаться, но в данной ситуации опыт картографа мне не помощник. Я нахожу свой кабинет таким же образом, каким все здесь отыскивают свои кабинеты, - руководствуясь особым чутьем, которое сродни инстинкту. Большинство сотрудников не подозревает об этом. Они считают, что в выборе дороги каким-то образом участвует интеллект, что память подсказывает им: “поворот направо”, “поворот налево”. Вы расхохотались бы, а может, и разрыдались, если бы послушали, что эти люди твердят о нашем здании, хотя ни один из них в жизни не осмелился высунуть нос дальше коридора, ведущего к его кабинету. Только я, картограф, брожу по всему зданию, ибо такова моя работа. Иногда на территории, которую я уже миновал, происходят грандиозные перемены, неузнаваемо преображающие ее облик. Что делать? Каким путем возвращаться? И тогда какое-то чувство - не разум и не знание - направляет меня к кабинету, точно так же, как управляет оно и прочими чиновниками.

- Понятно, - произнес Джоэнис, хотя на самом деле ничего не

понял и пребывал в полном замешательстве. - Значит, вы не знаете, как я должен поступить, чтобы попасть, в указанный кабинет?

- Не знаю.

- Может быть, вы посоветуете, на что я должен обращать внимание в поисках дороги? Может быть, есть какие-нибудь ориентиры?

- Я крупнейший знаток этого здания, - грустно промолвил полковник. - И мог бы рассказывать о нем целый год, ни разу не повторившись. Но к несчастью, я не знаю ничего такого, что могло бы помочь вам в вашей исключительной ситуации.

- Как вы думаете, я найду когда-нибудь кабинет, в который меня послали? - спросил Джоэнис.

- Если поручение, ожидающее вас, на самом деле важное, - сказал полковник, - и если большое начальство заинтересовано в том, чтобы вы нашли этот кабинет, - я уверен, перед вами не возникнет никаких трудностей. Но, с другой стороны, может статься, что ваше дело представляет важность только для вас самого и больше ни для кого другого, - тогда поиски, вне всякого сомнения, затянутся надолго. Правда, у вас есть официальные инструкции, но я подозреваю, что большое начальство время от времени посылает людей в воображаемые кабинеты, просто чтобы проверить надежность внутренней системы безопасности. Если вас постигла такая участь - тогда действительно шансы на успех крайне малы.

- Так или иначе, перспективы у меня не очень-то радужные, - уныло произнес Джоэнис.

- Ну, дорогой мой, это риск, на который в данных условиях должен идти каждый из нас, - сказал полковник. - Шпионы подозревают, что руководители посылают агентов с опасными заданиями только для того, чтобы избавиться от них, а картографы подозревают, что их заставляют чертить планы только для того, чтобы занять их работой и отвратить от злонамеренной праздности. У каждого - свои сомнения, и я могу только пожелать вам успехов и выразить надежду на то, чтобы ваши сомнения никогда не подтвердились.

Сказав все это, полковник учтиво поклонился и пошел дальше по коридору.

А Джоэнис отправился куда глаза глядят. И пока он, движимый

надеждой, бродил по коридору, его не оставляла мысль, что тому отрезку пути, по которому он недавно прошел, уже придали новый вид.

Джоэнис шагал по огромным залам, вверх по лестницам, вниз по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и холлам и снова по коридорам. Он подавлял в себе желание свериться с замечательным фальшивым планом, но в то же время не мог заставить себя выкинуть эту бумажку.

Непонятно, сколько прошло времени, но в конце концов Джоэнис смертельно устал. Теперь он находился в старинной части здания. Полы здесь были большей частью из дерева, а не из мрамора, доски сильно прогнили, и каждый шаг грозил опасностью. Стены, покрытые скверной штукатуркой, облупились, в них зияли дыры. В некоторых местах обнажилась проводка; было видно, что изоляция превратилась в труху, - того и жди пожара. Даже потолок не внушал доверия; местами он угрожающе вспучился, и Джоэнис опасался, что перекрытия обрушатся прямо ему на голову.

Когда-то здесь размещались различные отделы и службы, но теперь все исчезло, и помещения срочно нуждались в капитальном ремонте. Джоэнис даже углядел на полу брошенный рабочими молоток. Это вселяло надежду на то, что ремонтные работы когда-нибудь возобновятся, но пока он не встретил ни одного рабочего.

Окончательно заблудившись и крайне устав, он растянулся во весь рост на полу и через минуту заснул глубоким сном.

РАССКАЗ ТЕЗЕЯ

Джоэнис проснулся от неясного беспокойства и тут же вскочил на ноги. Он услышал чьи-то шаги, а затем увидел человека, идущего по коридору.

Это был высокий мужчина с умным, но очень нервным лицом, которое выражало крайнюю подозрительность. Мужчина держал в руках большой моток тонкой проволоки, насаженный на спицу. Двигаясь по коридору, он разматывал проволоку, которая ложилась на пол и змеилась там, тускло поблескивая.

При виде Джоэниса лицо его исказилось гневом, на нем пролегли жесткие складки. Мужчина вдруг выхватил из-за пояса револьвер и прицелился.

- Стойте! - закричал Джоэнис. - Я не сделал вам ничего плохого!

С видимым усилием взяв себя в руки, человек засунул револьвер за пояс. Глаза его, еще секунду назад безумно горевшие, обрели нормальное выражение.

- Извините великодушно. По правде говоря, я принял вас за другого.

- Я так похож на него? - спросил Джоэнис.

- Не совсем, - сказал мужчина. - Но в этом чертовом здании у меня что-то распустились нервы и появилась привычка сначала стрелять, а потом думать. Впрочем, моя миссия имеет настолько важное значение, что эти порывы горячей и чувствительной души, конечно же, простительны.

- Какова же ваша миссия? - поинтересовался Джоэнис.

- Моя миссия, - гордо заявил незнакомец, - заключается в том, чтобы принести людям мир, счастье и свободу.

- Немало, - заметил Джоэнис.

- Меньшим я бы ни за что не удовлетворился, - сказал человек. - Хорошенько запомните мое имя. Меня зовут Джордж П. Тезей. Без ложной скромности я надеюсь остаться в людской памяти как герой, сокрушивший диктатуру и освободивший народ. Мой подвиг навеки останется символом мужества и по праву будет считаться добродетельнейшим и справедливейшим деянием.

- Какой подвиг вы намереваетесь совершить? - спросил Джоэнис.

- Я собираюсь собственноручно убить тирана, - сказал Тезей. - Этому человеку удалось добраться до вершин власти, и множество легковерных дураков считают его благодетелем, потому что он отдает приказы о строительстве дамб на строптивых реках, и финансирует медицинскую помощь страждущим, и раздает пищу голодающим, и творит множество других подобных дел. Кое-кого это может обмануть, но меня вокруг пальца не обведешь.

- Если он действительно все это делает, - заметил Джоэнис, - тогда получается, что он на самом деле благодетель.

- Вы попались на удочку тирана, - сказал Тезей с горечью. - Но смею надеяться, что вы перемените свою точку зрения. Я не силен в науке убеждать, между тем как у этого человека состоят на службе лучшие пропагандисты. Мой единственный защитник - это будущее. В данный же момент я могу лишь рассказать вам, что знаю сам, - рассказать правду, какой бы грубой и отталкивающей она ни была.

- Буду вам очень признателен, - сказал Джоэнис.

- Для того, чтобы вершить добрые дела, этот человек должен был достичь высокого положения. Для того чтобы достичь высокого положения, он раздавал взятки и сеял раздоры, убивал тех, кто вставал у него на пути, подкупал властительное меньшинство и обрекал на голод бедствующие массы. Наконец, когда он возымел поистине беспредельную власть, он занялся общественным переустройством. Но, разумеется, не из любви к обществу. Нет, он занялся этим, как вы или я занялись бы прополкой сада, - единственно ради того, чтобы глаза могли отдыхать на чем-то приятном, а не созерцали бы уродства. Тираны всегда идут на все, чтобы добраться до власти, и потому порождают и увековечивают то самое зло, которое они якобы призваны искоренять.

Джоэнис был тронут словами собеседника, однако тревога его не улеглась: глаза Тезея бегали и зловеще блестели. Поэтому Джоэнис заговорил как можно осторожнее:

- В общем-то я понимаю, почему вы хотите убить этого человека.

- Нет, не понимаете, - мрачно заявил Тезей. - Вы, наверное, думаете, что я всего лишь хвастливый болтун, обуреваемый сумасбродными идеями, безумец с револьвером в руке. Вы ошибаетесь. Моя акция против тирана носит преимущественно личный характер.

- Вот как? - удивился Джоэнис.

- Этот тип, - начал Тезей, - в частной жизни проявляет вкусы столь извращенные, что они могут сравниться лишь с тем звериным инстинктом, который влек его к власти. Обычно информацию, подобную этой, держат в тайне или же высмеивают, объявив ее бреднями завистливых идиотов. Но я знаю правду.

Однажды тиран проезжал через мой родной город в своем бронированном черном “кадиллаке”. Он сидел за пуленепробиваемым стеклом, попыхивая большой сигарой, и время от времени взмахом руки приветствовал толпу народа. Вдруг его взгляд упал на маленькую девочку, и он приказал шоферу остановиться.

Его телохранители разогнали людей, и лишь немногие - те, кто наблюдали из окон подвалов и с крыш домов, - остались свидетелями последовавшей сцены. Он предложил ей мороженое и

конфеты и стал просить ее сесть с ним в автомобиль.

Некоторые из свидетелей поняли, что происходит, и бросились, чтобы спасти ребенка. Но телохранители открыли по ним огонь. Они стреляли из бесшумных пистолетов, чтобы не испугать девочку. Ей они сказали, что, мол, эти дяди решили немного поспать на улице.

И все же в девочке проснулись какие-то подозрения. Что-то напугало ее: то ли красное, обливающееся потом лицо тирана, то ли его толстые трясущиеся губы. Задумчиво посмотрев на сласти и отметив нервические судороги исходящего похотью тирана, она сказала, что сядет в машину только вместе со своими подругами. Ужасно, до чего простодушна невинность: девочка считала, что она будет в безопасности среди своих друзей.

Тиран расцвел от радости. Было ясно, что он получил больше того, на что рассчитывал. “Чем больше - тем веселее” - так гласил его зловещий лозунг. Дети стайкой слетелись к черному “кадиллаку”. Они прибежали бы и без приглашения, потому что тиран включил автомобильный приемник на полную громкость и из машины доносилась чарующая музыка.

И вот тиран усадил всех детей в автомобиль и захлопнул дверцу. Телохранители на мощных мотоциклах окружили машину тесным кольцом. Затем все умчались, спеша предаться позорнейшей оргии в одной из потайных комнат тирана, специально предназначенных для развлечений. О тех детях никто больше никогда не слышал. А девочка, как вы, наверное, уже догадались, была моей родной сестрой. Тезей вытер глаза - слезы из них лились уже потоком.

- Теперь вы знаете те подлинные причины личного характера, по которым я собираюсь убить тирана, - сказал он Джоэнису. - Я должен искоренить зло, отомстить за павших товарищей, спасти бедных детей и, главное, отыскать мою несчастную сестру.

Джоэнис - а его глаза тоже были далеко не на сухом месте - обнял Тезея и воскликнул:

- От всего сердца желаю удачи в вашем нелегком поиске!

- Спасибо, - сказал Тезей. - Мне не занимать решимости и коварства, столь необходимых в этом трудном деле. Начать с того, что я разыскал дочь тирана. Я втерся к ней в доверие, призвал на помощь все свое обаяние, и наконец она влюбилась в меня. Тогда я совратил ее и даже испытал некоторое удовлетворение от

содеянного, ибо она не особенно отличалась по возрасту от моей несчастной сестры. Она жаждала выйти за меня замуж, и я обещал жениться на ней, хотя скорее перерезал бы себе горло. Далее я, хитроумно выбрав подходящий момент, объяснил ей, что за человек ее отец. Поначалу она не хотела мне верить - эта маленькая идиотка страстно любила своего отца-тирана! Но меня она любила еще сильнее. И вот финальный шаг: я попросил, чтобы она помогла мне в деле убийства ее отца. Можете представить, как это было трудно! Эта ужасная девчонка не желала, чтобы ее папочку убивали: неважно, что он - само воплощение зла, неважно, что он творит жуткие вещи. Но я пригрозил, что брошу ее навсегда, и она, разрываясь между любовью ко мне и любовью к отцу, едва не сошла с ума. Снова и снова она умоляла меня забыть прошлое: ведь ни один акт мести не может стереть содеянного. Много дней подряд она удерживала меня, думая, что сможет убедить, заставить действовать так, как хочет она. Без конца объяснялась в любви, истерически клялась, что никогда и ни за что не допустит разлуки, а если случится так, что меня постигнет смерть, то она тогда убьет себя тоже. И говорила еще много подобных глупостей, которые я, как человек здравомыслящий, находил совершенно отталкивающими.

Наконец я отвернулся от нее и стал прощаться. И тут вся ее непреклонность рухнула. Это маленькое чудовище согласилось помочь мне в убийстве - при том условии, что я дам клятву никогда не бросать ее. Конечно, я дал такую клятву. Я пообещал бы что угодно, лишь бы добиться требуемой помощи.

Она выдала мне то, что знала только она одна: а именно рассказала, как в этом огромном здании найти кабинет ее отца. Еще она дала мне моток проволоки, чтобы я мог отмечать свой путь, а потом быстро вернуться, как только подвиг будет совершен.

- Вы еще не нашли тирана? - спросил Джоэнис.

- Нет, еще не нашел, - ответил Тезей. - Как вы сами могли заметить, здешние коридоры очень длинные и извилистые. К тому же мне не везет. Вот совсем недавно я встретил и убил человека в офицерской форме. Он внезапно вышел на меня, и я, не успев подумать, открыл огонь.

- Это был картограф? - спросил Джоэнис.

- Не знаю, кто он такой, - ответил Тезей, - но у него были

полковничьи знаки различия, а лицо вроде бы доброе на вид... Но еще больше я сожалею о той троице, которую застрелил в здешних коридорах. Должно быть, я очень невезучий человек.

- Кто они? - поинтересовался Джоэнис.

- К моей величайшей скорби, это были трое из тех детей, ради спасения которых я и пришел сюда. Должно быть, они улизнули из покоев тирана и пытались выбраться на свободу. Я застрелил их, так же как застрелил офицера, и так же, как едва не застрелил вас. Я невыразимо сожалею о случившемся, и решимость моя только возросла: тиран должен заплатить за все.

- Что вы сделаете с его дочерью?

- Я не стану прислушиваться к своим естественным побуждениям и поэтому не убью ее, - сказал Тезей. - Но эта уродина, эта сучка меня никогда больше не увидит. И я буду только Богу молиться, чтобы у тиранского отродья разорвалось сердце.

Сказав так, Тезей обратил свой гневный лик к тускло освещенному коридору, уходящему вдаль.

- А теперь я должен идти, - сказал он. - Пора заканчивать работу. До свиданья, друг мой. Пожелайте мне удачи.

Тезей быстро пошел прочь, разматывая на ходу поблескивающую проволоку, и вскоре скрылся за поворотом. Некоторое время еще слышались его удаляющиеся шаги, затем все стихло.

Внезапно за спиной Джоэниса в коридоре появилась женщина.

Она была очень молода, совсем еще ребенок; глаза ее безумно блестели. Она молча шла следом за Тезеем и сматывала проволоку, которую тот укладывал на пол. Миновав Джоэниса, она обернулась и окинула его диким взглядом, полным ярости и тоски. Она не произнесла ни слова, только приложила палец к губам, призывая его к молчанию, и исчезла так же быстро, как и появилась. Джоэнис потер глаза, снова улегся на пол и заснул крепким сном.

РАССКАЗ МИНОТАВРА

Джоэнис проснулся оттого, что кто-то грубо тряс его за плечо. Он вскочил на ноги и увидел, что коридор, в котором он заснул, превратился из старого, запущенного помещения в светлый,

современного вида вестибюль. Человек, который разбудил Джоэниса, был необъятных размеров, на его широком суровом лице читалось: “Без дураков!” Совершенно очевидно, что это мог быть только большой начальник.

- Вас зовут Джоэнис? - спросил начальник. - Что ж, если вы проснулись окончательно, полагаю, мы можем приступить к работе.

Джоэнис выразил глубочайшее сожаление, что он спал, вместо того чтобы разыскивать кабинет, в который его послали.

- Пустяки, - сказал начальник. - Мы, конечно, соблюдаем здесь определенный протокол, но, по-моему, ханжами нас не назовешь. В сущности, даже хорошо, что вы спали. Я размещался в совершенно другой части здания и вдруг получаю срочный приказ от начальника Службы Безопасности перенести мой кабинет именно сюда и произвести любые ремонтные работы.

В кабинете был большой стол, заваленный грудами бумаг, и три беспрестанно звонящих телефона. Начальник предложил Джоэнису присесть, пока он разберется с абонентами, и ответил на звонки с предельной оперативностью.

- Говорите! - заревел он в трубку первого телефона. - Что? Миссисипи опять выходит из берегов? Постройте дамбу! Постройте десять дамб, но наведите порядок! Когда закончите, направьте мне докладную.

- Да, слушаю вас! - закричал он во второй телефон. - Голод в Кастрюльной Ручке? <Кастрюльная Ручка (амер. шутл.) - название штата Западная Виргиния.> Немедленно начинайте раздавать продукты! Крупно напишите мое имя на государственном складе!

- Успокойтесь, иначе я ни черта не разберу! - зарычал он в третий телефон. - Чума косит Лос-Анджелес? Немедленно доставьте туда вакцину и телеграфируйте мне, как только эпидемия будет под контролем.

Начальник бросил последнюю трубку и заметил:

- Эти идиоты помощники впадают в панику по каждому пустяку. Ребенок будет тонуть в ванночке - и эти рохли не вытащат его, не испросив прежде моей санкции!

Джоэнис слушал краткие и решительные разговоры начальника по телефонам, и в душу его закралось сомнение.

- Я не вполне уверен, - начал он, - но, кажется, есть тут один

обиженный молодой человек, который...

- ..Который собирается убить меня, - закончил начальник. - Правильно, не так ли? Что ж, я позаботился об этом еще час назад. Не так-то просто застать врасплох Эдвина Дж. Минотавра! Того парня забрали мои телохранители. Вероятнее всего, его ждет пожизненное заключение. Только никому не говорите об этом.

- Почему? - удивился Джоэнис.

- Плохая реклама, - пояснил Минотавр. - Особенно эта интрижка с моей дочерью, которую парень между делом обрюхатил. Сколько раз я говорил этой блаженной, чтобы она приводила друзей в дом, но нет, ей приспичило украдкой бегать на свидания с анархистом!.. Мы опубликуем специально сфабрикованное сообщение, будто бы этот парень, Тезей, тяжело ранил меня и будто бы он сбежал из-под стражи и женился на моей дочери. Вы-то по достоинству можете оценить, такое сообщение.

- Не совсем, - сказал Джоэнис.

- Черт побери, да ведь оно вызовет рост симпатий в мой адрес! - вскричал Минотавр. - Люди будут искренне сочувствовать мне, когда узнают, что я на грани смерти. И они будут еще больше мне сочувствовать, когда услышат, что моя единственная дочь вышла замуж за убийцу. Видите ли, несмотря на то, что всем известны, лучшие стороны моего характера, которые я продемонстрировал в деле, все-таки чернь, меня недолюбливает... Эта история должна помочь мне завоевать их сердца.

- Замысел очень остроумный, - согласился Джоэнис.

- Спасибо, - сказал Минотавр. - Откровенно говоря, я уже довольно давно забочусь о моей общественной репутации. И если бы не вылез этот кретин со своей проволокой и револьвером, мне пришлось бы кого-то нанять для той же цели. Надеюсь, что газеты подадут эту историю должным образом.

- А разве на этот счет есть какие-то сомнения? - спросил Джоэнис.

- О, они напечатают все, что я им прикажу, - заявил Минотавр с угрозой в голосе. - Найму человека, чтобы он написал об этом книгу, и еще будет пьеса, и кинофильм, снятый по книге. Будьте уверены, я выдою из этой истории все, что только можно.

- А что вы приказали им написать о вашей дочери? - спросил

Джоэнис.

- Ну, как я говорил, она выходит замуж за этого молодчика. Затем, через год-другой, мы опубликуем сообщение об их разводе. Кстати, надо бы дать ребенку имя... Однако Бог знает, что эти идиоты напишут о моей бедной толстой маленькой Ариадне. Может быть, превратят ее в красавицу, рассчитывая, что мне это понравится. А всякие грязные подонки, которые любят читать такого сорта статейки, будут проливать слезы и просить еще. Человеческая раса в значительной степени состоит из лживых, ни на что не способных дураков. Я могу управлять ими, но будь я проклят, если понимаю их.

- А как там насчет детей? - спросил Джоэнис.

- Что вы имеете в виду - “насчет детей”? - вопросил Минотавр, свирепо уставившись на него.

- Ну, это... Тезей говорил, что...

- Этот человек - талантливый враль, - заявил Минотавр. - Если бы только не мое высокое положение, я возбудил бы против него дело за диффамацию. Надо же - дети! Разве я похож на извращенца? Полагаю, мы можем благополучно опустить вопрос о детях. А теперь не пора ли нам вернуться к вашему заданию?

Джоэнис кивнул.

- Самая главная сейчас проблема - это информация. На что противник способен? Что там вообще, черт побери, происходит? Я знаю, что Джон Мадж из Координации Родов Войск объяснил вам, до какой степени нам нужна правда - пусть даже самая ужасная. И об этой правде нам должен прямо и откровенно доложить человек, которому мы можем доверять. Осознаете ли вы всю серьезность задачи, которую мы ставим перед вами, Джоэнис?

- Думаю, что да, - сказал Джоэнис.

- Вы служите не какой-нибудь отдельной группе или фракции. Не нужно ни преуменьшать, ни преувеличивать то, что увидите. Наоборот - излагайте события как можно проще и объективнее.

- Я сделаю все от меня зависящее, - пообещал Джоэнис.

- Вряд ли я имею право требовать большего, - проворчал Минотавр.

Минотавр передал Джоэнису деньги и документы, которые могут понадобиться ему во время путешествия, а затем вместо того,

чтобы выставить Джоэниса в коридор, где тот сам должен был бы искать дорогу к выходу, он открыл окно и нажал на кнопку.

- Я лично всегда пользуюсь только таким способом, - сказал он, помогая Джоэнису занять место рядом с пилотом вертолета. - С этими чертовскими коридорами одни хлопоты. Желаю удачи, Джоэнис. Помните о том, что я вам сказал.

Джоэнис заверил его, что будет помнить об этом всегда. Он был глубоко тронут доверием, оказанным ему Минотавром. Вертолет оторвался от здания и взял курс к Вашингтонскому аэропорту, где Джоэниса должен был ждать специальный реактивный самолет с автопилотом. Когда вертолет набирал высоту, Джоэнису показалось, что он услышал детский смех, доносившийся из комнаты, которая примыкала к кабинету Минотавра.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ

(Рассказано Телеу с Хуахине)

Джоэнис сел на специальный реактивный самолет, и скоро он был высоко в воздухе.

Печально рассказывать о том, что было дальше... Когда Джоэнис пролетал над Калифорнией, автоматическая радарная станция приняла его самолет за вторгшийся самолет противника и открыла огонь, выпустив по нему серию ракет класса “воздух - воздух”. Этим трагическим инцидентом и открылась начальная стадия великой войны.

История войн изобилует ошибками подобного рода. И в Америке двадцать первого века, когда доверие и привязанность людей к машинам стали поистине безграничными, такая ошибка должна была привести к самым страшным последствиям.

Объятый ужасом, Джоэнис зачарованно следил, как ракеты на полной скорости неслись к его самолету. Затем он ощутил, что самолет резко лег на крыло, - это автопилот, обнаружив опасность, дал залп своими антиракетами в целях самозащиты.

Этот удар вызвал ответную атаку со стороны ракетных станций наземного базирования. Некоторые из этих станций были автоматическими, другие - нет, но все мгновенно отозвались на сигнал “чрезвычайной обстановки”. А тем временем самолет

Джоэниса израсходовал весь свой боезапас.

Впрочем, что касается запаса коварства, которым его снабдили проектировщики, то самолет не потерял его ни в малейшей степени. Автопилот переключил радиостанцию на волну, на которой шел радиообмен между землей и ракетами, и объявил, что его атакуют и что все ракеты, находящиеся в воздухе, суть вражеские цели, которые следует уничтожить.

Эта тактика имела определенный успех. Те ракеты, что постарше, не отличались хитроумием и не могли атаковать самолет, который они считали своим. Однако новые ракеты, более искушенные и изощренные, были обучены ждать от неприятеля именно таких коварных трюков. Поэтому они усилили натиск, в то время как старые ракеты отчаянно бились на стороне одиночного самолета.

Когда битва между ракетами была в полном разгаре, самолет Джоэниса сделал маневр и благополучно ушел от огня. Оставив зону боя далеко позади, он молнией понесся к своему родному аэропорту в Вашингтоне, округ Колумбия.

Прибыв туда, Джоэнис отправился на эскалаторе в Главный Командный Пункт, располагавшийся под землей на глубине семисот футов. Здесь его сразу же подвергли допросу. От Джоэниса добивались, чтобы он рассказал о характере совершенного на него нападения и опознал противника. Но единственное, что Джоэнис знал наверняка, - это то, что какие-то одни ракеты его атаковали, а какие-то другие держали оборону.

Об этом Командный Пункт уже знал, и офицерам не оставалось ничего другого, как приняться за допрос автопилота, который вел самолет Джоэниса.

Поначалу автопилот давал уклончивые ответы, поскольку никто не мог вспомнить нужный секретный код, на который автомат отзывался. Но после того как код подобрали, он заявил, что над Калифорнией их самолет атаковали ракеты наземного базирования и некоторые из этих ракет принадлежали к совершенно неизвестному ему типу.

Все эти, а также прочие данные, касающиеся ракетного боя, были заложены в Калькулятор Вероятности Войны, который сразу же выдал следующие варианты, приведенные здесь в порядке

убывающей вероятности:

1. На Калифорнию напал Коммунистический Блок.
2. На Калифорнию напали нейтральные страны.
3. На Калифорнию напали члены Западного Альянса.
4. На Калифорнию напали пришельцы из космоса.
5. На Калифорнию вообще никто не нападал.

Калькулятор также выдал все вероятные комбинации и перестановки этих пяти возможностей и выстроил из них систему альтернативных подвозможностей.

Офицеры, обслуживающие Калькулятор, были совершенно ошеломлены огромным количеством вероятностей и подвероятностей, возможностей и подвозможностей, свалившимся им на голову. Они надеялись выбрать наиболее вероятное утверждение и, основываясь на нем, действовать. Но Калькулятор не дал им этого сделать. По мере поступления новых данных вычислительная машина пересматривала и уточняла вероятности и, не останавливаясь ни на секунду, перестраивала и перегруппировывала их, добиваясь все новых сочетаний. Листки уточненных данных, помеченные грифом “КРАЙНЕ СРОЧНО”, машина изрыгала со скоростью десяти штук в секунду, и среди них, к полной досаде обслуживающего персонала, ни один не повторял другого.

И все же машина делала только то, что делал бы на ее месте идеальный офицер разведки: рассматривала все проверенные донесения, схватывала их суть, оценивала вероятность, выдавала рекомендации на базе той информации, которая относилась к делу и поддавалась вторичной проверке, и никогда не настаивала на прежней точке зрения из чистого упрямства или гордости - напротив, охотно шла на пересмотр любого суждения, если к тому побуждали новые данные.

Разумеется, Калькулятор Вероятности Войны не отдавал приказов; это оставалось делом чести мужчин, и ответственность всегда возлагалась на человека. Равным образом нельзя было винить компьютер и в том, что он не мог явить целостную правдивую и непротиворечивую картину боевых действий над Калифорнией: такую картину просто невозможно было явить. И эта невозможность проистекала из самого характера ведения войны в

двадцать первом веке.

Давно уже командир собственной персоной не выступал во главе своих войск и не обозревал взглядом ряды противостоящей армии, сомкнувшейся за спиной вражеского генерала. И форма противных сторон не отличалась резко по цвету, и враг не размахивал боевыми знаменами, не распевал воинственные песни, и все это не складывалось в безошибочную картину чувственного восприятия идущего боя, не оставлявшую ни малейших сомнений в физическом присутствии противника, его сущности и опознании характерных черт.

Те дни давно канули в прошлое. Приемы войны шли нога в ногу с промышленной цивилизацией, становясь все более сложными и все более машинизированными, а военная техника все больше и больше обособлялась от людей, которые были призваны ею командовать. Генералам приходилось удаляться от передовой на все большие и большие расстояния, дабы поддерживать надежную связь со всеми людьми, вступившими в схватку, и со всеми машинами, брошенными в бой.

Неудивительно, что офицеры группы обслуживания в конце концов вернулись к тем пяти главным возможностям, которые Калькулятор выдал в самом начале, признали их равновероятностными и вынесли на рассмотрение генерала Пустойга, Главнокомандующего Вооруженными Силами. Он и должен был принять окончательное решение.

Пустойг был в курсе всех проблем современной войны. Изучив пять вариантов выбора, отданного в его руки, он с великой тоской осознал, насколько же зависит человек, обязанный принять разумное решение, от базисной информации. Он понимал также, что информация поступает к нему от чрезвычайно дорогостоящих машин, которые порой не могут отличить гуся от ракеты, машин, которым требуются в помощь целые полки высококвалифицированных специалистов, обученных обслуживать, чинить, улучшать и ублажать их любыми способами. И еще Пустойг знал, что при всей заботе, которой люди окружали машины, - а может быть, именно благодаря этой заботе - машинам нельзя по-настоящему доверять. Эти создания были ничем не лучше своих создателей; в сущности, они даже походили на своих творцов,

переняв у них множество худших черт. Как и люди, машины часто бывали не в духе или начинали вдруг проявлять чрезмерное усердие, а иные даже впадали в кататонический ступор. Кроме того, машины еще имели слабость оказываться под эмоциональным влиянием работающих на них людей - операторов. Фактически те из машин, которые сильнее других поддавались внушению, были не более, чем продолжением личности оператора Но это обилие проблем не смутило генерала Пустойга, так как он был специально обучен умению принимать решения. И вот наконец, в последний раз окинув взором все пять вариантов выбора, быстро прогнав в памяти свой жизненный опыт и перебрав различные точки зрения, Пустойг снял телефонную трубку и отдал приказ.

Мы так и не знаем, какую из пяти возможностей выбрал генерал и в чем заключалась суть приказа. Это не имеет никакого значения. Боевые действия совершенно вышли из-под контроля генерала, и он уже был не властен ни довести атаку до конца, ни дать отбой, он вообще был не в силах оказать хоть какое-то влияние на ход сражения. Бой развивался неуправляемо, и обстановка менялась с нарастающей быстротой - ведь машины были как-никак наполовину самостоятельными организмами.

Подбитая калифорнийская ракета пронзительно завыла высоко в небесах, рухнула на мыс Канаверал во Флориде и стерла с лица земли половину военно-воздушной базы. Оставшаяся половина собралась с силами и нанесла ответный удар по врагу, явно окопавшемуся в Калифорнии. Прочие ракеты, поврежденные, но не уничтоженные, рвались по всей стране. Командующие войсками в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании и многих других штатах также нанесли ответные удары. По правде говоря, перед тем как линии связи оборвались окончательно, на тех и других обрушился просто шквал донесений, предусматривающих любые повороты событий.

По всей Калифорнии и по всей Западной Америке этот ответный удар вызвал новый ответный удар - встречный. Здешние военачальники решили, что враг - кто бы он ни был - захватил плацдармы на американском Восточном побережье. Они спешили ликвидировать эти плацдармы и без колебаний пускали в ход атомные боеголовки, если таковые действия представлялись им

необходимыми.

События развивались с ужасающей быстротой. Местные войска и машины, подвергшиеся чудовищному обстрелу, старались продержаться как можно дольше. Может быть, кто-то еще и ждал особых распоряжений, но под конец дрались уже все, кто только мог драться, а неразбериха приводила к новым разрушениям. И вскоре процветающая машинная цивилизация полностью исчезла с лица земли.

В то время как происходили все эти события, Джоэнис - совершенно ошарашенный - стоял в Главном Командном Пункте и наблюдал, как одни генералы отдавали приказы, а другие генералы отменяли их. Джоэнис с самого начала видел все собственными глазами, но так до сих пор и не разобрался, кто же противник или хотя бы где он находится.

В этот момент Командный Пункт сотрясся от мощного толчка. Хотя он находился во многих сотнях футов под землей, он тоже подвергся нападению - в атаку пошли особые землеройные машины.

Джоэнис взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, и вцепился в плечо какого-то молоденького лейтенанта. Лейтенант обернулся, и Джоэнис сразу же узнал его.

- Лам! - вскричал он.

- Привет, Джонсик! - выпалил в ответ Лам.

- Как ты здесь оказался? - спросил Джоэнис. - И что ты делаешь в армии? Да еще в лейтенантской форме?

- Ну, старик, - сказал Лам, - это необыкновенная история. И тем более странная, что я в общем-то не из тех, кого называют военной косточкой. Впрочем, я очень рад, что ты задал мне этот вопрос.

Командный Пункт тряхнуло еще раз, и многих офицеров швырнуло на пол. Но Лам умудрился сохранить равновесие и не сходя с места поведал Джоэнису о том, как он поступил на военную службу.

КАК ЛАМ ПОСТУПИЛ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

(Записано со слов самого Лама, текст приводится по “Книге Фиджи”, каноническое издание)

Ну, старик, значит, утек я из “Дома Холлис" для Невменяемых

Преступников” вскоре после тебя, подался в Нью-Йорк и сразу же затесался в одну компашку. С ходу накокаинился на всю катушку и полетел высоко-высоко. Я ведь, понимаешь, всю жизнь был на короткой ноге с мескалином, вот и подумал, что кокаин - это так, старомодная штучка, а в тот вечер попробовал, ну и забалдел.

Привиделось мне, будто я вроде Флоренс Найтингейл <Флоренс Найтингейл (1820 - 1910) - популярная в Великобритании сестра милосердия.> и должен лечить всю страждущую боевую технику в мире. Чем больше я размышлял, тем больше укреплялся в этом решении и тем тоскливее мне становилось, - я все думал о бедных, несчастных, старых пулеметах с прогоревшими стволами, о танках с проржавленными звеньями гусениц, об истребителях с поломанными шасси и о всем таком прочем. Я думал об ужасных муках, через которые прошла вся эта бессловесная боевая техника, и пришел к выводу, что я просто обязан лечить и утешать ее.

Можешь представить, я был под хорошими парами и вот в этом состоянии направился маршевым шагом к ближайшему вербовочному пункту и с ходу записался, чтобы быть поближе к несчастным машинам.

Наутро проснулся, смотрю - уже в казарме. Ну конечно, я сразу очухался, если не сказать - перетрусил. Выскочил наружу и бросился искать этого чертового сержанта-вербовщика, который воспользовался тем, что я был под балдой. Но оказывается, он уже вылетел в Чикаго, чтобы провести агитацию в каком-то борделе, расписывая прелести военной службы. Тогда я бегу к командиру части - сокращенно КЧ, - говорю, мол, помимо прочего я наркоман и совсем недавно содержался в заведении для невменяемых преступников, могу, мол, документально подтвердить и то и другое. Дальше - больше. Говорю, дескать, у меня всякие нехорошие наклонности, и я страх как боюсь огнестрельного оружия, и еще слеп на один глаз, и вообще спина болит. Плюс ко всему, говорю, меня по закону нельзя зачислять в армию, смотри закон о поступлении на военную службу, страница 123, параграф “С”.

КЧ посмотрел мне прямо в глаза и улыбнулся так, как могут улыбаться только кадровые вояки, да еще “фараоны”. И говорит: “Солдат! Сегодня первый день твоей новой жизни, поэтому я склонен смотреть сквозь пальцы на то, что ты нарушил устав и

обратился ко мне не по форме. А теперь, будь добр, катись отсюда к черту и ступай к сержанту за распоряжениями”.

Когда я не сделал ни того ни другого, он перестал улыбаться и заявил: “Слушай, солдат, никому нет дела до причин, которые побудили тебя поступить на военную службу. И точно так же никому нет дела до того, что ты вчера, так сказать, нанюхался до чертиков. Что касается многочисленных немощей, о которых ты упомянул, то можешь не беспокоиться. Наркоманы прекрасно управляются с делами в органах стратегического планирования. Все, что от тебя требуется, - это быть, хорошим солдатом, и тогда ты увидишь, что армейский распорядок - это лучший образ жизни. И не цитируй на каждом углу закон о воинской службе, словно ты гауптвахтный юрист, это может не понравиться моим сержантам, и они сделают из твоей башки котлету. Понял? Вижу, что понял. Теперь мы разобрались что к чему, и я на тебя зла не держу. В сущности, я хочу поздравить тебя и поблагодарить за тот патриотический пыл, который побудил тебя подписать вчера вечером специальный контракт на пятьдесят лет службы без всяких оговорок. Отлично, солдат! А теперь катись к черту..."

И вот, значит, вышел я из кабинета и думаю, что же мне теперь делать: ведь это из тюрьмы или из сумасшедшего дома можно сбежать, а из армии - никогда. Я уж совсем было пал духом, и вдруг меня вызывают, производят в лейтенанты и включают в состав личного штаба генерала Пустойга, а это в здешнем начальстве самый главный начальник.

Поначалу я думал, что всему причиной - моя смазливая внешность, но потом выяснилось, что дело совсем не в этом. Оказывается, когда я записывался в армию - залетев высоко-высоко под “кокой”, - то указал в графе “специальность”: “сводник”. Эта запись попалась на глаза офицерам, которые занимаются комплектацией особых групп по специальностям. Они доложили генералу Пустойгу, и тот немедленно отдал приказ о моем переводе.

Поначалу я понятия не имел, что мне делать, поскольку никогда в этой области не подвизался. Но другой генеральский сводник - или офицер по особым поручениям, как его культурно называют, - подсказал мне что и как. С тех пор я по четвергам организую для генерала Пустойга вечеринки, ибо ночь с четверга на пятницу -

единственное окно, когда генерал свободен от своих военных обязанностей. Работа непыльная, потому как все, что от меня требуется, - это позвонить по одному из телефонов, указанных в “Руководстве по отдыху и развлечениям личного состава Вашингтонского района обороны”. Или же, в случае крайней нужды, я посылаю срочную депешу в Управление Поставок для Вооруженных Сил, которое имеет отделения во всех крупных городах. Генерал выразил мне сердечную благодарность за квалифицированную работу, и я должен признаться, что армия вовсе не столь мрачное и ужасное место, как мне ранее представлялось.

Вот, Джоэнис, теперь ты знаешь, что привело меня сюда. Как адъютант и близкий друг генерала Пустойга, могу тебе доложить, что эта война - с каким бы дьяволом мы там ни воевали - не могла попасть в более надежные руки. Думаю, это важно знать всем, поскольку о людях, занимающих высокое положение, сплошь и рядом врут напропалую.

Кроме того, Джонсик, по-моему, мне следует обратить твое внимание на то, что на Командном Пункте только что произошел взрыв - не иначе как намек на грядущие большие перемены. Так, погасли несколько лампочек, и вроде дышать становится чуть труднее. Ну что же, поскольку в наших услугах здесь явно не нуждаются, предлагаю выйти из игры и побыстрее унести отсюда ноги, если это еще в наших возможностях.

Ты со мной, Джонсик? Старик, ты в порядке?

БЕГСТВО ИЗ АМЕРИКИ

(Рассказано Паауи с Фиджи)

Джоэнис был контужен - по той причине, что рядом с его головой произошел небольшой взрыв. Лам оттащил его к лифту, который увлек друзей еще глубже в недра земли. Когда дверь лифта открылась, они очутились в широком коридоре. Прямо перед ними была надпись:

"Подземная аварийно-спасательная магистраль, только для особо уполномоченных”.

- Не знаю, можем ли мы считать себя особо уполномоченными, -

сказал Лам, - однако времена такие, что о формальностях лучше позабыть. Джоэнис, ты в состоянии разговаривать? Там впереди должна быть тележка, которая домчит нас до.., черт побери, до такого места, где мы, как я от души надеюсь, будем в безопасности. Я доверяю старому хрену. Вроде бы он ни капельки не шутил.

Они нашли тележку в том месте, где Лам и предполагал, и много часов ехали под землей, пока наконец не выскочили на поверхность на Восточном побережье штата Мэриленд. Перед ними открылся Атлантический океан.

Здесь энергия Лама иссякла: он решительно не знал, что делать дальше. Зато к Джоэнису полностью вернулись присутствие духа и способность соображать. Взяв Лама под руку, он направился к пустынному берегу. Там друзья повернули на юг и шли несколько часов, пока не вышли к заброшенной маленькой гавани.

Из множества парусных судов, которые покачивались на волнах в акватории порта, Джоэнис выбрал одну яхту и принялся переносить на нее продукты, воду, карты и навигационные приборы - все, что обнаружилось на прочих судах, снаряженных когда-то для дальних плаваний. Работа не была закончена и наполовину, когда над головами друзей с завыванием пронеслись ракеты, и Джоэнис решил отчаливать, не теряя больше ни секунды.

Судно уже было в нескольких милях от берега, когда Лам встрепенулся, огляделся но сторонам и вопросил:

- Эй, старик, куда это мы направляемся?

- На мою родину, - ответил Джоэнис. - На остров Манитуатуа в южной части Тихого океана.

Лам поразмыслил немного над услышанным и кротко сказал:

- Вроде как неслабое путешествие получается, а? Я к тому, что придется ведь огибать мыс Горн, и тогда вся эта музыка растянется примерно на восемь - десять тысяч миль, верно?

- Что-то вроде этого, - согласился Джоэнис.

- Может, передумаешь, и вместо этого поплывем в Европу? Так-то будет всего-навсего три тысячи миль?

- Я плыву домой, - твердо заявил Джоэнис.

- Ага. Ну ладно, - сказал Лам. - В гостях хорошо, а дома лучше. Но для такого путешествия у нас вроде не очень здорово с водой и продуктами, а по пути вряд ли что-нибудь попадется. К тому же у

меня лично нет полной уверенности в непотопляемости этого судна. По-моему, оно уже дало течь.

- Все правильно, - сказал Джоэнис. - Но кажется, течь можно заделать. А что касается воды и продуктов, то будем надеяться на лучшее. Честное слово, Лам, я не знаю другого места, куда бы стоило плыть.

- Порядок, - сказал Лам. - Я же не выпендриваюсь. Просто пришли в голову кое-какие мыслишки, и я подумал, может, удастся их обсосать. Нет так нет. Стало быть, я, как и ты, буду надеяться на лучшее. И вот еще какая идея: может быть, пока мы совершаем этот увеселительный круиз, ты начнешь писать мемуары? Во-первых, не исключено, что получится увлекательное чтение, а во-вторых, они помогут опознать наши несчастные иссохшие трупы, когда кто-нибудь наткнется на это суденышко.

- Я вовсе не убежден, что нам придется погибнуть, - сказал Джоэнис. - Хотя должен признать, что вероятность этого весьма велика. А почему ты сам не хочешь писать мемуары?

- Может, и набросаю главу-другую, - ответил Лам. - Но большую часть пути я собираюсь провести в размышлениях о людях и правительствах и о том, как их можно улучшить. На эту задачу я брошу все резервы моих пропитанных наркотиками мозгов.

- По-моему, это просто замечательно, Лам! - воскликнул Джоэнис. - У нас, у обоих, есть много чего рассказать людям. Если только, конечно, мы найдем людей, которым можно все это рассказать.

Вот так, в полном согласии, и пустились Джоэнис и его верный друг в плавание по темнеющему морю, вдоль опасных берегов, навстречу далекой и неопределенной цели.

КОНЕЦ ХОЖДЕНИЯ

(Написано Издателем с привлечением всех доступных источников)

Излишне распространяться о путешествии друзей вдоль берегов двух Америк, вокруг мыса Горн и затем на северо-запад, к островам, лежащим в южной части Тихого океана. Достаточно лишь упомянуть о том, что испытания, выпавшие на долю Джоэниса и

Лама, были суровы, а опасности, с которыми они сталкивались, многочисленны. Но то же самое можно сказать и о великом множестве моряков, плавающих по океанам во все времена - включая и наше собственное. Что, как не глубочайшее сочувствие, могут вызвать у нас рассказы о том, как Джоэнис и Лам страдали от лучей тропического солнца, как их швыряли ураганы, как у них кончились продукты и вода, как их суденышко получило пробоину, потеряло мачту, как с подветренной стороны они увидели опасные рифы и так далее и тому подобное. Однако, отдав дань сопереживаниям, попутно отметим, что все эти детали мы встречали и в бесчисленном множестве других рассказов о переходах на малых судах. Это единообразие, конечно, не умаляет ценности приобретенного опыта, но зато вполне может вызвать определенное падение читательского интереса.

Сам Джоэнис никогда не распространялся об этом ужасном путешествии, поскольку его интересовали совершенно иные вещи. А что касается Лама, то, говорят, единственным его ответом на вопрос, какие ощущения он испытывал во время плавания, было: “Ну, старик, знаешь ли!.."

Мы-то знаем. Потому и переходим сразу к финалу путешествия, когда Джоэниса и Лама, изголодавшихся, но живых, целехоньких, но бесчувственных, волны выбросили на берег и заботливые обитатели Манитуатуа вернули их к жизни.

Придя в себя, Джоэнис сразу осведомился о своей возлюбленной Тонделайо, которую он оставил на островах. Но эта пылкая девушка устала его ждать, вышла замуж за рыбака с острова Туамоту и теперь растила двух сыновей. Джоэнис с достоинством воспринял этот факт и переключил свое внимание на мировые события.

Он обнаружил, что война оказала весьма малое воздействие на Манитуатуа и соседние архипелаги. Эти острова, которые давно уже не поддерживали контактов с Азией и Европой, вдруг потеряли связь с Америкой. Поползли слухи один нелепее другого. Кто-то утверждал, что приключилась большая война, в которой все крупные государства Земли уничтожили друг друга. Иные возлагали вину на пришельцев из космоса, обладавших якобы невероятно злобным нравом. Третьи говорили, что никакой войны не было вовсе, а случился великий мор, который и привел к общему

краху всей Западной цивилизации.

Эти и многие другие теории прежде вызывали жаркие дискуссии, спорят о них и теперь. Ваш издатель придерживается той же точки зрения, что и Джоэнис: это была спонтанная и хаотическая вспышка военных действий, кульминационным пунктом которых стало самоуничтожение всей Америки, последней из великих цивилизаций Старого Света.

Слухи множились с неудержимой силой. Высоко над головой иногда пролетали ракеты. Большинство из них безобидно плюхалось в воду, но одна ракета упала на Молотеа и полностью разрушила восточную половину этого атолла, унеся семьдесят три жизни. Американские ракетные базы, расположенные в основном на Гавайях и Филиппинах, ждали распоряжений, которые так и не пришли, и командиры баз неустанно бились над проблемой опознания противника. Последняя ракета плюхнулась в море, и больше их не стало. Война закончилась. Старый Свет сгинул без следа, словно его никогда и не было.

Все эти дни Джоэнис и Лам пребывали в сознании, но по-прежнему испытывали сильнейшую слабость. Только спустя несколько месяцев после окончания войны они смогли восстановить силы. И наконец настал день, когда каждый ощутил в себе готовность сыграть свою роль в формировании новой цивилизации.

Как ни печально, но они смотрели на свое призвание с разных точек зрения и так и не смогли прийти к полному согласию. Они пытались сохранить дружеские узы, но с каждым днем это становилось все более затруднительно. Их последователи пытались сглаживать острые углы, но многие из них считали, что эти два человека, столь страстно ненавидевшие войну, вполне могли начать ее между собой.

Однако этого не случилось, так как влияние Джоэниса на островах южной части Тихого океана - от Нукухивы на западе до Тонга на востоке - было неоспоримым. Тогда Лам со своими последователями загрузил продовольствием несколько каноэ и отплыл на восток, направившись к Фиджи, туда, где идеи Лама вызвали неподдельный интерес. К тому времени и Джоэнис, и Лам уже достигли зрелого возраста и распрощались друг с другом, охваченные великой печалью, не надеясь более свидеться.

Последние слова Лама, обращенные к Джоэнису, были таковы:

- Что же, старик, как я понимаю, каждый лабух должен знать, когда ему пора лабать. Но, веришь ли, если по правде, то я готов шизануться, видя, как мы с тобой пляшем, в разные стороны. Ведь мы с тобой, Джонсик, прошли через все это с самого начала, и мы единственные, кто об этом знает. Поэтому, хотя я и думаю, что ты не прав, бей всю дорогу в одну точку, паря, и время от времени давай о себе знать. Мне будет не хватать тебя, старик, поэтому не перегибай палку.

Джоэнис рассыпался примерно в таких же выражениях. Затем Лам уплыл на Фиджи, где его идеи упали па благодатнейшую почву. Даже в наши дни Фиджи остаются центром Ламизма, и фиджийцы говорят не на диалекте английского языка, основы которого заложил здесь Джоэнис, а предпочитают диалект, на котором говорил Лам. Многие эксперты считают, что это самая чистая и наиболее древняя форма английского языка.

Основную идею философии Лама лучше всего передать его собственными словами - в том виде, в каком они записаны в “Книге Фиджи”:

"Слушай, вся эта история приключилась так, как она приключилась, не почему-то там, а из-за машин.

Стало быть, машины плохие.

Они к тому же сделаны из металла.

Так что металл еще хуже. То есть в металле - все зло.

Значит, как только мы избавимся от всего этого чертового металла, всюду будет полная лафа”.

Это, конечно, только часть учения Лама. Он также выдвинул четкие теории о пользе интоксикации и исступленного веселья (“Давайте кайфовать!”); об идеальном поведении (“Не будем липнуть друг к другу”); о границах влияния общества на личность (“Не давайте обществу ездить на вас”); о пользе хороших манер, терпимости и взаимоуважения (“Не следует лажать ближних”); о значимости объективно обусловленных ощущений (“Я секу в корень, без понта”); о кооперации в рамках общественной структуры (“Клево, когда все лабухи трубят дружно”).., и о множестве прочих вещей, так что эти теории охватывали почти все стороны человеческой жизни. Эти примеры взяты из “Книги Фиджи”, где

полностью собраны все изречения Лама вкупе с примечаниями.

В те ранние дни Нового Мира фиджийцев больше всего интересовала теория Лама о природе зла: будто бы зло изначально коренится во всех металлах. Будучи от природы людьми предприимчивыми и склонными к далеким путешествиям, они снарядили большие флотилии и пустились на них в плавания под предводительством Лама, чтобы топить в море металл всюду, где только он отыщется.

Во время этих экспедиций фиджийцы собрали под свои знамена новых сторонников зажигательного ламистского вероучения. Идея уничтожения металлов облетела все острова Тихого океана, и фиджийцы, проповедуя ее, добирались и до Австралии, и до побережья Америк. Их подвиги увековечены во множестве песен и устных рассказов. Особенно это касается работы, проделанной ими на Филиппинах, и с помощью маори - в Новой Зеландии. Только в конце столетия, через много лет после смерти Лама, фиджийцы смогли завершить свое титаническое предприятие на Гавайях, - таким образом, острова Тихого океана простились примерно с девятью десятыми своих запасов металлов.

К тому времени, когда слава фиджийцев достигла апогея, они уже завоевали многие острова и вошли в контакт с жителями. Однако этот малочисленный народ не смог долго удерживать под своей властью другие народы. Какое-то время фиджийцы правили на Бора-Бора, Райатеа, Хуахине и Оаху, но затем они были или ассимилированы местным населением, или изгнаны с островов. Словом, большинство фиджийцев наконец в полной мере постигли выражение Лама, гласившее: “Сделал дело - и свали со сцены: главное, не околачивайся. где не надо, и не будь букой”.

Так закончилась фиджийская авантюра.

В отличие от Лама, Джоэнис не оставил нам собрания философских трудов. Он никогда не выражал своего отрицательного отношения к металлам, напротив, был к ним совершенно равнодушен. Он с недоверием относился к законам, даже к самым удачным, хотя и признавал, что они необходимы. По Джоэнису, закон мог быть хорошим только тогда, когда проистекал из самой природы людей, отправляющих правосудие. Если природа этих людей менялась - а Джоэнис полагал, что сие неизбежно, - менялась

и природа законов. А когда это происходило, следовало искать новые законы и новых законодателей.

Джоэнис учил, что люди должны активно стремиться к добродетели, и в то же время признавал, что это крайне трудно. Самая большая трудность, как считал Джоэнис, заключалась в том, что все в мире, включая людей и их добродетели, постоянно меняется, и человек, взыскующий добра, вынужден, таким образом, расстаться с иллюзией неизменности всего сущего, разобраться в переменах, происходящих в нем самом и в ближних, и сосредоточить свои усилия на беспрестанном поиске островков преходящей стабильности в бурном море жизненных метаморфоз. Этот поиск, указывал Джоэнис, мог оказаться успешным лишь при большом везении - объяснить сей феномен невозможно, но, безусловно, элемент удачи играет очень важную роль.

Джоэнис всегда придавал особое значение превосходству добродетели над пороками, подчеркивал настоятельную потребность человека в волевом действии и недостижимость совершенства. Но некоторые утверждают, что в старости Джоэнис стал проповедовать совершенно иные идеи. К примеру, что мир - это не более чем страшная игрушка, которую злые боги смастерили в виде театра, чтобы ставить для своего развлечения бесконечные пьесы, создавая людей и используя их в качестве действующих лиц и исполнителей. Когда актеры должным образом подготовлены, боги получают колоссальное удовольствие, наблюдая за спектаклем марионеток, разгуливающих с напыщенным видом, преисполненных сознанием собственной значимости и убежденных в том, что они занимают важное место в миропорядке. Они даже пытаются это научно доказать и трудятся в поте лица, чтобы разрешить проблемы, которые поставили перед ними боги. А боги покатываются со смеху, взирая на спектакль, и ничто не может доставить им большего наслаждения, чем вид какой-нибудь марионетки, вдруг вознамерившейся прожить безгрешно и умереть достойно. Но даже и это не самое страшное. Со временем боги устанут от своего театра и от маленьких марионеток-человечков, они уберут их подальше, снесут театрик и обратятся к иным развлечениям. Пройдет еще немного времени, и даже сами боги не вспомнят, что где-то когда-то существовал такой народец - люди.

Но мы считаем, что эта концепция не характерна для Джоэниса, и ваш издатель полагает, что она недостойна его. Мы всегда будем хранить в памяти образ Джоэниса в расцвете сил и лет, когда он шел к людям с проповедью надежды.

Джоэнис прожил достаточно долго. Он видел смерть старого мира и рождение нового, он помнил, что многие наши предки прибыли из Европы, Америки или Азии. Но, несмотря на это смешение рас, мы чувствуем себя полинезийцами, меланезийцами и микронезийцами. Ваш издатель, живущий на острове Гаваики, считает, что современный мир процветанием обязан малым размерам наших островов, их многочисленности и удаленности друг от друга. Потому что это делает совершенно невозможным тотальное завоевание одних островов другими и в то же время позволяет отдельно взятой личности с легкостью покинуть данный остров, если он ей чем-либо не нравится. Таковы наши преимущества, которых были лишены обитатели континентов в прошлом.

Конечно, у нас есть свои трудности. Между архипелагами по-прежнему вспыхивают войны, но масштаб их несоизмеримо скромнее по сравнению с войнами прежних эпох. Все еще существуют социальное неравенство, несправедливость, преступления и болезни; но эти несчастья никогда не вырастут до таких размеров, чтобы сокрушить островные сообщества. Жизнь меняется, но в наши дни перемены происходят гораздо медленнее, чем в прошлые лихорадочные времена.

Возможно, эта неспешность перемен отчасти объясняется великим дефицитом металлов. На наших островах металлов всегда было очень мало, а фиджийцы к тому же уничтожили большую часть того, что было в наличии. Небольшое количество металла все еще добывают на Филиппинах, но он крайне редко поступает в обращение. Ламистские общины все еще активны, они крадут весь металл, который только удается найти, и топят его в море. Многие из нас чувствуют, что эта иррациональная ненависть к металлу - лишь прискорбное наследие прошлого; но мы по-прежнему не можем найти ответ на старинный вопрос Лама, который до сих пор звучит едкой насмешкой в устах ламистов.

Вопрос этот гласит: “Послушай, парень, ты когда-нибудь

пробовал построить атомную бомбу из кораллов и кокосовой скорлупы?"

Так и течет жизнь в наши дни. Мы осознаем, что, как это ни грустно, наши мир и процветание покоятся на развалинах общества, самоуничтожение которого и сделало возможным наше существование. Но такова судьба всех обществ, и мы не можем здесь ничего изменить.

Тем, кто оплакивает прошлое, следовало бы заглянуть в будущее. Некоторые фиджийские ламисты, отваживающиеся пускаться в дальние морские путешествия, сообщают о каком-то движении диких племен, населяющих ныне Американский континент. В настоящий момент этих разрозненных пугливых дикарей еще можно игнорировать; но кто знает, что принесет нам будущее?

Что касается финала Хождения Джоэниса, то о нем рассказывают следующее. Лам встретил смерть в возрасте шестидесяти девяти лет. Он возглавлял очередной поход разрушителей металла, и ему проломил голову дубинкой некий здоровенный гаваец, который пытался защитить свою швейную машинку. Падая, Лам произнес:

"Ну что ж, ребята, я отправляюсь на Большой Балдеж на Небесах, где заправляет Самый что ни на есть Великий Наркоман на свете".

Это было последнее запротоколированное выступление Лама по вопросу религии.

Джоэниса ожидал совершенно иной конец. На семьдесят третьем году жизни Джоэнис, находясь с официальным визитом на богатом острове Моореа, увидел на берегу какое-то движение и направился туда, чтобы выяснить, в чем дело. Там он обнаружил человека, принадлежавшего к его собственной расе, который приплыл на плоту. Одежда незнакомца была в лохмотьях, тело жестоко обожжено солнцем, но он пребывал в добром состоянии духа.

- Джоэнис! - вскричал человек. - Я знал, что вы живы, и был уверен, что найду вас. Ведь вы Джоэнис, не так ли?

- Так, - сказал Джоэнис. - Но боюсь, что мы с вами не знакомы.

- Я Чевоиз, - сообщил человек. - Как в "Чево изволите?". Я тот самый похититель бриллиантов, которого вы встретили в Нью-

Йорке. Теперь вспомнили меня?

- Вспомнил, - сказал Джоэнис. - Но зачем вы разыскивали меня?

- Джоэнис, наша беседа тогда длилась всего несколько мгновений, но она оставила неизгладимый след в моей душе. Делом моей жизни стали вы и только вы. Потребовалось много сил и много времени, чтобы собрать воедино все, что вам может понадобиться, но я ни перед чем не останавливался. Мне оказывали помощь, я получал знаки внимания на высшем уровне и был доволен. Затем грянула война, и трудностей стало намного больше. Я вынужден был многие годы скитаться по изуродованному лику Америки, разыскивая то, что вам могло бы потребоваться в будущем, и наконец завершил свой труд и прибыл в Калифорнию. Оттуда я отправился под парусом к островам Тихого океана и в течение многих лет переезжал от острова к острову. Я часто слышал о вас, но никак не мог найти. Но я не падал духом. Я всегда помнил о всех трудностях, с которыми пришлось столкнуться вам, и в этих воспоминаниях черпал свои силы. Я знал, что ваша работа имеет отношение к завершающей стадии истории человечества, но моя работа имела отношение к завершающей стадии вашей истории.

- Все это в высшей степени поразительно, - сказал Джоэнис совершенно спокойно. - Но мне кажется, дорогой Чевоиз, что вы, вероятно, не совсем в своем уме, правда для меня, это не имеет никакого значения. Мне очень жаль, что я причинил вам столько хлопот. Но я понятия не имел, что меня разыскивают.

- А вы и не могли иметь такого понятия, - возразил Чевоиз. - Даже вы не в состоянии знать, кто и зачем вас разыскивает, пока вас не нашли.

- Хорошо, - сказал Джоэнис, - вот вы, и нашли меня. Кажется, вы упомянули, что у вас для меня что-то есть?

- Несколько вещичек, - сказал Чевоиз. - Я преданно хранил и лелеял их, поскольку они совершенно необходимы для завершения вашей истории, С этими словами Чевоиз извлек клеенчатый сверток, который был примотан к его телу. Сияя от счастья, он передал сверток Джоэнису.

Джоэнис развернул пакет и нашел там следующее:

1. Записку от Шона Фейнстейна, который сообщал, что взял на себя издержки по пересылке этих вещей, а также по снаряжению

Чевоиза, которому выпала роль связника. Он выражал надежду, что у Джоэниса все в порядке. Что касается его самого, то он вместе с дочерью Диедри спасся от катастрофы, бежав на остров Сангар, расположенный в двух тысячах миль от побережья Чили. Там он стал торговцем и со временем добился на этом поприще неплохих успехов; а Диедри вышла замуж за местного парня, человека прилежного и с широким кругозором. Шон Фейнстейн искренне надеялся, что приложенные к записке документы будут для Джоэниса ценным подарком.

2. Короткую записку от доктора, с которым Джоэнис встретился в “Доме Холлис" для Невменяемых Преступников”. Доктор писал, что он хорошо помнит интерес Джоэниса к пациенту, который возомнил себя Богом и исчез как раз перед встречей с Джоэнисом. Однако, поскольку Джоэнис проявил в этом вопросе искреннюю любознательность, доктор прилагал к записке единственное письменное свидетельство, которое оставил после себя тот сумасшедший, - клочок бумаги, что был найден на его столе.

3. План Октагона, заверенный официальной печатью Управления Картографии и подписями высших начальников. Рукой самого Главы Октагона на плане было начертано: “Точный и окончательный”. План гарантировал любому посетителю быстрый доступ в любую часть здания.

Пока Джоэнис разглядывал все эти вещи, лицо его каменело, обретая сходство с выветрившимся гранитным останцом. Он долго стоял неподвижно и пошевелился лишь тогда, когда Чевоиз попробовал заглянуть в бумаги из-за его плеча.

- Я же хочу по справедливости! - вскричал Чевоиз. - Всю дорогу я вез эти бумаги и ни разу не заглянул в них. Да, мой дорогой Джоэнис, я имею полное право хотя бы мельком увидеть план и просто обязан хоть одним глазком заглянуть в бумажку, оставленную сумасшедшим.

- Нет, - ответствовал Джоэнис. - Эти документы были посланы не вам.

Чевоиз пришел в ярость, и жителям деревни пришлось сдерживать его, чтобы он не вырвал бумаги силой. Несколько деревенских жрецов, умоляюще глядя в глаза Джоэнису, направились было к нему, но он попятился от них с выражением

такого ужаса на лице, что люди подумали: еще секунда, и он швырнет бумаги в море. Однако Джоэнис не сделал этого. Он судорожно прижал документы к груди и бросился бежать по крутой тропе, поднимавшейся в горы. Жрецы последовали за ним, но вскоре потеряли Джоэниса из виду в густом подлеске.

Они спустились к морю и сказали людям, что Джоэнис скоро вернется, что он просто ненадолго отлучился, чтобы изучить бумаги в одиночестве. Люди ждали и не теряли надежды еще много лет, даже после смерти Чевоиза. Но Джоэнис так никогда и не спустился с гор.

Почти через два столетия некий охотник отправился полазить по крутым склонам Моореа в поисках горных козлов. Вернувшись с охоты, он заявил, что видел очень старого человека, который сидел перед входом в пещеру и разглядывал какие-то бумаги. Охотник заметил, что бумаги, которые старик держал в руках, давно выгорели на солнце и вылиняли под дождем, так что на них остались лишь неясные каракули, совершенно не поддающиеся чтению, да и старик, кажется, давным-давно ослеп от неустанного вглядывания в тексты.

- Как вы можете читать эти бумаги? - спросил охотник.

- Мне незачем читать, - ответил старик. - Я выучил их наизусть.

Тут старик поднялся на ноги и направился в пещеру, и через несколько мгновений ничто уже здесь не напоминало о старике - будто его никогда и не было.

Правдива ли эта история? Мог ли Джоэнис - несмотря на невероятный возраст - все еще жить в горах и размышлять о высших секретах ушедшей эпохи? А если даже и так, могут ли записки сумасшедшего и план Октагона иметь какое-нибудь значение для наших дней?

Этого мы никогда не узнаем. Три экспедиции были посланы в то место, и ни одна из них не нашла следов человеческого обиталища, хотя пещера существует на самом деле. Исследователи считают, что охотник, скорее всего, был пьян. Они резонно доказывают, что Джоэнис от тоски и печали повредился в уме, поскольку слишком поздно получил важнейшую информацию, что он убежал от жрецов и жил отшельником наедине со своими выцветшими бесполезными бумагами и что, в конце концов, он умер в каком-нибудь

недоступном месте.

Это объяснение представляется вполне благоразумным. Но обитатели Мооpеа воздвигли возле пещеры скромную усыпальницу.

Обмен разумов

Глава 1

На рекламной полосе в «Стэнхоуп газетт» Марвин Флинн вычитал такое объявление:

«Джентльмен с Марса, 43 лет, тихий, культурный, начитанный, желает обменяться телами с земным джентльменом сходного характера с 1 августа по 1 сентября. Справки по требованию. Услуги маклеров оплачены».

Этого заурядного сообщения было достаточно, чтобы у Марвина Флинна залихорадил пульс. Махнуться телами с марсианином!

Идея увлекательная и в то же время отталкивающая. В конце концов любому неприятно, если какой-то пескоядный марсианин станет из его собственной головы двигать его собственными руками, смотреть его глазами и слушать его ушами. Но в возмещение этих неприятностей он, Марвин Флинн, увидит Марс. Причем увидит так, как надо видеть: через восприятие аборигена.

Одни коллекционируют картины, другие – книги, третьи – женщин, а Марвин Флинн стремился охватить сущность всех увлечений, путешествуя. Однако его всепоглощающая страсть к путешествиям оставалась, увы, неудовлетворенной. Он родился и вырос в Стэнхоупе, штат Нью-Йорк. Географически родной городок находился милях в трехстах к северу от Нью-Йорка. В духовном же и эмоциональном отношении между этими двумя пунктами пролегало чуть ли не целое столетие.

Стэнхоуп – милое пасторальное селеньице, расположенное в предгорье Адирондактов, изобилующее фруктовыми садами и испещренное стадами пегих коров на зеленых холмистых пастбищах.

Неуязвимый в своем пристрастии к буколике Стэнхоуп упорно цеплялся за древние обычаи. Дружелюбно, хоть и не без задора, городок держался подальше от каменного сердца страны – суперстолицы. Линия метро ИРТ – Седьмая авеню прогрызла себе путь под землей до Кингстона, но не далее. Исполинские шоссе раскинули бетонные щупальца по всему штату, но не дотянулись до

усаженной вязами Мейн-стрит – главной улицы Стэнхоупа. В других городах были ракетодромы – Стэнхоуп хранил верность архаичному аэропорту. По ночам в постели Марвин то и дело прислушивался к мучительно-волнующему отзвуку вымирающей сельской Америки – одинокому воплю реактивного лайнера.

Стэнхоуп довольствовался самим собой. Остальной мир, по-видимому, вполне довольствовался тем, что предоставлял Стэнхоупу романтически грезить об ином, не столь стремительном веке.

Единственным, кого такое положение вещей не устраивало, был Марвин Флинн.

Он совершал поездки, как это было принято, и смотрел то, что принято смотреть. Как и все, он не раз проводил субботу и воскресенье в Европе. Он посетил в батискафе затонувший город Майами, полюбовался Висячими Садами Лондона и поклонился идолам в храме Бахай у залива Хайфа. Во время отпусков он ходил в пеший поход по Земле Мэри Бэрд (Антарктида), исследовал Леса Дождевых Деревьев в нижнем течении Итури[1], пересек Шинкай на верблюде и даже несколько недель прожил в Лхасе – столице мирового искусства.

Словом, обычный туристский ассортимент. Флинну хотелось путешествовать по-настоящему.

То есть отправиться в космические круизы.

Казалось бы, не такое уж невыполнимое желание. Однако Флинн ни разу не был даже на Луне.

В конечном итоге все сводилось к экономике. Межзвездное путешествие во плоти и крови – удовольствие дорогое, для простого человека оно исключается. Разве что он пожелает воспользоваться преимуществом Обмена Разумов. Марвин старался примириться со своим положением в обществе и с более чем приемлемыми перспективами, которые открывало перед ним это положение. В конце концов он свободный гражданин, почти совсем белый, ему всего тридцать один год, у него высокий рост, широкие плечи, черные усики и мягкие карие глаза. Он получил традиционное образование – начальная и средняя школа, двенадцать лет в

1

Итури – правый приток реки Конго.

колледже, четыре года последипломной практики, – и его считали достаточно хорошим специалистом в корпорации «Рик-Питерс». Там он подвергал флюороскопии пластмассовые игрушки, исследуя их на микроусадку, пористость, усталостный износ и так далее. Возможно, работа не из самых важных, но ведь не всем же быть королями или космонавтами. Должность у Флинна была, безусловно, ответственная, особенно если учесть роль игрушек в нашем мире и жизненно важную задачу высвобождения нерастраченной детской энергии.

Все это Марвин знал и тем не менее был недоволен. Повидать Марс, посетить нору Песчаного Царя, насладиться великолепием звуковой гаммы «Мук любви», прислушаться к цветным пескам Великого Сухого Моря...

Раньше он только мечтал. Теперь дело иное.

В горле непривычно першило от готовности вот-вот принять решение. Марвин благоразумно не стал торопить события. Вместо того он взял себя в руки и отправился в центр, в Стэнхоупскую Аптеку.

Глава 2

Как он и ожидал, его закадычный друг Билли Хейк сидел у стойки с содовой и потягивал фрапп с ЛСД[2].

– Как ты сегодня, старая сводня? – приветствовал друга Хейк на распространенном в те дни жаргоне.

– Полон сил, как крокодил, – традиционной формулой ответил Марвин.

– Ду коомен[3] мучо-мучо рапидо[4]? – спросил Билли. (В том году считалось остроумным говорить на ломаном испано-голландском диалекте.) – Я, минхеер, – с запинкой ответил Марвин. Ему просто было не до состязаний в остроумии.

Билли уловил нотку раздражения. Он насмешливо приподнял бровь, сложил комикс, посвященный Джеймсу Джойсу, сунул в рот сигару «Кин-Смоук», надкусил ее, выпустил ароматный зеленый

[2] ЛСД – наркотик.
[3] Ты пришел (голл.)
[4] очень-очень быстро (испан.)

дым и спросил:

– Отчего скуксился?

Вопрос, хоть и заданный кислым тоном, был вполне доброжелателен.

Марвин уселся рядом с Билли. У него было тяжело на душе, но все же не хотелось делиться горестями с легкомысленным другом, и потому, воздев руки, он повел беседу на индейском языке знаков. (Многие молодые люди с интеллектуальными запросами все еще находились под впечатлением прошлогодней сенсации – проектоскопического фильма «Дакотский диалог»; в фильме с участием Бьорна Ракрадиша (Безумный Конь) и Мировары Славовивович (Красная Туча) герои изъяснялись исключительно жестами).

Иронически и в то же время серьезно Марвин изобразил разбитое сердце, блуждающего коня, солнце, которое не светит, и луну, которая не восходит.

Помешал ему мистер Байджлоу, хозяин Стэнхоупской Аптеки. Это был человек средних лет (ему уже исполнилось семьдесят четыре), лысеющий, с небольшим, но заметным брюшком. Несмотря на все это, замашки у него были как у юнца. Вот и теперь он сказал Марвину:

– Э, минхеер, кверен зи тамар ля клопье имменса де ла кабеца вефрувенс им форма де мороженое с фруктами?

Для мистера Байджлоу и прочих представителей его поколения было характерно, что они злоупотребляли молодежным жаргоном.

– Шнелль[5], – оборвал его Марвин с бездумной жестокостью молодых.

– Ну, знаете ли, – только и вымолвил мистер Байджлоу, оскорбленно удаляясь.

Билли видел, что друг страдает. Это его смущало. Ему уже стукнуло тридцать четыре года, еще чуть-чуть, и он станет мужчиной. И работа у него была хорошая – десятник на 23-м сборном конвейере тарной фабрики «Питерсон». Держался он, конечно, по-прежнему как подросток, но знал, что возраст уже налагает определенные обязательства. Поэтому он преодолел свою природную застенчивость и заговорил со, старым другом напрямик:

[5] Живо (нем.)

– Марвин, в чем дело?

Марвин, пожал плечами, скривил губы и бесцельно забарабанил пальцами по столу, затем сказал:

– Ойра[6], омбре, айн клейннахтмузик эс демасиадо[7], нихт вар? Дер Тодт ты руве коснуться…

– Попроще, – прервал Билли не по возрасту солидно.

– Извини, – продолжал Марвин открытым текстом. – У меня просто… Ах, Билли, мне просто ужасно хочется путешествовать, право!

Билли кивнул. Ему было известно, какою страстью одержим его Друг. – Ясно, – сказал он. – Мне тоже.

– Но не так сильно, Билли… Я себе места не нахожу.

Принесли мороженое с фруктами. Марвин не обратил на него внимания и продолжал изливать душу своему другу детства.

– Мира[8], Билли, поверь, нервы у меня на взводе, как пружина в пластмассовой игрушке. Я все думаю о Марсе, Венере и по-настоящему далеких местах вроде Альдебарана и Антареса, и… черт возьми, понимаешь, даже думать не могу ни о чем другом. В голове у меня то Говорящий Океан Проциона-четыре, то трехстворчатые человекоподобные на Аллуи-два, да я просто помру, если не повидаю тех мест воочию.

– Точно, – согласился друг. – Я бы тоже хотел их повидать.

– Нет, ничего ты не понимаешь, – возразил Марвин. – Дело не в том, чтобы повидать… тут совсем другое… гораздо хуже… пойми, не могу я прожить здесь, в Стэнхоупе, всю жизнь. Пусть даже у меня недурная работа и я провожу вечера с первоклассными девчонками. Но, черт побери, не могу я просто жениться, наплодить детей и… и… есть же в жизни что-то еще!

Тут Марвин снова сбился на мальчишечью неразборчивую скороговорку. Однако смятение прорывалось сквозь неудержимый поток слов. Поэтому друг мудро кивал головой.

– Марвин, – сказал он мягко, – это все ясно как дважды два, ей-богу же, гадом буду. Но ведь даже межпланетное путешествие обходится в целое состояние. А межзвездное просто-напросто

---

[6] Слушай (испан.)

[7] Это уж слишком (испан.)

[8] Здесь: «знаешь» (испан.)

невозможно.

– Все возможно, – ответил Марвин, – если пойти на Обмен Разумов. – Марвин! Ты этого не сделаешь! – вырвалось у шокированного друга.

– Нет, сделаю! – настаивал Марвин. – Клянусь Кристо Мальэридо, сделаю!

На сей раз шокированы были оба. Марвин почти никогда не употреблял имени божьего всуе.

– Как ты можешь?! – не унимался Билли. – Обмен Разумов – грязное дело!

– Каждый понимает в меру своей испорченности.

– Нет, серьезно. Зачем тебе нужно, чтобы у тебя в голове поселился пескоядный старикашка с Марса? Будет двигать твоими руками и ногами, смотреть твоими глазами, трогать твое тело и даже, чего доброго…

Марвин перебил друга, прежде чем тот ляпнул какую-нибудь пакость.

– Мира, – сказал он. – Рекуэрдо ке[9] на Марсе я стану распоряжаться телом этого марсианина, так что ему тоже будет неловко.

– Марсиане не испытывают неловкости, – сказал Билли.

– Неправда, – не согласился Марвин. Младший по возрасту, он во многих отношениях был более зрелым, чем друг. В колледже ему хорошо давалась Сравнительная межзвездная этика. А жгучее стремление путешествовать сделало его менее провинциальным, чем друга, и лучше подготовило к тому, чтобы становиться на чужую точку зрения. С двенадцати лет – с тех пор, как он научился читать, – Марвин изучал уклады и обычаи множества различных рас Галактики. Больше того, по Симпатическому проецированию личности он набрал девяносто пять очков из ста возможных.

Он вскочил на ноги.

– Разрази меня гром! – воскликнул он, хлопнув себя правым кулаком по левой ладони. – Так и будет!

Загадочная алхимия решения сделала Марвина другим человеком. Без колебаний он вернулся домой, уложил легкий чемодан, оставил родителям записку и сел в реактивный лайнер,

[9] Здесь: «Не забывай, что…» (испан.)

следующий в Нью-Йорк.

Глава 3

В Нью-Йорке Марвин сразу пошел в контору Отиса, Бландерса и Клента – маклеров по прокату тел. Его направили в кабинет мистера Бландерса – высоченного детины атлетического сложения, в расцвете лет, в свои шестьдесят три года он был уже полноправным компаньоном фирмы. Этому человеку Марвин и изложил цель своего визита.

– Конечно, конечно, – сказал мистер Бландерс. – Вы ссылаетесь на наше объявление от прошлой пятницы. Джентльмена с Марса зовут Зе Краггаш, у него превосходная рекомендация от ректоров Ист-Скернского университета.

– На что он похож? – спросил Марвин.

– Судите сами, – ответил Бландерс.

Он показал Марвину фото существа с бочкообразной грудью, тоненькими ногами, руками чуть потолще, крохотной головкой и необычайно длинным носом. На фото Краггаш стоял по колено в илистой глине, махал кому-то руками. Внизу была подпись: «На память о Грязевом Рае – лучшем курортном месте на Марсе, где можно отдыхать круглый год».

– Симпатичный парень, – заметил мистер Бландерс.

Марвин в сомнении кивнул.

– Живет он у Уогомстамке, – продолжал Бландерс, – на краю Исчезающей Пустыни в Нью-Саут-Марсе.

Вы, наверное, знаете, что это чрезвычайно популярный туристский край. Подобно вам, мистер Краггаш жаждет путешествий и желает найти подходящее тело-носитель. Выбор он целиком и полностью предоставил на наше усмотрение, оговорил лишь одно обязательное условие – здоровое тело и здоровый дух.

– Что ж, – сказал Марвин, – не хочу зря хвастаться, но меня всегда считали здоровяком.

– Это видно с первого взгляда, – ответил мистер Бландерс. – У меня, конечно, всего лишь предчувствие, а может бить, интуиция, но за тридцать лет работы с людьми я привык доверять своим предчувствиям. Трех желающих произвести данный обмен я уже

отверг, основываясь исключительно на своей интуиции.

Этим обстоятельством мистер Бландерс гордился так явно, что Марвин почел своим долгом вставить:

– Да неужели?

– Можете не сомневаться. Вы не представляете, как часто мне по роду моей деятельности приходится выявлять и отклонять неподходящие кандидатуры. Всякие там невропаты, ищущие грязных и недозволительных приключений; преступники, пытающиеся выбраться из зоны действия местных законов; эмоционально неуравновешенные типы. Я их всех выбраковываю.

– Надеюсь, я не подхожу ни под одну из упомянутых категорий? – сказал Марвин со сдавленным смешком.

– Смело могу заявить, что нет, – заверил его мистер Бландерс. – Я склонен считать вас в высшей степени нормальным молодым человеком; даже чрезмерно нормальным, если такое вообще мыслимо.

Вас охватила тяга к путешествиям, что вполне свойственно вашему возрасту, эта страсть сродни влюбленности, или участию в справедливой войне, или мировой скорби и прочим причудам молодежи. Ваше счастье, что природный ум или удача привели вас к нам – самой старой и надежной фирме, занимающейся Обменом Разумов, а не к кому-нибудь из менее щепетильных наших конкурентов; или, упаси боже, вас могло угораздить на Свободный Рынок.

Марвин почти ничего не знал о Свободном Рынке, но промолчал, не желая обнаружить свое невежество.

– А теперь, – сказал мистер Бландерс, – прежде чем мы удовлетворим вашу просьбу, надо выполнить кое-какие формальности.

– Формальности? – переспросил Марвин.

– Безусловно. Во-первых, вы должны пройти полное обследование – телесное, духовное и моральное. Затем вдвоем с марсианским джентльменом вы подпишете акт об ответном ущербе. В акте обусловлено, что всякий ущерб, как умышленно, так и неосторожно причиненный телу-носителю, в том числе и по независящим обстоятельствам, будет: 1, возмещен по расценкам, установленным межзвездной конвенцией, и 2, ответно причинит

другому телу, согласно lex talionis[10].

– Как, как? – не понял Марвин.

– Око за око, зуб за зуб, – пояснил мистер Бландерс. – Допустим, вы, находясь в теле марсианина, сломали ногу. В соответствии с межзвездным правом, когда вы вновь перейдете в свое тело, вам тоже сломают ногу максимально научным и безболезненным способом.

– Даже если это произошло случайно?

– Особенно если это произошло случайно. Мы установили, что Акт об Ответном Ущербе заметно уменьшил число таких случайностей.

– Мне начинает казаться, что это вроде бы опасно, – сказал Марвин.

– Всякое направленное действие содержит элемент опасности, – ответил мистер Бландерс. – Но риск при Обмене Разумов статистически ничтожно мал, только держитесь подальше от Искаженного Мира.

– Я очень мало знаю об Искаженном Мире, – признался Марвин.

– Все знают столько же, – ответил Бландерс. – Поэтому каждый считает, что надо держаться от него подальше.

Марвин в задумчивости кивнул.

– А еще что?

– Да ничего особенного. Просто бумажная волокита, отказы от особых прав и привилегий, все в таком роде. И конечно, я должен официально предостеречь вас от метафорической деформации.

– Ладно, – сказал Марвин. – Давайте я послушаю.

– Да я же вас только что предостерег, – удивился Бландерс. – Но могу предостеречь еще раз. Берегитесь метафорической деформации.

– Я бы с радостью, – ответил Марвин, – но мне ведь неизвестно, что это такое.

– В сущности, это совсем простая штука, – сказал Блавдерс. – Если хотите, можете считать ее одной из форм ситуационного безумия. Видите ли, наша способность усваивать необычное не беспредельна, а когда путешествуешь на другие планеты, пределы оказываются очень узкими. Слишком много новых впечатлений; их

[10] Закон талиона (латин.)

приток становится невыносимым, и мозг ищет отдыха в буферном процессе аналогизирования. Этот процесс как бы создает мост между воспринятым известным и неприемлемым неизвестным, облекает невыносимое неизвестное в желанную мантию привычного. Когда субъект не справляется с притоком новых данных естественным путем концептивного аналогизирования, он становится жертвой перцептивного аналогизирования. Этот процесс известен также под названием «пансаизм». Теперь вам ясно?

– Нет, – ответил Марвин. Почему это называется «пансаизм»?

– Объяснение заложено в самом названии, – сказал Бландерс. – Дон-Кихот считает ветряную мельницу великаном, а Санчо Панса считает великана ветряной мельницей. Донкихотство можно определить как восприятие обыденных явлений в качестве необычайного; противоположное явление – пансаизм, это когда необычайное воспринимается как обыденное.

– Значит, – уточнил Марвин, – я могу подумать, что вижу корову, когда на самом деле передо мной альтаирец?

– Именно, – подтвердил Бландерс. – Но все очень просто, раз уж вы занялись Обменом, значит привыкнете. Распишитесь вот тут и вот тут, и перейдем к делу.

Глава 4

Марсианин – одно из самых странных созданий в Галактике, хоть он и двуногий. Право же, нам с нашими органами чувств, альдебаранские квизы как-то ближе, несмотря на то, что у них две головы, и множество лишних конечностей, особого назначения. Не по себе становится, когда вселяешься в тело марсианина.

Марвин Флинн очутился в уютно обставленной комнате. В комнате было окно, через которое он глазами марсианина взирал на марсианский пейзаж.

Он зажмурился, так как не ощущал ничего, кроме ужасающего смятения. Несмотря на все прививки, его одолевали тошнотворные волны культур-шока, пришлось постоять неподвижно, пока тошнота не унялась. Потом он осторожно раскрыл глаза и осмотрелся.

Увидел он невысокие, плоские песчаные дюны, переливающиеся

сотнями оттенков серого цвета. Вдоль горизонта проносился серебристо-голубой ветер, на него словно шавка набрасывался охряно-желтый встречный ветерок. Небо было красное, и в инфракрасном диапазоне различались бесчисленные непередаваемые тона.

Повсюду Флинн видел паутинки спектра. Земля и небо подарили ему десятки отдельных палитр, порой дополнительных цветов, но большей частью – цветов кричащих. На Марсе природным краскам недоставало гармонии.

Марвин обнаружил у себя в руке очки и нацепил их на нос. Тотчас же рев и буйство красок уменьшились до терпимой степени. Ошеломление, вызванное шоком, прошло, и Марвин стал воспринимать окружающее.

Прежде всего тяжелый гул в ухе и частый грохот – ни дать ни взять дробь тамтама. Он огляделся по сторонам в поисках источника этого шума, но, кроме земли да неба, ничего не увидел. Тогда он прислушался повнимательнее и установил, что шумы доносятся из его собственной груди. Это работали легкие и сердце – такие звуки сопровождали жизнь всякого марсианина.

Теперь Марвин мог детально ознакомиться с самим собой. Он взглянул на свои ноги, тонкие и веретенообразные. Коленный сустав отсутствовал, зато каждая нога сгибалась в лодыжке, в голени, в средней и верхней части бедра. Руки были чуть толще ног, а кисть с двумя суставами увенчивали три обычных пальца и два противостоящих больших. Эти пальцы сгибались и отгибались в самых неожиданных направлениях.

На нем были черные шорты и белый свитер. Аккуратно свернутый нагрудник лежал в разрисованном кожаном футляре. Марвин даже изумился, до чего естественным все ему казалось. А удивляться-то было нечему. Именно умение разумных существ приспособиться к новой среде и сделало возможным Обмен Разумов. Флинн размышлял на эту тему, как вдруг услышал, что у него за спиной открывается дверь. Он обернулся и увидел перед собой марсианина, одетого в полосатую серо-зеленую правительственную форму. В знак приветствия марсианин вывернул ноги под углом сто восемьдесят градусов, Марвин поспешно ответил тем же.

Одна из замечательных особенностей при Обменен Разумов –

«автоматическое обучение». На профессиональном жаргоне это формулируется так: «Вселяясь в дом, вы получаете право пользования мебелью». Само собой, под мебелью подразумеваются элементарные сведения, накопленные мозгом носителя. Такие сведения, как язык, обычаи, нравы и этика, общая информация об окружении – общая, безликая, полезная, как справочник, но далеко не всегда надежная. Личные воспоминания, склонности, антипатии остаются, за некоторыми исключениями, недоступными «жильцу» или же становятся доступны лишь в результате неимоверного усилия мысли. Здесь также имеет место нечто вроде иммунологической реакции: между двумя несравнимыми существами возможен лишь самый поверхностный контакт.

– Слабого ветра, – произнес марсианин старинное, классическое марсианское приветствие.

– И безоблачного неба, – ответил Флинн. Он с досадой обнаружил, что его носитель слегка шепелявит.

– Я Миэнгло Орихихих из Туристского Бюро. Добро пожаловать на Марс, мистер Флинн.

– Спасибо, – сказал Флинн. – Ужасно рад здесь очутиться. Это у меня, знаете ли, первый обмен.

– Знаю, – отозвался Орихихих. Он сплюнул на пол (верный признак нервозности) и разогнул большие пальцы. Из коридора донеслись чьи-то возбужденные голоса. – Так вот, относительно вашего пребывания на Марсе...

– Я бы хотел повидать Нору Песчаного Царя, – сказал Флинн. – И, конечно, Говорящий Океан.

– Обе идеи превосходны, – одобрил чиновник. – Но прежде две или три мелкие формальности.

– Формальности?

– Ничего особенного, – сказал Орихихих, изогнув нос налево в марсианской улыбке. – Прошу вас, ознакомьтесь с этими бумагами и опознайте их.

Флинн взял в руки и бегло просмотрел бумаги, о которых шла речь. Они оказались копиями тех бланков, что он заполнял на Земле. Он прочитал их внимательно и убедился в полной достоверности всех сведений.

– Эти бумаги я подписывал на Земле, – заявил он.

Шум в коридоре усилился. Марвин различил слова:

– Кипятком ошпаренный, яйцекладущий сын замороженного пня! Дебил – пожиратель гравия!

Это были чрезвычайно оскорбительные ругательства.

Марвин вопросительно поднял нос. Чиновник поспешно сказал:

– Недоразумение, путаница. Подобные нелепые накладки случаются даже в самых образцовых из государственных туристских учреждений. Но я совершенно уверен, что мы все уладим, не успеет жаждущий выпить пять глотков рапи, если не раньше. Позвольте спросить, вы не...

Из коридора донесся шум какой-то возни, и в комнату ворвался другой марсианин, а за ним – третий, чиновник помельче рангом, он хватал за локоть и тщетно пытался удержать второго марсианина.

Ворвавшийся в комнату марсианин был невероятно стар, о чем свидетельствовало слабое фосфорическое свечение его кожи. Руки у него дрожали, когда он простер их в сторону Марвина Флинна.

– Вот! – вскричал старик. – Вот оно, и клянусь всеми пнями, оно мне нужно тотчас же!

– Сэр, – одернул его Марвин, – я не привык, чтобы обо мне говорили в среднем роде!

– Я говорю не о вас, – ответил престарелый марсианин. – Я вас не знаю, и мне дела нет, кто вы и что вы. Я говорю о теле, которое вы занимаете и которое вам не принадлежит.

– Что вы хотите сказать?

– Этот джентльмен, – вмешался первый чиновник, – утверждает, что вы занимаете принадлежащее ему тело. – Он дважды сплюнул на пол. – Это, конечно, путаница, мы в два счета разберемся.

– Путаница! – взвыл престарелый марсианин. – Это махровое надувательство.

– Сэр, – с холодным достоинством возразил Марвин, – вы сильно заблуждаетесь. Это тело было выдано мне в пользование по всем правилам и согласно закону.

– Жаба чешуйчатая! – вскричал старик. – Пустите меня!

Он стал осторожненько высвобождаться из хватки спутника.

Вдруг в дверях появилась внушительная фигура, с ног до головы облаченная в белое. Все, кто присутствовал в комнате, умолкли, едва

их взгляд упал на уважаемого и внушающего страх представителя полиции Южно-Марсианской Пустыни.

– Джентльмены, – сказал полисмей, – взаимные упреки излишни. Пройдемте в полицейский участок. Там с помощью фулжимэянина-телепата мы доберемся до истины и узнаем побудительные мотивы.

Полисмен выдержал эффектную паузу, пристально поглядел каждому в лицо, проглотил слюну, демонстрируя полнейшее спокойствие, и прибавил:

– Уж это я вам обещаю.

Без дальнейших проволочек полисмен, чиновник, старик и Марвин Флинн последовали в полицейский участок. Шли они молча, в одинаково тревожном настроении.

По всей цивилизованной Галактике считается избитой истиной, что, когда идешь в полицию, неприятности у тебя только начинаются.

Глава 5

В полицейском участке Марвина Флинна вместе с прочими сразу отвели в полутемную сырую келью, где обитал фулжимэянин-телепат. Это трехногое существо, как и все жители планеты Фулжимэ, наделено шестым телепатическим чувством – скорее всего в виде компенсации за притупленность пяти остальных.

– Пусть будет что будет, – сказал фулжимэянин-телепат, когда все выстроились перед ним. – Выйди вперед, малый, и расскажи о своем деле.

Он строго указал пальцем на полисмена.

– Сэр, – от смущения полисмен выпрямился во весь свой рост, – я не кто-нибудь, а полисмен.

– Это очень интересно, – ответил телепат. – Но для меня остается неясным, какое отношение имеет данное обстоятельство к вопросу о вашей виновности или невиновности.

– Да ведь меня не обвиняют ни в каком преступлении, – отбивался полисмен.

На мгновение телепат задумался, потом сказал:

– Я, кажется, понимаю. Обвиняют вот этих двух. Так?

– Так, – подтвердил полисмен.

– Прошу извинения. Исходящая от вас эманация виновности спровоцировала меня на поспешный вывод.

– Виновности? – переспросил полисмен. – От меня?

Голос у него оставался спокойным, но на коже проступили характерные оранжевые полосы озабоченности.

– Да, от вас, – повторил телепат. – И нечего удивляться. Крупные хищения – это такая штука, после которой чувствуют вину почти все разумные существа.

– Но постойте! – воскликнул полисмен. – Я не совершал никакого крупного хищения!

Телепат закрыл глаза и углубился в собственные мысли. Наконец он сказал:

– Это верно. Я имел в виду, что вы еще совершите крупное хищение.

– В суде ясновидение не считается доказательством, – провозгласил полисмен. – Более того, заглянуть в будущее – значит прямо нарушить закон о свободе воли.

– И это верно, – признал телепат. – Прошу извинения.

– Ничего, ничего, – сказал полисмен. – Когда же я совершу вышеупомянутое крупное хищение?

– Месяцев через шесть, – ответил телепат.

– И меня арестуют?

– Нет. Вы покинете эту планету и укроетесь в таком месте, где закон о выдаче уголовных преступников не действует.

– Гм, занятно, – сказал полисмен. – А скажите, пожалуйста... Впрочем, это мы обсудим попозже. Сейчас вы должны заслушать обе стороны и установить кто виновен, и кто невиновен.

Телепат осмотрел Марвина, погрозил ему перепончатой лапой и сказал:

– Приступайте.

Марвин поведал ему свою историю, начав с того, как он впервые прочел объявление, не пропустив ни одной подробности.

– Благодарю вас, – сказал телепат, когда Марвин кончил рассказ. – А теперь, сэр, ваш черед.

Он повернулся к старику, а тот откашлялся, почесал грудь, несколько раз плюнул и приступил к своему повествованию.

ИСТОРИЯ ЭЙЖЕЛЕРА ФРУСА

– Право, не знаю, с чего начать, так что начну-ка я, пожалуй, со своего имени – меня зовут Эйжелер Фрус, расовой принадлежности – немукфянский адвентист, и занятия – владелец магазина готового платья на планете Ахельс-5. Лавочка у меня маленькая, не очень прибыльная, находится в Ламберсе (это Южный Полярный круг), и я день-деньской продаю одежду рабочим, иммигрантам с Венеры, а это здоровенные, зеленые, волосатые парни, крайне невежественные, вспыльчивые, не дураки подраться, хоть я и чужд расовых предрассудков. Такое занятие, как у меня, располагает к философии; пусть я небогат, зато сохранил здоровье (слава богу), и жена моя Очаровара тоже, если не считать хронического фиброза щупалец. К тому же у меня двое взрослых сыновей, один работает врачом в Сиди-порте, другой – тренер кланнтов. Еще у меня есть замужняя дочь, а значит, само собой, и зять.

Зятю своему я никогда не доверял, потому что он франт, у него двенадцать пар нагрудников, а у моей дочки нет даже приличного комплекта чесательных палочек. Тут уж ничего не поделаешь, сама вырыла себе нору, теперь пусть в нее и лезет. Но все же, когда человек так увлекается нарядами, ароматическими маслами для суставов и прочими роскошествами, и все это на скромное жалованье коммивояжера, торгующего влагой (он-то величает себя инженером-гидросенсором), тут поневоле призадумаешься.

И вечно он пытается раздобыть деньжат на стороне, пускается во всякие дурацкие авантюры, которые я же должен финансировать из своих потом нажитых сбережений, – не так-то просто всучить одежду этим здоровенным зеленым парням. Например, в прошлом году ухватился он за новинку – дворовый тучедел, а я ему говорю: «Да кому это надо?» Но жена настояла, чтобы я поддержал зятя, и, конечно же, он вылетел в трубу. А в этом году у него появился новый план – на сей раз дешевые изделия из переливчато-радужной синтетической шерсти с Веги-2; груз такой шерсти он откопал в Гелигопорте и хотел, чтобы я этот груз выкупил.

Я ему говорю: «Слушай, а много ли эти венерианские крикуны смыслят в щегольстве? Да они рады-радешеньки, если могут себе позволить твидовые шорты или плащ для воскресенья». Но мой зять за словом в карман не полезет, вот он мне и говорит: «Слушай, папа,

я ли не изучал венецианские народные нравы и обычаи. Я вот как понимаю: эти ребята выросли в дремучем лесу, они любят обряды, пляски и особенно яркие цвета. Выходит, дело верняк, так или нет?» В общем, если покороче, уговорил он меня на эту авантюру, хоть я и был против. Но я, естественно, решил взглянуть на переливчато-радужную шерсть своими глазами, потому что зятю я бы не доверил судить даже о клочке марли. А это значило, что мне нужно пересечь полгалактики и попасть на Марс, в Гелиго-порте. Вот я и стал готовиться к поездке.

На обмен со мной никто не соглашался. Не то чтобы я кого-нибудь осуждал, ведь по доброй воле на такую планету, как Ахельс-5, никто не рвется, разве что иммигранты с Венеры, но они народ темный. Однако увидел я объявление марсианина Зе Краггаша, который хотел отдать свое тело напрокат, потому что разум он отправлял в холодильник, на длительный отдых. Чертовски дорого, но что оставалось делать? Часть денег я вернул – сдал свое тело приятелю, который охотился на кваренгов, пока его не приковал к постели мышечный диокомиотоз. Потом пошел в Бюро Обмена, и там меня спроецировали на Марс.

Вообразите же мое негодование, когда оказалось, что никакое тело мне не приготовлено! Все сбились с ног, пытаясь выяснить, что стряслось с телом-носителем, норовили даже отослать меня обратно на Ахельс-5; но ничего не вышло, так как приятель в моем теле отправился в экспедицию – охотиться на кваренгов. Наконец подыскали мне тело в Терезиенштадской фирме «Прокат». Они сдают максимум на двенадцать часов, потому что летом на краткосрочный прокат у них отбоя нет от заявок. Да и тело-то никудышное, песок из него сыплется, убедитесь сами, и в придачу содрали за него втридорога.

Пошел я выяснять, где что неладно, и что же оказалось? Этот турист с Земли нахально разгуливает в теле, за которое я уплатил сполна и которое в соответствии с контрактом я должен был бы занимать в эту самую минуту. Это не только несправедливо, но и в высшей степени вредно для моего здоровья. Вот и вся моя история.

Телепат удалился в свою келью – обдумать решение. Не прошло и часа, как он вернулся и произнес таковы слова:

– Оба вы взяли напрокат, по обмену или иным законным

образом получили одно и то же тело, а именно телесную оболочку Зе Краггаша. Тело было предложено его хозяином, упомянутым Зе Краггашем, каждому из вас, а следовательно, сделка осуществлена в прямое нарушение всех соответствующих законов. Действия Зе Краггаша надлежит считать преступными, как по замыслу, так и по исполнению. Поскольку обстоятельства сложились именно так, я распорядился отправить на Землю депешу с требованием безотлагательного ареста упомянутого Зе Краггаша и содержания его под стражей до тех пор, пока не будет оформлена выдача его в руки соответствующих властей.

Оба вы заключили сделку в добросовестном заблуждении. Однако первую, или более раннюю, сделку, судя по бланкам контрактов, заключил мистер Эйжелер Фрус, опередив мистера Марвина Флинна на тридцать восемь часов. Следовательно, мистеру Фрусу, как первому покупателю, и присуждается данная телесная оболочка; мистеру же Флинну предписывается прекратить и прервать незаконное пользование и принять к сведению Уведомление о Выселении, которое я ему передаю и которое вступит в силу через шесть стандартных часов по Гринвичу.

Телепат вручил Марвину Уведомление о Выселении. Флинн взял его с грустью, но покорно.

– По-моему, – сказал он, – лучше будет, если я вернусь на Землю, в свое тело.

– Это самое мудрое решение, – одобрил телепат. – К несчастью, в ближайшее время это не представляется возможным.

– Не представляется? Почему?

– Потому что, – ответил телепат, – по сообщению земных органов власти, чью телепатему я только сейчас принял, ваше тело, одухотворенное разумом Зе Краггаша, не удалось обнаружить. Результаты предварительного дознания внушают тревогу, что Зе Краггаш скрылся с планеты, прихватив с собою ваше тело и деньги мистера Эйжелера.

Дошло далеко не сразу. Но в конце концов Марвин Флинн осознал все последствия, вытекающие из услышанного. – Он застрял на Марсе в чужом теле, которое надо освободить. Через шесть часов он превратится в разум, лишенный тела и почти лишенный надежды обрести таковое.

Разум не может существовать вне тела. Медленно и неохотно Марвин Флинн принял к сведению, что стоит перед угрозой неминуемой смерти.

Глава 6

Марвин не предался отчаянию. Зато он предался гневу – эмоции гораздо более оправданной, хотя столь же безрезультатной. Вместо того, чтобы позорить себя, рыдая в суде, он позорил себя, бушуя в коридорах Федерал-Билдинг, требуя либо справедливости, либо, черт побери, какого-нибудь удачного ее эквивалента.

Молодой человек был глух ко всему. Тщетно втолковывали ему юристы, что если бы справедливость действительно существовала, то отпала бы необходимость в законе и законниках, а тогда исчезла бы одна из благороднейших концепций человечества, и целая профессия оказалась бы ненужной.

Этот вразумительный довод не умиротворил взбешенного Марвина, который являл собой существо, не поддающееся убеждению. В груди его трещало и скрежетало дыхание, когда он громовым голосом обличал судебную машину Марса. В таком настроении он подошел к двери с табличкой «Бюро сыска и задержания. Межзвездный отдел».

– Ага! – пробормотал Марвин и вошел внутрь.

Он очутился в маленькой комнатушке, точно сошедшей со страниц старинного исторического романа. Вдоль стен чинно выстроились старые, но надежные электронные калькуляторы. Возле двери стояла одна из первых моделей преобразователя мысли в машинописный текст. Кресла отличались определенностью формы и пластиковой обивкой пастельных тонов – тем, что ассоциируется с минувшей эрой праздности. Комнатушке не хватало только громоздкого «Морэни», чтобы стать точной копией места действия повестей Шекли и других ранних поэтов Переходного века.

В одном из кресел сидел немолодой марсианин и метал стрелы в мишень, очертаниями напоминающую женский зад.

При входе Марвина он поспешно обернулся и сказал:

– Давно пора. Я вас ждал.

– Серьезно? – не поверил Марвин.

– Ну, не то чтобы уж совсем, – признался марсианин. – Но я установил, что такое начало беседы достаточно эффектно и создает атмосферу доверия.

– Зачем же вы губите эту атмосферу, открывая ее секрет?

– Все мы далеки от совершенства, – пожал плечами марсианин. – Я всего лишь простой труженик – сыщик. Урф Урдорф. Садитесь. Кажется, мы напали на след вашей меховой шубки.

– Какой меховой шубки? – удивился Марвин.

– Вы разве не мадам Риппер де Лоу – травести, – которую вчера вечером ограбили в отеле «Красные Пески»?

– Конечно, нет. Я Марвин Флинн. Потерял тело.

– Да, да, разумеется, – энергично закивал сыщик Урдорф. – Давайте-ка по порядку. Вы случайно не помните, где находились, когда впервые заметили пропажу тела? Не спрятали его кто-нибудь из ваших друзей, желая подшутить над вами? А может, вы его сами куда-нибудь заткнули или отправили отдохнуть?

– Вообще-то оно не то чтобы пропало, – сказал Марвин. – По-настоящему – его украли.

– Так бы и говорили с самого начала, – обиделся Урдорф. – Теперь дело предстает в совершенно ином свете. Я всего лишь сыщик; никогда не выдавал себя за чтеца чужих мыслей.

– Очень жаль, – сказал Марвин.

– Мне тоже жаль, – сказал сыщик Урдорф. – Это я о вашем теле. Должно быть, для вас это был форменный удар.

– Да, так оно и было.

– Представляю, каково вам теперь.

– Спасибо, – поблагодарил Марвин.

Несколько минут посидели в дружелюбном молчании. Первым заговорил Марвин.

– Ну?

– Прошу прощения? – ответил сыщик.

– Я говорю «ну»?

– А-а! Извините, первый раз я вас не расслышал.

– Это ничего.

– Спасибо.

– Ради бога, пожалуйста.

Вновь наступило молчание. Затем Марвин опять сказал: «Ну?»,

а Урдорф ответил: «Прошу прощения?» – Я хочу, чтобы мне его вернули, – сказал Марвин.

– Кого?

– Мое тело.

– Что, что? Ах да, ваше тело. Гм, еще бы вы не хотели, – подхратил сыщик с понимающей улыбкой. – Но это, конечно, не так-то легко, правда?

– Откуда мне знать, – ответил Марвин.

– Да, знать вам, пожалуй, неоткуда, – согласился Урдорф. – Но смею вас уверить, это не так-то легко.

– Понимаю, – сказал Марвин.

– Я вот и надеялся, что вы поймете.

Произнеся эти слова, Урдорф погрузился в молчание.

Молчание длилось приблизительно секунд двадцать пять плюс-минус секунда или две: к концу этого периода терпение у Марвина лопнуло, и он закричал:

– Черт вас возьми, намерены вы шевельнуть пальцем, чтобы вернуть мне тело, или же будете просиживать свою толстую задницу, не говоря ни единого путного слова?

– Конечно, я намерен вернуть вам тело, – сказал сыщик. – Или, во всяком случае, попытаться. И незачем меня оскорблять. Я в конце концов не машина с готовыми ответами на перфокартах. Я разумное существо, такое же, как и вы. У меня свои надежды и страхи. И свой метод ведения беседы. Вам он может казаться не очень действенным, но я нахожу его в высшей степени целесообразным.

– Это действительно так? – смягчился Марвин.

– Право же, так, – в кротком голосе сыщика не было и следа затаенной обиды.

Казалось, вот-вот наступит очередное молчание, поэтому Марвин спросил:

– Как по-вашему, есть ли надежда, что я... что мы, вернем, мое тело?

– Есть, и большая, – ответил сыщик Урдорф. – Я, откровенно говоря, рискну зайти довольно далеко и заявить, что уверен в успехе. Моя уверенность базируется не на изучении вашего конкретного случая, о котором мне известно очень немногое, а на простейших статистических выкладках.

– А выкладки свидетельствуют в нашу пользу? – осведомился Марвин.

– Вне всякого сомнения! Судите сами: я квалифицированный сыщик, владею всеми новейшими методами, мне присвоен высший индекс оперативности – АА-А. И все же, несмотря на это, за пять лет полицейской службы я еще ни разу не раскрыл преступления.

– Ни единого?

– Ни единого, – решительно подтвердил Урдорф. – Любопытно, не правда ли?

– Да, наверное, – сказал Марвин. – Но ведь это значит...

– Это значит, – перебил его сыщик, – что полоса неудач, самая редкостная из всех мне известных, по статистическому ожиданию должна вот-вот кончиться.

Марвин смешался, а это ощущение непривычно для марсианского тела. Он спросил:

– А что, если полоса все же не кончится?

– Не будьте суеверным, – ответил сыщик. – Теория вероятностей на нашей стороне; в этом вы убедитесь даже при самом поверхностном анализе создавшегося положения. Я завалил сто пятьдесят семь дел подряд. Ваше сто пятьдесят восьмое. На что бы вы поставили, если бы были заядлым спорщиком?

– На то, что и дальше будет так продолжаться, – сказал Мар-вин.

– Я тоже, – признался сыщик с виноватой улыбкой. – Но тогда, заключая пари, мы исходили бы из эмоций, а не из разумного расчета. – Урдорф мечтательно поднял глаза к потолку. – Сто пятьдесят восемь неудач! Фантастическая цифра! Такая полоса неминуемо должна кончиться! Скорее всего я теперь могу сидеть у себя в кабинете сложа руки, а преступник сам найдет ко мне дорогу.

– Да, сэр, – вежливо согласился Марвин. – Но вы, надеюсь, не станете пробовать именно такой метод.

– Да нет, – сказал Урдорф. – Его я испробовал в деле номер сто пятьдесят шесть. Нет, ваше дело я буду расследовать активно. Тем более что здесь налицо преступление сексуальное, а такие вещи меня особенно интересуют.

– Извините? – пролепетал Марвин.

– Вам совершенно не в чем извиняться, – заверил его сыщик. – Не следует испытывать чувство неловкости или вины только оттого,

что вы стали жертвой сексуального преступления, пусть даже народная мудрость многих цивилизаций считает, будто в таких случаях на жертву ложится позорное пятно, исходя из презумпции ее сознательного или подсознательного соучастия.

– Нет, нет, я не извинялся, – сказал Марвин. – Я просто...

– Вполне понимаю, – прервал его сыщик. – Но не стыдитесь, расскажите мне самые чудовищные, омерзительные подробности. Считайте меня безликой официальной инстанцией, а не разумным существом с половыми признаками, страхами, желаниями, вывихами, поползновениями...

– Я все пытаюсь вам втолковать, – сказал Марвин, – что сексуальное преступление здесь ни при чем.

– Все так говорят, – задумчиво произнес сыщик. – Поразительно, до чего неохотно приемлет неприемлемое человеческий разум.

– Вот что, – сказал Марвин, – если бы вы дали себе труд ознакомиться с фактами, то заметили бы, что речь идет о наглом мошенничестве. Мотивы преступления – деньги и самоувековечение.

– Это-то я знаю, – ответил сыщик. – И если бы не процессы сублимации, так бы мы и считали.

– Какими же еще мотивами мог руководствоваться преступник?

– Самыми очевидными, – сказал Урдорф. – Классический синдром. Видите ли, этот малый действовал под влиянием особого импульса, который принято обозначать особым термином. Преступление совершено в тяжелом состоянии давнего проективного нарциссова комплекса.

– Не понимаю, – пробормотал Марвин.

– С таким явлением малоосведомленные люди, как привило, не сталкиваются, – утешил его сыщик. – А что это значит?

– Я не могу углубляться в дебри этиологии. А если вкратце, то синдром вызывает смещение себялюбия. Попросту говоря, больной влюбляется в другого, но не как в другого. Скорее он влюбляется в другого, как в самого себя.

– Ладно, – смирился Марвин. – Поможет это нам найти того, кто украл у меня тело?

– Вообще-то нет, – сказал сыщик. – Но это нам поможет его понять.

– Когда вы приступите? – спросил Марвин.

– А я уже приступил, – ответил сыщик. – Пошлю, конечно, за судебными протоколами и прочими документами, относящимися к делу, запрошу дополнительную информацию у соответствующих органов других планет. Я не пожалею сил, а если будет нужно или полезно – отправлюсь на край вселенной. Это преступление я раскрою!

– Рад, что вы так настроены, – заметил Марвин.

– Сто пятьдесят восемь дел подряд, – размышлял Урдорф вслух. – Слыханная ли штука – такая полоса неудач? Но теперь она кончится. Я хочу сказать, не может же она тянуться до бесконечности, правда?

– Наверное, не может, – согласился Марвин.

– Хорошо бы мое начальство тоже встало на эту точку зрения, – хмуро сказал сыщик. – Хорошо бы оно перестало называть меня недотепой. Такие словечки, да насмешки, да поднятые брови – все это кого угодно лишит уверенности в себе. На мое счастье, я отличаюсь несгибаемой волей и полнейшей уверенностью в самом себе. По крайней мере так было еще после первых девяноста неудач.

На несколько секунд сыщик тяжело задумался, потом сказал Марвину:

– Надеюсь, вы окажете мне всяческую помощь и поддержку.

– Рад стараться, – ответил Марвин. – Беда только в том, что не более чем через шесть часов меня лишат тела.

– Чертовски досадно, – рассеянно произнес Урдорф. Он явно погрузился уже в мысли о следствии и лишь с трудом заставил себя вновь уделить внимание Марвину. – Лишат, вот как? Надо полагать, вы приняли меры? Нет? Ну, тогда, надо полагать, вы еще примете меры.

– Не знаю, какие меры тут можно принять, – угрюмо ответил Марвин.

– Ну, об этом не стоит пререкаться, – сказал сыщик подчеркнуто бодрым голосом. – Найдите где-нибудь другое тело, а главное – оставайтесь в живых! Обещайте мне сделать все от вас зависящее, чтобы остаться в живых.

– Обещаю, – сказал Марвин.

– А я буду продолжать расследование и свяжусь с вами, как

только смогу что-нибудь сообщить.

– Но как вы меня отыщете? – спросил Марвин. – Я ведь не знаю, в каком буду теле и даже на какой планете.

– Вы забываете, что я сыщик, – с бледной улыбкой ответил Урдорф. – Пусть мне нелегко отыскивать преступников, зато уж жертв я всегда отыскиваю без малейшего затруднения. Так что выше голову, не допускайте, чтобы у вас душа уходила в пятки, а главное, помните: останьтесь в живых!

Марвин согласился остаться в живых, тем более что на этом строились все его планы. И вышел на улицу, сознавая, что драгоценное время истекает, а своего тела у него по-прежнему нет.

Глава 7

Заметка в «Марс-Солнце-Ньюз» (печатный орган трех планет):

СКАНДАЛ ВОКРУГ ОБМЕНА

Сегодня полиции Марса и Земли стало известно о скандале, разыгравшемся в связи с Обменом Разумов. Разыскивается некий Зе Краггаш (неизвестно, с какой планеты), который, как утверждают, продал, обменял или по иным обязательствам ссудил свое тело двенадцати лицам одновременно. На арест Краггаша выданы ордера, и полиция трех планет не сомневается, что вскоре преступник будет задержан. Дело напоминает знаменитый скандал с «Двухголовым Эдди» в начале 90-х годов, когда...

Марвин Флинн уронил газету в канаву. Он смотрел, как жидкий песок уносил ее прочь; горькая эфемерность печатного слова казалась символом весьма условного существования самого Марвина. Он стал пристально разглядывать свои руки; голова у него поникла.

– Полно, полно, что у тебя стряслось, а, приятель?

Флинн увидел перед собой добродушное, иссиня-зеленое лицо эрланина.

– Беда у меня, – сказал Флинн.

– Что ж, послушаем, какая именно, – сказал эрланин и свернулся клубком на тротуаре рядом с Флинном.

Как и у всех его компатриотов, у эрланина активное сочувствие сочеталось с бесцеремонностью. Известно, что эрлане – народ

грубый, остроумный, склонный к веселому, беззлобному подтруниванию и безыскусным прибауткам. Непревзойденные путешественники и торговцы, эрлане с Эрлана-2 по заветам своей религии имели право путешествовать только in corpore[11].

Марвин поведал свою историю вплоть до того злополучного мимолетного мгновения, которое именуется «сейчас»; того жестокого и неумолимого «сейчас», того ненасытного «сейчас», что пожирало его скудный запас минут и секунд, приближая время, когда истекут контрольные шесть часов и Марвина, лишенного тела, бросят в неведомую галактику, прозванную людьми «смерть».

– Ух ты! – сказал эрланин. – Ты случайно не жалеешь ли себя?

– Конечно, черт побери, я-то себя жалею, – вспылил Флинн. – Я пожалел бы любого, если он должен умереть через шесть часов. Почему же мне не жалеть самого себя?

– Ставь кастрюлю, как тебе удобней, повар, – ответил эрланин. – Кое-кто обозвал бы это дурным тоном и прочей дребеденью, но я-то стою за учение Гуажуа, а он сказал: «Вблизи тебя гнусавит смерть? Раскровяни ей нос!» Марвин уважал всякую религию и, уж конечно, не питал предрассудков, относительно широко, распространенной секты, антимелодистов. Однако для него оставалось неясным, чем ему помогут слова Гуажуа; так он и заявил.

– Бодрись, – посоветовал эрланин. – При тебе еще остались твои мозги и твои шесть часов, так ведь?

– Пять.

– Вот видишь! Встань-ка на задние лапы и докажи, что ты не размазня, ладно, горячка? Оттого, что ты здесь бродишь, точно беглый каторжник, толку ведь не будет, верно?

– Да, навряд ли, – сказал Марвин. – А с другой стороны, что делать? Своего тела у меня нет, а чужие дороги.

– Увы, твоя правда. Не приходила ли тебе в голову мысль о Свободном Рынке? А?

– Это же, наверное, опасно, – возразил Марвин и вспыхнул при мысли о том, как нелепы его слова.

Эрланин широко ухмыльнулся.

– Дошло, парень? Но, послушай, все не так скверно, как кажется, только возьми тоном выше. Не так уж страшен Свободный Рынок;

[11] Здесь: «в собственном теле», то есть собственной персоной (лат.)

плетут о нем всякие небылицы, в основном это делают крупные агентства по обмену, они желают сохранить свои взвинченные капиталистические цены. Но знаю я одного малого, он там двадцать лет крутится на краткосрочных сделках, так он говорит, почти все ребята исключительно честные. Так что голову выше, нагрудник не теряй, выбери себе хорошего посредника. Счастливо, малый!

– Постойте! – вскричал Флинн, видя, что эрланин поднялся на ноги. – Как зовут вашего приятеля?

– Джеймс Праведник Мак-Хоннери, – ответил эрланин. – Это тертый, стреляный, тупой, мелкий прохвост, чересчур любит спелый виноград и слишком буен во хмелю. Но играет он некраплеными картами, обслуживает без подвоха, а большего ты ведь не станешь требовать даже от самого святого Кзала. Скажи только, что тебя рекомендует Пенгл-Порох, и желаю тебе удачи.

Флинн горячо поблагодарил Пороха, к смущению этого неотесанного, но мягкосердечного джентльмена. Затем встал и зашагал сперва медленно, потом все быстрее по направлению к Кузину, в северо-западной части которого размещались киоски и открытые ларьки Свободного Рынка. В венах ожидания, только что близких к максимальной энтропии, скромно, но твердо забился пульс надежды.

А рядом в канаве песчаный поток уносил обрывки газет в вечную и таинственную пустыню.

– Э-гей! Э-гей! Новые тела за старые! Приходите, обслужим – новые тела за старые!

Марвин весь задрожал, услышав старинный уличный крик, сам по себе невинный, но вызывающий реминисценции из мрачных готических рассказов. Он нерешительно углубился в запутанный лабиринт дворов и тупиков, из которых и состоял древний район Свободного Рынка. Пока он шел, ему прожужжали уши не менее чем двенадцатью громкими предложениями.

– Нужны сборщики урожая на поля Дрохеды! Предоставляем вполне исправное тело с телепатическими способностями! На всем готовом, пятьдесят кредитов в месяц, и, главное, удовольствия по классу В-3! Сегодня мы заключаем особо льготные двухгодичные контракты! Приезжайте собирать урожай на прекрасную Дрохеду!

– Вербуйтесь в армию на Нейгуин! В наличии двадцать

сержантских тел и несколько штук сортом повыше, в чине младших офицеров. Все тела прошли курс военной подготовки!

– А платить-то сколько будут? – спросил какой-то человек у продавца.

– Полное обеспечение и один кредит в месяц.

Человек фыркнул и отвернулся.

– И, – повысил голос зазывала, – неограниченное право грабежа и мародерства.

– Ну, это хоть на что-то похоже, – проворчал человек. – Но вот уже десять лет как Нейгуин терпит в этой войне поражение. Потери большие, а телесная часть войска не пополняется.

– Мы все это коренным образом изменяем, – сказал продавец. – Вы, видно, опытный покупатель?

– Верно, – ответил человек. – Я Шон фон Ардин, побывал почти во всех крупных войнах Галактики, не считая мелких передряг.

– Последнее воинское звание?

– Джевальдер армии графа Ганимедского, – отчеканил фон Ардин. – А перед тем был в чине Полного Кфузиса.

– Ишь ты, – продавец был явно ошеломлен. – Полный Кфузис, вот как? И документы сохранили? Ладно, тогда мы вот что сделаем. Предлагаю вам на Нейгуине должность манатея второго класса.

Фон Ардин, хмуря брови, принялся подсчитывать на пальцах.

– Дайте сообразить. Манатей второго класса соответствует циклопскому полудолу, а это чуть выше, чем король знамени на Анакзорее и почти на ползвания ниже дорианского Старика. Значит… Э, да если я завербуюсь, то это для меня сильное понижение в чине!

– Да, но вы не выслушали до конца, – продолжал продавец. – В этом чине вы пробудете в течение двадцатипятидневного испытательного срока, чтобы доказать Чистоту Намерений, – о ней очень заботятся политические лидеры Нейгуина. А потом мы вас сразу повысим на три звания, сделаем меланрамом-супериором, а это даст вам реальную надежду стать временным мечом-джумбайя, и, может быть, даже (я ничего не обещаю, но думаю, что неофициально мы это состряпаем), может быть, я вам устрою должность грабежмейстера, когда будут делить добычу под Эридсвургом.

– Что ж, – фон Ардин был под впечатлением обещаний, как ни пытался устоять, – сделка довольно выгодная... – если вы беретесь ее протолкнуть.

– Пройдемте в помещение, – сказал продавец. – Я позвоню по телефону.

А Марвин все шагал и слушал, как представители доброй дюжины рас препираются с продавцами – представителями другой дюжины рас. Марвину все уши прожужжали сотнями призывов. От оживленности рынка у Марвина поднялось настроение. А услышанные им варианты, хоть порой и отпугивающие, в массе своей были завлекательны:

– Нужен афидмен на пасеку Сенфиса! Хорошая плата, отзывчивая дружба.

– Требуется переписчик для работы над Грязной Книгой Ковенджин! Должен телепатически воспринимать сексуальные побуждения медридарианской расы!

– Ищем садовников-планировщиков на Арктур! Приезжайте на отдых к единственной в Галактике расе разумных овощей!

– Нужен опытный кандальщик на Вегу-4! Пригодятся также полуквалифицированные удержатели! Неограниченные привилегии!

Как много перспектив открывает Галактика! Марвину показалось, что его несчастье на самом деле не несчастье, а замаскированная удача. Он всегда стремился путешествовать... но раньше из скромности позволял себе лишь жалкую роль туриста. Насколько же лучше, насколько плодотворнее путешествовать с ясной целью! Служить в армиях Нейгуина, изведать жизнь афидмена, узнать, каково быть кандальщиком... И даже переписывать Грязную Книгу Ковенджин.

Прямо перед собой он заметил табличку «Джеймс Праведник Мак-Хоннери, маклер по краткосрочным сделкам, с разрешения властей. Успех гарантируется».

За прилавком, скрытый по пояс, стоял и курил сигару ладный, видавший виды, надутый коротышка с пронзительными кобальтово-синими глазами. Это и был, судя по всему, Мак-Хоннери собственной персоной.

Молчаливый и высокомерный, не унижающийся до трепотни,

коротышка стоял сложа руки, пока Флинн подходил к его ларьку.

Глава 8

Они очутились лицом к лицу – Марвин с разинутым ртом, Мак-Хоннери со стиснутыми зубами. Несколько секунд прошли в молчании. Затем Мак-Хоннери сказал:

– Слушай, малыш, тут тебе не какая-нибудь занюханная ярмарка, и я тебе не какой-нибудь занюханный урод. Если хочешь что-то сказать, выкладывай. Не хочешь – ступай своей дорогой, пока я тебе хребет не переломал.

Марвин сразу понял, что этот человек не из породы угодливых, медоточивых торговцев телами. В скрипучем голосе не было и тени подобострастия, в очертаниях искривленных губ – ни признака заискивания. Этот человек говорил то, что думал, и не заботился о последствиях.

– Я... я клиент, – выдавил из себя Флинн.

– Повезло же мне, – съязвил Мак-Хоннери. – Прикажешь теперь кувыркаться от радости, что ли?

Его ядовитая реплика и хамоватые манеры знающего себе цену человека вселили во Флинна доверие. Он, конечно, знал, что внешность обманчива, но ему никто никогда не сообщал, как еще можно судить о людях, если не по внешности. Он склонен был отдать себя на милость этого гордого и озлобленного человека.

– Через час-другой меня лишат вот этого тела, – объяснил Марвин. Поскольку мое собственное украдено, мне позарез нужно какое-нибудь взамен. Денег у меня очень мало, но я... я на все согласен и готов работать.

Мак-Хоннери вытаращил глаза, и его сжатые губы искривились в язвительной усмешке.

– Готов работать, вот оно что? Как мило! И кем же ты готов работать?

– Да кем угодно.

– Вот как? А ты умеешь работать на монткальмском металлорежущем станке со светочувствительным пультом и ручным отбором брака? Нет? Думаешь, справишься с экспресс-сепаратором частиц, работая на заводах компании «Новые Редкоземельные

Элементы»? Не по твоей части, а? Есть у меня заказчик, он хирург на Веге, ему нужен подручный, чтоб управлять стимулятором нервных импульсов – старая модель с двумя педалями. Не совсем то, что ты имел в виду? Далее, есть у нас заказ с Потемкина-два, там нужен исполнитель на коленной чашке, а ресторан в районе Бутса просит прислать повара, чтоб готовил дежурные блюда и знал кухню Кфензиса. Ни уму, ни сердцу? Может, тебе подойдет собирать цветы на Мориглии; правда, там надо предвидеть антезис с разбросом не более пяти секунд. Или ты мог бы наняться точечной сваркой плоти, если у тебя нервы крепкие, или контролировать восстановление филопозов, или... Но, по-моему, ничто из перечисленного тебя не трогает, а?

Флинн покачал головой и буркнул:

– Ни в одной из этих работ я ничего не смыслю.

– Почему-то меня это вовсе не так удивляет, как ты думаешь, – сказал Мак-Хоннери. – А хоть что-нибудь ты умеешь?

– Да вот я в колледже изучал...

– К чертовой матери автобиографию! Меня интересует твое ремесло, талант, профессия, способность, искусство, называй как хочешь. Конкретно, что ты умеешь делать?

– Собственно, – сказал Марвин, – если уж вопрос стоит таким образом, то я, наверное, ничего особенного не умею.

– Знаю, – вздохнул Мак-Хоннери. Ты неквалифицированный. У тебя это прямо на лбу написано. Малыш, может быть, тебе будет интересно узнать, что неквалифицированных разумов везде как собак нерезаных. Рынок ими затоварен, вселенная забита – по швам трещит. Все, что ты сделаешь, машина сделает лучше, быстрее и куда охотнее.

– Очень жаль, сэр, – с достоинством, хоть и грустно, ответил Марвин и собрался уходить.

– Минутку, – сказал Мак-Хоннери. – Если не ошибаюсь, ты искал работу.

– Но вы же сами говорили...

– Я говорил, что ты неквалифицирован, да так оно и есть, и я говорил, что машина все делает лучше, быстрее и гораздо охотнее, но никоим образом не дешевле.

– Ага! – сказал Марвин.

– Да-с, что касается дешевизны, то ты еще дашь автоматике очко вперед. А в наш век, в наши дни это огромное достижение.

– Ну что ж, это все-таки утешительно, – с сомнением произнес Флинн. – И конечно, очень интересно. Но когда Пенгл-Порох посоветовал мне обратиться к вам, я думал...

– Стой, что такое? – встрепенулся Мак-Хоннери. – Ты друг Пороха?

– Считайте, что так, – ответил Флинн, избегая грубой лжи.

– Так бы говорил с самого начала, – сказал Мак-Хоннери. – Не то чтоб от этого многое изменилось – ведь факты именно таковы, как я их излагаю. Но я бы тебе объяснил, что быть неквалифицированным не зазорно. Проклятье, ведь все мы так начинаем, разве нет? Если тебе повезет с контрактом на краткосрочную сделку, ты и глазом моргнуть не успеешь, как обучишься всяким ремеслам.

– Надеюсь, что так, сэр. – Теперь, когда Мак-Хоннери стал приветлив, Флинн насторожился. – У вас есть на примете какая-нибудь работенка?

– Вообще-то да, – сказал Мак-Хоннери. – Это всего недельная перекидка, а уж неделю можно вытерпеть на любой работе, даже если выполняешь ее, стоя на голове. Тебе-то это не грозит, работа приятная и сходная, на чистом воздухе, мозги напрягать особенно не требуется, хорошие рабочие условия, просвещенное руководство и конгениальная рабочая сила.

– Звучит заманчиво, – сказал Флинн. – А в чем здесь подвох?

– В том, что не такая это должность, где можно разбогатеть, – ответил Мак-Хоннери. Откровенно говоря, платят хреново. Но какого черта, нельзя же все сразу.

– А что за должность? – спросил Марвин.

– Официально он называется «индигатор уфики, второго класса».

– Звучит внушительно.

– Рад, что тебе нравится. Это значит, что ты должен охотиться за яйцами.

– За яйцами?

– За яйцами. Или, если подробнее, ты должен искать, а когда найдешь, то подбирать яйца грача-ганзера. Думаешь, справишься?

– Я, собственно, хотел бы побольше разузнать о технике

собирания, а заодно об условиях работы и...

Он остановился на полуслове, ибо Мак-Хоннери медленно, печально помотал головой.

– Тебе нужна работа?

– Есть у вас что-нибудь другое?

– Нет.

– Беру.

– Умное решение – сказал Мак-Хоннери. Он вынул из кармана какую-то бумагу. – Вот стандартный, одобренный правительством контракт на кроумельдском языке, который считается официальным языком планеты Мельд-два, куда приписана нанимающая тебя фирма. Умеешь читать по-кроумельдски?

– К сожалению, нет.

– Ну, текст стандартный... Фирма не несет ответственности за пожар, землетрясение, атомную войну, превращение солнца в сверхновую звезду, стихийные бедствия... Фирма согласна тебя нанять... снабдить мельдским телом... за исключением случаев, когда окажется не в состоянии, в каковых случаях не обязана... и да помилует бог твою душу.

– Как, как? Повторите, – попросил Флинн.

– Последняя фраза – просто стандартный оборот речи. Дай сообразить, по-моему, это все. Ты, конечно, обязуешься не совершать актов вредительства, шпионажа, непочтительности, неповиновения и так далее, а также всячески избегать и сторониться половых извращений, перечисленных у Гофмейера в «Стандартном справочнике мельдских извращений». Кроме того, ты обязуешься умываться раз в двое суток, не влезать в долги, не превращаться в алкоголика, не сходить с ума. Ну, тут еще всякие обязательства, против которых не станет возражать ни один здравомыслящий человек. Вот, пожалуй, и все. Если у тебя есть деловые вопросы, я постараюсь на них ответить.

– Да, вот, – сказал Флинн, – насчет всех этих обязательств...

– Это неважно, – отмахнулся Мак-Хоннери. – Нужна тебе работа или нет?

У Марвина были кое-какие сомнения.

Но не успел он опомниться, как оказался в мельдском теле, на Мельде.

Глава 9

Дождевой лес ганзеров на Мельде был дремуч и обширен. Среди исполинских деревьев проносился легчайший шепот ветерка, вернее, тень его; он протискивался сквозь переплетения лиан и, словно сломав хребет, проползал по крючковатой траве. Капли воды с мучительным трудом соскальзывали вниз по спутанной листве, как заблудившиеся в лабиринте, в изнеможении присевшие отдохнуть на губчатой и равнодушной почве. Тени смешивались и плясали, бледнели и вновь появлялись, приведенные в мнимое движение двумя усталыми солнцами в небе цвета зеленоватой плесени. Над головой безутешный ферентол свистом подзывал подругу, но в ответ слышал только частый зловещий кашель хищного царь-прыгуна.

И по этой-то скорбной местности, так томительно похожей на Землю и так от нее отличной, бродил Марвин Флинн в непривычном мельдском теле, упорно глядя себе под ноги, – искал яйца ганзеров, не зная толком, на что они похожи.

Все произошло стремительно. С того мига, как он прибыл на Мельд, у него не было времени оглядеться. Едва его воплотили, как кто-то уже повелительно орал у него над ухом.

Флинн только-только успел торопливо осмотреть свое четверорукое, четвероногое тело, для пробы вильнул единственным хвостом и перекинул уши за спину, как его тотчас же, словно скотину, загнали в рабочую бригаду, сообщили ему номер барака и местонахождение столовой, вручили джемпер (на два размера больше, чем нужно) и башмаки (которые пришлись почти впору, если не считать того, что левый чуть-чуть жал). Флинн расписался в получении и принял набор инструментов, необходимых для новой профессии: большой синтетический мешок, темные очки, компас, сеть, щипцы, тяжелый металлический треножник и бластер.

Его и других рабочих выстроили рядами, их в спешке проинструктировал менеджер – усталый и надменный атреянин.

Флинн узнал, что его новая родина занимает ничтожную часть пространства вблизи Альдебарана. Мельд – планета, прямо скажем, второсортная. По шкале климатических допусков Хэрлихэна Чанза ее климат классифицируется как «невыносимый», потенциальные

природные ресурсы считаются «ниже минимальной нормы», а коэффициент эстетического резонанса (не измеренный) объявлен «невдохновляющим».

– Не такое место, – сказал менеджер, – которое стоило бы выбрать для отпуска, да и вообще для чего бы то ни было.

Слушатели нервно захихикали.

– Тем не менее, – продолжал менеджер, – этот неприветливый и непривечаемый мир, это галактическое недоразумение, эту космическую посредственность обитатели считают своей родиной и прекраснейшей планетой во вселенной.

Мельдяне, неистово гордясь единственной своей реальной ценностью, делают хорошую мину при плохой жизни. С мужественной решимостью вечных неудачников они возделывают опушки дождевого леса, а в необъятных пылающих пустынях добывают бедные руды с жалким содержанием металла. Их упорную настойчивость можно было ставить в пример, если бы она не приводила к неизменному краху.

И сказал менеджер:

– Вот чем был Мельд, если бы не еще один факт. Яйца ганзеров! Ни на одной планете их нет, и ни одна планета не нуждается в них так сильно.

Яйца ганзеров – единственный предмет экспорта с планеты Мельд. К счастью для мельдян, эти яйца повсюду пользуются бешеным спросом. На Оришаде яйца ганзеров служат любовными амулетами; на Офиухе-2 их мелют и едят как непревзойденный стимулятор любовного желания; на Моришаде после освящения они становятся предметом культа у безрассудных К'тенги.

Итак, яйца ганзеров – жизненно важный природный ресурс, к тому же единственный на Мельде. Благодаря им мельдяне удерживаются на определенной ступени цивилизации. Без них раса неминуемо пришла бы в упадок.

Чтобы заполучить яйцо ганзера, надо всего-навсего нагнуться и поднять его. Но тут-то и кроются некоторые трудности, ибо ганзеры категорически сопротивляются такой практике.

Ганзеры, обитатели лесов, ведут происхождение от древних ящеров. Они свирепы, искусно прячутся, коварны, жестоки и совершенно не поддаются приручению. Все эти качества делают

сбор яиц ганзеров занятием крайне опасным.

– Создалось любопытное положение, – отметил менеджер, – не лишенное парадоксальности. Основной источник жизни на Мельде есть в то же время и основная причина смертности. Это послужит вам пищей для размышлений, когда начнете свой рабочий день.

Запомните же мои слова: берегите себя, будьте все время начеку, семь раз отмерьте – один отрежьте, сделайте все возможное, чтобы сохранить свои связанные договором жизни, не говоря уже о дорогостоящих телах, выданных вам в пользование. Но, кроме того, не забывайте о норме – если вы недовыполните дневную норму хотя бы на одно-единственное яйцо, то за этот день вам будет начислена целая штрафная неделя. Желаю успеха, ребята!

Тут Марвина и остальных рабочих опять выстроили рядами и без проволочек отвели в лес.

Через час достигли поисковой зоны. Марвин Флинн воспользовался случаем попросить у десятника инструкций.

– Инструкций? – переспросил десятник. – Какой вид, какой род?

Он был переселенцем с Оринафы и не мог похвастать лингвистическими способностями.

– В смысле, что я должен делать? – уточнил Флинн.

Десятник долго обдумывал вопрос и, наконец, отреагировал:

– Ты должен собирать яйца ганзер.

У него получилось «ганьсер».

– Это-то понятно, – сказал Флинн. – Я о другом спрашиваю: я ведь даже не знаю, на что похоже яйцо ганзера.

– Не волновайтесь, – ответил десятник. – Ты знай, когда увидеть без ошибка, да.

– Есть, сэр, – выпалил Марвин. А если я найду яйцо ганзера, то существуют ли особые правила насчет того, как с ними обращаться? Например, чтобы нечаянно не разбить...

– Обращаться, – сказал десятник, – ты поднимай яйцо, клай в мешок. Ты понимай такая вещи, да или нет?

– Конечно, понимаю, – заверил Марвин. – Но я еще хотел бы выяснить, велика ли дневная норма. Как подсчитывается выработка, по часам? Перерыв на обед не в счет?

– А! – сказал десятник, и с его широкого добродушного лица исчезло недоуменное выражение. – Наконец это так. Ты поднимай

яйцо ганзер, клай в мешок, ясно?

– Ясно, – без запинки ответил Марвин.

– Ты делай так каждый раз, пока мешок не наполняться. Уловил?

– По-моему, да, – ответил Марвин. – Полный мешок соответствует действительной или идеальной норме. Дайте-ка, я повторю еще раз все этапы, чтобы действовать наверняка. Сначала я устанавливаю местопребывание яиц ганзера, пользуясь земными эквивалентами этого понятия и, надо полагать, не испытывая трудностей при опознании. Затем, обнаружив и опознав объект поисков, я приступаю к процессу, именуемому «класть яйцо в мешок», под чем подразумевается...

– Один минута, – десятник постучал себя хвостом по зубам и спросил: – Ты меня разыгрывай, малыш?

– Помилуйте, сэр, я хотел только удостовериться...

– Ты шутки шутить, на деревенщина, со старый планета Оринафа. Ты думать, ты такой ловкий. Ты не такой ловкий. Никто не любить чересчур большой умник.

– Прошу прощения, – сказал Флинн, почтительно виляя хвостом.

– Так или иначе, я мне казайся, ты усвоить элементарные начатки работа очень хорошо, так что иди теперь выполняй работа-труд как следует. Держать греха подальше. Иначе я перебить тебе шесть и более конечности, усекаешь?

– Усекаю.

Флинн повернулся через правое плечо и галопом припустил в лес, где начал поиски.

Глава 10

Марвин Флинн бесшумно несся по лесу; ноздри его трепетали, глаза вращались и выпячивались, увеличивая поле зрения. Золотистая шкура, слегка надушенная апписфиамом, нервно подрагивала – так играли под нею мышцы, с виду расслабленные, на самом деле безукоризненно слаженные.

Лес развертывал перед зрителем симфонию зеленых и серых тонов, где время от времени возникала алая тема ползучих растений, или пурпурные фанфары кустарника лилибабы, или, еще реже, выведенный гобоем лейтмотив второй темы – оранжевого

хлысткинжала. Общий же эффект был мрачен и наводил на печальные раздумья, как просторный городской парк в тихий час перед рассветом.

Но что это? Вон там! Чуть левее! Да, да, как раз под деревом бокку! Это не... Не может быть!

Правыми руками Флинн разгреб листья и низко наклонился. Там, в гнезде, свитом из травы и веточек, он увидел нечто такое, что сверкало наподобие страусиного яйца, изукрашенного драгоценными камнями.

Десятник не солгал. Яйцо ганзера ни с чем невозможно спутать.

На выпуклой радужной поверхности ярко горели мириады волшебных костров. Исчезая и возвращаясь наподобие полузабытых снов, пробегали тени. В душе Марвина всколыхнулось ощущение сумерек, вечернего звона, медлительного стада, пасущегося у прозрачного ручья, под сенью пыльных безутешных кипарисов. Как ни противилось этому все его естество, Марвин совсем низко нагнулся и протянул руку. Ладонь его любовно сомкнулась на пылающем сфероиде.

Он быстро отдернул руку. Пылающий сфероид обжигал адским огнем. Марвин посмотрел на него с еще большим уважением. Теперь он понял назначение выданных ему щипцов. Этими щипцами он осторожно обхватил сказочный сфероид.

Сказочный сфероид отскочил, как резиновый мяч. Марвин ринулся за ним, на бегу бестолково размахивая сетью. Яйцо ганзера увернулось, рикошетировало и молнией метнулось в густые заросли.

Марвин отчаянно взмахнул сетью, и руку его направила сама фортуна. Яйцо ганзера попалось в сеть.

Оно лежало неподвижно, пульсируя, словно переводя дух. Марвин с осторожностью приблизился – он ожидал любой каверзы.

И тут яйцо ганзера заговорило.

– Слушай-ка, мистер, – сказало оно сдавленным голосом, – что это на тебя нашло?

– Как, как – переспросил Марвин.

– Слушай, – сказало яйцо ганзера. – Я себе сижу в общественном парке, никого не трогаю, вдруг здрасьте – ты набрасываешься на меня, как ненормальный, всего исцарапал и вообще ведешь себя как псих. Ну, я, естественно, разгорячился. А кто бы не разгорячился?

Вот я и решил отойти подальше, ведь у меня сегодня выходной и мне скандалы ни к чему. И здрасьте – ты накидываешь на меня сеть, будто я тебе какая-то паршивая бабочка. Вот я и спрашиваю: что на тебя нашло?

– Видишь ли, – ответил Марвин, – ты ведь яйцо ганзера.

– Это мне известно, – сказало яйцо ганзера. – Я яйцо ганзера, факт. А что, теперь так, ни с того ни с сего это запрещается законом?

– Конечно, нет, – ответил Марвин. – Но дело в том, что я как раз охочусь за яйцами ганзеров. Последовала недолгая пауза. Затем яйцо ганзера попросило:

– Не откажите в любезности, повторите, пожалуйста.

Марвин повторил. Яйцо ганзера сказало:

– М-да, мне так и послышалось. – И рассмеялось почти беззвучно. – Вы шутите, не правда ли?

– К сожалению, нет.

– Конечно, шутите, – с ноткой отчаяния в голосе настаивало яйцо ганзера. – Ну ладно, повеселились и хватит. Теперь выпустите меня отсюда.

– Извините...

– Выпустите меня!..

– Не могу.

– Почему?

– Потому что я охочусь за яйцами ганзеров. – О господи, – сказало яйцо ганзера. – Большего идиотизма я за всю свою жизнь не слыхало! Мы ведь, по-моему, впервые сталкиваемся, не так ли? Почему же ты за мной охотишься?

– Меня наняли охотиться за яйцами ганзеров, – пояснил Марвин.

– Слушай, парень, ты просто ходишь себе и охотишься за любыми яйцами ганзеров? Тебе безразлично, за какими именно?

– Точно.

– И действительно, не ищешь какое-то определенное яйцо ганзера, которое, чего доброго, сделало тебе гадость?

– Нет, нет, – заверил Марвин. – Я в жизни не встречал ни одного яйца ганзера.

– Ты даже не... И все-таки охотишься... Я, должно быть, схожу с ума. И наверняка ослышалось. Собственно, так просто-напросто не

бывает. Это какой-то чудовищный кошмар... Подходит к тебе помешанный, спокойно, как будто так и надо, хватает тебя в лапы, и, глазом не моргнув, заявляет: «Я вообще-то охочусь за яйцами ганзеров». Собственно... слушай, парень, ты меня разыгрываешь, верно?

Марвин сконфузился раскипятился и возмечтал, чтобы яйцо ганзера заткнулось. Он грубовато сказал:

– Я вовсе не валяю дурака. Моя работа – собирать яйца ганзеров. – Собирать... яйца ганзеров! – простонало яйцо ганзера. – Ах, нет, нет, нет! Боже, не верится, что все это на самом деле, и все же это происходит, на самом деле проис...

– Не распускайся! – прикрикнул Марвин: яйцо ганзера явно готово было впасть в истерику.

– Спасибо, – проговорило яйцо ганзера, помолчав. – Теперь я в норме. Слушай, можно задать тебе один-единственный вопрос?

– Только поживей, – ответил Марвин.

– Я вот что хочу спросить, – сказало яйцо ганзера, – тебе такие дела доставляют удовольствие? Я хочу сказать, ты не склонен ли к извращениям? Только не обижайся.

– Ничего, – ответил Марвин. – Нет, я не склонен к извращениям и, поверь, никакого удовольствия не испытываю. Клянусь, мне самому все это очень неприятно.

– Тебе неприятно! – взвизгнуло яйцо ганзера. – А мне-то, по-твоему, каково? По-твоему, для меня это в порядке вещей, если кто-то подходит, как в кошмарном сне, и «собирает» меня?

– Спокойней, – попросил Марвин.

– Бешеный, – пробормотало яйцо ганзера в сторону. – Абсолютно, совершенно невменяемый. Можно... можно, я оставлю жене записку?

– Некогда, – твердо ответил Марвин.

– Тогда разреши мне хотя бы помолиться.

– Валяй молись, – сказал Марвин. – Только побыстрее закругляйся.

– О, господь бог, – нараспев затянуло яйцо ганзера, – не понимаю, что со мной происходит и почему? Я всегда старался быть хорошим, и хоть церковь посещаю нерегулярно, но ты ведь знаешь, что истинная вера – в сердце верующего. Возможно, порой я

поступаю дурно, не стану отрицать. Но, господь, отчего караешь ты так жестоко? И отчего именно меня? Отчего не другого, настоящего грешника, например закоренелого преступника? Отчего именно меня?

И отчего именно так? Какая-то тварь «собирает» меня, будто я неодушевленная вещь... не понимаю. Но знаю, что ты всеведущ и всемогущ, а еще знаю, что ты добр, и значит, есть к тому причина... хоть я и слишком глуп, чтобы ее разгадать. Слушай, боже, если ты так рассудил, тогда ладно, пусть так и будет. Но ты уж, пожалуйста, позаботься о моей жене и детях. А особенно о младшеньком. Голос у яйца ганзера прервался, но оно тотчас же овладело собой. – Особенно молю тебя о младшем, боже, ведь он хроменький, и другие детишки его обижают, и ему нужно большое... большое участие. Аминь.

Яйцо ганзера подавило рыдание. Голос его мгновенно окреп.

– Теперь я готов, – сказало оно Марвину. – Делай свое грязное дело, паршивец, сукин ты сын.

Но молитва яйца ганзера совершенно выбила Марвина из колеи. На глаза навернулись слезы, щеточки на ногах задрожали, он распутал сеть и выпустил пленника. Яйцо ганзера откатилось совсем недалеко и замерло, явно опасаясь подвоха.

– Ты... ты всерьез? – спросило оно.

– Всерьез, – ответил Марвин. – Я не гожусь для такой работы. Не знаю уж, что со мною сделают там, в лагере, но больше в жизни я не трону ни одного яйца ганзера!

– Благословенно будь имя божие, – тихо проговорило яйцо ганзера. – На своем веку я насмотрелось странных вещей, но, мне кажется, рука провидения...

Изложить свою философскую позицию, известную под названием «софистика вмешательства», яйцу ганзера помешал внезапный зловещий треск в кустах. Марвин стремительно обернулся и вспомнил о том, какими опасностями чревата планета Мельд.

Его предупреждали, а он забыл. Теперь он стал отчаянно нащупывать бластер, а тот, как назло, запутался в сети. Марвин яростно рванул бластер, выдернул его, услышал пронзительный крик яйца ганзера...

Тут его с силой швырнуло оземь. Бластер полетел в кустарник. А Марвин увидел перед собой черные глаза-щели под низким бронированным лбом.

Представлять ему нового знакомца не было никакой нужды. Флинн понял, что наскочил на взрослого, совершеннолетнего мародера-ганзера, и наскочил, пожалуй, в самых скверных обстоятельствах. Слишком явны были улики: вопиющая сеть, недвусмысленные темные очки, обличители-щипцы. И все приближались, норовя сомкнуться у него на шее, острозубые челюсти гигантского ящера, они были уже рядом. Марвин даже различил три золотые коронки и временную фарфоровую пломбу.

Флинн извивался, пытаясь высвободиться. Ганзер прижал его к земле лапой размером с седло для яка; его беспощадные когти, каждый величиной с два ледоруба, безжалостно впились в золотистую шкурку Марвина. Чудовищно зияла слюнявая пасть, надвигалась, готовая заглотнуть голову Марвина целиком...

Глава 11

И вдруг время остановилось! Марвин видел застывшую полуразинутую пасть ганзера, налитый кровью левый глаз, все огромное тело, скованное какой-то странной, непреодолимой инерцией.

Рядом лежало яйцо ганзера, неподвижное, как резная копия самого себя.

Ветерок замер на полпути. Деревья оцепенели в напряженных позах, а мерифейский коршун повис в разгаре полета, точно воздушный змей на веревочке.

Даже солнце остановило свой неутомимый бег!

И в этой необычной живой картине Марвин с замиранием сердца воззрился на единственный движущийся феномен, который возник в воздухе, в трех футах от головы Марвина и чуть левее.

Началось это как пылевой вихрь, набухло, расширилось, утолщилось в основании и сошло на конус в вершине. Вращение стало еще более бешеным, и фигура приобрела четкие контуры.

– Сыщик Урдорф! – вскричал Марвин.

Действительно, это был марсианский сыщик, тот самый, кого

преследовали бесчисленные неудачи, кто обещал Марвину раскрыть преступление и вернуть законное тело.

– Тысяча извинений за то, что врываюсь, не предупредив, – сказал Урдорф, когда материализовался полностью и тяжело плюхнулся наземь.

– Слава богу, что вы здесь! – ответил Марвин. – Вы спасли меня от чрезвычайно неприятной смерти, и если бы вы еще помогли мне скинуть с себя вот эту гадину...

Ведь Марвина все еще пригвождала к земле лапа ганзера, теперь словно налитая высокоуглеродистой сталью. И он никак не мог высвободиться.

– Вы уж извините, – сказал сыщик, вставая с земли и отряхиваясь, – но этого я, к сожалению, сделать не могу.

– Почему?

– Против правил, – объяснил сыщик Урдорф. – Всякое перемещение тел в течение искусственно вызванной остановки времени (а налицо именно она) может повлечь за собой парадокс, а парадоксы запрещены, так как могут привести к сжатию времени, а сжатие времени запросто может вызвать искривление структурных линий в нашем континууме и разрушить вселенную. Поэтому всякое перемещение карается тюремным заключением сроком на один год и штрафом в размере тысячи долларов. – А-а, я этого не знал.

– Да, к сожалению, это так, – сказал сыщик.

– Понимаю, – сказал Марвин.

– Я вот и надеялся, что вы поймете, – сказал сыщик.

Последовало долгое и томительное молчание. Затем Марвин сказал:

– Ну?

– Что вы сказали?

– Я сказал... вернее, хотел сказать, зачем вы сюда явились?

– А-а, – протянул сыщик. – Я решил задать вам несколько вопросов, которые раньше не пришли мне в голову и которые помогут мне оперативно расследовать и раскрыть дело.

– Валяйте, задавайте, – сказал Маркин.

– Благодарю вас. Прежде всего, какой ваш любимый цвет?

– Голубой.

– Но какой именно оттенок? Прошу вас, поточнее.

– Цвета воробьиного яйца.

– Угу. – Сыщик занес это в свой блокнот. – А теперь быстро, не задумываясь, назовите первое попавшееся число.

– 87 792, 3 – без колебаний ответил Марвин.

– Ум-гум.

А теперь, без паузы, укажите название любой эстрадной песенки.

– «Рапсодия орангутанга», – ответил Марвин.

– Угу. Отлично, – сказал Урдорф, захлопнув блокнот. – Кажется, у меня все.

– А какова цель ваших вопросов?

– Располагая данной информацией, я у всех подозреваемых могу выявить остаточные рефлексы. Это часть теста Дулмена на проверку самоличности.

– Вот как, – сказал Марвин. А вообще, как идут дела, удачно?

– Об удаче пока и речи нет, – ответил Урдорф. – Но, смею вас уверить, дело продвигается удовлетворительно. Мы выследили вора на Иораме-2, где он зайцем прятался в грузе быстрозамороженного мяса, отправляемого на Большую Геру. На Гере он выдал себя за беженца с Гаги-2, и это снискало ему немалую популярность. Он умудрился наскрести на проезд до Квантиса – там у него были спрятаны деньги. На Квантисе он, не проведя и дня, взял билет в местный космолет до Автономной Области Пятидесяти Звезд.

– А потом? – спросил Марвин.

– А потом мы временно потеряли его след. Область Пятидесяти Звезд – это четыреста тридцать две планетные системы с общим населением триста миллиардов. Так что, как видите, работка будет славная.

– Безнадежная, судя по вашим словам, – сказал Марвин.

– Как раз наоборот, все складывается на редкость благоприятно. Непосвященные вечно принимают осложнения за сложности. Но интересующего нас преступника не спасет простейшее множество, которое всегда поддается статистическому анализу.

– Что же теперь будет? – спросил Марвин.

– Продолжим наш анализ, затем на основе теории вероятностей сделаем проекцию, пошлем эту проекцию через всю Галактику и посмотрим, не превратится ли она в сверхновую звезду... я, разумеется, выражаюсь метафорически.

– Разумеется, – сказал Марвин. – Вы действительно надеетесь задержать преступника?

– Я нисколько не сомневаюсь в результатах, – ответил сыщик Урдорф. Но следует запастись терпением. Вы должны помнить, что межгалактические преступления – область сравнительно новая, и потому межгалактическое следствие еще новее. Есть много преступлений, где невозможно даже доказать существование преступника, не говоря уж о том, чтобы его разыскать. Так что в некоторых отношениях нам везет.

– Придется, видно, верить вам на слово, – сказал Марвин. – А насчет моего нынешнего положения...

– Именно от такого положения я вас и предостерегал, – строго ответил сыщик. – Прошу вас учесть это на будущее... если умудритесь выбраться живым из нынешней переделки. Желаю успеха, дружище.

Сыщик Урдорф завертелся перед глазами Марвина все быстрее, и быстрее, слился в мелькающий вихрь, померк и исчез.

Время разморозилось.

И Марвин вновь уставился в черные глаза-щели под узким бронированным лбом, увидел, как смыкается чудовищно разинутая пасть, готовая заглотнуть всю его голову целиком...

Глава 12

– Погоди! – заорал Марвин.

– Зачем? – спросил ганзер.

Мотивировки Марвин еще не придумал. Он услышал, как яйцо ганзера пробормотало:

– Пусть испытает на своей шкуре, так ему и надо. А все же он был добр ко мне. С другой стороны, мне-то какое дело? Только высунься, сразу тебе скорлупу надобьют. А все же...

– Я не хочу умирать, – сказал Марвин.

– Я и не думаю, что ты хочешь, – Ответил ганзер отнюдь не враждебным тоном. – И ты, конечно, заведешь словопрения. Затронешь этику... мораль, всякие там проблемы. Боюсь, не выйдет. Нас, видишь ли, специально предупредили, чтобы мы не позволяли мельдянину разговаривать. Велели просто выполнять работу, и вся

недолга; не вносить ничего личного. Просто сделай дело и переходи к следующему. Умственная гигиена, право же. Поэтому, пожалуйста, закрой глаза…

Челюсти стали смыкаться. Но Марвин, осененный нелепой, отчаянной догадкой, воскликнул:

– Ты говоришь – работа?

– Конечно, работа, – сказал ганзер. – В ней нет ничего оскорбительного, я ничего не имею против тебя лично…

Он нахмурился – видимо, рассердился на себя за то, что заговорил.

– Работа! Твоя работа – охотиться за мельдянами, так ведь?

– Само собой. С этой планеты Ганзер, видишь ли, взять нечего, разве что вот охотиться за мельдянами.

– Но зачем за ними охотиться? – спросил Марвин.

– Ну, во-первых, яйцо ганзера достигает зрелости только в плоти взрослого мельдянина.

– Полно, – сказало яйцо ганзера, перекатываясь в смущении, – стоит ли вдаваться в гнусную биологию? Я ведь не распространяюсь о твоих естественных отправлениях, верно?

– А во-вторых, – продолжал ганзер, – у нас единственный предмет экспорта – шкуры мельдян, из которых на Триане-2 делают императорские облачения, на Немо – амулеты, а на Крейслере-30 – чехлы, для стульев. Спрос на неуловимых и опасных мельдян – единственный способ кое-как поддерживать цивилизацию и…

– Мне говорили в точности то же самое! – воскликнул Марвин и быстро повторил слова менеджера.

– Вот те на! – сказал ганзер.

Теперь оба поняли истинное положение вещей: мельдяне целиком зависят от ганзеров, а те, в свою очередь, целиком зависят от мельдян. Обе расы охотятся одна на другую, живут и гибнут одна ради другой и по невежественной злобе не желают признавать между собою ничего общего. Они связаны ярко выраженными отношениями симбиоза, но обе расы полностью игнорируют этот симбиоз. Больше того, каждая утверждает, будто она единственный носитель цивилизации и разума, а другая – скотская, презренная и не в счет.

А теперь обоим пришло в голову, что они в равной степени

входят в общую категорию разумных существ.

Озарение внушило обоим благоговейный ужас, но Марвин все еще был пригвожден к земле тяжелой лапой ганзера.

– Это ставит меня в несколько затруднительное положение, – сказал ганзер чуть погодя. – Естественный мой порыв – отпустить тебя на все четыре стороны. Но я здесь работаю по контракту, а в нем обусловлено...

– Значит, ты не настоящий ганзер?

– Нет. Я обменщик, как и ты, а родом с Земли.

– Моя планета! – вскочил Марвин.

– Я уж и сам догадался, – ответил ганзер. – Ты американец. Скорее всего с восточного побережья, может, из Коннектикута или Вермонта...

– Штат Нью-Йорк! – вскричал Марвин. – Я из Стэнхоупа!

– А я из Саранак-Лейка, – сказал ганзер. – Звать меня Отис Дагобер, мне тридцать семь лет.

С этими словами ганзер убрал лапу с груди Марвина.

– Мы соседи, – тихо произнес он. – Поэтому я не могу тебя убить, точно так же, как ты, я почти уверен, не мог бы убить меня, даже будь у тебя возможность. А теперь, когда мы узнали правду, навряд ли мы сможем продолжать наш страшный труд. Но это печально, потому что, значит, мы нарушили договорную дисциплину, а за ослушание фирма-наниматель произведет с нами окончательный расчет. А уж что это такое, ты и сам знаешь.

Марвин подавленно кивнул. Он знал слишком хорошо. С поникшей головой сидел он в безутешном молчании рядом с новым другом.

– Не вижу выхода, – сказал Марвин, после того как некоторое время обдумывал ситуацию. – Может, спрячемся в лесу на денек-другой? Но нас ведь наверняка разыщут.

Неожиданно вмешалось яйцо ганзера.

– Полно, будет вам, может, все не так безнадежно, как кажется!

– Что ты имеешь в виду? – спросил Марвин.

– Да вот, – сказало яйцо ганзера, покрываясь ямочками от удовольствия, – я считаю, за добро надо платить добром. Правда, я могу влипнуть в неприятнейшую историю... Но какого черта! Я думаю, что помогу вам покинуть планету.

Марвин и Отис рассыпались в благодарностях, но яйцо ганзера сразу предупредило их.

– Не исключено, что вы перестанете благодарить, когда увидите, что вас ждет, – сказало оно зловеще.

– Ничего не может быть хуже, – отозвался Отис.

– Вы еще удивитесь, – напрямик сказало яйцо ганзера. – Вы еще очень и очень удивитесь... Сюда, джентльмены.

– Но куда мы идем? – спросил Марвин.

– Я отведу вас к Отшельнику, – ответило яйцо ганзера и упорно не произносило больше ни слова. Оно решительно покатилось вперед, а Марвин с Отисом двинулись следом.

Глава 13

Шагали они и катились по дикому и буйному дождевому лесу, на каждом шагу ожидая опасности. Но ни одна тварь на них не набросилась, и в конце концов они вышли на лесную поляну.

Там они увидели посреди поляны грубо сколоченную хижину и сидящего перед ней на корточках человека.

– Вот Отшельник, – сказало яйцо ганзера. – Он совсем чокнутый.

У землян не было времени переварить эту информацию. Отшельник встал и воскликнул:

– А ну стоп, постой, остановись! Откройтесь моему разумению!

– Я – Марвин Флинн, – сказал Марвин, – а это мой друг Отис Дагобер. Мы хотим покинуть планету.

Казалось, Отшельник не расслышал; он гладил длинную бороду и задумчиво созерцал кроны деревьев. Низким унылым голосом он произнес:

Пришел тот час, когда навеет скорбь
Крик стаи журавлей, летящей вдаль.
Сова-беглянка минет стороной
Печальный мой приют, лишенный благ,
Что дарит небо, отнимают люди!
Мерцают звезды, молча глядя в окна.
О бегстве королей вещает шумом лес.

– Он говорит, – перевело яйцо ганзера, – что предчувствовал, что

вы придете именно этой дорогой.

– Он что, с приветом? – спросил Отис. – Он так разговаривает...

Отшельник сказал:

Теперь прочти мне вслух!
Не потерплю,
Чтоб ложь змеей вползла
В мой разум, мне измену предвещая!

– Он не желает, чтоб вы шептались, – перевело яйцо ганзера. – Шепот наводит его на подозрения.

– Это-то я и без тебя мог сообразить, – сказал Флинн.

– Ну и сиди голодный, – оскорбилось яйцо ганзера. – Я просто старалось быть полезным.

Отшельник сделал несколько шагов вперед, остановился и сказал:

– Чего тебе здесь, аруун?

Марвин покосился на яйцо ганзера, но оно упорно молчало. Тогда, угадав смысл слов, Марвин ответил:

– Сэр, мы хотим покинуть планету и пришли к вам за помощью.

Отшельник покачал головой и молвил:

Речь варвара!
Паршивая овца и та пристойней блеет!

– На что он намекает? – спросил Марвин.

– Ты такой умный, догадайся сам, – ответило яйцо ганзера.

– Извини, если я тебя чем обидел, – сказал Марвин.

– Ничего, ничего.

– Право же, я раскаиваюсь. Буду очень обязан, если ты нам переведешь.

– Ладно, – сказало яйцо ганзера по-прежнему хмуро. – Он говорит, что не понимает тебя.

– Не понимает? Но я ведь достаточно ясно выражаюсь.

– Не для него, – сказало яйцо ганзера. – Чтобы до него дошло, надо изложить все стихами.

– Я? Никогда в жизни! – воскликнул Марвин с инстинктивной

дрожью отвращения, которое испытывают все разумные земляне мужского пола при мысли о стихах. – Я просто не умею! Отис, может быть, ты…

– Нет уж! – в панике отозвался Отис.

Молчание сгущается.

Теперь пусть муж честной уста свои разверзнет.
Мне оборот событий не по нраву.

– Он начинает злиться, – прокомментировало яйцо ганзера. – Попробуй, попытка не пытка.

– Может, ты ответишь вместо нас, – предложил Отис.

– Я вам не шестерка, – возмутилось яйцо ганзера. – Хотите говорить – говорите сами за себя.

– Единственное, что я помню еще со школьной скамьи, – это «Рубай» Омара Хайям, – произнес Марвин.

– Ну и валяй, – подбодрило его яйцо ганзера.

Марвин подумал-подумал, нервно дернулся и произнес:

Откуда мы грядем? Куда свой путь вершим?
На расу раса ополчилась без причин…
Пришли мы получить совет, поддержку, помощь
Не обращай надежды нашей в дым.

– Размер ломается, – шепнуло яйцо ганзера. – Но для первой попытки недурно.

Отис захихикал, и Марвин стукнул его хвостом.

Отшельник отвечал:

Изложено отменно, чужестранец!
Сверх ожидания, найдешь ты помощь:
Мужчины, невзирая на обличье,
Всегда в беде друг друга выручают.

Уже с меньшей запинкой Марвин произнес:
Везде зеленый рай, куда ни кинешь взгляд.
Заря роскошна, сумрачен закат.

Найдет ли бедный пилигрим спасенье
Там, где у сильного бессильный виноват?

Отшельник сказал:
Зело способен; в тощие года
Худому языку навлечь недолго
Беду на голову злосчастного владельца.

Марвин сказал:
Коль ты мне друг, оставь словесную игру.
И прочь отправь тотчас, иначе я умру.
Мне дела нет, что скажут пустомели,
Бери меня и мной хоть затыкай дыру.

Отшельник сказал:
За мною, господа!
Расправьте плечи!
Мужайтесь!
И пусть надежны будут стремена!

И так, мирно беседуя речитативом, они прошествовали к хижине Отшельника, где увидели прикрытый куском коры запрещенный разумопередатчик древней и диковинной конструкции. Тут Марвин понял, что даже в самом крайнем безумии есть система. Ибо Отшельник не пробыл на этой планете и года, а уже сколотил изрядное состояние, занимаясь контрабандной переброской беглецов на самые захудалые из рынков Галактики.

Неэтично, но как выразился Отшельник:

Пусть вам приспособленье не по нраву
Зачем хулой уста вы осквернили?
Свет истины не меркнет, если даже
Лучи его на вас не пролились.
Мозгами пораскиньте: сколь разумно
Пренебрегать дурным вином в пустыне,
Где губы запекаются от жажды?
Зачем же избавителей своих

Вы судите сурово?
Грех великий
Неблагодарность: кто укусит руку,
Которая разжала смерти хватку?

Прошло не так уж много времени. Найти работу для Отиса Дагобера оказалось совсем нетрудно. Несмотря на все его уверения в противном, в молодом человеке обнаружилась слабая, но многообещающая садистская струна. Поэтому Отшельник переселил его разум в тело ассистента зубного врача на Проденде-IX.

Яйцо ганзера пожелало Марвину всяческих благ и укатилось домой, в лес.

– А теперь, – сказал Отшельник, – займемся тобой. Мне кажется, что если твою психологию проанализировать с предельной объективностью, то в тебе явственно прослеживается тенденция к жертвенности.

– Во мне? – поразился Марвин.

– Да, в тебе, – ответил Отшельник.

– К жертвенности?

– Именно к жертвенности.

– Не уверен, – заявил Марвин. На этой формулировке он остановился из вежливости; в действительности же он был вполне уверен, что Отшельник заблуждается.

– Зато я уверен, – сказал Отшельник. – И без ложной скромности могу сообщить, что опыт подыскания работ у меня побольше твоего.

– Да, наверное. Вы, я вижу, перестали говорить стихами.

– Конечно, – сказал Отшельник. – С какой стати мне продолжать?

– Потому что раньше вы говорили только стихами, – ответил Орвин.

– Но это же совсем другое дело, – сказал Отшельник. – Тогда я был на открытом воздухе. Приходилось защищаться. Теперь я у себя дома и, следовательно, в полной безопасности.

– Неужели на открытом воздухе стихи действительно защищают?

– А как по-твоему? Я на этой планете второй год живу, и второй год на меня охотятся две кровожадные расы, которые убили бы меня

на месте, если б только поймали. А я, как видишь, цел и невредим.

– Что ж, это очень хорошо. Но я не совсем понимаю, какое отношение имеет ваша речь к вашей личной безопасности.

– Черт меня побери, если я сам это понимаю, – сказал Отшельник. – Вообще-то я считаю себя рационалистом, но вынужден признать, хоть и с неохотой, что стихи действуют безотказно. Они помогают, что еще можно добавить?

– А вам не приходило в голову произвести опыт? – спросил Марвин. Я имею в виду, не пробовали вы разговаривать на открытом воздухе прозой? Возможно, что стихи вовсе не обязательны.

– Возможно, – ответил Отшельник. – А если бы ты попробовал прогуляться по океанскому дну, то, возможно, оказалось бы, что и воздух вовсе не обязателен.

– Это не совсем одно и то же, – возразил Марвин.

– Это абсолютно одно и то же, – сказал Отшельник. – Но мы говорили о тебе и твоей склонности приносить себя в жертву. Повторяю, эта склонность открывает перед тобой путь к чрезвычайно увлекательной работе.

– Не интересуюсь, – уперся Марвин. – А еще что у вас есть?

– Больше ничего! – отрезал Отшельник.

По странному стечению обстоятельств в этот миг снаружи, из кустов, донесся невероятный треск и грохот, и Марвин заключил, что за ним гонятся либо мельдяне, либо ганзеры, либо те и другие.

– Работу я принимаю, – сказал Марвин. – Однако вы ошибаетесь.

За Марвином осталось последнее слово, но зато за Отшельником осталось последнее дело. Ибо, наладив свое оборудование и отрегулировав приборы, он замкнул выключатель и отправил Марвина навстречу новой карьере, на планету Цельсий-5.

Глава 14

На Цельсии-5 высшее проявление культуры – дарить и принимать подарки. Отказаться от подарка немыслимо; такой поступок вызывает в любом цельсианине эмоцию, сравнимую разве что с земной боязнью кровосмешения. Как правило, дарение не беда. Большей частью дары «белые» и выражают всевозможные оттенки любви, благодарности, нежности и так далее. Но бывают еще

«серые» дары предупреждения и «черные» дары смерти.

И вот некий выборный чиновник получил от своих избирателей красивое кольцо в нос. В нем обязательно надо красоваться две недели. Великолепная была вещица, только с одним недостатком – она тикала.

Существо другой расы скорее всего закинуло бы это кольцо в ближайшую канаву. Но ни один цельсианин, находясь в здравом уме, этого не сделает. Он даже не отдаст кольцо на проверку. Цельсиане руководствуются правилом: дареному коню в зубы не смотрят. К тому же, просочись хоть слово подозрения, разгорится непоправимый публичный скандал.

Проклятое кольцо надо был таскать в носу целых две недели.

А оно тикало.

Чиновник, которого звали Мардук Крас, обдумывал эту проблему. Он размышлял о своих избирателях, о том, как он им помогал, и о том, как он их давил. Кольцо символизировало предупреждение, это-то было ясно. В лучшем случае – предупреждение, серый дар. В худшем – черный; миниатюрная бомба простейшей конструкции по истечении нескольких томительно-тревожных дней разнесет ему голову.

По природе своей Мардук не был самоубийцей; он знал, что не хочет носить проклятое кольцо. Но он также знал, что обязан носить проклятое кольцо. Итак, он оказался перед классической цельсианской дилеммой.

«Неужели они проделают со мной такое? – спрашивал себя Мардук. Только из-за того, что я перепланировал старый, грязный жилой округ под предприятия тяжелой промышленности и вступил в соглашение с гильдией домовладельцев, обязавшись повысить квартирную плату на 320 процентов взамен их обещания в пятидесятилетий срок, установить, новый водопроводные трубы? Так ведь, боже правый, я никогда и не выдавал себя за совершенство».

Кольцо весело тикало, отсчитывая секунды, щекоча нос и будоража душу. Мардуку вспомнились другие чиновники, которые головами поплатились, получив дары от слабоумных озорников. Да, вполне возможно, что это черный дар.

– Голодранцы тупые! – прорычал Мардук, облегчив душу

ругательством, которого никогда бы не осмелился произнести на публике. Он горько переживал обиду. Работаешь не покладая рук на всяких дряблокожих крючконосых кретинов – и что же получаешь в награду? Бомбу в нос.

Какое-то мгновение его так и подмывало закинуть кольцо в ближайший бак с хлором. Тут бы он их проучил! И ведь был прецедент. Разве святой Вориэг не отверг тотальное подношение трех призраков?

Да... Но по каноническому толкованию подношение призраков было задумано как коварный подкоп под самую сущность Даров и, следовательно, под самые устои общества; ведь, сделав свое тотальное подношение, они исключили возможность каких бы то ни было подарков в будущем.

А кроме того, то, что достойно восхищения в святом Второго Царства, отвратительно во второразрядном чиновнике Десятой Демократии. Святые вольны поступать как им заблагорассудится; простые люди должны поступать так, как положено.

Плечи Мардука поникли. Он облепил ступни горячей целебной грязью, но и это не принесло ему облегчения. Выхода не было. Не может один цельсианин противостоять целому обществу. Придется носить кольцо и ждать того леденящего душу мига, когда тиканье прекратится...

Но постойте! Есть же выход!

Да, да, выход найден! Надо только все организовать как следует; но если получится, то Мардук сохранит и безопасность, и доверие общества. Пусть только проклятое кольцо даст ему срок...

Мардук Крас срочно созвонился с несколькими инстанциями и устроил себе срочную командировку на Таами-2 (эдакое Таити в Зоне Десяти звезд). Разумеется, не телесную. Высокое начальство не станет разбазаривать средства на то, чтобы отправлять чье-то тело за сотни световых лет, когда достаточно одного лишь разума.

Бережливый, положительный Мардук отправится по обмену. Он соблюдет если не дух, то букву цельсианского обычая – оставит дома тело с дареным кольцом, весело тикающим в носу.

Надо только найти разум, который поселится в теле Мардука на время его отсутствия. Но это не сложно. В Галактике чересчур много разумов и чересчур мало тел. Почему так – никто не знает

доподлинно. Ведь в конце концов каждый начинает жизнь, обладая и тем и другим. Но в финале у одних всегда оказывается чего-то больше, чем им нужно, будь то богатство, власть или тела, а у других – меньше.

Мардук связался с фирмой «Отшельник» (Тела для любых надобностей). У Отшельника нашлось как раз то, что нужно: ярко выраженный землянин, молодой, мужского пола, находящийся под угрозой скорой смерти и согласный на риск, который связан с ношением тикающего кольца в носу.

Вот так Марвин Флинн попал на Цельсий-5.

В виде исключения спешить было некуда. По прибытии Марвин Флинн имел возможность проделать все процедуры, предписываемые обменом. Он полежал в полной неподвижности, медленно привыкая к новому телу. Он пошевелил каждой конечностью, проверил все органы чувств и быстро перебрал в уме первичную культурно-конфигурационную нагрузку, излучаемую лобными долями, на предмет аналогичных и тождественных фактов. Затем оценил эмоциональные и структурные факторы мозжечка на предмет зенита, надира и седловины. Почти все это он выполнил машинально. Оказалось, что цельсианское тело сидит на нем как нельзя лучше.

Конечно, не обошлось без затруднений: дельта-кривая была до нелепости эллиптичной, а УИТ (универсальные игрек-точки) – не трапециевидными, а серповидными. Но чего и ждать на планете типа 3В; если все пойдет нормально, ему не грозят никакие неприятности.

В общем с таким комплексом «тело – среда – культура – роль» он вполне мог сжиться и отождествить себя.

Очень мило, мысленно подытожил Марвин. Только бы проклятое кольцо в носу не взорвалось.

Он встал и пригляделся к обстановке. Первым ему бросилось в глаза письмо от Мардука Краса – оно было привязано к запястью, чтобы Марвин сразу заметил.

ДОРОГОЙ ОБМЕНЩИК!

Добро пожаловать на Цельсий! Я понимаю, что при данных обстоятельствах вы не замечаете особого гостеприимства, и

сожалею об этом не меньше вашего. Но я бы вам от всей души советовал выкинуть из головы всякую мысль о внезапной кончине и сосредоточиться на приятном времяпрепровождении. Пусть вас утешает, что статистика смерти от черного дара не выше, чем от несчастных случаев на плутониевом руднике, если вы добываете плутониевую руду. Так что не нервничайте и наслаждайтесь жизнью.

Моя квартира вместе со всем, что в ней находится, – к вашим услугам. Тело – также, только не переутомляйте его, укладывайте спать не слишком поздно и не вливайте в него чересчур много спиртного. Левое запястье повреждено, будьте осторожны, если придется поднимать что-нибудь тяжелое. Счастливо оставаться и не волнуйтесь, ведь тревога никому еще не помогла разрешить ни одной проблемы.

Не сомневаюсь, что вы джентльмен и не станете пытаться вынуть кольцо из носа. Но на всякий случай сообщаю, что у вас все равно ничего не выйдет: кольцо заперто на молекулярный замок Джейверга. Еще раз до свидания, постарайтесь выкинуть из головы все заботы и хорошо провести время на нашей славной планете.

Ваш преданный друг
МАРДУК КРАС

Сперва письмо обозлило Марвина, но после он расхохотался и смял его в комок. Мардук, бесспорно, негодяй, но негодяй симпатичный и широкая душа. Марвин решил извлечь максимум возможного из сомнительной сделки, позабыть о предполагаемой бомбе, прикорнувшей у него над губой, и наслаждаться времяпрепровождением на Цельсии.

Он прошел осматривать свой новый дом и остался очень доволен. Квартира оказалась холостяцкой норой, спланированной так, чтобы жить в свое удовольствие, а не просто плодить детей. Основная особенность планировки – пентабрахия – отражала служебное положение Краса. Сошки помельче обходились системой трех-четырех галерей, а в трущобах «Северные Болотники» целые семьи ютились в одно – и двух галерейных квартирах. Однако в ближайшем времени намечалась жилищная реформа.

Кухня, чистенькая и современная, изобиловала гастрономическими чудесами. Были там и банки засахаренных кольчатых червей, и миски с экзотическим салатом из морских звезд, и восхитительно вкусные ломтики манилы, ваниллы, горгонии и реникси. Была консервированная «казарка белощекая под ротифероорхидейным соусом» и пакет быстрозамороженных сладких и кислых юсов. Но (как это похоже на холостяков!) не было главного – ни головки гастробула, ни бутылки газированного имбирного меда.

Блуждая по длинным изогнутым галереям, Марвин обнаружил музыкальную комнату. Здесь Мардук не пожалел затрат. Большую часть комнаты занимал огромный усилитель «Империал» с двумя динамиками «Тиран» по бокам. Мардук применял микрофон «Вихрь» с сорокаканальным подавлением, селектор-дискриминатор ощущений «расширяющегося» типа был оборудован поплавковым щелегорловым «пассивным» регулятором. Сигнал снимали путем регенерирования изображений, но можно было переключиться на модуляцию спада. Пусть не профессионально сделанный, но все же отличный любительский комбайн.

Сердцем комплекса был, само собой, инсектарий – генератор модели «Супер Макс», с ручным и автоматическим контролем отбора и смешения, с регулируемой подачей, и выброской, с различными максимизирующими, и минимизирующими устройствами.

Марвин выбрал «Гавот кузнечика» (Корестал, 431Б) и стал вслушиваться в волнующее трахейное облигато и нежный аккомпанемент духовых инструментов – спаренных мальфиговых трубеол. Познания Марвина в музыке были весьма поверхностным, но он оценил всю виртуозность исполнения: в отдельной ячейке сидел кузнечик, зеленый в голубую полоску, и у него слегка вибрировал второй сегмент брюшка.

Марвин склонился над инсектарием и одобрительно кивнул. Кузнечик в голубую полоску щелкнул жвалами, затем вновь принялся за свою музыку. Это был специально выведенный дискант для техничного исполнения; блистательный артист, хотя трактовка у него не столь правильна, сколь эффектна. Правда, этого Марвин не мог постигнуть.

Марвин выключил тумблер, вернул переключатель из позиции «Активность» в позицию «Спячка»; кузнечик вновь погрузился в сон. Хорошо был укомплектован инсектарий, особенно выделялись симфонии майских мух и новейшие причудливые песни гусениц, но Марвину предстояло еще многое увидеть, и он пока не стал забивать себе голову музыкой.

В гостиной Марвин сел на массивную старинную глиняную скамью (настоящий Уормстеттер!), прислонился к щербатому гранитному подголовнику и решил отдохнуть. Но кольцо в носу тикало и тикало, беспрерывно посягая на его чувство благополучия. Он потянулся к низенькому столику и наудачу вытянул из целой груды первую попавшуюся палочку-почиталочку. Пробежался щупальцами по желобкам, но без толку. Трудно было сосредоточиться даже на развлекательном чтении. Нетерпеливо отшвырнув палочку-почиталочку, он принялся строить планы.

Но он был зажат в тисках неумолимого времени. Приходилось исходить из того, что мгновения жизни строго ограничены и их становится все меньше. Хотелось как-то отметить последние часы. Но как?

Он соскользнул с Уормстеттера и заметался по главной галерее, ожесточенно пощелкивая когтями. Затем внезапно принял решение и отправился в гардеробную. Там он выбрал новую оболочку из золотисто-бронзового хитина и тщательно задрапировал ею плечи. Лицевые щетинки он покрыл ароматическим клеем и уложил el grosse[12] по щекам.

Щупальца обрызгал лаком, придающим жесткость, расправил под изысканным углом шестьдесят градусов и придал им изящный естественный изгиб. В заключение припудрил лавандовым песком средний сегмент, а плечевые суставы окаймил черной полосой.

Он оглядел себя в зеркале и остался доволен своей внешностью: одет хорошо, но без пижонства. Судя о себе с предельной беспристрастностью, он нашел, что молод, представителен и смахивает на ученого-гуманитария. Звезды с неба навряд ли хватает, но и в грязь лицом нигде не ударит.

Он вышел из норы через главный вход и закрыл его входной пробкой.

---

[12] На манер малярной кисти (франц.)

Сгущались сумерки. Звезды мерцали над головой, но их там, казалось, не больше, чем мириад огней у входов в бесчисленные норы, публичные и частные, и все огни сливаются в пульсирующее сердце большого города. Зрелище это глубоко взволновало Марвина. Наверняка, наверняка где-нибудь в переплетении столичных лабиринтов найдется нечто такое, что доставит ему радость. Или хотя бы мирное забытье под занавес.

Итак, Марвин скорбно, хотя и не без трепетной надежды, направил стопы к манящей, лихорадочной Центральной Канаве – выяснить, что уготовано ему фортуной или велено роком.

Глава 15

Стремительной размашистой походкой, скрипя кожаными сапогами, шел Марвин Флинн по деревянному тротуару. Едва уловимо повеяло смешанным ароматом шалфея и туи. Справа и слева кирпичные стены жилищ отливали в лунном свете тусклым мексиканским серебром. Из соседнего салуна донеслись отрывистые аккорды банджо.

Марвин затормозил на всем ходу и нахмурился. Откуда здесь шалфей? И салун? Что тут происходит?

– Что-нибудь неладно, чужестранец? – нараспев спросил хриплый голос.

Флинн круто обернулся. Из тени, падающей от универсального магазина, выступила какая-то фигура. Это оказался ковбой – дурно пахнущий сутулый бродяга в пыльной черной шляпе, смешно заломленной на немытом лбу.

– Да, что-то очень и очень неладно, – ответил Марвин. – Все кажется каким-то чудным.

– Не стоит волноваться, – заверил его ковбой-бродяга. – У тебя просто изменилась система метафорических критериев, а за это, видит бог, в тюрьму не сажают. Собственно говоря, ты радоваться должен, что избавился от кошмарных ассоциаций со зверями и насекомыми.

– А что плохого было в моих ассоциациях? – возразил Марвин. – В конце концов я ведь нахожусь на Цельсии-5 и живу в норе.

– Ну и что? – сказал ковбой-бродяга. – Разве у тебя нет

воображения?

– Воображения у меня хоть отбавляй, – вознегодовал Марвин. – Но не в том дело. Дело в том, что нелогично воображать, будто ты на Земле и ковбой, когда по-настоящему ты кротоподобное существо на Цельсии-5.

– Ничего не попишешь, – сказал ковбой-бродяга. – Ты, видно, перенапряг способность аналогизирования, и у тебя вроде как предохранитель сгорел, вот что... Соответственно твое восприятие взяло на себя задачу эмпирической нормализации. Такое состояние называется «метафорическая деформация».

Тут Марвин вспомнил, как мистер Бландерс предостерегал его от этого феномена. Метафорическая деформация, болезнь всякого межзвездного путешественника, настигла его мгновенно, без всякого предупреждения.

Он знал, что должен встревожиться, но чувствовал лишь кроткое удивление. Эмоции его соответствовали восприятию, ибо незамеченная перемена есть перемена неощутимая.

– Когда же я начну видеть вещи такими, как они есть на самом деле? – спросил Марвин.

– Вот вопрос, достойный философа, – ответил ковбой-бродяга. – Но применительно к твоему случаю синдром пройдет, если только ты вернешься на Землю. А будешь и дальше путешествовать – процесс перцептивного аналогизирования обострится; правда, можно ожидать кратковременных самопроизвольных светлых промежутков – ремиссий нормального состояния.

Все это показалось Марвину занятным, но не опасным. Он поддернул джинсы и протянул с ковбойским выговором:

– Что-о-о ж, я так понимаю, играть надо теми картами, что сданы, и ничего тут всю ночь препираться. А ты-то сам кто будешь, чужестранец?

Ковбой-бродяга отвечал не без самодовольства:

– Я тот, без кого была бы невозможна наша беседа. Я воплощение Необходимости; без меня тебе пришлось бы самому припомнить всю теорию метафорической деформации, а ты вряд ли на это способен. Позолоти ручку.

– Так цыганки говорят, – презрительно сказал Марвин.

– Извини, – ответил ковбой-бродяга без тени смущения. –

Сигаретки не найдется?

– Табачок найдется, – сказал Марвин и протянул ему кисет с

«Булл-Дэргем». С секунду он задумчиво разглядывал нового приятеля, затем объявил: – Что-о-о ж, вид у тебя препоганый, к тому же ты, по-моему, наполовину осел и наполовину шакал. Но я, пожалуй, буду тебя держаться, какой ты ни есть.

– Браво, – серьезно проговорил ковбой-бродяга. – С изменением контекста ты справляешься лихо, как мартышка с бананами.

– Я так понимаю, ты это капельку загнул, – хладнокровно сказал Марвин. – Куда мы теперь двинем, прохвессор?

– В путь-дорогу, – ответил ковбой. – В ближайший салун сомнительной репутации.

– Гип-гип ура! – гаркнул Марвин и развязной походкой устремился в распахнутые двери салуна.

В салуне на руке у Марвина тотчас повисла некая особа. Она впилась в него взглядом с улыбкой, напоминавшей ярко-красный барельеф. Бегающие подчерненные глаза имитировали прищур веселья; вялое лицо был размалевано лживыми иероглифами оживления.

– Пошли со мной наверх, детуля, – вскричала омерзительная красотка. – Гулять будем, веселиться будем!

– Самое забавное, – сказал бродяга, – что маску этой девы предписывает обычай, требуя, чтобы те, кто продает наслаждение, изображали радость. Требование, мой друг, нелегкое, и не на всякую профессию оно налагается. Заметь: торговке рыбой дозволено не любить селедку, торговец овощами может в рот не брать репы, даже мальчишке-газетчику прощается неграмотность. Никто не требует, чтобы сами святые угодники получали удовольствия от священного мученичества. Лишь смиренные продавцы наслаждений обязаны, подобно Танталу, вечно ждать недосягаемого пиршества.

– Твой друг – большой шутник, точно? – сказал накрашенная ведьма. – Но ты мне больше по нраву, крошка, от тебя у меня внутри все обмирает.

На шее у бесстыдницы болтался кулон с миниатюрными брелоками – черепом, пианино, стрелой, пинеткой и пожелтевшим зубом.

– Что это такое? – полюбопытствовал Марвин.

– Символы.

– Символы чего?

– Пойдем наверх, я тебе все объясню, миленок.

– Итак, – нараспев произнес ковбой-бродяга, – перед нами истинное непосредственное самовыражение пробудившейся женской натуры, рядом с которым наши мужские причуды кажутся всего лишь детскими игрушками.

– Пшли! – воскликнула гарпия и завертела мощным торсом, имитируя страсть, которая казалась еще более отталкивающей из-за того, что была неподдельна.

– Большое вам, э-э… спасибо, – промямлил Марвин, – но сейчас я, пожалуй, не…

– Ты не жаждешь любви? – недоверчиво переспросила женщина.

– Вообще-то не очень.

Женщина уперла суковатые кулаки в крутые бедра и сказала:

– Кто бы мог подумать, что я доживу до такого дня?

Ладонью, по размерам и форме, не уступающей чилийскому плащу-пончо, она вцепилась ему в горло.

– Пойдешь тотчас же, гнусный, трусливый, эгоистичный ублюдок с нарциссовым комплексом, иначе, клянусь Аресом, я сверну тебе шею как цыпленку!

Казалось, драмы не миновать, ибо страсть лишала женщину способности умерять свои желания.

К счастью, ковбой-бродяга, повинуясь если не природным склонностям, то по велению рассудка, выхватил из кобуры веер, жеманно склонился к разъяренной женщине и похлопал ее по носорожьей руке.

– Не смей делать ему больно! – приказал он скрипучим контральто.

Марвин быстро, хоть и не в тон, подхватил:

– Да, скажи ей, чтобы перестала меня лапать! По-моему, это уже слишком, нельзя даже спокойно выйти вечером из дому, сразу нарвешься на скандал…

– Не плачь, бога ради, не плачь! – прервал его ковбой-бродяга. – Знаешь ведь, я не выношу, когда ты плачешь!

– Я не плачу! – насморочно всхлипнул Марвин. – Просто она разорвала на мне рубашку. Твой подарок!

– Подарю другую! – утешил ковбой. – Только не надо больше сцен!

Женщина глазела на них, разинув рот, и Марвин воспользовался ее секундным замешательством, вынул из сумки с инструментами ломик, подсунул его под распухшие багровые пальцы женщины и высвободился из ее хватки. Пользуясь благоприятным моментом, Марвин и ковбой-бродяга опрометью метнулись в дверь, в два прыжка свернули за угол, перескочили через мостовую и стремительно понеслись навстречу свободе.

Когда непосредственная опасность миновала, Марвин сразу же пришел в себя. С глаз спала пелена метафорической деформации, наступила перцептивно-эмпирическая ремиссия. Теперь стало до боли ясно, что «ковбой-бродяга» на самом деле не ковбой, а жук-паразит вида «кфулу». Ошибки быть не могло: жуки кфулу отличаются вторичным слюнным потоком, расположенным чуть пониже и левее подпищеводного ганглия.

Жуки эти питаются чужими эмоциями – их собственные давным-давно атрофировались. Как правило, они прячутся в темных закоулках, поджидая, чтобы беззаботный цельсианин прошел в поле досягания их рецепторов. Именно такое и случилось с Марвином.

Осознав это, Марвин направил на жука столь сильное чувство гнева, что кфулу – жертва сверхостроты своих эмоциональных рецепторов – свалился без сознания. Затем Марвин оправил на себе золотисто-бронзовую оболочку, напружинил щупальца и двинулся по дороге дальше.

Глава 16

Он подошел к мосту, переброшенному через широкую и быструю песчаную реку. И, дойдя до середины моста, уставился вниз, на черные глубины, что непреклонно текли к таинственному песчаному морю.

Он смотрел, как загипнотизированный, а кольцо в носу отбивало мелкую дробь втрое чаще, чем сердце. И думалось Марвину:

«Всякий мост – единство противоположностей. Горизонтальная его протяженность свидетельствует о том, что все на свете проходит, а вертикали неумолимо напоминают о грозящих неудачах, о неизбежности смерти. Мы все пробиваемся вперед, невзирая на препятствия, но под ногами у нас разверзается бездна расплаты за

первородный грех. Мы строим, воздвигаем, сооружаем, но верховный архитектор – смерть, она создает вершины лишь затем, чтобы существовали пропасти.

Перебрасывайте же ваши великолепные мосты хоть через тысячу рек, о, цельсиане, соединяйте разобщенные части своей планеты. Ваше мастерство напрасно, ибо могила все еще у вас под ногами, она все еще ждет, все еще терпелива. Перед вами открыт путь, цельсиане, но он неминуемо ведет к смерти. Несмотря на всю вашу хитрость, цельсиане, вы никак не можете понять простую вещь. У сердца такая форма специально для того, чтобы его пронзила стрела. Остальные эффекты – побочные».

Вот о чем думал Марвин, стоя на мосту. И его одолела великая тоска, желание перечеркнуть все желания, отказаться от боли и удовольствий, забыть мелкие радости и горести успехов и неудач, покончить с развлечениями и продолжить дело жизни, которое сводится к смерти.

Медленно взобрался он на парапет и встал, балансируя над вихрящимися струями песка. И тут он заметил краешком глаза, как от столба отделяется тень, нерешительно подходит к парапету, склоняется над бездной и с опасностью для жизни перевешивается...

– Стой! Погоди! – вскричал Марвин. Его разрушительные стремления мгновенно угасли. Видел он лишь одно: живое существо на краю гибели.

Тень ахнула и рванулась к зияющей бездне. В тот же миг Марвин кинулся к тени и ухватил ее за ногу.

Нога так отчаянно отбрыкнулась, что Марвин чуть не перелетел через парапет. Однако он быстро оценил обстановку, впился присоском в пористый камень пешеходной дорожки, для упора расставил пошире нижние конечности, двумя верхними обвил фонарный столб, а двумя свободными руками удерживал спасенного.

Настал миг напряженного равновесия; затем сила Марвина сломила сопротивление незадачливого самоубийцы. Медленно, осторожно Марвин начал стаскивать спасенного вниз – отпустил предплюсну, перехватил его ногу в области большой берцовой кости и тянул вниз до тех пор, пока неизвестный не оказался в безопасности на проезжей части моста.

От собственных мрачных помыслов и следа не осталось. Марвин сгреб самоубийцу за плечи и свирепо встряхнул.

– Дурак несчастный! – закричал он. – Что это за трусость? Только идиот или безумец сводит так счеты с жизнью. Неужто у тебя вовсе нет силы воли, чертов ты…

Он вовремя прикусил язык. Перед ним, отведя взгляд, дрожал незадачливый самоубийца. И Марвин только теперь заметил, что спас женщину.

Глава 17

Позже, в отдельном кабинете примостного ресторана, Марвин извинился за резкие слова, что вырвались у него не от души, а от вспыльчивости. Но женщина, грациозно помахав лапкой, отказалась принять извинение.

– Вы ведь правы, – сказала она. – Мой поступок – поступок идиотки или безумной, или той и другой. Боюсь, ваше определение точно. Надо было дать мне прыгнуть.

Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точеному цилиндру, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило на сердце). Черты лица совершенны, начиная от милых шишечек на лбу и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывает белый атласный шарф покроя «принцесс», обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Ножки в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты суставов. Пусть она незадачливая самоубийца – для Марвина она была самой ослепительной красавицей из всех, кого ему довелось повидать на Цельсии.

От ее красоты у Марвина пересохло в горле и зачастил пульс. Он поймал себя на том, что не сводит глаз с белого атласа, скрывающего и оттеняющего высокие яйцеклады. Он потупился и поймал себя на том, что разглядывает сладострастное чудо – длинную членистую ногу. Густо краснея, но заставил себя смотреть на сморщенную родимую шишечку на лбу.

Женщина, казалось, не замечала его пылкого внимания. Она простодушно предложила:

– Может, мы познакомимся, раз уж так получилось?

Оба неудержимо расхохотались над ее остротой.

– Марвин Флинн, – представился Марвин.

– Фристия Хелд, – назвалась молодая женщина.

– Я буду звать вас Кэти, если вы не возражаете, – сказал Марвин.

Они снова рассмеялись. Затем Кэти стала серьезной. Увидя, как быстро летит время, она сказала:

– Еще раз большое вам спасибо. А теперь мне пора.

– Конечно, – ответил Марвин, тоже вставая. – Когда мы увидимся?

– Никогда, – проговорила она тихо.

– Но мне это необходимо! – воскликнул Марвин. – Я хотел сказать – теперь, когда я вас нашел, я ни за что не соглашусь вас потерять.

Она грустно покачала головой.

– Вы будете вспоминать обо мне хоть изредка? – прошептала она.

– Мы не должны расставаться! – сказал Марвин.

– Ничего, переживете, – ответила она вовсе не в строгом тоне.

– Я теперь никогда больше не улыбнусь, – пригрозил Марвин.

– Кто-нибудь займет мое место, – предсказала она.

– Вы просто демон-искуситель! – вскричал он в ярости.

– Мы разошлись, как в море корабли, – поправила она.

– Неужели мы не встретимся? – осведомился Марвин.

– Время покажет.

– Я бы ходил за вами как тень, – с надежной сказал Марвин.

– К востоку от солнца и к западу от луны, – произнесла она нараспев.

– Как вы немилостивы, – надулся Марвин.

– Я забыла про время, – сказала она. – Но теперь я о нем вспомнила!

С этими словами она вихрем метнулась к двери и исчезла.

Марвин проводил ее глазами, потом сел за стойку бара.

– Один за мою крошку, другой на дорожку, – бросил он бармену.

– Все бабы фальшивые, – сочувственно заметил бармен, наполняя бокалы.

– При ней иссохну, без нее сдохну, хандра у меня, – пожаловался Марвин.

– Парню нужна девушка, – изрек бармен.

Марвин осушил бокал и снова протянул его бармену.

– Розовый коктейль за мою голубую мечту, – распорядился он.

– Может, она устала, – предположил бармен.

– Не знаю, за что я ее так люблю, – констатировал Марвин. – Но по крайней мере знаю, отчего в небе померкло солнце. Среди моего одиночества она преследует меня, как бренчанье пианино в соседней квартире. Я буду поблизости, как бы она со мной ни обращалась. Может, все это напрасно, но я сохраню в памяти весну и ее, и не для меня ласкает кроны вешний ветерок, и...

Неизвестно, долго ли продолжал бы Марвин свои причитания, если бы где-то на уровне его ребер, на два фута влево, кто-то не прошептал:

– Эй, миштер!

Обернувшись на зов, Марвин увидел на соседнем табурете маленького толстенького цельсианина в лохмотьях.

– Чего тебе? – грубо спросил Марвин.

– Вы хотеть видеть тот красивый мучача еще раз?

– Да, хочу. Но что ты можешь...

– Я частный сыщик разыскивать безвестно пропавших успех гарантирован, иначе ни цента в вознаграждение.

– Что за странный у тебя говор? – поразился Марвин.

– Ламбробианский, – ответил сыщик. – Я Хуан Вальдец, родом из земель фиесты, что у самой границы, а сюда в большой город Норт, я приехал сколотить состояние.

– Чучело гороховое, – ощерился бармен.

– Какая вещь ты меня назвать? – с подозрительной кротостью переспросил маленький ламбробианин.

– Я назвал тебя «чучело гороховое», паршивое ты чучело гороховое, – ощерился бармен.

– Так я и услышать, – сказал Вальдец. Он потянулся к поясу, вытащил длинный нож с двусторонним лезвием и, всадив его бармену в сердце, уложил того на месте.

– Я человек кроткий, сеньор, – обратился он к Марвину. – Я не легко обижаться. Право же, в родном селе Монтана Верде де лос трес Пикос меня считать безобидный. Я ничего не просить, только разводить пейотовый побеги в высокий горах Ламбробин под сень

того дерева, что называться «шляпа от солнца», ибо то, есть лучшие в мире пейотовые побеги.

– Вполне сочувствую.

– И все же, – продолжал Вальдец с нажимом в голосе, – когда эксплойтатор дель норте оскорбляет меня, а тем самым позорит память взрастивших меня родителей, о сеньор, тогда глаза мои застилает красный туман, нож сам вскакивает ко мне в руку и оттуда без пересадки вонзается в сердце тому, кто обидел сына бедняка.

– С каждым может случиться, – сказал Марвин.

– А ведь, несмотря на острое чувство чести, – заявил Вальдец, – я в общем-то как дитя – порывист и беспечен.

– Я, собственно, успел это заметить, – отозвался Марвин.

– Но хватит об этом. Так вы хотеть нанять меня сыщик искать девушка?

Ну конечно. Эль буэн пано эн эль арва се венде, вер-дад?[13]

– Си, омбре, – со смехом ответил Марвин. – И эль дезео венсе аль миедо![14]

– Луэс, аделанте![15]

И рука об руку два приятеля шагнули в ночь под тысячи сверкающих звезд, подобных остриям пик несметного воинства.

Глава 18

Выйдя из ресторана, Вальдец обратил смуглое усатое лицо к небесам и отыскал созвездие Инвидиус, которое в северных широтах безошибочно указывает на северо-северо-восток. Приняв его за базисную линию, Вальдец мысленно начертил крест и с учетом ветра, дующего в щеку с запада со скоростью пять миль в час) и мха на деревьях (отрастающего с северной стороны стволов роняписа на миллиметр в день). Он сделал поправку на восточную погрешность – один фут на милю (снос) и южную погрешность – пять дюймов на сто ярдов (совокупность эффектов тропизма). Затем, приняв к сведению все данные, зашагал в юго-юго-западном направлении.

Марвин последовал его примеру. Не прошло и часу, как они

[13] Хороший урожай продается на корню, не так ли? (испан.)
[14] И желание побеждает страх! (испан.)
[15] Итак, вперед! (испан.)

вышли из городской черты на покрытые жнивьем поля. Еще через час исчезли последние признаки цивилизации, потянулось нагромождение гранита и скользкого полевого шпата.

Вальдец не выказывал намерения остановиться, и в Марвине смутно шевельнулось беспокойство.

– Нельзя ли все же узнать, куда мы идем? – спросил он наконец.

Вальдец сверкнул белозубой улыбкой на загорелой физиономии цвета сиены:

– Искать вашу Кэти.

– Неужто она живет так далеко от города?

– Понятия не имею, где она живет, – пожал плечами Вальдец.

– Не имеете?

– Да, не имею.

Марвин остолбенел.

– Но вы же говорили, будто знаете.

– Никогда я ничего подобного не говорил ни прямо, ни косвенно, – сказал Вальдец, наморщив темно-коричневый лоб. – Я говорил, что помогу вам искать ее.

– Но если вы не знаете, где она живет…

– Совершенно неважно, – заявил Вальдец, строго подняв куцый палец. – Наши поиски не имеют ничего общего с тем, где Кэти живет; наши поиска сводятся к простейшей задаче – найти саму Кэти. По крайней мере так я вас понял.

– Да, конечно, – сказал Марвин. – Но если мы идем не туда, где она живет, то куда мы идем?

– Туда, куда она будет, – безмятежно ответил Вальдец.

– Ага, – сказал Марвин.

Шли они сквозь вздымающиеся чудеса минерального царства и, наконец, пришли к низкорослым холмам, что как усталые моржи залегли вокруг искрящегося голубого кита – величественной горной цепи. Прошел еще час, и Марвин опять забеспокоился. Однако на сей раз он высказал свои сомнения обиняками, надеясь выведать тайну хитростью.

– А вы давно знаете Кэти? – спросил он.

– Ни разу не имел удовольствия встретиться, – ответил Вальдец.

– Значит, впервые увидели ее со мной в ресторане?

– К сожалению, даже там я ее не видел, ибо, пока вы с ней

беседовали, я в мужском туалете выгонял из почки камень. Возможно, я заметил ее краешком глаза, когда она распрощалась с вами и вышла, но скорее всего то был лишь доплеровский эффект, созданный красным турникетом.

– Значит, вы вообще ничего не знаете о Кэти?

– Только то немногое, что слышал от вас; а это, по совести, практически ничего.

– Так как же вы собираетесь отвести меня туда, где она будет? – возмутился Марвин.

– А очень просто, – ответил Вальдец. – Если бы вы хоть на секунду задумались, вам бы сразу все стало ясно.

Марвин задумался на целых несколько секунд, но орешек оказался ему не по зубам.

– Будем рассуждать логически, – сказал Вальдец. – Какая передо мной задача? НАЙТИ КЭТИ. Что мне известно о Кэти? Ничего.

– Не очень-то вы меня обнадеживаете.

– Но это лишь половина задачи. Допустим, мне ничего не известно о Кэти; но что мне известно об отыскании?

– Что?.. – спросил Марвин.

– Представьте, об отыскании мне известно решительно все, – торжествующе объявил Вальдец, размахивая изящными терракотовыми руками. – Ибо я специалист по теории поисков!

– По чему? – переспросил Марвин.

– По теории поисков, – повторил Вальдец уже не так торжествующе.

– Понятно, – сказал Марвин, ничуть не потрясенный. – Что же, замечательно. Я уверен, что теория великолепна. Но если вы ничего не знаете о Кэти, не представляю, чем вам поможет даже самая распрекрасная теория.

Вальдец вздохнул (отнюдь не демонстративно) и провел красновато-коричневой ладонью по усам.

– Дружище, если бы вам было известно о Кэти все – ее привычки, друзья, желания, антипатии, надежды, страхи, мечты, планы и тому подобное, – как по-вашему, удалось бы вам ее найти?

– Наверняка удалось бы, – ответил Марвин.

– Несмотря на то, что вы ничего не знаете о теории поисков?

– Да.

– Что ж, – сказал Вальдец, – а теперь рассмотрим обратный случай. О теории поисков я знаю решительно все. Следовательно, мне нет нужды знать что-либо о Кэти.

Они безостановочно шагали вверх по склону горы, а склон становился все круче. Выл и хлестал в лицо колючий ветер, на тропинке под ногами появились лоскутья инея.

Вальдец углубился в тонкости теории поисков, привел следующие характерные случаи: Гектор ищет Лизандра, Адам поджидает Еву, Галахад отправляется на поиски чаши святого Грааля, Фред Доббс разведывает сокровища Сьерра-Мадре, Эдвин Арлингтон Робинсон выявляет диалектальные особенности типично американской milieu[16], Гордон Слай разыскивает Наяду Маккарти, энтропия преследует энергию, бог присматривает за человеком, а янг исследует имм.

Из этих, примеров, – говорил Вальдец, – мы строим, общую концепцию поисков, и ее основные следствия.

Марвин был слишком подавлен, чтобы ответить. Ему вдруг пришло в голову, что в этой ледяной безводной пустыне и погибнуть недолго.

– Как ни смешно, – продолжал Вальдец, – теория поисков навязывает нам немедленный вывод: ничто не теряется в истинном (или идеальном) смысле этого слова. Судите сами. Для того чтобы вещь потерялась, должно существовать какое-то место, в котором она потерялась. Однако найти такое место невозможно, поскольку простое множество не подразумевает качественного различия. Или, выражаясь терминами поисков, одно место похоже на любое другое.

Поэтому мы заменяем понятие «потеря» понятием «неопределенное местонахождение», которое, само собой, поддается математическому анализу.

– Но ведь, если Кэти по-настоящему не потерялась, – сказал Марвин, – значит, ее нельзя по-настоящему найти.

– Суждение само по себе справедливое, – ответил Вальдец. – Но это, конечно всего-навсего ИДЕАЛЬНОЕ суждение, в данном случае оно недействительно. Для практических целей теорию поисков надо модифицировать. Больше того, надо коренным образом изменить главную посылку и вернуться к первоначальной концепции

[16] Среда (франц.)

Потерянного и Найденного.

– Звучит страшно путано.

– Ну, это все довольно просто, лишь бы осилить теорию, – успокоил Марвина Вальдец. – А теперь, чтобы гарантировать успех, нам надо выбрать оптимальный принцип поиска. Самоочевидно, что, если оба будут активно искать, вероятность того, что вы найдете друг друга, резко уменьшится. Представьте себе, что двое ловят друг друга по бесконечным многолюдным анфиладам универсального магазина; и сравните такой метод с усовершенствованной стратегией, когда один ищет, а другой стоит на месте и спокойно ждет, пока его найдут. Математически это формулируется чрезвычайно сложно, вам придется поверить мне на слово. С наибольшей вероятностью вы разыщете девушку или она разыщет вас, если кто-то один будет разыскивать, а другой – позволит себя разыскать. Народная мудрость так и гласит.

– Так что же будем делать?

– Я ведь вам твержу! – вскричал Вальдец. – Один должен искать, другой – ждать. Поскольку мы не в состоянии держать поступки Кэти под контролем, придется исходить из того, что она, следуя своему инстинкту, разыскивает вас. Поэтому вы должны подавить свои инстинкты и ждать, тем самым позволив ей вас найти.

– Ждать? Только и всего? – переспросил Марвин.

– Вот именно. – И вы серьезно думаете, что она меня найдет?

– Ручаюсь жизнью.

– Что ж... Ладно. Но куда же мы, в таком случае, направляемся?

– В то место, где вы будете ждать. На языке специалистов – в пункт обнаружения.

У Марвина был оторопелый вид, поэтому Вальдец объяснил подробнее:

– Математическое ожидание того, что она вас найдет, для всех мест одинаково. Поэтому пункт обнаружения мы можем выбирать произвольно.

– И какой же вы выбрали пункт обнаружения? – спросил Марвин.

– Поскольку это роли не играет, – ответил Вальдец, – я выбрал село Монтана Верде де лос трес Пикос в провинции Аделанте страны Ламбробии.

– Это, кажется, ваша родина? – спросил Марвин.

– Вообще-то да, – сказал Вальдец, несколько удивленный и сконфуженный. – Потому-то, верно, мне о нем сразу подумалось.

– Но ведь до Ламбробии, по-моему, очень далеко?

– Порядочно, – признался Вальдец. – Но мы время зря не потеряем: я обучу вас логике, а также народным песням моей страны.

– Это нечестно.

– Дружище, – сказал ему на это Вальдец, – когда вы принимаете чью-то помощь, довольствуйтесь тем, что вам дают, а не тем, что вы хотели бы взять. У меня, как и у всех, возможности ограниченные, но с вашей стороны попрекать меня их ограниченностью – черная неблагодарность.

Пришлось Марвину это снести: он понимал, что вряд ли найдет обратную дорогу без посторонней помощи. И они зашагали дальше по горам, распевая народные песни.

Глава 19

Они все шли да шли вперед по зеркальному склону большой горы. Свистал и выл ветер, трепал одежду, норовил оторвать перетруженные пальцы. Крошился под ногами предательский ноздреватый лед, когда путники судорожно искали опоры, прижимая исхлестанные тела к обледенелому склону и на манер пиявок передвигаясь по ослепительной поверхности.

Вальдец сносил все с равнодушием святого.

– Это есть трудно, – ухмыльнулся он. – Но все же, ради ваша любовь, к той женщина, вы не раскаиваться, си?

– Да уж, конечно, – пробормотал Марвин. По правде говоря, у него появились сомнения. В конце концов с Кэти он не провел и часу.

Рядом прогремел снежный обвал, тонны белой смерти пронеслись буквально в дюймах от изнемогающих странников. Вальдец безмятежно улыбнулся.

– За всеми препятствиями, – нараспев произнес он, – вас ждет вершина мироздания – лицо и фигура возлюбленной.

– Да уж, конечно, – откликнулся Марвин.

Вокруг вихрились и сверкали копья ледяных сосулек, сорванных с высокой докальмы. Марвин стал было думать о Кэти и обнаружил,

что не помнит, как она выглядит. Ему пришло в голову, что любовь с первого взгляда сильно переоценивают.

Впереди неясно виднелся обрыв. Марвин поглядел на него, на мерцающие ледяные поля за ним и пришел к выводу, что игра, собственно, не стоит свеч.

– По-моему, – сказал Марвин, – нам лучше вернуться.

Вальдец чуть заметно улыбнулся, помедлил в самом начале головокружительного спуска в бушующий ветрами ад фантастических снежных гор.

– Дружище, – сказал он, – я знаю, почему вы так говорите.

– Знаете? – переспросил Марвин.

– Конечно. Вы явно не хотите, чтобы я рисковал своею жизнью, продолжая безрассудные, хоть и возвышенные, поиски. И явно намереваетесь пуститься на поиски в одиночку.

– Вы так считаете? – переспросил Марвин.

– Безусловно. Даже самый невнимательный наблюдатель заметит, что вы твердо решили искать свою любовь, невзирая ни на какие опасности, – такой уж у вас железный характер. Точно также ясно, что вашей благородной и великодушной натуре претит мысль вовлечь преданного друга и надежного товарища в столь гиблую авантюру.

– Да вот, – начал Марвин, – я не уверен...

– Зато я уверен, – спокойно заявил Вальдец. – И на ваш невысказанный вопрос отвечаю так: «Дружба подобна любви – она не ведает границ».

– Что ж, это очень мило с вашей стороны, – сказал Марвин, не сводя глаз с обрыва. – Но вообще-то я не так уж коротко знаком с Кэти и не знаю, подходим ли мы с ней друг другу. Так что и в конце концов, может быть, нам лучше уносить отсюда ноги.

– Вашим словам недостает убеждения, дружище, – рассмеялся Вальдец. – Умоляю вас, не тревожьтесь о моей безопасности.

– Собственно говоря, – возразил Марвин, – я тревожусь о своей безопасности.

– Пустое! – весело вскричал Вальдец. – Жар страсти обличает наигранную холодность ваших слов. Вперед, дружище!

По-видимому, Вальдец твердо решил силой привести Марвина к Кэти, хочет того Марвин или нет. Единственный выход – нанести

молниеносный удар в челюсть, после чего можно будет утащить Вальдеца, да и самому вернуться назад к цивилизации.

Марвин бочком подался вперед.

Вальдец попятился.

– О нет, дружище! – вскричал он. – Опять-таки самонадеянная любовь выдает все ваши побуждения. Оглушить меня хотите, не так ли? А потом, удостоверясь, что мне здесь удобно, что я в безопасности и обеспечен едой, вы ринетесь один-одинешенек в белую пустыню. Но я отказываюсь подчиняться. Мы продолжим путь вместе, кампадре.

И, взвалив на плечи рюкзак со всей провизией, Вальдец начал спускаться по обрыву. Марвину оставалось только последовать за ним.

Не будем утомлять читателя подробностями великого перехода через горы Мореску, страданиями обалдевшего от любви юного Флинна и его непоколебимого спутника. Не будем описывать ни причудливые галлюцинации, мучившие странников, ни временное помешательство Вальдеца, когда он вообразил себя пташкой, способной

перемахнуть через тысячефутовую бездну. Точно также никого, кроме философов, не заинтересует психологический процесс, в результате которого Марвин от размышлений о принесенных им жертвах, через привязанность к упомянутой даме, пришел к пылкой привязанности, затем к любви и, наконец в всепоглощающей страсти.

Достаточно сказать, что все это было, что путешествие по горам длилось много дней и принесло много переживаний. Но, наконец, оно завершилось.

С гребня последней горы Марвин глянул вниз и вместо ледяных полей увидел зеленые луга, холмистые леса под летним солнцем и деревушку, приютившуюся в речной извилине.

– Это… это… не… – начал Марвин.

– Да, сын мой, – тихо сказал Вальдец. – Это село Монтана де лос трес Пикос, провинция Аделанте, страна Ламбробия, в долине Последождика.

Марвин поблагодарил своего гуру[17] – никаким другим словом не обозначишь роль, сыгранную лукавым, безгрешным Вальдецом, – и стал спускаться в пункт обнаружения, где должен был поджидать Кэти.

Глава 20

Монтана де лос трес Пикос! Здесь среди прозрачных озер и высоких гор простые добродушные крестьяне неторопливо трудятся под лебедиными шеями пальм. В полдень и в полночь по амбразурам стен старинного замка прокатывается жалобное эхо гитарных переборов. Шоколадно-коричневые девы собираются палые гроздья винограда, а за ними надзирает усатый каюк с дремлющим кнутом, намотанным на мохнатую кисть. В этот-то странный, но привлекательный осколок отошедшей эпохи и привел Флинна верный Вальдец.

Сразу за околицей села, на живописном пригорке, стояла гостиница, или посада. Туда-то и устремился Вальдец.

– А это действительно лучшее место для ожидания? – спросил Марвин.

[17] Гуру – наставник (инд.)

– Нет, не лучшее, – с всеведущей улыбкой ответил Вальдец. – Но, выбрав его, а не запыленную городскую площадь, мы избегли ошибки «мнимо-оптимального варианта». К тому же тут гораздо уютнее.

Марвин склонился перед высокой мудростью усатого спутника и устроился в посаде как дома. Он сел за вкопанный в землю стол, откуда хорошо просматривался двор и дорога за ним. Он подкрепился фляжкой вина и в соответствии с теорией поиска приступил к выполнению своей теоретической функции, а именно – стал Ждать.

Час спустя Марвин заметил, что по белой глянцевой ленте дороги медленно движется крохотная фигурка. Она приблизилась, и Марвин увидел перед собой уже немолодого человека, согнутого под бременем тяжелого цилиндрического предмета. Но вот человек поднял изможденное лицо и взглянул Марвину прямо в глаза.

– Дядя Макс! – закричал Марвин.

– А-а, Марвин, здравствуй, отвечал дядя Макс. – Будь добр, налей мне стаканчик вина. Дорога уж очень пыльная.

Марвин налил стакан вина, с трудом веря собственным глазам: ведь дядя Макс таинственно исчез лет десять назад. В последний раз его видели, когда он играл в гольф при загородном клубе «Фэйрхэвен».

– Что с тобой приключилось? – спросил Марвин.

– На двенадцатой лунке угодил в искривление времени, – ответил дядя Макс. – Если вернешься на Землю, Марвин, поговори об этом с директором клуба. Я ведь никогда не был кляузником; но мне представляется, что финансовую комиссию надо поставить в известность, пусть обнесет аварийный участок забором или какой-нибудь изгородью. Я-то ладно, а вот если исчезнет ребенок, будет большой скандал.

– Конечно, поговорю, – сказал Марвин. – Но дядя Макс, сейчас-то ты куда направляешься?

– У меня свидание в Самарре[18] , – отвечал дядя Макс. – Спасибо

[18] Намек на восточную легенду, известную в пересказе Сомерсета Моэма. Некоему вельможе бросился в ноги раб. Он рассказал, что встретил на базаре Смерть, которая грозила ему пальцем, и стал умолять господина, чтобы тот дал ему коня. Раб решил спастись от Смерти, сбежав в город

за вино, мальчик, и побереги себя. Кстати, знаешь ли ты, что у тебя в носу что-то тикает?

– Знаю, – сказал Марвин. – Это бомба.

– Надо полагать, ты отдаешь себе отчет в своих поступках, – сказал дядя Макс. – До свидания, Марвин.

И дядя Макс устало потащился дальше по дороге; сумка для гольфа покачивалась у него за спиной, а клюшка №2 была вместо посоха. Марвин возобновил прерванное ожидание.

Полчаса спустя Марвин заметил, что по дороге спешит какая-то женщина.

В нем всколыхнулась было надежда, но он тотчас же тяжело опустился на стул. Это была отнюдь не Кэти, а всего-навсего его мать.

– Далеко ты забралась от дома, мамуля, – сказал он спокойно.

– Знаю, Марвин, – откликнулась мать. – Но меня, понимаешь, схватили торговцы живым товаром.

– Господи, мамуля! Как это случилось?

– Видишь ли, Марвин, – рассказала мать, – я пошла отнести рождественские гостинцы одной бедной семье в переулке Вырвиглаз, а там, как на грех, полицейская облава, и вообще много чего приключилось, и меня опоили наркотиками, и очнулась я в Буэнос-Айресе, в роскошной комнате, а возле меня стоял человек, делал мне глазки и на ломаном английском языке спрашивал, не хочу ли я побаловаться. А когда я сказала «нет», он сгреб меня с явно гнусными намерениями.

– Ух ты! А что потом?

– Да что ж, – сказала мать, – на мое счастье, я вспомнила прием, которому меня научила миссис Джесперсон. Ты знаешь, что человека можно убить, если сильно ударить пониже носа? Не хотелось мне так делать, Марвин, но это оказалось наилучшим выходом. И вот я очутилась на улицах Буэнос-Айреса, а потом потянулось то, другое, одно за одним, и вот я здесь.

Самарру. Вельможа подарил рабу коня, и тот умчался, а сам на другой день пошел на базар и, встретив Смерть, спросил: «Зачем ты пугала моего раба? Зачем грозила ему пальцем?» – «Я его не пугала, – ответила Смерть. – Просто я очень удивилась, встретив его в этом городе, потому что в тот же вечер мне предстояло с ним свидание в Самарре»

– Вина выпьешь? – предложил Марвин.

– Спасибо за внимание, – сказала мать, – но мне, право же, пора.

– Куда ты?

– В Гавану, – ответила мать. – У меня поручение к Гарсии. Марвин, ты не простужен?

– Нет, это я гнусавлю оттого, что у меня в носу бомба.

– Побереги себя, Марвин, – сказала мать и заторопилась дальше.

Шло время. Марвин пообедал на веранде, запил обед графином Сангре ди Омбре урожая ..36-го года, и расположился в густой тени беленого палладиума. Золотое солнце потянулось к горным вершинам. По дороге мимо гостиницы поспешно шел какой-то человек...

– Отец! – закричал Марвин.

– Добрый день, Марвин, – поздоровался отец, умело скрывая, как он ошарашен. Должен тебе заметить, что ты мне попадаешься в самых неожиданных местах.

– Могу сказать о тебе то же самое, – ответил Марвин.

Отец нахмурился, поправил галстук и переложил чемоданчик в другую руку.

– В том, что я здесь, нет ничего удивительного, – сказал он сыну. – Обычно твоя мать отвозит меня со станции домой на машине. Но сегодня она опоздала, и я пошел пешком. Раз уж я шел пешком, мне взбрело в голову срезать угол и пройти по площадке для гольфа.

– Понятно, – произнес Марвин.

– Признаться, – продолжал отец, – кратчайший путь оказался самым длинным, так как, по моим подсчетам, я гуляю по этой местности почти час, а то и больше.

– Папа, – сказал Марвин, – только не волнуйся, но дело в том, что ты уже не на Земле.

– Не вижу в твоей шутке ничего смешного, – заметил отец. – Я, бесспорно, дал кругаля, да и архитектура здесь не такая, какую рассчитываешь увидеть в штате Нью-Йорк. Но не сомневаюсь, что, если я пройду по этой дороге еще ярдов сто, то попаду на Энневдейл-авеню, а она выведет меня на перекресток Кленового и Елового переулков. А уж оттуда и до дома рукой подать.

– Наверное, ты прав, – сказал Марвин.

Ему еще ни разу в жизни не удалось переспорить отца.

– Мне пора, – сказал отец. – Между прочим, Марвин, тебе известно, что у тебя в носу какой-то чужеродный предмет?

– Да, сэр, – отвечал Марвин. – Это бомба.

Отец сурово нахмурился, испепелил сына взглядом, горько покачал головой и зашагал дальше.

– Не понимаю, – делился позднее Марвин с Вальдецом. – Почему они все меня находят? Это даже как-то противоестественно!

– Противоестественно, – заверил его Вальдец. – Но зато неизбежно, что гораздо важнее.

– Может, и неизбежно, – сказал Марвин. – Но и высшей степени невероятно.

– Факт, – согласился Вальдец. – Хотя мы предпочитаем называть это форсированной вероятностью; другими словами, это одно из неопределенных обстоятельств, сопутствующих теории поиска.

– Брось, я не совсем понимаю, – сказал Марвин.

– Все довольно просто. Теория поиска – чистая теория; это значит, что на бумаге она подтверждается всегда. Но стоит только применить ее на практике, как мы сталкиваемся с трудностями, главная из которых – явление неопределенности. В самых простых словах происходит вот что: наличие теории препятствует подтверждению теории. Видите ли, теория не может учитывать свое влияние на самое себя. Идеальный вариант – когда теория поиска действует во вселенной, где вообще нет никакой теории поиска. Практически же (а нас волнует именно практика) теория поиска действует в мире, где есть теория поисков, которой свойствен так называемый «зеркальный эффект», или «эффект удвоения самой себя».

– Гмм... – промычал Марвин.

– Конечно, – прибавил Вальдец, – надо принимать в расчет лямбдуши – выражение, обозначающие обратно пропорциональную зависимость всех возможных поисков и всех возможных находок. Так, когда в связи с неопределенностью прочих факторов лямбдуши возрастает, вероятность неудачного поиска стремительно падает почти до нуля, а вероятность поиска успешного быстро увеличивается до единицы.

– Означает ли это, – спросил Марвин, – что из-за такого эффекта теории все поиски будут успешны?

– Именно, – ответил Вальдец. – Вы сформулировали превосходно, хотя и недостаточно строго. Все возможные поиски будут успешны в течение, или на протяжении периода, соответствующего коэффициенту раскрытия системы.

– Теперь понятно, – сказал Марвин. – Если верить теории, я обязательно найду Кэти.

– Да, – подхватил Вальдец. – Вы обязательно найдете Кэти: больше того, вы обязательно найдете всех и каждого. Единственное ограничение – коэффициент раскрытия системы, или РС.

– Вот оно что, – протянул Марвин.

– Естественно, поиски бывают успешными лишь в течение срока, или периода РС. Но длительность РС есть величина переменная, она колеблется от 6, 3 микросекунды, до 1005, 34543 года.

– А в моем случае. Сколько, будет длиться ? – спросил Марвин.

– Многие мечтали бы услышать ответ на этот вопрос, – искренне развеселился Вальдец.

– Этого-то я и боялся, – поскучнел Марвин.

– Наука – жестокий хозяин, – согласился Вальдец. Но тут же игриво подмигнул и сказал: – Правда, и самого жестокого из хозяев можно обвести вокруг пальца.

– Вы хотите сказать, что решение есть? – вскричал Марвин.

– К несчастью, не академическое, – ответил Вальдец.

– И все же, – сказал Марвин, – если оно правильно, то давайте попробуем.

– По-моему, не стоит, – ответил Вальдец.

– Я настаиваю, – сказал Марвин. – В конце концов в поиске заинтересован именно я.

– С точки зрения математики это к делу не относится, – заметил Вальдец. – Но вы, наверное, все равно не дадите мне покоя до тех пор, пока я вас не ублажу.

Вальдец удрученно вздохнул, извлек из пояса клочок бумаги и огрызок карандаша и спросил:

– Сколько монет у вас в кармане?

Порывшись в кармане, Марвин сказал:

– Восемь. Вальдец записал эту цифру, потом выяснил год и день рождения Марвина, номер его удостоверения личности, размер обуви и рост в сантиметрах. Над этими данными он произвел какие-

то математические выкладки. Затем попросил Марвина назвать наудачу любое число от 1 до 14. К названному числу он прибавил несколько своих, после чего несколько минут выводил какие-то каракули и что-то подсчитывал.

– Ну? – поторопил его Марвин.

– Помните, результат представляет собой всего-навсего статистическую вероятность, – сказал Вальдец, – и заслуживает доверия лишь как таковой.

Марвин кивнул. Вальдец продолжал:

– В вашем конкретном случае период раскрытия системы истекает ровно через одну минуту сорок восемь секунд плюс-минус пять минимикросекунд.

Он сверился с часами и удовлетворенно кивнул.

Марвин собрался было категорически запротестовать против такой несправедливости и спросить, почему Вальдец не произвел столь существенных подсчетов раньше. Но взгляд его упал на дорогу, неповторимой белизной светящуюся на фоне густой синевы вечера.

Он увидел, что по направлению к посаду, медленно движется, какая-то фигура.

– Кэти! – закричал Марвин. Ибо это действительно была она.

– Поиск завершен за сорок три минимикросекунды до истечения периода РС, – констатировал Вальдец. – Еще одно экспериментальное подтверждение теории поиска.

Но Марвин его не слышал: он устремился по дороге навстречу долгожданной своей любви и сжал ее в объятиях. А Вальдец, лукавый друг и молчаливый попутчик, скупо улыбнулся про себя и заказал еще бутылку вина.

Глава 21

Наконец-то они соединились: прекрасная Кэти, прогневавшая звезды и затравленная планетами, притянутая таинственной магией пункта обнаружения; и Марвин, молодой и сильный, с белозубой улыбкой, вспыхивающей на загорелом добродушном лице. Марвин, с задором и бездумной самоуверенностью юных собравшихся принять вызов древней непознаваемой вселенной; и

рядом с ним Кэти, моложе годами, но много старше унаследованной интуитивной женской мудростью, прелестная Кэти, в красивых темных глазах которой словно притаилась задумчивая грусть, неуловимая тень предвидимой скорби, о которой Марвин и не подозревал, лишь чувствовал горячее, непреодолимое желание защищать и лелеять эту девушку, с виду такую хрупкую, окутанную тайной, которую она не может открыть, девушку, что наконец пришла к нему – человеку, лишенному тайны, которую мог бы открыть.

Счастье их было омрачено и возвышенно. В носу у Марвина тикала бомба, отсчитывала неумолимые мгновения его судьбы, создавала четкий метрономический ритм для танца любви. Но чувство обреченности лишь теснее сплело две несхожие судьбы, вдохнуло в их отношения нежность и значимость.

Из утренней росы он создал для нее водопад, из разноцветных камешков на лугу у ручья сделал ожерелье красивее изумрудного, печальнее жемчужного. Она оплела его сетью шелковистых волос, увлекла его далеко вниз, в глубокие и бездонные воды, за пределы забвения. Он показал ей замерзшие звезды и расплавленное солнце; она подарила ему длинные перевитые тени и шуршанье черного бархата. Он протянул к ней руку и коснулся мха, травы, вековых деревьев, радужных скал; кончики ее пальцев задели старые планеты и серебряный свет луны, вспышки комет и вскрик испаряющихся солнц.

Они играли в такие игры, но он умирал, а она старилась; они делали так, чтобы испытать радость повторного рождения. Любовью они рассекали время на части и вновь складывали, лучшим, более емким, более медлительным.

Их игрушками были горы, степи, равнины, озера. Души их искрились, словно дорогой мех. Они стали любовниками. И не постигали ничего, кроме любви.

Но их любило далеко не все живое и неживое. Сухие пни, бесплодные орлы, зацветшие пруды таили злобу на их счастье. Клятвы и заверения любовников проходили мимо безотлагательности перемен, безразличных к тому, что предполагает человек, и с удовольствием продолжающих свою деятельность по разрушению вселенной. Выводы, не поддающиеся

подтасовкам, угодливо подчинялись древним предначертаниям, записанным на костях, вкрапленным в кровь, вытатуированным на коже тела.

Бомбе предстояло взорваться. Тайна требовала раскрытия. А из страха рождались знание и печаль.

И однажды утром Кэти не стало, словно вовсе не бывало.

Глава 22

Ушла! Кэти ушла! Возможно ли? Неужто жизнь, этот мрачный шутник, вновь принялась за свои губительные шутки?

Марвин отказывался верить. Он обшарил все закоулки посады, терпеливо облазил всю деревушку. Нигде. Он продолжил поиски в ближайшем городе Сан Рамон де лас Тристецас, опросил официанток, домовладельцев, лавочников, проституток, полисменов, сводников, нищих и всех прочих. Он спрашивал, не видал ли кто девушки, прекрасной, как утренняя заря, с волосами красоты неописуемой, руками и ногами несравненной гибкости, с чертами лица, прелесть которых равняется лишь их правильности, и так далее. Но те, кого он спрашивал, грустно, отвечали: «Увы, синьор, мы не видали та женьчина, ни нынче, ни ранее, никогда в жизни».

Он успокоился ровно настолько, чтобы дать связное описание ее примет, и нашел на шоссе романтика, который видел девушку, похожую на Кэти, – она катила на запад в большом автомобиле вместе с плотным мужчиной, курившим сигару. А какой-то трубочист подглядел, как она покидала город с золотисто-голубой сумочкой в руках. Шла твердым шагом.

Затем подручный на бензозаправочной станции передал ему от Кэти в спешке нацарапанную записку, которая начиналась словами: «Марвин, милый, умоляю, постарайся понять меня и простить. Я ведь много раз пыталась тебе сказать, мне позарез...» Остальное было неразборчиво.

С помощью криптоанализатора Марвин разобрал заключительные слова: «Но я всегда буду тебя любить и надеюсь, что у тебя хватит великодушия изредка поминать меня добрым словом. Любящая тебя Кэти».

Остальные строки, превращенные горем в загадку, не поддавались никакой расшифровке.

Выразить смятение Марвина – все равно что пытаться передать предрассветный полет цапли: то и другое ни в сказке сказать, ни пером описать. Достаточно упомянуть, что Марвин подумывал о самоубийстве, но отделался от этой мысли.

Ничего не помогало. Опьянение лишь вызывало слезливость. Отречение от мира казалось детским капризом. Все это никуда не годилось, и Марвин ни на что не решился. С сухими глазами, точно живой труп, проводил он дни и ночи. Он ходил, разговаривал, даже улыбался. Был неизменно вежлив. Но его закадычному другу Вальдецу казалось, что настоящий Марвин погиб при мгновенном взрыве горя, а его место заняло плохо сделанное подобие человека. Марвина не стало; у куклы, занявшей его место, вид был такой, будто, исправно подделываясь под человека, она с минуты на минуту свалится от напряжения сил.

Вальдец был в растерянности и ужасе. Никогда старый лукавый специалист по поискам не сталкивался со столь трудным случаем. С отчаянной энергией пытался он вывести друга из состояния живой смерти.

Начал он с сочувствия:

– Я хорошо представляю, каково вам, мой несчастный друг, ибо однажды, когда я был еще совсем молод, мне довелось пережить то же самое, и я нахожу...

Это ни к чему не привело, и Вальдец испробовал грубость:

– Черт меня побери, да что вы разнюнились из-за дешевки, которая натянула вам нос? Клянусь адским огнем, вот что я скажу: в нашем мире женщин не перечесть, и тот не мужчина, кто забивается скулить в уголок, когда можно любую приласкать без...

Бесполезно. Вальдец попробовал отвлечь внимание друга:

– Смотрите-ка, смотрите, вон там три птички на ветке, у одной в горле нож и в лапке скипетр, а поет она веселее остальных. Чем вы это объясняете, а?

Марвин ничем не объяснял. Невозмутимый Вальдец пытался пробудить в друге жалость к ближнему.

– Знаете, Марвин, малыш, лекари поглядели на эту мою экзему и сказали, что она смахивает на пандемическое импульжение. Жить

мне осталось от силы двенадцать часов, а потом я плачу по счету и освобождаю место за столом для других желающих. Но в свои последние двенадцать часов я вот что хотел бы сделать...

Впустую. Вальдец попытался расшевелить друга философией:

– Простым крестьянам виднее, Марвин. Знаете, что они говорят?

Сломанным ножом не выстругаешь хорошего посоха. По-моему, вам стоило бы подумать об этом, Марвин.

Но Марвин в прострации не желал об этом думать. Вальдец качнулся к гиперстрацианской этике:

– Значит, считаете себя раненным? Но рассудите: личность невыразима, уникальна и не чувствительна к внешним воздействиям. Поэтому ранена только рана: а она, будучи внешней по отношению к субъекту и чуждой интуиции, не создает повода для боли.

Марвин остался непоколебим. Вальдец обратился к психологии.

– Утрата возлюбленной, по Штейнметцеру, есть ритуально воспроизведенная утрата фекальной личности. Как ни забавно, мы то полагаем, что скорбим о дорогих ушедших, а на самом деле убиваемся по невозвратимо утраченным экскрементам.

Но и эти слова не пробили броню пассивности Марвина. Его меланхоличная отвлеченность от всех человеческих ценностей казалась необратимой: такое впечатление усилилось, когда в один прекрасный день перестало тикать кольцо в носу. Никакая это была не бомба, а всего лишь серое предупреждение Мардуку Красу от избирателей. Над Марвином больше не висела непосредственная угроза, что ему разнесет голову.

Но и внезапная удача не вывела его из роботоподобного состояния. Его это ничуть не тронуло, он лишь мимоходом отметил про себя свое спасение, как отмечают проблеск солнышка из-за тучи.

Казалось, ничто не может на него повлиять. Даже терпеливый Вальдец в конце концов воскликнул:

– Марвин, вы паршивый зануда!

Но Марвин, нисколько не задетый, упорствовал в своем горе. И Вальдецу, да и всем добрым людям Сан-Рамона думалось, что этого человека не исцелить никакими силами.

И все же, как мало известно нам об изгибах и поворотах человеческого разума! Ибо на другой же день вопреки всем

ожиданиям произошло новое событие: оно наконец-то сломило отрешенность Марвина и нечаянно настежь распахнуло шлюзы впечатлительности, за которыми он укрывался.

Одно-единственное событие! (Правда, само по себе оно было началом новой цепи случайностей – неприметным первым шагом в еще одной из бесчисленных драм вселенной.) Началось, как ни нелепо, с того, что Марвин заметил в толпе лицо. Лицо странное, до тревоги знакомое. Где он успел изучить эту линию скул и лба, эти карие, чуть раскосые глаза, этот решительный подбородок?

Потом вспомнил: все это он давным-давно видел в зеркале.

Вот оно, настоящее, неподдельное лицо Марвина Флинна: его собственное лицо и тело, те самые, которые он давно искал и которых давно был лишен. Вот он, подлинный, неповторимый облик единственного и неподражаемого Марвина Флинна – ныне одухотворенного преступным разумом Зе Краггаша, похитителя тела!

Над Марвином насмешливо глумилось его собственное лицо! И настоящий Марвин Флинн, с которого мигом слетела вся пассивность, в гневе шагнул вперед и замахнулся кулаком.

Увидев его, Краггаш на мгновение остановился: его (Марвиновы) глаза являли собой этюд в шоковых тонах, пальцы отбивали мелкую дрожь, уныло опущенные губы кривились в нервном тике. Затем Краггаш стремительно повернулся и опрометью бросился в узкую, темную и зловонную аллею.

Марвин Флинн не совсем еще потерял рассудок. У входа в зловещий тупик он замешкался: благоразумие подсказывало, что надо обзавестись помощником, прежде чем пускаться по неизученным виткам аллеи. Но он успел заметить, что под руку с Краггашем в аллее вот-вот скроется тоненькая фигурка.

Не может быть... И все же это действительно она – Кэти! Один раз она оглянулась, но серые глаза не узнали его. Потом она тоже исчезла в змеиных кольцах аллеи.

У здравого смысла, как великолепно знают лемминги, есть свои пределы. В этот миг эмоции Марвина преодолели его потенциальный самоконтроль. Он рванулся вперед – лицо пылало бессмысленной яростью, невидящие глаза налились кровью, щеки посерели, челюсть отвисла, как у припадочного, рот свела risus

sardonicus[19], точно у малайца в амоке.

Пять шагов он сделал вслепую по тесной, тошнотворной аллее. На шестом под ногами у него осела плита – часть мостовой повернулась на скрытой оси. Марвина катапультировало вниз головой по спиральному каменному желобу, а над ним предательская плита аккуратно вернулась в исходное положение.

Глава 23

Сознание возвращалось с мучительной смутностью. Марвин открыл глаза и обнаружил, что угодил в подземную темницу.

Темницу освещали только фырчащие факелы, вставленные в двойные железные подставки на стенах. Потолок, казалось, прижимал Марвина к полу – такой он был каменнобрюхий и угнетающий.

С холодного гранита свисали непристойно растопыренные наросты, гирлянды плесени. Все было оборудовано в расчете на подавление человеческой души – промозглый гранит леденил как могила, эхо смаковало пронзительные крики боли, окраска с омерзительной точностью воспроизводила трупный цвет.

Откуда-то из тени выступил Краггаш.

– Похоже на то, – неторопливо произнес он, – что фарс слишком затянулся. Но развязка уже близка.

– Вы, значит, срепетировали последний акт? – хладнокровно спросил Марвин.

– Актеры знают роли наизусть, – ответил Краггаш и небрежно щелкнул пальцами.

В круг света от факелов выступила Кэти.

– Это выше моего разумения, – сказал Марвин просто.

– Ох, Марвин, как объясню я свою мнимую измену? – вскричала Кэти, и из ее серых с поволокой глаз хлынули слезы. – Что сделать, чтобы ты понял, какое множество веских причин толкнуло меня на брак с Краггашем?

– Брак! – воскликнул Марвин.

– Я не смела признаться раньше – боялась, что ты рассердишься, – жалобно сказала Кэти. – Но, поверь, Марвин, он завлекал меня

[19] Саркастическая усмешка (лат.)

угрозами и равнодушием, а покорил темной силой – не стану притворяться, будто поняла ее природу. Больше того, наркотиками, двусмысленностями и коварными искусными ласками ему удалось одурманить меня и внушить мне поддельную страсть, так что в конце концов я стала трепетать, стоило мне коснуться его ненавистного тела или ощутить влажность постылых губ. И все это время мне не было дано утешаться религией и не было дано отличать истинное от ложного, и потому я уступила. Нет и не будет мне прощения ни в этой жизни, ни в следующей. Да я его и не прошу.

– Ах, Кэти, Кэти, бедняжка моя Кэти! – твердил Марвин плачущей девушке.

– Ха, ха, ха! – засмеялся Краггаш. – Трогательная сценка, но скверно сыграна и к делу не относится. Впрочем, хватит. Входит новое и последнее действующее лицо!

Краггаш опять щелкнул пальцами. Из тени выступил человек в маске, с головы до ног закутанный в черное, с большой обоюдоострой секирой через плечо.

– Здрав будь, палач, – протянул Краггаш. – Вперед же, и исполни свой долг. Палач вышел вперед и провел пальцами по лезвию секиры. Он занес оружие над головой, постоял в неподвижности и – о ужас! – захихикал.

– Руби! – взвыл Краггаш. – Ты что, ума решился? Руби, тебе говорят!

Но палач, не переставая хихикать, опустил секиру. Затем ловкими пальцами сорвал с себя маску.

– Сыщик Урдорф! – закричал Марвин.

– Да, это я, – сказал марсианский сыщик. – Мне очень жаль, Марвин, что мы причинили вам столько треволнений, но только так можно было успешно раскрыть дело. Мы с коллегой решили...

– С коллегой? – переспросил Марвин.

– Я имею в виду, – криво усмехнулся Урдорф, – чрезвычайного агента Кэтрин Мульвейви.

– Я... я, кажется, понимаю, – промямлил Марвин.

– Вообще-то все довольно просто, – сказал сыщик Урдорф. – Работая над вашим телом, я, как водится, прибег к услугам и к помощи других сыскных агентств. Трижды мы чуть не схватили

преступника; но каждый раз ему удавалось ускользнуть. Так бы тянулось до бесконечности, не замани мы его в ловушку. Мы исходили из здравой теории: если Краггаш вас убьет, то станет законным хозяином вашего тела и не будет бояться, что с него потребуют возврата. И наоборот, пока вы живы, он не будет знать ни минуты покоя.

Итак, мы вовлекли вас в наш смертоубийственный план действий, надеясь, что Краггаш не устоит перед соблазном вас уничтожить. Остальное – детали.

Обернувшись к преступнику, сыщик Урдорф спросил:

– Краггаш, не желаете ли что-нибудь прибавить?

Вор с лицом Марвина элегантно прислонился к стене, скрестив руки, преисполненный достоинства.

– Осмелюсь сделать одно-два замечания, – сказал Краггаш. – Прежде всего позвольте доложить: ваш план был неуклюж и очевиден. Я с самого начала знал, что дело нечисто, и пошел на него в слабой надежде, что оно вдруг окажется верным. Поэтому такой финал меня не удивляет.

– Забавное рассуждение, – вставил Урдорф.

Краггаш пожал плечами.

– Во-вторых, хочу сообщить вам, что не испытываю ни малейших угрызений совести по поводу своего так называемого преступления. Если человек не умеет сохранить собственное тело, значит он заслуживает потери его. Я прожил долгую и бурную жизнь и заметил, что люди по первому требованию отдают свое тело любому проходимцу, а свой разум – в рабство каждому, кто потребует. Поэтому большинство людей неспособны отстоять даже природные свои права на тело и разум, предпочитая избавляться от этих хлопотных эмблем свободы.

– Вот классическая апология преступника, – заметил сыщик Урдорф.

– То, что совершает один человек, вы называете преступлением, – возразил Краггаш, – а то, что совершают многие, вы называете правительством. Лично я разницы не улавливаю, а потому отказываюсь ею руководствоваться.

– Мы можем тут играть словами целый год, – сказал сыщик Урдорф. – Но у меня нет времени на такие разминки. Испытайте

свою логику на тюремном капеллане, Краггаш. Вы арестованы за незаконный Обмен Разумов, покушение на убийство и крупное хищение. Итак, я раскрыл дело номер сто пятьдесят восемь и переломил полосу неудач.

– В самом деле? – холодно вымолвил Краггаш. – По-вашему, все и впрямь так просто? Вы не учли, что в норе бывает второй вход.

Он явно издевался.

– Держи его! – заорал сыщик Урдорф.

Он, Марвин и Кэти устремились к Краггашу. Но, прежде чем они подошли вплотную, преступник поднятой рукой, быстро очертил магический круг в воздухе.

Круг пылал ослепительным пламенем!

Краггаш просунул в круг одну ногу. Нога исчезла.

– Если я вам нужен, – поддразнил он преследователей, – то вы знаете, где меня найти.

Они кинулись к нему, но Краггаш уже вступил в круг и исчез целиком, виднелась одна голова. Он подмигнул Марвину, и вот не стало и головы – только огненный круг. – Скорей! – орал

Марвин. – Хватай его!

Он повернулся к Урдорфу и с изумлением увидел, что плечи сыщика поникли, а унылое лицо посерело от отчаянья.

– Скорее! – крикнул Марвин.

– Бесполезно, – сказал Урдорф. – Я-то думал, что предусмотрел любые неожиданности... Но не эту. Молодчик явно невменяем.

– Что теперь делать? – взревел Марвин.

– Ничего, – сказал Урдорф. – Он ушел в Искаженный Мир, а я провалил дело номер сто пятьдесят восемь.

– Но ведь можно последовать за ним! – объявил Марвин, придвигаясь к пылающему кругу.

– Нет! Нельзя! – объявил Урдорф. Вы не понимаете... Искаженный Мир означает смерть или безумие... или и то и другое! Шансы на возвращение у вас до того малы...

– Не меньше, чем у Краггаша, – прокричал Марвин и вступил в круг. – Погодите, вы все еще не понимаете! – прокричал Урдорф. – У Краггаша нет ни единого шанса!

Но заключительных слов Марвин не расслышал, ибо уже исчез в пламенеющем круге, и его неудержимо повлекло в странные и неизведанные просторы Искаженного Мира.

Глава 24

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСКАЖЕННОМ МИРЕ

«...итак, благодаря уравнениям Римана-Хаке была, наконец, математически доказана теоретическая необходимость твистерманновой пространственной зоны логической деформации. Эта зона получила название Искаженного Мира, хотя на самом деле не искажена и миром не является. И наконец, по странной иронии судьбы, важнейшее третье определение Твистермана (относительно того, что Зону можно рассматривать как участок вселенной, работающий в качестве хаотического противовеса логической устойчивости первичной структуры) оказалось излишним».

Статья «Искаженный мир», «Галактическая Энциклопедия Универсальных Знаний», издание 483-е «...поэтому содержание (если не сущность) нашей мысли лучше всего передается термином „зеркальная деформация“. В самом деле, как мы убедились,

Искаженный Мир выполняет нужную, но отвратительную роль – привносит неопределенность во все явления и процессы, тем самым делая вселенную теоретически и практически самодовлеющей».

Из «Размышлений математика», Эдгар Хоуп Гриф, «Эвклид-Сити Фри Пресс» «Но, несмотря на все это, для потенциального самоубийцы, странствующего по Искаженному Миру, можно привести несколько чисто эмпирических правил.

Помни, что в Искаженном Мире все правила ложны, в том числе и правило, перечисляющее исключения, в том числе и наше определение, подтверждающее правило.

Но помни также, что не всякое правило обязательно ложно, что любое правило может быть истинным, в том числе данное правило и исключение из него.

В Искаженном Мире время не соответствует твоим представления о нем. События могут сменять друг друга быстро (это удобно), медленно (это приятно) или вообще не меняться (это противно).

Вполне возможно, что в Искаженном Мире с тобой совершенно ничего не случится. Рассчитывать на это неразумно, но столь же неразумно не быть готовым к этому.

Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности; третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее. Подобным же образом один мир совершенно не похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности, и так далее.

Труднее всего прогнозирование; как угадать, в каком ты мире, прежде чем Искаженный Мир не откроет тебе этого каким-нибудь бедствием?

В Искаженном Мире, как и во всяком другом, ты можешь найти самого себя. Но лишь в Искаженном Мире такая находка обычно оказывается роковой.

Привычное оборачивается потрясением… в Искаженном Мире.

Искаженный Мир удобно (но неверно) представлять себе перевернутым миром Майи или миром иллюзии. Ты обнаружишь, что призраки вокруг тебя реальны, тогда как ты – воспринимающее их сознание – и есть иллюзия. Открытие поучительное, хотя и

убийственное.

Некий мудрец однажды спросил: «Что будет, если я войду в Искаженный Мир, не имея предвзятых идей?» Дать точный ответ на такой вопрос невозможно, однако мы полагаем, что к тому времени, как мудрец оттуда выйдет, предвзятые идеи у него появятся. Отсутствие убеждений не самая надежная защита.

Некоторые считают высшим достижением интеллекта открытие, что решительно все можно вывернуть наизнанку и превратить в собственную противоположность. Исходя из такого допущения, можно поиграть во многие занятные игры; но мы не призываем вводить его в Искаженном Мире. Там все догмы одинаково произвольны, включая догму о произвольности догм.

Не надейся перехитрить Искаженный Мир. Он больше, меньше, длиннее и короче, чем ты. Он недоказуем. Он просто есть.

То, что уже есть, не требует доказательств. Все доказательства суть попытки чем-то стать. Доказательство истинно только для самого себя; оно не свидетельствует ни о чем, кроме наличия доказательств, а это ничего не доказывает.

То, что есть, невероятно, ибо все отчуждено, ненужно и грозит рассудку.

Возможно, эти замечания об Искаженном Мире не имеют ничего общего с Искаженным Миром. Но путешественник предупрежден».

Из «О неумолимости правдоподобного» Зе Краггаша (библиотека имени Марвина Флинна)

Глава 25

Переход совершился внезапно и вовсе не так, как ожидал Марвин. Он наслушался историй об Искаженном Мире и смутно представлял себе страну тающих теней и изменчивых красок, страну гротесков и чудес. Но тотчас же убедился, что его представления были романтичны и узколобы.

Марвин ожидал в тесной приемной. Воздух был спертый от пота и жаркого парового отопления, а Марвин сидя на длинной деревянной скамье вместе с несколькими десятками людей. Взад и вперед разгуливали скучающие клерки, они сверялись с бумагами да изредка подзывали кого-нибудь из ожидающих. Затем шепотом

велись какие-то переговоры. Время от времени кто-нибудь терял терпение и уходил. Время от времени появлялся новый посетитель.

Марвин ждал и наблюдал.

Минуты текли медленно, в комнате стало темно, кто-то включил верхний свет. А его фамилию еще не называли. Марвин покосился на соседей справа и слева, скорее от тоски, чем из любопытства.

Сосед слева был очень длинный и похожий на мертвеца, с гноящимся фурункулом на шее, так, где тер воротничок. Сосед слева был низенький, толстый, краснолицый и дышал с присвистом.

– Как вы думаете, долго еще придется ждать? – спросил Марвин у толстяка, не для того, чтобы действительно узнать, а просто, желая убить время.

– Долго? Долго ли? – ответил толстяк. – Чертовски долго, вот что я вам скажу. Здесь в Автотранспортном бюро, этих проклятых графьев нельзя поторопить, даже если у вас и дела-то всего – продлить обыкновенные водительские права, а я здесь именно для этого.

Человек, похожий на мертвеца, рассмеялся – словно палкой забарабанил по пустой канистре из-под бензина.

– Долго же тебе придется ждать, малыш, – сказал он, – ведь ты попал в Департамент благосостояния. Отдел мелких сумм.

Марвин задумчиво сплюнул на пыльный пол и заявил:

– К сожалению, джентльмены, оба вы не правы. Я пытался вам сказать, что мы сидим в Департаменте, или, точнее, в приемной Департамента рыбной ловли. И, по-моему, просто безобразие, когда гражданин и налогоплательщик не может даже поудить рыбу в налогооплаченном водоеме, не потеряв полсуток на то, чтобы выправить лицензию.

Все трое метали друг в друга злобные взгляды. (В Искаженном Мире героев вообще не бывает, обещаний чертовски мало, точек зрения кот наплакал, а свершений – иголка на стог сена.) Они метали друг в друга молнии глазами, в которых забрезжило не слишком чудовищное подозрение. У человека, похожего на мертвеца, закапала кровь с кончиков пальцев. Марвин и толстяк в смущении нахмурились и притворились, будто ничего не заметили. Человек, похожий на мертвеца, беспечно сунул нашкодившую руку в карман с непромокаемой подкладкой. Тут пришел клерк.

– Кто из вас будет Джеймс Гриннел Стармахер? – спросил он.

– Это я, – ответил Марвин. – И позвольте вам заметить, я жду здесь не первый час и считаю, что стиль работы в вашем Департаменте порочный.

– Да ладно, – сказал клерк, – это потому, что еще не получены машины. – Он взглянул в бумаги. – Вы подавали прошение о трупе?

– Совершенно верно, – подтвердил Марвин.

– И вы обязуетесь не использовать упомянутый труп в аморальных целях?

– Обязуюсь.

– Потрудитесь изложить мотивы, побуждающие вас приобрести труп.

– Я намерен использовать его как украшение.

– По какому праву?

– Я специально изучал оформление интерьеров.

– Укажите фамилию, или опознавательный кодовый номер, или и то и другое последнего из приобретенных вами трупов.

– Таракан, – выпалил Марвин. – Номер 3(32)A5345.

– Кто умертвил?

– Я сам. У меня лицензия на умерщвление всех тварей, не относящихся к моему племени, кроме самых редких, как, например, золотые орлы и ламантины.

– Цель последнего умерщвления?

– Ритуальное очищение.

– Прошение удовлетворено, – сказал клерк. – Выбирайте труп.

Толстяк и человек, похожий на мертвеца, с надежной смотрели на Марвина влажными глазами. Искушение было велико, но Марвин его поборол. Обернувшись к клерку, он произнес:

– Я выбираю вас.

– Так и запишем, – сказал клерк и черкнул что-то в своих бумагах. Лицо его превратилось в лицо псевдо-Флинна.

Марвин одолжил у человека, похожего на мертвеца, поперечную пилу и не без труда отпилил клерку руку. Клерк тихо скончался, лицо его снова стало прежним.

Толстяк посмеялся над замешательством Марвина.

– Перевод из одной субстанции в другую кое-что дает, – поддразнил он. – Но, не достаточно, верно? Желание придает плоти

нужную форму, но хозяином положения остается скульптор – смерть.

Марвин плакал. Человек, похожий на мертвеца, ласково притронулся к его плечу.

– Не переживай всерьез, малыш. Лучше отметить символически, чем вообще не отомстить. План у тебя был хороший, а его единственный минус от тебя не зависел. Дело в том, что Джеймс Гриннел Стармахер – это я.

– А я труп, – сказал труп клерка. – Когда мстишь, лучше ошибиться адресом, чем вообще не отомстить.

– Я пришел сюда продлить водительские права, – сказал толстяк. – Ну вас ко всем чертям вместе с вашим глубокомыслием! Будут меня тут обслуживать или нет?

– Безусловно, сэр, – заверил его труп клерка. – Но в моем нынешнем состоянии я могу выдать вам лицензию лишь на отлов дохлой рыбы.

– Живая, дохлая, какая мне разница? – сказал толстяк. – Главное – рыбалка, а кого ты поймал – это не так уж важно.

Он повернулся к Марвину – может быть, собираясь развить свою мысль. Но Марвин уже, исчез.

И без всякого перехода очутился в большой квадратной безлюдной комнате.

Вместо стен здесь были стальные плиты, от пола до потолка добрая сотня футов высоты. Там, наверху, находились прожекторы и стеклянная кабина управления. Из-за стекла на Марвина глядел Краггаш.

– Опыт 342, – решительно заговорил Краггаш нараспев. – Тема: смерть. Постановка проблемы: можно ли умертвить человека? Примечания: вопрос о том, смертны ли люди, давно озадачивает величайших мыслителей. Вокруг смерти сложился обширный фольклор, веками скапливались неподтвержденные сведения об умерщвлениях. Более того, время от времени предъявлялись трупы, явно без всяких признаков жизни, и объявлялись останками людей. Невзирая на повсеместность таких трупов, нет ни малейших, даже косвенных доказательств того, что они когда-либо жили, не говоря уж о том, что они были людьми. Ввиду изложенного, с целью раз и навсегда прояснить вопрос, мы ставим следующий опыт. Этап

первый...

Стальная плита в стене сдвинулась на шарнире. Марвин стремительно обернулся, и вовремя: на него было нацелено копье. Он отскочил (неуклюже – мешала больная нога), и копье просвистело мимо.

Открылись другие плиты. Под всевозможными углами на него посыпались ножи, стрелы, дубинки...

Сквозь одно из отверстий протиснулась портативная газовая камера. В комнату сбросили клубок кобр. На Марвина решительно надвигались лев и танк. Зашипело духовое ружье. Затрещали энергопистолеты. Захрипели огнеметы. Откашлялась мортира.

Комнату залило водой – вода быстро прибывала. С потолка полетели напалмовые бомбы.

Но огонь сжег львов, которые съели змей, которые забились в гаубицы, которые уничтожили копья, которые привели в негодность газовую камеру, которая испарила воду, которая погасила огонь.

Каким-то чудом Марвин остался цел и невредим. Он погрозил Краггашу кулаком, поскользнулся на стальной плите, упал и свернул себе шею. Его удостоили воинского погребения со всеми почестями. Вместе с ним на погребальном костре сгорела его вдова. Краггаш пытался последовать ее примеру, но ему на долю не выпало счастья самосожжения.

Три дня и три ночи пролежал Марвин в гробнице, и все это время у него беспрерывно текло из носа. Вся его жизнь, как при замедленной съемке, прошла у него перед глазами. На исходе третьих суток он воскрес и двинулся дальше.

В каком-то ничем не примечательном крае находились пятеро, и была им дана ограниченная, но несомненная способность ощущать. Одним из пятерых был, допустим, Марвин. Остальные четверо были манекены, стереотипы, наспех слепленные с единственным назначением – обогатить немудрящую ситуацию. Перед пятерыми стояла проблема: кто из них Марвин, а кто – второстепенные фигуры, статисты.

Прежде всего встал вопрос о наименовании. Трое из пяти тотчас же захотели зваться Марвином, четвертый пожелал зваться Эдгаро Флойдом Маррисоном, а пятый потребовал, чтобы его назвали Келли.

– Ладно, хватит, – сказал Первый начальственным тоном. – Джентльмены, может быть, хватит языки чесать, давайте в порядке очередности.

– Еврейский акцент здесь не поможет, – туманно изрек Третий.

– Слушай-ка, – сказал Первый, – а много ли смыслит поляк в еврейском акценте? Кстати, я еврей только наполовину, по отцу, и как я ни уважаю...

– Где я? – проговорил Второй. – Что со мной стряслось, о господи? С тех пор как я уехал из Стэнхоупа...

– Заткнись, макаронник, – цыкнул Четвертый.

– Я не Макаронник, меня зовут Луиджи, – мрачно ответил Второй. – Я жить на твоя великой родина с тех пор, как я маленький мальчик приехать из село Сан Минестроне делла Зуппа, нихт вар?

– Умойся, – хмуро сказал Третий. – Никакой ты не итальяшка на стреме, а просто-напросто второстепенная фигура, статист, да еще с ограниченной гибкостью; так что давай-ка заткни хлебало, прежде чем я проделаю с тобой одну штуку, нихт вар?

– Слушайте, – сказал Первый, – я человек простой, простодушный, и, если вам от этого станет легче, я отрекусь от своих прав на Марвинство.

– Память, память, – пробормотал Второй. – Что со мной приключилось? Кто эти видения, эти болтливые тени?

– Ну, знаешь! – возмутился Келли. – Это дурной тон, старина!

– Это есть чертовски нечестно, – пробормотал Луиджи.

– Призыв не есть созыв, – изрек Третий.

– Но я действительно не помню, – упорствовал Второй.

– Я тоже не больно-то хорошо помню, – сказал Первый. – Но разве я поднимаю из-за этого шум? Я даже не притязаю на звание человека. Если я наизусть цитирую Левитика, это еще ничего не доказывает.

– Святая правда! – взревел Луиджи. – И опровержение тоже ни шиша не доказывает.

– А я-то думал, ты итальянец, – упрекнул его Келли.

– Я и есть итальянец, но вырос в Австралии. История довольно странная...

– Не страннее моей, – сказал Келли. – Вот вы кличьте меня Черным Ирландцем. Но мало кто знает, что детство и отрочество я

провел в меблирашках Ханжоу и вступил добровольцем в канадскую армию, чтобы скрыться от расправы французов за помощь де-голлевцам в Мавритании. Потому-то и...

– Пфуй, алор! – вскричал Четвертый. – Не могу молчать! Одно дело – подвергать сомнению мою личность, другое – чернить мое отечество!

– Твое негодование ничего не доказывает! – вскричал Третий. – Впрочем, мне все равно, я больше не желаю быть Марвином.

– Пассивное сопротивление есть форма нападения, – откликнулся Четвертый.

– Недопустимое доказательство есть все же доказательство, – парировал Третий.

– Не пойму, о чем это вы толкуете, – объявил Второй.

– Недалеко ты уйдешь со своим невежеством, – окрысился Четвертый. – Я категорически отказываюсь быть Марвином.

– Никто не может отказаться от того, чего не имеет, – ехидно вставил Келли.

– Я могу отказаться, от чего захочу, черт возьми! – пылко воскликнул Четвертый. – Мало того, что я отказываюсь от Марвинства; я еще отрекаюсь от испанского престола, поступаюсь диктатурой во Внутренней Галактике и жертвую вечным блаженством в Бахае.

– Отвел душу, детка? Упрощение мило, моей сложной натуре, – сказал Третий. – Кто из вас будет Келли?

– Я, – сказал Келли.

– Ты хоть понимаешь, – спросил Луиджи, – что имена есть только у нас с тобой?

– Это верно, – сказал Келли. – Мы с тобой не такие, как все!

– Эй, минуточку! – сказал Первый.

– Регламент, джентльмены, соблюдайте регламент!

– Держи язык за зубами!

– Держи голову в холоде!

– Держи карман шире!

– Так вот, я и говорю, – продолжал Луиджи. – Мы! Нам! Поименованные согласно доказательствам, основанным на догадке! Келли... будь Марвином, если я буду Краггашем!

– Заметано! – гаркнул Келли, перекрывая ропот манекенов.

Марвин и Краггаш ухмыльнулись друг другу в мимолетной эйфории пьянящего взаимоузнавания. Затем вцепились друг другу в горло. Стали друг друга душить. Трое нумерованных, лишенные природных прав, которых никогда не имели, встали в традиционные позы – позы стилизованной двусмысленности. Двое именованных, получившие индивидуальность, которую все равно присвоили бы себе самовольно, царапались и кусались, исполняли грозные арии и ежились, когда их обличали. Первый наблюдал, пока ему не надоело, после чего стал забавляться кинематографическими наплывами.

Это послужило последней каплей. Все декорации плавно, как жирный поросенок на роликовых коньках, укатились под стеклянную гору, только чуть быстрее.

Вслед за дождем пошел снег, а за ним – два дурака.

Платон писал: «Неважно, что ты там вытворяешь, важно, как ты это вытворяешь». Но потом решил, что мир еще не дорос до такой премудрости, и все стер.

Хаммураби писал: «Непродуманная жизнь не стоит того, чтобы ее прожить». Но он не был уверен, так ли это, и потому все зачеркнул.

Будда писал «Все брамины – дерьмо». Но впоследствии пересмотрел свою точку зрения.

Они…

Схватились….не на жизнь, а на смерть, в титанической битве, которая единожды разгоревшись, стала неизбежной. Марвин нанес Краггашу удар под ложечку, затем снова нанес удар – в нос. Краггаш проворно обернулся Ирландией, куда Марвин вторгся с полулегионом неустрашимых скандинавских конунгов, вынудив Краггаша предпринять на королевском фланге пешечную атаку, которая не могла устоять против покерного флеша. Марвин простер к противнику руки, промахнулся и уничтожил Атлантиду. Краггаш провел драйв слева и прихлопнул комара.

И бушевал кровавый бой на дымящихся болотцах миоцена; какой-то муравейник оплакивал свою матку, а Краггаш кометой непроизвольно врезался в солнце Марвина и рассыпался мириадами воинственных спор. Но Марвин безошибочно отыскал бриллиант среди сверкающих стекляшек, и Краггаш свалился вниз, на

Гибралтар.

Бастион его пал в ту ночь, когда Марвин похитил берберейских обезьян, а Краггаш пересек северную Фракию, упрятав чужое тело в чемодан. Его схватили на границе с Фтистией – страной, которую Марвин наспех выдумал.

Чем больше Краггаш слабел, тем он становился злее, а разозлившись, он все больше слабел. Тщетно изобрел он дьяволопоклонство. Последователи марвинизма падали ниц не перед идолом, а перед символом. Разозленный Краггаш запаршивел: под ногтями появилась грязь, душа обросла волосами.

Вконец обессиленный лежал Краггаш – олицетворение зла, – сжимая в когтях тело Марвина. Кончину его ускорили ритуалы изгнания бесов. И четвертовали его пилой, замаскированной под молитвенное колесо, и размозжили ему голову молотком, замаскированным под кадило. Добрый старый патер Флинн дал ему последнее напутствие: «И не вкусишь хлеба насущного с котлетою». Схоронили Краггаша в гробу, срубленном из живого Краггаша. На могильном камне высекли подобающую эпитафию, а вокруг могилы насадили цветущие краггаши.

Уголок этот тихий. Справа роща краггаш-деревьев, слева нефтеперегонный завод. Тут пустая жестянка из-под пива, там бабочка. А совсем рядышком то самое место, где Марвин открыл чемодан и вынул свое давно утраченное тело.

Он стряхнул с него пыль, расчесал ему волосы, вытер нос и поправил галстук, потом с приличествующим случаю почтением напел.

Глава 26

И вот Марвин Флинн вернулся на Землю и в собственное тело.

Он приехал в родной Стэнхоуп и увидел, что там все по-прежнему. Городок, как раньше, географически находился милях в трехстах от Нью-Йорка, а в духовном и эмоциональном отношениях отстоял от него на целое столетие. Точь-в-точь, как всегда, он изобиловал садами и пегими коровами на фоне зеленых холмистых пастбищ. Вековечны были усаженная вязами Мэйн-стрит и одинокий ночной вопль реактивного лайнера.

Никто не спросил Марвина, где он пропадал. Даже лучший друг Билл Хейк решил, что Марвин вернулся из увеселительной поездки в какой-нибудь туристский рай – Шинкай или дождевой лес в нижнем течении Итури.

Поначалу несокрушимое постоянство городка угнетало Марвина не меньше, чем сюрпризы Обмена Разумов или чудовищные головоломки Искаженного Мира. Постоянство, казалось Марвину экзотикой; он все ждал, что оно, постепенно исчезнет.

Но такие места, как Стэнхоуп, не исчезают, а такие ребята, как Марвин, постепенно растрачивают увлеченность и высокие идеалы.

По ночам в одиночестве мансарды Марвину часто снилась Кэти. Ему все еще трудно было представить, что она чрезвычайный агент Межпланетной Службы Бдительности. А ведь был в ее повадках намек на властность, был в глазах блеск прокурорского фанатизма.

Он любил ее и знал, что всегда будет по ней тосковать, но тоска устраивала его больше, чем обладание.

И по правде сказать, ему уже приглянулась (точнее, заново приглянулась) Марша Бэкер, хорошенькая и скромная дочка Эдвина Марша Бэкера – крупнейшего в Стэнхоупе торговца недвижимостью.

Пусть Стэнхоуп не лучший мир из всех возможных, но это лучший мир из тех, что видел Марвин. Тут вещи не подкладывают тебе свинью, а ты не подкладываешь свинью вещам. В Стэнхоупе метафорическая деформация немыслима: корова уж точно корова, и называть ее как-нибудь иначе – недопустимая поэтическая вольность.

Итак, бесспорно: в гостях хорошо, а дома лучше; и Марвин поставил перед собой задачу наслаждаться привычным, что, как утверждают сентиментальные мудрецы, есть вершина человеческой мудрости.

Жизнь его омрачали лишь два сомнения. Первым и главным был вопрос: каким образом Марвин вернулся на Землю из Искаженного Мира?

Он всесторонне продумал этот вопрос, куда более страшный, чем может показаться с первого взгляда. Марвин понял, что в Искаженном Мире нет ничего невозможного и даже ничего невероятного. Есть в Искаженном Мире причинная связь, но есть и отсутствие причинной связи. Ничто там не обязательно, ничто не

необходимо.

Поэтому вполне допустимо, что Искаженный Мир отбросил Марвина назад, на Землю, продемонстрировав свою власть над ним тем, что отказался от этой власти.

По-видимому, именно так все и произошло. Но был ведь и другой, менее приятный вариант.

Теорема Дургэма формулирует его следующим образом: «Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности, третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее».

Это означало, что Марвин, возможно, все еще пребывает в Искаженном Мире, и Земля, воспринимаемая его сознанием, – всего лишь эфемерная эманация, мимолетное мгновение порядка в стихийном хаосе, – обречена с минуту на минуту вновь раствориться в стихийной бессмыслице Искаженного Мира.

Отчасти это было неважно, ибо ничто не вечно под луной, кроме наших иллюзий. Но никто не хочет, чтобы его иллюзии оказались под угрозой, и потому Марвин старался выяснить, на каком он свете.

На Земле он или на ее дубле?

Нет ли здесь приметной детали, не соответствующей той Земле, где он родился? А может быть, таких деталей несколько? Марвин искал их во имя своего душевного покоя. Он обошел Стэнхоуп и его окрестности, осмотрел, исследовал и проверил флору и фауну.

Все оказалось на своих местах. Жизнь шла заведенным чередом; отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца.

Он отправился на север, в Бостон и Нью-Йорк, потом на юг, в необозримый край Филадельфия – Лос-Анджелес. Казалось, все в порядке.

Он подумывал о том, чтобы пересечь страну с запада на восток под парусами по великой реке Делавэр и продолжить свои изыскания в больших городах Калифорнии – Скенектеди, Милуоки и Шанхае.

Однако передумал, сообразив, что бессмысленно провести жизнь в попытках выяснить, есть ли у него жизнь, которую можно как-то провести.

Кроме того, можно было предположить, что даже если Земля

изменилась, то изменились также его органы чувств и память, так что все равно ничего не выяснишь.

Он лежал под привычным зеленым небом Стэнхоупа и обдумывал это предположение. Оно казалось маловероятным. Разве дубы-гиганты не перекочевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении темного спутника? Разве у тройных лун не появлялись каждый месяц новые кометы в новолуние?

Марвина успокоили эти привычные зрелища. Все казалось таким же, как всегда. И потому охотно и благосклонно Марвин принял свой мир за чистую монету, женился на Марше Бэкер и жил с нею долго и счастливо.

Четыре стихии

Элистер Кромптон был стереотипом, и это постоянно возмущало его самого. Но что поделаешь? Хочешь не хочешь, а он моноличность, однолинейный человек, все желания которого нетрудно предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого. Но хуже всего было то, что и внешность его как нельзя более соответствовала его характеру.

Был он среднего роста, болезненно-худощав, остронос, его губы были всегда поджаты, уже появились большие залысины надо лбом, а за толстыми линзами его очков скрывались водянистые, тусклые глаза; лицо его покрывала редкая растительность.

Словом, Кромптон выглядел клерком. Он и был клерком.

Посмотришь на него и скажешь: ну и тип, мелочный, пунктуальный, осторожный, нервный, пуританского склада, злопамятный, забитый, осмотрительный и сдержанный. Диккенс изобразил бы его человеком с повышенным чувством собственной значимости, который вечно торчит в конторе, взгромоздившись на высокий табурет, и царапает в пыльных скрижалях историю какой-нибудь старой респектабельной фирмы.

Врач XIII века углядел бы в Кромптоне воплощение одного из четырех темпераментов, соответствующих свойствам основных стихий, а именно: Меланхолического темперамента Воды. Причина этого — в избытке холодной, черной желчи, которая порождает брюзгливость и замкнутость.

Более того, сам Кромптон мог бы стать доказательством правильности теории Ломброзо и Крэтшмера, притчей-предупреждением, гиперболой католизма и печальной карикатурой на человечество.

И опять-таки, хуже всего то, что Кромптон полностью сознавал всю аморфность, слабость, тривиальность своей натуры и, сознавая это, негодовал, но ничего не мог изменить, только ненавидел досточтимых докторов, которые сделали его таким.

Кромптон с завистью наблюдал, что его окружают люди во всей манящей сложности своих противоречивых характеров, люди, восстающие против тех банальностей, которые общество пытается

навязать им. Он видел отнюдь не добросердечных проституток; младших офицеров, ненавидевших жестокость; богачей, никогда не подававших милостыни; он встречал ирландцев, которые терпеть не могли драк; греков, которые никогда не видели кораблей; французов, которые действовали без расчета и логики. Казалось, большинство людей живет чудесной, яркой жизнью, полной неожиданностей, то взрываясь внезапной страстью, то погружаясь в странную тишину, поступая вопреки собственным словам, отрекаясь от своих же доводов, сбивая тем самым с толку психологов и социологов и доводя до запоя психоаналитиков.

Но для Кромптона, которого в свое время врачи ради сохранения рассудка лишили всего этого духовного богатства, такая роскошь была недостижима.

Всю свою жизнь день за днем ровно в девять часов утра Кромптон с непреклонной методичностью робота добирался до своего стола. В пять пополудни юн уже аккуратно складывал гроссбухи и возвращался в свою меблированную комнатку. Здесь он съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. Каждую субботу вечером, пробившись сквозь толчею легкомысленных, веселых подростков, Кромптон смотрел кино. По воскресеньям и праздничным дням Кромптон изучал геометрию Эвклида, потому что верил в самосовершенствование. А раз в месяц Кромптон прокрадывался к газетному киоску и покупал журнал непристойного содержания. В уединении своей комнаты он с жадностью поглощал его, а потом в экстазе самоуничижения рвал ненавистный журнал на мелкие кусочки.

Кромптон, конечно, знал, что врачи превратили его в стереотип ради его собственного блага, он пытался примириться с этим. Какое-то время он поддерживал компанию с подобными себе, плоскими и мелкими, глубиною в сантиметр, личностями. Но все они были высокого мнения о себе и оставались самодовольными и чопорными в своей косности. Они были такими с самого рождения, в отличие от Кромптона, которого врачи перекроили в одиннадцать лет. Скоро он понял, что для окружающих такие, как он, да и сам он, просто невыносимы.

Он изо всех сил старался вырваться из удручающей

ограниченности своей натуры. Одно время он серьезно подумывал об эмиграции на Венеру или Марс, но так ничего и не предпринял для этого. Обратился он как-то в Нью-йоркскую Контору Бракосочетаний, и они устроили ему свидание. Кромптон шел на встречу со своей незнакомой возлюбленной к театру Лоу Юпитера, воткнув в петлицу белую гвоздику. Однако за квартал до театра его прохватила такая дрожь, что он вынужден был поспешить домой. В этот вечер, чтобы немного прийти в себя, он разгадал шесть кроссвордов и разложил девять пасьянсов. Но даже эта встряска была кратковременной.

Несмотря на все старания, Кромптон мог действовать только в узких рамках своего характера. Его ярость против себя и досточтимых докторов росла, и, соответственно, росло его стремление к самопреобразованию. Но у Кромптона был лишь один путь к достижению удивительного многообразия человеческих возможностей, внутренних противоречий, страстей — словом, всего человеческого. И ради этого он жил, работал и ждал и, наконец, достиг тридцатипятилетнего возраста. Только в этом возрасте, согласно федеральному закону, человек получал право на Реинтеграцию личности.

На следующий день после этой знаменательной даты Кромптон уволился с работы, взял в поте лица заработанные сбережения — результат семнадцатилетнего труда — и отправился с визитом к своему врачу, твердо решив вернуть себе то, что в свое время было у него отнято.

Старый доктор Берренгер провел Кромптона в свой кабинет, усадил в удобное кресло и спросил:

— Ну, парень, давно я тебя не видел, как дела?

— Ужасно, — ответил Кромптон.

— Что тебя беспокоит?

— Я сам, — ответил Кромптон.

— Ага, — сказал старый доктор, внимательно глядя в лицо Кромптона, типичное лицо клерка. — Чувствуешь себя немного ограниченным, э?

— Ограниченный — не совсем то слово, — натянуто возразил Кромптон. — Я машина, робот, ничто...

— Ну, ну, — сказал доктор Берренгер. — Все не так уж плохо, я

уверен. Чтобы приспособиться, нужно время...

— Меня тошнит от самого себя, — решительно заявил Кромптон. — Мне необходима Реинтеграция.

На лице доктора отразилось сомнение.

— И к тому же, — продолжал Кромптон, — мне уже тридцать пять. По федеральному закону я имею право на Реинтеграцию.

— Имеешь, — согласился доктор Берренгер. — Но как твой друг, как врач я настоятельно советую тебе, Элистер, не делай этого.

— Почему?

Старый доктор вздохнул и сложил пальцы рук пирамидкой.

— Это опасно для тебя. Чрезвычайно опасно. Это может стать роковым шагом.

— Но хоть один шанс у меня есть или нет?

— Почти нет.

— Тогда я требую осуществить мое право на Реинтергацию.

Доктор снова вздохнул, подошел к своей картотеке и вынул толстую историю болезни.

— Ну что ж, обратимся к твоему случаю, — сказал он. Элистер Кромптон родился в Амундсвилле на Земле Мари Берт в Антарктиде, родителями его были Лиль и Бесс Кромптоны. Отец работал техником на Шотландских плутониевых рудниках, мать была занята неполный рабочий день сборкой транзисторов на одном маленьком радиозаводе. У обоих зарегистрировано вполне удовлетворительное умственное и физическое развитие. Маленький Элистер проявил все признаки отличной послеродовой приспособляемости.

Первые девять лет жизни Элистер рос нормальным во всех отношениях ребенком, если не считать некоторой угрюмости; но дети нередко бывают угрюмыми. А в остальном Элистер был любознательным, живым, любящим, добродушным созданием, а в смысле интеллектуальном стоял гораздо выше своих сверстников. Когда ему исполнилось десять лет, угрюмость заметно возросла. Иногда часами ребенок оставался сидеть в своем кресле, глядя в пустоту и порой даже не откликаясь на собственное имя.

Эти «периоды зачарованности» появлялись все чаще и становились интенсивнее. Мальчик сделался раздражителен местный врач выписал успокаивающее. Однажды, когда Элистеру было десять лет и семь месяцев, он без видимой причины ударил

маленькую девочку. Та закричала — он попытался задушить ее. Убедившись, что это ему не по силам, он поднял школьный учебник, самым серьезным образом намереваясь раскроить им череп девочки. Какой-то взрослый оттащил брыкающегося, орущего Элистера. Девочка получила сотрясение мозга и почти год провела в больнице.

Когда Элистера расспрашивали об этом инциденте, он утверждал, что ничего такого не делал. Может быть, это сделал кто-нибудь другой. Он никогда никому не причинил бы зла и уж во всяком случае, не этой маленькой девочке, которую он очень любил. Дальнейшие расспросы привели к тому, что Элистер впал в оцепенение, которое длилось пять дней.

Если бы тогда кто-нибудь сумел распознать во всем этом симптомы вирусной шизофрении, Элистера можно было бы спасти. Даже у очень молодых эта болезнь легко поддавалась правильному лечению.

В средней зоне вирусная шизофрения была распространена уже в течение многих веков, и бывали случаи, когда она принимала размеры подлинных эпидемий, как, например, классическое помешательство на танцах в Средние Века. Иммунология еще не нашла вакцины против вируса. Поэтому стало обычным немедленно прибегать к Полному Расщеплению, пока шизоидные компоненты еще податливы; затем находили и сохраняли в организме доминирующую личность, а остальные компоненты через Проектор Миккльтона помещали в инертное вещество Тел Дюрьера.

Тела Дюрьера — это андроиды, рассчитанные на сорок лет существования. Они, конечно, нежизнеспособны. Но Федеральный закон разрешал Реинтеграцию личности по достижении ею тридцати пяти лет. Шизоиды, развивавшиеся в Телах Дюрьера, могли, по усмотрению доминирующей личности, вернуться в первоначальное тело и разум, где точно по прогнозу происходили Реинтеграция и полное слияние...

Но это получалось, если Расщепление было произведено вовремя.

В маленьком же, заброшенном Амундсвилле местный врач-терапевт прекрасно справлялся с обмораживаниями, снежной слепотой, раком, спиральной меланхолией и другими обычными заболеваниями морозного юга, но о болезнях средней зоны не знал

ничего.

Элистера положили в городскую больницу на исследования.

В течение первой недели он был угрюм, застенчив и чувствовал себя не в своей тарелке, лишь временами прорывалась его былая беззаботность. На следующей неделе он стал проявлять бурную привязанность к ухаживающей за ним няне, которая в нем души не чаяла и называла очаровательным ребенком. Казалось, под ее благотворным влиянием Элистер снова станет самим собой.

На тринадцатый день своего пребывания в больнице Элистер исполосовал лицо нянечке разбитым стаканом, потом сделал отчаянную попытку перерезать себе горло. Когда его госпитализировали, чтобы залечить раны, началась каталепсия, которую врач принял за простой шок. Элистеру прописали покой и тишину, что при данных обстоятельствах было самым худшим для него.

Две недели Элистер находился в кататоническом состоянии, характеризуемом мертвенной бледностью, полным оцепенением. Болезнь достигла своего апогея. Родители отправили ребенка в известную клинику Ривера в Нью-Йорке. Там не замедлили поставить диагноз — вирусная шизофрения в запущенной форме.

Элистер, одиннадцатилетиий мальчик, мало соприкасался с внешним миром, во всяком случае, недостаточно, чтобы в нем выявился активный базис для специалистов. Теперь он почти не выходил из состояния кататонии, его шизоидные компоненты застыли в своей несовместимости. Жизнь его проходила в каком-то странном, непостижимом для других сумеречном мире, и единственно, что заполняло ее, это кошмары. Специалисты пришли к выводу, что Полное Расщепление едва ли поможет в этом запущенном случае. Но без Расщепления Элистер был обречен провести остаток своей жизни в клинике, никогда более не приходя в сознание, оставаясь навеки погребенным в сюрреалистических темницах своего сознания.

Его родители выбрали меньшее из зол и подписали бумаги, разрешающие врачам предпринять запоздалую, отчаянную попытку Расщепления.

Элистер перенес эту операцию, когда ему было одиннадцать лет и один месяц. Под глубоким гипнозом специалисты выявили у него

три независимых одна от другой личности. Врачи разговаривали с ними и сделали выбор. Две личности были помещены в Дюрьеровы Тела. Третью личность, которую сочли наиболее для этого подходящей, оставили в первоначальном теле. Все три личности были травмированы, но операция была признана до известной степени удачной.

Доктор Власек, лечащий нейрогипнотизер, отметил в своем отчете, что для всех трех компонентов, поскольку они неадекватны, не соответствуют друг другу, даже по достижении законного возраста — тридцати пяти лет — надежды на успех последующей Реинтеграции нет. Слишком поздно произведено было Расщепление, и шизоидные компоненты потеряли те жизненно необходимые качества, то взаимное согласие, без которых невозможно их слияние, их совместное существование. В своем отчете он настаивал на необходимости лишения их прав на Реинтеграцию, чтобы в дальнейшем они существовали только в их новом, разрозненном состоянии.

Двое в Дюрьеровых Телах получили новые имена и сопровождаемые наилучшими пожеланиями докторов были помещены в детские приюты — один на Марсе, другой на Венере, — почти без всякой надежды на что-либо путное в жизни.

Элистер Кромптон, собственно, доминирующая личность в его подлинном обличий, поправился после операции, но двух третей его натуры, утерянных вместе с шизоидными его частями, ему недоставало. Ему недоставало некоторых чисто человеческих черт, эмоций, способностей, и их уж ему никогда не вернуть, не заменить другими.

Кромптон рос, обладая только теми качествами, которые были присущи собственно его личности: чувством долга, аккуратностью, упорством и осторожностью. Неизбежное в таких случаях разрастание этих качеств привело к тому, что он стал стереотипом, ограниченным человеком, сознающим, однако, свои недостатки и страстно стремящимся к полному выявлению своей личности, к слиянию, Реинтеграции...

— Вот как обстоят дела, Элистер, — сказал доктор Берренгер, захлопывая фолиант. — Доктор Власек решительно возражал против Реинтеграции. Весьма сожалею, но я с ним согласен.

— Но это же мой единственный шанс, — сказал Кромптон.

— Никаких шансов, — возразил ему доктор Берренгер. — Ты можешь заключить эти личности в себя, но у тебя не хватит твердости держать их в узде, слиться с ними. Элистер, мы спасли тебя от вирусной шизофрении, но предрасположение к ней у тебя осталось. Прибегни к Реинтеграции — и тебя ждет функциональная шизофрения, и это уже навсегда.

— Но у других-то получалось! — воскликнул Кромптон.

— Конечно, и у многих. Но не было случая, чтобы это была запущенная шизофрения, чтобы шизоидные компоненты закостенели.

— Я должен использовать последнюю возможность, — сказал Кромптон. — Я требую имена и адреса моих Дюрьеров.

— Да слышишь ли ты, что я тебе говорю? Всякая попытка реинтегрировать приведет либо к тому, что ты сойдешь с ума, либо к еще худшему. Как твой лечащий врач я не могу...

— Дайте адреса, — холодно потребовал Кромптон. — Это мое законное право. Я чувствую, что справлюсь со своими компонентами. Когда они будут в моем подчинении, произойдет слияние. Мы будем действовать как единое целое. И я, наконец, стану полноценным человеком.

— Да ты даже не представляешь себе, что такое эти Кромптоны! — воскликнул доктор. — Ты думаешь, что это ты неполноценный? Да ты вершина этой кучи хлама!

— Мне все равно, что они собой представляют, — сказал Кромптон. — Они часть меня. Пожалуйста, адреса и имена.

Устало покачав головой, доктор написал записку и протянул ее Кромптону.

— Элистер, нечего рассчитывать на успех. Прошу тебя, подумай хорошенько...

— Спасибо, доктор Берренгер, — коротко поклонившись, сказал Кромптон и вышел.

Стоило Кромптону очутиться за порогом кабинета, как вся его самонадеянность словно растаяла. Он не посмел признаться доктору Берренгеру в своих сомнениях, не то добрый старик непременно отговорил бы Элистера от Реинтеграции. Но теперь, когда адреса и имена лежали у него в кармане и вся ответственность легла на его

плечи, Элистера захлестнула тревога. Он лишь дрожал с головы до ног. Он справился с приступом, но ненадолго, лишь до тех пор, пока на такси не добрался до своей комнаты, а там сразу же бросился на кровать.

В течение часа, ухватившись за спинку кровати, как утопающий за соломинку, он корчился в мучительных судорогах. Потом приступ прошел. Он сумел унять дрожь в пальцах настолько, чтобы вытащить из кармана и рассмотреть записку, которую вручил ему доктор.

Первым в записке стояло имя Эдгара Лумиса из Элдерберга на Марсе. Вторым — имя Дэна Стэка, Восточные Болота, на Венере. Больше в записке ничего не было.

Что собой представляли эти самостоятельно существующие компоненты его, Кромптона, личности? Какие характеры, какие формы приняли его отторгнутые сегменты?

В записке об этом не было сказано ни слова. Ему самому предстояло поехать и все выяснить.

Кромптон разложил пасьянс и прикинул, чем он рискует. Его прежний, еще не расщепленный рассудок был явно одержим манией убийства. Предположим, слияние состоится, изменится ли что-нибудь к лучшему? Имеет ли он право выпускать в мир это, по всей вероятности, чудовище? Благоразумно ли предпринимать шаги, которые могут привести его к умопомешательству, кататонии, смерти?

До поздней ночи думал об этом Кромптон. Наконец врожденная осторожность взяла верх. Он аккуратно сложил записку, спрятал ее в ящик стола. Как бы ни хотел он Реинтеграции и целостности, риск был слишком велик, и он предпочел свое теперешнее состояние сумасшествию.

На следующий день он нашел себе место клерка в одной старой респектабельной фирме.

Он был сразу же захвачен привычным ходом дел. Снова с непреклонной методичностью робота каждое утро ровно в девять часов он добирался до своего стола, в пять пополудни он уходил и возвращался в свою меблированную комнату, съедал свой невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать.

И снова в субботу вечером он смотрел кино, по воскресеньям изучал геометрию и один раз в месяц покупал, читал и затем рвал на куски журнал непристойного содержания.

А отвращение к самому себе росло. Он попробовал коллекционировать марки, но вскоре отказался от этого занятия; вступил в Объединенный Клуб Счастья — ушел с первого же чопорного и томительного бала; попробовал овладеть искусством игры в шахматы — бросил. Все это не спасло его от чувства собственной неполноценности.

Он видел вокруг себя бесконечное многообразие человеческих отношений. Недоступное ему пиршество жизни развертывалось перед его взором. Его преследовало видение: еще двадцать лет жизни проходит в монотонных занятиях клерка, а потом еще тридцать, и сорок, и так без отдыха, без срока, без надежды — и только смерть положит этому конец, освободит его.

Шесть месяцев, изо дня в день, методически обдумывал эти проблемы Кромптон. Наконец он решил, что все-таки умопомешательство лучше его нынешнего состояния.

Он ушел с работы и снова забрал все свои старательно накопленные сбережения. На этот раз он купил билет до Марса, чтобы отыскать там Эдгара Лумиса из Элдерберга.

Точно в назначенное время Кромптон, вооруженный толстым томом кроссвордов, был уже на космодроме Айдлуайлд. Затем он преодолел трудный из-за перегрузок подъем на Станцию N 3 и короткорейсовым кораблем «Локхид-Лэкавона» добрался до пересадочного пункта, здесь он сел в хоповер, который доставил его на Марс, Станция N 1, где Кромптон прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности, а потом прибыл в Порт Ньютон. За три дня он акклиматизировался, научился дышать дополнительным желудочным легким, стоически перенес инъекции стимулятора и, наконец, получил визу, дающую право путешествовать по всей планете Марс. Таким образом, уже во всеоружии он сел в ракету, следующую до города Элдерберга, расположенного недалеко от Южного полюса Марса.

Ракета медленно ползла по плоским однообразным марсианским равнинам, покрытым низким серым кустарником, который как-то умудрялся выжить в этом холодном разреженном

воздухе, через болота скучной зеленой тундры. Кромптон был погружен в свои кроссворды. Когда кондуктор объявил, что они проезжают Великий Канал, Кромптон, заинтересованный, на минуту оторвался от своего кроссворда. Но Канал оказался всего лишь мелким, с отлогими берегами руслом давно исчезнувшей реки. Растения на грязном дне были темно-зеленого, почти черного цвета. Кромптон вновь погрузился в свои кроссворды.

Они проезжали Оранжевую Пустыню и останавливались на маленьких станциях, где бородатые иммигранты в широкополых шляпах заскакивали в ракету, чтобы получить свои витаминные концентраты и «Сандей Тайме» в микрофильмах.

Но вот и предместья Элдерберга.

Город был центром всех деловых операций рудников и ферм Южного полюса. Он служил и курортом для богатых, которые приезжали сюда, чтобы принять Ванны Вечности или просто ради новых впечатлений. Благодаря вулканической активности температура в этом районе поднималась до 67 градусов по Фаренгейту. Это было самое теплое место на Марсе. Жители Марса называли этот район Тропиками.

Кромптон остановился в маленьком мотеле. Он вышел на улицу и слился с толпой ярко вдетых мужчин и женщин, прогуливавшихся по странным, неподвижным тротуарам Элдерберга. Он заглядывал в окна игорных домов, разинув рот, глазел на лавки Подлинных ремесленных изделий Исчезнувшей Марсианской Цивилизации, всматривался в блистающие огнями рестораны и коктейль-холлы — новинку сезона. Он в ужасе отпрянул от накрашенной молодой женщины, когда она пригласила его в Дом Мамы Тиль, где пониженная гравитация позволяет испытывать куда большее наслаждение, чем в обычных условиях. От нее и еще от дюжины таких же Кромптон укрылся в маленьком садике, присел там на скамью, пытаясь немного привести в порядок мысли.

Вокруг него раскинулся Элдерберг, яркий, полный наслаждений, вопиющий о своих грехах, — накрашенная Иезавель, которую Кромптон отвергал презрительным изгибом своих тонких губ. Но за этим изгибом губ, за отведенным в сторону взглядом и вздрагивающими от возбуждения ноздрями за всем этим скрывалась та часть его существа, которая жаждала этой греховной

человечности как противопоставления тоскливому, бесплодному существованию.

Но как ни печально, Элдерберг, так же, как и Нью-Йорк, не мог склонить Элистера к греху. Возможно, Эдгар Лумис возместит недостающее.

Кромптон стал опрашивать все отели города в порядке алфавита. В первых трех ответили, что понятия не имеют, где может быть Лумис, но уж коли он найдется, то им надо уладить пустяковый вопрос о неоплаченных счетах с ним. В четвертом отеле высказали предположение, что Лумис присоединился к большой поисковой партии на Горной Седловине. В пятом, вполне современного вида отеле никогда не слыхали о Лумисе. В шестом молодая, слишком ярко и нарядно одетая женщина рассмеялась слегка истерически при упоминании Лумиса, но дать какую-либо информацию о нем отказалась.

Только в седьмом отеле клерк сообщил Кромптону, что Эдгар Лумис занимает триста четырнадцатый номер. Сейчас его дома нет, скорее всего он находится в Салуне Красной Планеты.

Кромптон расспросил, как туда пройти. И с сильно бьющимся сердцем отправился в старый район Элдерберга.

Отели здесь были какие-то вылинявшие, потрепанные, их пластиковые стены были побиты пыльными осенними бурями. Игорные дома сгрудились в кучу, а танцевальные залы днем и ночью выплескивали свое буйное веселье на улицы. В поисках местного колорита толпы богатых туристов сновали со своими видеозвуковыми аппаратами в надежде наткнуться на непристойную сценку и запечатлеть ее с достаточно близкого, но безопасного расстояния — такие снимки и позволяли дотошным искателям приключений называть Элдерберг «Откровением Трех планет». Встречались здесь и охотничьи магазины, снабжавшие туристов всем необходимым для спуска в знаменитые Пещеры Ксанаду или для долгого путешествия в пескоходе к Витку Сатаны. Были здесь также скандальной известности Лавки Грез, в которых торговали любыми наркотиками, и сколько ни пытались покончить с ними законным путем, они продолжали действовать. Тут же какие-то бездельники продавали подделки под марсианскую резьбу по камню и все прочее — чего только душа пожелает.

Кромптон разыскал Салун Красной Планеты, вошел и ждал, пока глаза привыкнут и можно будет что-нибудь разглядеть в облаках табачного дыма и винных паров. Он смотрел на туристов за длинной стойкой бара в их пестрых рубашках, на говорливых гидов и суровых рудокопов. Он смотрел на карточные столы и на болтающих женщин, на мужчин с их знаменитым нежно-апельсиновым марсианским загаром — чтобы его приобрести, требуется, говорят, не меньше месяца.

И тут — ошибки быть не могло — он увидел Лумиса. Лумис сидел за карточным столом и играл в фараон в паре с цветущей блондинкой, которой на первый взгляд можно было дать тридцать, на второй — сорок, а если присмотреться, то и все сорок пять. Играла она с азартом, и Лумис забавлялся, с улыбкой наблюдая за нею.

Он был высок и строен. Его костюм и саму манеру одеваться лучше всего передает слово из кроссворда «форсистый». Узкий череп покрывали прилизанные волосы мышиного цвета. Не очень разборчивая женщина могла бы назвать его довольно красивым.

Внешне он нисколько не походил на Кромптона. Однако существовало между ними какое-то влечение, притяжение, мгновенное созвучие — этим чувством обладали все части индивидуума, перенесшего операцию Расщепления. Разум взывал к разуму, части требовали целого, стремились к нему с неведомой телепатической силой. И Лумис, ощутив все это, поднял голову и открыто взглянул на Кромптона.

Кромптон направился к нему. Лумис что-то шепнул блондинке, вышел из-за карточного стола и встретил Кромптона посреди зала.

— Кто вы? — спросил Лумис.

— Элисте? Кромптон. Вы Лумис? Я обладатель нашего подлинного тела, а вы... вы понимаете, о чем я толкую?

— Да, конечно, — сказал Лумис. — Я все думал, появитесь ли вы когда-нибудь. Хм!.. — Он оглядел Кромптона с головы до ног, и нельзя сказать, чтобы остался доволен тем, что увидел.

— Ну ладно, — сказал Лумис, — пойдемте в мой номер, там поговорим. Может быть, сразу и покончим с этим.

Он снова посмотрел на Кромптона с нескрываемой неприязнью и вышел с ним из салуна.

Номер Лумиса удивил Кромптона, явился для него прямо-таки откровением. Кромптон чуть не упал, когда его нога утонула в мягком восточном ковре. Свет в комнате был золотистый, тусклый, по стенам непрерывной чередой корчились и извивались бледные, тревожащие тени, они то принимали человеческие очертания, сближались, сплетались в кольца, то превращались в тени животных или беспорядочные кошмары из детских снов, затем медленно исчезали в мозаике потолка. Кромптон и раньше слышал о теневых песнях, но видел их впервые.

— Исполняется довольно миленькая пьеска под названием «Спуск в Картерум.» Как вам, нравится? — спросил Лумис.

— Довольно трогательно, — ответил Кромптон. — Но, должно

быть, это ужасно дорогое удовольствие?

— Пожалуй, — небрежно произнес Лумис. — Это мне подарили. Присаживайтесь.

Кромптон уселся в глубокое кресло, оно сразу приняло форму его тела и начало мягко массировать ему спину.

— Хотите выпить? — спросил Лумис.

Кромптон молча кивнул. Теперь он чувствовал запах духов — сложную летучую смесь аромата специй и пряностей с легким налетом запаха тления.

— Это запах...

— К нему нужно привыкнуть, — сказал Лумис. — Это обонятельная соната, задумана как аккомпанемент к песне теней. Я

сейчас выключу.

Он выключил сонату и включил что-то другое. Кромптон услышал мелодию, которая как будто сама возникла у него в голове, — медленную, чувственную, мучительно волнующую;

Кромптону казалось, что он слышал ее раньше, в другое время, в другом месте.

— Она называется «Deja vu», — объяснил Лумис. — Прямая передача на слушателя. Симпатичная вещица, верно?

Кромптон понимал, что Лумис старается произвести на него впечатление. И надо отдать Лумису должное — это у него получалось. Пока Лумис разливал напиток, Кромптон оглядывал комнату: скульптуры, занавеси, мебель и все прочее; профессионально быстро вычислил он в уме цену, стоимость доставки с Земли, пошлины и получил результат.

Он пришел к ужасному выводу: только то, что было в комнате Лумиса, стоило больше, чем он, Кромптон, мог бы заработать в качестве клерка, живи он хоть три жизни с четвертью.

Лумис протянул стакан Кромптону.

— Это мед, — сказал он. — Крик моды этого года в Элдерберге. Скажите, как он вам понравится.

Кромптон отхлебнул медового напитка.

— Восхитительно, — сказал он. — Наверно, дорого?

— Довольно-таки. Но ведь за такое ничего не жаль отдать, не правда ли?

Кромптон не ответил. Он пристально рассматривал Лумиса и заметил признаки разрушения в его Дюрьеровом Теле. Он внимательно исследовал правильные, красивые черты лица, марсианский загар, гладкие мышиного цвета волосы, небрежное изящество одежды, тонкие лапки морщинок возле глаз, впалые щеки, на которых видны были следы косметики. Он рассматривал улыбку Лумиса — обычную улыбку баловня судьбы, — надменный изгиб губ, нервные пальцы, поглаживающие кусок парчи, всю его фигурку, самодовольно развалившуюся в изысканном кресле.

Вот, думал он, стереотип сластолюбца, человека, живущего только ради своих удовольствий и неги. Это само воплощение сангвинистического темперамента, в основе которого лежит Огонь — потому что слишком горяча его кровь, она рождает в человеке

беспричинную радость и чрезмерную привязанность к плотским удовольствиям. Но Лумис, так же как и Кромптон, всего лишь стереотип, с душой мелкой, глубиной всего в сантиметр, все желания которого легко предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого.

В Лумисе сосредоточились те неосуществленные стремления Кромптона к наслаждениям, которые в свое время были отторгнуты и теперь предстали перед ним как самостоятельная сущность. Этот единственный принцип — наслаждение в чистом виде, которым Лумис руководствовался в своей жизни, — был совершенно необходим Кромптону, его телу и духу.

— Как вам удается сводить концы с концами? — резко спросил Кромптон.

— Я получаю деньги, оказывая услуги, — улыбаясь, ответил Лумис.

— Попросту говоря, вы вымогатель и паразит, — сказал Кромптон. — Вы наслаждаетесь за счет богачей, которые толпами стекаются в Элдерберг.

— Вам, брат мой трудяга и пуританин, все это представляется именно в таком свете, — сказал Лумис, закуривая сигарету цвета слоновой кости. — Но я смотрю на вещи иначе. Подумайте сами. Сегодня все делается во имя бедных, будто непредусмотрительность — это какая-то особая добродетель! Но ведь и у богатых есть свои нужды! Их нужды совсем не похожи на нужды бедняков, но от этого они не менее настоятельны. Бедняки требуют еды, крова, медицинского обслуживания. Правительство превосходно справляется с этим. А как же нужды богачей? Людей смешит сама мысль о том, что у богатого могут быть свои проблемы. Но разве оттого, что у человека есть кредит, он не может испытывать затруднений? Может. Более того, с ростом богатства возрастают и потребности, а это, в свою очередь, ведет к тому, что богатый человек часто оказывается в более бедственном положении, чем его бедный брат.

— В таком случае, почему бы ему не отказаться от богатства? — спросил Кромптон.

— А почему бедняк не отказывается от своей нищеты? парировал Лумис. — Нет, этого нельзя делать, мы должны принимать жизнь

такой, как она есть. Тяжко бремя богатых, но они должны нести его и обращаться за помощью к тем, кто может им ее оказать.

Богатым нужно сочувствие, и я им чрезвычайно сочувствую. Богатым нужно общество людей, способных наслаждаться роскошью; у богатых есть потребность учить, как ею наслаждаться; и, мне кажется, немного найдется таких, которые ценят роскошь, наслаждаются роскошью так, как я! А их женщины, Кромптон! У них ведь тоже есть свои нужды настоятельные, срочные, а мужья часто не могут удовлетворить их в силу своей занятости. Эти женщины не могут довериться первому встречному, какому-нибудь простофиле. Они нервозны, хорошо воспитаны, подозрительны и легко поддаются внушению. Им нужны нюансы, утонченность. Им нужно внимание мужчины с высоким полетом фантазии и в то же время чрезвычайно благоразумного. В этом скучном мире редко встретишь такого мужчину. А мне посчастливилось: у меня талант именно в таких делах. Вот я его и применяю. И, конечно, как всякий трудящийся человек, имею право на вознаграждение.

Лумис с улыбкой откинулся в кресле. Кромптон смотрел на него, испытывая что-то похожее на страх. Ему трудно поверить, что этот растленный, самодовольный альфонс, это существо с моралью кобеля было частью его самого. Но оно все же было его частью, и частью, необходимой для Реинтеграции.

— Так вот, — сказал Кромптон, — ваши взгляды меня не касаются. Я представляю собой основную личность Кромптона и нахожусь в подлинном теле Кромптона. Я прибыл сюда для Реинтеграции.

— Мне это ни к чему, — сказал Лумис.

— То есть вы хотите сказать, что не согласны?

— Абсолютно, верно.

— Вы, по-видимому, не понимаете, что вы неукомплектованный, недоделанный экземпляр. У вас должно быть то же стремление к самоосуществлению, которое постоянно испытываю я. А это возможно только путем Реинтеграции.

— Безусловно, — сказал Лумис.

— Значит...

— Ничего это не значит, — сказал Лумис. — Я очень хотел бы укомплектоваться. Но еще больше мне хочется продолжать жить

так, как я жил до сих пор, то есть самым удовлетворительным, самым замечательным образом. Знаете, роскошь позволяет мириться со многим...

— А вы не забыли, — сказал Кромптон, — что вы пребываете в Дюрьеровом Теле, а срок его существования всего сорок лет? Без Реинтеграции вам осталось жить только пять лет. Поймите, максимум пять. Бывает, что Дюрьеровы Тела ломаются и раньше срока.

— Да, верно, — сказал, слегка нахмурившись, Лумис.

— В Реинтеграции нет ничего плохого, — продолжал Кромптон самым, как ему казалось, убедительным тоном. — Ваша страсть к наслаждениям не пропадет, просто она станет несколько умереннее.

Лумис как будто задумался всерьез, попыхивая своей бледно-кремовой сигаретой. Потом взглянул Кромптону в лицо и произнес:

— Нет!

— Но ваше будущее?..

— Я просто не тот человек, который беспокоится о будущем, — с самодовольной улыбкой возразил Лумис. — Мне бы прожить сегодняшний день, да так, чтобы чертям тошно стало. Пять лет... Кто знает, что еще случится за эти пять лет! Пять лет — ведь это целая вечность! Может, что-нибудь и изменится.

Кромптон подавил в себе сильное желание вколотить в этого Лумиса хоть немного здравого смысла. Конечно, сластолюбец всегда живет только сегодняшним днем, не предаваясь мыслям о далеком и неопределенном будущем. Для Лумиса, поглощенного сегодняшним днем, пять лет — срок почти немыслимый. Ему, Кромптону, следовало бы знать это.

По возможности спокойным голосом Кромптон сказал:

— Ничего не изменится. Через пять лет — коротких пять лет — вы умрете.

Лумис пожал плечами.

— Я следую правилу — никогда не загадывать дальше четверга. Вот что я тебе скажу, старик, приезжай через три или четыре года, тогда поговорим.

— Но это невозможно, — объяснил ему Кромптон. — Вы тогда будете на Марсе, я — на Земле, а наш третий компонент — на Венере. Нам уж ни за что не встретиться в нужный момент. А кроме того, вы

даже не вспомните.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Лумис, поглядывая на свои часы. — А теперь, если ты не возражаешь, я жду гостя, который, наверное, предпочтет...

Кромптон встал.

— Если вы передумаете, я остановился в мотеле «Голубая Луна». И пробуду здесь еще день или два.

— Желаю приятно провести время, — сказал Лумис. — Не забудь посмотреть Пещеры Ксанаду — сказочное зрелище!

Совсем потеряв дар речи, Кромптон покинул роскошный номер Лумиса и вернулся в свой мотель.

В этот вечер, ужиная в буфете, Кромптон отведал Марсианских ростков и Красного Солодина. В киоске он купил книжечку акростихов. Вернувшись домой, он разгадал три кроссворда и лег спать.

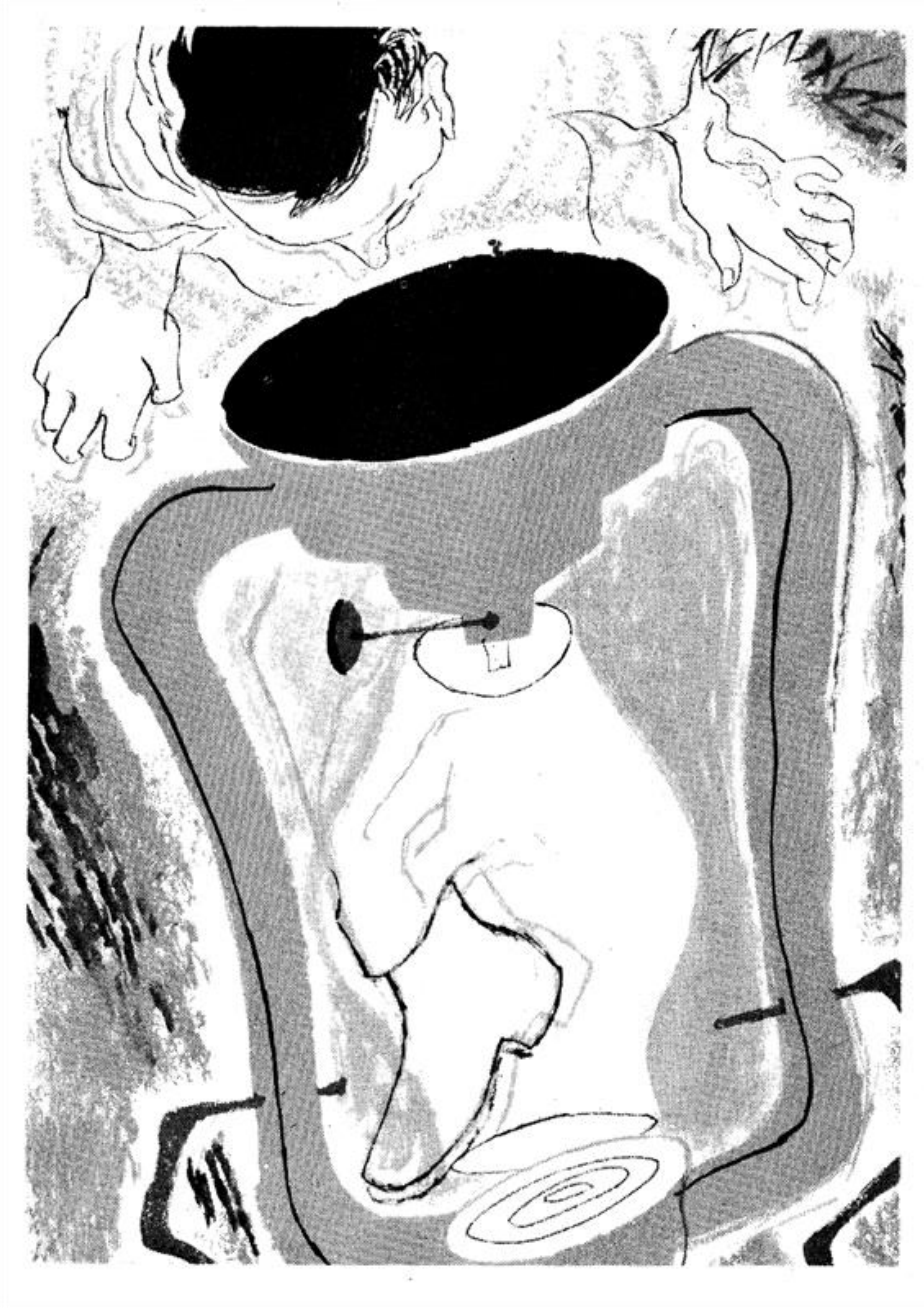
На следующий день Кромптон попытался разработать план дальнейших действий. Убедить Лумиса он уже не надеялся. Ехать ли ему на Венеру разыскивать Дэна Стэка, третью утраченную часть своей личности? Нет, это более чем бесполезно. Даже если Стэк захочет реинтегрировать, им все равно будет недоставать их исконной трети — Лумиса, важнейшего источника наслаждений. Две трети будут еще более страстно желать укомплектования, чем одна треть, и будут еще больше страдать от ощущения своей неполноценности. А Лумиса, видно, не убедить.

При сложившихся обстоятельствах единственное, что оставалось Кромптону, это вернуться на Землю нереинтегрированньм и жить там по мере возможности. В конце концов есть какая-то радость и в напряженном труде и известное удовольствие в постоянстве, осмотрительности, надежности. Не следует недооценивать и такие, хотя бы и очень скромные, достоинства.

Но нелегко ему было примириться с этим. С тяжелым сердцем позвонил он на станцию и заказал себе место на вечерней ракете до Порта Ньютона.

Когда Кромптон упаковывал вещи и до отправления ракеты оставался всего час, дверь его номера распахнулась. Вошел Эдгар Лумис, огляделся вокруг, закрыл и запер за собой дверь.

— Я передумал, — сказал Лумис. — Я согласен на Реинтеграцию.



Внезапное подозрение загасило первый порыв радости Кромптона.

— А почему вы передумали?

— Какое это имеет значение? — возразил Лумис. — Разве мы...

— Я хочу знать почему, — сказал Кромптон.

— Ну, это трудновато объяснить. Понимаете, я только...

Раздался громкий стук в дверь. Сквозь апельсиновый загар на щеках Лумиса проступила бледность.

— Ну, пожалуйста, — попросил он.

— Рассказывайте, — неумолимо потребовал Кромптон.

Лоб Лумиса покрылся крупными каплями пота.

— Случается, что мужьям не нравятся небольшие знаки внимания, которые оказывают их женам. Порой даже богатый может оказаться потрясающим обывателем. В моей профессии встречаются подобные камни — мужья, например. Поэтому раз или два в год я считаю полезным провести некоторое время в Бриллиантовых Горах, в пещере, которую я там себе оборудовал. Она в самом деле очень удобна, правда, приходится обходиться простой пищей. Но несколько недель и опять все в порядке.

Стук в дверь повторился с новой силой. Кто-то кричал басом:

— Я знаю, что вы здесь, Лумис! Выходите, или я сломаю эту проклятую дверь и сверну вашу мерзкую шею!

Лумис никак не мог унять дрожи в руках.

— Больше всего на свете боюсь физического насилия, проговорил он. — Не лучше ли просто реинтегрировать, и тогда я вам все объясню?

— Я хочу знать, почему на сей раз вы не скрылись в своей пещере? — настаивал Кромптон.

Они услышали, как кто-то всем телом налег на дверь. Лумис пронзительным голосом закричал:

— Это все ваша вина, Кромптон! Ваше появление выбило меня из седла. Я лишился своего необыкновенного ощущения времени, своего шестого чувства грядущей опасности. Черт вас побери, Кромптон, я не успел смыться вовремя! Меня захватили на месте преступления! Я просто сбежал, а за мной по всему городу мчался этот кретин, этот здоровенный неандерталец, выскочка муж, он заглядывал во все салуны и отели, обещая переломать мне ноги. У

меня не хватило денег на пескоход и не было времени заложить свои драгоценности. А полицейские только ухмылялись и отказывались защитить меня. Пожалуйста, Кромптон!

Дверь трещала под бесчисленными ударами, и замок начал поддаваться. Кромптон, благодарный судьбе за то, что чувство недостаточности так вовремя заговорило в Лумисе, повернулся к нему, к этой части своей особы.

— Ну что ж, давайте реинтегрировать, — сказал Кромптон.

Оба они твердо посмотрели в глаза друг другу — две части целого, жаждущие единства, возможность, превращающаяся в мостик через пропасть. Затем Лумис тяжело вздохнул, и его Дюрьерово Тело рухнуло, сложившись пополам, как тряпичная кукла. В тот же миг колени Кромптона подогнулись, словно на его плечи взвалили тяжелый груз.

Замок сломался, и дверь распахнулась. В комнату влетел маленький, красноглазый, коренастый брюнет.

— Где он? — закричал брюнет.

Кромптон показал на распростертое на полу тело Лумиса.

— Разрыв сердца, — сказал он.

— О! — растерянно (то ли гневаться, то ли сострадать) сказал брюнет. — О!.. Да... О!..

— Он, конечно, заслуживал этого, — холодно заметил Кромптон, поднял чемодан и вышел из комнаты, чтобы успеть на вечерний рапидо.

Долгое путешествие по марсианским равнинам пролетело, как мимолетное мгновение, как облегченный вздох. Кромптон и Лумис получили, наконец, возможность поближе познакомиться друг с другом и решить кое-какие основные проблемы, которые неизбежно возникают, когда в одном теле объединяются два сознания.

Вопрос о главенстве в этом содружестве не вставал. Верховная власть принадлежала Кромптону, который вот у же тридцать пять лет был хозяином ума и тела подлинного Кромптона. При создавшихся условиях Лумис никак не мог взять верх, да и не хотел этого. Его вполне устраивала пассивная роль, и поскольку по натуре своей он был добрым малым, то согласился стать просто комментатором, советчиком и доброжелателем.

Но Реинтеграции не произошло. Кромптон и Лумис

существовали в одном разуме подобно планете и луне независимые, но, по сути, неразделимые, осторожно прощупывающие друг друга, не желающие, да и не способные поступиться каждый своей автономией. Конечно, какое-то взаимопроникновение происходило, но слияния, в результате которого из двух самостоятельных элементов образовалась бы устойчивая, единая личность, быть не могло, пока к ним не присоединится Дэн Стэк, третий недостающий компонент.

Но даже в случае его присоединения, напоминал Кромптон оптимистически настроенному Лумису, Реинтеграция может не состояться. Допустим, Стэк захочет реинтегрировать (а может, и не захочет), но три шизоидных компонента вдруг воспротивятся слиянию или не сумеют его достичь, тогда их борьба внутри единого мозга быстро приведет к безумию.

— Стоит ли об этом беспокоиться, старина? — спросил Лумис.

— Стоит, — сказал Кромптон. — Может случиться так, что мы все трое реинтегрируем, а полученный в результате разум не будет стабильным. Психопатические элементы возьмут верх, и тогда...

— Так или иначе, нам придется просто смириться, возразил Лумис. — Стерпится — слюбится, как говорят.

Кромптон согласился. Его вторая натура Лумис спокойный, добродушный, жизнелюбивый Лумис — уже оказывал на него свое влияние. С некоторым усилием Кромптон заставил себя не тревожиться. Вскоре он смог заняться своим кроссвордом, а Лумис принялся сочинять первый куплет песенки.

Рапидо прибыл в порт Ньютон. Кромптон пересел в коротко-рейсовый до станции Марс-1. Здесь он прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности и затем на хоповоре добрался до пересадочного пункта. Ему пришлось прождать еще пятнадцать дней корабля, следующего на Венеру. Разбитной молодой кассир говорил ему что-то о всяких помехах, об «оппозиции» и «экономических орбитах», но ни Кромптон, ни Лумис так и не поняли, о чем он толковал.

Задержка оказалось очень кстати. Лумис смог рукой Кромптона проставить довольно приемлемо свою подпись в письме, в котором он просил своего друга в Элдерберге превратить все имущество в наличные деньги, раздать долги, расплатиться с комиссионером, а

остаток переслать своему наследнику Кромптону. В результате через одиннадцать дней Кромптон получил три тысячи долларов, в которых он очень нуждался.

Наконец венерианский корабль стартовал из пересадочного пункта. Кромптон сразу же серьезно занялся изучением Бейзик Иггдры — основного языка аборигенов Венеры. Лумис, впервые в жизни, тоже попробовал работать: отложил в сторону песенку и взялся за трудные правила Иггдры. Скоро, однако, ему надоели ее сложные спряжения и склонения, но, восхищаясь прилежанием работяги Кромптона, он в поте лица продолжал начатое.

Кромптон, в свою очередь, попытался немного продвинуться в науке понимания прекрасного. В сопровождении Лумиса, который не оставлял его своими советами, Кромптон посещал все концерты на корабле, смотрел картины в Главном Салоне и долго и добросовестно разглядывал из обзорного зала корабля яркие сияющие звезды. Хотя это и представлялось ему пустой тратой времени, он упорно занимался самообразованием.

На десятый день пути союз Кромптона и Лумиса подвергся серьезному испытанию; причиной конфликта стала жена венерианского плантатора второго поколения. Кромптон встретил ее в обзорном зале. На Марсе она лечилась от туберкулеза и теперь возвращалась домой.

Это была небольшого роста стройная молодая женщина, очень живая, с сияющими глазами и блестящими волосами. Она призналась, что устала от долгого космического путешествия.

Они прошли в кают-компанию. После четырех мартини Кромптон слегка расслабился и разрешил Лумису взять инициативу в свои руки, что тот и сделал с большой охотой. Лумис танцевал с нею под фонограф корабля; потом он великодушно уступил поле боя Кромптону. У Кромптона от волнения заплетались ноги, он краснел, бледнел, но наслаждался до бесконечности. И провожал ее к столу уже Кромптон, и тихо разговаривал с нею тоже Кромптон, и касался ее руки Кромптон, а удовлетворенный Лумис только смотрел на все это. Около двух часов ночи девушка ушла, многозначительно назвав номер своей каюты. Кромптон, шатаясь, доковылял до палубы «В» и вне себя от счастья свалился в постель.

— Ну? — спросил Лумис.

— Что «ну»?

— Пошли. Мы же приглашены совершенно недвусмысленно.

— Да никто нас не приглашал, — в недоумении возразил Кромптон.

— Но она же назвала номер каюты, — объяснил Лумис. — Это вкупе со всеми остальными событиями сегодняшнего вечера может быть истолковано только как приглашение, если не приказание.

— Не верю! — воскликнул Кромптон.

— Даю слово, — сказал Лумис. — У меня в этой области есть некоторый опыт. Приглашение налицо, путь открыт. Вперед!

— Нет, нет, — сказал Кромптон. — Не хочу... То есть не буду... Не могу...

— Отсутствие опыта не извиняет, — твердо заявил Лумис. Природа с необыкновенной щедростью помогает нам раскрывать свои тайны. Ты только подумай — бобры, еноты, волки, тигры, мыши и другие существа, не обладающие и сотой долей твоего интеллекта, запросто решают проблему, которая тебе кажется непреодолимой. Но ты, конечно, не позволишь, чтобы какая-то мышь переплюнула тебя!

Кромптон поднялся, отер со лба обильный пот и сделал два неуверенных шага по направлению к двери. Затем круто повернулся назад и сел на кровать.

— Абсолютно исключено, — твердо заявил он.

— Но почему?

— Это неэтично. Молодая леди замужем.

— Замужество, — терпеливо разъяснил Лумис, — это дело рук человеческих. Еще задолго до того, как появилось замужество, существовали мужчины и женщины и между ними были известные взаимоотношения. Законы природы всегда предпочтительнее законов человеческих.

— Это аморально, — не очень уверенно возразил Кромптон.

— Совсем наоборот, — уверил его Лумис. — Ты не женат, значит, твои действия не вызовут никаких нареканий в твой адрес. Молодая леди замужем. Это ее дело. Вспомни: она же не просто собственность своего мужа, но человек, имеющий право на самостоятельные решения. И она уже приняла решение, нам остается только проявить свое уважение к цельности ее натуры, иначе мы ее оскорбим. Ну и,

наконец, есть муж. Поскольку он ничего не будет знать, он не пострадает. Более того, он от этого выиграет: жена будет с ним необычайно нежна, чтобы загладить свою измену, а он все это отнесет за счет своей сильной личности, и это «я» взыграет. Итак, Кромптон, как видишь, всем будет от этого только лучше, и никто не пострадает.

— Пустая софистика, — сказал Кромптон, вставая и снова направляясь к дверям.

— Молодец! — сказал Лумис.

Кромптон глупо ухмыльнулся и открыл дверь. Потом будто что-то ударило ему в голову: он захлопнул дверь и лег в постель.

— Абсолютно невозможно, — сказал Кромптон.

— Ну что еще стряслось?

— Твои аргументы, — сказал Кромптон, — могут быть одинаково справедливы и несправедливы — не мне судить о том, у меня для этого просто не хватает жизненного опыта. Но одно я знаю твердо: ничего такого я делать не собираюсь, пока ты за мною наблюдаешь!

— Но, черт возьми, я — это ты! Ты — это я! Мы две части одного целого!

— Нет, еще нет, — сказал Кромптон. — Сейчас мы всего-навсего шизоидные компоненты, два человека в одном теле. Потом, когда произойдет Реинтеграция... Но при существующем положении вещей элементарное чувство приличия запрещает мне делать то, что ты предлагаешь. Это немыслимо! И я не желаю больше говорить на эту тему!..

Тут Лумиса прорвало. Оскорбленный в лучших своих чувствах, он бушевал, орал, осыпал Кромптона ругательствами, самым невинным из которых было: «засранец желторотый!». Гнев его возмутил ум Кромптона и эхом отозвался во всем его раздвоенном организме.

Раскол между Лумисом и Кромптоном стал глубже; появились новые трещины, и пропасть обещала стать такой же глубокой, как между доктором Джекилом и мистером Хайдом в известном романе Стивенсона.

Главенствующее положение Кромптона ставило его как бы выше всего этого. Но неистовая ярость выработала в его мозгу противоядие в виде крошечных, не до конца изученных нами

антител типа лейкоцитов в крови, которые имеют основной своей задачей удаление из организма болезней и изоляцию воспаленного участка мозга.

Когда эти антитела стали строить санитарный кордон вокруг Лумиса, тесня его, загоняя в угол и окружая стеной, Лумис в испуге отступил.

— Кромптон, пожалуйста!..

Над Лумисом нависла опасность быть полностью, навсегда заключенным, безвозвратно затерянным в темном, дальнем уголке кромптоновского сознания. И тогда — прощай Реинтеграция! Но Кромптон вовремя сумел восстановить равновесие. Сразу иссяк поток антител, стена растаяла, и пристыженный Лумис снова неуверенно занял свое место.

Некоторое время они не разговаривали друг с другом. Лумис дулся и сердился целый день и клялся, что никогда не простит Кромптону его жестокости. Но все же он прежде всего был сенсуалистом, и всегда жил данной минутой, и не помнил прошлых обид, и не умел задумываться над будущим. Его негодование быстро улеглось, и он снова стал веселым и безмятежным, как всегда.

Кромптон не был таким отходчивым; но он, как личность главенствующая, сознавал свою ответственность. Он делал все, чтобы восстановить союз, и скоро оба они действовали в полном согласии друг с другом.

Они решили в дальнейшем избегать общества молодой леди. Остаток путешествия промелькнул незаметно, и, наконец, ракета достигла Венеры.

Они опустились на Спутнике N 3, где прошли таможенные, иммиграционные и санитарные формальности. Им сделали инъекции против Ползучей Лихорадки, Венерианской Чумы, Болезни Найта и Большой Чесотки. Им дали порошки против Инфекционной Гангрены и профилактические пилюли от Черной Меланхолии. Наконец им разрешили сесть в ракету, следующую до станции Порт Нью-Харлем.

Этот порт, расположенный на западном берегу медлительной Инланд Зее, находился в умеренной зоне Венеры. Однако Лумису и Кромптону он показался жарким после прохладного, бодрящего климата Марса. Здесь они впервые увидели аборигенов Венеры —

целыми сотнями, не на арене цирка, а в естественной обстановке. Средний рост местных жителей составлял пять футов, а чешуйчатая панцирная шкура выдавала их происхождение: их далекими предками были ящерицы. По тротуарам они ходили в вертикальном положении, но некоторые, чтобы уйти от толчеи, двигались прямо по стенам домов, держась с помощью круглых присосок, расположенных у них на ступнях, ладонях, коленях и предплечьях.

Кромптон провел в городе один день, затем сел на вертолет до Восточного Болота — согласно последним сведениям, Дэн Стэк находился именно там. Полет состоял из сплошного жужжания и порхания среди плотных туч и облаков, из-за которых совершенно не видно было поверхности Венеры. Локатор тонко пищал, разыскивая зоны перемещающихся инверсий, где часто вспыхивали страшные венерианские ураганы зикры. Но погода была тихая, и Кромптон проспал большую часть пути.

Восточное Болото — это крупный порт торгового флота на притоке реки Инланд Зее. Здесь Кромптон разыскал дряхлых восьмидесятилетних стариков, усыновивших Стэка. Они рассказали Кромптону, что Дэн был рослый, здоровый мальчик; немного вспыльчивый, но всегда доброжелательный. Старики заверили Кромптона, что история с дочкой Моррисона выдумана, должно быть, Дэна обвинили по ошибке. Дэн не мог причинить вреда этой бедной, беззащитной девушке.

— Где мне искать Дэна? — спросил Кромптон.

— Так разве вы не знали, что Дэн уехал отсюда? — спросил старик, смаргивая слезу. — Это было лет десять, а то и все пятнадцать назад.

— Восточное Болото показалось ему слишком скучным, — с обидой сказала старушка. — Он позаимствовал у нас некоторую толику денег и ушел среди ночи, пока мы спали.

— Не захотел нас беспокоить, — поспешно объяснил старик. — Пошел искать свое счастье наш Дэн. И уж будьте спокойны, он его найдет. Он ведь настоящий мужчина, наш Дэн.

— А куда он уехал? — спросил Кромптон.

— Точно не скажу, — ответил старик. — Он нам никогда не писал. Не любит он этого дела, наш Дэн. Но Билли Дэвис видел его в У-Баркаре, когда возил туда картошку.

— А когда это было?

— Пять, а то и шесть лет назад, — сказала старушка. Тогда мы последний раз и слышали о Дэне. Венера велика, мистер.

Кромптон поблагодарил стариков. Он попытался найти Билли Дэвиса, чтобы пополнить информацию о Дэне Стэке какими-нибудь новыми фактами, но узнал, что Билли работает третьим помощником капитана маленького грузового корабля, а судно ушло месяц назад и плыло теперь по Южной Инланд Зее, заходя во все маленькие сонные городки на своем пути.

— Ну что ж, — сказал Кромптон, — нам остается только одно: едем в У-Баркар.

— Пожалуй, верно, — сказал Лумис. — Но, честно говоря, старик, не нравится мне что-то этот парень Стэк.

— Да и мне тоже, — согласился Кромптон. — Но он ведь часть нас, и он нам просто необходим для Реинтеграции.

— Что поделать! — сказал Лумис. — Веди меня, о старший брат мой!

И Кромптон повел. Он успел на вертолет до Депотсвилла, потом сел в автобус до Сент-Деннис. Там ему посчастливилось стать попутчиком возницы, который на своей полутонке вез в У-Баркар груз дезинсекторов. Возница был рад компании — уж очень безлюдны эти Болота Мокреши.

За четырнадцать часов пути Кромптон многое узнал о Венере. Огромный, теплый, влажный мир — вот чем был новый фронтир Земли, сказал возница. Марс — это всего лишь драгоценная находка для туристов, а у Венеры самые реальные перспективы. На Венеру устремились люди типа американских пионеров, настоящие деятельные наследники духа американских фронтьеров, буров-земледельцев, израильских киббуцников и австралийских скотоводов. Они упрямо сражаются за место под солнцем на плодородных землях Венеры, в золотоносных горах, на берегах теплых морей. Они бьются с аборигенами, существами каменного века, потомками ящериц Аисами. Их великие победы на Перевале Сатаны у Скверфейса, у Альбертсвилла и у Раздвоенного Языка и поражения у Медленной Реки и на Голубых Водопадах уже вошли в историю человечества наравне с такими событиями, как Ченселлорсвилл, Маленький Большой Рог и Дьенбьенфу. Войны на

этом не кончились. Венеру, сказал возница, еще нужно завоевать.

Кромптон слушал и думал, что и он был бы не прочь принять участие в такой жизни. Лумиса же явно утомил весь этот разговор, ему было тошно от приторных запахов болота.

У-Баркар представлял собой группу плантаций в самой глубине континента Белых Туч. Пятьдесят землян присматривали здесь за работой двух тысяч аборигенов, которые сажали, растили и собирали урожай дерева ли — дерево это могло расти только в этой части планеты. Ли — фрукт, созревающий два раза в год, — стал основной специей, приправой, без которой не обходилось ни одно блюдо землян.

Кромптон встретился со старшиной, крупным, краснолицым человеком по имени Гаарис; у него на бедре болтался пистолет, а опоясан он был бичом из черной змеи.

— Дэн Стэк? — переспросил старшина. — Ну как же, работал здесь почти год. Потом пришлось дать ему пинка под зад, чтобы катился подальше.

— Если вам не трудно, расскажите почему, — попросил Кромптон.

— Отчего ж, пожалуйста, — сказал старшина. — Только об этом лучше поговорить за стаканчиком виски.

Он провел Кромптона в единственный в У-Баркаре салун и там, потягивая пшеничное виски, рассказал ему о Дэне Стэке.

— Он явился сюда с Восточного Болота. Что-то у него там было, кажется, с девчонкой — то ли он дал ей по зубам, то ли еще что-то. Но меня это не касается. Мы здесь, по крайней мере, большинство из нас, далеко не сахар, и я так думаю, что там, в городах, были рады-радехоньки избавиться от нас. Да, так я поставил Стэка надсмотрщиком над пятьюдесятью Аисами на ли-поле в сто акров. Сначала он чертовски здорово справлялся с работой.

Старшина покончил с заказанной Кромптоном выпивкой. Кромптон повторил заказ и расплатился.

— Я говорил Стэку, — продолжал Гаарис, — что надо их гонять, чтобы добиться работы: у нас обычно работают парни из племени чипетцев, а они народ злой, вероломный, зато, правда, крепкий. Их вождь снабжает нас рабочей силой по контракту на двадцать лет, а в обмен получает ружья. Так они этими ружьями чуть нас всех не

перестреляли поодиночке. Ну, это уже другой разговор. Мы тут сразу два дела не делаем.

— Контракт на двадцать лет? — спросил Кромптон. Выходит, Аисы фактически ваши рабы?

— Так оно и есть, — согласился старшина. — Кое-кто из хозяев пытается приукрасить это дело, называет его временной кабалой, возвращением к феодальной экономике. Но это рабство, и почему не называть его своим именем? Да и нет иного способа цивилизировать этот народец. Стэк отлично понимал это. Здоровенный был малый и с бичом управлялся дай бог каждому! Я думал, у него дело пойдет.

— И что же?.. — подзадорил старшину Кромптон и заказал еще виски.

— Сначала он был просто молодцом, — сказал Гаарис. Лупил их своим черным змеем, исправно получал свою долю в доходе и все прочее. Но не было на него никакой управы. Стал насмерть убивать парней бичом, а ведь замена тоже денег стоит. Я его уговаривал не налегать. Не внял. Однажды его чипетцы взбунтовались, он прикончил из ружья восьмерых — они и убежать не успели. Я поговорил с ним, что называется, по душам. Объяснил ему, что наша задача — заставить Аисов работать, а убивать их ни к чему. Конечно, мы рассчитываем, что какой-то процент погибнет. Но Стэк зашел слишком далеко и лишал нас наших доходов.

Старшина вздохнул и закурил сигарету.

— Стэку просто нравилось пускать в ход свой бич. Да и многие из наших парней любят это дело. Но Стэк просто удержу не знал. Его чипетцы снова взбунтовались, и ему пришлось прикончить что-то около дюжины их. Но в драке он потерял руку. Ту, в которой бич. Наверное, чипетцы ее и откусили.

Ну, я поставил его на работу в сушильню, но и тут он затеял драку и убил четырех Аисов. Терпение мое лопнуло. В конце концов рабочие денег стоят, и нельзя, чтобы какой-то бешеный идиот, стоит ему выйти из себя, убивал их. Я дал Стэку расчет и послал его ко всем чертям.

— Он сказал, куда он собирался путь держать? — спросил Кромптон.

— Он заявил, что Аисов надо уничтожить, чтобы освободить место для землян, и что мы в этом ни черта не смыслим. Сказал, что

собирается присоединиться к Бдительным. Это что-то вроде кочующей армии, которая контролирует воинственные племена.

Кромптон поблагодарил старшину и спросил, где может размещаться штаб Бдительных.

— Сейчас их лагерь расположен на левом берегу Реки Дождей, — сказал Гаарис. — Они там пытаются навязать свои условия Сериидам. А вам уж больно нужен этот Стэк?

— Он мой брат, — сказал Кромптон, чувствуя внезапную слабость.

Старшина жестко посмотрел на него.

— Да, — сказал старшина, — родственнички есть родственнички, тут уж ничего не поделаешь. Но хуже вашего братца я в жизни никого не видел, а я-то уж насмотрелся всякого. Оставьте его лучше в покое.

— Я должен найти его, — сказал Кромптон.

Гаарис безразлично пожал плечами.

— Переход до Реки Дождей далекий. Я продам вам вьючного мула и провизию и пришлю местного мальчишку, он вас проведет. Вы пойдете по мирным районам, так что доберетесь до Бдительных, будьте спокойны. Надеюсь, что район все еще мирный.

В этот вечер Лумис уговаривал Кромптона отказаться от поисков. Ясно ведь, что Стэк вор и убийца. Какой смысл объединяться с таким?

Но Кромптон чувствовал, что все не так просто. Прежде всего рассказы о Стэке сами по себе могли быть преувеличением. Но даже если все в них было правдой, это могло означать только одно: Стэк — еще один стереотип, неполноценная моноличность, так же как Кромптон и Лумис, не считающаяся с обычными человеческими условиями. Их объединение, слияние изменит Стэка. Он всего лишь восполнит то, чего недостает в Кромптоне и Лумисе, — внесет должную толику агрессивности, жестокости, жизненных сил.

Лумис думал иначе, но согласился молчать до встречи с недостающим компонентом.

Утром Кромптон за непомерную цену купил мулов и снаряжение и на рассвете следующего дня тронулся в путь в сопровождении юноши из чипетцов по имени Рекки.

Через девственные леса вслед за своим проводником Кромптон

поднялся на острые горные хребты Томпсона; через покрытые снегами вершины перевалил в узкие гранитные ущелья, где ветер завывал, как мученик в аду; потом спустился еще ниже, в густые, насыщенные испарениями джунгли по другую сторону гор. Лумис, напуганный лишениями долгого пути, отступил в самый дальний уголок сознания Кромптона и возрождался к жизни только по вечерам, когда в лагере уже горел костер и гамак был подвешен. Кромптон, сжав зубы, с налитыми кровью глазами, спотыкаясь, брел сквозь пылающие дни, таща на себе весь груз лишений и поражаясь своей способности так долго переносить тяготы пути.

На восемнадцатый день они вышли на берег мелкой грязной речушки. Это, сказал Рекки, и есть Река Дождей. В двух милях от того места они обнаружили лагерь Бдительных.

Командир Бдительных, полковник Прентис, был высоким, худощавым, сероглазым человеком со всеми признаками недавно перенесенной изнуряющей лихорадки. Он очень хорошо помнил Стэка.

— Да, некоторое время он был с нами. Я сомневался, стоит ли его принимать. Прежде всего его репутация. К тому же однорук... Но он научился стрелять левой рукой лучше, чем иные делают это правой, а его правую культю прикрывал бронзовый зажим. Он сам его сделал и приспособил паз для мачете. Сильный был малый, скажу я вам! Он был с нами почти два года. Затем я его отчислил.

— За что? — спросил Кромптон.

Командир с грустью вздохнул.

— Вопреки общему мнению мы, Бдительные, вовсе не разбойничья армия завоевателей. Мы здесь не для того, чтобы казнить и уничтожать туземцев. Мы здесь не для того, чтобы под тем или иным предлогом захватывать новые территории. Здесь мы для того, чтобы провести в жизнь договор, который основывался бы на глубоком доверии между Аисами и поселенцами, не допускал бы набегов ни со стороны Аисов, ни со стороны землян и, главное, чтобы сохранялся мир. Стэку с его тупой головой трудно было понять это.

Видимо, Кромптон немного изменился в лице, потому что командир сочувственно кивнул.

— Вы ведь знаете его, а? Тогда вы сможете представить себе, как

это случилось. Я не хотел терять его. Он был сильным, способным солдатом, искусным в лесной и горной науке, чувствующим себя в джунглях как дома. Пограничные патрули расставлены редко, и у нас каждый человек на счету. Стэк был ценным солдатом. Я приказывал сержантам следить за его поведением и не допускать жестокости в отношении туземцев. В течение какого-то времени это действовало. Стэк очень старался. Он изучал наши правила, наш кодекс, наш образ жизни. Его репутация стала безупречной. И вдруг этот случай на Вершине Тени, о котором вы, я полагаю, слышали.

— Нет, не слыхал, — признался Кромптон.

— Да ну! Я думал, на Венере все знают о нем. Ну, так вот как было дело. Патруль, в котором находился тогда Стэк, окружил племя Аисов, оставшееся вне закона и причинявшее нам много хлопот. Их препровождали в особую резервацию, расположенную на Вершине Тени. На марше они учинили беспорядок, драку. У одного из Аисов был нож, он рубанул им Стэка по левому запястью. По-видимому, потеряв одну руку, Стэк стал особенно чувствителен к возможности потерять и вторую. Рана была пустяковая, но Стэк впал в неистовство. Из автомата он застрелил аборигена, а потом перестрелял и всех других. Остановить его не могли, и лейтенанту пришлось ударить его дубинкой; он потерял сознание. Этим поступком Стэка был нанесен ни с чем не соизмеримый ущерб отношениям землян с Аисами. Оставить такого человека в своей группе я не мог. Он нуждается прежде всего в психиатре. Я его отчислил.

— А где он теперь? — спросил Кромптон.

— Но почему вы так интересуетесь этим человеком? — резко спросил командир.

— Он мой сводный брат.

— Понятно. Я слышал, что Стэк отправился в Порт Нью-Харлем и какое-то время работал в доках. Сошелся там с парнем по имени Бартон Финч. Оба попали в тюрьму за пьянство и дебош; потом их выпустили, и они вернулись на границу в Белые Тучи. Сейчас Стэк и Финч — владельцы маленькой лавки где-то возле Кровавой Дельты.

Кромптон устало потер лоб и сказал:

— Как туда добраться?

— На каноэ, — ответил командир. — Нужно спуститься по Реке

Дождей до развилки. Левый рукав и есть Кровавая Река. До самой Кровавой Дельты она судоходна. Но я не советую вам пускаться в это путешествие. Во-первых, это чрезвычайно рискованно. Во-вторых, это бесполезно, вы ничем не поможете Стэку. Он прирожденный убийца. Лучше всего оставить его в покое в этом пограничном городишке, где он не может причинить большого вреда.

— Я должен добраться до него, — сказал Кромптон, чувствуя, как неожиданно пересохло у него во рту.

— Законом это не возбраняется, — сказал командир с видом человека, исполнившего свой долг.

Кромптон обнаружил, что Кровавая Дельта — самая крайняя граница освоенного человеком района Венеры. Город находился в центре расположения враждебных людям племен грелов и тэнтцы; с ними был заключен непрочный мир, но приходилось закрывать глаза на непрекращающуюся партизанскую войну, которую вели эти племена. В Дельта-краю можно было стать богачом. Аборигены приносили бриллианты и рубины величиной с кулак, мешки с редчайшими пряностями или случайные находки, резьбу по дереву из затерянного города Алтерна. Они обменивали все эти ценности за оружие и снаряжение, которое затем энергично использовали против тех же торговцев или друг против друга. Таким образом, в Дельте можно было найти и состояние, и смерть, смерть медленную и мучительную. На Кровавой Реке, что тихим потоком кралась сквозь сердце Края, таились свои особые опасности, которые уносили в мир иной не менее пятидесяти процентов путешественников, рискнувших пуститься в плаванье по реке.

Кромптон решительно отказался от всех разумных доводов. Теперь до их недостающего компонента Дэна Стэка было рукой подать. Виден стал конец их странствий, и Кромптон твердо решил достичь его. Он купил каноэ, нанял четырех гребцов-аборигенов, приобрел оборудование, ружья, снаряжение и условился, что выходят они на рассвете.

Но в ночь перед отъездом взбунтовался Лумис.

Они находились в маленькой палатке на краю лагеря, которую полковник предоставил в распоряжение Кромптона. При свете коптящей керосиновой лампы Кромптон набивал патронташ патронами и настолько углубился в это занятие, что не замечал, да

и не хотел замечать ничего другого.

Тут Лумис подал голос:

— А ну-ка послушай меня. Я признал тебя господином в нашем союзе. Я не предпринял ни одной попытки завладеть телом. Я всегда был в хорошем настроении и помогал тебе сохранять хорошее расположение духа, пока мы тащились по этой Венере. Верно?

— Да, верно, — неохотно согласился Кромптон, откладывая в сторону патронташ.

— Я сделал все, что было в моих силах, но это уж слишком. Я согласен на Реинтеграцию, но не с маньяком-убийцей. И не говори мне об однобокости! Стэк убийца, и я не хочу иметь с ним ничего общего.

— Он часть нас, — возразил Кромптон.

— Ну и что? Прислушайся к себе, Кромптон! Из нас троих ты, по-видимому, больше всех соприкасался с действительностью. А теперь ты как одержимый готов послать нас на смерть в этой паршивой реке!

— Все будет хорошо, — не очень убежденно сказал Кромптон.

— Будет ли? — усомнился Лумис. — Ты слышал, что рассказывают об этой Кровавой Реке? Но, предположим, мы пройдем эту реку, что нас ждет в Дельте? Маньяк- убийца! Он уничтожит нас, Кромптон!

Подходящего ответа Кромптон не нашел. Раскрывшиеся в процессе поисков черты характера Стэка все больше ужасали Кромптона, зато все сильнее захватывала мысль, что Стэка необходимо разыскать. Лумис никогда не хотел Реинтеграции, для него эта проблема возникла под воздействием внешних обстоятельств, а не в результате внутренней потребности. А у Кромптона вся жизнь была подчинена одной страсти — достичь человеческой полноты, выйти за искусственные рамки своей личности. Без Стэка слияние было невозможно. С ним появилась надежда, пусть даже крошечная.

— Мы едем, — сказал Кромптон.

— Элистер, пожалуйста! Ты и я, мы прекрасно уживаемся друг с другом. Нам и без Стэка будет, очень хорошо. Давай вернемся на Марс или на Землю.

Кромптон покачал головой. Он уже чувствовал, что между ним

и Лумисом существуют глубокие, непримиримые разногласия. Он понимал, что наступит время, когда эти трещины расползутся во всех направлениях, и тогда без Реинтеграции он и Лумис станут развиваться каждый по-своему — и это в одном-то общем теле!

Такое могло кончиться только безумием.

— Ты не хочешь вернуться? — спросил Лумис.

— Нет.

— Ну, держись!

Личность Лумиса внезапно перешла в атаку и захватила частичный контроль над двигательными функциями тела. На какое-то время Кромптон был оглушен. Потом, почувствовав, как из его рук уплывает власть, он свирепо схватился с Лумисом, и битва началась.

Это была война в безмолвии, война при свете коптящей керосиновой лампы, который все больше бледнел с наступлением утра. Полем боя служил мозг Кромптона. Наградой за победу служило тело Кромптона. Оно лежало, содрогаясь, на подвесной парусиновой койке, пот стекал с его лба, ничего не выражающие глаза уставились на лампу, на лбу, не переставая, дергалась жилка.

Личность Кромптона была главенствующей, но разногласия с Лумисом и чувство вины ослабили его, а груз собственных сомнений угнетал. Лумис, хоть и слабее по своей натуре, на этот раз, уверенный в собственной правоте, боролся отчаянно; он сумел овладеть жизненными и двигательными центрами организма и заблокировать поток опасных для него антител.

На долгие часы две личности сплелись в поединке, и тело Кромптона как в лихорадке стонало и корчилось в подвесной койке. Наконец, когда серый рассвет заглянул в палатку, Лумис начал одолевать. Кромптон весь подобрался в последнем броске, но у него не хватило сил. Тело Кромптона уже угрожающе перегрелось в этой битве; еще немного — и ни для одной из личностей не останется оболочки.

Лумис, которого не угнетали ни угрызения совести, ни сомнения, продолжал нажимать, захватил, наконец, все жизненные и двигательные функции, центры организма.

И когда солнце встало, победа целиком и полностью принадлежала Лумису.

Лумис встал на трясущиеся ноги, потрогал щетину на подбородке, потер онемевшие пальцы, осмотрелся. Теперь это было его тело. Впервые после отъезда с Марса он видел и чувствовал непосредственно, сам, информация от внешнего мира больше не фильтровалась и не ретранслировалась через Кромптона. Приятно было вдыхать застоявшийся воздух, чувствовать на себе одежду, быть голодным, жить! Он возвратился из мира серых теней в мир сверкающих красок. Это чудо! Он хотел, чтобы так было всегда.

Бедный Кромптон!

— Не волнуйся, старик. Знаешь, я и для тебя постараюсь.

Ответа не последовало.

— Мы вернемся на Марс, — продолжал Лумис. — Снова в Элдерберг. Все образуется.

Кромптон не хотел или не мог отвечать. Это слегка обеспокоило Лумиса.

— Где ты там, Кромптон? Как чувствуешь себя?

Молчание.

Лумис нахмурился и заспешил в палатку полковника.

— Я передумал, не буду я искать Дэна Стэка, — сказал Лумис полковнику. — Кажется, он действительно слишком далеко зашел.

— Вы приняли мудрое решение, — сказал командир.

— Так я хочу немедленно вернуться на Марс.

Полковник кивнул.

— Все космические корабли отправляются из Порта Нью-Харлем, куда вы в свое время прибыли.

— Как мне добраться до него?

— Это не так-то просто, — сказал ему полковник. — Думаю, что смогу дать вам проводника из местных. Вам придется снова пересечь Горы Томпсона до У-Баркара. Советую вам на сей раз ехать Долиной Дессет, поскольку по центральным лесам бродят сейчас Орды Кмитки, а от них всего можно ожидать. Вы достигнете У-Баркара в период ливней, так что перебраться в Депотсвилл на лодках вам вряд ли удастся. Если вы окажетесь там вовремя, то сумеете присоединиться к каравану, переправляющему соль по кратчайшему пути через Ущелье Ножа. Если не успеете, вы сравнительно легко определите направление по компасу, если учтете отклонения, характерные для данных районов. Но в

Депотсвилле вы будете в самый разгар ливневых дождей. Это, я вам скажу, зрелище! Возможно, вам посчастливится поймать вертолет до Нью-Сент-Дэннис или до Восточного Болота, но сомневаюсь, чтобы они летали — из-за зикра. Эти ураганы очень опасны для авиации. Так что, может быть, вы сядете на колесный пароход до Восточного Болота, а там на грузовом судне спуститесь по Ииланд Зее до Порта Нью-Харлем. По-моему, вдоль южного берега есть несколько удобных бухт, где можно укрыться от непогоды. Я-то предпочитаю путешествовать по земле или по воздуху. Ну, а вам, конечно, придется решать самому, каким путем добраться до Порта Нью-Харлем.

— Спасибо, — еле выговорил Лумис.

— Сообщите мне ваше решение, — сказал полковник.

Лумис поблагодарил его и в сильном возбуждении вернулся в палатку. Он размышлял над новыми, предстоящими ему путешествиями через горы и болота, сквозь первобытные поселения, мимо диких бродячих орд. Он ясно представил себе осложнения, связанные с дождями и бурями. Никогда прежде его богатое воображение не рисовало с такой яркостью жутких картин тяжелого пути.

Трудно было добраться сюда, но куда труднее будет возвращаться. Ведь на этот раз его тонкая душа эстета будет лишена защиты спокойного, многострадального Кромптона. Ему, Лумису, придется принимать на себя удары ветра, дождя, переносить голод, жажду, усталость, страхи. Ему, Лумису, придется есть грубую пищу и пить вонючую воду. И ему, Лумису, придется выполнять все мелкие будничные обязанности, связанные с путешествием, которые раньше тащил на своих плечах Кромптон, а он, Лумис, и не думал о них.

Справится ли он? Он ведь дитя города, продукт цивилизации. Его волновали сложные повороты, извивы человеческой натуры, а не причуды и страсти природы. Обитая в тщательно отделанных человеческих норах, в сложных лабиринтах муравейников- городов, он не сталкивался с грубым, неспокойным миром неба и солнца. Отделенный от этого мира тротуарами, дверями, окнами и потолками, он стал сомневаться в мощи того гигантского, все перемалывающего механизма природы, которую так

соблазнительно описывали в своих произведениях старые писатели и которая поставляла такие прелестные образы для стихов и песен. Лумису, привыкшему нежиться под мягким солнцем спокойного летнего марсианского дня или сонно прислушиваться к свисту ветра за окном в штормовую ночь, всегда казалось, что природу сильно переоценивают.

Но теперь волей-неволей он должен взять в свои руки и тяжесть ноши и штурвал управления.

Лумис подумал обо всем этом, и ему вдруг совершенно явственно представился его собственный конец. Он увидел себя в тот миг, когда силы его иссякнут и он будет лежать в открытом всем ветрам ущелье или понуря голову сидеть под проливным дождем в болотах. Он попытается продолжить путь, обретя третье дыхание, которое, как говорят, лежит за пределами усталости. Но не обретет его и, одинокий, обессиленный, затеряется в бесконечности. Тут ему покажется, что сохранение жизни требует слишком много усилий и напряжения. И как уже многие до него, он сдастся, ляжет и будет ждать смерти, смирившись с поражением.

Лумис прошептал:

— Кромптон?..

Нет ответа.

— Кромптон! Ты слышишь меня? Я возвращаю тебе власть. Только вытащи нас из этой жирной оранжереи. Верни нас на Землю или на Марс! Кромптон, я не хочу умирать!

Все нет ответа.

— Ну хорошо, Кромптон, — сиплым шепотом произнес Лумис. — Ты победил. Твоя взяла. Делай что хочешь. Я сдаюсь, все твое. Только, пожалуйста, прими власть!

— Спасибо, — ледяным тоном сказал Кромптон и взял на себя контроль над телом Кромптона.

Через десять минут он снова был в палатке у полковника и сообщал ему о своем решении. Командир устало кивнул, а про себя подумал, что ему никогда не понять рода человеческого.

Вскоре Кромптон уже сидел посреди большого выдолбленного из ствола каноэ, загроможденного всякими товарами. Гребцы грянули бодрую песню и пустились в путь по реке. Кромптон обернулся назад и долго смотрел на палатки лагеря Бдительных,

пока они не исчезли за излучиной реки.

Путешествие по Кровавой Реке было для Кромптона точно возвращением к истоку времен. Шесть аборигенов в молчаливом согласии погружали весла в воду, и каноэ как водяной паук скользило по раздольному, спокойному течению реки. С берега над рекой свешивались гигантские папоротники, они мелко дрожали, когда каноэ проходило близко, и в страстном порыве тянулись к нему своими длинными стеблями. Тогда гребцы поднимали тревожный крик, лодка устремлялась на середину потока, и папоротники снова поникали над водой, разомлевшие от полуденной жары. Они проплывали, где ветки деревьев сплетались над головой в темно-зеленый тоннель. Тогда гребцы и Кромптон укрывались под тентом, пуская лодку на волю волн, и слышали мягкие всплески падающих вокруг ядовитых капель. Затем лодка вновь вырывалась на белый сверкающий свет, и аборигены снова брались за весла.

— Жуть! — нервно сказал Лумис.

— Да, жутко, — согласился Кромптон, сам содрогаясь от страха перед окружающим.

Кровавая Река несла их в самые глубины континента. По ночам, пристав к валуну посреди реки, они слышали боевой клич враждебных Аисов. Однажды днем два каноэ Аисов устремились в погоню за их лодкой. Гребцы Кромптона нажали изо всех сил, и лодка помчалась вперед. Враги упорно гнались за ними. Кромптон вынул ружье и ждал. Но его гребцы, подгоняемые страхом, подналегли, и скоро преследователи остались далеко позади за очередным изгибом реки.

Все вздохнули свободнее. Но в узкой протоке с обоих берегов на них пролился поток стрел. Один из гребцов, пронзенный четырьмя стрелами, повалился за борт. Снова нажали на весла, и скоро лодка оказалась вне досягаемости для врагов.

Мертвого Аиса сбросили за борт, и голодные речные обитатели устремились к добыче. После этого огромное панцирное чудовище с клешнями, как у краба, долго плыло за их каноэ в ожидании новой жертвы и то и дело высовывало из воды свою круглую голову. Даже ружейные выстрелы не могли отогнать его. Постоянное присутствие чудовища приводило Кромптона в ужас.

Чудовище получило еще один обед, когда от серой плесени, прокравшейся в лодку по веслам, умерли два гребца. Крабоподобное чудовище слопало их и осталось ждать следующих. Но это речное божество послужило и защитой Кромптону и его гребцам: пустившаяся было преследовать их ватага врагов, увидев чудовище, подняла невообразимый крик и бросилась наутек, в джунгли.

Чудовище сопровождало лодку все последние сто миль их путешествия. И когда они, наконец, добрались до поросшей мхом пристани на берегу реки, оно остановилось, некоторое время недовольно наблюдало за людьми, а потом тронулось обратно вверх по реке.

Гребцы причалили к полуразрушенной пристани. Кромптон вскарабкался на нее и увидел кусок доски, замалеванной красной краской. Он повернул доску и прочитал: «Кровавая Дельта. Население 92».

Дальше не было ничего, кроме джунглей. Они достигли последнего пристанища Дэна Стэка.

Узкая заросшая тропинка вела от пристани к просеке в джунглях. Там, на просеке, виднелось что-то похожее на город-призрак. Ни души не было на его единственной пыльной улице, никто не выглядывал из окон низких некрашеных домов. Городок в молчании пекся в белом сиянии полудня, и, кроме шарканья своих собственных, утопавших в пыли ботинок, Кромптон не слышал ни звука.

— Не нравится мне здесь, — сказал Лумис.

Кромптон медленно шел по улице. Вот он минул ряд складов, на стенах которых корявыми буквами были выведены имена их владельцев. Он прошел мимо пустого салуна, дверь которого болталась на единственной петле, а окна с занавесками от москитов были разбиты. Уже остались позади три пустых магазина, и тут он увидел четвертый с вывеской: «Стэк и Финч, провиант».

Кромптон вошел. На полу в аккуратных связках лежали товары, еще большее количество их свешивалось со стропил. Внутри никого не было видно.

— Есть кто-нибудь? — позвал Кромптон. Не получив ответа, он снова вышел на улицу.

На противоположном конце городка Кромптон набрел на

крепкое здание, что-то вроде амбара. Возле него на табурете сидел загорелый, усатый мужчина лет пятидесяти. У него за пояс был засунут револьвер. Табурет качался на двух ножках, мужчина, казалось, дремал, опираясь о стену амбара. — Дэн Стэк? — спросил Кромптон.

— Там, — указал незнакомец на дверь амбара.

Кромптон направился к двери. Усач сделал движение, и револьвер оказался в его руке.

— Прочь от двери, — сказал он.

— Почему? Что случилось?

— Вы что, не знаете, что ль? — спросил усач.

— Нет! А вы кто такой?

— Я Эд Тайлер, шериф, назначен гражданами Кровавой Дельты, утвержден в должности командиром Бдительных. Стэк сидит в тюрьме. Этот самый амбар и есть тюрьма пока что.

— Ну и сколько ему сидеть? — спросил Кромптон.

— Точно два часа.

— Можно мне с ним поговорить?

— Не-е-е.

— А когда он выйдет, можно будет?

— Ясное дело, — сказал Тайлер. — Но сомневаюсь, чтобы он вам ответил.

— Почему?

Шериф криво усмехнулся.

— Стэк будет в тюрьме два, точно два часа, а после этого мы его возьмем из тюрьмы и повесим. А уж когда мы покончим с этим делом, то с удовольствием устроим вам разговорчик с ним, о чем только пожелаете. Но, как я уже сказал, вряд ли он вам ответит.

Кромптон слишком устал, чтобы почувствовать удар. Он спросил:

— А что сделал Стэк?

— Убил.

— Аборигена?

— Черта с два, — с отвращением ответил Тайлер. — Кому какое дело до аборигенов, будь они прокляты! Стэк убил человека, его зовут Бартон Финч. Это же его собственный компаньон! Финч еще жив, но вот-вот кончится. Старый Док сказал, что он не протянет и

дня, значит, это убийство. Стэка судил суд равных ему по положению присяжных заседателей, его признали виновным в убийстве Бартона Финча, в том еще, что он сломал ногу Билли Родберну и два ребра Эли Талботу, что он разнес салун Мориарти и нарушил порядок в городе. Судья — это я — приговорил повесить его, и как можно скорее. Выходит, сегодня, как только ребята вернутся с новой дамбы, где они сейчас работают, его и повесят.

— Когда состоялся суд?

— Сегодня утром.

— А убийство?

— Часа за три до суда.

— Быстрая работа, — заметил Кромптон.

— Мы здесь, в Кровавой Дельте, попусту время не тратим, с гордостью ответил Тайлер.

— Да, я догадываюсь, — сказал Кромптон. — Вы даже вешаете человека до того, как его жертва скончалась.

— Я же вам сказал — Финч кончается, — ответил Тайлер, и глаза его сузились в щелочку. — Вы потише, незнакомец, не путайтесь в дела Кровавой Дельты, если они касаются правосудия, не то вам тут не поздоровится. Нам не нужны все эти штучки- дрючки крючкотворов, чтобы разобраться, кто прав, кто виноват.

Лумис возбужденно зашептал Кромптону:

— Оставь ты все это, пошли отсюда.

Кромптон не обратил на него внимания. Он сказал шерифу:

— Мистер Тайлер, Дэн Стэк — мой сводный брат.

— Тем хуже для вас, — сказал Тайлер.

— Мне в самом деле необходимо с ним увидеться. Всего на пять минут. Чтобы передать ему письмо от матери.

— Ничего не выйдет, — ответил шериф.

Кромптон порылся в кармане и вытащил засаленную пачку денег.

— Всего две минуты.

— Хорошо. Пожалуй, я смогу... А, черт!

Проследив взгляд Тайлера, Кромптон увидел большую группу людей, шагавших к ним по пыльной улице.

— Ну вот и ребята, — сказал Тайлер. — Теперь уж ничего не получится, если бы даже я и захотел. Пожалуй, вы можете

присутствовать при повешении.

Кромптон отошел в сторону. В группе было по меньшей мере человек пятьдесят, а там шли еще и еще. Большинство из них были люди высокие, с дубленой кожей, огрубелыми лицами, словом, те, с кем шутки плохи, и почти у всех на поясе болталось оружие. Они коротко перебросились словами с шерифом.

— Не делай глупостей, — предупредил Лумис.

— А что я могу сделать? — возразил Кромптон.

Шериф Тайлер отворил дверь амбара. Несколько человек вошли туда и вскоре вернулись, волоча за собой арестанта. Кромптон не мог разглядеть его — толпа людей сомкнулась вокруг Стэка.

Кромптон шел за толпой, которая тащила осужденного в противоположный конец городка, где через сук крепкого дерева уже была перекинута веревка.

— Пора кончать с ним! — кричала толпа.

— Ребята! — прозвучал сдавленный голос Дэна Стэка. Дайте слово сказать.

— К чертям собачьим! — крикнул кто-то. — Кончай с ним!

— Мое последнее слово! — выкрикнул Стэк.

Неожиданно за него вступился шериф:

— Пусть скажет свою речь, ребята, по праву умирающего. Давай, Стэк, только не очень затягивай.

Они поставили Дэна Стэка на фургон, накинули ему петлю на шею, другой конец веревки подхватила дюжина рук. Наконец-то Кромптон увидел его. Он уставился на этот столь долго разыскиваемый сегмент самого себя и смотрел на него как зачарованный.

Дэн Стэк был крупный, ладно скроенный человек. Его полное, изрезанное морщинами лицо выражало тревогу, ненависть, страх, в нем угадывались буйный нрав, тайные пороки и затаенные горести. У него были широкие, будто вывернутые ноздри, толстогубый рот с крупными редкими зубами и узкие, вероломные глаза. Жесткие черные волосы свисали на разгоряченный лоб, черная щетина выступала на горящих щеках. Весь облик его выдавал темперамент холерика, порожденный Воздухом, — с избытком горячей желтой желчи, из-за которой человек легко впадает в гнев и лишается рассудка.

Стэк смотрел поверх голов в раскаленное добела небо. Медленно опустил он голову, и бронзовая культя правой руки полыхнула красным в ровном ослепительном свете дня.

— Ребята, я сделал много плохого в своей жизни, — начал Стэк.

— И это ты нам рассказываешь? — выкрикнули из толпы.

— Я был лжецом и обманщиком, — орал Стэк. — Я ударил девушку, которую любил, и ударил ее крепко, чтобы сделать ей больно. Я обокрал моих дорогих родителей. Я проливал кровь несчастных аборигенов этой планеты. Ребята, я жил не по-хорошему.

Толпа хохотала над его покаянной речью.

— Но я хочу, чтобы вы знали, — орал Стэк. — Я хочу, чтобы вы знали, что я боролся со своей греховной натурой и пытался ее победить. Я сражался как мужчина со старым дьяволом в моей душе, уж это точно. Я вступил в отряд Бдительных, и два года я был человек как человек. А потом опять навалилось на меня безумие, и я убил...

— Ты кончил? — спросил шериф.

— Но я хочу, чтобы вы знали одну вещь, — завопил Стэк, и глаза вылезли из орбит на его красном от возбуждения лице. — Я признаюсь, что совершал дурные поступки, я признаюсь в этом полностью, без всякого принуждения. Но, ребята, я не убивал Бартона Финча!

— Хорошо, — сказал шериф. — Если у тебя все, то пора приступать к делу.

Стэк закричал:

— Послушайте меня! Финч был моим другом, моим единственным другом на всем белом свете! Я просто пытался помочь ему, я встряхнул его немного, чтобы привести в чувство. А когда он так и не пришел в себя, я, наверно, потерял голову, и тут я расколошматил салун Мориарти и поломал пару ребят. Но, клянусь богом, я не причинял зла Финчу!

— Ну, ты, наконец, кончил? — спросил шериф.

Стэк открыл было рот, снова закрыл его и кивнул.

— Порядок, ребята! Начнем! — сказал шериф.

Люди стали двигать фургон, на котором стоял Стэк. И тут Стэк с выражением бесконечного отчаяния на лице заметил в толпе

Кромптона.

И узнал его.

Лумис очень быстро говорил Кромптону:

— Будь осторожен, не принимай его речей всерьез, ничего не делай, не верь ему, оглянись на его прошлое, вспомни всю его жизнь, он погубит нас, разнесет нас на кусочки. Он доминанта, он сильный, он убийца, он зол.

В какую-то долю секунды Кромптон, вспомнил предостереже ние доктора Берренгера:

— Безумие или нечто похуже...

Лумис продолжал бубнить:

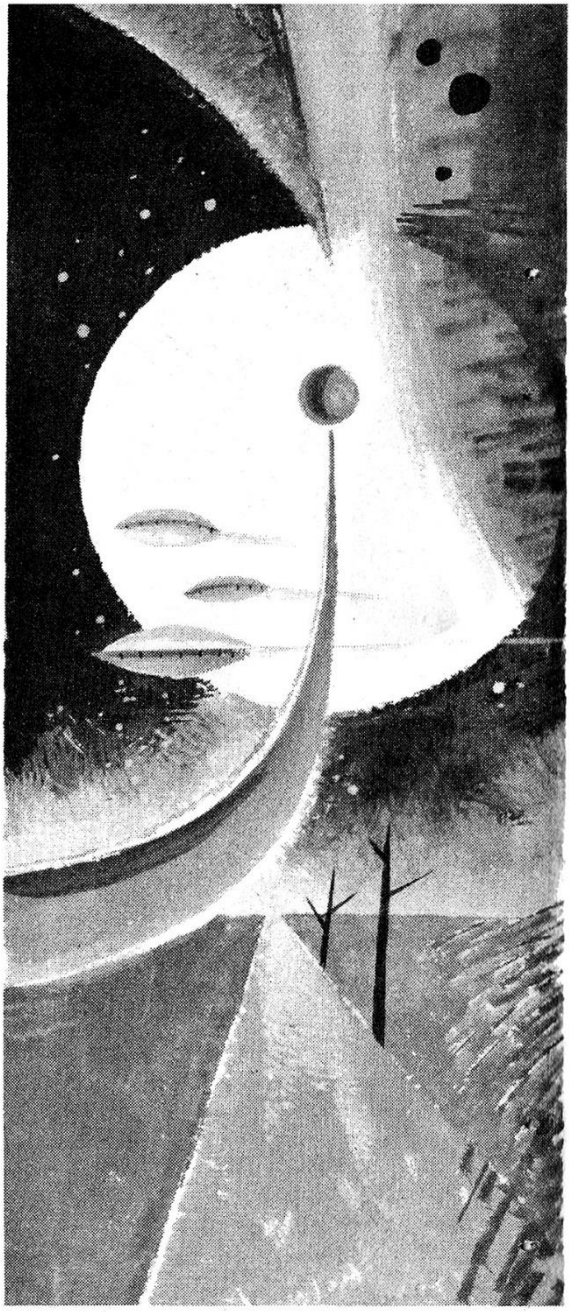
— Совершенно испорченный, злой, никчемный, абсолютно безнадежный...

Но Стэк был частью Кромптона. Стэк так же страстно желал перемены, боролся за власть над собой, терпел поражение и снова боролся. Стэк не был безнадежным, так же как Лумис, как он сам.

Но правда ли то, что говорил Стэк? Или эта вдохновенная речь была последним обращением к слушателям в надежде изменить приговор?

Он должен поверить Стэку. Он обязан протянуть руку помощи Стэку.

Как только фургон стронулся с места, глаза Стэка и Кромптона встретились. Кромптон принял решение и позволил Стэку войти в



себя.

Толпа зарычала, когда тело Стэка свалилось с края повозки и

после минутной страшной судороги безжизненно повисло на вытянувшемся канате. А Кромптон пошатнулся как от удара сознание Стэка вошло в него.

И он упал без памяти.

Кромптон очнулся в маленькой, едва освещенной комнате на кровати.

— Ну, как вы там, в порядке? — услышал он голос. В наклонившемся над ним человеке Кромптон узнал шерифа Тайлера.

— Да, теперь прекрасно, — автоматически ответил Кромптон.

— Понятно, повешение для такого цивилизованного человека штука тяжелая. Думаю, вы и без меня теперь обойдетесь, ладно?

— Конечно, — тупо ответил Кромптон.

— Вот и хорошо, а то у меня там работы... Через часок-другой забегу взглянуть на вас.

Тайлер ушел, Кромптон принялся тщательно обследовать самого себя.

Реинтеграция... Слияние... Завершение... Достигли он всего этого во время целительного обморока? Кромптон принялся осторожно обследовать свое сознание.

Вот Лумис, безутешно причитающий, страшно испуганный, лепечущий об Оранжевой Пустыне, о путешествиях и стоянках на Бриллиантовых Горах, о женщинах, о чувствах, о роскоши, о прекрасном.

А вот и Стэк, солидный и неподвижный, не слившийся с ними.

Кромптон поговорил с ним, прочел его мысли и понял, что Стэк был абсолютно, до конца честен в своей последней речи. Стэк искренне желал изменений, самоконтроля, выдержки.

Но Кромптон понял также, что Стэк абсолютно, ни на йоту не способен измениться, обрести самоконтроль, выдержку. Он и сейчас, несмотря на все свои старания подавить зло, был исполнен страстного желания отомстить. Его мысли яростно громыхали — полная противоположность визгливым причитаниям Лумиса. Мечты об отмщении, безумные планы завоевать всю Венеру всплывали в его мозгу. Сделать что-либо с этими проклятыми аборигенами, стереть их с лица планеты, чтобы предоставить всю ее в полное распоряжение землян. Разорвать этого проклятого Тайлера на кусочки. Расстрелять из пулемета весь город, а потом выдать это

за проделки аборигенов. Собрать общество посвященных, создать собственную армию почитателей СТЭКА на основе железной дисциплины, и чтобы никакой слабости, никаких колебаний. Перерезать Бдительных, и тогда никого не останется на пути завоеваний, убийств, мести, неистовства, террора!

Осыпаемый ударами с обеих сторон, Кромптон попытался восстановить равновесие, распространить свою власть на оба своих компонента. Он начал сражение за слияние их в единое целое. Устойчивое целое. Но компоненты, в свою очередь, бились каждый за свою автономию. Линии Расщепления углублялись, появились новые, непримиримые причины для раскола, и Кромптон почувствовал, как шатается его собственная устойчивость, как ставится под угрозу его рассудок.

Потом вдруг у Дэна Стэка с его упорной, но тщетной борьбой за изменения наступил момент просветления.

— Очень сожалею, — сказал он Кромптону. — Ничего не могу поделать. Нужен еще и тот, другой.

— Кто другой?

— Я пытался, — простонал Стэк. — Я пытался измениться. Но слишком много было во мне всякого... то горячего... то холодного. Думал, смогу сам вылечиться. И пошел на Расщепление.

— На что?!

— Вы что, не слышите? — спросил Стэк. — Я... я тоже шизоид. Скрытый. Это проявилось здесь, на Венере. Когда я вернулся в Порт Нью-Харлем, я обзавелся еще одним Телом Дюрьера и разделился... Я думал, станет легче, если я буду проще. Но ошибся!

— Так есть еще один наш компонент? — воскликнул Кромптон. — Конечно, без него мы не можем реинтегрировать. Кто он, где?

— Я пытался, — стонал Стэк. — Ох, я же пытался! Мы с ним были как братья, он и я. Я думал, я смогу научиться у него, он был такой тихий, терпеливый и спокойный. Я учился! Но тут он начал сдавать...

— Кто это был? — спросил Кромптон.

— Как я старался ему помочь, вытряхнуть из него эту блажь. Но он быстро терял силы, ему совсем не хотелось жить. Я утратил последнюю надежду, и от этого немного взбесился, и встряхнул его, и потом разгромил салун Мориарти. Но я не убивал Бартона Финча.

Он просто не хотел жить!

— Так наш последний компонент Финч?

— Да! Вы должны пойти к Финчу, пока он еще не отдал концы, и должны затащить его в себя. Он лежит в маленькой задней комнатке лавки. Поторопитесь...

И Стэк снова окунулся в свои грезы о кровавых убийствах, а Лумис забормотал о голубых Пещерах Ксанаду.

Кромптон поднял тело Кромптона с кровати и дотащил его до двери. Он видел лавку Стэка в конце улицы. «Доберись до лавки», — приказал он себе и, спотыкаясь, поплелся вдоль улицы.

Дорога растянулась на миллион миль. Тысячу лет полз он вверх по горам, потам вдоль рек, через пустыни, болота, пещеры, которые опускались до самого центра Земли, а затем опять подымался и переплывал бесчисленные океаны, добираясь до самых дальних берегов. А в конце этого долгого путешествия он пришел в лавку Стэка.

В задней комнате на кушетке, закрытый до самого подбородка простыней, лежал Финч — последняя надежда на Реинтеграцию. Поглядев на него, Кромптон осознал всю бесполезность своих исканий.

Финч лежал совсем тихо, с открытыми глазами, уставившись в пустоту отсутствующим, неуловимым взглядом. У него было широкое, белое, абсолютно ничего не выражающее лицо идиота. В плоских, как у Будды, чертах его лица застыло нечеловеческое спокойствие, безразличие ко всему живущему он ничего не ждет, ничего не хочет. Тонкая струйка слюны стекала из уголка губ, пульс был редким. В этом самом странном их компоненте нашел максимальное выражение темперамент Земли — Флегма, которая делает людей пассивными и безразличными ко всему.

Кромптон с трудом справился с подступающим безумием и подполз к кровати Финча. Он вперил взгляд в глаза идиота, пытаясь заставить Финча посмотреть на него, узнать его, соединиться с ним.

В это мгновение Стэк пробудился от своих снов о мщении, и одновременно пробудилось его отчаянное рвение реформатора. Вместе с Кромптоном он стал убеждать идиота посмотреть и увидеть. Даже Лумис поискал и, несмотря на полное изнеможение, нашел в себе силы присоединиться к ним в их объединенном

усилии.

Все трое они не спускали глаз с кретина. И Финч, пробужденный к жизни тремя четвертями своего «я», тремя компонентами, непреодолимо взывающими к воссоединению, сделал последнюю попытку. В его глазах всего на миг мелькнуло сознание. Он узнал.

И влился в Кромптона.

Кромптон почувствовал, как свойства Финча — бесконечное спокойствие и терпимость — затопили его. Четыре Основных Темперамента Человека, в основе которых лежат Земля, Воздух, Огонь и Вода, соединились наконец. И слияние стало, наконец, возможным.

Но что это такое? Что происходит? Какие силы пущены в ход и берут теперь верх?

Раздирая ногтями горло, Кромптон издал пронзительный вопль и свалился замертво на пол рядом с трупом Финча.

Когда лежащий на полу открыл глаза, он зевнул и сладко потянулся, испытывая несказуемое удовольствие от света, и воздуха, и ярких красок, от чувства удовлетворения и сознания того, что есть в этом мире дело, которое он должен исполнить, есть любовь, которую ему предстоит испытать, и есть еще целая жизнь, которую нужно прожить.

Тело, бывшее собственностью Элистера Кромптона, временным убежищем Эдгара Лумиса, Дэна Стэка и Бартона Финча, встало на ноги. Оно осознало, что настал час найти для себя новое имя.

И никаких суррогатов

Частная космическая яхта Ральфа Гарви стояла у причала бостонского космопорта, готовая к старту. Гарви ждал финального разрешения на взлет.

Наконец радио щелкнуло.

— Диспетчерская вызывает G43221, — прожужжало радио. — Пожалуйста, приготовьтесь к таможенному досмотру.

— Принято, — ответил Гарви с нарочитой небрежностью. Внутри его как будто что-то оборвалось.

Таможенный досмотр! Самое злосчастное из всех бед! Маленькие яхты редко подвергались досмотру — таможня была по уши занята большими межзвездными лайнерами с Кассиопеи, Алголя, Денеба и из тысячи других мест. Частные корабли просто не стоили потраченных на них сил и времени. Но чтобы держать их в узде, таможня проводила выборочные проверки. Никто точно не знал, когда и в какой именно космопорт нагрянет передвижная таможенная бригада. И все равно шанс налететь на проверку был менее одного к пятидесяти.

Но Гарви учел и этот мизерный шанс. Он заплатил восемьсот долларов, чтобы точно знать, что бригада Восточного побережья сейчас в Джорджии. Иначе бы он не стал рисковать. Двадцать лет заключения за нарушение Акта о сексуальной нравственности — это тебе не шутка.

Громкий стук в люк разнесся по кораблю.

— Пожалуйста, откройте для досмотра!

— Сейчас, — отозвался Гарви и захлопнул дверь в подсобную каюту. Если инспектор сунет туда нос, Гарви конец. На корабле не было места, чтобы надежно спрятать ящик трехметровой высоты, и не было способа, чтобы избавиться от нелегального содержимого.

— Иду-иду, — крикнул Гарви. Его бледный высокий лоб покрылся испариной. Мелькнула безумная мысль: что, если взлететь без разрешения и спрятаться на Марсе или Венере?.. Но нет, патрульные корабли его сцапают на первом же миллионе миль. Но можно попробовать обмануть инспектора.

Гарви нажал на кнопку. Люк скользнул в сторону, и на борт

поднялся высокий худощавый мужчина.

— Думал улизнуть, а, Гарви? — рявкнул инспектор с порога. — Эх, богатеи, ничему-то жизнь вас не учит!

Как он узнал? Гарви живо представил ящик в подсобной каюте и его человекоподобное, но еще не живое содержимое. Палево, абсолютное палево. Какой же он был дурак!

Он повернулся к пульту управления. Там, на боковой панели, в потрескавшейся кожаной кобуре висел револьвер. Уж лучше он выстрелит, чем двадцать лет будет резать пемзу на Луне. Выстрелит, а потом попытается...

— Акт о сексуальной нравственности — это не воскресный закон, Гарви, — продолжил инспектор железобетонным голосом. — Нарушения закона могут привести к катастрофическим последствиям не только для отдельной личности, но и для всего человечества. Поэтому мы решили: пусть ты послужишь поучительным примером, Гарви. А сейчас поищем улики.

— Не знаю, о чем вы, — сказал Гарви, незаметно скользя рукой к револьверу.

— Проснись, парень, — сказал инспектор. — Хочешь сказать, что не узнал меня?

Гарви уставился на озорное загорелое лицо инспектора.

— Эдди Старбак? — изумился он.

— Ну наконец-то! Это ж сколько прошло, Ральф? Лет десять?

— Как минимум, — сказал Гарви. От облегчения у него задрожали колени. — Садись, Эдди, садись! Ты по-прежнему пьешь бурбон?

— А как же. — Старбак сел в одно из противоперегрузочных кресел, осмотрел рубку и кивнул. — Мило. Очень мило. Ты, видно, не бедствуешь, старина.

— Концы с концами свожу. — Гарви вручил Старбаку бокал и наполнил другой для себя. Они вспомнили Мичиган и былые времена.

— А теперь, стало быть, ты инспектор таможни.

— Точно. — Старбак вытянул длинные ноги. — Меня вечно тянуло к закону. Хоть это и не так выгодно, как транзисторы.

Гарви скромно улыбнулся:

— А насчет Акта о сексуальной нравственности — это что? Шутка?

— Ничуть. Ты не слушал сегодняшних новостей? ФБР накрыло подпольную фабрику сексуальных суррогатов. Та при деле недавно, так что почти всех суррогатов отыскали и вернули. За исключением одного.

— Правда? — Гарви осушил бокал.

— Да. Поэтому они обратились к нам. Мы охватили все космопорты — на случай, если кто-то решит вывезти чертову куклу с Земли.

Гарви налил себе еще и небрежно спросил:

— И ты подумал, что этот парень — я?

Старбак недоуменно уставился на приятеля и через секунду расхохотался:

— Ты? Конечно нет! Просто увидел твое имя в списке убытия и забежал по старой памяти пропустить глоток. Слушай, Ральф, я же все помню. Гарви — первый парень на деревне. Гроза всех девственниц Мичигана. Зачем такому парню суррогат?

— Да уж, мои подружки не поняли бы меня, — поддакнул Гарви.

Старбак снова расхохотался и поднялся на ноги:

— Слушай, мне пора. Позвони, когда вернешься.

— Конечно позвоню! — легкомысленно согласился Гарви. — А ты не хочешь все-таки провести досмотр, раз уж ты здесь?

Старбак задумался.

— Наверное, надо бы для порядка. Да черт с ним, не хочу тебя задерживать. — Он подошел к люку и обернулся. — Жаль парня, у которого этот суррогат.

— Почему?

— Дружище, это адские машины. Ты же знаешь, Ральф! Может случиться что угодно — помешательство, членовредительство... А у этого бедняги проблем будет еще больше.

— Почему?

— Дружище, сказать не могу. Честное слово! Секретная информация. ФБР пока не уверено. Кроме того, они выбирают момент, чтобы выйти на сцену.

Старбак махнул рукой на прощание и ушел. Гарви в раздумье смотрел ему вслед. Ему не нравилось, как все пошло. То, что задумывалось как короткий и не вполне законный отпуск, теперь превратилось в настоящее преступление. Почему он не подумал об

этом сразу? Он насторожился еще на фабрике, увидев тусклые лампочки, подозрительных мужиков в белых фартуках и вдохнув запах необработанной плоти и пластика. Почему он не отказался от затеи еще тогда? Вряд ли суррогаты так хороши, как о них говорят...

— Диспетчерская вызывает G43221, — протрещало радио. — К взлету готовы?

Гарви колебался, пытаясь понять, на что же намекал Старбак. Может, дать задний ход, пока не поздно? Потом он подумал о гигантском ящике в подсобной каюте и о его содержимом. Оно ждет активации. Ждет его.

Гарви почувствовал, как участился пульс, и понял, что доведет дело до конца во что бы то ни стало. Он отослал подтверждение диспетчеру и пристегнул ремни безопасности.

Через час он уже был в космосе.

Спустя двенадцать часов Гарви заглушил двигатели. Он удалился на значительное расстояние от Земли, но еще не приблизился к Луне. Детекторы, выдвинутые до предела, не фиксировали в окрестностях корабля никаких посторонних объектов: ни проплывающих мимо лайнеров, ни грузовых звездолетов, ни патрульных кораблей, ни частных яхт. Он один. Никто и ничто не нарушит его уединения.

Он перешел в подсобку. Ящик стоял на том же месте, где он его оставил, надежно прикрепленный к палубе. Даже мимолетный взгляд на него отзывался в груди легким трепетом. Гарви нашел на боку ящика кнопку активации, вдавил и стал ждать, когда содержимое очнется и оживет.

Суррогаты были разработаны на заре века, и придумали их исключительно по необходимости. Человечество начало распространяться по галактике. Возникли первые базы на Венере, Марсе и Титане. Первые звездолеты достигли Алгола и Стагое-II. Человек покидал Землю.

Человек — но не женщина.

Сначала поселения были как маленькие крепости в тылу врага. Люди работали на износ и рано умирали. Иногда целые поселения не доживали даже до полной разгрузки кораблей. Первопроходцы космоса были как солдаты на передовой, и они подвергались огромному риску.

Позже нашлось бы место и для женщин. Позже — но не сейчас.

Маленькие человеческие миры, разбросанные по галактике, жили без женщин — и несли потери. Мужчины становились мрачными, вспыльчивыми, агрессивными. И хуже того — неосторожными, а неосторожность на чужих планетах, как правило, несет смерть.

Мужчинам нужны были женщины.

Поскольку к ним не могли прилететь настоящие женщины, земные ученые придумали им замену. Они разработали андроидов — суррогатных женщин — и разослали по колониям. Конечно, это было нарушением моральных принципов Земли. Но без этого случались вещи гораздо худшие, и из двух зол выбрали меньшее.

Некоторое время все шло хорошо. Так бы, наверное, и продолжалось, если бы все оставили как есть. Но земные компании, как всегда, стремились улучшить свой продукт. Они наняли талантливых скульпторов и художников, и те приукрасили внешний вид суррогатов. Инженеры усовершенствовали начинку, встроили тонко реагирующие на раздражители механизмы и поколдовали с условными рефлексами.

Мужчины в поселениях были счастливы. Так счастливы, что отвернулись от настоящих женщин, когда повстречали их вновь.

Возвращаясь на Землю, первопроходцы космоса привозили суррогатов с собой. Они распевали дифирамбы своим суррогатным подругам, указывая на их очевидные преимущества по сравнению с истеричными и фригидными живыми аналогами. Естественно, другие мужчины захотели попробовать. И были приятно удивлены. Молва разнеслась по Земле. И…

В дело вмешались власти — быстро и решительно. Конечно, они понимали, что рискуют лояльностью половины избирателей. Но, с другой стороны, социологи пророчили резкое падение рождаемости, если не изменить ситуацию. Поэтому правительство уничтожило суррогатов, объявило секс-фабрики вне закона и рекомендовало всем вернуться к нормальной жизни.

С неохотой большинство последовало совету. Но остались мужчины, которые помнили и делились воспоминаниями с другими. И всегда были мужчины, которых не устраивал второй сорт. Поэтому…

Внутри ящика зашуршало. Гарви мечтательно улыбнулся, вспомнив рассказы о пикантных привычках суррогатных женщин. Внезапно раздался резкий металлический звук. Это проснулось устройство связи в рубке управления. Гарви бросился к пульту.

Экстренная передача на всех радиочастотах была адресована всем кораблям. Гарви настроил приемник.

— Говорит Эдвард Данцер, — бодро объявило радио, — шеф вашингтонского отделения ФБР. Все вы слышали в новостях о закрытии нелегальной фабрики сексуальных суррогатов. И вы знаете, что мы разыскали почти все выпущенные экземпляры, кроме одного. Я обращаюсь к человеку, у кого находится последний суррогат, где бы этот человек ни находился.

Гарви нервно облизал губы и наклонился ближе к приемнику. Из подсобной каюты доносился шум, свидетельствующий о пробуждении суррогата.

— Вы в опасности! — продолжал Данцер. — В серьезной опасности! Первичный осмотр форм и шаблонов, использовавшихся на фабрике, показал, что они не совсем обычные. А сегодня утром один из фабричных технологов признался. Пропавший суррогат не предназначен для Земли!

— Повторяю, — повысил голос Данцер, — пропавший суррогат — не модель для Земли! Фабрика выполняла заказы и для планеты Алгол-IV. Когда у них закончились земные модели, они подсунули покупателю алголианскую. Торгуя нелегально, они посчитали, что претензий предъявлять никто не станет.

Гарви вздохнул с облегчением. А он уже было решил, что у него в ящике динозавр!

— Скорее всего, — продолжал Данцер, — владелец алголианского суррогата не осознает всей опасности. Да, алголиане относятся к виду homo sapiens. Доказано, что обе расы произошли от одного древнего предка. Но Алгол-IV отличается от Земли. Планета значительно тяжелее нашей, ее атмосфера перенасыщена кислородом. Костно-мышечная система алголианина, развивавшегося в своей среде, заметно превосходит человеческую. Образно говоря, они сильны как носороги. Суррогаты, разумеется, этого не знают. Они оснащены мощным, не делающим никаких различий приводом сопряжения. В этом-то и загвоздка! Советую

покупателю сдаться, пока не поздно. И помните: преступление —

дело невыгодное; рано или поздно вас поймают.

Радио затрещало статическими разрядами, потом ровно загудело. Гарви выключил звук.

Значит, его обманули! Что ж, сам виноват. Прежде чем забирать товар, надо было проверить. Но ящик-то запечатан.

Он потерял приличную сумму.

Ну и ладно, он не обеднеет. Еще повезло, что вовремя обнаружил ошибку. Сейчас он выбросит упакованный ящик за борт и вернется на Землю. Возможно, живые девушки и правда лучше...

Из подсобки донеслись звуки тяжелых ударов.

— Пора позаботиться о тебе, голубушка, — сказал Гарви и поспешил в подсобку.

Ящик ходил ходуном. Нахмурившись, Гарви протянул руку к выключателю. И в тот же момент стенка ящика треснула. В щель просунулась длинная золотистая рука и принялась шарить по воздуху. Гарви сделал шаг назад.

«Ситуация не смешная ни капли», — подумал он.

Ящик сотрясался от мощных ударов. Гарви прикинул их силу и вздрогнул. Нужно прекратить это немедленно. Он шагнул вперед.

Длинные острые пальцы вцепились в рукав, разрывая ткань. Гарви удалось включить деактиватор и отскочить назад.

На секунду воцарилась тишина. Потом суррогат нанес два удара, сравнимых по силе с ударами молота для забивания свай, и боковина ящика разлетелась в щепки. Увы, с деактивацией он опоздал.

Гарви попятился. Впервые он почувствовал страх. Ну и силища же у этой штуки! Наверное, за это их и любили на Алголе. То, что считалось там нежными объятиями, землянину переломало бы все ребра. Малоприятная перспектива.

Но разве суррогат не оснащен чем-то вроде внутреннего селектора? Чтобы различать землян и алголианцев...

Ящик развалился, и суррогат вышел на свободу.

Это была девушка двухметрового роста, великолепно, восхитительно сконструированная. Ее кожа отливала золотом, а черные волосы до плеч глянцевито переливались. Она впилась глазами в Гарви, замерев, как памятник идеальной женственности.

Невероятно красивая...

И опасная, как кобра, неохотно напомнил себе Гарви.

— Эй, ты, — сказал он, глядя на нее снизу вверх, — как видишь, произошла ошибка.

Суррогатная девушка не отрывала от него взгляда.

— Да, барышня. — Гарви нервно хихикнул. — И правда, нелепая ошибка. Ты, дорогая, алголианка. А я землянин. У нас нет ничего общего. Понимаешь?

Ее алый рот затрепетал.

— Позволь, я все объясню, — продолжал Гарви. — Мы с тобой представители разных рас. Это не значит, что я считаю тебя безобразной. Совсем наоборот! Но, к сожалению, у нас ничего не получится, мисс.

Она смотрела на него непонимающе.

— Ничего не получится, — повторил Гарви и взглянул на раскуроченный ящик. — Ты даже не понимаешь, сколько в тебе силы. Ты же убьешь меня невзначай. А этого мы не хотим.

Девушка что-то негромко проворковала.

— Вот такие дела, — торопливо продолжил Гарви. — Оставайся здесь, милая. А я иду в рубку. Через пару часов мы приземлимся, и я позабочусь, чтобы тебя отправили на Алгол. Тамошние парни проходу тебе не дадут. Заманчиво, правда?

Не заметив никаких признаков понимания, Гарви отступил назад. Девушка откинула волосы и направилась к нему. Ее намерения были очевидны.

Гарви отступал шаг за шагом. Он заметил, что у девушки участилось дыхание. Охваченный паникой, он выскочил из каюты и захлопнул дверь. Издавая призывные крики, понятные и без слов, девушка забарабанила по двери. Гарви бросился к приборной доске и врубил насос, чтобы откачать из подсобной каюты воздух.

Стрелки на циферблате датчика завертелись. Гарви облегченно выдохнул и упал в кресло. Слава богу, все позади. Он боялся подумать о том, что случилось бы, доберись до него алголианская кукла. Возможно, он бы не выжил. Конечно, жаль убивать столь прекрасное создание, но сейчас это единственный выход.

Он закурил. Как только она умрет, он выбросит ее за борт вместе с обломками упаковки. Потом выпьет и успокоится. А после вернется на Землю — грустный, но поумневший.

И больше никаких суррогатов! Только обыкновенные девушки.

«Да, сэр, — сказал себе Гарви, — если твоему отцу подходили живые женщины, значит подойдут и тебе. А когда у тебя будет сын, ты скажешь ему: сынок, выбирай только живых женщин. Они очень даже неплохи. И никаких суррогатов! Требуй оригинальный товар...»

Гарви поднялся с кресла и осмотрел дверь в подсобку. Проклятье! Чертова кукла повредила петли. Дверь разгерметизировалась.

Он метнулся к панели управления и остановил откачку воздуха. Ну почему, чуть не закричал он, все это происходит со мной?

Суррогатная девушка изменила тактику: вооружившись металлическим креслом, она прицельно колотила по петлям.

Но дверь — из закаленной стали, ее так просто не проломишь! Черта с два! Ни единого шанса. Ни за что.

Дверь зловеще выгнулась.

Стоя в центре рубки, Гарви отчаянно пытался найти выход. Капли пота катились по его лицу. Можно забраться в скафандр и выпустить из корабля весь воздух... Но скафандр — в подсобной каюте, вместе с остальным оборудованием.

Что еще? Ситуация серьезная. Критическая. Но мозг Гарви, казалось, впал в прострацию. Что же можно сделать? Поднять температуру? Понизить?

Он не мог знать, насколько суррогаты живучи. Но подозревал, что очень, более живучи, чем он мог бы себе представить.

Одна петля отлетела. Дверь перекосило, стало видно, как суррогатная девушка методично по ней колотит. Ее атласная кожа блестела от пота.

Гарви вспомнил про револьвер. Выдернув из кобуры, снял его с предохранителя. В этот момент треснула последняя петля, и дверь с грохотом упала на пол.

— Ни с места, — предупредил Гарви, вскидывая револьвер.

Девушка томно застонала и протянула к нему руки. Соблазнительно улыбаясь, она шагнула вперед.

— А ну, стой! — крикнул Гарви, разрываясь между страхом и желанием. Он прицелился, гадая, остановит ли ее пуля.

И что будет, если не остановит.

Глаза девушки пылали страстью. Простонав, она бросилась к

нему. Гарви сжал трясущимися руками револьвер и нажал на спусковой крючок. Звук выстрела оглушил. Гарви выстрелил еще трижды, но девушка не остановилась.

— Стой! — крикнул Гарви. — Ну пожалуйста!

Чуть медленнее, но она наступала.

Гарви выстрелил в пятый раз. Прихрамывая на одну ногу, девушка продолжала идти, глядя на него с нескрываемым вожделением.

Гарви уперся спиной в стену. Больше всего сейчас он хотел выжить, чтобы добраться до оператора фабрики и задушить его голыми руками. Девушка сгруппировалась и бросилась на Гарви. Последний выстрел Гарви сделал в упор.

Тремя днями позже он получил разрешение на посадку в бостонском космопорту. Садился он без обычного блеска. В последний момент пробил трехметровую дырищу в железобетоне посадочного углубления, но наконец уткнулся в землю.

Эдди Старбак подбежал к кораблю и забарабанил в люк:

— Ральф! Ральф!

Люк медленно отворился.

— Ральф! Что, черт возьми, происходит?

Гарви выглядел, как после борьбы с мясорубкой. Лицо в ссадинах, волосы изрядно подпалены. Прихрамывая, он вышел наружу.

— Перегрузка в цепи мощности, — объяснил он. — Произошло возгорание. Пришлось повоевать, пока потушил.

— Ничего себе! — присвистнул Старбак. — Послушай, Ральф, извини, но я вынужден...

— В чем дело?

— Ну этот чертов суррогат — его до сих пор не нашли. ФБР приказало досматривать все корабли — и коммерческие, и частные. Извини, что прошу об этом сейчас, после всего, что с тобой стряслось...

— Валяй, — махнул рукой Гарви.

Проверка была быстрой, но основательной. Старбак вышел и поставил в графе галочку.

— Спасибо, Ральф. Извини за беспокойство. У тебя там из-за пожара такой бардак!

— Это точно, — сказал Гарви. — Хорошо, что успел выбросить мебель за борт, иначе бы задохнулся от дыма. А теперь прости, Эдди. Мне нужно закончить кое-какие дела.

Он направился к выходу. Старбак последовал за ним:

— Дружище, тебе нужно показаться врачу. Видок у тебя еще тот.

— Я в порядке, — сказал Гарви, демонстрируя всем своим видом непоколебимую решимость.

Старбак почесал затылок и поковылял в диспетчерскую.

Выйдя из космопорта, Гарви поймал вертолет. Снова болела голова и дрожали ноги.

Суррогатная девушка оказалась невероятно сильной и упорной. Если б она действовала в полную силу, он бы не выжил. Но последний выстрел в упор сделал свое дело. Конструкция ее организма не была рассчитана на такое обращение. Вернее, была, но ненадолго.

В центре Бостона Гарви отпустил вертолет. Он все еще чувствовал слабость, но решительно пересек улицу и вошел в невзрачное здание из серого камня. Еле переставляя заплетающиеся ноги, он снова подумал: как же ему повезло, что он справился с ней!

Но и она, с ее удивительной жизнеспособностью, тоже справилась с ним.

Все произошло очень быстро...

Но это было незабываемо.

Ему здорово повезло, что он выбрался из передряги живым. Да и некого винить — нечего связываться с нелегальной игрушкой.

К нему подскочил служащий:

— Извините, что заставили вас ждать, сэр. Могу я чем-нибудь помочь?

— Можете. Нужно одно место на ближайший рейс до Алгола.

— Хорошо, сэр. Вам туда и обратно, сэр?

Гарви подумал о высокой восхитительной черноволосой женщине с золотистой кожей, которую он встретит на Алголе. Больше никаких суррогатов. Только первоклассная женщина, настоящая, способная отличить землянина от соплеменника.

— Нет, мне в один конец, — сказал Ральф Гарви с легкой улыбкой предвкушения.

Конечная

Это случается вот так: ты откидываешься на спинку кресла (первый класс, компания «Мажорские космические линии»), закуриваешь сигару и берешь бокал шампанского — начинается рейс из Развал-Сити, Земля, на Гнусьвилльский Перекресток, Арктур-XII. Сразу за таможенным барьером тебя ждет Магда, а в «Ультима Хилтоне» устроят шикарную вечеринку в твою честь. И ты понимаешь, что, прожив наполненную борьбой жизнь, ты наконец добился богатства, успеха, привлекательности и уважения. Жизнь похожа на кусок печеночного паштета сочная, жирная, вкусная. Ты столько лет перекапывал дерьмо ради этой минуты, и вот она настала, и ты готов насладиться ею.

И тут загорается табло: «ПОСАДКА».

— Эй, красотка, — окликаешь ты стюардессу, — что творится?

— Мы высаживаемся на Конечной, — отвечает она.

— Но ее нет в расписании. Почему мы приземляемся?

— Сюда нас завел корабельный компьютер, — пожимает плечами стюардесса. Придется вылезать.

— Послушайте, — холодно начинаешь ты, — мой добрый друг Дж. Уильяме Нэш, президент вашей линии, заверил меня, что остановок вне расписания не будет...

— На Конечной гарантии недействительны, — объясняют тебе.

— Может, вы и не собирались сюда, но то, что сюда вы приехали, — это точно.

Ты застегиваешь ремни и думаешь: «Ну что за невезение! Всю жизнь вкалываешь, как ишак, врешь, воруешь, жульничаешь, а только захочешь повеселиться — нате вам, Конечная».

На Конечную попасть легко. Всего и дел — появиться тут. Космолет припаркуйте на свалке. Никаких бумаг подписывать не надо. Ни о чем не волнуйтесь. Пройдитесь, познакомьтесь с ребятами.

В крутом оттяге подваливает Живчик с вопросом:

— Чуваки, а с чего вы тут кайф ловите?

— Да навроде как с «Надежды-98», — отвечает Нюхач Морт.

— А какие с той «Надежды» глюки?

— Начинаешь думать, что у тебя есть будущее.

— Эк, мне бы так потащиться, — грустно вздыхает Живчик.

Познакомьтесь с Люси-Лапочкой, девушкой с тысячью ожиревших тел.

— Каждый понедельник я захожу в «Небесную лавку тел» и хочу выбрать себе наконец симпатичное тело — вы понимаете, что я имею в виду, симпатичное. Но каждый раз на меня словно находит что-то, и я вновь оказываюсь в мешке с жиром. Если бы я только могла победить этот дикий невроз — о, какой бы красоткой я стала!

Комментарий доктора Бернштейна:

— Ее спасение в ее похмелье. Неудачники всегда принимают истинный облик. Будете уходить — пните ее. Она напрашивается.

Жирардо много путешествовал, но никогда не забирался далеко от дома.

— Точно говорят, что вся Галактика поместится у меня в голове. Чем дальше едешь, тем меньше видишь. Был я на Акмене-IV — вылитая Аризона. Сардис-VI калька с Квебека, а Омеона-VI — двойник Земли Мэри Бэрд.

— А на что похожа Конечная?

— Если бы я не знал, где я, — отвечает Жирардо, — то подумал бы, что вернулся домой в Хобокен.

На Конечной приходится все импортировать. Ввозят кошек и тараканов, мусорники и мусор, полицейских и статистику преступности. Ввозят кислое молоко и гнилые овощи, ввозят голубую замшу и оранжевую тафту, ввозят апельсиновые шкурки, растворимый кофе, запчасти от «Фольксвагена» и запальные свечи «Чемпион». Ввозят мечты и кошмары. Ввозят тебя и меня.

— Но зачем это все?

— Глупый вопрос. С таким же успехом можешь поинтересоваться, а для чего реальность?

— М-м... а для чего реальность?

— Заходите в любое время. Я живу в доме ооо по улице Зеро, на перекрестке с Минус-бульваром близ Нулевого парка.

— У этого адреса есть некое символическое значение?

— Да нет, просто я там живу.

На Конечной никто не может позволить себе необходимого. Зато роскошь доступна всем. Каждую неделю бесплатно раздаются десять тысяч тонн первосортных устриц. Но майонеза вы не найдете ни по дружбе, ни за деньги.

Разговор на Лимбо-лейн — Доброе утро, молодой человек. Все еще занимаетесь этой глупостью о целях и средствах?

— Да, наверное, профессор.

— Так я и думал. Ну, до свидания, молодой человек.

— Кто это был?

— Профессор. Он всегда спрашивает про глупости о целях и средствах.

— А что это значит?

— Не знаю.

— А почему не спросишь?

— Плевал я на него.

— Монизм постулирует, что существует нечто одно, — говорит доктор Бернштейн, — дуализм — что не одно, а два. И в том, и в другом случае выбор у вас небогатый.

— А-а! — восклицает Джонни Каденца. — Может, поэтому все тут на вкус похоже или на острый перец, или на апельсиновый соус.

* * *

Реплики философского общества Конечной:

Ад — это бесконечно откладываемая поездка. Ад — это твое настоящее лицо. Ад — это когда получаешь то, чего не хочешь. Ад — это когда получаешь то, чего хочешь. Ад — это повторение.

Гляди перед собой: там чернота Вселенной, провала, конца, прыжка в ничто. А за тобой — все места, где ты побывал: прошлогодние надежды, вчерашние прогулки, старые мечты. Все использовано и выброшено.

Ты дошел до финиша. Садишься и думаешь, чем же заняться дальше.

Добро пожаловать на Конечную.

Лучше сдохнуть

Космический грузовик «Королева Дейрдре», огромный, испещренный отметинами толстячок, курсировал по маршруту Земля – Марс уже много лет. Он не доставлял экипажу особых хлопот, и это должно было насторожить бортинженера Уоткинса. Уоткинс любил повторять, что оборудование делится на два типа: первый выходит из строя постепенно, второй ломается сразу целиком.

Уоткинс был небольшого роста, носил пышные усы и страдал легкой одышкой. С кружкой пива в одной руке и сигарой в другой он рассуждал о корабле с предельным цинизмом – давняя традиция бортовых инженеров. Но на самом деле Уоткинс испытывал к «Дейрдре» самые теплые чувства. Он идеализировал ее, наделял человеческими качествами и представить не мог, чтобы с кораблем что-нибудь случилось.

Очередной рейс начался как обычно. Взлет с Земли прошел в штатном режиме. Уоткинс доложил, что топливо потребляется с надлежащей скоростью. В нужный момент штурман Райчик подал сигнал, и капитан Сомерс выключил двигатели.

Как только корабль миновал пункт Альфа, Сомерс внимательно изучил сложную панель управления. Он был человек дотошный и управлял кораблем с безупречностью, доведенной до автоматизма. Его высоко ценили в «Космических перевозках Миккельсена». Сам старик Миккельсен приводил рапорты Сомерса в качестве образца аккуратности и оперативности. На Марсе Сомерс останавливался в Клубе офицеров, избегая дешевых заведений и притонов Марсопорта. На Земле у него был маленький домик в Вермонте, где он жил в мирной компании двух котов, жены и слуги-японца.

Команды капитана исполнялись четко. Но Сомерса что-то тревожило. Он помнил все шумы корабля – каждый скрип, стук и дребезг. При взлете он услышал новый звук. А в космосе новый звук мог означать неприятность.

– Мистер Райчик, – обратился Сомерс к штурману, – вы проверите груз? Возможно, что-то сдвинулось с места.

– Одна нога здесь – другая там, – весело отозвался Райчик, почти

оскорбительно красивый юноша с черными вьющимися волосами, ярко-голубыми глазами и ямочкой на подбородке. Несмотря на броскую внешность, Райчик зарекомендовал себя квалифицированным специалистом. Пятьдесят тысяч в высшей степени квалифицированных специалистов жаждали получить место на одном из четырнадцати космических кораблей, но лишь Стивену Райчику хватило сообразительности, обаяния и смелости, чтобы соблазнить старшую дочь старика Миккельсена и жениться на ней.

Райчик направился в кормовую часть судна, где располагался грузовой отсек. В этот раз «Дейрдре» перевозила транзисторы, микрофильмы-книги, платиновые нити, салями и другие товары, которых на Марсе не производили. Бóльшую часть грузового отсека занимал огромный Фаренсен-компьютер.

Райчик подергал стягивающие монстра канаты, осмотрел подпоры и фаркопы, удерживающие его на месте, и вернулся в рубку.

– Все в порядке, босс, – доложил он капитану с улыбкой, какую мог себе позволить только зять работодателя.

– Мистер Уоткинс, вы не фиксируете никаких отклонений?

Уоткинс сидел за собственной приборной панелью.

– Никаких, сэр. Готов поручиться за каждый узел.

– Вот и отлично. Как скоро пункт Бета?

– Через три минуты, шеф.

– Хорошо.

Корабль висел в пустоте, всякое ощущение скорости терялось из-за отсутствия ориентиров. В иллюминаторах темнота – истинный цвет Вселенной, – усыпанная крошечными бриллиантами звезд. Тревожное напоминание о ничтожности человека.

Капитан Сомерс отвернулся от иллюминатора и задумался, сможет ли посадить корабль, не сдвинув компьютер с места. Никогда еще в космосе не перевозили такое крупное, тяжелое и такое хрупкое оборудование.

Капитана беспокоило это устройство. Оно стоило миллиарды долларов. Марсианская колония заказала сверхмощный компьютер, чей функционал с лихвой компенсировал бы необъятные транспортные расходы. В результате получилась самая сложная и

совершенная машина из когда-либо созданных человеком.

– Десять секунд до пункта Бета, – сообщил Райчик.

– Отлично. – Сомерс повернулся к панели управления.

– Четыре-три-два-один-огонь!

Сомерс запустил двигатели. Ускорение вжало астронавтов в кресла. Давление продолжало нарастать, и – о ужас! – его рост не прекращался.

– Топливо! – вскрикнул Уоткинс, глядя на бешено крутящуюся стрелку датчика.

– Курс! – просипел Райчик, сражаясь за последний глоток воздуха.

Капитан сбросил рычаги тяги в ноль. Но двигатели продолжали работать, все глубже впрессовывая космонавтов в кресла. Освещение в рубке управления замерцало, потухло, зажглось снова.

Ускорение продолжало расти. Двигатели «Дейрдре» выли в агонии, толкая корабль вперед. Сомерс оторвал от подлокотника свинцовую руку и медленно передвинул ее к аварийному выключателю. Нечеловеческим усилием дотянулся до клавиши и отжал ее.

С драматичной внезапностью рев двигателей смолк. Стали слышны скрипы и стоны измученного металла. Освещение мерцало, словно «Дейрдре» моргала от боли, потом стабилизировалось. И наступила тишина.

Уоткинс бросился в машинное отделение. Вернулся он мрачнее тучи.

– Из всех мыслимых бед... – пробормотал он.

– Какая? – спросил капитан.

– Главная топливная магистраль. Разозлилась на нас и лопнула. – Уоткинс покачал головой. – Предположительно усталость металла. Должно быть, накапливалась много лет.

– Когда ее проверяли в последний раз?

– Ну, это герметичный узел. Предполагалось, что он переживет корабль. Абсолютно надежный, если только не...

– Если не бракованный.

– А это не моя вина! Узлы должны были пройти рентген-контроль, термообработку, флюороскопию – нельзя просто так доверять механизмам!

Наконец-то Уоткинс убедился в правоте этой инженерной аксиомы.

– Как у нас с топливом? – спросил капитан.

– Не хватит, чтобы проехаться на детском автомобиле по Мэйн-стрит, – уныло сообщил Уоткинс. – Попадись мне этот контролер ОТК…

Капитан Сомерс повернулся к Райчику. Тот горбился над графиками за своей штурманской панелью.

– Как это повлияет на наш курс?

Райчик закончил расчеты и задумчиво покусывал карандаш.

– Нам конец. Мы минуем орбиту Марса раньше, чем он туда подойдет.

– Насколько раньше?

– Очень намного, капитан. Мы летим за пределы Солнечной системы, как пробка из бутылки шампанского.

И Райчик улыбнулся бесшабашной улыбкой, которую Уоткинс счел особо неуместной.

– Черт побери, приятель, – взорвался он, – хватит ухмыляться, надо действовать! У нас осталось немного топлива. Мы же можем развернуть корабль? Штурман ты или нет?

– Штурман, – холодно ответил Райчик. – Но если бы я рассчитывал курс так, как ты обслуживаешь двигатели, мы бы давно вспахали носом Австралию.

– Ах ты, ничтожный приживала! Я-то хоть получил работу честно, а не через женитьбу…

– Хватит! – осадил их капитан Сомерс.

Уоткинс с раскрасневшимся лицом и ощетинившимися усами был похож на моржа, готового броситься в бой. А Райчик, сверкая глазами, только этого и ждал.

– Успокойтесь, – сказал Сомерс. – Здесь приказы отдаю я.

– Вот и отдайте какой-нибудь приказ! – огрызнулся Уоткинс. – Прикажите ему проложить разворотный курс. Это вопрос жизни и смерти!

– Тем более нужно сохранять спокойствие. Мистер Райчик, можете вы рассчитать такой курс?

– Это первое, что я попытался сделать. На оставшемся топливе шансов у нас никаких. Мы можем отклонить корабль на градус,

максимум на два, но это ничего не даст.

– Конечно даст, – воскликнул Уоткинс. – Следуя по изогнутой траектории, мы вернемся в Солнечную систему!

– Обязательно вернемся – через несколько тысяч лет.

– Тогда нужно приземлиться на какой-нибудь планете – Нептун, Уран…

Райчик покачал головой:

– Даже если бы внешняя планета оказалась в нужное время в нужном месте, нам все равно потребовалось бы топливо – много топлива, чтобы сбросить скорость и лечь на орбиту. И даже если б мы сделали это, кто бы нас оттуда забрал? Корабли еще не залетали дальше орбиты Марса.

– По крайней мере, у нас был бы шанс, – возразил Уоткинс.

– Возможно, – безучастно подтвердил Райчик. – Но мы не можем изменить курс. Боюсь, осталось только помахать Солнечной системе на прощание.

Капитан вытер лоб, попытался что-нибудь придумать и обнаружил, что не может сконцентрироваться. Слишком большое несоответствие между ситуацией и ее восприятием. По логике, корабль с огромной скоростью покидает Солнечную систему. Но внешне ничего не меняется. Они остаются на месте: висят над бездной, три человека, запертые в тесной и душной каюте, пропахшей потом и разогретым металлом.

– Капитан, что нам делать? – спросил Уоткинс.

Сомерс бросил на инженера хмурый взгляд. Неужели Уоткинс и правда верит, что капитан возьмет и выхватит решение из воздуха, словно фокусник? Он даже не может сосредоточиться на проблеме. Им нужно сбросить скорость и развернуть корабль. А ощущения говорят: корабль стоит на месте. Какая тут, к черту, скорость?

Он ничего не мог придумать. Больше того, ему казалось, что проблема совсем в другом: куда деваться от этих сумасшедших скандалистов, куда сбежать из тесной и душной рубки?

– Капитан! Вы обязаны найти решение!

Сомерс попытался стряхнуть с себя чувство нереальности происходящего. Настоящая проблема, сказал он себе, заключается в том, чтобы остановить корабль. Он посмотрел на статичную каюту, застывшие в иллюминаторе звезды… Мы движемся, и движемся

очень быстро, старался убедить он себя.

– Наш бравый капитан не способен принять вызов и трезво оценить ситуацию, – поморщился Райчик.

– Конечно способен, – возразил Сомерс, пытаясь прийти в себя. – Я поведу корабль по любому рассчитанному вами курсу. Это моя основная обязанность. Проложите маршрут до Марса!

– С удовольствием! – рассмеялся Райчик. – Раз плюнуть! Инженер, мне потребуется топливо, примерно десять тонн. Проследи, чтобы я его получил!

– Идет, – сказал Уоткинс. – Капитан, я хочу подать заявку на десять тонн топлива.

– Заявка принята, – сказал Сомерс. – Хорошо, господа, мы повязаны круговой ответственностью. Нужно взять себя в руки. Мистер Райчик, как насчет связи с Марсом?

Когда связь была установлена, Сомерс взял микрофон и обрисовал ситуацию. Диспетчер на другом конце, казалось, с трудом понимал суть проблемы.

– Почему вы не развернете корабль? – спросил он недоуменно. – Измените курс...

– Не могу. Я вам только что объяснил.

– Тогда что вы предпримете, капитан?

– Вот об этом я и спрашиваю.

Из громкоговорителя донеслось бормотание, перемежаемое статическими разрядами. Огоньки замерцали, и голоса начали затихать. Райчик с большим трудом восстановил связь.

– Капитан, – сказал диспетчер, – мы ничего не можем придумать. Если бы вы изменили курс...

– Я не могу!

– В сложившихся обстоятельствах, вы имеете право испробовать что угодно. Вообще что угодно, капитан.

– Послушайте, – простонал Сомерс. – Я могу придумать только одно. Приблизившись к Марсу на минимальное расстояние, мы наденем скафандры и выпрыгнем в космос. Привяжемся друг к другу, возьмем портативный передатчик. Он не очень мощный, но вы будете представлять наше местонахождение. Все должно быть рассчитано очень точно – кислорода в скафандрах на двенадцать часов. Это немного, но это шанс.

Снова гомон голосов на другом конце. Потом диспетчер сказал:

– Мне очень жаль, капитан.

– Почему? Уверяю вас, это наш единственный шанс!

– Капитан, на Марсе сейчас только корабль «Диана». Но его двигатели на капремонте.

– Как быстро он вернется в строй?

– Три недели, минимум. А корабль с Земли будет еще не скоро. Капитан, у нас нет никаких идей. Единственное, что мы можем предложить...

В этот момент сигнал пропал. Райчик, чертыхаясь, принялся настраивать радио. Уоткинс грыз ус.

Сомерс посмотрел в иллюминатор и поспешно отвел взгляд: звезды – конечный пункт их путешествия – были невероятно далеко.

Снова зашуршали едва различимые статические помехи.

– Больше я ничего не могу сделать, – сказал Райчик. – Чертов прием... Интересно, что они предлагали?

– Что бы они ни предлагали, – ответил Уоткинс, – вряд ли они сами верят, что это поможет.

– Да какая, к чертям, разница? – с досадой проворчал Райчик. – Зато было бы чем заняться.

Наконец они услышали голос – шепот в пространстве:

– Слышите нас?.. Предлагаем... – На громкости, выкрученной до предела, голос затих, потом вернулся: —...можем только посоветовать... шанс невелик... но попытайтесь... вычислительную машину...

– О чем это он? – спросил Райчик. – Вычислительная машина? Фаренсен-компьютер из нашего трюма?

– Кажется, понял, – сказал капитан Сомерс. – Фаренсен – усовершенствованный образец. Никто не знает, каков его потенциал. Марс предлагает использовать машину для решения проблемы.

– Какая нелепость, – фыркнул Уоткинс. – У этой проблемы нет решения.

– На первый взгляд – да, – согласился Сомерс. – Но большие компьютеры уже решали нерешаемые на первый взгляд проблемы. Почему бы нам не попробовать?

– Действительно, почему бы нет, – кивнул Райчик. – При

условии, что не будем возлагать на него слишком больших надежд.

– Правильно, я бы не стал так уж надеяться. Мистер Уоткинс, думаю, общение с компьютером – ваша обязанность.

– Ну и какой в этом толк, – проворчал Уоткинс. – Вы говорите, не надеяться, а сами надеетесь! Рассчитываете, что большой электронный бог спасет наши жизни. Не спасет!

– Но нужно попытаться, – возразил ему Сомерс.

– Не нужно! Не хочу доставлять ему удовольствия – давать лишний повод ответить нам «нет»!

Капитан и штурман уставились на Уоткинса.

– Намекаешь, что машины способны думать? – спросил Райчик.

– Да, намекаю. Потому что они думают! И я не сошел с ума. То, что сложные машины наделены индивидуальностью, подтвердит любой инженер. А знаете, какие качества формируют эту индивидуальность? Неприветливость, замкнутость, безразличие, жестокость. Главная функция машины – разрушать мечты и создавать две новые проблемы на месте одной решенной. А знаете, почему машина ведет себя так?

– Успокойтесь, у вас истерика, – сказал ему Сомерс.

– Нет у меня никакой истерики. Машина ведет себя так, потому что сознает: она – противоестественное создание в естественном мире. Поэтому она стремится к энтропии и остановке – этакое механистическое стремление к смерти.

– В жизни не слыхал ничего глупее, – вздохнул Сомерс. – Так вы собираетесь включать компьютер?

– Конечно. Я же человек. Я продолжаю цепляться за соломинку. Просто хочу, чтобы вы ясно понимали: надежды никакой. – И он направился в грузовой отсек.

Райчик усмехнулся и покачал головой:

– Лучше бы присмотреть за ним.

– Все обойдется, – сказал Сомерс.

– Может, обойдется, а может, и нет. – Райчик глубокомысленно поджал губы. – Он валит все на машину, чтобы отвести вину от себя. Это из-за его ошибки мы попали в замкнутый круг. Ответственность за оборудование несет инженер.

– Не думаю, что вы имеете право обвинять его так категорично, – возразил Сомерс.

– Конечно имею, – сказал Райчик. – Хотя мне все равно. Этот способ умереть ничуть не хуже любого другого, а скорее даже лучше многих.

Капитан Сомерс вытер потное лицо. Ему снова стало казаться, что проблема – реальная проблема – заключается в том, чтобы выбраться из этой жаркой и душной неподвижной коробки.

– А что, смерть в космосе, если вдуматься, вполне себе ничего. Представьте: целый звездолет станет нашей гробницей! А выбор способов умереть – он просто огромный. Смерть от жажды и истощения исключаем как прозаическую. Но еще остается смерть от жары, от холода, в результате взрыва, коллапса...

– Что за нездоровые мысли, – осадил штурмана Сомерс.

– А я вообще малость психанутый, – беспечно парировал Райчик. – Но, в отличие от Уоткинса, не перекладываю вину на неодушевленные предметы. И не впадаю в ступор, как вы. – Он вгляделся в лицо капитана. – Это ведь ваше первое серьезное испытание?

– Можно сказать и так, – неопределенно ответил Сомерс.

– И вы ведете себя как остолбеневший бык. Очнитесь, капитан! Если не получается жить радостно и счастливо, так попытайтесь извлечь хоть немного удовольствия из своей смерти.

– Заткнитесь, – беззлобно сказал Сомерс. – Почитайте книжку или найдите другое занятие.

– Я прочел все книги, что есть на борту. Мне нечем больше заняться, только анализировать ваш характер.

В рубку вернулся Уоткинс:

– Ну, ваш электронный бог активирован. Кто-нибудь принесет ему жертву?

– Вы скормили ему нашу проблему?

– Еще нет. Решил посоветоваться с первосвященником. Что спросить у демона, сэр?

– Дайте ему все данные, какие только можно, – сказал Сомерс. – Топливо, кислород, вода, еда и тому подобное. Или еще лучше – неполные данные. Тогда он сможет намекнуть, что решение существует – гипотетически. И поддержит нашу надежду.

Все трое проследовали в грузовой отсек. Компьютер тихо гудел. Разноцветные огоньки перемигивались на его панели.

Минут пятнадцать Уоткинс стучал по клавишам и крутил диски. Наконец отодвинулся.

– Видите красную лампочку наверху? – показал он. – Это значит, решение не найдено.

– Не говори гоп, – тут же вставил Райчик.

Уоткинс рассмеялся:

– Такой большой мальчик – и такой суеверный.

– Зато не такой некомпетентный, – ухмыльнулся Райчик.

– Можете вы помолчать? – рявкнул Сомерс, и спорящие испуганно повернули к нему головы.

– Поглядите-ка, – сказал Райчик. – Спящий проснулся.

– Кое-как, – хихикнул Уоткинс.

Сомерс вдруг отчетливо осознал: если они еще хоть немного пробудут вместе, то или поубивают друг друга, или сойдут с ума.

– Смотрите! – крикнул Райчик.

Лампочка в верхней части компьютера позеленела.

– Наверняка какая-то ошибка, – сказал Уоткинс. – Зеленый цвет означает, что проблема внутри заданных параметров решаема.

– Решаема! – воскликнул Райчик.

– Но это невозможно, – сказал Уоткинс. – Компьютер просто издевается над нами...

– Не будь таким суеверным, – передразнил его Райчик. – Ну и когда мы получим решение?

– Уже. – Уоткинс показал на бумажную ленту, выползающую из щели в панели. – Но там наверняка чепуха!

Лента выползала миллиметр за миллиметром. Компьютер гудел, его огоньки вспыхивали зеленым светом. Потом гудение смолкло. Зеленые огоньки вспыхнули в последний раз и погасли.

– Что случилось? – спросил Райчик.

– Он завершил работу, – сказал Уоткинс.

– Возьми ленту! Читай!

– Читай сам. Вот уж не буду плясать под его дудку.

Райчик нервно рассмеялся и потер руки, но не двинулся с места. Оба повернулись к Сомерсу.

– Капитан, это ваша обязанность.

– Вперед, капитан!

Сомерс с ненавистью взглянул на подчиненных. Его

обязанность! Все – его обязанность! Отвяжутся они когда-нибудь?
Он подошел к машине, оторвал ленту и долго молча читал.

– Что там написано, сэр? – поинтересовался Райчик.

– Решение возможно? – нетерпеливо спросил Уоткинс.

– О да, – кивнул Сомерс. – Решение возможно. – Он рассмеялся и окинул взглядом жаркий тесный отсек с низким потолком и задраенными люками.

– И в чем же оно заключается? – спросил Райчик.

– Вы, Райчик, подсчитали, что корабль вернется в Солнечную систему через несколько тысяч лет. Что ж, компьютер с вами согласен. Две тысячи триста лет, если быть точным. Поэтому он предлагает нам сыворотку долголетия.

– Две тысячи триста лет, – пробормотал Райчик. – Наверное, мы будем спать или что-то вроде того...

– Ничего подобного, – хладнокровно произнес Сомерс. – Наоборот, сыворотка устраняет потребность во сне. Мы будем бодрствовать. И смотреть друг на друга.

Все трое переглянулись. Потом оглядели знакомую до тошноты каюту, пропахшую металлом и пóтом, задраенные люки и иллюминаторы с неизменной, словно отпечатавшейся на стекле картиной звезд.

– Да, именно так все и будет, – констатировал Уоткинс.

Наконец-то одни

Корабль, отправлявшийся раз в год на Ио, занял стартовую позицию и полчища андроидов приступили к завершению наземной подготовки. Собравшаяся поглазеть на это событие толпа в предвкушении развлечения все более уплотнялась. Прозвучал горн, пронзительно завизжала предупредительная сирена. Из последних не задраенных иллюминаторов посыпались конфетти, продолговатые ленты серебристого и алого цвета.

- Всем провожающим покинуть борт корабля! - раздался из громкоговорителей зычный голос капитана - разумеется, человека.

В центре всего этого оживления стоял с лоснящимся от пота лицом Ричард Арвелл. Груда багажа, скопившегося вокруг него, с каждой минутой все более увеличивалась. Дорогу к кораблю ему преграждал невысокий, смешной на вид, правительственный чиновник.

- Нет, сэр, я никак не могу позволить вам сделать это, - не без пафоса произнес чиновник.

Пропуск Арвелла был подписан и завизирован, билет оплачен, документы в полном порядке. Чтобы добиться этого, ему пришлось выстоять перед доброй сотней дверей, объясняться с сотней невежд и, тем не менее, удалось добиться своего. А теперь, в самом конце восхождения к успеху, удача вроде бы от него отвернулась.

- Мои документы в полном порядке, - настаивал Арвелл с наигранным спокойствием.

- На вид они действительно в порядке, - спокойно возразил чиновник. Только вот цель вашего вылета настолько абсурдна...

В это мгновение робот-носильщик неуклюже подхватил ящик с андроидом Арвелла.

- Осторожнее! - крикнул Арвелл.

Робот с грохотом уронил ящик на землю.

- Идиот! Дурак неумелый! Неужели нельзя было сделать хоть одного толкового робота, который бы следовал указаниям? - обратился Арвелл к чиновнику.

- Именно этот вопрос в один прекрасный день задала моя жена, ответил чиновник, сочувственно улыбаясь. - Как раз тогда, когда

наш андроид...

- Грузить все это в корабль, сэр? - спросил робот.

- Пока нет, - ответил чиновник.

- Всем посторонним покинуть корабль! Последнее предупреждение! прогремели громкоговорители.

Чиновник снова уставился в бумаги Арвелла.

- Так вот. Все дело в месте назначения. Вы действительно желаете отправиться на один из астероидов, сэр?

- Именно так, - ответил Арвелл. - Я намерен обосноваться на одном из астероидов. Как раз об этом и говорится в моих документах. Соблаговолите подписать их и пропустить меня на корабль.

- Но ведь на астероидах никто не живет. Там нет поселений.

- Я знаю.

- На астероидах, по сути, нет ни единого человека.

- Верно.

- Вы будете совершенно один.

- Я хочу быть один, - с жаром произнес Арвелл.

Чиновник недоверчиво глянул на него.

- Примите во внимание связанный с этим риск. В наше время никто никогда не остается один.

- Я останусь. Как только вы подпишете мои бумаги, - взмолился Арвелл. Взглянув на корабль, он увидел, что все иллюминаторы уже закрыты и задраены. - Пожалуйста!

Чиновник заколебался. Документы, несомненно, были в полном порядке. Но оставаться одному - совершенно одному было опасно. Это было равносильно самоубийству.

Однако, и этого нельзя было отрицать, нарушения законов здесь не было никакого.

Не успел он нацарапать свою подпись, как Арвелл закричал:

- Носильщик! Носильщик! Грузите все это в корабль! Поторапливайтесь! И осторожней с андроидом!

Робот-носильщик поднял ящик так резко, что Арвелл услыхал, как стукнулась о боковину голова андроида. Он вздрогнул, но сейчас было не время выговаривать роботу - закрывалась последняя дверь.

- Подождите! - закричал Арвелл и бегом пустился по бетонной площадке. Робот-носильщик громыхал вслед за ним. - Подождите! -

снова закричал он, поскольку корабельный андроид продолжал методично закрывать дверь, не обращая внимания на распоряжения Арвелла, не подкрепленные корабель ным начальством. Пришлось вмешаться одному из людей, членов экипажа корабля, и процесс закрытия двери приостановился. Арвелл с разбегу влетел внутрь корабля, за ним вдогонку через дверной проем пролетел багаж, и дверь закрылась.

- Ложитесь! - закричал кто-то из экипажа - человек. - Пристегнитесь. Выпейте вот это. Мы отправляемся.

Как только корабль задрожал и начал подниматься, Арвелл ощутил ни с чем не сравнимое хмельное чувство огромного удовлетворения. Он все-таки добился своего, победил, и скоро, очень скоро, будет один.

Однако треволнения Арвелла не закончились даже в космосе. Ибо капитан корабля, высокий седеющий мужчина, наотрез отказался высадить его на астероиде.

- У меня это никак не укладывается в голове. Вы хотя бы ведаете, что творите? Я прошу вас пересмотреть свое решение.

Они сидели в мягких креслах в уютной каюте капитана. Арвелл чувствовал себя невыносимо уставшим. Его раздражало самодовольное, ничем не примечательное лицо шкипера. На какое-то мгновение он даже задумался о том, а не придушить ли этого человека. Однако, в этом случае, ему уже ни за что не видать столь желанного уединения. Каким-то образом он должен убедить и этого последнего угрюмого идиота, стоящего у него на пути.

За спиной капитана бесшумно возник робот-стюард.

- Не угодно ли выпить, сэр? - раздался резкий металлический голос робота. От неожиданности капитан едва не подпрыгнул.

- Неужели обязательно нужно шнырять у меня за спиной? - возмутился капитан, обращаясь к роботу.

- Простите, сэр, - ответил робот. - Не угодно ли выпить, сэр?

Оба человека взяли бокалы.

- Почему, - задумчиво произнес капитан, - эти машины нельзя надлежащим образом вышколить?

- Я и сам не раз задумывался над этим, - сказал Арвелл.

- Вот, этот робот, - продолжал капитан, - в высшей степени, квалифицированный слуга. И, тем не менее, у него выработалась

нелепая привычка шнырять у людей за спиной.

- А для моего андроида, - заметил Арвелл, - присуща очень неприятная дрожь левой руки. Нарушение координации, отставание по фазе одних движений от других. Так, во всяком случае, объяснили мне эту особенность механики. Один даже обещал попытаться устранить.

Капитан пожал плечами.

- Может быть, новые модели лишены... - он безнадежно махнул рукой. И поднес бокал к губам.

Арвелл отпил немного из своего бокала и решил, что атмосфера взаимопонимания в конце концов установилась. Он доказал капитану, что вовсе не сумасшедший. Напротив, его воззрения вполне обычны. Теперь самое время воспользоваться преимуществами сложившейся ситуации.

- Надеюсь, сэр, - сказал он, - астероид не доставит вам особых хлопот.

Капитан поморщился от досады.

- Мистер Арвелл, вы упрашиваете меня совершить, по сути, антиобщественный поступок. Для меня, как для человеческого существа, сам факт вашей высадки на астероиде будет чем-то вроде проявления собственной несостоятельности. В нашу эпоху никто не бывает одиноким. Мы держимся все вместе, жмемся друг к другу. Многолюдье обеспечивает нам ощущение покоя и безопасности. Мы поддерживаем друг друга.

- Совершенно, верно. Но необходимо также допускать и возможность индивидуальных различий. Я - один из тех немногих, которые искренне хотят уединения. Из-за этого я могу казаться чудаком. Но, разумеется, к моим желаниям следует относиться с уважением.

- Гмм, - капитан серьезно взглянул на Арвелла. - Вам просто кажется, что вы хотите уединения. А приходилось ли вам испытывать его хоть раз по-настоящему?

- Нет, - признался Арвелл.

- О, тогда вы и понятия не имеете об опасностях, присущих этому состоянию. Разве не лучше было бы, мистер Арвелл, в полной мере пользоваться преимуществами нашей эпохи?

Капитан стал разглагольствовать о Великом Мире, который длится уже более двухсот лет, и о психологической стабильности, благодаря которой он существовал. Слегка раскрасневшись, он горячо защищал взаимовыгодный симбиоз между человеком, этим организовавшемся в общество животным, и его творениями, безупречно функционирующими машинами. Он напомнил о величайшей задаче человечества - организации функционирования своих созданий с наибольшей эффективностью.

- Все это верно, - согласился Арвелл, - но не для меня.

- А вы пытались подступиться к этому? - хитро улыбаясь, спросил капитан. - Вы испытывали глубокое волнующее чувство взаимного сотрудничества? Чувство удовлетворения, которое приносит руководство сельскохозяйственными андроидами, когда они возделывают пшеничные поля, управление андроидами, орудующими под водой? Какая важная, полезная задача! Даже наиболее простая задача - быть надсмотрщиком, ну, скажем, над 20 или 30 фабричными роботами, и то позволяет испытать при ее решении чувство глубокого удовлетворения. И этим чувством можно поделиться и в еще большей степени усилить его посредством контактов со своими

собратьями-людьми.

- Все это не доставляет лично мне ни малейшего удовлетворения, сказал Арвелл. - Все это не для меня. Я хочу провести остаток своих дней в одиночестве, читая книги и размышляя на своем крохотном астероиде.

Капитан устало потер веки.

- Мистер Арвелл, я не сомневаюсь в том, что вы в здравом уме, и поэтому являетесь хозяином своей судьбы. Я не могу остановить вас. Но все-таки подумайте! Одиночество опасно для современного человека. Невероятно опасно, хотя это не сразу заметно. По этой причине люди научились избегать его.

- Для меня оно не опасно, - произнес Арвелл.

- Остается только надеяться, - сказал капитан. - Я от души желаю вам успеха.

Наконец была пройдена орбита Марса и начался пояс астероидов. С помощью капитана Арвелл выбрал подходящих размеров каменную глыбу. Корабль выровнял свою скорость со скоростью астероида.

- Вы продолжаете настаивать на том, что четко представляете себе, что именно хотите сделать? - спросил капитан на прощание.

- Безусловно! - воскликнул Арвелл, едва сдерживая волнение от того, что столь желанное одиночество совсем уже рядом.

В течение нескольких следующих часов члены экипажа, облаченных в скафандры, переносили пожитки Арвелла с корабля на астероид и закрепляли их на поверхности. Они смонтировали генераторы воды и воздуха, и выложили запасы основных компонентов для производства пищи. В самом конце они надули прочный купол из пластика, внутри которого предстояло жить Арвеллу, и перешли к распаковке андроида.

- Поосторожней с ним, - предупредил Арвелл.

Неожиданно ящик выскользнул из неловких рук робота и начал медленно уплывать прочь.

- Зацепите за него трос! - крикнул капитан.

- Быстрее, - взвизгнул Арвелл, наблюдая за тем, как его бесценная машина уплывает в безвоздушное пространство.

Один из членов команды - человек - выстрелил гарпун с тросом и начал притягивать к себе колотившийся по корпусу корабля ящик.

Без дальнейших задержек он был прикреплен к астероиду. Теперь, наконец, Арвелл был полностью готов к вступлению во владение своей собственной крохотной планетой.

- Я хочу, чтобы вы еще разок серьезно задумались над этим, - мрачно сказал капитан. - Над опасностью одиночества.

- Все это предрассудки, - резко огрызнулся Арвелл, сгорая от нетерпения остаться одному. - Никакой такой опасности не существует.

- Я вернусь с дополнительным грузом провизии через шесть месяцев. Поверьте мне, опасность существует. Ведь совсем не случайно современный человек избегает...

- Мне можно идти? - оборвал капитана Арвелл.

- Пожалуйста. Желаю удачи.

Одетый в скафандр. С гермошлемом на голове, Арвелл оттолкнулся от корабля в направлении своего крохотного островка в космосе и уже с него наблюдал за отлетом. Когда корабль стал светящейся точкой не больше обычной звезды, он принялся за обустройство. Прежде всего, разумеется, андроид. Он надеялся, что несмотря на грубое обращение, андроид не получил каких-либо повреждений. Арвелл быстро вскрыл ящик и активировал механизм. Стрелка прибора на лбу андроида показывала, что накопление энергии идет нормально. Вполне нормально.

Арвелл осмотрелся. Астероид представлял собой вытянутую черную скалу. На нем находились все припасы Арвелла, андроид, пища и книги. Со всех сторон был беспредельный космос, холодный свет звезд, тусклое солнце и абсолютно черная ночь.

Он слегка вздрогнул и отвернулся.

Андроид теперь был активирован полностью. Впереди было немало работы. Но Арвелл, как очарованный, еще раз взглянул на окружавшее его космическое пространство.

Корабль, эта едва различимая звездочка, скрылся из вида. Впервые Арвелл испытывал то, о чем раньше имел только смутное представление. Он испытывал уединение. Уединение полное и абсолютное. Из глубины ночи, которой теперь никогда не будет конца, на него безжалостно глядели алмазные точки звезд. Вокруг не было ни единого человека - для него лично человеческая раса перестала существовать. Он был один.

От этого можно было сойти с ума.

Арвелл был в восторге.

- Наконец-то я один! - крикнул он звездам.

- О, да, - произнес андроид, резко вскакивая на ноги и бросаясь к нему. - Наконец-то мы одни!

Носитель инфекции

Эдвард Экс проснулся, зевнул и потянулся. Он покосился на солнечный свет, льющийся через открытую восточную стену его однокомнатной квартиры, и подозвал свою одежду.

Она не подчинилась! Экс прогнал сон и повторил приказ. Но дверь шкафа оставалась закрытой, а одежда не двигалась. Основательно встревоженный, Экс вскочил с кровати. Он вновь начал формулировать ментальную команду, но остановил себя. Нельзя паниковать. Если одежда не подчиняется, значит в этом виновато его полусонное состояние.

Экс неторопливо повернулся и пошел к восточной стене. Он откатил ее ночью и сейчас остановился, глядя на город, у той грани, где обрывается пол.

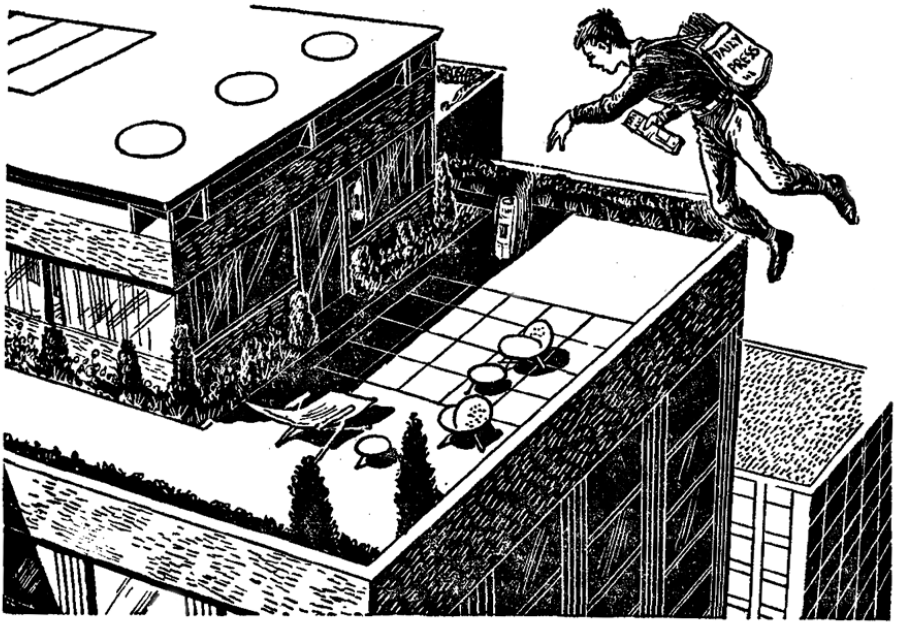
Было рано. Молочники уже доставляли молоко на террасы. Мужчина в вечернем наряде пролетел мимо, как раненая птица. Пьян, заключил Экс по неуверенной левитации. Мужчина накренился, увернулся от молочника и, недооценив высоту, упал с двух футов. Чудом он сохранил равновесие, потряс головой и продолжил свой путь пешком.

Экс ухмыльнулся, наблюдая за его вихлянием по улице. Там для него будет безопаснее. Никто не пользуется улицами, кроме Нормалов или психов, которые захотели по какой-нибудь причине прогуляться. Но левитировать в таком состоянии… Либо его зажмет телепортационный парашют, либо он свернет себе шею между домами.

За окном пролетел разносчик газет. Из кармана на его бедре высовывались защитные очки. Паренек выровнял дыхание и взлетел к особняку, выстроенному на крыше двадцатиэтажного небоскреба.

Особняк, думал Экс, вот это жизнь! Он жил на четвертом этаже настолько старого здания, что здесь была даже лестница с лифтом. Вот когда он закончит Университет Микровски… когда получит степень…

Но сейчас не время было мечтать. Мистер Сплен не любил опозданий, а работа в его магазине позволяла продолжать учебу.



Экс открыл стенной шкаф и оделся. Потом совершенно спокойно приказал постели убраться. Одеяло наполовину приподнялось и упало назад на кровать. Экс сердито повторил приказ. Простыни лениво разгладились, одеяла медленно поползли на место. Подушка двигаться не желала.

После пятого приказа подушка легла в изголовье кровати. Уборка постели заняла пять минут. Обычно на это требовались секунды.

Ужасная мысль потрясла Экса, его колени ослабли, он был не в состоянии управлять простейшей телепортацией! Это болезнь.

Но почему? Как она началась? Он не испытывал никаких необъяснимых напряжений, не ломал голову над безнадежными проблемами. Он только начал жить в свои двадцать шесть! Занятия в университете шли успешно. Его главный показатель был в первой десятке, а показатель восприимчивости — у высшего уровня Спящего. Почему это должно было случиться с ним? Почему именно его угораздило подхватить последнюю оставшуюся на земле болезнь?

— Будь я проклят, если плохо себя чувствую, — сказал Экс громко и вытер с лица пот.

Он быстро скомандовал стене закрыться, и она сделала это! Мысленной командой он открыл кран, левитировал стакан, наполнил его и донес до себя, не уронив ни капли.

— Временная блокада, — сказал он сам себе, — флюктуация. Возможно, я просто перезанимался. Больше общения, вот что мне надо.

Он послал стакан назад, любуясь его скольжением по воздуху и игрой солнечных бликов на гранях.

— Я так же хорош, как и вчера, — сказал Экс.

Стакан упал и разбился.

— Просто временное потрясение, — придумал он новое оправдание. Конечно, следует обратиться в службу пси-Здоровья для проверки. Если твои пси-возможности повреждены — не медли. Иди проверяйся.

Но агенты службы пси-Здоровья нервные ребята. Если он попадется им на глаза, ему гарантировано несколько лет лечения в одиночке. И все — ради безопасности.

Это будет концом. Экстраверт в высшей степени, Экс понимал, что никогда не сможет выдержать одиночного заключения. Оно полностью разрушит его пси-возможности.

— Тупицы! — Выругавшись, Экс подошел к отодвигающейся стене, посмотрел вниз, напрягся и выпрыгнул. В какое-то ужасное мгновение ему показалось, что утрачены даже основы искусства левитации. И лишь взяв себя в руки, он полетел к магазину мистера Сплена. Летел Экс покачиваясь, как раненая птица.

Штаб-квартира пси-Здоровья располагалась на восемьсот третьем этаже гудящего от активности здания. Посыльные влетали и вылетали в огромные окна, проносились через комнату, чтобы бросить свои отчеты на стол приема. Другие отчеты телепатировались, записываемые конторскими девицами с телепатической чувствительностью третьего класса. Образцы телепортировались через окна. Худенькая пси-девушка четвертого класса собирала отпечатанные бумаги и левитировала их через комнату регистрирующим клеркам.

Трое посыльных, смеясь, влетели в окно. Перелетая через

комнату, один из них зацепил кипу отчетов.

— Почему вы так неосторожны? — сердито спросила девушка четвертого класса. Ее бумаги упали на пол и пришлось левитировать их назад.

— Извини, сладкая моя, — сказал посыльный, опуская отчет на стол. Он подмигнул ей, сделав петлю под потолком, и вылетел в окно.

— Нервы, — промурлыкала девушка, глядя ему вслед. Оставленные без ее внимания бумаги начали опять расползаться.

Конечный продукт всей этой деятельности возвышался на черном столе старшего офицера Здоровья Пола Мэрина.

— Что-то не так, шеф?

Мэрин поднял взгляд на своего ассистента Джо Леферта и кивнул. Молча он вручил ему пять регистрационных карточек. Это были сообщения о болезнях.

— Джун Мартинелли, официантка. «Серебряная корова», 4543, Бродвей. Наблюдения: нарушение пси-моторных функций. Диагноз: сильная потеря самоуверенности. Заразна. Карантин на неопределенное время.

Остальные донесения были о том же.

— Довольно мало, — сказал Леферт.

Еще одна стопка карточек упала на черный стол. Мэрин их бесстрастно просмотрел.

— Еще шесть, — он повернулся к большой карте Нью-Йорка и булавками отметил новые точки.

Леферту не было необходимости говорить. Даже не направленная, его мысль была достаточно сильна, чтобы ее уловил Мэрин: **«ЭПИДЕМИЯ!»**

— Держи это при себе, — сказал низким голосом Мэрин. Он прошел назад к столу, размышляя, что означают одиннадцать случаев в один день, если обычная норма — один случай в неделю.

— Собери мне все сведения об этих людях, — сказал Мэрин Леферту, вручая регистрационные карточки, — нужен список, с кем они были в контакте за последние две недели. И без шума.

Леферт поспешил уйти.

Мэрин чуть-чуть подождал и послал телепатический вызов Крэндолу, главе проекта Спящего. Обычно такого рода послания

проходили через группу телепатически чувствительных девушек. Но Мэрин обладал пси-возможностями невероятной силы. У него также была хорошая согласованность с Крэндолом после многих лет совместной работы.

— Что такое? — спросил Крэндол. Сопроводительный идентифицирующий образ имел все, даже не поддающиеся описанию особенности человека.

Мэрин быстро обрисовал ситуацию.

— Я хочу, чтобы ты разобрался: случайный это разброс или мы имеем дело с носителем инфекции, — кончил он.

— За это с тебя причитается ужин, — телепатировал Крэндол. На самой периферии ощущений чувствовалось, что он сидит на молу, и рыбачит, — ужин в «Орлах».

— Хорошо. У меня все данные. 5.30 подходит?

— Мой мальчик! Давай, пожалуйста в 6.30. Человеку моих... э-э... размеров не пристало левитировать слишком быстро, — завершающий образ представлял из себя чрезвычайно туго набитую колбасу.

— Тогда до 6.30.

Они разорвали контакт. На мгновение Мэрин пожелал стать медиком из прошлого. Там бы у него был хороший жирный микроб для охоты.

Диагноз: **«РЕЗКАЯ ПОТЕРЯ САМОУВЕРЕННОСТИ».** Попробуй рассмотреть это под микроскопом.

Мэрина посетила мысль об официантке. Первый случай. Возможно, она ставила тарелки. Сомнения пустили корни в ее мозгу за несколько часов до этого, за несколько минут...

Расцвели... Тарелки упали. И Сейчас девушка серьезно больна последней болезнью человечества. **ПОТЕРЯ КООРДИНАЦИИ ДВИЖЕНИЙ.** Ей придется отправиться в одиночку, чтобы не заражать других. На какой срок? День, год, жизнь?

Между тем, некоторые из ее клиентов могли заразиться. И разнести болезнь своим женам...

Мэрин сел прямо и послал телепатический вызов жене. Ее ответные мысли пришли быстро и были наполнены теплотой.

— Хэлло, Пол!

Он сообщил ей, что будет работать допоздна.

— Хорошо, — сказала она, но во всех сопутствующих мыслях чувствовалось смущение. Ей очень хотелось узнать, в чем дело, но понимание, что муж не может ответить, не позволяло спросить.

— Ничего серьезного, — коротко ответил Мэрин на невысказанный вопрос и тут же пожалел. Ложь, неправда, полуправда, даже маленький обман с самыми лучшими намерениями телепатировались отвратительно. Тем не менее он не взял свои слова обратно.

В пять часов служащие отделов откладывают свои бумаги и устремляются к окнам, чтобы лететь домой в Уэстчестер, Лонг-Айленд и Нью-Джерси.

— Порядок, шеф, — сказал Леферт, подлетая к столу с толстым портфелем в руках, — больше никого?

— Я бы хотел, чтобы ты был наготове, — сказал Мэрин, взяв портфель, — добавь еще агентов.

— Хорошо. Что-то должно стрястись?

— Не знаю. Иди лучше ужинать.

Леферт кивнул. Его глаза заблестели, и Мэрин понял, что Леферт уже успел телепатировать своей жене в Гринвич, чтобы к ужину его не ждали.

Мэрин почувствовал себя очень одиноко. Только он и эта возможная эпидемия.

Точно в 6.20 Мэрин поднял портфель и полетел к «Орлам».

Ресторан «Орлы» висел на высоте двух тысяч футов над Нью-Йорком, опираясь на спины 200 мужчин. Мужчины были рабочими первого класса пси, прошедшими правительственную проверку. Приближаясь, Мэрин увидел их под фундаментом здания. Ресторан плавал, легко поддерживаемый необыкновенной пси-силой.

Мэрин спустился за столик для почетных гостей.

— Приветствую вас, мистер Мэрин, — сказал главный официант. — Вы должны посещать нас иногда и в других местах. Если будете в Майами, то помните, «Орлы» есть и там. Еда высшего качества.

И цены, разумеется, высшего качества, подумал Мэрин, заказывая мартини. Владелец «Орлов» был баловнем судьбы. Воздушные рестораны стали обычным явлением, но ресторан «Орлы», первый среди них, все еще оставался самым популярным. А его хозяин ухитрился не платить даже налог с собственности, так

как после закрытия ресторан улетал на свою базу в Пенсильвании.

Терраса начала приподниматься, когда прибыл запыхавшийся и вспотевший Крэндол.

— Боже мой, — выдохнул он, садясь, — почему больше нет самолетов? Всю дорогу дул встречный ветер. Виски со льдом. Официант поспешил за заказом.

— Что у тебя там так неожиданно появилось к выходному? спросил Крэндол. — Полеты на длинные дистанции — для сильных молодых обезьян. А я умственный работник. Как твоя жена?

— Так же, — сказал Мэрин. Его лицо представляло ничего не выражающую маску и сейчас улыбалось.

Он заказал обед и вручил Крэндолу портфель.

— Гм-мм, — Крэндол склонился над страницами. Его породистое лицо с резкими чертами приобретало все более рассеянное выражение по мере запоминания информации.

Пока Крэндол поглощал данные. Мэрин окинул взглядом террасу. Солнце уже почти зашло, и большая часть местности была в тени. Под ними мелькали в затемненных районах огни Нью-Йорка, а над ними поблескивали звезды.

Крэндол игнорировал свой суп, сосредоточившись на мелькающих страницах. Еще до того, как суп остыл, все уже было просмотрено.

— Так-так, о чем мы будем говорить? — лучший среди всех пси-вычислителей, Крэндол, как никто другой, подходил на место главы проекта Спящего. Подобно другим вычислителям, он выполнял свою работу бессознательно, переставая обращать внимание на данные, когда память их усваивала. Бессознательно информация поглощалась, проверялась, сравнивалась, синтезировалась. За несколько минут или часов получался ответ. Но огромный талант Крэндола сопровождался недостатками. Он не мог выдержать, к примеру, тест на левитацию, предназначенный для разносчиков газет. А о телепортационных и телекинетических способностях вообще не было речи.

— Есть что-нибудь новое в Спящем? — спросил Мэрин.

— Все еще спит. Кое-кто из наших ребят сварганил технику подсознательной инфильтрации. Через пару дней будут пробовать.

— Думаешь, сработает?

Крэндол засмеялся.

— Я предсказал вероятность один к одному. Высока, если сравнивать с предыдущими попытками.

Крэндолу подали речную форель, свежую, телепортированную чуть ли не из горного ручья. За ней последовало мясо для Мэрина.

— Ты думаешь, что-нибудь подействует? — спросил Мэрин.

— Нет, — лицо Крэндола было серьезным. — Я не верю, что Спящий когда-нибудь проснется.

Мэрин нахмурился. Проект Спящего был самым важным и наименее удачным. Он начался около тридцати лет тому назад. Пси стало нормой, но все еще было непредсказуемо. Оно прошло долгий двухсотлетний путь от экспериментов Раина по экстрасенсорному восприятию, но идти надо было намного дальше.

Микровски приобрел множество талантов с точки зрения пси. Оцениваемый как чрезвычайно чувствительный, с пси-возможностями на уровне гения, он был самым выдающимся человеком своего времени.

С людьми, подобными Крэндолу, Маерсу, Блэйсенку и другим, Микровски возглавлял телекинетические проекты, исследовал теорию мгновенного переноса в телепортации и проверял наличие новых, еще не открытых пси-возможностей.

В свободное время он работал над собственными любимыми идеями и основал Школу Парапсихологических исследований, названную позднее Университетом Микровски.

То, что действительно случилось с Микровски, обсуждалось годами. Однажды Крэндол и Блэйсенк обнаружили его лежащим на диване с пульсом слабым настолько, насколько его вообще можно было обнаружить. Вернуть его к жизни не удалось.

Микровски всегда верил, что разум — самостоятельная, отличающаяся от тела сущность. Некоторые считали, что он открыл для разума технику проективного отделения.

Но этот разум не мог быть возвращен.

Кое-кто утверждал, что разум Микровски сломался из-за перенапряжения, погрузив хозяина в состояние кататонии. В любом случае периодические попытки разбудить его оказались безуспешными. Крэндол, Маерс и еще несколько человек поддерживали проект и получали для него все, в чем только

возникала нужда. Огромная ценность гения Микровски была общепризнана.

Там, где лежало тело Спящего, выросло надгробие, ставшее часовней для туристов.

— Есть у вас идеи, что он мог искать? — спросил Мэрин.

— Не думаю, что он сам знал это, — ответил Крэндол, принимаясь за шерри, — чертовски странный человек, самый странный в мире. Не любил говорить о деле до тех пор, пока не мог швырнуть его тебе в лицо законченным. Ни у кого из нас не было причины подозревать, что такое могло случиться. Мы были уверены, что звезды и бессмертие ждут нас уже за углом, — он покачал головой. — Ах, молодость, молодость.

За кофе Крэндел поднял глаза, поджал губы и нахмурился. Произошел синтез усвоенных им данных. Сознательная часть его разума получила ответ тем способом, который раньше называли интуицией до тех пор, пока пси-исследования не связали это темное явление с подсознательным мышлением.

— Знаешь, Мэрин, определенно в твоих руках разрастающаяся эпидемия. Это не случайный разброс.

Мэрин почувствовал, как в его груди все сжимается. Он телепатировал короткий вопрос:

— Есть разносчик инфекции?

— Есть, — Крэндол мысленно отметил имя в своем списке. Его подсознание произвело корреляцию частотных факторов, табулировало вероятность и выдало: — Его зовут Эдвард Экс. Он студент, живет на 4-й авеню, 141.

Мэрин немедленно телепатировал Леферту приказ взять Экса.

— Оставь, — вмешался Крэндол, — я не верю, что он дома. Вот вероятный расчет его перемещений.

— Все равно, сначала проверь дом, — сказал Леферту Мэрин, — если его там нет, проверь следующую вероятность. Я встречусь с тобой внизу в городе, если вы его выследите. Он разорвал контакт и повернулся к Крэндолу. — Насколько я могу рассчитывать на твое сотрудничество? — это был в какой-то степени даже не вопрос.

— Разумеется, — уклончива ответил Крэндол, — здоровье в первую очередь. А Спящий и не собирается пошевеливаться. Я сомневаюсь, что так уж трудно окажется взять Экса. Сейчас он

должен быть полным калекой.

На посадке Экс потерял равновесие и тяжело упал на колени. Он поднялся, отряхнулся и пошел пешком. Неряшливая левитация, сказал он себе. Значит, ЭТО продолжается.

Разрушающиеся улицы трущоб Нью-Йорка были заполнены Нормалами, людьми, никогда не владевшими даже основам пси-энергетики. Всю эту массу народа никогда не видели в более респектабельных районах города. Экс смешался с толпой, чувствуя себя здесь в большей безопасности.

Внезапно он обнаружил, что голоден. Зайдя в закусочную, он уселся у пустого прилавка и заказал гамбургер. У повара уже был один готовый. Телепортировав гамбургер на тарелку, повар, не глядя, сделал еще петлю в воздухе и легко опустил перед Эксом. Тот мысленно проклял повара и захотел взять кетчуп. Он надеялся, что бутылка заскользит к нему по прилавку, но она не сдвинулась. Пришлось протянуть руку. Делая такие ошибки, надо следить за каждым своим шагом. Экс начал постигать, что значит быть калекой. Покончив с едой, он вытянул руку ладонью вверх, ожидая, что на нее опустятся деньги из кармана. Но они, конечно, не опустились. Экс медленно выругался. Он так часто делал это... Казалось невозможным утратить одновременно все свои способности.

Но он уже знал, что утратил их. Так решила бессознательная часть его разума, и никакая внушенная самоуверенность помочь не могла.

Повар смотрел на него с удивлением. Эксу пришлось полезть в карман, найти деньги и заплатить. Он попытался улыбнуться и поспешил уйти.

Чудной парень, решил повар. Он уже перестал думать об этом, но далеко в глубине его разума продолжалась оценка увиденного. Невозможность командовать бутылкой... Невозможность командовать монетами...

Экс вышел на переполненную грязную улицу. Ноги начали болеть. В жизни он не ходил так много. Вокруг перемещались Нормалы и пси. Нормалы ходили так, как они ходили всю жизнь. Пси, непривычные к длительным пешим прогулкам, выглядели неуклюже. С облегчением они взмывали в свою привычную стихию

— воздух. Люди приземлялись и взлетали, воздух был заполнен телепортируемыми объектами.

Оглянувшись назад. Экс увидел хорошо одетого мужчину. Тот спустился на землю, остановил одного из гуляющих пси, поговорил с ним и пошел.

Агент Здоровья! Экс догадался, что его выследили. Он повернул за угол и побежал. Освещенность улицы уменьшалась по мере движения. С трудом переставляя гудящие ноги. Экс попытался левитировать, но не смог даже оторваться от земли.

В панике он попытался телепатировать друзьям. Бесполезно. Телепатические возможности исчезли.

Шок накрыл его, как океанская волна. Экс наткнулся на фонарный столб и повис на нем. Пришло полное понимание.

В мире, где люди летали, он был привязан к земле.

В мире телепатических контактов он мог общаться лишь неуклюжими словами на расстоянии слышимости.

В мире, где не было нужды в искусственном свете, он мог видеть лишь тогда, когда это позволяли его глаза.

Калека. Слепой, глухой и немой.

Он шел вперед по сужающимся улицам, по грязноватым сырым аллеям. У него было лишь одно преимущество. Неполноценный мозг не транслировал сильную идентификационную волну. Это затрудняло поиски.

Экс решил, что ему необходимо убежище. Какое-нибудь место, где он никого не сможет заразить, а офицеры Здоровья не смогут его найти. Возможно, ему удастся снять жилье у Нормалов. Он мог бы остаться там и разобраться, что с ним не так, подлечиться. К тому же он не может быть один. Нормалы — это лучше, чем отсутствие людей вообще.

Экс дошел до конца аллеи, где улицы переплетались. Автоматически он включил свои чувства локации, пытаясь узнать, что впереди.

Бесполезно. Они были парализованы, так же мертвы, как и все остальное. Но правый поворот казался безопасным. Он направился туда.

— Не надо!

Экс закружился, напуганный произнесенными словами. Из

подъезда к нему выбежала девушка.

— Они ждут меня? — спросил Экс. Его сердце колотилось.

— Офицеры Здоровья. Они знают, что ты повернешь направо. Что-то насчет твоего правостороннего тропизма, я в этом не разбираюсь. Выбери улицу слева.

Экс посмотрел на девушку вблизи. Сначала он думал, что ей около 15, но потом увеличил до 20. Маленькая, стройная, с большими темными глазами на худеньком лице.

— Почему ты мне помогаешь?

— Мне поручил мой дядя, — ответила девушка, — спеши!

Времени для дальнейшей аргументации не хватало. Экс побежал по аллее, следуя за девушкой и беспокоясь, что не успеет за ней.

Девушка была из Нормалов, если судить по ее уверенным широким шагам. Но как она могла перехватить разговор офицеров Здоровья? Почти наверняка он телепатирован узким лучом. Возможно, ее дядя?

Аллея кончилась двором. Экс вбежал и остановился. С вершины зданий летели вниз люди. Кольцо окружения сжималось.

Офицеры Здоровья!

Экс огляделся, но девушка мчалась назад по аллее. Он был блокирован. Экс прислонился спиной к зданию, удивляясь, как можно так сглупить! Именно так они обычно берут людей. Спокойно, чтобы никого не заразить.

Эта проклятая девушка! Он напряг свои больные ноги, чтобы побежать...

Как и предсказывал Крэндол, подумал Шеф Здоровья.

— Держите его руки и ноги! — Находясь в пятидесяти футах над землей Пол Мэрин наблюдал за операцией.

Он смотрел без жалости. Агенты действовали осторожно. Зачем использовать против жертвы силу своих умов? А кроме того, он же калека.

Они уже почти взяли его, когда...

Экс начал постепенно исчезать. Мэрин спустился поближе, не веря своим глазам. Экс растворялся в стене, становился ее частью, таял.

Потом его не стало.

— Ищите дверь! — телепатировал Мэрин. — И проверьте тротуар!

Пока агенты производили осмотр, Мэрин размышлял над

увиденным. Поиски двери — оправдание для его агентов. Хорошо, если они думают, что человек исчез через спрятанную дверь. На пользу их уверенности в себе, их здравомыслию, не пойдет, если они поверят в то, что случилось на самом деле.

Калека Экс растворился в стене.

Мэрин приказал обыскать здание. Но там не было ни следа ни Экса, ни волн его мозга. Он исчез, будто его никогда не было.

Но как, спросил себя Мэрин. Кто-то помог ему?

Кто мог помочь заразному?

Первое, что увидел Экс, когда пришел в сознание, была потрескавшаяся оштукатуренная стена, находившаяся прямо перед ним. Он смотрел на нее долгое время, наблюдая пылинки, плавающие в воздухе над кроватью, покрытой изорванным коричневым одеялом.

Кровать! Он сел и огляделся. Это была маленькая розовая комната. По потолку бежали длинные трещины. Единственным предметом мебели, не считая кровати, был простой деревянный стул, стоящий у полуоткрытой двери.

Но как он сюда попал? Экс помнил события прошлой ночи. Да, скорее всего это была прошлая ночь, подумал он. Белая стена, офицеры Здоровья... Наверное, его спасли. Но как?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил его от дверей девичий голос. Экс обернулся и узнал бледное выразительное лицо. Это была девушка, предупредившая его прошлой ночью.

— Я чувствую себя хорошо. Но как я здесь очутился?

— Мой дядюшка принес тебя, — ответила девушка, входя в комнату. — Ты, должно быть, голоден?

— Не особенно.

— Тебе надо поесть. Мой дядя говорил, что дематериализация — значительная нагрузка на нервную систему. Именно так он спас тебя от пси, ты ведь знаешь. — Она помолчала. — Я могу принести тебе очень хороший бульон.

— Он дематериализовал меня?

— Он может делать разные вещи наподобие этого, — сказала девушка безмятежно, — такая власть пришла к нему после смерти, — она открыла окно, — так принести тебе бульон?

Экс посмотрел на нее недовольным взглядом. Ситуация

становилась все более ирреальной именно тогда, когда он нуждался в самом полном понимании действительности... Эта девушка, кажется, считает совершенно нормальным иметь дядю со способностями и энергией для дематериализации, хотя пси-наука никогда ничего не знала об этом.

— Принести бульон? — опять спросила девушка.

— Нет, — ответил Экс. Он заинтересовался, что может означать повторяющийся акцент на еде. Внешность девушки ни о чем ему не говорила. Она была достаточно симпатична даже в дешевеньком, ни на что не претендующем платье. У нее были необычные черные глаза и необычно холодное выражение лица. А если точнее — отсутствие выражения.

На некоторое время Экс придержал свои опасения и спросил:

— Твой дядя — пси?

— Нет, мой дядя не обладает пси-энергией. Его сила духовная.

— Ясно, — сказал Экс и подумал, что это и есть ответ. В течении всей истории люди предпочитали верить, что их природный пси-талант был результатом вмешательства демона. Странная энергия была даром дьявола, пока пси не отрегулировали и не объяснили. Но даже в эти дни находились наивные Нормалы, люди, предпочитающие верить, что, случайные вспышки колоссальной силы — порождение духа. Очевидно, дядя попадал в эту категорию.

— Давно ли твой дядя может делать подобные вещи? спросил Экс.

— Только около пяти лет. С тех пор, как он умер.

— Совершенно верно, — сказал голос. Экс быстро огляделся. Голос как будто шел из-за спины. — Не ищи. Единственное, что есть от меня в этой комнате — голос. Я дух Кариного дяди Джона.

Экс испытал на короткое мгновение приступ паники, но потом понял трюк. Это был, конечно, телепатированный голос, умело сфокусированный, чтобы создать эффект речи. Телепатированный голос может означать только одну вещь: это пси, выдающий себя за духа.

— Мистер Экс, — сказал голос, умело симулируя произнесенные слова, — своим вмешательством я спас вас. Вы пси-калека, заразный. Арест и изоляция означают для вас катастрофу. Правда ли это?

— Вполне. — Своими притупившимися чувствами Экс пытался

прозондировать источник голоса. Имитация была абсолютной. Никакой признак не указывал на то, что источник — телепатия человека.

— Возможно, вы чувствуете ко мне определенную благодарность? — спросил голос.

Экс посмотрел на девушку. Ее лицо оставалось лишенным выражения.

— Конечно, — ответил он.

— Я знаю ваше желание, — сказал дядя Джон, — вы желаете получить убежище на достаточное время, чтобы восстановить свою энергию. И вы его получите, Эдвард Экс. У вас будет убежище.

— Я вам очень благодарен, — ум Экса быстро работал, пытаясь обдумать дальнейший план действий. Притвориться, что он верит в этого духа? Наверняка телепатирующий пси знает, что человек, обученный в университете, не может принять на веру что-либо подобное. С другой стороны, он может иметь дело с невротиком, разыгрывающим духа по каким-то своим причинам. Экс решил подыграть. Чужие претензии его не касаются. Его дело — убежище.

— Я уверен, что вы не откажете мне в одной маленькой любезности, — сказал голос.

— Что вы хотите? — Экс немедленно насторожился.

— Я чувствую ваши мысли. Вы думаете, что можете оказаться втянутым в опасное дело. Уверяю, это не так. Хотя я и не всесилен, я обладаю определенной мощью, не известной ни вам, ни пси-науке вообще. Примиритесь с этим фактом. Ваше спасение — лучшее тому доказательство. И примите к сведению, что все это крепко связано с вашими собственными интересами.

— Когда я должен буду выполнить поручение? — спросил Экс.

— Когда придет время. А сейчас до свидания, Эдвард Экс, — голос исчез.

Экс сел на стул. А что, если дядя — мутант пси? Следующий уровень эволюции. Что тогда?

Кари вышла и вернулась с супом.

— Кто был твой дядя? — спросил Экс девушку. — Что за человек?

— О, он был очень хороший человек, — сказала девушка, осторожно разливая суп, — сапожник. Он взял меня после смерти моего отца.

— Показывал ли он какие-нибудь признаки энергии пси? Или другой необычной энергии?

— Нет, он вел спокойный образ жизни. Это началось, только когда он умер.

Экс с жалостью посмотрел на девушку. Ее участь была самой печальной. Пси, без сомнения, прочел ее разум и обнаружил, что дядя умер. А теперь использует ее как пешку. Жестокая игра.

— Пожалуйста, ешь суп, — сказала девушка. Экс автоматически принялся за еду, глядя ей в лицо. Потом его рука опустилась.

— И ты ешь, — сказал он. Первые признаки румянца появились на щеках девушки. Словно извиняясь, она принялась за суп, даже немного расплескав его от рвения.

Парусная шлюпка резко накренилась, и Мэрину пришлось на фут опустить главный парус, чтобы добиться равновесия. Жена, сидящая на носу шлюпки, качнулась к нему, наслаждаясь этим ныряющим движением.

Внизу можно было видеть гряду грозных туч, шторм в процессе созидания.

— Давай устроим пикник на тех облаках, вон там, — Майра указала на участок перистых облаков, ярко отражающих солнечные лучи над грозовыми тучами. Мэрин изменил курс. Жена легла на носу, вытянув ноги к мачте.

Едва заметив это, Мэрин принял на себя полный вес лодки. Все легкое снаряжение весило двести фунтов вместе с парусами. Суммарный вес его и Майры добавил еще двести шестьдесят фунтов, а тестированные возможности Мэрина левитировать превышали две тонны.

Почти всю работу делал ветер. Управляющие лодкой должны были лишь прилагать достаточное усилие, чтобы удерживать ее в воздухе. Воздух нес их, как белое перышко.

Мэрин не мог выбросить из головы разносчика инфекции. Куда мог исчезнуть Экс? Дематериализовался? Невозможно! Но это было.

Экс в стене. Прошел и... — никакого отверстия.

— Прекрати думать, — сказала Майра, — твой доктор велел тебе не думать сегодня ни о чем, кроме меня.

Мэрин знал, что у него не было ни утечки мыслей, ни каких-либо изменений в выражении лица. Просто Майра очень чувствительна к

его настроению. Ему не надо было делать какую-нибудь веселую гримасу, чтобы показать, что он счастлив, или плакать, чтобы продемонстрировать грусть.

Мэрин остановил легкую лодку среди облаков и, сориентировавшись по ветру, спустил парус. Они устроили пикник на носу. Мэрин осуществлял большую часть левитации, хотя Майра тоже пыталась… деликатно.

Так она пыталась уже семь лет после частичного заражения от носителя инфекции. Хотя пси-возможности никогда не покидали ее полностью, они были судорожными.

Еще одна причина для охоты на Экса.

Сэндвичи Майры были очень похожи на нее саму: маленькие и красивые. И вкусные, подумал Мэрин, телепатируя мысль.

— Зверь, — громко сказала Майра вслух.

Солнце изливало на них тепло своих лучей. Мэрин ощущал удивительную негу. Они вдвоем были распростерты на палубе. Поддержку Мэрин осуществлял чисто рефлекторно. Он отдыхал, как ему не приходилось отдыхать много недель.

— МЭРИН!

Мэрин насторожился, пробужденный от своего полусна телепатированным голосом.

— Пойми, мне ужасно жаль, парень, — это был Крэндол, надоедающий и извиняющийся. — Я ненавижу портить тебе отдых, но у него есть след. Чертовски занятный след. Очевидно, наш носитель инфекции не нравится кому-то еще. Мне сообщили, где он будет в четыре часа.

— Я иду, — сказал Мэрин, — мы не можем позволить себе пропустить хоть что-то, — он разорвал контакт и обернулся к своей жене.

— Пожалуйста, извини меня, дорогая.

Она улыбнулась. В ее глазах ясно читалось понимание. Майра не попала в узкий луч послания Крэндола, но сумела разобраться что к чему.

— Ты сможешь опустить все это? — спросил Мэрин.

— Конечно. Счастливой охоты.

Мэрин поцеловал ее и выпрыгнул из лодки. Несколько секунд он следил, удастся ли ей удержать лодку под контролем. Потом

телепатировал в службу проката:

— Моя жена все вам вернет, присматривайте за ней.

Мэрин резко бросился вниз. Он был настолько занят расчетами темпов разрастания болезни, что едва успел вовремя увидеть кинжал.

Клинок пронесся мимо, потом развернулся в двадцати футах и опять атаковал. Мэрин попытался догнать его мысленно, но телекинетически управляемый клинок вырвался. Все же он чуть-чуть отклонил его, зацепив, и наконец взял в руки. Тут же Мэрин попытался проследить владельца, но тот исчез без следа.

Но не совсем. Мэрину удалось ухватить самый кончик идентификационной волны нападавшего, хуже всего поддающийся контролю. Он задумался над ней, пытаясь воссоздать образ. И он его получил.

Экс!

Экс! Калека! Слепой Экс, заразный, исчезнувший в стене. Он же, очевидно, смог трусливо направить кинжал.

Или кто-то сделал это вместо него.

Угрюмо, с возрастающей уверенностью, что дело усложняется, Мэрин левитировал в Отдел пси-Здоровья.

Эдвард Экс лежал в затемненной комнате на изорванном коричневом одеяле. Его глаза были прикрыты, тело пассивно. Мускулы ног дрожали. Он старался расслабить их.

— Расслабление — один из ключей к пси-энергии. Полное расслабление возвращает уверенность в себе: страхи исчезают, напряжение испаряется. Расслабление — насущная необходимость для пси, — произнося этот внутренний монолог, Экс глубоко дышал.

Не думать о болезни. Болезни нет, есть только отдых и расслабление.

Мышцы на ногах стали вялыми. Экс сконцентрировался на своем сердце, приказав ему работать спокойно. Послал приказ легким дышать глубоко и медленно.

Дядя Джон? Он не слышал о нем уже почти два дня. Он не должен о нем думать, хотя бы сейчас. Необъяснимый феномен дяди Джона разрешится со временем.

А что с бледной, голодной, привлекательной девушкой? И о ней не думать.

Мысли обо всем неулаженном выталкивались прочь по мере того, как дыхание углублялось.

Следующее — глаза. Расслабить мышцы глаз тяжело. После — образы танцевали на сетчатке. Солнечный свет. Темнота, здание, исчезновение.

Нет. Не думать.

— Мои глаза так тяжелы, — говорил он себе, — мои глаза сделаны из свинца. Желание спуститься, спуститься...

И глазные мышцы расслабились. Мысли казались холодными, но под самой поверхностью было безумное столпотворение образов и впечатлений.

Калека, затемненная улица. Призрак, которого нет.

Голодная племянница. В чем ее голод? Суматоха впечатлении и чувств, вспышки красного и пурпурного цвета, воспоминание о занятиях в Университете Микровски, телеборьба в Палладиуме, свидание у Кантона.

— Расслабление — первый шаг к восстановлению, — Экс вызвал голубизну. Все мысли провалились в огромную голубую пропасть.

Медленно он достигал желаемого холода в мозгу. В него начала просачиваться глубочайшая умиротворенность. Медленно, утешающе...

— ЭДВАРД ЭКС...

— Да? — Экс открыл глаза, расслабление оказалось поверхностным. Он осмотрелся и обнаружил, что это был дядин голос.

— Возьмите это, — в комнату резко влетела маленькая сфера и остановилась перед Эксом. Казалось, что она сделана из блестящего твердого пластика.

— Что это? — спросил Экс.

— Вы положите эту сферу внутри нужного мне здания, сказал ему голос дяди Джона, игнорируя вопрос, — оставьте ее за дверью, на столе, в пепельнице, где угодно. Потом возвращайтесь прямо сюда.

— Что сделает эта сфера? — спросил Экс.

— Не ваша забота, сфера вершина психического треугольника сил, сущность которого вы не поймете. Достаточно сказать, что она никому не принесет вреда, а мне окажет огромную помощь.

— Кажется, в городе ищут меня, — сказал Экс, — и возьмут, как только я вернусь в центр.

— Вы забыли о моей помощи. Экс. Вы будете в безопасности, если не свернете с маршрута, который я вам намечу.

Экс колебался. Он хотел знать больше о дяде и его игре. А самое главное, почему он маскируется под духа?

Или он и есть дух?

Если так, то что дух хочет сделать с Землей? Классические сказки о демонах, ищущих временной власти, до смешного переполнены сырым антропоморфизмом.

— Вы оставите меня одного после возвращения?

— Я вам дал слово. Удовлетворите мое желание и будете иметь убежище, в котором нуждаетесь. Сейчас идите. Нарисованный маршрут у Кари. Она за дверью.

Голос исчез. Даже своими притупленными чувствами Экс мог ощутить исчезновение контакта.

Он пошел к дверям со сферой в руке. Кари ждала.

— Здесь инструкции, — сказала она.

Экс пристально посмотрел на девушку. Утраченные психоспособности... Многое бы он отдал, чтобы узнать, что скрывает это спокойное симпатичное лицо. Пси никогда не утруждали себя чтением лиц. Аура, окружающая каждого индивидуума, была лучшим индикатором.

Если иметь нормальную пси-чувствительность для ее прочтения.

Солнечный свет ослепил Экса после двух дней полутьмы в маленькой комнате. Он замигал и автоматически оглянулся. Никого не было видно.

Они молча шли, следуя инструкциям дяди Джона. Экс бросал взгляды направо и налево, уверенный в своей уязвимости перед ищейками.

Инструкция предлагала извилистый и бессмысленный путь, дважды проходящий по одним и тем же улицам, но обходящий другие. У западного Бродвея пришлось выйти из трущоб на территорию пси.

— Твой дядя говорил тебе когда-нибудь, что он хочет сделать, — спросил Экс.

— Нет, — ответила Кари.

Они опять шли молча. Экс пытался смотреть в небо, где в любой момент ожидал увидеть пси-офицеров, падающих как ангелы-мстители.

— Бывает, я боюсь дяди Джона, — отважилась Кари некоторое время спустя. — Иногда он такой странный.

Экс растерянно кивнул. Он подумал о положении девушки. Действительно, ей было хуже, чем ему. Он знал об игре. Она же использовалась для какой-то неизвестной цели и, возможно, была в опасности.

— Слушай, — сказал Экс, — если что-нибудь случится, знаешь ли ты бар Энглера на углу Пистай и Бликера?

— Нет, но я могу найти его.

— Встретишь меня там, если что-нибудь не так.

— Хорошо, спасибо.

Экс криво улыбнулся. Какой идиотизм с его стороны опекать эту девушку, когда он не может помочь себе!

Они прошли еще несколько кварталов. Потом девушка нервно посмотрела на Экса.

— Есть еще одна вещь, которую я не могу объяснить, сказала она. — Ну... Я иногда вижу события, которые только еще должны произойти. Картины чего-то. Я никогда не знаю, когда точно, но через некоторое время это случается.

— Интересно, — сказал Экс, — возможно, ты обладаешь задатками ясновидения и должна пойти в Университет Микровски. Они всегда искали таких людей.

— До сих пор все, что я видела, происходило.

— Прекрасный результат, — Экс заинтересовался, к чему ведет девушка. Она ждет похвалы? Нельзя же быть настолько наивной, чтобы верить в свою уникальность как единственного человека в мире со скрытым ясновидением!

— Мой дядя тоже до сих пор был прав во всем, что он говорил.

— Очень похвально, — кисло сказал Экс.

У него не было времени для семейного панегирика. Они достигли сороковой улицы, и в воздухе было темно от пси. Пешком шло очень мало людей, очень мало.

Оставалось пройти три квартала.

— Что мне интересно, — не успокаивалась девушка, — так это когда я вижу, что события пойдут одним путем, а мой дядя предсказывает другое. Кто из нас будет прав?

— Что ты имеешь в виду?

— Мой дядя говорит, что ты будешь в безопасности, и я не понимаю.

— Что? — Экс остановился.

— Я думаю, они попытаются захватить тебя сейчас, сказала девушка.

Экс посмотрел на нее и оцепенел. Не было нужды в пси-энергии, чтобы почувствовать себя в капкане.

Люди из службы Здоровья уже не были такими нежными. Телепатическая сила сбила его с ног, болезненно нагнула голову, схватила руки и ноги.

Психически. Ни одна рука не коснулась его.

Экс дико боролся в слепой ярости. Арест, казалось, избавил его от последних признаков неустойчивости. Он отчаянно пытался разорвать телекинетические путы.

И он почти сделал это. К нему пришла мощь. Он освободил руки, ухитрился подняться в воздух и в неистовстве устремился в высоту.

Но тут же шлепнулся на тротуар.

Опять попытался, приложив сверхчеловеческое усилие...

И потерял сознание.

Последняя мысль мелькнула в мозгу Экса — его надул дядя... Он точно убьет его, если представится удобный случай. А потом была чернота.

Встречу в Здоровье Мира созвали сразу же. Мэрин в штаб-квартире в Нью-Йорке открыл специальный канал. Руководители в Рио, Лондоне, Париже, Кантоне собрались на чрезвычайное заседание.

Плотно сжатая Мэрином информация была распространена по миру меньше чем за минуту. И сразу стали поступать вопросы.

— Я хотел бы узнать, — спросил пси-Шеф Здоровья из Барселоны, — как Экс дважды убежал от вас. — Мысль сопровождалась его неизменной идентификационной структурой. Лицо Шефа из Барселоны было еле различимо: длинный, грустный, усатый. Конечно, не его истинное лицо. Идентификационная структура

всегда идеализировала своего хозяина по его желанию. В действительности барселонец был низкий, толстый и чисто выбритый.

— Второй побег — среди бела дня, не так ли? — спросил берлинский шеф. Члены руководства увидели его идеализированное лицо, широкое и энергичное.

— Действительно. Я не могу этого объяснить. — Мэрин сидел за своим черным столом в пси-Здоровье.

— Вот полная последовательность событий, телепатирование продемонстрировало сцену за сценой.

После атаки летящего кинжала Мэрин сосредоточил своих людей вокруг точки, где, по словам информатора Крэндола, должен был появиться Экс.

— Этот информатор. Кто...

— Позднее. Дайте закончить.

Пятьдесят агентов перекрыли весь район. Экс появился вовремя в указанном месте. Поначалу его удерживали с незначительными трудностями, во время борьбы он продемонстрировал легкое нарастание латентных сил, потом не выдержал...

И вдруг энергетический потенциал Экса увеличился прыжком, подобным взрыву. Экс пропал.

С разрешения Мэрина его воспоминания об этом моменте были извлечены и исследованы более скрупулезно. Картина оставалась неясной. В одно мгновение Экс был, в следующее его не стало.

Показ образов был замедлен до одного в половину секунды. На такой скорости удалось заметить ореол энергии вокруг Экса перед тем, как он исчез. Уровень ее был настолько высок, что источник практически невозможно было определить. Никакого разумного объяснения этому не было. Впечатления отдельных агентов, как и предсказал Мэрин, были просмотрены без какого-либо результата.

— Не потрудится ли нью-йоркский Шеф Здоровья предложить свои объяснения?

— С тех пор как Экс стал калекой, — заявил Мэрин, — я все время предполагал, что ему кто-то помогает.

— Есть другая возможность, — сказал Шеф из Варшавы. Его идеализированный образ появился вместе с мыслями: худой, с белыми волосами, веселый. — Экс наткнулся на какую-то еще не

открытую форму пси-энергии.

— Это выходит из сферы возможного, — телепатировал барселонец с грустными глазами.

— Не совсем. Подумайте о появлении первых пси. Они были поначалу дикими талантами. Почему следующая мутация не может стать очередной стадией дикого таланта?

— Это ужасное предзнаменование, — сказал Шеф из Лондона, — но если это так, то почему Экс не использует свою силу для своей выпады?

— Возможно, он не уверен в ней, возможно, он имеет присущую только ему систему защиты, которая предохраняет его от опасности в стрессовые моменты. Я, не знаю, — сказал Мэрин, сомневаясь, — все это, конечно, только возможности. Все мы уверены, что существует еще много нетронутых тайн разума. Еще...

— Аргументом против твоей теории, — вмешался варшавянин, телепатируя прямо Мэрину, — является тот факт, что некто, помогающий Эксу, должен обладать сверхэнергией пси. Он должен иметь ее хотя бы для осуществления почти мгновенного исчезновения. Если он сделал это, то как он мог допустить такую случайность...

— Или кажущуюся случайность, — сказал лондонец, возможна проба сил. Подсовывая Мэрину Экса, такая группа могла предвидеть соотношения между своими возможностями и возможностями всех пси. Повторившаяся невозможность схватить Экса может быть многозначительной.

— Сомнительно, — осторожно сказал Мэрин. Он находил, что дискуссия интересна, но лишь в академическом плане. Казалось, что она не принесет никакой практической пользы.

— Как насчет информатора, сообщившего Крэндолу? — телепатировал барселонец. — Его спросили?

— Не сумели найти. Он блокировал идентифицирующую мысленную волну, а мы потеряли след.

— Что вы планируете делать?

— Во-первых, — сказал Мэрин, — предупредить вас. В этом основной смысл нашей встречи, ведь носитель может покинуть Нью-Йорк. Показатель болезни перешагнул минимальный эпидемический уровень. Можно предполагать и расширение, хотя я

и закрываю город, — он замолчал и вытер лоб. Во-вторых, я собираюсь лично выслеживать Экса, работая по новой системе вероятности поиска, предложенной Крэндолом. Бывает так, что один человек в состоянии сделать то, что не могут много.

Мэрин продолжал обсуждение еще полчаса и разорвал контакт. Он немного посидел, уныло сортируя бумаги. Потом, постаравшись отделаться от чувства безнадежности, отправился к Крэндолу.

Крэндол был в своем отделе в гробнице Спящего. Проворчав приветствие, когда Мэрин влетел, он пододвинул стул.

— Я хотел бы посмотреть на твою систему вероятностного поиска, — попросил Мэрин.

— Хорошо, — буркнул Крэндол. — Ничего особенного, просто список улиц и времени.

Для того, чтобы получить всю эту информацию, Крэндол произвел корреляцию огромного количества имеющихся в распоряжении данных. Места исчезновения Экса, его новых появлений, его психологический индекс, плюс суммарная корреляция потайных мест, подходящих калеке тем, что в них его невозможно обнаружить.

— Я думаю, у тебя довольно хорошие шансы найти его, усмехнулся ученый. — Но вот взять — это совсем другое дело.

— Знаю, — ответил Мэрин, — я уже обдумал свое решение. Он отвел взгляд от Крэндола. — Я должен буду убить Экса.

— Знаю.

— Что?

— Да, ты не можешь рисковать, оставляя его и дальше на свободе. Показатели распространения инфекции растут.

— Действительно. Полиция департамента Здоровья помещает в карантин всех больных. Дело касается общественной безопасности. Очевидно, Экс не может быть схвачен. Посмотрим, можно ли его убить.

— Хорошей охоты. Я уверен, что тебе повезет больше, чем мне.

— Что-то со Спящим?

— Последняя попытка, провалилась. Даже не пошевелился.

Мэрин нахмурился. Это были плохие новости. Именно сейчас-то им и пригодился бы больше всего интеллект Микровски. Он был именно тем человекам, который мог разобраться со всеми этими

случаями.

— Хочешь посмотреть на него? — спросил Крэндол.

Мэрин бросил взгляд на свой вероятностный список и увидел, что до первой встречи на улице остался еще почти час. Он кивнул и последовал за Крэндолом. По тусклому коридору они спустились к лифту, а потом прошли еще один коридор.

— Ты никогда не был здесь? — спросил Крэндол в конце коридора.

— Нет. Но я помогал рисовать план перестройки десять лет тому назад.

Крэндол отомкнул последнюю дверь.

Спящий лежал в ярко освещенной комнате. По трубкам, подходящим к его рукам, подавался питательный раствор, поддерживающий жизнь. Кровать, на которой находился Спящий, медленно массировала его вялые мышцы. Лицо Спящего было белым и ничего не выражающим, как и все последние тридцать лет. Лицо мертвеца. Еще живого.

— Хватит, не выдержал Мэрин, — я достаточно поражен.

Они поднялись наверх.

— Учти, эти улицы, что я тебе дал, находятся в трущобах, — сказал Крэндол, — следи за каждым своим шагом. В таких местах еще встречаются антисоциальные явления.

— Я сам чувствую себя довольно антисоциально, — ответил Мэрин.

Он левитировал к окраине трущоб и там спустился на улицу. Чувствительный тренированный разум был настроен на прием, сортируя поступающие во время ходьбы ощущения. Мэрин шел в поисках вялой, почти сгладившейся пульсации. Носитель инфекции! Паутина чувств Мэрина растянулась на кварталы, просеивая, ощущая, сортируя.

Если Экс жив и в сознании — он найдет его. И убьет.

— Ты дурак! Невежа! Слабоумный! — голос, лишенный тела, орал на Экса.

Сквозь туман, Экс понял, что он находится в трущобах, у Кари в комнате.

— Я дал тебе описание пути, — визжал дядя Джон, его голос отражался от стен, — ты сделал неправильный Поворот!

— Я его не делал, — Экс поднялся на ноги. Ему было любопытно, как долго он пролежал без сознания.

— Не спорь со мной! Сделал! И ты должен пойти снова.

— Минутку, — спокойно сказал Экс, — я не знаю, в чем ваша игра, но я следовал всем вашим письменным инструкциям. Я поворачивал на всех улицах там, где вы указали.

— Нет!

— Прекратите этот фарс! — крикнул Экс в ответ. — Кто вы, черт возьми!

— Выходи! — взревел дядя Джон. — Выходи, или я убью тебя!

— Не делайте глупостей, — сказал Экс, — скажите мне, что вам надо. Объясните, что вы предлагаете мне сделать. Объясните! Я не могу работать хорошо, не зная цели.

— Выходи, — зловеще сказал голос.

— Не могу, — ответил Экс в отчаянии, — почему бы вам не сбросить эту маску духа и не сказать мне, что вы хотите? Я — обыкновенный человек. Везде офицеры Здоровья. Они убьют меня. Сначала мне надо восстановить свои возможности. Но я не могу...

— Ты идешь? — спросил голос.

Экс не ответил.

Невидимые руки сдавили шею Экса. Он рванулся. Захват стал крепче. Какая-то сила била Экса об стенку. Он крутился, пытаясь избавиться от безжалостного избиения. Воздух стал живым от переполняющей его энергии, он давил, швырял, сплющивал...

Мэрин почувствовал возрастание выхода энергии. Он проследил его и зафиксировал. Затем левитировал к месту расположения, идентифицировать структуру.

Экс!

Мэрин проломил непрочную деревянную дверь и остановился. Он увидел скрюченное тело Экса.

В комнате обитала сила берсерка. Внезапно Мэрин обнаружил, что ему приходится отчаянно сражаться, пытаясь спасти собственную жизнь. Закрывшись, он нанес удар по телекинетической мощи, нараставшей вокруг.

Стул был поднят и брошен в Марина. Тот отклонил его, но получил удар сзади кувшином. Кровать попыталась прижать Мэрина к стене. Увернувшись, он получил стулом по спине. Лампа

врезалась в стену над головой, осыпая осколками.

Защищаясь, Мэрин определил источник пси-энергии. Он был в подвале здания.

Мэрин послал туда волну угрозы, стал метать стулья и столы. Атака внезапно прекратилась. Комната напоминала свалку ломанной мебели.

Мэрин оглянулся. Экс опять исчез. Поиски его идентификационной волны тоже были безуспешны.

Человек из подвала!?

И этот исчез. Но остался след!

Мэрин выскочил из окна, направляясь по следу. Тренированный для такой работы, он держал контакт с ослабленной приглушенной мыслью по мере того, как ее обладатель мчался в город. Погоня шла как по извилистому лабиринту зданий, так и на открытом пространстве.

Если бы только удалось схватить и задержать соучастника! Мэрин постоянно сокращал дистанцию между собой и человеком, помогавшим Эксу и атаковавшим Экса. Тот летел прочь из города, на Запад.

— Стакан пива, пожалуйста, — сказал Экс, стараясь нормализовать дыхание. Хорошая получилась пробежка. К счастью, бармен был Нормалом, притом довольно флегматичным. Он вяло повернулся к крану.

Экс увидел Кари в конце бара. Девушка прислонилась к стене. Слава богу, что запомнила! Он заплатил за пиво и направился к ней.

— Что случилось? — спросила Кари, глядя на его помятое лицо.

— Твой хороший дядя пытался убить меня, — скривился Экс, — потом вломился офицер Здоровья, и я оставил их драться.

Во время драки Экс выскользнул в дверь. Он рассчитывал, что низкая интенсивность мыслей скроет его. Покалеченный, он вряд ли в состоянии транслировать идентифицирующие волны. Иногда утрата телепатических способностей оказывалась ценным качеством.

— Не понимаю, — Кари грустно покачала головой, — ты можешь не поверить, но дядя Джон всегда был хорошим человеком. Это был самый безвредный человек, которого я знала. Не понимаю.

— Это просто, — сказал Экс, — попробуй понять. Он — не дядя

Джон. Какой-то пси очень высокого класса под него замаскировался.

— Но почему? — спросила девушка.

— Не знаю. Он спасает меня, потом пытается сделать так, чтобы меня схватили, потом пытается убить. Это бессмысленно.

— Что нам делать сейчас?

— Сейчас конец, — Экс допил пиво.

— Разве нет места, куда бы мы могли пойти, — спросила Кари, — места, где можно спрятаться?

— Я такого не знаю. И тебе лучше идти одной. Я слишком опасная личность, чтобы быть со мной рядом.

— А я не пойду, — заявила она.

— Почему? — захотел узнать Экс.

— Не пойду.

Даже без телепатии Экс мог понять, что имела в виду Кари. Он мысленно выругался. Идея, что девушка тоже каким-то образом отвечает за всю эту историю, ему не понравилась. Служба пси-Здоровья должна быть в отчаянии. За последнее время им доставалось не один раз. А это ожесточает.

— Уходи, — Экс был тверд.

— Нет!

— Ну что ж, пойдем. Мы должны уходить как можно скорее. Единственное, о чем я могу думать — это как выбраться из города. Именно с этого надо было начинать, а не играть с духами. Сейчас, без сомнения, слишком поздно. Офицеры Здоровья будут проверять каждого пешехода. Ты можешь использовать свое ясновидение? Тебе что-нибудь видно?

— Нет, — грустно ответила Кари, — в будущем пусто.

Экс видел то же самое.

Мэрин чувствовал, что обладает большей мощью, чем человек, которого он преследовал. Появились признаки, что тот слабеет и Мэрин поднажал.

Беглец теперь уже был виден, до него оставалось около мили. Приблизившись, Мэрин послал телекинетический удар, сбрасывая противника на землю.

Тот упрямо сопротивлялся. Мэрин догнал его, сбросил вниз и прижал к земле. Опустившись, он поискал его идентифицирующую волну.

И нашел.

Крэндол!!!

Мгновение Мэрин мог только таращить глаза.

— Ты взял Экса? — телепатировал Крэндол. Напряжение полностью истощило его. Толстяк боролся за каждый вздох.

— Нет. Ты был его помощником все это время? Правда?

В мыслях Крэндола читалось подтверждение.

— Как ты мог! — телепатировал Мэрин. — О чем ты думал! Ты же знаешь, что такое болезнь.

— Я объясню позднее, — Крэндол задыхался.

— Сейчас!

— Нет времени. Ты должен найти Экса.

— Знаю. Но почему ты помогал ему?

— Я не помогал, — ответил толстяк, — я не по-настоящему. Я пытался убить его. А ты должен его убить. — Он поднялся на ноги. — Экс куда большая опасность, чем ты думаешь. Поверь мне, Мэрин. Он должен быть убит.

— Почему ты спасал его?

— С целью вовлечь в еще большую опасность. Я не мог позволить себе захватить и изолировать Экса. Он должен быть убит.

— Не сейчас, — покачал головой Крэндол. — Это я послал в тебя кинжал, чтобы убедить в опасности Экса. Я вывел тебя в точку, где ты мог убить его.

— Кто он? Что он?

— Не сейчас! Расправься с ним!

— Еще, — добавил Мэрин, — ты не обладаешь такой большой телекинетической силой. Кто был с тобой?

— Девушка, — сказал Крэндол, поднимаясь на ноги, девушка, Кари. Я выдавал себя за духа ее дяди. За всем этим стоит она. Ты должен убить ее тоже, — он вытер пот, ручьями текущий по липу. — Извини, Пол, что я действовал подобным образом. В свое время ты услышишь эту историю полностью. Главное — поверь мне сейчас.

Крэндол затряс перед Мэрином кулаками.

— Ты должен убить этих двоих! До того, как они убьют все, что тебе дорого!

Телепатированный абзац показывал, что он не врет. Мэрин поднялся в воздух, связался с агентами и проинструктировал их.

— Убейте этих двоих. Возьмите Крэндола и держите его под прицелом.

Экс свернул вниз по улице, надеясь, что отсутствие плана собьет пси. Каждая тень пугала. Он ожидал телекинетического удара, который, наконец, повергнет его и уничтожит.

Почему дядя пытался убить его? Ответить невозможно. В чем его кажущаяся важность? Еще один вопрос без ответа. А девушка?

Экс наблюдал за ней уголком глаза. Кари шла молча. Ее лицо покрылось румянцем и оживилось. Она казалась почти веселой, возможно, свобода от дяди и была тому причиной. Какая еще могла быть причина?

То, что она с ним?

Воздух был заполнен обычным движением дня. Летели тонны руды под присмотром дюжины опытных рабочих. Проплывали грузы с юга: фрукты и овощи из Бразилии, мясо из Аргентины.

И пси-офицеры. Экс не особенно удивился. Город наблюдался слишком бдительно, чтобы убежать. Тем более калеке.

Пси-офицеры спускались, формируя плотную фронтальную цепь.

— Ну, хорошо, — сказал Экс, — черт с вами, я сдаюсь.

Он пришел к выводу, что сейчас тот случай, когда можно уступить неизбежному. Стоило подумать о девушке. Пси устали от игр. Если он попытается бежать, они могут сыграть слишком жестоко.

Поток энергии сбил его с ног.

— Я же сказал, что сдаюсь! — крикнул Экс. Сзади у него Кари тоже упала. Энергия смела их, завертела по двору. Ее поток усиливался, возрастал.

— Прекратите! — крикнул Экс. — Вы нас...

У него было время, бесконечно малая доля секунды, чтобы полностью разобраться в своем отношении к девушке. Он не мог допустить, чтобы с ней что-нибудь случилось. Экс не знал, как и почему, но это было Чувство.

Грустное и горькое ощущение любви.

Экс попытался подняться на ноги. Очередь ментальной энергии сбила, не дала устоять. К нему летели камешки и булыжники.

Экс осознал, что ему не позволят сдаться. Его намереваются

убить.

И Кари.

Он попробовал защититься, хотя и знал о своей слабости, попробовал укрыть Кари. Девушка согнулась: булыжник ударил ее в живот. Камни свистели вокруг.

Увидев, что Кари получила такой удар, Экс пришел в ярость. Он сумел подняться на ноги и пройти два шага вперед. Его опять сбили. Часть стены начала обрушиваться на них под действием пси-силы. Он попытался вытащить Кари. Слишком поздно. Стена падала...

И в этот момент Экс перескочил через пропасть. Его измученный перенапряжением разум совершил прыжок на новый энергетический уровень. Понимание мгновенно заполнило разум Экса.

Стена обрушилась, но Экса и Кари под ней не было.

— МЭРИН!

Шеф пси-Здоровья уныло поднял голову. Он был у себя, за своим столом. Это случилось опять.

— МЭРИН!

— Кто это?

— Экс.

Сейчас уже ничто не могло его удивить. Неважно, что Экс владеет узконаправленной телепатией.

— Что ты хочешь?

— Я хочу встретиться. Назови место.

— Где пожелаешь, — ответил Мэрин с холодным отчаянием. Любопытство переполнило его. — Как ты можешь телепатировать?

— Все пси могут телепатировать, — поддразнивая, ответил Экс.

— Так где же? — спросил Мэрин. Он попытался проследить послание. Но Экс настолько легко управлял узким лучом, что позволял проходить только посланию.

— Я хочу немного покоя, — сказал Экс, — так что я сейчас в гробнице Спящего. Не мог бы ты встретиться со мной здесь?

— Приду, — Мэрин разорвал контакт.

— Леферт, — сказал он.

— Да, Шеф, — ассистент вошел в комнату.

— Я хочу, чтобы ты руководил, пока я не вернусь. Если я вернусь.

— Как там Экс? — спросил Леферт.

— Не знаю. Я не знаю, какой энергией он обладает. Я не знаю, почему Крэндол хотел убить его, но я согласен с приговором.

— Нам можно бомбить гробницу?

— Нет ничего быстрее мысли, — ответил Мэрин, — Экс открыл какую-то форму нуль-транспортировки и сможет исчезнуть оттуда еще до того, как бомба упадет, — он помолчал. — Есть еще способ, но я больше не буду говорить об этом. Экс может прослушивать наш разговор.

— Невозможно! Это прямая направленная беседа. Он не мог...

— Он не мог, но убежал, — устало напомнил Мэрин. — Мы недооцениваем мистера Экса. Отныне считай его всемогущим.

— Хорошо, — сказал Леферт в сомнении.

— У тебя есть последние цифры показателя инфекционности, — спросил Мэрин подходя к окну.

— Они превосходят эпидемические. Болезнь перепрыгнула за пределы города.

— Это сейчас не проверить. Мы были сбиты с утеса и упали с той стороны. Нам повезет, если за год мир потеряет только тысячу пси. — Мэрин сжал кулаки. — За одно это, я мог бы, разрезать Экса на мелкие кусочки.

Первым, что увидел Мэрин, войдя в комнату Спящего, был сам Микровски, лежащий в саркофаге. За ним, стояли Экс, и девушка.

— Мне бы хотелось, чтобы ты встретился с Кари, улыбнулся Экс.

— А я хотел бы получить объяснение, — Мэрин игнорировал изумленную девушку.

— Конечно. Для начала ты хочешь узнать, кто я?

— Да.

— Я — следующая стадия пси. Парапси.

— Понимаю. И это пришло...

— Когда вы пытались убить Кари.

— Начни-ка лучше с чего-нибудь другого, — сказал Мэрин. Перед тем, как сделать последний шаг, он предполагал услышать объяснение. — Почему ты вытащил из Спящего питающие трубки?

— Потому что Микровски больше в них не нуждается, ответил Экс. Он повернулся к Спящему, и комната загудела от энергии.

— ХОРОШО СДЕЛАНО, ЭКС!

На мгновение Мэрин подумал, что это телепатировала девушка.

Потом он сообразил, что это был сам Микровски.

— Некоторое время он еще не может полностью быть в сознании, — сказал Экс, — позволь мне пока начать с самого начала. Как тебе известно, тридцать лет назад Микровски искал сверх-пси-мощь. Чтобы найти ее, он разделил разум и тело. Потом, уже обладая знанием, он был не в состоянии вернуться в тело. Для этого требовался переход на более высокий энергетический уровень, а без находящейся под командой нервной системы он не мог овладеть такой мощью. Не мог ему помочь, и никто из обычных пси. Для достижения нового уровня все нормальные каналы должны быть блокированы и перенаправлены, а вся нервная система должна находиться под ужасным перенапряжением. В основном, я — первый настоящий пси, овладевший этой мощью подобным методом.

— Так ты не мутант? — озадаченно спросил Мэрин.

— Мутация здесь ни при чем. Дай мне продолжить. Микровски не мог сам, без помощи, перескочить через пропасть. Для этого нужен был я.

— Не только. Также ты, — телепатировал Микровски Мэрину, — и девушка, и Крэндол. Я был с ними в телепатическом контакте. Вместе с Крэндолом, мы выбрали Экса для эксперимента. Сам Крэндол не годился из-за неподходящей нервной системы. Экса взяли за его темперамент и чувствительность. И, я должен добавить, за его эгоизм и мнительность. Все было предусмотрено, включая роль Кари.

Мэрин холодно слушал. Пусть объяснит. У него есть свой собственный ответ. Окончательный.

— Во-первых, перекрытие каналов. Пси-чувства Экса, были блокированы. Потом его ввели в стрессовую ситуацию: назревающий арест, изоляция. И то и другое неприемлемо для его натуры. Когда он оказался не в состоянии перескочить пропасть, Крэндол спас его с моей помощью. С Крэндолом, выдающим себя за дядю Кари, мы, угрожали жизни Экса, усиливая стресс.

— Так вот что имел в виду Крэндол, — пробормотал Мэрин.

— Да, Крэндол сказал тебе, что ты должен убить Экса. Это правда. Ты должен был попробовать. Он сказал, что девушка — ключ ко всему. И это тоже правда. Потому, что лишь когда под угрозой оказалась жизнь Экса и девушки, был достигнут, сильнейший из

стрессов, который мы могли создать. Экс перебрался через пропасть к более высокому потенциалу. За этим немедленно пришло понимание.

— И он вернул тебе твое тело, — добавил Мэрин.

— И он вернул мне мое тело, — согласился Микровски.

Мэрин знал, что он должен делать, и поблагодарил бога за предусмотрительность службы пси-Здоровья. Однако он на мгновение задержался.

— Итак, если я правильно понял, все это: заражение Экса, его чудесные спасения, все хитрости, что ты использовал, предназначались для того, чтобы создать силу достаточно большую, чтобы вернуть тебя в твое тело?

— Эта одна из частей, — ответил Микровски, — другая часть — создание в лице Экса другого парапси.

— Очень хорошо, — сказал Мэрин. — Вам будет интересно узнать, что пси-Здоровье всегда размышляло над одной возможностью: возвращение Спящего, но безумного Спящего. На такой случай эта комната подготовлена для атомного взрыва. Все четыре стены, пол, потолок закрыты мною. Атомный взрыв не мгновенный, — в его улыбке не было юмора, но я сомневаюсь, что парапси-переход быстрее. Скорость моих мыслительных способностей такая же, как у вас. Я собираюсь взорвать это место.

— Твои люди из службы пси-Здоровья подозрительны, сказал Микровски, — но почему, ради всего святого, ты хочешь сделать подобную вещь?

— Почему? Ты осознаешь, что натворил? Ты вернул себе тело. Но болезнь вышла из-под контроля. Пси-наука, на всех ее позициях, уничтожена! И все из-за твоего эгоизма, мысленно Мэрин достал ключ.

— Подожди! — вмешался Экс. — Очевидно, ты не понимаешь. Это все временное возмущение. Правда. Никто не останется пораженным. Больные люди могут быть тренированы.

— Тренированы? Для чего?

— Парапси, конечно. Полное перекрытие каналов необходимо, чтобы совершить следующий парапсихологический шаг. Болезнь — это исходная точка. Нынешний уровень пей неустойчив. Если бы я его не покинул, это сделал бы кто-нибудь другой в ближайшие

несколько лет.

— Дальше, когда появятся несколько людей, перебравшихся через пропасть, будет легче, — добавил Микровски. — Так же, как и начало пси. Остальное пойдет сравнительно легко, когда появятся первые достижения. Чем больше парапси — тем легче.

— Как я могу поверить? — тряхнул головой Мэрин.

— Как? Смотри!

Телепатия передает тонкие нюансы смысла, теряющиеся в разговорной речи. Состояние «правды» при телепатировании открывает, насколько человек, посылающий сигнал, верит этой «правде». Существует бесконечное число градаций «истины».

Как и Экс, Мэрин прочитал веру Микровски в парапси. На подсознательном уровне. Невообразимо правдивая «истина». Больше не надо было никаких аргументов.

Внезапно Кари улыбнулась. Ее постигла одна из вспышек предчувствия.

— Помоги мне подняться, — сказал Микровски Мэрину, — и позволь обрисовать в общих чертах мою программу тренировок.

Мэрин прошел, чтобы помочь ему.

Экс усмехнулся. Он прочитал предвидение Кари.

Жрун

Ложке не нравилось.

Ложке очень не нравилось, что в ней сидит Жрун. Но она ничего не могла поделать.

– Ну же, солнышко, еще одну ложечку, – говорила мама, склонившись над высоким детским стульчиком. От нее пахло приятным и теплым.

Мама не знала, что в ложке сидит Жрун. И папа не знал, хотя из-за него все и началось. Знал только Пушок, но ему было все равно.

– Солнышко, съешь. Это чудный сливовый пудинг. Ты же любишь сливовый пудинг. Ну же, малыш...

Малыш плотно сжал губы и решительно отвернулся. Да, он любит сливовый пудинг, но сейчас в ложке сидит Жрун. Жрун обидит его. Это малыш знал точно.

– Ладно, – сказала мама. – Все – значит все. – Она выпрямилась и вытерла малышу рот. Потом взяла тарелку со сливовым пудингом в одну руку и ложку в другую. Мама высокая и светлая, хотя не такая высокая, как папа. А папа не такой светлый, как мама. Вот почему малыш любит маму больше.

– Джим... ты не...

– Нет! – отрезал папа. Он сидел за рабочим столом над ворохом бумаг.

– Ты же не знаешь, что я хотела спросить, – тихо сказала мама. Она всегда говорила тихо, когда папа отвечал ей таким тоном.

Жрун услышал, ухмыльнулся и толкнул ложку.

– О черт! – Мама наклонилась, чтобы поднять ложку. – Пудинг испачкал ковер. Отмоется или нет?

– Не спрашивай меня, – пробормотал папа, склонившись над бумагами.

Во всем виноват папа. Если бы он не рассердился утром на маму, Жрун не явился бы. Но папа рассердился, и Жрун пришел. Он приходит всегда, когда кто-нибудь злится. Он так питается.

Жрун часто навещает людей этажом ниже, потому что они вечно орут друг на друга. Папа и мама посмеивались над людьми снизу. Но это не смешно! Только не тогда, когда там Жрун!

Мама унесла ложку на кухню, но ложка уже не была опасной. Жрун покинул ее и теперь медленно кружил по гостиной, высматривая, во что бы войти. Он пролетел вокруг люстры, заставив свет мигать. Малыш следил за ним широко раскрытыми глазами. Потом захныкал.

– О боже, – вздохнул папа, отрываясь от бумаг. – Неужели мне не дадут хоть немного покоя – даже воскресным утром?

– Может, он хочет еще молока? – спросила себя мама. Но Жрун уже вкусил папиного раздражения, и это сделало его сильнее. Он метнулся через комнату и запрыгнул внутрь папиной ручки.

Увидев это, малыш начал трясти стульчик и расплакался по-настоящему.

– Черт возьми! – крикнул папа и бросил ручку. – Ну вот, клякса! Я не могу сосредоточиться, когда так шумно!

Жрун заставил папу злиться на малыша, хотя на самом деле папе мешал работать именно Жрун. Жрун очень умный.

– Ему всего одиннадцать месяцев, – сказала мама. Жрун попробовал ее голос на вкус и остался доволен. – Мне очень жаль, что тебе не подходят его манеры.

Впервые мама сердилась все утро напролет. Она ничего не сказала, когда папа пожаловался на подгоревшие кексы, хотя в этом была не ее вина: это Жрун заставил духовку нагреваться чересчур быстро. Она не стала оправдываться, когда папа обвинил ее, что она прячет его сигареты, хотя это Жрун столкнул их за письменный стол. А когда у папы устали глаза, потому что Жрун мельтешил над газетой, мешая ему читать, и папа сделал маме замечание, что она не укладывается в семейный бюджет, мама опять ничего не ответила.

Но теперь она разозлилась.

Папа начал жалеть о своем поведении, но Жрун тут же сдул со стола все бумаги, притворившись сквозняком из окна.

– Все утро наперекосяк, – скривился папа.

– Он сейчас успокоится. – Мама взяла малыша, подняла вверх, вверх, вверх – и опустила на ковер гостиной.

Папа собрал с пола бумаги, вытер у ручки перо, достал сигарету. Прикурил, хоть Жрун и пробовал задуть спичку, и вернулся к работе. Но успокоиться папа уже не мог.

И Жрун знал об этом. Последний раз, когда Жрун входил в маму, она обожгла руку о плиту, и Жрун несколько часов ел ее боль. А сейчас он ест папино раздражение. Он был очень голоден, и ему хотелось еще больше.

Жрун запрыгнул в резиновую утку малыша, рассчитывая, что малыш не заметит. Но малыш заметил и быстро отполз прочь. Пушок сидел рядом на ковре, наблюдая за происходящим. Пушок не друг. Он тоже видит Жруна, но его это не волнует.

Жрун запрыгнул в игрушечную лошадку рядом с малышом, и малыш снова заплакал.

– О нет, – простонал папа и сжал кулаки.

– Просто у него сегодня плохой день, – сказала мама, не глядя на папу.

– Просто у него не бывает хороших дней, когда я рядом, – сказал папа именно то, что хотел услышать Жрун.

– Это не так…

– Черта с два не так! Успокой его наконец!

Малыш заплакал громче, потому что Жрун стоял теперь прямо перед ним и вращался. Мама взяла сына на руки и стала укачивать.

– Тише, тише, – ворковала она. – Тише, тише, малыш. Там ничего нет. Все хорошо.

Не хорошо, а ужасно! Потому что малыш не может остановиться, и папа злится как никогда. Не теряя времени, Жрун закружился над пепельницей, и папина сигарета упала на пол.

– Твоя сигарета! – вскрикнула мама, и папа быстро поднял ее. Но Жрун успел раздуть сигарету, и в ковре осталась дырочка.

– Разве нельзя следить за своей сигаретой? – ледяным голосом спросила мама.

– Не надо меня критиковать, – ледяным голосом ответил папа.

Малыш заревел в полный голос. Он понял, что́ именно замышляет Жрун.

– Ковер еще совсем новый, – сказала мама.

– Он у тебя когда-нибудь замолчит?! – внезапно с отчаянием воскликнул папа.

Мама положила голову малыша на плечо и принялась ходить по комнате, укачивая его. Но ребенок не успокаивался. Он не мог успокоиться, потому что Жрун поедал папин гнев и замышлял что-

то очень недоброе. Еще хуже, чем сделал тогда маме.

– Господи, я не могу здесь находиться! – вскричал папа. – Я не могу выносить этот крик, эти слезы и сопли!

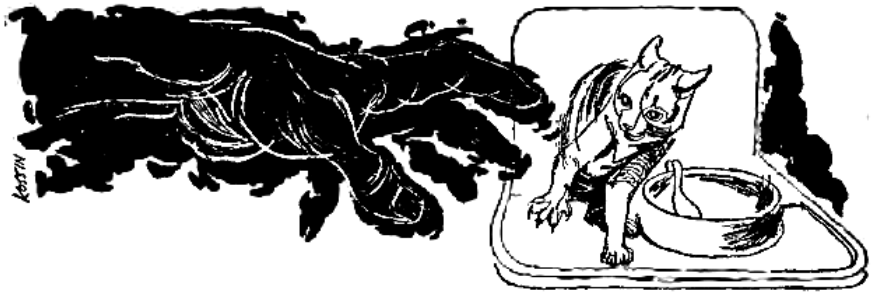
– Тогда почему бы тебе не уйти? – крикнула мама в ответ. Она, конечно, не подразумевала того, что сказала; папа, впрочем, тоже. Но они не слушали, что говорили.

А Пушок на ковре ничего не делал. Из-за маминого плеча малыш видел кота, даже когда плакал. Пушок просто лежал, краем глаза следил за Жруном и никак не реагировал. Это, вообще-то, было нечестно после всего, что папа для Пушка сделал.

– Пойду прогуляюсь и выпью! – объявил папа. Он бросил ручку на стол, надел куртку и распахнул дверь.

Мама медленно подошла с малышом на руках.

– И лучше не возвращайся, – очень тихо сказала она.



С радостным свистом Жрун пронесся по комнате, спикировал на кота – тот мявкнул и щелкнул челюстями – и вылетел в дверь. Пушок снова закрыл глаза, а Жрун пролетел мимо папы и опустился на третью ступеньку – ту самую, которую папа хотел починить, потому что она шаталась. Жрун свернулся на ступеньке, поджидая, когда папа наступит на нее.

Почему Пушок ничего не делает? Но Пушку было все равно. Жрун его больше не беспокоил. И не важно, что папа кормит кота каждый день.

Мама и папа не видели Жруна, свернувшегося на третьей ступеньке в ожидании, когда папа наступит на нее. Жрун толкнет папу и позаботится, чтобы тот не удержался. Потом прыгнет на него,

когда тот будет падать, и позаботится, чтобы папа ударился побольнее.

Малыш перестал плакать и уставился на третью ступеньку. Жрун в ответ уставился на него. А малыш не сводил глаз с Жруна, который хотел причинить папе боль.

– Он перестал плакать, – сказала мама.

Несмотря на гнев, папа взглянул на малыша. Папа любит его, пусть иногда казалось, что это не так. И сейчас он смотрит на своего сына.

– Интересно, что он увидел? – спросила мама.

– С детьми так бывает, – сказал папа виновато. – Иногда они просто смотрят в никуда.

– А иногда просто плачут без причины, – согласилась мама голосом, в котором звучал вопрос: «Ты правда извиняешься?»

– Наверное, иногда и плачут тоже, – согласился папа. В его голосе звучало: «Да, я был не прав». Он помолчал и добавил: – Прости меня, Грэйс.

– А детский плач действует тебе на нервы, – рассмеялась мама. – Заходи, накормлю обедом.

– Отлично, – улыбнулся папа, и это была очень хорошая улыбка. А вот Жруну она не понравилась. Теперь, когда папа перестал злиться, Жруну больше нечего было здесь делать. Он начал таять и исчез.

– После обеда починю ступеньку, – сказал папа. – А сейчас за стол.

Услышав это, Пушок подбежал к папе и потерся о штанину. Папа наклонился и погладил его.

Но ведь он же не помогал! Вообще!

При создании сборника, были использованы иллюстрации из зарубежных журналов - **«Astounding Science Fiction», «Fantastic SF», «Amazing Stories», «Galaxy Science Fiction», «Fantasy Fiction», «Thrilling Wonder Stories», «SF Magazine»**
Художников :

DICK FRANCIS,
KOSSIN,
EMSH,
CAVAT,
KRENKEL,
SCHECTERSON,
A.SUSSMAN,
RAY,
MEL HUNTER,
TURPIN,
SCATTERGOOD,
PAUL ORBAN,
THOMAS,
GAUGHAN,
W.E.TERRY,
VAN DONGEN,
LEO SUMMERS,
HUTCHINGS,
ENGLE,
GRANT CANFIELD,
BEECHAM,
HERMAN VESTAL,
HENRY C.PITZ,
VIRGIL FINLAY,
GRAYAM,
MORROW,
GOODMAN,
NED LANG

Идея, макет и работа с иллюстрациями by formally

Оглавление

Рейс молочного фургона 5
Призрак — 5 22
Лаксианский ключ 41
Беличье колесо 53
Мятеж шлюпки 80
Необходимая вещь 97
Билет на планету Транай 111
Час битвы 157
Где не ступала нога человека 165
Инструкция по эксплуатации 181
Хранитель 203
Мы одиноки 222
Мученик 238
Ордер на убийство 244
Поднимается ветер 278
Попробуй докажи 296
Последнее испытание 306
Раса воинов 327
Седьмая жертва 340
Стоимость жизни 358
Страж-птица 369
Ультиматум 397
Возвращение солдата 424
Вымогатель 439
Заповедная планета 463
Земля, воздух, огонь и вода 474

Академия 484
Второй рай 512
Толпа 528
Вечность 534
Терапия 547
Прощание с болью 569
Чем выше поднимешься… 577
Подарок для диктатора 596
Пушка, которая не бабахает 607
То, во что ты веришь 617
Битва 626
Статус — цивилизация 633
Хождение Джоэниса 782
Обмен разумов 885
Четыре стихии 994
И никаких суррогатов 1047
Конечная 1060
Лучше сдохнуть 1064
Наконец-то одни 1076
Носитель инфекции 1084
Жрун 1121